

Н.С. Трубецкой

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ
ПО ФИЛОЛОГИИ

**ЯЗЫКОВЕДЫ
МИРА**

Кн. Н. С. Шурдмурз

МОСКВА
"ПРОГРЕСС"
1981

Н.С.Трубецкой

**ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ
ПО ФИЛОЛОГИИ**

Составление В. А. Виноградова и В. П. Нерознака

Переводы с разных языков

Под общей редакцией Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванова,
В. П. Нерознака, Н. И. Толстого

Послесловие Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванова и Н. И. Толстого

МОСКВА
"ПРОГРЕСС"
1987

ББК 80
Т 77

Редакционная коллегия серии "Языковеды мира":

Г. В. Степанов (председатель), А. К. Авеличев, Т. В. Гамкрелидзе, В. А. Дыбо, А. А. Зализняк, Вяч. Вс. Иванов, В. П. Нерознак (отв. секретарь), М. А. Оборина, Н. А. Слюсарева, Ю. С. Степанов, Н. И. Толстой, В. Н. Ярцева

Редактор М. А. Оборина

Трубецкой Н. С.

Т 77 Избранные труды по филологии: Переводы/ Сост. В. А. Виноградова и В. П. Нерознака; Под общ. ред. Т. В. Гамкрелидзе и др.; Послел. Т. В. Гамкрелидзе и др.— М.: Прогресс, 1987. — 560 с. (Языковеды мира).

Сборник избранных трудов крупнейшего лингвиста XX века, активного участника Пражского лингвистического кружка и основателя ряда новых отраслей современной лингвистической науки (фонологии, морфонологии, исторической типологии) содержит важнейшие работы ученого в области общего, индоевропейского, славянского и кавказского языкознания, а также некоторые его труды, связанные со смежными областями знаний: поэтикой, фольклором и музыковедением.

Т $\frac{4602000000 - 507}{006 (01) - 87}$ 83-86

ББК 80

© Составление, перевод на русский язык, послесловие, комментарий — издательство "Прогресс", 1987

ОТ РЕДАКТОРОВ

Огромны заслуги Н. С. Трубецкого в формировании новых направлений и концепций языкознания XX века, в обогащении и углублении структурного подхода к языковым фактам и явлениям. В интенсивном и ускоренном развитии лингвистики Николай Сергеевич, как один из идеологов и основателей Пражской лингвистической школы, стал ведущим ученым послесосюрковского этапа лингвистической науки. И если сосюрковский "Курс общей лингвистики" многими языковедами воспринимался как резкий разрыв с предшествующей традицией, то деятельность Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона и других "пражцев", ведущая к бесспорному прогрессу лингвистической и филологической науки, ощущалась как сохранение связей с прошлым. Н. С. Трубецкой и близкие к нему "пражцы" искали *новые возможности* применения сравнительного метода, отвергая необходимость "воздвигать непреодолимые преграды между методом синхроническим и диахроническим, как это делала женевская школа", и выдвигая на первый план представление о языке как о функциональной системе.

Н. С. Трубецкой прожил недолгую и беспокойную жизнь. Он скончался в 1938 г. в возрасте 48 лет. Многие его замыслы остались незавершенными, но каждый фрагмент в отдельности — законченное целое. Творчество Н. С. Трубецкого — важный этап в истории русского, славянского и мирового языкознания.

Предлагаемый читателю том лингвистических и филологических трудов Николая Сергеевича Трубецкого содержит ряд его статей, посвященных вопросам общего, сравнительно-исторического, сопоставительного, историко-генетического славянского и кавказского языкознания, вопросам славянской поэтики и финно-угорского музыкального фольклора, а также монографию, посвященную разработке основ русской морфонологии — дисциплины, в полной мере созданной самим автором, который известен прежде всего как основатель фонологии, составляющей в наше время необходимую часть описания функциональной стороны звукового строя любого языка. В то же время, как и для Фердинанда де Соссюра, для Н. С. Трубецкого были близки проблемы

сравнительно-исторической индоевропейской грамматики, особенно сравнительной грамматики славянских языков и "праистории" славянских языков — праславянского языка. Неудовлетворенный атомарным подходом к исследуемым фактам — классической младограмматической школой, господствовавшей в самом начале XX в. в Западной Европе и в России, Н. С. Трубецкой поднимает сравнительно-исторические славистические исследования на новую ступень, связывая их в конечном итоге с фонологией и со структурным подходом к языковым явлениям. И если в славянской компаративистике новый подход дал импульс целому ряду оригинальных и новаторских исследований, то в компаративном кавказоведении Н. С. Трубецкой оказался пионером и зачинателем сравнительно-исторического изучения севернокавказских языков. Обращение к мордовскому материалу дало блестящие образцы применения конфронтативного (сопоставительного) метода в языкознании, получившего свое развитие лишь в послевоенный период, а выход за рамки индоевропейского языкового семейства очень рано привел Н. С. Трубецкого к мысли о существовании языковых союзов, и он обогатил современную лингвистику термином "языковой союз" и первыми наблюдениями, характеризующими это явление.

* * *

Фундаментальный труд Н. С. Трубецкого "Основы фонологии" был издан посмертно в 1939 г. (французский перев. — 1949 г., русский перев. — в 1960 г. в "Издательстве иностранной литературы"), посмертно были изданы или переизданы его лекционные курсы по старославянскому языку, по истории древнерусской литературы и по русской литературе XVIII в. и в 1975 г. — письма Н. С. Трубецкого к Р. О. Якобсону. В нашей научной печати с 1958 по 1983 гг. было опубликовано несколько статей Н. С. Трубецкого. Избранные произведения Н. С. Трубецкого издаются впервые.

Публикуемые научные труды Н. С. Трубецкого сопровождаются послесловием, подробными комментариями, в которых даются выдержки из писем Н. С. Трубецкого, списком филологических трудов автора, списком принятых библиографических сокращений, именным и предметным указателями.

Раздел I

ОБЩЕЕ, ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ И СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ПРИНЦИПЫ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ

(Предложения Пражского лингвистического кружка) *

Различие между транскрипцией фонологической и транскрипцией фонетической

1. Фонологическая транскрипция есть графическое воспроизведение фонологического состава данного языка в отвлечении от разнообразия звуков, реализующих этот состав в речи.

Фонетическая транскрипция есть графическое воспроизведение самых разнообразных средств, реализующих в речи фонологический состав языка. При этом даже самая точная фонетическая транскрипция всегда носит характер лишь вспомогательного инструмента, поскольку она не способна передать все богатство артикуляционных и акустических оттенков, свойственных живой речи, и вследствие этого она не может заменить фиксацию речи, осуществляемую инструментальной фонетикой.

Цели фонологической транскрипции

2. Фонологическая транскрипция является важным подспорьем при анализе фонологического строения языка, например при установлении статистики употребления фонологических единиц и их комбинаций в данном языке и при изучении функциональной нагрузки различных фонологических единиц. Фонологическую транскрипцию не следует смешивать с обычной орфографией; хотя во многих случаях последняя соотносится с фонологическими принципами, она всегда остается компромиссом разных принципов (морфологического, фонетического, этимологического, семантического и т.д.).

Обозначение фонем

3. Обозначение отдельной фонемы должно четко отличаться от обозначения группы фонем.

* „Principes de transcription phonologique “ (Propositions du Cercle Linguistique de Prague). – TCLP, 4, 1931, p. 323 – 326 [1].

Если в данной транскрипционной системе отсутствуют специальные знаки для некоторых фонем (например, для аффрикат или дифтонгов) и если они обыкновенно передаются группой из двух или более букв, символизирующих их конститутивные элементы, то группа знаков, соответствующая фонеме такого рода, должна связываться снизу дужкой, например чешское *ou*, немецкое *pf*.

4. Хорошо было бы обозначать, по мере возможности, дизъюнктивные фонемы различными буквами, а признаки корреляций — диакритическими значками, в частности, члены признакового коррелятивного ряда (*série corrélatve marquée*) помечать диакритическим значком, помещаемым вверху справа от буквы, тогда как члены беспризнакового коррелятивного ряда (*série corrélatve non-marquée*) [2] не снабжать диакритикой вообще. Например, мягкость согласных обозначается значком ' (*d'*, *s'*, *b'*), длительность как корреляционный признак — значком · (*a'*, *r'*, *s'*) [3].

Исключения из этого принципа допускаются лишь в следующих случаях: А. Когда обозначение определенных дизъюнктивных фонем диакритиками или определенных коррелятивных фонем специальными буквами является устоявшейся традицией, например: чешское *r*, звонкостная корреляция *b — p*, *d — t* и т.д. Б. Когда введение специальных букв для всех дизъюнктивных фонем повлекло бы за собой трудности технического порядка, например для значительного числа дизъюнктивных согласных фонем в некоторых кавказских языках. И, тем не менее, даже в этих особых случаях следовало бы систематически использовать одни диакритические значки для обозначения дизъюнкций, другие — для обозначения корреляций. Так, например, палатальный назальный согласный, образующий в польском языке корреляционную пару с дентальным *p*, будет обозначаться в фонологической транскрипции как *p'*, в то время как идентичный согласный в сербском, образующий с дентальным *p* лишь дизъюнкцию, будет обозначен иным образом (например, как *ñ*).

5. В тех случаях, когда коррелятивными единицами являются не отдельные фонемы, а целые слова, признак корреляции обозначается диакритическим значком, помещаемым перед словом, например: татарские *ana* 'мать' — *än'ä* 'вот' будут транскрибироваться как *ana — 'ana*; в южном японском: баритоническое *hanaga* 'нос' — окситоническое *'hanaga* 'цветок'.

6. В подробной фонологической транскрипции следует различать позиции, в которых могут выступать обе коррелятивные фонемы, и позиции, в которых допустима лишь одна из коррелятивных фонем. Если в этой последней позиции допустима только фонема из признакового (маркированного) коррелятивного ряда, внизу справа от знака архифонемы ставится диакритика, обозначающая соответствующий признак (например, *a_~*), а если в некоторой позиции допустима только фонема из беспризнакового (немаркированного) коррелятивного ряда, в том же месте при знаке архифонемы ставится диакритика, но уже обратная (*a_·*). Если одна из коррелятивных фонем выступает в позиции,

исключающей ее коррелят, и если она чередуется с той же архифонемой, когда выступает в позиции различения обеих коррелятивных фонем, знак этого чередования ставится вверху справа от знака архифонемы, например: а̇ = архифонема *a*, представляющая, в зависимости от внешних условий, в форме краткого *a* и чередующаяся в данной морфеме с долгим *a*, выступающим в позиции, которая допускает обе коррелятивные фонемы; а̇ — то же самое, с той лишь разницей, что в этом случае альтернативом служит краткое *a*. В тех случаях, когда указанное чередование отсутствует, при архифонеме не ставится никакого верхнего знака (а̇). П р и м е р: в словацком языке долгая фонема сокращается, если в предыдущем слоге присутствует долгая фонема; следовательно, будем транскрибировать: ruka, lu^kȧ, ruka^m, lu^kȧm, kr^deĭ. Если некоторая фонема выступает в позиции, исключаящей ее коррелят, и если в данной системе нет общего знака для архифонемы (ср. 4), последний заменяется знаком, обозначающим ту из двух коррелятивных фонем, которая встречается в этой же самой морфеме в позиции, допускающей оба коррелята. Если же такая позиция отсутствует, используется знак беспризнаковой (немаркированной) коррелятивной фонемы, взятый в скобки. П р и м е р. В чешском языке парные звонкие согласные переходят в глухие перед глухими согласными и в абсолютном конце слова, глухие согласные изменяются в звонкие перед парными звонкими согласными; таким образом, следует транскрибировать kat_t, kata, had_t, hada, od_dboj, odejdu, (t)^tkvi, (t)_dbej.

7. Фонемы и группы фонем, которые при всей их встречаемости в языке ощущаются как иноязычные элементы, берутся в кавычки, например, в чешском: «g»aloše, «au»to.

8. Желательно разделять все морфемы в слове вертикальными линиями. Деление на морфемы важно для изучения фонологической структуры морфем (морфонологии), тем более что фонологические свойства морфемного шва часто бывают отличными от внутриморфемных свойств. Ср. долгие согласные на морфемном шве в русском языке, не терпящем их в других позициях, например: kón/n/aj; v/vad'/í/t'.

9. Кроме транскрипции, передающей фонологию слова, следовало бы разработать принципы транскрипции, учитывающей фонологию фразы и отмечающей, например, фразовое ударение и интонации — в той мере, в какой они обладают фонологической значимостью.

10. Сравнительная фонология требует, чтобы графические знаки употреблялись в одном и том же смысле для транскрипции разных языков. Прежде всего неотложным делом является разработка фонологической транскрипции для целых групп языков на основе строго однородных принципов. Последующей задачей была бы попытка установить однородную фонологическую транскрипцию для всех языков мира — проблема, представляющая большие технические трудности ввиду разнообразия фонологического состава различных языковых систем с одной стороны, и ограниченного числа пригодных для использования знаков, — с другой.

[П р и м е ч а н и е] При разработке системы фонологической транскрипции целесообразно учитывать родственные группы фонологических противопоставлений (ср. нашу статью о фонологических системах в этом томе [4]). Для северокавказских языков, фонологические системы которых особенно сложны, мы попытались создать систему транскрипции, построенной на следующих основаниях: при гласных качественные противопоставления (тембр, полнзвучность) выражаются не диакритическими знаками, а специальными буквами, резонансные противопоставления — диакритическими знаками *под* соответствующими буквами гласных, просодические противопоставления — диакритическими знаками *над* буквами гласных; для согласных противопоставления по месту и способу образования передаются в принципе отдельными буквами, которые могут в случае необходимости дополняться диакритическими знаками *под* или *над* соответствующими буквами (например: $\check{s}$ для звука ш и $\check{t}$, $\check{p}$ для t, p с гортанным приступом и т.п.), консонантные тембровые противопоставления — диакритическими знаками *вверху справа* от букв согласных (например, g^o для лабиализованного g), консонантные противопоставления по интенсивности — диакритическими знаками *вверху слева* от буквы согласного (например, ^{s} — для тяжелого [5] фортисного s). Мы полагаем, что те же принципы применимы и к другим языкам, во всяком случае, — к языкам с сильно дифференцированным консонантизмом (Н. Трубецкой).

КАК СЛЕДУЕТ СОЗДАВАТЬ ФОНЕТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ ИСКУССТВЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО ЯЗЫКА?*

Создатели международных искусственных языков стремятся выработать по возможности наиболее простую грамматическую систему, чтобы облегчить изучение искусственного языка представителям различных народов. Однако звуковая сторона искусственного языка почти не принимается во внимание. Между тем трудная для восприятия и воспроизведения звуковая система чужого языка при его изучении представляет столь же большое затруднение, как и сложная грамматика. Понять иностранца, которому свойственно неправильное произношение, в иных случаях совершенно невозможно. Каждый, кто хоть раз разговаривал по-немецки, по-французски или по-английски с плохо владеющим этими языками китайцем, корейцем или японцем, мог легко в этом убедиться. Преподаватель языка, работающий в Китае или Японии, из собственного опыта знает, сколь невероятно трудно привить жителям этих стран сносное произношение хотя бы одного из этих европейских языков. В то же время для японца не представляет больших затруднений усвоение вполне корректного произношения китайского или бирманского языков. Следовательно, дело не в том, что японец, кореец или китаец не обладают языковыми способностями, а только в том, что звуковая система европейских языков для этих народов представляет почти непреодолимые трудности.

Искусственный язык, претендующий на международное употребление (*Geltung*), должен обладать такой звуковой системой, которая бы ни одному народу на свете не доставляла непреодолимых затруднений. При этом, однако, должны учитываться как интересы неевропейских культурных народов, так и интересы крупнейших наций. Именно для этих народов потребность в международном языке особенно настоятельна — гораздо ощутимее, чем для романских, германских и славянских народов, у которых каждый образованный человек без особых затруднений может договориться с представителями других европейских народов.

* „Wie soll das Lautsystem einer kunstlichen internationalen Hilfssprache beschaffen sein?“ — „Travaux du Cercle Linguistique de Prague“, 8 (Etudes phonologiques dédiées à la mémoire de M. le prince N. S. Trubetzkoy). Prague, 1939, p. 5 — 21.

Звуковая сторона перспективного искусственного международного языка должна создаваться таким образом, чтобы не только европейцы, но и китайцы, малайцы или суданцы могли выучить его, не испытывая никаких трудностей. Прежние искусственные языки не учитывали этого требования, что было их существенным недостатком.

Трудности овладения звуковой стороной состоят не столько в усвоении корректного произношения чуждых звуков, сколько в концентрации внимания на определенных звуковых различиях, значимых для соответствующего языка, но несущественных для нашего родного языка. Для немца не составляет особого труда пропеть гласный на высокой, средней или низкой ноте, а также повысить или понизить тон во время артикуляции какого-либо гласного. Однако если немец захочет выучить китайский язык в его южном (кантонском) произношении, то знаменитые «девять тонов» этого языка составят для него непреодолимый барьер: невозможно уяснить, что в том случае, когда в предложении встретится слово fan "делить", гласный *a* этого слова следует произносить высоким тоном, а *n* — более низким тоном, так что весь слог в музыкальном отношении будет нисходящим; если высокий тон сохраняется до конца произношения *n*, то fan будет означать не "делить", а "спать"; если же нисходящее движение тона не очень велико, вследствие чего гласный *a* начинается со средней ноты, а *n* заканчивается низким тоном, то fan означает "гореть" и т.д. Трудность здесь заключается не в усвоении особой артикуляции, а в восприятии слоговой мелодики и высоты тона, как и в специфическом упражнении памяти. Искусственный язык обязан исключать все, что может вызвать указанные трудности. Он всегда должен исходить из предполагаемого самого незамысловатого языкового сознания. Немцу трудно воспринять три тона южно-китайского диалекта. Но для южного китайца изучение языка, лишенного словоразличительного "тона", не представляет никаких затруднений: он просто замечает, что в соответствующем языке все слоги должны произноситься со средним тоном, — и если он так говорит, то его все понимают. Для создателей искусственного языка из этого следует, что в искусственный язык не должны вводиться словоразличительные тоны: таким образом, будут удовлетворены европейцы и не будет наноситься ущерб интересам жителей стран Востока. Этому принципа следует придерживаться и в других подобных случаях.

Язык предполагает не только говорящего, но и слушающего, а искусственный международный язык исходит из того, что говорящий и слушающий представляют два различных родных языка и поэтому два различных языковых навыка. Хорошо известно, что одни и те же языковые явления, которые имеют место у носителей различных языков, могут быть по-разному истолкованы. Русский привык произносить все ударные гласные длительно, а неударные кратко, ударение и количество для него равнозначны. Ударение в каждом чешском слове всегда падает на первый слог, ударение в этом языке только сигнализирует о начале слова; напротив, долгота и краткость гласного в чешском языке совершенно не зависят от ударения и играют в нем огромную роль, так как

они часто служат для различения слов (например, pīt'i 'пить' — pit'ī 'питье', lāska 'любовь' — laskā 'он ласкает' и т.д.). Русский, говорящий по-чешски, или будет делать ударение и удлинять каждый начальный слог, произнося при этом каждый ненаачальный слог кратко, или же будет интерпретировать долгие гласные чешского языка в качестве ударных и произносить их не только как долгие, но и как ударные, а ударение начального слога (особенно, если он краткий) игнорировать; чаще всего делают оба вида ошибок, так что вся просодическая система чешского языка в устах русского кажется искаженной до неузнаваемости. С другой стороны, чех, говорящий по-русски, не может привыкнуть к русскому ударению: он ставит ударение, как в своем родном языке, на начальный слог и интерпретирует русское ударение как долготу гласного (так что, например, русское предложение *Принесите мне стакáн водѣ!* превращается в устах чеха в *Принесите мне стакáн водѣ!*) или — чтобы избежать этого — он переносит ударение, насколько возможно вперед, не удлиняя никакого гласного, вследствие чего все русские слова получают ударение на последнем слоге, но без удлинения. Русское ударение обладает словоразличительной функцией, и на этой почве происходят постоянные недоразумения. Но даже тогда, когда звуковые различия со словоразличительной функцией представлены в двух языках, при общении у носителей этих языков может возникнуть непонимание, если соответствующее звуковое отличие в обоих языках оформлено неодинаковым образом. Французы утверждают, что немцы (особенно представители алеманской диалектной группы) смешивают французские b, d, g и p, t, k; это весьма необычно, так как различия b—p, d—t, g—k в немецком языке обладают словоразличительной функцией (ср. Bein—Pein, raube—Raupе, Drohnen—thronen, leiden—leiten, geil—Keil, lagen—Laken). Этот факт, видимо, можно объяснить тем, что алеманские b и p произносятся не вполне так, как соответствующие французские звуки, вследствие чего алеманское b и p выступают как нечто среднее между французскими b и p: если алеман хочет произнести франц. bière, то в действительности он произносит нечто среднее между французскими bière и pierre; француз, обращающий внимание на различия, свойственные его обычному произношению, уверен, что слышит pierre. Из подобных случаев (при языковом общении между различными народами они весьма многочисленны) создатель искусственного международного языка обязан сделать вывод, что в звуковой системе этого языка нужно во что бы то ни стало избегать так называемых корреляций. В искусственном международном языке для различения слов не должны использоваться ни различия долгих и кратких гласных, ни различия между звонкими и глухими, соответственно интенсивными и слабыми или придыхательными и непридыхательными согласными, ни различия в месте ударения. Тем более, что все эти различия совершенно неизвестны большей части языков земного шара.

Наконец, само собой разумеется, должны быть исключены все звуки, артикуляция которых вызывает затруднения у некоторых народов. Разумеется, при этом не следует принимать во внимание наполови-

ну вымершие языки. Если алеуты, тлингит и индейцы хопи в своих языках не имеют губных смычных согласных и произношение чуждых *p* и *b* [1] представляет для них большую трудность, то это обстоятельство не может служить препятствием для введения губных смычных согласных в фонетическую систему искусственного международного языка. Но тот факт, что звук *h* чужд таким языкам, как французский, итальянский, новогреческий, тамильский и т.д., делает, видимо, введение этого звука в фонетическую систему искусственного языка нежелательным. Исходя из вышеизложенных принципов, нам следует попытаться установить идеальную фонетическую систему искусственного международного языка.

Из гласных он должен содержать 5 гласных латинского языка: *u, o, a, e, i*; они, по всей видимости, приемлемы для всех народов. Более бедные вокалические системы представлены или в таких языках, которые вследствие их ограниченного в культурном отношении радиуса действия могут не приниматься во внимание (например, лакский язык), или в таких, где отсутствующие гласные в определенных условиях все же появляются. Так, например, в персидском языке находим только три долгих и три кратких гласных, причем при тщательном произношении обнаруживаются как долгие *ū, ā, ī*, так и краткие *o, ä, e*; таким образом, персы могут произносить все пять гласных — *u, o, a, e, i*, только у них наблюдается тенденция произносить *o* и *e* более кратко, чем другие три гласных, что в том случае, когда количество гласных не используется для словоразличения, не может вызывать никаких недоразумений. Таким образом, мы можем включить все пять гласных (*u, o, a, e, i*) в фонетическую систему международного языка. Этими пятью гласными и нужно ограничиться: ни *ü, ö*, ни "открытые" и "закрытые" *o* и *e* не должны использоваться в качестве самостоятельных словоразличительных элементов. Произношение этих пяти гласных должно быть доступно каждому народу. Тем не менее следует рекомендовать англичанам (особенно американцам), немцам, арабам и др., в языках которых краткие *u, i* довольно открыто произносятся (а в диалектном произношении проявляют склонность сближаться с *o, e*), гласные *u* и *i* международного языка произносить всегда как долгие. Далее, не нужно перегружать в функциональном отношении оппозицию *u—o* и *i—e*, то есть стремиться как можно реже создавать такие пары слов, которые различались бы только оппозицией *u—o* или *i—e* (как, например, немецкие *Russ—Ross, winden—wenden*, французские *doux—dos, prix—pré* и т.д.).

Что касается согласных, то международный язык должен прежде всего иметь в своей фонетической системе три смычных звука: губной (*p*), зубной (*t*) и гуттуральный (*k*). Нет на земле языка, который бы не обладал смычным зубным звуком. Губные смычные отсутствуют лишь в некоторых языках Америки (алеутский, тлингит, хопи и т.д.), гуттуральные смычные не представлены только в некоторых небольших диалектах отдельных языков (например, диалект Розентальской долины каринтийско-словенского языка, касимовский говор татарского языка и т.д.). Следовательно, можно с уверенностью включить *p, t, k* в между-

народный язык. Произношение этих звуков опять-таки доступно каждому народу. Один народ произносит эти звуки звонко, другой — глухо, один произносит их с придыханием, другой — без него и т.д. Поскольку в международном языке различия между глухими и звонкими, сильными и слабыми, придыхательными и непридыхательными и т.п. смычными согласными не должны иметь словоразличительной силы, постольку в произношении трех смычных согласных у отдельных народов не могут вызвать каких-либо недоразумений. Для многих народов вообще возможно только одно-единственное произношение. Греки, например, имеют в своем языке лишь глухие непридыхательные *p, t, k*, а после носовых — только звонкие *b, d, g*; естественно, что в международном языке они будут произносить смычные согласные точно так же. Существуют языки, допускающие в определенных фонетических позициях только один тип смычных, тогда как в других позициях они различают два типа смычных. Так, например, эстонскому языку в начале слова свойственны только глухие смычные, тогда как в середине слова здесь встречаются глухие и звонкие; напротив, в некоторых диалектах шотландского (гаэльского) языка в середине слова возможны только непридыхательные глухие смычные, но в начальном слоге выступает словоразличительная оппозиция придыхательных и непридыхательных смычных. В подобных случаях в международном языке следует рекомендовать такое произношение смычных во всех фонетических позициях, какое смычные родного языка имеют в "позиции минимального различения" (то есть: в эстонском языке — как в начале слова, а в шотландских диалектах — как в середине слова).

Труднее решить вопрос о том, как *p, t, k* международного языка должны произносить носители тех языков, где существует два или три типа смычных во всех позициях со словоразличительной функцией, такие, например, как английский, французский, китайский, тайский* языки. Можно было бы выдвинуть такое правило: народы, различающие в своем родном языке звонкие и глухие смычные, должны произносить "международные *p, t, k*" как глухие; народы, различающие в своем родном языке придыхательные и непридыхательные смычные, должны произносить "международные *p, t, k*" как непридыхательные; народы, различающие в своем родном языке сильные (*fortes*) и слабые (*lenes*) смычные, должны произносить "международные *p, t, k*" как сильные. Несмотря на все эти предписания, произношение международных *p, t, k* будет у разных народов различаться (арабы, например, будут произносить международное *p* как звонкое *b*, а международные *t, k* — как глухие непридыхательные *t', k'*, и т.д.). Однако они будут, тем не менее, узнавать эти *p, t, k*, а это самое главное для понимания. Из носовых международный язык должен включать только *m* и *n*, так как другие носовые (например, палатальное франц. *gn* или гуттуральное *ng* германских языков) не представлены во всех языках мира и для многих народов чужды. Однако, если кто-либо произнесет *n* перед *k* задненебным или перед

* У автора приводится старое название — сямский. — *Прим. ред.*

ј как палатальный звук, то тем самым, разумеется, он не поколеблет принципа.

Включение спирантов в фонетическую систему международного языка наталкивается на большие трудности. Губной спирант *f* чужд для многих языков народов мира. Он отсутствует в таких языках, как финский, эстонский, латышский, литовский, армянский, тамильский, бирманский, монгольский и т.д., а в японском и корейском языках встречается только перед *и*. Задненебный спирант *x* чужд итальянскому, французскому, английскому, норвежскому, шведскому, датскому, литовскому, латышскому, бенгали и другим языкам. Поэтому ни *f*, ни *x* не могут рассчитывать на место в фонетической системе международного языка. Из всех спирантов только *s* должен быть включен в фонетическую систему этого языка, ибо он встречается во всех языках мира, за исключением лишь таких языков, как нуэр (в Египте, Судане), или языков аборигенов Австралии, которые вследствие их ограниченного культурного значения могут не приниматься во внимание. Правда, произношение *s* у различных народов существенно различается. Несмотря на это, *s* всегда будет распознаваться, конечно, при условии, что фонетическая система международного языка не будет содержать какого-либо другого, похожего на *s* спиранта. Введение такого спиранта — например, *sch* (š) — уже потому не может быть одобрено, что для очень многих народов такой звук был бы непроизносим.

О том, что в фонетическую систему международного языка ни в коем случае не следует вводить *h*, отсутствующий во французском, итальянском, греческом и других языках, было уже сказано.

Звуки *j* и *w*, напротив, следует без всяких сомнений включить в международную фонетическую систему [2]. Конечно, есть языки, не знающие *j*, как, например, грузинский. Но носители таких языков могли бы произносить *j* как неслоговое *i*, ибо последний имеется во всех языках, и неслоговое произношение узкого гласного не вызывает никаких трудностей. Что касается *w*, то хотя этот звук встречается в ряде языков, но он может произноситься то как губно-зубное *v*, то как губно-губное *w*, то как неслоговое *и*, распознавание международного *w* в этих трех вариантах произношения ни для кого не представит труда.

Самой сложной является проблема плавных. Существуют языки с четырьмя, тремя, двумя плавными и даже с одним-единственным плавным звуком; к последней группе принадлежат такие языки, как китайский и японский. Согласно ранее сформулированному принципу, необходимо руководствоваться наиболее простой системой и принять, следовательно, для фонетической системы международного языка только один плавный. Но возникает вопрос, какому из плавных оказать эту честь. Китайский язык имеет (перед гласными) только *l*, японский — только *г*. Конечно, плавный в международном языке будет произноситься китайцами как *l*, а японцами — как *г*; нет никакого сомнения, что при разговоре японца и китайца друг с другом японец в *l* китайца, а китаец в *г* японца будут воспринимать один и тот же "международный плавный". Теперь возникает вопрос, как должны произносить единственный

плавный те народы, которые различают в своем родном языке 2, 3 или 4 плавных? Чтобы решить этот вопрос, следует принять во внимание, что плавные в различных языках и диалектах обнаруживают весьма разнообразные способы произношения. Если сравнить произношение г во всех языках, обладающих одним-единственным г, как, например, в английском, французском, итальянском, испанском, датском и т.д., то можно заметить, что произношение этого г столь различно, что один народ и чужом г едва ли может распознать свое собственное г. Один автор французское (парижское) г в *trois* полностью идентифицировал со своим х, датское г — со своим "айн". Что касается вариантов произношения l в различных языках, то они гораздо менее многообразны. В тех языках, которые имеют два вида l, эти типы сближаются с какой-то средней величиной; например, в русском языке "мягкое" l стоит ближе всего к этой средней величине, в сербохорватском — это "зубное" l, в словенском — "палатальное" lj, и т.д. Поэтому при включении l в качестве единственного плавного в фонетическую систему международного языка опасность недоразумений будет гораздо меньше, чем при введении в этой функции плавного г.

Таким образом, фонетическая система международного языка должна содержать следующие 14 звуков: 5 гласных: u, o, a, e, i; 3 смычных: p, t, k; 2 носовых: m, n; 2 полугласных: w, j; 1 спирант: s; 1 плавный: l.

Важно не только установить инвентарь "международных" звуков, но и определить инвентарь допустимых звуковых сочетаний. Не все сочетания звуков, представленные в том или ином языке, приемлемы для носителей других языков, некоторые сочетания звуков будут произноситься определенными народами таким образом, что другие народы совершенно не смогут распознать их составные части. Что касается сочетаний гласных, то следует различать два их вида: односложные и многосложные, или, если мы ограничимся сочетаниями только двух гласных, односложные и двусложные. Односложные сочетания гласных называются, как известно, дифтонгами. При этом различаются нисходящие и восходящие дифтонги, в зависимости от того, на каком месте находится открытый гласный — на первом или на втором. Нисходящий дифтонг с i и u в качестве второго компонента с трудом будет отличаться от таких же дифтонгов с e и o как вторых компонентов. Очень немногие языки (диалекты) содержат такие различия. Поэтому для языка с пятью гласными следует учитывать только 6 нисходящих дифтонгов: ou, au, eu, oi, ai, ei. Однако следует считаться с тем, что не все народы могут хорошо различать эти шесть дифтонгов. Немцы заменят ou на au (например, когда стремятся произнести чешские имена с ei посредством ai (например, при разговоре по-английски)), eu — на oi; англ. au часто произносится очень близко к eu; многие языки знают только ai, au, и представители этих языков не в состоянии правильно определить другие дифтонги. Поэтому будет в высшей степени предусмотрительно допустить и для международного языка только два нисходящих дифтонга — ai и au [3]. Что касается восходящих дифтонгов, то их односложное произношение для многих народов, не имеющих таких дифтонгов в

своём родном языке, составит огромную, скорее всего, непреодолимую трудность. Кажется оправданным не включать в международную систему каких-либо восходящих дифтонгов.

Двусложные сочетания гласных не очень широко распространены в языках мира. Однако они нигде не создают препятствий для произношения и вследствие этого могут быть включены в систему гласных международного языка. Разумеется, при этом нужно принять решительные меры для строгого отграничения этих гласных от других сочетаний. Так, прежде всего нужно исключить двусложные сочетания с *u* и *i* на втором месте (*o—u*, *a—u*, *e—u*, *i—u*, *o—i*, *a—i*, *e—i*, *u—i*), так как они могут произноситься как дифтонги, то есть смешиваться с дифтонгами. Далее, двусложные сочетания с *u* и *i* на первом месте должны употребляться только в таком фонетическом окружении, где их нельзя смешать с сочетаниями "w или j + гласный". Наконец, должны быть исключены сочетания двух одинаковых гласных, потому что носителями некоторых языков они, несомненно, будут стягиваться в долгие гласные, которые представители других языков будут рассматривать как простые (краткие) гласные. В связи с этим из 25-ти теоретически возможных двусложных фонетических сочетаний 13 сочетаний исключаются совершенно (а именно: *uu*, *oo*, *aa*, *ee*, *ii*, *ou*, *au*, *eu*, *iu*, *ui*, *oi*, *ai*, *ei*), 6 допустимы лишь в ограниченной степени (а именно: *uo*, *ua*, *ue*, *iu*, *ia*, *ie*) и только 6 допустимы без ограничений (а именно: *oa*, *oe*, *ao*, *ae*, *eo*, *ea*).

Среди сочетаний согласных с гласным есть и такие, которые не должны быть допущены в международный язык, если хотят избежать опасности недоразумений. Прежде всего это касается сочетаний *wu* и *ji*, которые многие народы не способны произносить и которые легко можно спутать с простыми *u* и *i*. Далее, должны быть исключены и сочетания *tu* и *ti*. Эти сочетания не могут произносить японцы. Чужое *tu* японец произносит как *tsu*, а чужое *ti* — как *tschi** (произношение *tschi* вместо *ti* свойственно также корейцам). Неяпонец едва ли сможет узнать в японских *tsu* и *tschi* международные *tu* и *ti*. А поскольку японцы относятся к народам, больше всего заинтересованным в искусственном вспомогательном языке, то следует учитывать особенности их произношения, и именно ради них можно исключить сочетания *tu* и *ti*. Другому великому народу, весьма заинтересованному в создании международного вспомогательного языка, — китайцам — доставляет большие трудности отчетливое произношение сочетания *ki*: в севернокитайском, так называемом мандаринском языке**, нет этого сочетания, вместо него произносится что-то среднее между *tchi* и *tschi*, что ни один некитаец не может идентифицировать с *ki*. В связи с этим следует исключить и сочетание *ki* из репертуара международного вспомогательного языка. Таким образом, из 45-ти теоретически возможных сочетаний согласных с гласным будут исключены только 5 (*wu*, *ji*, *tu*, *ti*, *ki*), остальные 40,

* В действительности японцы произносят как *chi* и *chu* не только чужие, но и свои *ti* и *tu*. — *Прим. ред.*

** В настоящее время мандаринские диалекты называются китайским термином "диалекты гуань". — *Прим. ред.*

безусловно, должны использоваться.

Из сочетаний "гласный + согласный" должны быть исключены только сочетания *ij* и *uw*: перед гласными они будут смешиваться с двусложными сочетаниями "i, u + гласный", а перед согласными (то есть в исходе слова) — с простыми *i, u*. Все прочие комбинации гласного с последующими согласными допустимы. К дифтонгам *au* и *ai* применимо то же самое, что было сказано об *u* и *i*: сочетания *auw* и *aij* недопустимы, тогда как перед всеми другими согласными *au* и *ai* возможны.

Для сочетаний двух согласных в различных языках существуют многочисленные ограничения, но именно в этом отношении отдельные народы меньше всего способны к приспособлению. Дальше всего идут отдельные языки Восточной Азии и Южной Африки. Бирманский язык вообще не допускает сочетаний согласных (сочетания "согласный + j" выступают здесь как мягкие согласные, сочетания "согласный + w" произносятся как округленные согласные и не должны рассматриваться в качестве сочетаний). Японский язык терпит только сочетание носовых с гоморганными согласными. То же самое, собственно, действительно и для китайского языка, для зулу и некоторых других языков банту. Эту систему следует рассматривать в качестве наиболее простой среди существующих. И поскольку, с другой стороны, нет языков, в которых были бы невозможны сочетания гоморганных носовых с последующими согласными (языки, не знающие таких сочетаний, как бирманский, располагают назализованными гласными, в которых можно легко распознать эрзац сочетания "гласный + гоморганный носовой"), мы думаем, что международный вспомогательный язык в этом отношении должен следовать японскому образцу. Из 72-х теоретически возможных сочетаний двух различных согласных международный вспомогательный язык должен допустить только 7 сочетаний, а именно: *mp, nt, nk, ns, mw, nj, nl* [4]. Всякое другое решение этой проблемы вызвало бы для народов Восточной Азии только затруднения. Даже после длительного пребывания за границей и основательного изучения европейских языков образованные японцы не в состоянии произнести сочетания согласных: они все время вставляют *u* или *i* между согласными, то есть говорят: *Berulinu, Raipitschichi, Kirisuto, schipitaru, nichito, Nafuto* вместо *Berlin, Leipzig, Christ, Spital, nich, Napht*. Эти особенности их произношения приводят к тому, что их едва понимают, когда они говорят на чужом языке. Китайцы отличаются тем же. Если ввести в международный вспомогательный язык различные сочетания согласных (кроме семи, упомянутых выше), то придется признать, что на таком вспомогательном языке именно больше всего заинтересованные в нем народы Восточной Азии будут говорить с другими народами совершенно невразумительным образом, вследствие чего создание этого языка окажется совершенно бесполезным.

Трудно решить вопрос, нужно ли в словах международного языка допускать удвоение согласных. Удвоенные, или геминированные, согласные широко распространены в различных языках мира (среди прочих они употребительны и в японском языке), и даже носители тех языков, которые не имеют удвоенных согласных, обычно не встречают каких-

либо трудностей при передаче геминат. Однако, с другой стороны, акустическое восприятие удвоенных и одиночных согласных у многих народов, не знающих геминат, весьма затруднено, поэтому имеются опасения, что введение геминат в международный вспомогательный язык может вызвать недоразумения. Кроме того, существуют народы, которые определенные звуки международного вспомогательного языка не смогут произносить иначе, как только с удвоением. К ним относятся, например, тамилы: в их родном языке в позиции между гласными встречаются или удвоенные глухие смычные или спиранты, поэтому р, t, k в международном вспомогательном языке в позиции между гласными будут произноситься всегда как геминированные rr, tt, kk, и нельзя будет отличить геминированные от негеминированных р, t, k. Мы полагаем поэтому, что следует отказаться и от включения геминат.

Остается еще выяснить, какие звуки и звуковые сочетания могут употребляться в начале, в конце и в середине слова. Большинство языков мира допускает в начале слов как согласные, так и гласные. Правда, есть языки, допускающие в начале слова только согласные. Из согласных плавные в некоторых языках никогда не употребляются в начале слова. Таково, например, положение в большинстве тюркских языков. Однако под влиянием арабского и персидского языков у мусульманских тюркских народов такое ограничение снимается, и в настоящее время в этих языках встречается немало слов, которые начинаются плавными. В японском языке первоначальный плавный (r) также не допускался в начале слова, однако под влиянием многочисленных китайских заимствований это ограничение было устранено (ср., например, хорошо известную любителям кроссвордов «японскую меру длины ri»). Из культурных языков, которые принимаются во внимание при создании международного языка, в настоящее время только корейский не допускает плавных в начале слова. Однако это едва ли может быть основанием для введения ограничения на плавные в международном вспомогательном языке. Что касается сочетаний согласных mp, nt, nk, ns, mw, nj, nl, то, само собой разумеется, они не должны стоять в начале слова: в этом положении они оказались бы непроезжими для большинства народов, языки которых служат основой для создания международного языка. В середине слова допускаются все упомянутые нами звуки и сочетания звуков, за исключением сочетаний дифтонгов au, ai с последующими сочетаниями согласных (mp, nt, nk, ns, mw, nj, nl). Эти сочетания должны быть исключены, потому что такая последовательность звуков непроезжима в языках многих народов.

Тот факт, что в исходе слова допускаются все гласные, не может вызвать никаких сомнений, поскольку, кажется, нет ни одного языка в мире, в котором гласные не допускались бы в конце слова. Но совершенно иначе обстоит дело в исходе слова с согласными. Во многих языках число согласных, допускаемых в исходе слова, весьма ограничено. В древнегреческом языке в этом положении допускались только п, s, и r, современный итальянский язык использует в исходе только п, l, r, финский — только п, t, s и т.д. Радикальнее всего ведут себя в этом от-

пошени оиять-таки японский и северный или центральнокитайский, которые в исходе допускают только один носовой. В заимствованных словах, заканчивающихся другими согласными, китайцы эти согласные упускают, тогда как японцы присоединяют в них еще гласный (например, *round* = кит. *pan*, яп. *rando* и т.д.). Это происходит произвольно и, так сказать, «с самыми лучшими намерениями»: поскольку неносовые согласные японцы и китайцы привыкли произносить и воспринимать только перед гласными, то чужие произносимые согласные они или совершенно не замечают или ошибочно полагают, что слышат нечто сокращенное. Чтобы избежать подобных неурядиц в искусственном международном вспомогательном языке, нужно исключить в этом языке употребление согласных, кроме согласного *p* в исходе слова.

Если обобщить результаты этих рассуждений, то можно утверждать, что международный вспомогательный язык, фонетика которого основывается на приведенных выше принципах, может содержать только 110 односложных и 10 542 двусложных элемента. Приведенные цифры базируются на следующих подсчетах:

1. Односложные элементы, которые начинаются гласным: 5, содержащих один гласный + 2, содержащих дифтонг + 5 с исходом слова на *p* = 12.

2. Односложные, которые начинаются согласным: 40 (то есть $9 \times 5 - 5$) с простыми гласными + 18 ($= 9 \times 2$) с дифтонгами + 40 с исходом слова на *p* = 98.

В целом $12 + 98 = 110$ односложных элементов.

3. Двусложные, которые начинаются на гласный: а) без согласных между двумя гласными: 6 с простыми гласными (*eo, ea, ae, ao, oa, oe*) + 4 с дифтонгом (*oai, oau, eai, eau*) + 6 с носовым во втором слоге = 16; б) с одним согласным между двумя гласными: а) с простым гласным в первом слоге: 120 ($= 3 \times 40$) с открытым гласным (*e, a, o*) в первом слоге и с одним гласным в исходе слова + 72 ($= 2 \times 36$) с узким гласным (*u, i*) в первом слоге и с одним гласным в исходе слова + 192 ($= 3 \times 40 + 2 \times 36$) с *p* в исходе слова + 54 ($= 3 \times 18$) с открытым гласным в первом слоге и с дифтонгом в исходе слова + 32 ($= 2 \times 16$) с узким гласным в первом слоге и с дифтонгом в исходе слова = 470; б) с гласным + носовой в первом слоге: 200 ($= 5 \times 40$) с гласным в исходе слова + 200 ($= 5 \times 40$) с *p* в исходе слова + 90 ($= 5 \times 18$) с дифтонгом в исходе слова = 490; в) с дифтонгом в первом слоге: 72 ($= 2 \times 36$) с гласным в исходе слова + 72 ($= 2 \times 36$) с *p* в исходе слова + 32 ($= 2 \times 16$) с дифтонгом в исходе слова = 176.

В целом $470 + 490 + 176 = 1136$ вокалических двусложных элементов.

4. Двусложные, которые начинаются согласным:

а) без согласных между двумя гласными: 62 ($= 31 \times 2$) с дифтонгом в исходе слова + 39 ($= 13 \times 3$) с узким гласным в первом слоге и простым гласным в исходе слова + 54 ($= 9 \times 6$) с широким гласным в первом слоге и простым гласным в исходе + 93 ($= 13 \times 3 + 9 \times 6$) с *p* = 248;

б) с согласными между двумя гласными: а) с простым гласным в первом слоге: $1080 (= 27 \times 40)$ с широким гласным в первом слоге + $468 (= 13 \times 36)$ с узким + $1548 (= 27 \times 40 + 13 \times 36)$ с носовым в исходе + $558 (= 31 \times 18) = 3654$; б) с носовым перед согласным второго слога: $1600 (= 40 \times 40)$ с простым гласным в исходе + $1600 (= 40 \times 40)$ с п в исходе + $720 (= 40 \times 18)$ с дифтонгом в исходе = 3920 ; в) с дифтонгом в первом слоге: $648 (= 18 \times 36)$ с гласным в исходе + $648 (= 18 \times 36)$ с носовым в исходе + $288 (= 18 \times 16)$ с дифтонгом в исходе = 1584 .

В целом $(3654 + 3920 + 1584 =) 9158 + 248 = 9406$ консонантных двусложных элементов.

Часто утверждают, что языковое развитие ведет к односложности слов, и на этом основании делается заключение, что и искусственный международный вспомогательный язык должен содержать только односложные слова или хотя бы односложные основы слов. Это требование, однако, наталкивается на непреодолимые трудности со стороны фонетики. Далеко идущая односложность предполагает разнообразный фонетический инвентарь или большое многообразие допустимых сочетаний звуков или словоразличительных расхождений в тоне. Бирманский язык, который в принципе обладает только односложными корнями и в то же время не допускает сочетаний согласных, различает 61 согласный и гласный (включая количественные и тоновые различия); склонный к односложности английский язык содержит в своих односложных словах различные сочетания согласных в начале и в конце слова и располагает многочисленным инвентарем согласных и гласных (включая дифтонги). Такое богатство средств для международного языка нежелательно. Чтобы быть действительно международным, то есть для всех народов одинаково легко произносимым, этот язык должен содержать минимальное число звуков и ограниченное количество их комбинаций. Однако чем беднее фонетический инвентарь и чем ограниченнее возможности сочетаний звуков, тем меньшим будет число возможных односложных слов.

Следовательно, нужно привыкнуть к мысли, что международный вспомогательный язык не может быть каким-то "односложным языком". Его словарный состав в основной своей массе будет состоять из многосложных слов. Однако и эта тенденция не должна слишком преувеличиваться. Язык, содержащий фонетически длинные слова, труден для изучения, и особенно большие трудности при его изучении будут испытывать люди, которые в своем родном языке проявляют пристрастие к односложным словам. Если длинные слова легко членятся в морфологическом отношении, то их нетрудно удержать в памяти. Таким образом, международный язык должен использовать длинные слова в ограниченном количестве и только при условии их ясной морфологической членимости. Такие основные элементы лексики международного вспомогательного языка, как корни и основы, должны быть относительно короткими.

Мы уже упоминали, что рекомендуемые для международного вспомогательного языка фонетические средства и фонетические правила могут быть сконструированы не более чем из 10 000 двусложных

элементов (Zweitsilber). Если рассматривать это количество как окончательное число готовых слов, то для культурного языка это немного; однако это число относится только к корням и основам, поэтому их вполне достаточно, и при этом часть имеющихся возможностей может не быть использована. Основы от двусложных корней могли бы быть распространены с помощью односложных аффиксов: 110-ти односложных элементов (Einsilbern) вполне достаточно для этой цели. Благодаря этому возросла бы отчетливость этимологического членения, поскольку аффикс мог бы располагаться всегда на одном и том же месте, например в конце корня или основы: в более чем двусложных словах, за исключением двух первых слогов, все слоги были бы аффиксами, причем каждый аффикс содержал бы только один слог. При такой системе словообразования, однако, не должны были бы допускаться односложные корни, ибо тогда могли бы возникнуть случаи, когда основа, состоящая из односложного корня и аффикса, фонетически совпала бы с двусложным корнем, что привело бы к недоразумениям. Односложные слова могли бы быть допущены только в качестве самостоятельных слов с грамматической функцией [5].

Данное выше рационально описанное морфологическое строение искусственного международного языка предполагает отчетливое разграничение отдельных слов, что весьма важно, так как из-за бедности фонетических средств вспомогательного языка его фонетическая сторона будет отличаться большой монотонностью. В качестве единственного целесообразного средства разграничения может выступать ударение на первом слоге каждого самостоятельного слова. Многие народы уже имеют в своих родных языках такое ударение (например, ирландцы, исландцы, финны, эстонцы, саамы*, латыши, чехи, словаки, венгры, тамилы, монголы и т.д.), и принятие искусственным международным языком этой особенности не встретит препятствий. Начальное ударение вспомогательного языка не представит затруднений и для тех народов, в родном языке которых место ударения свободное, как, например, у англо-саксов, голландцев, немцев, датчан, норвежцев, шведов, литовцев, русских, украинцев, румын, болгар, греков, албанцев, сербов и хорват, итальянцев, испанцев и т.д.

Затруднения могут возникнуть, с одной стороны, у таких народов, в родном языке которых ударение фиксировано, но стоит не на первом слоге, а на последнем (например, во французском, армянском, турецком, персидском и т.д.) или на предпоследнем (например, в польском, суахили, зулу и т.д.), а, с другой стороны, у таких народов, которые ударения в нашем смысле слова вообще не знают (как, например, японцы, корейцы и т.д.). В большинстве случаев, однако, эти трудности не являются непреодолимыми. Многие народы, в родном языке которых ударение падает на последний или предпоследний слог, могли бы легко перенести свое ударение на другое место и привыкнуть к постоянному уда-

* Н. С. Трубецкой в данном месте употребляет старое название этого народа — лапландцы. — *Прим. ред.*

рению на начальном слоге. Только французам, в языке которых ударение, собственно, падает не на последний слог каждого слова, а на конечный слог фразы (Satzabschnitt), было бы трудно привыкнуть к новому ударению: акцент на последнем слоге фразы создает в их языке органическое целое со словесной паузой, и они переносят это на любой чужой язык, прерывая речь только паузами. Для отграничения слов в предложении такое ударение на последнем слоге перед паузой не представляет затруднений, и французы могут сохранить эту привычку и в международном вспомогательном языке, но при условии, что они будут произносить с ударением еще и первый слог каждого слова, а это может легко быть достигнуто в ходе упражнений. Что касается таких народов, как японцы и корейцы, в речи которых иностранцы не отмечают выделения отдельных слогов (хотя при более точных наблюдениях становится ясно, что японскому и корейскому языкам присуще скорее музыкальное, чем экспираторное ударение), то им можно рекомендовать при использовании международного вспомогательного языка делать между отдельными словами короткие паузы.

Наше исследование показывает, сколь мало предшествующие опыты создания искусственных международных вспомогательных языков опирались на серьезные требования современной фонологии. Эсперанто, ido, оксиденталь, новиаль и т.д.— все это языки, которыми относительно легко овладевают только романские и германские народы, а для многих других народов они невероятно трудны по своему произношению. Однако именно нероманские и негерманские народы крайне нуждаются в международном вспомогательном языке. А если учитывать их интересы, то можно логическим путем прийти к выводам, которые были изложены выше. Действительно, в международном вспомогательном языке не обязательно использовать словарный состав романских и германских языков. Дело в том, что вся фонетическая структура идеального вспомогательного языка (только один тип смычных, отсутствие спирантов, кроме s, один-единственный плавный, никаких сочетаний согласных, кроме "носовой + согласный", никаких конечных согласных, кроме n), а также его морфологическое строение (двусложные корни, односложные аффиксы и грамматические слова) принципиально отличается от романских и германских языков.

УСТАНОВЛЕНИЕ И РАЗГРАНИЧЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ. КАКОВ ТОЧНЫЙ ПЕРЕВОД СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ НА РАЗНЫЕ ЯЗЫКИ (франц., англ., нем.)?*

Много недоразумений и ошибок возникает оттого, что языковеды используют выражения "языковая группа" и "языковая семья" без достаточной осторожности и в слишком неопределенном значении. Я предлагаю следующую терминологию:

Предложение 16. *Всякую совокупность языков, связанных друг с другом значительным числом систематических сходжений (Übereinstimmungen), мы называем языковой группой.*

Следует различать два типа языковых групп.

1) Группы, состоящие из языков, которые обнаруживают большие сходства в синтаксическом и морфологическом строе, а также значительные совпадения в области культурной лексики и, кроме того, сходство в составе звуковой системы,— но при этом не обладают никакими систематическими звуковыми соответствиями, никаким совпадением в звуковой структуре морфологических элементов и никакой общностью в основной лексике,— *такие языковые группы мы называем языковыми союзами.*

2) Группы, состоящие из языков, которые обладают заметной общностью основной лексики, обнаруживают совпадения в звуковом выражении морфологических категорий и, прежде всего, демонстрируют постоянные звуковые соответствия (Lautentsprechungen),— *такие языковые группы мы называем языковыми семьями.*

Так, например, болгарский язык принадлежит, с одной стороны,

* Данный текст представляет собой выступление Н. С. Трубецкого в дискуссии, подготовленной организаторами I Международного конгресса лингвистов (Гаага, 10 — 15 апреля 1928 г.), в рамках которого она и проходила. Участникам конгресса было предложено высказаться по ряду намеченных "практических проблем", включая указанную в заголовке, и внести конкретные предложения для их решения. Эти предложения в опубликованных материалах конгресса отмечаются сплошной нумерацией. Обсуждение вопроса о специальных лингвистических терминах и выступление Н. С. Трубецкого состоялись на утреннем пленарном заседании 12 апреля 1928 г. под председательством О. Есперсена. В обсуждении приняли также участие А. Мейе, В. Матезиус, А. Тромбетти, А. Дебруннер, Л. Вайсгербер, Й. Схрейнен, Э. Швицер, Я. ван-Гиннекен, Х. Уленбек. — *Прим. перев.*

к славянской семье (вместе с сербохорватским, польским, русским и др.), а с другой стороны — к балканскому языковому союзу (вместе с новогреческим, албанским и румынским).

Эти наименования и, соответственно, понятия, следует строго разграничивать. При установлении принадлежности того или иного языка к определенной языковой группе языковед должен четко и ясно указать, понимается ли эта языковая группа как языковой союз или как семья языков. Благодаря этому можно будет избежать многих поспешных и неосторожных выводов.

1

Звуковые различия между двумя диалектами могут быть трех видов: они могут относиться к *фонологической системе*, или к *фонетической реализации* отдельных фонем, или к *этимологическому распределению* фонем в словах. Соответственно мы будем говорить о *фонологических, фонетических и этимологических* диалектных различиях [1].

Фонологические диалектные различия подразделяются, со своей стороны, на различия по *инвентарю* и по *функциям*. Фонологическое различие по инвентарю заключается в том, что один диалект обладает фонемой, которая неизвестна другому диалекту. Фонологическое различие по функциям заключается в том, что фонема в одном из диалектов появляется в такой фонологической позиции, в какой она не появляется в другом диалекте. Фонологическое различие по инвентарю имеет место, например, между северновеликорусским и южновеликорусским, поскольку северновеликорусский обладает четырьмя безударными (редуцированными) гласными фонемами *ǔ, ǒ, ǎ, ĭ*, тогда как южновеликорусский имеет только три безударных гласных фонемы *ǔ, ǎ, ĭ*, а безударного *ǒ* не знает. Фонологическое различие по функциям имеет место, например, между разными диалектами южно- и средневеликорусского, одни из которых допускают фонему *ǎ* только после твердых (непалатализованных) согласных, а другие, напротив, — как после твердых, так и после мягких (палатализованных); в этой второй группе диалектов существует, с одной стороны, фонологическое функциональное различие между теми диалектами, где безударное *ǎ* после мягкого согласного может появляться только перед твердым согласным (типы *v'ǎdu — v'ǐd'oš*), и теми, которые подобного ограничения не знают (типы *v'ǎdu — v'ǎd'oš*), и т.д.

Фонетические различия могут быть *абсолютными*, если они затрагивают произношение отдельных фонем во всех позициях, или *ограниченными (комбинаторными)*, если встречаются только в определенных по-

* N. S. Trubetzkoy. Phonologie und Sprachgeographie. — „Travaux du Cercle Linguistique de Prague“, 1931, N 4, S. 228 — 234.

зициях. Абсолютное фонетическое различие имеет место, например, между теми польскими диалектами, в которых ł произносится как l̥ (несколько отодвинутое назад l), и теми, где ł произносится как u; комбинаторное фонетическое различие существует, например, между южными польскими диалектами, где l перед i палатализуется (l'is ~ las), и северным польским, где он в этой позиции не претерпевает никаких изменений (lis ~ las).

Можно выделить также два вида этимологических звуковых различий. Во-первых, существуют этимологические звуковые различия, связанные с функциональными фонологическими различиями, а именно: если в данном диалекте функция определенной фонемы ограничена по сравнению с другим диалектом, то это обычно происходит в пользу некоторой другой, чаще употребляемой фонемы (в тех позициях, где первой фонемы быть не может), благодаря чему функциональное ограничение первой фонемы, так сказать, компенсируется. В таких случаях можно говорить о *компенсированных* этимологических звуковых различиях. Однако в других случаях, когда этимологические звуковые различия ни с какими функциональными различиями не связаны, их можно назвать *свободными* этимологическими звуковыми различиями. В качестве примера компенсированного этимологического звукового различия можно было бы привести отношения между западными и восточными белорусскими диалектами: в то время как в западнобелорусском безударное ǎ появляется во всех позициях, в восточнобелорусском оно не может стоять перед слогом с ударным á, и в тех словах, где в названной позиции западнобелорусский имеет ǎ, восточнобелорусский обычно дает ĭ. В качестве примера свободного этимологического звукового различия могут быть приведены диалекты Малой Польши, в одних из которых древнепольское "узкое é" развилось в i, а в других (например, в диалекте Ловича) этот звук преобразовался в e. Если сравнить польские диалекты между собой и отказаться при этом от всякого объяснения, то можно будет только установить, что в некоторых словах, где диалекты первой группы дают фонему i, диалекты второй группы имеют фонему e, причем данное явление не связано ни с какой определенной фонологической позицией.

2

До сих пор диалектология всегда оперировала диахроническими представлениями и, следовательно, толковала всякое звуковое различие как результат дивергентного звукового развития. Сознательно сопротивляясь учению о "не знающих исключения звуковых законах", современная диалектология, или лингвистическая география, утверждает, что всякое отдельно взятое слово, которое обнаруживает какое-то звуковое изменение, распространяется в своих собственных границах и что поэтому границы географического распространения звуковых изменений никогда не могут быть установлены надежно и точно.

Это утверждение основывается на том, что три вида звуковых различий, рассмотренных выше (фонологические, фонетические и этимологические), обычно не различались.

Тезис о неточности и расплывчатости диалектных границ вполне оправдан, если под диалектными различиями понимать только этимологические звуковые различия. Для этих последних не может быть и речи о каком-либо упорядоченном в целом распространении. С областью, где рассматриваемое звуковое изменение осуществляется последовательно, то есть где прежняя фонема (или прежнее сочетание фонем) во всех подлежащих рассмотрению словах заменяется определенной новой фонемой, обычно граничат такие ареалы, где в части встречающихся слов вместо ожидаемой фонемы обнаруживается другая, и причину подобных "исключений" установить невозможно. Неподалеку же от таких областей располагаются обычно еще и другие, где эти "исключения" уже выступают как "закон". Таким образом, можно сказать, что между областями с наибольшим этимологическим звуковым различием (то есть между территориями, на которых определенное звуковое различие затрагивает наибольшее число слов) всегда располагаются переходные области, где отдельные слова обнаруживают то одну, то другую "трактовку" старой фонемы. В результате границы распространения разных звуковых форм для отдельных слов никак не связаны между собой.

При *фонетических* различиях господствуют совсем иные отношения. Если фонема в двух диалектах реализуется фонетически двумя различными способами, то это должно также происходить во всех словах, в которых соответствующая фонема встречается в той же позиции — иначе различные способы фонетической реализации приобрели бы для языкового сознания смысловозначительную функцию, а, следовательно, приобрели бы фонологическую значимость, то есть фонетическое различие превратилось бы в фонологическое. Если же порой при фонетических диалектных различиях бывает трудно провести точную границу между двумя территориями его распространения, то это случается потому, что между областями с максимальным противопоставлением фонетических реализаций лежат области с так называемыми "средними" либо с "промежуточными" фонетическими реализациями, так что переход от одного способа реализации к другому становится постепенным; или же между ними лежат области, где обе фонетические реализации сосуществуют в качестве факультативных вариантов одной и той же фонемы. Однако в обоих случаях эти фонетические явления должны проявляться во всех словах, содержащих соответствующую фонему. Выражение "переходная область" имеет здесь, таким образом, совсем иное значение, чем в случае этимологических звуковых различий.

Если мы обратимся теперь к *фонологическим* звуковым различиям, то мы вынуждены будем констатировать, что в этом случае понятие "переходная область" не может быть употреблено ни в каком смысле. Фонема или сочетание фонем или может существовать в каком-то диалекте или нет — *tertium non datur**. Правда, часто случается, что существующее

* 'Третьего не дано' (лат.).

в одном из диалектов фонологическое противопоставление, так сказать, подготовлено фонетическим противопоставлением в другом диалекте¹. Мы упоминали выше о противопоставлении в западнобелорусском *vāda — vādī* при восточнобелорусском *vīda — vādī*. Итак, с собственно восточнобелорусским граничат те западнобелорусские диалекты, в которых *ā* перед слогом с ударным *á* реализуется как неопределенный гласный *ǎ*, который объективно идентичен либо *ĩ*, либо *ǎ*, но в языковом сознании он воспринимается не как самостоятельная фонема, а как комбинаторный фонетический вариант фонемы *ǎ*. Область произношения *vāda — vādī* может до некоторой степени рассматриваться как переходная область между восточнобелорусским (*vīda — vādī*) и западнобелорусским (*vāda — vādī*). Это справедливо, однако, лишь с чисто фонетической точки зрения: фонологически эта область относится к западнобелорусскому. Точнее, различие между "исконно западнобелорусской областью" и областью *vāda — vādī* — чисто фонетическое, а различие между данной областью и восточнобелорусской — фонологическое. И в то время как установление границ "исконно западнобелорусской области", пожалуй, представляет определенные трудности (а именно из-за постепенных переходных оттенков между *ǎ* и *ǎ̃*), границы восточнобелорусского устанавливаются очень легко: там, где отмечается идентичность гласного первого слога в *vīda* с гласным первого слога в *vīā*, действуют правила восточнобелорусской фонологии; там, где этого не происходит, — западнобелорусской. Так обстоит дело во всех сходных случаях. По контрасту с постепенностью фонетических звуковых переходов, затрудняющих проведение границы между диалектными областями, которые отличаются фонетикой, фонологические различия заключаются в отчетливые и строгие границы.

Высказанные соображения определяют основные направления в картографировании звуковых различий диалектов. *Этимологические* различия не поддаются непосредственному нанесению на карту в форме единообразных изолиний. Для этих различий подходит только картографирование методом лексической географии: особо, на специальной карте, необходимо проводить изолинии для каждого отдельно взятого слова, в котором обнаруживается соответствующее звуковое изменение, и затем эти карты накладывать одну на другую. На составленной таким путем синтетической карте общие (то есть совпадающие) изолинии будут выглядеть как широкие темные штрихи, несовпадающие — как тонкие и слабые. Переходные области будут характеризоваться скоплением этих слабых линий, тогда как области, в которых "звуковое изменение прошло последовательно", будут целиком (или почти целиком) свободны от таких линий. *Фонетические* различия лучше всего обозначать на карте при помощи разной окраски или разных способов штриховки, при этом области переходного произношения или факультативного чередования обоих звуков могут быть обозначены смешением красок,

¹ Или, наоборот, фонологическое различие в каком-то соседнем диалекте перерождается в фонетическое; обе точки зрения при статичном подходе одинаково правомочны.

соответственно — соединением двух способов штриховки, — благодаря чему постепенные переходы фонетических реализаций окажутся выражены схематически. Что касается *фонологических* различий, то на карте могут быть представлены либо их географические границы — при помощи простых резко и четко проведенных линий, либо их "фонологические области" — при помощи разной окраски, или же одновременно могут быть использованы оба способа. В любом случае картографировать фонологические различия очень легко, поскольку при этом не наблюдаются никаких переходных зон.

3

Чтобы установить этимологические звуковые различия и границы их распространения, необходимо записать диалектное произношение одного и того же слова в разных частях языковой территории. В вопроснике, подготовленном для этой цели, стоит вопрос: "как такое-то и такое-то слово произносится в диалекте N.N.?" Таким образом, исследование *этимологических звуковых различий* всегда требует наличия более или менее *однородного словарного запаса*. Подобное исследование возможно только в пределах какого-то одного языка, в крайнем случае — в пределах близкородственных языков.

Установление фонетических звуковых различий и их границ требует изучения локальных произношений (то есть фонетических реализаций) одной и той же фонемы. При этом, естественно, все равно, выбираются ли повсюду в качестве примера одни и те же слова — важно выбрать такие слова, в которых данный диалект обнаруживает соответствующую фонему. Исследование *фонетических звуковых различий* не зависит, таким образом, от состояния словарного запаса, но предполагает существование *одних и тех же фонологических систем* во всех обследуемых диалектах или по крайней мере существование сходных систем.

При исследовании фонологических звуковых различий мы должны для каждого диалекта установить фонологический инвентарь и функцию отдельных фонем. Вопрос, на который при этом должен ответить диалектолог, звучит: "существуют ли в диалекте N.N. такая-то и такая-то фонемы?" и "в какой фонологической позиции встречаются в диалекте N.N. такая-то и такая-то фонемы?" Естественно, при этом абсолютно безразлично, обладают ли все обследованные диалекты одним и тем же словарным запасом или даже одной и той же грамматической структурой. В отличие от исследования этимологических звуковых различий, *исследование фонологических звуковых различий* может проводиться также *за пределами одного языка* и даже *за пределами одной языковой семьи*. При этом все, что было сказано выше о картографировании фонологических звуковых различий, сохраняет значение и тогда, когда речь идет об обследовании нескольких языков.

То, что такой выход фонологической диалектологии за пределы отдельных языков (без оглядки на языковое родство) целесообразен,

не подлежит никакому сомнению. Известные фонологические явления распределяются географически так, что они встречаются во многих не родственных друг другу, но соседствующих географически языках, или же, наоборот, отсутствуют на большей части территории, занятой различными языками. Р. Якобсон показал это для противопоставлений по своеобразию в поведении консонантизма и для противопоставлений по развитию вокализма [2]. Но то же можно проделать и для других фонологических явлений. Так, например, корреляция способов эксплозии "с гортанной смычкой ~ без гортанной смычки" распространилась во всех кавказских языках независимо от их происхождения (не только в северно- и южнокавказских, но также в индоевропейских и тюркских языках региона) [3], тогда как она осуществляется иначе и в Европе, и в сопредельных областях Азии и Евразии. Такие географические области распространения могут быть установлены и для отдельных фонем. При этом следует принимать во внимание, что границы распространения фонологических явлений отнюдь не всегда совпадают с языковыми границами. Очень часто они пронизывают область распространения какого-нибудь языка таким образом, что эти границы распространения могут быть установлены только с помощью фонологико-диалектологических исследований.

Существование общих фонологических звуковых особенностей во многих соседствующих, но не родственных друг другу языках или диалектах уже констатировалось не раз. Однако при объяснении этих фактов проявляли поспешность и обращались с этой целью к теории субстрата или к гипотезе о влияниях "ведущего" языка. Такие объяснения ничего не стоят, пока они объясняют лишь единичные случаи. Лучше вообще от всяких гипотез временно отказаться, пока не будет собран весь материал. Сейчас актуально именно исчерпывающее описание материала, выяснение фактического состояния вещей [4]. Сравнительное фонологико-географическое описание языков мира выдвигается теперь на повестку дня. Однако ему должно предшествовать создание фонологической диалектологии отдельных языков.

ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ОПРЕДЕЛЯЕМЫМ, ОПРЕДЕЛЕНИЕМ И ОПРЕДЕЛЕННОСТЬЮ*

В сборнике статей, посвященном одному из самых выдающихся представителей женеvской лингвистической школы, разумеется, нет необходимости доказывать возможность и правомерность сопоставительного лингвистического исследования, не зависящего от генеалогического принципа. В то время как сравнительная грамматика языков известной генеалогической группы ставит своей целью обнаружить происхождение того или иного явления, наблюдаемого в каждом из этих языков, и, стало быть, обнаруживает диахронический подход, сравнительное изучение неродственных языков имеет в виду освещение синхронных отношений между фактами языка в сопоставлении с аналогичными отношениями, существующими в другом языке в совершенно ином контексте. Такое исследование может быть осуществлено только с позиций синхронического анализа.

В этой связи мы хотели бы высказать некоторые соображения об отношениях между определяемым, определением и определенностью.

Отношение определяемого к определению, несомненно, является одним из самых распространенных синтагматических отношений, но, конечно, мы далеки от того, чтобы рассматривать его как единственно возможное синтагматическое отношение. В частности, мы сильно сомневаемся, чтобы субъект и предикат могли бы рассматриваться как определяемое и определение. Многие языки обладают единственным способом выражения отношения между определяемым и определением, и в большинстве таких языков этот способ не распространяется на отношение между субъектом и предикатом. Так, в тюркских, монгольских и во многих финно-угорских языках определение стоит перед определяемым: прилагательное, указательное местоимение и числительное стоят перед существительным; существительное в родительном падеже располагается перед существительным, к которому оно относится, наречие — перед

* N. S. T r u b e t z k o y. Le rapport entre le déterminé, le déterminant et le défini. — In: „Mélanges de linguistique, offerts à Charles Bally“. Geneva: Georg, 1939, p. 75–82; то же в кн.: „Readings in Linguistics“, II. Ed. by E. P. Hamp e.a. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1966, p. 133–138.

прилагательным или перед глаголом, к которому оно относится, наконец, прямое или косвенное дополнение — перед глаголом. Однако предикат (глагольный или именной) следует за субъектом, чем доказывается, что он не рассматривается в качестве определения к субъекту. В гиляцком* ("палеоазиатский" язык, на котором говорят на севере острова Сахалин и в устье Амура) два соседних слова, относящихся друг к другу как определение и определяемое, претерпевают некоторые фонетические изменения (в частности, начальный согласный второго члена такой синтагмы становится спирантом). Эти изменения осуществляются в группах "прилагательное + существительное", "генитив + соответствующее существительное", "дополнение + глагол" и т.д. Однако они не осуществляются в группе "субъект + предикат"¹. В языке ибо ("суданский" язык, на котором говорят в Нигерии), где различают три тона, основной тон членов группы "определение + определяемое" или "определяемое + определение" претерпевает некоторые изменения: последний слог первого члена и первый слог второго члена такой группы получают высокий тон, если они имеют в других позициях средний или низкий тон². Эти изменения могут наблюдаться в группах "прилагательное + существительное", "имя (в генитиве) + имя", "имя + демонстратив, числительное, относительное местоимение", "имя существительное основного предложения + относящийся к этому имени глагол подчиненного предложения". Но изменение тона никогда не происходит в группе "субъект + предикат". Можно было бы увеличить число подобных примеров, показывающих, что в языках самых разных структур отношение между субъектом и предикатом не рассматривается как отношение между определяемым и определением. Противоположные примеры редки и малодоказательны. Мы намерены, стало быть, отличать детерминативные синтагмы (слагающиеся из определения и определяемого) от предикативных синтагм (слагающихся из субъекта и предиката).

Третий класс представлен социативными синтагмами, оба члена которых всегда находятся в синтагматическом отношении с каким-либо другим членом того же сообщения. Мы подразумеваем, таким образом, под социативной синтагмой два субъекта при одном и том же предикате, два предиката при одном и том же субъекте, два определения, относящихся к одному и тому же определяемому, и т.д.³

* Совр. название — нивхский язык. — *Прим. ред.*

¹ См.: Е. К р е й н о в и ч. Нивхский (гиляцкий) язык. — В кн.: "Языки и письменность народов Севера", III.

² Подробнее см.: I d a C. W a r d. An Introduction to the Ibo Language. Cambridge, 1936, а также нашу рецензию на эту работу в „Anthropos“, XXXI, p. 978 ff.

³ Отметим, что в русском языке все три класса синтагм могут быть выражены группой из двух существительных и в этом случае смысловое различие выражается интонацией: *человек-звѣрь* (детерминативная синтагма) — без какой-либо паузы между обоими членами и без какого-либо ударения на первом члене; *человѣк — звѣрь* (предикативная синтагма) — с небольшой паузой между обоими членами, восходящей интонацией на первом члене и нисходящей интонацией на втором; *человѣк, звѣрь (... птѣца)* (социативная синтагма) — с относительно большой паузой между обоими членами и интонацией "перечисления" (нисходящей) на каждом члене.

Детерминативная синтагма представлена множеством типов и подтипов, количество которых зависит отчасти от грамматической структуры данного языка. Некоторые из этих типов обнаруживаются в большом числе языков и получили общее традиционное наименование: определение в синтагме, оба члена которой являются существительными, обычно обозначается как "генитив"; в детерминативной синтагме, один из членов которой является существительным (или местоимением), а другой — глагольной формой, глагольная форма называется "причастием", если определением выступает эта форма, а если, напротив, определением выступает существительное или местоимение, их описывают как "дополнение" и различают "прямое дополнение" и "косвенное дополнение". Все эти ярлыки имеют определенный смысл и порой достаточно практичны. Но часто они дают ложное представление о реальных отношениях между различными грамматическими категориями данного языка.

Все переходные глаголы, употребляемые в качестве предиката, предполагают как минимум два существительных (или местоимения), одно из которых обозначает субъект действия, другое — объект, подверженный действию. Из двух синтагм, образованных переходным глаголом и каждым из этих существительных (или местоимений), одна обязательно является предикативной синтагмой, другая — детерминативной. Отсюда два типа языков: языки, в которых определение переходного глагола есть субъект действия, и языки, в которых определение глагола есть объект действия. В языках первого типа номинатив (субъектный падеж) противостоит эргативу, в языках второго типа номинатив противостоит аккузативу. Первый тип представлен эскимосским, тибетским, северокавказскими языками и т.д.; второй тип — суданскими, семитскими, индоевропейскими, финно-угорскими, тюркскими, монгольскими и пр. языками. Разумеется, с точки зрения каждого из этих языков термины "номинатив и эргатив" или "номинатив и аккузатив" практичны и удобны. Но с точки зрения общей грамматики в обоих типах речь идет об оппозиции "субъектного падежа" („cas sujet“) и "падежа непосредственного определения к глаголу" („cas déterminant immédiat d'un verbe“). Ибо хотя эргатив и прямо противоположен аккузативу, эти два падежа играют одну и ту же роль в синтагматической системе соответствующих языков: их роль состоит в том, чтобы непосредственно определять переходный глагол (тогда как совсем другой падеж — "падеж определения при этом глаголе" предполагает существование и непосредственного определения)⁴.

Если аккузатив или эргатив (в зависимости от типа языка) есть падеж непосредственного определения к глаголу, то генитив может быть обрисован как "падеж приименного определения". Так объясняется совпадение в большинстве языков (полное или частичное) аккузатива или эргатива (в зависимости от типа языка) с генитивом. В классическом арабском генитив совпадает с аккузативом в двойственном и во мно-

⁴ См.: R. Jakobson. — In: „Travaux du Cercle Linguistique de Prague“, VI, p. 254.

жественном (регулярном) числе всех существительных и в единственном числе имен собственных; в славянских языках (за исключением болгарского, который утратил склонение) существительные, обозначающие одушевленные существа мужского рода (как и местоимения и прилагательные, относящиеся к таким существительным), имеют в единственном числе генитив в значении аккузатива; в некоторых тюркских языках, например в балкарском или карачаевском (на Северном Кавказе), генитив всегда совпадает с аккузативом. С другой стороны, в некоторых восточнокавказских языках, а именно в лакском (в центральном Дагестане) и в большинстве диалектов кюринского или лезгинского (на юго-западе Дагестана), формы генитива совпадают с формами эргатива. Таким образом, очевидно, что с точки зрения языков, подобных балкарскому, ошибочно говорить о генитивном падеже и об аккузативном или эргативном падеже: в этих языках имеется единственный "падеж непосредственного определения", противопоставленный, с одной стороны, нескольким падежам не-непосредственного определения, и с другой — одному падежу не-определения ("номинативу"). Тот же классический арабский обнаруживает в двойственном и во множественном числе не оппозицию "номинатива" "генитиву — аккузативу", но оппозицию "падежа не-определения" и "падежа определения".

Этих примеров достаточно, чтобы показать, сколь многообразные нюансы приобретает понятие "непосредственного определения" в зависимости от грамматического контекста данного языка. А здесь речь идет только о наиболее простом типе детерминативной синтагмы.

Понятие "определенного артикля" хорошо известно в мире европейской культуры. Но опытные лингвисты знают, что те же оттенки значений, которые в греческом, французском, немецком и английском передаются добавлением "определенного артикля", в других языках передаются иными способами. Уместно, таким образом, использовать выражение "определенная форма" для всех существительных, которые — прибавлением ли артикля или неким морфологическим способом — приобретают тот оттенок значения, каким обладают существительные в сочетании с "определенным артиклем" в греческом, французском и т.д.

Понятие "определенности" может быть выражено тремя способами:

А) синтагмой (детерминативной), образованной данным существительным и "определенным артиклем", понимаемым как слово;

В) специальной формой рассматриваемого существительного (то есть сочетанием основы существительного и специального аффикса);

С) специальной формой другого слова (существительного, прилагательного, глагола), относящегося к рассматриваемому существительному, то есть образующего с ним синтагму (детерминативную или предикативную).

Иногда трудно различать способы А и В. Сочетание из двух слов должно рассматриваться в качестве такового, если его члены разделены

вставкой, состоящей из других слов, тогда как аффиксы могут быть отделены от "основы" только другими аффиксами с формальным значением. В тех языках современной Европы, где "определенный артикль" существует как отделяемое слово, он всегда находится в препозиции (как в греческом, итальянском, французском, испанском, английском, немецком, венгерском). Напротив, в тех европейских языках, где понятие определенности передается аффиксами, последние суффиксированы (как в норвежском, шведском, датском, албанском, румынском, болгарском и в некоторых великорусских диалектах). Изучая неевропейские языки, лингвисты-европейцы проявляют склонность к толкованию всех внешних маркеров категории определенности в качестве артиклей, если они находятся в препозиции, и в качестве аффиксов, если они в постпозиции. Очевидно, что это ошибка, которой следует остерегаться. Так, "определенный артикль" арабского языка на самом деле является не чем иным, как префиксом, поскольку он всегда стоит непосредственно перед существительным и не может быть отделен от этого последнего никаким другим словом. Напротив, так называемый "суффикс определенности" *г* в черкесском и в кабардинском в действительности является артиклем, поскольку он может быть отделен от существительного прилагательным и числительным; ср. черкесское *unedexëſir* 'эти (*г*) три (*ſi*) красивых (*dexë*) дома (*une*)'. Что касается случая *С*, то необходимо отметить, что он часто объединяется с одним из предыдущих случаев. Так, в болгарском значение определенности передается аффиксом, который прибавляется к существительному, если это последнее не уточняется при помощи прилагательного (*човекът* 'этот человек'), или же к прилагательному, которое уточняет существительное (*добрият човек* 'этот добрый человек'). В мордовском значение определенности всегда передается аффиксом, прибавляемым к существительному, но более того — переходные глаголы обладают различными окончаниями в зависимости от того, выражает ли их прямое дополнение значение определенности или неопределенности: *gaman kudo* 'я куплю дом' ~ *gamasa kudont* 'я куплю этот дом', *gamat kudo* 'ты купишь дом' ~ *gamasak kudont* 'ты купишь этот дом' и т.д. Ср. "сильные" и "слабые" формы прилагательного в немецком языке и т.п.

Как и все грамматические категории, понятие категории определенности реально существует только в оппозиции с противоположным понятием. Во всех языках, которые ею обладают, оппозиция определенности — неопределенности нейтрализуется или устраняется в некоторых позициях или при некоторых условиях, которые различаются от языка к языку. Вероятно, не будет преувеличением утверждать, что большинство случаев нейтрализации оппозиции определенности — неопределенности связано с функционированием системы синтагм — предикативных или детерминативных.

Предикативные синтагмы отражают весьма ясные отношения. Для большинства языков оппозиция определенности — неопределенности ос-

тается в полной силе для всех членов названной синтагмы. Но в некоторых языках эта оппозиция устраняется у существительных в предикативной функции; обратное явление, то есть упразднение оппозиции определенности — неопределенности у существительных в функции субъекта (и ее сохранение у существительных в функции предиката), кажется, не имеет места ни в одном из языков мира.

В пределах детерминативной синтагмы отношения сложнее и видоизменяются от языка к языку. Очень часто оппозиция определенности — неопределенности оказывается устраненной у определяемого, а именно в двух группах случаев: когда определение является демонстративом или когда оно является посессивом. Существительные, уточняемые демонстративами, находятся вне оппозиции определенности — неопределенности почти во всех языках⁵. В большинстве других языков то же самое имеет место для субстантивов, уточняемых притяжательными местоимениями (например, во французском), любыми посессивами (например, в старославянском, черкесском, абхазском) или некоторыми типами посессивов (например, в английском, немецком, датском — притяжательными местоимениями и генитивами на -s, которые стоят перед своим определяемым). Но во многих языках оппозиция определенности — неопределенности существует даже для субстантивов, уточняемых притяжательным местоимением (например, в греческом, итальянском, арабском и т.д.).

Когда определение является качественным прилагательным, определяемое сохраняет оппозицию определенности — неопределенности во всех известных нам языках. Более того, в некоторых языках оппозицию определенности — неопределенности знают только существительные, уточняемые качественным прилагательным. Это случай сербохорватского и старославянского, где оппозиция определенности — неопределенности выражена специальными формами прилагательного ("случай С"). Во французском то же ограничение существует для имен собственных, которые допускают употребление артикля, только если эти имена уточнены прилагательным: «il y avait parmi vos élèves un petit Jean, qui ne voulait pas apprendre; et bien le petit Jean parasite — c'est moi!» 'Среди ваших учеников был некий маленький Жан, который не желал учиться; так вот, этот ленивый маленький Жан — это я!'

В кабардинском в действительности существуют только два падежа: "падеж определения" (генитив, датив, локатив и эргатив) и падеж "неопределения" (субъект непереходных глаголов, прямое дополнение переходных глаголов и предикат именного предложения) — другие "падежи" остаются лишь комбинацией с послелогом. Итак, в этих языках

⁵ Но в старославянском, где понятие определенности было выражено специальными формами прилагательного ("случай С"), определенность могла отличаться от неопределенности даже в сочетании с указательным местоимением. В мордовском существительные, уточняемые демонстративами, предстают то в определенной, то в неопределенной форме, но трудно сказать, имеет ли в этом случае место смысловая оппозиция.

оппозиция определенности — неопределенности имеет место только в падеже "не-определения" и устранена в падеже определения⁶.

Существуют, наконец, языки, которые обнаруживают отношения, прямо противоположные отмеченным в кабардинском — языки, в которых оппозиция определенности — неопределенности наличествует только у определения. В тюркских языках прямое дополнение переходного глагола (то есть именное определение этого глагола) может быть выражено двумя разными способами — в зависимости от того, является ли оно определенным или неопределенным: в первом случае оно не принимает падежного суффикса, во втором случае оно принимает суффикс "аккузатива". Для большинства современных тюркских языков это единственная синтаксическая позиция, где понятия определенности и неопределенности могут внешне различаться. В современном русском и, может быть, в некоторых других славянских языках притяжательные прилагательные, производные от имен лиц, всегда указывают на наличие определенного лица, тогда как обороты с генитивом имени лица не содержат такого оттенка: *мельникова дочь* всегда означает 'дочь этого мельника', тогда как *дочь мельника* может с тем же успехом значить и 'дочь этого мельника' и 'дочь всякого мельника'. Это единственный случай, когда русский язык (по крайней мере литературный русский) обнаруживает зачатки оппозиции между понятиями определенности и неопределенности; при этом интересно отметить, что здесь речь идет об определении в детерминативной синтагме.

Мы видим, таким образом, что оппозиция определенности — неопределенности может быть устранена у определяемого (например, во французском после посессивов и демонстративов) или у определения (например, в кабардинском), но она может быть и ограничена только определяемым (например, в старославянском) или только определением (например, в тюркских языках). Было бы полезным исследовать эти возможности в контексте всей грамматической системы каждого из языков.

⁶ Черкесский (или нижнечеркесский) [совр. адыгейский. — *Прим. ред.*], являющийся ближайшим родственником кабардинского, отличается от него тем, что обнаруживает оппозицию определенности — неопределенности в двух падежах; все же он использует для каждого из этих двух падежей разные "определенные артикли": для "неопределения" — *г* (как и кабардинский), а для падежа "определения" — *-т* (который в кабардинском является падежным окончанием без различения определенности — неопределенности).

МЫСЛИ ОБ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОБЛЕМЕ*

Индоевропейцы — это люди, родной язык которых принадлежит к индоевропейской семье языков. Из этого с научной точки зрения единственно возможного определения вытекает, что понятие «индоевропейцы» является чисто лингвистическим, — в такой же мере, как понятия «синтаксис», «родительный падеж» или «ударение». Существуют индоевропейские языки и существуют народы, говорящие на этих языках. Единственным признаком, общим всем этим народам, является принадлежность их языков к индоевропейской семье языков.

В настоящее время существует много индоевропейских языков и народов [2]. Оглядываясь назад, в историческое прошлое, мы замечаем, что так было и раньше, насколько наш взор проникает в глубь веков. Кроме предков современных индоевропейских языков, в древности существовал еще целый ряд других индоевропейских языков, которые вымерли, не оставив потомства [3]. Предполагают, что в какие-то чрезвычайно отдаленные времена существовал один-единственный индоевропейский язык, так называемый индоевропейский праязык, из которо-

* Перепечатка из журнала "Вопросы языкознания", № 1, 1958, с. 65 — 77. От редакции [журнала]. Ниже публикуется русский вариант статьи Н. С. Трубецкого, немецкий вариант которой был опубликован в 1939 г. (N. S. T r u b e t z k o y. Gedanken über das Indogermanenproblem, «Acta linguistica», vol. I, fasc. 2. Copenhagen, 1939, с. 81 — 89). Русский текст статьи в ряде мест отличается от немецкого.

Предложенное Трубецким структурное определение языкового родства, гипотеза о возможности конвергентного развития языковой семьи и замечания о характере типологической эволюции языка перекликаются с идеями ряда других современных лингвистов (ср. В. П и з а н и. Общее и индоевропейское языкознание. — В сб.: "Общее и индоевропейское языкознание". М., 1956, с. 168; см. о возможности археологического подтверждения гипотезы Трубецкого: Н. Н е п с к е n. Indo-European languages and archeology. — «American Anthropologist [American anthropological association]», vol. 57, N 6, part 3, Memoir N 84, 1955, p. 46 — 48). Вместе с тем выбор структурных признаков индоевропейских языков у Н. С. Трубецкого не может считаться достаточно мотивированным, что отмечалось в советской лингвистической литературе (А. А. Ф р е й м а н. Хеттский язык в его отношении к индоевропейским. ИАН ОЛЯ, т. VI, вып. 3, 1947, с. 193) [1].

го (будто бы развились все исторически засвидетельствованные индоевропейские языки. Предположение это противоречит тому факту, что, насколько мы можем проникнуть в глубь веков, мы всегда находим в древности множество индоевропейских языков. Правда, предположение о едином индоевропейском праязыке нельзя признать совсем невозможным. Однако оно отнюдь не является безусловно необходимым, и без него прекрасно можно обойтись.

Понятие «языкового семейства» отнюдь не предполагает общего происхождения ряда языков от одного и того же праязыка. Под «языковым семейством» разумеется группа языков, которые, кроме ряда общих черт языкового строя, представляют между собой также еще ряд общих «материальных совпадений», то есть группа языков, в которых значительная часть грамматических и словарных элементов представляет закономерные звуковые соответствия. Но для объяснения закономерности звуковых соответствий вовсе не надо прибегать к предположению общего происхождения языков данной группы, так как такая закономерность существует и при массовых заимствованиях одним неродственным языком у другого. Так, например, в древнейших заимствованиях западнофинских языков из (восточно-)славянского славянские звонкие взрывные *б, д, г* между гласными закономерно передаются финскими краткими глухими *n, t, k*, славянские глухие взрывные *n, t, k* — финскими долгими (двойными) глухими *nn, tt, kk*, славянское *ь* — финским *i*, славянское *ъ* — финским *u* (но в конце слова после славянских глухих согласных — финским *i*), славянское *о* — финским *a*, славянское *е* — финским *ä* и т.д. Совпадение в рудиментарных элементах словаря и морфологии тоже не является доказательством происхождения из общего праязыка, ибо в принципе все элементы языка подвержены заимствованию, а на низких ступенях развития рудиментарные элементы словаря особенно часто переходят из одного языка в другой. В свое время Пауль Кречмер (в своей «*Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache*») вполне основательно утверждал, что между понятиями родства и заимствования с лингвистической точки зрения существует только хронологическое различие. Слова, проникшие из одного индоевропейского языка в другой после известного звукового изменения, мы узнаем как заимствованные, потому что закономерность звуковых соответствий оказывается нарушенной. Например, славянское *тынъ* явно заимствовано из германского *tûnas* (нем. *Zaun*, англ. *town*), так как в «исконно-родственных» словах германскому *t* (нем. *z*, англ. *t*) должно соответствовать славянское *д* (ср., например, нем. *zwei*, англ. *two* — слав. *дъвь, дъва*; нем. *zu*, англ. *to* — слав. *до*; нем. *zwingen* — слав. *двигати*; нем. *sitzen*, англ. *sit* — слав. *сѣдѣти*; нем. *Zahl* — слав. *доля*; англ. *tear*, нем. *zerren* — слав. *дѣрати, дѣра*; нем. *zerren* — русск. *дергать* и т.д.). Здесь мы узнаем о том, что слово заимствовано, только потому, что заимствование произошло уже после изменения *d* в *t* на германской почве: если бы заимствование произошло до этого изменения, по-славянски получилось бы не *тынъ*, а *дынъ*, которое мы должны были бы считать «исконно-родственным» нем. *Zaun* и англ. *town*. Весьма возможно, например,

что германское слово, послужившее источником для славянского *тынъ*, было само заимствовано из кельтского (ср. галльск. *dunum* в названиях укрепленных городов, вроде *Neviodunum*, *Mellodunum*, *Eburodunum*, *Uxellodunum* и т.д.). Но поскольку это заимствование произошло еще до перехода *d* в *t* на германской почве, германское *tûnas* (нем. *Zaun*, англ. *town*) ничем не проявляет своего кельтского происхождения и должно рассматриваться как «исконно-родственное» с кельтским *dûnum*. Строго говоря, «индоевропейскому праязыку» приписываются все языковые (словарные и грамматические) элементы, которые встречаются в нескольких индоевропейских ветвях и не заключают в себе никаких указаний на направление, в котором они заимствовались одним языком у другого. Точно так же обстоит дело и в других языковых семействах.

Таким образом, нет, собственно, никакого основания, заставляющего предполагать единый индоевропейский праязык, из которого якобы развились все индоевропейские языки. С таким же основанием можно предполагать и обратную картину развития, то есть предполагать, что предки индоевропейских ветвей первоначально были непохожи друг на друга и только с течением времени благодаря постоянному контакту, взаимным влияниям и заимствованиям значительно сблизились друг с другом, однако без того, чтобы вполне совпасть друг с другом. История языков знает и дивергентное и конвергентное развитие [4]. Порою бывает даже трудно провести грань между этими двумя видами развития. Романские языки, несомненно, все восходят к одному латинскому (вульгарнолатинскому) языку. Но эпохе усвоения вульгарнолатинского языка иберами, галлами, лигурами, этрусками, венетами, даками и т.д., несомненно, предшествовал период приспособления языков всех этих племен к латинскому языку, период, когда все эти языки насыщались словарными заимствованиями из латинского и видоизменяли свою грамматику и синтаксис в направлении, сходном с латинским [5]. И не подлежит сомнению, что и сам латинский язык именно в этот же период переживал сильнейшие изменения, вызванные процессом встречного приспособления к варварской речи. А в результате, когда варварские языки в разных частях бывшей Римской Империи исчезли, уступив место латинскому, этот латинский язык в каждой провинции оказался несколько иным, так что полного языкового единства, собственно, так и не получилось. После же вытеснения варварских языков латинским провинциальные разновидности этого языка стали развиваться в разных направлениях и в конце концов породили современные романские языки, настолько отличающиеся друг от друга, что представители двух разных романских языков (а зачастую и двух говоров одного и того же романского языка) уже не понимают друг друга. В то же время в целом ряде частных случаев те же романские языки (особенно языки литературные) представляют и в дальнейшей своей истории тенденцию к взаимному сближению. Таким образом, здесь конвергенция и дивергенция с самого начала переплетаются друг с другом.

Романские языки являются одним из примеров развития семейства языков из «праязыка». Пример этот не вполне удачен потому, что «пра-

языком» в данном случае служил государственный язык с письменной традицией. Но рядом с настоящими романскими языками существуют и языки, так сказать, «полуроманские», то есть языки, вставшие на путь постепенной замены своих оригинальных черт и элементов народнолатинскими, но не дошедшие в этом направлении до конца. Таков, например, язык албанский. Значительная часть его словаря состоит из романских элементов, и грамматический строй его сильно напоминает строй романский. Но в то же время язык этот не стал вполне романским и сохраняет еще очень большое число элементов, не объяснимых при помощи латинского. Так как латинский язык хорошо известен по памятникам и, кроме того, имеются живые романские языки, языковеды оказываются в состоянии в значительной мере распутать клубок романских и нероманских элементов албанского языка, хотя это и сопряжено с большими затруднениями. Но если бы в распоряжении ученых находилось только несколько «полуроманских» языков вроде албанского, то, применяя к этим языкам сравнительный метод, выработанный индоевропейским языковедением, пришлось бы восстанавливать их «праязык», причем нероманские элементы этих языков пришлось бы либо оставлять необъясненными, либо объяснять при помощи сложных и искусственных комбинаций, которые непременно отразились бы на восстановленном «праязыке» [6]. Картина еще осложнилась бы, если бы в распоряжении науки находилась не одна группа языков, вступивших на путь конвергентного развития и остановившихся посреди этого пути, а потомки нескольких таких групп, связанных друг с другом частичной конвергенцией. Применяя метод классического сравнительного языковедения, пришлось бы восстанавливать «праязык» всей этой совокупности языков, так как в них во всех имелись бы и общие черты строя, и общие словарные и грамматические элементы с закономерными звуковыми соответствиями. «Праязык», несомненно, восстановить удалось бы, но он, разумеется, не соответствовал бы никакой реальности.

Таким образом, языковое семейство может быть продуктом чисто дивергентного, или чисто конвергентного развития, или, наконец, продуктом сочетания обоих типов развития в разных пропорциях. Критериев, вполне объективно указывающих на то, какому именно типу развития обязана своим происхождением данная группа языков, по-видимому, нет или почти нет. Для семейств, состоящих из языков настолько близких, что почти все словарные и грамматические элементы каждого из этих языков находятся (с закономерными звуковыми изменениями) во всех или в большинстве других языков того же семейства,— для таких семейств чисто дивергентное развитие, конечно, более вероятно, чем чисто конвергентное. Быть может, некоторые указания можно почерпнуть и из внутреннего членения данного языкового семейства. Существуют языковые семейства с сетевидным (или цепевидным) членением. Таковы, например, славянские языки. Здесь почти каждый язык является как бы связующим звеном между двумя другими, и связь между соседними языками осуществляется переходными говорами, причем нити связи тянутся и поверх границ, между группами. Так,

южнославянская группа [7] не только представляет собой непрерывную цепь переходов от словенского [7 а] языка (через кайкавщину) к сербохорватскому, а от него (через ряд переходных говоров) к болгарскому, но можно прямо сказать, что из всех южнославянских языков ближе всего к западнославянским стоит словенский (и, в частности, его хорутанские говоры), а ближе всего к восточнославянским — болгарский (и, в частности, его восточное наречие) и т.д. Однако при сопоставлении славянских языков с прочими индоевропейскими это цепевидное членение прекращается. Не подлежит сомнению, что из всех других индоевропейских языков ближе всего к славянским стоят языки балтийские (литовский, латышский и вымерший древнепрусский). Но нельзя сказать, какой именно балтийский язык ближе всего к славянским и какой именно славянский ближе всего к балтийским [8]. Вместо цепевидного членения здесь имеется иной тип членения, который можно было бы назвать к и р - п и ч е в и д н ы м. И, возможно, что эти разные типы членения групп «родственных» языков связаны с разными типами возникновения этих групп, то есть, что цепевидное членение развивается при преобладании дивергенции, а кирпичевидное — при преобладании конвергенции.

Как бы то ни было, индоевропейское языковое семейство не представляет особо тесной связи между отдельными своими ветвями. Каждая из ветвей индоевропейского семейства обладает значительным числом словарных и грамматических элементов, не имеющих точных соответствий в других индоевропейских языках [9], — в этом отношении индоевропейское семейство сильно отличается от таких языковых семейств, как тюркское, семитское или семейство языков банту. А при таких условиях предположение, что индоевропейское семейство получилось благодаря конвергентному развитию первоначально неродственных друг другу языков (предков позднейших «ветвей» индоевропейского семейства), отнюдь не менее правдоподобно, чем обратное предположение, будто все индоевропейские языки развились из единого индоевропейского праязыка путем чисто дивергентной эволюции.

Во всяком случае, названное предположение должно непременно приниматься во внимание при обсуждении так называемой «индоевропейской проблемы», и всякое высказывание об этой проблеме должно быть построено так, чтобы сохранять свою силу при допущении как того, так и другого вышеупомянутого предположения. Между тем до сих пор при обсуждении «индоевропейской проблемы» учитывается только предположение чисто дивергентного развития из единого индоевропейского праязыка. Благодаря этому одностороннему подходу все обсуждение проблемы попало на совершенно ложный путь. Подлинное, чисто лингвистическое существо индоевропейской проблемы было позабыто. Многие индоевропейцы совершенно неосновательно привлекли к участию в обсуждении «индоевропейской проблемы» доисторическую археологию, антропологию и этнологию [10]. Стали рассуждать о местожительстве, культуре и расе индоевропейского «пранарода», между тем как этот пранарод, может быть, никогда и не существовал. Для современных немецких (да и не только немецких!) языковедов «индоевропейская

проблема» получает приблизительно следующую формулировку: «какой тип доисторической керамики должен быть приписан индоевропейскому пранароду?» Но этот вопрос (точно так же, как и ряд подобных ему вопросов) с научной точки зрения разрешен быть не может и потому является праздным. Вся дискуссия вертится в заколдованном кругу, так как само существование индоевропейского пранарода доказано быть не может, точно так же, как не может быть доказана и связь определенных типов материальной культуры с определенным типом языка. Таким образом, создается мнимое понятие, романтический призрак «пранарода», и в погоне за этим призраком забывается та основная научная истина, за которую следовало бы держаться, — именно, что понятие «индоевропейцы» является исключительно лингвистическим.

Единственная научно допустимая постановка вопроса гласит: как и где образовался индоевропейский строй языка? И ответить на этот вопрос можно и должно, прибегая исключительно к лингвистическим понятиям и фактам.

Чтобы ответить на вопрос о месте и способе возникновения индоевропейского строя, нужно, конечно, прежде всего выяснить, каковы особенности самого этого строя.

По каким признакам лингвисты определяют, что данный язык является индоевропейским? Разумеется, для этого необходимо наличие в данном языке некоторого количества «материальных совпадений», то есть корней, основообразовательных суффиксов и окончаний, совпадающих как по своей функции (по значению), так и по своей звуковой стороне (разумеется, при учете закономерных звуковых соответствий) с такими же элементами других индоевропейских языков. Однако невозможно сказать, как велико должно быть число таких совпадений, чтобы данный язык мог быть признан индоевропейским. Невозможно также сказать, какие именно словарные или грамматические элементы непременно должны быть налицо в каждом индоевропейском языке. Трудно найти слово, которое в соответственно закономерно измененном звуковом виде встречалось бы во всех без исключения индоевропейских языках. Как раз наиболее распространенные слова представляют в отдельных языках такие нарушения звуковых законов, что их прототип может быть восстановлен лишь при помощи некоторого насилия над фактами [11]. Слова же, не представляющие в отдельных языках никаких звуковых неправильностей, обычно засвидетельствованы не во всех, а лишь в немногих индоевропейских языках. Что касается до грамматических окончаний, то они лишь очень редко находят себе вполне точное соответствие за пределами данной индоевропейской ветви. Очень часто обычные звуковые законы к окончаниям оказываются неприменимы, и приходится искусственно изобретать *ad hoc* особые «законы конца слова» (*Auslautgesetze*) [12], поле действия которых иногда ограничено одним-единственным примером (например, ходячие объяснения славянского дат. п. ед. ч. *рабу*, твор. п. мн. ч. *рабы*, род. п. ед. ч. *жены*). Ко всему этому надо прибавить еще и то, что как раз некоторые из наиболее распространенных в индоевропейских языках словарных и грамматиче-

ских элементов вовсе не являются специфически индоевропейскими и распространены и в других, неиндоевропейских языковых семействах [13], например элементы отрицания с согласными *n* и *m*, местоименные корни *m* «мой, меня», *t* или *s* «твой, тебя», *to* «тот», *kwo* «кто?» и т.д. Принимая во внимание все эти обстоятельства, придется признать, что при решении вопроса о принадлежности данного языка к индоевропейскому языковому семейству «материальным совпадениям» не следует приписывать слишком значительной роли. Разумеется, «материальные совпадения» должны быть налицо, и их полное отсутствие является доказательством того, что данный язык к индоевропейскому семейству не принадлежит. Но число этих совпадений довольно безразлично, и среди них нет ни одного, наличие которого было бы обязательно для того, чтобы засвидетельствовать индоевропейский характер данного языка.

Для доказательства принадлежности данного языка к индоевропейскому семейству, кроме неопределенного числа «материальных совпадений», необходимо наличие следующих шести структурных признаков, свойственных всем известным нам индоевропейским языкам (живым и вымершим):

Во-первых, два фонологических признака скорее отрицательного характера:

1. **Отсутствие гармонии гласных.** Состав гласных первого слога слова в индоевропейских языках никогда не определяется составом гласных первого слога [14] (в отличие от языков алтайских и многих угрофинских). В тех случаях, где термин «гармония гласных» применяется к отдельным индоевропейским языкам или диалектам (например, в подляшских и западноукраинских говорах, в резьянском диалекте словенского языка), на самом деле имеет место просто приспособление неударяемых гласных к ударяемым по степени открытости (например, в резьянском говоре словенского языка *koleno* сохраняется, но *korito* переходит в *kuritu*, в подляш.-укр. *с собою* сохраняется, но дат. п. *собі* переходит в *субі* и т.д.) — результаты этого процесса совершенно не похожи на то явление, которое принято называть гармонией гласных в алтайских и угрофинских языках.

2. **Число согласных, допускаемых в начале слова, не беднее числа согласных, допускаемых внутри слова.** В этом отношении индоевропейские языки сильно отличаются от большинства угрофинских и алтайских языков. В тех случаях, когда в индоевропейских языках в начале слова допускаются не те же согласные, что внутри слова, набор согласных начала слова оказывается богаче набора внутрисловного [15]: так, например, говоры шотландского языка различают в начале слова придыхательные и непридыхательные согласные, в некоторых новоиндийских языках в начале слова различаются согласные придыхательные, непридыхательные и смычно-гортанные, внутри же слова этого различия не существует (таковы, например, восточные говоры бенгальского языка). Ни в одном угрофинском или алтайском языке такое явление не могло бы иметь места (но в северокавказских языках оно вполне допустимо; ср., например, чечен-

ский язык, в котором различие между глухими простыми и смычно-гортанными существует только в начале слова).

Следующие три особенности относятся к области «морфонологии»:

3. Слово не обязано начинаться с корня. Индоевропейских языков без префиксов не существует. Даже в наиболее древних индоевропейских языках имеются настоящие префиксы, то есть такие морфемы, которые встречаются только в сложении с последующим корнем, а как самостоятельные слова никогда не употребляются (например, *p-* «без-», *su-* «добро-», «благо-», *dis-* «худо-», аугмент *e-* и т.д. [16]). В позднейших же индоевропейских языках число таких префиксов имеет склонность увеличиваться.

4. Образование форм осуществляется не только при помощи аффиксов, но и при помощи чередования гласных внутри основы. К старому чередованию гласных (*Ablaut*'у), о причинах возникновения коего можно высказывать лишь более или менее правдоподобные догадки, в каждом индоевропейском языке присоединяются и новые виды чередования гласных, условия возникновения которых определяются без особого труда. Однако, хотя новые чередования гласных и вызваны действием специальных звуковых законов, законы эти уже утратили силу, и с точки зрения данной эпохи новое чередование гласных является уже не механически обусловленным, а столь же «свободным» и «грамматическим», как старый *ablaut*. Так, с точки зрения современного русского языка нет принципиальной разницы между чередованием *e — o* в случаях *мéлет — мóлотый*, *петь — пой*, и *течь — ток*, между тем как это чередование в первом случае вызвано специально русскими звуковыми законами, во втором — общеславянскими звукоизменениями, а в третьем восходит к еще более древнему, дославянскому («общеиндоевропейскому») чередованию гласных. Таким образом, во всех индоевропейских языках старые и новые случаи и виды чередования гласных сочетаются друг с другом и создают подчас сложнейшие ряды. Так, например, немецкий корень со значением «ломать, обламывать» выступает в немецком литературном языке с восемью разными огласовками, то есть со всеми простыми (не дифтонговыми) гласными немецкого языка: *Bruch* «перелом», *gebrochen* «сломан», *brach* «сломал», *bräche* — конъюнктив прош. вр., *brechen* «ломать», *brich!* «ломай!», *brüchig* «ломкий», *ab-bröckeln* «отбить, отломить».

5. Наряду с чередованием гласных известную роль при образовании грамматических форм играет и внешне не обусловленное чередование согласных. Степень использования этого средства в отдельных индоевропейских языках очень различна. Но так или иначе оно применяется во всех них, и нет ни одного индоевропейского языка, которому грамматическое чередование согласных было бы совсем чуждо. С исторической точки зрения все эти виды чередования согласных обязаны своим происхождением разным комбинаторным звуковым изменениям, условия которых большею частью легко поддаются определению. Но с точки зрения

синхронической (то есть с точки зрения данного состояния языка) чередование согласных уже внешне не обусловлено и является таким же большей частью вспомогательным средством формообразования, как и чередование гласных. Особенность эта типологически очень важна, в чем нетрудно убедиться, сравнив индоевропейские языки с некоторыми другими; так, семитским языкам грамматическое чередование согласных совершенно чуждо; чуждо оно и языкам севернокавказским (за исключением арчинского и кюринского, ныне лезгинского); в алтайских же языках существует только внешне обусловленное, комбинаторное чередование согласных на морфологических «швах».

Наконец, последний пункт относится к области морфологии.

6. Подлежащее непереходного глагола трактуется совершенно так же, как подлежащее переходного [17]. В тех индоевропейских языках, в которых различие между подлежащим и прямым дополнением переходного глагола выражается падежными окончаниями, подлежащее непереходного глагола принимает то же окончание, что и подлежащее переходного (например, лат. *filius patrem amat — filius venit*); а в тех индоевропейских языках, в которых различие между подлежащим и прямым дополнением переходных глаголов выражается расположением слов в предложении, подлежащее непереходного глагола расположено по отношению к своему сказуемому совершенно так же, как подлежащее переходного глагола (например: франц. *le fils aime le père — le fils vient*).

Каждый из перечисленных выше шести структурных признаков встречается порознь и в неиндоевропейских языках, но все шесть вместе — только в индоевропейских. Язык, не обладающий всеми шестью названными признаками, не может считаться индоевропейским, даже если словарь его включает в себе много элементов, совпадающих с индоевропейским. И, наоборот, язык, заимствовавший большую часть своих словарных и формативных элементов из неиндоевропейских языков, но представляющий перечисленные выше шесть признаков (наряду с хотя бы небольшим числом слов и аффиксов, общих другим индоевропейским языкам), должен быть признан индоевропейским. Из этого следует, что язык может с д е л а т ь с я индоевропейским или, наоборот, перестать быть индоевропейским.

Момент, когда все перечисленные шесть структурных признаков впервые сочетались друг с другом в одном языке, словарь и грамматика которого заключали в себе ряд элементов, нашедших с течением времени соответствия в исторически засвидетельствованных индоевропейских языках,— этот момент следует признать временем возникновения индоевропейского строя языка. Никакие данные доисторической археологии, разумеется, не могут дать указание на то, когда именно это произошло, ибо техника керамики или форма оружия не стоят ни в какой связи с перечисленными выше шестью структурными признаками. Таким образом, время возникновения индоевропейского строя никогда не удастся выяснить. Следует только заметить, что процесс сочетания наших шести структурных признаков с некоторым числом «праиндоевро-

нейских» корней и аффиксов мог протекать приблизительно одновременно в нескольких языках сразу. В таком случае индоевропейских языков с самого начала было несколько, причем первоначально они составляли «языковой союз», из которого с течением времени развилось языковое семейство. Ретроспективно лингвисты вынуждены рассматривать эти члены древнейшей индоевропейской группы языков как «диалекты индоевропейского праязыка», но выводить их непременно из одного общего источника нет никаких оснований.

Для определения того географического пространства, в котором мог произойти этот процесс возникновения индоевропейского строя, надо принять во внимание следующее соображение. Предложенная в свое время Йоганном Шмидтом так называемая «теория волн» применима не только к диалектам одного языка и к группам родственных языков, но и к соседящим друг с другом неродственным языкам. Соседние языки, даже не будучи родственны друг с другом, как бы «заражают друг друга» и в результате получают ряд общих особенностей в звуковой и грамматической структуре. Количество таких общих черт зависит от продолжительности географического соприкосновения данных языков. Все это применимо и к языковым семействам. В большинстве случаев языковое семейство представляет определенные особенности, из которых одни объединяют его с одним соседним семейством, а другие — с другим, тоже соседним. Таким образом, отдельные семейства образуют целые цепи. Так, угрофинские языки и тесно с ними связанные языки самодийские представляют целый ряд структурных особенностей, общих с языками «алтайскими» (т.е. тюркскими, монгольскими и маньчжуротунгусскими). Алтайские языки в свою очередь некоторыми структурными особенностями напоминают языки корейский и японский [18], а этот последний наряду с чертами, сближающими его с алтайскими языками, обладает и другими чертами, роднящими его с языками малайско-полинезийскими. С другой стороны, алтайские языки имеют общие черты и с так называемыми «палеоазиатскими» языками («одульским» — юкагирским, «нивхским» — гиляцким и камчатской группой, состоящей из «ительменского» — камчадальского, «нымыланского» — корякского и «луораветланского» — чукотского), а эти языки (в особенности их камчатская группа) по структуре явно напоминают язык эскимосский [19] и через него соединяются с некоторыми другими североамериканскими языками. Точно таким же образом в Африке языковое семейство «банту» через посредство «бантоидных» языков связывается с языками суданскими и нилотскими; суданские языки представляют известные черты сходства с некоторыми одиноко стоящими западноафриканскими языками вроде волоф и фула, которые, с другой стороны, известными особенностями напоминают языки берберские; нилотские языки, по-видимому, представляют известное сходство с кушитскими [20]. Наконец, языки берберские, кушитские, египетский (коптский) и семитские представляют столько общих черт в своей структуре, что их часто принято объединять под именем «хамито-семитских».

Учитывая эту общую склонность к «цепному» географическому рас-

положению языковых семейств, а также и то обстоятельство, что, как было уже указано выше, все структурные черты индоевропейского языкового строя порознь встречаются и в неиндоевропейских языках, можно с некоторой степенью вероятия определить приблизительное географическое место возникновения индоевропейского языкового строя. «Соседями» древнейшего языка (или языков) индоевропейского строя могли быть только две большие группы языков (точнее, языковых семейств), из которых одну условно можно назвать «урало-алтайской» [21], а другую — «средиземноморской». Урало-алтайская группа (включая в себя семейства угрофинское, самодийское, тюркское, монгольское и маньчжуро-тунгусское) объединяется с индоевропейским наличием номинативно-аккузативной (именительно-винительной) конструкции («пункт 6»), а сверх того, наиболее западный член этой группы, семейство угрофинское представляет свободное грамматическое чередование согласных («пункт 5»). Средиземноморская группа языковых семейств [22] (представленная ныне языками северокавказскими, южнокавказскими, семитскими, баскским, может быть, также и берберскими языками, а в древности еще и вымершими языками Малой Азии) совпадает с индоевропейским строем в «пунктах» 1, 2, 3 и 4-м, но отличается от него неизменностью согласных и эргативной конструкцией (чуждой, впрочем, семитским языкам)¹. Индоевропейский языковой строй является связующим звеном между строем урало-алтайским и средиземноморским, и потому возникновение индоевропейского строя естественнее всего локализовать где-то между областью урало-алтайских языковых семейств, с одной стороны, и средиземноморских семейств — с другой. В то же время следует заметить, что дравидские языки в Индии представляют с урало-алтайскими языками целый ряд общих черт языковой структуры, причем эти черты индоевропейским языкам чужды. Это делает невозможным локализацию возникновения индоевропейского строя в областях, расположенных между урало-алтайскими и дравидскими языками, то есть в Иране или в северной Индии [23]. Еще менее вероятны более восточные локализации, при которых индоевропейский строй должен был бы играть роль промежуточного звена между урало-алтайским и китайским или между урало-алтайским и тибето-бирманским языковым строем. Таким образом, место возникновения индоевропейского строя определяется и положительно и отрицательно: это есть область, лежащая между областями урало-алтайской и средиземноморской групп языковых семейств и не вклинивающаяся между урало-алтайскими и дравидскими языками.

Разумеется, эти географические указания довольно неопределенны, тем более что мы совершенно не знаем, как далеко на север распространялась в отдаленном прошлом «средиземноморская» группа языковых семейств, представители которой в настоящее время удержались

¹ Под эргативной конструкцией мы понимаем такой грамматический строй, при котором подлежащее переходного глагола имеет не ту же форму, что подлежащее непереходного глагола, например: аварск. *вац векерула* 'мальчик бежит', *воцас тил босула* 'мальчик берет палку'.

еще у Бискайского залива и на Северном Кавказе. Но более точно определить место возникновения индоевропейского строя научными средствами невозможно. Во всяком случае, следует отказаться от предрассудка, будто «индоевропейский праязык» (или первый язык индоевропейской структуры) господствовал в узко ограниченном пространстве. При том неединообразном характере, который приходится приписывать «индоевропейскому праязыку», даже при младограмматических методах реконструкции, признание единого центра или очага распространения индоевропейского языкового семейства очень маловероятно. Совместное же действие нескольких очагов распространения вполне мыслимо и на очень обширном географическом пространстве — скажем, от Северного моря до Каспийского моря.

Возникновение индоевропейского языкового строя, всей совокупности «материальных» и «формальных» признаков индоевропейских языков было плодом длительного исторического развития. Индоевропейский строй подвержен эволюции, как и все, что относится к языку. В принципе каждая индоевропейская ветвь развивается самостоятельно, но есть некоторые тенденции развития, общие всем индоевропейским ветвям или, по крайней мере, их большинству. Сравнение этих тенденций с фактами соседних, неиндоевропейских языков вскрывает некоторые любопытные обстоятельства.

Для наиболее древних периодов развития индоевропейских языков приходится принимать не менее трех способов артикуляции взрывных согласных. В современных же индоевропейских языках число способов артикуляции взрывных обычно сводится к двум; только в таких языках, как армянский, курдский, осетинский и некоторые новоиндийские, то есть в языках, окруженных неиндоевропейской языковой средой, удержались еще трех- и четырехчленные системы взрывных. Обращаясь к соседним языкам, замечаем, что системы с тремя способами артикуляции взрывных имеются во всех северокавказских и южнокавказских языках, а также в баскском и (если считать так называемые «эмфатические» согласные особым способом артикуляции) в семитских языках; языки же угрофинские и алтайские представляют только два типа взрывных, точно так же, как огромное большинство современных индоевропейских. Любопытно при этом, что в древнейшей индоевропейской звуковой системе класс губных взрывных отличался от других классов тем, что один из его трех членов (именно *b) встречался крайне редко. Совершенно ту же картину представляют современные северокавказские языки, в которых один из трех губных взрывных (именно так называемое «смычно-гортанное» p) встречается чрезвычайно редко (а во многих языках, например в аварском, в лакском и т.д., и вовсе не встречается); точно так же и в семитских языках класс лабиальных взрывных не знает эмфатического взрывного, и в доисторическом семитском «праязыке» этот звук, если вообще существовал, должен был встречаться особенно редко [24]. Между тем в современных индоевропейских языках класс губных взрывных в отношении употребительности отдельных звуков вполне сравнялся с другими классами взрыв-

ных, и в этом отношении современные индоевропейские языки сближаются с угрофинскими, самодийскими и алтайскими.

Для «индоевропейского праязыка», вообще для наидревнейшей стадии развития индоевропейских языков приходится принимать два ряда согласных типа *к*, *г*². В исторических же индоевропейских языках находим только один ряд таких согласных, и в тех немногих языках, в которых имеется второй ряд (например, осетинск. *қ*, *ғ*), этот второй ряд явно вторичного происхождения. Из соседних языковых семейств два ряда *к*, *г* представляют прежде всего все северно- и южнокавказские языки, а, может быть, и семитские (если считать эмфатические глубокомягконебные согласные вторым рядом). Напротив, в языках угрофинских и алтайских существует только один ряд *к*, *г*, иногда с двумя оттенками произношения, обусловленными автоматической гармонией гласных. И если в самодийских языках наряду с нормальными *к*, *г* встречаются как особые фонемы заднемягконебные *қ*, *ғ*, то явление это (как и многие другие особенности самодийских языков), по всей вероятности, следует приписать влиянию вымерших языков палеоазиатского типа.

По весьма вероятному предположению (за последнее время особенно убедительно доказанному польским лингвистом Е. Куриловичем) индоевропейские языки на древнейшей стадии своего развития обладали несколькими (по Е. Куриловичу — четырьмя) гортанными согласными, но позднее эти согласные были утрачены, и там, где современные индоевропейские языки представляют гортанные согласные (например, нем. *h*, укр. *г* и т.д.), эти звуки развились из других, негортанных, уже на памяти истории³. Из соседних языковых семейств языки севернокавказские и хамито-семитские отличаются обилием гортанных согласных. Наоборот, в языках урало-алтайской группы гортанных согласных нет вовсе, и если в некоторых из этих языков встречается звук *h*, то он оказывается довольно поздним продуктом развития какого-нибудь другого звука (например, в венгерском *h* из более древнего *x*, в бурятском и в северозевенкийском *h* из *s* и т.д.)⁴. В этом отношении урало-алтайские языки напоминают исторически засвидетельствованные индоевропейские.

В древних индоевропейских языках некоторые глагольные формы образуются не только при помощи особых окончаний и определенных изменений гласных корня, но и при помощи частичного удвоения корня, именно первой его согласной: такие формы известны в древнеиндий-

² Чем отличались друг от друга эти два ряда *к*, *г*, об этом существуют разные предположения. Одни ученые предполагают противопоставление чистых *к*, *г* лабиализованным (т. е. произносимым с таким же положением губ, как при гласной *у*), другие — противопоставление твердых *к*, *г* мягким *кь*, *гь*.

³ Только в недавно открытом хеттском языке *h*, по-видимому, восходит непосредственно к одной из праиндоевропейских гортанных согласных [25].

⁴ В говоре касимовских татар имеется гортанный взрывной (*coup de glotte*), развившийся из общетюркского *k*; любопытно, что ту же эволюцию проделало и общеславянское *k* в рожанском (розентальском) говоре словенского языка (в Каринтии) и общегерманское *k* в некоторых голландских говорах.

ком, древнеиранском, древнегреческом, латинском (*posco-poposci, tango-tetigi, tundo-tutudi* и т.д.), умбрском, оскском, готском. Но в языках, засвидетельствованных на более поздней ступени развития, таких форм уже нет [26], и современным индоевропейским языкам удвоение части корня при образовании глагольных форм совершенно чуждо. Из соседних языковых семейств языки севернокавказские и семитские применяют удвоение согласной корня при образовании некоторых глагольных форм (ср., например, аварск. *тезе* 'сорвать' — *тетезе* [26а] 'срывать'; лакск. *цун* 'болеть' — *цуцар* 'болит', *шишаран* 'кипеть' — *шишарашшар* 'кишит'; арчинск. *хурас* 'смеяться' — *хураху* 'смеялся' и т.д.). Наоборот, языковым семействам урало-алтайской группы удвоение согласной глагольного корня как средство образования глагольных форм совершенно чуждо.

Индоевропейские языки на сравнительно древней стадии своего развития различали грамматические роды существительных (как предполагают теперь, сначала — род одушевленный, или активный, и неодушевленный, или пассивный, позднее же — мужской, женский и средний). Но по мере своего развития индоевропейские языки обнаруживают склонность утрачивать это различие или сводить его к минимуму. Так, армянский и новоиранские языки совсем утратили различие грамматических родов, английский и голландский почти совсем утратили это различие, а в романских языках (точно так же, как в латышском и литовском) сохранилось только различие между мужским и женским родом. Из соседних языковых семейств сильнее всего настаивают на родовых различиях существительных языки севернокавказские (чеченский язык, например, различает шесть грамматических родов) и, в более слабой степени, языки хамито-семитские. Наоборот, языковым семействам урало-алтайской группы различие грамматических родов существительных совершенно чуждо [27].

Наконец, если прав Уленбек и некоторые другие лингвисты, противопоставление именительного падежа винительному, свойственное всем исторически засвидетельствованным индоевропейским языкам (совпадающим в этом отношении с языками урало-алтайскими), развилось сравнительно поздно, и в наиболее древний период своего развития индоевропейские языки применяли эргативную конструкцию [28], подобно современным севернокавказским языкам (а также языку баскскому и некоторым вымершим языкам Малой Азии).

Все перечисленные выше факты как будто указывают на то, что в своем историческом развитии индоевропейские языки все более и более отдаляются от языкового типа, представленного современными восточнокавказскими языками, и приближаются к типу, представленному языками угрофинскими и алтайскими. Обстоятельство это может быть, конечно, истолковано разными способами. Можно видеть в нем отражение особых «исторических» (точнее, доисторических) событий в жизни индоевропейского «пранарода» и пытаться восстановить эти события. При известной доле воображения и при ловком обращении со скудными и допускающими самые разнообразные толкования данными доистори-

ческой археологии можно нарисовать довольно яркую картину «истории индоевропейского пранарода» и его отношения к другим «прарасам» и «пранародам». Картина эта, может быть, будет занимательна, но... научно неубедительна. А потому мы склонны принять иное толкование выше-приведенных фактов. Мы видим в переходе от восточнокавказского языкового типа к урало-алтайскому некий естественный процесс. Представленный современными северокавказскими (особенно восточнокавказскими) языками языковой строй с гипертрофией флексии⁵, несомненно, гораздо менее прозрачен, экономен и удобен, чем строй, представленный урало-алтайскими языками и покоящийся на принципе так называемой агглютинации. Если лингвисты до сих пор считали языки агглютинирующие более притимивными, чем флектирующие, то поступали они так, очевидно, только в силу эгоцентрических предрассудков, являясь сами представителями разных индоевропейских, а следовательно, флектирующих языков. Отрешившись от этих предрассудков, следует признать, что чисто агглютинирующие языки алтайского типа с небольшим инвентарем экономно использованных фонем, с неизменяемыми корнями, отчетливо выделяющимися, благодаря своему обязательному положению в начале слова, и с отчетливо присоединяемыми друг к другу всегда вполне однозначными суффиксами и окончаниями, представляют из себя технически гораздо более совершенное орудие, чем флектирующие языки хотя бы восточнокавказского типа с неуловимыми корнями, постоянно меняющими свою огласовку и теряющимися среди префиксов и суффиксов, из которых одни наделены определенным звуковым обликом при совершенно неопределенном и неуловимом смысловом содержании, другие же при определенном смысловом содержании или формальной функции представляют несколько разнородных, не сводимых друг к другу звуковых видов.

Правда, в большинстве индоевропейских языков принцип флективности выступает уже не в таком гипертрофированном виде, как в языках кавказских, но до технического совершенства агглютинирующих алтайских языков индоевропейским языкам еще далеко. О том, что, вопреки утверждениям индоевропейских лингвистов, агглютинирующий строй по сравнению не только с гипертрофированно-флектирующим, но и с умеренно-флектирующим представляется некоторым идеалом,— об этом свидетельствуют опыты создания искусственных языков. Шарль Балли совершенно верно заметил, что эсперанто, который состоит исключительно из индоевропейских лексем, тем не менее является языком чисто агглютинативным. Таким образом, когда индоевропейцы хотят «исправить природу» и создать более совершенный искусственный язык, они невольно упраздняют флективность и прибегают к агглютинации. Между тем обратное явление было бы немыслимо: нельзя представить себе финна, эстонца, венгра, турка или японца, который, желая создать более совершенный искусственный язык, стал бы упразднять принцип

⁵ Под флексией (флективностью, флектированием) мы разумеем морфологически значимое изменение звукового вида морфем (корней и аффиксов).

агглютинации и вводить принцип флексии.

Итак, индоевропейские языки возникли в процессе преодоления гипертрофии флексии, стремясь к рациональной агглютинации как к идеалу. В этом процессе они, однако, не дошли до конца, не успели создать в «доисторический период» устойчивый тип языкового строя, подобного, например, строю алтайскому. А потому они и продолжают эволюционировать все в том же направлении, не порывая, однако, с некоторыми элементами своей «переходной» структуры. Это и делает их столь изменчивыми, особенно по сравнению с языками алтайскими [29].

1937 г.

ПРОБЛЕМА РОДСТВА МЕЖДУ БОЛЬШИМИ ЯЗЫКОВЫМИ СЕМЬЯМИ*

Для научного доказательства родства двух языков соответствующих двух языковых семей необходимо иметь значительное число лексических пар с закономерными звуковыми соответствиями. Те лингвисты, которые не хотят соблюдать данный принцип, не имеют возможности в каждом конкретном случае доказать или опровергнуть факт языкового родства (а также и степень этого родства). Для таких лингвистов все языки родственны между собою или все они неродственны, что, в конце концов, одно и то же. Но если подходить к проблеме родства между двумя четко отграниченными языковыми семьями, применяя методы научного сравнительного языкознания, то, к сожалению, часто приходится убеждаться в том, что различия между этими языковыми семьями непреодолимы. Сравниться могут лишь соразмерные величины. Определенные различия в языковой структуре вызывают несоизмеримость языковых элементов этих семей. Сильный неизменяемый гласный алтайского корня принципиально отличен от подверженного аблауту гласного индоевропейского корня или же от семитского гласного, у которого не только качество и количество, но даже позиция в корне подвержена изменениям. В семитском и индоевропейском все согласные, независимо от их места в корне, являются равноправными и обладают одними и теми же фонологическими признаками. В языках "туранской" структуры, то есть в уральских и алтайских, согласные в анлауте имеют меньшее число фонологических признаков, чем согласные в середине и в исходе корня, тогда как в вокализме, напротив, гласные фонемы первого слога в слове обычно фонологически более содержательны, чем гласные в остальных слогах. Как известно, гласные для семитского корня не играют особой роли; для корней восточнокавказских (нахско-дагестанских) не только гласные, но и сонорные не имеют большого значения. Семитские глагольные корни почти всегда состоят из трех согласных; восточнокавказские глагольные корни состоят обычно из одного-

* N. S. Trubetzkoy. — In: „Atti del III Congresso Internazionale dei Linguisti“, 1935, p. 326 — 327. (Доклад Н. С. Трубецкого по данной проблеме.)

единственного шумного согласного. Крайне вероятно, что семитский трехконсонантный корень во многих случаях развился при наращении некоторых формантов на корень, а восточнокавказский одноконсонантный корень, наоборот, утерял конечный или начальный согласный старого многоконсонантного корня. Равным образом возможно, что неизменяемый корневой гласный алтайских языков возник в результате неизменяемости или обобщения одной ступени аблаута, а индоевропейский аблаут является результатом первоначально механических звуковых законов. Все эти возможности в принципе нельзя исключать. Но в каждом конкретном случае невозможно объективно и надежно установить, какие именно изменения претерпел данный элемент языковой структуры (фонема, корень и т.д.) по сравнению со своим прообразом, реконструированным с помощью сравнительного метода внутри данной языковой семьи. А поскольку элементы разных языковых семей, чтобы было возможно сравнивать их между собой, должны быть соответствующим образом "препарированы", то такое языковое сравнение всегда бывает связано со значительной долей произвольности и домысла, тем более, что число лексических соответствий, на которые необходимо опираться, обычно довольно невелико.

Поэтому я сомневаюсь в том, что когда-либо удастся убедительно и безупречно (с научной точки зрения) доказать родство индоевропейских с семитскими, уральскими или севернокавказскими языками. При этом я понимаю "родство" исключительно в его прямом, то есть *генеалогическом* смысле. Нечто иное — это *типологическое* родство, которое несомненно существует между генеалогически не связанными между собой языками. Типологическое сравнение языков я по-прежнему считаю весьма важной областью языкознания, в которой можно очень многого достичь, но где необходимо применять особые, до сих пор еще мало разработанные методы исследования.

[Х. Педерсен. Проблема родственных связей между большими языковыми семьями (замечания к выступлению Н. Трубецкого).

Тот факт, что при доказательстве языкового родства необходимо считаться с морфологическими соответствиями, а также с подчиняющимися фонетическим законам соответствиями в важнейшей части словарного состава, признан всеми, и, между прочим, он отражен в ответе В. Пизани. Что можно доказать с помощью сравнения семантических изменений, за которое ратует В. Порциг, я не очень понимаю.

Остается вопрос, можно ли достичь прогресса в установлении морфологических или регулярных фонетических соответствий между индоевропейской и некоторыми неиндоевропейскими семьями языков, — другими словами, можно ли, действительно, работать в этом направлении? Н. Трубецкой в данном отношении высказался крайне пессимистически. Он сомневается, удастся ли когда-либо доказать родство между индоевропейскими и семитскими, уральскими или севернокавказскими языками таким образом, чтобы это доказательство было безупречно и

убедительно с лингвистической точки зрения. Пример с северокавказскими языками выбран удачно, так как, несмотря на априорное правдоподобие родства, в данном случае надежды на реальные доказательства этого весьма малы. Но даже здесь всякие пророчества являются преждевременными. Лишь когда будет создана сравнительная грамматика северокавказских языков и она будет сопоставлена с южнокавказскими, возможно, данный вопрос прояснится. В отношении же семитского я этого пессимизма разделить не могу.]

МОРДОВСКАЯ ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В СРАВНЕНИИ С РУССКОЙ*

Вопрос о том, существует ли между фонологической системой и грамматическим строем языка некая внутренняя связь, может быть решен только после обстоятельных исследований. При этом должны сравниваться друг с другом прежде всего языки с идентичными или сходными фонологическими системами и принципиально различающимся грамматическим строем. Поучительный пример такого рода дает сравнение русского языка с мордовским¹. Эти два языка с грамматической точки зрения принципиально различны, поскольку русский — это индоевропейский, мордовский же — финно-угорский язык. При этом, однако, инвентарь звуков в обоих языках почти сходен². Правда, некоторые общие звуковые противопоставления не всегда имеют в мордовском ту же фонологическую значимость, что и в русском³. Тем не менее мордовская и русская фонологические системы настолько сходны между собой, что мордва использует для своего языка русский алфавит без каких-либо дополнений и изменений, не испытывая при этом ни малейших трудностей.

* „Das Mordwinische phonologische System verglichen mit dem Russischen“. — In: „Charisteria Guilelmo V. Mathesio quinquagenario a discipulis et Circuli Linguistici oblata“. Prague, 1932, p. 21 — 24. — Воспроизведено в кн.: „Readings in Linguistics“, II. Ed by E. P. Hamp e.a. Chicago and London, 1966, p. 38 — 41.

¹ Мы ограничиваемся здесь мордовским литературным языком, который опирается на эрзя-мордовский диалект деревни Козловка. Ср. описание этого языка профессором Д. В. Бубрихом („Звуки и формы эрзянской речи“. Москва, 1930); ср. также: М. Е. Евсеев. Основы мордовской грамматики. Москва, 1929.

² Ср. мнение Д. В. Бубриха в: „Sborník prací I. Sjezdu Slovanských Filologů v Praze“, 1929 (Praha, 1932), s. 455 ff.

³ Так, противопоставление между экспираторно сильными („ударными“) и слабыми („безударными“) гласными в русском фонологически значимо, в мордовском же — нет (ср. Д. В. Б у б р и х. Звуки и формы эрзянской речи, с. 23, § 32). Так же обстоит дело с противопоставлением между мягкими и твердыми лабиальными, которое в мордовском выражается чисто внешне (перед и после е, і все лабиальные мягкие, во всех других позициях — твердые). Литературное мордовское

Близость, однако, заключается лишь в инвентаре фонем (сходные архифонемы, сходные корреляции)⁴. По фонологическим же функциям и комбинаторным возможностям оба языка расходятся. Различие можно сформулировать так: *утрата (или нейтрализация) какого-либо фонологического признака фонемы происходит в русском под влиянием последующей, а в мордовском, напротив, под влиянием предыдущей фонемы (соответственно "нуля звука")*. В согласии с этими законами проявляет себя в обоих языках и корреляция по звонкости⁵ и корреляция по

v является комбинаторным вариантом ц, поскольку v (соотв. ́ перед e, i) встречается только перед гласными, ц (соотв. ̣ после e, i) встречается только перед согласными и в конце слова и должен быть причислен к сонорным фонемам, тогда как русское v/́ — согласный (правда, согласный особого рода). Поскольку мордовское щ (в противоположность русскому) обнаруживает ту же артикуляцию, что и ж/ж, и поскольку наряду с морд. с существует мягкое с (что в русском не имеет места), то отношение s : c = ́ : ́ = ж : щ в мордовском коррелятивно ("тембровая корреляция"), тогда как в русском с, s — дизъюнктивные фонемы. К понятиям "фонологическая значимость", "дизъюнктивные" и "коррелятивные" фонемы и т. д. см. наши „Polabische Studien“ (= Sitzungsberichte der Akad. der Wiss. in Wien, phil.-hist. Klasse, 211/4), S. 111 ff., и „Die phonologischen Systeme“ (в „Travaux du Cercle Linguistique de Prague“, IV, p. 96 ff.).

⁴ А именно: общими являются архифонемы U, O, A, E, I, P, T, K, F, S, Š, X, R, L, M, N, J; кроме того, русский содержит еще S (щ, жж), Š (ч), C (мордовск. с, ́ относятся к архифонеме S), а мордовский — V (в качестве сонорного; русск. v, ́ относятся к архифонеме F); общими корреляциями являются: корреляция согласных по звонкости и корреляция согласных по мягкости; кроме того, в русском имеется корреляция гласных по интенсивности (u : ̣ = a : ̣ = i : ̣), а в мордовском — тембровая корреляция (s : c = ́ : ́ = ж : щ).

⁵ При скоплении нескольких согласных в середине слова все согласные в русском ассимилируются в зависимости от характера звучания последующей согласной (kăšit 'косить' ~ kăžba 'косьба', kălodă 'колода' ~ kălotkă 'колодка, сапожная колодка'). В мордовском происходит то же самое, только когда последующая согласная глухая (например, kuz 'ель' ~ kustomo 'без ели'); если же она по природе звонкая, то после глухих согласных она сама становится глухой (kudo 'дом' ~ аблат. kudodo, kuz 'ель' ~ kuzdo, но šokš 'горшок' ~ аблат. šokšto). В русском *конечные согласные* нейтрализуются по степени участия голоса и становятся перед звонкими звонкими, во всех остальных позициях они реализуются как *глухие* (naž dom 'наш дом' — naš aťec 'наш отец', nož d'ad'ı 'нож дяди', nož aťca 'нож отца'). В мордовском, напротив, начальные согласные нейтрализуются по степени участия голоса и становятся глухими после паузы и после глухих согласных, а в других позициях реализуются как звонкие (например, rapar 'рубашка', ořak rapar 'надень рубашку!' ~ ašo banar 'белая рубашка', od banar 'новая рубашка', čogañ banarzo 'рубашка парня'). Только в многосложных словах конечные звонкие согласные становятся глухими, однако не в связной речи, а перед паузой. Это правило (рамки которого, несомненно же, очень строги) имеет все-таки исключение: конечное ́ в многосложных глагольных формах даже перед паузой сохраняет свою звонкость.

мягкости⁶, а в мордовском еще и тембровая корреляция⁷. Можно также сказать, что мордовские звуковые законы имеют в основном *регрессивный* характер, русские же, напротив, проявляют себя как *прогрессивные*⁸. С общей регрессивной ориентацией мордовской фонологии связаны свойственные мордовскому языку *особенности первого слога*. Пять гласных фонем — *и, о, а, е, і* — только в первом слоге ведут себя как подлинно самостоятельные фонемы. В остальных слогах появление гласных *о, е, и* чисто внешнее, а именно: оно обусловлено звуковым законом регрессивной ориентации, в результате чего *о* и *е* должны рассматриваться как комбинаторные варианты одной и той же фонемы⁹. Тем самым гласные первого слога значительно отличаются от гласных остальных слогов, а так как и начальные согласные обнаруживают особое поведение¹⁰, то первый слог вообще получает исключительное фонологическое положение. Поражает, наконец, что *коррелятивные противопоставления* в мордовском *используются сравнительно*

⁶ По мягкости согласные в русском в определенных фонологических позициях нейтрализуются: всегда твердые *перед* безударным *я* все согласные, *перед* твердыми зубными — все согласные, кроме *л*, *перед* *и, ъ* внутри слова — все согласные; всегда мягкие *перед* *е* все согласные, *перед* *ѣ* и *перед* мягкими зубными — звук *с*, остальные согласные (кроме *л*) произносятся без смягчения или полусмягченно. В мордовском такая же фонологическая нейтрализация происходит *не перед, но после* определенных фонем, а именно все согласные, за исключением *с, з, с, после* *с, і* и *после* мягких зубных произносятся мягко, а после твердых зубных — твердо. Прогрессивное уподобление звучания встречается только перед мягкими *л, ś* и *ž*.

⁷ А именно: после зубных произносятся только аффрикаты *с, ś, š* (соотв. *dz, dź, dž*), которые появляются только в этой позиции. Однако они воспринимаются при этом как *с, ś, š* (соотв. *z, ź, ž*), поскольку спонанты являются "немаркированными" членами тембровой корреляции.

⁸ Для точности нужно отметить, что в мордовском существует также звуковое правило, ориентированное на оба направления: согласные, которые не стоят рядом с гласной, фонологически нейтральны по звонкости и реализуются как глухие (отсюда, например, *andoms* 'кормить' ~ многократн. (действ.) *antnems* и т.д.).

⁹ А именно: в непервом слоге *о* может стоять только после твердых согласных, при этом только после слога *с и, о, а*; напротив, *е* после твердых согласных появляется только тогда, когда предыдущий слог содержит *е* или *і*; после мягких согласных *е* появляется безотносительно к гласному предыдущего слога. Таким образом, противопоставление между *о* и *е* в первом слоге может способствовать смыслоразличению (например: *kov* 'луна' ~ *kev* 'звезда'), в непервом слоге оно чисто внешнее, обусловленное фонетически. Гласный *и* появляется в непервом слоге после твердых согласных между слогом *с и, о, а* и слогом *с а, і* (например: *amul'ams* 'черпать (воду)', *kulcuni* 'он слышит'). В той же позиции может стоять *о* (но не *е*) (например, *kudoška* 'как дом'). Ср. нашу статью „Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme“. — „Travaux du Cercle Linguistique de Prague“, I, с. 39, особенно с. 58 и сл.

¹⁰ Как уже отмечалось (см. выше, прим. 5), начальные согласные по звонкости нейтральны. Противопоставление между звонкими и глухими согласными, которое в середине и в конце слова может вызвать изменение значения (например: *kozo* 'куда' ~ *koso* 'где', *lugaś* 'луг' ~ *lukaś* 'ходить туда-сюда', *ked* 'рука' ~ *ket* 'руки', *noldaž* 'оставленный' ~ *noldaś* 'оставил'), в начале слова чисто внешнее, обусловленное фонетически (например: *oŕsan banar* 'я надеваю рубашку' ~ *oŕsak panar* 'надень рубашку!'). Зубные в начале слова всегда мягкие, кроме *с, з* перед *е*, тогда как в середине слова перед *е* могут стоять и твердые зубные (*śeste* 'оттуда').

меньше, чем в русском. Противопоставления по интенсивности гласных, которые в русском играют такую большую роль, почти чужды мордовскому. Корреляция по мягкости, которая в русском распространяется на зубные и губные, в мордовском ограничивается только зубными. Что касается корреляции по звонкости, то в русской речи звонкие (то есть маркированные) согласные составляют 37%, глухие (то есть немаркированные) — 39% и, соответственно, фонологически нейтральные — только 24%, тогда как в мордовской речи звонкие составляют 18%, глухие — 38,7% и фонологически нейтральные — 43,3%¹¹.

Все эти особенности мордовской фонологии тесно связаны с грамматическим строем мордовского языка. Как типично "туранский" язык [1] мордовский не знает никаких префиксов. Таким образом, первый слог — это всегда *корневой слог*, чем оправдано его особое положение и с грамматической точки зрения. Мордовский не знает никаких грамматически значимых изменений звукового облика корня. Единственным средством формообразования является агглютинация, то есть прибавление, пристегивание строевых элементов к неизменяемому корню. Ориентированные регрессивно звуковые законы обеспечивают максимальную неизменяемость звукового облика корня и служат одновременно связующим средством, которое тесно сплавливает строевые элементы с корнем. Агглютинация действует, однако, и дальше — соединяет один элемент с другим, и регрессивно ориентированные звуковые законы распространяют тем самым свое влияние на все слово. Грамматический строй мордовского языка рационален и закономерен. Он не допускает никаких исключений, никакого иррационального разнообразия парадигм. Все строго предписано, и возможности свободного выбора сведены к минимуму. Существует ограниченное число строго очерченных, строго определенных грамматических схем, в которые должна быть уложена любая мысль. Разумеется, эти схемы обозначены довольно жестко и оставляют не много места для тонких оттенков. Схематизированному закономерному речевому мышлению такого рода соответствует и мордовская фонология, которая редко обращается к свободному использованию коррелятивных противопоставлений и оперирует преимущественно архифонемами. Фонологическому единообразию мордовского соответствует и единообразие грамматического строя этого языка. Таким образом, мордовский обнаруживает полный параллелизм между фонологическим и грамматическим строем языка.

¹¹ Эти цифры получены по напечатанному в приложении к "Звукам и формам эрзянской речи" Д. В. Бубриха мордовскому тексту и его русскому переводу. Оба текста не очень обширны (мордовский содержит ок. 1120, русский — ок. 1180 фонем). Мы полагаем, однако, что и в большем тексте процентные соотношения, несомненно, такие же. Было бы интересно установить полную статистику использования мордовских фонем по методике В. Матезиуса.

Общие предварительные замечания

Категории русского формообразования

§ 1. Мы различаем два вида формообразования: *словоизменение*, или *парадигматическое формообразование*, и *основообразование*, или *деривационное формообразование*. Словоизменение, или парадигматическое формообразование, служит для обозначения формальных отношений данного слова как *части предложения* к другим частям этого предложения. Основообразование, или деривационное формообразование, напротив, служит для обозначения содержательных отношений между словами, осмысляемыми как *части речи*. Поскольку каждое из слов, принадлежащих к одной и той же части речи, может выступать в качестве одного и того же члена предложения, все эти слова относятся к одним и тем же словоизменительным категориям. Напротив, деривационное формообразование зависит от конкретного значения каждого данного слова и поэтому не может быть идентичным у всех слов, принадлежащих к одной части речи.

Не будучи полностью уверенным в том, что все читатели знакомы с русской морфологией, мы считаем уместным дать здесь краткий обзор формообразовательных категорий русского языка.

§ 2. Русское *словоизменение* (или *парадигматическое формообразование*) делится на *глагольное* и *неглагольное*.

Русское *глагольное словоизменение* охватывает следующие формы:

А. *Инфинитив* (инф.), которому в силу его беспризнаковости противопоставлены все остальные глагольные формы.

В. Последние делятся прежде всего на *партиципные* (причастные) (парт.) и *непартиципные* (или "финитные") формы. Партиципные формы делятся на *страдательные*, или *пассивные*, и *действительные*, или *активные* (при этом последние воспринимаются как беспризнаковые, то есть "непассивные"). Пассивные партиципные формы (пасс. или страд.) делятся на *предикативные* (предик.) и *атрибутивные* (атр.), последние воспринимаются как беспризнаковые, то есть "непредикативные". Активные (акт.) партиципные формы делятся на *адвербиальные*, или *деепричастные* (деепр. или герунд.), и *атрибутивные* (атр.), при этом последние оцениваются как беспризнаковые. С другой стороны, все вышеупомянутые *партиципные (причастные) формы* охватывают формы

* N. S. T r u b e t z k o y. Das morphonologische System der Russischen Sprache. — „Travaux du Cercle Linguistique de Prague“, V, N° 2, Prague, 1934.

прошедшего времени (*претеритные* — прет.) и формы *настоящего времени* (*презентные* — през.). Все причастные формы, за исключением деепричастий, различают *множественное* (мн. ч.) и *единственное* (ед. ч.) число, а в единственном числе — три рода: *мужской* (м. р.), *женский* (ж. р.) и *средний* (ср. р.) Кроме того, в атрибутивных партиципных формах отмечаются те же падежи, которые имеют обычные прилагательные (ср. § 4 А). Такая система партиципных форм представлена полностью лишь у переходных глаголов несовершенного вида; ср., например, глагол *dělāT´* (делать):

Причастие прошедшего времени

Страд.		Действ.	
Предик.	Атр.	Деепр.	Атр.
М.р. dělāṅ	dělāṅaj	dělāF(šī)	М.р. dělāFšij
Ж.р. dělāṅā	dělāṅajā		Ж.р. dělāFšijā
Ср.р. dělāṅā	dělāṅajā		Ср.р. dělāFšijā
Мн.ч. dělāṅī	dělāṅijī		Мн.ч. dělāFšijī

Причастие настоящего времени

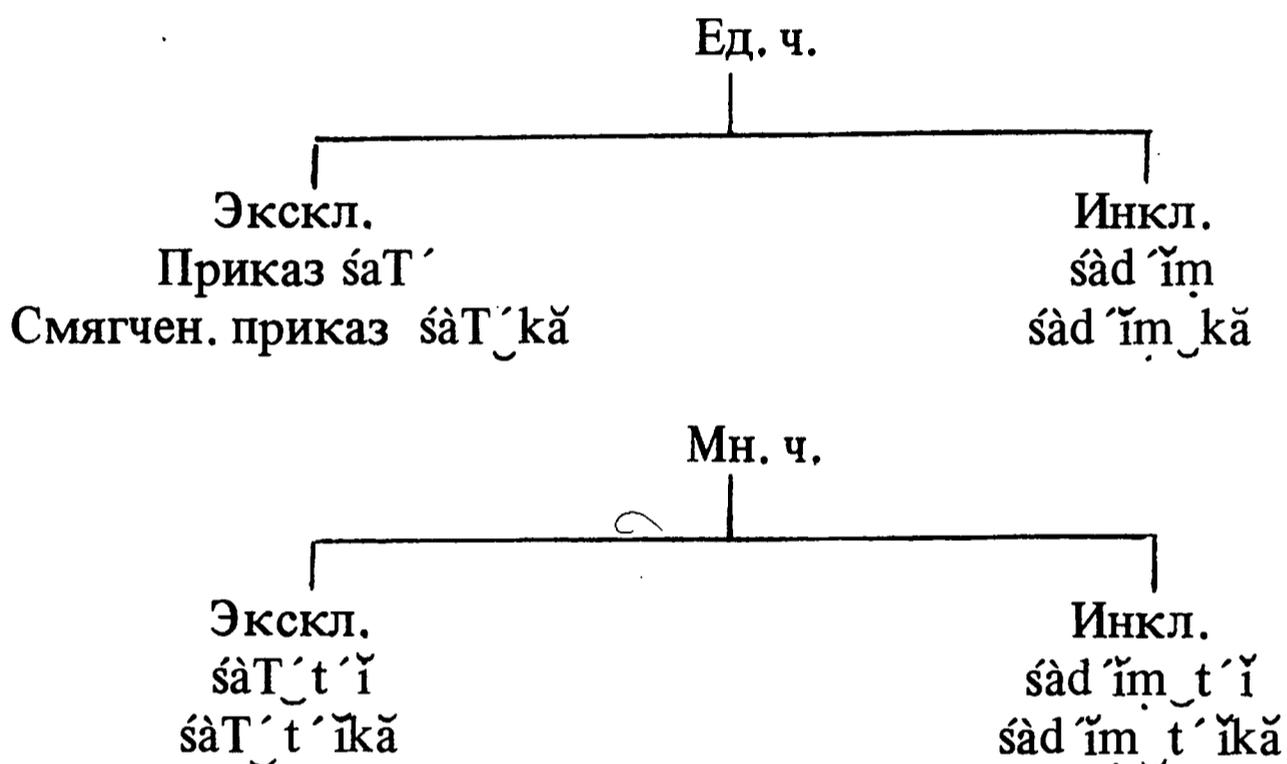
Страд.		Действ.	
Предик.	Атр.	Деепр.	Атр.
М.р. dělājīm	dělājīmaj	dělājā	М.р. dělājūšij
Ж.р. dělājīmā	dělājīmajā		Ж.р. dělājūšijā
Ср.р. dělājīmā	dělājīmajā		Ср.р. dělājūšijā
Мн.ч. dělājīmī	dělājīmijī		Мн.ч. dělājūšijī

Непереходные глаголы, разумеется, не образуют пассивных причастий, и у глаголов совершенного вида снято различие между причастием прошедшего и настоящего времени. Так, например, глагол *sèST´* (сесть) обладает только деепричастной формой *seF* (или *sèFšī*) и соответствующими атрибутивными формами: м.р. *sèFšij*, ж. р. *sèFšijā*, ср. р. *sèFšijā*, мн. ч. *sèFšijī*.

С. Непартиципные, или *финитные*, глагольные формы делятся на *императивные* (имп.)¹ и *индикативные* (инд.), причем последние считаются беспризнаковыми.

¹ Это неточный термин. В повествовательных предложениях индикативу противопоставлен не императив, а "модус абсолютно-произвольного, неожиданно-немотивированного действия", который в русском языке имеет одинаковое выражение для любого лица и числа. И только в побудительных предложениях эта форма становится императивом (и притом эксклюзивным простым императивом ед. ч., то есть беспризнаковой формой императива); см. об этом R. J a k o b s o n в „Charisteria V. Mathesio... oblata“, S. 79 ff. Тем не менее мы используем здесь термин "императив", так как формы в этой функции встречаются практически гораздо чаще, чем в той, о которой говорилось выше.

А. Формы повелительного наклонения (императивные) делятся на формы множественного числа и единственного числа в соответствии с тем, кому адресован приказ — одному лицу (либо некоторому нерасчлененному множеству) или несколькими отдельными лицами (либо одному лицу при вежливом обращении). Глаголам совершенного вида присущи еще две императивные формы: с помощью одной передается намерение говорящего, который сам желает участвовать в совершении требуемого действия (инклюзив), при помощи другой — отсутствие такого намерения (экслюзив). Кроме того, у всех глаголов во всех формах императива присутствует противопоставление просто приказа и приказа в смягченной форме. Таким образом, полная система императива глагола *səST'* (сесть) имеет следующий вид:

Для глагола несовершенного вида (ср. *dəljəT'* — делать) оппозиции "экслюзив — инклюзив" не существует; такие глаголы имеют только четыре формы императива: *dəljaj*, *dəljajkă*, *dəljajt'ĩ*, *dəljajt'ikă*.

В. Формы *изъявительного наклонения* (или *индикативные*) делятся на формы *прошедшего времени* (или *претеритные*) и формы *настоящего времени* (или *презентные*), точнее — непретеритные, так как они воспринимаются в качестве беспризнаковых членов корреляции по временной градации: у глаголов несовершенного вида эти формы в большинстве случаев означают действие в настоящем, у глаголов совершенного вида — обычно в будущем. Во всех индикативных формах различаются множественное и единственное число. В претеритных формах единственного числа различаются три рода — мужской, женский и средний. В презентных формах как единственного, так и множественного числа различаются три лица — первое (1), второе (2) и третье (3). Таким образом, система индикатива, например глагола *dəljəT'* (делать)

содержит следующие формы:

Настоящее время		Прошедшее время	
Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л. dèlǎjǔ	dèlǎjǐm	М. р. dèlǎl	
2 л. dèlǎjǐš	dèlǎjǐt'ǐ	Ж. р. dèlǎlǎ	dèlǎl'ǐ
3 л. dèlǎjǐt	dèlǎjǔt	Ср. р. dèlǎlǎ	

Наконец, надо еще упомянуть о наличии у значительного количества глаголов противопоставления по *возвратности (рефлексивности) ~ невозвратности*. Это противопоставление выражается во всех глагольных формах (за исключением формы страдательного причастия, где такого противопоставления в принципе быть не может) одним и тем же способом — присоединением рефлексивного форманта -šǎ при консонантном исходе и -š при вокалическом исходе глагольной формы².

§ 3. Представленная в предыдущем параграфе классификация форм русского глагола отражает их содержательную сторону. По своему внешнему, звуковому, облику русские глагольные формы делятся на две группы, или подсистемы: формы, производные от основы настоящего времени (настоящее время, причастие наст. вр., повелит. накл.) и формы, производные от основы инфинитива — прошедшего времени (прошедшее время, причастие прош. вр. и инфинитив)³.

§ 4. *Неглагольное* (именное и местоименное) *словоизменение* включает следующие корреляции: а) корреляцию по числу: множественное ~ единственное число; б) три корреляции по роду: женский ~ неженский, мужской ~ вещный и одушевленный ~ неодушевленный; в) корреляцию по позиции в предложении: предикатив ~ атрибутив; г) корреляцию по падежу: косвенный ~ прямой ("прямой" воспринимается как беспризнаковая форма). Корреляция косвенный ~ прямой выступает как таковая только у двух слов — Sto (сто) и šòrǎk (сорок) (ср. § 4 Е а). В остальных случаях прямому падежу соответствует беспризнаковый именительный и винительный (всегда фонетически идентичные в среднем, мужском роде неодуш. и во множественном числе неодуш.); косвенному соответствуют четыре падежа: родительный, дательный, творительный и предложный. Отношение этих падежей между

² Различие между возвратными (непереходными) и невозвратными (переходными) глаголами не столько в синтаксическом плане, сколько в средствах выражения. По своему содержанию образование возвратных глаголов относится не к парадигматическому, а к деривационному формообразованию. В то же время по средствам выражения оно примыкает к процессам глагольного словоизменения.

³ Словоизменение русского глагола лучше всего представлено С. Карцевским („Système du verbe russe“, Prague, 1927); в настоящей работе мы постоянно ссылаемся на его классификацию типов спряжения. Ср. классификацию словоизменительных категорий русского глагола Р. Якобсона в „Charisteria Guilelmo Mathesio... oblata“. Prague, 1932, с. 74 и сл.

собой носит, на наш взгляд, не коррелятивный, а дизъюнктивный характер.

А. Наиболее богато представлено словоизменение *прилагательных* (и примыкающих к ним страдательных причастий). В четырех косвенных падежах (родительном, дательном, творительном и предложном) у них различаются особые формы для множественного числа, единственного числа женского и единственного числа не-женского рода, в винительном падеже — особые формы для всех родов и чисел (мн. ч. одуш., мн. ч. неодуш., ед. ч. ж. р., ед. ч. ср. р., ед. ч. м. р. одуш., ед. ч. м. р. неодуш.), в именительном — особые формы для множественного числа, единственного числа женского рода, единственного числа мужского рода и единственного числа среднего рода, причем каждая из них выступает в двух видах — предикативном и атрибутивном. Иными словами, у таких прилагательных в системе падежных форм обнаруживается связь с корреляциями по числу, роду и позиции в предложении. Так, прилагательное *şuxòj* (сухой) обладает следующим набором форм:

		Ед. ч.			
		Ср. р.	М. р.	Ж. р.	
Прям.	Им. п.	Пред.	şuxă	şux	şuxà
		Атр.	şuxòjă	şuxòj	şuxàjă
	Вин. п.	şuxòjă	неодуш. şuxòj одуш. şuxòvă		şuxùjŭ
Косв.	Род. п.		şuxòvă	şuxòj	
	Дат. п.		şuxòmŭ	şuxòj	
	Предл. п.		şuxòm	şuxòj	
	Твор. п.		şuxim	şuxòj(ŭ)	
		Мн. ч.			
Прям.	Им. п.	Пред.	şuxi		
		Атр.	şuxijŭ		
	Вин. п.		неодуш. şuxijŭ одуш. şuxix		
Косв.	Род. п.		şuxix		
	Дат. п.		şuxim		
	Предл. п.		şuxix		
	Твор. п.		şuximŭ		

В. Аналогичная система форм (но без оппозиции "предикатив — атрибутив" в именительном падеже) представлена у обладающих категорией рода местоимений, а также у прилагательных (у всех прилагательных с суффиксом *-şk-* и всех притяжательных и относительных прилагательных) и причастий действительного залога. Различия в системе па-

дежных форм, таким образом, связаны с корреляциями по роду и числу: корреляция по функции в предложении отсутствует.

С. Обычные *существительные* различают шесть падежей (именительный, винительный, дательный, родительный, предложный, творительный) и два числа (единственное и множественное), итого — 12 категорий. Некоторые отступающие от нормы существительные в единственном числе различают два предложных падежа: *местный* и *абстрактный*, которые имеют свои собственные окончания и по-разному употребляются (местный — после предлогов *v*, *пă*, абстрактный — после предлогов *ă*, *ăb*, *рă*), например: *gŭl'âT'v-l'ışù* (гулять в лесу) ~ *găvăr'îT'ă-lèšĭ* (говорить о лесе). Отдельные существительные мужского рода в единственном числе имеют формы родительного падежа на *-a*, *-ă* и родительного с *отложительно-партитивным* значением на *-u*, *-ŭ*, например: *Fkuŝ çàjă* (вкус чая) ~ *Stăkàn çàjŭ* (стакан чаю)⁴.

Д. Большинство количественных *числительных*⁵ и имен существительных — например, такие *pluralia tanta*, как *ăčkĭ* (очки), *pòžńĭcĭ* (ножницы), и т.п., такие *singularia tanta*, как некоторые абстрактные имена (например, *mălăkò* — молоко), обладают обычными шестью падежными формами, но без различий по роду и по числу.

Е. Помимо четырех нормальных словоизменительных типов, которые были перечислены выше (А — Д), существует еще несколько более или менее аномальных отдельных парадигм.

а) Числительные *Stò* (сто) и *șòrăK* (сорок), если они употребляются как обычные количественные числительные, обладают лишь двумя словоизменительными формами: прям. *Stò*, *șòrăK* и косв. *Stà*, *șărăkà*. Когда же они выступают как собирательные, то обычно имеют четыре косвенно-падежных формы множественного числа: *F-tròx Stàx šĭgòF* — в трех стах шагов, *xăd'îl pă-Fsèm sărăkà sărăkàm cĭrkvèj* — ходил по всем сорока сорокам церковей (употребление как собирательного числительного ограничено оборотом "сорок сороков").

б) Числительное *dvà* (два) различает в именительном падеже два рода — женский (*dvè*) и не-женский (*dvà*), в винительном — три рода: одуш. (*dvùx*), неодуш. женский (*dvè*) и неодуш. не-женский (*dvà*); в косвенных падежах различие по роду (и по числу тоже) отсутствует.

⁴ Н. Дурново отрицает наличие особой отложительно-партитивной формы родительного падежа на том основании, что она всегда совпадает с формой дательного падежа (это если существительное имеет особую форму, отличную от обычной формы родительного („Revue des Études Slaves“, 2, p. 240). На наш взгляд, это не аргумент. Функция отложительно-партитивной формы родительного падежа четко ограничена и не имеет ничего общего с функцией дательного падежа, и дательный падеж поэтому в других парадигмах никогда не может быть употреблен в этой функции.

⁵ Исключения составляют: а) *ăd'in* (один), который склоняется как имеющее род местоимение (ср. выше, В); б) *țĭșă* (тысяча), *mĭljòn* (миллион), *b'ĭljòn* (биллион) и т. д., *mĭljàrT* (миллиард) и т. д., которые склоняются как обычные существительные (ср. выше, С) и в) *Stò* (сто), *șòrăK* (сорок), *dvà* (два) и *òbă* (оба), которые обнаруживают при склонении различные нерегулярные формы (ср. ниже, Е а, б, с).

с) В числительном òbǎ (оба) различается женский и не-женский род во всех падежах, а в винительном — еще и одушевленность — неодушевленность:

		Не-женский род	Женский род
Прям.	Им.	òbǎ	òbǐ
	Вин.	неодуш. òbǎ, одуш. abòjǐx	неодуш. òbǐ, одуш. ǎbèjǐx
Косв.	Род.	ǎbòjǐx	ǎbèjǐx
	Дат.	ǎbòjǐm	ǎbèjǐm
	Предл.	ǎbòjǐx	ǎbèjǐx
	Твор.	ǎbòjǐmǐ	ǎbèjǐmǐ

Нужно отметить при этом, что в разговорной речи формы косвенных падежей женского рода встречаются все реже, заменяясь на соответствующие формы не-женского рода.

д) Субстантивное вопросительное местоимение не различает чисел, но обнаруживает во всех падежах противопоставление по признаку "одушевленность — неодушевленность", что находит свое выражение не в падежных окончаниях, а в консонантном чередовании в корне (одуш. им. п. Kto, род. п. kǎvò, дат. п. kǎmù, предл. п. kom, твор. п. kem ~ неодуш. им. п. Što, род. п. šǐvò, дат. п. šǐmù, предл. п. šom, твор. п. šem). Не совсем поэтому ясно, считать ли этот случай одной парадигмой, расчлененной по признаку "одушевленность — неодушевленность" или же двумя самостоятельными парадигмами.

е) Рефлексивное (возвратное) местоимение, в русском языке относящееся всегда к субъекту предложения, не различает ни числа, ни рода и отличительной его особенностью является отсутствие именительного падежа. Поскольку винительный падеж этого местоимения совпадает с родительным, а предложный — с дательным, то оно имеет всего три падежных формы: вин. п. — род. п. šǐb`à, дат. п. — предл. п. šǐb`è, твор. п. sǎbòj-ǐ (себя, себе, собою).

Что же касается множественного числа личных местоимений 1-го и 2-го лица, то оно представлено здесь не совсем обычным образом: "мы" это не 'много я', а 'я и кто-то другой' и т.п. При этом в звуковом отношении формы "единственного" числа не имеют ничего общего с формами "множественного" числа. Так что, очевидно, в русском языке существуют четыре личных местоимения, два из которых указывают на одно лицо и два — на несколько. При этом данные местоимения различают только падежные формы, но не формы рода и числа. Такие местоимения относятся к словоизменительному типу D.

§ 5. *Основообразование, или деривационное формобразование*, в русском языке столь разнообразно, что невозможно представить его в виде простой и наглядной классификационной схемы. В зависимости от того, что получается в результате формообразовательного акта, — имя или глагол, — мы различаем *именное* и *глагольное* основообразование.

В зависимости от *исходного пункта* мы различаем *деноминативное* (отыменное) и *девербативное* (отглагольное) основообразование. Иногда целесообразно различать три вида деривационного формообразования: *чисто глагольное* (= девербативно-глагольное), *чисто именное* (= деноминативно-именное) и *смешанное* (= девербативно-именное и деноминативно-глагольное). Не останавливаясь подробно на всех конкретных типах основообразования, охарактеризуем лишь некоторые для нас наиболее важные категории, о которых неоднократно будет идти речь в дальнейшем.

А. В *именном* основообразовании особенно важны: а) диминутивы (дим.) в широком смысле (с уменьшительно-ласкательной и пренебрежительной окраской, а также вовсе без эмоциональной окраски), которые могут быть образованы почти от всех имен существительных (кроме абстрактных); б) производные прилагательные, которые в принципе могут образовываться от каждого существительного и в соответствии с семантикой производящего слова обладают либо посессивным, либо вещественным, либо еще более общим значением; в) в русском языке, помимо отыменных, существуют отглагольные прилагательные с различными семантическими оттенками; г) очень распространены абстрактные имена существительные, образуемые как от глаголов и прилагательных, так и от существительных; д) особую категорию образуют собирательные и семасиологически противопоставленные им единичные существительные (например, *drǎb 'iŋkǎ* — дробинка от *droP'* — дробь); е) от глаголов образуются имена деятеля, от прилагательных и существительных — имена носителя соответствующих признаков или имена лиц, которые соотносятся с семантикой производящего слова; ж) от названий лиц мужского пола образуются соответствующие названия лиц женского пола; з) от большинства названий животных и других живых существ образуются названия их детенышей; и) от многих прилагательных могут быть образованы другие прилагательные с уменьшительно-ласкательной или иной эмоциональной окраской; к) от большинства прилагательных образуются наречия (обычно совпадающие с формой среднего рода в предикативном употреблении); л) наконец, образование сравнительной степени наречий тоже относится к деривационному формообразованию; в атрибутивной позиции они приобретают значение превосходной степени (так что форма сравнительной степени наречий соотносится с предикативной, а превосходной — с атрибутивной формой прилагательного); однако такое образование сравнительной и превосходной степени ограничено в русском языке лишь небольшой группой прилагательных (у остальных эти категории выражены описательно)⁶.

В. К наиболее важным видам глагольного основообразования относятся: а) образование глаголов несовершенного вида (несов.), поскольку каждый исходный русский глагол, будучи преобразован в приста-

⁶ Оригинальная и разумная классификация видов русского именного основообразования (к сожалению, речь идет только о существительных) дана С. Карцевским в „Charisteria Guilelmo Mathesio... oblata“, с. 67 и сл.

вочный, не только изменяет свое денотативное значение, но и приобретает еще значение совершенного вида, в связи с чем возникает необходимость в такой глагольной паре, второй член которой связывал бы то же самое денотативное значение с действием несовершенного вида⁷; б) образование (от некоторых глаголов) "мгновенных" глаголов, то есть выражающих одноразовость действия; в) существует небольшая группа фактивных или каузативных глаголов (например *gǎsîT'* по отношению к *dǎsǐjT'*); г) небольшая группа глаголов, обозначающих движение без указания на определенное направление или цель (неопределенное), которые противопоставлены другим (определенным), обозначающим то же самое движение, но с учетом определенного направления или цели (например, *l'itèT'* — лететь (куда-то) ~ *l'itàT'* — летать (вообще); оба глагола при этом — несовершенного вида); е) наконец, глаголы могут быть образованы от прилагательных и существительных (деноминативные глаголы)⁸.

М о р ф е м а

§ 6. Определение морфемы, предложенное в "Проекте стандартизованной фонологической терминологии", гласит: *"морфологическая единица, которую невозможно разделить на более мелкие морфологические единицы"* или: *"часть слова, представленная в нескольких словах, которая всегда выполняет одни и те же функции и не может быть разделена на более мелкие части, которые обладали бы при этом теми же самыми свойствами"* (см. „Travaux du Cercle Linguistique de Prague“, 4, S. 321).

Мы различаем следующие виды морфем: 1) *корневые морфемы*, 2) *префиксальные морфемы*, 3) *суффиксальные морфемы*, 4) *флексионные морфемы*, 5) *соединительные морфемы*, 6) *слова-морфемы*

⁷ Совершенный вид "выражает действие с указанием на то, начато оно или завершено", тогда как несовершенный вид — "действие без указания на его начало или завершенность". Это определение, данное еще А. Востоковым, как нельзя лучше отражает суть дела; ср. вышеупомянутую работу С. Карцевского („Système du verbe russe“, особ. гл. 4, с. 92 — 119) и Р. Якобсона (указ. соч., с. 76).

⁸ В заключение отметим, что в этой части нашего коллективного труда будет употребляться упрощенная русская фонологическая транскрипция. Прописными буквами Р, Т, К, S, Š и т. д. обозначаются шумные, у которых реализация признака "глухость — звонкость" зависит от окружения, поэтому этот признак является для них фонологически нерелевантным. Палатализация обозначается (´), отсутствие палатализации — точкой под буквой (.) в тех случаях, когда этот признак не зависит от фонетического окружения и выступает как фонологически релевантный. Редуцированные ("безударные") гласные обозначены знаком краткости (например, ǎ), нередуцированные ("ударные") — знаком грависа (например, à). Без диакритик даются гласные в односложных словах как нейтрализованные по признаку интенсивности. Гласные о, е в принципе и в многосложных словах надо было бы дать без диакритик, поскольку в исконно русских словах отсутствует оппозиция ò, è: ò̃, è̃. Тем не менее по техническим причинам мы оставили обозначение ò и è в многосложных словах.

(или морфемные слова). Из перечисленных видов морфем мы особо рассмотрим только последние два. *Соединительные морфемы* — это части слов, которые нельзя причислить ни к основе, ни к окончанию и морфологическая функция которых сводится к соединению основы с флексией морфемой. Например, ò в *ńśòŠ* (несешь), *ńśòT* (несет), *ńśòm* (несем), *ńśòt'í* (несете) не принадлежит основе, поскольку это о не встречается ни в 1-м лице ед. ч. *ńśù* (несу), ни в 3-м лице мн. ч. *ńśùT* (несут). В то же время это о не относится и к окончанию, так как в аналогичных флексийных морфемах (ср. *SpiŠ* (спишь), *SpiT* (спит), *Spiim* (спим), *Spi't'í* (спите)) оно отсутствует. Поэтому элемент о в *ńśòŠ*, *ńśòT* и т.д. есть не что иное, как вспомогательное средство, служащее для соединения основы *ńś* с окончанием *Š*, *T*, *m*, *t'í*.

Под *словами-морфемами* мы понимаем морфологически неделимые, в разной степени синтаксически автономные слова, например частицы, предлоги, союзы и некоторые наречия⁹.

§ 7. Определенную семасиологическую или морфологическую функцию выполняет иногда весь *морфемный комплекс*, который выступает как единое целое и лишь при известной степени грамматической абстракции может быть подвержен дальнейшему членению. Целесообразно различать три вида таких комплексов: 1. Основы (или основные комплексы) = (префикс +) корень + суффиксальная морфема; 2. Форманты (или формантные комплексы) = совокупность всех присоединяемых к корню суффиксальных морфем; 3. Окончания (или флексийные комплексы) = соединительная морфема + флексийная морфема.

§ 8. Слово в русском языке может обладать несколькими префиксальными морфемами, несколькими корневыми, несколькими суффиксальными и несколькими флексийными. Пример слова с несколькими префиксами: *ra|na|y|du'mivaT'* (понавывдумывать); слова с несколькими корневыми морфемами: *ra|va|Strajit' il'* (паровозостроитель) (наличие более двух корневых морфем в одном слове возможно лишь при так называемом свободном словосложении); пример слова с несколькими суффиксальными морфемами: *a|c'ra'va-t'il'-n-aST'* (очаровательность); слова с несколькими флексийными морфемами: *gre-l'is* (грелись). Гораздо чаще встречаются слова, в которых некоторые виды морфем не представлены вовсе, и это, помимо слов-морфем, то есть союзов, предлогов и частиц, обычно состоящих из одной морфемы — слова без флексийной, суффиксальной или префиксальной морфемы — вполне обычное для русского языка явление. Есть даже слово (единственное), в котором отсутствует корневая морфема — факт для индоевропейского языка поразительный — это глагол *vi|nuT'* (вынуть), где *vi* — префикс (ср. *vi|tašit'* (вытащить)), *-nu-* — суффикс (ср. *lor'nuT'* (лопнуть), *Stuk'nuT'* (стукнуть) и т.д.), а корневой морфемы нет. Но это

⁹ Есть предлоги, которые могут одновременно выполнять функцию как слов-морфем, так и префиксальных морфем. Такая двойственная функция связана с семасиологической дифференциацией при отсутствии фонологического выражения. Русские предлоги обладают в точности такими же фонологическими признаками, что и префиксы.

пример уникальный. Русские слова (если только это не частицы, не союзы и не предлоги), как правило, содержат *по крайней мере одну корневую морфему*.

§ 9. *Фонологическая структура* русских морфем весьма своеобразна.

А. Минимум структурных типов обнаруживают *флексионные морфемы*. Они состоят: а) либо из одного гласного (например: им. п. ед. ч. vād-à (вода) ~ род. п. ед. ч. vād-ì (воды)), б) либо из одного согласного (например bì-! (был)), в) либо из комплекса "гласный + согласный" (например, форма твор. п. ед. ч. Stāl-òm (столом)), г) либо из комплекса "согласный + гласный" (например твор. п. ед. ч. l'ūd'-mì (людьми)). Двусложная флексионная морфема существует лишь как факультативный вариант (дублет) односложного окончания: твор. п. ед. ч. vād-òjũ (водою) наряду с vād-òj¹⁰. Там, где школьная грамматика фиксирует окончание из двух слогов, речь идет на самом деле либо о соединении нескольких флексионных морфем (например, мн. ч. sl'ĩr-ĩ (слепые), либо о сочетании соединительной морфемы с флексионной морфемой (например, n'ís-ò-t'ì (несете)) [1]. Консонантные комплексы во флексионных морфемах не встречаются. Окончание деепричастия прошедшего времени Fšĩ факультативно вполне заменимо почти однозначным дублетом F (dàFšĩ — daF (давши=дав)) и его можно рассматривать как комплекс из двух флексионных морфем (ср., например, pàT-šĩ (надши), где F отсутствует).

В. Разнообразную фонологическую структуру обнаруживают *префиксальные морфемы*. Они состоят не более чем из двух слогов, и в их исходе невозможна ни консонантная группа, ни палатализованный согласный¹¹. Это такие префиксы, как u- (у-), za- (за-), r'ĩ- (при-), nājĩ- (най-), s- (с-), ot- (от-), pod- (под-), r'íd- (пред-), č'ĩřiz- (через-). Двусложные префиксальные морфемы, оканчивающиеся на гласный (не "беглый"), малочастотны и непродуктивны; относительно часто употребляется лишь r'ĩřĩ-/reřĩ- (пере-).

С. Еще более многообразна фонологическая структура *суффиксальных морфем*. Они так же, как и префиксальные, могут состоять не более чем из двух слогов, но, в противоположность префиксальным, допускают наличие консонантных групп в исходе и палатализованных согласных во всех позициях, но избегают консонантных групп в начале¹². Примеры различных типов суффиксальных морфем: svĩnkã (свинка) (суф. -k-), č'ĩlãvèč'ĩSkãj (человеческий) (суф. -[e]Sk-), č'ĩlãvèč'ĩStvã (человечество) (суфф. -[e]Stv), vād'ĩcã (водица) (суф. -ic-), bãnš'ĩK (банщик) (суф. -šik-), nãšàStãj (носастый) (суф. -àSt-), grũbãvãtãj (грубоватый) (суф.

¹⁰ Разговорная речь предпочитает односложный вариант (-oj). В языке художественной прозы, как отмечал Б. Томашевский, выбор того или иного варианта в значительной мере обусловлен ритмическими и стилистическими факторами (Б. А. Т о м а ш е в с к и й. О стихе. Л., 1929, с. 296 — 299).

¹¹ Префиксальная морфема Fz в Fz|ř'ĩvãT' (взрывать) и т. п. имеет в исходе "беглый" гласный (ср. Fzã|ř'ĩvãT' (взорвать — совершенный вид) (ср. ниже, § 49, 54)) и поэтому не противоречит правилу.

¹² Консонантная группа в анлауте суффиксальной морфемы в действительности означает, что морфема начинается с "беглого" гласного; ср. ниже, § 49, 53.

-ǎvát-), rǎbòtǎT' (работать) (суф. -a-), StùkñŭT' (стукнуть) (суф. -nu-) и т.д. Двусложные морфемы среди суффиксальных морфем тоже чрезвычайно редки.

D. Допустимое число слогов в корневых морфемах, собственно говоря, неограниченно. Обычно же корневые морфемы, насчитывающие более трех слогов, встречаются только в заимствованных словах, что воспринимается как признак их иноязычности¹³. Но и в "собственно русских" словах, то есть таких, которые носителями языка не воспринимаются как заимствованные, трехсложные морфемы встречаются, и притом не столь уж редко; ср. rǐrǐřĭ (перепел), kòlǎkǎl (колокол), kǎřǎndǎš (карандаш), kǎřǎrùs (карапуз), gǎrnǎštǎj (горноста́й), SkǎvǎròT-kǎ (сковоро́дка), bǎlǎgǎn (балаган) и т.д. Обратим внимание, что во втором слоге такой трехсложной морфемы после палатализованного согласного всегда следует ĭ, после непалатализованного — ǎ (единственное исключение — слово gǎřǎdǎr (госуда́рь)). Прочие ограничения касаются лишь определенных классов корневых морфем. Именные и местоименные корни¹⁴ всегда имеют консонантный исход, тогда как глагольные очень часто оканчиваются на гласный, например: zna- (зна-), gñi- (гни-), řu- (ду-) и т.д. Корни, которые состоят только из одного согласного, встречаются нечасто; за редким исключением это корни местоимений (k — от мест. кто, ř — что, t — тот, ř — сей, j — он); единственный субстантивный корень такого типа — это ř в ři (щи). Несмотря на указанные ограничения, возможные структурные типы корневых морфем столь разнообразны и многочисленны, что нам придется воздержаться от примеров.

§ 10. *Морфемные границы* не всегда одинаково отчетливо выделимы. Русский язык в этом отношении гораздо менее "прозрачен", чем другие славянские языки или немецкий. Внешним признаком морфемной границы является наличие некоторых звукосочетаний, недопустимых в пределах одной морфемы. Существует довольно много звукосочетаний, которые встречаются только на "префиксальном шве" (или на стыке компонентов сложного слова). Гораздо меньше таких сочетаний фонем, которые встречаются на "суффиксальном шве" (то есть на границе основы и окончания). Сфера встречаемости таких сочетаний тоже весьма ограничена. Невелико и число фонемных сочетаний, возможных только в позиции суффиксального и флексийного шва. Полное перечисление всех фонемных сочетаний, которые отмечаются на морфемных швах, не входит в нашу задачу. Составление такого перечня должно быть предпринято в связи с общим учением о сочетаниях фонем в русском языке, что находится в ведении общей фонологии. Поэтому мы ограничимся лишь

¹³ То, что протяженность корневой морфемы может восприниматься как указание на иноязычное происхождение, отмечается Х. Беккером (с точки зрения носителей немецкого языка) („Charisteria Guilelmo Mathesio... oblata“, p. 111).

¹⁴ Кажущееся исключение составляют именительные падежи личных местоимений ja (я), ř1 (ты), ř1 (мы), ř1 (вы), совершенно изолированные от других членов парадигм. У местоимений ř1, ř1, ř1 в качестве корневого элемента выступает, очевидно, только начальный согласный. Что же касается слова ja, то, с точки зрения языкового сознания русских, оно не имеет ни окончания, ни корня.

указанием на соответствующие параграфы работы Р. Якобсона, посвященной общей фонологии русского языка („Travaux du Cercle Linguistique de Prague“, V/1) [2].

§ 11. По отношению к фонемным сочетаниям, которые вообще имеют место, число фонетических признаков морфемных границ все же весьма невелико. В подавляющем большинстве случаев морфемная структура русского слова не может быть автоматически выведена из фонетической формы этого слова. К этому нужно добавить наличие фонетических вариантов отдельных морфем, зачастую весьма неопределенное, иногда даже неуловимое значение некоторых морфем, многочисленные немотивированные отклонения от главенствующей словообразовательной схемы — короче говоря, все те свойства, которыми морфология и морфонология индоевропейского (особенно нового) языка отличается, скажем, от „туранских“ языковых структур [3]. Зачастую весьма затруднительно бывает разложить русское слово на морфемы и распределить эти морфемы по перечисленным выше (§ 6) классам. Так, *знат'* (знать) явно относится к корню, поскольку встречается не только во всей глагольной парадигме, но и во всех образованных от этого корня дериватах. Точно так же, как *знат'* (знать, наст. вр. *znajũ*), спрягается *кушат'* (кусать, наст. вр. *kũšajũ*), но в этом глаголе *a* — явно суффиксальная морфема, так как она не встречается ни в одном однокоренном образовании; ср. *перекусит'* (*perikũs'it'*), *куснуть* (*kũsnũt'*), *укус* (*ukũs*) и т.д. В глаголе *спат'* (спать, прош. вр. *Spal*, действ. прич. прош. вр. *SpaFšij*), где *a* встречается в тех же формах, производных от инфинитивно-претеритной основы, что и в глаголах *знат'* и *кушат'* (прош. вр. *znał*, *kũšal*, действ. прич. прош. вр. *znàFšij*, *kũšàFšij*), это *a* представляет собой всего лишь соединительную морфему, поскольку в формах, производных от основы настоящего времени, оно отсутствует: 1 л. ед. ч. наст. вр. *Sp'ũ*, 2 л. *Sp'iš*, 3 л. мн. ч. *SpaT*, действ. прич. наст. вр. *Spàšij*, императив ед. ч. *Sp'i* (сплю, спишь, спят, спящий, спи). Таким образом, морфологический анализ трех глаголов *знат'*, *кушат'* и *спат'* выявляет различное значение одного и того же элемента *-a-* в одинаковых формах, производных от основы инфинитива и прошедшего времени¹⁵. В других случаях почти невозможно установить форму суффикса. Многочисленные глаголы со значением „производить какой-либо звук“ имеют следующие словоизменительные форманты: в 1-м лице ед. ч. наст. вр. *-u-* с палатализацией последнего согласного корня, в 3-м лице мн. ч. *-aT* с палатализацией согласного в исходе корня, в действительном причастии настоящего времени *-aš(ij)* с аналогичной палатализацией, во всех других формах настоящего времени — обычные флексийные морфемы с соединительной морфемой *-i-*, перед которой последний согласный корня подвергается палатализации. В системе инфинитива — прошедшего времени — обычные флексийные морфемы с соединительной морфемой *-i-*, например: *svišũ* (свищу), *svišt'it'* (свистит)... *svišt'àT* (свистят),

¹⁵ Интересные размышления над сходной проблемой содержатся в работе С. Курцевского. — См. „Festschrift für J. J. Mikkola“ („Annales Academiae Scientiarum Fennicae“, Ser. B, Tom. XXVII, p. 84 sqq.).

sʷiSt' àšij (свистящий), *sʷiStèT'* (свистеть) и т.д. Поскольку в основе таких глаголов в большинстве случаев лежат имена существительные, например *sʷiSt'* (свист), и поскольку таким глаголам противопоставлены глаголы однократного действия с суффиксом *n*, например *sʷiSnũT'* (свистнуть), мы должны квалифицировать их как деривационные образования. Тогда возникает вопрос, как следует представлять фонетический облик суффиксальных морфем, служащих для образования подобных глаголов? Правда, подобных случаев не так уж много. Но все же всегда нужно отдавать себе отчет в том, что русский язык — не "туранский", где формообразование происходит исключительно посредством суффиксации и где основообразующие аффиксы во всех формах данной парадигмы всегда одни и те же. В русском языке результат основообразования часто характеризуется не наличием определенной суффиксальной или префиксальной морфемы, но лишь совокупностью парадигматических форм, как мы это попытались представить на примере глагола *sʷist'èT'*, и это особенно часто можно наблюдать в глагольном основообразовании¹⁶.

§ 12. Несмотря на упомянутые в предыдущем параграфе сложности, с которыми связано разложение русского слова на морфемы, морфонология вряд ли откажется от такого членения (в противоположность морфологии, где гораздо чаще используется понятие морфемного комплекса; ср. § 7). Способы формообразования представлены в русском языке двумя видами: это, с одной стороны, *чередование морфем* (соединение одной и той же корневой морфемы то с одной, то с другой суффиксальной или флексивной морфемой), а с другой стороны — *изменение морфем* (изменение фонетического облика морфемы). При этом используется либо чередование морфем (например: им. п. ед. ч. *riḃ/ã* (рыба); род. п. ед. ч. *riḃ/i* (рыбы)), либо только изменение морфем (например: род. п. ед. ч. *riḃ/i* (рыбы) ~ дат. п. ед. ч. *riḃ/i* (рыбе)), либо то и другое вместе (например: им. п. ед. ч. *ṅg/à* (нога) ~ вин. п. ед. ч. *ṅg/ũ* (ногу)). Исследование характера и объема морфемных изменений и составляет главную задачу русской морфонологии.

Изменения морфем

I. Комбинаторные изменения морфем

Предварительные замечания

§ 13. Варьирование фонетического облика морфемы может быть либо *комбинаторным*, либо *свободным*. Комбинаторные изменения вызываются внешней фонетической позицией морфемы и ее контактом с другими морфемами. Комбинаторные изменения русских согласных фо-

¹⁶ Впрочем, не только в глагольном. Достаточно упомянуть имена, обозначающие детенышей животных. Для этих наименований характерен в единственном числе формант *on[ã]k* и во множественном числе — суффикс *aṭ*, например: *kãzòl* (козел, род. п. *kãzlà*) ~ ед. ч. *kãzl'òṅk* (козленок, род. п. ед. ч. *kãzl'òṅkã*), мн. ч. *kãzl'àṭã* (козлята).

нем всегда имеют *прогрессивную обусловленность*, поэтому комбинаторное морфемное варьирование затрагивает всегда последнюю согласную фонему в морфеме и обусловлено первой фонемой следующей морфемы (или "фонетическим нулем"). Напротив, комбинаторное варьирование русских гласных фонем всегда имеет *регрессивную обусловленность*, но это в морфонологии выражено слабо (ср. § 26) [4].

Комбинаторные изменения согласных

§ 14. К комбинаторным изменениям морфем относится прежде всего *снятие (нейтрализация) противопоставления по участию голоса* в определенных фонетических позициях. Свободное чередование глухих и звонких согласных (ср. нем. Tote : Tode; leide : gelitten) совершенно чуждо русской морфологической системе¹⁷. В некоторых фонетических позициях у шумных согласных происходит нейтрализация оппозиции по участию голоса. Во-первых, это бывает перед всеми шумными, кроме *v*, и, во-вторых, в исходе слова. Нейтрализация перед шумными (кроме *v*) может происходить как внутри одной морфемы, когда в результате исчезновения гласного сталкиваются два шумных (например: *veS'* (весь) — мн. ч. *Fse* (все — [fse])), так и при соединении двух морфем (например: *riḃā* (рыба) ~ *riḃkā* (рыбка), *ṛad|lāžiT'* (подложить) ~ *ṛaT|kārāT'* (подкопать), *āt|mīT'* (отмыть) ~ *āt|b'īt'* (отбить)), и является законом, охватывающим все морфемы без исключения¹⁸. Напротив, в ауслауте нейтрализация по признаку участия голоса не затрагивает некоторые слова-морфемы, а именно все предлоги. Нейтрализация шумного в конце предлогов происходит только в том случае, если следующее слово начинается с шумного согласного (кроме *v*): *ṛaT-knīgāj* (под книгой — [patknīgāj]), *āt-gōrādā* (от города — [adgōrādā]). И наоборот, глухость или звонкость согласного в конечной позиции не претерпевает никаких изменений перед гласными, сонорными и перед *v*: *ṛad-ākṇòm* (под окном — *ṛadakṇòm*) ~ *āt-ākṇà* (от окна — [atakṇā]), *b'iz-riḃī* (без рыбы) ~ *s-riḃāj* (с рыбой), *b'iz-vaš* (без вас) ~ *s-vaṁī* (с вами). Иными словами, предлоги трактуются как префиксы; шумный согласный в ауслауте предлога ведет себя так же, как и согласный в инлауте при словосложении (ср. выше, с. 76, сн. 9). Естественно, что предлог не может предшествовать паузе. Во всех остальных словах конечные шумные согласные фонологически нейтрализуются по признаку участия голоса: перед звонкими шумными они получают звонкую реализацию, во всех остальных позициях — глухую: *režŭ* (режу) — повел. накл. *reš* (режь — [reš]), *reš ḃùlkŭ* (режь булку — [režḃùlkŭ]), *reš vòlāšŭ* (режь волосы — [rešvòlāšŭ]), *reš mášā* (режь мясо — [rešmāšā]), *reš āgŭrèc* (режь огурец — [rešāgŭrèc]).

Примечание. Следует подчеркнуть особо, что для языкового

¹⁷ Такое чередование мы находим только в одном случае: *svatāT'* (сватать) ~ *svad'īḃāj* (свадебный). Этимологическая связь этих слов осознается весьма слабо [5].

¹⁸ О том, как ведут себя глухие согласные перед *g*, см. ниже, § 20.

сознания говорящих на русском языке как в случае $\text{r}i\text{b}\check{\text{a}} : \text{r}i\text{p}\check{\text{k}}\check{\text{a}}$, так и в случае $\text{g}\check{\text{e}}\check{\text{z}}\check{\text{y}} : \text{r}\check{\text{e}}\check{\text{S}}$ чередование звонких и глухих согласных отсутствует. С точки зрения говорящих, здесь может идти речь, скорее, о чередовании звонкого согласного с нейтральным по признаку участия голоса. Поскольку это чередование регулируется внешним фонетическим окружением совершенно механически, оно воспринимается здесь весьма слабо и неотчетливо.

§ 15. *Нейтрализация консонантной оппозиции по тембру* в русском языке имеет место для всех согласных (кроме l) перед j , $\acute{v}$ и перед "зубными" (перед $t, t', d, d', s, s', z, z', l, l', n, n', r, r', c$)¹⁹. Это происходит как на стыке морфем (например: $\text{m}\acute{\text{e}}\text{T}'$ (медь) $\sim$ $\text{m}\acute{\text{e}}\text{d}\check{\text{n}}\check{\text{a}}\text{j}$ (медный), $\text{k}\acute{\text{o}}\text{n}$ (конь) $\sim$ $\text{k}\acute{\text{o}}\text{n}\check{\text{S}}\check{\text{k}}\check{\text{a}}\text{j}$ (конский), $\text{s}\check{\text{l}}\check{\text{i}}\text{z}\check{\text{a}}$ (слеза) $\sim$ $\text{s}\check{\text{l}}'\check{\text{i}}\text{z}\check{\text{l}}\check{\text{i}}\check{\text{v}}\check{\text{a}}\text{j}$ (слезливый)), так и внутри одной морфемы при выпадении гласного (например: $\text{r}\acute{\text{o}}\check{\text{S}}$ (пес) $\sim$ $\text{p}\check{\text{r}}\check{\text{a}}$ (пса), $\acute{\text{v}}\check{\text{i}}\text{d}'\acute{\text{o}}\check{\text{r}}\check{\text{k}}\check{\text{a}}$ (ведерко) $\sim$ $\acute{\text{v}}\check{\text{i}}\text{d}\check{\text{r}}\acute{\text{o}}$ (ведро) и т.д.) Кроме того, в русском языке все "способные к палатализации" согласные всегда палатализуются перед e и не палатализуются перед предударным $\check{\text{a}}$. Значит, перед этими гласными консонантная оппозиция по тембру отсутствует. Поэтому чередование $\text{d}:\text{d}$ охватывает не только такие случаи, как формы им. п. ед. ч. $\text{v}\check{\text{a}}\check{\text{d}}\check{\text{a}}$ (вода) $\sim$ дат. п. ед. ч. $\text{v}\check{\text{a}}\check{\text{d}}\acute{\text{e}}$ (воде, $[\text{v}\check{\text{a}}\acute{\text{d}}'\acute{\text{e}}]$), но и им. п. ед. ч. $\text{d}\check{\text{a}}\check{\text{S}}\check{\text{k}}\check{\text{a}}$ (доска) $\sim$ вин. п. ед. ч. $\text{d}\acute{\text{o}}\check{\text{S}}\check{\text{k}}\check{\text{u}}$ (доску), а чередование $\text{d}:\text{d}$ — не только случаи типа $\acute{\text{v}}\check{\text{i}}\text{d}'\check{\text{i}}\text{T}'$ (видеть) $\sim$ $\acute{\text{v}}\check{\text{i}}\text{d}\check{\text{n}}\check{\text{a}}\text{j}$ (видный), но и $\acute{\text{s}}\check{\text{i}}\text{d}'\check{\text{i}}\text{T}'$ (сидит) $\sim$ $\acute{\text{s}}\check{\text{i}}\text{d}\acute{\text{e}}\text{T}'$ (сидеть — $[\acute{\text{s}}\check{\text{i}}\text{d}'\acute{\text{e}}\text{t}']$). Перечисленные случаи комбинаторной нейтрализации консонантной оппозиции по тембру воспринимаются и трактуются языковым сознанием говорящих на фоне свободного чередования палатализованных и непалатализованных согласных, которое играет важную роль в русском языке. Поэтому согласные, фонологически нейтрализованные по признаку тембра, воспринимаются не как абсолютно нейтральные, а как в той или иной степени палатализованные или непалатализованные, при этом такое восприятие не всегда в равной степени отчетливо. Тут действуют следующие законы: 1. Если фонологически нейтральный согласный получает фонетическую реализацию как непалатализованный, то его тембр идентифицируется более отчетливо, чем тембр фонетически палатализованного нейтрализованного согласного. 2. Перед гласным тембр согласного идентифицируется лучше, чем перед согласным. Первый из этих законов объясняется тем, что непалатализованный согласный выступает как немаркированный член корреляции по палатализации.. Второй — тем, что гласные $e, \check{\text{a}}$ являются членами альтернации по интенсивности: $e:\acute{\text{i}}, o:\check{\text{a}}, a:\check{\text{a}}$, при этом перед $\acute{\text{i}}, o, a$ консонантная оппозиция по тембру фонологически релевантна (подробнее см. ниже, § 57).

П р и м е ч а н и е. Нейтрализация консонантной оппозиции по тембру не затрагивает конечных согласных префиксов: в $\text{r}\acute{\text{a}}\text{d}|\text{l}'\check{\text{i}}\text{z}\check{\text{i}}\check{\text{v}}\check{\text{a}}\text{T}'$ (подлизывать), $\text{s}\check{\text{l}}\check{\text{n}}\check{\text{i}}\check{\text{z}}\check{\text{i}}\text{T}'$ (снизить), $\text{v}|\text{j}\check{\text{e}}\text{S}\text{T}'$ (въезд) префиксы $\text{r}\acute{\text{a}}\text{d}, \text{s}, \text{v}$ остаются

¹⁹ Подробнее о позициях, в которых происходит нейтрализация "корреляции по палатализации", см. в статье Р. Якобсона, посвященной общей фонологии русского языка („Travaux du Cercle Linguistique de Prague“, V/1) [6].

ся без изменения несмотря на то, что следующий за ними согласный — палатализованный зубной или j^{20} .

§ 16. А. Корневые и суффиксальные морфемы, имеющие в исходе St и Sd, теряют конечный зубной (t, d) перед следующим за ним п: leSt' (лесть) ~ lèsnǎj (лестный), sv'istèT' (свистеть) ~ sv'isnǔT' (свистнуть), jèSd'it' (ездить) ~ nǎjèznǐK (наездник). Это правило не имеет исключений [8]. В языковом сознании говорящих на русском языке lèsnǎj разлагается на lèSt + nǎj и т.д. Но это происходит лишь в тех случаях, когда St, Sd оказываются в конце одной морфемы, а п — в начале другой. Поэтому слово bèznǎ (бездна) в языковом сознании говорящих уже не разлагается на bez + dnǎ.

В. В случае sèrcǎ (сердце) — род. п. мн. ч. šǐrdèc (сердец), прилаг. šǐrdècǎj (сердечный) — налицо выпадение d(T) между r и c. Этим единственным примером и ограничивается данное фонетическое правило.

С. В случаях типа rǎ|vèškǎ (повестка) ~ ǎ|rǎ|víSt'it' (оповестить), rǎ|jèškǎ (поездка) ~ jèSd'it' (ездить), rǎz|vòrškǎ (разверстка) ~ rǎz|víStàT' (разверстать) и некоторых других T (= t, d) между S и k выпадает. Но параллельно существуют дублетные формы, где T сохраняется (rǎ|vèStkǎ, rǎ|jèStkǎ и т.д.), и часто единственно общепринятым оказывается произношение STk, например: rǎnǐStkǎ (пианистка), cìStkǎ (чистка) и т.д.

§ 17. А. В начале флексивной или суффиксальной морфемы s (или S) после T переходит в c; например: mǐl (мыл) ~ возвр. mǐlšǎ (мылся), но mǒjǐT (моет) ~ возвр. mǒjǐTcǎ (моется), mǐT' (мыть) ~ возвр. mǐTcǎ (мыться). Если возникшее таким путем сочетание Tc оказывается перед согласным или после согласного, то T выпадает, например: dǎST (даст) ~ возвр. dǎScǎ (дастся), grǐsT' (грызть) ~ возвр. grǐScǎ (грызться); rǎP (раб) ~ rǎPškǎj (рабский) ~ rǎPStvǎ (рабство), но brǎT (брат) ~ brǎcškǎj (братский) ~ brǎcstvǎ (братство). Эти правила не имеют исключений, однако они касаются только возвратной флексии šǎ и суффиксов Šk, Stv; других суффиксов или окончаний с начальным s (или S) нет.

В. В исходе морфемы сочетание k с последующим суффиксальным Šk дает sk. Впрочем, это правило распространяется только на прилагательные, образуемые от существительных мужского рода на ik, ak: kalǐmǐK (калмык) ~ прилаг. kǎlǐmǐckǎj (калмыцкий), kǎbǎK (кабак) ~ прилаг. kǎbǎckǎj (кабацкий) и т.д. Другие корни с k в исходе морфемы образуют прилагательные с Šk иным способом: rǎǰòK (пророк) ~ прилаг. rǎǰòcǐŠkǎj и т.д. При образовании прилагательных с Šk от некоторых еще недостаточно ассимилированных языком этнонимов на ak, ik,

²⁰ Факультативно последний согласный префиксальной морфемы может палатализоваться. Но такой вариант произношения всегда вправе быть заменен на вариант с отсутствием палатализации и при так называемом "отчетливом", медленном произнесении вообще никак не проявляется [7]. Это обстоятельство и делает принципиально противоположными такие случаи, как v|jeST и kǒvǐjǔ (кровью), где последний перед j всегда палатализован (и поэтому фонологически нейтрализован).

которые воспринимаются как явно заимствованные, корневое К сохраняется, например: kǎzàKŞkǎj (казакский) — от этнонима kǎzàK (казак), который был введен только после революции как официальное обозначение закаспийской народности [9] (раньше для него существовало наименование kǐrgiŞ (киргиз)), или lǎKŞkǎj — от lǎK (лак) — названия народности Центрального Дагестана, малоизвестной русским, и т.п. [10].

С. Большинство существительных, имеющих в исходе корня с, образуют прилагательные с Şk по образцу ǎtèc (отец) ~ ǎtècǐŞkǎj (отеческий) или ǎTcòFŞkǎj (отцовский) или d'ívìcǎ (девица) ~ d'ívìcǐŞkǎj. От некоторых существительных прилагательные с суффиксом Şk образуются путем непосредственного присоединения его к корню, Ş при этом выпадает: nèmtǐc (немец) ~ nǐmèckǎj (немецкий), mǎlǎdèc (молодец) ~ mǎlǎdèckǎj (молодецкий) наряду с mǎlǎdècǐŞkǎj (молодеческий), dvǎrèc (дворец) ~ субст. прилаг. dvǎrèckǎj (дворецкий), prǎStèc (простец) ~ prǎStèckǎj (простецкий), grécǐjǎ (Греция) ~ grèckǎj (грецкий) наряду с grècǐŞkǎj (греческий), tǔrcǐjǎ (Турция) ~ tǔrèckǎj (турецкий) и т.д. Примеров на обратное, то есть на сохранение с перед s (или S), нет.

§ 18. А. Конечное s (S) морфемы перед š или ž следующей морфемы переходит в Š, так что возникает геминированное šš или žž: rǎS/StǎvǐT' (расставить) ~ но rǎŠ|šǐrǐT' (расширить), rǎŠ|žǐmǎT' (разжимать), vǐŠšǐj (высший) — от vǐşòkǎj (высокий), vǐS' (высь) и т.д.

В. Перед š следующей морфемы происходит ассимилятивный переход S предыдущей морфемы в Š, но поскольку š сам по себе звук долгий, то полученное таким образом "Šš" практически ничем не отличается от простого š, например: rǎšǐtǎT' (рассчитать) — от šǐtǎT' (считать), rǎšǐrǐT' (расщепить) — от šǐrǐT' (щепить), ǐzvòšǐK (извозчик) — от ǐzvòŞ (извоз) + суф. šik, как kǎntòršǐK (конторщик) — от kǎntòrǎ (контора).

С. В исходе морфемы S перед c следующей морфемы переходит в š: rǎŠ|cǐSt'ǐT' (расчистить) — от cǐSt'ǐT' (чистить), b'ǐŠ|cǐsl'ǐnǎj (бесчисленный) — от b'ǐŞ (без) и cǐslò (число). При небрежном произношении комплекс šc приближается к обычному долгому š. Но за основной вариант всегда в подобных случаях признается šc, тогда как произнесение šc вместо обычного š расценивается как провинциализм²¹. Для русского языка невозможно, чтобы S не подвергалось ассимиляции перед š, ž, š, c, но, с другой стороны, русские šš, žž, šc всегда явно можно разложить на S + š, S + ž, S + c. Поэтому ассимилятивный переход Sš, Sž, Sš, Sc в Šš, Šž, Šš, Šc воспринимается русскими как нормальное произношение данного фонемного комплекса.

§ 19. А. Сочетание T + š ведет себя по-разному в зависимости от того, возникает ли оно на "префиксальном" или "суффиксальном" шве: в первом случае оно дает Tš (произн. cš), например: ǎT|šǐtǎT' (отсчитать), ǎT|šǐrǐT' (отщепить) и т.д.; во втором (речь, правда, идет только

²¹ В случае rǐşòK (песок) ~ род. п. rǐŞkǎ (песка) ~ rǐšǐnka (песчинка), rǐšǎnǎj (песчаный), скорее, представлено чередование Şk ~ š; ср. vòSK (воск) + vǎšǐnǎ (вощина) ~ vǎšǎnǎj (вощаный); [o]k в rǐşòk, без сомнения, суффикс, что явствует из наличия слова sù|rǐś (супесь).

о суффиксе $\hat{s}ik$ — других примеров просто нет) оно дает $T\hat{c}$, например: $\check{s}\check{a}v\hat{e}T\hat{c}\check{i}k$ (советчик) — от $\check{s}\check{a}v\hat{e}T$ (совет), $\check{z}\check{a}v\hat{e}T\hat{c}\check{i}k$ (заводчик) — от $\check{z}\check{a}v\hat{e}T$ (завод) [11].

В. Сочетание $k +$ суффиксальное $\hat{s}$ дает $T\hat{c}$ в $k\check{a}b\hat{a}T\hat{c}\check{i}k$ (кабатчик). Других примеров нет [12].

§ 20. Фонема g переходит в x , если она оказывается — вследствие выпадения гласного или присоединения суффикса — перед глухим согласным (кроме $\check{s}$): $d'\hat{o}g\check{a}T'$ (деготь) ~ род. п. $d'\hat{o}x\check{t}'\check{a}$ (дегтя), $n\hat{o}g\check{a}T'$ (ноготь) ~ род. п. $n\hat{o}x\check{t}'\check{a}$ (ногтя), $k\hat{o}g\check{a}T'$ (коготь) ~ род. п. $k\hat{o}x\check{t}'\check{a}$ (когтя) [13], предик. м. р. $\acute{m}\hat{a}g\check{a}K$ (мяжок) ~ атриб. $\acute{m}\hat{a}x\check{k}\check{a}j$ (мягкий) ~ ср. ст. $\acute{m}\hat{a}x\check{c}\check{i}$ (мягче); предик. м. р. $l\hat{o}g\check{a}K$ (легок) ~ атриб. $l'\hat{o}x\check{k}\check{a}j$ (легкий) ~ ср. ст. $l\hat{e}x\check{c}\check{i}$ (легче). Приведенные слова служат единственным подкреплением данного фонетического правила, поскольку примеры на обратное, то есть когда g перед глухим согласным (кроме $\check{s}$) выступает как K , отсутствуют; это правило можно считать законом без исключений [14]. Пример смягченного императива $l\hat{a}K\check{k}\check{a}$ (ляг-ка) от $l\hat{a}g\check{u}$ (лягу) объясняется особым поведением консонантных комплексов в повелительном наклонении (ср. ниже, § 23 В, сноска 23).

§ 21. А. Выпадение непалатализованного l после согласного в исходе корня представлено, собственно, только в одной категории — это прошедшее время некоторых нерегулярных глаголов (мужской род), у которых окончания прошедшего времени присоединяются непосредственно к последнему согласному корня, например: $r\check{a}\check{s}\check{u}$ (пасу), прош. вр. ж. р. $r\check{a}\check{s}l\hat{a}$ (пасла) ~ прош. вр. м. р. $r\check{a}\check{s}$ (пас); $Sk\check{r}\check{i}b\check{u}$ (скребу) ~ прош. вр. ж. р. $Sk\check{r}\check{i}b\check{l}\hat{a}$ (скребла) ~ прош. вр. м. р. $Sk\check{r}\acute{o}P$ (скреб); $r\check{i}k\check{u}$ (пеку) ~ прош. вр. ж. р. $r\check{i}k\check{l}\hat{a}$ (пекла) ~ прош. вр. м. р. $r\acute{o}k$ (пек); $t\check{r}\check{u}$ (тру) ~ прош. вр. ж. р. $t'\hat{o}r\check{l}\hat{a}$ (терла) ~ прош. вр. м. р. $t'\hat{o}r$ (тер) и т. д. Примеры на обратное, то есть на сохранение сочетания "согласный + l " в конечной позиции без изменения, отсутствуют: произношение $\check{z}\check{e}z\check{l}$ (жезл) встречается только в поэзии и его можно рассматривать как нарочитое искажение нормального $\check{z}\check{e}z\check{a}l$ [$\check{z}\check{e}z\check{l}$] [15].

В. Напротив, палатализованное l' после согласных в исходе слова сохраняется: $r\check{u}b\check{l}'$ (рубль), $k\check{a}r\check{a}b\check{l}'$ (корабль), $\check{z}\check{u}r\check{a}v\check{l}'$ (журавль), $m\check{i}sl'$ (мысль), $krem\check{l}'$ (кремль) и т. д. Произношение $r\check{u}P'$, $k\check{a}r\check{a}P'$ относится к просторечию.

§ 22. Звукосочетание $\acute{n}m$ в русском языке не встречается. В глаголах $r\check{a}|\acute{n}\hat{a}T' \sim$ наст. вр. $r\check{a}|\acute{j}m\check{u}$ (понять, пойму), $\check{z}\check{a}|\acute{n}\hat{a}T' \sim$ $\check{z}\check{a}|\acute{j}m\check{u}$ (заявить, займу) и т. д. $\acute{n}$ перед m переходит в j ²². Переход $\acute{n}m$ в $\acute{j}m$ можно рассматривать как фонетическое правило и, пожалуй, как безысключительное, поскольку, как уже было сказано, русскому языку неизвестны слова, где бы сохранялось сочетание $\acute{n}m$.

§ 23. Прочие комбинаторные морфемные изменения проводятся в русском языке непоследовательно, и поэтому их нельзя ставить в один

²² В $r\check{r}\acute{i}|\acute{n}\hat{a}T' \sim r\check{r}\acute{i}|\acute{m}\check{i}T$ (принять; примет) j , возникший из $\acute{n}$, выпал после префикса $r\check{r}\acute{i}/r\check{r}\acute{i}$. Но после этого префикса j , закрывающий слог, выпадает всегда, независимо от его происхождения, например: $r\check{r}\acute{i}|\acute{d}'\hat{o}T$ (придет) ~ $r\check{a}|\acute{j}d'\hat{o}T$ (пойдет), где j — не из $\acute{n}$.

ряд с теми, о которых говорилось выше. Упомянем лишь следующие.

А. Замена $\hat{c}$, стоящего в исходе морфемы (и чередующегося с k или s ; ср. § 65), на $\check{s}$ перед n следующей морфемы: $\check{S}k\check{u}\hat{c}àT'$ (скучать) ~ $\check{S}k\check{u}\check{s}n\check{a}j$ (скучный), $s\check{v}\hat{c}à$ (свеча) ~ $p\check{a}T'|Sv\check{e}\check{s}\check{n}\hat{u}K$ (подсвечник) и т. д. Несмотря на архаизирующее влияние орфографии, такое произношение в Москве считается единственно правильным, и поэтому, когда немосквичи (среди них и урожденные петербуржцы) под влиянием орфографического облика слова произносят $\hat{c}n$ вместо $\check{s}n$ (например $\check{S}k\check{u}\hat{c}n\check{a}$), это встречает насмешку. Тем не менее существует множество слов, где $\hat{c}$ сохраняется перед n и где даже самый что ни на есть исконный москвич никогда не заменит его на $\check{s}$: $v\check{e}\hat{c}n\check{a}j$ (вечный), $r\hat{u}\hat{c}n\check{o}j$ (речной), $r\check{u}\hat{c}n\check{o}j$ (ручной) (но $r\check{u}\check{s}\hat{n}\hat{u}K$ (рушник)), $n\check{a}\hat{c}n\check{o}j$ (ночной) (но $n\check{a}\check{s}\hat{n}\hat{u}K$ [16] наряду с $n\check{a}\hat{c}\hat{n}\hat{u}K$ (ночник)) и т. д. При возникновении новых слов с продуктивными суффиксами n , $\hat{n}uK$ и при живом чередовании $k:\hat{c}$, $s:\hat{c}$ $\hat{c}$ перед n сохраняется: $f\check{r}\hat{a}\hat{c}\hat{n}\hat{u}K$ (фрачник) и т. д. Таким образом, переход $\hat{c}n > \check{s}n$ больше не относится к живым морфонологическим явлениям и имеет весьма ограниченную сферу существования.

В. Еще более ограничено распространение перехода $t, d > S$ перед флексией морфемы, начинающейся с t . Такой переход наблюдается лишь в двух грамматических категориях, которые больше не являются продуктивными: 1. $j\check{u}d'\hat{u}m$ (едим) ~ $jeST'$ (ест), $d\check{a}d'\hat{u}m$ (дадим) ~ $daST'$ (даст); 2. $v\check{u}d\check{u}$ (веду) ~ инф. $v\check{u}St'\hat{u}$ (вести), $b\check{r}\check{u}d\check{u}$ (бреду) ~ $b\check{r}\check{u}St'\hat{u}$ (брести), $bl'\check{u}d\check{u}$ (блюду) ~ инф. $bl'\check{u}St'\hat{u}$ (блюсти), $kl\check{a}d\check{u}$ (кладу) ~ $kl\check{a}ST'$ (класть), $kr\check{a}d\check{u}$ (краду) ~ инф. $kr\check{a}ST'$ (красть), $p\check{a}d\check{u}$ (паду) ~ инф. $paST'$ (пасть), $p\check{r}\check{u}d\check{u}$ (пряду) ~ инф. $pr\check{a}ST'$ (прясть) $s\check{a}d\check{u}$ (сяду) ~ инф. $seST'$ (сесть), $j\check{u}d'\hat{u}m$ (едим) ~ инф. $jeST'$ (есть), $pl'\check{u}t\check{u}$ (плету) ~ инф. $pl'\check{u}St'\hat{u}$ (плести), $m\check{u}t\check{u}$ (мету) ~ инф. $m\check{u}St'\hat{u}$ (мести), $\check{a}b\check{r}\check{u}t\check{u}$ (обрету) ~ инф. $\check{a}b\check{r}\check{u}St'\hat{u}$ (обрести), $sv\check{u}t\check{u}$ (цвету) ~ инф. $sv\check{u}St'\hat{u}$ (цвести), $pr\check{a}|\hat{c}t\check{u}$ (прочту) ~ инф. $pr\check{a}|\hat{c}eST'$ (прочесть). Эти "аномальные" словоизменительные типы, имеющие и другие нерегулярности, например выпадение последнего согласного корня $j\check{u}d'\hat{u}m$ (едим) ~ 2 л. ед. ч. $je-\check{S}$ (ешь), $kl\check{a}d\check{u}$ (кладу) ~ прош. вр. $kl\check{a}l$ (клат), $m\check{u}t\check{u}$ (мету) ~ прош. вр. $m\check{o}l$ (мел) и т. д. (ср. § 76 А в). Но даже в этой небольшой группе нерегулярных глаголов есть исключения из правила перехода $t, d > S$: от $n\check{a}j\check{u}d\check{u}$ (найду) образуется инфинитив $n\check{a}j\check{u}t'\hat{u}$ (найти), от $b\check{u}d\check{u}$ (буду) — $b\check{u}T'$ (быть). Под вопросом остаются случаи сохранения T в ауслауте корня перед t окончания. Единственный пример — нерегулярный инфинитив $\check{u}Tt'\hat{u}$ (идти) от $\check{u}d\check{u}$ (иду) — весьма ненадежный: наряду с этой формой существует форма $\check{u}t'\hat{u}$ (йти), и трудно сказать, какую из двух языковое сознание говорящих считает "правильной", тем более что школьная грамматика, под влиянием которой все находятся, предпочитает форму $\check{u}Tt'\hat{u}$. Единственной, еще совершенно живой и продуктивной категорией, где перед t' окончания сохраняется T (= t', d) в исходе корня, является форма множественного числа повел. накл., например: $\check{a}tv\check{e}T't'\hat{u}$ (ответьте) — ед. ч. $\check{a}tv\check{e}T'$ (ответь), $b\check{u}T't'\hat{u}$ (будьте) — ед. ч. $b\check{u}T'$ (будь)²³. Но

²³ Ср. статью Р. Якобсона в „Charisteria Guilelmo Mathesio ... oblata“, с. 81 и сл.

окончания императива занимают особое место в системе форм русского языка, и их можно приравнять к энклитическим частицам. Поэтому $\check{a}t\check{v}\acute{e}t\check{t}\acute{i}$, $b\check{u}t\check{t}\acute{i}$ и т. п. нельзя квалифицировать как примеры, опровергающие переход $t, d > S$ перед t .

§ 24. Для префиксальных морфем, помимо нейтрализации по признаку участия голоса, нерелевантно ни одно из рассмотренных выше комбинаторных морфемных изменений. Ср., например, непалатализованные $\check{s}, \check{t}, \check{v}$ в $\check{s}|\acute{n}\acute{i}st\acute{i}$ (снести), $\check{a}|\acute{v}\acute{i}st\acute{i}$ (отвести), $\check{v}|\check{j}\acute{e}x\check{a}t\acute{}$ (въехать) (в противоположность § 15; ср. § 15, прим.), сохранение $s, \acute{s}$, в $\check{a}t|\check{s}\acute{i}r\check{a}t\acute{}$ (отсыпать), $\check{a}t|\check{s}\acute{i}d\acute{e}t\acute{}$ (отсидеть) (в противоположность § 17 А), сохранение T в $\check{a}t|\check{d}\acute{a}t\acute{}$ (отдать), $\check{a}t|\check{t}\acute{i}\check{n}\acute{u}t\acute{}$ (оттянуть) (ср. § 23 в). Морфемный шов между префиксом и корнем в русском языке менее четкий, чем морфемный шов между корнем и суффиксом или корнем и окончанием.

§ 25. Подводя итог, следует сказать, что, помимо нейтрализации по признаку участия голоса и по тембру в определенных позициях и еще, пожалуй, выпадения t, d между $S (s, z)$ и n , *прогрессивное* комбинаторное изменение морфем не играет в русском языке решающей роли. Большей частью оно встречается лишь в небольшом количестве примеров, иногда только в отдельных категориях или даже в отдельных словах. По сравнению с огромным количеством разнообразных сочетаний согласных, которые возникают при присоединении суффикса и флексии или при морфологическом выпадении гласного, число сочетаний согласных, к которым приводит комбинаторное морфемное варьирование, весьма незначительно. В той мере, в какой речь идет об изменениях звукового облика морфемы в русском языке, эти изменения носят преимущественно *свободный* характер, то есть не зависят от фонетического окружения. В этом русский язык согласуется с другими славянскими языками и даже с большинством новых индоевропейских языков и принципиально отличается от "туранских" языков. Изменение звукового облика морфемы для русского — в большинстве случаев — осмысленное действие, а не просто автоматическое следствие из фонетической ситуации, возникшей в результате комбинации морфем.

Комбинаторные изменения гласных

§ 26. Как уже было сказано выше (§ 13), *регрессивное* комбинаторное варьирование морфем в русском языке затрагивает исключительно гласные в середине морфемы. Русский язык знает, собственно, только один тип регрессивного комбинаторного варьирования: в соединительных и суффиксальных морфемах, начинающихся с $\check{a}$, это $\check{a}$ сохраняется в том случае, если предыдущая морфема оканчивается на непалатализованный согласный или на k, g, x, s , и заменяется на $\acute{i}$, если предыдущая морфема оканчивается на палатализованный согласный или на $\check{s}, \check{z}, \acute{s}, \acute{z}, \acute{c}, \acute{j}$. Примеры с суффиксальными морфемами: $kr\check{a}sn\check{a}v\check{a}t\check{a}j$ (красноватый) (ср. $kr\check{a}sn\check{a}j$ (красный)) ~ $\check{s}\acute{i}n\acute{i}v\check{a}t\check{a}j$ (синеватый) (ср. $\acute{s}\acute{i}n\acute{i}j$ (синий)), $b\acute{e}dn\check{a}t\check{a}$ (беднота) (ср. $b\acute{e}dn\check{a}j$ (бедный)) ~ $\acute{n}\acute{i}š\acute{i}t\check{a}$ (нищета) (ср. $\acute{n}\acute{i}š\acute{i}j$ (нищий)), $v\acute{e}r\check{a}c\check{k}\check{a}$ (Верочка), дим. к $v\acute{e}r\check{a}$ (Вера) ~ $s\acute{o}n\acute{i}c\check{k}\check{a}$ (Сонечка),

дим. к sòñǎ (Соня) и т. д. Примеры с соединительными морфемами: mǎlǎkǎ|sòš (молокосос) ~ píl'íšòš (пылесос), còrnǎj (черный), còrnǎjǎ (черная, черное) ~ síńǐj (синий), síńǐjǎ (синяя, синее) (окончаниями здесь служат для именительного падежа единственного числа мужского рода — нуль, для именительного падежа единственного числа женского и среднего рода — -ǎ, а элемент ǎj/ǐj — соединительная морфема) и т. д. На флексийные морфемы данное правило не распространяется: флексийная морфема, имеющая в начале ǎ, сохраняет это ǎ после всех согласных в исходе предыдущей морфемы.

II. Свободные изменения морфем, или чередования (альтернации) морфем

Предварительные замечания

§ 27. Морфонологической системе русского языка неизвестны ни повторяемость компонентов морфемы (редупликация), ни их перестановка (метатеза). Свободное изменение морфем в русском языке состоит либо в выпадении, либо в качественном изменении морфемных компонентов. Выпадать и изменяться могут как гласные, так и согласные. Суть изменения состоит в замене либо коррелятивной, либо дизъюнктивной фонемой. Отсюда следующая классификация чередований: А. Вокалические чередования: а) с коррелирующими альтернантами, б) с дизъюнктивными альтернантами, с) чередование с нулем; В. Консонантные чередования: а) с коррелирующими альтернантами, б) с дизъюнктивными альтернантами, с) чередование с нулем.

§ 28. Каждое чередование находит соответствие в языковом сознании говорящих в виде *морфонемы* — морфонологической единицы, представляемой как совокупность фонем, участвующих в данном чередовании. Разумеется, идеальная сущность морфонемы неодинакова в случаях чередования с коррелирующими альтернантами, или с дизъюнктивными, или с нулем. Поэтому представляется целесообразным ввести графические различия при обозначении различных видов морфонем. Мы будем обозначать *коррелятивные морфонемы* (соответствующие чередованию с коррелирующими альтернантами) теми же буквами, что и "нейтрализованные" фонемы (то есть без специальных диакритических знаков для "сильных" или "слабых" гласных и палатализации — непалатализации у согласных); *дизъюнктивные морфонемы* — буквами, разделенными косой чертой, а чередующиеся с нулем морфонемы — буквой в квадратных скобках, например: rǔkǎ (рука) ~ мн. ч. rǔkǐ (руки) ~ rǔc̃nòj (ручной) — корень ⟨rǔc̃/k⟩; ǎd'ìŋ (один, м. р.) ~ ǎdnǎ (одна, ж. р.) ~ ǎdnì (одни, мн. ч.) — корень ⟨ǎd' [i] n⟩.

1. Чередования с коррелирующими альтернантами:
передвижение ударения

§ 29. Гласные *u, a, i* встречаются в русском языке в двух коррелирующих видах, которые различаются по признаку интенсивности: как "сильные" (нередуцированные, ударные) — *ù, à, ì* и как "слабые" (редуцированные, безударные) — *ÿ, ä, î*. Между сильным и слабым видом гласных имеет место определенное грамматическое чередование: *ù:ÿ, à:ä, ì:î*. Гласные *o* и *e* в исконно русских словах встречаются только как сильные. Но и они чередуются со слабыми гласными: *è* всегда чередуется с *ï*, а *ò* — с *ã* (в анлауте и после непалатализованных согласных). Строго говоря, *ï, ä* представляют собой не "корреляты" *e, o*, а субституты отсутствующих *ë, ö*. Тем не менее альтернационный ряд *ò:ã* и *è:ï* имеет все свойства чередования с коррелирующими альтернантами, и русскому языковому сознанию чередования *ò:ã* и *è:ï* представляются настолько же устойчивыми, как и чередования *ù:ÿ, à:ä, ì:î*, и не могут быть от них отделены. После палатализованных согласных, а также после *ž, š, ž, š, č, j* гласный *ã* встречается только во флексивных морфемах. В остальных случаях в данной фонетической позиции *ã* заменяется на *ï*. Иными словами, после палатализованного согласного, а также после *ž, š, ž, š, č, j* гласные *ò, à* чередуются не с *ã*, а с *ï*. Данный вид чередования также оказывается постоянным и не имеющим исключений, и тем самым его можно поставить в один ряд с чередованием *ù:ÿ* несмотря на некоррелятивность участвующих в нем фонем.

Таким образом, в русском языке представлены следующие чередования сильных и слабых гласных:

Морфонема	После палатализованных согласных и после <i>ž, š, ž, š, č, j</i> и не во флексивных морфемах	Во всех остальных случаях
<i>u</i>	<i>ù : ÿ</i>	<i>ù : ÿ</i>
<i>o</i>	<i>ò : ï</i>	<i>ò : ã</i>
<i>a</i>	<i>à : ï</i>	<i>à : ä</i>
<i>e</i>	<i>è : ï</i>	<i>è : ï</i>
<i>i</i>	<i>ì : ï</i>	<i>ì : î</i>

§ 30. "Передвижение ударения" (чередование сильных и слабых гласных) — это единственный альтернационный тип, охватывающий все виды морфем русского языка. В той мере, в какой морфема вообще содержит гласный, большинство морфем обладает по крайней мере двумя акцентными вариантами. Морфемы только с одним вариантом ударения встречаются редко. Из флексивных морфем только форма местного падежа единственного числа (если она не совпадает с окончанием формы предложного падежа) всегда имеет сильный вариант флексивной морфемы, например: *v-l' ĭšù* (в лесу), *nã-šŭkù* (на суку), *F-p'íl' i* (в пыли).

Но эти окончания не относятся к продуктивным. Они употребляются только для ограниченного набора слов и в весьма ограниченной сфере (исключительно с предлогами *v*, *nǎ*)²⁴. Все прочие флексивные морфемы наряду с сильным имеют и слабый фонетический вариант. Среди префиксальных морфем не имеют сильного фонетического вида только непродуктивные префиксы *čĩĩS* (в двух словах: *čĩĩS|čũr* (чересчур) и *čĩĩS|pǎldšĩcǎ* (чересполосица)); далее, продуктивные, но относительно редко употребляемые *pĩd* (пред-), *čĩiz* (чрез-) и принадлежащий "ученой" речи и несколько высокопарно звучащий префикс *nǎjĩ* (наи-). Прочие имеют как ту, так и другую форму. Среди суффиксов есть несколько довольно продуктивных, обладающих только одним акцентным вариантом — либо только "сильным", например: *ačk* в *gǎrd`àčkǎ* (гордячка), *unj* в *pǎrřĩgũnjǎ* (попрыгунья), либо только "слабым", например: *t`il`* в *ũčĩt`il`* (учитель), *řũgàt`il`* (ругатель) и т. д.; *ĩnk* — в *xũd`ĩnkǎj* (худенький), *glũrĩnkǎj* (глупенький)²⁵ и т. д. Особую группу составляют такие суффиксальные морфемы, которые, будучи занятыми в деривационном формообразовании, имеют только один акцентный вариант, а при парадигматическом формообразовании обнаруживают оба варианта (или звуковые формы). Это, например, продуктивные именные суффиксы *un*, *ak*, *ač* и многие другие, которые в именительном падеже единственного числа имеют всегда сильный вариант, а в остальных падежах — всегда слабый: *křĩkũn* (крикун) ~ род. п. *křĩkũnà* (крикуна), *ǎStràk* (остряк) ~ род. п. *ǎStrĩkà* (остряка), *pũgàč* (пугач) ~ род. п. *pũgǎčà* (пугача) и т. д. Что же касается корневых морфем, то среди них довольно много таких, в которых представлен только один акцентный вариант. Большей частью, однако, это свойство оказывается не абсолютным для данного корня, потому что оно сводится лишь к случайному отсутствию комбинации данного корня с одним из "сильных" суффиксов. До тех пор, пока этот корень остается живым, нельзя исключить того, что когда-нибудь он соединится с продуктивным "сильным" суффиксом и тогда сам примет "слабый" фонетический вид. Так, от корня *l`ir* в *l`irǎ* (липа) в настоящее время не существует дериватов со "слабой" фонетической формой (то есть с безударным корневым слогом). Не исключено, однако, что когда-нибудь для обозначения некоторых объектов, имеющих отношение к липе, будут образованы слова типа **l`ĩrũn*, *\*l`ĩrĩnàk* и т. п., поскольку корень *l`ir* живой, а суффиксы

²⁴ Единственный известный мне случай снабжения недавно заимствованного слова локативной флексией *-u* — это *sech* (цех) — слово, получившее широкое распространение после революции (род. п. ед. ч. *sechǎ* (цеха), дат. п. *sechũ* ~ местн. п. *F-sichũ*). Слово *bal* (бал) уже во второй половине XIX в. в местном падеже стало иметь форму *nǎ-balũ* (на балу) [17].

²⁵ Наречия *pǎ|mǎlènkũ* (помаленьку), *mǎlènkǎ* (маленько), которые, с исторической точки зрения, содержат суффикс *ènk* ~ *ĩnk* в сильном фонетическом варианте, в языковом сознании русских связываются не с *mǎl`ĩnkǎj* (маленький), а непосредственно с *mǎlǎ* (мало). Точно так же *xǎgǎšènkǎ* (хорошенько) связано не с *xǎgòšĩnkǎj* (хорошенький), а с *xǎgǎšò* (хорошо). Так что *ènkǎ* (енько) воспринимается говорящими как самостоятельный наречный формант, идентичность которого с диминутивным суффиксом прилагательного *-ĩnk-* более не осознается.

иц, њак и др. продуктивны. Поэтому отсутствие в современном русском языке слабого фонетического варианта корня 1'ip случайно и несущественно. Впрочем, русскому языку известны корни, имеющие гласный только одного вида, и это явление не носит случайного характера. Но таких корней немного. Сюда относятся прежде всего слова, в большей или меньшей степени воспринимаемые как заимствования, такие, как jŭv'íl'igr (ювелир), kŭrjèr (курьер), ävãngàrT (авангард) и т.д., затем некоторые исконно русские многосложные корни, такие, как gãrnãStaj (горноста́й), bãlãgãn (балага́н), kãrkãn (капка́н) и т.д., наконец, некоторые односложные корневые морфемы, по существу уже мертвые и выступающие только в соединении с "сильными" (ударными) суффиксальными морфемами (при этом сами они, разумеется, всегда обнаруживают "слабый" фонетический вариант), например, корень kãld в kãldŭn (колду́н), kãldŭnjã (колду́нья), kãldãvãT (колдо́вать), zã|kãldòvãnjã (заколдо́ванный), kãldãFStvò (колдо́вство). По сравнению с огромным числом корней с двумя альтернантами гласного количество корней, выступающих в единственной форме, весьма невелико.

§ 31. Некоторые многосложные корневые морфемы обладают тремя акцентными вариантами, один — с сильным первым слогом, другой — с сильным последним слогом и третий — с ослаблением всех слогов, например: sòbãl' (собо́ль) ~ sãbòl'ij (собо́лий) ~ sãbãl'à (собо́ля), zòlãtã ~ pã|zãlòtã (позо́лота) ~ zãlãtòj (зосо́лой), dèšit' (десо́ять) ~ d'isãtãj (десо́тый) ~ d'isit'ì (десо́яти — род. п., дат. п. и местн. п. от десяти), kólãkãl (косо́кол) ~ kãlãkòl'ňã (косо́кольня) ~ kãlãkãlã (косо́кола) и т.д.

§ 32. Особо следует подчеркнуть, что в корневых морфемах, состоящих более чем из двух слогов, ударение может падать либо на последний, либо на первый слог. Корневые морфемы, не подчиняющиеся этому правилу (то есть такие, где ударным является какой-нибудь другой слог, кроме первого и последнего), — это либо заимствованные слова (например: f'ĩlòšãF (филосо́ф), d'irèktãr (ди́ректор), kãrtòf'íl' (картофе́ль)²⁶ и т.д.), либо образованные при помощи редупликации "лепетные" слова (Lallwörter), такие, как: kãrãkŭl'ã (караку́ля), kíkìmãřã (кикимо́ра), kãrãmãřã (карамо́ра), которые находятся за пределами нормальной морфонологической системы русского языка.

§ 33. Перемещение ударения широко используется в русском языке как при парадигматическом, так и при деривационном формообразовании.

Особую роль оно играет в *парадигматическом формообразовании*. При этом, по крайней мере теоретически, можно различать *значимое* и *незначимое* передвижение ударения. Очень часто посредством передвижения ударения маркируется грамматическая корреляция, а также функциональная или семантическая оппозиция внутри одной парадигмы

²⁶ Слово kãrtòf'íl' — исключительно "научное" наименование картофеля — воспринимается совершенно четко как заимствование в противоположность "русифицированному" слову kãrtòškã (карто́шка), которое принадлежит разговорной речи и разлагается в языковом сознании говорящих на kart + oSk + a.

(accent d'opposition, по С. Карцевскому). Например, оппозиция единственного числа и множественного числа в таких парадигмах, как žīṅà (жена) ~ мн. ч. žòṅī (жены), šīlò (село) ~ мн. ч. sòlǎ (села), mòǎ (море) ~ мн. ч. mǎǎ (морья), dèřivǎ (дерево) ~ мн. ч. d'ǐrèvjǎ, pèkǎř (пекарь) ~ мн. ч. říkǎřà (пекаря), ñoš (нос, род. п. ед. ч. ñòšǎ) ~ мн. ч. ñǎšì (носы); оппозиция непрошедшего — прошедшего действия у таких глаголов, как StòńĩT (стонет) ~ Stǎṅàl (стонал), tònĩT (тонет) ~ tǎṅul (тонул), xòd'ĩT (ходит) ~ xǎd'ìl (ходил) и т.д.; оппозиция актива и пассива в типе: prǎ|čítàl (прочитал) ~ prǎ|čítǎṅ (прочитан), pǎ|lǎžìl (положил) ~ pǎ|lòžĩṅ (положен); оппозиция изъявительного и повелительного наклонений: říšit'ĩ (пишете) ~ říšit'ĩ (пишите), tònĩt'ĩ (тонете) ~ tǎṅit'ĩ (тоните), xòd'it'ĩ (ходите) ~ xǎd'it'ĩ (ходите) и т.д.; оппозиция атрибутивных и предикативных форм прилагательных: атр. glǔxòjǎ (глухое) ~ пред. glǔxǎ (глухо), атр. ùṅṅǎjǎ (умное) ~ пред. ùṅṅò (умно), атр. xǎlòdṅǎjǎ (холодное) ~ пред. xòlǎdṅǎ (холодно), атр. mǎlǎdòjǎ (молодое) ~ пред. mòlǎdǎ; оппозиция между двумя "casi recti": им. п. ед. ч. ñǎgà (нога) ~ вин. п. ед. ч. ñògũ (ногу); между двумя предложными падежами: предл.-местн. v-l'ĩšù (в лесу) ~ собств. предложный ǎ-lèsĩ (о лесе), v-gřĩžì (в грязи) ~ ǎ-gřǎžĩ (о грязи) и т.д.²⁷. Иногда при помощи передвижения ударения усиливается чисто внешняя оппозиция между формой без окончания и всеми остальными формами той же парадигмы, снабженными окончаниями, например: им. п. ед. ч. kǎřòl' (король) ~ род. п. kǎřǎl'à (короля), дат. п. kǎřǎl'ù (королю) и т.д.; род. п. мн. ч. ĩmòṅ (имен) ~ им. п. мн. ч. ĩmĩṅǎ (имена), дат. п. мн. ч. ĩmĩṅǎṅ (именам) и т.д.; м. р. oṅ (он) ~ ж. р. ǎṅǎ, ср. р. ǎṅò, мн. ч. ǎĩ (она, оно, они); прош. вр. м. р. vòl (вел) ~ ж. р. vílǎ (вела), ср. р. vílò (вело), мн. ч. víl'ì (вели) и т.д. Во всех этих случаях акцентное передвижение имеет смысл, который до определенной степени может быть воспринят языковым сознанием говорящих. Но есть и другие случаи, когда передвижением ударения подчеркивается какая-нибудь грамматическая дизъюнкция или выделяется, без видимых на то оснований, одна форма из парадигматического ряда, которая находится в дизъюнктивном отношении к другим формам. Особое положение формы именительного падежа множественного числа в парадигме множественного числа типа gòSt'ĩ (гости) ~ род. п. gǎStèj (гостей), дат. п. gǎSt'àṅ (гостям), твор. п. gǎSt'àmĩ, предл. п. gǎSt'àx (гостях) оправдано тем, что именительный падеж как падеж "беспризнаковый" противопоставит всем остальным падежам. Однако противопоставление форм род. п.

²⁷ Сюда, очевидно, относятся и такие случаи, когда акцентное чередование служит для различения двух синтаксических способов употребления одной и той же формы. При числительных 2 — 4 обыкновенно употребляется родительный падеж единственного числа (например, dva dòmǎ). Но некоторые существительные мужского рода, образующие обычно форму родительного падежа на -ǎ, в соединении с числительными 2, 3, 4 имеют ударное окончание, например: čaš (час), šaK (шаг), řaT (ряд). Что же касается оборота řĩ čĩřtǎ 'решительно ничего!', где в слове čogT ударение зафиксировано на окончании, тогда как во всей парадигме единственного числа оно падает на корневую морфему, то он должен быть, вероятно, истолкован иначе: это тесно спаянное сочетание, и к тому же еще табуированное.

мн. ч. l'üdèj (людей), твор. п. мн. ч. l'üd'ímì (людьми) ~ им. п. мн. ч. l'üd'ĩ (люди), дат. п. l'üd'ám (людям), предл. п. l'üd'áx (людях) совершенно лишено смысла; в той же степени лишено смысла и противопоставление форм 1-го лица ед. ч. r'ĩšù (пишу) ~ формам 2-го лица ед. ч. r'ĩšĩš, 3-го лица ед. ч. r'ĩš'ĩŦ, 1-го лица мн. ч. r'ĩš'ĩm, 2-го лица мн. ч. r'ĩš'ĩt'ĩ, 3-го лица мн. ч. r'ĩš'ĩŦ (пишешь, пишет, пишем, пишете, пишут). Во всех этих случаях передвижение ударения с точки зрения современного русского языка не обосновано ни внешними, ни внутренними причинами, оно представляется совершенно лишенным смысла, то есть чисто условным²⁸.

§ 34. Оба упомянутых выше вида акцентного передвижения — значимое (внешне или внутренне обусловленное) и чисто условное — в действительности трудно отделимы один от другого, поскольку в конкретных парадигмах происходит их перекрещивание и наложение, так что внешне распределение акцентных вариантов кажется совершенно произвольным. Так, формы наст. вр. изъявительного наклонения r'ĩš'ĩš (пишешь) (3 л. ед. ч. r'ĩš'ĩŦ (пишет) и т.д. (ср. также прич. наст. вр. r'ĩš'ĩš'ĩj (пишущий)) с ударением на корне противопоставлены как презентные формы формам претеритным, имеющим ударение на окончании (r'ĩšàl (писал); ср. также прич. прош. вр. r'ĩšàŦš'ĩj (писавший)), и как индикативные — императивным, также обладающим ударным окончанием: r'ĩš'ĩ (пиши). Но эта рациональная схема нарушается тем, что формы настоящего времени не всегда имеют ударение на корне: ср. форму 1-го лица ед. ч. r'ĩšù (пишу) с ударным окончанием. Противопоставление формы единственного числа с ударением на окончании форме множественного числа с ударением на корне у таких слов, как s'p'ĩnà (спина) ~ мн. ч. s'p'ĩn'ĩ (спины), s'ĩnà (цена) ~ мн. ч. s'èp'ĩ (цены) и т.д., было бы вполне осмысленным, если бы не форма винительного падежа ед. ч. s'p'ĩnũ, s'èp'ũ и т.д., которая разрушает всю схему из-за ударения на корневой морфеме. Другое значимое противопоставление формы единственного числа с ударением на корне форме множественного числа с ударением на окончании у слов типа nòš (нос) ~ nãš'ĩ (носы), bój (бой) ~ bãj'ĩ (бои) тоже оказывается разрушенным. В схему не укладываются формы: а) с ударным окончанием: местн. п. ед. ч. v-nãšù (в носу), F-bãjù (в бою), слова типа vòlk (волк) (дат. п. ед. ч. vòlkũ) ~ дат. п. мн. ч. vãlkãm, šol' (соль) (дат. п. ед. ч. šòl'ĩ) ~ дат. п. мн. ч. šãl'ãm и т.д., б) с ударением на корне: им. п. мн. ч. vòlk'ĩ (волки), šòl'ĩ (соли); слова типа šok (сок, дат. п. ед. ч. šòkũ, дат. п. мн. ч. šãkãm), dve'ĩ (дверь, дат. п. ед. ч. dvè'ĩ, дат. п. мн. ч. dv'ĩràm) и одновременно формы местного падежа ед. ч. F-sãkù, F-dv'ĩ'ĩ и именительного падежа мн. ч. šòk'ĩ, dvè'ĩ. Что же касается прилагательных, у которых атрибутивная форма с ударением на окончании противопоставлена предикативной с ударением на корне,

²⁸ Поэтому всякая попытка классификации видов акцентного распределения в современных русских парадигмах, предпринимаемая исключительно на рациональных основаниях, заведомо бесперспективна. Такая (неудачная) попытка недавно была сделана И. Ниловым ("Русский падеж", София, 1930 и "Язык ударений". — В: "Труды V съезда Акад. Орган. загран.", ч. I, с. 277-291).

то однородная картина такого рационального акцентного распределения затемняется тем, что предикатив женского рода имеет ударение на окончании: атр. $p\ddot{u}St\grave{o}j$ (пустой) ~ предик. м. р. $puST$ (пуст), ср. р. $p\grave{u}St\grave{a}$ (пусто) ~ ж. р. $p\ddot{u}St\grave{a}$ (пуста). Такие помехи в рациональной схеме парадигматического акцентного передвижения ослабляют связь грамматических и акцентных оппозиций. Для современного русского языкового сознания такие парадигмы, как $\acute{r}\ddot{i}\grave{s}\grave{u}:\acute{r}\ddot{i}\grave{s}\grave{i}\grave{S}:\acute{r}\ddot{i}\grave{s}\grave{i}:\acute{r}\ddot{i}\grave{s}\grave{a}\grave{l}$, в акцентологическом отношении почти что целиком носят условный характер: значимый характер акцентной оппозиции $\acute{r}\ddot{i}\grave{s}\grave{i}\grave{t}\acute{i}:\acute{r}\ddot{i}\grave{s}\grave{i}\grave{t}\acute{i}$ или $\acute{r}\ddot{i}\grave{s}\grave{i}\grave{T}:\acute{r}\ddot{i}\grave{s}\grave{a}\grave{l}$ воспринимается весьма слабо.

§ 35. Причина того, что большинство типов парадигматического передвижения ударения не поддается отчетливому осмыслению, кроется, вероятно, в том, что в большинстве случаев оно стало непродуктивным. Все продуктивные словоизменительные типы в русском языке обнаруживают единообразную, последовательную акцентуацию: ударение во всех формах парадигмы падает либо на корень, либо на окончание. К продуктивным акцентным передвижениям относятся только: а) в спряжении — оттяжка ударения в причастии страдательного залога, если в форме прош. вр. мужского рода оно падает на последний слог, например: $n\grave{a}|\acute{r}\ddot{i}\grave{s}\grave{a}\grave{l}$ (написал) ~ $n\grave{a}|\acute{r}\ddot{i}\grave{s}\grave{a}\grave{n}$; ср. также такую недавно возникшую форму, как $f\grave{a}\acute{r}\acute{m}\acute{i}\grave{r}\grave{a}\grave{v}\grave{a}\grave{l}$ (формировал) ~ пас. $f\grave{a}\acute{r}\acute{m}\acute{i}\grave{r}\grave{o}\grave{v}\grave{a}\grave{n}$ ²⁹; б) в склонении: $\grave{d}\grave{o}K\grave{t}\grave{a}\acute{r}$ (доктор) ~ род. п. $\grave{d}\grave{o}K\grave{t}\grave{a}\grave{r}\grave{a}$ ~ мн. ч. $\acute{d}\grave{a}K\grave{t}\grave{a}\grave{r}\grave{a}$. Не случайно, что именно в этих случаях имеет место совершенно осмысленное распределение акцентных оппозиций (актив: пассив, ед. ч.: мн. ч.). Что же касается остальных типов склонения с акцентным противопоставлением единственного числа множественному (и без особого — в акцентологическом плане — положения им. п. мн. ч., вин. п. ед. ч. или местн. п. ед. ч.), то формы мужского рода и среднего рода с ударением на корне в единственном числе и на окончании во множественном числе представлены каждая десятком примеров, почти исключительно с односложным корнем: а) м. р. $\acute{d}\grave{a}\acute{r}$ (дар) ~ род. п. ед. ч. $\acute{d}\grave{a}\grave{r}\grave{a}$ (дара) ~ мн. ч. $\acute{d}\grave{a}\grave{r}\grave{i}$ (дары); ср. также $\acute{c}\grave{i}\grave{n}$ (чин), $p\grave{l}\grave{u}K$ (плуг, род. п. $p\grave{l}\grave{u}g\grave{a}$), $\acute{s}\grave{i}\acute{r}$ (сыр), $s\grave{l}\grave{o}j$ (слой), $\acute{s}\grave{i}\grave{n}$ (сын), $St\grave{a}\acute{n}$ (стан), $\acute{r}\grave{a}\acute{S}$ (раз, род. п. $\acute{r}\grave{a}z\grave{a}$), $\acute{r}\acute{o}j$ (рой); б) ср. р. $l\grave{e}t\grave{a}$ (лето), мн. ч. $l\acute{i}t\grave{a}$ (в значении 'годы'); ср. также $\acute{m}\grave{a}\acute{s}\grave{a}$ (мясо), $\acute{m}\grave{e}St\grave{a}$ (место), $m\grave{o}\acute{r}\grave{a}$ (море), $\acute{o}z\acute{i}\grave{r}\grave{a}$ (озеро, мн. ч. $\acute{a}z\acute{i}\grave{r}\grave{a}$ или $\acute{a}z\grave{o}\grave{r}\grave{a}$), $p\grave{r}\grave{a}\acute{v}\grave{a}$ (право), $p\grave{o}l\grave{a}$ (поле), $s\grave{e}r\acute{c}\grave{a}$ (сердце), $s\grave{l}\grave{o}\acute{v}\grave{a}$ (слово), $St\grave{a}\acute{d}\grave{a}$ (стадо). Эти группы слов слишком малы и их фонетическая структура весьма специфична (односложный корень), чтобы иметь шансы на расширение, так что в действительности они остаются непродуктивными. Существительных среднего рода и женского рода с ударением на окончании в единственном числе и на корне во множественном числе в количественном отношении больше, но их продуктивность ограничена тем, что новые слова

²⁹ Впрочем, у новообразованных глаголов IV продуктивного класса (по классификации С. Карцевского) употребление несколько колеблется: от $razgraf\acute{i}l$ (разграфил) пассивная форма может быть как $\acute{r}\ddot{a}z\grave{g}\grave{r}\grave{a}\acute{f}\acute{i}\grave{n}$, так и $\acute{r}\ddot{a}z\grave{g}\grave{r}\grave{a}\acute{f}\acute{i}\grave{o}\grave{n}$. Но у глаголов на $\acute{a}\acute{v}\grave{a}\acute{T}$ (-овать, 1 л. наст. вр. - $\acute{u}j\grave{u}$) оттяжка ударения в пассивной форме происходит по правилу, которому следуют в данном в высшей степени продуктивном классе все новообразованные глаголы без исключений.

(заимствования или искусственные аббревиатуры) с ударным гласным в исходе слова, согласно правилам русской грамматики, принадлежат к несклоняемым, например: fõtò (фото) [18], ãFtò (авто), b'ũrò (бюро), bõà (боа) и т.д. Суффикс -ãtã, мн. ч. -õtĩ, например krãsäta (красота) ~ мн. ч. krãsõtĩ (красоты) и т.д., все же продуктивный (правда, не очень частотный), и тип rĩsmò (письмо) ~ мн. ч. rĩsmã (письма) оказался достаточно сильным и живым, чтобы, невзирая на общие правила, ассимилировать два недавних заимствования на -о, это rãl'tò (пальто), которое, согласно правилам грамматики, будучи заимствованием, склоняться не должно; в менее старательной речи, впрочем, оно склоняется и образует форму мн. ч. ròl'tã. Эта форма для москвичей моего поколения считается хотя и несколько просторечной ("шуточной"), но, несмотря на это, вполне нормальной (несклоняемая форма rãl'tò кажется мне нарочитой). В языке русских эмигрантов склоняется и kílò (кило), при этом во множественном числе ударение падает на первый слог (например, S-rĩtjù kílãmĩ). Итак, парадигматическое передвижение ударения остается продуктивным до тех пор, пока оно является явно значимым, то есть выражающим некоторую грамматическую корреляцию (типа единственность : множественность, активность : пассивность), при условии, что эта его функция не затемняется особым, немотивированным акцентологическим статусом какой-либо формы. А раз большинство словоизменительных типов с "подвижным" ударением в настоящее время непродуктивны, то дело, вероятно, в том, что передвижение ударения в них по вышеуказанным причинам оказывается не вполне мотивированным, и хотя словоизменительные типы с немотивированным, условным передвижением ударения представлены в гораздо более разнообразном виде и более распространены, охватывая множество самых употребительных слов (в чем, собственно, и состоит одна из наибольших трудностей русского языка при изучении его иностранцем), такие словоизменительные типы не обладают более достаточной силой, чтобы ассимилировать новые слова. Основную массу все-таки образуют слова с неподвижным ударением.

§ 36. Передвижение ударения играет важную роль и при *деривационном формообразовании*. Для определенных типов основообразования место ударения установлено жесткими правилами, но мы уже упоминали о том, что одни суффиксы, относящиеся к именному основообразованию, всегда ударны, другие всегда безударны (§ 30); и при глагольном основообразовании акцентные соотношения префиксов подчиняются правилам, почти не знающим исключений. Тем не менее сфера "беспорядочного" акцентного распределения при основообразовании оказывается все же достаточно большой. Помимо суффиксов с одним вариантом гласного, существует множество суффиксов с двумя вариантами гласного, то есть выступающих то в "сильном", то в "слабом" фонетическом облике, что не всегда обусловлено акцентным обликом производящего слова. От двух совершенно идентичных в акцентологическом отношении слов могут быть образованы с одним и тем же суффиксом два акцентологически совершенно различных слова: Stãrãj (старый, предик. ср. р. Stãrò) ~ Stãrĩc (старец), но mùdrãj (мудрый, предик. ср. р. mùdrò) ~

mǔdrèc (мудрец) или Stàrǎj (старый) ~ Stǎrìk (старик), но ùmņǎj (умный, предик. ср. р. umņò) ~ ùmńǐK (умник) и т.д. Префиксальные морфемы, акцентное соотношение у которых при глагольном основообразовании подчинено строгим правилам, будучи занятыми в именном основообразовании, обнаруживают на первый взгляд совершенно нерегулярное акцентное перевижение, так что иногда от двух акцентологически идентичных сложных глаголов образуются акцентологически совершенно различные существительные, например: ǎt|rǐvǎT' (отрывать, наст. вр. ǎt|rǐvǎjǔ) ~ ǎt|rǐF (отрыв), род. п. ǎt|rǐvǎ (отрыва), но ǎT|dǐxǎT' (отдыхать, наст. вр. ǎT|dǐxǎjǔ) ~ òT|dǐx (отдых) и т.д. Но такое не подчиненное правилам передвижение ударения царит, главным образом, в непродуктивных типах основообразования. В продуктивных же типах продуктивным обычно является только определенный тип акцентуации; это либо уподобление в ударении производящему слову, либо установление определенного акцентного варианта входящей в состав слова морфемы. Так, при образовании производных с суффиксом t'ǐl' (nomina auctoris) ударение всегда падает на тот же слог, что и в инфинитиве производящего глагола: dèlǎT' (делать) ~ dèlǎt'ǐl' (делатель), ùcǐT' (учить) ~ ùcǐt'ǐl' (учитель). И напротив, при образовании производных с суффиксом ak ударение всегда падает на суффикс (или на падежное окончание), например: srèdnǐj (средний) ~ srǐdnǎK (средняк, род. п. srǐdnǐkǎ), prǎStòj (простой) ~ prǎStǎK (простак).

2. Чередования с дизъюнктивными альтернантами

§ 37. Сильные гласные русского языка образуют восемь альтернационных пар (или аблаутных рядов): а ~ о, а ~ е, а ~ ɨ, о ~ е, о ~ у, о ~ ɨ, е ~ ɨ, у ~ ɨ. Но не все они равноценны в фонологическом отношении. В чередованиях о ~ е и у ~ ɨ оба альтернанта характеризуются одинаковой степенью раствора, но различной тембровой окраской, тогда как альтернанты остальных аблаутных рядов обнаруживают разную степень раствора. Опозиция по степени раствора всегда дизъюнктивна, тогда как опозиция по тембровой окраске "темный — светлый" способна быть корреляцией. Поэтому о ~ е, у ~ ɨ можно рассматривать как чередования с коррелирующими альтернантами и отделять их от других аблаутных рядов. Но поскольку в системе русских гласных (треугольник гласных) коррелятивность опозиции по тембру осознается слабо и поскольку русский язык обладает четко выраженной консонантной опозицией по этому признаку (что еще больше осложняет восприятие опозиции гласных по тембру как таковой), можно сказать, что опозиция темных (лабиализованных) и светлых (нелабиализованных) гласных в русском языке совершенно не осознается как корреляция. Таким образом, можно рассматривать приведенные выше альтернационные ряды гласных как чередования с дизъюнктивными альтернантами. Надо только еще упомянуть, что каждая из входящих в данные аблаутные пары гласная фонема может выступать в своем слабом (безударном) фонетическом варианте.

Ни одно из перечисленных здесь качественных чередований гласных не является в современном русском языке продуктивным. Большинство из них вообще встречается лишь в незначительном числе случаев, причем почти исключительно в корневых морфемах.

§ 38. Чередование о ~ е отмечается как в именном, так и в глагольном формообразовании:

о ~ е в именном формообразовании. 1. Это единственное качественное чередование гласных, представленное в *парадигматическом именном формообразовании* (= склонении), впрочем, одним только совершенно изолированным примером (который к тому же относится к табуированной лексике): *čorT* (черт, род. п. *čortã*, дат. п. *čortũ*, твор. п. *čortãm*, предл. п. *čort'ı*) ~ им. п. мн. ч. *čert'ı* (черти, род. п. *čirtěj*, дат. п. *čirt'am*, твор. п. *čirt'amı*, местн. п. *čirt'ax*). 2. В *деривационном формообразовании* альтернатива о ~ е, будучи довольно распространенной, тем не менее представлена лишь отдельными примерами или небольшими группами примеров. Отдельные примеры: *perjã* (перья, мн. ч. к *řı̀ò*) ~ *řòrũškã* (перышко), *vı̀sèljã* (веселье) ~ *vı̀sòlaj* (веселый — предик. ср. р. *vèsılã*), *žòņı* (жены, ед. ч. *žı̀na*) ~ *ženšı̀ňã* (женщина), *zèml'ı* (земли, ед. ч. *žı̀ml'ã*) ~ *čı̀mã|žòđ* (чернозем), *řı̀ředńıj* (передний) ~ *řı̀ròT* (перед), *řoš* (пес) ~ *řèšıj*, наряду с *řòsıj* (песий), *řı̀šòTkã* (решетка) ~ *řı̀šèTčı̀taj* (решетчатый, наряду с *řı̀šòTčı̀taj*), *teST'* (тесть, род. п. *tèSt'ã*) ~ *t'òšã* (теща)³⁰, *vòsnı* (весны) ~ прилаг. *vèšńıj* (вешний). Группы по два примера: *řotr* (Петр): *řèt'ã* (Петя) = *f'òđar* (Федор): *f'èđ'ã* (Федя), *sòStrı* (сестры, ед. ч. *sı̀Strã*): *sèStrıň* (сестрин) = *žòņı* (жены, ед. ч. *žı̀na*): *ženıň* (женин), *d'ı̀šòvãj* (дешевый): *d'ı̀šèvl'ı* (дешевле) = *l'òxkãj* (легкий): *lèxčı* (легче)³¹, *řı̀řı|kròStãK* (перекресток): *kreST* (крест) = *ã|řòňãK* (опенок): *peň* (пень)³², *žòņı* (жены): *ženškãj* (женский) = *sòlã* (села, ед. ч. *sı̀lò*): *sèl'skãj* (сельский), *t'vòrdãj* (твердый): *tverT'* (твердь) = *čòrňãj* (черный): *černı* (чернь). Большим числом примеров представлены следующие категории: а) диминутивы: от *žerT'* (жердь, род. п. *žèrd'ı*), *šerST'* (шерсть, род. п. *šèrSt'ı*), *jel'* (ель), *šel'* (щель), *pl'eT'* (плеть, род. п. *plèt'ı*) образуются диминутивы *žòrdãčkã* (жердочка), *šòrSTkã* (шерстка), *jòlkã* (елка), *šòlkã* (щелка), *pl'òTkã* (плетка); б) прилагательные с суф. < [ı]ň >: *kãt'òl* (котел) ~ прилаг. *kãtèl'ňãj* (котельный), *řı̀mòslã* (ремесла) ~ прилаг. *řı̀mèsl'ıňãj* (ремесленный), *Pčòlı* (пчелы) ~ прилаг. *Pčèl'ňãj* (пчельный), *b'òdrã* (бедрa) ~ *bèdrıňãj* (бедренный), *pãřı̀ròK* (поперек) ~ прилаг. *pãřı̀rèčňãj* (поперечный), *ũřròK* (упрек) ~ *b'ı̀ř|ũřrèčňãj* (безупречный), *vřı̀mòň* (времен — род. п. мн. ч.) ~ *sã|vřı̀mèňãj* (современный)³³, *čı̀řıS|šı̀d'òlkã* (чересседелка) ~ *šı̀dèl'ňãj*

³⁰ Впрочем, этимологическая связь между *teST'* и *t'òšã* осознается весьма слабо.

³¹ Сравнительную степень *t'ı̀žèl'ı* (тяжеле) от *t'ı̀žòlãj* (тяжелый) теперь уже не употребляют, предпочтительнее форма *t'ı̀žılèjı* (тяжелее).

³² Отношение же *nã|řòrStãK* (наперсток) к *řerST* (перст) не квалифицируется более как живое, поскольку *řerST* имеет лишь переносное значение (например, *řerST' sũd'bi*), а в значении "палец" употребляется только в возвышенном поэтическом стиле.

³³ Произношение *sã|vřı̀mèňãj* в Москве считается просторечным.

(седельный), *mòrtvāj* (мертвый) ~ *mèrtvínāj* (мертвенный); в) существительные на *ńik*: помимо производных от уже упомянутых слов *římòslā*, *b'òdrā*, *vřímòñ* и *Pčòlĩ* — *římèsł' ĩńĩK* (ремесленник), *nā|bèdrĩńĩK* (набедренник), *sā|vřímènńĩK* (современник), *Pčèl'ńĩK* (пчельник) — еще *l'òT* (лед — *l'da*) ~ *lèdnĩK* (ледник), *kāl'òšā* (колеса) ~ *kālèsńĩK* (колесник), *nājòm* (наем) ~ *nājèmńĩK*, наряду с *nājòmńĩK* (наемник), *prĩjòm* (прием) ~ *prĩjèmńĩK* (преемник). Но и в этих категориях альтернация *o* ~ *e* не относится уже к живым и не в силах воспрепятствовать появлению отклонений: так, рядом с *plèT'*: *pl'òTkā* оказывается *seT'* (сеть, род. п. *sèt'ĩ*) ~ дим. *sèTkā* (сетка), *kleT'* (клеть, род. п. *klèt'ĩ*) ~ *klèTkā* (клетка), рядом с *kāt'òl'*: *kātèl'nāj* — *kāl'òšā* (колеса) ~ прилаг. *kāl'òšnāj* (колесный), *nājòm* (наем) ~ прилаг. *nājòmñāj* (наемный) и даже *deñ* (день) ~ *pā|d'ònñāj* (поденный), где варианты *o* и *e* вовсе поменялись местами. Применительно к суффиксальным морфемам чередование *o* ~ *e* присутствует в $\langle [e/o] k/\hat{c} \rangle$: *gāřšòK* (горшок) ~ прилаг. *gāřšèčnāj* (горшечный), *gāřšèčńĩK* (горшечник); от *mĩšòK* (мешок) производное с суф. *ńĩK* будет мешечник, произношение которого колеблется: *mĩšòčńĩK* или *mĩšèčńĩK* [19]. От слова *ũčòbā* (учеба) с редким и непродуктивным суффиксом $\langle ob \rangle$ образуются *ũčèbnāj* (учебный) и *ũčèbńĩK* (учебник). В фамилиях суффиксы *òvĩč* и *e'vĩč* связаны отношением чередования (аблаута). Будучи по своему происхождению белорусскими, украинскими и польскими, некоторые из этих фамилий настолько ассимилировались, что сегодня воспринимаются как "русские"; ср.: *Rāmāñòvĩč* (Романович) ~ *Pāřkèvĩč* (Паскевич). То же относится и к фамилиям на *òFřkāj* и *èFřkāj* с той лишь разницей, что последние не великорусского происхождения. Это и есть те немногие примеры качественного чередования гласных в суффиксальной морфеме.

§ 39. Еще менее значительную роль играет чередование *o* ~ *e* в глагольном формообразовании. При этом оно, в противоположность ситуации в именном формообразовании, гораздо чаще употребляется в парадигматическом, чем в деривационном формообразовании.

а) В парадигматическом глагольном формообразовании (спряжении) чередование *o* ~ *e* выступает в небольшой группе глаголов, которые характеризуются видоизменением исхода корня (группы "Е" и "F", по С. Карцевскому): *leč* (лечь) ~ прош. вр. *l'òK* (лег — прич. прош. вр. *lèKšĩj* наряду с *lòKšĩj*), *žeč* (жечь) ~ прош. вр. *žoK* (жег), *St'ĩrèč* (стеречь) ~ прош. вр. *St'ĩròK* (стерег), *b'ĩrèč* (беречь) ~ прош. вр. *b'ĩròK* (берег), *teč* (течь) ~ прош. вр. *t'òK* (тек), *ābrèč* (обречь) ~ прош. вр. *ābròK* (обрек), *jeT'* ('futuere') ~ прош. вр. *joř*, *prā|čèST'* (прочеть) ~ прош. вр. *prā|čòl'* (прочел), *zā|prèč* (запречь) ~ *zā|pròK* (графич. запряг) [20], *ābrèST'* (обресть) наряду с *ābrĩSt'ì* (обрести) ~ прош. вр. *ābròl'* (обрел); далее, прош. вр. *šo|l'* (шел) ~ прич. прош. вр. *šèTšĩj* (шедший), *vo|l'* (вел) ~ прич. прош. вр. *vèTšĩj* (ведший), *ñoř* (нес) ~ прич. прош. вр. *nèSšĩj* (несший) [21], мн. ч. *mòrl'ĩ* (мерли) ~ прич. прош. вр. *ũ|mèršĩj* (умерший), *prā/St'òr* (простер) ~ прич. прош. вр. *prā/Stèršĩj* (простерший) [22]. Перечисленные примеры — это исключительно аномальные и непродуктивные образования, так же, как и два совершенно изолирован-

ных примера — форма повел. накл. рој (пой) ~ инф. реГ' (петь) и мел'їТ (мелет) ~ страдат. прич. прош. вр. mòl'ăťaj (молотый) [23].

б) В *деривационном* глагольном формообразовании чередование о ~ е имеет место только у трех глаголов несовершенного вида (итеративных): р'ă|d'róm'ıv'ăГ' (подремывать), äť|v'òrt'ıv'ăГ' (отвертывать), р'ă|çò-š'ıv'ăГ' (почесывать) — от дремл'їТ (дремлет), äť|v'èrt'їТ (отвертит), çèš'їТ (чешет) [24].

Кроме того, чередование о ~ е встречается еще в некоторых "смешанных" видах основообразования (девербативно-именном и деноминативно-глагольном): žòņı (жены) ~ žèņ'їТс'ă (женится), t'òpl'aj (теплый) ~ tèpl'їТс'ă (теплится), šòr'ăГ' (шепот) ~ šèP'ç'їТ (шепчет), р'ă|kl'òP (поклеп) ~ klèpl'їТ (клеплет), gr'òž'ı (грезы) ~ grèž'їГ' (грезить), gr'òP (греб, ж. р. gr'ıbl'ă) ~ grèbl'ă (гребля), ŭ|çòГ' (учет) ~ ŭ|çèSГ' (учесть), r'ăS|cv'òl (расцвел) ~ r'ăS|cv'èГ' (расцвет), boј (бой) ~ beј (бей), v'ăd'ă|r'òј (водопой) ~ реј (пей). Все эти образования относятся к аномальным и непродуктивным [25].

§ 40. Чередование о ~ а представлено: А. В *именном основообразовании* единственным изолированным примером служит l'ıb'òТк'ă (лебедка) ~ l'ıb'ăž'ıј (лебяжий)³⁴. — В. В *словоизменении глагола* это чередование имеет место только в двух изолированных нерегулярных парадигмах: наст. (буд. вр. l'ăg'ũ (лягу) ~ прош. вр. l'òK (лег) и причастие прош. вр. страдат. залога z'ă|r'ăž'ıŋ (запряжен) ~ прош. вр. м. р. z'ă|r'òK (запряг). С. В *смешанном* (девербативно-именном, деноминативно-глагольном) основообразовании примеров с чередованием о ~ а оказывается уже несколько больше (в целом их 6), но все же они довольно разрозненны: наст. вр. p'łòt'їТ (графич. платит)³⁵ ~ p'łàťă (плата), наст. вр. d'òg'їТ (графич. дарит)³⁵ ~ d'ar (дар), наст./буд. вр. р'ă|š'òd'їТ (графич. посадит)³⁵ ~ р'ă|š'àТк'ă (посадка), прош. вр. м. р. t'róS (графич. тряс, moreover, параллельно существует и произношение t'ráS) ~ t'ráSк'ă (тряска), также z'ă|r'òK (запряг) ~ z'ă|r'àSк'ă (запряжка), ž'aГ' (жать, наст. вр. ž'ıŋı) ~ ž'om (жом)³⁶. Но все-таки основной сферой чередования о ~ а остается *чисто глагольное основообразование*, хотя и тут, за исключением единственного случая (Sk'ăç'їТ ~ р'ăТ|Sk'òç'їТ), это чередование встречается только в одной категории, но зато в большом числе примеров. Это глаголы несовершенного вида с суффиксом <ıv'ă>; ср. z'ă|k'ă|ıv'ăГ' (закалывать) и z'ă|k'òl'їТ (заколет), S|r'ăš'ıv'ăГ' (спрашивать) и S|r'òš'їТ, которые могут быть образованы почти от каждого глагола совершенного вида с корнем, содержащим о (но не после палатализован-

³⁴ Неизвестно вообще, воспринимается ли теперь языковым сознанием обычного носителя русского языка этимологическая связь между k'ăl' àSк'ă (коляска) и k'ăl' òš'ă (колеса) или между pl'ım'ăň'ıK (племянник) и род. п. мн. ч. pl'ım'òŋ (племян) от pl'ém'ă (племя).

³⁵ Произношение p'łàt'їТ, d'ar'їТ, š'ad'їТ совершенно чуждо москвичам (по крайней мере, моего поколения) и воспринимается либо как провинциализм, либо как нарочитое уподобление графическому облику; и напротив, пока еще употребляется Sk'ăt'їТ, а параллельная форма Sk'òt'їТ считается просторечной [26].

³⁶ В настоящее время едва ли осознается этимологическая связь между gr'ăŋ'ıГ' (гринуть) и gr'om (гром).

ных согласных или $\hat{c}$, $\hat{z}$, $\hat{s}$, $\hat{z}$, $\hat{s}$, j и не перед y). Есть, однако, немногочисленная группа глаголов, которые сохраняют неизменным o корня перед суффиксом несовершенного вида $\langle \dot{y}v\grave{a} \rangle$, например: $z\grave{a}|x\grave{l}\grave{o}r\grave{n}\ddot{y}T'$ (захлопнуть) $\sim$ несов. в. $z\grave{a}|x\grave{l}\grave{o}r\dot{y}v\grave{a}T'$ (захлопывать). Еще, по-видимому, форма несовершенного вида с аблаутом $o \sim a$ не образуется от недавно созданных глаголов (например, заимствований) (по крайней мере, мне такие случаи неизвестны). Таким образом, здесь мы имеем дело с широко распространенным, но уже не продуктивным и не живым способом основообразования (наличие единичных новообразований, например $\check{a}\grave{f}\grave{a}rml\dot{y}v\grave{a}T'$ [27] — несов. в. наряду с $\check{a}\grave{f}\grave{a}rml\hat{a}T'$ к $\check{a}\grave{f}\grave{o}r\grave{m}\dot{y}T'$, существа дела не меняют).

§ 41. Чередование $a \sim e$. Изолированный нерегулярный глагол $le\hat{c}$ (лечь) образует, с одной стороны, форму прош. вр. м. р. $l\acute{o}K$ (лег; ср. §39 а), а с другой — форму наст./буд. вр. $l\grave{a}g\ddot{y}$ (лягу; ср. § 40 В), и, таким образом, корневой гласный этого глагола представляет собой морфону с тремя вариантами: $o/e/a$. Эту же морфону мы находим в $z\grave{a}|p\grave{r}\hat{e}\hat{c}$ (запречь) $\sim$ прош. вр. м. р. $z\grave{a}|p\grave{r}\acute{o}K$ (графич. запряг) $\sim$ причаст. страд. зал. прош. вр. $z\grave{a}|p\grave{r}\acute{a}\check{z}\dot{y}$ (запряжен). Два также нерегулярных глагола обнаруживают в корне чередование $e \sim a$ без ступени o : $seST'$ (сесть) $\sim$ наст. /буд. вр. $s\grave{a}\grave{d}\ddot{y}$ (сяду) и $\check{a}b|j\grave{a}T'$ (объять) $\sim$ наст. вр. $\check{a}b|j\grave{e}ml\dot{y}$ (объемлю)³⁷. И наконец, при деривационном формообразовании чередование $e \sim a$ мы отмечаем в четвертом глагольном корне: $le\check{z}\ddot{y}$ (лезу, прош. вр. $le\check{S}$, инф. $leST'$) (направленность действия) $\sim$ $l\grave{a}\check{z}\dot{y}T'$ (лазить) (ненаправленность). Группа из перечисленных пяти глагольных корней — единственная, где известно чередование $e \sim a$. Именным корням такое чередование совершенно чуждо.

§ 42. Чередование $e \sim i$ также ограничено лишь несколькими глагольными корнями. Мы находим это чередование в $p\check{a}|v\dot{e}sn\ddot{y}T'$ (повиснуть) $\sim$ $p\check{a}|v\grave{e}\check{s}\dot{y}T'$ (повесить), а также в производных от этого корня, например: $v\dot{e}š\dot{y}l\dot{y}ca$ (виселица), $p\check{r}\dot{y}|v\grave{e}\check{s}\check{a}K$ (привесок) и т.д.; далее, в парадигме $b\dot{r}\dot{y}T'$ (брить, прош. вр. $b\dot{r}\dot{y}l$, причаст. прош. вр. страдат. зал. $b\dot{r}\dot{y}T'$) $\sim$ наст. вр. $b\grave{r}\grave{e}\ddot{y}$ (брею); ср. также производные $b\dot{r}\dot{y}v\grave{a}$ (бритва), $b\grave{r}\acute{a}\check{d}\check{a}|b\grave{r}\grave{e}\dot{y}$ (брадобрей). Кроме того, чередование $e \sim i$ встречается в глагольных корнях, характеризующихся выпадением гласного в определенных формах: 1) при парадигматическом употреблении: повел. накл. lej (лей), bej (бей), pej (пей), vej (вей), $\check{s}ej$ (шей) — от инфинитивов $l\dot{y}T'$, $b\dot{y}T'$, $p\dot{y}T'$, $v\dot{y}T'$, $\check{s}\dot{y}T'$ (лить, бить, пить, вить, шить); ср. наст. вр. lju , bju , pju , vju , $\check{s}ju$; 2) при деривационном употреблении: $p\check{a}\check{d}\check{a}|St\grave{l}\hat{a}T'$ (подостлать) $\sim$ буд./наст. вр. $p\check{a}T|St\grave{l}\hat{e}\dot{y}T'$ (подстелет) $\sim$ $p\check{a}T|St\grave{i}l\check{k}\check{a}$ (подстилка).

§ 43. Чередование $o \sim i$ в парадигматическом употреблении встречается только у пяти нерегулярных глаголов: инфинитив $m\dot{y}T'$ (мыть), $n\dot{y}T'$ (ныть), $r\dot{y}T'$ (рыть), $k\dot{r}\dot{y}T'$ (крыть), $v\dot{y}T'$ (выть) $\sim$ наст. вр. $m\grave{o}\ddot{y}$, $n\grave{o}\ddot{y}$, $r\grave{o}\ddot{y}$, $k\grave{r}\grave{o}\ddot{y}$, $v\grave{o}\ddot{y}$ (мою, ною, рою, крою, вою). Именные производные от этих корней обнаруживают оба качества гласного: $m\dot{y}T' \sim m\dot{y}l\check{a}$ (мыло) $\sim$ $r\dot{y}k\check{a}|m\grave{o}\dot{y}n\dot{y}K$ (рукомойник), $r\dot{y}T' \sim r\dot{y}t\check{v}\dot{y}n\check{a}$ (рытвина) $\sim$ $r\acute{o}F$

³⁷ Связь этого глагола с существительным $\check{a}b|j\grave{o}m$ (объем) осознается весьма слабо.

(ров), $k\ddot{r}i\text{Г}' \sim k\ddot{r}i\check{s}a$ (крыша) $\sim k\ddot{r}o\text{Г}'$ (кров), $\nu i\text{Г}' \sim \nu o\text{Г}'$ (вой), а при чисто глагольном формообразовании встречается только степень 1; ср. глаголы несовершенного вида $pr\check{a}|m\ddot{i}\nu\grave{a}\text{Г}'$ (промыть), $\check{i}z|n\ddot{i}\nu\grave{a}\text{Г}'$ (изнывать), $z\check{a}|g\ddot{i}\nu\grave{a}\text{Г}'$ (зарывать), $pr\check{a}|k\ddot{r}\ddot{i}\nu\grave{a}\text{Г}'$ (покрывать), $z\check{a}|\nu\ddot{i}\nu\grave{a}\text{Г}'$ (завывать). Еще два корня обнаруживают чередование $o \sim i$ только при чисто глагольном основообразовании: $z\check{a}|\check{s}\grave{o}x\ddot{n}\ddot{i}\text{Г}'$ (засохнуть, неперех.) $\sim$ несов. $z\check{a}|\check{s}\check{i}x\grave{a}\text{Г}'$ (засыхать), $\check{i}S|\check{d}\grave{o}x\ddot{n}\ddot{i}\text{Г}'$ (издохнуть) $\sim$ несов. $\check{i}S|\check{d}\check{i}x\grave{a}\text{Г}'$ (издыхать). Отдельно стоит пара $pr\check{a}\text{Г}'|\check{s}\grave{o}\text{Г}'$ (подсчет) $\sim$ $pr\check{a}\text{Г}'|\check{s}\check{i}\check{i}\nu\grave{a}\text{Г}'$ (подсчитывать). Помимо перечисленных случаев, чередование $o \sim i$ встречается при девербативно-именном основообразовании у пяти глагольных корней, которые характеризуются выпадением корневого гласного в некоторых формах: $-d'o\text{Г}'$, например, в $g\check{a}rl\check{a}|d'o\text{Г}'$ (горлодер) $\sim$ $z\check{a}|d'ir\check{a}$ (задира) $\sim$ $d\check{r}a\text{Г}'$ (драть), $-t'o\text{Г}'$, например, в $pr\check{a}l\check{a}|t'o\text{Г}'$ (полотер) $\sim$ $pr\check{a}\text{Г}'|t'irk\check{a}$ (подтирка) $\sim$, $tr\check{u}$ (тру), $z\check{o}\text{Г}'$ (зов, род. п. $z\check{o}\nu\check{a}$) $\sim$ $pr\check{i}|\check{z}\check{i}\text{Г}'$ (призыв, род. п. $pr\check{i}|\check{z}\check{i}\nu\check{a}$) $\sim$ $z\nu\check{a}\text{Г}'$ (звать), $pr\check{a}|\check{s}\grave{o}l$ (посол) $\sim$ $pr\check{a}|\check{s}\check{i}lk\check{a}$ (посылка) $\sim$ $pr\check{a}|\check{s}l\grave{a}\text{Г}'$ (послать), $l\check{o}\check{S}$ (ложь), $l\check{o}\check{z}\check{n}\check{a}\check{i}$ (ложный) $\sim$ $\check{a}b|l\check{i}\check{z}\check{n}\check{a}\check{i}$ (облыжный) $\sim$ $l\check{z}\check{o}\text{Г}'$ (лжет). Приведенные примеры напоминают о соотношениях при чередовании $e \sim i$ (ср. выше, § 42) [28].

§ 44. Чередование $u \sim o$ встречается в десяти корнях. Лишь в трех корнях оно появляется при деривационном формообразовании: $\check{d}ux$ (дух) $\sim$ $FS|\check{d}ox$ (вздых) — ср. $FS|\check{d}\check{a}x\ddot{n}\ddot{i}\text{Г}'$ (вздохнуть), $\check{d}\check{a}x\ddot{n}\ddot{i}\text{Г}'$ (дохнуть); предикатив $glux$ (глух) $\sim$ $gl\check{o}x\ddot{n}\ddot{i}\text{Г}'$ (глохнуть), прош. вр. $gl\check{o}x$ (глох); предикатив $\check{s}ux$ (сух) $\sim$ $\check{s}\grave{o}x\ddot{n}\ddot{i}\text{Г}'$ (сохнуть), прош. вр. $\check{s}ox$ (сох). Другую группу составляют семь глаголов: наст. вр. $k\ddot{u}j\ddot{u}$ (кую) $\sim$ страд. прич. прош. вр. $k\check{o}\nu\check{a}\check{n}\check{a}\check{i}$ (кованный); $\check{s}\ddot{u}j\ddot{u}$ (сую), соверш. в. $\check{s}\ddot{u}\check{n}\ddot{i}$ (суну) $\sim$ $\check{s}\grave{o}\nu\check{a}\check{n}\check{a}\check{i}$ (сованный); $\check{a}sn\ddot{u}j\ddot{u}$ (осную) $\sim$ $\check{a}sn\grave{o}\nu\check{a}\check{n}\check{a}\check{i}$ (основанный); $kl\ddot{u}j\ddot{u}$ (клюю) (ср. соверш. в. $kl'\ddot{u}\check{n}\ddot{i}$ (клюну)), далее $kl'\ddot{u}\text{Г}'$ (клюв) $\sim$ $kl'\check{o}\nu\check{a}\check{n}\check{a}\check{i}$ (клеванный); $pl'\ddot{u}j\ddot{u}$ (плюю) $\sim$ $pl'\check{o}\nu\check{a}\check{n}\check{a}\check{i}$ (плеванный); $bl'\ddot{u}j\ddot{u}$ (блюю) $\sim$ $bl'\check{o}\nu\check{a}\check{n}\check{a}\check{i}$ (блеванный), $\check{z}\ddot{u}j\ddot{u}$ (жую) $\sim$ $\check{z}\check{o}\nu\check{a}\check{n}\check{a}\check{i}$ (жеванный), которые характеризуются усечением конечного v в корне в системе настоящего времени и чередованием $u \sim o$ как в деривационном формообразовании, так и в словоизменении³⁸.

§ 45. Чередование $u \sim i$ до некоторой степени родственно чередованию $u \sim o$. Два из упомянутых в § 44 корней представляют, кроме ступеней u и o , еще и степень 1: $\check{d}ux$ (дух) $\sim$ $FS|\check{d}ox$ (вздых) $\sim$ $FS|\check{d}\check{i}x\grave{a}\text{Г}'$ (вздыхать), $\check{d}\check{i}\check{s}\check{i}\text{Г}'$ (дышит), $\check{s}ux$ (сух) $\sim$ $\check{s}\grave{o}x\ddot{n}\ddot{i}\text{Г}'$ (сохнуть) $\sim$ $\nu\check{i}|\check{s}\check{i}x\grave{a}\text{Г}'$ (высыхать). Таким образом, эти корни содержат выступающую в трех видах морфемему $u/o/i$. Без ступени o чередование $u \sim i$ отмечается в двух других корнях: $sl\ddot{u}\check{s}\check{i}\text{Г}'$ (слушать) $\sim$ $sl\check{i}\check{s}\check{i}\text{Г}'$ (слышать) и $g\ddot{u}b\check{i}\text{Г}'$ (губить, 3 л. ед. ч. наст. вр. $g\ddot{u}b'it\text{Г}'$) $\sim$ $g\check{i}b\ddot{n}\ddot{i}\text{Г}'$ (гибнуть), а, кроме этого, в парадигматической функции только в изолированном и во многих отношениях совершенно нерегулярном $b\ddot{u}\check{d}\check{u}$ (буду) $\sim$ $b\check{i}\text{Г}'$ (быть) (несов. вид.).

§ 46. Чередование $a \sim i$ отмечено в четырех глагольных корнях, которые все имеют исход на носовой; их формообразование характеризу-

³⁸ Этимологическая связь между существительными $m\ddot{u}x\check{a}$ (муха) и $m\check{o}\check{S}k\check{a}$ (мошка) почти уже не осознается.

ется выпадением то гласного, то конечного согласного: zǎ|màT' (замять), наст. вр. zǎ|mṇù (замну) ~ zǎ|mìṅkǎ (заминка), pǎ|čáT' (почать), наст. вр. pǎ|čṇù (почну) ~ pǎ|čìṅ (почин), nǎ|žàT' (нажать), наст. вр. nǎ|žṇù (нажму) ~ nǎ|žìṅ (нажим) (ср. § 40 С), s|ńàT' (снять), наст. вр. s|ńìṅ (сниму) ~ s|ńìṅkǎ (снимок) [29]. Кроме того, сюда же относится форма 3-го лица ед. ч. наст.-буд. вр. pǎ|màṅT' ((помянет), инфинитив pǎ|mṇùT' (помянуть) с суффиксальным п) ~ pǎ|mìṅkǎ (поминки) (ср. pò|mṇìT' (помнить) с выпадением гласного).

§ 47. Суммируя сказанное в §§ 38—46, мы должны прежде всего констатировать, что чередование гласных с дизъюнктивными альтернантами не играют существенной роли в парадигматическом формообразовании. В именном словоизменении можно указать лишь на один-единственный пример такого чередования (čogT' ~ čèrt' ĭ — в § 38, 1). В глагольном словоизменении таких примеров гораздо больше (17 о ~ е, 7 и ~ о, 6 е ~ 1, 5 о ~ 1, 4 е ~ а, 2 о ~ а, 1 и ~ 1): всего 42 (= 38 корней). Но все это исключительно непродуктивные, нерегулярные и частично изолированные типы словоизменения. Истинная область вокалических альтернаций с дизъюнктивными альтернантами — это основообразование, причем серьезное значение имеют лишь два чередования: о ~ е и о ~ а. Первое (о ~ е) встречается почти исключительно в именном и отыменном основообразовании (в глагольном и отглагольном — только в трех случаях). Напротив, чередование о ~ а имеет место исключительно в чисто глагольном основообразовании (в чисто именном — 1 раз). Сверх того, чередование о ~ е, хотя и встречается во многих категориях, но в каждой из них оно ограничено малым числом слов и нигде не развилось в продуктивное средство основообразования. Напротив, чередование о ~ а, собственно говоря, хорошо представлено в одной-единственной категории (несовершенный вид с суффиксом -ĭṽǎ-), но зато здесь оно проведено весьма последовательно. Остальные чередования гласных с дизъюнктивными альтернантами представлены крайне малым числом случаев и при этом исключительно в глагольных корнях (если не считать сомнительный случай ṁùxǎ ~ ṁòškǎ, с. 101, прим. 38).

3. Чередование гласных с нулем

§ 48. Русский язык знает лишь три гласных морфемы с нулевым альтернантом: [О], [Е] и [И]. При этом [И] встречается почти исключительно в глагольных корнях; в неглагольном формообразовании это чередование имеет место только в четырех случаях: jǐjçò (яйцо) ~ род. п. мн. ч. jǐjìç (яиц); ср. jǐjìšńìcǎ (яичница) и т.п., ād'ìṅ (один) ~ жен. р. ādnà (одна), vǎjṇà (война) ~ vǎjìṅstvíṅǎj (воинственный), tǎjṇǎ (тайна) ~ tǎjìṅstvíṅǎj (таинственный). Эти три морфемы с нулевыми альтернантами [О], [Е], [И] могут чередоваться между собой попарно и образовывать в таком случае три трехчленные морфемы: — [о/е], то есть „о ~ е ~ нуль“, например: l'òT' (лед) ~ lèdnǐk (ледник) ~ l'd'ìṅǎ (льдина), — [о/1], то есть „о ~ 1 ~ нуль“, например: pǎ|šòl (посол) ~ pǎ|šìlkǎ (посылка) ~ pǎ|slàT' (послать), — [е/1], то есть „е ~ 1 ~ нуль“, например:

рăT|St'el'ĩT (подстелет) ~ рăT|St'ilkă (подстилка) ~ рădă|Stlăt' (подостлать). Кроме того, вокалический альтернант такой морфемы может претерпевать сдвиг ударения, вследствие чего возникают чередования $\grave{a} \sim$ нуль, $\acute{i} \sim$ нуль (соотв. $o \sim \grave{a} \sim$ нуль, $o \sim \acute{i} \sim$ нуль, $e \sim \acute{i} \sim$ нуль, $i \sim \acute{i} \sim$ нуль)³⁹.

§ 49. Гласные морфемы с нулевым альтернантом встречаются во всех видах морфем. В корневых морфемах они могут стоять лишь непосредственно перед конечным согласным (соответственно перед конечной группой согласных St, Sd), в префиксальных морфемах — только в исходе (то есть после конечного согласного), в суффиксальных морфемах — только в начале (то есть перед первым согласным), в флексивных морфемах — только на конце.

Чередование с нулем весьма распространено в русском языке. В корневых морфемах оно используется как в парадигматическом, так и в деривационном формообразовании, но при этом наблюдается сильное различие между глагольными и неглагольными (именными и местоименными) корнями.

§ 50. Парадигматическое формообразование (словоизменение).

А. В именных и местоименных основах две фонетические реализации морфемы с гласным и без него распределяются таким образом, что форма без гласного появляется перед окончанием, начинающимся на гласный, форма с гласным — перед нулевым окончанием или перед окончанием, начинающимся с согласного, например, В: rōT (рот) ~ род. п. rṭà (рта), ākṇò (окно) ~ род. п. мн. ч. òkǎṇ (окон), rōṢ (рожь) ~ род. п. rṣì (ржи) ~ твор. п. rōṣṣjũ (рожью), kāmĩn (камень) ~ род. п. kāmĩā (камня) ~ им. п. мн. ч. kāmènĵă (каменя), м. р. xitṛāj (хитрый) — предикатив м. р. xit'òṛ (хитер) и т. д. Чередование этих двух реализаций просто подчеркивает различие между формами с окончаниями с гласным и без гласного и является, таким образом, механическим, внешнеобусловленным и не связанным с какой-либо внутренне значимой функцией. Поэтому чередование гласного с нулем в именном склонении имеет тенденцию переходить в комбинаторное изменение морфем. Почти все существительные женского и вещного родов, которые в именительном падеже единственного числа оканчиваются на "согласный + na, la, no, lo (соотв. nă, lă)", имеют в родительном падеже мн. ч. перед n и l гласный (если он стоит под ударением, то это всегда гласный o), причем предыдущий согласный (если он вообще подвержен смягчению) смягчается: mĩtlà (метла) ~ род. п. мн. ч. mōt'ĩl (метел), kñĩṣṇà (княжна) ~ kñĩṣṇ (княжен), sāsṇà (сосна) ~ sòsĩṇ (сосен), víslò (весло) ~ vòsĩl (весел), ākṇò (окно) ~ òkǎṇ (окон) и т. д. Исключения, подобные vālṇà (волна) ~ vòlṇ (волн), ĩglà (игла) ~ ĩgl (игл) и некоторым другим, немногочисленны. Подобное правило действует у существительных вещного рода на "согласный + no, ro", например: rĩsmò (письмо) ~ rĩsĩm (писем), vídrò (ведро) ~ vòd'ĩṛ (ведер) и т. д. Существительные вещного рода на "согласный +

³⁹ Особняком стоит альтернация $u \sim$ нуль в префиксе rōl (rǎl) ~ ròlũ (~ rǎlũ), например: ròl|d'ĩn (полдень) ~ rǎ|rǎlũ|dñĩ (пополудни), rǎ|tǎrǎ (полтора) ~ род. п. rǎlũ|tǎrǎ (полтора) и т. д.

jò” и существительные женского рода на ”согласный + l^h, l^ř, jà, jǎ” имеют в родительном падеже мн. ч. перед l', j гласный e (соотв. ĭ — со смягчением предшествующего согласного, если он смягчаем): řǔžjò (ружье) ~ род. п. мн. ч. řǔžij (ружей), žǐml^h (земля) ~ род. п. мн. ч. žǐmèl' (земель), šabl^h (сабля) ~ šab'íl' (сабель), kèljǎ (келья) ~ kèl'ij (келей) и т. д. Данное правило исключений не знает. С этим связано и то обстоятельство, что сочетание ”согласный + j” не может находиться в исходе слова (ср. статью Якобсона об общей фонологии слова в русском языке в „Travaux du Cercle L. de Pr.“, V/1).

Примечание. В двух случаях при склонении появляется аномальное чередование гласного с нулем: 1) Слово ”сковорода” звучит в именительном падеже единственного числа (фонетически) как skǎvradá и в винительном падеже единственного числа skǒvǎrdǔ (или skǒvrdǔ). Выпадение гласного, однако, в данном случае представляет собой не фонологическое, а чисто фонетическое явление. Второй предударный слог и второй послеударный внутренний слог с фонетической точки зрения являются самыми слабыми в русском слове. И поскольку в данном случае соответствующие гласные соседствуют со звуком r, который вообще проявляет тенденцию, так сказать, поглощать краткие безударные гласные, то здесь мы имеем фонетическое выпадение гласного. Языковое сознание не замечает этого исчезновения и воспринимает эти слова как Skǎvǎradà и Skǒvǎrdǔ. 2) Личное местоимение 1 л. ед. ч. имеет в род.—вин. п. форму ĭńǎ (меня), но в дат.—предл. п.—mne (мне) и в твор. п.—mnojǔ (мною). В данном случае имеет место настоящее чередование гласного с нулем, но в свете вышесказанного оно аномально. Однако при общем нерегулярном характере склонения личных местоимений данная аномалия не особенно заметна.

В. Совсем иную роль играет чередование гласного с нулем в глагольной парадигме. Здесь оно встречается в очень ограниченном числе глагольных корней (всего 23) и служит для подчеркивания противопоставления между основой настоящего времени и основой инфинитива (соответственно прош. вр.). При этом вариант, содержащий гласный, выступает или только в основе настоящего времени, или только в основе инфинитива.

а) Только в основе настоящего времени: b'ǐrǔ (беру) ~ инф. bǎrǎT' (брать — прош. вр. bǎrǎl); d'ǐrǔ (деру) ~ инф. dǎrǎT' (драть); St'ǐl'ǔ (стелю) ~ инф. Stlǎt' (стлать); zǎvǔ (зову) ~ инф. zǎrǎT' (звать); gǎńǔ (гоню) ~ инф. gǎrǎT' (гнать).

б) Только в основе инфинитива — прош. вр. ŭ|mǔrǔ (умру) ~ инф. ŭ|m'ǐrèT' (умереть), прош. вр. ùm'ǐr (умер); tǔrǔ (тру) ~ инф. t'ǐrèT' (тереть), прош. вр. t'òr (тер); zǎ|rǔrǔ (запру) ~ инф. zǎ|p'ǐrèT' (запереть), прош. вр. zà|p'ǐr (запер); pǎ|Strǔrǔ (простру) ~ инф. pǎ|St'ǐrèT' (простереть), прош. вр. pǎ|St'òr (простер). Сюда же относятся, по-видимому, случаи с некоторой аномалией: pǎ|çtǔ (прочту) ~ инф. pǎ|çèST' (прочтешь) ~ прош. вр. м. р. pǎ|çòl ~ прош. вр. ж. р. pǎ|çlà (прочел, прочла) ~ ср. р. pǎ|çlò, мн. ч. pǎ|çl'ì (прочло, прочли) и žgǔ (жгу) ~ инф. žèç (жечь), так же, как и mǔrǔ (мну) ~ инф. mǎT' (мять), прош. вр. mǎl,

мн. ч. *màl'ĩ* (мял, мяли); *nǎ|c̆nù* (начну) ~ инф. *nǎ|c̆àT'* (начать); *řǎS|p̆nù* (распну) ~ инф. *řǎS|p̆àT'* (распять); *žnù* (жну) ~ инф. *žàT'* (жать); *ž̆m̆u* (жму) ~ инф. *žàT'* (жать); *p̆ǎ|j̆m̆ù* (пойму) ~ инф. *p̆ǎ|ńàT'* (понять), где в инфинитиве исчезает конечный согласный.

с) Механическое распределение альтернантов при чередовании гласного с нулем по тому же принципу, что и в именном парадигматическом формообразовании (см. выше, А), проявляется лишь в формах основы настоящего времени пяти аномальных глаголов: *b'íT'* (бить), *l'íT'* (лить), *p'íT'* (пить), *š'íT'* (шить), *víT'* (вить), а именно перед окончаниями, начинающимися с гласного, корни выступают в форме *bj*, *lj*, *pj*, *šj*, *vj*, а перед окончаниями, не начинающимися с гласного, — в виде *bej*, *lej*, *pej*, *šej*, *vej* (в основе инфинитива прошедшего времени корни приобретают вид *b'í*, *l'í*, *p'í*, *š'í*, *v'í*, ср. § 42). Но поскольку среди всех форм системы наст. вр. лишь формы императива не имеют окончаний, начинающихся с гласного (им. п. ед. ч. *bej*, *lej*, *pej*, *šej*, *vej*, мн. ч. *bej t'ĩ*, *lej t'ĩ*, *pej t'ĩ*, *šej t'ĩ*, *vej t'ĩ*), то различие этих двух видов корня у данных пяти глаголов ассоциируется с соответствующим грамматическим различием между формами изъявительного и повелительного наклонений.

d) У глагола *tǎlòc̆* (тоloch) перед окончанием, которое начинается с гласного, появляется основа *tolk/c̆*, перед нулевым окончанием и перед окончанием с начальным согласным — основа *tǎlòk/c̆*. Но так как окончания, начинающиеся на гласный, появляются исключительно в системе настоящего времени (1 л. ед. ч. *tǎlkù*, 2 л. ед. ч. *tǎlc̆òš* и т.д., повел. накл. *tǎlkì*, прич. наст. вр. *tǎlkùš'ij*), а окончания, не имеющие гласного в начале, — только в системе инфинитива (прош. вр. м. р. *tǎlòK*, ж. р. *tǎlǎklà* [30], инф. *tǎlòc̆*, прич. *tǎlòKš'ij*), то и в данном случае чередование гласного с нулем подчеркивает грамматическое различие между основой настоящего времени и основами прошедшего времени (инф.).

Поэтому можно утверждать, что чередование с нулем в глагольном парадигматическом формообразовании всегда имеет смысл, то есть всегда используется для выделения коррелятивных грамматических противопоставлений. При этом число глагольных корней, которые используют чередование с нулем в парадигматической функции, весьма ограничено (лишь 23), тогда как число именных корней, использующих чередование с нулем при словоизменении, крайне велико.

П р и м е ч а н и е : глагол *F'žàT'* (взять) — наст. вр. /буд. вр. *vǎžm̆ù* (возьму) имеет чередование гласного с нулем в обоих слогах своей двусложной корневой морфемы „*v[ǎ]ž[a][m]*“. Это единственный случай такого рода.

§ 51. Деривационное формообразование (основообразование).

А. В именном основообразовании условия чередования гласного с нулем выступают не столь ясно, как в именном словоизменении. Можно, по-видимому, утверждать, что те именные корни, которые характеризуются чередованием гласного с нулем в парадигматическом формообразовании, выступают в форме, содержащей гласный, перед суффиксами, начинающимися с согласного: *voš* (вошь), род. п. *Fš'í* (вши) ~ *voška* (вошка); *m'itlǎ*, род. п. мн. ч. *m'òt'íl* (метла, метел) ~ *m'it òlkǎ* (метелка);

jǐcò (яйцо), род. п. мн. ч. jǐc ~ jǐcšǎj (яичный); cèrkǎF' (церковь), род. п. cèrkví ~ cǐrkòvǎj (церковный) и т.д. Однако то же самое имеет место и у некоторых корней, которые не знают "вставки гласного" при словоизменении: ĭgrà (игра), род. п. мн. ч. igr (игр) ~ ĭgòrǎj (игорный); ĭSkřǎ (искра) (род. п. мн. ч. iSkř) ~ ĭSkǎrkǎ (искорка); ĭglà (игла) (род. п. мн. ч. igl) ~ ĭgòlkǎ (иголка); ср. также такие образования, как t'ísmà (тесма) ~ t'ísòmkǎ (тесемка); ĭkrà (икра) ~ ĭkòrkǎ (икорка); kǎznà (казна) ~ kǎžòvǎj (казенный) и т.д., где исходные слова не имеют формы множественного числа и поэтому не могут образовывать форму родительного падежа мн. ч. с нулевым окончанием. Перед суффиксами, которые начинаются с гласного, корни, характеризующиеся чередованием гласного с нулем при словоизменении, в большинстве случаев имеют форму без гласного: voš (вошь) (род. п. Fšǐ) ~ Fšǐvǎj (вшиный); leF (лев) (род. п. l'va) ~ l'vícǎ (львица); ròš (пес) (род. п. pša) ~ pšǐnǎ (пса — псина); mox (мох) (род. п. mxa) ~ mšǐstǎj (мшистый); dno (дно) (им. п. мн. ч. ðònjǎ (донья)) ~ dńǐšǎ (днища) и т.д. Но, во-первых, такое "выбрасывание гласного" имеет место, хотя и очень редко, в таких корнях, которые не характеризуются чередованием гласного с нулем при словоизменении, например: leST' (лесть) (род. п. lèst'ǐ) ~ l'Stec (льстец), l'St'ivǎj (льстивый). Во-вторых, существует некоторое число случаев, когда корни с беглым гласным имеют полную вокалическую форму перед суффиксами, начинающимися с гласного. Сюда относятся такие образования, как ròš (пес) (род. п. pša) ~ ròšǐj (песий), и особенно различные уменьшительные, например: deń (день) (род. п. dńa) ~ уменьш. d'ńòk (денек) (род. п. d'ńkǎ (денька)), kǎt'òl (котел) (род. п. kǎtlà) ~ kǎt'ǐlòk (котелок), dno (дно) (им. п. мн. ч. ðònjǎ (донья)) ~ дим. ðòvǐškǎ (донышко), ɣoT (рот, род. п. rta (рта)) ~ дим. ɣòt'ík (ротик) и т.д. Вместе с тем наличествуют и другие, регулярно образованные уменьшительные формы с теми же самыми суффиксами: ǎsòl (осел) (род. п. ǎslà) ~ уменьш. òsl'ík (ослик), kǎžòl (козел) (род. п. kǎzlà) ~ дим. kòzl'ík (козлик), rǐbrò (ребро) (род. п. мн. ч. ròb'ǐr (ребер)) ~ дим. ròbrǐškǎ (ребрышко) и т.д. Такие случаи, как ɣoT ~ rta ~ ɣòt'ík и т.п., немногочисленны. Они несколько затемняют это в общем столь ясное правило, но не могут его полностью отменить.

В. В глагольном деривационном формообразовании действует правило, согласно которому все глагольные корни с беглым гласным в словоизменении при образовании несовершенного вида всегда имеют форму, содержащую гласный. При этом гласным обычно является ì или соотв. ĭ: brǎT' (братъ) (наст. вр. b'ǐrù (беру)) ~ sǎ|b'ǐrǎT' (собирать), drǎT' (драть) (наст. вр. d'ǐrù (деру)) ~ ǎT|d'ǐrǎT' (отдирать), zǎT' (звать) (наст. вр. zǎvù (зову)) ~ pǐl|zǐvǎT' (призывать), StlǎT' (стлать) (наст. вр. St'ǐl'ù (стелю)) ~ zǎ|St'ǐlǎT' (застилать), ũ|mǐrèT' (умереть) (наст. вр. ũ|mǐrù (умру)) ~ ũ|mǐrǎT' (умирать), t'ǐrèT' (тереть) (наст. вр. tǐrù (тру)) ~ vǐ|t'ǐrǎT', zǎ|pǐrèT' (запереть) (наст. вр. zǎ|pǐrù (запру)) ~ zǎ|pǐrǎT' (запирать), имп. pǎ|St'ǐrèT' (простереть) (наст. вр. pǎ|Strù (простру)) ~ pǎ|St'ǐrǎT' (простирать), имп., pǎ|cèST' (прочестъ) (наст. вр. pǎ|cètù (прочту)) ~ pǎ|cètǎT' (прочитать), žec

(жечь) (наст. вр. žgu (жгу)) ~ zǎ|žǐgàT' (зажигать), zǎ|màT' (замять) (наст. вр. zǎ|mpù (замну)) ~ zǎ|mǐnàT' (заминать) — несов. в., pǎ|càT' (начать) (наст. вр. pǎ|cǐnù (начну)) ~ pǎ|cǐnàT' (начинать) — несов. в., rǎS|ràT' (распять) (наст. вр. rǎS|pǐnù (распну)) ~ rǎS|rǐnàT' (распи- лать) — несов. в., žaT' (жать) (наст. вр. žpu (жну)) ~ pǎ|žǐnàT' (пожи- нать), žaT' (жать) (наст. вр. žpu (жму)) ~ pǎ|žǐmàT' (нажимать), pǎ|nàT' (понять) (наст. вр. pǎ|jpù (пойму)) ~ pǎ|nǐmàT' (понимать) — несов. в.

Гласный ǎ (вместо ĭ) выступает лишь в pǎ|gǎnàT' (погонять) — несов. в. от gnàT' (гнать). Кроме того, перед последним согласным кор- ня в несов. в. появляется гласный ĭ у следующих 12 глагольных корней, у которых не отмечается чередования гласного с нулем при парадигма- тическом формообразовании, но которые имеют во всех формах лишь образования без гласного, например: žraT' (жрать) (наст. вр. žpu (жру)) ~ pǎ|žǐràT' (пожирать), vraT' (врать) (наст. вр. vpu (вру)) ~ pǎ|vǐràT' (подвирать), zreT' (зреть) (наст. вр. zpu (зрю)) ~ F|žǐràT' (взи- рать), slaT' (слать) (наст. вр. šl' u (шлю)) ~ pǐ|šl'àT' (присылать), mǐu (мню) (инф. mǐnàT' (мнить)) ~ pǎ|mǐnàT' (поминать), gnu (гну) (инф. gnuT' (гнуть)) ~ pǎ|gǐbàT' (нагибать), SpaT' (спать) (наст. вр. spl' u (сплю)) ~ zǎ|špàT' (засыпать), rvaT' (рвать) (наст. вр. rpu (рву)) ~ ǎT|rǐvàT' (отрывать), ŠdaT' (ждать) (наст. вр. Špu (жду)) ~ ǎ|žǐdàT' (ожидать), cǐt' àT' (читать) (наст. вр. cǐtu (чту)) ~ pǎ|cǐt'àT' (почитать), zǎ|mkpùT' (замкнуть) ~ zǎ|mǐkàT' (замыкать) — несов. в., TkpùT' (ткнуть) ~ tǐkàT' (тыкать) [31]. Там, где корневой слог, содержащий гласный, находится в сильной (ударной) позиции, всегда появляется гласный ĭ: tǐkàT', страдат. прич. прош. вр. ǎ|žǐdǎñaj, pǎ|cǐtǎñaj. Отглагольное деривационное формообразование — это единственная область, где господствует чередование „ĭ ~ нуль“ (ср. § 48). Другой особен- ностью этого вида формообразования сравнительно с отыменным явля- ется то, что полный вокалический вариант морфемы с беглым глас- ным всегда выступает перед вокалическим суффиксом несовершенно- го вида <a>.

§ 52. То обстоятельство, что чередование гласного с нулем в глаголь- ных корневых морфемах используется совершенно по-иному, чем в не- глагольных (именных и местоименных), и поэтому воспринимается ина- че, особенно четко видно в "смешанном" (отглагольно-именном и оты- менно-глагольном) основообразовании. Те самые корни, которые в чис- то глагольном употреблении имеют чередование гласного с нулем, ока- зываются неспособными к нему в именном употреблении; ср. к выше- приведенным (в § 50 В, 51В) глаголам следующие производные су- ществительные: gǎrlǎ|d'òr (горлодер — род. п. -d'òrǎ) (к dpaT' (драть)), zǎ|d'ǐrǎ (задира) (от формы несов. вида zǎ|d'ǐr'àT' (задирать) ~ соверш. в. zǎ|d'pàT' (задрать)); zoF (зов — род. п. zòvǎ) и pǐ|zìF (призыв — род. п. pǐ|zìvǎ) (к zpaT' (звать)); ǎP|žòK (обжог — род. п. ǎP|žògǎ) (от žgu (жгу)); pǎ|gòñǎ (погоня) (от gnàT' (гнать)); ǎP|žòrǎ (обжора) (от žraT' (жрать)); F|zòr (взор — род. п. F|zòrǎ) (от zreT' (зреть)); pǎ|còT (почет — род. п. pǎ|còtǎ) (от pǎ|cǐt' àT' (почитать)); pǎ|mǐn (помин — род. п. pǎ|mǐnǎ) (от pò|mǐnàT' (помнить)); ǎt|rìF (отрыв — род. п. ǎt|rìvǎ)

(от *ḡaT'* (рвать)); *žom* (жом — род. п. *žòmǎ*) и *nǎ|žim* (нажим — род. п. *nǎ|žima*) (от *žmu* (жму)); *pǎ|Stèl'* (постель — род. п. *pǎ|Stèl'ĩ*) (от *pǎ|StlàT'* (постлать)). Ср. еще *ḡorǎT'* (ропот, род. п. *ḡorǎṭǎ*) от *ḡǎPtàT'* (роптать), *kòrǎT'* (копоть, род. п. *kòrǎṭ'ĩ*) от *kǎPtèT'* (коптеть). Напротив, в *loš* (ложь) ~ род. п. *lži* ~ прилаг. *lživǎj* (лживый) ~ *lžnǎj* (ложный) мы находим в именном употреблении чередование гласного с нулем, тогда как в *lžòT'* (лжет) ~ инф. *lgaT'* (лгать) этот же корень в глагольном употреблении данного чередования не выказывает. Ср. еще *živàT'* (жевать) ~ *živǎckǎ* (жвачка). Только два корня имеют чередование гласный — нуль как в глагольных, так и в именных образованиях: *zǎ|mkḡùT'* (замкнуть) ~ несов. в. *zǎ|mǐkàT'* (замыкать) ~ *zǎ|mòK* (замок) ~ род. п. *zǎ|mkà*; *pǎ|slàT'* (послать) ~ несов. в. *pǎ|šilàT'* (посылать) ~ *pǎ|šòl* (посол) ~ род. п. *pǎ|slà*.

Поэтому не подлежит сомнению, что чередование гласного с нулем в глагольных корнях и такое же чередование в неглагольных корнях воспринимаются русским языковым сознанием как два совершенно различных морфонологических явления.

§ 53. Среди *суффиксальных морфем* лишь именным (у имен существительных и прилагательных) известно чередование гласный — нуль. Глагольным суффиксам оно совершенно чуждо: в *tǎlkḡùT'* (толкнуть) ~ *tǎlkǎḡùT'* (толкануть) представлены не два фонетических варианта одного и того же суффикса, а два различных суффикса [32].

Как уже указывалось выше (см. § 49), морфонема чередования гласного с нулем находится всегда перед первым согласным суффикса: ср. суффиксы [o]k, [e]c, [e]Stv, [ĩ]Sk, [e]n, [ĩ]ń и т. д. Там, где такая морфонема, на первый взгляд, занимает другую позицию, на самом деле речь идет о сочетании двух суффиксальных морфем. Таким образом, формант *òḡǎk* ~ *òḡk* воспринимается как сочетание *on* + [o]k; ср. такие случаи, как *b'ĩsòḡǎK* (бесенок — род. п. *b'ĩsòḡkǎ*) ~ мн. ч. *b'ĩšĩḡǎṭǎ* (бесенята), где во множественном числе отсутствует второй суффикс [o]k; ср. вариант *zvíḡòḡĩš* (звереныш) к *zvíḡòḡǎk* (зверенок) и т. д.

Условия появления вариантов с гласным и без гласного у многих суффиксальных морфем те же, что и у именных корней, то есть вариант без гласного выступает там, где следующая морфема (= окончание или суффикс) начинается с гласного, например: *kǐrès* (купец) ~ род. п. *kǐRcà* (купца) ~ уменьш. *kùRcǐK* (купчик); *lǐbòK* (лубок) ~ род. п. *lǐRkà* (лубка) ~ прилаг. *lǐbòšḡǎj* (лубочный) и т. д. Но главное их отличие от именных корневых морфем состоит в том, что чередование гласного с нулем у суффиксальных морфем зависит не только от последующей, но и от предшествующей морфемы. Если предшествующая морфема оканчивается сочетанием „согласный + v, r, l, m, n“, то суффиксальная морфема представлена своим вокалическим вариантом даже перед окончаниями и суффиксами, которые начинаются с гласного. Ср., например, с одной стороны, *kǐrès*, род. п. *kǐRcà*, уменьш. *kùrčik*, а с другой — *kǐznès* (кузнец) ~ род. п. *kǐznǐcà* (кузнеца) ~ *kǐznèčik* (кузнечик); или же *lǐbòk* ~ род. п. *lǐRkà*, но *čĩlḡòk* (челнок) ~ род. п. *čĩlḡǎkà*, или, с одной стороны, *slǎvǎ* (слава) ~ прилаг. *slǎvḡǎj* (славный), пре-

дикатив *slàvīŋ* (славен), а с другой — *brīṭvǎ* (бритва) ~ прилаг. *brīṭvīŋǎj* (бритвенный) и т.д. Существуют такие суффиксальные морфемы, у которых чередование гласного с нулем совершенно не зависит от качества последующей морфемы и регулируется лишь качеством предшествующей морфемы. Так, например, суффиксальная морфема [e]Stv после *ž, š, ž, š, ê* (которые сами, согласно § 65 и § 66 А, могут чередоваться с *g, x, Sg, Sk, k*) выступает в вокалическом варианте, а после остальных фонем — в варианте без гласного, совершенно независимо от последующих окончаний и суффиксов; ср., с одной стороны, *càrStvǎ* (царство) ~ род. п. мн. ч. *carSTF* (царств), с другой стороны — *kńàžīStvǎ* (княжество) ~ род. п. мн. ч. *kńàžīSTF* (княжеств). Таким образом, условия распределения двух ступеней чередования "гласный — нуль" не являются одинаковыми для всех рассматриваемых суффиксальных морфем, но эти условия везде хорошо выделяемы, поскольку они находятся в зависимости от механических, внешних факторов. Прозрачность этих отношений, правда, затемняется некоторыми исключениями. В большинстве случаев это те же самые категории, которые нарушают регулярность альтернации "гласный — нуль" у именных корневых морфем, например уменьшительные типа *ńĩšòċīK* (мешочек) от *ńĩšòK* (мешок) ~ род. п. *ńĩškà* (мешка), ср. *řòt ĭK* (ротик) от *řòT* (рот) ~ род. п. *řta* (рта). При сочетании двух морфем, каждой из которых свойственно чередование гласного с нулем, соотношение альтернантов колеблется; ср., например: *šĩdlò* (седло) ~ род. п. мн. ч. *šòd ĭl* (седел) ~ прилаг. *šĩdèlŋǎj* (седельный), но *ċĩslò* (число) ~ род. п. мн. ч. *ċĩšĩl* (чисел) ~ прилаг. *ċĩslĩŋǎj* (численный). Эти отдельные исключения, отклонения и колебания не в состоянии, однако, нарушить всю прозрачную и рационально построенную систему чередований гласного с нулем в суффиксальных морфемах.

§ 54. У префиксальных морфем морфонема "гласный — нуль" может следовать лишь за конечным согласным (ср. § 49). С исторической точки зрения, элемент *vǎž* ~ *Fž* (наст. вр. *vǎžmù* ~ инф. *FžaT'* (возьму ~ взять)) является префиксальной морфемой. Однако в настоящее время он воспринимается в качестве составной части корня (ср. § 50, прим.). Напротив, *vǎz* и *Fz* в *vǎz|vǎd'ìT'* (возводить) и *Fz|vǎd'ìT'* (взводить) являются разными префиксами. Поэтому вышеприведенное правило о позиции морфонемы "гласный — нуль" с префиксами исключений не знает.

Что же касается условий чередования гласного с нулем у префиксов, то они зависят от качества последующей морфемы. Если последующая морфема представляет собою односложный корень, который сам подвержен такому чередованию, то обычно оканчивающиеся на согласный префиксы выступают в вокалическом варианте, если корень представлен вариантом без гласного, например: *řǎT|žèċ* (поджечь) ~ наст.-буд. вр. *řǎdǎ|žgù* (подожгу); *ǎT|řĩrèT'* (отпереть) ~ наст.-буд. вр. *ǎtǎ|přù* (отопру); *řǎS|gǎñù* (разгону) ~ инф. *řǎžǎ/gnàT'* (разогнать) и т.д.

Вокалический вариант этих же префиксов появляется также перед некоторыми корнями, например перед *gre* (гре-), *dvíg* (двиг-), *pře* (пре-)

и т.д., хотя у этих корней и отсутствует чередование гласного с нулем. Но число корней, которые всегда требуют перед собой наличия вокалического варианта предшествующего префикса, невелико.

Префиксальные морфемы $v[o]$ и $s[o]$ представлены своими вокалическими вариантами и помимо указанных условий. Между прочим, вариант $s\check{a} \sim \check{z}o$ регулярно появляется перед всеми корнями, которые начинаются с “S, s, z + согласный” или же со звука $\hat{s}$: $s\check{a}|St\grave{a}v\check{i}T'$ (составить), $s\check{a}|sk\check{a}c\hat{i}T'$ (соскочить), $s\check{a}|zv\check{a}n\grave{i}T'$ (созвонить). Если отвлечься от этих относительно редких случаев (так же, как и от случаев типа $s\check{a}|gn\grave{a}T' \sim S|g\check{a}n\grave{u}$ (согнать ~ сгоню), $v\check{a}|gn\grave{a}T' \sim F|g\check{a}n\grave{u}$ (вогнать ~ вгоню) и т.п., где альтернатива “гласный — нуль” совершается по общим законам, то можно заметить, что распределение вариантов $s\check{a}$, $v\check{a}$ и $s(S)$, $v(F)$ представляется довольно произвольным. Есть даже случаи, когда оба фонетических варианта образованы от одного и того же корня, не отражая никакого реального различия в значении и подчеркивая в лучшем случае стилистические нюансы, например: $s|v\check{i}r\check{s}iT'$ (свершить) = $s\check{a}|v\check{i}r\check{s}iT'$ (совершить); $S|b\check{i}r\grave{a}T'$ (сбирать) = $s\check{a}|b\check{i}r\grave{a}T'$ (собирать). В общем, вариант без гласного у этих двух префиксов встречается гораздо чаще, чем вариант, содержащий гласный [33].

У остальных префиксальных морфем подобная нерегулярность не допускается.

§ 55. Среди *флексионных морфем* существуют лишь две, в которых отмечено чередование гласного с нулем: это, с одной стороны, окончание $\check{s}[a]^{40}$, которое служит показателем возвратной формы (медиопассива) и присоединяется к уже имеющимся окончаниям глагольных форм, а, с другой — окончание $t'[\grave{i}]$ инфинитива. У окончания $\check{s}[a]$ появление вокалического или невокалического варианта зависит исключительно от фонетического вида предшествующей морфемы. Вокалический вариант ($s\check{a}$, $\check{z}a$) выступает только после согласных, невокалический (S) — только после гласных: $b\check{a}j\grave{u}\check{s}$ (боюсь) ~ 1 л. мн. ч. $b\check{a}j\grave{i}m\check{s}\check{a}$ (боимся) ~ 2 л. мн. ч. $b\check{a}j\grave{i}t\check{i}\check{s}$ (бойтесь) ~ повел. накл. ед. ч. $b\grave{o}j\check{s}\check{a}$ (бойся) ~ инф. $b\check{a}j\grave{a}T's\check{a}$ (бояться) ~ прош. вр. м. р. $b\check{a}j\grave{a}l\check{s}\check{a}$ ~ прош. вр. ж. р. $b\check{a}j\grave{a}l\check{s}$ (боялась).

Что же касается окончания инфинитива, то оно после гласных всегда выступает в варианте, лишенном гласного, например: $\check{d}uT'$ (дуть), $t\check{r}\grave{o}n\check{u}T'$ (тронуть), $m\check{a}l\grave{o}T'$ (молотить), $z\check{n}\grave{a}T'$ (знать), $d\check{e}l\check{a}T'$ (делать), $p\check{e}T'$ (петь), $\check{s}iT'$ (шить), $m\check{e}r\check{i}T'$ (мерить). После согласных — речь идет лишь об S^{41} — окончание инфинитива встречается лишь в ограниченной группе неправильных глаголов, а именно у 13 из них в вокалическом варианте ($t'\grave{i}$), а у 9 — в невокалическом (T')⁴². Распределение фонетических ва-

⁴⁰ Должен напомнить, что это окончание в речи многих образованных русских (в том числе и в моей собственной) имеет мягкое $\acute{s}$. Только после $t(T)$ данное окончание произносится всеми образованными русскими без смягчения (ca; ср. § 17).

⁴¹ Кроме этого, только после j в сложениях $r\check{a}|jt'\grave{i}$ (пойти), $n\check{a}|jt'\grave{i}$ (найти) и т.п., и, возможно, после T в $\check{i}Tt'\grave{i}$ (ср. § 23).

⁴² См. перечень глаголов этого типа у С. Карцевского (“Система русского глагола”, с. 71–72). Следует вычеркнуть из списка Карцевского более не употреб-

риантов этого окончания, таким образом, не подчиняется столь же точным правилам, как у [a] , но принципы распределения те же самые.

Окончание творительного падежа единственного числа "А-склонения" имеет форму $\text{o}\ddot{\text{y}} \sim \ddot{\text{a}}\ddot{\text{y}}$ или $\text{o}\dot{\text{j}} \sim \ddot{\text{a}}\dot{\text{j}}$, например: от $\text{v}\ddot{\text{a}}\dot{\text{d}}\ddot{\text{a}}$ (вода), $\text{r}\dot{\text{i}}\ddot{\text{b}}\ddot{\text{a}}$ (рыба) творительный падеж будет $\text{v}\ddot{\text{a}}\dot{\text{d}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{y}}$, $\text{r}\dot{\text{i}}\ddot{\text{b}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{y}}$ или $\text{v}\ddot{\text{a}}\dot{\text{d}}\ddot{\text{o}}\dot{\text{j}}$, $\text{r}\dot{\text{i}}\ddot{\text{b}}\ddot{\text{a}}\dot{\text{j}}$. Обе формы — более длинная и более короткая — имеют одно и то же значение и могут свободно взаимозаменяться; разговорный язык, однако, предпочитает краткую форму. То же самое можно сказать и о сравнительной степени типа $\text{Sk}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{r}}\ddot{\text{e}}\dot{\text{j}}$ (скорей) $\sim$ $\text{Sk}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{r}}\ddot{\text{e}}\dot{\text{j}}\ddot{\text{a}}$ (скорее). В данном случае речь идет не о грамматическом чередовании, а о факультативных дублетах (ср. § 9).

§ 56. Подводя итоги сказанному о чередовании гласного с нулем в русском языке, мы должны, во-первых, отметить тот факт, что здесь особое место занимают глагольные корни. Во всех остальных видах морфем данная альтернатива подчиняется более или менее механическим правилам, а именно: альтернативный вариант префиксальных морфем, а также именных и местоименных корневых морфем зависит от качества анлаута следующей за ними морфемы. Морфемы окончаний зависят в этом отношении от качества исхода предшествующей морфемы, и, наконец, суффиксальные морфемы — и от предшествующих, и от последующих морфем. Встречаются отдельные отклонения и колебания, однако они не в состоянии нарушить прозрачность описанных взаимоотношений. Во всех вышеуказанных случаях чередование гласного с нулем не связано с какой-либо смысловой функцией, но служит, так сказать, целям "благозвучия". Кроме этого, необходимо отметить, что нулевые альтернативы морфемы "гласный — нуль" встречаются наиболее часто. Это ведет к тому, что вариант без гласного воспринимается как нормальный, а вариант, содержащий гласный, — как реализация *со вставным гласным*, причем целью такой вставки становится, до некоторой степени, предотвращение скопления согласных на "морфемном шве" и в исходе слова. В противоположность этому чередование гласного с нулем в глагольных корнях воспринимается как явление, связанное не только с "благозвучием", но и с грамматической смысловой функцией. Поскольку в глагольных корнях, имеющих данную альтернативу, она всегда сопровождается каким-либо грамматическим противопоставлением и поскольку в большинстве случаев число вариантов с гласным и без гласного у соответствующих корней примерно одинаково, эти варианты воспринимаются языковым сознанием как равноправные. Под влиянием подавляющего большинства остальных глагольных корней вариант с гласным в этом случае осознается как нормальный, а без гласного — как *результат исчезновения гласного*, причем это исчезновение (выпадение) служит не для благозвучия, а для различения значений. Именно этим объясняется то обстоятельство, что у глагольных корней с морфемами "гласный — нуль" при деривационном формообразовании всегда выступают только

ликущиеся *бости*, *густы*, *мясти* и встречающиеся лишь в форме наст. вр. *гнету* (*лесту*), *гряду* (*грясти*). Инфинитив $\text{j}\ddot{\text{i}}\text{t}'\dot{\text{i}}$ (ети) используется только в нескольких устойчивых формулах ругательств; в обычной инфинитивной функции используется лишь $\text{j}\dot{\text{e}}\text{t}'$ (еть). Вообще это типичное "табуированное" слово.

варианты с гласным (см. § 51 В), а имена, образованные от таких корней, не обладают чередованием гласного с нулем при парадигматическом формообразовании (см. § 52). Вариант с гласным, таким образом, является для языкового сознания нормальной фонетической реализацией глагольного корня, и его гласный не может быть опущен без особых морфологических оснований.

В. Чередования согласных

1. Чередования с коррелирующими альтернантами: чередование по тембру

§ 57. Консонантная альтернация по тембру, то есть чередование мягких и твердых согласных фонем, играет довольно значительную роль в русской морфологии. От собственно чередования по тембру необходимо строго отличать нейтрализацию или снятие тембрового различия. При чередовании по тембру речь идет о чередовании мягкой согласной фонемы с немягкой (твердой), при этом как мягкость одной, так и немягкость другой фонологически релевантны и четко осознаются, например: нос [нос] ~ уменьш. носик [носик]. При тембровой нейтрализации имеет место такое восприятие фонемы, которая при прочих условиях характеризуется своим особым тембром; когда ее тембровая характеристика отбрасывается, воспринимаются лишь ее остальные свойства (участие голоса, место и способ артикуляции), то есть попросту исключается различие тембра. Так, например, *t'* в фонетически записанном слове *nit'* (нить) является мягким как в фонетическом, так и в фонологическом отношении. Но в творительном падеже ед. ч. *nit'ju* (нитью) это *t'* является мягким только фонетически, а с фонологической точки зрения различие тембра здесь снято, то есть в фонологической записи оно будет выглядеть как *nit'ju*. Как нам известно (§ 15), тембровая нейтрализация в русском языке имеет место главным образом перед зубными и перед *j*. Такие случаи, как *put'* (путь) ~ *putnik* (путник) ~ *putnyj* (попутный) или *zub'* (зубы) ~ *zubja* (зубья) ~ *zubnoj* (зубной), которые, собственно говоря, содержат лишь изменения в тембровом восприятии, в данной главе нами не рассматриваются. Несколько иначе обстоит дело со смягчением согласных перед *e* и их несмягчением перед предударным *ä*. Поскольку согласные, противопоставленные по тембру, в этих позициях в русском языке не встречаются, тембр согласных перед *e* и *ä* может рассматриваться как внешнеобусловленный и, следовательно, как фонологически несущественный. Но так как почти каждое *e* чередуется с *i*, а почти каждое *ä* — с *o* или *a*, перед которыми тембр согласного фонологически релевантен, то также и перед *e* и предударным *ä* тембровая нейтрализация согласных не является полной. Каждый русский все-таки сохраняет сознание мягкости *d* в *dela* (дело), мн. ч. *dila* (дела) и немягкости *d* в *daska* (доска), мн. ч. *doski* (доски). Различие тембров в таких случаях, по-видимому, не столь отчетливо, как перед

другими гласными, но тем не менее присутствует. В случае же, например, dľ'a (для) или šudjà (судья) ощущение тембра d, действительно, полностью исчезает, так что фонетически неподготовленный русский часто не в состоянии указать, является ли в этих случаях d мягким или твердым. Мы назовем такие случаи, как им. п. ед. ч. vǎdà (вода) ~ дат. п. ед. ч. vǎdè (воде) (в произношении vadě), "ослабленным чередованием тембра"; в отличие от них случаи типа ĭdù (иду) ~ ĭd'òš (идешь) можно квалифицировать как "неослабленное чередование тембра". В настоящей главе мы рассматриваем главным образом неослабленное чередование тембра (или тембровую альтернацию), тогда как ослабленное чередование представляет для нас лишь второстепенный интерес.

§ 58. Альтернация по тембру в русском языке ограничивается корневыми и суффиксальными морфемами. Среди флексийных морфем обнаруживается лишь одна, где отмечена данная альтернация, а именно окончание прош. вр. 1, например: dǎl (дал), ж. р. dǎlǎ (дала), ср. р. dǎlò ~ мн. ч. dǎl'ĩ. Префиксальным морфемам эта альтернация совершенно чужда. Не затрагиваются ею также такие корневые морфемы, которые оканчиваются на гласный. Альтернации по тембру могут подвергаться конечные или начальные согласные, соответственно конечные или начальные группы согласных в морфеме.

§ 59. Альтернация по тембру *начального согласного* имеет место лишь в единичных глагольных корнях и представляет собой очень редкое явление. В глагольном словоизменении отмечен один-единственный надежный случай, а именно страдательное причастие mòlǎtǎj (молотый) (инф. mǎl'òt' (молоть) ~ наст. вр. mǎl'ù (мелю), 2 л. ед. ч. mèl'ĩš (мелешь)). Во втором случае (pǎjù (пою), императив pǒj (пой) ~ инф. pèt' (петь)) мы имеем дело лишь с ослабленным тембровым чередованием.

Несколько более многочисленны примеры на тембровое чередование начальных согласных в деривационном формообразовании: nǐšù (несу), прош. вр. nòš (нес) ~ pǐrǐ|nòš (перенос) и т.д., nòšǎ (ноша); vǐdù (веду) ~ ŭ|vòt' (увод, род. п. ŭ|vòdǎ); vǐzù (везу) ~ vòš (воз), род. п. vòzǎ (воза), ŭ|vòš (увоз); vǐ|l'ǐzàt' (вылезать) ~ vǐ|lǎšKǎ (вылазка); t'ǐkù (теку), прош. вр. t'òk (тек) ~ pǐrǐ|t'òk (приток); pǎ|rǐkù (прореку), прош. вр. pǎ|rǐòk (прорек) ~ pǎ|ròk (пророк); ŭ|mǐrèt' (умереть) ~ mǒr (мор), ŭ|mòr'ĩt' (уморит); pǎ|pǐrèt' (подпереть) ~ pǎ|pǒǎ (подпора); pǎ|st'ĩrèt' (простереть) ~ pǎ|stòr (простор); vl'ĩcòt' (влет) ~ vlǎcìt' (влачит); pǎ|grǐbù (погребу) ~ grǒp (гроб), род. п. gròbǎ; brǐdù (бреду) ~ bròt' (брод), род. п. bròdǎ, bròd'ĩt' (бродит); šàdũ (сяду) ~ pǎ|šòd'ĩt' (sic! — посадит), pǎ|šàtkǎ (посадка); l'ǎžĩt' (ляжет) ~ pǎ|lòžĩt' (положит), lòžǎ (ложе), zǎ|lòk (залог); b'ít' (бить), наст. вр. bju, повел. накл. bej (бью, бей) ~ bǒj (бой), rǎs|bòj (разбой); pít' (пить), наст. рju, повел. накл. rej (пью, пей) ~ pòj'ĩt' (поит), инф. pǎj'it' (поить), vǎdǎ|pòj (водопой); grǐmèt' (греметь) ~ gròm (гром); zǐvǐnèt' (звенеть) ~ zvǒn (звон); S|b'ĩrǎt' (сбирать) ~ S|bǒr (сбор). У глаголов совершенного вида pǐrǐ|vǐd'òt' (приведет), pǐrǐ|vǐzòt' (привезет), pǐrǐ|nǐšòt' (принесет) формы несовершенного вида следующие: pǐrǐ|vòd'ĩt' (приводит),

prĩ|vòžĩT (привозит), prĩ|nòšĩT (приносит).

Все эти образования непродуктивны: по данным моделям не могут быть образованы новые слова. У вышеприведенных слов для русского языкового сознания этимологическая связь между обоими вариантами корня все еще вполне жива. Однако во многих других словах, которые первоначально принадлежали к тем же словообразовательным категориям, этимологическая связь уже более не ощущается. Так, не имеющий специальной филологической подготовки русский в настоящее время не чувствует никакой связи между Stol (стол) и St'ıl'ũ (стелю), между zã|tòr (затоп), prã|tòrĩT (проторит) и t'ĩrèT' (тереть), между bluT (блуд), род. п. blũdã и bl'aT' (блядь), род. п. bl'ãd'ĩ, между gruS (груз), род. п. grũzã и grãzñũT' (грязнуть) и т.д., хотя во всех этих случаях первоначально существовали те же отношения, что и между rãT|rĩrèT' (подпереть) ~ rãT|rògã (подпора).

В то время как *начальные* согласные морфемы подвержены альтернации по тембру лишь в исключительных случаях и в ограниченном масштабе, *конечные* согласные корневых и суффиксальных морфем являются настоящими носителями данной альтернации. Она проявляется как в словоизменении, так и при деривационном основообразовании, однако при этом наблюдается довольно сильное различие между глагольным и неглагольным формообразованием.

§ 60. Чередование согласных по тембру у конечных согласных в *именном и местоименном* словоизменении находит разнообразное применение.

А. Лишь качественные прилагательные никак не используют это чередование. Одни из них проводят по всей парадигме мягкий согласный в исходе основы, например sí|ñj (синий), другие — твердый: sl'ĩròj (слепой), ùmñãj (умный). Одно-единственное качественное прилагательное имеет в атрибутивных формах мягкий согласный, а в предикативных — твердый в исходе корня, причем, как ни странно, конечный согласный суффикса остается без изменения: sã|òñãj (соленый), ж. р. sã|òñãjã и т.д. ~ предикатив м. р. sò|lãñ, ср. р. sò|lãñã, ж. р. sã|lãñã, мн. ч. sò|lãñĩ (солон, солоно, солонã, солонũ). Но данный случай совершенно изолирован⁴³.

В. Что касается остальных склоняемых слов, то среди них есть такие, которые во всех формах склонения имеют мягкий согласный перед окончанием, напр. veS' (весь), rãT' (пять), zveĩ (зверь), sol' (соль), rò|lã (поле), bũrã (буря) и т.д. Но не существует склоняемых слов, если отвлечься от качественных прилагательных и *pluralia tantum*, которые бы имели во всех формах склонения твердый согласный перед окончанием. Подавляющее большинство существительных, которые имеют твердый согласный в исходе в им. п. ед. ч. (с окончанием "нуль" или а, ã у м. р.,

⁴³ С исторической точки зрения в данном случае — по происхождению два различных слова (праслав. *soljenъ-jĩ 'посоленный' — причастие страдательного залога прош. вр. от *soliti 'солить' и праслав. *solnъ 'соленый'). Но для современного русского языкового сознания они являются двумя членами (атрибутивом и предикативом) одной парадигмы.

о или *ǎ* у ср. р. и а или *ǎ* у ж. р.), сохраняют его во всех падежных формах, за исключением (абстрактного) предложного падежа ед. ч., где конечный согласный смягчается перед окончанием (в женском роде форма дательного падежа также подобна форме предложного). При этом формы, несущие ударение на окончании и имеющие его в основе, должны рассматриваться отдельно. Поскольку ударным окончанием предложного падежа ед. ч. является *e*, то в данном случае имеет место лишь ослабленное чередование по тембру (ср. выше, § 57). Но в форме предложного падежа ед. ч., где ударение несет основа, окончанием является *ĩ*, перед которым наблюдается отчетливое смягчение: *ḍom* (дом), род. п. *ḍòmǎ*, дат. п. *ḍòmũ*, твор. п. *ḍòmǎṁ*, местн. п. *nǎ-dǎṁù*, им. п. мн. ч. *dǎṁà* ~ (абстрактн.) предл. п. *ǎ-ḍòmĩ*; *mèStǎ* (место), род. п. *mèStǎ*, дат. п. *mèStũ*, твор. п. *mèStǎṁ*, им. п. мн. ч. *ĩmĩStǎ* ~ предл. п. *ǎ-mèStĩ*; *ṛibǎ* (рыба), род. п. *ṛibĩ*, вин. п. *ṛibũ*, твор. п. *ṛibǎj*, им. п. мн. ч. *ṛibĩ*, род. п. мн. ч. *ṛiṛ* и т.д. ~ предл. п. и дат. п. *ṛibĩ* (рыбе). При этом следует отметить, что лишь типы склонения с ударной основой являются действительно продуктивными в русском языке: новые слова склоняются только по этим типам (если только они не представляют собой слов с конечным ударением, образованных с помощью старых продуктивных суффиксов).

С. Кроме форм предложного падежа ед. ч. продуктивных типов склонения, отмечено несколько случаев использования чередования по тембру в непродуктивных или аномальных в каком-либо отношении склонениях.

а) Некоторые существительные мужского рода, имеющие в единственном числе суффикс *< in >*, который усекается во множественном числе, характеризуются смягчением конечного согласного основы в именительном падеже множественного числа, тогда как в остальных падежах множественного числа этот согласный остается несмягченным: *gǎgǎžǎñĩṁ* (горожанин) ~ им. п. мн. ч. *gǎgǎžǎñĩ* (горожане) ~ род. п. мн. ч. *gǎgǎžǎñ*, дат. п. мн. ч. *gǎgǎžǎñǎṁ*, твор. п. мн. ч. *gǎgǎžǎñǎĩṁ*, местн. п. мн. ч. *gǎgǎžǎñǎḥ* (горожан, горожанам, горожанами, горожанах).

б) Существительные вещного рода, которые оканчиваются в именительном падеже ед. ч. на *ĩna*, вставляют связующую морфему *ĩn* ~ *on* (соотв. *ĩn* ~ *an*) между *ĩ* и окончанием во всех падежных формах, за исключением именительного — винительного падежа ед. ч.; при этом конечный согласный данной связующей морфемы в единственном числе смягчается, а во множественном числе остается твердым: *ĩmǎ* (имя) ~ ед. ч.: род., дат., предл. п. *ĩmĩĩĩ* (имени), твор. п. *ĩmĩĩĩṁ* (именем) ~ им.-вин. п. мн. ч. *ĩmĩṁnà* (имена), род. п. *ĩmòṁ* (имен), дат. п. *ĩmĩṁnǎṁ* (именам) и т. д. По этому образцу склоняются *vṛèĩmǎ* (время), *ṛlèĩmǎ* (шлемя), *znǎĩmǎ* (знамя), тогда как *sèĩmǎ* (семья), *Strèĩmǎ* (стремя) отличаются лишь тем, что у них в родительном падеже мн. ч. выступает *àn*, а не *òṁ* (*śĩmàn*, *Strĩmàn*). Существительные *vĩmǎ* (вымя), *tèĩmǎ* (темя) во множественном числе не употребляются; напротив, *ṛĩśmĩṁnà* (письмена) используется лишь во множественном числе. От *vṛèĩmǎ* (бремя) падежные формы множественного числа не встречаются, кроме им. п.

мн. ч. brǐmǐṇà (бремена), да и то лишь в выражении "бремена неудобно-носимые", взятом из церковнославянского языка [34].

с) Четыре существительных: čorṬ (черт), kǎlèṇǎ (колени), sǎsèṬ (сосед) и ṁǔḍò (мудо) или ṁǔḍà (муда) характеризуются прямо противоположным распределением тембровых вариантов исхода основы, а именно твердый согласный в единственном числе (с нормальной мягкостью в предложном падеже ед. ч.) и мягкий согласный во множественном числе: čorṬ~čèrt'ǐ, kǎlèṇǎ~kǎlèṇǐ, ṁǔḍò~ṁḍ'ǐ (наряду с ṁḍè)⁴⁴, sǎsèṬ~sǎsèd'ǐ.

d) Местоимения sam (сам), èṭǎṬ (этот) и числительное ād'ǐṇ (один) имеют мягкий конечный согласный в творительном падеже мужского рода и среднего рода и во всех падежных формах множественного числа: твор. п. ед. ч. sǎmim, èt'ǐm, ādnim, (самим, этим, одним), им. п. мн. ч. sǎmǐ, èt'ǐ, ādnǐ (сами, эти, одни), род. п. мн. ч. sǎmǐx, èt'ǐx, ādnǐx (самих, этих, одних) и т. д.; во всех остальных формах конечный согласный твердый, например: род. п. ед. ч. неженского рода sǎmǎvò, èṭǎvǎ, ādnǎvò (самого, этого, одного), им. п. ед. ч. женского рода sǎmà, èṭǎ, ādnà (сама, эта, одна), дат. п. ед. ч. женского рода sǎmòj, èṭǎj, ādnòj (самой, этой, одной) и т. д. Местоимение tòṬ (тот) показывает такое же распределение тембровых вариантов корневого согласного t, но восприятие мягкости у него ослаблено, так как соответствующие окончания начинаются с е: твор. п. ед. ч. tem (тем), им. п. мн. ч. te (те), род. п. мн. ч. tex (тех) и т. д. Корень on, выступающий только в именительном падеже местоимения 3-го лица, обнаруживает мягкость во множественном числе и твердость в единственном числе: on (он), ǎṇà (она), ǎṇò (оно) ~ aǐṇ (они).

e) У личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа и у возвратного местоимения конечный согласный мягкий в родительном—винительном падежах, а в творительном падеже он твердый: род.—вин. п. mǐṇà (меня), t'ǐb â (тебя), s'ǐb â (себя) ~ твор. п. ṁḍòjǔ (мною), tǎḍòjǔ (тобою), sǎḍòjǔ (собою). В дательном—предложном падежах окончание е: mne, t'ǐbè, s'ǐbè (мне, тебе, себе).

f) У числительного òḅǎ (оба) в именительном падеже твердое ḅ в неженском роде (м. и ср.) и мягкое b' в женском роде: неженск. р. òḅǎ ~ ж. р. òb'ǐ (обе). В остальных падежах в неженском роде наличествует твердое ḅ: род.—предл. п. ǎḅòjǐx, дат. п. ǎḅòjǐm, твор. п. ǎḅòjǐmǐ (обоих, обоим, обоими). В женском роде, наоборот, имеется мягкое b', которое, однако, фонологически нейтрализуется следующим е: род.—мест. п. ǎbèjǐx, дат. п. ǎbèjǐm, твор. п. ǎbèjǐmǐ (обеих, обеим, обеими). В современном языке господствует тенденция использовать формы ǎḅòjǐx, ǎḅòjǐm, ǎḅòjǐmǐ для всех родов.

g) Числительные p'ǐṬ|d'ǐšàṬ (пятьдесят), šǐS|d'ǐšàṬ (шестьдесят) имеют твердое Ṭ в исходе основы только в именительном—винитель-

⁴⁴ У таких непристойных (табуированных) слов, как ṁǔḍò, употребление которых избегается образованными людьми, и, во всяком случае, связано со всяческими запретами, часто трудно установить, какая из форм рассматривается в качестве нормальной.

ном падеже, тогда как во всех остальных падежах на его месте представлено мягкое t' : род.—дат.—предл. п. $\acute{p}it\ \acute{i}/d\ \acute{i}šit\ \acute{i}$, твор. п. $\acute{p}it\ \acute{j}ù|d\ \acute{i}šit\ \acute{j}ù$ (пятидесяти, пятьюдесятью), род.—дат.—предл. п. $\acute{s}iSt\ \acute{id}\ \acute{i}šit\ \acute{i}$, твор. п. $\acute{s}iSt\ \acute{j}ù|d\ \acute{i}šit\ \acute{j}ù$ (шестидесяти, шестьюдесятью). Школьная грамматика предписывает данную флексию также для числительных "семьдесят" и "восемьдесят". Однако в разговорном языке господствуют формы $sém|d\ \acute{i}šit\ \acute{T}'$, $vòšim|d\ \acute{i}šit\ \acute{T}'$ с обобщенной мягкостью исхода основы во всех падежах⁴⁵ [35].

§ 61. В глагольном парадигматическом формообразовании чередование согласных по тембру используется относительно редко.

А. Из пяти (по С. Карцевскому — "Le système du verbe russe") продуктивных типов спряжения лишь в одном — пятом ($t\check{a}lk\check{n}ùT'$ (толкнуть)) — наличествует тембровая альтернатива исхода основы.

а) А именно, мягкий вариант конечного согласного основы ($\acute{n}$) — во всех презентных формах (настоящее время изъявительного наклонения, повелительное наклонение), кроме 1-го лица ед. ч. и 3-го лица мн. ч. настоящего времени и причастия настоящего времени действительного залога, твердый вариант (n) — во всех остальных формах наст. вр.: 1 л. ед. ч. $t\check{a}lk\check{n}ù$, 2 л. $t\check{a}lk\check{n}òš$, 3 л. $t\check{a}lk\check{n}òT$, 1 л. мн. ч. $t\check{a}lk\check{n}òm$, 2 л. мн. ч. $t\check{a}lk\check{n}òt\ \acute{i}$, 3 л. мн. ч. $t\check{a}lk\check{n}ùT$; повел. накл.: ед. ч. $t\check{a}lk\check{n}ì$, мн. ч. $t\check{a}lk\check{n}it\ \acute{i}$; прош. вр.: м. р. $t\check{a}lk\check{n}ùl$, ж.—ср. р. $t\check{a}lk\check{n}ùl\check{a}$, мн. ч. $t\check{a}lk\check{n}ùl\ \acute{i}$, прич. действ. зал. $t\check{a}lk\check{n}ùFšij$, прич. страд. зал. $tòlk\check{n}ùT$; инф. $t\check{a}lk\check{n}ùT'$.

б) Тесно связан с этим типом тип "D" у Карцевского; последний отличается лишь тем, что в прошедшем времени и в причастии прош. вр. n опускается, например: $gàsn\check{u}$ (гасну) ~ инф. $gàsn\check{u}T'$ (гаснуть) ~ прош. вр. $gàš$ (гас), прич. $gàššij$ (гасший). Согласно С. Карцевскому, к данному типу принадлежит 60 глаголов.

в) Сюда же относятся еще четыре глагола: deT' (деть), наст. вр. $dè\check{n}ù$ (дену), $št\check{a}T'$ (стать), наст. вр. $št\check{a}\check{n}ù$ (стану), $z\check{a}|Str\check{a}T'$ (застрять), наст. вр. $z\check{a}|Str\check{a}\check{n}ù$ (застряну) и $št\check{i}T'$ (стыть), наст. вр. $št\check{i}\check{n}ù$ (стыну), у которых n отмечено лишь в системе презенса. Во всех этих глаголах имеет место чередование по тембру согласного *суффикса*.

В. Существует, однако, 75 более или менее нерегулярных глаголов, у которых наблюдается парадигматическое чередование тембра согласо-

⁴⁵ Есть еще два случая, когда разговорный язык уже отказался от чередования согласных по тембру в склонении, хотя школьная грамматика продолжает предписывать его использование: 1. Нормально склоняется $sèrk\check{v}i$ (церкви) ~ дат. п. $s\check{i}rk\check{v}\check{a}m$, предл. п. $s\check{i}rk\check{v}\check{a}x$, твор. п. $s\check{i}rk\check{v}\check{a}m\acute{i}$, а не $s\check{i}rk\check{v}\check{a}m$, $s\check{i}rk\check{v}\check{a}x$, $s\check{i}rk\check{v}\check{a}m\acute{i}$ (церквам, церквах, церквами), как этого требует школьная грамматика. 2. Школьная грамматика учит, что форма родительного падежа множественного числа существительных на "согласный + $\acute{n}\check{a}$ " (с некоторыми исключениями, как $d\ \acute{i}gèv\check{n}\check{a}$ (дережня) и т. д.) имеет твердое n ; но этому правилу уже не следуют и произносят от формы им. п. ед. ч. $b\check{a}g\check{i}š\check{n}\check{a}$ (барышня) — род. п. мн. ч. $b\check{a}g\check{i}š\check{i}\acute{n}$ (барышень) или $b\check{a}g\check{i}š\check{n}\acute{i}j$ (барышней). От формы им. п. ед. ч. $pès\check{n}\check{a}$ (песня) произносят форму род. п. мн. ч. $pès\check{n}\acute{i}j$ (песней) вместо предписываемой $pès\check{i}\check{n}$ (песен) [36].

Естественно, что в таких случаях могут употребляться формы, которых требует школьная грамматика, но звучат они аффективно, гиперкорректно, иррически (в частности, $s\check{i}rk\check{v}\check{a}m$) или же могут использоваться лишь в поэзии, например $pès\check{i}\check{n}$.

го в исходе корня. Эти глаголы можно разделить на две группы.

а) У большинства из них (64) в формах системы презенса отмечается такое же распределение тембровых вариантов согласных в исходе основы, как и в типе $t\dot{a}lk\dot{n}\grave{u}$, то есть: твердый согласный в 1-м лице ед. ч. и в 3-м лице мн. ч. (и в причастии настоящего времени действительного залога, если таковое имеется); мягкий согласный — во всех остальных формах. Что касается форм системы инфинитива — прошедшего времени, то разные глаголы расходятся в отношении распределения альтернантов конечного согласного корня. В нижеприведенной таблице различные типы этого распределения представлены каждый одним примером и указывается число глаголов, следующих данному типу в формах системы инфинитива — прошедшего времени.

Фонетические варианты согласного корня: мягкий, твердый, нейтрализованный, дизъюнктно-альтернирующий и нулевой.

Корни	Инф.		Прош. вр. м. р.	Прош. вр. ж. р.	Страдат. прич.	Число глаго- лов
$d[o/1]r$	$dr\text{-}a\text{-}T'$	(драть)	$dr\text{-}a\text{-}l$	$dr\text{-}\grave{a}\text{-}l\grave{a}$	$dr\text{-}a\text{-}n$	15
$t'[o/1]r$	$t'\text{-}ir\text{-}\grave{e}\text{-}T'$	(тереть)	$t'\text{-}or$	$t'\text{-}\grave{o}r\text{-}l\grave{a}$	$t'\text{-}or\text{-}T$	4
$\check{s}ib$	$\text{-}\check{s}ib'\text{-}i\text{-}T'$	(-шибить)	$\check{s}iP$	$\check{s}ib\text{-}l\grave{a}$	$\check{s}ibl'\text{-}\grave{i}\text{-}n$	1
$\hat{c}[o/1]t$	$\hat{c}t'\text{-}i\text{-}T'$	(читать)	$\hat{c}t'\text{-}i\text{-}l$	$\hat{c}t'\text{-}i\text{-}l\grave{a}$	$\hat{c}t'\text{-}o\text{-}n$	1
$Sk\acute{r}ob/s$	$Sk\acute{r}\check{i}S\text{-}t'\grave{i}$	(скрести)	$Sk\acute{r}oP$	$Sk\acute{r}\check{i}b\text{-}l\grave{a}$	$Sk\acute{r}\check{i}b'\text{-}\grave{o}\text{-}n(?)$	3
pas	$p\check{a}s\text{-}t'\grave{i}$	(пасти)	paS	$p\check{a}s\text{-}l\grave{a}$	$p\check{a}s'\text{-}\grave{o}\text{-}n$	5
la/ez	$leS\text{-}t'$	(лезть)	leS	$l\grave{e}z\text{-}l\grave{a}$	—	3
$pl'o[t/s]$	$pl'\check{i}S\text{-}t'\grave{i}$	(плести)	$pl'o\text{-}l$	$pl'\check{i}\text{-}l\grave{a}$	$pl'\check{i}t'\text{-}\grave{o}\text{-}n$	9
$c\acute{v}e/o[t/s]$	$c\acute{v}\check{i}S\text{-}t'\grave{i}$	(цвести)	$c\acute{v}o\text{-}l$	$c\acute{v}\check{i}\text{-}l\grave{a}$	—	6
$\check{z}i[v]$	$\check{z}i\text{-}T'$	(жить)	$\check{z}i\text{-}l$	$\check{z}\check{i}\text{-}l\grave{a}$	—	4
$\check{z}o/a/1[m]$	$\check{z}a\text{-}T'$	(жать)	$\check{z}a\text{-}l$	$\check{z}\grave{a}\text{-}l\grave{a}$	$\check{z}a\text{-}T$	12
$\acute{r}ov$	$\acute{r}\check{i}v\text{-}\grave{e}\text{-}T'$	(реветь)	$\acute{r}\check{i}v\text{-}\grave{e}\text{-}l$	$\acute{r}\check{i}v\text{-}\grave{e}\text{-}l\grave{a}$	—	1
						64

б) Другую, значительно меньшую группу образуют 10 глаголов, у которых корень оканчивается на мягкий согласный во всех формах системы настоящего времени и на твердый — во всех формах системы прошедшего времени — инфинитива. К ним относятся: $gn\grave{a}T' \sim g\grave{a}n\grave{u}$ (гнать ~ гоню), $St\grave{l}aT' \sim St\check{i}l\grave{u}$ (стлать ~ стелю), $s\grave{l}aT' \sim \check{s}l\grave{u}$ (слать ~ шлю), $\grave{a}r\grave{a}T' \sim \grave{a}r\grave{u}$ (орать ~ орю) (архаическое, ныне употребляется лишь в качестве диалектизма), $p\check{a}l\grave{o}T' \sim p\check{a}l\grave{u}$ (полоть ~ полю), $k\check{a}l\grave{o}T' \sim k\check{a}l\grave{u}$ (колоть ~ колю), $m\check{a}l\grave{o}T' \sim m\check{i}l\grave{u}$ (молоть ~ мелю), $b\check{a}r\grave{o}T' \sim b\check{a}r\grave{u}$ (бороть ~ борю), $p\check{a}r\grave{o}T' \sim p\check{a}r\grave{u}$ (пороть ~ порю), $SpaT' \sim Sp\check{i}l\grave{u}$ (спать ~ сплю), 2 л. ед. ч. $S\check{p}\check{i}S$ (спишь) и т. д.

Таким образом, глаголы с парадигматическим тембровым чередованием согласного исхода основы являются довольно многочисленными. Но глаголов, не знающих этой корреляции по тембру, значительно больше.

§ 62. В деривационном формообразовании тембровая альтернация конечного согласного корня (соотв. основы) находит разнообразное

применение. Большинство суффиксов требует смягчения предшествующего согласного, например суффиксы *ik, iŝ, ic, [e]c, ĭńk, ag, oŋ[ǎ]k* среди многих других: *Stàřaj* (старый) ~ *Stǎřik* (старик), *dom* (дом) ~ *dǎmĩŝǎ* (домище), *leF* (лев), род. п. *l'vǎ* ~ *l'vĩcǎ* (львица), *xĩtraj* (хитрый) ~ *xĩtrès*, род. п. *xĩtrĩcǎ* (хитрец, хитреца), *sl'ĩròj* (слепой) ~ *slèřĩńkǎj* (слепенький), *mĩlaj* (милый) ~ *mĩlǎgǎ* (миляга), *beŝ* (бес) ~ *b'ĩsòŋǎk* (бесенок) и т.д.

Гораздо малочисленнее суффиксы, которые требуют перед собой твердого согласного, как, например, адъективный суффикс *k* (в меру его продуктивности), ср. *vǎřĩT'* (варить) ~ *vǎřkǎj* (варкий), *bròŝĩT'* (бросить) ~ *bròŝkǎj* (броский) и т.п. Существуют и суффиксы, которые допускают оба фонетических варианта предшествующего согласного. Выбор между мягким и твердым вариантом у некоторых суффиксов подчинен определенным правилам. Так, например, у женского уменьшительного суффикса *[o]k*, где предшествующий согласный имеет тот же тембр, что и производящая основа, если она имеет в именительном падеже ед. ч. окончание *a*; но этот согласный всегда твердый, если производящее слово является существительным женского рода с нулевым окончанием в именительном падеже: *vĩlǎ* (вила) ~ *vĩlkǎ*, *řulǎ* (пуля) ~ уменьш. *řul'kǎ* (пулька), но *ńĩT'* (нить) ~ уменьш. *ńĩTkǎ* (нитка), *dvèř* (дверь) ~ уменьшит. *dvèřkǎ* (дверка) и т.д. У некоторых других суффиксов выбор фонетического варианта предшествующего согласного кажется лишенным правил: от *gòľř'* (голубь) уменьшительным будет *gǎľřòk* (голубок), но от *koń* (конь) — уменьш. *kǎńòk* (конек); ср. также, с одной стороны, *řař* (раб) ~ *řǎřĩńǎ* (рабыня), но, с другой стороны, *gřař* (граф) ~ *gřǎř'ĩńǎ* (графиня).

В количественном отношении суффиксы, допускающие оба фонетических варианта предшествующего согласного, занимают промежуточное положение между теми, которые требуют, чтобы перед ними был мягкий согласный, и теми, которые требуют перед собой твердого согласного.

2. Чередования с дизъюнктивными альтернантами

§ 63. За исключением плавных *г, л* и носового *п*, которые участвуют лишь в чередовании по тембру, все остальные согласные русского языка принимают также участие в чередованиях с дизъюнктивными альтернантами. Среди этих чередований необходимо выделять продуктивные и непродуктивные. Продуктивными являются чередования зубных (*d, t, c, z, s*) и заднеязычных (*g, k, x*) со звуками типа *ŝ — ŝ'*; при этом звонкие чередуются с *ž*, глухие смычные и аффриката *c — c'*, глухие спиранты — с *š*, глухие сочетания *S(St, Sk) — c š'*, и звонкие сочетания *S(Sd, Sg) — c ž*. Далее, продуктивно чередование губных (*p, b, f, v, m*) с сочетанием "губной + л". С чисто внешней стороны последнее чередование могло бы рассматриваться в качестве чередования с нулем, так как один альтернант отличается от другого отсутствием *л*. Но, во-первых, русское языковое сознание в данном случае воспринимает лабиальный без *л* как

основной альтернант, а "лабиальный + l" — в качестве его вторичного "искажения", во-вторых, чередование "p, b, f, v, m ~ pl, bl, fl, vl, ml" имеет место именно в тех категориях, в каких представлено и чередование "t, d, s, z, St, Sd ~ č, ž, š, Ź, š, ž". Поэтому чередование "губной ~ губной + l" должно рассматриваться как чередование с дизъюнктивными альтернантами.

Кроме этих продуктивных альтернаций, есть еще много непродуктивных, которые представлены небольшим числом примеров: t ~ š, d ~ žd, d ~ c, k ~ c, g ~ z, b ~ S, g ~ x, ŋ ~ j и т.д.

§ 64. Консонантные чередования с дизъюнктивными альтернантами присущи лишь корневым и суффиксальным морфемам и имеют место практически исключительно в исходе морфемы. Крайне редки случаи, когда согласный, участвующий в таком чередовании, не стоит в конце морфемы: słaT' (слать) ~ šl'ú (шлю), mīsl'īt' (мыслить) ~ pǎ|mīšl'āt' (помышлять); абстрактное сущ. mīšl'ěñijǎ (мышление) (но твор. п. ед. ч. mīsl'ŭ (мыслью)); vīsna (весна) ~ прилаг. vēšñij (вешний) — всего 4 случая.

В парадигматическом именном формообразовании консонантное чередование с дизъюнктивными альтернантами имеет место только в пяти изолированных и аномальных случаях: druK (друг), род. п. druga ~ им. п. мн. ч. družja (друзья), suK (сук) ~ им. п. мн. ч. sučja (сучья), kloK (клок) ~ им. п. мн. ч. kločja (клочья), uha (ухо) ~ им. п. мн. ч. uši (уши)⁴⁶ и box (бог) ~ род. п. ед. ч. bogǎ (бога)⁴⁷.

а) Продуктивные консонантные чередования с дизъюнктивными альтернантами

§ 65. Из вышесказанного (§ 63) можно вывести следующее деление продуктивных консонантных чередований с дизъюнктивными альтернантами:

- а) чередования заднеязычных: k ~ č, g ~ ž, x ~ š, Sk ~ š, Sg ~ ž;
- б) чередования зубных: c ~ č, t ~ č, d ~ ž, s ~ š, z ~ ž, St ~ š, Sd ~ ž;
- в) чередования губных: p ~ pl, b ~ bl, f ~ fl, v ~ vl, m ~ ml.

При этом кажется целесообразным рассматривать чередование c ~ č отдельно от остальных чередований зубных.

§ 66. В именном основообразовании очень широко распространены и вполне живы чередования заднеязычных. Корневые и суффиксальные морфемы с исходом на заднеязычный заменяют последний на звуки типа š — š почти во всех производных формах. Только весьма ограниченное

⁴⁶ Слово òkǎ (око) ~ мн. ч. òcǐ (очи) используется исключительно в поэзии, а у современных поэтов встречается все реже.

⁴⁷ Что касается формы bōžǐ (боже), то она является вокативом с точки зрения истории языка, то есть формой той же самой парадигмы, но — с синхронной точки зрения — это просто междометие, которое этимологически родственно слову box: поэтому здесь наблюдаются не отношения словоизменения, а отношения словообразования.

число суффиксов требует заднеязычного альтернанта предшествующей морфемы. К ним относятся суффиксы: ⟨ot⟩, например: dōlgāj (долгий) ~ dālgatā (долгота), ⟨oSt⟩, например: mākāj (мягкий) ~ mākāST' (мягкость), ⟨ov⟩, например: voSK (воск) ~ vāškāvōj (восковой); далее, форманты āvīzn, например: dāragōj (дорогой) ~ dāragāvīznā (дороговизна), āvāt, например: plāxōj (плохой) ~ plāxāvātāj (плоховатый) и некоторые другие.

Остальные суффиксы (таких гораздо больше) требуют фонетического варианта типа š — ŝ предшествующей морфемы: rŭkà (рука) ~ прилаг. rŭcņōj (ручной), уменьш. rŭčkā (ручка) или rŭcŭnkā (рученька); dŕuK (друг), род. п. dŕugā ~ dŕuŠbā (дружба), dŕužīŠkāj (дружеский), sāl dŕužīStvā (содружество), dŕužņaj (дружный), dŕužòK (дружок), род. п. dŕuŠkà, dŕužīnā (дружина), dŕužīT' (дружить); pux (пух) ~ pŭšīnkā (пушинка), pŭšiStāj (пушистый), pŭšņōj zveī (пушной зверь), pŭšīnā (пушнина), pŭšòK (пушок), ā|pŭška (опушка), ā|pŭšiT' (опушить); treSK (треск) ~ trīšòTkā (трещотка), trēšīnā (трещина) и т. д.

Правда, новые (заимствованные) суффиксы izM, iSt, ij всегда требуют заднеязычного альтернанта предшествующей морфемы; ср., например, такие совершенно новые образования, как trāckizm (троцкизм), čīkīST' (чекист), čīxāslāvākījā (Чехословакия)⁴⁸. Тем не менее альтернацию k ~ č, g ~ ž, x ~ š можно рассматривать как вполне живой и продуктивный процесс в именном основообразовании.

В. Роль, подобную чередованиям заднеязычных, играет в именном основообразовании чередование с ~ č. В исходе морфемы с перед большинством суффиксов превращается в č: l'ĩcò (лицо) ~ уменьш. l'ĩckā и l'ĩčīkā (личко, личико) [37], прилаг. l'ĩcņōj (личной), l'ĩcīnā (личина), l'ĩcņaj (личный); ātēc (отец, род. п. āTcà) ~ āTcīznā или ātēcīStvā (отчина, отечество), ātēcīŠkāj (отеческий); āFcà (овца) ~ уменьш. āvēckā (овечка), прилаг. āvēčīj (овечий), āFcīnā (овчина), āFcār (овчар) и т. д. Лишь немногие суффиксы (как ov, īvāt, oFŠk, притяжательное in и некоторые другие) требуют варианта с. Таким образом, чередование с ~ č, как и чередование заднеязычных, является вполне живым и продуктивным в именном основообразовании.

С. В противоположность этому чередования зубных в именном основообразовании являются непродуктивными и мертвыми. Они встречаются всего у 32 корней, и образования, в которых они выступают, непродуктивны.

а) Самую обширную категорию составляют нерегулярные формы сравнительной степени наречий: xūdā (худо) ~ xūžī (хуже), mōlādā (молодо) ~ mālōžī (моложе), tvòrdā (твердо) ~ tvòržī (тверже), rèTkā (редко), м. р. rèdāK (редок) ~ rèžī (реже), gāTkā (гадко), м. р. gādāK (гадок) ~ gāžī (гаже), žīTka (жидко) (м. р. žīdāK (жидок)) ~ žīžī (жиже), kŕūtā (круто) ~ kŕučī (круче), kòrāTkā (коротко) ~ kāròčī (короче), bāgātā (богато) ~ bāgāčī (богаче), ūškā (узко) (м. р. ūzāK (узок)) ~

⁴⁸ Ср., впрочем, образованное во время гражданской войны kázāctmēn (казачьим), где перед заимствованным из džentel'mēn, sportmēn суффиксом mēn появляется фонетический вариант č морфемы k/č.

ùžī (уже), níškā (низко, м.р. nížāk (низок)) ~ nížī (ниже), bl'íškā (близко, м.р. bl'ížāk (близок)) ~ bl'ížī (ближе), vīsākò или vīšòkā (высоко) ~ vīšī (выше), krāšívā (красиво) ~ krāšī (красше), pòznā (поздно) — ср. ā|pāzdàT' (опоздать) ~ pòžī (позже), tǎlštò или tǒlstā (толсто) ~ tǒlšī (толще), pùštā (пусто) ~ pùšī (пуще) = "хуже" (этимологическая связь уже, вероятно, утеряна), çìstā (чисто) ~ çìšī (чище), çàstā (часто) ~ çàšī (чаще), gùstā (густо) ~ gùšī (гуще), pṛòstā (просто) ~ pṛòšī (проще).

Однако этот способ образования сравнительной степени в настоящее время уже неживой: новые сравнительные формы не могут следовать данному образцу. К вышеприведенным формам примыкают некоторые равным образом непродуктивные образования: рядом с vīšī (выше) и tǒlšī (толще) мы находим vīšīnā (вышина), tǎlšīnā (толщина); рядом с žīžī (жиже), tǒlšī (толще), gùšī (гуще), çàšī (чаще), krūčī (круче) стоят žīžā (жиза), tǒlšā (толща), gùšā (гуща), çàšā (чаща), krūčā (круча). К pùštā (пусто) ~ pùšī (пуще) относится pùšā (пуща); наряду с vīšī (выше), nížī (ниже) и bl'ížī (ближе) существуют прилагательные vīšīnīj (вышний), nížīnīj (нижний), bl'ížīnīj (ближний).

б) Другую, столь же непродуктивную и еще более малочисленную группу составляют притяжательные прилагательные: mǐdvèT' (медведь, род. п. mǐdvèd'ā) ~ прилаг. mǐdvèžīj (медвежий), vīrbl'ùT' (верблюд, род. п. vīrbl'ùdā) ~ прилаг. vīrbl'ùžīj (верблюжий), l'èb'ít' (лебедь, род. п. l'èb'íd'ā) ~ прилаг. l'īb'āžīj (лебяжий), gāvād'īnā (говядина) ~ прилаг. gāvāžīj (говяжий). К mǐdvèžīj присоединяется mǐdvīžònāk (медвежонок). Соотношение pāgāšàtā (поросята) ~ pāgāšàčīj (поросычий), которое первоначально было аналогично соотношению mǐdvèd'ī ~ mǐdvèžīj, в настоящее время более так не воспринимается. Суффикс āt, образующий форму множественного числа у названий маленьких или молодых живых существ, и суффикс àç, образующий прилагательные от названий животных, для современного языкового чувства представляют собой две совершенно независимые суффиксальные морфемы: существуют формы множественного числа на -ātā, от которых не могут быть образованы прилагательные на -àčīj, например ārl'ātā (орлята), b'īšīnātā (бесенята) и т. д.; с другой стороны, есть прилагательные на -àčīj, рядом с которыми не может быть существительных на -ātā, например: kāšàčīj (кошачий) от kòškā (кошка), gāgàčīj (гагачий) от gāgā (гага).

с) Многие производные от существительного kñàS' (князь, род. п. kñàžā) проявляют чередование z ~ ž: kñàžīstvā (княжество), kñàžīškāj (княжеский), kñàžīj (княжий), kñīžnā (княжна).

д) Остальные случаи чередований зубных совершенно изолированы: gāšpād'īn (господин) ~ gāšpāžā (госпожа); gòrāT' (город, род. п. gòrā-dā) ~ gāgāžānīn (горожанин), štīt' (стыд, род. п. štīdā) ~ b'īs/štīžīj (бестыжий), frāncùš (француз, род. п. frāncùžā) ~ frāncùžīnkā (француженка), vīsnā (весна) ~ прилаг. vèšīnīj; возможно, также SdeS' (здесь) ~ Sdèšīnīj (здешний), хотя в этом последнем слове -šīnīj воспринимается как суффикс; ср. Fçīrā (вчера) ~ Fçīrāšīnīj (вчерашний), tam (там) ~ tamāšīnīj (тамошний) и т. д.

Таким образом, использование чередований зубных в именном основообразовании ограничивается несколькими непродуктивными образованиями.

Д. То же самое с еще большим основанием можно сказать и о чередовании губных, поскольку в именном основообразовании они представлены лишь сравнительной степенью $d'ĩšèvl'ĩ$ (дешевле) — от $d'òšivā$ (дешево) и в производных $žĩmṇòj$ (земной), $čĩṇāžòm$ (чернозем) от $žĩml'ā$ (земля). Итак, в именном основообразовании наблюдается резкое различие между использованием чередований заднеязычных (как и альтернации $s \sim š$), с одной стороны, и использованием чередований зубных и губных — с другой.

§ 67. Прямо противоположные отношения господствуют в *глагольном формообразовании*. Рассмотрим сначала глагольное словоизменение.

А. Чередования $s \sim š$ здесь вообще не встречается.

В. Чередования заднеязычных ограничиваются (максимум) 37 глагольными корнями, а типы спряжения, в которых они используются, все непродуктивны. Эти корни следующие:

а) 16 глаголов "группы F" (по классификации С. Карцевского) с фонетической реализацией $š$, $ž$ согласного в исходе корня в страдательном причастии прошедшего времени и во всех формах настоящего времени индикатива, за исключением 1-го лица ед. ч. и 3-го лица мн. ч., и с заднеязычным вариантом во всех остальных формах спряжения (кроме инфинитива, который у данных глаголов принимает окончание $š$ — перед ним конечная морфонема корня исчезает), например: $řĩkù$ (пеку) ~ 2 л. ед. ч. $řĩčoš$, 3 л. ед. ч. $řĩčòṭ$, 1 л. мн. ч. $řĩčòm$, 2 л. мн. ч. $řĩčòt'ĩ$, 3 л. мн. ч. $ř'ĩkùṭ$, повел. накл. ед. ч. $ř'ĩkì$, мн. ч. $ř'ĩkìt'ĩ$, прич. наст. вр. $ř'ĩkùš'ij$, форма прош. вр. м. р. $ř'òk$, ж. р. $ř'ĩklà$, прич. действ. зал. прош. вр. $ř'òkš'ij$, страд. прич. прош. вр. $ř'ĩčòṇāj$, инф. $reš$ (печешь, печет, печем, печете, пекут, пеки, пеките, пекущий, пекла, пекший, печеный, печь) или $b'ĩr'ĩgù$ (берегу) ~ 2 л. ед. ч. $b'ĩr'ĩžòš$ (бережешь и т. д.).

б) Глагол $lgaṭ'$ (лгать), который в системе настоящего времени характеризуется тем же распределением фонетических вариантов конечного согласного, что и глаголы пункта а, имеет в системе инфинитива — прошедшего времени заднеязычный вариант.

с) Глагол $b'ĩgù$ ~ 2 л. ед. ч. $b'ĩžìš$ ~ инф. $b'ĩžàṭ'$ (бегу, бежишь, бежать) имеет в системе настоящего времени то же распределение вариантов $b'ĩg$ и $b'ĩž$, какое имеют глаголы в пунктах а и б, однако в системе инфинитива — прошедшее время выступает фонетический вариант $b'ĩž(-à)$.

д) 19 глаголов "группы А" (по С. Карцевскому), у которых во всей системе настоящего времени отмечаются варианты $š$, $ž$, $š$, $ž$, $š$, а во всей системе инфинитива — прошедшего времени — заднеязычная реализация конечной морфемы корня, а именно: $ālkàṭ' \sim ālcũ$ (алкать ~ алчу), $kl'ĩkǎṭ' \sim kl'ĩcũ$ (кликать ~ кличу), $mũrlĩkǎṭ' \sim mũrlĩcũ$ (мурлыкать ~ мурлычу), $plàkǎṭ' \sim plàcũ$ (плакать ~ плачу), $Skākàṭ' \sim Skācũ$ (скакать ~ скачу), $ṭĩkǎṭ' \sim ṭĩcũ$ (тыкать ~ тычу), $xṇĩkǎṭ' \sim xṇĩcũ$ (хныкать ~ хнычу), $dvígǎṭ' \sim dvížũ$ (двигать ~ движу), $břĩxàṭ' \sim brèšũ$ (брехать ~ брешу), $mǎxàṭ' \sim mǎšũ$ (махать, машу), $řǎxàṭ' \sim řǎšũ$ (пахать, пашу),

pìxàT' ~ pìšù (пыхать ~ пышу), kălìxàT' ~ kălìšù, kălìšù (колыхать ~ колышу), brìSgăT' ~ brìžù (брызгать ~ брызжу), ĭškàT' ~ ĭšù (искать ~ ищу), pl' ĭškàT' ~ pl' ĭšù (плескать ~ плещу), pălăškàT' ~ pălăšù (полоскать ~ полощу), pṛìškăT' ~ pṛìšù (прыскать ~ прышу), ṛìškăT' ~ ṛìšù (рыскать ~ рыщу).

Все вышеприведенные категории непродуктивны. В них также господствует тенденция к обобщению заднеязычного варианта исхода корня. Из 19 глаголов пункта d только у четырех (bṛìxàT', ĭškàT', škăkàT', pṛàkăT') "презентная форма на шипящий" является единственно употребительной. Все остальные (15!) имеют также параллельные формы на -ajũ, -ajĩš и т. д. с сохранением заднеязычного (например: dvìgăjũ, kl' ikăjũ, măxajũ, pălăškajũ и т. д.), а у многих глаголов, ранее принадлежавших к типу pṛàkăT' ~ pṛàcũ, только параллельная форма настоящего времени на -ajũ с сохраняющимся заднеязычным осталась в настоящее время в употреблении. К ним относятся: ĭkàT' (икать), ṛìkàT' (рыкать), lăkàT' (лакать), fìrkăT' (фыркать), mĩùkăT' (мяукать), măkàT' (макать), mĩkăTcă (мыкаться) или găĩmĩkăT' (горемыкать), StrũgàT' (стругать). Глагол TkaT' (ткать), ранее принадлежавший к тому же типу, что и lgaT' (лгать) (см. выше, пункт b), заменил к настоящему времени вариант ĉ на k: 2 л. ед. ч. Tkoš, 3 л. ед. ч. Tk'ot' и т. д.

Очевидно, чередования заднеязычных в глагольном словоизменении воспринимаются как аномалии, от которых охотно отказываются.

С. В противоположность этому, чередования зубных в глагольной флексии выступают в качестве совершенно продуктивного и живого морфонологического явления.

а) Все глаголы IV продуктивного класса спряжения (по С. Карцевскому), имеющие в исходе основы зубной (t', d', s, z, St', Sd'), изменяют его в соответствующий звук ряда š — š̂ в 1-м лице единственного числа настоящего времени и в страдательном причастии прошедшего времени, например: ũ|plăt'it' ~ ũ|plăcũ (уплатить ~ уплачу) ~ ũ|plòcĩŋ (уплачен), răS|bũd'it' (разбудить) ~ răS|bũžù (разбужу) ~ răS|bũžĩŋ (разбужен), S|pṛăšit' (спросить) ~ S|pṛăšù (спрошу) ~ S|pṛòšĩŋ (спрошен), nă|gṛũžit' (нагрузить) ~ nă|gṛũžù (нагружу) ~ nă|gṛũžĩŋ (нагружен) и т. д.⁴⁹ Это же происходит и с самыми новыми глаголами, такими, как: nă|măgnit'it' (намагнитить) ~ nă|măgnicũ (намагничу) и т. п.

б) Кроме того, чередования зубных отмечаются у очень многих глаголов (около 40) непродуктивной "группы А" (по Карцевскому), где зубной вариант конечной морфемы выступает в системе инфинитива — прошедшего времени, а вариант ряда типа š — š̂ — в системе настоящего времени: xăxăṭàT' ~ xăxăcũ (хохотать — хохочу), 3 л. ед. ч. xăxòcĩT' (хохочет), glăḍàT' ~ glăžù ~ glòžĩT' (глодать, гложу, гложет), p' ĭšàT' ~ p' ĭšù ~ p' ĭšĩT' (писать, пишу, пишет), ṽizàT' ~ ṽižù ~ ṽàžĩT' (вязать, вяжу, вяжет). Для этих глаголов характерно, что формы настоящего времени с чередованием являются обычными (в отличие от приведенных выше под

⁴⁹ Только от vă|nziT' ~ vă|nzù (вонзить — вонжу) образуется страдательное причастие vă|nzòŋ (вонзен). О случаях типа văz|vrăt'it' ~ văz|vrăšù (возвратить — возвращу) см. ниже, § 71.

пунктом В, d). Чередование зубных в глагольном словоизменении представляет собой столь нормальное явление, что оно не вызывает противодействия, и нет необходимости его элиминировать.

с) Наконец, в неправильном глаголе хătèГ' (хотеть) наблюдается альтернатива t' ~ ê, где ê появляется в формах единственного числа наст. вр. изъяв. накл. (хăêù, хòêĭŠ, хòêĭТ), а t' — во множественном числе того же времени (хăt'îm, хăt'ît'ĭ, хăt'âТ) и во всех остальных формах спряжения.

Д. Равным образом чередования губных в глагольном словоизменении являются живыми и продуктивными, как и чередования зубных, и выступают в тех же категориях.

а) В 1-м лице единственного числа настоящего времени и в страдательном причастии прошедшего времени глаголов IV спряжения совершенно обычен переход p', b', f', v, m в pl', bl', fl', vl', ml', например: kŭr'îГ' (купить) ~ kŭrl'ù (куплю) ~ kùrl'ĭŋ (куплен). Он наблюдается даже в совершенно новых образованиях с исходом на губной: ä|fòr'mĭГ' (оформить) ~ ä|fòr'ml'Û (оформлю) ~ ä|fòr'ml'ĭŋ (оформлен), или же появившееся во время гражданской войны ŭ|gròb'ĭГ' (угробить) ~ ŭ|gròbl'Û (угроблю) ~ ŭ|gròbl'ĭŋ (угроблен) и т. п. Данное правило не знает исключений.

б) В непродуктивной "группе А" (по Карцевскому) чередование губных имеет место у всех глаголов с губным исходом корня, то есть в следующих восьми: drĭmàГ' ~ drĭml'ù ~ drèml'ĭŠ (дремать — дремлю — дремлешь), kàrăГ' ~ kàrl'Û (капать, каплю), kl'ĭrăГ' ~ kl'ĭrl'ù (клепать, клеплю), kràrăГ' ~ kràrl'ù (крапать, краплю), šĭrăГ' ~ šĭrl'Û (сыпать, сыплю), trĭrăГ' ~ trĭrl'ù (трепать, треплю), šĭrăГ' ~ šĭrl'ù (щипать, щиплю), kăl'ĭbàГ' ~ kălèbl'ù (колебать, колеблю)⁵⁰.

Наконец, чередование губных отмечается у двух неправильных глаголов:

с) у SpаГ' (спать) — 1 л. ед. ч. наст. вр. Spl'ù (сплю), у ŭšĭb'ĭГ' (ушибить) — страд. прич. прош. вр. ŭšĭbl'ĭŋ (ушиблен), а остальные формы спряжения этих глаголов имеют чисто губной альтернант морфемы в исходе корня (2 л. ед. ч. наст. вр. Sp'ĭŠ, ŭšĭb'òŠ, прош. вр. м. р. Spaĭ, ŭšĭP, прош. вр. ж. р. Spăĭ, ŭšĭblă и т. д.).

§ 68. В чисто глагольном (отглагольно-глагольном) основообразовании роли отдельных консонантных чередований с дизъюнктивными альтернантами распределены так же, как и в глагольном словоизменении.

А. Чередование с ~ ê вообще не встречается.

В. Чередование заднеязычных ограничивается несколькими изолированными и непродуктивными типами: b'ĭžàГ' (бежать) ~ bègăГ' (бегать), tăšĭГ' (тащить) ~ tăšĭkàГ' (таскать), pălăžĭГ' (положить) ~ несов. в. pălăgàГ' (полагать), slĭxàГ' (слыхать) ~ slĭšĭГ' (слышать) (с итеративным оттенком) и др. Несколько более обширную категорию составляют случаи типа bŭrĭcàГ' (бурчать) ~ моментальн. bŭrkŭГ' (буркнуть),

⁵⁰ Некоторые из этих глаголов образуют повел. накл. без l': šĭP' (сыпь), trĭr'ĭ (трепи), šĭr'ĭ (шип). Параллельные формы наст. вр. на -ajŭ (см. выше, II. d) существуют лишь у kàrăГ' и kl'ĭrăГ'.

křícàT' (кричать) ~ kr'íkňŭT' (крикнуть), mǎlcàT' (молчать) ~ ů|mòlk-
ňŭT' (умолкнуть), řícàT' (рычать) ~ říkňŭT' (рыкнуть), StŭcàT' (сту-
чать) ~ StŭkňŭT' (стукнуть), drǎžàT' (дрожать) ~ drògňŭT' (дрогнуть),
ďišàT' (дышать) ~ ďixňŭT' (дыхнуть), p'ĩšàT' (пищать) ~ řìškňŭT'
(пискнуть), v'ízàT' (визжать) ~ víšgňŭT' (визгнуть).

Однако этот способ образования в настоящее время непродуктивен, и новые слова уже не могут образовываться по данной модели.

С. Напротив, чередования зубных выступают в двух важных категориях несовершенного вида:

а) При образовании форм несовершенного вида с формантом ⟨а⟩, когда основной (производящий) глагол относится к 4-му продуктивному классу (по С. Карцевскому), например: zǎ|mèt'ĩT' (заметить) ~ несов. в. zǎ|m'ícàT' (замечать), zǎ|říd'ìT' (зарядить) ~ zǎ|řízàT' (заряжать), p'ří|glǎsíT' (пригласить) ~ p'ří|glǎšàT' (приглашать), nǎ|grŭzíT' (нагрузить) ~ nǎ|grŭžàT' (нагружать), ů|gǎSt'ìT' (угостить) ~ ů|gǎšàT' (угощать) и т. д.

б) При образовании форм несовершенного вида с формантом ⟨ivǎ⟩ от глаголов 4-го продуктивного класса, например: pǎ|vǎrǎt'ìT' (поворотить) ~ несов. в. pǎ|vǎrǎc'ivǎT' (поворачивать), ǎ|mǎlǎd'ìT' (омолодить) ~ ǎ|mǎlǎž'ivǎT' (омолаживать), S|prǎšíT' (спросить) ~ S|prǎš'ivǎT' (спрашивать), zǎ|mǎròžíT' (заморозить) ~ zǎ|mǎrǎž'ivǎT' (замораживать), ǎT|rǎSt'ìT' (отростить) ~ ǎT|rǎš'ivǎT' (отращивать) и т. д.

Первый из этих типов образований более не является живым, но тем не менее представлен очень большим числом примеров. Напротив, второй тип до сих пор весьма продуктивен и живет; по этой модели образуются новые слова и в настоящее время, например упомянутое ǎ|mǎlǎd'ìT' ~ ǎ|mǎlǎž'ivǎT', появившееся лишь в последние годы в связи с известными сенсационными открытиями.

Д. О чередовании губных можно сказать то же самое: zǎ|tǎp'ìT' (затопить) ~ несов. в. zǎ|tǎp'ivǎT' (затапливать), ǎ|slǎb'ĩT' (ослабить) ~ несов. в. ǎ|slǎbl'àT' (ослаблять) и т. д.

§ 69. В смешанном (отыменно-глагольном и отглагольно-именном) основообразовании роль отдельных чередований согласных с дизъюнктивными альтернантами весьма показательна.

А. Единственный продуктивный тип отыменных глаголов, в котором консонантные альтернации имеют значение, — это глаголы 4-го спряжения (по С. Карцевскому). При их образовании регулярно используются чередования заднеязычных: если именная основа оканчивается на заднеязычный, то производная глагольная основа должна иметь соответствующий шипящий, например: kŭlǎk (кулак), род. п. kŭlǎkà ~ rǎS|kŭlǎc'ĩT' (раскулачить); třívògǎ (тревога) ~ třívòž'ĩT' (тревожить) и т. д.

Но в этих образованиях чередования зубных и губных отсутствуют, например: grǎfǎ (графа) ~ rǎS|grǎf'ìT' (разграфить), řamǎ (рама) ~ ǎb|řám'ĩT' (обрамить), mǎgńìT' (магнит) ~ nǎ|mǎgńìt'ĩT' (намагнитить). Только в спряжении таких производных глаголов и при образовании несовершенного вида проявляются — согласно известным общим правилам — чередования губных и зубных: rǎS|grǎf'ìT' ~ 1-е л. ед. ч. rǎS|grǎ-

fl'ù, страд. прич. rãS|grãfl'ĩñ (или rãS|grãfl'òñ), несов. в. rãS|grãfl'ãT'; ãb|rãmĩT' ~ 1-е л. ед. ч. ãb|rãmĩ'ũ, страд. прич. ãb|rãmĩ'ñ или ãb|rãmĩ'òñ, несов. в. ãb|rãmĩ'ãT'; nã|mãgnĩt'ĩT' ~ 1-е л. ед. ч. nã|mãgnĩ'cũ ~ страд. прич. nã|mãgnĩ'cñ, несов. в. nã|mãgnĩ'cũãT' и т. д.

В. Единственная продуктивная категория отглагольных имен, в которой проявляются чередования согласных,— это отглагольные отвлеченные существительные на -eñijã. Когда они образуются от глаголов на -iT' (то есть 4-го продуктивного класса, по Карцевскому), то у них всегда имеют место чередования губных и зубных, например: brãd'ĩT' (бродить) ~ brãžèñijã (брожение), ĭz|vĩSt'ĩT' (известить) ~ ĭz|vĩšèñijã (извещение), prãvĩT' (править) ~ prãvl'èñijã (правление) и т. д.

Чередования заднеязычных у них появиться не могут, так как заднеязычный исход основы у глаголов этого класса не встречается.

В противоположность этому глаголы непродуктивной "группы F" (по Карцевскому), образуя абстрактные существительные на -eñijã, всегда выказывают чередование заднеязычных: t'ĩkù (теку) ~ t'ĩcèñijã (течение), S|b'ĩrĩgù (сберегу) ~ S|b'ĩrĩžèñijã (сбережение) и т. п., в то время как соответствующие глаголы с зубным или губным исходом корня ("группа E" Карцевского) при образовании таких имен не имеют альтернаций: pl'ĩtù (плету) ~ pl'ĩtèñijã (плетение), rãgrĩbù (погребу) ~ rãgrĩbèñijã (погребение) и т. п.

С. Существует некоторое количество отглагольных имен, образованных без какого-либо суффикса; их основа отличается от основы соответствующего глагола лишь консонантной альтернативой конечной морфемы. При этом выступают как чередования заднеязычных, так и чередования губных и зубных: t'ĩkù (теку) ~ teç (течь), p'ĩkù (пеку) ~ peç (печь), šĩkù (секу) ~ seç (сечь), seçã (сеча), plãkãT' (плакать) ~ plãç (плач), SkãkãT' (скакать) ~ Skaç (скач), kl'ĩkãT' (кликать) ~ kl'ĩç (клич), zã|prĩgù (запрягу) ~ ù|prĩš (упряжь), род. п. ù|prĩžĩ, prĩdù (пряду), инф. práST' (прясть) ~ prážã (пряжа), Stũd'ĩT' (студить) ~ Stũžã (стужа), nãšĩT' (носить) ~ nõšã (ноша), kũp'ĩT' (купить) ~ kũpl'ã (купля), grĩbù (гребу) ~ grèbl'ã (гребля), lãvĩT' (ловить) ~ lõvl'ã (ловля). Формально сюда же относятся такие случаи, как: b'ĩžãT' (бежать) ~ beK (бег) (род. п. bègã), zvũçãT' (звучать) ~ zvũK (звук), trĩšãT' (трещать) ~ trešK (треск), br'ũžãT' (брюзжать) ~ brũšgã (брюзга), pĩšãT' (пищать) ~ píšK (писк) (род. п. p'ĩškã), vížãT' (визжать) ~ víšK (визг) (род. п. víšgã), rĩçãT' (рычать) ~ rĩK (рык), drĩb'ĩžãT' (дребезжать) ~ drèb'ĩšgĩ (дребезги), krĩçãT' (кричать) ~ krĩK (крик), StũçãT' (стучать) ~ StũK (стук), однако соответствующие с точки зрения семантики образования от глагольных корней с губной или зубной конечной морфемой не имеют альтернатив: SkrĩpèT' (скрипеть, 1 л. ед. ч. наст. вр. Skrĩpl'ù) ~ SkrĩP (скрип), xřãpèT' (храпеть, 1 л. ед. ч. наст. вр. xřãpl'ù (храплю)) ~ xřãP (храп), SvĩStèt' (свистеть, 1 л. ед. ч. наст. вр. svĩšù (свищу)) ~ svĩST' (свист), šĩl'ĩStèt' (шелестеть) ~ šèl'ĩST' (шелест). Однако все эти образования в настоящее время являются непродуктивными.

§ 70. Подводя итоги, можно сказать, что чередование с ~ ç и чередо-

вания заднеязычных являются живыми и продуктивными только в том случае, если формообразование опирается на именную основу, тогда как чередования зубных и губных, напротив, живы и продуктивны только в образованиях, восходящих к глагольной основе.

б) Непродуктивные консонантные чередования с дизъюнктивными альтернативами

§ 71. Большинство непродуктивных чередований представлено очень малым числом примеров (иногда лишь одним примером).

Большинство примеров приходится на две альтернативы, которые можно обозначить как "аномальные чередования зубных". Это чередования $t \sim \hat{s}$ и $d \sim \check{S}d$. Они выступают в некоторых глаголах как раз в тех категориях, где обычно ожидалось бы $t \sim \hat{c}$, $d \sim \check{z}$.

А) $t \sim \hat{s}$ отмечается:

а) в системе настоящего времени четырех глаголов: $kl'iv\hat{t}aT'$ (клеветать) $\sim kl'iv\hat{s}u$ (клевету), $raP\hat{t}aT'$ (роптать) $\sim raP\hat{s}u$ (ропшу), $Skri\check{z}\hat{t}aT'$ (скрежетать) $\sim Skri\check{z}\hat{s}u$ (скрежешу), $tr\hat{p}'\hat{t}aT'$ (трепетать) $\sim tr\hat{p}'\hat{s}u$ (трепешу); ср. нормальное чередование в $xax\hat{a}T'$ (хохотать) $\sim xax\hat{c}u$ (хохочу).

б) в 1-м лице единственного числа настоящего времени, в страдательном причастии, в формах несовершенного вида и в отглагольных абстрактных существительных следующих 10-ти глаголов: $pa|\hat{s}it'iT'$ (посетить) $\sim pa|\hat{s}is\hat{u}$, $pa|\hat{s}is\hat{o}n$, $pa|\hat{s}is\hat{a}T'$, $pa|\hat{s}is\hat{e}n\hat{i}j\hat{a}$ (посещу, посещен, посещать, посещение), $abr\hat{a}t'iT'$ (обратить), $v\hat{a}z|vr\hat{a}t'iT'$ (возвратить), $pa|gl\hat{a}t'iT'$ (поглотить) (но $pr\hat{a}|gl\hat{a}t'iT'$ (проглотить) — регулярно: $pr\hat{a}|gl\hat{a}c\hat{u}$, $pr\hat{a}|gl\hat{o}c\hat{i}n$ (проглочу, проглочен)), $sa|kr\hat{a}t'iT'$ (сократить), $v\hat{a}z|m\hat{u}t'iT'$ (возмутить), $za|pr\hat{i}t'iT'$ (запретить), $a|sv\hat{i}t'iT'$ (1. освятить; 2. осветить), $na|\hat{s}it'iT'$ (насытить), $pa|x\hat{i}t'iT'$ (похитить).

В) $d \sim \check{S}d$ отмечается:

а) в страдательном причастии прошедшего времени, в форме несовершенного вида и в отглагольных абстрактных именах следующих глаголов: $ub\hat{i}d'iT'$ (убедить) $\sim ub\hat{i}\check{S}d'\hat{o}n$, $ub\hat{i}\check{S}d\hat{a}T'$, $ub\hat{i}\check{S}d\hat{e}n\hat{i}j\hat{a}$ (убежден, убеждать, убеждение), $u|\hat{c}r\hat{i}d'iT'$ (учредить), $v\hat{a}z|r\hat{a}d'iT'$ (возродить), $v\hat{a}S|b\hat{u}d'iT'$ (возбудить), $pr\hat{i}d\hat{u}|pr\hat{i}d'iT'$ (предупредить), $bl\hat{u}d'iT'$ (блудить), $sa|pr\hat{a}|v\hat{a}d'iT'$ (сопроводить), $u|sl\hat{a}d'iT'$ (усладить), $a|xl\hat{a}d'iT'$ (охладить), $pa|vr\hat{i}d'iT'$ (повредить), $u|tr\hat{u}d'iT'$ (утрудить), $u|g\hat{a}d'iT'$ (угодить), $na|gr\hat{a}d'iT'$ (наградить), $pr\hat{i}|\hat{n}u\hat{d}'iT'$ (принудить), $pa|r\hat{a}d'iT'$ (породить), $na|s\hat{a}d'iT'$ (насадить), $a|s\hat{u}d'iT'$ (осудить), $u|tv\hat{i}rd'iT'$ (утвердить), $a|\hat{c}u\hat{d}'iT'$ (отчудить), 1-е лицо ед. ч. наст. вр. имеет у большинства этих глаголов нормальное $\check{z}$, лишь $u|\hat{c}r\hat{i}d'iT'$ (учредить) и $v\hat{a}z|r\hat{a}d'iT'$ (возродить) — $\check{S}d$ [38]. Употребления форм 1-го лица ед. ч. от некоторых из названных глаголов вообще избегают.

б) У глагола $x\hat{a}d'iT'$ (ходить) и его производных $\check{S}d$ появляется только в отглагольном существительном $x\hat{a}\check{S}d\hat{e}n\hat{i}j\hat{a}$ (хождение), тогда как

остальные рассматриваемые формы имеют нормальное $\dot{z}$: $x\dot{a}z\grave{u}$ (хожу), $x\dot{a}z\grave{y}\check{a}T'$ (хаживать).

§ 72. а) Чередование $k \sim c$ встречается в нескольких аномальных и изолированных образованиях: $l'ik$ (лик, род. п. $l'ik\check{a}$) (чуждо разговорному языку) $\sim l'ic\grave{o}$ (лицо), $v\check{a}S|kl'ik\eta\check{u}T'$ (воскликнуть) $\sim$ несов. в. $v\check{a}S|kl'ic\grave{a}T'$ (восклицать), $pr\check{a}|r'ik\grave{u}$ (прореку) $\sim$ несов. в. $pr\check{a}|r'ic\grave{a}T'$ (прищать), $t\grave{u}r\check{a}K$ (турок, род. п. $t\grave{u}r\check{a}k\check{a}$) $\sim t\grave{u}rc\check{s}ij\check{a}$ (Турция); $greK$ (грек, род. п. $gr\check{e}k\check{a}$) $\sim gr\check{e}c\check{s}ij\check{a}$ (Греция). Из этих слов $l'ik$, $v\check{a}S|kl'ik\eta\check{u}T'$ ($\sim v\check{a}S|kl'ic\grave{a}T'$), $pr\check{a}|r'ik\grave{u}$ ($\sim pr\check{a}|r'ic\grave{a}T'$) принадлежат "высокому" стилю, а $gr\check{e}c\check{s}ij\check{a}$ и $t\grave{u}rc\check{s}ij\check{a}$ содержат иностранный суффикс $\langle ij \rangle$ и уже по своему значению "экзотичны". В случаях типа $\check{d}\check{u}r\check{a}k$ (дурак, род. п. $\check{d}\check{u}r\check{a}k\check{a}$) $\sim$ прилаг. $\check{d}\check{u}r\check{a}ck\check{a}j$ (дурацкий) наблюдается комбинаторное изменение морфемы (ср. выше, § 17 В).

б) Чередование $t' \sim c$ представлено изолированными $d\check{a}lm\check{a}t' \dot{i}n\check{i}c$ (далматинец) $\sim d\check{a}lm\check{a}c\check{s}ij\check{a}$ (Далмация), а чередование $d \sim c$ — в $\check{s}veT$ (швед, род. п. $\check{s}v\check{e}d\check{a}$) $\sim \check{s}v\check{e}c\check{s}ij\check{a}$ (Швеция). Все эти слова воспринимаются как заимствования. Однако необычные альтернации в этих словах не кажутся странными, вероятно, потому, что чередование $t, d \sim c$ в качестве комбинаторного изменения морфемы является обычным для языкового чувства (ср. выше, § 17 А).

в) В слове $\check{b}ox$ (бог) $\sim$ род. п. $\check{b}og\check{a}$ (бога) представлено чередование $g \sim x$. Этот совершенно изолированный случай должен быть строго отграничен от типа $\check{n}og\check{a}T'$ (ноготь) $\sim$ род. п. $\check{n}ox\check{t}'\check{a}$ (ногтя), $kog\check{a}T'$ (коготь) $\sim$ род. п. $kox\check{t}'\check{a}$ (когтя), $d'og\check{a}T'$ (деготь) $\sim$ род. п. $d'ox\check{t}'\check{a}$ (дегтя), предикатив м. р. $l'og\check{a}K$ (легок) $\sim$ атрибутив $l'ox\check{k}\check{a}j$ (легкий) $\sim$ сравн. ст. $l\grave{e}x\check{c}\check{i}$ (легче), предикатив м. р. $m\check{a}g\check{a}K$ (мягок) $\sim$ атрибутив $m\check{a}x\check{k}\check{a}j$ (мягкий) $\sim$ сравн. ст. $m\check{a}x\check{c}\check{i}$ (мягче), в котором наличествует комбинаторное изменение морфемы (ср. § 20)⁵¹.

г) У личного местоимения 3-го лица беспредложные формы образуются от корня j , например: род. п. м. р. $j\check{i}v\grave{o}$, род. п. ж. р. $j\check{i}j\grave{o}$, дат. п. м. р. $j\check{i}m\grave{u}$, дат. п. ж. р. jej , твор. п. мн. ч. $j\check{i}m\check{i}$, род. — предл. п. мн. ч. $j\check{i}x$ (его, ее, ему, ей, ими, их) и т. д. Но после предлогов j заменяется на $\acute{n}$: $\acute{a}t-\acute{n}\check{i}v\grave{o}$ (от него), $\check{y}-\acute{n}\check{i}j\grave{o}$ (у нее), $k-\acute{n}\check{i}m\grave{u}$ (к нему), $k-nej$ (к ней), $s-\acute{n}\check{i}m\check{i}$ (с ними), $pr\check{i}-\acute{n}\check{i}x$ (при них). Это единственный случай свободного чередования $j \sim \acute{n}$ и одновременно единственный пример чередования согласных с дизъюнктивными альтернантами в местоименном корне. В случае $\check{n}\check{a}|\acute{n}\check{a}T'$ (нанять) $\sim \check{n}\check{a}|\check{j}m\grave{u}$ (найму) мы имеем дело с комбинаторным изменением морфемы (ср. § 22). Но в случаях типа $\check{n}\check{a}|\check{j}o\check{m}$ (наем), $\check{s}|\check{j}o\check{m}k\check{a}$ (съемка), наряду с $\check{n}\check{a}|\acute{n}\check{a}T'$, $\check{s}|\acute{n}\check{a}T'$ и т. п., j , чередующееся с $\acute{n}$, перешло морфемные границы.

⁵¹ У некоторых образованных русских чередование "в начале перед гласными $\check{d} \sim v$ в исходе x " является более или менее нормальным, например: $snex$ (снег) $\sim$ род. п. $sn\check{e}g\check{a}$ и т. д. Москвичами это воспринимается как провинциализм. Только $\check{b}ox \sim \check{b}og\check{a}$ является действительной принадлежностью "хорошего языка". В поэзии встречаются рифмы типа $snex$ (смех) : $snex$ (вместо $sn\check{e}K$), которые в этом случае оцениваются как допустимые отклонения от разговорного языка.

Перечисленные в пунктах а – д свободные чередования $k \sim c$, $t \sim c$, $d \sim c$, $g \sim x$, $j \sim \acute{n}$, представленные весьма немногими изолированными примерами (всего 8!), имеют ту общую черту, что все они в других примерах выступают в качестве комбинаторных изменений морфем.

§ 73. а) Чередование $k \sim \check{s}$ наблюдается перед суффиксальным n в случаях типа $j\grave{a}bl\grave{a}k\grave{a}$ (яблоко) $\sim$ прилаг. $j\grave{a}bl\grave{a}\check{s}n\grave{a}j$ (яблочный). Поскольку в других случаях k чередуется с $\hat{c}$, а такие производные, как $sv\acute{i}\hat{c}\grave{a}$ (свеча) $\sim$ $r\grave{a}T|sv\grave{e}\check{s}\acute{n}\acute{i}K$ (подсвечник), отражают переход $\hat{c} \sim \check{s}$ перед n , то $k \sim \check{s}$ воспринимается не как самостоятельное чередование, но как выступающий в позиции перед n вариант альтернации $k \sim \hat{c}$ (ср. § 23 А). Он является непоследовательно проведенным комбинаторным изменением морфемы.

б) Комбинаторным изменением морфемы является также мена $t, d > S$ перед окончанием, которое начинается с t , например: $pl\acute{i}\check{t}\grave{u}$ (шлету) $\sim$ инф. $pl\acute{i}St\grave{i}$ (плести), $v\acute{i}d\grave{u}$ (веду) $\sim$ инф. $v\acute{i}St\grave{i}$ (вести). Также и этот процесс не проведен последовательно (ср. § 23 В). Именно потому, что эти процессы проведены непоследовательно, названные здесь фонетические явления ($k \sim \check{s}$, $\hat{c} \sim \check{s}$ перед n и $t \sim S, d \sim S$ перед t) являются промежуточным звеном между комбинаторными изменениями морфем и свободными консонантными чередованиями с дизъюнктивными альтернантами.

с) Сюда же можно отнести и чередование $b \sim S$, которое появляется в трех неправильных инфинитивах перед окончанием $t\grave{i}$: $Sk\acute{r}\acute{i}\check{b}\grave{u}$ (скребу) $\sim$ инф. $Sk\acute{r}\acute{i}St\grave{i}$ (скрести), $g\acute{r}\acute{i}\check{b}\grave{u}$ (гребу) $\sim$ $g\acute{r}\acute{i}St\grave{i}$ (грести), $r\grave{a}lgr\acute{i}\check{b}\grave{u}$ (погребу) $\sim$ $r\grave{a}lgr\acute{i}St\grave{i}$ (погрести). Это чередование не появляется ни в инф. $jeT\acute{}$ (еть) к наст. вр. $j\check{i}\check{b}\grave{u}$ (ебу), ни в формах существительных $x\acute{r}\acute{i}b\grave{e}T$ (хребет) $\sim$ род. п. $x\acute{r}\acute{i}Pt\grave{a}$ (хребта), уменьш. $x\grave{r}\grave{e}Pt\acute{i}K$ (хребтик) [39] и $l\grave{a}r\grave{a}T\acute{}$ (лапоть) $\sim$ мн. ч. $l\grave{a}Pt\acute{i}$ (лапти).

§ 74. Совершенно изолированы чередования $g \sim z$ и $k \sim t$.

а) Чередование $g \sim z$ отмечено лишь в двух случаях: $d\check{r}uK$ (друг, род. п. $d\check{r}\grave{u}g\grave{a}$) $\sim$ мн. ч. $d\check{r}\check{u}zj\grave{a}$ (друзья) и $k\acute{n}aS\acute{}$ (князь, род. п. $k\acute{n}\grave{a}\check{z}\grave{a}$) $\sim$ $k\acute{n}\acute{i}g\acute{i}\check{n}\grave{a}$ (княгиня). Другие производные от этих слов имеют чередование $\check{z} \sim z$, например: $d\check{r}\check{u}z\check{n}\grave{a}j$ (дружный), $d\check{r}\check{u}z\check{i}\check{S}k\check{a}j$ (дружеский), $k\acute{n}\acute{i}z\check{n}\grave{a}$ (княжна), $k\acute{n}\grave{a}z\check{i}\check{S}k\check{a}j$ (княжеский), которое можно рассматривать как в качестве члена чередования $g \sim \check{z}$, так и в качестве чередования $z \sim \check{z}$.

б) Альтернация $t \sim k$ отмечена в трех случаях (у трех корней): $bl\acute{i}St\grave{e}T\acute{}$ (блестеть), $bl\acute{i}St\grave{a}T\acute{}$ (блистать) $\sim$ $ble\check{S}K$ (блеск, род. п. $bl\grave{e}\check{S}k\check{a}$); $r\check{u}St\grave{i}T\acute{}$ (пустить) $\sim$ несов. в. $r\check{u}\check{S}k\grave{a}T\acute{}$ (пускать), ср. $\check{a}T|r\check{u}St\grave{i}T\acute{}$ (отпустить) $\sim$ $\grave{o}T|r\check{u}\check{S}K$ (отпуск); $r\check{a}uK$ (паук, род. п. $r\check{a}u\check{k}\grave{a}$) $\sim$ $r\check{a}ut\acute{i}n\grave{a}$ (паутина). Остальные производные от этих корней имеют $\hat{s}$ и $\hat{c}$, например: $bl\grave{e}\acute{s}\acute{i}T$ (блещет), $\check{a}T|r\check{u}\hat{s}\acute{i}n\grave{a}j$ (отпущенный), $r\check{a}u\hat{c}\grave{o}K$ (паучок), которые являются двузначными, так как они могут входить как в чередование $t \sim \hat{c}$, $St \sim \hat{s}$, так и в чередование $k \sim \hat{c}$, $Sk \sim \hat{s}$.

3. Чередование согласного с нулем

§ 75. Усечение согласного является довольно редким явлением в морфологии русского языка и затрагивает лишь некоторые глагольные

корни. Ему подвержены только фонемы k, g, t, d, n, p, b, v, m и только в исходе корня.

§ 76. В глагольном словоизменении усечение согласного выступает в следующих случаях:

А) В некоторых непрезентных формах у ограниченного числа глаголов, у которых в настоящем времени отмечается чередование согласных перед ударными окончаниями ù, òš, òṭ, òṭ, òt'í, ùṭ, причем формы 1-го лица ед. ч. и 3-го лица мн. ч. отличаются от всех прочих форм настоящего времени изъявительного наклонения фонетической реализацией согласного в исходе корня.

а) Если при этом конечной морфемой корня является [v], [n] или [m], то она исчезает во всех формах системы инфинитив — прошедшее время: žívù (живу, 2 л. ед. ч. žívòš) ~ инф. žiṭ' (жить), прош. вр. žiḷ (жил), прич. действ. зал. žiFšij (живший), подобно plīvù (плыву), slīvù (слыву); žnù (жну, 2 л. ед. ч. žnoš) ~ инф. žaṭ' (жать), прош. вр. žaḷ (жал), прич. действ. зал. žaFšij (жавший), прич. страд. зал. žaṭaj (жатый), подобно nā|cñù (начну) ~ nā|càṭ' (начать), mṇu ~ máṭ' (мну ~ мять), rāS|pñù ~ rāS|pàṭ' (распну ~ распять)⁵²; žṃu (жму, 2 л. ед. ч. žmoš) ~ инф. žaṭ', прош. вр. žaḷ (жал), действ. прич. žaFšaj, страд. прич. žaṭaj (жатый), подобно этому: vāžmù ~ Fžàṭ' (возьму ~ взять), nā|jmù ~ nā|náṭ' (найму, нанять), как и zā-, pā-, ū-, pī-, pīī, pā-jmù ~ -náṭ', а также выказывающие в настоящем времени изъявительного наклонения перетяжку ударения s|ñimù (сниму, 2 л. ед. ч. s|ñimš) ~ s|náṭ' (снять), āb|ñimù ~ āb|náṭ' (обниму, обнять), pād|ñimù ~ pād|náṭ' (подниму, поднять), āṭ|ñimù ~ āṭ|náṭ' (отниму, отнять) и другие производные с этим же корнем.

б) Если конечной морфемой является [t] или [d], то она усекается только в прошедшем времени; в инфинитиве она переходит в S и сохраняется в причастиях: pl'ītù (плету, 2 л. ед. ч. pl'īt'òš) ~ инф. pl'īt' (плести) ~ прош. вр. pl'òḷ (плел) ~ прич. действ. зал. pl'òṭšij, прич. страд. зал. pl'īt'òṇ (плетший, плетен); víḍù (веду, 2 л. ед. ч. víḍ'òš) ~ инф. víSt' (вести) ~ прош. вр. vòḷ ~ прич. действ. зал. véṭšij (ведший), прич. страд. зал. víḍ'òṇ (веден) и т. д. Перечисление глаголов, которые спрягаются по этому образцу в современном языке, см. выше, § 23 В⁵³.

в) Если в исходе представлена морфонема [k/ĉ] или [g/ž], то она исчезает только в инфинитиве перед окончанием ĉ: p'íkù (пеку, 2 л. ед. ч. p'ícòš) ~ инф. peĉ (печь) ~ прош. вр. м. р. p'òK, прош. вр. ж. р. p'íklà, действ. прич. p'òKšij, страд. прич. p'ícòṇ (пек, пекла, пекший, печен); Strīgù (стригу, 2 л. ед. ч. Strīžòš) ~ инф. Strīĉ (стричь) ~ прош. вр. м. р. Str'íK (стриг), прош. вр. ж. р. Strìglā действ. причастие Str'íkšij, страд.

⁵² kl'ínù (клян) отличается лишь тем, что оно имеет инф. kl'aST' (клясть); St'ínũ ~ St'íṭ' (стыну ~ стыть), zā|Str'ànũ ~ zā|Str'àṭ' (застряну ~ застрячь) имеют в формах настоящего времени индикатива ударение на корне. В dèṇũ ~ dèṭ' (дену ~ деть) и в St'ànũ ~ St'aṭ' (стану ~ стать) n воспринимается как суффикс.

⁵³ Напротив, bùḍũ ~ b'íṭ' (буду, быть) имеет в настоящем/будущем времени ударение на корне; во всех формах системы инфинитив — прошедшее время конечное d исчезает.

причастие Strížīn (стриг, стригла, стригший, стрижен) и т. д. (Всего 16 глаголов, все они перечислены выше, в § 67 Ва.)

В) В глаголе jeST' (есть) конечная морфонема корня [d/S] выпадает не только в прошедшем времени, но и в единственном числе настоящего времени изъявительного наклонения (1 л. ед. ч. jem, 2 л. ед. ч. ješ, 3 л. ед. ч. jeST' (ем, ешь, ест)) и в повелительном наклонении (2 л. ед. ч. ješ (ешь)), тогда как во множественном числе d (соответственно d') сохраняется: 1 л. мн. ч. jīd'īm, 2 л. мн. ч. jīd'it'ī, 3 л. мн. ч. jīd'àT' (едим, едите, едят). В причастии действительного залога прошедшего времени d также выпадает (jèFšij (евший)), но сохраняется в причастии страдательного залога (jèd'īn (еден)). Глагол daT' (дать) имеет в настоящем/будущем времени такое же распределение форм с d и без d, как и глагол jeST': daṁ, daš, daST' ~ dād'īm, dād'it'ī, dād'ut' (дам, дашь, даст ~ дадим, дадите, дадут). Но поскольку остальные формы глагола daT' не имеют следов d в исходе корня (ср. форму повел. накл. ед. ч. daḡ, мн. ч. daḡ t'ī, инф. daT', прош. вр. daḡ, действ. прич. daFšij, страд. прич. daṁṁāj (дай, дайте, дать, дал, давший, данный)), то это d во множественном числе настоящего времени индикатива воспринимается как вторичный "довесок", что не бросается в глаза при общем аномальном характере этого глагола.

С) Восемь глаголов: kāvàT' (ковать), sāvàT' (совать), snāvàT' (сновать), kl'īvàT' (клевать), bl'īvàT' (блевать), pl'īvàT' (плевать) и žīvàT' (жевать) утрачивают конечное корневое v во всех формах системы настоящего времени (наст. вр. изъяв. накл., повел. накл., прич. наст. вр.): kāvàT' ~ наст. вр., изъяв. накл. kūjū, повел. накл. ед. ч. kuj, прич. kūjūšij (кую, куй, кующий) и т. д. В глаголах dāvàT' (давать) ~ наст. вр. dājū (даю), но повел. накл. dāvāj, и -StāvàT' (-ставать) ~ наст. вр. -Stājū (-стаю, но имп. -Stāvāj), имеющих аналогичное выпадение v в настоящем времени изъявительного наклонения и в причастии настоящего времени, это v (точнее, va) воспринимается в качестве суффикса.

§ 77. В глагольном основообразовании чередование согласного с нулем отмечается лишь при образовании глаголов (совершенного или мгновенного вида) с формантом n ~ nu. Некоторые глагольные корни теряют при этом свой конечный согласный, а именно k (особенно после S), g, d, b, p, m, v: trèškāT' (трескать) ~ мгнов. trèšnūt' (треснуть), prīškāT' (прыскать) ~ prīšnūt' (прыснуть), t'īškāT' (тискать) ~ t'īšnūt' (тиснуть), brīsgāT' (брызгать) ~ brīznūt' (брызнуть), dvīgāT' (двигать) ~ dvīnūt' (двинуть), d'òrgāT' (дергать) ~ d'òrnūt' (дернуть), nā|t'āgīvāT' (натягивать, несов. в.) ~ nā|t'īnūt' (натянуть, 2 л. ед. ч. nā|t'ānīš), kīdāT' (кидать) ~ kīnūt' (кинуть), ū|vīdāT' (увядать) (несов. в.) ~ ū|vānūt' (увянуть), FS|gl'ādīvāT' (взглядывать) (несов. в.) ~ FS|gl'īnūt' (взглянуть), nā|gībāT' (нагибать) (несов. в.) ~ nā|gnūt', zā|šīpāT' (засыпать) (несов. в.) ~ zā|snūt', ū|tāpāT' (утопать) (несов. в.) ~ ū|tānūt' (утонуть), gīmèT' (греметь) ~ gīānūt' (грянуть), sāvāT' (совать) ~ sūnūt' (сунуть), pl'īvāT' (плевать) ~ pl'ūnūt' (плюнуть), kl'īvāT' (клевать) ~ kl'ūnūt' (клюнуть).

Это явление, однако, наблюдается только у вышеперечисленных гла-

голов. В других корнях фонемы k, g, d, b, p, m, v перед формантом n ~ nu сохраняются; ср., например: ṭùškṇũT' (тускнуть), Fz|víšgṇũT' (взвизгнуть), ṃigṇũT' (мигнуть), ḅaḍṇũT' (боднуть), g̣iḅṇũT' (гибнуть), ḷõrṇũT' (лопнуть), FS|dṛĩmṇũT' (вздремнуть), S|bḷĩvṇũT' и т. д.

Усечение согласного, таким образом, и в этой категории является чем-то необычным и аномальным⁵⁴.

Случаи типа sṿĩSṭèT' (свистеть) ~ sṿĩsṇũT' (свистнуть) сюда не относятся, поскольку выпадение d, t в конце корня после S и перед суффиксальным n представляет собой комбинаторное изменение морфемы (ср. § 16 А).

§ 78. В *именном основообразовании* глагольные корни обычно сохраняют свои конечные согласные. Это относится и к тем корням, которые в глагольном словоизменении или основообразовании характеризуются чередованием согласного с нулем. Существуют, однако, довольно редкие случаи, когда такие корни при именном словообразовании теряют свои конечные согласные. К ним относятся:

а) Отглагольные отвлеченные существительные на tjo от глаголов, которые утрачивают конечный согласный корня в инфинитиве: ẓ̌iṭjò (жительство) ~ ẓ̌iṿũ (живу) ~ ẓ̌iT' (жить), ḅĩṭjò (бытие) ~ ḅũḍũ (буду) ~ ḅiT' (быть), Fẓaṭĩj̣ǎ (взятие) ~ ṿǎẓ̌ṃũ (возьму) ~ FẓaT' (взять) и т. д.

б) Отдельные образования от тех же глаголов с помощью суффиксов, которые начинаются с t: ḅiT' (быт) от ḅiT' (быть), FẓaṬḳǎ (взятка) от FẓaT' (взять), p̣ǎ|ç̣aṭǎK (початок) от p̣ǎ|ç̣aT' ~ p̣ǎ|ç̣ṇũ (почать ~ почну), kḷ'aṭṿǎ (клятва) от kḷ'aST' ~ kḷ'ĩṇũ (клясть ~ клянущу) (возвр. kḷ'àStc̣ǎ ~ kḷ'ĩṇũS (клясться ~ клянущусь), ẓ̌aṭṿǎ (жатва) от ẓ̌aT' ~ ẓ̌ṇũ (жать ~ жну).

в) Два образования с суффиксами, которые начинаются с z, от корней с исходом на [v]: ẓ̌iẓĩ (жизнь) от ẓ̌iT' ~ ẓ̌iṿũ (жить ~ живу) и ḳũzṇĩc̣ǎ (кузница) (ср. также ḳũzṇèc (кузнец) от ḳǎṿaT' ~ ḳũj̣ũ (ковать ~ кую)).

г) Многие производные с l-овыми суффиксами от корней, которые теряют свой конечный согласный в прошедшем времени: p̣ǎ|ṃĩḷò (помело) от ṃĩṭũ ~ ṃoḷ (мету ~ мел), p̣ṛǎlḳǎ (прялка) от p̣ṛĩḍũ ~ p̣ṛaḷ (пряду ~ пряд), ṛòsḷǎj (рослый) от ṛǎSṭũ ~ ṛoš (ж. р. ṛǎsḷà) (расту ~ росла), ḅil' (быль), ḅĩḷòj (былой) от ḅũḍũ ~ ḅiḷ (буду ~ был), ẓ̌ĩlj̣ò (жилье) или ẓ̌ĩl'ĩṣ̌ǎ (жилище), ẓ̌ĩḷòj (жилой), ẓ̌iḷèc (жилец) от ẓ̌iṿũ ~ ẓ̌iḷ (живу ~ жил), p̣ǎ|ç̣aḷǎ (начало) от p̣ǎ|ç̣ṇũ ~ p̣ǎ|ç̣ĩḷ (начну ~ начал), наконец, также ṿaḷǎj (вялый) от ṿaṇũT' ~ ṿaḷ (вянуть ~ вял) (корень va[d]).

Единственным образованием с выпадением согласного от неглагольного корня является ṣ̌ĩsl'ĩṿǎj (счастливей) от ṣ̌aSt'ĩj̣ǎ (счастье)⁵⁵.

⁵⁴ К тому же, в этих случаях этимологическая связь глаголов ощущается в различной степени. У пары g̣ĩṃèT' (греметь) ~ g̣ṛǎṇũT' (грнать) такая связь практически уже не ощущается.

⁵⁵ Для определенного поколения образованных москвичей падение t в старом сочетании St+1 является комбинаторным изменением морфемы (ср. Р. Кошут и Ё. Граматика руског језика, с. 164). Для нашего же поколения это уже не так. Мы произносим хṿǎStl'ĩṿǎj (хвастливый), ḳǎStl'ǎṿǎj (костлявей), p̣ǎStḷàT' (постлатъ) с t. Поэтому мы воспринимаем соотношение ṣ̌aSt'ĩj̣ǎ ~ ṣ̌ĩsl'ĩṿǎj как свободное чередование, а не как комбинаторное изменение морфемы.

§ 79. Как видно из вышеизложенного, усечение согласного имеет место только перед окончаниями и суффиксами, которые начинаются с согласного. Можно было бы рассматривать его в качестве особого приема для придания большего благозвучия в целях избежания определенных сочетаний согласных. При более внимательном рассмотрении выясняется, что сочетания согласных, которых мы должны бы были избегать с помощью этого опущения, в других случаях вполне допустимы. В этом заключается принципиальная разница между свободным чередованием согласного с нулем и комбинаторным изменением морфемы. Однако невозможно отрицать определенной близости между этими двумя морфологическими явлениями.

С. Чередование гласного с согласным

§ 80. Под этим названием нами понимается альтернатива $\dot{i} \sim j$, которая имеет место в глаголе наст. вр. $\dot{i}d\dot{u} \sim$ инф. $\dot{i}Tt\dot{i}$ (иду $\sim$ идти). После всех префиксов этот глагол выступает в виде $-jd\dot{u} \sim -jt\dot{i}$, например: $p\dot{a}lj\dot{d}\dot{u} \sim p\dot{a}ljt\dot{i}$ (пойду $\sim$ пойти) (сов. в.), $s\dot{a}lj\dot{d}\dot{u} \sim s\dot{a}ljt\dot{i}$ (сойду $\sim$ сойти), $v\dot{a}lj\dot{d}\dot{u} \sim v\dot{a}ljt\dot{i}$ (войду $\sim$ войти), $\dot{a}t\dot{a}lj\dot{d}\dot{u} \sim \dot{a}t\dot{a}ljt\dot{i}$ (отойду $\sim$ отойти) и т. д.⁵⁶. При этом префиксы приобретают свой "вокалический" вид, который они имеют еще лишь перед глагольным корнем с выпавшим гласным (§ 54).

Ни в одной другой морфеме не наблюдается ни альтернативы $\dot{i} \sim j$, ни какого-либо другого вида чередования гласного с согласным. Другие глагольные корни, которые начинаются с $\dot{i}$, сохраняют его после всех префиксов и требуют, соответственно, нормального ("невокалического") варианта префикса: $\dot{i}SkaT'$ (искать) $\sim p\dot{a}|\dot{i}SkaT'$ (поискать), $\dot{a}b|\dot{i}SkaT'$ (обыскать) и т. д.; $\dot{i}gr\grave{a}T'$ (играть) $\sim p\dot{r}\dot{a}|\dot{i}gr\grave{a}T'$ (проиграть), $\dot{a}t|\dot{i}gr\grave{a}T'$ (отыграть); $\dot{i}kaT'$ (икать) $\sim z\dot{a}|\dot{i}kaT'$ (заикать).

З а к л ю ч е н и е

§ 81. Случаи, когда чередование является *единственным* средством передачи формального противопоставления, являются относительно редкими как в словоизменении, так и в основообразовании. При этом отмечается четкое различие между словоизменением и основообразованием.

В *словоизменении* могут использоваться только чередования с коррелирующими альтернантами, если они являются единственным средством различения, то есть в формах одной и той же парадигмы с одинаковыми окончаниями. Так, передвижение ударения в качестве единственного средства различения имеет место в следующих четырех категориях.

а) При противопоставлении "родительный падеж ед. ч. $\sim$ именительный падеж мн. ч." в случаях типа род. п. ед. ч. $gl\grave{a}z\dot{a}$ (гла́за) $\sim$ им. п. мн. ч.

⁵⁶ Но $p\dot{r}\dot{i} + jt\dot{i}$, $jd\dot{u}$ дает $p\dot{r}\dot{i}t\dot{i}$, $p\dot{r}\dot{i}d\dot{u}$ (придти, приду).

glǎzà (глазá), род п. ед. ч. šǔknà (сукна́) ~ им. п. мн. ч. šǔknǎ (сúкна), род п. trǎvì (травы́) ~ им. п. мн. ч. trǎvǐ (тра́вы) и т. д.

б) При противопоставлении "дательный падеж ед. ч. ~ местный-предложный падеж ед. ч." в случаях типа ðimǔ (ды́му) ~ (F-)ðimù (в дыму́), pǐl'ǐ (пы́ли) ~ (F-)pǐl'ì (в пы́ли) и т. д. (то есть везде, где существует различие между местным предложным и неместным предложным падежом).

с) При противопоставлении "средний род ~ женский род" в случаях типа ср. р. bǐlǎ (было) ~ ж. р. bǐlà (была), предик. ср. р. šǔxǎ (сухо) ~ предик. ж. р. šǔxà (суха) и т. п.

д) При противопоставлении "2-е лицо множественного числа индикатива ~ 2-е лицо мн. ч. императива" [40] в случаях типа bùd'ít'ǐ (бúдите) ~ bǔd'it'ǐ (буды́те), pǐšit'ǐ (пы́шете) ~ pǐšit'ǐ (пы́шите) и т. д.⁵⁷.

Чередование согласных по тембру является единственным средством различения в противопоставлении "родительный падеж ед. ч. ~ дательный-предложный падеж ед. ч." в таких случаях, как řibǐ (рыбы) ~ řib'ǐ (рыбе).

Все эти категории представлены многочисленными примерами, а некоторые из них (в частности, glǎzǎ ~ glǎzà и řibǐ ~ řib'ǐ) являются продуктивными. В противоположность им совершенно аномальны и изолированы случаи, когда различие между двумя формами одной парадигмы выражается исключительно чередованием с дизъюнктивными альтернантами. Отмечены только три таких случая:

- а) Предл. п. ед. ч. (ǎ-) çòrt'ǐ (о черте) ~ им. п. мн. ч. çert'ǐ (черти);
- б) Повел. накл. ед. ч. l'áK (ляг) ~ прош. вр. м. р. l'òK (лег);
- с) 2 л. мн. ч. наст. вр. b'ĩžit'ǐ (бежите) ~ 2 л. мн. ч. повел. накл. b'ĩgít'ǐ (бегите!).

Во всех остальных случаях, когда при словоизменении появляются чередования с дизъюнктивными альтернантами, они сопровождаются чередованием окончаний и поэтому не являются *единственным* средством различения. То же самое можно сказать и о чередованиях с нулем.

§ 82. В тех случаях, когда в *основообразовании* различие между двумя комплексами основ, образованных от одного корня, передается только чередованием, а не префиксами или суффиксами, в качестве единственного средства различения используются лишь чередования *согласных* (с коррелирующими или с дизъюнктивными альтернантами), например: предикатив м. р. ñoF (нов) ~ ñoF' (новь), xvoř (хвор) ~ xvoř' (хворь), p'áT' (пять) ~ p'àt'ǎj (пятый), d'íK (дик) ~ d'íc (дичь), Strògǎ (строга) ~ сравн. ст. Stròžǐ (строже), bǎgàřǎ (богато) ~ сравн. ст. bǎgàčǐ (богаче), gǎšpǎdà (господа) ~ gǎšpǎžǎ (госпожа) и т. д. Такие случаи довольно многочисленны, а некоторые из них даже являются про-

⁵⁷ Ср. также рассмотренные выше (с. 92, прим. 27) отдельные случаи. Пешковский ("Русский синтаксис в научном освещении". М., 1928, с. 414) отмечает, что в произношении образованных людей слова *мало* и *вольно* имеют разное ударение в наречной и в предикативной функциях: mǎlǎ (мáло — наречие) ~ mǎlò (малó — предикатив), vǎľnò (вольнó — предикатив) ~ vòľnǎ (вóльно — наречие). Все это отдельные случаи, наметки, но не самостоятельные категории.

дуктивными типами основообразования (а именно: $\text{p}o\text{F} \sim \text{p}o\text{F}'$, $d'iK \sim d'i\hat{c}$). В отличие от них, чередования гласных в качестве *единственного* средства различения в основообразовании выступают крайне редко. Чередование гласных с дизъюнктивными альтернантами в данной функции появляется, как кажется, лишь в изолированном и аномальном случае: $kl'o\text{F} \text{ (клев)} \sim kl'u\text{F} \text{ (клюв)}$. Передвижение ударения в качестве единственного средства различения при основообразовании ограничивается группой составных глаголов типа $\text{v}i|x\check{a}d \text{ 'i}T' \text{ (выходить)} \sim \text{v}i|x\check{a}d \text{ 'i}T' \text{ (выходить)}$ и т. п.

Случай типа $\text{r}\check{a}d \text{ 'i}l\check{a} \text{ (родила)} \text{ (несов. в.)} \sim \text{r}\check{a}d \text{ 'i}l\grave{a} \text{ (родила)} \text{ (сов. в.)}$ представляют собою пограничную зону между деривационным и парадигматическим формообразованием. Есть русские, которые не видят здесь никакого различия в значении, что может указывать на то обстоятельство, что использование чередований гласных как *единственного* средства дифференциации категорий основообразования является для современного восприятия носителей русского языка чем-то необычным.

Там, где при основообразовании выступают чередования гласных, они сопровождаются или чередованием суффиксов, или чередованием согласных, и поэтому они не являются единственным средством различения, например: $\text{r}\check{a}|\text{s}\grave{o}l \text{ (посол)} \sim \text{r}\check{a}|\text{s}\check{i}l\check{k}\check{a} \text{ (посылка)}$, $\text{m}\grave{o}l\check{a}d\check{a} \text{ (молодо)} \sim \text{сравн. ст. m}\check{a}l\grave{o}\check{z}\check{i}, \text{te}ST' \text{ (тесть)} \sim \text{t}'\grave{o}s\check{a} \text{ (теща)}$ и т. д.

§ 83. Из отдельных типов морфем чередования менее всего присущи префиксальным и флексивным морфемам. Эти морфемы охвачены лишь передвижением ударения (которое играет особенно важную роль у окончаний) и чередованием с нулем; последнее, однако, хорошо представлено только в префиксальных морфемах, а в окончаниях используется очень редко (ср. § 55). Чередование согласных по тембру имеет место лишь у отдельных окончаний (см. § 58), префиксальным морфемам оно неизвестно.

В противоположность префиксам и окончаниям корневые морфемы обнаруживают все виды чередований, а суффиксальные морфемы — все, кроме усечения согласного. Таким образом, чередования представлены богаче в центре слова, нежели на его периферии; это явление отмечается и в других языках; объяснение ему было предложено нами в другой работе⁵⁸.

§ 84. Разница в использовании различных типов чередований отмечается не только между различными видами морфем, но также и между глагольными и неглагольными корнями (соотв. основами). Именно словоизменение, в сущности, знает лишь чередования с коррелирующими альтернантами (передвижение ударения, чередование согласных по тембру), и то в довольно ограниченных масштабах⁵⁹. Кроме них, отмечено чередование гласного с нулем, которое, однако, подчинено строгим правилам и воспринимается как более или менее внешне обусловленная

⁵⁸ Ср. N. S. T r u b e t z k o y. Polabische Studien, S. 162 ff.

⁵⁹ Чередования с дизъюнктивными альтернантами выступают лишь в изолированных случаях: $\hat{c}o\text{r}T' \text{ (черт)} \sim \text{им. п. мн. ч. } \hat{c}\grave{e}r\text{'i} \text{ (черти)}$, $d\check{r}uK \text{ (друг)} \sim \text{им. п. мн. ч. } d\check{r}\check{u}z\check{j}\grave{a} \text{ (друзья)}$, $\grave{u}x\check{a} \text{ (ухо)} \sim \text{им. п. мн. ч. } \grave{u}\check{s}\check{i} \text{ (уши)}$ и др.; ср. § 64.

вставка гласного (см. §§ 50А, 52). Чередования с дизъюнктивными альтернантами выступают у неглагольных корней и суффиксальных морфем только в основообразовании; при этом чередования гласных данного типа весьма редки, а чередования согласных продуктивны и хорошо засвидетельствованы только у *k, g, x, c* в исходе основы. Напротив, в глагольных корневых морфемах и основах богато представлены все виды чередований (даже выпадение согласного!) как в основообразовании, так и в словоизменении. Разница в употреблении отдельных видов чередований в глагольном и именном формообразовании проявляется даже в деталях. О разных ролях чередования гласного с нулем в глагольных и неглагольных основах уже говорилось выше, в § 52, о чередованиях гласных с дизъюнктивными альтернантами — в § 47, о чередованиях согласных — в § 70. Морфонологические признаки глагольных корней (соотв. глагольных основ), таким образом, весьма значительно отличаются от признаков именных корней (соотв. именных основ), так что глагольное и именное формообразование представляют собой две строго разграниченные области морфонологии русского языка⁶⁰. Более широкое использование чередований в глагольном формообразовании имеет своим следствием тот факт, что фонетический облик глагольных корней часто становится весьма расплывчатым и неопределенным. Это относится, в частности, к некоторым наиболее часто употребляющимся глагольным корням; ср., например, такие случаи, как *vǎzʹmù* (возьму) ~ инф. *FʒaT'* (взять), *vǐdù* (веду) ~ инф. *vǐST'ì* (вести) ~ прош. вр. *vo|* (вел) ~ итератив 1 л. ед. ч. наст. вр. *vǎžù* (вожу) ~ 2 л. ед. ч. *vo| ãš* (водишь), *prǎ|cèST'* (прочешь) ~ 1 л. ед. ч. наст. вр. *prǎ|cǐtù* (прочту) ~ прош. вр. м. р. *prǎ|cò|* (прочел) ~ прош. вр. ж. р. *prǎ|cǐà* (прочла) ~ несов. в. *prǎ|cǐtǐvǎT'* (прочитывать) и т. д. Ср. также приведенный выше (§ 9) глагол *vǐ|ñT'* (вынуть), чья корневая морфема "подобна нулю".

У именных корней такие случаи не встречаются. Причины такого различия между глагольными и именными корнями отчасти заключаются в том, что глагольные корни особенно часто принимают префиксы и поэтому чаще находятся в центре слова, то есть в той части всего слова, которая обладает наименьшей определенностью фонетического облика; именные же корни обычно находятся в начале слова. С другой стороны, глагольные корни менее определены, чем именные, и в том числе и с точки зрения семантики. Во всяком случае, различие между морфонологическими признаками именного и глагольного формообразования связано с определенными особенностями морфологии русского языка, в котором склонение, с одной стороны, структурно гораздо более разработано, а с другой, гораздо более единообразно, чем спряжение.

§ 85. На основании представленного выше исследования попытаемся

⁶⁰ При этом следует отметить, что в морфемах окончаний склонения используются в основном гласные (*u, o, a, e, i*), далее губные (*m, ñ, v, F*) и заднеязычные (*x*), тогда как в морфемах окончаний спряжения гласные (*u, a, i*) используются редко, чаще всего — свистящие (*š, š̂*) и зубные (*t, t', l, l', n*); на это обстоятельство обратил мое внимание Р. Якобсон.

дать общую характеристику отдельных изменений морфем и их роли в морфонологической системе русского языка.

А. Позиция различных видов морфем внутри морфемы определяется строгими правилами. *Дизъюнктивная морфонема может занимать лишь последнее учитываемое место в морфеме.* Если морфема, скажем, многосложна, то лишь ее последний слог может характеризоваться чередованием гласных с дизъюнктивными альтернантами⁶¹; если морфема содержит несколько согласных, то только последний из них может участвовать в чередовании с дизъюнктивными альтернантами⁶².

Напротив, коррелирующая морфонема может занимать первое или последнее место в морфеме, но ни в коем случае не срединное. Поэтому чередование согласных по тембру имеет место не только в исходе морфемы, но и в начале некоторых корневых морфем (см. § 59)⁶³, а в многосложных морфемах передвижение ударения может затрагивать только первый или последний слог, но никогда — срединный (см. § 31). Что же касается морфемы "гласный или согласный/нуль", то морфонема "согласный/нуль" встречается лишь в исходе морфемы (см. § 75), тогда как позиция морфемы "гласный/нуль" варьирует в зависимости от вида морфемы: в флексивных морфемах и в префиксальных морфемах морфонема "гласный/нуль" стоит всегда в исходе (после последнего согласного), в суффиксальных морфемах она представлена всегда в начале (то есть перед первым согласным), в корневых морфемах — перед последним согласным (см. § 49).

В. Из всех видов чередований в русском языке, очевидно, наиболее значительную роль играют *чередования с коррелирующими альтернантами*: почти все морфемы, которые вообще содержат гласный, выступают в двух акцентных вариантах (см. § 30), а большинство корневых и суффиксальных морфем со "смягчаемым" согласным в исходе характеризуется чередованием согласных по тембру. Как в словоизменении, так и в основообразовании вокалические и консонантные чередования с коррелирующими альтернантами играют значительную роль, они выступают как неотъемлемые элементы вполне живых и продуктивных образований и иногда даже служат единственным формообразующим средством (например: *glàzà ~ glǎzà, řibĩ ~ řib ĭ, ñoF ~ ñoF´*; ср. §§ 81, 82). *Чередования с дизъюнктивными альтернантами* весьма разнообразны и многочисленны. Однако лишь немногие из них играют важную роль; из чередований гласных — только чередование *o ~ e*, которое наблюдается в основном в именном основообразовании и несколько ограничен-

⁶¹ Исключение составляют лишь те случаи, когда в последнем слоге имеет место чередование гласного с нулем, например: *šòrǎT (шепот) ~ šèPĉ-ĭT (шепчет)*.

⁶² Крайне редкие исключения из данного правила перечислены выше, в § 64. Случай с *nǎ|grǎmǎSd´ĭT´ (нагромоздить) ~ nǎ|grǎmǎšdèńĭjǎ (нагромозждение)* сюда не относится: в качестве морфемы здесь воспринимаются *šd/d* (ср. *xǎd´ĭT´ (ходить) ~ xǎšdèńĭjǎ (хождение)* и т. д., § 71) и перед *šd S* должно исчезать "по фонетическим законам".

⁶³ В пяти корнях — *<Stor>* 'простирать', *<vlok/ĉ>* 'волочь', *<brod>* 'бродить', *<zvon>* 'звенеть', *<grom>* 'тремечь' — чередованию по тембру подвергается группа согласных; ср. примеры, приведенные в § 59.

нее — также в глагольном формообразовании, а также чередование $o \sim a$, которое, напротив, используется почти исключительно в глагольном формообразовании. Из чередований согласных с дизъюнктивными альтернантами значительную роль играют, с одной стороны, встречающиеся преимущественно в именном основообразовании $k, g, x \sim \hat{c}, \check{z}, \check{s}$ и $c \sim \hat{c}$, с другой стороны — участвующие большей частью в глагольном формообразовании $t, d \sim \hat{c}, \check{z}$ и $s, z \sim \check{s}, \check{z}$, а также "губной $\sim$ губной + l". Все остальные чередования гласных и согласных с дизъюнктивными альтернантами представлены лишь небольшими группами аномальных и изолированных случаев. При этом большинство "неправильных" чередований согласных этого типа интерпретируется как спорадическое нарушение нормального типа чередований или же как комбинаторное изменение морфемы.

Чередование согласного с нулем не играет значительной роли в формообразовании и может рассматриваться как морфонологическая аномалия. *Чередование гласного с нулем* в глагольных корнях равным образом является сравнительно редкой аномалией, но в других видах морфем оно представляет собой вполне нормальное и до некоторой степени продуктивное морфонологическое явление. Чередование гласного с нулем не в глагольных корнях и чередование согласного с нулем производят впечатление правил "благозвучия" и проявляют в этом отношении определенную близость к комбинаторным изменениям морфем, от которых они отличаются лишь тем, что проведены они непоследовательно.

С. Чередования выступают в словоизменении и в основообразовании в русском языке в самых разнообразных формах, и список всех типов формообразования, в которых участвуют эти чередования, был бы очень длинен. Однако не подлежит сомнению, что чередования представлены особенно сильно в непродуктивных типах формообразования. Если же рассматривать живые, продуктивные типы словоизменения и основообразования, то можно утверждать, что роль чередований в них сведена к минимуму. В нашем исследовании мы уже неоднократно подчеркивали это обстоятельство (ср. §§ 35, 37, 60А, В, 61А и т. д.). Но при более детальном рассмотрении фактов можно заметить, что не все виды чередований в продуктивных типах формообразования получают одинаковую трактовку. Чередования согласных имеют явное преимущество перед чередованиями гласных, тогда как из вокалических чередований с дизъюнктивными альтернантами ни одно не является по-настоящему живым и продуктивным (даже продуктивность аблаута $o \sim a$ сомнительна), чередования $k \sim \hat{c}, g \sim \check{z}, x \sim \check{s}, c \sim \hat{c}$ в именном основообразовании и чередования $t \sim \hat{c}, d \sim \check{z}, s \sim \check{s}, z \sim \check{z}$ в деривационном и парадигматическом глагольном формообразовании используются в совершенно живых и продуктивных морфологических категориях.

В то время как из продуктивных словоизменительных типов только сильно ограниченные в своих возможностях типы им. п. ед. ч. $\dot{d}òK\check{t}\check{a}r$ (доктор) $\sim$ род. п. ед. ч. $\dot{d}òK\check{t}\check{a}r\grave{a}$ $\sim$ им. п. мн. ч. $d\grave{a}K\check{t}\check{a}r\grave{a}$ и действ. прич. $f\grave{a}r\check{m}\check{i}r\grave{a}v\grave{a}l$ (формировал) $\sim$ страд. прич. $f\grave{a}r\check{m}\check{i}r\grave{o}v\grave{a}n$ (формирован) ха-

рактизируются передвижением ударения, чередование согласных по тембру представлено в предложном падеже ед. ч. двух наиболее распространенных продуктивных типов склонения, а также в настоящем времени глаголов на -нѹт' (-нѹть), составляющих один из пяти продуктивных типов спряжения в русском языке. Такое же соотношение между передвижением ударения и чередованием согласных по тембру наблюдается и в основообразовании. Поэтому можно сказать, что если в русском языке отмечается тенденция избегать альтернатив в продуктивных типах формообразования, то данная тенденция в большей мере проявляется в чередованиях гласных, нежели в чередованиях согласных.

Д о п о л н е н и я

К с. 78 (§ 9D). Слово *izŭmŭt* (изумруд), которое также содержит *ŭ* во втором слоге, не воспринимается русским языковым сознанием как трехсложная корневая морфема, так как его начало отождествляется с префиксом *iz*, на что указал уже Преображенский ("Этимологический словарь русского языка", т. I, с. 266).

К с. 94 (§ 35). Кроме того, заимствованное слово *bal* (бал), которое еще сто лет назад имело ударение на основе во всей парадигме (П у ш к и н. Евгений Онегин: Я бѣл от бѣлов без умѣ... Я бѣлы б до сих пор любил... и т. д.) в течение XIX в. перешло в тип *poŝ — poŝǎ — paŝi* (ср. ныне мн. ч. *bǎli*), что свидетельствует об определенной жизнеспособности данного типа ударения.

К с. 129 (§ 71). Совершенно изолировано чередование *d ~ ŝ* в предик. м. р. *sladǎk* (сладок) ~ сравн. ст. *slasŝi* (слаще).

К с. 130 (§ 74 b). Четвертый случай чередования *t (~ č) ~ k* представлен в *čirtǎ* (черта), *čirt'it'* (чертить) ~ *paT|čorkivǎT'* (подчеркивать), *čirknŭt'* (черкнуть).

с) Кроме того, смешение чередований заднеязычного и зубного представлено в случаях *trŝt'it'* (трясти), *trǎŝkǎ* (тряска) ~ *trŝxnŭt'* (тряхнуть), *vŝ|trŝxǎT'* (вытряхать) и *trŝuŝ* (трѹс) ~ *FS|trŝxnŭt'* (встрѹхнуть).

К с. 133 (§ 78 e). Перед суффиксом *x* исчезает конечный согласный корня в *prǎxǎ* (пряха) от *prŝŭdŭ* (пряду) и *svǎxǎ* (свахѣ) от *svaT* (сват, род. п. *svatǎ*).

Общие предварительные замечания

Обзор категорий формообразования в русском языке

§ 1. Виды формообразования. — § 2. Категории глагольного словоизменения (спряжение). — § 3. Распределение глагольных форм по основам. — § 4. Категории неглагольного словоизменения (склонение, изменение по роду). — § 5. Важнейшие категории основообразования (деривация).

Морфема

§ 6. Виды морфем. — § 7. Морфемные комплексы. — § 8. Число морфем в одном слове. — § 9. Фонологическая структура морфемы. — § 10. Морфемные границы. — § 11. Трудности определения морфем. — § 12. Чередование морфем и изменение морфем.

Изменения морфем

I. Комбинаторные изменения морфем

Предварительные замечания

§ 13. Общие черты комбинаторных изменений морфем в русском языке.

Комбинаторные изменения согласных

§ 14. Снятие (нейтрализация) противопоставления по участию голоса. — § 15. Снятие (нейтрализация) противопоставления согласных по тембру. — § 16. Трактовка сочетаний St, Sd + n, rd + c, St + k. — § 17. Трактовка сочетаний F + s, K + s, c + s. — § 18. "S + s, z, š, ž, š"; "S + č". — § 19. "T + š", "K + š". — § 20. Трактовка g перед глухими согласными. — § 21. Конечное ! после согласных. — § 22. Трактовка сочетания ħ + m. — § 23. Непоследовательно проведенные изменения (čn → šn; T + t → St). — § 24. Конечные согласные префиксов. — § 25. Резюме.

Комбинаторные изменения гласных

§ 26. Трактовка ħ в начале морфемы.

II. Свободные изменения морфем, или чередования (альтернации)

Предварительные замечания

§ 27. Классификация. — § 28. Морфонема и ее графическая передача.

A. Чередования гласных

1. Чередования с коррелирующими альтернантами: передвижение ударения — § 29. Сильный и слабый вариант гласной морфонемы. — § 30. Морфемы с одним и двумя акцентными вариантами. — § 31. Морфемы с тремя акцентными вариантами. — § 32. Ударение в трехсложной морфеме. — § 33. Осмысленное (значимое) и чисто условное передвижение ударения в формообразовании. — § 34. Наложение обоих видов передвижения ударения в парадигмах. — § 35. Продуктивные и непродуктивные типы передвижения ударения в формообразовании. — § 36. Передвижение ударения в основообразовании.
2. Чередования с дизъюнктивными альтернантами.

§ 37. Аблаутные ряды. — § 38. $o \sim e$ в неглагольном формообразовании. — § 39. $o \sim e$ в чисто глагольном и смешанном формообразовании. — § 40. $o \sim a$. — § 41. $a \sim e$. — § 42. $e \sim i$. — § 43. $o \sim i$. — § 44. $o \sim u$. — § 45. $u \sim i$. — § 46. $a \sim i$. — § 47. Резюме.

3. Чередования гласного с нулем

§ 48. Морфонемы "гласный/нуль". — § 49. Их позиция в морфемах. — § 50. Чередование гласного с нулем в формообразовании. — § 51. Чередование гласного с нулем в чисто именном и чисто глагольном основообразовании. — § 52. В смешанном основообразовании. — § 53. В суффиксах. — § 54. В префиксах. — § 55. В морфемах-окончаниях. — § 56. Резюме.

В. Чередования согласных

1. Чередования с коррелирующими альтернантами: чередование по тембру.

§ 57. Ослабленное и неослабленное чередование согласных по тембру. — § 58. Область использования чередований по тембру. — § 59. Чередование по тембру начальных согласных корневых морфем. — § 60. Чередование по тембру конечных согласных основы: в неглагольном формообразовании. — § 61. В глагольном формообразовании. — § 62. В основообразовании.

2. Чередования с дизъюнктивными альтернантами.

§ 63. Виды таких альтернатив. — § 64. Область их использования.

а) Продуктивные консонантные альтернативы с дизъюнктивными альтернантами. — § 65. Классификация. — § 66. Продуктивные консонантные альтернативы с дизъюнктивными альтернантами в чисто именном основообразовании. — § 67. В глагольном формообразовании. — § 68. В чисто-глагольном основообразовании. — § 69. В смешанном основообразовании. — § 70. Резюме.

б) Непродуктивные консонантные альтернативы с дизъюнктивными альтернантами.

§ 71. Аномальные чередования зубных $t \sim \hat{s}$, $d \sim \check{S}d$. — § 72. Альтернативы, которые интерпретируются в качестве мнимых комбинаторных изменений согласных: $k \sim c$, $t \sim c$, $d \sim c$, $g \sim x$, $\acute{n} \sim j$. — § 73. Альтернативы, которые интерпретируются в качестве непоследовательно проведенных комбинаторных изменений согласных: $k \sim \check{s}$, $t \sim S$, $d \sim S$, $b \sim S$. — § 74. Ряды чередований, возникшие в результате смешения двух продуктивных альтернатив: $g (\sim \check{z}) \sim z$, $k (\sim \hat{c}) \sim t$.

3. Чередования согласного с нулем.

§ 75. Область их использования. — § 76. Усечение согласного в глагольном словоизменении. — § 77. В глагольном основообразовании. — § 78. В именном основообразовании. — § 79. Резюме.

С. Чередование согласных с гласными

§ 80. Чередование $j \sim i$.

Заключение

§ 81. Случаи использования альтернатив в качестве единственного средства различия в формообразовании. — § 82. В основообразовании. — § 83. Распределение альтернатив в словоформе. — § 84. Различие между глагольным и неглагольным формообразованием при использовании альтернатив. — § 85. Итоги.

О ЗВУКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА И РАСПАДЕ ОБЩЕРУССКОГО ЯЗЫКОВОГО ЕДИНСТВА*

I

То, что общерусский или общевосточнославянский праязык когда-то существовал, можно считать твердо установленным. Противоположная точка зрения, которую пытались отстаивать Ст. Смаль-Стоцкий и Ф. Гартнер, отвергается и оспаривается всеми авторитетными славистами со столь редким единодушием, что в существовании единого общерусского праязыка в настоящее время, пожалуй, никто не сомневается.

Однако вопрос о том, когда и как распалось это общерусское языковое единство, остается без ответа. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего прийти к единой точке зрения относительно понятия "распад".

Если под "распадом" подразумевать возникновение такого состояния, при котором носители различных диалектов какого-нибудь исконно единого языка с трудом могут понять друг друга, то нужно учесть, что подобные состояния вызываются обычно не дивергентным развитием звукового строя языка и его грамматических форм, но дивергентным развитием словарного состава. Определение момента времени, когда наступают такие состояния, и характеристика процессов, их вызывающих, находятся, таким образом, в сфере истории слов, вернее, истории словарного состава, то есть наиболее запущенного раздела языкознания. В этом смысле с восточнославянскими языками дело обстоит особенно плохо. При сегодняшнем состоянии восточнославянской лексикологии, при почти полном отсутствии предварительных исследований нельзя братья за обобщающую разработку проблемы "распада", понимаемой в *таком* смысле.

Под "распадом" можно понимать, однако, нечто иное, а именно возникновение такого состояния, при котором отдельные диалекты того или иного языка теряют способность переживать вместе с другими диалектами существенные звуковые и грамматические изменения. Распад, понимаемый в *таком* смысле, представляет собой проблему историчес-

* N. S. T r u b e t z k o y. Einiges über die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit. — „Zeitschrift für slavische Philologie“, Bd. 1, 1925, S. 287 — 319.

кой фонетики и исторической морфологии. И так как эти дисциплины являются, пожалуй, единственными разделами языкознания, хорошо разработанными и с точки зрения материала, и с точки зрения методологии, то исследователь, желающий осветить проблему распада языковой общности, естественным образом вынужден рассматривать как объект своего исследования понятие "распад" именно во втором смысле.

Но даже если рассматривать распад общерусского языкового единства только в указанном смысле, перед исследователем встает еще немало трудностей. Древнерусские письменные тексты мало что дают для изучения развития живого языка: консервативная орфография, влияние южнославянских образцов и искусственного, традиционного произношения церковнославянского языка часто не позволяют установить время наступления важнейших звуковых изменений при опоре исключительно на анализ письменных текстов. Изучение текстов лишь случайно дает нам в руки некоторые хронологические вехи. Временные промежутки могут быть заполнены только путем применения к сравнительной диалектологии метода реконструкции. Для воссоздания звуковой истории русского языка подобный "компаративистский" метод играет значительно большую роль, чем чисто филологический.

Целью дальнейшего изложения является рассмотрение тех звуковых изменений — в их хронологической и *логической* взаимосвязи, — которые привели к распаду общерусского языкового единства. Я исхожу при этом из убеждения, что звуковое изменение, как и всякое другое историческое изменение, обладает своей собственной внутренней логикой; обнаружить же эту логику — задача историка звукового строя языка. Речь здесь идет, таким образом, прежде всего об установлении магистральных путей.

II

Для древнейшего времени (до начала письменной традиции) А. А. Шахматов принимает существование трех восточнославянских наречий: северно-, южно- и восточнорусского. Часть "восточнорусского" населения смешалась с частью "южных русских", другая часть "восточных русских" объединилась позже с "северными русскими". Из смешения восточных и южных русских возникла белорусская народность. Объединение другой части восточных русских с северными русскими привело к образованию великорусской народности. Часть южных русских, оставшаяся после образования белорусской народности, сформировалась в украинскую народность [1]. Следовательно, современное трехчастное деление (великорусы, белорусы, украинцы*) не продолжает непосредственно "древнего деления" (северные, восточные и южные русские): оно возникло из этого древнего трехчастного деления путем частичных смешений.

* У Н. С. Трубецкого — везде „Kleinrussen“. — *Прим. ред.*

Если исследовать причины, побудившие покойного ученого создать свою систему древнего трехчастного деления, то легко заметить, что они не кроются ни в исторических фактах, ни в древнерусском языковом материале. Теория А. А. Шахматова была рабочей гипотезой, нужной автору лишь для определения хронологии тех звуковых изменений, которые не отразились по различным причинам в старых текстах. Те из этих изменений, которые представлены во всех восточнославянских диалектах, относятся к "прарусскому периоду" (до возникновения "древнего трехчастного деления"); изменения, отражаемые совместно южновеликорусским и белорусским, рассматриваются как признаки "древне-восточнорусского", возникшие в период "древнего трехчастного деления"; изменения, объединяющие белорусский и украинский, принимаются за древние признаки "древнеюжнорусского"; изменения, отделяющие северновеликорусский от южновеликорусского, — за древние признаки "древнесевернорусского" до его объединения с восточнорусским; все остальные изменения относятся ко времени после упразднения "древнего трехчастного деления". Шахматов и создал свою систему исключительно для того, чтобы сделать возможным распределение отдельных звуковых изменений по трем периодам (а именно до, во время и после "древнего трехчастного деления") и таким образом упорядочить их хронологически. Эта система объясняется особенностью научного метода Шахматова. Хотя он (так же, как и его учитель Ф. Ф. Фортунатов) теоретически отвергал "родословное древо" Шлейхера, в своей практической деятельности он так и не смог освободиться от влияния этой теории: сам того не замечая, он всегда представлял себе развитие языка в форме разветвления родословного древа. Так, белорусский — это нечто среднее, то есть связующее звено между великорусским и украинским. Для последователя "теории волн" в этом обстоятельстве нет ничего странного: учитывая географическое положение белорусского, этот факт сам собой разумеется. По-иному обстоит дело для последователя (пусть даже и не отдающего себе в этом отчет) теории родословного древа: ведь для него переходные диалекты — вообще очень сложная проблема. Чтобы решить данную проблему в духе теории родословного древа, для последователя этой теории остается только один путь — признать наличие этнических и, соответственно, диалектных смешений.

Так как теория родословного древа Шлейхера может рассматриваться как окончательно преодоленная точка зрения (ведь даже Шахматов теоретически всегда ее опровергал), должно отпасть и шахматовское понимание происхождения современного деления восточнославянских языков на великорусский, украинский и белорусский. Впрочем, это понимание не нашло признания ни у кого из славистов: они были столь же единодушны в его отрицании, сколь и в высокой оценке проницательности и большой научной ценности отдельных наблюдений и идей, делающих указанное исследование, несмотря на несостоятельность его основных теоретических положений, одним из наиболее ценных трудов покойного ученого.

Т. Лер-Сплавинский („Roczn. Slawist.“, IX, с. 23 и сл.) противопоста-

вил теории "древнего трехчастного деления" Шахматова теорию "древнего двухчастного деления". Согласно этой теории, в древнерусском в период до начала письменности существовали два диалекта: *северный*, охватывающий в основном область новгородского культурного влияния, и *южный*, включающий в себя все остальные части восточнославянской языковой области.

Стороннику теории родословного древа такая точка зрения должна показаться парадоксальной: ведь, согласно Леру-Сплавинскому, различия между великорусским и украинским должны были возникнуть в более позднее время, чем различия между северновеликорусским и южновеликорусским. Тем не менее эта точка зрения является единственной отвечающей историческим фактам и состоянию изученности текстов. Для дописьменного периода¹ я, таким образом, принимаю точку зрения Лера-Сплавинского. Я расхожусь с этим ученым только в отдельных деталях.

Во-первых, я не могу принять все признаки, рассматриваемые Лером-Сплавинским в качестве особенностей двух дописьменных диалектов, как таковые. По моему мнению, несомненно древними являются только следующие четыре диалектных соответствия: 1) севернодревнерусскому смычному *g* соответствовал в южнодревнерусском спирант *γ*; 2) звуки *ś* и *s* в южнодревнерусском строго различались; в севернодревнерусском они, напротив, совпали; 3) праслав. *tl, dl* регулярно давали южнодревнерусское *l* и севернодревнерусские *kl, gl*; 4) группы *šč, ždž* остались в южнодревнерусском без изменений, в севернодревнерусском они дали *žγ, śχ*. Остальные признаки, приведенные Лером-Сплавинским, возникли, как будет показано ниже, значительно позже.

Во-вторых, нужно со всей определенностью подчеркнуть, что южные границы 4-х перечисленных выше севернодревнерусских особенностей необязательно должны совпадать друг с другом. Несомненно, со временем отдельные диалектные границы сильно сдвинулись, так что на основании современного диалектного членения невозможно определить распространение отдельных севернодревнерусских особенностей. У нас нет, однако, никаких оснований для установления одной строгой диалектной границы, на которой разом бы обрывались все севернодревнерусские диалектные особенности. А priori гораздо более правдоподобно предположение о том, что первоначально у каждой из приведенных 4-х диалектных особенностей была своя собственная южная граница, так что, скажем, южная граница смычного *g* не полностью совпадала с южной границей смешения *ś* и *s*. Как это бывает всегда, в то время, несомненно, существовали переходные и пограничные говоры, объединявшие отдельные севернодревнерусские черты с отдельными южнодревнерусскими. Это, естественно, никак не нарушало общего принципа двухчастного деления.

¹ Это выражение, так же как и другие обозначения для различных периодов изменения звукового строя русского языка, я употребляю чисто условно. Под дописьменным периодом я понимаю период, начавшийся до появления русской письменности и закончившийся примерно в середине XII столетия.

Я считаю, что с этими, в общем несущественными, поправками точка зрения Лера-Сплавинского на диалектные отношения древнейшего дописьменного периода может быть принята.

III

Прежде чем двинуться дальше, я должен обозреть картину, полученную для древнейшего дописьменного периода, с точки зрения общей славистики.

Сначала мы рассмотрим особенности, возникшие благодаря южнодревнерусским звуковым изменениям. Переход g в γ установлен, кроме южнодревнерусского, также для прачешского, прасловацкого и пражелужичского. Чешское h , появившееся в памятниках примерно в середине XIII в. и проникшее в живую речь, согласно Гебауэру („Hist. mluv.“, I, 456), немного раньше, возникло, несомненно, не непосредственно из g , но из спирантного γ . Хронологию чешского перехода g в γ невозможно установить точно, так как буква g в чешских памятниках XII в. может обозначать как g , так и γ (ср. написание g для спирантного γ в древне- и средневерхненемецких рукописях). Что этот переход произошел очень рано, видно из того обстоятельства, что новое g , возникшее из $*k$ перед звонкими согласными после падения z , осталось незатронутым этим изменением: ср. чеш. kde, kdy (произносится gde, gdu) из $kъd-$ и $tehdu$ из $(tъ-)\gammaъd-$. Переход $g > \gamma$ в чешском должен, следовательно, быть старше, чем падение редуцированных, и тем самым много старше, чем самые древние чешские памятники. Предположение о прямой связи между чешско-словацко-верхнелужичским и южнодревнерусским переходами $g > \gamma$ было бы, таким образом, весьма правдоподобным. Точно так же признание прямой связи между южнодревнерусским переходом $tl, dl > l$ и таким же переходом в южнославянских языках является не только весьма правдоподобным, но и просто необходимым².

Мы видим, таким образом, что оба звуковых изменения, проведенных южнодревнерусским отдельно от севернодревнерусского, находятся в непосредственной связи с соответствующими звуковыми изменениями некоторых соседних славянских языков и должны рассматриваться как диалектные явления позднепраславянского времени.

Совершенно иначе выглядят специфически севернодревнерусские звуковые изменения древнейшего периода. Переход $tl, dl > kl, gl$, который был особенно широко распространен в древнем псковском диалекте, напоминает аналогичное явление в литовском и латышском, на что указал уже Н. Каринский (“Язык Пскова”). Совпадение $\check{s}$ и s (при стро-

² “Центральнославянский” переход $g > \gamma$ и южнославянский переход $dl, tl > l$, возможно, происходили одновременно. Некоторые словенские диалекты, изменившие g в h и сохранившие группы tl, dl , быть может, в период действия этих двух звуковых законов стояли ближе к центральнославянскому, чем к южнославянскому.

гом разграничении соответствующих спирантов $\check{s}$, $\check{z}$ — $\acute{s}$, $\acute{z}$) напоминает *западнофинские* языки, в которых угро-финские $\check{s}$ и $\acute{s}$ совпали, в то время как $\check{s}$ и $\acute{s}$ трактуются различно. Что касается перехода $\check{z}\check{z}$, $\check{s}\check{s} > \check{z}'\acute{z}$, $\check{s}'\acute{s}$, то это просто иное проявление той же самой тенденции к устранению аффрикат $\check{z}$, $\check{s}$ из звуковой системы.

Различие между двумя древнерусскими диалектами связано, таким образом, с географическими и культурно-историческими отношениями. С древнейших времен русский язык взаимодействовал с остальным славянским миром только на западе и юге, тогда как северная часть русскоязычной территории находилась в соприкосновении с неславянскими народами Балтийского моря. Определенные звуковые изменения соседних славянских диалектов проникали с юга и запада к восточным славянам, но они не всегда были достаточно сильны, чтобы распространиться на всю восточнославянскую область; более независимая от остального славянского мира северная часть этой области оставалась незатронутой. Напротив, в этой части восточнославянской языковой области действовало влияние языков Балтийского побережья. Это противоречие между славянски ориентированным югом и тяготеющим к Балтике севером восточного славянства могло возникнуть очень давно; лишь позже оно кристаллизовалось в форме появления двух культурных центров — Новгорода на севере и Киева на юге. Для всего этого периода характерным было то, что восток и юго-восток русской языковой области еще лежал всецело в сфере южного культурного влияния.

IV

Рассмотренные выше диалектные отношения древнейшего, дописьменного периода продолжались еще долго, вероятно, до 60-х гг. XII в.; по крайней мере в области фонетики отношение отдельных древнерусских говоров друг к другу к этому времени едва ли существенно изменилось. Спорадически проникающие в письменные памятники этой эпохи написания **И** или **Є** на месте **Ѣ** едва ли отражают реальный звуковой переход, но в лучшем случае — приближение произношения $\check{e}$ к произношению i или e ³.

Новый период в диалектной дифференциации древнерусского языка начинается во второй половине XII в. Одним из важнейших фонетических явлений этого нового периода было падение "слабых редуцированных"

³ Характерно, что написания **И** вместо **Ѣ** проникают как в севернодревнерусские (например, в новгородские Минеи 1096 г.: **прѣтьрьпникъ ѿси** и т.п.), так и в южнодревнерусские памятники (например, "Изборник Святослава 1073 г.": **ницини**, **въ вѣри** и т.п. наряду с **вѣроуѣ**, **неделю** и т.п.) и что обратные написания (**Ѣ** вместо **И**) отсутствуют. В таких примерах, как **въ вѣри** ("Изборник Святослава 1073 г."), **И** не может быть идентифицировано с современным укр. i (в и $viri$). Переход $\check{e} > i$ в украинском стал возможен только после того, как старое i дало u ; в противном случае мы имели бы сейчас * u $vugu$. Однако в южнодревнерусских рукописях до 60-х гг. XII в. нет даже и следов смешения букв **И** и **Ѣ**.

ѣ, ѥ, ѧ и параллельный переход "сильных редуцированных" ѣ, ѥ в о, е⁴. Это было *общерусское* явление, распространившееся в конце концов на всю русскую языковую область. Распространение это происходило постепенно и довольно медленно. Шахматов ("Очерк", с. 203 и сл.) блестяще доказал, что данное явление завершилось на юге уже в 60-е гг. XII в., а на севере, напротив, только в последнюю четверть XIII в.: хронологическими вехами могли бы служить для юга Добрилово Евангелие 1164 г., для севера — Новгородская кормчая 1282 г.⁵

Письменные памятники не дают нам никакой информации о судьбе редуцированных на западе и на востоке русской языковой области в эту эпоху. Древнейшие рассматриваемые нами восточнорусские тексты относятся к значительно более позднему времени. Древнейший западнорусский текст (Смоленская грамота 1229 г.) демонстрирует нам уже все признаки завершенной эволюции редуцированных и, следовательно, не может рассматриваться в качестве "terminus a quo". Исходя исключительно из общих теоретических соображений, которые, как я надеюсь, станут ясными из дальнейшего, я принимаю, что в трактовке редуцированных запад шел рука об руку с югом, а восток — с севером.

Таким образом, имел место достаточно долгий период (более столетия), в течение которого редуцированные еще существовали на севере и востоке, но уже исчезли на юге и западе. Само по себе то обстоятельство, что на северо-востоке сверхкраткие и неустойчивые гласные звучали в таких позициях, в каких на юго-западе гласный вообще не звучал, или что на северо-востоке имели место особые гласные ѣ, ѥ (то есть нечто вроде открытых и, і, приближающихся к о, е), которым на юго-западе регулярно соответствовали нормальные о, е, не может поколебать русское языковое единство, тем более что между этими крайними пунктами, несомненно, существовали еще и переходные говоры, границы которых постепенно и непрерывно сдвигались к северу и к востоку. Но это само по себе незначительное различие явилось причиной того, что определенные звуковые изменения, возникавшие в различных частях русской языковой области, оказывались не в состоянии распространиться на всю область.

Именно так можно объяснить целый ряд звуковых особенностей, отделяющих великорусский язык от украинского и белорусского.

Перехожу теперь к перечислению и рассмотрению этих особенностей.

V

1. Великорусск. svińja, sud'ja и т. п. ~ укр. svuńńa, sud'd'a, белорусск. svińńa, suźža и т. п.

⁴ Для краткости я объединяю оба этих явления под названием "преобразование редуцированных".

⁵ Весь этот период я обозначаю условно как "период 1164 — 1282". При этом, разумеется, не может быть и речи о точной хронологии. В действительности этот период мог начаться примерно в 50-е гг. XII в. и закончиться в 60-е гг. XIII в.

Ассимиляция $\acute{n}j$, $d'j$ и т. п. в $\acute{n}\acute{n}$, $d'd'$ и т. п. могла наступить только после того, как слабый редуцированный $\acute{i}$ исчез между мягкими согласными и j . Это исчезновение $\acute{i}$, как мы знаем, на юге и западе произошло раньше, чем на севере и востоке. То обстоятельство, что ассимиляция $\acute{n}j > \acute{n}\acute{n}$ и т. п. не проникла в великорусский, позволяет предполагать, что эта ассимиляция возникла в то время, когда на северо-востоке произносилось еще $sud'ija$ (в три слога), тогда как на юго-западе, напротив, стало произноситься уже $sud'ja$ (в два слога), то есть в "период 1164 — 1282".

2. а) Великорусск. $igrat'$ (или $iurat'$) ~ укр. $hraty$, белорусск. $hrać$;
б) великорусск. $b\acute{lo}cha$ ~ укр. $b\acute{l}ucha$, белорусск. $b\acute{l}ucha$.

В открытом безударном слоге праславянское i после j было "слабым". После общерусского падения начального j перед гласными переднего ряда подобное слабое $\acute{i}$ стало часто встречаться в начальной позиции. Как и все слабые гласные, оно должно было закономерно исчезнуть. Действительно, в украинском и белорусском так и произошло: укр. $hraty$, hra , $\acute{s}katy$, mu и т. п. < др.-русск. $\acute{i}urati$, $\acute{i}ura$, $\acute{i}skati$, $\acute{i}mu$ и т. п. (праслав. $j\acute{i}grati$ и т. п.). Напротив, великорусский представляет лишь формы с сохранением i : $igrat'$, $igra$, $igo\check{z}ka$, $iskat'$, $im\acute{e}t'$ и т. п. Так как в других позициях слабое $\acute{i}$ исчезает и в великорусском (ср. $ja\check{z}ca < ja\acute{i}ca$), необходимо предположить, что именно в начальной позиции это $\acute{i}$ стало *сильным*, причем это усиление должно было наступить, естественно, еще до начала северо-восточного падения редуцированных. Из того факта, что усиление слабого начального $\acute{i}$ не распространилось на остальные части русской языковой области, можно заключить, что оно произошло в то время, когда на юге и западе русской языковой области процесс утраты всех слабых гласных (в том числе и начального $\acute{i}$) уже завершился.

Таким же образом может быть объяснено и соотношение великорусск. $g\acute{lo}tat'$ — укр. $h\acute{ly}taty$, белорусск. $h\acute{ly}tać$. В случаях, когда слабые $\acute{z}$, $\acute{y}$ следуют после начальных групп "согласный + плавный", в украинских говорах мы встречаем чаще всего "согласный + плавный + y " ($h\acute{ly}taty$, $s\acute{ly}zy$, $robryde$, $dry\check{z}aty$), но наряду с этим наблюдаются и другие сочетания звуков (лемк. $sylza$, $hymity$, галицк. диал. $keravuj$, $tervo\check{h}a$ и т. п.). Необходимо признать, что в подобных случаях слабые $\acute{z}$, $\acute{y}$, согласно общему правилу, сначала исчезали и лишь позднее неудобные для произношения группы "согласный + плавный + согласный" устранялись с помощью вставного гласного. Белорусские формы типа $h\acute{ly}tać$, $s\acute{ly}zy$, $\acute{n}a k\acute{ly}ni$ (= *не кльни*), $hry\acute{m}eć$, $dry\check{z}ać$, разумеется, не могут быть отделены от украинских* и должны были возникнуть тем же путем. Напротив, великорусский дает нам в подобных случаях формы с o , e после плавного ($g\acute{lo}tat'$, $sleza$, $grem\acute{e}t'$, $dro\check{z}at'$), и, поскольку в иных случаях o , e передают только *сильные* $\acute{z}$, $\acute{y}$, необходимо признать, что слабые редуцированные в этой позиции были *усилены*. Это усиление могло наступить только

* Здесь и всюду в соответствии с узусом прошлой эпохи Н. С. Трубецкой употребляет термин "малорусский" вместо "украинский". — *Прим. ред.*

до северо-восточнорусского падения редуцированных. С другой стороны, к моменту его наступления редуцированные уже должны были исчезнуть в юго-западнорусском, благодаря чему и были поставлены естественные ограничения распространению этого явления на юг и на запад.

Лер-Сплавинский (ор. laud.) относит усиление слабых ъ, ь после начальной группы "согласный + плавный" к древнейшему периоду и видит в этом признак севернодревнерусского диалекта, находящийся в одном ряду с другими севернодревнерусскими особенностями (как, например, взрывное g, совпадение $\check{s}$ и с и т. п.). Я не могу разделить эту точку зрения. "Изоглосса" $b\check{u}cha - b\check{u}cha$ в принципе совпадает с изоглоссами $s\check{v}\check{i}\check{n}\check{h}a - s\check{v}\check{i}\check{n}\check{h}a$, $muju - moju$ и ни в каких моментах не совпадает с изоглоссами специфически северовеликорусских особенностей. Имеются, правда, отдельные южновеликорусские говоры, которые также знают формы $b\check{u}cha$, $dru\check{z}at'$ и т. п.; это, однако, пограничные говоры, демонстрирующие и другие белорусские особенности (прежде всего $s\check{v}\check{i}\check{n}\check{h}a$, $muju$, часто также $jost'$ вм. $jest'$) (о некоторых из этих говоров см.: Н. Дурново. Диалектологические разыскания, I, 1, с. 18 и сл., 2, с. 29 и сл.).

3. Великорусск. $m\check{o}ju$, $sl\check{e}p\check{o}j$, $\check{s}\check{e}ja$, $kost\check{e}j \sim$ укр. $m\check{y}ju$, $sl'ip\check{y}j$, $\check{s}\check{y}ja$, $kost\check{y}j$, белорусск. $m\check{y}ju$, $sl\check{a}p\check{y}j$, $\check{s}\check{y}ja$, $ka\check{s}\check{c}\check{i}j$.

В великорусском у и і перед j перешли в сильные ъ, ь, которые затем закономерно дали о, е. Письменные памятники не дают нам никаких сведений о хронологии этого перехода: **новгородские** в Кормчей 1282 г. показывает только, что переход $uj > \check{y}j$ завершился до перехода $\check{y} > o$, что ясно и без этого свидетельства; и если и древние и более новые севернорусские памятники систематически демонстрируют y , и перед j, то такие написания могут быть легко объяснены орфографической традицией. Мне неясны причины, по которым Шахматов постулировал два различных звуковых изменения: $ij > ej$ (непосредственно) и $i\check{i} > y\check{i} > e\check{i}$ (см. "Очерк", § 309 – 402, 405, 406, 419, 525). Я принимаю везде, где великорусский демонстрирует oj , ej вместо старых uj , ij , лишь *один* переход uj , $ij > \check{y}j$, $\check{y}j$, независимо от места ударения и характера гласного, следующего за j (так, $sl\check{e}p\check{o}j$, $m\check{o}ju$, $Luko\check{j}an$, $kost\check{e}j$, $\check{s}\check{e}ja$, $ru\check{s}ejok$). Этот переход должен был произойти раньше северо-восточнорусского перехода $\check{y}, \check{y} > o, e^6$.

Переход uj , $ij > \check{y}j$, $\check{y}j$ не распространился на южную и западную части русской языковой области. Очевидно, его распространение было задержано каким-то обстоятельством. Этим сдерживающим обстоятельством могло быть лишь отсутствие звуков ъ, ь в звуковой системе южного и западного диалектов тогдашнего русского языка. Я считаю, таким образом, что переход uj , $ij > \check{y}j$, $\check{y}j$ произошел на северо-востоке древнерусской языковой области в такое время, когда в звуковой системе юго-

⁶ Единственной позицией, в которой у, і перед j (i ?) остались без изменений, была, вероятно, позиция перед группой je: ср. русск. *слѣные, большіе* из * $sl\check{e}pyj\check{e}$, * $bo\check{l}\check{s}ij\check{e}$. Очевидно, *jě (или *jě) перешло в jje (или jje), и перед возникшим подобным образом долгим j̄j (или j̄j) у, і трактовались не так, как перед обычным кратким j (или j).

запада этой области звуки ъ, ь уже не были представлены как таковые: в слабой позиции они исчезли, в сильной — перешли в о, е. Это отсутствие звуков ъ, ь в юго-западной звуковой системе препятствовало проникновению новых форм с ъј, ьј на юго-запад⁷.

4. Великорусск. bok, peš ~ укр. bik (диал. buok, buok, buik, buk, бүк и т. п.), piš (диал. piš), южнобелорусск. buok, piš.

Так называемое "падение редуцированных" необходимо строго отделять от количественной *редукции* редуцированных в слабой позиции. Редукция была значительно старше, чем падение, она произошла еще в праславянский период, тогда как падение на русской почве наступило только в XII — XIII вв. Редукция была связана с заместительным удлинением краткого гласного предшествующего слога. В *восточных диалектах праславянского* (то есть в тех диалектах, из которых позднее образовался русский язык) это заместительное удлинение должно было произойти раньше развития чистых гласных (о, е) во втором слоге "полногласия": вновь образовавшиеся о, е остались поэтому незатронутыми удлинением. Хронологический порядок был, таким образом, следующим: 1) bokъ > bōkъ, 2) gorъdъ > gorodъ. Итак, перед началом падения слабых ъ, ь звуки о, е в bōkъ, pēšъ были долгими, в gorodъ, pēred, напротив, краткими.

Украинская (и южнобелорусская) дифтонгизация ("преломление" (Brechung)) bōkъ > buok (> bik) не может рассматриваться (в противоположность, скажем, чешской) как независимое развитие долгих ō, ē. В тех случаях, когда долгое ō стояло не перед слогом со слабым редуцированным, оно осталось недифтонгизированным; ср. укр. koža (чеш. kůže), može (чеш. může) и т. п. С другой стороны, украинская дифтонгизация не может рассматриваться лишь как следствие падения редуцированных, поскольку она отсутствует в таких случаях, как mogož, horod, pēred, хотя тут также исчез редуцированный в следующем слоге. Украинская дифтонгизация была следствием о д н о в р е м е н н о г о действия двух факторов: долготы ō или ē и падения редуцированного в следующем слоге. С артикуляционно-физиологической точки зрения этот процесс можно представить себе следующим образом: исчезающий редуцированный всегда обнаруживает тенденцию к сильному сужению; это сужение может быть антиципировано еще в начале предшествующего слога; антиципация происходит, однако, только тогда, а) когда гласный предшествующего слога не слишком узок и не слишком широк (то есть только при о, е, но не при u, y, i, a), б) когда начало и конец артикуляции гласного не совпадают для языкового восприятия в одной точке, то есть когда этот гласный (о, е) *не краток, а долог*⁸.

⁷ ъ, возникшее из у перед ј, было, впрочем, не во всех древневосточнорусских говорах идентично нормальному ъ. Это последнее было лабиализованным гласным заднего ряда (u, приближающееся к o); напротив, ъ, возникший из у, в некоторых говорах являлся гласным среднего ряда и, по крайней мере по диалектам, неогубленным: отсюда диалектные южновеликорусские mōju, mōju и т. п.

⁸ Поучительными для фонетической стороны этой проблемы являются высказывания Жюрэ в „Bulletin de la Soc. de lingu.“, XXII, p. 138 ff. См., кроме этого, еще

Из сущности украинской (и южнобелорусской) дифтонгизации, или преломления (*Brechung*), следует, что это явление должно было наступить одновременно с падением редуцированных, что, впрочем, подтверждается также и письменными памятниками. Из того, что преломление затронуло только долгие $\bar{o}$, $\bar{e}$ и оставило краткие o , e без изменения, следует, что падение редуцированных произошло в южнорусском в такое время, когда еще существовали старые количественные различия.

В великорусском мы находим совсем другую картину: здесь в *otca*, *bok* представлено такое же o , как и в *gogod*. И поскольку на примере украинского мы знаем, что o сохраняется без изменений перед слогом с исчезнувшим редуцированным только в том случае, если до падения редуцированных это o было кратким, то можно заключить, что падение редуцированных в северо- и восточнорусском наступило только после утраты старых количественных различий.

Общерусская утрата старых количественных различий наступила, следовательно, в "период 1164 – 1282".

Таким образом, целый ряд звуковых особенностей, отделяющих великорусский от двух остальных восточнославянских наречий, объясняется тем обстоятельством, что хронологическое различие между северо-восточнорусским и юго-западнорусским преобразованием редуцированных препятствовало распространению некоторых звуковых изменений на всю древнерусскую языковую область. "Период 1164 – 1282" был чреват последствиями для развития восточнославянской фонетики. На этот период падают: 1) юго-западнорусская ассимиляция $\acute{n}j$, $t'j$ и т. п. > $\acute{n}\acute{n}$, $t't'$ и т. п.; 2) северо-восточнорусское усиление слабых гласных в первом слове слова, а именно: а) в абсолютном начале и б) после групп "согласный + плавный"; 3) северо-восточнорусский переход uj , ij > $\acute{y}j$, $\acute{y}j$; 4) общерусская утрата количественных различий. Этими звуковыми изменениями были обусловлены следующие соответствия между великорусским и остальными восточнославянскими наречиями: 1) великорусск. *svíinja* ~ укр. *svuńńa*, белорусск. *svíinńa*; 2) а) великорусск. *igra* ~ укр., белорусск. *hra*; б) великорусск. *błocha* ~ укр., белорусск. *błucha*; 3) великорусск. *mòju*, *chudòj*, *žèja*, *čej* ~ укр., белорусск. *tuju*, *chuduj*, *šuja*, *čuj*; 4) великорусск. *bok*, *řeč* ~ укр. *bik*, *rič*, южнобелорусск. *buok*, *rieč*.

VI

Имеется еще одна великорусская особенность, возникновение которой можно отнести к тому же периоду – "периоду 1164 – 1282": это часто обсуждавшееся в последнее время "великорусское ω ".

Все великорусские говоры (как северновеликорусские, так и южновеликорусские), систематически отличающие старое $\acute{e}$ от e , соблюдают такое же различие и между двумя видами o , одно из которых (" ω ")

столь же поучительную работу Ронжа в „Bull....“, XXIV, p. 356 ff. Украинское преломление неизвестно ни тому, ни другому автору.

всегда соответствует праславянскому акутированному о, другое ("о") — праславянскому краткому или циркумфлектированному о или древневеликорусскому ъ⁹. Так как различие между ё и е возникло некогда во всех великорусских говорах, мы должны признать, что различие между ѡ и о было также представлено во всех великорусских говорах и только позднее было утрачено в большинстве говоров наряду с различием ё:е. Мы должны, таким образом, постулировать для более древнего состояния великорусского языка формы типа kѡža, pѡrъ, pѡsíšъ, tѡněšъ, zabѡta.

Объяснение происхождения великорусского ѡ целиком и полностью определяется трактовкой особенностей праславянской интонационной системы. Свои взгляды на праславянскую интонационную систему я изложил в двух работах („Rev. d. ét. sl.“, I, p. 171 ff., и „Streitberg-Festgabe“, S. 359-366), к которым я и отсылаю читателя. Возникновение великорусск. ѡ я представляю себе следующим образом. Праславянское акутированное о было всегда долгим. Во всех показательных в данном отношении славянских языках: а) о в праслав. *kóža по длительности и интонации идентично і в *lípa (схр. kòža — lípa, словенск. kóža — lípa, чеш. kůže — lípa); б) такое же отношение существует между о в родительном падеже ед. ч. *nāroda и а в *loráta (схр. nārōda — lōrāta, словенск. naróda — loráta, чеш. nārōda — lorāta); в) в сербскохорватском и словенском о в первом слоге таких праславянских трехсложных слов, как *móžešъ, *chódišъ, имеет такую же длительность и интонацию, как а в *jāgoda (схр. mōžeš, hōdiš — jāgoda, словенск. móžeš, hódiš — jāgoda); г) такое же соотношение отмечается в этих языках между о в *bóvъ и а в *rākъ (схр. bōb — rāk, словенск. bōb — rāk)¹⁰. Кроме акутированного долгого о, праславянский обладал еще циркумфлектированным долгим о, например в таких случаях, как *bōgъ, gōdъ, *grōmъ, *bōkъ и т. п. (схр. Bōg, gōd, grōm, bōk и т. п.). Я считаю, что в северно- и восточнодревнерусском любое долгое ō получило дифтонгическое

⁹ Перечисление этих диалектов и данные о звуковом значении ѡ см. в: Н. Д у р н о в о. Диалектологические разыскания, 1, 2, с. 54, прим.; Л. В а с и л ь е в. — В: РФВ, 1917, вып. 3 — 4.

¹⁰ В случаях в и г чешский отклоняется от других языков. В третьем от конца ударном слоге акутированное о является в чешском долгим (как в můžeš, диал. zchůseš, др.-чеш. kuoleš, hluozeš и т. п.), напротив, другие акутированные гласные в этой позиции всегда кратки: jahoda и т. п. Однако, поскольку "метатония", превращавшая исконно краткое о данных глагольных форм в акутированное о, представляет собой сравнительно новое (позднепраславянское) явление, можно принять, что она произошла позже, чем сокращение ударных долгот в третьем от конца слоге. Во всяком случае, чешское соответствие můžeš : jahoda не говорит о том, что акутированное о было к о р о ч е, чем другие акутированные гласные. В именительном падеже ед. ч. основ на о, jо и і с корневым о в древнечешском, как и в других западнопраславянских диалектах, под влиянием других падежей появилась краткость: см. чеш. bob, plod, skot, hvozď и т. п. Только позднее такое о претерпело в западнопраславянских диалектах удлинение перед звонкими согласными. В польском это удлинение регулярно, в чешском нерегулярно, но, во всяком случае, оно не зависит от исконной интонации; так, с одной стороны, мы имеем dvůr, kůň, stůl, kůl, vůl, nůž (где праслав. о было акутированным), а с другой стороны — hnůj, důl, sůl, dům, vůz, Bůh (где праслав. о было циркумфлектированным).

(gebroschene = преломленное) произношение, причем такое "преломленное" о звучало не как *uo*, а, скорее, как *ōo* (где *ō* обозначает узкое, а *o* — широкое *o*). Это был первый этап развития ω . Далее, согласно моей точке зрения на праславянскую интонационную систему, и акут, и циркумфлекс были восходяще-нисходящими интонациями, причем различие между ними заключалось лишь в том, что первая (восходящая) часть была при акуте длиннее, а при циркумфлексе короче, чем вторая (нисходящая). Я предполагаю, что границы двух компонентов древневеликорусского преломленного *ōo* совпадали с границами музыкальных частей восходяще-нисходящих интонаций: акутированное *ō* должно было дать *ōō*, циркумфлектированное — *ōo* (таким образом, *bōob̄v̄* : *b̄ōok̄v̄*). Вторым этапом развития ω состоял, по-видимому, в том, что в дифтонге *ōo* более краткая часть ассимилировалась в качественном отношении более долгой: акутированное *ōō* дало, следовательно, узкое *ō*, циркумфлектированное *ōo* развилось в открытое (широкое) *ō*. Тем самым было создано качественное противопоставление акутированного и циркумфлектированного *o*, которое позже (после упразднения интонационных и качественных различий) осталось изолированным и перешло в противопоставление ω : *o*.

Противопоставление ω : *o* совершенно неизвестно украинскому. В *koža*, *prosyš*, *toneš*, *zabota* в украинском звучит то же самое *o*, что и в *vodu* (вин. п. ед. ч.), *moch*; и в *rip* (диал. *rip*, *riop* и т. п.) мы встречаем то же самое *i* (или, соответственно, *u*, *uo* и т. п.), что и в *bik* (диал. *buk*, *buok* и т. п.). Это отсутствие различия между ω и *o* в украинском (где, однако, строго проводится различие между *ě* и *e*) не может быть объяснено иначе, как только путем признания того, что в южнорусском все древние интонационные различия были упразднены раньше, чем в северо- и восточнорусском, и что к тому времени, когда в северо-восточнорусском все долгие *o* были дифтонгизированы в *ōo* (*ōō*, *ōo*), в южнорусском все количественные различия уже исчезли. Мы знаем, что эта утрата количества в южнорусском наступила только после завершения процесса "преобразования редуцированных".

С другой стороны, предложенные нами два предварительных этапа развития великорусского ω : 1) *ō* > *ōo*; 2) *ōo* > *o*, *ōō* > *ō* — предполагают наличие количественных и интонационных различий в северно- и восточнодревнерусском. Мы знаем, что количественные различия в северо-восточнорусском были утрачены до завершения процесса изменения редуцированных. У нас отсутствуют прямые данные о моменте утраты интонационных различий. Однако, если принять во внимание общее правило, согласно которому *языков с музыкальным ударением, но без количественных различий, так же как и языков со свободным количеством и свободным экспираторным ударением, не существует, насколько мне известно, нигде в мире*¹¹, то можно с уверенностью предпо-

¹¹ Я проверял этот тезис также и на неиндоевропейском материале, — прежде всего на восточноазиатском и (с помощью венского африканиста приват-доцента д-ра В. Чермака (Czermak), которому я приношу сердечную благодарность) на африканском — и не нашел исключений.

ложить, что утрата количества произошла одновременно с заменой музыкального ударения на экспираторное.

Из всего этого следует: а) что развитие великорусск. ω должно быть отнесено ко времени между завершением южнорусского и северо-восточнорусского преобразования редуцированных (то есть к "периоду 1164 – 1282"); б) что наступившая одновременно с утратой количественных различий замена старого музыкального ударения на чисто экспираторное завершилась на юге восточнославянской языковой области раньше, чем на севере и востоке.

Трудности в проблему ω вносит белорусский. Взгляды отдельных ученых на представленные в некоторых белорусских диалектах дифтонги $\bar{u}o$ расходятся: некоторые исследователи (например, Карский) хотели бы отождествить их с северноукраинским uo , другие (к примеру, Лер-Сплавинский) – с великорусским ω . Возможно, обе точки зрения правильны: это хорошо согласовывалось бы с географическим положением белорусского и его ролью связующего звена между великорусским и украинским. По моему мнению, соответствия "великорусск. uok : северноукр. $buok$ " и "великорусск. $k\omega\check{z}a$: укр. $ko\check{z}a$ " основываются на хронологических различиях в наступлении определенных общерусских звуковых изменений: в украинском утрата интонации и количества произошла раньше, чем в великорусском, однако после преобразования редуцированных, в великорусском же исчезновение интонаций и количества произошло позднее, чем в украинском, но до изменения редуцированных. Оба явления (преобразование редуцированных и утрата интонаций и количества) распространялись с юго-запада на северо-восток, но с разной скоростью: падение количества и интонаций распространялось быстрее, чем преобразование редуцированных. С северо-востока надвигался переход $*\acute{o} > \omega$. Он возник в то время, когда ни процесс преобразования редуцированных, ни утрата интонации и количества еще не достигли северо-востока и не нашли доступа на крайний юго-запад (в староукраинскую область), так как там уже произошли оба упомянутых изменения (преобразование редуцированных и утрата интонаций и количества). Как тогда обстояли дела в области, переходной между севером и югом, то есть в древнебелорусской области, мы, собственно говоря, не знаем. Возможно, что в некоторых частях этой области к тому времени уже завершился процесс преобразования редуцированных, но еще не произошла утрата интонаций и количества: в подобных зонах были бы возможны формы как типа $buok$, так и типа $kuo\check{z}a$.

VI

Я полагаю, что в двух предшествующих главах мне удалось установить, что все важнейшие звуковые особенности, отделяющие великорусский от остальных восточнославянских наречий, возникли в "период 1164 – 1282".

Что касается звуковых особенностей, отделяющих украинский от

других восточнославянских наречий, то все они обусловлены одним-единственным звуковым изменением, а именно отвердением (депалатализацией) мягких согласных перед слоговыми гласными переднего ряда. Этим звуковым изменением было вызвано слияние у и і (точнее, переход і в у); это же изменение (как считал Шахматов) воспрепятствовало проникновению на украинскую почву перехода е > о и, как правильно установил Лер-Сплавинский, сделало невозможным совпадение ё и е в украинском. Что касается сущности украинского отвердения мягких согласных перед слоговыми гласными переднего ряда, то я не вижу никаких оснований принимать сложное объяснение этого явления, выдвинутое Шахматовым и одобренное другими исследователями (Лер-Сплавинский, Вондрак). Эти явления представляют собой всего-навсего *тембровую диссимилляцию*, которую мы можем очень часто наблюдать у палатализованных и лабиализованных согласных в разных языках: для палатализованных согласных см., например, болгарский, где в большинстве восточных диалектов мягкие согласные перед і, е являются либо слегка палатализованными, либо просто твердыми, тогда как перед гласными заднего ряда (и перед а, представляющим собой результат перегласовки ё) они сохраняют свою мягкость. Для лабиализованных согласных можно привести совершенно идентичную по своей сути утрату лабиализации лабиовелярными перед или после огубленных гласных (прежде всего u) в большинстве индоевропейских языков *centum*.

Поскольку древнерусская графика не имела никаких средств для обозначения мягкости или твердости согласных перед гласными переднего ряда, хронологию украинского отвердения мягких согласных невозможно установить, основываясь на данных памятников. Однако хронологию этого чрезвычайно важного звукового изменения, определившего все своеобразие украинской фонетики, можно определить, исходя из следующих соображений. Во-первых, мы отмечаем, что мягкие согласные в украинском сохраняют свою мягкость перед исчезнувшим ь; перед ь, давшим е, они, напротив, становятся твердыми: ср., например, укр. deń с твердым d и мягким ñ из *d'ьñ и т. п. Из этого следует, что отвердение наступило после завершения южнорусского преобразования редуцированных. Во-вторых, мы отмечаем, что согласные остаются мягкими перед е в таких случаях, как укр. žyt 't'e, bil 'l'e, znañne, pol 'i'sse. Из этого вытекает, что отвердение закончилось до южнорусской ассимиляции t'j, l'j, ñj, šj в t't', l'l', ññ, šš. А так как эта ассимиляция, как мы уже знаем, наступила до северо-восточнорусского преобразования редуцированных, то украинское отвердение мягких согласных перед слоговыми гласными переднего ряда должно быть отнесено к "периоду 1164 — 1282", причем, скорее, к первой половине этого периода. Это было, пожалуй, единственное звуковое изменение данного периода, не распространившееся без какой-либо видимой причины за границы южнорусского (древнеукраинского).

К концу "периода 1164 — 1282" русская языковая область делилась, таким образом, на те же самые основные диалекты, что и в настоящее время. Великорусский отделялся уже тогда от других восточнославян-

ских наречий своими формами типа *śvíńja, íměť, móju, čej, bok, řeč, kωža*, причем внутри великорусского существовало еще различие между севером с взрывным *g* и югом с фрикативным *γ*. Украинский выделялся твердостью согласных перед *e*. Белорусский разделял с украинским формы типа *znańńe, hra, blycha, tuju* (диал. также *buok, řieč*, возможно, также и *koža*), с великорусским — мягкость согласных перед *e* и по диалектам, возможно, формы типа *kωža*. Так как большинство этих особенностей было вызвано хронологическими различиями в наступлении общерусских звуковых изменений в разных частях русской языковой области, границы распространения отдельных особенностей уже тогда должны были быть весьма неопределенными и размытыми. С течением времени эти границы неоднократно сдвигались, так что современные отношения в своих деталях не являются показательными для предшествующих периодов. Однако в принципе в пограничных областях переходные говоры должны были существовать с самого начала, так же как это имеет место и в настоящее время.

VIII

Если мы рассмотрим теперь звуковые изменения "периода 1164 — 1282" с точки зрения сравнительной фонетики всех славянских языков, то увидим следующее.

Мы убедились, что звуковое своеобразие великорусского, его звуковые отличия от других восточнославянских языков были обусловлены тем, что два общерусских звуковых изменения "периода 1164 — 1282", а именно утрата количества и интонаций и преобразование редуцированных, распространялись на восточнославянскую языковую область относительно медленно. К этим двум явлениям присоединяется еще и третье — переход *ky (gy, γy, chy) > k'í (g'í и т. п.)*, который, как известно, завершился на юге уже в середине XII в. и проник на север только во второй половине XIII в.¹² "Период 1164 — 1282" отмечен, таким образом, тремя общерусскими звуковыми изменениями, которые медленно распространялись с юго-запада на всю русскую языковую область. Рассмотрим эти три звуковых изменения несколько подробнее.

Исчезновение слабых редуцированных и переход сильных *ъ, ь* (которые были исконно, согласно английской фонетической терминологии, "high-wide"* гласными) в нормальные гласные "среднего подъема" ("mid-back" и "mid-front"**), по английской терминологии) представляют собой явление, общее всем славянским языкам. Оно произошло

¹² Великорусск. *suchoj, drugoj, takoj, Lukojan* доказывают, что переход *ky > k'í* проник в великорусский только после завершения перехода *uj > ъj* (см. А. А. Шахматов. Очерк, с 351). Великорусск. *kij* 'палка' непонятно, так как здесь, без видимых причин, отсутствует и переход *uj, ij > ъj, ъj*.

* 'Высокий — широкий' (англ.). — Прим. перев.

** 'Средний — задний, средний — передний' (англ.). — Прим. перев.

раньше всего у южных славян (у словенцев, возможно, уже в X в.), а затем постепенно распространилось к северу на все славянство: возможно, именно северные и восточные русские сопротивлялись этому звуковому изменению дольше, чем все остальные славяне.

Замена старой интонационной системы экспираторным ударением — также почти что общеславянское явление, не затронутыми которым остались только сербохорватский и словенский. Там, где при этом экспираторное ударение было закреплено на определенном слоге, количественные различия еще сохраняются (чешский, словацкий, древнепольский). Однако там, где экспираторное ударение занимало место старого музыкального, это явление связано с одновременной утратой старых количественных различий (русский, болгарский). Впрочем, тенденция к устранению количественных различий имеет место и в языках с фиксированным ударением (новопольский, лужицкий, некоторые чешские и словацкие говоры, македонские говоры с неподвижным ударением). Таким образом, утрата интонаций и количества также может расцениваться как звуковое изменение, объединяющее русский с другими славянскими языками.

Наконец, переход $ku > ki$ также известен другим славянским языкам: мы находим его в "лехитских" языках и в лужицком.

Следовательно, все три общерусских звуковых изменения, распространявшиеся в "период 1164 — 1282" с юго-запада на северо-восток, известны соседним славянским языкам. То обстоятельство, что все три изменения появились именно на юго-западе русской языковой области и оттуда распространялись дальше, объясняется весьма просто: русская языковая область именно на юго-западе и западе, и только там, географически соприкасалась с областями распространения других славянских языков.

Совсем иной характер имеют звуковые изменения, возникшие в то же самое время на *северо-востоке* русской языковой области. Их распространение было затруднено описанными звуковыми процессами, продвигавшимися в противоположном направлении. Усиление слабых редуцированных после начальных групп "согласный + шпавный" представлено только в некоторых кашубских говорах и отсутствует в других славянских языках. Переход $uj, ij > ъj, ѳj$ также неизвестен другим славянским языкам. И наконец, качественная дифференциация $\tilde{o} > o$ и $\acute{o} > \omega$ как будто тоже не находит параллелей за пределами русского языка.

В противоположность общеславянским по своему охвату звуковым изменениям, распространявшимся с запада, изменения, шедшие с северо-востока, имеют специфический, ярко выраженный индивидуальный характер. Внешняя, географическая противопоставленность сопровождается, таким образом, и внутренней противоположностью тенденций развития. Все звуковые изменения этого периода определяются борьбой между проникнутым славянским духом, консервативно сохраняющим славянские формы юго-западом и сопротивляющимся общеславянским традициям, бурно стремящимся к индивидуальному своеобразию северо-

востоком¹³. Именно эта борьба обусловила падение, распад общерусского языкового единства.

Рассмотренный здесь период внешне отличается от предшествующего "дописьменного" периода и его звуковых изменений другим распределением противостоящих друг другу локальных общностей: ранее северная (тяготеющая к Новгороду и Балтике) часть русской языковой области одна противостояла всем остальным частям этой области; теперь и восток идет рука об руку с севером. По существу, однако, распределение ролей между обеими общностями остается прежним: область, граничащая с другими славянскими языками, остается, как и прежде, носителем славянских тенденций развития, посредником между русскими и остальным славянством, тогда как другая, удаленная от прочих славянских областей часть русского языкового целого стремится идти своими собственными путями. Эти пути, действительно, стали самостоятельными — влияние неславянских языков, которое мы могли констатировать в предшествующий период, сейчас уже совершенно не ощущается. Это естественным образом связано с тем, что область, в которой господствовали "сепаратистские", со славянской точки зрения, тенденции, в этот новый период существенно расширилась и не была больше связана исключительно с Балтикой.

IX

Мы знаем теперь, когда и каким образом ранее более или менее единый общерусский язык распался на три большие диалектные группы: украинскую, белорусскую и великорусскую, причем последняя была разделена еще на северновеликорусскую и южновеликорусскую¹⁴, — это случилось в "период 1164 — 1282".

Этот распад был в то же время и распадом всех более узких диалектных единств внутри восточнославянского. Ни одна из "изоглосс" (границ распространения) наступивших позднее звуковых изменений не совпадает точно с границами четырех названных выше диалектных групп (украинская, белорусская, севернорусская + южнорусская): либо звуковое изменение переходит границы области распространения затронутого им наречия, либо определенные части этой области остаются не затро-

¹³ Нетрудно показать, что и в области морфологии существует противоположность между консервативно сохраняющими славянские традиции украинским и белорусским, с одной стороны, и совершенно индивидуальным великорусским — с другой. Стоит вспомнить хотя бы своеобразные и радикальные новообразования великорусского склонения, такие, например, как возникновение двух синтаксически дифференцированных родительных (*stakan čaju* и *vkus čaja*) и местных падежей (*v lěsu* и *o lěsě*), полное устранение всех старых падежных различий во множественном числе и т. д.

¹⁴ Можно исходить также из двух больших диалектных единств, каждое из которых должно быть разделено на две части: *юго-западное* — на украинскую и белорусскую и *северо-восточное* — на северновеликорусскую и южновеликорусскую.

нутыми звуковым изменением. В принципе каждое звуковое изменение имеет свои собственные границы. Это можно наблюдать на всех изменениях периода после 1282 г. Наступившее в XIV в. отвердение (депалатализация) $\check{s}$, $\check{z}$ охватывает всю великорусскую и белорусскую, а также большую часть украинской области, однако оно остается чуждым некоторым украинским говорам. Относящееся к этому же времени отвердение $\check{s}$ охватывает всю белорусскую область, а также одновременно большую часть украинской области — опять-таки за исключением некоторых украинских говоров. По-видимому, одновременное с ним отвердение $\check{s}$ охватывает всю южновеликорусскую и белорусскую области и некоторые украинские говоры, но не захватывает большую часть украинской области. Отвердение всех "всегда мягких согласных" распространяется, таким образом, на всю белорусскую область, в украинской же и великорусской областях границы отвердения каждого отдельного звука ($\check{s}$, $\check{z}$, $\check{s}$, $\check{s}$) различаются.

"Преломленные" e и o ($\acute{e}$, ω , ie , uo) независимо от их происхождения стянулись в большинстве белорусских, южновеликорусских и северновеликорусских говоров в монофтонгические e , o , однако это стяжение произошло в одних говорах раньше, в других позже и не охватывает всех белорусских, южновеликорусских и северновеликорусских говоров¹⁵. В украинских говорах дифтонги $\acute{ie}$, $\acute{uo}$ ведут себя тоже по-разному.

Отвердение $\acute{r}$ охватывает всю белорусскую область, но также и части южновеликорусской и украинской; ассимиляция t' , d' в $\acute{c}$, $\acute{z}$ переходит через южную границу собственно белорусской области; переход конечного слогового $\acute{t}$ в $\acute{c}$ охватывает белорусский и украинский, но также и некоторые южновеликорусские говоры (в некоторых северновеликорусских говорах подобное явление возникло независимо).

Так называемое "аканье" (или, лучше сказать, качественные изменения вокализма безударных слогов), несомненно, также возникло не ранее конца XIII в.¹⁶ Этот процесс состоял из ряда отдельных звуковых изменений, наиболее существенными из которых были следующие:

¹⁵ В некоторых говорах это стяжение началось уже в XIII в., в большинстве говоров, однако, — значительно позднее.

¹⁶ Я не могу разделить точку зрения Шахматова и Дурново, согласно которой это явление должно быть много старше, во всяком случае, старше, чем утрата количества. Я рассматриваю качественные изменения вокализма безударных слогов скорее как прямое следствие утраты количества и развития экспираторного ударения. Подобные изменения очень часто наблюдаются в языках с сильным экспираторным ударением и без свободных количественных различий на индоевропейской почве, например в новогреческом, болгарском, вульгарной латыни, древнеармянском. На русской почве эти изменения должны были произойти, во всяком случае, позже преобразования редуцированных, так как o , e , возникшие из сильных $\bar{y}$, $\bar{e}$ (и из u , i перед j), в безударных слогах трактуются точно так же, как исконные o , e . Взгляды Шахматова и Дурново основываются на недоказанном и теоретически в высшей степени неправдоподобном предположении, что долгое $\bar{a}$ сократилось якобы раньше, чем долгие $\bar{u}$, $\bar{e}$, $\bar{i}$. Обычно, однако, как известно, именно узкие гласные сокращаются особенно легко, тогда как открытые гласные наиболее упорно сохраняют свою долготу.

1) монофтонгизация безударных $\hat{i}e$, $\hat{u}o$ в e , o (то есть совпадение $\acute{e}$ с e и южнобелорусск. uo с o в безударн. слогах); 2) делабиализация безударного o и его совпадение с безударным a в одном звуке ν (*mid — back — wide — unround**); 3) переход безударного a (или ν) в e после мягких согласных; 4) сужение безударных гласных e , ν , o в e (или ϵ), ν (или a), o ; 5) расширение безударных ϵ , a (или e , ν) в a в разных позициях в зависимости от говора. Все эти явления охватывают целиком южновеликорусскую и белорусскую области, а также некоторые севернoукраинские говоры. При этом, однако, только их южные границы в какой-то мере совпадают друг с другом (за исключением, возможно, южной границы сужения безударных гласных, которая продвинута несколько далее в украинскую область). Их северные границы совершенно различны и не связаны друг с другом: 1-е, 2-е и 4-е явления представлены к тому же в различных собственно северновеликорусских говорах, а так называемые "средневеликорусские" говоры присоединяют к этим пяти качественным изменениям специфически севернорусское взрывное g . В деталях трактовки безударных гласных сильно расходятся даже отдельные южновеликорусские и белорусские говоры, так что "аканье" не является единым ни по своему содержанию, ни географически.

Из этого беглого обзора звуковых изменений, наступивших после происшедшего в "период 1164 — 1282" распада общерусского языка на различные восточнославянские наречия (украинское, белорусское, северновеликорусское + южновеликорусское), становится очевидным, что ни одно из этих наречий не может рассматриваться в отношении к последующим звуковым изменениям как единое и замкнутое в себе целое. Каждое из этих наречий, возникших в результате распада общерусского языкового единства, представляет собой, собственно говоря, лишь группу говоров, объединенных друг с другом определенными общими признаками, но претерпевающих общие звуковые изменения также с говорами других групп.

Теоретически возможность распространения какого-нибудь звукового изменения на всю восточнославянскую языковую область не была исключена и после 1282 г. Близкий к этому случай мы имеем при отвердении $\acute{s}$, $\acute{z}$. Имеет место, однако, еще одно звуковое изменение, не оставившее незатронутым ни один восточнославянский говор, хотя его распространение и приходится преимущественно на время после 1282 г.: это развитие протетического ν перед начальным *преломленным* o (uo , ω).

Условия этого изменения видны яснее всего в украинском. Здесь протетическое ν появляется перед каждым начальным $*uo$ ($> i$): νid (= *отъ*), $\nu it\acute{s}a$ (= *отъца*), νin (= *онъ*), $\nu iv\acute{s}a$ (= *овъца*), $\nu i\acute{s}$ (= *ось*), $\nu il'\acute{c}ha$ (= *ольха*) и т. п. В тех случаях, когда подобное ν стоит перед o , оно легко объясняется влиянием родственных форм с $*uo$; так, νopa , νopo — под влиянием νin .

В великорусском отдельные говоры довольно сильно расходятся в

* 'Средний — задний — широкий — неогубленный' (англ.). — Прим. перев.

отношении протетического *v*. Однако если собрать воедино все диалектные и литературные формы с протетическим *v* перед *o*, то легко заметить, что это *v* всегда находится перед прежним начальным ω , еще сохранным по диалектам: лит. и разг. *вòсемь* (диал. $v\omega\acute{s}em$) — праслав. $\acute{o}sm\check{t}\check{s}$ (род. п. $osm\check{i}$) должно содержать акутированное $\acute{o}$ по тому же правилу, что и $\acute{b}\acute{o}b\check{s}$ (род. п. $bob\grave{a}$); лит. *вòбла*, *вòтчина*, диал. *вòсна* (почти во всех говорах; в XVIII в. — также и в литературном языке), *вòльха*, *вòбжа* должны были иметь ω , так как основы на *a* с корневым ударением всегда имели акутированный корневой слог; диал. (почти повсеместно) *вòстрый* (в говорах зафиксировано также и $v\omega stroj$) должно иметь ω по тому же правилу, что и $g\omega l\check{y}\check{s}$ ($*go\acute{t}\acute{o} : *g\acute{o}t\check{y}\check{s} = *ostr\acute{o} : *ostr\check{y}\check{s}$); лит. и разг. *вотъ* из $ot\check{s} < ot\grave{o}$ с оттяжкой ударения, что должно в итоге дать $*ot\check{s}$, и т. п. Напротив, в словах с праславянским (или прарусским) кратким или циркумфлектированным *o* (то есть древневеликорусским *o*, а не ω) протетическое *v* в начальной позиции никогда не встречается: *ось* ($*\acute{o}\check{s}\check{s}$, род. п. $\acute{o}si$), *онъ* ($*\acute{o}n\check{s}$, ср. р. $\acute{o}no$; ср. *во время оно*; форма *онò* — под влиянием ж. р. *она*), *òлово*, *òзеро*, *òсень*, *отèць*, *осìна*, *одìнъ*, *однà* засвидетельствованы во всех великорусских говорах всегда без *v*-. То, что великорусская *v*-протеза закономерно выступает только перед начальным ω , может считаться доказанным¹⁷. Случаи, когда *v* стоит перед безударным *o*, объясняются влиянием родственных форм с ω ; так, к примеру, лит. и разг. *восьмòй*, *восьмì* образовалось под влиянием *вòсемь*¹⁸, также диал. *вострò*, *вострìть* (в языке образованных людей — только в сознательно вульгарном *навострìть лыжи*) — под влиянием *вòстрый*. Труднее объяснить отсутствие в некоторых случаях *v* перед начальным ω . Лит. и диал. *òстрый* (наряду с диал. $v\omega stroi$) может быть приписан влиянию *острò*; *òтчина*, диал. $\omega t\check{c}ina$ (наряду с которыми господствующим в литературном языке является *вòтчина* могли возникнуть под влиянием *отец*, *отчìзна*, *òтче*; благодаря колеблющемуся ударению слова, обозначающего 'ольху', становится ясно, почему наряду с *ольхà* и диал. *вòльха* существует также диалектная компромиссная форма *òльха*. Однако такие объяснения невозможны в случаях *òсна* (наряду с *вòсна*), *òбжа* (наряду с *вòбжа*), так как не существует родственных форм с безударным *o*. Объяснение всплывает благодаря одному месту из 2-й Софийской летописи. Здесь в одном и том же предложении (под годом 6986) мы имеем: "7 сот обежь ... 20 (двадесять) обежь" и сразу затем "полъ 300 ста вобежь и три вобжи", то есть $v\omega$ — после слов, которые оканчиваются на гласный (*trista, tri*), и ω — после слов, которые заканчиваются согласным (*sot, dvadesat*)¹⁹. Таким образом, *v*-протеза должна была быть первоначально "законом фразового сандхи". Слова, начинающиеся с ω , должны были первоначально

¹⁷ Насколько мне известно, этот звуковой закон впервые был сформулирован Н. Дурново. См.: Н. Д у р н о в о. Очерк истории русского языка, с. 195.

¹⁸ Однако *осьмушка* в значении '1/8 фунта' употребляется без *v*, очевидно, из-за того, что связь с *восемь* не прослеживается здесь столь четко.

¹⁹ Трудно решить, действовал ли закон, согласно которому между предшествующим гласным и ω появлялось вставное *v* также и внутри слова. В тех

появляться в двух формах (с *v* и без *v*), в зависимости от того, заканчивалось ли предшествующее слово на гласный или на согласный; со временем это правило было устранено и забыто, формы с *v*ω- и с ω- употреблялись без разбора, пока наконец не была обобщена та или иная форма, что происходило по-разному в каждом отдельном слове и в каждом отдельном говоре. Важным для *v*-протезы остается то обстоятельство, что она и в великорусском происходила закономерно только перед ω (то есть *uo*).

Для белорусского до сих пор отсутствуют исчерпывающие сводки материала. Протетическое *v* представлено в различных белорусских говорах то в таких случаях, когда в великорусском ожидалось бы ω (к примеру, *vòstryj*, *vòsra*, *vòkna*), то в случаях, когда в древнеукраинском необходимо постулировать *uo* (например, *voś*, *vòcysy*, *vojcu*), что легко понять после сказанного выше о возможном двойственном происхождении древнебелорусского *uo. К сожалению, при сегодняшнем состоянии исследований невозможно определить, насколько широко все эти формы распространены на белорусской почве и как они распределяются географически. Во всяком случае, белорусский материал не противоречит сформулированному выше положению, согласно которому *v*-протеза во всех восточнославянских наречиях систематически появлялась перед старым преломленным *o* (*ou*, ω)²⁰.

Что касается хронологии *v*-протезы, то древнейшие украинские примеры относятся ко второй половине XIII в. (также **ВОВЬЦА** (Галицкое Евангелие 1266 г.)), старейшие великорусские примеры засвидетельствованы только в XIV в. Таким образом, и тут мы имеем звуковое изменение, распространившееся с юго-запада на всю восточнославянскую языковую область. Однако это, пожалуй, последнее общерусское звуковое изменение: его возникновение относится еще к "периоду 1164 — 1282", но его распространение завершилось намного позднее.

Если сравнить это последнее общерусское звуковое изменение, единственное распространившееся на всю восточнославянскую языковую область после 1282 г., с общерусскими изменениями "периода 1164 — 1282", то в глаза сразу бросится различие в их внутреннем значении. Утрата интонаций и количества привела к коренному изменению всей фонологической системы языка; результатом перехода *ku* > *kí* явилось появление в звуковой системе новых звуков (*k̄*, *ḡ*, *γ̄*, *χ̄*)²¹; преобразо-

случаях, когда, согласно распространенной точке зрения, *v* в диалектах заменяет *g* (или *γ*), это *v* находится чаще всего перед старым *ω: великорусск. диал. *tovò* (*tovω наряду с *togo*, *toγω*), *rovost* (*rovωst наряду с *rogost*), *korovod* (*korovωd наряду с *korogod*). Таким образом, можно было бы исходить из *toω, *poωst, *koγωd. Вопрос лишь в том, как объяснить падение *g* (или *γ*). Закономерное исчезновение *g* (или *γ*) между *o* и ω невозможно предположить из-за слов типа *rogòža*, *rogòda*, сохраняющих, насколько мне известно, *g* (или *γ*) во всех великорусских говорах.

²⁰ Эта регулярная *v*-протеза не должна смешиваться со спорадической *v*- и *h*-протезой перед непреломленным *o* (*voko*, *hoko*, *vorich*, *hogěch* и т. п.) и *u* (*vuž*, *vucho*, *huž*, *hucho* и т. п.), часто встречающейся в различных украинских и белорусских говорах.

²¹ Ранее, в XI и в первой половине XII в. *k'* как будто встречается лишь в со-

вание редуцированных устранило из звуковой системы старые звуки (ъ, ь). Протеза v, напротив, не создала ничего принципиально нового: звук v существовал в русской звуковой системе и раньше. После утраты интонаций и количества каждое слово должно было звучать иначе, чем раньше (или по крайней мере субъективно восприниматься по-другому), после изменения редуцированных — большинство слов; переход $ku, gu, ху > ki, gi, xi$ также затронул многочисленные слова²². Напротив, сфера действия v-протезы, изначально выступавшей, как уже было сказано, только после слов, оканчивавшихся на гласный, была гораздо уже. Если к тому же принять во внимание то обстоятельство, что все действительно глубокие звуковые изменения "периода после 1282 г." (например, отдельные явления качественных изменений безударных слогов, затем устранение ё, ѡ, отверждение í, с, љ, ѝ, џ) не затрагивали, как было показано выше, всю восточнославянскую языковую область, но всегда имели лишь ограниченную сферу распространения, то неизбежен вывод, что малое значение единственного общерусского звукового изменения этого периода, а именно v-протезы, является не случайным, а прямо-таки типичным. После завершения общерусских звуковых изменений "периода 1164 — 1282" важные и глубокие звуковые изменения уже не имели больше силы для того, чтобы распространиться на всю восточнославянскую языковую область. И эта неспособность *совокупности* диалектов одного языка совместно переживать *существенные* звуковые изменения как раз и является признаком наступившего распада.

X

Мы проследили звуковые изменения в русском языке, начиная от появления первых диалектных различий и кончая завершением последнего общерусского звукового изменения. При этом было подчеркнута, что граничащие с другими славянскими языками юго-западная и западная части восточнославянской языковой области с самого начала усваивали различные звуковые изменения, возникавшие в соседних языках; эти изменения распространялись затем с юго-запада и запада на остальную языковую область, причем они должны были бороться со стойким сопротивлением остальной, более отдаленной части восточнославянской области. В древнейшие времена (восходящие, вероятно,

четании sk' перед ё; ср. **чловѣчьскѣи, женьскѣи** ("Изборник Святослава 1073 г.") и другие подобные формы. Изолированное с морфологической точки зрения **дѣвѣи, сѣдѣи, дѣмѣи** в Новгородской Минее 1096 г. загадочно, тем более что имя **дѣмѣи** нигде более не встречается. Не является ли оно ошибкой писца?

²² Нельзя недооценивать важности перехода $ku > ki$ и его значения для дальнейших языковых изменений. Только после того, как в результате этого перехода в звуковую систему вошли палатальные k, g, x , стали возможными такие новообразования, как великорусск. $ruk\acute{e}, nog\acute{e}, spoch\acute{e}, v\ domik\acute{e}$, повел. $rek\acute{i}, romog\acute{i}$, наст. вр. великорусск. $tk\acute{e}t\acute{z}$, белорусск. $nek\acute{e}sh\acute{z}$ и т. п. Памятники показывают, что подобные новообразования стали относительно употребительными только в XIV в. (то есть после перехода $ku > ki$).

к позднепраславянскому периоду) эта сопротивляющаяся юго-западным звуковым изменениям часть восточнославянского языка географически была еще крайне ограниченной. Постепенно она становилась, однако, все обширнее. Распространение идущих с юго-запада звуковых изменений все более и более затруднялось и могло происходить лишь в медленном темпе. Благодаря этому обстоятельству постоянно возникали диалектные различия между разными частями языкового целого, и поскольку отдельные звуковые изменения всегда распространялись приблизительно в одних и тех же направлениях, то и отдельные диалектные различия должны были географически распределяться приблизительно одинаковым образом. И даже когда какому-нибудь звуковому изменению удавалось преодолеть сопротивление отдельных частей языкового целого и распространиться на всю языковую область, возникшие благодаря медленному темпу распространения этого изменения диалектные различия все же продолжали существовать. Вследствие накопления подобных различий языковое целое дифференцировалось до такой степени, что наконец наступило состояние, когда ни одно мало-мальски важное звуковое изменение уже не обладало достаточной силой, чтобы распространиться на всю языковую область. Это состояние коренным образом отличалось от древнего: ранее каждое звуковое изменение стремилось к тому, чтобы охватить всю языковую область, и останавливалось только тогда, когда достигало говора, в котором либо еще не возникли фонетические условия, необходимые для осуществления данного звукового изменения, либо же эти условия уже были устранены. Теперь же распространение отдельных звуковых изменений стало останавливаться и без подобных объективных причин, просто из-за отсутствия силы экспансии. Отныне диалектные различия формировались не только из-за медленного темпа распространения отдельных звуковых изменений, как это было раньше, но также и просто из-за того, что каждое отдельное звуковое изменение имело теперь свою собственную область распространения и без видимых причин останавливалось в своем движении в различных частях языковой области. Таким образом, звуковые изменения *языкового целого* должны были прекратиться. Единственным субъектом звуковых изменений стал отныне каждый отдельный говор. Это был *распад* языкового единства.

Наблюдения над очерченной выше картиной древнерусских звуковых изменений приводят нас к выводам общего методологического характера. Мы увидели, что часто медленный темп распространения звукового изменения, охватывающего в конце концов всю языковую область, может вызвать более глубокие диалектные различия, чем локальное звуковое изменение с ограниченной областью распространения. Таким образом, и для общей теории звуковых изменений важно всегда учитывать темп и направление распространения.

Далее, я думаю, мне удалось показать, что русское языковое единство не разделилось сначала на три или четыре дочерних языковых единства, а сразу распалось на неопределенную массу говоров. *Единого "правеликорусского" языка никогда не существовало*, так как особен-

ности, отделяющие северновеликорусский от южновеликорусского, значительно старше, чем так называемые "общевеликорусские" признаки. То, что составляет звуковое своеобразие украинского, возникло в первую половину "периода 1164 – 1282", то есть перед распадом общерусского языкового единства: "праукраинский" существовал, таким образом, не *после*, но *до* распада общерусского языкового единства. Однако это еще не все. Мы видели, что распад русского языкового единства совпадает с завершением процесса преобразования редуцированных. Преобразование редуцированных является, однако, последним звуковым изменением, общим для всех славянских языков. Можно, таким образом, сказать, что русский только тогда потерял способность принимать участие в общеславянских звуковых изменениях, когда и отдельные восточнославянские говоры стали неспособны осуществлять общерусские звуковые изменения совместно. Из всего этого следует, что конец дочерней языковой общности не всегда должен быть хронологически более поздним, чем конец материнской языковой общности.

I

В своей статье "Современная фонология и описание языковых категорий" („De Nieuwe Taalgids“, XXVI, с. 66 и сл.) Н. ван-Вейк критикует современную фонологию. В отличие от так называемой "фонологической школы", которая подчеркивает телеологический (целенаправленный) характер фонетической эволюции и усматривает смысл звуковых изменений в создании регулярно и целесообразно построенных фонологических систем, Н. ван-Вейк предпочитает отстаивать тезис о принципиальной бессмысленности фонетической эволюции. По мнению Н. ван-Вейка, наряду с такими звуковыми изменениями, которые, как кажется с первого взгляда, стремятся устранить нерегулярность в структуре звуковых систем, имеются и другие, которые уничтожают уже существующую гармонию, не заменяя ее новой. В качестве примера такой разрушительной фонетической эволюции у Н. ван-Вейка служит изменение $g > \gamma > h$ в некоторых славянских языках. Изменение g в γ создает для старого x новый звонкий коррелят, но отнимает у старого k такого же партнера, так что возникшая новая система оказывается равноценной старой. Но ввиду изменения γ , возникшего из g и далее развившегося в h (в украинском, словацком, чешском и верхнелужицком), как k , так и x становятся изолированными, и всякая гармония разрушается. «Правда,— тут же добавляет Н. ван-Вейк,— в такой парадигме, как чеш. $b\bar{u}x$ (орфографически $b\bar{u}h$): $boha$ чередование $x : h$ все еще ощущается как корреляция, однако очевидно, что система что-то утратила из своей регулярной структуры, и это тем более удивительно, что разные славянские языки независимо друг от друга провели изменение $g > \gamma > h$ » (указ. соч., с. 74).

Как представитель "фонологической школы", я хотел бы здесь показать, что развитие задненебных в славянских языках никоим образом не является бессмысленным и что оно основывается на стремлении к регулярности и целесообразности в структуре фонетической системы.

* N. S. T r u b e t z k o y. Zur Entwicklung der Gutturale in den slavischen Sprachen. — In: "Сборникъ въ честь на проф. Л. Милетичъ". София: Издание на Македонския научен Институт, 1933, с. 267 — 279.

Вначале мне хотелось бы внести поправки в некоторые утверждения Н. ван-Вейка.

С фонетической точки зрения звонкое *h* не может являться "звонким партнером" *x*, ибо эти два звука имеют неодинаковое место артикуляции. С фонологической точки зрения (то есть с точки зрения языковой функции соответствующего звука) дело обстоит совсем по-другому. Те славяне, в языке которых произошло изменение *γ* в *h*, воспринимают *h* в качестве звонкого коррелята к *x*, поскольку в их сознании живо равенство $h : x = z : s = \check{z} : \check{s}$ ¹. Поэтому и сегодня в этих языках существует *γ* как фонетический вариант *h* (а частично и *x*), что для фонетически неподготовленного чеха (соответственно словака или украинца) остается незамеченным². Это *γ* в диалектах может выступать вместо *h*, как, например, в закарпатских диалектах украинского языка³. Факультативное варьирование между *γ* и *h* наблюдается и в южновеликорусских диалектах на границе украинского ареала: один и тот же человек произносит одно и то же слово то с *γ*, то с *h*. Переход от чистого южновеликорусского *γ* к чисто украинскому или белорусскому *h* так постепенен и связан с такими резкими индивидуальными отличиями, что это явление не может быть отражено какой-либо четкой изоглоссой, — и данная трудность связана именно с тем, что речь идет не о фонологическом, а о фонетическом различии⁴. Звонкий ларингальный *h* и велярный *γ* являются в славянских языках просто двумя фонетическими реализациями одной и той же фонемы, а именно — звонкого соответствия ("звонкого коррелята") к *x*. Славянский *x* имеет довольно широкую артикуляцию и в связи с этим относительно слабый велярный шум трения⁵. При акустическом восприятии *x* и (звонкого) *h* украинское, чешское и словацкое ухо в качестве релевантной улавливает лишь разницу в звонкости; напротив, присутствие умеренного велярного шума трения у *x* и его полное отсутствие у *h* воспринимается как совершенно иррелевантное, "само собой разумеющееся" сопутствующее явление при противопоставлении по звонкости. Из-за перехода $\gamma > h$ в фонологических системах упомяну-

¹ Людевит Новак утверждает это для словацкого („Sborník Matice Slovenskej“, VIII, с. 19 f.), но, очевидно, это верно и для чешского, украинского и верхнелужицкого, где в данном аспекте присутствуют те же отношения.

² Ср. J. Z u b a t ý. — См.: „Sborník Filologický“, I, 106 f.; Fr. T r á v n i č e k. P ř i s p ě v k u k d ě j i n á m č e s k é h o j a z y k a, 25 f.; о *γ* в словацком см. L. N o v á k. Op. cit., 14 (например: bo γ bi dal вместо Boh by dal). В чешском *γ* регулярно появляется не только на месте старого *x* (как в ab γ dal=abych dal), но также и на месте старого *h* в ауслауте (например: bu γ bi dal = Buh by dal). *γ* вместо *h* перед звонкими шумными я часто слышал и в инлауте.

³ O. B r o s c h. — См.: „Archiv für slav. Philologie“, XVII, S. 337; "Угро-русское наречие села Убли", с. 17.

⁴ Ср. N. T r u b e t z k o y. — In: „Travaux du Cercle Linguistique de Prague“, IV, p. 230 f.

⁵ O. B r o s c h. — В „Slavische Phonetik“, S. 40. — Даже украинское и чешское *x*, которое значительно "уже" русского (ср. O. B r o s c h. Op. cit., S. 78 f., 91), обладает намного меньшим шумом трения, нежели верхненемецкое (не говоря уже о голландском) *ch*.

тых славянских языков, таким образом, совершенно ничего не изменилось, и Л. Новак (указ. соч., с. 20) прав, когда он говорит, что данный переход остался чисто фонетическим⁶.

III

Утверждение Н. ван-Вейка о том, что отдельные славянские языки провели изменение $g > \gamma > h$ независимо друг от друга, является необоснованным (во всяком случае, в отношении перехода $g > \gamma$). Ф. Ливер, который ясно и объективно подвел итоги дискуссии о хронологии данного перехода в чешском, так сформулировал положение дел („Slawistische Schulblätter“, III, S. 24 f.): «Предположение Травничка о том, что старое славянское g перешло в γ примерно с начала XII в., не более убедительно, чем гипотеза о том, что произношение γ восходит еще к пра-чешскому периоду». То же самое относится к словацкому и к верхнелужицкому⁷. Внешние показания всюду оказываются совершенно бесполезными: графика древних памятников в латинской письменности ничего не доказывает, поскольку буква g может обозначать и спирант γ (как и в древне- и средневерхненемецких рукописях); заимствования также ничего не доказывают, поскольку языки, имеющие только γ , но не g , передают чужое g как γ (ср., например, южновеликорусское $с\ddot{y}\gamma a r k \ddot{a}$, $t' i l' i \gamma r a f$, $\gamma \ddot{a} z e t \ddot{a}$ и т. д.)⁸; и, напротив, чужое γ в языке, не имеющем этого звука, может передаваться только как g (ср., например, передачу турец-

⁶ Нарушение регулярной структуры звуковой системы может в данном случае отметить лишь тот наблюдатель, в чьем родном языке x , γ и h являются тремя отдельными фонемами, как это действительно имеет место в голландском. Хотя Н. ван-Вейк обладает завидными языковыми способностями и практически владеет многими славянскими языками, в совершенстве воспроизводя их звуки, ему не всегда удается освободиться от своего подсознательного голландского фонетического восприятия. Это подтверждается и в другом месте его цитированной выше статьи, где Н. ван-Вейк сам указывает, что он воспринимает мягкие (палатализованные) согласные как "согласный + j ", придыхательные — как "согласный + h ", аффрикаты — как "взрывной + спирант" и желает видеть в этом восприятии какую-то объективную ценность (указ. соч., с. 75). Такое восприятие объясняется, однако, всего лишь тем, что родной язык Н. ван-Вейка не обладает этими тремя видами фонем. Для русского звук $\check{s}$ — такой же единый звук, как, например, l , и соотношение $t:t'$ для фонетически неподготовленного русского совершенно такое же, как и соотношение $t:d$. Лишь чуждые фонемы, не имеющие в родном языке слушателя никакого эквивалента, воспринимаются им как сочетания звуков. Носитель языка, которому совершенно чуждо противопоставление Tenuis:Media или Fortis:Lenis, явно будет воспринимать наши d, b, g как сочетания t, p, k с неопределенным "пучащим" звуком. — При исследовании фонологической системы иностранного языка необходимо отрешиться от своих собственных звуковосприятий, поставить себя с полной объективностью на место "туземца" и пытаться установить его восприятие звуков.

⁷ Для восточнославянского ареала щелевое произношение звонких заднеязычных надежно устанавливается уже в древнейших памятниках (у Константина Багрянородного).

⁸ Правда, баварское g является глухим media. Но славяне воспринимают такие глухие mediae в качестве звонких (что, например, в Австрии является признаком "славянского акцента").

кого и новогреческого γ через g в болгарском и сербохорватском)⁹. Что касается внутренних критериев, то в отдельных языках для перехода $g > \gamma$ можно установить лишь *termini ante quos*, но не *termini post quos*¹⁰. Поэтому до сих пор мнение А. А. Шахматова о том, что переход $g > \gamma$ был диалектным явлением в праславянский период ("Очерк древнейшего периода истории русского языка", §§ 62, 71, прим.), никем еще не опровергнуто и не доказана его невозможность. Но если принять во внимание, что этот переход отмечается не в различных не связанных между собой точках славянского мира, а в группе языков (соотв. диалектов); которые или до сих пор граничат между собою, или же (как верхнелужицкий и чешский) определенно граничили когда-то друг с другом, то необходимо признать, что гипотеза Шахматова гораздо более вероятна, нежели противоположная ей, согласно которой южновеликорусский, белорусский, украинский, словацкий, чешский и верхнелужицкий — все независимо друг от друга и случайно провели один и тот же переход $g > \gamma$. Поэтому я полагаю, что предположение Шахматова соответствует действительности, и рассматриваю изменение $g > \gamma$ как диалектное явление позднепраславянского времени.

Что же касается перехода $\gamma > h$, то он определенно относится к гораздо более позднему периоду. Так как при этом изменилась только фонетическая реализация одной фонемы, процесс заключался в том, что звонкое h вначале появилось лишь как редкий "стилистический" (факультативный) вариант наряду с γ . Некоторое время оба варианта (γ и h) должны были сосуществовать (то есть один и тот же человек мог в одном и том же слове произносить то γ , то h , не вызывая впечатления произносительной ошибки), причем, скорее всего, h первоначально предпочиталось в определенных позициях. Со временем, однако, вариант h становился все более употребительным, так что в конце концов он стал нормальным основным вариантом¹¹. Весь этот процесс мог быть очень

⁹ Правда, древневенгерский в XII в., судя по всему, обладал еще звонким задненебным спирантом (из финно-угор. $*k \sim *\gamma$). Но этот звук встречался только между гласными или в исходе после гласного, и его произнесение в другой позиции должно было быть для тогдашних венгров столь же трудным, как, например, для нынешних немцев произнесение задненебного носового (ng) в начале слова или после согласных. Кроме того, дальнейшее развитие этого древневенгерского звука, а именно его вокализация, указывает на крайне открытое его образование, что не может быть принято для др.-словацкого $*\gamma$ времен венгерского заселения Паннонии. Поэтому $*\gamma$ словацких топонимов первоначально передавалось в древневенгерском не как звонкий спирант, а как взрывной g . — Пользуюсь данным случаем, чтобы выразить свою сердечную благодарность д-ру Ю. фон Лазициушу, который с готовностью информировал меня о современном состоянии проблемы γ в истории венгерского языка.

¹⁰ Такими „*termini ante quos*“ для чешского языка являются: ассимиляция по звонкости (kde — произносится gde ; ср. N. T r u b e t z k o y. — In: „Zeitschrift für slavische Philologie“, I, S. 292; R. J a k o b s o n. — In: „Slavia“, IV, s. 812 ff.) и исчезновение редуцированных носовых — то, что обычно называется "деназализацией носовых гласных"; ср. N. S. T r u b e t z k o y. — In: „Slavia“, VI, s. 671.

¹¹ О терминологии ("вариант", "стилистический вариант", "основной вариант") ср. „Travaux du Cercle Linguistique de Prague“, IV, p. 319 ff., а также мои „Polabische Studien“ (= „Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien, Phil.-hist. Kl.“, 211, 4), S. 116 f.

длительным, но для установления его хронологии у нас отсутствуют надежные точки опоры¹².

Поскольку буква *h* в сознании средневекового писца ассоциировалась с глухим немецким *h* или с *x*(= „*ch*“), было бы маловероятно, что эта буква использовалась для передачи звонкого гуттурального спиранта *ɣ*, если бы наряду с этим *ɣ* не появлялось звонкое *h* в качестве его факультативного варианта (то есть как иное, но всеми допускаемое произношение той же фонемы)¹³. Поэтому первые написания с *h* славянских имен в латинских документах, скорее всего, указывают на то, что к тому времени (то есть для чешского — вторая половина XII в.)¹⁴ звонкое *h* уже встречалось как фонетическая реализация ”звонкого партнера” для *x*. Но ни о времени, когда это звонкое *h* стало основным вариантом соответствующей фонемы, ни о времени, когда оно впервые появилось как факультативный вариант наряду с *ɣ*, мы не можем сказать ничего определенного, исходя из языковых памятников. То, что окончательная победа варианта *h* имела место относительно поздно — весьма вероятный факт¹⁵. Предпосылки перехода *ɣ* > *h*, то есть ослабление велярного трения в *ɣ* и, возможно, первое спорадическое появление факультативного варианта *h* (даже в весьма ограниченном масштабе, например, только между широкими гласными и при быстром или небрежном произношении и т. п.) могут быть, однако, очень древними, даже, возможно, восходить к позднепраславянскому периоду.

¹² Предположение Г. Бартека о том, что словацкий переход *ɣ* > *h* должен быть одновременен с древневенгерской анаптиксой гласного между двумя согласными в анлауте (см. „*Revue des Études Slaves*“, XI, p. 47), основано на логической ошибке, как совершенно верно заметил Л. Новак (указ. соч., с. 6 и сл.). Но и предположение Фр. Травничка (к которому присоединяется и Л. Новак) о том, что переход *ɣ* > *h* произошел позже, чем ассимиляция по звонкости („*Príspevky k dějinám českého jazyka*“, s. 17 ff.), не может быть поддержано. *x* в чеш. *Vůh, lehký* (произн. *bůx, lehkī*) указывает лишь на то, что ко времени ассимиляции по звонкости *ɣ* в конце слова и перед шумными еще не перешло в *h*. Но это все же никак не доказывает, что оно тогда еще не перешло в *h* в других позициях (перед гласными и сонорными) или же не имело *h* в качестве своего факультативного варианта. В конце слова, то есть в случаях типа *abuch byl* (произн. *abiɣ bil*), возникшее в результате ассимиляции по звонкости *ɣ* до сих пор не перешло еще в *h*.

¹³ Правда, Фр. Травничек полагает, что передача *ɣ* с помощью буквы *h* была очевидной (указ. соч., с. 27: «Для звука *ɣ* в латинице, из которой возникла чешская письменность, не было знака, поэтому старые писцы прибегли к букве *h*, обозначавшей подобный звук»). С данным мнением трудно согласиться. Языки, пользующиеся латинской письменностью и имеющие *ɣ*, обычно обозначают данный звук буквой *g* или сочетанием букв. — Если в некоторых алфавитах, возникших в последнее время для языков народов СССР, *ɣ* передается через *h* (как в осетинской латинице), то это основано на традиционном произношении латинского *h* как *ɣ* в русской средней школе. — Передача древневенгерского *ɣ* при помощи *h* в старых памятниках, очевидно, связана с очень открытой артикуляцией этого звука (ср. выше, с. 171, прим. 9).

¹⁴ *Bergmann*. — In: „*Listy filologické*“, XLVIII, s. 237; ср. также *E. Schwaab*. — In: „*Archiv f. slav. Philol.*“, XXXIX, S. 293 ff.

¹⁵ Приведенные А. Мазоном в „*Revue des Études Slaves*“ (VII, p. 261 ff.) чешские глоссы, записанные древнееврейским письмом, как кажется, указывают на то, что велярное *ɣ* в середине XIII в. еще не было вытеснено *h*. Кроме того, орфо-

Теперь я перейду к своей главной теме — фонологическому истолкованию развития задненебных в славянских языках. Самым примечательным этапом в этом развитии был, видимо, переход $g > \gamma$.

Этот переход имел место во всех праславянских диалектах, где dz (из ġ) превратилось в z, кроме а) тех диалектов, где совпали праславянские с и ģ, и б) тех диалектов, где праславянское x перешло в ларингальное придыхание и проявило тенденцию к полному исчезновению.

Для того чтобы правильно интерпретировать эти связи, я должен остановиться на фонологических понятиях "корреляция" и "дизъюнкция". В каждом языке наличествуют две или более фонемные пары, в которых выявляется подобное отношение, например в латинском: $d : n = b : m$ или $r : t = b : d$. Когда такое отношение воспринимается как противопоставление между наличием и отсутствием определенного признака, то оно представляет собой *корреляцию*. Все остальные отношения между двумя фонемами — это *дизъюнкции*. Таким образом, отношение $d : n$ в латыни является отношением корреляции, поскольку, во-первых, оно подобно отношению $b : m$, и во-вторых, воспринимается как противопоставление "отсутствие назализации : наличие назализации". Напротив, отношение $r : t$ в латыни является дизъюнкцией, поскольку оно не может быть воспринято как противопоставление наличия какого-либо признака его отсутствию. Равным образом отношение $s : l$ в латинском представляет собой дизъюнкцию потому, что оно не имеет другого, подобного себе отношения фонем. Отсюда видно, что корреляция, чтобы быть воспринимаемой в качестве таковой, должна всегда выступать в нескольких парах фонем одной и той же звуковой системы. Поэтому имеют место случаи, когда одна и та же пара фонем в одном языке воспринимается как коррелятивная, а в другом — как дизъюнктивная: все зависит от того, имеются ли в том же языке другие подобные фонемные пары или нет. — Корреляции могут объединяться в *пучки*. В качестве примера трехчленного пучка корреляций можно привести древнегреческое отношение „Media: Tenuis: Aspirata“ ($\delta : \tau : \theta = \beta : \pi : \varphi = \gamma : \kappa : \chi$). Корреляции придают фонологической системе регулярное строение, и большинство языков стремится к тому, чтобы довести до минимума число изолированных, то есть не участвующих ни в какой корреляции, фонем.

Праславянская система шумных согласных знала лишь две корреляции: *корреляцию по звонкости — глухости* и *корреляцию по "сближению" или по смычности*. При этом под корреляцией по звонкости — глухости понимается противопоставление между звонкими и глухими шумными, а под корреляцией смычный — щелевой — противопоставление между шумными с полной смычкой и шумными с неполной смычкой. Во второй корреляции не существенно, является ли шумный, начи-

графия этих глосс может быть традиционной, так как чешские глоссы в древне-еврейской транслитерации не были редкостью в XIII в. (на что обратил мое внимание Р. Якобсон). Если анализ Й. Зубатого в отношении написаний $chlur\acute{y}$, $v\ ch\acute{o}mad\acute{e}$ и т. п. в одной из рукописей путешествия Кабатника (конец XV в.) является верным, то для того времени h еще нельзя рассматривать как основной вариант. Однако и эти написания допускают иную интерпретацию.

нающийся с полной смычки, взрывным или аффрикатой. Важно лишь то обстоятельство, что при артикуляции одного члена коррелятивной пары имеет место полная смычка в определенном месте ротовой полости, тогда как другой член образуется в том же месте при неполной смычке, то есть имеет щелевую артикуляцию¹⁶.

Первоначально корреляция по смычности охватывала лишь две пары фонем: $k:x$ и $\check{s}:\check{z}$. При этом отношение данной корреляции к корреляции по звонкости было весьма неопределенным. Правилom было лишь, что оба члена коррелятивной пары *как таковые* должны были быть глухими. Поэтому только один член в каждой коррелятивной паре мог иметь свое звонкое соответствие: в паре $k:x$ это был смычный ($k:g$), в паре $\check{s}:\check{z}$ — щелевой ($\check{s}:\check{z}$)¹⁷.

В силу вступили новые условия, когда — возникшие в результате второй и третьей палатализации задненебных — палатальные k', g' перешли в s, dz . К двум прежним фонемным парам ($k:x$ и $\check{s}:\check{z}$) присоединились две новые: $s:s$ и $dz:z$ ¹⁸. При этом из четырех пар лишь пара $dz:z$ была единственной, оба члена которой были звонкими. Большинство праславянских диалектов восприняло это как нарушение системы и отказалось от противопоставления dz и z . Только на крайнем северо-западе (в пралехитских диалектах) и на крайнем юге (в части праболгарских диалектов) сохранялось различие между dz и z . Во всех остальных диалектах z и dz совпали, причем более редкое dz везде перешло в z .

Это удаление dz из фонологических систем большинства праславянских диалектов привело, однако, к возникновению совершенно новой ситуации. В системах шумных согласных всех этих диалектов ныне были противопоставлены две группы фонем: с одной стороны, чистые пары смычных $t:d, p:b$ (как и t', d' — именно в тех диалектах, где возникшие из $*tj, *dj$ краепалатальные смычные еще не претерпели дальнейших изменений)¹⁹, в которых наличествовало только противопоставление по звонкости; с другой стороны, трехчленные группы фонем, в которых корреляция по звонкости сочеталась с корреляцией по "смычности". Два таких пучка выказывали совершенно ясную структуру: глухому щелевому противопоставлялся, с одной стороны, глухой смычный (аффриката), с другой стороны — звонкий щелевой ($s:s:z,$

¹⁶ Подробнее о корреляциях см. в моей статье "Фонологические системы" (N. S. Trubetzkoy. Die phonologischen Systeme: In „Travaux du Cercle Linguistique de Prague“, IV, p. 96 ff.) и в приведенной там литературе.

¹⁷ Звук $d\check{z}$ в праславянском встречался лишь в сочетании $\check{z}d\check{z}$, которое должно было восприниматься языковым сознанием как $\check{z}\check{z}$. В связи с этим $d\check{z}$ не было в то время самостоятельной фонемой, а лишь "комбинаторным вариантом" произношения фонемы $\check{z}$.

¹⁸ Кроме того, s и dz были всегда смягченными и могли стоять только перед гласными переднего ряда; s и z смягчались перед гласными переднего ряда; перед гласными заднего ряда и перед согласными они не смягчались. К этому времени, однако, мягкость не играла никакой фонологической роли и являлась всего лишь «само собой разумеющимся способом произношения» всех губных и зубных перед гласными переднего ряда. Поэтому мягкость здесь не нужно передавать особыми диакритическими значками.

¹⁹ Таково было положение вещей в то время в южных праславянских диалек-

č:š:ž). Но третий, задненебный, пучок фонем не очень хорошо вписывался в эту систему. Отношение k:g было идентично отношению t:d и p:b, но тем не менее задненебные не могли присоединиться к чистым парам смычных, поскольку рядом с k было x, а отношение k:x, очевидно, представляет собой отношение по степени "смычности". С другой стороны, задненебные не могли объединиться с другими трехчленными пучками фонем (c:s:z, č:š:ž), поскольку они имели иную структуру. "Невписываемость" задненебных в фонологическую систему представляла собой проблему, которую все праславянские диалекты, утратившие dz, должны были обязательно разрешить²⁰.

Самое простое решение "проблемы задненебных" заключалось в превращении g в спирант γ. Тем самым глухое x приобретало звонкое соответствие, тогда как k сохраняло лишь роль "смычного партнера" у спиранта x. Таким образом, в ряду задненебных восстанавливались те же отношения, что и в ряду сибилантов, а вся система шумных приобретала вполне регулярный вид: две (соотв. три) чистых пары смычных: t:d, p:b (и диалектное t':d') и три трехчленных пучка фонем: c:s:z, č:š:ž, k:x:γ. Поэтому вполне понятно, что именно этот путь был избран большинством праславянских диалектов, а именно — праюжно-русским, прасловацким, прачешским и праверхнелужицким²¹.

Из сказанного следует, что для перехода g > γ необходимы были в качестве предпосылки два фонологических обстоятельства: наличие образцовых фонемных групп c:s:z и č:š:ž и ощущение связи между k и x. В тех диалектах, где эти предпосылки отсутствовали, переход g > γ не мог иметь места.

Этим объясняется, почему изменение g > γ не могло произойти ни в прасевернорусском, ни в пранижнелужицком диалектах праславянского языка. В прасевернорусском праслав. c и č (из č и *tj) совпали в одном промежуточном звуке, который я условно обозначаю как ĉ. На это

тах, а кроме того, и в прасловацком, где изменение d', t' > dz, c произошло позднее. Ср. N. S. T r u b e t z k o y. — In: „Zeitschrift für slavische Philologie“, VII, S. 385 ff.

²⁰ В диалектах, сохранивших dz, данная проблема не вставала: одновременное существование пар k : x и k : g поддерживалось аналогией пар c : s и c : dz. Только когда в этих диалектах dž стало самостоятельной фонемой, задненебные оказались в особом положении, так как между g : k : x, с одной стороны, и dz : c : z : s, dž : č : ž : š — с другой, не было никакого параллелизма.

²¹ Позднее в отдельных диалектах эта система претерпела сильные изменения, из которых наиболее важным, по всей видимости, было распространение корреляции по звонкости на все шумные. Ранее всех, очевидно, данная инновация появилась в прасловацком, где вскоре за переходом g > γ возникли новые c, dz из t', d' (= праслав. *tj, *dj); ср. „Zeitschrift f. slav. Phil.“, VII, S. 387 f.). Новое dz уже не исчезало; напротив, по модели c : dz для č и для k были образованы новые dž и ě (посредством новообразований, экспрессивных и звукоподражательных слов, а также из иностранных заимствований). Таким образом, старые трехчленные пучки фонем были преобразованы в четырехчленные (c : dz : s : z, č : dž : š : ž, k : g : x : γ). Судя по всему, украинский приобрел фонемы dz, dž, g гораздо позже, чем словацкий, и в основном под влиянием других языков. В настоящее время, однако, эти фонемы вошли в фонологическую систему украинского литературного языка и многих украинских диалектов.

указывают встречающиеся уже в древнейших новгородских памятниках случаи смещения **Ц** и **Ч** (а также совпадение праслав. *sc* и *šč*), например сев.-русск. *щепка* < *ščerъka, *щерить* < *ščeriti²² и т. д.). Этот промежуточный звук не мог выступать в качестве коррелятивного "смычного партнера" ни по отношению к *s*, ни по отношению к *š*. Тем самым корреляция по "смычности" была вообще снята. Остались лишь корреляция по звонкости, охватывавшая пять пар фонем (*t:d*, *p:b*, *k:g*, *s:z*, *š:ž*) и сверх того две изолированные "непарные" шумные фонемы: *ĉ* и *x*.

Подобное развитие надо предполагать и для пранижнелужицкого. К настоящему времени в нижнелужицком праслав. *s и *šč в свободной позиции оба представлены как *s*, но в некоторых группах согласных — как *š* (например, в *šk*, *šč* и т. д.). Правда, К. Мука полагает, исходя из немецкого фонетического облика нижнелужицких топонимов, таких, как *Bretschen*, *Tschecheln*, *Tschereh* и т. п., что праслав. *šč в нижнелужицком в XII и XIII в. «было еще вполне обычным»²³. Однако в Нижней Лужице встречается немало топонимов, в которых немецкое „z“ стоит на месте праслав. *šč (например, *Zernitz*); с другой стороны, среди приводимых К. Мукой географических названий есть топоним *Tschirkau*, где нем. *tsch* стоит на месте праслав. *s (праслав. *сыркъвъ, ниж.-луж. *surkej*, верхне-луж. *serkej*). По моему мнению, отсюда можно сделать вывод, что в нижнелужицком, как и в северновеликорусском, праслав. *s и *šč первоначально совпали в одном промежуточном звуке *ĉ, который немцы передавали то как *z*, *tz*, то как *tsch*, *zsch* и который позже развился в независимой позиции в *s*, а в некоторых сочетаниях согласных перешел в *š*. Ничто не мешает предположению, что *s и *šč совпали уже в пранижнелужицком диалекте праславянского языка.

Ввиду совпадения *s* и *š* в одном звуке и исчезновения корреляции по "смычности", "проблема задненебных" нашла удовлетворительное решение²⁴. Это же было причиной, по которой изменение *g > γ* не смогло проникнуть ни в прасевернорусский, ни в пранижнелужицкий диалекты. Действительно, в настоящее время в лужицком ареале изоглоссы взрыв-

²² Ср. N. D u r n o v o. — In: „Revue des Études Slaves“, VI, p. 216 ff., и R. J a k o b s o n. Remarques sur l'évolution phonologique du russe. — In: „Travaux du Cercle Linguistique de Prague“, II, p. 46.

²³ К. E. M u c k e. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache, S. 166.

²⁴ В „Zeitschrift für slavische Philol.“ (I, S. 293) я высказал предположение о том, что северновеликорусское совпадение *s* и *š*, возможно, вызвано влиянием западнофинских языков (позднее я заметил, что В. Чернышев пришел к этой же мысли уже в 1902 г. — См. „Русский Филологический Вестник“, XLVII, с. 117 и сл.). Противопоставление *š* и *ś*, сохраняющееся до сих пор в коми и удмуртском языках, так же как и в некоторых диалектах марийского, очень рано исчезло в западнофинских, хотя еще долго сохранялось различие *š : ś*. Ввиду этого допущение какого-либо западнофинского влияния на северновеликорусский в этом отношении крайне маловероятно. Но даже если какой-либо западнофинский язык послужил образцом для севернорусского при совпадении *š* и *ś*, причиной имитации такого образца являлась необходимость устранения корреляции по "смычности". Р. Якобсон (указ. соч., с. 46) говорит с полным основанием: «Это изолированное заимствование из финского можно понять исключительно с точки зрения интересов фонологической системы».

ного g и изменения $\check{s} > s$ полностью совпадают. Что же касается русского языка, то между "цокающим" ареалом совпадения $\check{s}$ и s и настоящими южновеликорусскими диалектами с $g > \gamma$ и различием $\check{s}$ и s лежит довольно широкая полоса диалектов с сохранением g и различием звуков $\check{s}$ и s ²⁵. Однако данные диалекты сравнительно недавнего происхождения и, судя по всему, возникли в результате диалектного смешения. В более ранний период им должно было быть свойственно "цоканье" (то есть неразличение $\check{s}$ и s), как это видно, между прочим, из мордовской трактовки $\check{s}$ и s в заимствованиях из русского языка²⁶. Поэтому и в восточнославянской области первоначальная зона распространения взрывного g должна была совпадать с зоной неразличения старых $\check{s}$ и s ²⁷.

Третье возможное решение "проблемы задненебных" заключается в ларингализации x , то есть в превращении x в глухое ларингальное придыхание, которое я обозначаю h в отличие от звонкого h . Тем самым эта фонема выпала из группы задненебных, и соотношение по "смычности" $x:k$ исчезло. В тех диалектах, которые провели данное изменение, велярное x все еще встречается, но только как факультативный (или комбинаторно-факультативный) вариант h , и, кроме того, оно артикулируется столь глубоко в гортани с очень малым шумом трения, что больше не воспринимается как "спирантный партнер" k . Дальнейшее диалектное развитие этого h характеризуется, с одной стороны, его озвончением в определенных позициях, а с другой стороны — тенденцией к полному исчезновению, причем заместителями h часто выступают звонкие v , g , j ²⁸. В настоящее время h или его дальнейшие стадии развития можно наблюдать в болгарских и сербохорватских диалектах. Но первоначальные границы перехода $x > h$ определить уже не удастся²⁹. Во всяком случае, такое развитие можно рассматривать как одно из решений "проблемы задненебных". В тех праславянских диалектах, которым был из-

²⁵ Ими являются "северновеликорусские диалекты волжской группы" и "средневеликорусские диалекты" — по терминологии, принятой Н. Н. Дурново, Д. Н. Ушаковым и Н. Н. Соколовым в "Опыте диалектологической карты".

²⁶ См.: P. R a v i l a. — In: „Annales Academiae Scientiarum Fennicae B“, XXVII (= „Mélanges de philologie offerts à J. J. Mikkola“), p. 256 f., 261 f.

²⁷ При этом надо отметить, что даже в вышеупомянутых диалектах, сохраняющих взрывное g и различающих $\check{s}$ и s (так же как и в русском литературном языке), корреляции по "сближению" более не существует: $\check{s}$ является "мягким" и дорсальным, ввиду чего оно уже не воспринимается как тесно связанное с всегда "твердым" и апикальным $\check{s}$; а у x отмечается очень слабый велярный шум, и артикулируется оно гораздо глубже в ротовой полости, чем k , поэтому k и x сильно отличаются друг от друга как акустически, так и артикуляторно. Наконец, с относится к согласным, которые "не поддаются смягчению" (то есть k таким, которые не имеют смягченного соответствия), тогда как s принадлежит к таким согласным, которые можно смягчить.

²⁸ В детали диалектного развития здесь я не буду углубляться, но я хотел бы подчеркнуть, что все эти подробности (в том числе и отмеченные Р. Бошковичем в "Јужнослов. филолог", IX, 179 ff.) легко объяснимы с фонологической точки зрения.

²⁹ Так, например, остается открытым вопрос, провели ли первоначально ларингализацию x те праболгарские диалекты, которые сохранили dz и в которых, поэтому, "проблема задненебных" вообще не возникала. Современное распределение рефлексов праславянского x вполне может зависеть от вторичных сдвигов.

вестен данный переход, возникла система $t:d, p:b, (t':d'), k:g, c:s:z, \check{c}:\check{s}:\check{z}, h$, в которой все шумные фонемы, кроме h , нашли своего "партнера".

Тенденция к ослаблению велярного шума у задненебных спирантов присуща всем славянским языкам. Также и северо- и средневеликорусское, как и польское x , произносится с очень слабым шумом, так что многие исследователи принимают его за промежуточную ступень между x и $h(h)$ ³⁰. Но ни польский, ни севернорусский не зашли так далеко в этом отношении, как южнославянские диалекты. Причины этого различия вполне понятны. В северовеликорусском ослабление велярного шума в x было просто следствием того изолированного положения, которое заняла эта фонема в фонологической системе после устранения корреляции по "смычности"³¹. В польском ослабление велярного шума у x также является следствием изолированности этой фонемы; в современной польской фонологической системе эта фонема является единственной шумной, не имеющей звонкого соответствия³². В обоих языках — в польском и в северовеликорусском — речь идет всего лишь об изменении в фонетической реализации фонемы x ; позиция же данной фонемы в системе осталась неизменной. Напротив, в южнославянских диалектах ларингализация x была не просто пассивным результатом, но непосредственной причиной изоляции (или, лучше — средством к изоляции) фонемы x в системе. Поэтому здесь изменение не просто фонетическое, но фонологическое. И таким образом, это изменение было гораздо более радикальным, нежели изменение в произношении x в польском языке и в севернорусском³³. Что же касается языков, претерпевших изменение $g > \gamma$, то в них x не могло заметно ослабить свой велярный шум, поскольку такое ослабление легко могло нарушить соотноше-

³⁰ Ср. O. V r o s h. Slavische Phonetik, S. 40, 67, где приводятся и др. мнения.

³¹ Естественно, хронологию ослабления велярного шума у x в севернорусском установить невозможно. Это явление кажется сравнительно поздним. То обстоятельство, что латыши передают x в русских заимствованиях через k , свидетельствует в пользу четкого велярного характера данного звука. Но это ничего особенного не дает, так как севернорусское x даже сегодня, несмотря на ослабленный шум трения, скорее, является велярным, нежели ларингальным.

³² Изолированное положение x с точки зрения глухости — звонкости ослабило его связь с k : соотношение $x:k:g$ не было тождественным $s:z:c:dz$ и $\check{s}:\check{z}:\check{c}:d\check{z}$. Изоляция x имела своим следствием не только ослабление его шума трения, но и тот факт, что он перед u и e ($< \check{b}, oje$) не смягчался, тогда как у k, g палатализация в определенных позициях (в частности, перед конечным $-e$) в настоящее время приобрела даже фонологическую значимость (ср., например, такие пары слов, как *Polskę* : *polskie*, *drogę* : *drogie*). О палатальном x современного польского литературного языка ср. K. N i t s c h. — In: „Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademji Umiejętności“, XXXVI/3, S. 5 ff.

³³ Поэтому столь энергично проведенная ларингализация x в южнославянских диалектах не может объясняться воздействием какого-то "субстрата". Изменение $x > h$ можно, правда, обнаружить и в соседних неславянских языках: в албанском, с одной стороны, и в венгерском — с другой. Но, как кажется, в этих языках данный процесс имел место сравнительно поздно и, вполне возможно, как раз под славянским влиянием. Во всяком случае, даже если ларингализация x произошла под влиянием неславянского образца, об этом можно сказать то же самое, что и о совпадении $\check{c}$ и s в севернорусском (прим. 24): причиной для имитации чужого образца явилось стремление к разрешению проблемы задненебных.

ние $x:k$, а следовательно, и равенство $x:k = s:c = \check{s}:\check{c}$. Но в этих же языках звонкий задненебный спирант мог беспрепятственно лишиться своей велярности, так как он не находился в непосредственной связи с k , а для его отношений с x наиболее релевантным было противопоставление по звонкости. Таким образом, мы видим, что в большинстве рассматриваемых языков ослабление велярного шума γ доводится вплоть до превращения этого звука в звонкое h , хотя соответствующая фонема сохраняет свою роль звонкого коррелята к x .

В некоторых чакавских и словенских диалектах обнаруживаются особенности в трактовке задненебных. В некоторых g перешло в γ точно так же, как в рассмотренных центральных праславянских диалектах. В словенских диалектах отмечаются и другие поразительные явления: в одних g и γ чередуются как факультативные варианты одной и той же фонемы; в других g везде сохраняется как смычный, но в конечной позиции переходит в x ; в третьих g и x совпадают в h ; в некоторых даже k переходит в $'$ (то есть в "твердый приступ", некий ларингальный смычный) и т. д. Ввиду недостатка места я не могу углубляться сейчас в рассмотрение этих специфических особенностей и оставляю за собой право в другом месте, в связи с другими проблемами, более подробно обсудить этот вопрос. Здесь отмечу лишь, что, по моему мнению, особое развитие задненебных в словенском является результатом борьбы между двумя решениями "проблемы задненебных": переходом $g > \gamma$, с одной стороны, и ларингализацией x — с другой.

Изложенные выше рассуждения можно резюмировать следующим образом. Праславянская фонологическая система шумных подчинялась корреляции по звонкости — глухости и корреляции по "смычности". В тех праславянских диалектах, где dz (из $\acute{g}$) исчезло, действовало структурное правило, согласно которому глухие смычные не могли участвовать в обеих этих корреляциях одновременно. Для того чтобы согласовать данное правило с наличием трех задненебных, различные праславянские диалекты провели следующие изменения:

а) в одних диалектах корреляция по "смычности" вообще исчезла, в частности из-за совпадения $\check{s}$ и c в одном промежуточном звуке;

б) в других диалектах эта корреляция была сохранена, но k и x перестали составлять коррелятивную пару (в результате превращения x в ларингальный звук);

с) в третьих диалектах задненебные были подчинены этому правилу с помощью перехода $g > \gamma$.

Во всех славянских языках господствует тенденция к ослаблению велярного шума у задненебных спирантов. Но поскольку велярный шум является признаком неполной смычки в определенном месте ротовой полости, это ослабление может иметь место только у таких славянских задненебных спирантов, которые не участвуют в корреляции по "смычности" в системе соответствующего языка. Таким образом, я полагаю, можно утверждать, что развитие задненебных в славянских языках имеет определенный смысл и является вполне целенаправленным.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОБЩЕЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ В ОБЛАСТИ КОНСОНАНТИЗМА*

Цель настоящего исследования — установить относительную хронологию появления общезападнославянских особенностей в области консонантизма. О каждой из этих особенностей в отдельности, как и о проблеме общезападнославянских звуковых изменений в целом, многие известные слависты высказывали самые разные предположения. В нашу задачу не входит, однако, критический разбор всех высказанных к настоящему времени точек зрения. Прежде всего нам хотелось бы дать как можно более краткое, обозримое и систематическое изложение нашей собственной точки зрения на указанную проблему. Поэтому мы были вынуждены отказаться от критического рассмотрения всех высказанных по этому вопросу мнений и упомянуть только те из них, которые нам представляются необходимыми по ходу изложения. Подробный критический разбор *всех* существующих точек зрения помешал бы ясности и цельности изложения. От этого критического разбора следует отказаться еще и потому, что используемый нами метод исследования заключается в сочетании полидиалектной реконструкции с анализом относительной хронологии¹ и весьма отличается от тех методов, которые использует большинство славистов.

I

Одна из важнейших особенностей западнославянских языков состоит в том, что в этих языках рефлексy праславянского сочетания "зуб-

* „Über die Entstehung der gemeinwestslavischen Eigentümlichkeiten auf dem Gebiete des Konsonantismus“. — „Zeitschrift für slavische Philologie“, 1930, Bd. 7, S. 383-406.

¹ Примером использования данного метода могут быть статьи, опубликованные в настоящем журнале: "О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства" („Zeitschrift...“, I, S. 288 ff. [см. с. 143 наст. сб.]), "Судьба сочетаний tl, dl в славянских языках" („Zeitschrift...“, II, S. 117 ff.), "Русск. *семь* как общевосточнославянская черта" („Zeitschrift...“, IV, S. 375 ff.).

ной + j” совпали с результатами ”второй и третьей палатализации” задненебных:

$*tj > *c < *k'$,
 $*dj > *z < *g'$,
 $*sj > *š < *x'$,
 $*stj > *šč < *sk'$.

Например, польск. *świeca* // *owca*, *miedza* // *jędza*, *noszę* // *wszak*, *puszcza* // *szczegół*.

Картина усложняется, если мы привлечем для сравнения и другие славянские языки. Изменение $*k'$, $*g' > c, z$ произошло во всех славянских языках, тогда как изменение $*tj, *dj > c, z$ свойственно только западнославянским языкам; с другой стороны, изменение $*sj > š$ является общеславянским, тогда как $*x'$ в южнославянских и восточнославянских языках превратилось не в $š$, а в $*ś$.

Как следует понимать эти соотношения?

Мягкие задненебные (hinterpalatalen) $*k'$, $*g'$ на пути к мягким зубным $*ć$, $*ź$ проходили, несомненно, промежуточную стадию *краепалатальных* (randpalatalen) $*ĉ$, $*ž$. Точно так же изменение $*x' > ś$, должно быть, имело промежуточную стадию в виде краепалатального $*š̂$. Из такого $*š̂$ легко могло развиваться и $š$.

Что касается сочетаний ”зубной + j”, то мы в первую очередь должны обратить внимание на те славянские диалекты, в которых рефлексy этих сочетаний (за исключением $*sj, *zj, *rj$) являются особыми самостоятельными фонемами, не совпадающими ни с какими другими праславянскими звуками. Такими диалектами следует считать штокавский и чакавский диалекты сербохорватского языка. В штокавском $*tj, *dj, *nj, *lj$ представлены в виде $ć, đ, ŋ, ĺ$, то есть как *краепалатальные* $ĉ, ž, ŋ, ĺ$. В чакавском $*tj$ представлено как краепалатальное $ĥ$, а $*nj$ — как краепалатальное $ň$, и поскольку $*dj$ и $*lj$ совпали здесь с j , то очевидно, что это j должно было возникнуть из старых краепалатальных $*đ$ и $ĺ$. Рефлексы праславянских сочетаний $*tj, *dj, *nj, *lj$ в двух основных сербохорватских диалектах сохраняют свою самостоятельность и не совпадают с другими праславянскими звуками — они остаются там и сегодня *краепалатальными* согласными. Рефлексы этих же сочетаний в кайкавских и словенских диалектах, с одной стороны, и в болгаро-сербских переходных говорах, с другой стороны, без труда позволяют возводить их к тем же самым краепалатальным $*ĥ, *đ, *ň, *ĺ$, таковы: болгарско-сербск. $k' (< ĥ), g' (< đ), ŋ, ĺ$, кайкав. и словен. $č (< ĉ, < ĥ), j (< đ), ŋ, ĺ$. Все эти южнославянские диалекты предполагают изменение праславянских сочетаний ”зубной + j” в краепалатальные. Было бы удивительно, если бы сочетания $*sj, *zj$ в упомянутых диалектах не проделали того же пути развития. И поскольку конечные продукты этих сочетаний представлены здесь как $š$ и $ž$ (например, *poša, koža*), то мы можем предположить, что $š$ и $ž$ возникли непосредственно из $*š̂, *ž̂$. Само собой разумеется, что $š$ и $ž$ в сербохорв. *poša, koža* ($< *poša, *koža$) не могут

рассматриваться отдельно от $\check{s}$ и $\check{z}$ в соответствующих словах в других славянских языках. Они являются общеславянскими. Следовательно, изменение $*sj, *zj > *s\hat{s}, *z\hat{z} > \check{s}, \check{z}$ должно рассматриваться как общеславянское.

Таким образом, и сочетание "зубной + j", и возникшие по "второй и третьей палатализации" $*k', *g, *x$ в определенный период во всех диалектах праславянского должны были стать краепалатальными согласными, из которых в дальнейшем развились различные другие согласные. И если при этом в западнославянских языках рефлексy $*tj, *dj, *sj$ совпали с рефлексами $*k', *g, *x$, а в других славянских языках этого не произошло, то это различие может объясняться различием в *относительной хронологии*.

II

Следует предположить такую последовательность относительной хронологии.

Изменение краепалатальных спирантов $*s\hat{s}, *z\hat{z}$ в $\check{s}, \check{z}$ происходило во всех праславянских диалектах после изменения $*sj, *zj > *s\hat{s}, *z\hat{z}$; поэтому $*nosja, *kozja$ через $*no\hat{s}a, *ko\hat{z}a$ всюду изменились в $no\check{s}a, ko\check{z}a$. Изменение $*k', *g, *x$ в краепалатальные $*c\hat{c}, *z\hat{z}, *s\hat{s}$ также было общеславянским; однако если в западном праславянском это изменение ($x > s\hat{s}$) происходило *раньше*, чем изменение $s\hat{s} > \check{s}$, так что здесь $s\hat{s}$, развившееся из x , превратилось в $\check{s}$ ($*v\check{x}ak\check{y}, *x\check{e}g\check{y} > *v\check{s}ak\check{y}, *s\check{e}g\check{y} > *v\check{s}ak\check{y}, *s\check{e}g\check{y}$), то в других праславянских диалектах то же изменение $x > s\hat{s}$ произошло *только после* изменения $s\hat{s} > \check{s}$, так что здесь $s\hat{s}$, развившееся из x , уже не могло превратиться в $\check{s}$. Когда позднее началось также общепраславянское изменение краепалатальных шумных $c\hat{c}, z\hat{z}, s\hat{s}, z\hat{z}$ в мягкие зубные $*c\acute{c}, *z\acute{z}, *s\acute{s}, *z\acute{z}$, в южных праславянских и восточных праславянских диалектах $s\hat{s}$, возникшее из x , тоже было затронуто этим изменением ($*v\check{x}ak\check{y}, *x\check{e}g\check{y} > *v\check{s}ak\check{y}, *s\check{e}g\check{y} > *v\check{s}ak\check{y}, *s\check{e}g\check{y}$). В западном праславянском это было невозможно, поскольку $s\hat{s}$ (из x) ранее уже изменилось в $\check{s}$.

Возникшие из $*tj$ и $*dj$ краепалатальные смычные $*t\hat{t}, *d\hat{d}$ в северных праславянских (то есть в западнопраславянских и восточнопраславянских) диалектах еще в "доисторическое время" (то есть в дописьменный период) стали аффрикатами $*c\hat{c}, *z\hat{z}$. В *западном праславянском* это изменение завершилось относительно *рано* — во всяком случае, ранее, чем изменение краепалатальных шумных $*c\hat{c}, *z\hat{z}, *z\hat{z}$ в мягкие зубные $*c\acute{c}, *z\acute{z}, *z\acute{z}$. Поэтому здесь $*c\hat{c}$ и $*z\hat{z}$, развившиеся из $*t\hat{t}, *d\hat{d}$, изменились далее в $c\acute{c}, z\acute{z}$ ($*sv\check{e}tja, *medja > *sv\check{e}t\hat{a}, *me\check{d}\hat{a} > *sv\check{e}c\hat{a}, *me\check{z}\hat{a} > *sv\check{e}c\acute{a}, *me\check{z}\acute{a}$). В *восточном праславянском* ассибиляция краепалатальных смычных $*t\hat{t}, *d\hat{d}$ в $*c\hat{c}, *z\hat{z}$ произошла относительно *поздно*² — во всяком случае, позднее, чем изменение $*c\hat{c}, *z\hat{z}, *s\hat{s} > *c\acute{c}, *z\acute{z}, *s\acute{s}$. Поэтому $c\hat{c}$ и $z\hat{z}$ в словах

² Фин. kaattio 'штаны' (ср. русск. *гачи* < праслав. $*gatje$), вероятно, заимствовано еще в ту эпоху, когда краепалатальные $*t\hat{t}$ и $*d\hat{d}$, возникшие из $*tj, *dj$, еще не аффрицировались в $*c\hat{c}, *z\hat{z}$.

типа *svěca, *meža в восточном праславянском остались не затронутыми изменением $\hat{c}, \hat{z} > \acute{c}, \acute{z}$ и лишь позднее изменились в $\check{c}, \check{z}$.

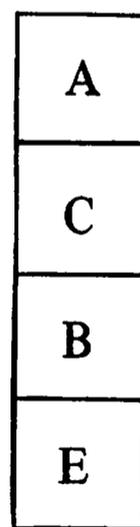
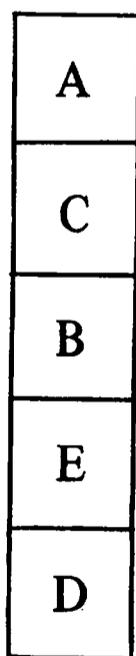
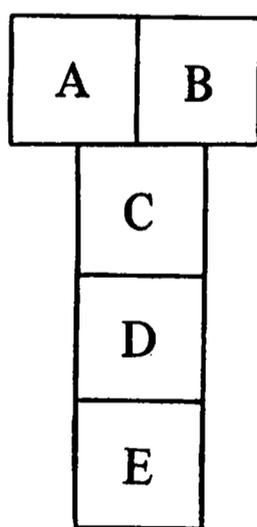
Из изложенного выше следует, что звуковые изменения $^{*}\hat{s}, ^{*}\hat{z} > ^{*}\check{s}, ^{*}\check{z}$ и $^{*}\hat{t}, ^{*}\hat{d} > ^{*}\acute{c}, ^{*}\acute{z}$ в западном праславянском происходили примерно одновременно, а именно: с одной стороны, после изменения $^{*}tj... ^{*}sj... > ^{*}\hat{t}... ^{*}\hat{s}...$, с другой — до изменения $^{*}\hat{c}, ^{*}\hat{z}, ^{*}\hat{z} > ^{*}\acute{c}, ^{*}\acute{z}, ^{*}\acute{z}$. Словацкий язык, однако, представляет доказательство того, что изменение $^{*}\hat{s}, ^{*}\hat{z} > ^{*}\check{s}, ^{*}\check{z}$ в западном праславянском должно быть несколько старше, чем изменение $^{*}\hat{t}, ^{*}\hat{d} > ^{*}\acute{c}, ^{*}\acute{z}$. В словацком (как и во всех других славянских языках, за исключением польского, полабского и некоторых древнеболгарских диалектов) звонкие аффрикаты стали звонкими спирантами; при этом в словацком данное изменение распространяется только на аффрикату, развившуюся из *g (ср. словац. kňaz, peniaz), тогда как аффриката из *d (< dj) не спирантизуется (ср. словац. medza, hrádza, nůdza, jedz, vidz и т. д.). Отсюда следует, что спирантизация звонких аффрикат в прасловацком должна быть моложе изменения $^{*}k', ^{*}g, ^{*}x > ^{*}\hat{c}, ^{*}\hat{z}, ^{*}\hat{s}$, но старше, чем изменение $^{*}\hat{t}, ^{*}\hat{d}^3$. С другой стороны, эта спирантизация звонких аффрикат в прасловацком (как и в других славянских языках, там, где она вообще произошла) не могла быть старше, чем изменение $^{*}\hat{s}, ^{*}\hat{z} > ^{*}\check{s}, ^{*}\check{z}$, иначе мы имели бы не kňaz, peniaz, а *kňaž, *peniaž. Отсюда следует, что изменение $^{*}\hat{s}, ^{*}\hat{z} > ^{*}\check{s}, ^{*}\check{z}$, во всяком случае, должно быть старше, чем изменение $^{*}\hat{t}, ^{*}\hat{d} > ^{*}\acute{c}, ^{*}\acute{z}$.

Результаты проведенного исследования можно представить в виде графической схемы.

Западнопраслав.

Восточнопраслав.

Южнопраслав.

³ Напротив, спирантизация звонких аффрикат в прачешском, пралужицком и в восточнопраславянском произошла ранее, чем изменение $^{*}\hat{t}, ^{*}\hat{d} > ^{*}\acute{c}, ^{*}\acute{z}$.

Мы обозначим: изменение сочетаний *tj, *dj, *sj, *zj, *nj, *lj в краепалатальные *t̂, *d̂, *ŝ, *ẑ, *ñ̂, *l̂ через "А";

изменение (возникших в результате "второй и третьей палатализации" задненебных) мягких задненебных *k', *g', *x' в краепалатальные *č, *ž, *š через "В";

изменение краепалатальных спирантов *ŝ, *ẑ в *š̂, *ž̂ через "С";

изменение (севернопраславянское) краепалатальных смычных *t̂, *d̂ в *č, *ž через "D";

изменение краепалатальных шумных *č, *ž, *š, *ž в мягкие зубные *ć, *ź, *ś, *ź через "Е".

III

При обсуждении судьбы праславянских сочетаний *tj, *dj мы до сих пор совсем не принимали во внимание *болгарский язык*. Этот пробел мы должны теперь восполнить хотя бы для полноты.

Как известно, болгарский отличается от всех других славянских языков тем, что в нем рефлекс праславянских сочетаний *stj, *zdj совпал с рефлексом праславянских сочетаний *stj, *zdj: болг. кѣща имеет то же щ (в произношении — št), что и крѣщавамъ, а между — то же жд, что и дъждъ (< *dъzdjъ; ср. „Zeitschr. ...“, IV, S. 62 ff.). Это совпадение может быть объяснено, только если предположить, что краепалатальные согласные, которые появились из сочетаний "зубной + j", были исконно долгими и что в праболгарском начало смычки долгих *t̂t̂, *d̂d̂ было ослаблено и, таким образом, появились *št̂, *žd̂, которые соответствовали *št̂ и *žd̂, возникшим из *stj, *zdj; так, (*medjü >) *medd̂ü > *mezd̂ü и т.д.

Это ослабление смычки долгих краепалатальных смычных в праболгарском должно было произойти по крайней мере до сокращения всех долгих согласных. А поскольку это сокращение долгих согласных — общеславянское явление, то и весь процесс должен рассматриваться как диалектное явление праславянского периода. Тогда должен возникнуть вопрос, почему праболгарское (болгаропраславянское) изменение "t̂t̂, *d̂d̂ > *št̂, *žd̂" не распространилось за пределами болгарского. Предположение о том, что ко времени этого изменения (пра)болгарский был территориально отделен от основных праславянских диалектов, неубедительно, так как более поздние звуковые изменения ("tt > t" и т.д.) распространились на все праславянские диалекты, в том числе и на праболгарский. Кроме того, внешнеязыковые объяснения такого типа допустимы только в том случае, если внутриязыковые объяснения либо не в состоянии решить проблему, либо вообще невозможны. В нашем случае, однако, можно дать и чисто языковое объяснение. Праболгарское изменение "t̂t̂, *d̂d̂ > *št̂, *žd̂" предполагает существование долгих согласных. А поскольку это изменение не могло распространиться на соседние праславянские диалекты (например, на пра-

сербохорватский), то мы можем заключить, что в этих соседних диалектах уже не было долгих согласных, то есть что в этих диалектах изменение $^{*}\hat{t}\hat{t} > \hat{t}$ (как и $^{*}\hat{n}\hat{n} > \hat{n}$, $^{*}tt > t$ и т. п.) было уже завершено. Таким образом, мы приходим к заключению, что нераспространение изменения $^{*}\hat{t}\hat{t}, ^{*}\hat{d}\hat{d} > ^{*}\hat{s}\hat{t}, ^{*}\hat{z}\hat{d}$ за пределами праболгарского в конечном счете связано с тем, что *общеславянское сокращение долгих согласных в праболгарском произошло позднее, чем во всех других праславянских диалектах*, иными словами, упомянутое сокращение долгих согласных *распространялось на южнопраславянскую языковую область с северо-запада*.

Сокращение долгих согласных — это явление, которое в меньшей степени затрагивает длительность, чем изменение артикуляционной энергии. "Долгий" согласный отличается от "краткого" не только тем, что между его приступом и отступом объективно проходит больше времени, но прежде всего своим отношением к слоговой границе, которая в словах с "краткими" согласными проходит либо до приступа, либо после приступа, а в словах с "долгими" согласными располагается между приступом и отступом. Поэтому сокращение долгих согласных должно рассматриваться как частный случай *регрессивного сдвига слоговой границы*.

Тем самым я подошел к вопросу, который я уже однажды рассматривал в этом журнале: в журн. „Zeitschrift...“, II, S. 120, я пытался доказать, что общеславянский регрессивный сдвиг слоговой границы (то есть $^{*}mьg-la > ^{*}mь-gla$) распространялся в праславянской языковой области с северо-запада и что из всех праславянских диалектов он раньше всего произошел в западном праславянском. Теперь, поскольку мы связали сокращение долгих согласных с тем же регрессивным сдвигом слоговой границы, мы должны доказать, что это явление *позднее всего произошло в праболгарском диалекте праславянского языка*. А поскольку географически праболгарский расположен дальше всего от западнопраславянского, то наше прежнее предположение о северо-западном (западнопраславянском) происхождении общеславянского регрессивного сдвига находит новое подтверждение.

IV

В восточнославянском и южнославянском задненебные k, g, x сохраняются перед мягкими передненебными (то есть перед мягкими зубными и краепалатальными) как задненебные (например, сербохорв. ključ, griječ); перед мягким губным $^{*}v$ они подвергаются обычной ("третьей") палатализации: русск. цвет, звезда, сербохорв. svijet, zvijezda. В отличие от этого в западнославянском задненебные сохраняются не только перед мягким передненебным (ср., например, польск. klucz, grzech, gniazdo), но и перед мягким губным $^{*}v$: польск. kwiat, gwiazda, чеш. květ, hvězda и т. д. Как следует толковать эти соотношения?

Мы уже видели, что рефлексy сочетания $^{*}tj$ в славянских языках

(зап.-слав. с, вост.-слав. ѣ, слов., кайкав. ѣ, чакавск. ѣ, штокавск. с, болгаро-сербск. к', болг. št) восходят к долгому краепалатальному смычному *t̥t̥. Как известно, праславянское сочетание *kt перед гласными переднего ряда в отдельных славянских языках имеет точно такие же рефлексы, как и сочетание *tj. Таким образом, мы можем предположить, что и *kt в древний период также перешло в *t̥t̥. Первоначально *t̥ из *kt перед гласными переднего ряда, должно быть, было мягким зубным. Изменение этого мягкого зубного *t̥ в краепалатальный *t̥ может быть связано только с влиянием предшествующего согласного. Велярное k вряд ли было в состоянии вызвать такое изменение; его могло вызвать палатальное k'. Тем самым мы убеждаемся в том, что исконное *kt перед гласными переднего ряда сначала изменилось в *k't̥, после чего, через промежуточную ступень *k't̥, развились *t̥t̥. Если же в сочетании *kt перед гласными переднего ряда первоначально палатализовалось ("смягчилось") не только t, но и k, то это должно было бы произойти и во всех остальных сочетаниях "задненебный + зубной": в определенный период должны были существовать не только *nok't̥, но и *ogŋ̆, *gl'ina, *gr̆ex̆, *vyk'neši, *k'ŋ̆neši, *k'riv̆, *s̆x̆neši, *xl'eb̆, *x̆r̆ep̆ и т. д. — с заднепалатальными k', g', x'. И если позже в подобных случаях мы находим во всех славянских языках не z (соответственно z), s, s, а велярные g, k, x, то мы должны отсюда заключить, что уже после изменения *k't̥ > k't̥ (> *t̥t̥), но до изменения *k, *g, *x > *č, *ž, *š палатальные *k', *g', *x' перед мягкими задненебными во всех праславянских диалектах снова перешли в велярные k, g, x.

Предположение о том, что в словах типа огонь и т. п. первоначально палатализовался и первый член консонантной группы, подтверждается теми славянскими языками, в которых сочетание *gn перед гласными переднего ряда выступает как gŋ̆ (с краепалатальным ŋ̆). Так, в сербохорватском встречаются: gnjio (izagnjiti, gnjiliti), gnjida, gnjete, jagnje (jagnjed, jagnjiti, jagnjica, jagnjeći), oganj (ognjište, ognjica) и т. д. (правда, наряду с gnijezdo, gnica — с n), в словенском — gŋ̆il, gŋ̆esti, gŋ̆êv, gŋ̆ida, gŋ̆êzdo, jâgŋ̆e, gŋ̆ed, jâgŋ̆ed, ôgəŋ̆ (ср. R a m o v š. Histor. gramm., II, S. 91 f.), в чешском — hŋ̆etu (в произношении — hŋ̆etu), oheŋ̆ < *огнь (но, напротив, den, jelen, hřeben, которые указывают на то, что *-нь в конце слова в других случаях никогда не дает ŋ̆). Примеры из древнерусско-церковнославянских памятников (такие, как **ГНЬВЪ**, **АГНЬЦЬ** и т. п.) приводит Л. Васильев — см. "Русск. Фил. Вестн.", LXX, 1913, с. 71 и сл. Такое изменение исконного мягкого зубного *ŋ̆ в краепалатальное ŋ̆ предполагает, что предшествующее g раньше было мягким (задне)небным и веляризовалось позднее⁴.

⁴ Правда, Л. Васильев (Р.Ф.В., LXX, с. 71 и сл.) предполагает, что не только мягкое, но и твердое n перешло после g (твердого) в n. Однако примеры, которые могли бы подтвердить это предположение, слишком скудны. Сербохорв. gnjoj (Вук Караджич. По зап. кр.) может быть объяснено влиянием gnjio. Смешение *gŋ̆us- и *gŋ̆üs- в различных славянских языках связано, несомненно, со старым аблаутом (ou : eu). Во всяком случае, сохранение твердого n в *gnoj̆ (чеш. hn̆uj, словен. gnoj, сербохорв. gnoj) в тех языках, где (в других случаях) *gŋ̆ систематически представлено как gŋ̆, является доказательством того, что из-

Если задненебные в случаях типа gnǐь и т. п. объясняются вторичной веляризацией исконно палатальных *k', *ǵ, *ǰ, то в случаях типа польск. kwiat, gwiazda также можно предположить вторичную веляризацию. В этом случае отношение между западнославянскими и другими славянскими языками можно выразить следующим образом: (возникшие в результате третьей палатализации задненебных) мягкие задненебные *k', *ǵ, *ǰ во всех праславянских диалектах перед мягкими переднебными, а в западнопраславянском и перед мягким губным *v веляризовались в k, g, x⁵.

Веляризацию мягких задненебных в словах типа *k'ŭьнеši, *k'ŭčь > *kl'ьнеši, *kl'üčь следует рассматривать как явление диссимилиации. Она предполагает очень сильную степень палатализации последующего согласного: в тот период, когда происходило это изменение, мягкие зубные во всех диалектах должны были быть сильно палатализованными ("иметь тембр -i"), а краепалатальные — еще более ("иметь тембр -j"). И поскольку мягкое *v вызывало такую же диссимилиативную веляризацию предшествующих *k', *ǵ, *ǰ только в западных праславянских диалектах, а в остальных праславянских диалектах *k', *ǵ, *ǰ не испытывали веляризации перед *v, то отсюда мы можем сделать вывод, что в то время только в западнославянском мягкие губные имели ту же степень палатализации, что и мягкие переднебные (то есть они имели тембр -i и, соответственно, тембр -j), тогда как в других праславянских диалектах они были палатализованы намного слабее (имели "тембр, близкий к e").

В историческое время между западнославянскими и незападнославянскими языками уже не сохранилось указанного различия для мягких губных по степени палатализации. Белорусские и великорусские мягкие губные (как и соответствующие звуки в некоторых восточноболгарских и "рупских" диалектах) не отличаются по степени палатализации от польских. И если в украинском и в некоторых восточноболгарских диалектах, в основном сохраняющих мягкость зубных (по крайней мере в некоторых положениях), нет больше мягких губных, то это объясняется вторичным отверждением исконно мягких губных, точно так же, как в чешском и словацком. Что касается сербохорватского и словенского, то в этих языках мягкость исчезла не только у мягких губных, но и у мягких зубных (она сохранилась только у крае-

менению в ñ было подвержено только мягкое ñ. Ср., кроме того, еще чеш. stehno, сербохорв. stegno, словен. stégno и далее чеш. bahno (bahnáć, bahnák, bahnatý, bahnovino). Не следует прибегать к аналогии, которую предлагают романские языки: поскольку эти языки не знают системного противопоставления "мягких" и "твердых" согласных, изменение gn > gn̄ в них происходит в совершенно ином фонологическом контексте.

⁵ Эти мысли я изложил впервые (однако менее подробно) уже в 1925 г. в "Сборнике в честь Златарского" ("Сборникъ въ честь на Василь Н. Златарски". София, 1925, с. 481 и сл.). Мысль о том, что задненебные в польском kwiat, gwiazda и т. п. не являются исконными, а возникли в результате вторичной веляризации палатальных *k', *ǵ, *ǰ, насколько я знаю, впервые была высказана Н. ван-Вейком („Revue d. Ét. Slaves“, IV, p. 11).

палатальных). Таким образом, для позднепраславянского периода мы можем предположить такое состояние, когда мягкие губные имели такую же степень палатализации, как и мягкие зубные, не только в западнопраславянском, но и во всех других праславянских диалектах. Это *увеличение степени палатализации мягких губных до степени палатализации мягких переднебных* было, таким образом, общим праславянским звуковым явлением, которое, однако, произошло раньше в западном праславянском, чем во всех остальных праславянских диалектах. При этом в западном праславянском оно произошло до диссимилятивной веляризации мягких заднебных (*k', *g', *x') перед согласными "сильного смягчения" (то есть "с тембром i и, соответственно, j"), а в остальных диалектах, напротив, только после нее.

V

В сочетаниях "(мягкий) переднебный + j" ни в одном из праславянских диалектов j не сохранился: он везде слился с предшествующими переднебными, так что все сочетание превратилось в мягкий переднебный звук (ńj > ń, ěj > ě). Сочетания "(мягкий) губной + j" в западнославянских языках изменялись так же, как и сочетания "мягкий переднебный + j", то есть j слился с предшествующим мягким согласным, и все сочетание в конце концов превратилось в мягкий губной (vj > v, mj > m); в других праславянских диалектах⁶ j в сочетаниях "губной + j" сохранял самостоятельность и перешел в ĭ, которое не сливалось с предшествующим согласным. Иными словами, *если в других славянских языках судьба j после мягких губных отличалась от его судьбы после мягких переднебных, то в западнославянских языках j после мягких губных в принципе изменялся так же, как и после мягких переднебных.*

Это соотношение следует сравнить с тем, которое было установлено выше для сочетаний "мягкий заднебный (*k', *g', *x') + мягкий согласный". Мы видели, что мягкие заднебные в западнославянских языках имеют одинаковое развитие перед мягкими губными и перед мягкими переднебными, тогда как в остальных славянских языках мягкие заднебные перед мягкими губными вели себя иначе, чем перед мягкими переднебными: польск. klucz : kwiat ~ сербохорв. ključ : cvijet.

Это сходство не может быть случайным совпадением. Выше мы связали различие между польск. kwiat и сербохорв. cvijet (соотв. русск. цвет) с тем, что мягкие губные в западном праславянском раньше, чем в других праславянских диалектах, достигли той же степени палатализации, что и мягкие переднебные. Это в конце концов и должно было стать причиной различия польского ziemia и сербохорватского zemlja (соотв. русск. земля). В сочетаниях "мягкий переднебный + j" j ассими-

⁶ О болгарском подробнее см. ниже.

лировался с предшествующим согласным сильного смягчения⁷: *plač'ěš'ī > (*plač'č'ěš'ī) > plač'ěš'ī; (*koňjъ >) *koňjъ > (*koňňъ >) *koňňъ. Эта ассимиляция происходила, очевидно, в то время, когда мягкие губные в западных праславянских диалектах были уже так же сильно палатализованы, как и мягкие переднеязычные (примерно "с тембром i"), однако в других праславянских диалектах они испытывали лишь слабое смягчение (примерно "с тембром e"). Поэтому ассимиляция j с предшествующим губным согласным сильного смягчения в таких случаях, как *žemja > (*žemja >) žemja, произошла только в западном праславянском, тогда как в других праславянских диалектах j после губных слабого смягчения должен был сохраняться как автономный звук. Позже *j в этой позиции превратился в ĭ.

Ассимиляция j с предшествующим согласным сильного смягчения происходила еще до начала регрессивного сдвига слоговой границы; в результате этой ассимиляции должны были появиться (по крайней мере после гласных и сонантов) сначала *долгие* согласные сильного смягчения, которые лишь позднее, при регрессивном сдвиге слоговой границы, подверглись сокращению: общепраслав. (*koň-jъ >) *koň-jъ > *koňňъ (> koňňъ), зап.-праслав. *žem-ja > *žemja (> žemja). В сочетании "губной + j" ассимиляция в западном праславянском (řj > řř) происходила только тогда, когда слоговая граница проходила после губного приступа. Если же слоговая граница проходила перед приступом губного согласного, то ассимиляции не наблюдалось, и в этих случаях сочетание "губной + j" в западнопраславянском изменялся точно так же, как и в других праславянских диалектах. Это имело место прежде всего в начале слова: ср. польск. plwać < *přvati, вост.- и сев.-луж. blido < *bjüdo. Кроме того, есть еще несколько отдельных слов в некоторых западнославянских языках, где в середине слова j изменяется так же, как и в начале. Правда, число таких случаев невелико, и большинство из них по разным причинам следует оставить в стороне, как это хорошо показал Я. Розвадовский: в польск. niemowlę мы обнаруживаем тот же суффикс -lę(t)-, что и в pisklę; taplać относится к корню top- (topić, tonąć), но его не следует считать итеративом к topić и возводить к *tapjati — здесь, возможно, сохраняется старое l (ср. raplać, repłać); hodowla, budowla — восточнославянские заимствования (ср.: J. R o z w a d o w s k i. Encykłop. Polska, I, 403 и сл.); даже польск. targowla можно, несмотря на его относительную древность, рассматривать как полонизацию восточнославянского *торговля* (соотв. *търговля*); а przerebel (соотв. przerebla) должно содержать суффикс -l (*prořbja не встречается ни в одном из славянских языков). Не вызывают возражений только польск. grobla, ниж.-луж. grobla, словацк. hrobl'a, hrobel' (наряду со старопольским grobia), польск. kropla, кашубск. krōpla (наряду со старопольским kropia, чеш. kropě); кроме этого, возможно, еще кашубск. grāblē, по-

⁷ То, что в сочетаниях "(мягкий) зубной + j" при этом изменялся и первый компонент (причем изменялся в краепалатальный звук), не меняет дела: важным был тот конечный результат, который заключался в ассимиляции j с предшествующим мягким переднеязычным согласным.

лабск. *grobľe*, словацк. *hrable* (наряду с польск. *grabie*, нижнелуж. *grabjě*, верхнелуж. *hrabjě*, чеш. *hrabě*), где, правда, лит. *grėblỹs* показывает возможность существования форманта *l*- (см.: E. V e r n e k e r. Slav. etym. Wb., 344, и A. B r ü s k n e r. Słownik etymologiczny, статья “*grabić*”), и кашубск. *konople*, где не следует исключать возможности заимствования из восточнославянского. Из всех этих случаев можно было бы сделать вывод, что сочетания “губной + *j*” в западнославянских языках первоначально и в середине слова имели такое же развитие, как и в других славянских языках, и лишь позднее путем морфологических новообразований и выравниваний заменили формы с *-l* на формы без *-l* (ср.: V. V o n d r á k⁸. Vgl. Gramm., I, S. 377 f.; J. M i k k o l a. — In: „Roczn. Slawist.“, I, s. 13 f.; J. R o z w a d o w s k i — см. Encyklop. Polska, I, 403; N. v a n W i j k — см. „Rev. d. ét. slaves.“, IV, p. 10 f.). Трудно, однако, согласиться с этой точкой зрения. Если при образовании форм 1-го лица единственного числа настоящего времени и страдательного причастия прошедшего времени глаголов на *-i*, действительно, можно считаться с морфологическим выравниванием, приведшим к устранению форм с *-l*, то глаголы с основами на *-ja* и *-jo* не дают повода к такому выравниванию. В других грамматических категориях также нет никаких оснований для устранения чередований форм с *l* и форм без *l* (и при этом всегда в пользу форм без *l*). Таким образом, изложенная выше точка зрения должна оставаться в силе, и отсутствие “эпентетического *l*” в таких формах, как польск. *korab*, *ziemia*, *stawię*, *postawiony*, *karię*, *odprawiać* и т. д., должно считаться закономерным. Правда, мы не можем предложить удовлетворительного объяснения упомянутым выше “исключениям” (польск. *korpla*, *grobła*, кашубск. *grāblē*, *konople*)⁹. Мы должны, однако, подчеркнуть, что эти “исключения” остаются необъясненными и при предположении об исчезновении незакономерного “эпентетического *l*”, так как невозможно объяснить, почему именно в этих словах были генерализованы формы с *l*, тогда как во всех других случаях выравнивание действовало в противоположном направлении.

⁸ В. Вондрак ссылается на смешение **zemja* и **zеть*. Это, однако, единственный пример, и именно в этом слове западнославянские языки не обнаруживают колебаний между формами с *-l* и без *-l*.

⁹ С точки зрения выдвигаемого нами объяснения западнославянского развития сочетаний “губной + *j*” польск. *grobła*, *korpla*, кашубск. *grāblē*, *konople* и т. п. восходят к праславянским формам со слоговой границей до приступа губного (**gro-bja*, **kro-rja*); напротив, польск. *ziemia* и т. д. восходит к праславянским формам со слоговой границей п о с л е приступа губного (**zem-ja*). Поскольку ассимиляция “*zēm-ja* в *zēm̃ta*, как сказано выше, произошла до всеобщего сдвига слоговой границы, необходимо найти объяснение, почему регрессивный сдвиг слоговой границы в **grobja* (то есть **gro-bja* < **grob-ja*), **korpja* и т. д. уже произошел к тому времени в некоторых диалектах (тогда как **zemja* в тех же диалектах еще звучало как **zem-ja*). Возможно, что в **grobja*, **korpja*, **grabjě* этот ранний (диалектный) сдвиг слоговой границы был вызван тем обстоятельством, что предшествующий слог также начинался с консонантной группы (“шумный + *r*”) — здесь происходила своего рода ассимиляция и возникла такая ситуация, когда структура конца второго слога уподоблялась структуре первого. Однако для кашубск. *konople* следует искать другое объяснение.

Как известно, праславянские сочетания "губной + j" в *новоболгарском* имеют те же отражения, что и в западнославянских языках: в начале слова — "губной + l" (болг. *пълвамъ* < *rĭva-), в середине слова — "губной без l" (болг. *земя, корабъ, купя, направенъ* и т. д.). Однако отсюда совсем не следует, что эти особенности в болгарском возникли таким же образом, как и в западнославянских языках.

Из таких написаний, как С у п р. *зѣмѣа, оуподобѣена, капѣа, урѣпыжште, коравѣю*, С а в в. *зѣмѣа, зѣмѣа, зѣмѣж*, С и н. п с а л т. *зѣмѣѣ, глаумѣениѣ, зѣмѣа, избавѣж, нѣковѣю* и т. п., мы можем заключить, что j (соответственно i) после губного в середине слова сохранялся в болгарском дольше, чем j после начального губного, где он уже до начала письменности перешел в ĭ. Очевидно, j после губного в середине слова изменился в i, а после начального губного, напротив, оставался вначале чистым спирантом, а затем изменился в ĭ.

Все это развитие состояло из трех ступеней:

- I. rĭvati ~ karja,
- II. rĭvati ~ karja,
- III. rĭvati ~ karja¹⁰.

Ясно, что изменение *karja > *karja не было вызвано тем обстоятельством, что перед j стоял губной согласный. Причина изменения заключалась в положении j по отношению к слоговой границе: в *karja j изменился в i, так как он стоял в начале слога после консонантного конца слога, тогда как в *rĭvati, там, где j стоял не в начале слога, а в середине, он не переходил в i. Отсюда следует, что изменение *kar-ja > *karja в праболгарском произошло еще до регрессивного сдвига слоговой границы¹¹. Тот факт, что это изменение (*kar-ja > *karja) не смогло распространиться на соседние диалекты, следует объяснить тем, что в соседних диалектах к тому времени уже произошел регрессивный сдвиг слоговой границы¹². Мы, таким образом, получаем

¹⁰ Хотя такие новоболгарские формы, как *земя, поставенъ* и т. п., уже не сохраняют j (соответственно i), в этом отношении они находятся на той же ступени, что и новоболг. *обява, обяхвамъ, обединенъ* (из *obъ-jav-, *obъ-jax-, *obъ-jedin-).

¹¹ С другой стороны, это изменение должно быть младше, чем ассимиляция j с предшествующим передненебным согласным сильного смягчения.

¹² Уже отсюда видно, что объяснение, которое предложено здесь для болгарского "*пълвамъ : земя*", не подходит к соответствующим западнославянским случаям (ср. польск. *rlwam : ziemia*), поскольку регрессивный сдвиг слоговой границы в западном праславянском произошел не позднее, а раньше, чем в соседних диалектах; при предположении о западнопраславянском изменении "*zem-ja > zemia" невозможно было бы объяснить, почему это изменение не распространилось на соседние диалекты. С другой стороны, однако, предполагаемое выше для западнославянских языков развитие сочетаний "губной + j" нельзя принять для болгарского: такое развитие было возможно только в тех праславянских диалектах, где мягкие губные согласные были палатализованы сильнее, чем в соседних диалектах, а такое развитие можно предположить для западнопраславянского (ср.

новое подтверждение тому, что регрессивный сдвиг слоговой границы распространялся с северо-запада и что в праболгарском он произошел позднее, чем во всех остальных праславянских диалектах.

Различия сербохорв. "među: болг. *между* и сербохорв. zemlja: болг. *земля*", таким образом, восходят к одной и той же причине, а именно к тому обстоятельству, что регрессивный сдвиг слоговой границы в праболгарском произошел позже, чем в прасербохорватском. Само собой разумеется, что при этом не следует трактовать понятия "сербохорватский" и "болгарский" в их сегодняшнем географическом смысле. Речь здесь идет только о (северо-)западной и (юго-)восточной частях пражужнославянской языковой области. Регрессивный сдвиг слоговой границы произошел раньше на (северо-)западе и распространился оттуда на (юго-)восток. Напротив, изменение " $*me\hat{d}\hat{d}\ddot{u} > *me\hat{z}\hat{d}\ddot{u}$ " и " $*zem\text{-}ja > *zem\grave{ia}$ " произошло в (юго-)восточной части названной языковой области и распространилось на (северо-)запад. При этом изменение " $*\hat{t}\hat{t}, *d\hat{d} > *s\hat{t}, *z\hat{d}$ ", вероятно, произошло раньше, чем изменение " $*zem\text{-}ja > *zem\grave{ia}$ ", или же оно проникло на запад более быстрыми темпами. Поэтому между чисто "прасербохорватской" областью " $zem\grave{ia} - me\hat{d}\ddot{u}$ ", с одной стороны, и чисто "праболгарской" областью " $zem\grave{ia} - me\hat{z}\hat{d}\ddot{u}$ " — с другой, появилась переходная область " $zem\grave{ia} - me\hat{z}\hat{d}\ddot{u}$ ". В староцерковнославянском в основном зафиксирован именно этот тип " $zem\grave{ia} : me\hat{z}\hat{d}\ddot{u}$ ". Однако в самых древних известных нам южнославянских текстах мы наблюдаем борьбу этого типа с чистым типом " $zem\grave{ia} - me\hat{z}\hat{d}\ddot{u}$ ", при этом последний тип является "живым", соответствующим разговорному языку писца, и, напротив, тип " $zem\grave{ia} - me\hat{z}\hat{d}\ddot{u}$ " "традиционен".

При таком положении дел вряд ли возможен — из различия, как в *Мар. е в.*, форм им. п. ед. ч. **КОРАБЬ**: род. п. ед. ч. **КОРАБЛѢ** — вывод о том, что в диалекте писца *j* исчез после губных перед *ь*, а перед другими гласными переходил в $\hat{I}$: случая типа **ПЛЬВАТИ**, где $*j$ стал $\hat{I}$ именно перед *ь* и продолжает сохраняться как *l* во всех диалектах (ср. новоболг. *пльвамъ*), вполне достаточно, чтобы отвергнуть это предположение. Качество последующего согласного вряд ли играло роль при переходе $j > \hat{I}$, соотв. $j > i$ после губных. Важно было только положение слоговой границы. Если она проходила перед губным, то *j* сохранял свой спирантный характер и позднее развился в $\hat{I}$; если же слоговая граница проходила между губным и *j*, то *j* изменялся в $\grave{i}$, который уже не был подвержен изменению в $\hat{I}$. Такой характер и имели изменения в восточной части праболгарской языковой области, и этот тип (" $*r\hat{l}\hat{v}ati : kar\grave{ia}$ ") следует предположить и для разговорного языка писца "староцерковнославянских" текстов. Поскольку, однако, традиционный церковнославянский язык возник в той области, где господствовал другой тип (а именно " $*r\hat{l}\hat{v}ati : kar\grave{ia}$ "), то при переписывании старых церковнославянских

польск. *kwiat : klucz* — см. выше), но не для праболгарского (ср. болг. *цвѣте : ключъ*). Несмотря на внешнее сходство, болгарские и западнославянские отражения праславянских сочетаний "губной + *j*" должны быть объяснены по-разному, поскольку условия возникновения этих отражений в обоих случаях абсолютно различны.

текстов происходило смешение обоих типов. Писец должен был заметить, что там, где он в своем разговорном языке произносил сочетание "губной + $\underline{i}a, \underline{i}e, \underline{i}e, \underline{i}ü, \underline{i}ö$ ", письменный (соответственно церковный) язык требовал сочетаний "губной + $\hat{i}a, \hat{i}e, \hat{i}e, \hat{i}ü, \hat{i}ö$ ". Этому правилу было несложно придерживаться, и в таких случаях ошибок легко можно было избежать. Труднее было в тех случаях, где $\underline{i}$ в разговорном языке писца уже исчезло, что раньше всего произошло, вероятно, перед наиболее близкими к нему по характеру гласными $\hat{y}$ и $\hat{i}$. Этим объясняется, почему в некоторых памятниках (таких, как *З о г р.*, *М а р.*, *К л о ц.*) перед $\hat{y}$ и $\hat{i}$ "эпентетическое $\hat{I}$ " довольно часто опускается (*КОРАБЬ, КОРАВИ* и т. д.), перед другими гласными это $\hat{I}$ всегда употребляется правильно. И в других письменных памятниках (таких, как *А с с е м.*, *С и н. п с а л т.* и особенно *С а в в.* и *С у п р.*) написания без $\hat{I}$ перед $\hat{y}$ и $\hat{i}$ встречаются гораздо чаще, чем перед другими гласными (ср. материалы у В. Вондрака: *V. V o n d r a k. Altkirchensl. Gramm., S. 323 ff.*).

VII

Выше мы попытались, используя метод реконструкции, основанный на относительной хронологии, исследовать происхождение всех тех особенностей, которые, с одной стороны, объединяют западнославянские языки между собой, а с другой — отличают их от всех других славянских языков. При этом мы установили:

1. Отличие "польск. *szary, wszak* от русск. *серый, всяк* (соответственно сербохорв. *sijer-ak, vsak*)" объясняется тем, что общеславянское изменение $*\acute{x} > *\hat{s}$ (соответственно $*k', *g' > *\hat{c}, \hat{z}$) в западнославянских языках произошло *раньше*, а в других праславянских диалектах — *позже*, чем общепраславянское изменение $*\hat{s}, *\hat{z} > *š, ž$.

2. Отличие "польск. *świeca, miedza* от русск. *свеча, межа*" объясняется тем, что общепрасевернославянское изменение $*\hat{t}, *\hat{d} > *\hat{c}, *\hat{z}$ в западнославянском произошло *раньше*, а в восточнославянском — *позже*, чем общепраславянское изменение $*\hat{c}, *\hat{z} > *c', *z'$ (и $*\hat{s}, *\hat{z} > *s', *z'$).

3. Отличие "польск. *kwiat, gwiazda* от русск. *цвет, звезда* (соответственно сербохорв. *cvijet, zvijezda*)" объясняется тем, что общее праславянское усиление палатализации мягких губных согласных до степени палатализации мягких переднеязычных согласных в западнославянском произошло *раньше*, а в остальных праславянских диалектах — *позже*, чем общепраславянская веляризация мягких заднеязычных $*k', *g', *x$ перед согласными сильного смягчения.

4. Отличие "польск. *ziemia* от русск. *земля* (соответственно сербохорв. *zemlja*)" объясняется тем, что упомянутое выше усиление степени палатализации мягких губных в западном праславянском произошло *раньше*, а в остальных диалектах, напротив, *позже*, чем общепраславянская ассимиляция j с предшествующим согласным сильного смягчения.

5. В предыдущей работе мы попытались объяснить противопоставле-

ние "польск. *szydło* ~ русск. *шило* (соответственно сербохорв. *šilo*)" тем, что общий праславянский сдвиг слоговой границы произошел в западнопраславянском раньше, а в остальных диалектах — позже, чем общепраславянское исчезновение *d*, *t* на конце слога перед начинающим слог *l* („Zeitschrift...“, II, S. 117 ff.).

Таким образом, все особенности западнославянского консонантизма восходят к различиям в *относительной хронологии* изменений. Эти особенности возникли не в результате каких-то особых, специфически западнославянских звуковых изменений, они связаны только с особой, специфически западнославянской последовательностью общих праславянских звуковых изменений. Они обязаны своим существованием тому обстоятельству, что некоторые общеславянские звуковые изменения на северо-западе праславянской языковой области произошли раньше, чем в других частях этой области, и оттуда они распространились на всю эту область, причем в других частях общепраславянской области к этому времени произошли уже иные общеславянские изменения.

"Западнопраславянский" оказывается, таким образом, чисто географическим понятием. Под "западнопраславянским" не следует понимать компактную языковую общность, в которой, как в некотором целом, происходил ряд характерных только для нее звуковых изменений, — а только часть (северо-западную) общепраславянской языковой общности, в которой происходили те же самые звуковые изменения, что и в остальных частях этой языковой общности, хотя и не всегда в той же самой последовательности.

Можно доказать, что в западнопраславянском ко времени рассмотренных выше изменений уже произошла внутренняя дифференциация. Все рассмотренные выше звуковые изменения предполагают такое состояние, при котором все согласные перед гласными переднего ряда и перед *j* должны были подвергаться палатализации. Можно даже сказать, что весь тот период развития, к которому относятся рассмотренные выше звуковые изменения, был обусловлен и определен палатализацией согласных перед гласными переднего ряда и перед *j*¹³. Однако некоторые звуковые различия между отдельными западнославянскими языками восходят к таким звуковым изменениям, которые, без сомнения, происходили до палатализации согласных и групп согласных перед гласными переднего ряда и перед *j*. Сюда относится не только различие между твердым *č* в польск. *rečny*, луж. *ročny* и мягким **l'* в старочеш. *plný*, но и различие между польск. *wilk* (в произношении *vílk* с мягким *v*), луж. *wjelk* и полабск. *vouk*, кашубск. *vãuk*, а также различие между польск. *twardy*, верхнелуж. *tworđy* и полабск. *tjordǽ*, кашубск. *śvãrdi*. Все эти различия (естественно, не точно в такой форме, как сейчас) должны были возникнуть уже ко времени начала палатализации всех согласных перед гласными переднего ряда и перед *j*. Таким образом,

¹³ Благодаря этому изменению не только появилось новое фонетическое качество, но и был установлен общий принцип зависимости согласного от последующего гласного, — принцип, последовательное проведение которого могло вызвать регрессивный сдвиг слоговой границы.

те звуковые особенности, которые объединяют между собой все западнославянские языки, оказываются моложе, чем некоторые различия не только между чешским и польским, но и между польским и другими лехитскими языками. Однако и в тот период, когда возникали описанные выше общие западнославянские особенности, западные праславянские диалекты вовсе не составляли полного "единства в своем развитии". Это явствует из того, что отдельные "изоглоссы", которые возникли в то время, с одной стороны, отличают отдельные западнославянские языки друг от друга, с другой — связывают их с отдельными восточнославянскими или южнославянскими языками. Мы уже видели выше, что спирантизация звонких аффрикат в прасловацком произошла в период между изменением $*\hat{s}, *\hat{z} > *š, *ž$ и изменением $*\hat{t}, *\hat{d} > *č, *ž$, то есть как раз в период возникновения общих западнославянских особенностей. Эта спирантизация звонких аффрикат распространилась, с одной стороны, не на все западные праславянские диалекты, а только на чешско-словацкие, а с другой стороны — на все восточнославянские и все южнославянские диалекты, за исключением одного только праболгарского¹⁴. Границы распространения ("изоглоссы") этого диалектного явления разрывают, таким образом, западную праславянскую область. Впрочем, такие "звуковые изменения с ограниченной силой распространения" в то время были довольно редки. В принципе любое звуковое изменение стремилось тогда к тому, чтобы распространиться на всю славянскую языковую область, и останавливалось оно только тогда, когда доходило до такого диалекта, в котором необходимые для этого изменения звуковые предпосылки либо еще не возникли, либо уже исчезли. И если между отдельными праславянскими диалектами в то время возникали все большие и большие звуковые различия, то происходило это не столько из-за действия "звуковых изменений с ограниченной силой распространения", сколько из-за различий в темпе и в направлении распространения общих праславянских звуковых изменений, ибо их относительная хронология (последовательность этих изменений) в отдельных диалектах не была одинаковой.

Как мы уже показали в другой связи („Zeitschrift ...“, I, S. 318), такое различие в темпах и в направлении общедиалектных звуковых изменений является признаком приближающегося распада языкового единства. Если время возникновения общезападнославянских особенностей относится еще к праславянскому периоду, то это, во всяком случае, должен был быть последний этап праславянского периода. Праславянские диалекты еще имели возможность подвергнуться общим изменениям, однако их взаимосвязь была уже утрачена, а развитие праславянского как единого целого подходило к концу.

¹⁴ Ту же природу, что и спирантизация звонких аффрикат, имеет изменение $*g > *γ$, при котором также происходит исчезновение звонкой смычки. Область изменения $*g > *γ$ — тоже "центральная" и охватывает не только западнославянскую группу (верхнелужицкий, чешский, словацкий), но и восточнославянскую (украинский, белорусский, южновеликорусский), а также южнославянскую группу (некоторые словенские и чакавские говоры). Правда, эта область уже, чем область спирантизации звонких аффрикат. Но принципиальное сходство обоих явлений так велико, что мы склонны рассматривать их как одновременные.

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ СТЯЖЕНИЯ ГЛАСНЫХ В ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ*

В своих "Přispěvcích k českému hláskosloví" (Spisy filosofické fakulty Masarykovy university v Brně, с. 16, 1926, стр. 24 и сл.) Фр. Травничек, между прочим, подверг пересмотру взгляды Я. Гебауера на хронологическое отношение падения еров к "стяжению гласных" (stahování), то есть к превращению сочетания двух гласных, разделенных j-ом, в одну долгую гласную. Отвергнув (и с полным правом!) искусственную и сочиненную ad hoc теорию Я. Гебауера, Фр. Травничек для определения хронологического соотношения между падением еров и стяжением гласных привлекает данные староцерковнославянских памятников. Так как в древнейших из этих памятников уже встречаются стяженные формы сложного склонения (**СВАТАГО** и т. под.) наряду с нестяженными, то Фр. Травничек заключает, что "v době kolem r. 900 bylo stahování již v začátcích" и приблизительно одновременно с этим началось и падение глухих; такую же *одновременность обоих процессов* Фр. Травничек предполагает и для других славянских наречий.

Вывод Фр. Травничка представляется нам необоснованным. Прежде всего стяженные формы сложного склонения никак нельзя ставить на одну доску с прочими случаями стяжения: так, например, в русском языке, где стяженные формы сложного склонения (*слепого, слепому* и т.д.) существуют искони и засвидетельствованы древнейшими памятниками, стяжения гласных вне этой категории так и не наступило. Далее, известно, что в древнейших староцерковнославянских памятниках южной (македонской) редакции слабые еры продолжали писаться только по традиции, в живом же произношении писцов слабые еры давно уже исчезли; возможно, что и нестяженные формы сложного склонения в этих памятниках являются лишь традиционными архаизмами, чуждыми живому языку, а потому колебания писцов этих памятников между **КЪТО** и **КТО**, с одной стороны, и между **ДОБРАЕГО**, **ДОБРААГО** и **ДОБРАГО**, с другой стороны, никак не могут считаться доказательством одновременности процесса падения слабых еров с процессом стяжения гласных.

* Статья напечатана на русском языке в „Slavia“, Roč. VII, Sešit 4, Praha, 1929, с. 805–807, написана в Вене в 1928 г.

Наконец, следует особенно подчеркнуть, что хронологическая последовательность хотя бы и общеславянских звуковых изменений отнюдь не обязана быть одинаковой для всех славянских наречий.

Вопрос о хронологическом соотношении между стяжением гласных и падением еров затронут и Д. В. Бубрихом в его замечательной работе "Северо-кашубская система ударения" ("Изв. Отд. Рус. Яз.", XXVII). Д. В. Бубрих отрицает, что долгота конечной гласной в случаях, как с чеш. *zboží*¹ (ст.-чеш. *sbožie), возникла благодаря стяжению ь с последующей гласной. «Более чем сомнительно,— говорит Д. В. Бубрих (стр. 79),— чтобы ь могло участвовать в каких бы то ни было стяжениях. Судьба ь при гласных полного образования в последующем слоге — выпадать, но не участвовать в стяжениях». По мнению Д. В. Бубриха, долгота конечной гласной в случаях, как чеш. *zboží*, объясняется выпадением ь в предпоследнем слоге, ибо падение слабых еров в предпоследнем слоге слова всегда вызывало продление гласной конечного слога: таким образом, *сьбожьје дало прямо *sbožje — откуда и следует выводить все исторически засвидетельствованные формы. Иными словами, падение еров совершилось в такую эпоху, когда в западнославянских языках -j- между гласными еще сохранялось, *то есть падение еров предшествовало утрате междугласного -j- и стяжению гласных.*

Утверждение Д. В. Бубриха, что падение слабого ера в предпоследнем слоге вызывало (в некоторых или во всех славянских языках?) продление конечной гласной, кажется нам вполне правдоподобным, по крайней мере по отношению к ляшским (лехитским) языкам: с помощью этого "закона" можно удовлетворительно объяснить ряд фактов не только кашубского, но и полабского языков. Однако из того факта, что падение слабого ера в предпоследнем слоге вообще вызывало продление конечной гласной, вовсе еще не следует, чтобы в случаях типа чеш. *zboží* долгота конечной гласной была именно такого происхождения. Утверждение, что "судьба ь при гласных полного образования в последующем слоге — выпадать, но не участвовать в стяжениях", слишком голословно.

Есть формы, которые проливают свет на хронологическое соотношение падения еров и стяжения гласных в западнославянских языках. К таким формам относятся прежде всего чешские образования с суффиксом -stvie, нов.-чеш. -ství (*lakomstvie*, *junoštvie*, нов.-чеш. *ředitelství*, *viňství* и т. п.), восходящим к праслав. *ьstvyje. Ведь если бы падение слабых еров происходило до утраты междугласного -j- и до стяжения гласных, то *ьstvyje дало бы по-чешски **-eství*, а не -ství. Правда, можно было бы попытаться объяснить отсутствие ожидаемого *e* перед -ství влиянием другого праславянского суффикса, именно суффикса, специализировавшегося в чешском языке в роли суффикса имен собирательных (*obyvatelstvo*, *čtenářstvo* и т. п.), но объяснение это вряд ли могло

¹ Хотя Д. В. Бубрих о чешском языке прямо и не говорит, но из общего контекста его слов явствует, что все это относится ко всем западнославянским языкам.

бы считаться удовлетворительным. Еще более поучительными представляются нам западнославянские отражения праславянского слова *šьstьje (”шествие”): чеш. pŕiští, польск. wejście, wyjście, zejście, ujęcie. Двусложное чеш. pŕištíe могло получиться из четырехсложного праслав. *pŕišьstьje только через ступень pŕišьstě, то есть только при условии, если утрата междугласного -j- и стяжение гласных завершились до падения слабых еров: иначе *pŕišьstьje дало бы *pŕišestie. Заметим, что чеш. pŕiští не может быть объяснено действием каких-либо внефонетических факторов (аналогии и пр.), ибо в морфологическом отношении оно стоит совсем особняком.

Вышеприведенные западнославянские формы явственно свидетельствуют о том, что в западнославянских языках утрата междугласного -j- и стяжение гласных предшествовали падению слабых еров. Совершенно иначе обстоит дело в южнославянских языках, где сохранение j в таких случаях, как сербохорв. приморје, оружје, класје, лозје, словен. korje, dobje, ladjica и т. д., и сохранение следов действия j в таких случаях, как сербохорв. лађа, брађа, писање, веселье и т. д., ясно свидетельствуют о том, что в эпоху падения еров междугласное -j- еще не успело исчезнуть. Таким образом, хотя утрата междугласного -j- есть явление, общее западнославянским и южнославянским языкам (ср., напр., польск. ras, чеш. rás — сербохорв. rās, словен. rās = праслав. *rojasъ), точно так же, как и падение слабых еров, но хронологическая последовательность этих двух явлений была не всюду одинакова: у западных славян утрата междугласного -j- предшествовала падению слабых еров, у южных, наоборот, падение еров предшествовало утрате междугласного -j-. Очевидно, оба явления распространялись по славянским наречиям с неодинаковой скоростью, а может быть, и в противоположных направлениях.

Вена, 1928 г.

I

В литературном польском языке перед определенными согласными носовые согласные невозможны. В современном языке носовые согласные появляются только перед взрывными, и в принципе смычка носового происходит в том же месте, что и у соответствующего взрывного: kont, domb, doŋga. Аффрикатy имеют менее энергичную смычку, чем взрывные, и перед c, dz, ć, dź смычка носового всегда слабее, чем перед t, d. Это ослабление смычки носовых приводит к слабой назализации предшествующего гласного, по крайней мере конечной части этого гласного: zajońc, dońć. Перед спирантами, которые не предполагают никакой смычки, носовые согласные и вовсе не допускаются, но зато только перед спирантами появляются подлинные носовые гласные: võs, dõżuc, võħac, finãsy, ĩstynkt, mĩštuk и т. д. Боковые плавные ł, l образуют неполную смычку, так как боковые части полости рта остаются открытыми. Перед этими плавными древнепольский язык, кажется, также допускал носовые гласные (*vzõł, *zginěli)¹, но не допускал носовых согласных.

Ясно, таким образом, что место и интенсивность смычки носового согласного перед согласным полностью зависят от артикуляции следующего за ним согласного: если последний имеет энергичную смычку, носовой является сильным, если этот согласный имеет слабую смычку, носовой также является слабым, и, если последующий согласный вовсе не образует смычки, носовой реализуется без смычки, что приводит к назализации предшествующего гласного. Только степень опускания мягкого неба существенна для носового в позиции перед согласным; все остальное зависит от характера следующего за ним согласного. Поскольку место и само наличие смычки носового перед согласным зависят от фонетического окружения, говорящий в своих субъективных ощущениях его не замечает: для поляка первые слоги таких слов, как dom-bro-wa, doŋ-ga, dõ-żuc, идентичны. Группы on, oń, oń, oŋ, om, õ перед со-

* „Les voyelles nasales des langues léchites“.— „Revue des Études Slaves“, 1925, t. 5, fasc. 1-2, p. 24-37.

¹ Современный язык в этой позиции имеет неназализованные гласные.

гласным объединяются в сознании говорящего в единый фонологический образ, в одну "фонему".

В конце слова отношения оказываются иными. Здесь характер носового не зависит от внешних фонетических условий: в *koń*, *za-kon*, *vil-kom* (дательный множественного числа), *ře-kõ* (3-е лицо множественного числа) группы *-oń*, *-on*, *-om*, *-õ* являются для говорящего самостоятельными фонемами. С одной из этих четырех фонем (*Ań*, *An*, *Am*, *Ã*) языковое сознание должно отождествлять фонему "гласный + носовой согласный перед согласным". Польское языковое сознание отождествляет ее с *Ã*. Этим объясняется особенность в понимании "носового гласного" в польском: поляк, не обладающий специальными фонетическими познаниями, воспринимает первый слог в слове *kontek* как идентичный последнему слогу в слове *ře-kõ*, тогда как иностранец идентифицировал бы его с последним слогом в слове *zakon*². Отсюда и польская графика *kał*, *pełtać*, *dałb*, *pełrek*, *dağa*, *reka*³ — графика, способная ввести в заблуждение тех, кто знаком с польским только по написанию.

Рассмотренные выше фонетические соответствия существуют не только в литературном польском, но и во многих польских народных говорах. Однако имеется несколько диалектов, где носовые согласные не допускаются даже перед смычными и аффрикатами и где носовые гласные появляются не только перед спирантами, но и перед смычными и аффрикатами: *zõr*, *zajõs*, *dõga* и т. д. К. Нич отмечает такое произношение на юге — в Силезии, в области Карпат, и на северо-востоке — в Восточной Пруссии (а точнее, между нижним течением реки Семпольна и верхним течением реки Янка), а также в некоторых говорах Мазовша („Encykł. polska. Język polski“, II, s. 268). Между типом *zõr*, *kõt*, *dõga*, с одной стороны, и *zomr*, *kont*, *doŋga* — с другой, есть еще и промежуточное произношение: *zõmr*, *kõnt*, *dõŋga*, географические границы которого трудно точно определить.

Каковы генетические отношения между этими тремя типами — *zõr*, *zõmr* и *zomr*? Превратилось ли *zõr* через посредство *zõmr* в *zomr* или, наоборот, *zomr* стало *zõr*, пройдя через стадию *zõmr*? Чтобы ответить на

² Отметим, однако, что подобное восприятие групп "AN+ согласный" как "Ã + согласный" возможно только в тех случаях, когда группа AN не разделяется надвое при этимологическом анализе: хотя *céŋk'í* 'тонкий' содержит ту же группу *-eŋk'*, что и *geŋk'í* 'руки', эта группа воспринимается в *geŋk'í* как "ẽ + k", а в *céŋk'í* — как "en + k", потому что *céŋk'í* ассоциируется с *céńutk'í*, *céńuxny*. Случается даже, что подлинный назализованный гласный воспринимается как чистый гласный, который сопровождается носовым согласным: например, *śf'ĩstvo* 'свинство' воспринимается как *śf'ín-stwo* по ассоциации со *śf'ína*. Это происходит потому, что язык — не только система фонем, но и система морфологических представлений и что эти две стороны языкового сознания могут быть оторваны одна от другой только путем теоретической абстракции.

³ В недавно заимствованных иностранных словах группы "гласный + носовой перед согласным", как и явно назализованные гласные, передаются в "этимологической" графике: *banka*, *bronz* (= *brõz*), *komfort* (= *kõfort*) и т. д. То же имеет место, когда с помощью этимологического анализа назализованный гласный или группа "AN" делится надвое: *warunki* (ср. *warun-ek*), *cienki* (ср. *cien-iutki*), *świństwo* (ср. *świnia=śf'ín-a*).

этот вопрос, следует рассмотреть, в каком окружении все три типа, о которых идет речь, появляются в польских говорах. Из такого рассмотрения мы устанавливаем, что все силезские говоры имеют тип $z\tilde{o}r$, в котором группа *гласный + носовой согласный* в конце слова заменяется носовыми гласными ($\acute{s}p\ddot{y}v\tilde{o} = \acute{s}piewam$, $s\ \chi\ddot{o}r\tilde{a} = z\ \chi\ddot{o}rem$ и т. д.; см.: К. N i t s c h. *Materjały i prace Komisji językowej*, IV, s. 140), что некоторые мазовецкие говоры имеют тип $z\tilde{o}r$, в котором чистый гласный заменяется носовым гласным перед носовым согласным ($\dot{c}o\ m\tilde{e}m\ \acute{z}\tilde{a}nku = o\ t\ddot{u}m\ w\tilde{i}anku$ и т. д.), и что то же можно сказать о некоторых говорах, представляющих тип $z\tilde{o}mp$ (так, например, для куявских говоров К. Нич приводит формы $z\tilde{o}mp$, $b^u\ o\tilde{c}\tilde{o}n$ („Encykl. polska“, II, s. 227)). Эти факты ясно показывают, что тип $z\tilde{o}r$ произошел от $z\tilde{o}mp$, а этот последний — от $zomp$. Поскольку носовые гласные уже существовали в фонетической системе языка (в конце слов и перед спонантами), ряд говоров склонился также к назализации чистых гласных перед носовыми согласными. Эта общая тенденция проявляется по-разному в зависимости от диалекта: в одних говорах ”вторичная назализация” происходила перед всеми носовыми ($zomp > z\tilde{o}mp$, $\acute{s}p\ddot{e}vam > \acute{s}p\ddot{e}v\tilde{o}m$, $\acute{s}ano > \acute{s}\tilde{a}no$); в других — только перед конечными носовыми ($\acute{s}p\ddot{e}v\tilde{o}m$, но $zomp$, $\acute{s}ano$), в третьих — перед носовыми, за которыми не следовал гласный ($\acute{s}p\ddot{e}v\tilde{o}m$, $z\tilde{o}mp$, но $\acute{s}ano$), или только перед носовыми с последующим согласным ($z\tilde{o}mp$, но $\acute{s}p\ddot{e}vom$, $\acute{s}ano$)⁴. Позже носовые согласные, которым предшествовали назализованные гласные, в части говоров были устранены, но тоже по-разному, в зависимости от диалекта; отсюда типы: $\acute{s}p\ddot{e}v\tilde{o} - z\tilde{o}r$ (Силезия), $\acute{s}p\ddot{e}v\tilde{o} - z\tilde{o}mp$ (Силезия), $\acute{s}p\ddot{e}v\tilde{o}m - z\tilde{o}r$ (Мазовше) и т. д.

Из трех способов трактовки ”носовых гласных” перед смычными тип $zomp$ самый старый. Из этого следует, что фонетические отношения в литературном польском продолжают непосредственно то состояние, которое господствовало в древнепольском. Последний, должно быть, обнаруживал носовые гласные только перед спонантами, перед $\acute{t}$, l и в конце слов. Древние тексты не противоречат такому допущению, особенно если иметь в виду общее правило, гласящее, что всякая нетрадиционная орфография (а орфографическая традиция не играла большой роли в древнепольском) отражает не реальные фонетические отношения, но субъективное восприятие фонологической системы языка языковым сознанием говорящих. В самом древнем собрании польских личных имен — булле 1136 г. — представлены написания *Dambnicia*, *Zandomir*, *Mancossa*, то есть явные носовые согласные перед смычными, почти без всяких исключений: при сорока двух случаях, когда ”носовые гласные” перед смычными передаются в подобной графике, встречается только один случай, когда носовая согласная не обозначена — явно по ошибке (*Radeta* наряду с *Radenta*). Напротив, из четырех случаев, в которых ”носовая гласная” сопровождается спонантом, только в двух случаях

⁴ В частном письме, за которое я выражаю искреннюю благодарность, К. Нич сообщает мне, что существуют также говоры, обнаруживающие ”вторичную назализацию” только перед носовыми, за которыми не следуют согласные: $k\tilde{o}n$ наряду с $zomp$. Этот тип явно менее распространен, чем типы $k\tilde{o}n - z\tilde{o}mp$ и $k\tilde{o}n - z\tilde{o}r$.

представлено написание an (Balouanz, Ganzaua), тогда как в двух других случаях n отсутствует (Chrustov, Chomesa). Ясно, что польский язык XII в. обладал подлинными носовыми гласными только перед спирантами (и, возможно, в конце слова).

II

Перейдем теперь к другим лехитским языкам.

Кашубско-словинский обнаруживает для а те же типы рефлексов, что и польские говоры: $\tilde{a}$ ⁵ представлено перед спирантами, aN, $\tilde{a}N$, $\tilde{a}$ (в зависимости от диалекта) — перед смычными. Однако тип гаґка не столь распространен, как в польском: Г. Брониш отмечает его в диалекте Кусфельда-Цейновы („Archiv für slav. Philologie“, XVIII, S. 397) и в произношении нескольких стариков, говорящих на диалекте Хайстернеста (ibid., S. 336). Более молодые поколения представляют в диалекте Хайстернеста тип гаґка, zũmp (ibid., S. 335 f.; ср.: F. L o r e n t z. — In: „Archiv für slav. Philologie“, XXIII, S. 107), и этот же тип господствует, согласно К. Ничу („Materjały i prace Komisji językowej“, I, s. 226), в диалекте Лузин-Шёнвальда. Большинство кашубско-словинских говоров дают тип гаґка. Примечательно, что значительная часть говоров этого типа обнаруживает носовой $\tilde{a}$ перед носовыми согласными в конце слова и в открытом слоге, то есть формы таґм (= tam), саґно (= siano) и т. д. Эта ”вторичная назализация” отмечена во всех словинских говорах (F. L o r e n t z. Slowinzische Grammatik, S. 37), в кашубских говорах Мешау-Старсина (F. B r o n i s c h. — In: „Archiv für slav. Philologie“, XVIII, S. 401), Борышкова (K. N i t s c h. Materjały i prace, III, 140), а также известна (согласно опубликованным текстам) говорам Грабовица-Шёнвальда (F. B r o n i s c h. Kaschubische Dialektstudien, II, S. 68-70: таґм, куõлѣ грѣрѣ саґнѣ, трѣ раґнѣ; ср.: K. N i t s c h. Materjały i prace, I, 235), Букова (F. B r o n i s c h. Op. cit., II, S. 71–72: таґм, даґнѣ (= dany), раґнѣ и т. п.), Ясена (ibid., S. 72-73: таґм, штґмѣ = Stamm) и Грабова (K. N i t s c h. Materjały i prace, III, 167: таґм, веловаґни). ”Вторичная назализация” совсем неизвестна говорам, представляющим тип гаґка, zũmp, но она появляется также в говоре Лузина, представляющем тип гаґка (K. N i t s c h. Materjały i prace, I, 235). Все это доказывает, что в кашубско-словинском (как и в польском) тип гаґка восходит к типу гаґка через посредство гаґка.

Все кашубско-словинские говоры стремятся избежать или устранить назализацию закрытых гласных. ”Носовая гласная *i̇” (= iN), развившаяся из *ę перед любым согласным, исключая твердые зубные, во всех кашубско-словинских говорах представлена неназализованным i (и его фонетическими вариантами). В диалекте Борышкова, где * $\tilde{a}$

⁵ Поскольку проблемы, которые мы рассматриваем в настоящей статье, не имеют никакого отношения к интонации и ударению, мы используем здесь знак ~ только для того, чтобы отмечать назализацию (как это делается для романских языков).

изменяется в $\ddot{u}$ перед носовыми согласными, “* $\bar{a}$ ” долгое представлено неназализованным $\ddot{u}$ (z matk $\ddot{u}$, v $\ddot{u}$ s = was и т. д.; К. N i t s c h. Materjały i prase, III, 143). В словинском, где * $\bar{a}$ перед носовыми согласными представлено $\ddot{u}$ (F. L o r e n t z. Slowinzische Grammatik, S. 38), “* $\bar{a}$ ” долгое представлено неназализованным $\ddot{u}$ во всех говорах, за исключением говоров Клукена и Стохентина, где обнаруживается назализованное $\ddot{u}$ (ibid., S. 104). Во всех кашубско-словинских диалектах, в которых отмечается “вторичная назализация” (то есть формы типа t $\ddot{a}$ m, s $\ddot{a}$ no), эта назализация распространилась теперь только на *a* (самый открытый гласный в системе вокализма) или на некоторые варианты $\bar{a}$ долгого (например, $\ddot{o}$). Только словинский говор Стохентина сохранил перед носовыми согласными не только $\bar{a}$ и $\ddot{u}$ (< * $\bar{a}$), но также и другие носовые гласные (r $\ddot{e}$ na, kl $\ddot{i}$ n и т. д.; F. L o r e n t z. Op. cit., S. 103—104). Эта тенденция к устранению назализации закрытых гласных вполне естественна с точки зрения физиологии.

В *полабском* фонетические отношения могут быть установлены только после тщательного анализа орфографии текстов.

Прежде всего нужно заменить “ $\ddot{o}$ ” А. Шлейхера на $\ddot{u}$, как верно заметил В. Поржезинский (“Известия отдел. рус. яз. и слов.”, VII, с. 201). Но посмотрим, действительно ли полабские “ $\ddot{a}$ ” и “ $\ddot{u}$ ” являются назализованными гласными во всех фонетических позициях?

А. В *конце слов* Хенниг всегда пишет -ung, -ang; ср. аккузатив единственного числа основ на -a (nikung, ehrung, wa darung, woschetung, gomung, ty $\ddot{i}$ skung, glawung, munkung, teiskung, krauskung; wilkung, dibbrung и т. д.) или основ на -ja (p $\ddot{e}$ stilang, sweinang, no simang, taussang, kopang, glasang, plochtang, bitang), номинатив-аккузатив основ на -n (weimang, posmang, geimang, ramang) и на -nt (gogenang, porsang, tilang, sribang, stinang, tetang, tgaurang и т. д.), инструменталис (s $\ddot{o}$ ssabung, sa tabung, sa pangstang, sa mantsang), формы 1-го лица единственного числа (fleitang, eydang, joserang, jos p $\ddot{i}$ iang и т. д.), 3-го лица множественного числа (p $\ddot{i}$ iang, plangsang, n $\ddot{u}$ ssang, roz $\ddot{o}$ yang, gaugr $\ddot{o}$ yang, spelg $\ddot{o}$ yang, salang) и местоименные формы (pit sang, so mang, pritang). Только в редких случаях можно обнаружить -n (sangsaman “Spalter”, paglan, ramann наряду с ramang и т. д.) или простую гласную (sa ssia willa наряду с no tyang woschetung и miang Klogang; geima наряду с geimang; -ssa, например tr $\ddot{a}$ ngsissa, наряду с pit sang и т. д.). Из этих написаний, по-видимому, следует, что в конце слова полабский имел подлинные назализованные гласные $\bar{a}$, $\bar{u}$.

В. *Перед l* примеры немногочисленны. Хенниг пишет всегда ang, ung, что, вероятно, также указывает на $\bar{a}$, $\bar{u}$: notzungl, wasanglay.

С. *Перед спирантами* у Хеннига также почти без исключения появляются ang и ung: golungs (мн. ч. golungs $\acute{a}$ y), wungs, kungs (мн. ч. kungs $\acute{a}$ y), kungse (kungs $\acute{a}$ l, k $\ddot{u}$ ngsona, kungsit, kungs $\acute{a}$ yangse, eykungs $\acute{e}$ ne, wigkungse, wigkungsona), wyungsat (wyu $\acute{u}$ ngsona, niwiungsona, eywy $\acute{u}$ ngsona), sung $\acute{s}$ oda (или sch $\acute{u}$ ngsoda), g $\acute{u}$ ngs, wungsat, gungska (мн. ч. gungstye), pliungsat, gungsaik $\acute{e}$ (= j $\acute{u}$ zaik $\acute{e}$); trangsissa (wasdrangst, trangsa), p $\acute{u}$ m $\acute{a}$ ngsien (p $\acute{u}$ mang $\acute{s}$ ial), eywangse (zowangsa), wamangst, gangsonik, eyprangst, pangst (pangstang), mangsi (mangsnena), sangsaman, grangste, tangstgi (= tash $\acute{u}$ i = *t $\acute{e}$ z $\acute{y}$ ko),

plangse (plangsang), brangslen, pangska. Написания с *n* редки: gungsgar и gûnse (наряду с gungs), wûnsale (wûnsla, wûnsalena), wunsoye, wunssogangsa (наряду с wungsat), wunseize, gunsik ("язык", наряду с множественным числом gungsayke). Еще более редки написания без носовых: trase (наряду с trangsissa), wuessaneiza (наряду с wungs), wuessogangsa (наряду с wungsat). Очевидно, что перед спирантами полабский также прибегал к подлинным носовым *ũ, ǣ*.

D. Перед смычными картина совсем иная:

а) Случаи, когда "носовой гласный" обнаруживается в сопровождении задненебного (wastangnûnt, wasetangne, woytángne, tangne, tangnato, munka, munkung, runka, runkówa, runkaweiza, wungle, rogang и т. д.), малопоказательны, но можно отметить, что в этих случаях *n* никогда не опускается.

б) Перед *p* и *b* Хенниг всегда пишет *am* и *um*: stump, stumpó, stumpíne, kûmpat, dûmb, dûmbak, dûmbeitza, dumbriánka, trumba, wûmberak, skumpe, klûmbak, rumbit, rûmp, rumpáyu, pûmp, krumpat, tgelumb, tgelumbak, dumpneicia, dumpó, bumbân, sûmb, sumbay, glombik, glombitge, rámpil. Нет никаких оснований предполагать здесь назализованный гласный.

в) Перед *t* и *d* Хенниг пишет то *n* (*an, un*), то *ng, nk*. Но если присмотреться, то можно заметить, что оба эти написания не случайны: *n* преобладает после *u*, а *ng (nk)* — после *a*. Таким образом, написание *ng* употребляется здесь совсем иначе, чем перед спирантами, перед *l* и в конце слов. Перед *t, d* написание *ng (nk)* означает, следовательно, не назализацию гласного, а какое-то другое фонетическое явление. Поскольку после *a* это *ng* появляется чаще, чем *n*, и поскольку в соответствии с фонетическими законами полабского "носовая нелабиализованная гласная" ("a") не допускалась перед твердыми зубными, то вполне естественно предположить, что перед *t, d* Хенниг желал при помощи *ng* обозначить палатализованное *ń*, как он это делает в случаях типа woysseŋga 'черешня', winga 'запах' и т. д. Слова rangt, diwangt, disangt, nopitzangt, sankt, brangde, brangdên, prangdena должны тогда читаться rańt, diwańt, disańt, nopüicańt, zańt, prańdǣ и т. д. Там, где *ngt, nkt, ngd* появлялись после *u*, эти написания, разумеется, имеют то же значение: bungde 'будет' = buńdǣ; в citterdisjunkt и во всех остальных обозначениях числительных на -disjunkt (или -disjungt) окончание -ńt обязано влиянию обозначений числительных rańt, diwańt, disańt⁶. Труднее объяснить *ń* в sjungtí (мн. ч. sjungta) 'праздничный день' и в sjungte (woarda tügí geima) в Pater noster, тем более что прилагательное sjunta 'святой' отмечено в словаре Хеннига шесть раз без *g*⁷. Если *ng* в rangt, bungde указывает на палатализованное *ń*, то ясно, что буква *n* перед взрывными зубными твердыми может выражать только звук *n*: слова типа lgundí, wûntak, gryunda, nopitzúnta, büsejunta, pagliunta, gûnte, pyûnta, pyûnte, gryunta, nuntung, nûntar, pri-

⁶ Ср. русск. *семьдесят, восемьдесят* в обычном произношении. Ср., однако, следующее примечание.

⁷ В статье, которая в ближайшее время должна появиться в „Zeitschrift für slavische Philologie“ (том II, тетр. 2), я пытаюсь показать, что в этом случае, как и в других, орфография Хеннига находилась под влиянием "Пфеффингера".

untpri, stîngunte, guntra, waseyunta, diwyûnte, gundre, prûnt, sîndlí, blyunda, witkûnt, wittûnt, pistjeinunte должны читаться undüi, vuntak, grúnda, porüicunta и т. д. Перед t, d, восходящими к взрывным зубным мягким, буква n может в свою очередь отражать ñ мягкое, палатализацию которого Хенниг мог забыть отметить. В таких случаях, как wis puntya, по puntye, подобное упущение представляется вполне естественным; может быть, оно имело место и в santik, kûndila, swante, swantenia, soblundéna, где d, t как будто бы сохранили некоторую мягкость. Только в punt 'дорога', selûnd 'желудь', pantari 'пятеро', soblundâl 'впал в заблуждение' и во всех инфинитивах на -nûnt отсутствие графического выражения для передачи палатализации ñ не оправданно. Но эта непоследовательность орфографии Хеннига не может нас удивлять: передать на письме палатализацию согласных, за которыми не следует гласный, — это непростая задача (можно вспомнить хотя бы древнепольские тексты!), и Хенниг, разумеется, был не из тех, кто способен преодолеть затруднение такого рода.

Мы пришли, таким образом, к выводу, что полабскому не были известны носовые гласные перед смычными и что там, где А. Шлейхер предполагал носовой гласный в этих позициях, в действительности имели место только чистые гласные в сочетании с носовым согласным.

Е. Полабские *аффрикаты*, по-видимому, имели слабую смычку, более слабую, чем у немецкого "z"; немцы, имевшие возможность наблюдать полабский, рассматривали полабское с то как аффрикату, то как спирант, и это полабское с передается у Хеннига то через tz, z, то через s, ss. Это означает, что интенсивность смычки полабского с варьировала в произношении одних и тех же слов. "Носовые гласные" перед с обозначены у Хеннига различными способами, в зависимости от интенсивности смычки с. Когда с обозначен через tz, z, ts, "носовой гласный" обозначается через an, un (nawanza, ganzonik, мн. ч. ganzoneitze, lanz, tûnzó, samantsang, runzé, runtznik, runzene, brantze, klantze, ggôrnonntza, sasanza, püdanza) и очень редко — через ang (pogangceina, wamangzit). Там, где с обозначен через s, ss, "носовой гласный" обозначается через ang, ung (mangs наряду с sa mantsang, nawangs наряду с nawanza, gangsan наряду с ganzonik, brangseika наряду с brantze; tilangse, mungsene, bungse; kung-sáyangse, zossangse, sâssangse, wiangsia, lgotógangsa, bilangsa, smardangsa, tgeipangsa, dūangse, wuessoyangs, sedangse наряду с sasanza, püdanza) и относительно часто — через an, un (nawans, tunsa, gansmin, sogans, мн. ч. sogansa и причастия meranse, peistansa, strelyayanse, ssapanse, swóransa). В целом n и ng появляются перед с почти с одинаковой частотой. Нам представляется невозможным допустить при этом существование подлинных носовых гласных. Как будто бы все указывает на то, что перед аффрикатами полабскому были свойственны носовые согласные с ослабленной смычкой (тем слабее, чем слабее была смычка последующей аффрикаты) и что ослабление смычки носовых спорадически могло приводить к частичной назализации предшествующего гласного.

Анализ орфографии Хеннига показывает, таким образом, что трактовка "носовых гласных" в полабском была во всем идентичной (если

отвлечься от качества гласных) их трактовке в польском⁸. Другие полабские источники не меняют этой картины. Парум Шульце употреблял *ng* и *n* менее последовательно, чем Хенниг: перед *t*, *d* у него почти всегда встречается *ng* (не только *sangd*, *sangdie*, *sopungten*, *pilahngtey*, *tjärrangtai*, *pungct*, *prangde*, но даже *lijungdo*, *junchtrah*, *nungtaar*, *mungdah*). Но перед *p*, *b* он употребляет только *am*, *um* (*pampiel*, *pump*, *dumpra*, *tumpung*, *dumb*, *dumbe*), что мешает допущению о подлинных носовых гласных перед смычными. Написания *lijungdo*, *nungtaar* доказывают к тому же, что смычка *n* перед *t*, *d* была слабее, чем перед гласными, и что Парум Шульце считал необходимым указать на это отличие, употребляя для *n* перед согласными другое написание, чем для *n* перед гласными⁹.

Мы приходим, таким образом, к заключению, что во всех лехитских языках "носовые гласные" изначально отражались одинаково: перед спирантами, перед *l* и в конце слова — как назализованные гласные; перед смычными — как чистые гласные, за которыми следовала носовая согласная; перед аффрикатами — как гласные, за которыми следовала носовая согласная с ослабленной смычкой.

III

Отношения между польскими *dōzyć*, *idō*: *dombrowa*, *doŋga*, *denty*, которые только что были выявлены нами и для полабского, обнаруживаются во многих неславянских языках. Отношения в литовском (*kąsti*, *vilką*: *kampas*, *kandu*, *gaŋka*) точно такие же. Мы обнаруживаем то же самое в санскрите (*saṣīdati*, *saḥarati*: *sambhavati*, *santanōti*, *saṅgaḥati*, *sañci-noti*) и в авестийском, если привлекать только индоевропейские языки. Повсюду, где существуют отношения такого рода, назализованная гласная, которая появляется перед спирантами и шлавными, а также в конце слова, справедливо рассматривается как результат вторичного чередования группы *чистая гласная + носовая согласная*. Легко согласиться, что носовая согласная могла утратить смычку в результате ассимиляции перед спирантами и перед шлавными; но труднее понять "расщепление" носовой гласной на *чистую гласную + носовую согласную* перед смычными. Так, никогда не возникала идея выводить скр. *ḷambhaḥ* из **ḷabhaḥ* или лит. *gaŋka* из **gaŋka*.

Поскольку носовые гласные в лехитских языках появляются точно в тех же условиях, что и в литовском, в санскрите и в авестийском, их появление должно объясняться одинаковым образом. Не носовые гласные, но чистые гласные, за которыми следовал носовой согласный, должны рассматриваться в качестве отправной точки для протолехит-

⁸ В этом, последнем, как и в случаях типа полабского *raŋt*, носовая согласная не принадлежала к тому же артикуляционному классу, что и последующая смычная согласная.

⁹ Об орфографии "Пфеффингера" см. мою статью, упомянутую выше (во втором выпуске 2-го тома „Zeitschrift für slavische Philologie“).

ского, как и для протолитовского и протоиндоиранского. В очень древнюю эпоху (предшествовавшую падению еров) протолехитский содержал чистые гласные в сочетании с носовыми не только перед смычными, но и перед спирантами, перед l^{10} и в конце слова. Только позднее в последних трех фонетических позициях смычка носового была устранена, что вызвало назализацию предшествующих гласных. Лишь в силу некоторых предубеждений, подкрепленных прежде всего польской графикой (которая, как мы видели, основывается на субъективных особенностях языкового сознания носителей языка), слависты могли избрать для объяснения лехитских фактов совершенно противоположный и менее естественный путь.

Если не назализованные гласные, но чистые гласные в сочетании с носовым согласным сменили в протолехитском "носовые гласные" общеславянского, то можно попытаться точнее установить качество этих гласных.

Сравнивая кашубско-словинские рефлексy " *ϕ, *ϕ " с рефлексами групп *tʏrt, *tʏrt, мы обнаруживаем полный параллелизм: " *ϕ " изменяется в aN (> ā), а *ʏr — в ar; перед зубными твердыми " *ϕ " переходит в 'aN (> ā), а *ʏr переходит в 'ar; в других позициях *ϕ изменяется в iN (> ī > i), а *ʏr развивается в ir.

Тот же параллелизм проявляется и в древнем поморском диалекте острова Рюген (ср.: J. Łęgowski и T. Lehr-Splawinski. — In: „Slavia occidentalis“, II, p. 114 et suiv.): " *ϕ " > aN¹¹ // *ʏr > ar, перед зубными твердыми: " *ϕ " > 'aN // *ʏr > 'ar; в других позициях: " *ϕ " > eN // *ʏr > er.

В полабском мы наблюдаем почти полный параллелизм: " *ϕ " > uN // *ʏr > or, перед зубными твердыми: " *ϕ " > 'uN // *ʏr > 'or; в других позициях — " *ϕ " > aN // *ʏr > ar¹². Различие между u перед носовым и o перед r несущественно: перед носовыми открытые гласные в большинстве языков стремятся перейти в закрытые.

В польском " *ϕ " отражается через aN в самых старых текстах, а ar — это регулярный рефлекс *ʏr самых древних эпох; таким образом,

¹⁰ Перед l носовой был представлен в санскрите назализованным l . Возможно, что общепольский обнаруживал то же явление и что позже группа "назализованное l + чистое l " упростилась в результате прогрессивной или регрессивной ассимиляции, в зависимости от диалекта: этим можно было бы объяснить два отражения этой группы в современных говорах, а именно $v\acute{z}ol$ и $v\acute{z}on$.

¹¹ Мы не понимаем, почему Т. Лер-Сплавинский допускает a^o (op. cit., с. 125 и сл.): все 46 примеров, приводимых им, дают чистое a (Lanka, Burianta и т.д.), и единственный случай, составляющий исключение (*Ponten filius Pribizlai*, 1203), производит впечатление ошибки.

¹² Мы позволим себе не согласиться с предположением Т. Лера-Сплавинского („Slavia occidentalis“, I, p. 129), согласно которому полабское ar развилось в ir. Это предположение кажется нам безосновательным, поскольку полабское a — это обычный рефлекс *ʏ перед мягкими согласными. Так как поморский говор острова Рюген, кажется, не знал перехода *ʏr в ir (Virchevitz наряду с Verchosloveshagen должно объясняться так же, как Bisanche наряду с Bresnitz), то невозможно признать это изменение в качестве общего для всех лехитских языков.

в польском также существует параллелизм между “*q” и *ɣ. Иначе обстоит дело с параллелизмом “*ɣ” и *ɣ. Перед зубными твердыми “*ɣ” представлена в древнепольском как aN, а *ɣ — как ar, но предшествующая согласная смягчается перед aN и остается твердой перед ar. Отражение *ɣ в других позициях не единообразно: в южных польских диалектах *ɣ перешло в er перед зубными мягкими и в ir (> ér) перед другими согласными (pierscień, siérp), тогда как в северных диалектах *ɣ представлено через ir, irz (> ér, érz) не только перед задненебными и губными, но также и перед мягкими зубными (piérsctień : siérp). Что касается “*ɣ”, то она, похоже, изменилась в eN > äN во всех говорах древнепольского и во всех позициях, исключая твердые зубные. Позже произошло смешение этого äN с aN¹³.

Параллелизм в рефлексах “*q”, “*ɣ” и *ɣ, *ɣ в поморском и полабском, как и параллелизм в рефлексах “*q” и “*ɣ” в древнепольском, доказывает, что самым древним произношением “*q” и “*ɣ” в протолехитском было *ɣN, *ɣN. Различие между рефлексами *ɣN и *ɣ в древнепольском может быть объяснено без большого труда. “Депалатализация” *ɣ (то есть переход *ɣ в *ɣ перед зубным в сочетании с гласным заднего ряда) имела место в протопольском раньше, чем палатализация зубных и губных перед гласными переднего ряда: отсюда твердость согласных перед ar, развившимся из *ɣ в twardy¹⁴. “Депалатализация” *ɣп и *ɣп завершилась чуть позже: отсюда палатализация согласных перед aN в *mānsō (> mięso), *t’anty (> cięty), *rānty (> piąty), *d’ānsō (> dziaśō). Переход *ɣ в i в польском и кашубско-словинском имел место только перед тавтологическими слоговыми палатализованными сонантами: если в южных польских говорах *ɣ не перешел в i перед r в сочетании с мягким зубным (rérś : sérp), то лишь потому, что в этих говорах депалатализация *i перед мягкими зубными завершилась ранее перехода *ɣ, ɣ’ в *iɣ, *il’. Чтобы объяснить разницу между древнепольским *rānt’, *t’āngnānt’ и кашубским rjinc (*rīć), śignōc (*śignāć), следует допустить, что в эпоху перехода *ɣ в i носовые группы *ɣN перед всеми согласными, кроме твердых зубных, были палатализованы в протокашубском и оставались твердыми в протопольском.

¹³ Трудно установить хронологию этого изменения. Изначально aN появлялось перед твердыми зубными (kant : ranta; vās : vāzy); в других позициях aN появлялось после твердых согласных, а äN — после мягких согласных (mānt’iny : mānt’, řang : řānghe, zamb : zāmba, tã : t’ã). В эту эпоху различие между aN и äN, должно быть, зависело только от внешних фонетических условий, так что aN и äN должны были совпасть в сознании говорящего в единой фонеме (“ɸ”). Использованию одного знака (ɸ, ą и т.д.) для обозначения этой фонемы, следовательно, должно было предшествовать реальное смешение обоих вариантов (aN и äN) в произношении. Напротив, количественные различия между “ɸ” долгим и “ɸ” кратким не зависели от фонетического окружения и существовали не только в реальном произношении, но и в субъективном сознании говорящего: только это количественное различие продолжало существовать после порождения нового качественного различия (ɸɸ > äN, ɸ > äN).

¹⁴ В полабском и поморском депалатализация *ɣ и *ɣ произошла позже, чем палатализация зубных и губных перед гласными переднего ряда: отсюда различие между польским twardy и полабским tjordy, кашубским śvård i.

Наше предположение, согласно которому "носовые гласные" общеславянского были представлены в протолехитском *ьN, *ьN, подкрепляется еще двумя особенностями лехитских языков:

1. Известно, что славянский *ь не допускался в начале слова и что в этой позиции *ь всегда сопровождался протетическим v. А все лехитские языки обнаруживают это самое протетическое v перед "*ǫ" (= *ьN); ср. польск. wąż, węzieł, wąda и т. п., полаб. vūs 'борода', vumbə rak 'ведро', vuñüir 'угорь', vuntāk 'уток' и т. п., поморский диалект о-ва Рюген Wamrand (название деревни, 1207, 1248, 1249), Vansenovitze (название деревни, 1314), Wangherniz (название ручья, 1295).

2. Известно, что в большинстве славянских языков произошло смешение еров, и они стали различаться только по мягкости или твердости предшествующего согласного. А после j и после мягких согласных лехитские языки более не различают "*ǫ" и "*ę": полаб. rojanĭk (русск. наук) и т. п.; ср.: F. L o r e n t z. — In: „Archiv für slav. Philologie“, XXIV, S. 5—7.

IV

Гласные "*ę" и "*ǫ" произносились по-разному в разных наречиях общеславянского праязыка.

Мы установили, что в протолехитском *ǫ и *ę имели значение *ьN и *ьN. Вне протолехитского такое же произношение можно предположить для части протоболгарских диалектов: в современном болгарском "*ǫ" и "*ę" представлены теми же гласными, что *ь и *ь; в начале слов "*ǫ" всегда предшествует протетическое v; после j и палатализованных согласных буквы Ж и А смешиваются, начиная с самых ранних среднеболгарских текстов.

В других наречиях общеславянского *ę и *ǫ, несомненно, имели совершенно иное произношение. Но очень сомнительно, чтобы эти гласные когда-либо были назализованными. Мы, скорее, придерживаемся того мнения, что в большинстве наречий общеславянского "*ę" и "*ǫ" были долгими неназализованными гласными в сочетании с сильно редуцированными носовыми согласными (*ōⁿ и *ēⁿ или *āⁿ). Южная граница этого произношения пересекала территорию протоболгарского, так что древний говор Салоник содержал *ōⁿ, *ēⁿ, а не *ьN, *ьN: буква ѣ древнейшего глаголического алфавита представляет собой редуцированную носовую согласную, а графемы ѣ̄, ѣ̅, ѣ̆ (которые всегда пишутся отдельно в самых древних текстах), должно быть, произносились как ōⁿ, ēⁿ, ǫⁿ.

Мы надеемся еще вернуться к этим проблемам.

Новаторская статья Р. Я к о б с о н а „Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre“ („Travaux du Cercle linguistique de Prague“, VI, pp. 240 – 288) открывает новую эру в исследовании систем склонения. Это первый образец действительно целостного рассмотрения одной конкретной падежной системы. Каждый языковед, осознающий недостаточность атомистической грамматики и желающий приобщиться к структурной морфологии, должен принять предложенную Р. Якобсоном постановку проблемы в исследовании склонения, а также предложенный им метод. Только на этом пути станет возможным выяснение не только синхронных, но и диахронических отношений в области склонения.

Кроме того, что статья Р. Якобсона ценна для специалистов по общему языкознанию, она представляет немаловажный интерес и для специалистов-славистов. Она знаменует освобождение славистики от определенных предубеждений, возникновение которых обусловлено не славянским языковым материалом, а грамматическим мышлением неславянских народов Европы и традициями классицизма. В статье Р. Якобсона впервые была предпринята попытка объективно рассмотреть падежную систему одного из славянских языков (именно русского) без обращения к грамматическим категориям, созданным в кругу неславянских языков. Когда же этот образец будет применен ко всем другим славянским языкам и диалектам, станет возможным создание сравнительного учения о склонении в славянских языках.

Такое сравнительное изучение склонения в славянских языках, основанное на структуральном принципе, весьма существенно отличалось бы от старого атомистического описания склонения, представленного в курсах сравнительных грамматик Ф. Миклошича и В. Вондрака. В необходимости подобного изучения, которое обусловлено современным развитием языкознания, едва ли кто-нибудь может сомневаться.

В настоящее время к существенным моментам структурного взгля-

* N. S. T r u b e t z k o y. Gedanken über die slovakische Deklination.— In: „Sborník Matice slovenskej“, roč. XV, část' prvá — Jazykoveda, 1937, s. 39-47.

да на язык можно отнести свободу от ограничений, налагаемых генетически родственными языковыми группами. Именно Р. Якобсон в целом ряде своих работ специально подчеркивает и успешно развивает эти идеи (ср. R. Jakobson. Über die phonologischen Sprachbünde.— In: „Travaux CLP“, IV, p. 234 ff.; Р. Якобсон. К характеристике евразийского языкового союза. Париж, 1931, и особенно его доклад на IV Международном лингвистическом конгрессе в Копенгагене, 1936). Разумеется, в этих работах Р. Якобсон говорит только о фонологических явлениях. Однако, чтобы показать тенденции морфологических процессов к охвату более широких географических областей и большего количества территориально близких языков и диалектов безотносительно к их генетическому родству, следует учесть тот общеизвестный факт, что многие языковеды уже сделали это обстоятельство исходным пунктом плодотворного исследования. Теперь же типологическое сравнение языков должно быть непосредственно перенесено в область морфологии; в рецензии на книгу Р. Якобсона „К характеристике евразийского языкового союза“ А. Мейе заметил: «Тип явлений, рассмотренных Якобсоном, заслуживает более подробного изучения. Он будет интересен как раз в той степени, в какой соответствия морфологического строя подтверждают теорию» („Bull. d. la S.L.d.P“, XXXII, N 97, p. 7).

Проблема исследования славянского склонения относится именно к такого рода проблемам, решение которых требует объединенного сравнения языков, притом диахронический анализ должен вестись параллельно с географическим. Из всех живых индоевропейских языков балто-славянские языки обладают самыми богатыми системами склонения¹. Если принять во внимание географическое положение этих языков, то следует отметить, что богатство их деклинационных систем не является исключением. Богатыми системами склонения обладают также финские языки, которые географически связаны с балто-славянскими. Несколько беднее по сравнению с финно-угорскими, но все же довольно богаты деклинационные системы самодийских, тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских языков, территории которых примыкают к финно-угорским и славянским языкам. В северо-восточной части Кавказа тюркские языки соседствуют с восточнокавказскими, которые отличаются чрезвычайно богатыми деклинационными системами. Характерно, что и осетинский язык, на котором говорят в Центральном Кавказе, хотя он и принадлежит с генетической точки зрения не к автохтонным кавказским языкам, а к иранским, в отличие от прочих новоиранских языков характеризуется богато развитой системой склонения. Однако западные языки Кавказа, примыкающие к Черному морю, бедны формами склонения: три так называемых западнокавказских языка не имеют, собственно, склонения в подлинном смысле этого слова. И в Закавказье системы склонения небогаты. Армянский стоит в этом отношении примерно на том же уровне, что и немецкий литературный язык. Новогру-

¹ Здесь подразумевается, как и во всех последующих рассуждениях, только флективное, а не аналитическое склонение.

зинский разговорный язык в этом смысле едва ли богаче, однако и здесь количество падежных различий не столь велико, как в восточнокавказских языках, и синтаксис падежей свидетельствует об отчетливых признаках распада. Южнее тюркских и кавказских языков находятся семитские и иранские языки, не имеющие склонения или обладающие лишь скудными остатками склонения; только на территории Индии вновь появляются более богатые деклинационные системы, которые, однако, отнюдь не достигают уровня славянских языков. В восточной части Азии с юга к монгольским и маньчжурским языкам непосредственно примыкают тибето-бирманские языки и прежде всего лишенный склонения китайский язык. Японский язык, напротив, со своими десятью падежами типологически примыкает к богатым падежами урало-алтайским языкам. То же самое относится и к "палеоазиатским" языкам — чукотскому (7 падежей), корякскому (7 падежей), камчадальскому* (6 падежей), юкагирскому (9 падежей) и кетскому или енисейско-остякскому (6 падежей), которые географически соседствуют с урало-алтайскими языками. Лишь гилякский** язык со своими четырьмя (точнее — пятью) падежами располагает относительно более бедной системой склонения. Что касается языков, которые расположены западнее балто-славянских, то они или вообще не имеют склонения (как все романские), или характеризуются скудными следами склонения (как германские, кельтские, албанский и новогреческий).

Следовательно, в Старом свете представлена "сердцевина склонения" — это Эстония, Латвия, Литва***, Финляндия, Польша, Чехословакия, Венгрия, Югославия, Турция, весь Советский Союз, Монголия и Япония. Западнее и южнее этого средоточия склонение или совершенно неизвестно, или движется к исчезновению.

Если эту общую географическую схему принять за исходную, то можно понять судьбы склонения в отдельных славянских языках.

На южной периферии славянского мира болгарский язык совершенно утратил склонение имен, а у личных местоимений сохранил лишь его скудные остатки.

В сербохорватском языке (в особенности в языке литературном) количество падежей подверглось сокращению: в единственном числе противопоставление дательного и местного падежей целиком исчезло (различия в интонации, которые встречаются у некоторых существительных с односложным корнем, нельзя уже трактовать как выражение падежных различий)²; во множественном числе все "периферийные падежи" (дательный, местный и творительный) совпали. Правда, существуют еще архаичные диалекты, в которых падежные различия сохранились лучше. С другой стороны, встречаются диалекты (и среди них столь важ-

* Современное название — ительменский. — *Прим. перев.*

** Современное название — нивхский. — *Прим. перев.*

*** Статья опубликована в 1937 г., до вхождения Эстонии, Латвии и Литвы в состав Советского Союза. — *Прим. перев.*

² Практически местный падеж представлен только в сочетании с предлогами. Мена интонации в случаях *рòгу — на рòгу* или *вòди — у вòди* приписывается влиянию предлога (так же, как *вòду — ù воду*).

ные, как говор Белграда) (ср. М. М о с к о в љ е в и ћ.— В: "Зборник... А. Белићу", 1921, с. 136 f.), в которых склонение находится в состоянии существенного распада. Употребление сочетаний падежа с предлогами расширяется за счет употребления собственно падежных форм, и это ведет к тому, что общее значение отдельных падежных форм бледнеет.

Словенский язык также представляет картину утраты склонения несмотря на архаический характер литературного языка. В склонении на -а форма винительного падежа единственного числа совпала с формой творительного, в мужском роде склонения на -о форма именительного падежа множественного ч. совпала с формой творительного; форма дательного падежа единственного числа во всех типах склонения идентична форме местного. Правда, в некоторых диалектах все эти падежи еще различаются посредством интонации. Однако нигде это последовательно не проведено. В диалектах (особенно в тех, которые не сохранили интонацию в открытых конечных слогах) редукция и качественное изменение неакцентированных конечных слогов вызывают более сильное смешение отдельных падежных форм. Сочетания с предлогами усиливают этот процесс. К этому еще добавляются различные синтаксические и фразеологические германизмы, точнее, италиянизмы, с совершенно "неславянским" использованием падежей.

Таким же, а, возможно, еще далее продвинутым является разрушение склонения в чешском языке. Здесь или произошло совпадение всех полных падежей единственного числа (pole) или совпадение родительного падежа единственного числа с именительным единственного числа (duše); форма винительного падежа единственного числа в типе duše совпала с формой дательного, что привело к снятию противопоставления между полным падежом и соответствующим ему периферийным; совпадение винительного падежа единственного числа с творительным падежом единственного числа в типе dobrá также указывает на ослабление "позиционной корреляции". Совпадение падежей в единственном числе зашло столь далеко, что некоторые деклинационные классы (paní, znamení, řeší женского рода) получили в единственном числе одну-единственную форму для всех падежей. Индивидуальность отдельных окончаний была существенно нарушена. Так, окончание -e во всех классах склонения выражает значение всех падежей единственного числа, за исключением творительного (им. п. duše, moře, род. п. meče, moře, duše, дат. п. kose, вин. п. ořáče, moře, местн. п. hradě, městě, kose, зват. п. bratře, moře, duše), окончание -i — всех падежей, кроме творительного и именительного (род. п. kosy, дат. п. и местн. п. meči, moři, duši, вин. п. duši). Все эти отношения возникли в результате действия чешских звуковых законов. Примечательно, что язык с этим сразу примирился и не препятствовал нарушению системы посредством каких-либо образований по аналогии. Так возникло парадоксальное положение, когда падежи во множественном числе различаются лучше, чем в единственном, что возможно только лишь при очень ослабленном "чувстве падежа". Это ослабление чувства падежа вытекает также из наблюдений за употреблением падежей, особенно при сравнении в этом отношении чешского языка с

русским: употребление падежей (особенно в чешских народных говорах) гораздо менее богато оттенками, а функциональная нагрузка самостоятельных падежных противопоставлений намного слабее.

Наконец, следует отметить разрушение значения (чувства) падежа также в лужицком языке, однако это явление при сильном немецком влиянии на лужицкий синтаксис не сразу бросается в глаза.

Хорошо сохраняется славянская система склонения в польском языке (несмотря на отдельные бросающиеся в глаза смешения падежей³), а также в белорусском и в украинском языках. Однако эти языки ограничиваются только сохранением старых падежных различий. И лишь русский язык обнаруживает не только сохранение, но и обогащение старой системы падежных различий двумя новыми падежами (род. п. II и предл. п. II — "корреляция оформления"). С точки зрения вышеупомянутой географической схемы это вполне объяснимо. Из всех славянских языков русский язык, находясь как раз в центре "деклинационного сообщества Старого света", занимает господствующее положение и обладает разветвленной системой склонения⁴. Непосредственно примыкающие к нему славянские языки (украинский, белорусский и отчасти польский) обладают менее богатыми, но тем не менее жизнеспособными системами склонения, тогда как расположенные на западной и юго-западной периферии "деклинационного сообщества" славянские языки (лужицкий, чешский, словенский, сербохорватский) несут на себе признаки начинающегося распада системы склонения, а принадлежащий к балканскому языковому союзу болгарский язык почти полностью утратил склонение.

С этой точки зрения и должна быть рассмотрена система склонения словацкого языка. В отличие от чешского языка, словацкий не расположен на периферии "деклинационного сообщества". Географически он граничит, с одной стороны, с польским и украинским языками, которые верно сохранили древние славянские падежные отличия, а с другой стороны — с венгерским, который характеризуется чрезвычайно богатой системой склонения. Впрочем, венгерский язык в этом отношении идет столь далеко, что, по меткому выражению Б. Коллиндера („Nyelvtudományi Közlemények“, L., 1936, S. 58), трудно с точностью сказать, сколько падежей представлено в венгерском, поскольку большая их часть выступает как венгерские новообразования. Подобное утрирова-

³ Закономерностям, которые Р. Якобсон („Travaux CLP“, VI, p. 286) приводит для русского языка, противоречат в польском совпадение творительного падежа единственного числа с винительным падежом единственного числа в случаях *dobrą, ranią* и совпадение родительного падежа множественного числа с именительным множественного числа в случаях *gzeszy, pieśni*.

⁴ То, что русский язык утратил звательную форму, не противоречит нашей точке зрения. Вокатив не является подлинным падежом. Это следует уже из того, что в таком языке, как болгарский, где именное склонение утратилось, он и дальше сохраняется; с другой стороны, вокатив неизвестен чрезвычайно богатым падежами финно-угорским и восточнокавказским языкам. Впрочем, большая часть русских говоров создала новую форму вокатива (ср. *S. O b n o r s k i j*. — In: „Z. f. sl. Ph.“, I, S. 102 ff.).

ние деklinационного принципа следует рассматривать как перерождение и объяснять периферийным положением венгерского языка (примерно так же, как в языках Дагестана). Все же примечательно, что подобное перерождение проявляется не в уменьшении, а в увеличении падежных различий. Итак, словацкий язык находится в окружении трех языков, обладающих живым чувством падежа. И именно этим объясняется тот факт, что склонение в словацком удержалось гораздо лучше, чем в чешском.

Было бы, однако, неправильно высокую степень сохранности склонения в словацком языке объяснять только тем, что звуковые изменения, нарушившие старые падежные отношения в чешском языке, не имели доступа к словакам. При таком механистическом объяснении возникает вопрос: почему названные звуковые изменения не могли проникнуть к словакам, почему чешский язык не воспротивился этим звуковым изменениям и не устранил их воздействие на склонение посредством аналогии; наконец, почему довольно многочисленные специфические словацкие звуковые изменения были все такого свойства, что падежные различия благодаря их действию не должны были подвергаться опасности. Все изменения, которые переживает язык, являются результатом определенных тенденций развития. Язык в каждый момент своего развития представляет собой взаимосвязанную органическую систему, в которой звуковая сторона самым тесным образом связана с мыслительной. Если звуковое изменение разрушает или затемняет какой-либо участок формальной системы, то это доказательство того, что язык не придает большого значения сохранению этого участка в своей системе форм. И, с другой стороны, если в ходе длительного языкового развития не возникает ни одного звукового закона, который подвергал бы опасности определенный участок формальной системы, то это свидетельствует о том, что язык весьма сильно заинтересован в прочном сохранении соответствующего участка этой своей системы. Объединив эти принципы целостно-функционального понимания языкового развития с констатацией того, что тенденции развития языка связаны не только с генетическим родством, но и с географическим языковым соседством, мы неизбежно придем к вышеупомянутому пониманию различий между чешским и словацким языками в области склонения⁵.

Отношение между чешской и словацкой трактовкой форм склонения может быть хорошо проиллюстрировано на примере творительного падежа единственного числа женского рода. Тогда как в чешском языке современное окончание этого падежа во всех диалектах восходит к -ú, которое, действительно, в старочешском было единственно возможным окончанием, в среднесловацком наречии окончание -ou (включая воз-

⁵ При этом, однако, следует подчеркнуть, что резкий контраст в указанном отношении намечается только между чешским языком, с одной стороны, и среднесловацким наречием, с другой. Моравские говоры чешского языка сохраняют вследствие образований по аналогии важнейшие падежные различия (особенно противопоставления именительного и родительного, а также винительного и дательного падежей).

никшее из него -ó и -uof) не может быть объяснено из -ú.

Ф. Травничек („Historická mluvnice československá“, 66 ff.) полагает, что сочетание *-oјѡ в период общего стяжения под влиянием j, разделяющего гласные, не подвергалось стяжению. В случаях древнечешских roju, stoju, boju šě, вин. п. ед. ч. moju и т. п. нестяженные формы должны были сохраняться и в историческую эпоху. Возникшие наряду с moju формы mǔ и форма творительного падежа типа tebǔ, gubǔ и т. д. (откуда новочешские mou, tebou, gubou и т. д.) могли быть результатом позднейшего, вторичного стяжения; среднесловацкое -ou в творительном падеже единственного числа могло возникнуть из старого *-oјu посредством выпадения j. Фр. Травничек ссылается на хорошо засвидетельствованное древнечешское сочетание mezi toju, где toju могло возникнуть только фонетическим путем, ибо оно не может быть объяснено в качестве какого-либо образования по аналогии (обычно и форма творительного падежа единственного числа от ta в древнечешском всегда имеет вид tú). Эта форма, однако, вызывает лишь предположение, что старое *-oјu (или *-oјѡ) под ударением (то есть там, где о этого сочетания принадлежит первому слогу в слове) не должно стягиваться; то же самое подтверждается также формами roju, stoju, moju и т. д. (хотя эти формы далеко не так показательны, как mezi toju). Для нестяженного *-oјu в безударной позиции отсутствуют надежные факты, и возможно, что в этом положении стяжение выступало как закономерное явление: древнечешские tú, mǔ и т. п. могли возникать в этом случае первоначально лишь в безударной позиции (то есть в функции проклитик).

Что касается словацкого языка, то современное среднесловацкое ou возникло, само собой разумеется, из *oјu с утратой j, но проблематично, является ли это исключительно фонетической трактовкой сочетания *oјu. Появляющиеся в некоторых среднесловацких говорах формы родительного—местного (dvúch, obúch) могут быть объяснены только при допущении фонетического изменения *oјu в ú (тот факт, что в этом случае речь идет о праславянских *u и *ǫ, не имеет значения, так как оба праславянских гласных в словацком ничем не отличаются друг от друга). Вместе с тем в словацком языке, как и в чешском, с древности должны были существовать стяженные образования старого *oјu и нестяженные формы. Принцип, в соответствии с которым эти дублетные формы распределялись, установить в настоящее время не представляется возможным, так как в отдельных категориях имело место выравнивание и обобщение. Однако интересно проследить на примере формы творительного падежа единственного числа женского рода направление, в котором протекало указанное выравнивание.

Чешский язык обобщил в этой форме стяженное -ú. Как уже было сказано, это окончание, может быть, в многосложных формах было первоначально фонетически закономерным, а все именные формы творительного падежа единственного числа были многосложными. Как бы то ни было, характерно, что долгое -ú в форме творительного падежа единственного числа не было вытеснено нестяженным -oјu. Следствием этого было совпадение творительного падежа единственного числа с винитель-

ным падежом единственного числа у всех прилагательных и существительных с основой на *ija-*: новочешские *dobrou*, *první*, *raní* являются формами и творительного, и винительного падежей.

В этом совпадении носители чешского языка не видят какого-либо дефекта. Однако достаточно окинуть взглядом все приведенные в вышеупомянутой статье Р. Якобсона („Travaux CLP“, VI, S. 284 – 286) виды русского падежного синкретизма, чтобы убедиться, сколь тяжкую травму должно нанести подобное совпадение ясному чувству падежа, которое в русском еще продолжает жить. Важнейшее правило русского склонения состоит как раз в том, чтобы позиционные „корреляции“ при падеже, который не обозначает ограничения объема предмета, не устранялись: иными словами, именительный и винительный падежи не должны совпадать ни с творительным, ни с дательным. Это правило, которое для определенной ступени развития славянской падежной системы (особенно для ступени развития восточнославянских языков, которые сохранили еще не стертые, вполне живое сознание падежа) весьма характерно⁶, следует рассматривать как причину обобщения окончания *-ou* для творительного падежа единственного числа женского рода в среднесловацких диалектах. Из двух предоставленных в наше распоряжение возможных окончаний — **-ú* и **-o(j)u*, — из которых только последнее первоначально характеризовало ударные местоименные формы (ср. др.-чеш. *mezi toju*), среднесловацкое наречие обобщило окончание *-ou* и избежало посредством этого совпадения формы творительного падежа единственного числа женского рода с формой винительного падежа единственного числа у прилагательных, а также у существительных с основой на *-ija* и с основами на *-a* и *-ja*, обладающими долгим слогом (при которых, согласно „ритмическому закону“, окончание **-ú* должно было сократиться в *-u*). То обстоятельство, что чешский язык избрал противоположный путь, отчетливо свидетельствует, что для этого языка несущественно сохранение первоначальных падежных различий, тогда как для словацкого языка они чрезвычайно важны.

Та же самая потребность, то есть стремление избежать совпадения творительного падежа с винительным, привела к тому, что в некоторых западнословацких говорах, обобщивших сперва по чешскому образцу окончание *-ú* для творительного падежа единственного числа женского рода, это *-ú* было заменено окончанием *-im*, — вероятно, под влиянием „не-женских“ склоняемых форм. Здесь *-m* стал вообще признаком творительного падежа единственного числа; противоположность же между „женским“ и „не-женским“ склонением остается — она явствует из формы творительного падежа единственного числа, о чем свидетельствует качество гласного, стоящего перед *-m*. Поэтому для первоначальной сла-

⁶ Естественно, что здесь обсуждается только *славянская* оценка системы падежей. Другие развивающиеся падежные системы „деклинационного сообщества Старого света“ совпадают в этом отношении с русской системой, однако не все: например, чувашский язык не знает противопоставления между винительным и дательным, так что „позиционная корреляция“ при „направительном падеже“ оказывается снятой.

вянской системы склонения было характерно стремление к различению "женского" и "не-женского" склонения в творительном падеже единственного числа⁷. Однако одновременно было устранено совпадение творительного падежа с винительным.

С потребностью отличать творительный падеж от именительного следует также связать объяснение удлинения -у в творительном падеже множественного числа в среднесловацких говорах (s chlárú, s korení и т. п.). Между тем такое -ú после долгих слогов в согласии с "ритмическим законом" сокращается, что ведет в таких случаях к совпадению творительного падежа множественного числа с именительным мн. ч. (z muráru, s karlánu, pre dvomá týžnu и т. п.; см. Stanislav. Lipt. nar., 281). Старый творительный падеж множественного числа "не-женских" имен в словацком языке вообще обречен на вымирание, однако это постепенное отмирание еще не зашло столь далеко, как в чешском языке.

⁷ До публикации вышеназванной статьи Р. Якобсона в шестом томе TCLP можно было рассматривать это стремление как совершенно бессмысленное. Лишь после того, как Р. Якобсон установил сущность творительного падежа — соответствующий именительному "периферийный падеж" — стал ясен смысл этого стремления.

О ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ (POSSESSIVA) СТАРОЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА*

При изучении грамматики любого языка следует делать строгое различие между формами живыми и мертвыми. В языках, уже переставших существовать, определение "живости" и "мертвости" связано с некоторыми затруднениями. Проще всего дело обстоит, конечно, в тех случаях, когда в наших памятниках данная форма засвидетельствована у слов явно новых, напр. у неассимилированных иностранных имен собственных или у слов, созданных для передачи какого-нибудь нового (с точки зрения данного народа и данной эпохи) понятия. Ясно, что такую форму надо считать живой. Однако применение этого критерия не всегда оказывается возможным.

Во всяком языке есть формы, которые не могут образовываться от новых слов только потому, что данная грамматическая категория является "замкнутой", т. е. по самому своему существу не допускает возникновения новых членов. Так, напр., "живость" образования порядковых числительных от числительных основных путем замены склонения основ на ь склонением прилагательных (**пѣтъ-пѣтъи**) не может быть проверена при помощи указанного критерия потому, что новых основных числительных нет и быть не может. Такие формы, конечно, не "живы", но их нельзя назвать и просто "мертвыми", и мы предлагаем называть их "исчерпывающими", т. к. они исчерпывают все возможные случаи своего применения.

Другую группу форм, ускользающих от проверки путем вышеуказанного критерия, составляют формы, хотя и способные образовываться от новых слов и корней, но связанные с такими стилистическими оттенками, которые крайне ограничивают их применение в литературном языке. Так, напр., в русском языке существительные на -яга, хотя и образуются иногда от иностранных корней (напр. **с и м п а т я г а**), не могут употребляться в серьезном литературном языке в силу присущего им вульгарно-фамильярного стилистического оттенка. Такие формы мы называем "внелитературно-живыми".

* Напечатано на русском языке в "Зборник у част Белића". Београд, 1937, с. 15—20.

С вопросом о живости и мертвости форм тесно связан вопрос о разграничении функций или сфер распространения. В принципе язык стремится к строгому разграничению функций всех своих живых форм. Стремление это далеко не всегда осуществляется полностью. Но когда из двух живых форм, имеющих совершенно одинаковые функции, одна применяется в новых словах реже, чем другая, — можно с уверенностью утверждать, что она находится на пути к умиранию.

Присмотримся с точки зрения этих методологических принципов к образованию притяжательных прилагательных в староцерковнославянском языке.

Прежде всего самая категория притяжательных прилагательных в наших памятниках вполне жива. Приименный (адноминальный) родительный падеж имен одушевленных употребляется, лишь если он сопровождается определительным словом (*сынъ бога живаго, домъ отца моего*), в противном же случае он обязательно заменяется притяжательным прилагательным (*сынъ божи, домъ отъчь*). Поэтому от каждого существительного, обозначающего одушевленное существо, образуется притяжательное прилагательное, которое принадлежит к парадигме склонения этого существительного совершенно так же, как причастия принадлежат к парадигме спряжения глаголов¹.

Притяжательные прилагательные образуются в староцерковнославянском языке при помощи суффиксов *-ьнъ*, *-и-*, *-ов-*, *-ев-*, *-ин-* или при помощи изменения конечного согласного основы.

Из этих различных способов образование при помощи суффикса *ьнъ* является, по-видимому, неживым. В собственно староцерковнославянских памятниках засвидетельствованы лишь *отънь* (наряду с *отъчь*), *матерьнь* (наряду с *матерьь*), *брат(р)ьнь*, *господьнь* и *владычьнь*, к которым в позднейших памятниках присоединяются еще *сыновьнь*, *дъщерьнь*, *дѣдьнь* (наряду с *дѣдовъ*), *затънь*, *тѣстьнь*. Суффикс *ьнъ* обычно образует прилагательные, выражающие пространственные и временные отношения, причем по значению своему такие прилагательные группируются в пары: *горьни* — *дольни*, *вышьни* — *нижьни*, *врховьни* — *(не)подьни*, *прѣдьни* — *задьни*, *ближьни* — *дальни*, *окржжьни* — *(по-)срѣдьни*, *ютрьни* — *вечерьни* и т. д. В памятниках эти прилагательные встречаются почти исключительно в формах сложного склонения, в противоположность прилагательным притяжательным. Указанные выше *отънь*, *матерьнь*, *брат(р)ьнь*, *сыновьнь*, *дъщерьнь* и т. д., будучи притяжательными, в то же время обозначают определенные отношения, — правда, не пространственные и не временные, но семейные. Что же касается до *господьнь* и *владычьнь*, то надо принять во внимание, что в условиях патриархального родового быта южных славян эпохи первоучителей слова *господь* и *владыка* должны были восприни-

¹ Если грамматики староцерковнославянского языка рассматривали притяжательные прилагательные в отделе основообразования, а причастия — в отделе спряжения, то это есть не более как результат влияния грамматики классических языков, не знающих категории притяжательных в том виде, в каком она существует в славянских языках.

маться как принадлежащие к той же смысловой категории, что и **о́тъць**, **дѣдъ**, **тъсть**. Таким образом, суффикс **-ьн-** образует притяжательные прилагательные от обозначений членов семейных или родовых отношений. Наши памятники не позволяют судить о том, распространялся ли этот способ образования притяжательных прилагательных на все имена родства (и свойства) или только на некоторые из них. Но, даже если бы суффикс **-ьн-** применялся во всех этих случаях, он был бы все же не живым и лишь исчерпывающим, ибо категория имен родства — категория замкнутая, в которой новые слова за чрезвычайно редкими исключениями не возникают.

Число притяжательных прилагательных с суффиксом **-и-** в староцерковнославянских памятниках крайне ограничено: засвидетельствованы лишь **пѣсни**, **лиси**, **коури**, **раби**, **отрочи**, **вражи** и **божи** (ср. A. Meillet, *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*, p. 377). Так как среди этих примеров нет ни одного, который мог бы считаться новообразованием, можно бы усомниться в живости этой формы. Но дальнейшая судьба этой формы в славянских языках не подтверждает такого сомнения. Присматриваясь ближе к смысловой стороне вышеприведенных примеров, замечаем, что собака и лисица — животные, к которым принято относиться пренебрежительно и имена которых часто служат ругательством. Старое название курицы, праслав. *kuγy (род. *kuγъve) очень рано приобрело значение "meretrix", которое одно и удержалось у всех славян (ср. С о б о л е в с к и й. — В: „Archiv f. slav. Phil.“, XXXIII, S. 478), тогда как для птицы курицы были введены разные новые названия, — старое же название петуха *kuγъ у южных славян приобрело побочное значение "penis", причем процесс этот начался, по-видимому, очень рано, чем, вероятно, объясняется замена слова **коуръ** различными другими словами в некоторых старых списках Евангелия (Мар. Ев. **кокоть**, Ник. Ев. **пѣтель**). Таким образом, следует думать, что **коуръ** принадлежал тоже к тем именам животных, с которыми связывались неприличные или "ругательные" ассоциации. Слова **рабъ** и **отрокъ**, обозначающие людей социально неполноправных, легко могли приобретать презрительный оттенок, а слово **врагъ** явно принадлежит к "ругательному" словарю. Таким образом, из семи притяжательных на **-и** шесть образованы от слов, которые могли служить ругательствами и были связаны с обидным, презрительным оттенком. Только **Божи** не подходит под это определение. Следует, однако, помнить, что в эпоху первоучителей христианство еще не успело глубоко проникнуть в сознание славян, и религиозные представления этих последних коренным образом отличались от тех, к которым привыкли мы. В древнейших памятниках слово **богъ** еще очень часто употребляется в старом винительном (не родительном) падеже, чем сближается с такими словами, как **рабъ**, **отрокъ**, и с некоторыми названиями животных². Для славян IX века имена

² Это напоминает некоторые "классифицирующие" языки (например, языки восточнокавказские), в которых слова со значением 'мальчик', 'раб' и 'бог' относятся к одному классу с животными, а не с "нормальными" людьми мужского пола.

одушевленных существ распадались на две группы, из коих одна обнимала имена существ обыкновенных, произносимые без всякого особого оттенка, а в другую входили имена, связанные с тем или иным видом "табу". От слов этой второй группы и образовывались притяжательные на -ни. Такие притяжательные были связаны с оттенком некоторой "запретности", будь то оттенок обидности или оттенок суеверной осторожности. В разговорном языке они составляли, очевидно, вполне живую категорию, связанную с определенным стилем речи. Но в литературный язык они могли проникать лишь с трудом, именно в силу своего специфического стилистического оттенка. Иными словами, мы имеем здесь дело с внелитературно-живой формой в выше определенном смысле.

Остальные способы образования притяжательных прилагательных в староцерковнославянском языке, по-видимому, совершенно независимы от значения или стилистического оттенка основных слов. Сферы применения суффиксов -ов-, -ев- и -ни- строго разграничены; -ов- образует притяжательные от "основ на *о", -ев- — от "основ на *jo", а -ни- — от всех прочих основ. Но сфера применения образования с изменением основной согласной (вельбждь и т. д.) отграничена от сферы применения суффиксов -ов-, -ев-, -ни- весьма неопределенно. Можно установить только два правила: 1 — "основы на *jo и на *ja" по самой своей природе никогда не образуют притяжательных путем изменения конечной согласной, и 2 — основы на ц и s всегда образуют притяжательные путем такого изменения (вдовичь, княжь и т. д.). Для остальных типов основ никаких твердых правил нет, и существуют случаи, где от одной и той же основы засвидетельствованы два образования (скждельниковъ/скждельничь и т. д.). Не подлежит сомнению, что притяжательные с изменением конечной согласной основы в староцерковнославянском языке являются еще вполне живой формой. Об этом свидетельствуют такие образования от иностранных собственных имен, как авраамль (наряду с авраамовъ), иѣковль (наряду с иѣкововъ), фараошь (в азбучной молитве Константина), даронь, заулонь. Но, с другой стороны, не подлежит сомнению и то, что от иностранных имен предпочитают притяжательные с суффиксами (-ов- или -ни-, смотря по типу склонения основного имени). В этом нетрудно убедиться, просмотрев хотя бы родословную Иисуса Христа (Лук. III) с многочисленными притяжательными от библейских собственных имен: Мариинское Евангелие, напр., представляет в этом месте 51 притяжательных на -ов- и только 3 притяжательных с изменением согласной³.

Из этого позволительно заключить, что, хотя притяжательные с изменением согласной основы в староцерковнославянском языке и были еще живы, они все же находились уже на пути к умиранию. Как известно, в современных южнославянских языках эта форма уже вполне мертва.

³ Именно Матусаль, салань и тарань, причем в двух последних (точно так же, как в авиань тоѡ 'Αβιά, хузань тоѡ χουζᾱ) согласный не имеет эквивалента в греческом тексте.

I

Известно, что индоевропейские прилагательные на -и- были расширены в славянском вторичным суффиксом -ко-. Подробности этого явления, однако, еще не были достаточно освещены.

В индоевропейском существовало два класса прилагательных на -и-: (1) прилагательные, которые по своему значению не были явно и непосредственно связаны с глагольными формами, производными от тех же корней, и (2) прилагательные явно отглагольного происхождения, обнаруживающие тесную связь с глагольными формами от того же корня.

Прилагательные первого класса образовывали однородную семантическую категорию. Они обозначали физические качества:

А) поддающиеся количественной оценке, например: а) "широкий", "тяжелый" и т. п. = "внушительной ширины, веса и т. п."; б) "узкий", "легкий" и т. п. = "незначительной ширины, веса и т. п.";

В) вызывающие ощущение приятного или неприятного, например: а) "горький", "жесткий" и т. п. = "неприятный на вкус, на ощупь и т. п."; б) "сладкий", "мягкий" и т. п. = "приятный на вкус, на ощупь и т. п."

Поскольку для семантики имеет значение не логика, а психология, было бы лучше заменить эту классификацию другой, более простой:

а) прилагательные, создающие впечатление чего-то большого или неприятного: греч. *πλατύς*, скр. *prthúh* и т. п. 'обширный, протяженный'; греч. *εὐρύς*, скр. *urúh* и т. п. 'широкий'; др.-ирл. *tiug*, др.-в.-нем. *dicchi* 'большой'; греч. *παχύς* 'большой', скр. *bahúh* 'обильный'; греч. *πολύς*, скр. *rigúh* и т. п. 'многочисленный'; греч. *βαρύς*, скр. *gigúh* и т. д. 'тяжелый'; др.-в.-нем. *festi*, арм. *hast* 'прочный'; греч. *ωχύς*, скр. *āçúh* 'скорый'; лит. *kartùs* 'горький', гот. *hardus* 'твердый'; скр. *tršúh*, гот. *raur-* 'сухой'; ср. также греч. *τραχύς* 'шероховатый', *ταφύς* 'густой', *βαθύς* 'глубокий'; скр. *vīđúh* 'прочный'; гот. *tulgus* 'прочный';

* „Les adjectifs slaves en -ѣкъ“. — „Bulletin de la Société de Linguistique de Paris“, t. 24, fasc. 1, 1923, p. 130-137.

b) прилагательные, создающие впечатление чего-то маленького или приятного: греч. *ῥαυρός*, скр. *tanúḥ* и т. п. 'тонкий'; скр. *ḡhúḥ*, др.-в.-нем. *engi* и т. п. 'узкий'; греч. *ἑλαχύς*, лат. *levis* и т. п. 'легкий'; греч. *βραδύς*, скр. *mṛdúḥ* и т. п. 'медленный'; греч. *βραχύς*, лат. *brevis* и т. п. 'короткий'; скр. *mṛdúḥ*, лит. *mildùs*, лат. *mollis* и т. п. 'мягкий'; греч. *ἡδύς*, скр. *svādúḥ* 'сладкий, приятный'; ср. также греч. *γλυκύς* 'сладкий'; скр. *maṅkúḥ* 'слабый'; лит. *saldùs* 'сладкий', *glodùs* 'гладкий'.

В славянском прилагательные этого класса были расширены суффиксом -ко. Но примечательно, что те из славянских прилагательных на -ъкъ, которые имеют соответствия в других языках, по смыслу всегда относятся к категории b. В славянском существуют такие слова, как *рзъкъ* 'узкий' (скр. *ḡhúḥ*), *тъпъкъ* 'тонкий' (скр. *tanúḥ*), *льгъкъ* 'легкий' (скр. *laghúḥ*), *гладъкъ* 'гладкий' (лит. *glodùs*), *сладъкъ* 'сладкий' (лит. *saldùs*) и, может быть, также *кратъкъ* 'короткий' (скр. *kaṭúḥ*), *тѣкъкъ* 'мягкий' (скр. *maṅkúḥ*), но в нем нет прилагательных на -ъкъ, которые соответствовали бы приведенным выше под категорией a греческим, санскритским, литовским, латинским и германским прилагательным: слав. *тѣзькъ* (< *tǐńžŭkŭ) 'тяжелый' = лит. *tingùs* 'ленивый' — единственное исключение, но далее мы увидим, что это совсем особый случай. Славянские прилагательные на -ъкъ, создающие впечатление чего-то большого или неприятного, правда, существуют, но их значительно меньше, чем прилагательных на -ъкъ с противоположным значением, и — за исключением *тѣзькъ* — они не обнаруживаются вне славянского. Это обстоятельство тем более поразительно, что в греческом и в санскрите прилагательных на *-u- в категории a намного больше, чем в категории b.

Этот факт, до сих пор не отмечавшийся, позволяет рассмотреть историю славянских прилагательных на *-u-. Суффикс -ко- таких прилагательных, как *рзъкъ*, вначале обладал уменьшительным значением. Прилагательные на *-u-, обозначавшие 'маленькое' (по отношению к размеру, весу и т. п.) или 'приятное' (по отношению к вкусу, ощущению и т. п.), могли быть, таким образом, заменены уменьшительными формами на -й-ко- без существенного изменения своего первоначального смысла — совсем как в совр. русском прежнее *малый* 'маленький' было заменено уменьшительным *маленький*, которое означает, однако, не 'очень маленький', но просто 'маленький'. Прилагательные с противоположным значением также могли образовывать диминутивы на -ко-, но эти диминутивы должны были устойчиво сохранять свое первоначальное значение смягчающих или насмешливых выражений, и, следовательно, они не могли замещать соответствующие недиминутивные прилагательные. В определенную эпоху своего развития общеславянский стремился к унификации склонения прилагательных, распространив на все прилагательные тип склонения основ на -o-/-ā-. Для прежних основ на *-nt-, *-ŭs- и *-ŷs- существовал весьма простой способ: так как все эти основы образовывали женский род на -jā-, достаточно было создать мужской и средний род на -jo- по модели большинства прилагательных, имевших основу на -o- в мужском и среднем роде и основу на -ā- в женском. И

впрямь, косвенные падежи действительных причастий настоящего и прошедшего времени, а также славянские компаративы образованы от основ на *-ntjo-, *-ǫsjo-, *-ǫsjo-. Но для основ на -ǫ- этот способ был невозможен. Женский род по типу скр. *pr̥thví*, *urví*, кажется, был неизвестен праславянскому. Прилагательные на *-ǫ-, очевидно, имели в нем формы женского рода только на *-ǭ-; ср. ст.-слав. *perlody* '(женщина) бесплодная', которое, став существительным, сохранило свой первоначальный тип склонения. Таким образом, нельзя было перестроить склонение прилагательных на *-ǫ-, как это было сделано для прилагательных на *-nt-, *-ǫs-, *-ǫs-, и оставалось только устранить их, заменив синонимами. Те из прилагательных на *-ǫ-, значение которых позволяло, были заменены диминутивами на -ǭ-ko-, другие исчезли, не оставив никакого следа.

Раз формы на *-ǫ- без расширителя -ko- исчезли из языка, то уменьшительный смысл таких образований, как **onzǫko-*, **soldǫko-*, не мог более восприниматься. В результате этого суффикс -ǫko- ассоциировался с категорией прилагательных, обозначающих что-то маленькое или приятное, и в этом значении он стал продуктивным. С другой стороны, представление о семантической категории, охватывающей все физические качества, поддающиеся количественной оценке или вызывающие приятные и неприятные ощущения, еще не было стерто. Ощущалась, следовательно, необходимость в создании нового суффикса для оформления прилагательных со значением чего-то большого или неприятного. Этим новым суффиксом стал -oko-, который появляется в прилагательных *vysokǫ*, *širokǫ*, *glǫbokǫ* (или *dlǫbokǫ*), *daljekǫ* (< **dǫljoko-*), *žestokǫ*, противопоставленных *nizkǫ*, *ozkǫ*, *mǫlkǫ*, *blizkǫ*, *mǫkǫkǫ*. Это -oko-, по-видимому, возникло в эпоху, когда **onzǫ-*, **lǫgu-* еще появлялись в некоторых образованиях (например, в таких абстрактных именах, как *onzǫtǫ, *lǫgǫtǫ, впоследствии устраненных), тогда как *onzǫkos, *lǫgǫkos уже утратили свой уменьшительный смысл: лишь по модели сосуществовавших **onzǫ-* и *onzǫkos можно было создать наряду с **ǫrso-* также и *ǫrsokos — без всякого оттенка уменьшительности.

Образованный таким образом суффикс -oko- очень скоро перестал быть продуктивным¹. Именно -ǫko- стремился распространиться на всю ту категорию, типичными представителями которой являются *ozkǫ*, с одной стороны, и *širokǫ* — с другой. Наряду с прежней основой на -o-, сохранившейся в ст.-слав. *krǫrǫ* 'прочный', другие славянские языки и сам старославянский обнаруживают форму *krǫrǫkǫ* с тем же значением. Несомненно, форму на -ǫko- следует предполагать для *gorkǫ* 'горький' <

¹ Ст.-слав. *grǫstok* χαλεπός, хотя и "создающее впечатление чего-то неприятного", не указывает на физическое качество и, следовательно, не относится к занимающей нас семантической категории. Это, возможно, древнее *grǫstǫkǫ (отглагольное образование от *grǫstiti*), испытавшее влияние *žestokǫ* (в образном употреблении слова "жестокий").

*gorjŭkŭ. Очевидно, что тип krĕrĕkŭ, gogŭkŭ менее древний, чем тип vysokŭ, žestokŭ: первоначальное krĕrŭ существует еще в старославянском, а j в *gorjŭkŭ ясно указывает на связь с формой настоящего времени gorjŭ. Распространение суффикса -ŭko- на прилагательные со значением чего-то большого или неприятного — это, таким образом, явление относительно недавнее. Такое распространение продолжало осуществляться в различных славянских языках и в более близкие эпохи: в польском и в чешском velikŭ ‘большой’ было заменено польск. wielki, чешск. velký; в русском žestokŭ в своем первоначальном значении было заменено словом *жесткий*², а нижнелужицкий образовал dŭjki ‘длинный’ вместо dŭgi; ср. также русск. диал. *глыбоко* = *глубоко*.

II

Второй класс индоевропейских прилагательных на -и- составляли прилагательные, сохранявшие более или менее тесную и прозрачную связь с глагольными формами того же корня. Их предметное значение было разным и зависело от корня, тогда как формальная связь этих прилагательных с соответствующими глаголами выделяла их в качестве определенной морфологической категории. Если судить по санскриту, эти прилагательные имели активное значение и обозначали ”производящий то или иное действие”: скр. śāyuh ‘улегшийся’ (от śētē ‘он лег’), jāyuh ‘победный’ (от jāyati ‘он побеждает’), dāruh ‘разбивающий’ (от dṛṇāti ‘он разбивает’), dhṛṣṇuh ‘храбрый, доблестный’ (от dhṛṣṇōti ‘он смеет, он храбр’), vaśasyuh ‘звучный’ (от vaśasyate ‘слышится’), śikituh ‘знающий’ (от śiketti ‘он понимает’). Отглагольные прилагательные на -и- сильно сближались, таким образом, с причастиями, и действительно, известно, что прилагательные этого типа, образованные от основ деизидеративов (didṛkṣuh, jījñāṣuh, bubhukṣuh, tumōśayīṣuh и т. п.), используются в классическом санскрите в качестве причастий настоящего времени соответствующих деизидеративных глаголов.

В праславянском эти отглагольные прилагательные на *-и- получили более специальное значение. Они означали ”способный, умеющий произвести то или иное действие”, ”легко, умело производящий то или иное действие”. Это значение могло иногда приобретать презрительный или насмешливый оттенок. Легко понять, что смысл рассматриваемых прилагательных позволял образовывать диминутивы на -ŭko- без большого изменения их первоначального смысла. И действительно, когда склонение всех прилагательных на *-ŭ- стало неудобным, отглагольные образования на *-ŭ- были заменены формами на -ŭko-, которые рассматривались как эквивалентные им. К этой категории в старославянском относятся прилагательные mĕzŭkŭ, rŭzŭkŭ, studŭkŭ, vĕatŭkŭ, dĕzŭkŭ и масса прилагательных в других славянских языках, более или менее опосредован-

² Русск. *жесткий* заимствовано из церковнославянского.

но связанных по своему значению с соответствующими глаголами, хотя корневой вокализм у них не всегда совпадает с корневым вокализмом глаголов: русские *гибкий*, *липкий*, *пылкий*, *робкий*, *тонкий*, *ходкий*, *ловкий*, *резкий*, *колкий*, *стойкий*, *едкий*, *падкий*, *емкий*, *зоркий* (от *zъreti*), *громкий* (от *gъmeti*) и т. п., чешские *vlhký*, *krehký*, *vrtký*, *prudký* (= *prǫdъkъ от *prędati*) и т. п.

III

Разумеется, невозможно с точностью установить время, когда прилагательные на *-ѣко-* потеряли значение уменьшительности и начали замещать соответствующие прилагательные на **-ѣ-*. Но можно думать, что это явление очень древнее. Праславянский (как и прабалтийский) обладал весьма продуктивным суффиксом *-ѣко-*, *-ѣкѣ-*, который давал уменьшительные существительные. Когда этому суффиксу предшествовал задненебный, последний становился сначала палатализованным, а затем — шипящим: *ronkѣkō > *ronk ѣkō* > *рѣцька* (русск. *ручка*, польск. *gączka*), *nogѣkō > *nogѣkō > *ножька* (русск. *ножка*, польск. *póżka*), *moixѣkos > *moix ѣkos > *мѣшькъ* (русск. *мешок*, польск. *mieszek*). Поскольку во всех других случаях, когда два задненебных разделялись гласным заднего ряда, каждый из них сохранялся без изменений, следует допустить, что в случаях типа *ronk ѣkō, *nogѣkō, *moixѣkos палатализация была экспрессивной: известно, какую роль играет палатализация согласных в образовании диминутивов, гипокористических имен и слов детского языка. Как бы то ни было, эта палатализация должна быть очень древней, так как палатализованные в *ronk ѣkō, *nogѣkō, *moixѣkos изменились в шипящие (*č, ž, š*), а не в мягкие свистящие (*ć, dź, ś*). Но хотя тип *рѣцька*, *ножька*, *мѣшькъ* и сформировался в очень древнюю эпоху, он оставался продуктивным и продолжал служить моделью для совсем новых диминутивов; ср. русск. *фартучек*, *пиджачок* и т. п. Таким образом, весьма показательно, что в рассмотренных в настоящей статье прилагательных на *-ѣкъ-* чередования задненебных и шипящих не произошло; ср.: *льгъкъ*, *текъкъ*, *сгъхъкъ*, чеш. *krehký*, *vlhký* и т. п. Это доказывает, что в ту эпоху, когда *ronkѣkō переходило в *ronk ѣkō, прилагательные **onzѣко-*, **lǫgѣко-* уже не воспринимались в качестве диминутивов, что они уже стали эквивалентами простых **onzѣ-*, **lǫgѣ-* и т. п. Только *тежькъ* составляет исключение. Но мы уже отмечали, что это слово уникально в другом отношении: среди прилагательных на *-ѣко-*, "создающих впечатление чего-то большого или неприятного", оно единственное соответствие прежним прилагательным на **-и*, отмеченным в славянском (лит. *tingùs* 'ленивый'). Чтобы объяснить это двойное исключение, следует предположить, что значение 'тяжелый', которое представлено в *тежькъ*, во всех славянских языках вторично. В эпоху перехода *nogѣkō в *nogѣkō прилагательное *tǫngѣkos, должно быть, оставалось еще уничижительным или уменьшительным выражением, что способствовало его включению в категорию диминутивов и трак-

товке задненебного так же, как и в других словах этой категории³.

Отсутствие палатализации в случаях типа Ыгъкъ доказывает, таким образом, что эволюция прилагательных на *-и-, описанная выше, имела место в очень древнюю эпоху, предшествовавшую переходу k', g', x в č, (d)ž, š.

³ В глаголе oтeгъciti звук g остался без изменения. Это потому, что, будучи экспрессивной, палатализация задненебных перед суффиксом -ико- не была диссимилятивной, по крайней мере с фонетической точки зрения: в глаголе типа *tĩngũkĩteĩ диссимиляция была невозможна, потому что слог -гй- предшествовал не задненебному, а препалатальному.

СХЕМА ФОНЕТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ ПРАСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА ЭПОХИ ДИФТОНГОБОРЧЕСТВА *

Палатализация гласных заднего ряда после j, č, ž, š, k, g, x : jo > je, jō > jē, и т. д. 1

oi > oe > öe
параллельно
u > ui > üi

ē > ā после j, č
ž, š, k, g, x

В закрытом слоге перед 1 гласные e, ь перешли в o, ь: в поморск. и полабск. — во всех положениях, в русск. — тоже, но с единичными отступлениями, в польск. и луж. — только после губных, в чехословац. и южн. больше, чем в чеш.

2

В начале слова перед плавными того же слога гласная о про-
длилась: до нормальной краткости, если она была сверхкрат-
кой ($o_1 \Gamma_2 \text{ st} > o_2 \Gamma_2 \text{ st} >$), и до долготы, если она была нормаль-
но краткой ($o_2 \Gamma_1 \text{ d} > \bar{o}_3 \Gamma_1 \text{ d} >$)

В дифтонгических сочетаниях с гласными переднего ряда плавные и носовые подверглись смягчению (eɨ > eɨ', ыɨ > ыɨ', eɨ > eɨ' и т. д.)

6

Количественные различия между акутовым $o_2 \Gamma_1$ и циркум-
флексовым $o_1 \Gamma_2$ между согласными упростились, причем —
в южн. и чехослов. обобщилось $o_2 \Gamma_1$, а в прочих диалектах —

$o_1 \Gamma_2$

13

7

В чешск.

$o_2 \Gamma_1 > \bar{o}_3 \Gamma_1$

между согласными
в словацк.

Сверхдолгие сочетания $o_2 \Gamma_2, o_3 \Gamma_1$ в начале слова преобразо-
вались так, что Γ_2 сократилось в Γ_1 и плавные вышли из сло-
вой мелодии

8

3

В русск. сочетания $o_1 \Gamma_2$ и т. д. стали двусложными ($o_1 \Gamma_2 > o_1 \Gamma_2'$)

14

9

Во всех диалектах и во всех положениях в слове сочетания e, o + плавная перед сог-
ласной претерпели перестановку с сохранением как количества каждого из элемен-
тов сочетания, так и интонации всего сочетания

Сочетания ь, ь + плавные меж-
ду согласными перешли в сло-
говые плавные: в южн. и чехо-
словацк. — во всех положиени-
ях, в польск., в луж. — только
после зубных, в прочих диалек-
тах — вовсе нет.

10

4

<p>Долгие лабиализованные гласные утратили лабиализацию во второй своей половине:</p> <p>ū > u, ō > o, ö > ø, [ü > i:]</p>	<p>В русск., ляхск. и луж. мягкие плавные и носовые отвердели перед зубными</p>	<p>ы > оу после губных и шипящих: в польском до "12" а в лужицком после "12"</p>	15	11
<p>17</p> <p>Дифтонги ū, oa, öe, üi стянулись в ū, ū̄, ī, ā, ā̄, ē, ī</p>	<p>В ляхском и луж. ь > ъ перед твердыми плавными, если следующий слог заключал в себе гласную заднего ряда.</p>		16	12
18			16	5

* Эта таблица составлена Н. С. Грубецким и опубликована в TLN, 94. Она хорошо подытоживает ряд положений, выдвинутых Н. С. Грубецким в его работах по славистике, которые публикуются нами в настоящем сборнике.

Раздел II

КАВКАЗСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Обсуждая брошюру Н. Марра "Яфетический Кавказ" (Лейпциг, 1920), А. Мейе высказал идею, что самой настоящей и соблазнительной задачей исторической лингвистики было бы «просто составить сравнительную грамматику кавказских языков» („Bull. S. L.“, t. XXII, p. 263). Это замечание вполне справедливо. Вплоть до настоящего времени "кавказоведы" ограничиваются сближением кавказских слов со словами самых разных языков без знания фонетических соответствий или же рассуждениями о "структуре", о кавказском "языковом типе" вообще. Однако все эти сближения и рассуждения не будут иметь никакой научной ценности, пока они не будут опираться на сравнительную грамматику кавказских языков, построенную по принципам, которым должна следовать всякая сравнительная грамматика любой языковой группы. Без такой сравнительной грамматики на кавказоведении всегда будет лежать печать дилетантизма, оставленная на нем многими учеными, нетерпеливо стремившимися разгадать все тайны и разрешить все темные проблемы исторической этнографии древнего Востока при помощи двух-трех слов, наудачу выхваченных из какого-либо из 37-ми кавказских языков. Все теории о родстве того или иного мертвого языка с "кавказскими языками" не имеют никакой ценности, пока еще научно не доказано родство между южнокавказскими (так называемыми „картвельскими“) и севернокавказскими языками. Чтобы доказать это родство, недостаточно указать на некоторые сходные черты в конструкции предложений. Балканские языки (албанский, новогреческий, болгарский и румынский) обнаруживают между собой еще более многочисленные и яркие черты сходства в синтаксической и фразовой структуре, и, тем не менее, эти общие черты объясняются не общим происхождением и не близким родством, но долгим периодом совместной жизни и продолжительными культурными связями между разными народами Балканского полуострова. Чтобы доказать языковое родство,

* „Les consonnes latérales des langues Caucasiques-Septentrionales.“— „Bulletin de la Société de Linguistique“. Т. 23 (N 72). Paris, 1922, pp. 184—204.

необходимо прежде всего установить фонетические соответствия, продемонстрировать их регулярность, выделить исключения, детально сопоставить грамматические формы. В родстве греческого, санскрита и латыни лингвистов убеждает не более или менее сходное употребление родительного или винительного падежей, а существование постоянных соответствий между той или иной фонемой греческого и той или иной фонемой санскрита и латыни. Пока не установлены аналогичные соответствия между „картвельскими“ фонемами и фонемами севернокавказских языков, мы не имеем права говорить о кавказской языковой общности, и всякая теория, предполагающая эту общность данной, должна быть признана фантастической.

Но сравнительная грамматика кавказских языков — если все же все кавказские языки действительно образуют единую языковую семью — не сможет быть создана, пока не будет создана, с одной стороны, сравнительная грамматика картвельских, а с другой стороны — севернокавказских языков. Эти две сравнительные грамматики должны создаваться независимо, и написание каждой из них должно представлять собой самостоятельную задачу. А для того чтобы добиться успеха в этом предприятии, необходимо начать со сравнительной фонетики, затем перейти к морфологии и синтаксису, точно так же, как это делается при изучении всех прочих языковых семей мира.

В предлагаемой статье мы намереваемся исследовать некоторые проблемы сравнительной грамматики севернокавказских языков. Это будет первым шагом на том пути, который мы только что обрисовали.

Необходимые сведения о севернокавказских языках, общую их характеристику и детальную классификацию мы излагаем в коллективном труде о языках мира под редакцией А. Мейе. Отсылая читателя к этому труду, мы ограничимся здесь, прежде чем перейти к главной теме настоящей статьи, наброском элементарной классификации рассматриваемых языков. Мы подразделяем севернокавказские языки на две ветви:

I. — „Абазго-керкетские“ или „западнокавказские“ языки:

А) адыгский с двумя своими ответвлениями — адыгейским и кабардинским; Б) убыхский и В) абхазский [1].

II. — „Чечено-лезгинские“ или „восточнокавказские“ языки, которые мы подразделяем на восемь групп: А) чеченская группа, включающая в себя: 1) собственно чеченский, 2) бацбийский (или тушский) и 3) ингушский; Б) аваро-андийская группа, включающая: 1) аварский (важнейший язык Дагестана, служащий в качестве *lingua franca* для всего северо-запада этого района), 2) андийский, 3) ботлихский, 4) годоберинский, 5) каратинский, 6) ахвахский, 7) багвалинский, 8) тиндинский, 9) чамалинский, 10) хваршинский, 11) цезский и 12) бежитинский; В) лакский, или казикумухский; Г) арчинский; Д) даргинская группа, включающая: 1) урахинский, 2) акушинский, 3) кайтагский и 4) кубачинский; Е) группа самурских языков, которая объединяет: 1) лезгинский, 2) агульский, 3) табасаранский, 4) рутульский, 5) цахур-

ский, 6) будухский и 7) крызский; Ж) удинский; З) хиналугский [2].

Севернокавказские языки изучали несколько лингвистов (барон П. Услар, А. Шифнер, А. Дирр и Г. Лопатинский). У каждого из них была своя собственная система фонетической транскрипции¹. В настоящей работе все эти разные системы заменены одной, общей, одинаково применимой ко всем рассматриваемым языкам. Вот ее основные особенности:

γ̣ — звонкий велярный спирант; γ — звонкий задневелярный спирант; x — глухой велярный спирант; χ — глухой задневелярный спирант; k — глухой велярный взрывной; q — глухой задневелярный взрывной; ñ — велярный носовой; dẓ — звонкая свистящая аффриката; dʒ̣ — звонкая шипящая аффриката; c = ts; č = tš; ɹ̣ — звонкий латеральный спирант; λ — глухой латеральный спирант; ɻ̣ — звонкая латеральная аффриката; λ̣ — глухая латеральная аффриката; ʕ — арабский ع ("айн"); ʔ = арабский ʕ ("хамза"); ħ = арабский ح; w = английский w; β — билабиальный звонкий спирант, который можно определить как промежуточный между w и b. Придыхательные согласные мы обозначаем знаком ʼ справа от соответствующей буквы (tʼ, qʼ и т. п.), "рекурсивные" согласные (фонемы, сопровождающиеся полным смыканием гортани) — точкой под или над соответствующей буквой (ɹ̣, q̣ и т. п.), а долгие согласные — удвоенными буквами (tt, ss и т. п.).

I

Латеральные спиранты и аффрикаты представляют собой одну из самых оригинальных черт в фонетике севернокавказских языков. Когда впервые их слышишь, они производят впечатление сочетаний θl, tl или, скорее, χl, kl; однако более внимательное рассмотрение незамедлительно заставляет сделать вывод, что это не группы согласных, но самостоятельные фонемы. Латеральные спиранты представляют собой результат трения воздуха, проходящего через щель между боковым краем языка и прилегающей к этому краю щекой; латеральные аффрикаты артикулируются посредством дорсального смыкания, за которым следует неполный латеральный взрыв, вызывающий такое же трение воздуха о боковой край языка и щеку.

Рассматриваемые фонемы на Северном Кавказе встречаются в трех местах: 1) на западе, в адыгском и убыхском; 2) в центре Кавказа, в бацбийском (тушском) и в ингушском; 3) в Западном Дагестане, во всех языках аваро-андийской группы и в арчинском.

Адыгский обладает тремя латеральными фонемами: звонким спирантом ɹ̣, простым глухим спирантом λ и глухим спирантом, сопровождаемым полным смыканием гортани, λ̣. Эти три фонемы сохраняются в адыгейском, в то время как в кабардинском ɹ̣ как будто бы уже заме-

¹ Барон П. Услар использовал даже разные системы транскрипции для разных языков: к примеру, буквы c и ç в его лакской грамматике имеют прямо противоположную значимость по сравнению с теми же буквами в его аварской грамматике.

нен простым плавным l [3]. Убыхский, судя по очень неполным материалам барона П. Услара, имеет только один глухой латеральный спирант λ. Однако, судя по тому, что в своих черкесских записях тот же барон П. Услар передает черк. l простым l, вполне вероятно, что по меньшей мере в некоторых словах убыхский "l" на самом деле представляет собой l̥. Этот вопрос можно будет разрешить только после публикации убыхских материалов, собранных А. Дирром [4].

В бацбийском (или тушском) имеется только один глухой латеральный спирант λ; как будто бы такая же ситуация в ингушском, который пока еще весьма мало известен [5].

Аварский имеет четыре латеральных согласных: 1) глухую аффрикату λ̥; 2) глухой придыхательный спирант λʰ; 3) глухой непридыхательный краткий спирант λ; 4) долгий (геминированный) непридыхательный спирант λλ [6]. Кажется, те же четыре фонемы имеются во всех остальных языках аваро-андийской группы. Но поскольку различие между λʰ и λ весьма тонкое, А. Дирр, которому мы обязаны драгоценными сведениями о языках этой группы, видимо, пренебрег его обозначением. Это досадно, поскольку с исторической точки зрения тонкое различие между λʰ и λ гораздо более важно, чем бросающееся в глаза различие между λ и λλ. Что касается арчинского, то этот архаичный язык обладает всеми теми же латеральными согласными, что и языки аваро-андийской группы плюс еще звонкий латеральный спирант l̥ [7].

II

Теперь попытаемся установить фонетические соответствия между латеральными согласными в пределах отдельных групп.

А. — Среди трех абазгочеркесских (западнокавказских) языков абхазский — единственный, не имеющий латеральных согласных. Латеральным спирантам адыгского и убыхского языков в абхазском систематически соответствуют шипящие [8]:

а) черк. b̥ly, каб. bly, уб. bli — абх. bʒ(-ba) 'семь'; черк. l̥y, каб. l̥y 'мясо' — абх. žy 'тело';

б) адыг. -p̥λ (глагольный корень) 'смотреть' — абх. -pʒ- 'смотреть'; адыг. p̥лу, уб. ла — абх. pʒ (-ba) 'четыре'; адыг. p̥лу — абх. (qa-)pʒ 'красный'; адыг. -λ- 'погибать, умирать' — абх. -ʒ- 'убивать'; адыг. лу — абх. ša 'кровь' [9].

Б. — Сравнивая бацбийский с собственно чеченским, мы замечаем, что бацбийскому λ систематически соответствует чеченский l: бацб. алаг — чеч. alag 'давать'; бацб. алаг — чеч. ālag 'сказать'; бацб. таллаг — чеч. talag 'пить'; бацб. телλ — чеч. mel 'сколько?'; бацб. t'ilaг — чеч. t'ilar 'надевать'; бацб. хилаг — чеч. xilar 'становиться' и т. д. После г старый *λ, видимо, перешел в чеченском в h или вовсе выпал: бацб. vogλ — чеч. vuogh 'семь'; бацб. varλ — чеч. varh 'восемь'; бацб. тагλo — чеч. тага 'нос'; бацб. q̥xegлаг — чеч. q̥xiēгаг 'бояться'.

В. — Языки аваро-андийской группы совпадают друг с другом в том, что касается использования латеральных согласных. Можно, однако, заметить следующие расхождения:

а) во многих аварских говорах придыхательный λ' произносится как препалатальный $\acute{\lambda}$ (так, например, в селе Ругджа неподалеку от Гуниба); по данным П. Услара этот же спирант λ' переходит в t' в анцухском диалекте: общеавар. $\lambda'abgo$ — анцух. $t'abgo$ 'три' и т. д.;

б) в ботлихском и багвалинском придыхательный $*\lambda'$ переходит в $h[10]$: ботл. $habu$, багв. hab — авар. $\lambda'ab$ 'три'; ботл. $geha$, багв. $geha$ 'вечер' — авар. $ge\lambda'eda$ 'вечером' (адвербиальный локатив); багв. $iha!$ — авар. $\lambda'e!$ 'положи!'; ботл. $mihi$, багв. mih — анд. $mi\lambda i$ (= $mi\lambda'i?$) 'солнце'; ботл. $hudi$, багв. hur = анд. λudi (= $\lambda'udi?$) 'дрова'; багв. $huha$ — кар. $\lambda u\acute{j}$ (= $\lambda'uj?$) 'волосы'; ботл. $ehe\lambda$, багв. $ehe\lambda i$ — кар. $e\lambda e\lambda$ (= $e\lambda'e\lambda?$) 'сегодня'; ботл. $he\acute{c}il$, багв. $hi\acute{c}il$ — кар. $\lambda e\acute{c}el$ (= $\lambda'e\acute{c}el?$) 'палец'¹; — непридыхательный λ остается неизменным как в ботлихском, так и в багвалинском: ботл. λeni , багв. λen — авар. λip 'вода' и т. п.;

в) в трех языках цезской подгруппы (хваршинском, цезском и бежитинском) латеральная аффриката λ почти всегда заменяется глухим латеральным спирантом, иногда — кратким (λ), иногда — долгим ($\lambda\lambda$): ботл. $ha\lambda u$ — хварш. $o\lambda$, цез. $o\lambda\lambda$, бежит. $a\lambda$ 'семь'; авар. $ba\lambda$ — цез. $bi\lambda$ 'кишка' и т. д. [11];

г) иногда андийский и некоторые другие языки той же группы (годоберинский, багвалинский, тиндинский и чамалинский) имеют плавный l на месте аффрикаты λ аварского, каратинского и ахвахского языков. В таких случаях хваршинский, цезский и бежитинский сохраняют λ без изменений: авар. $\lambda enser$ — анд. $lensib$ 'бровь'; авар. $gu\lambda$ 'рука (от плеча до локтя)', кар., ахв. $ge\lambda a$ 'рука (кисть)' — анд., тинд. $ge\lambda a$, год., багв. $le\lambda a$, чам. $je\lambda a$ — хварш. $li\lambda a$, цез. $ge\lambda a$ 'рука'; авар. λo 'мост', кар., ахв. λami 'крыша' — анд. lom , год. $lamur$ — хварш., цез. λu , бежит. λato 'крыша' [12].

Г. — В арчинском имеем λ (= λ и λ'), $\lambda\lambda$ в тех же местах, где в аварском представлены λ' , λ , $\lambda\lambda$ [13]. На месте аварского λ в арчинском иногда находим λ , иногда — λ : а) авар. $o\lambda ine$ — арч. λan ($k'wes$) 'любить'; авар. $ba\lambda$ — арч. $bab\lambda$ 'кишка'; б) авар. λeze — арч. λos 'давать'; авар. $mi\lambda$ — арч. $me\lambda e$ 'восемь' и т. д.

III

Сравнение арчинского и аваро-андийских языков с другими чечено-лезгинскими (или восточнокавказскими) языками позволяет установить для латеральных согласных арчинского и аваро-андийского следующие соответствия:

¹ Ботл. и багв. $bo\lambda on$ 'свинья' (ср. авар. $bo\lambda'on$ 'свинья'), кажущееся исключением из этого правила, по всей вероятности, прямо заимствовано из аварского.

А. — Глухим латеральным спирантам арчинского и аваро-андийских языков во всех остальных чечено-лезгинских языках соответствуют глухие препалатальные или велярные спиранты [14]. Различие между придыхательным λ' и непридыхательным λ (или $\lambda\lambda$) отражается в лакском (или казикумухском), где аварскому λ' соответствует x' (краткий и, вероятно, придыхательный), а аварским λ , $\lambda\lambda$ — xx (долгий и непридыхательный)¹. Перед а и і лак. x и xx иногда изменяются в $\check{s}'$ и $\check{s}\check{s}$: это следствие общей тенденции лакского превращать нелабиализованные велярные перед а и і в шипящие². — В урахинском (даргинская группа) наряду с x встречаются также рефлексy $\check{h}$, или даже h , причем эту нерегулярность пока нельзя объяснить. — В цахурском и рутульском обнаруживаются то x , то $\acute{x}$, иногда в одном и том же слове; агульский в большинстве случаев имеет $\acute{x}$, табасаранский — иногда $\acute{x}$, иногда $\check{s}$ ³, лезгинский — $x, j, \check{z}$ и (после r ?) $\check{y}$; точные рефлексy в будухском и крызском указать трудно. Лабиализованный $*x^w$ отражается как f в лезгинском, агульском, табасаранском, будухском и крызском. — В удинском латеральным спирантам аваро-андийских и арчинского языка соответствует задневелярный $\check{x}$; в чеченском и бацбийском — велярный x .

Примеры:

а) авар. λ' = лак. x' (или $\check{s}'$) [15]:

1. — Авар. $\lambda'ab$, ботл. $habu$, багв. hab , анд. lob , год. $labu$, кар., тинд., ахв. lab , чам. $lala$, хварш., цез. le , бежит. li ; арч. $liba$; лак. $\check{s}'am$; дарг. $\check{h}\check{a}\check{b}$; лезг. pu ($<*jpu <*jip\grave{u}$), агул. $\acute{x}ibu$, табас., буд., крыз. $\check{s}\check{s}ibu$, цах. $\acute{x}eb$, рут. $\acute{x}ibu$; уд. $\check{x}ib$ 'три'.

2⁴. — Авар. $\lambdaize$, анд. $\lambdaidu$; лак. xun ; лезг. xun (през. $\check{z}eda$), агул. $\acute{x}as$, цах. $\acute{x}es$, табас. $\acute{x}uz$ 'быть, стать'.

3. — Авар. $\lambda'eze$ 'класть, ставить', багв. $-iha$, кар., ахв. $-ila$ 'поставь' (императив); арч.- $e\lambda\lambda as$; лак.- $i\check{s}'in$ (прош.- $i-xuga$); агул. $i-\acute{x}as$, табас. $a-\acute{x}uz$, цах. $i\acute{x}es$, рут. $i\acute{x}in$ 'класть, ставить'.

4. — Авар.- $e\lambda'ine$, анд.- $i\lambda innu$; лак. $\check{s}'a\check{s}'an$ (итератив); дарг.- $i\lambda xis$; лезг. $u\check{g}\check{u}n$, табас. $u-\acute{x}uz$, агул. $\check{g}\check{u}\acute{x}as$, рут. $\acute{u}xun$ 'варить'.

5. — Авар. $ma\lambda'$, анд. $mila$, тинд. $mi\lambda u$, цез. $molu$, бежит. $mi\lambda o$; лак. $mi\acute{x}'$; уд. $mi\check{x}$ 'ноготь'.

6. — Год. $lumul$ (мн. $lum\acute{e}$), чам. $lum\acute{u}$; цах. $x\acute{e}wna$, рут. $\acute{x}\check{a}\check{b}$, табас. $\check{s}\check{s}av$ 'ноготь' (метатеза предыдущего корня).

¹ Перед согласными и в конце слова этот xx переходит в x' .

² Ср., например, лак. $ir\check{z}a$ (=авар. $erga$) 'очередь' — ген. $ir\check{g}lul$; $s'u\check{l}\check{c}a$ (=лезг. sik) 'писа' — ген. $s'u\check{l}\check{k}lul$; $u\check{c}'in$ 'говорить' — прош. вр. $u-k'ura$ и т.д.

³ Ср. табас. $\check{s}\check{c}al$ — агул. $kkel$ 'ягненок'; табас. $dad\check{z}i$ — агул. $d\acute{a}gi$ 'осел', табас. $\check{s}ar\check{z}$ — лезг. $se\check{r}g$ 'чеснок' и т.д.

⁴ Всюду, где это в явном виде не указано, глаголы цитируются в форме инфинитива; чеченский инфинитив — это отглагольное имя с суффиксом $-ar$; андийский инфинитив на $-du$ или $-nu$ — форма темного происхождения; в других языках инфинитив — это датив или «латив» отглагольного имени: $-s$, $-z$, $-ze$, $-ne$ — окончание датива, $-n$ — окончание латива. Дефис перед глагольной формой или внутри нее обозначает место, занятое "префиксами рода" — элементами, служащими для согласования глагола по роду и числу с его "пациентом" (=прямым дополнением переходных глаголов и субъектом непереходных глаголов).

7. — Ботл. mihi, багв. mih, анд., год., кар., тинд. miłi (=mił'i?); чеч. malx, бацб. mat'x, дарг. βarhi¹ 'солнце'.

8. — Авар. λ'en; арч. lol; цах. xewa (<*xēla), рут. хəlan 'вилы'.

9. — Авар. гел'eda 'вечером' (адвербиальный локатив), анд. гело, ботл., багв. geha, год., кар., тинд. гела, ахв. гала; хварш. гела; лезг. jif 'ночь' (г-и j- —префиксы, обозначающие грамматический род).

10. — Анд. λin (=λ'in), кар. λuj (=λ'uj), багв. huha 'волосы': арч. ол 'овечья шерсть'; агул. хеј, табас. хаж, цах. хǎ 'шерсть'.

11. — лак. ttaɣx' (ген. tturš'al); дарг. dirxa 'палка'.

б) авар. λ, λλ =лак. хх(šš) [16]:

1. — Авар. λin (ген. λadal), анд., ахв. лен, ботл., год. лени, кар., багв., тинд. лeⁿ, чам. λiⁿ, хварш. ло, цез. λли, бежит. ли; арч. лан; лак. ššin; табас. šar, агул. хег, лезг. jad, рут. хǎd, крыз. хад, буд. хöd, цах. хǎn, уд. хе; чеч. хи 'вода'.

2. — Авар. λлама; арч. лама; лак. хjоми (хōми?); лезг. žime, агул. хime, рут. хəтə-l, цах. хüта- 'жидкий'.

3. — Авар. аλλ, анд. оплли, ботл., год., кар. inλλи, ахв., багв. inли, чам. anли, тинд. inли, хварш. eⁿλ, цез. ел, бежит. il; лак. гаxj(?); лезг. guǎú (<*jrǎú<*jirǎú), табас. jirxi, агул. jexi, рут. гəхə, буд. güxü, крыз. yüxü, цах. jixə; чеч. jalx, бацб. jat'x 'шесть'.

4. — Хварш., цез. ле, бежит. ли; лак. xjo (?); дарг. hu, hw-a; лезг. wa; табас. xu, агул. ifā, рут. хu, цах. хо, буд., крыз. fu 'пять'.

5. — а) Авар. λadi; арч. lenne (<*lende); рут. хədə-l 'женщина'; — б) Арч. лopol; дарг. хupul; цах. хupešše, крыз. хəпəв 'женщина'; уд. хuni 'самка'; — γ) лак. ššar; агул. хir, лезг. *jir² 'женщина, жена'.

6. — Авар. n-iλλ, анд. illi-l; агул. хin, табас. ixi 'мы' (инклюзив³), рут. jix-də 'наш' (см. А. Д и р р. Рутульский язык, с. 36, прим. 1); чеч. t'xuo (?) 'мы' (эксклюзив³).

7.— Авар. li-(например, ген. li-l), цез. лу-(например, ген. lus; см. А. Д и р р. Материалы для изучения языков и наречий андо-дидойской группы, с. 78, предложение № 66) — основа косвенных падежей вопросительного местоимения, анд. ле 'кто?'; агул., табас. fi 'кто'; может быть, также лак. šši- — основа косвенных падежей вопросительного местоимения (ген. šši-l), которое, однако, может представлять и рефлекс старого *šš (не происходящего из хх); ср. авар. ššiu, ššij, ššib 'кто? что?' (падеж пациенса).

8. — Арч. мали; лак. mašši; дарг. маhi; агул. меx 'хутор; зимнее пастбище для овец'.

9. — Анд. лепсси 'болотная трава'; лак. ххипса 'болото' (авар. хисс

¹ Начальный β (который в даргинском регулярно отражает старый *b) обязан своим появлением в данном слове контаминации с другим названием солнца, которое выступает, например, в арч. barqx, лак. barγ 'солнце' и т.д.

² Сохраняется в форме генитива iran (=jiran) в выражениях iranbaba 'тесть', бунк. 'отец жены' (baba 'отец'), irandeda 'теща' (deda 'мать') и др.

³ Некоторые кавказские языки различают два местоимения 1-го лица множественного числа: "инклюзивное" местоимение ('мы'='я + ты + х') и "эксклюзивное" местоимение ('мы', противопоставленное 'вы').

‘болото’ представляет некоторые трудности¹).

10. — Арч. *maɾɫ*; лак. *maɾx*, (ген. *muɾxɫal*) ‘хлыст’.

в) Слова, не засвидетельствованные в аварском и лакском [17]:

1. — Арч. *λλwin*; дарг. *hwi*; лезг. *fin* ‘семя’.

2. — Арч. *dil*; агул. *dif*, табас. *diff*, лезг. *cif*, буд., крыз. *q̣žüf* ‘облако, туман’.

3. — Дарг. *iɬis*; табас. *aɫuz*, агул. (*alar*)-*ɫas*, рут. *lixun* (прош. *liɾxuri*) ‘падать’.

4. — Дарг. *duɬä* (<*duhwä), табас. *jif*, агул. *iwx* (<*jiɫw) ‘снег’ (d и j — префиксы грамматического рода).

5. — Дарг. *lawha*; лезг., агул. *luf*, рут. *liɾɫw* ‘голубь’.

6. — Лезг. *maɾf*, табас. *maɾɫ*, буд. *maf* ‘дождь’.

7. — Лезг. *rufün*, агул., табас. *fun*, крыз. *fan*, цах. *wuxun*, рут. *ũxun* ‘живот’.

8. — Аг. *if*, табас. *jiff*, цах. *juxɫca* ‘медь’.

9. — Лезг. *miɾʃ*, табас. *miɾʃ*, агул. *müɾɫ*, рут. *miɫ* ‘олень’.

Б [18]. В тех случаях, когда аварскому *ɫ* в арчинском соответствует глухая аффриката *ɫ*, прочие чечено-лезгинские языки имеют взрывные велярные, а именно:

лакский — *q̣*, иногда чередующийся с *ç* (см. выше, с. 238, прим. 2);

даргинский — ‘ („хамза”) или (очень редко, в анлауте) *ɬ* („айн”);

лезгинский — *q̣* (перед ударным гласным) и *kʼ* (во всех остальных позициях); агульский — *kk*; табасаранский — *k* (иногда *kk* и *çç*); рутульский — *kʼ* в ауслауте и *g* во всех остальных позициях; цахурский — *kʼ* в ауслауте и *kʼkʼ*, *q̣q̣*, *gg* в других позициях²; будухский и крызский — *kʼ* в ауслауте (на другие позиции надежных примеров нет);

удинский — *q̣* (задневелярный);

для чеченской группы примеры очень малочисленны и невозможно установить регулярный рефлекс (*q̣* ? *xq̣*?).

Примеры [20]:

1. — Багв. *giɫ*, анд., ботл., год., кар., ахв., тинд. *giɫi*, чам. *jiɫ*, хварш. *liɫ*, цез. *geɫ*; арч. *aɫ*; лак. *diq̣*; дарг. *diʼ*; лезг. *jakʼ* (ген. *jaq̣ún*), агул. *jakk*, табас. *jak* (ген. *jakkin*), рут. *jakʼ*, буд. *jekʼ*, крыз. *jäkʼ*; уд. *eɟ* ‘мясо’ (r-, d-, j- — префиксы грамматического рода).

2. — а) Авар., анд.-*ɫ*, хварш.-*ɫ*; арч.-*ɫ*; лезг., рут.-*kʼ*, агул.-*kk*, табас.-*k* — окончание субэссива (например, авар. *ɣoɟó-ɫ* или лезг. *tarcı-kʼ* ‘под деревом’; — б) ботл. *hiɫ*, год., багв., тинд. *hiɫi*, кар. *kʼeɫi*, ахв. *geɫi*, цез. *vaɫ*, бежит. *lia*; арч. *ɫag*; дарг. *ʼu*; чеч. *q̣el* ‘под’ (предлог); — γ) лезг. *kʼu-*, *kʼü-* (всегда без ударения), агул. *kka-*, *kki-*, табас. *ka-*, *ke-*, *ki-*, рут. *ga-*, *gə-*, цах. *gja-* — глагольный префикс, указывающий на то, что действие происходит под ч.-л.

¹ Аварский *x* обычно восходит к **š*ʼ; ср. авар. *gox* — анд. *geɬu* ‘лес’, авар. *toxi* — анд. *tuɬi* ‘свинец’, авар. *biɫinau* — чеч. *buoɾɫaɫ* ‘самец’ и т.д. [19].

² Возможно, что это разнообразие всего лишь орфографическое; не исключено, что *q̣q̣*, *kʼkʼ* и *gg* — всего лишь неточные графические изображения одной и той же фонемы (например, глухого слабого взрывного).

3. — Авар. га̀ла, анд. го̀лі; лак. ttaṛk (род. tturčal); агул. irkk, табас. jirk; уд. Xiqen (?); чеч. deaḥk 'кость'.

4. — Цез. leli; арч. ʎal; лезг. ƙäl; агул. kkel, табас. ččal, рут. gäl, цах. gew (<*geŋ); уд. ɟal 'ягненок'.

5. — Анд. guḷi (г — родовой префикс); арч. оḷ; лезг. wik' (мн. wiḡeḡ 'ярмо'; ср. агул. urkka-γ, табас. urka-ɟ 'часть бычьей упряжки'.

6. — Авар. а̀line 'любить, желать'; арч. ʎan; лезг. ƙan, табас. kun, агул. kkuṇ 'любовь, желание'; рут. əgəp 'любить', цах. -əḳkana 'он любит' (през.).

7. — Авар. ʎin, анд. ʎinu, хварш. iḷḷnu 'зима', цез. eḷḷno-qx 'осень'; лак. ƙi (ген. ƙin-il); дарг. Xiṇi 'зима'.

8. — Анд. guḷi, цез. eḷi-s 'он сказал' (прет.), ботл., год. heḷa 'скажи!' (импер.), ахв. eḷe-ge, багв. heḷi-гаḥ 'он говорит' (през.); дарг. 'is; лезг. lekün, рут. âl-gun 'говорить'.

9. — Авар. ʎili, анд. ʎeḡḷil; арч. ʎili (?может быть, аварское заимствование); лак. ƙili 'седло'.

10. — Авар. та̀ло, анд. то̀лі; лак. таḳ 'сон'.

11. — Авар. Xiḡḷ; дарг. ar' 'рукоятка'.

12. — Авар. ба̀л, цез. biḷ; арч. babḷ 'кишка'.

13. — Арч. па̀л; лак. паḳ; дарг. pi'; лезг. nek' (ген. neḳédin), агул. nekk, табас. nek, рут. näk', цах. njak'; уд. paḳ 'молоко'.

14. — Арч. ту̀лаḷ; лак. miḳ; дарг. mi'; лезг. murk' (ген. murḳwádin), агул. merkk, табас. meḡk, рут., цах. mə k' (хинал. miḳ) 'лед'.

15. — Арч. бо̀л; лак. buṛk; лезг. wak' (мн. ч. waḳár), цах. wok', криз. wak'; уд. bōḳ 'свинья'.

16. — Арч. paḷdu (<*paḷ-du); лак. паḳ-ssa 'голубой'.

17. — Арч. ʎas,-uḷas; лезг. (t'u-)ḳún, агул. (ru-)kkas, табас. -û-kuz, рут. û-gun 'убить, зарезать'.

18. — Арч. да̀л; лезг. raḳár (plur. tant.), агул. rakk, табас. rak, рут. rak' (ген. rigid), криз. rik'i, цах. ak'k'a 'дверь'.

19. — Арч. ʎinča-ti; лезг. k'ičé, цах. gič 'страх', рут. gičip 'бояться'.

20. — Арч. -e-ḷas 'чистить'; табас. eḷe-kuz 'очищаться'.

21. — Лезг. nik' (мн. niḳér), рут., цах. nek' 'нива, пашня' (возможно, от одного корня с анд. -eḷidu 'пахать').

22. — Лак. baṛk, дарг. βar' 'щит'.

В. — В тех случаях, когда аварскому ʎ соответствует в арчинском звонкий спирант ʎ, остальные чечено-лезгинские языки имеют следующие фонемы [21]:

лакский — l, даргинский — ʎ̣, лезгинский — ʎ̣̣; табасаранский — ʎ̣̣̣ и ʎ̣̣̣̣; агульский — j (выпадающий перед i); рутульский — w и γ; цахурский — w, γ и, возможно, l; будухский и кризский — γ, j; удинский — γ; бацбийский — λ; чеченский — l или h (см. выше, II, β).

Примеры [22]:

1. — Авар. а̀л, анд. hoḷu, ботл., год., кар., багв., тинд. haḷu, чам. а̀лу, ахв. а̀лі, хварш. оḷ, цез. оḷḷ, бежит. ал; арч. viḷa; лак. arul (<*ar1); таб. urḡu, агул. jeri (<*erji), цах. jiγə, рут. jewə, криз. jiγü, буд. jiji; уд. vuγ; чеч. vuorh, бацб. vorḷ (хинал. jiḳ) 'семь'.

2. — Авар. *mił*, анд. *bijli*, ботл. *biłu*, год., кар., багв., ахв., тинд. *biłi*, чам. *bełi*, хварш. *bal*, цез. *biłł*, бежит. *beł*; арч. *meļe*; агул. *miја*, табас. *mirzu*, рут. *məje* (?), цах. *molu*, крыз. *miyi*, буд. *moji*; уд. *muγ*; бацб. *barλ*, чеч. *barh* (хинал. *iñq* < *imq) 'восемь'.

3. — Авар. *λeze* 'давать', хварш. (ti-) *li*, цез. (te-) *li*, бежит. (ni-) *li* 'он дал' (прош.); арч. *los*, -*los*; лак. -*ulun*; дарг. *γis*; лезг. *γun*, табас. *γuz*, агул. *es* (прош. *ina* < *jina), рут. *was*, цах. *hiles* (? през. *huwuna*); чеч. *alar*, бацб. *alar* 'давать'.

4. — Авар. *λo* (анд. *λigu*?) 'мост', анд. *lom*, год. *lamur*, кар., ахв. *λami*, бежит. *λamo*, хварш., цез. *λu* 'крыша'; дарг. *γuβi*; лак. *lamu* 'мост'.

5. — Авар. *boł* 'хлев', анд. *bełi* 'стойло'; лак. *ppal* 'хлев'; дарг. *βiγ* 'стадо коров или лошадей'.

6. — Авар. *v-aλa-d* 'тесть, свекор', *j-aλa-d* 'теща, свекровь'; дарг. *uγaj-ada* 'отчим', *uγaj-aβa* 'мачеха'.

7. — Анд. *λexa* 'пыль', анд., багв. *λe*, ботл., год., тинд. *λeji*, кар. *λej* 'зола'; лак. *laχ* 'пыль, пепел'.

8. — Арч. *logom* (где -*om* — суффикс мн. ч.), табас. *γar*, агул. *jerjar* 'молотильная доска'.

9. — Арч. *meļe*; дарг. *maγγa* 'самец'.

10. — Анд. *łoli* 'сжатое, но еще не обмолоченное зерно'; дарг. *duγini* 'корм, фураж' (где *d-* — родовой префикс); лезг. *juγ* 'сжатое зерно' (где *j-* — старый родовой префикс); ср. лезг. *iγin*, таб. -*uγun* 'косить, жать'.

11. — Арч. *lele* 'мужчины' (собирает.); табас. *žilu-*, агул. *ille* (< *jile) 'самец'; ср. цах., рут. *wuγəł*, лезг. *γil* 'самец'.

IV

Сравнение чечено-лезгинских языков с абазго-керкетскими позволяет установить следующие соответствия:

А. — Глухие латеральные спиранты арчинского и аваро-андийских языков, которые, как мы только что установили, соответствуют глухим велярным или препалатальным спирантам во всех остальных чечено-лезгинских языках, соответствуют в адыгском *x* и *xɥ*¹; в абхазском в таких случаях обнаруживается иногда *x*, иногда *š*; убыхскую рефлексацию нельзя с точностью установить до опубликования материалов, собранных А. Дирром.

Примеры [23]:

1. — Анд. *miłi* и т. д. (см. III А а 7) 'солнце' = общеадыгск. *тахце, черк. *tafə*, каб. *тахo*, абх. *muš* 'день'.

2. — Авар. *lip* и т. д. (см. III А б 1) 'вода' = черк., каб. *хu* 'море'.

3. — Авар. *anλλ* и т. д. (см. III А б 3) 'шесть' = черк., каб. *хu* 'шесть'.

¹ Этот *xɥ переходит в *f* в черкесском, но сохраняется в кабардинском, где *ɥ + e* дает *o*, а *ɥ + u* дает *u*.

4. — Хварш. *ле* и т. д. (см. III А б 4) 'пять' = общеадыгск. *t'-хцу, черк. t'fy, каб. t'ху 'пять'¹.

5. — Авар. *λ'ab* и т. д. (см. III А а 1) 'три' = абх. *х-р'а* 'три'.

6. — Дарг. *iḥis* и т. д. (см. III А в 3) 'падать' = общеадыгск. *ji-хцен, черк. jifəp, каб. jixon 'обваливаться'.

Б. — Аваро-андийская аффриката *λ*, соответствующая арчинским *λ* и *l* (см. III Б и В), соответствует адыгскому *l* (черк. *l*, каб. *l*), абхазскому *ž* (см. II А а).

Примеры [24]:

1. — Авар. *anλ* и т. д., арч. *vila* и т. д. (см. III В 1) = черк. *bly*, каб. *bly*, уб. *bli*, абх. *bž* 'семь'.

2. — Анд. *g-iḷi* и т. д., арч. *aλ* (см. III Б 1) 'мясо' = черк. *ḷy*, каб. *ḷy* 'мясо', абх. *žy* 'тело'.

3. — Арч. *tuλaλ* и т. д. (см. III Б 14) 'лед' = черк. *mylə*, каб. *mylle* 'лед'.

V

Установив таким образом позитивные факты, попытаемся сделать из них исторические выводы.

Мы убедились (III А, IV А), что там, где арчинский и все аваро-андийские языки имеют глухие латеральные спиранты, все остальные кавказские языки обнаруживают глухие велярные или препалатальные спиранты (или же шипящие, которые легко выводятся из препалатальных). Следовательно, мы имеем право предположить, что в этих случаях "общесевернокавказский" также имел глухие велярные спиранты, которые позднее были латерализованы в аваро-андийском и (без сомнения, под влиянием аварского) в арчинском. В качестве промежуточного этапа нужно предположить, что глухие велярные спиранты в прото-аваро-андийском должны были стать препалатальными, как в некоторых самурских языках (агульском, табасаранском и особенно в рутульском и цахурском). Латерализация препалатального спиранта вполне естественна с физиологической точки зрения; достаточно несколько сократить мускулы тела языка, не смещая его, чтобы направить выдыхаемый воздух вдоль бокового края языка и получить характерную латеральную фрикцию. Отсюда следует, что во всех словах, где арчинский и языки аваро-андийской группы имеют глухие латеральные спиранты (*λ'*, *λ* и *λλ*), необходимо предполагать исходный *x* (*x'*, *xx*)² [25].

Иная ситуация наблюдается в тех случаях, когда аварский имеет

¹ Начальный *t'* адыгской формы *t'хцу, возможно, является старым «родовым префиксом» *d.

² Такие сближения, как авар. *ladí* (см. выше, III А б 5) 'женщина, жена' и русск. *лада* 'жена, любимая', предложенное недавно одним "яфетидологом" школы Марра, должны, следовательно, быть отвергнуты: авар. *ladí* (из *ledí происходит к общечечено-лезгинскому **хе(n)di*, которое вовсе не похоже на русск. *лада* [26].'

аффрикату λ , а арчинский — λ или $\underset{\cdot}{\lambda}$. Здесь совпадение данных аваро-андийских языков с данными абазго-керкетских языков — на противоположном конце Северного Кавказа — не может быть случайным. Нужно поэтому предположить, что в этих случаях ”общесеверокавказский” уже имел латеральные согласные. В настоящее время еще невозможно более точно установить качество (и даже количество) этих согласных. В общеабазго-керкетском эти латеральные согласные представлены одним-единственным звонким спирантом $\underset{\cdot}{\lambda}$, который сохранился в адыгском (и, может быть, также в убыхском) и перешел в $\underset{\cdot}{\lambda}$ в абхазском. Что касается общечечено-лезгинского, то рассматриваемые фонетические единицы дали в нем две отчетливо различимых фонемы, обе латеральные. Одна из них, представленная в аваро-андийском и в арчинском как λ , без сомнения, была глухой, поскольку она отражается глухими согласными во всех чечено-лезгинских языках (ср. III Б) ¹. Есть все основания думать, что это была глухая латеральная аффриката (* λ), сходная с арчинской и аваро-андийской λ . Эта аффриката, вероятно, начиналась дорсальным взрывом и заканчивалась латеральной фрикцией. В то время, как в протоарчинском и протоаваро-андийском эта исходная характеристика аффрикаты * λ сохранилась, во всех остальных диалектах общечечено-лезгинского * λ перешла в глухую велярную аффрикату * $\underset{\cdot}{\lambda}$: именно из такого * $\underset{\cdot}{\lambda}$ нужно исходить, чтобы понять рефлексию * λ во всех чечено-лезгинских языках (естественно, за исключением арчинского и аваро-андийской группы) ². Второй латеральный согласный общечечено-лезгинского отражается в аваро-андийском как λ , в бацбийском как λ , а во всех остальных языках — как звонкие согласные: арч. $\underset{\cdot}{\lambda}$, лак. $\underset{\cdot}{\lambda}$, дарг., лезг., таб. $\underset{\cdot}{\lambda}$, уд. $\underset{\cdot}{\lambda}$ и т.д. Поэтому мы вряд ли ошибемся, предположив здесь для общечечено-лезгинского звонкую латеральную аффрикату * $\underset{\cdot}{\lambda}$ [27]. Начальный взрыв в этой аффрикате, уже по причине ее звонкости, был, без сомнения, значительно слабее, чем в глухой аффрикате * λ . Отсюда различие в эволюции этих двух фонем. В то время как глухая аффриката (* λ или замещающий ее * $\underset{\cdot}{\lambda}$) в большинстве чечено-лезгинских языков превращается во взрывной, соответствующая звонкая (* $\underset{\cdot}{\lambda}$) обнаруживает тенденцию к переходу в спирант. Действительно, звонкий спирант мы обнаруживаем в арчинском, в даргинском, в удинском и во всех самурских языках (см. III В). Лакский $\underset{\cdot}{\lambda}$ (ulun ‘давать’, agul ‘семь’, lamu ‘мост’, ppał ‘хлев’, lax ‘пепел’), очевидно, также восходит к промежуточному * $\underset{\cdot}{\lambda}$, сходному с арчинским $\underset{\cdot}{\lambda}$. Точно так же * $\underset{\cdot}{\lambda}$ нужно предполагать на основании бацбийского λ : звонкие спиранты оглушались в общечеченском, как это видно на примере чеч. suo, бацб. so ‘я’ — лезг., агул. zun, арч. zop и т. д. ‘я’.

¹ Рутульский и цахурский g не в счет, поскольку в заимствованиях из русского и лезгинского цахурский передает звонкими все глухие непридыхательные взрывные: цах. gardošk’a < русск. картошка, цах. babrus < русск. папироса, цах. sibel < лезг. sipäl ‘ус’ и т.д.

² В удинском, где x дает x (см. III А), предполагаемый * $\underset{\cdot}{\lambda}$ обязательно должен был измениться в * $\underset{\cdot}{\lambda}$, откуда $\underset{\cdot}{\lambda}$ в уд. $\underset{\cdot}{\lambda}$ ‘ягненок’, bôq ‘свинья’, paq ‘молоко’, eq ‘мясо’.

Только языки аvaro-андийской группы сохранили еще аффрикату¹, но эта аффриката оглушилась. Может быть, следы звонкого спиранта нужно усматривать в *l*, которое встречается в андийских формах *lensib* 'бровь', *gola* 'рука', *lom* 'крыша' (см. II В г), *loli* 'сжатое зерно' (III В 10). Мы приходим к выводу, что ослабление начальной смычки у звонкой аффрикаты **l̥*, повлекшее за собой переход **l̥* в звонкий спирант *l, было диалектным явлением периода чечено-лезгинской общности; этот процесс в большей или меньшей степени затронул все диалекты общечечено-лезгинского, но ему не удалось победить в аvaro-андийском, где изменение **l̥* в *l (> анд. *l*) является лишь спорадическим. Что касается изменения латеральной артикуляции в дорсальную (велярную, препалатальную), то можно заметить, что для звонкой аффрикаты это изменение несколько менее характерно, чем для глухой: протолакский и общечеченский, заменившие *λ на *kx*, тем не менее, сохраняют латеральный характер старого **l̥* (перешедшего в *l). Это, без сомнения, объясняется тем, что переход **l̥* в *l произошел раньше, чем возникла тенденция к дорсализации латеральных: латеральная аффриката, начинающаяся с дорсальной смычки, превращалась в велярную с гораздо большей легкостью, чем латеральный спирант. Нужно, поэтому, предполагать, что джаргинский, лезгинский и табасаранский *γ* прямо восходят к **l̥* (< **l̥*), а не к **g̃* (< **l̥*). Такой же *γ̃* нужно постулировать для всех остальных самурских языков, а также для удинского, в котором задневелярный *γ* так же соотносится с **γ̃*, как задневелярный *χ* (в *χib* 'три', *тиχ* 'ноготь', *χe* 'вода') — с **x'*, *xx.

VI

Итак, мы видим, что латеральные согласные северокавказских языков часто изменяются в дорсальные (велярные, задневелярные, препалатальные); и наоборот, мы видели, что глухие велярные спиранты (**x'*, *xx) „общечечено-лезгинского“ превращаются в латеральные (*λ'*, *λ*, *λλ*) в арчинском и аvaro-андийских языках. Следовательно, в северокавказских языках существует определенная близость между латеральной и дорсальной артикуляцией. Напротив, *апикальная* („дентальная“) артикуляция не обнаруживает сколько-нибудь тесной связи с латеральной артикуляцией. Ни в одном северокавказском языке не отмечается перехода *t* или *s* в *λ*. На обратное изменение можно привести только один пример — чередование придыхательного *λ'* и *t'* в анцухском диалекте аварского языка (см. II В а)². Чередование *t* и *l*, следователь-

¹ Чтобы объяснить *q* в хинал. *jiq* 'семь' и *inq* 'восемь', также необходимо предполагать аффрикату; к сожалению, хиналугский язык слишком мало известен, чтобы можно было утверждать, что *q* — регулярный рефлекс **l̥*.

² Мы не принимаем в расчет абхазского изменения общеабазго-керкетских латеральных в шипящие, которое вполне могло пройти через промежуточный этап препалатальных спирантов.

но, нельзя считать характерной чертой кавказской фонетики¹, а потому неверно усматривать в колебании между l и t, наблюдаемом в эламском языке, доказательство родства этого столь загадочного мертвого языка с кавказскими². Нужно остерегаться придавать слишком большое значение тому случайному факту, что некоторые наблюдатели, не будучи специалистами по фонетике, транскрибировали латеральные фонемы севернокавказских языков посредством "tl" (Лопатинский, Люлье, Эркерт). Это всего лишь неточная запись, основанная на абсолютно субъективном акустическом впечатлении. На меня, например, адыгейский и аварский л произвел впечатление скорее "xl"³.

Таким образом, кавказские латеральные связаны только с дорсальными (велярными, задневелярными, препалатальными). Характерной для севернокавказских языков является не мена t и l, но мена k(g, x) и l: парадоксальное и на первый взгляд неправдоподобное сближение
лак. miḳ = каб. mylle 'лед'
можно избрать символом этой отличительной особенности кавказских языков.

Возможно, кавказским влиянием следует объяснять одну примечательную особенность армянской фонетики: переход классического армянского ʃ в современный армянский ɣ. Путь перехода ʃ > *w > *ɣw маловероятен: промежуточные этапы, *w и *ɣw, должны были бы вызвать некоторые орфографические трудности, которые не замедлили бы отразиться в средневековых рукописях. После всего, что мы установили для чечено-лезгинских языков, вполне естественно предположить, что класс. арм. ʃ изменился в ɣ через промежуточный этап звонкого латерального спиранта *ʃ̣ и что это изменение произошло под влиянием какого-то восточнокавказского языка — может быть, агванского, без сомнения, родственного современным языкам Дагестана.

¹ Чередование такого типа, скорее, можно считать чертой, характерной для финно-угорских языков.

² См.: G. Hüsing. Die einheimischen Quellen zur Geschichte Elams, 1, S. 91 f.

³ И не только на меня. А. Дирр сравнивает аварский л с сочетанием chl в немецком слове gemächlich, если его произнести быстро и с энергичным ударением на кратком ä; см. А. Дирр. „Theoretisch-praktische Grammatik der modernen georgischen (grusinischen) Sprache“. Hartleben, S. IX. Такое же акустическое впечатление, без сомнения, было у А. Шифнера, выбравшего для бацбийского (тушского) л букву, представляющую собой лигатуру x и l.

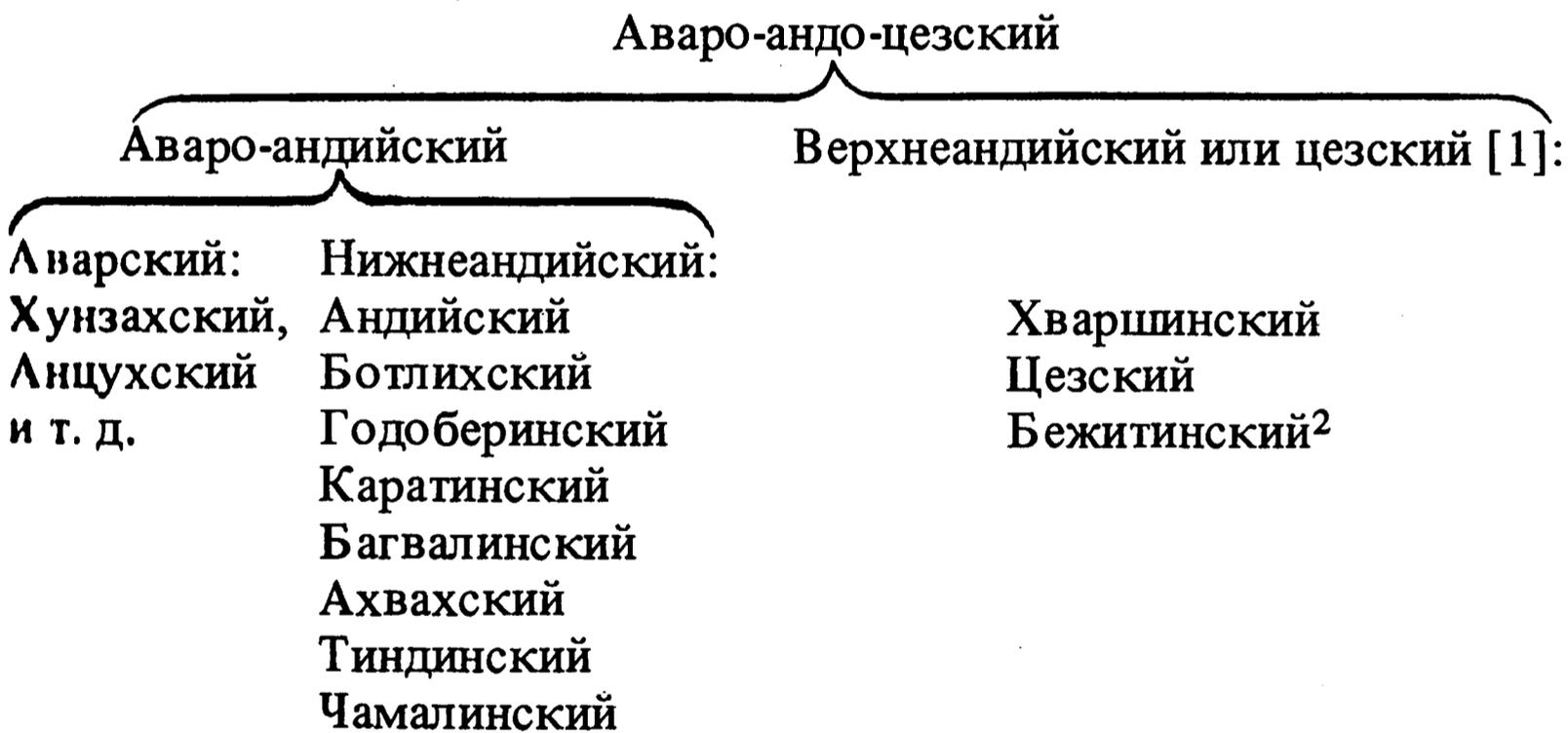
ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ФОНЕТИКИ СЕВЕРНОКАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ*

I

"Краткие" и "геминированные" согласные аваро-андийских языков

§ 1. "Аваро-андийская" языковая группа¹ состоит из трех ветвей: а) а в а р с к о й (сюда входит аварский со всеми своими диалектами), б) н и ж н е а н д и й с к о й (включающей андийский, ботлихский, годоберинский, каратинский, багвалинский, ахвахский, тиндинский, чамалинский), в) в е р х н е а н д и й с к о й или ц е з с к о й (включающей хваршинский, цезский, бежитинский).

Из этих трех ветвей две первые более родственны друг другу, чем каждая из них — третьей. Поэтому целесообразно объединить две первые ветви под одним названием, например "аваро-нижнеандийский". Но еще лучше было бы называть всю языковую группу не "аваро-андийской", а "аваро-андо-цезской", а название "аваро-андийский" сохранить только для обозначения двух первых ветвей. В таком случае мы получим следующую классификацию:

* Studien auf dem Gebiete der vergleichenden Lautlehre der Nordkaukasischen Sprachen. I. — „Caucasica“, fasc. 3, Leipzig, 1926, S. 7—36.

¹ Литература: П. К. У с л а р. Этнография Кавказа, III. Аварский язык. Тбилиси, 1889 (немецкую обработку этого труда см. A. Schiefner. Bericht über Anton P. K. Uslars awarische Studien. St.-Petersbourg, 1872; Л. И. Ж и р к о в. Грамматика аварского языка.— В: "Труды Подразряда исследования северокавказских языков при Институте Востоковедения в Москве", № 3. Москва, 1924; А. М. Д и р р. Краткий грамматический очерк андийского языка.— В: "Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа", XXXVI. Тбилиси, 1906; А. М. Д и р р. Материалы для изучения языков и наречий андо-дидойской группы (там же, XL). Тбилиси, 1909. Ср., кроме того, нашу статью в „Les langues du monde“, Paris, 1924, p. 332, и приведенную там литературу.

² Сейчас еще неясно, не следует ли причислять к цезской группе некоторые другие, пока неисследованные языки.

В дальнейшем мы будем придерживаться именно такой терминологии. Цезские языки мы не будем рассматривать вообще, а под "авароандийскими" будем подразумевать только аварский и нижеандийские языки.

§ 2. Из аваро-андийских языков аварский, а, точнее, "аварское койнэ", так называемый *bol tac*, к настоящему времени изучен лучше и тщательнее всех. Исчерпывающее описание фонетической системы этого языка было осуществлено Н. Ф. Яковлевым, но его работа не была опубликована. Однако все основные наблюдения Н. Ф. Яковлева приведены Л. И. Жирковым в его аварской грамматике. На основании этих предварительных данных аварскую систему шумных согласных можно изобразить в виде следующей таблицы (см. табл. ниже) [2].

По поводу терминологии и транскрипции заметим следующее:

А. Под "шумными звуками с инфраглоттальной экспирацией" мы понимаем такие шумные, при артикуляции которых поток воздуха, вызывающий эксплозию или фрикцию, поступает прямо из легких и проникает в полость рта через голосовую щель. Из глухих шумных с инфраглоттальной экспирацией мы обозначаем "геминированные" посредством горизонтальной черты под или над соответствующей буквой (напр. $\underline{c}$, $\bar{x}$), "краткие" — посредством знака *spiritus asper* над или после соответствующей буквы (напр. $\dot{c}$, $\dot{\eta}$). Из звонких шумных с инфраглоттальной экспирацией спиранты (z , $\dot{z}$, γ) являются всегда "геминированными", взрывные (b , d , g) — всегда "краткими" — так что для них нет нужды специально обозначать "геминацию" и "краткость".

Б. Под "шумными звуками с супраглоттальной экспирацией" мы по-

	Взрывные			Аффрикаты			Спиранты		
	с инфраглоттальной экспирацией		с супраглоттальной экспирацией	с инфраглоттальной экспирацией		с супраглоттальной экспирацией	геминированные		краткие
	звонкие	глухие		геминированные	краткие	геминированные	краткие	звонкие	глухие
Лабиальные	b	p							
Какуминальные	d	t'	t	$q'x$	c'	$q'c'$	$c'c$	z	s
				$q'x$	c'	$q'c'$	$c'c$	$\dot{z}$	$\dot{s}$
Дорсальные							γ	$\bar{x}$	x'
Латеральные	g	k'	k	kx		kx		$\underline{x}$	
				$\underline{\lambda}$		$\dot{\lambda}$		$\underline{\eta}$	$\dot{\eta}$

нимаем такие шумные, при артикуляции которых гортань полностью закрыта, так что экспирация осуществляется только посредством массы воздуха, находящейся над гортанью, причем эта масса проталкивается вперед в результате поршнеобразного подъема сомкнутой гортани. Из этих звуков "краткие" мы обозначаем одной, а "геминированные" — двумя точками под или над соответствующей буквой¹.

§ 3. Система согласных нижеандийских языков отклоняется от аварской лишь в некоторых частностях: так, некоторые нижеандийские языки, кроме "геминированных", имеют также "краткие" заднеязычные аффрикаты (q̣x и q̣χ), а кроме "геминированного" ʃ̣ — также "краткий" ʃ̣; с другой стороны, "краткий" c' отсутствует в большинстве (может быть, и во всех) нижеандийских языков [3]. Но за исключением этих частностей система согласных нижеандийских языков в целом зиждется на тех же основных принципах, что и аварская.

По причинам, которые будут обсуждаться ниже (§ 23), А. Дирр, которому мы обязаны всеми сведениями о нижеандийских языках, в определенных случаях недостаточно четко обозначал противопоставление "геминированных" и "кратких" шумных звуков. В некоторых случаях трудно определить, "краток" или "геминирован" звук, записанный А. Дирром. В таких случаях мы используем буквы c, ʃ̣, q̣x, kx, s, ʃ̣, χ, η без специальных диакритических знаков [4].

§ 4. Из приведенной выше (§ 2) таблицы видно, что вся система шумных звуков в аваро-андийских языках базируется на трех противопоставлениях, а именно:

- а) на противопоставлении "звонкости" и "глухости",
- б) на противопоставлении "инфраглоттальной" и "супраглоттальной" экспирации и
- в) на противопоставлении "геминации" и "краткости".

При ближайшем рассмотрении таблицы можно, далее, убедиться в том, что в каждом классе шумных выступают только два из этих противопоставлений, а именно: в классе взрывных — только противопоставления "а" и "б" (все аваро-андийские взрывные краткие); в классе аффрикат — только противопоставления "б" и "в" (все аваро-андийские аффрикаты глухие); в классе спирантов — противопоставления "а" и "в" (все аваро-андийские спиранты имеют инфраглоттальную экспирацию).

Таким образом, противопоставление "звонкости" и "глухости" присуще только взрывным и спирантам, то есть только таким шумным звукам, которые на всем протяжении своей артикуляции обнаруживают одно и то же положение речевых органов (такие звуки мы называем "монофонгическими шумными") [5]. Противопоставление между "ин-

¹ Кроме звуков, перечисленных в вышеприведенной таблице, аварский обладает и другими звуками, которые остались за ее рамками. Это прежде всего ларингалы. Аварский имеет ларингалы, артикулируемые при нормальном положении гортани — это h и спорадически встречающийся ' (араб. "хамза"), а также ларингалы, артикулируемые со сдвинутой гортанью — ḥ (=араб. ح) и ɣ (араб. "айн"). Кроме того, есть и сонорные звуки: плавные (r, l), носовые (m, n) и "полуспиранты" w, j, сужение щели при артикуляции которых больше, чем у ц, ĭ, но все же недостаточно велико для осуществления фрикции.

фраглоттальной” и ”супраглоттальной” экспирацией имеет место только у взрывных и аффрикат, то есть только у таких шумных звуков, которые начинаются с оральной смычки (мы называем такие звуки ”смычными шумными”) [6]. Противопоставление между ”геминацией” и ”краткостью” имеется только у аффрикат и спирантов, то есть только у таких шумных звуков, которые заканчиваются фрикцией (мы называем такие звуки ”фрикативными шумными”).

§ 5. Физиологическая сторона противопоставления звонкости и глухости нам хорошо известна. То же самое можно сказать и о противопоставлении инфраглоттальной и супраглоттальной экспирации. Напротив, физиологическая сторона противопоставления ”геминированных” и ”кратких” шумных в аваро-андийских языках не вполне ясна. Действительно ли это противопоставление чисто квантитативное, как можно было бы заключить из схематического представления Л. И. Жиркова, или же оно основывается на различии в работе и положении речевых органов?

Проще всего было бы решить этот вопрос при помощи точного и тщательного наблюдения при работе в поле. Однако возможен и другой способ, а именно, наблюдение развития интересующих нас звуков в конкретных аваро-андийских языках. Таким наблюдением мы сейчас и займемся.

§ 6. В то время как ”геминированные” спиранты в большинстве аваро-андийских языков сохраняют свое первоначальное качество, соответствующие ”краткие” спиранты в некоторых из этих языков переходят в h.

А. Так, ”краткий” латеральный спирант $\acute{h}$ в ботлихском и багвалинском переходит в h¹.

Примеры: ботл. *habu*, багв. *hab* — авар. $\acute{h}ab$ ‘три’; ботл., багв. *geha* ‘вечер’ — авар. *ge $\acute{h}$ eda* ‘вечером’; багв. *-iha!* — авар. $\acute{h}e!$ ‘положи!’; ботл. *mihi*, багв. *mih* — анд., год., кар., тинд. *mi η i²* ‘солнце’; ботл. *hudi*, багв. *hur* — анд., тинд. *η udi²*, кар., ахв. *η uda²*, чам. *η unni²* ‘дрова’; багв. *huha* — кар. *η ui²*, анд. *η in(?)* ‘волосы’; ботл. *ehel*, багв. *eheli* — кар. *e η el²*, тинд. *e η e²* ‘сегодня’; ботл. *heçil*, багв. *hi η çil* — кар. *η içel²*, чам. *η eçil²* ‘палец’ [7].

Единственное известное нам исключение — это ботл. *bo η on* при авар. *bo η on* ‘свинья’: слово это, видимо, просто заимствовано из аварского. В багвалинском ‘свинья’ звучит как *bolhon*; это, видимо, также заимствование из аварского, в котором сочетание lh выступает в качестве замены отсутствующего в багвалинском аварского $\acute{h}$.

Следует отметить, что ”геминированный” $\bar{\eta}$ ни в ботлихском, ни в багвалинском не переходит в h: ботл. *η eni*, багв. *η e* — авар. $\bar{\eta}$ in ‘вода’; ботл. *η i η i*, багв. *η i η* — анд. *lu η la* ‘масло’ и т. д.

Б. Переход $\acute{s}$ > h мы находим в тиндинском и чамалинском [8]:

Примеры: тинд. *behen*, чам. *behan* — анд. *beš‘onu*, ботл. *beš‘unu*, год. *beš‘eno*, кар. *beš‘an*, ахв. *beš‘ano*, багв. *beš‘en* ‘сто’; тинд. *vaha* — анд.

¹ Ср. нашу работу в „Bulletin de la Société de linguistique de Paris“, XXIII, p. 189 seq.

² Здесь η , очевидно, обозначает ”краткий” $\acute{\eta}$ (ср. § 3).

voš'o, ботл., год., кар., ахв., багв. vaš'a 'сын'; чам. jahī — анд. još'i 'дочь'; тинд. rehen — анд., ботл., год., кар. reš'in, ахв., багв. reš'en 'год, небо'; тинд. roha, чам., voha — анд. reš'a, ботл., ахв., багв. ruš'a, кар. roš'a 'дерево', год. ruš'a 'дрова'; тинд. toha — анд., ботл., год. tuš'i, кар. toš'e, ахв. toš'a, багв. toš' 'свинец'.

При этом "геминированный" $\check{s}$ в тиндинском не изменяется (в чамалинском он дает $\check{s}$; ср. § 17). Примеры: тинд. iši- (чам. isi-) — анд., ботл., багв. iši-, год., кар. iši¹ 'наш'; тинд. šu — анд. šivu, ботл., год. šivū, кар. šiu, багв. ši 'молоко'; тинд. šak'ib — ботл. šik'ib, год. šik'im, кар. šak'ibo¹, анд. šek'ib¹, багв. šek'jib¹ 'воробей'; тинд. (miki-)šal — ботл. (heçiba-)šul, год. (s'etibe-)šil, кар. (riçele-)šun¹, багв. (hinça-)šul¹, чам. (mik'i-)sil 'кольцо (на палец)'²; тинд. šola — анд. šela¹, багв. šuala¹ 'завтра'; тинд. k'uāša — багв. k'uāša¹ 'нога'; тинд. odošu- — багв. hudušu-, кар. hudušu¹, год. hudošu¹, ботл. došu¹ (чам. ošu-) 'его' (ген. личного местоимения 3 л. ед. ч. м. р.).

Встречающийся в чамалинском "краткий" $\check{s}$ всегда имеет вторичное происхождение (ср. § 14 В).

В. Переход "краткого" $\check{c}$ в h мы обнаруживаем в багвалинском [9]. Примеры: багв. pih — год., тинд. piçi, кар. piçe 'грудь'; багв. riha — год., тинд. riça 'овца', ботл. riça 'баран'; багв. huaj — анд. хој, ботл., год., ахв. хуaj, чам. хоaj, тинд. хуaji 'собака'; багв. -ahaga- — анд. -охог, ботл. -ахага, год. -ахаг, кар. -охага, авар. хега- 'старый'; багв. he — анд. -еху(du), кар. хи(gi), тинд. хе(ri), авар. ха(du-) 'за, позади, после'; багв. hūša (?) — авар., анд. хиг, ботл., год., кар. хиги, тинд. хија 'поле' [10].

"Геминированный" $\bar{c}$ в багвалинском как будто бы остается неизменным. А. Дирр записал этот звук в слове х̄aj 'котел', для которого, к сожалению, отсутствуют параллели из других языков. В багв. х̄alicir 'серп' знак $\bar{c}$ нужно, вероятно, также понимать как $\bar{c}$; ср. авар. х̄aric'el 'коса'. В багв. х̄elč'en 'сабля' значимость $\bar{c}$ трудно определить: авар. х̄olč'en позволяет и здесь предположить $\bar{c}$ (ср. § 3), но в других аваро-андийских языках это слово записано также с двусмысленным $\check{c}$ (анд. х̄eč'ami, ботл. х̄agč'ami, год. х̄erč'en, кар. х̄elč'uan, тинд. х̄ač'an) [11]. Единственный случай, когда в багвалинском сохранился однозначно "краткий" $\check{c}$ — это багв. piça 'овес'; но это слово, должно быть, заимствовано из какого-нибудь другого нижеандийского языка — ср. анд., ботл., год., кар., ахв., тинд. piça, авар. пехо 'овес'.

Г. Сходное превращение "краткого" $\check{c}$ в h sporadически встречается и в аварском. — Примеры [12]: авар. hoe — анд. хој и т. д. 'собака'; авар. hobo — анд. iħob 'мельница'; авар. mehed (ген. mahdil) — арч. miħog (ген. miħtin) 'грудь'; авар. miħ 'зерно' — арч. таха 'ячмень'. — Однако эта аварская ларингализация звука $\check{c}$, в отличие от багвалинской, не проведена последовательно и имеет sporadический характер.

По данным П. К. Услара, в анцухском диалекте аварского языка "смешиваются $\check{c}$ и h" (П. К. Услар. Цит. соч., с 11, 12). В качестве при-

¹ Здесь $\check{s}$, очевидно, обозначает "геминированный" $\check{s}$ (ср. § 3).

² Части слов, заключенные в скобки, обозначают 'палец'.

мера П. К. Услар приводит только одно слово χ иг 'поле', которое в Анцухе произносится как χ иг. Очевидно, что здесь также речь идет о ларингализации "краткого" χ . Последовательно ли проводится в анцухском такая ларингализация, или же она встречается лишь спорадически — этого по данным П. К. Услара определить нельзя [13].

§ 7. С явлениями, обсужденными в § 6. очевидно, связано еще одно аварское фонетическое изменение, а именно, переход "кратких" χ и $\check{s}$ в $\underline{x}$.

А. Переход $\chi > \underline{x}$ встречается в аварском очень редко. Собственно, мы можем констатировать его только в двух случаях: авар. $\underline{x}$ oadize — анд. χ uadunni 'ходить' и авар. $\underline{x}$ oani — ахв., год. χ uani 'лошадь' [14].

Б. Напротив, переход $\check{s}' > \underline{x}$ в аварском происходит чаще, и поскольку "краткий" $\check{s}'$ абсолютно чужд современной аварской системе согласных, то можно заключить, что $\underline{x}$ как раз и является в аварском закономерным развитием $*\check{s}'^1$ [15]. Примеры: авар. $\underline{x}$ o $\check{s}$ i — анд. $\underline{x}$ o $\check{s}$ 'i и т. д. (ср. § 6 Б) 'свинец'; авар. го $\underline{x}$ 'лес' — анд. ге $\check{s}$ 'u и т. д. (ср. § 6 Б) 'дерево, лес'; авар. го $\underline{x}$ ep — анд. го $\check{s}$ 'an 'веревка'; авар. $\underline{x}$ o $\check{s}$ 'семья' — анд. $\check{s}$ 'ep 'зерно'; авар. bi $\underline{x}$ ina- 'самец' — чеч. bo $\check{s}$ u $\bar{n}$ 'мужчина'; авар. тu $\underline{x}$ — лак. та $\check{s}$ 'a 'цена'; авар. p' $\underline{x}$ — багв. p' $\check{s}$ ' 'медь'; авар. $\underline{x}$ ag — ахв. $\check{s}$ 'agi 'котел'².

В. Переход $\check{s}' > \underline{x}$ является специфически аварским. Напротив, переход $\chi > x$ ($\check{x}$? или $\underline{x}$?), кроме аварского, обнаруживается также в каратинском, хотя лишь в единичных случаях: кар. х $\underline{x}$ aj — анд. χ o $\check{s}$ и т. д. 'собака', кар. х $\underline{x}$ ani — год., ахв. χ uani 'лошадь' [17].

В прочих аваро-андийских языках x встречается только в заимствованиях из аварского, напр.: анд. а $\underline{x}$ al — авар. χ a $\underline{x}$ al 'половина'; анд. х $\underline{x}$ l — авар. $\underline{x}$ ul 'надежда'; анд., ботл. ха $\underline{x}$ i, кар. ха $\underline{x}$ e — авар. $\underline{x}$ ag 'котел'; ботл., тинд., год. p' $\underline{x}$ i, кар. p' $\underline{x}$ u — авар. p' $\underline{x}$ 'медь' [18].

§ 8. Ситуацию в аварском можно истолковать следующим образом. В том, что касается развития старого $\check{s}'$, аварский, по-видимому, шел по тому же пути, что и тиндинский или чамалинский; в том, что касается развития старого χ (по меньшей мере, в диалектах), — по тому же пути, что и багвалинский, а именно: $\check{s}'$ и χ обнаруживали тенденцию перехода в h . Однако h , возникавший таким путем, не был тождествен нормальному h : он был несколько более долгим и характеризовался не полностью нейтральным, но слегка выгнутым в центре положением языка; другими словами, это было нечто вроде вяло артикулируемого, но в то же время относительно долгого x . Из этого звука впоследствии иногда развивался настоящий h (в h $\check{o}$ e, mehed, hobo, тu $\check{h}$), а иногда $\underline{x}$ [19].

§ 9. Из изложенного выше (§§ 6 — 8) следует, что ларингализация

¹ Есть, однако, несколько случаев, когда $*\check{s}'$ в аварском перешел в s' , например, авар. was' 'сын' (анд. vo $\check{s}$ 'o и т. д.), авар. pus' 'сто' (анд. be $\check{s}$ 'onu и т. д.). Но этот спорадический переход в s -ряд не ограничивается в аварском "кратким" $\check{s}'$, но встречается и в случае "геминированного" $\check{s}$, например, авар. do $\check{s}$ ul — багв. hu $\check{d}$ u $\check{s}$ u-, тинд. odo $\check{s}$ u- и т. д. — ген. ед. ч. местоимения 3 л. м. р. [16].

² Неясно отношение этого слова к год., тинд. $\check{s}$ 'agi 'котел'.

различных "кратких" спирантов в h (и x) — явление, повторяющееся в различных аваро-андийских языках; только андийскому, годоберинскому и ахвахскому этот процесс как будто бы оказался полностью неизвестен; помимо этого следует заметить, что из всех "кратких" спирантов это явление никогда не затрагивает только s'.

§ 10. Рассмотренное выше явление распространяется только на "краткие" спиранты. "Геминированные" спиранты никогда и нигде не переходят в h. Однако эти "геминированные" спиранты подвержены другому изменению, а именно — переходу в "геминированные" аффрикаты с инфраглоттальной экспирацией.

Аварские "геминированные" аффрикаты с инфраглоттальной экспирацией акустически столь сходны с "геминированными" глухими спирантами, что обе эти категории звуков легко спутать друг с другом. В старой "аджамской" арабской транскрипции авар. $\bar{x}$ и $k\bar{x}$ одинаково передаются через ك , авар. $\bar{x}$ и $q\bar{x}$ — через ق , авар. $\check{s}$ и $\check{c}$ — через ش . В "реформированном" аварско-арабском алфавите $\bar{\eta}$ и $\bar{\lambda}$ передаются одним и тем же знаком (ل). Это графическое смешение основывается на большом акустическом сходстве. Но иногда смешение это оказывается не только графическим, но и артикуляторным. Так, Л. И. Жирков (цит. соч., с 13) указывает, что «геминированный $\check{s}$ в части случаев по диалектам смешивается с аффрикатой $\check{c}$ ».

§ 11. Если сравнить аварский с другими языками, то окажется, что аварские "геминированные" аффрикаты с инфраглоттальной экспирацией (по крайней мере, большинство таких аффрикат) возникли из исходных "геминированных" глухих спирантов [20].

А. Аварская латеральная аффриката $\bar{\lambda}^1$ происходит непосредственно из спиранта $*\bar{\eta}$, который в свою очередь восходит к правосточнокавказскому "геминированному" передневелярному спиранту $*\bar{x}$. — Примеры: авар. $\bar{\lambda}$ ama — агул. $\dot{x}$ ime, рут. $x\bar{a}t\bar{a}$ -l, цах. $\dot{x}$ üma 'жидкий'; авар. $\bar{\lambda}$ — табас. $j\bar{i}x\bar{u}$, агул. $j\bar{e}x\bar{i}$, цах. $j\bar{i}x\bar{a}$, чеч. $j\bar{a}l\bar{x}$ 'шесть'; авар. $\bar{\lambda}$ — табас. $i\bar{x}u$, рут. $j\bar{i}x$ -dä, чеч. $t'\bar{x}uo$ 'мы'.

Б. Аварская аффриката $\check{s}$ восходит к старому $\check{s}$. Примеры: авар. $\check{s}$ in (ген. $\check{s}idal$) 'желчь' — анд. $\check{s}im$ ($\check{s}im?$), лак. $\check{s}i$ (ген. $\check{s}it\bar{u}l$) 'желчь'; авар. $\check{s}$ ik'o — кар. $i\check{s}o$ 'кошка'; авар. $\check{s}e\check{c}a$ — багв. $\check{s}e\check{c}u$ 'слепой'; авар. $\check{s}e$ -e 'впереди', $\check{s}udun$ 'рано' — анд. $\check{s}edu$ 'впереди, раньше', ботл. $sa'a$, год. $\check{s}e(b)agu$, инд. $\check{s}i(gi)$, кар. $\check{s}i(gi)$, багв. $\check{s}e$, тинд. $\check{s}e(ri)$ 'впереди'.

В. Аварская задневелярная аффриката $q\bar{x}$ восходит (по крайней мере, в части случаев) к старому $\bar{x}$. Примеры: авар. $poq\bar{x}o$ — лак. $pu\check{x}$ (ген. $pu\check{x}il^2$) 'пещера'; авар. $\check{c}$ - $aq\bar{x}$, $\check{c}$ - $uq\bar{x}$ — лак. $\check{c}$ - $i\bar{x}$ 'копать'.

¹ В моей работе в „Bulletin de la Société de linguistique de Paris“ я ошибочно транскрипировал этот аварский звук как долгий спирант. Только из работы Л. И. Жиркова (ср. особенно Л. И. Ж и р к о в. Цит. соч., с. 21, прим.) я узнал, что этот звук аффриката и что реально имеющийся в аварском долгий спирант $\bar{\eta}$ я ошибочно считал "кратким непридыхательным" спирантом.

² Звук $\check{x}$ в лак. $pu\check{x}$ (ном. ед. ч.) закономерно восходит к $\bar{x}$: в лакском все геминированные шумные в ауслaute и перед согласными сокращаются.

Г. Только для аварских аффрикат $k\bar{x}$ и $\check{s}$ не удается показать их происхождение из "геминированных" спирантов; нам вообще пока не удалось установить источник этих двух аварских звуков (ср., впрочем, § 12 Г).

§ 12. В остальных аваро-андийских языках также наблюдается переход "геминированных" глухих спирантов в соответствующие "геминированные" аффрикаты с инфраглоттальной экспирацией:

А. Что касается латеральных, то здесь трудно установить реальное положение дел. П. К. Услар обозначал "геминированную" аффрикату с инфраглоттальной экспирацией (наше λ) посредством η , а соответствующий спирант (наше $\bar{\eta}$) — посредством $\acute{\eta}$. В предисловии к своей андийской грамматике А. Дирр говорит, что он использует букву $\acute{\eta}$ в андийском в том же значении, в каком ее использовал П. К. Услар в аварском. Отсюда можно было бы заключить, что андийский звук, который А. Дирр обозначал через $\acute{\eta}$, также является "геминированным" спирантом (то есть $\bar{\eta}$). Однако есть свидетельства того, что произошло недоразумение, и что буква $\acute{\eta}$ в записях А. Дирра, относящихся к нижнеандийским языкам, обозначает не спирант $\bar{\eta}$, но аффрикату λ (η Услара). В письме к А. А. Шифнеру от 6 января 1864 г. (напечатанном в "Этнография Кавказа", IV, с. 19) П. К. Услар приводит числительные андийского, ботлихского, ахвахского и чамалинского языков. При этом числительное 'шесть' он записывает так: анд. он η игу, ботл. ин η ида, ахв. ин η идабе, чам. ан η ида — то есть всюду с η (= λ). Если сравнить эти записи Услара с записями А. Дирра (Сборник XL), то окажется, что А. Дирр во всех этих словах пишет букву $\acute{\eta}$. Таким образом, эту букву в андийских и нижнеандийских записях А. Дирра следует понимать как "геминированную" аффрикату с инфраглоттальной экспирацией (λ).

Этот λ во всех нижнеандийских языках, где он встречается, имеет то же происхождение, что и в аварском. Как правило, мы обнаруживаем его в тех же случаях, что и в аварском; напр.: анд. он λ и — авар. ан λ 'шесть', анд. $\sqrt{-o\lambda}$ — авар. $\sqrt{-i\lambda}$ 'идти', анд. $\sqrt{-\lambda i \lambda a}$ -š — авар. $\sqrt{-\lambda u \lambda a}$ 'тереть', анд. $i\lambda i\lambda$ — авар. $ni\lambda$ 'мы'. Но иногда отдельные аваро-андийские языки расходятся друг с другом: одни имеют спирант η (читать $\bar{\eta}$!), другие — аффрикату λ [21]. Примеры: авар. ан λ , анд. он λ и, ботл., год., кар. $in\lambda i$ — багв. $in\bar{\eta}i$, ахв., чам. $in\bar{\eta}i^1$ 'шесть'; авар. $\sqrt{-i\lambda}$, анд. $\sqrt{-o\lambda}$ ($\sqrt{-e\lambda}$?), ботл. $\sqrt{-e\lambda}$, год. $\sqrt{-in\lambda}$ — кар. $\sqrt{-u'an\bar{\eta}}$, багв. $\sqrt{-e\bar{\eta}}$ 'идти'; кар. $q\bar{x}a(j)i\lambda$ — ботл. $q\bar{x}aj\bar{\eta}i$, год. $q\bar{x}aj\bar{\eta}a$ 'голубой'; анд. $\lambda u\lambda a$, чам. $\lambda i\lambda$ — ботл., год. $\bar{\eta}i\bar{\eta}i$, кар. $\bar{\eta}o\bar{\eta}e$, багв. $\bar{\eta}i\bar{\eta}$ 'масло'; ср. также формы генитива ед. ч. немужского рода: анд. - λi ($bo\check{c}u\lambda i$ 'волка') — авар. - $\bar{\eta}ul$ ($jas'a-\bar{\eta}ul$ 'девочки'), ботл. - $\bar{\eta}i$ ($hanq \chi u -\bar{\eta}i$ 'дома'), кар. - $\bar{\eta}$ ($mis'o-\bar{\eta}$ 'дома'), ахв. - $\bar{\eta}i$ ($ilu-\bar{\eta}i$ 'матери'), багв. - $\bar{\eta}i\bar{\eta}$ ($ja\check{s}-\bar{\eta}i\bar{\eta}$ 'девушки'), тинд. - $\bar{\eta}a$ ($mis'u-\bar{\eta}a$ 'дома').

Б. Как можно было убедиться уже по приведенным выше (§ 11 Б) примерам, аварскому $\check{s}$ в нижнеандийских языках чаще всего соответ-

¹ Так, по меньшей мере, у А. Дирра. П. К. Услар записывает ахв. и чам. слова с λ : $in\lambda i$. Может быть, дело здесь в диалектных различиях.

ствуует более архаичный "геминированный" $\underline{s}$. Однако то, что и нижнеандийским языкам не вполне чужд переход $\underline{s} > \underline{c}$, показывают такие случаи, как: ботл. $\underline{b}\underline{o}\underline{s}\underline{u}$ — багв. $\underline{b}\underline{e}\underline{s}\underline{u}$ 'слепой' (авар. $\underline{b}\underline{e}\underline{s}\underline{a}$); авар. $\underline{b}\underline{i}\underline{s}$: анд. $\underline{b}\underline{i}\underline{c}\underline{i}$ 'тур'; ахв. $\underline{s}\underline{o}\underline{g}\underline{o}$ 'осень', $\underline{c}\underline{i}\underline{b}\underline{o}\underline{g}\underline{o}$ 'зима', ботл. год. $\underline{c}\underline{i}\underline{b}\underline{u}\underline{r}\underline{u}$, кар. $\underline{c}\underline{i}\underline{b}\underline{e}\underline{r}\underline{a}$, тинд. $\underline{c}\underline{i}\underline{b}\underline{a}\underline{r}$ 'зима' — анд. $\underline{s}\underline{i}\underline{b}\underline{i}\underline{r}\underline{u}$ ¹ 'осень', багв. $\underline{s}\underline{i}\underline{b}\underline{u}\underline{r}\underline{a}$ 'зима' (ср. лак. $\underline{s}\underline{u}\underline{t}$ '— *subd 'осень') [22].

В. Задневелярная аффриката $\overline{q\chi}$ встречается в нижнеандийских языках столь же часто, как и в аварском, и в большинстве случаев в тех же словах: авар. $\underline{g}\underline{a}\overline{q\chi}$ — анд. $\underline{g}\underline{o}\overline{q\chi}\underline{i}$ 'яма'; авар. $\underline{\zeta}\underline{a}\overline{q\chi}\underline{i}$ — анд. $\underline{o}\overline{q\chi}\underline{i}$ 'граница'; авар. $\overline{q\chi}\underline{u}\underline{b}$ — анд. $\overline{q\chi}\underline{u}\underline{b}\underline{i}$ 'грязный'; авар. $\sqrt{\overline{q\chi}\underline{a}\underline{m}}$ — анд. $\sqrt{\overline{q\chi}\underline{a}\underline{m}}$ 'хватать'; авар. $\overline{q\chi}\underline{a}\underline{h}\underline{i}\underline{l}\underline{a}$ — анд. $\overline{q\chi}\underline{o}\underline{j}$, ботл. $\overline{q\chi}\underline{a}\underline{j}\underline{n}\underline{i}$, год. $\overline{q\chi}\underline{a}\underline{j}\underline{n}\underline{a}$, кар. $\overline{q\chi}\underline{a}\underline{(j)}\underline{i}\underline{l}$ 'серый, голубой'; авар. $\sqrt{\overline{q\chi}\underline{c}}$ — анд. $\sqrt{-\underline{i}\overline{q\chi}\underline{c}}$, $\sqrt{-\underline{u}\overline{q\chi}\underline{c}}$ 'зарезать'; авар. $\sqrt{\overline{q\chi}\underline{o}\underline{a}}$ — анд., ботл., год., кар. $\sqrt{\overline{q\chi}\underline{c}\underline{a}\underline{r}}$ 'писать'; авар. $\overline{q\chi}\underline{u}\overline{q\chi}\underline{a}\underline{d}\underline{e}\underline{r}\underline{o}$ — анд. $\overline{q\chi}\underline{u}\overline{q\chi}\underline{a}\underline{d}\underline{i}\underline{r}$, год. $\overline{q\chi}\underline{o}\overline{q\chi}\underline{a}\underline{d}\underline{i}\underline{r}$, ахв. $\overline{q\chi}\underline{o}\overline{q\chi}\underline{a}\underline{t}\underline{i}\underline{r}\underline{o}$, багв. $\overline{q\chi}\underline{i}\overline{q\chi}\underline{u}\underline{a}\underline{n}\underline{i}$ 'пила'. — Однако встречаются и колебания между $\overline{\chi}$ и $\overline{q\chi}$. Так, авар. $\overline{\chi}\underline{a}\underline{r}\underline{i}\underline{c}'\underline{e}\underline{l}$ 'коса' в тиндинском соответствует слово $\overline{q\chi}\underline{a}\underline{r}\underline{i}\underline{s}'\underline{a}^2$; возможно, авар. $\sqrt{-\underline{a}\overline{q\chi}}$ (инф. $-\underline{a}\overline{q\chi}\underline{i}\underline{n}\underline{e}$) 'подниматься' также следует сопоставлять с анд. $\sqrt{\underline{o}\overline{\chi}}$ (инф. $\underline{o}\overline{\chi}\underline{i}\underline{n}\underline{n}\underline{u}$ ³) 'подниматься' [23].

Г. В единичных случаях в нижнеандийских языках встречаются также колебания между $\underline{\zeta}$ и $\underline{\zeta}'$ ($\underline{\zeta}'?$): тинд. $\underline{\zeta}\underline{i}\underline{\zeta}\underline{u}$ — багв. $\underline{\zeta}\underline{i}\underline{\zeta}\underline{u}$ 'красный'; авар. $\underline{\zeta}\underline{u}\underline{\zeta}\underline{a}$, кар. $\underline{\zeta}\underline{o}'\underline{a}$, год. $\underline{\zeta}\underline{u}\underline{\zeta}\underline{a}$ — багв. $\underline{\zeta}\underline{u}\underline{a}$ 'рыба' [24].

§ 13. Из материала, приведенного в § 11 и 12, явствует, что аффрикация глухих геминированных спирантов⁴ имеет место не только в аварском, но и в других аваро-андийских языках. Условия, при которых происходила или не происходила эта аффрикация, пока еще нам не ясны, так что в предварительном порядке мы должны характеризовать это явление как спорадическое. Во всяком случае, во всех ясных примерах речь идет об аффрикации "геминированного" спиранта — "краткие" спиранты никогда не подвергаются такой аффрикации.

§ 14. Противовес аффрикации "геминированных" спирантов представляет собой с п и р а н т и з а ц и я "кратких" аффрикат с инфраглоттальной экспирацией, то есть переход этих аффрикат в "краткие" спиранты. Это явление в различной мере охватывает все аваро-андийские языки за исключением ахвахского и имеет место во всех артикуляционных рядах. В противоположность обсуждавшейся выше аффрикации "геминированных" спирантов спирантизация кратких аффрикат с инфраглоттальной экспирацией проводится последовательно во всех языках, где действует этот процесс.

А. Исходная задневелярная "краткая" аффриката с инфраглотталь-

¹ Здесь знак $\underline{s}$, очевидно, обозначает $\underline{c}$ (ср. § 3).

² Соответствующие слова в кар. ($\underline{\chi}\underline{a}\underline{r}\underline{i}\underline{c}\underline{a}\underline{l}$) и багв. ($\underline{\chi}\underline{a}\underline{l}\underline{i}\underline{c}\underline{i}\underline{r}$), видимо, заимствованы из аварского (судя по с).

³ Здесь $\overline{\chi}$, вероятно, записано вместо $\overline{\chi}$.

⁴ То, что речь здесь идет об аффрикации спирантов, а не о спирантизации исходных аффрикат, доказывают приведенные в § 15 соответствия из других (не аваро-андийских) языков [25].

ной экспирацией *q̣ʰ сохранилась без изменения только в ахвахском¹. Во всех остальных аваро-андийских языках она перешла в "краткий" спирант q̣ʰ, который в дальнейшем разделил судьбу исходного "краткого" q̣ʰ (ср. §§ 8, 9). То, что ахвахский в данном случае оказывается архаичнее, чем все другие аваро-андийские языки, показывает сравнение с лакским, даргинским (хюркилинским) и чеченским. — Примеры: ахв. q̣ʰu — авар., анд. q̣ʰu и т. д. (ср. § 6 В) 'поле' (ср. лак. q̣ʰu, дарг. q̣ʰu, чеч. q̣ʰa 'поле'); ахв. q̣ʰedi — авар. q̣ʰadu-, анд. -eḡudu и т. д. (ср. § 6 В) 'за, после' (ср. лак. q̣ʰere- 'после, сзади', возможно, также чеч. q̣ʰāna 'завтра'); ахв. aq̣ʰogo- — авар. q̣ʰega-, анд. -oḡogo- и т. д. (§ 6 В) 'старый'; ахв. q̣ʰuani — анд. q̣ʰuami, год. q̣ʰuāi, чам. q̣ʰuati 'рыба'; (лак. aq̣ʰ, дарг. anq̣ʰ 'сад') — авар. aḡ, анд. oḡi 'сад' [26]; (дарг. miq̣ʰi 'грудь') — авар. mehed (< *meḡed; см. § 6 Г) 'грудь'; (дарг. miq̣ʰi, чеч. miq̣ʰ 'ячмень') — авар. miḡ (< *miḡ; см. § 6 Г) 'зерно'² [27].

Б. "Краткая" аффриката с инфраглоттальной экспирацией ṣʰ в большинстве аварских диалектов (во всяком случае, в vol mas) сохраняется без изменений; но в анцухском, по данным П. К. Услара, она перешла в ṣʰ. В нижеандийских языках ṣʰ также всюду перешел в ṣʰ, за исключением ахвахского языка, где ṣʰ развивается особым образом (ср. § 16 Аб). — Примеры: авар. ḡarasʰ — год. arsʰi, кар. arsʰe, анд. orsi³, ботл. arsi³, багв. as³, тинд. asi³ 'серебро' (ср. лак. arsʰu, дарг. arsʰ 'серебро'); авар. ṣʰa — анд. sʰol, ботл., чам., тинд. sʰalu, кар. sʰali, багв. sʰal, год. sʰuḡi 'зуб' (ср. дарг. sʰula 'зуб'); авар. ṣʰer — анд. sʰor, чам. sʰa лиса' (ср. лак. sʰulḡa 'лиса'); авар. ṣʰi — анд. sʰej, кар. s̄ij, багв., тинд. s̄i, ботл. s̄iji³, год. siḡi³, чам. sehin(?) [29] 'медведь' (ср. лак. sʰuḡa 'медведь'); авар. q̣ʰarisʰel, тинд. q̣ʰarisʰa 'коса, серп'⁴ [30]; авар. osʰ — анд. unsʰo, ботл., год., кар. unsʰa, тинд. m̄usʰa, багв., чам. musʰa 'бык' (ср. лак. nisʰ, дарг. uncsʰ 'бык'); авар. ṣʰosʰal 'друг друга' (от sʰo 'один') — анд. sʰonso 'друг друга' (ср. лак. sʰa, дарг. sʰa, чеч. sʰa 'один'); авар. sʰada-q̣ʰ (видимо, также от sʰo 'один') — тинд., багв. sʰanda, ботл. sʰandu, анд. sʰonni, год. sʰanu 'вместе' (ср. дарг. sʰadaḡ 'общность, пара', sʰaḡna- 'вместе').

В. "Краткий" ṣʰ в чамалинском [31] перешел в s̄ʰ, который, в отличие от старого s̄ʰ, не подвергся изменению в h (ср. § 6 Б). В остальных аваро-андийских языках ṣʰ сохраняется без изменений. Примеры: чам. iḡa — анд. iḡa 'кобыла'; чам. jaḡsʰal — анд. goḡosʰul, ботл. gaḡisʰal, ахв. gaḡisʰa, тинд. gaḡisʰar 'пояс' (ср. также кар., багв. gaḡuḡal, авар. gaḡel, laḡel 'пояс'); чам. eḡi — авар. ḡesʰ, кар., ахв. ḡesʰe, тинд. eḡi, анд. inḡi, ботл. inḡu, год. iḡu 'яблоко' (ср. лак. iḡ 'яблоко').

§ 15. Таким образом, спирантизация "кратких" аффрикат с инфраг-

¹ А. Дирр обозначает этот q̣ʰ той же самой буквой, что и q̣̄.

² Там, где чеч. q̣ʰ соответствует авар. q̣̄ (напр., чеч. miq̣ʰ — авар. miq̣̄ 'ус'), нужно, следовательно, предполагать заимствование (в авар. из чеч.?) [28].

³ В этих словах s, очевидно, следует понимать как ṣʰ (ср. § 3).

⁴ Слово состоит из q̣ʰarī- 'трава' (ном. авар. q̣ʰer) и отглагольного имени от корня √s 'косить': авар. -esʰize 'косить' (ср. лак. sʰulun 'косить').

лоттальной экспирацией — всеобщий процесс в аваро-андийских языках¹; более всего распространена спирантизация qχ̣, менее всего — č̣. Только ахвахскому языку это явление совершенно незнакомо. В остальных языках лишь в единичных случаях наблюдается сохранение "кратких" аффрикат. Так, в ботлихском в одном случае имеем qχ̣iǎji (= qχ̣iǎji?) 'рыба' [32] (при ботл. χ̣iri 'поле', -aχ̣aga - 'старый'), в каратинском — в одном случае с̣'e 'один'² (при arg̣'e 'серебро', ṣ'ali 'зуб', ṣ'ij 'медведь', unṣ'a 'бык'), в чамалинском — в одном случае б̣ξoč̣'a 'петух' (так в "Сборнике", XXXVI, с. 178).

§ 16. Для определения сущности противопоставления между "краткими" и "геминированными" фрикативными очень интересный материал дает ахвахский язык. В этом языке все "краткие" фрикативные s-ряда перешли в š-ряд, в то время как все "геминированные" š-звуки, наоборот, перешли в s-ряд.

Примеры:

А. К р а т к и е s-з в у к и п е р е х о д я т в š-з в у к и :

а) *ṣ > ахв. ṣ̌: ахв. miṣ̌'idi — авар., кар. meṣ'ed, тинд. meṣ'edi, год. miṣ̌'idi, анд., ботл. misidi³, багв. mesed³ 'золото' (ср. лак. muṣ'Γ 'золото'); ахв. iṣ̌'a — кар. eṣ'a, год., тинд. inṣ'a, багв. isa³, чам. insa³, анд. iso³ 'сыр' (ср. лак. niṣ' 'сыр', ген. niṣ'iral); ахв. ṣ̌'idi — анд. ṣ'oji, багв. ṣ'aj, тинд. ṣ'aji, год. ṣ'awu 'послезавтра' (ср. лак. ṣ'aganu 'послезавтра'); ахв. ṣ̌'uni — авар. ṣ'on, анд. ṣ'un, ботл., год., кар., багв. ṣ'uni, тинд. ṣ'oni 'вчера'; ахв. mēṣ̌'u (мн. ч. mēṣ̌'una) — авар. nuṣ', кар., тинд. beṣ'un, анд., ботл. год., багв., чам. besun³ 'нож';

б) *c̣ > ахв. č̣: ахв. č̣'e — авар. c̣'o, кар. c̣'e, год., тинд. ṣ'e 'один' (ср. лак. c̣'a 'один'); ахв. unc̣'a — авар. oc̣', анд. unc̣'o и т. д. (ср. § 14 Б) 'бык'; ахв. č̣'ilo — авар. c̣'a, анд. ṣ'ol и т. д. (ср. § 14 Б) 'зуб'; ахв. ač̣'i — год. arg̣'i, авар. ξagac̣' и т. д. (ср. § 14 Б) 'серебро'; ахв. beč̣'a — багв., кар., тинд. beṣ'a 'гора'⁴;

в) *ç > ахв. ç̣: ахв. aç̣a : авар. aпç, анд. hoç̣o, ботл., багв., тинд. haç̣a, чам. aç̣a, кар. haç̣ua 'десять' (ср. дарг. wiç̣, табас. jiç̣u 'десять'); ахв. haç̣a — авар. baç̣, ботл., год., кар., багв., чам. baç̣a, анд. boç̣o 'волк' (ср. дарг. βiç̣ 'волк'); ахв. ç̣in : авар. ç̣ija-, анд., ботл. ç̣ivu, багв. ç̣inu, кар. ç̣ejom 'новый' (ср. лезг. ç̣eji 'новый'); ахв. ç̣agi — авар., анд. ç̣a, ботл., год., кар., багв. ç̣aj, тинд. ç̣aji 'огонь' (ср. дарг. ç̣a, лезг. ç̣a 'огонь'); ахв.

¹ Спирантизация "кратких" аффрикат с инфраглоттальной экспирацией происходит и за пределами аваро-андийских языков, в частности в арчинском, в самурских языках и в удинском.

² Со словом "один" вообще в аваро-андийских языках связаны трудности. Закономерны только авар. c̣'o, ахв. č̣'e, год., тинд. ṣ'e (ср. лак. c̣'a и т. д.). В анд., чам, çe, багв. çe (<*çe) мы находим неожиданный ç̣, появление которого, видимо, можно приписать влиянию слова 'впереди' (тинд. ç̣eri и т. д.); ср. анд. ç̣eduçi 'первый', собственно 'передний' — от ç̣edu 'впереди': авар. çe-eçe 'первый'. Ботлихская форма çe совершенно непонятна.

³ Здесь под "s" следует, очевидно, понимать краткий ṣ' (ср. § 3).

⁴ В ахв. ṣ̌'ij 'медведь' *c̣ замещен ахвахским ṣ̌' (ср. авар. c̣'i 'медведь', § 14 Б). Это единственный известный нам случай спирантизации "краткой" аффрикаты с инфраглоттальной экспирацией в ахвахском языке (ср. § 15) [33].

çime — анд. çitug ‘вилка’; ахв. heçe — кар. heço, багв. heçu, анд. hirçi ‘высокий’; ахв. їча : ботл., багв., тинд. hinça, анд. hinço, авар. hiço ‘камень’; ахв. çaqıgu — ботл. себеқхего ‘кукуруза’; ахв. çараçau — год. çiuçau, кар. çawarçen, багв. çabarçi, тинд. çabaçıhu ‘радуга’.

Исключения налицо только в ахв. qıxaңca ‘уксус’ и yeçi ‘щипцы’ — и то, и другое, по-видимому, аварские заимствования (авар. qıxaңca ‘уксус’, yeç ‘щипцы’).

Б. ”Геминированные” s-звуки не изменяются:

а) *s = ахв. s: ахв. sabi, salı — анд. sob, ботл., год. sabu, кар., тинд. sabı, багв. saha ‘в прошлом году’; ахв. sigı — анд. sedu и т. д. (ср. § 11 Б) ‘впереди’; ахв. yunusa — авар. yamas, анд. yamarsu, ботл. yamarsa¹, год. yamarsu¹ ‘сундук’.

б) *s > ахв. c (спорадически, в соответствии с § 12Б) [34]: ахв. сого ‘осень’, sibogo ‘зима’ — год. siburu, ботл. siburu и т. д. (ср. § 12 Б) ‘зима’ (ср. лак. sūt ‘осень’).

в) *ç = ахв. ç: ахв. paçi — ботл., год., тинд. paçi [35], кар. paçe, анд. poçi, авар., багв. paç ‘вошь’; ахв. çağı — авар. çad, анд., чам. ça, ботл., год., кар., тинд. çaj, багв. çaji ‘дождь’; ахв. çağı — авар. çoa, год., кар. çaj, багв. çaга, анд. ça, ботл. çaji, тинд. çagu ‘звезда’; ахв. çunıñı — ботл. çınañı, год. çınaño, кар. çenañı, багв. çeneñ, тинд. çeneñı ‘коза’ (ср. также авар. ce, анд. çija ‘коза’); ахв. unçi — ботл., год. hunçi, кар. hunçe, тинд. hñçi, багв. hñç, авар. (najil) hoço ‘мед’; ахв. çıji — ботл., год. çijı, кар., багв., тинд. çıj, авар., анд. çun ‘орел’; ахв. vaçi — анд. voçi, ботл., год., кар. vaçi, тинд. waçi, багв. vaç (?), чам. vac (vac?), авар. wac ‘брат’; ахв. їco — анд., ботл., год. hinçu, багв. huç, авар. puça ‘дверь’; ахв. miçi — анд., ботл., год. miçi, багв., чам., тинд. miç, кар. maçi, авар. maç ‘язык’; ахв. boço (неточная запись вместо boço?) — анд. boçı, ботл., год. ruçu, кар. roço, тинд. boçu, багв., чам. boç, авар. moç ‘луна’; ахв. çeққа (çeқха?) — кар. çeқа, багв. çıқа, ботл. çeқа (çeқа?) ‘нога’; ахв. мн. ч. ruçu (где r- — классный элемент ”Genus plurale”) ‘овцы’ — багв. beçur, тинд. boçar, чам. boçaldā (где b- — классный элемент ”Genus singulare neutrum”) ‘овца’; ахв. çaга — кар., багв. çaга, анд. çado ‘пей!’ (возможно, сюда же и авар. çaj ‘тяни!’).

В. ”Геминированные” ř-звуки переходят в s-звуки:

а) *ř > ахв. s: ахв. ese- — тинд. iři- и т. д. (ср. § 6 Б) ‘наш’; ахв. siwo — тинд. řu и т. д. (ср. § 6 Б) ‘молоко’; ахв. hudusu — тинд. odořu- и т. д. (ср. § 6 Б) ‘его’;

б) *ç > ахв. ç: ахв. çede(-da) — авар. çedera-, ботл., год. çidir, кар. çederu-(çederu-?), багв. çerelu- ‘узкий’.

Исключение, возможно, представлено в ахв. řak‘ibi (řak‘ibi? или řak‘ibi?) ‘воробей’, где остальные нижеандийские языки отражают *ř (ср. в особенности тинд. řak‘ib, § 6 Б). Совершенно неясны соответствия в ахв. -aça (-aça?) ‘короткий, низкий’: чам. -ařaқı ‘короткий, низкий’ предполагает старый ř (ср. § 14 В), который также может быть от-

¹ Здесь под ”s” следует, очевидно, понимать ”геминированный” s (ср. § 3).

ражен в анд. -ošo, ботл. -ešeķi, год. -ašiki 'короткий, низкий' (если здесь š, как обычно, обозначает č); но, с другой стороны, в кар. ašačo (-ašačo?), багв. -ašaču (-ašaču?), тинд. -ešaču (-ešaču?) обнаруживается "геминированный" звук [36].

Г. "К р а т к и е" š-з в у к и н е и з м е н я ю т с я:

а) *š' = ахв. š': ахв. beš'ano — анд. beš'onu и т. д. (ср. § 6 Б) 'сто'; ахв. vaš'a — анд. voš'o и т. д. (ср. § 6 Б) 'сын'; ахв. reš'en — анд. reš'in и т. д. (ср. § 6 Б) 'небо'; ахв. ruš'a — анд. reš'u и т. д. (ср. § 6 Б) 'дерево'; ахв. toš'a — анд. tuš'i и т. д. (§ 6 Б) 'свинец';

б) *č' = ахв. č': ахв. гоlіč'a — анд. гоlоc'ul и т. д. (ср. § 14 В) 'пояс'; ахв. xeč'e — анд. inč'i и т. д. (§ 14 В) 'яблоко'; ахв. č'ani — кар., тинд. č'ani, багв. č'an, год. č'aj 'тур', авар. č'an 'дичь, зверь';

в) *č = ахв. č: ахв. čanti — тинд. čandi, анд. čonni, ботл., год. čanti, кар. čante, багв. čant, авар. čet 'блоха'; ахв. -ačida — авар. čečera-, анд. -ečedir, ботл., год. -ečer, кар. -ečatiru, багв. -ečeču-, тинд., чам. -ečaču- 'черный'.

§ 17. Переход "геминированных" š-звуков в s-звуки, кроме ахвахского, как будто бы имел место еще в чамалинском. Во всяком случае, *š отражается в чамалинском как s (ср. чам. isi- 'наш', mikisil 'кольцо на палец', ošu- 'его' — § 6 Б). Для č по случайности примеров не оказалось [37]. Что касается перехода "кратких" s-звуков в š-звуки, то он характерен только для ахвахского и чужд чамалинскому.

§ 18. Если мы суммируем результаты сказанного выше (§§ 6 — 17), то получим следующую картину:

А. Развитие "к р а т к и х" фрикативных в аваро-андийских языках осуществляется в принципе в сторону о с л а б л е н и я а р т и к у л я ц и и. Это ослабление проявляется в спонантизации "кратких" аффрикат с инфраглоттальной экспирацией (§ 14) и в ларингализации "кратких" глухих спонантов (§§ 6 — 8). Но и переход "кратких" s-звуков в š-звуки в ахвахском (§16 А) можно трактовать также как ослабление артикуляции. Из всех фрикативных как раз š-звуки обнаруживают самое узкое щелеобразование и самую маленькую плоскость трения¹. У s-звуков щель шире, а плоскость трения больше. Следовательно, переход s-звука в š-звук можно рассматривать как расширение щели и увеличение плоскости трения, то есть так же, как своего рода "ослабление" артикуляции.

Б. Напротив, развитие "геминированных" фрикативных в аваро-андийских языках в принципе осуществляется в сторону с у ж е н и я. Это сужение, с одной стороны, проявляется в аффрикации "геминированных" спонантов (§ 11 — 13), с другой стороны — в переходе "геминированных" š-звуков в s-звуки (§§ 16 В, 17), который в соответствии с вышесказанным также может рассматриваться как сужение щели и уменьшение плоскости трения.

§ 19. Таким образом, между направлением развития "кратких" фрикативных, с одной стороны, и направлением развития "геминирован-

¹ Характерно, что s' — единственный "краткий" глухой спонант, который ни в одном аваро-андийском языке не переходит в h (или x) (§ 8).

ных” фрикативных — с другой, налицо прямая противоположность. Эта противоположность необъяснима, пока мы усматриваем сущность различия между ”краткими” и ”геминированными” фрикативными только в их длительности, в их количестве. Поэтому мы приходим к выводу о том, что сущность этого различия не в количестве, но в работе и положении соответствующих речевых органов. При ”геминированных” фрикативных речевые органы должны быть более энергично напряжены, чем при ”кратких”; соответственно и ”щель”, необходимая для артикуляции фрикативного шума (”фрикционная щель”), у ”геминированных” должна быть уже, чем у соответствующих ”кратких”. Чтобы выразить эту существенную особенность терминологически, мы должны заменить выражение ”геминированные фрикативные” на выражение ”сильные”, ”напряженные” или ”узкощелевые фрикативные”, а выражение ”краткие фрикативные” — на ”слабые”, ”ненапряженные”, ”вялые” или ”широкощелевые фрикативные”.

§ 20. Что касается квантитативного различия, которое, по данным всех наблюдателей, существует между двумя разновидностями аваро-андийских фрикативных¹, то это различие несущественно, вторично и само вытекает из фундаментального различия в работе и положении речевых органов. В соответствии со сказанным выше (§ 19), выдыхаемый воздух на пути через полость рта в случае с ”сильными” фрикативными должен наталкиваться на большее препятствие, чем в случае со ”слабыми”, и это различие в силе препятствия отражается также на темпе экспирации и, следовательно, на длительности этих звуков.

§ 21. То обстоятельство, что различие между ”сильными” и ”слабыми” фрикативными является именно динамическим различием, объясняет и еще одну особенность этих звуков. По сведениям А. Дирра, андийский (и, видимо, вообще аваро-андийский) s’ ”сопровождается слабым придыханием”. То же самое, вероятно, можно сказать и о прочих ”слабых” фрикативных с инфраглоттальной экспирацией в аваро-андийских языках. Напротив, у соответствующих ”сильных” фрикативных аспирация не отмечается. Это противопоставление можно объяснить следующим образом. ”Сила” шумного звука может быть измерена по соотношению между массой выдохнутого воздуха и тем противодействием, с которым столкнулся поток этого воздуха в полости рта. Так как между ”сильными” и ”слабыми” фрикативными звуками, как уже было сказано, существует динамическое различие, то при ”отчетливом произношении” эти два типа фрикативных могут противопоставляться двояким образом: либо тем, что напряженность речевых органов при артикуляции ”сильных” фрикативных увеличивается, а при артикуляции ”слабых” уменьшается, либо тем, что при произнесении ”слабых” фрикативных выталкивается больше воздуха, чем при произнесении ”сильных”. Но последнего результата можно добиться

¹ Впрочем, нужно заметить, что А. Дирр при определении различия между андийскими qx и ḡx упоминает только о большей напряженности ḡx, а о квантитативном различии в данном случае не говорит ничего.

только за счет более широкого раскрытия голосовой щели при артикуляции "слабых" фрикативных по сравнению с "сильными". А это должно приводить к аспирации "слабых" и к "неаспирации" "сильных" фрикативных. За счет этого различия в степени раскрытия голосовой щели, естественно, увеличивается различие и в темпе выдыхания воздуха (и, следовательно, также в длительности соответствующих звуков): когда голосовая щель "слегка приоткрыта", выдыхание воздуха осуществляется медленнее, чем когда она "открыта широко".

§ 22. Итак, существенное различие между "сильными" и "слабыми" фрикативными в аваро-андийских языках заключается в том, что речевые органы полости рта при произнесении "сильных" фрикативных звуков более напряжены, чем при артикуляции "слабых". Следствием этого различия является тот факт, что необходимая для образования шума фрикционная щель в полости рта при "сильных" фрикативных оказывается уже, чем при "слабых". Побочное явление заключается в том, что "напряженные" фрикативные имеют большую длительность, чем "слабые". При инфраглоттальной экспирации к этому добавляется еще одно побочное явление, а именно голосовая щель при "слабых", фрикативных оказывается раскрытой шире, чем при "сильных", в результате чего "слабые" слегка аспирированы, а "сильные" совсем не аспирированы. Но все эти побочные явления¹ несущественны, они могут иногда отсутствовать или же реализоваться в очень слабом и неполном виде, никак при этом не затрагивая субъективно-фонетического звукопредставления говорящего.

§ 23. Определенная выше сущность интересующих нас звуков объясняет и трудности их восприятия. Ведь как раз те побочные явления, о которых мы только что говорили и которые несущественны для субъективно-фонетического языкового сознания носителя, акустически воспринимаются легче всего. Поэтому слушателю невольно кажется, что именно эти акустически легко различимые противопоставления "долгих" и "кратких" или "непридыхательных" и "придыхательных", собственно, и отражают сущность соответствующих звуков. Он направляет все свое внимание на эти явления, и каждый раз, когда они отсутствуют, оказывается в затруднительном положении. Нужно специально подчеркнуть, что в таких языках, как аваро-андийские, где имеется противопоставление "сильных" и "слабых" фрикативных, это противопоставление распространяется на все фрикативные. Для субъективно-фонетического языкового сознания носителя каждый фрикативный является либо "сильным", либо "слабым"; "нейтральных" фрикативных это языковое сознание не признает². Однако иноязычному наблюдателю, который не

¹ Таким же побочным явлением выступает "хриплый" увулярный (глухой) дрожащий звук, обычно имеющий место при артикуляции "сильного" $\bar{\chi}$ (в противовес "слабому" $\acute{\chi}$), а также, видимо, сильных заднеязычных аффрикат ($q\bar{\chi}$ и (χ)). Эта особенность объясняется тем, что "фрикционная щель" (то есть в данном случае пространство между задней частью спинки языка и стенкой глотки) у $\bar{\chi}$ уже, чем у $\acute{\chi}$.

² Интересно сообщение Услара (с. 12) о том, что аварцам, знакомым с рус-

Проник в субъективно-фонетическое языковое сознание носителя и обращает свое внимание целиком на несущественное, второстепенное акустическое противопоставление "кратких" и "долгих" или "придыхательных" и "непридыхательных", любой сильный фрикативный с не вполне отчетливо выраженной "долготой" и любой слабый фрикативный с не вполне отчетливо выраженной "придыхательностью" кажется "нейтральным" фрикативным¹. Так возникают неточные записи, которые, возможно, до некоторой степени соответствуют акустической ситуации, но не отражают существенного артикуляционного положения дел. Там, где А. Дирр записывает s'(с), можно с уверенностью предполагать наличие "слабого" s'; точно так же можно быть уверенным, что там, где в записях А. Дирра фигурирует буква s̲(с), действительно представлен "сильный" s̲; но там, где А. Дирр записывает простой "нейтральный" s(с), нельзя установить, отражает ли это написание "слабый" спирант без отчетливого придыхания или же "сильный" спирант без отчетливого удлинения. Помочь здесь может только сравнение с другими языками: так, по всей видимости, s в анд. sangar (*сангар*) 'забор' нужно толковать как s̲ (ср. авар. s̲angar); напротив, s в анд. misa (*миса*) 'место' — как s' (ср. кар., багв., тинд. mis'a) и т. п. Точно так же двусмысленны используемые А. Дирром написание ŝ(ш), η, č(ч), в некоторых случаях — также χ(x) и qχ(k').

§ 24. Нам представляется, что выше (§§ 18 — 23) мы дали ответ на вопрос, поставленный в § 5, — о сущности противопоставления между "краткими" и "геминированными" фрикативными. Сейчас нам остается еще только проанализировать особые случаи, возникающие при сочетании этого противопоставления с двумя другими, перечисленными в §§ 4 — 5.

§ 25. По Л. Жиркову, все аварские звонкие спиранты (z, ž, γ) являются "геминированными". Так как употребляемый Л. Жирковым термин "геминированный" в прочих случаях соответствует нашему термину "сильный", можно было бы считать аваро-андийские звонкие спиранты сильными. Но такое предположение противоречило бы данным ахвахского языка. В нем, как известно (§ 16 В), сильные ž-звуки перешли в s-звуки. Если бы аваро-андийский ž действительно был "сильным", он должен был в ахвахском превратиться в z. Но на самом деле, аваро-андийский ž в ахвахском сохраняется без изменения: ахв. žomi — багв. žim 'трава'; ахв. žereš'e — анд. žereš'ina 'в этом году' (ср. авар. žač̣xa 'сегодня'); ахв. āžit'e — анд. anžidi, кар. anžit'o, багв. āžit 'топор'; ахв. γaža — анд., кар., тинд. γaži, ботл., год. γaži, авар. γež 'рука'². Что касается аваро-андийского z, то он переходит в ахв. ž: ахв. žari — ботл., год., кар., тинд. zari, анд., багв. zar, чам. zaa 'лед, град'; ахв. žo — анд. zibu, ботл., год. zibu, кар., тинд. zebu, багв. zeb 'день'; ахв. āži — анд.,

ским языком, кажется, что они и в русском улавливают привычное для их языкового сознания противопоставление между сильным s̲ и слабым s'.

¹ Точно так же не совсем отчетливо "хриплый" χ̄ должен производить впечатление "нейтрального" χ.

² Отклоняется только ахв. zeŋa — анд. žeŋal 'сегодня' [38].

ботл., год., кар., тинд. anzi, чам. žzi, багв. žzu, авар. Ʒazo 'снег'¹. В соответствии с тем, что нам известно о звуковых законах ахвахского языка (§ 16), такой переход z в ž был бы невозможен, если бы аваро-андийский *z, действительно, был сильным звуком. Трактовка аваро-андийских z и ž в ахвахском заставляет нас предполагать, что эти звуки обладают тем же типом фрикции, что и слабые s' и š'.

§ 26. Из § 25 следует, что аваро-андийские звонкие спиранты z, ž, γ, с одной стороны, имеют такую же длительность, как сильные глухие s, š, χ̄ (почему Л. Жирков и определяет их как "геминированные"), а с другой стороны, они обладают такой же относительно широкой фрикционной щелью, как слабые глухие s', š', χ̇ (отчего в ахвахском ž сохраняется, а z переходит в ž̇). Эта своеобразная комбинация признаков объясняется, по-видимому, тем, что колебание голосовых связок значительно ослабляет выдыхаемый поток воздуха у z, ž, γ, так что при положении голосовой щели, необходимом для озвончения, воздух выталкивается еще медленней, чем при "слегка открытом" положении голосовой щели, характерном для s, š, χ̄. Отсюда следует, что длительность спирантов в аваро-андийских языках прямо пропорциональна степени напряженности речевых органов и обратно пропорциональна скорости воздушного потока. Можно, с одной стороны, различать две степени напряженности — "слабую" и "сильную" артикуляцию речевых органов, — а с другой стороны — три степени скорости воздушного потока: медленную (при положении голосовой щели, необходимом для озвончения), среднюю (при "слегка открытом" положении голосовой щели) и быструю (при "широко открытой" голосовой щели). Сочетание 1-й степени напряженности с быстрым воздушным потоком дает краткие спиранты (s', š', χ̇), сочетание той же 1-й степени напряженности с медленным воздушным потоком, равно как и сочетание 2-й степени напряженности с средним воздушным потоком дает долгие спиранты (z, ž, γ или s, š, χ̄). Сочетание 2-й степени напряженности с медленным воздушным потоком дало бы сверхдолгие глухие спиранты, но практически такая комбинация не встречается. Что касается двух других возможных комбинаций ("слабая артикуляция речевых органов + средний поток воздуха" и "сильная артикуляция речевых органов + быстрый поток воздуха"), то хотя они иногда (спорадически) и встречаются, но не имеют самостоятельного значения: для субъективно-фонетического языкового сознания носителей они вообще не существуют, а на иноязычного наблюдателя они, вероятно, производят вышеупомянутое (§ 23) впечатление "нейтральных" спирантов.

§ 27. Система аваро-андийских а ф ф р и к а т отличается от системы аваро-андийских спирантов тем, что в ней не допускается положение голосовой щели, необходимое для озвончения. Вместо этого система аффрикат допускает особую гортанную артикуляцию, неизвестную в

¹ В некоторых случаях, однако, z в ахвахском сохраняется. Ахв. lezi 'желтая медь' представляет собой тюркизм (тюрк. jöz). Об ахв. žzo 'кувшин для воды' трудно судить, поскольку параллели из других языков отсутствуют. Отклоняется от нормы ахв. zivü — анд. zivu 'корова' [39].

системе спирантов, а именно — смыкание гортани и связанную с ним супраглоттальную экспирацию. Поток воздуха при этой разновидности экспирации столь же быстр, как и при "широко открытой" голосовой щели. Однако выдыхаемая масса воздуха гораздо меньше, поскольку состоит только из того воздуха, который скапливается между сомкнутой гортанью и смычкой в полости рта, тогда как при инфраглоттальной экспирации с "широко открытой" голосовой щелью воздух движется непосредственно из легких. Поэтому давление воздушного потока у аффрикат с супраглоттальной экспирацией должно быть слабее, чем у аффрикат с инфраглоттальной экспирацией и широко открытой голосовой щелью. Если у последних взрыв или размыкание смычки происходит довольно легко, то у соответствующих аффрикат с супраглоттальной экспирацией подобный взрыв должен всегда быть связан с некоторым затруднением. Этим, между прочим, объясняется то, что *ç* во всех аваро-андийских языках сохраняется как аффриката (примеры см. в § 16 А в) и нигде не теряет смычку, тогда как соответствующая аффриката *ç'* с инфраглоттальной экспирацией и "широко открытой" голосовой щелью в большинстве аваро-андийских языков переходит в *s'* (§ 14 Б). Аналогичным образом в чамалинском языке *ç* сохраняется (ср. чам. *-eçatu-* — анд. *-eçedir* 'черный', чам. *aça* — анд. *hoço* 'девять', чам. *huça* — анд. *hunça* 'сено', чам. *beçin* — ботл., год., багв., тинд. *beçin*, кар. *beçin*, авар. *p'uğçina* 'ячмень'), в то время как *ç'* в этом языке переходит в *š'* (§ 14 В). Что касается спирантной части слабых аффрикат с супраглоттальной экспирацией, то она должна быть еще короче, чем у соответствующих аффрикат с инфраглоттальной экспирацией, так как выталкиваемая масса воздуха при супраглоттальной экспирации меньше, чем при инфраглоттальной.

§ 28. Обе упомянутые в § 27 особенности слабых аффрикат с супраглоттальной экспирацией — несколько затрудненный взрыв смычки и особенно малая длительность спирантной части — обусловлены тем, что выталкиваемая воздушная масса при супраглоттальной экспирации относительно невелика. Но эта масса тем меньше, чем меньше расстояние между сомкнутой гортанью и смычкой в полости рта. Меньше всего это расстояние оказывается при артикуляции задневелярной аффрикаты *q̣x*, в результате чего в данном случае вышеупомянутые особенности проявляются с максимальной силой. Спирантная часть *q̣x* так кратка, что эта аффриката производит впечатление взрывного (*q̣*). Что касается взрыва смычки в полости рта, то он в случае *q̣x* настолько затруднен, что фактически сохранился только в андийском и ахвахском языках; только эти два нижнеандийских языка сохранили старый **q̣x* как таковой; в остальных нижнеандийских языках **q̣x* (собственно, **q̣x*) заменился ларингальными смычными ' или ξ ¹.

¹ Переход *q̣x(q̣)* в ' или ξ можно, видимо, представлять себе следующим образом: весьма затрудненный взрыв задневелярной смычки при произнесении этого звука сначала был заменен на размыкание этой смычки, которое, однако, было настолько плохо различимо акустически, что на слух воспринималась почти исключительно только эксплозия гортанной смычки, которая в итоге одна и сохранилась.

В ботлихском мы в таких случаях обнаруживаем γ , который, однако, развился не прямо из $*\dot{q}x$, но из промежуточного ε [40].

Примеры: анд. -о $\dot{q}$ хо-, ахв. бо $\dot{q}$ хо- — ботл. бу γ и, год. бу'и, кар., тинд. бо'о, багв. бо'и, чам. бо ε о 'четыре'; анд. $\dot{q}$ хаб, ахв. $\dot{q}$ хабе — ботл. γ аби, кар. 'abu-, багв. ε abu- 'широкий'; ахв. $\dot{q}$ xeli — ботл. γ eli, год. 'ele, кар. 'eli, багв., чам. 'el, 'рот'; анд. $\sqrt{ha}\dot{q}x$ — ботл. $\sqrt{ha}\gamma$, год., кар. $\sqrt{h\ddot{a}}$, тинд. $\sqrt{h\ddot{a}}$, багв. $\sqrt{han}$ 'видеть'; анд. $\sqrt{-i}\dot{q}x$ — ботл. $\sqrt{\gamma}$, год., багв. $\sqrt{-a}$, чам. $\sqrt{-\ddot{\varepsilon}}$ 'приходить'; (анд. $\dot{q}x\text{uon}$ 'рог?') — ботл. γuani , год. 'w uani , багв. 'un, чам. 'upu, тинд. 'oni 'голова'; — ср. еще ботл. -i γ a-, год. -i ε a-, кар. -e'a- 'спелый'.

Спорадически переход $*\dot{q}x$ в ε встречается также в аварском: авар. ε eba- 'широкий', анцух.-авар. un ε 'четыре'. Возможно, такой же ε из $*\dot{q}x$ представлен также в топониме авар. ε andi '(село) Анди': ср. анд. $\dot{q}x\text{uani}$ (< $*\dot{q}x\text{uandi}$) 'Анди' [41].

§ 29. Слабые аффрикаты с инфраглоттальной экспирацией (с', с̣', $\dot{q}x$) отчетливо отличаются от соответствующих сильных (с, с̣, $q\bar{x}$) и никогда с ними не смешиваются. Напротив, соответствующие слабые аффрикаты с супраглоттальной экспирацией (с̣, с̣', $\dot{q}x$) иногда обнаруживают тенденцию к переходу в сильные с, с̣, $\dot{q}x$.

А. Спорадический переход с̣ в с̣ имеет место в годоберинском и тиндинском. Годоберинский имеет с̣и̣ 'новый' (=авар. с̣ija- и т. д.), hiс̣i 'высокий' (= анд. hiс̣i и т. д.), haс̣a 'десять' (=авар. anс̣ и т. д.), -eс̣ibu-¹ 'полный' (= кар. -eсо- и т. д.), но наряду с этим — haс̣a- 'белый', baс̣a 'волк', са̣j 'огонь', с̣iuс̣au 'радуга', γ ус̣о 'щипцы' и т. д. Тиндинский также, с одной стороны, имеет с̣ihu- 'новый', baс̣a 'волк', heс̣u 'высокий', а с другой стороны — hiпса 'камень', haс̣a 'десять', са̣ji 'огонь', -eс̣u- 'полный'. Из андийского мы можем привести только -iс̣ib 'полный' (и $\sqrt{-i}\text{с̣}$ 'наполнять' = $\sqrt{\text{с̣}}$) [42].

Б. В ахвахском, где $\dot{q}x$ в принципе (§ 28) сохраняется, мы наряду с бо $\dot{q}$ хо- 'четыре', $\dot{q}$ хабе- 'широкий' и $\dot{q}$ xeli 'рот' находим также некоторые формы, в которых $*\dot{q}x$ заменен на $\ddot{q}x$, например: -o $\ddot{q}$ ха 'приходи!' (= анд. $\sqrt{-i}\dot{q}x$ и т. д.), $\sqrt{\ddot{q}}$ хап- 'есть' (~ ботл. $\sqrt{\gamma}$ ап, год. $\sqrt{'am}$ 'есть'). Сходно также в андийском, например: $\sqrt{\ddot{q}}$ хат 'кусать' (~ ботл. $\sqrt{\gamma}$ ап, год. $\sqrt{'am}$ 'есть'), может быть, e $\ddot{q}$ xub 'сухой' (ср. арч. $\dot{q}x\text{uras}$ 'сохнуть'). В аварском $\ddot{q}x$ — обычный рефлекс старого $*\dot{q}x$: авар. un $\ddot{q}$ x 'четыре' (= анд. -o $\dot{q}$ хо), $\ddot{q}$ xes 'спор' (= анд. $\dot{q}$ xes), -a $\ddot{q}$ хоа 'сухой' и т. д. Из других языков можно привести только кар., багв. $\sqrt{\ddot{q}}$ хат 'есть' [43].

В. Переход с̣ > с̣ можно проиллюстрировать только совершенно изолированным примером: тинд. hiпс̣а ~ анд., ботл., год., кар., багв. hiпс̣а, чам. hiс̣а 'сено' [44]. В остальных случаях с̣ в тиндинском не изменяется (ср. тинд. haс̣ца 'девять', с̣andi 'блоха', γ уагс̣а 'косуля', -eс̣uda- 'пустой',

¹ Так, во всяком случае, в "Сборнике", XL, с. 14, в то время как в словнике (там же, с. 106) стоит год. -eс̣ibu-.

-içatı- ‘черный’, beçin- ‘ячмень’¹).

§ 30. В рамках слабой артикуляции аффрикаты с инфраглоттальной экспирацией (с', ç', q̣χ) четко отличаются от соответствующих аффрикат с супраглоттальной экспирацией (с, ç, q̇χ): ни в одном языке не наблюдается переход с', ç' > с, ç, или наоборот. Напротив, при сильной артикуляции мена способа экспирации встречается нередко.

А. В тиндинском часто λ выступает на месте λ̣: тинд. i̇la ‘мы’ (~ анд. i̇lil), iṅli ‘шесть’ (~ анд. oṅli), ėleri ‘рядом’ (~ анд. legu). В других языках этот переход редок: чам. q̇xajil̇ — кар. q̇xajil̇ ‘голубой’ [45].

Б. В ахвахском иногда на месте q̇χ обнаруживаем соответствующую аффрикату с супраглоттальной экспирацией (А. Дирр в таких случаях пишет q, то есть q̇χ, но речь, вероятно, идет о сильной аффрикате, то есть q̇χ): ахв. √ q̇χuag (q̇χuag?) — анд., ботл., год., кар., багв. √ q̇χuag, авар. √ q̇χua ‘писать’; ахв. i̇nq̇χu (i̇nq̇χu?) — ботл., год. aq̇χu ‘нога’ [46].

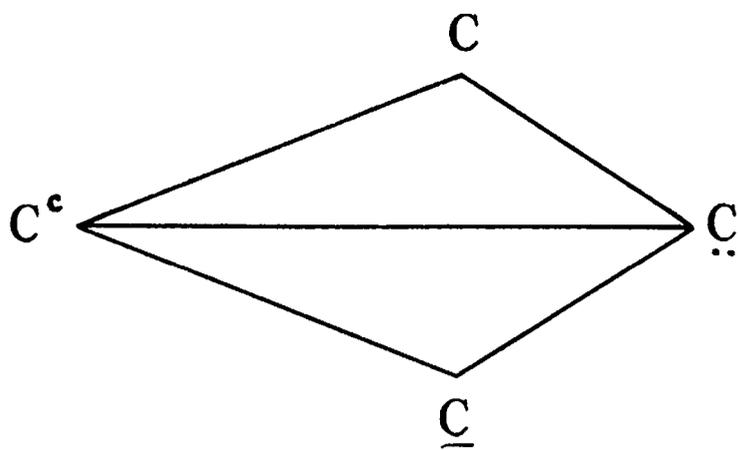
В. Аварский дважды имеет с̣ там, где прочие аваро-андийские языки заставляют ожидать с: авар. i̇s — анд. iṅsi ‘родник’ (ср. дарг. ε ini̇3²) авар. waṣ — анд. vos̄i и т. д. ‘брат’ (ср. дарг. u̇3²) [48]. Наблюдается ли подобное явление в других аваро-андийских языках, мы определить не можем, поскольку А. Дирр на письме не обозначает различие между с̣ и с: и тот, и другой звук он обозначает подчеркнутой русской буквой ц³; точно так же А. Дирр не различает ç̣ и ç̣̣, обозначая оба звука подчеркнутым русским ч. Но эта особенность транскрипции А. Дирра показательна сама по себе: она демонстрирует, что различие между супраглоттальной и инфраглоттальной экспирацией у сильных аффрикат значительно слабее, чем у слабых.

§ 31. Факты, приведенные в §§ 29 и 30, показывают, что сильные аффрикаты с супраглоттальной экспирацией весьма тесно соприкасаются, с одной стороны, со слабыми аффрикатами с супраглоттальной экспирацией, а с другой стороны — с сильными аффрикатами с инфраглоттальной экспирацией, в то время как слабые аффрикаты с инфраглоттальной экспирацией четко отделены от всех этих видов аффрикат. Графически акустическое и артикуляторное сходство четырех видов аваро-андийских аффрикат можно было бы приблизительно отразить в следующей ниже схеме (см. на с. 267).

¹ Обратный переход с, ç, q̇χ > с', ç', q̣χ встречается много реже. На с > с' мы можем привести только ботл. seqa ‘нога’ (~ ахв. seqxa; § 16 Б в), на ç > ç' — только кар. çedegu- ‘узкий’ (= авар. çedega-, ботл. год. çidig и т. д.; § 16 В б). Несколько чаще в различных нижеандийских языках (за исключением андийского и ахвахского) встречается переход q̇χ > q̣χ: год. q̇χinu ‘лето’, hanq̇χo [47] и т. д.

² Даргинскому з (dz) может соответствовать только аваро-андийский с [49]: дарг. zaβ — авар. sad, анд. sa ‘дождь’; дарг. zi — авар. san, анд. son ‘соль’; дарг. miž — авар. mas, анд. miçi ‘язык’; дарг. unza — авар. pusa, анд. hinçi ‘дверь’; дарг. vaz — авар. mos, анд. bogçi ‘луна’.

³ В своей арчинской грамматике А. Дирр этой буквой обозначает также два генетически и артикуляционно различных звука: с̣ и с.

§ 32. Особое положение сильных аффрикат с супраглоттальной экспирацией должно основываться на их артикуляционных характеристиках. До опубликования обещанного Н. Ф. Яковлевым подробного описания аварской фонетической системы, конечно, о характеристиках упомянутых аффрикат можно делать лишь чисто теоретические предположения. На основании истории развития этих звуков предварительно можно сказать следующее. От слабых аффрикат с супраглоттальной экспирацией сильные отличаются, вероятно, не только степенью напряженности речевых органов, но и более энергичным и быстрым поднятием сомкнутой гортани: иначе вряд ли было бы возможно разомкнуть смычку в полости рта, которая при сильных аффрикатах значительно прочнее, чем при слабых. Более энергичное и быстрое поднятие гортани увеличивает давление супраглоттальной массы воздуха, но не увеличивает объем этой массы, который остается относительно небольшим и оказывается достаточным лишь для взрыва (размыкания) смычки в полости рта, но недостаточным для произведения фриктивного шума, который должен был бы за этим следовать. Поэтому почти одновременно с взрывом смычки в полости рта должно происходить и размыкание гортанной смычки, и голосовая щель должна принимать "слегка открытое" положение, так что лишь смычная часть аффрикаты артикулируется с супраглоттальной экспирацией, а спирантная часть (или по крайней мере ее окончание) артикулируется уже с инфраглоттальной экспирацией при "слегка открытой" голосовой щели. Тем самым работа гортани при артикуляции "сильных аффрикат с супраглоттальной экспирацией" заключается в переходе от гортанной смычки к "слегка открытому" положению голосовой щели. Если такая трактовка механизма сильных аффрикат с супраглоттальной экспирацией правильна, то все факты, перечисленные в §§ 29 и 30, получают удовлетворительное объяснение. Переход $\zeta, \dot{\zeta}$ в $\zeta, \ddot{\zeta}$ (§ 29) имеет место, когда поднятие гортани производится несколько энергичнее и быстрее, чем при обычных $\zeta, \dot{\zeta}$; такое ускоренное поднятие гортани обуславливается потребностью усилить слабое давление супраглоттальной воздушной массы (ср. §§ 27 и 28); однако такое ускорение приводит к тому, что быстро выдыхаемой супраглоттальной воздушной массы уже не хватает для производства отчетливо различимого фрикционного шума, так что голосовую щель приходится "слегка открывать" и спирантную часть аффрикаты артикулировать уже

с инфраглоттальной экспирацией. Происходящие таким образом из ζ , $\zeta\bar{x}$ сильные ζ , $\zeta\bar{x}$, возможно, первоначально были не вполне тождественны нормальным ζ , $\zeta\bar{x}$, поскольку еще сохраняли "слабую", малонапряженную артикуляцию речевых органов¹, но со временем это различие, по видимому, было устранено. — Переход λ , $q\bar{x}$ в λ , $\zeta\bar{x}$ (§ 30 А, Б) происходит тогда, когда сужение голосовой щели, характерное для сильных аффрикат с инфраглоттальной экспирацией, настолько форсируется уже в момент имплозии этих аффрикат, что возникает полное смыкание гортани; эта гортанная смычка затем автоматически вызывает супраглоттальную экспирацию, то есть поднятие гортани при артикуляции первой (смычной) части аффрикаты. И здесь первоначально, может быть, не было полного тождества с нормальными λ , $\zeta\bar{x}$, поскольку поднятие гортани осуществлялось не столь быстро и энергично², но со временем это различие, должно быть, пропало. — Переход ζ в ζ (§ 30 В) происходит в результате антиципации "слегка открытого" положения голосовой щели уже в момент имплозии аффрикаты: такая антиципация легко понятна, поскольку супраглоттальная начальная часть ζ должна быть очень краткой.

§ 33. Итак, во всех этих случаях речь идет о совсем небольших промахах, весьма незначительных ошибках в работе гортани. В результате возникают особые звуковые нюансы (как, например, сочетание ζ -артикуляции гортани с ζ -артикуляцией языка или наоборот), которые языковым сознанием сначала воспринимаются как фонетические варианты одной, а затем — как фонетические варианты другой "фонемы". Ведь собственно звуковое изменение происходит только тогда, когда имеет место подобный сдвиг в субъективно-фонетической трактовке соответствующих звуковых вариантов: пока сочетание ζ -артикуляции в полости рта с ζ -артикуляцией гортани воспринимается как фонетический вариант ζ , еще нельзя говорить об изменении $\zeta > \zeta$; но как только это сочетание начинает восприниматься как фонетический вариант ζ , то это значит, что изменение $\zeta > \zeta$ уже произошло. Этим объясняется также и спорадический характер звуковых изменений, перечисленных в §§ 29, 30 [50].

---

§ 34. Мы подробно исследовали систему аваро-андийских фрикативных и можем сейчас суммировать результаты этого исследования.

I. По характеру работы речевых органов, в частности языка, аваро-андийские фрикативные можно прежде всего подразделить на два больших класса: спиранты и аффрикаты.

II. В соответствии со степенью напряженности языка в каждом из двух классов фрикативных можно выделить по два спосо-

¹ Может быть, колебания А. Дирра между написанием $-e\zeta i b u$ и $e\zeta i b u$ в годоберинском (см. выше, с. 265, прим. 1) можно истолковать в этом смысле.

² Ср. особое написание авх. $\zeta\bar{x}$, происходящего из $q\bar{x}$, у А. Дирра (см. выше, § 30Б).

б а р т и к у л я ц и и:

а) слабый и б) сильный.

III. В соответствии с местом, откуда вытекает выдыхаемый воздух, мы различаем два способа экспирации: инфраглоттальный, который характеризует как спиранты, так и аффрикаты, и супраглоттальный, присущий только аффрикатам.

IV. Мы различаем следующие основные типы работы гортани:

а) голосовая щель широко открыта, голосовые связки не напряжены, воздушный поток быстрый;

б) голосовая щель слегка открыта, голосовые связки не напряжены, воздушный поток несколько медленнее, чем в случае "а";

в) голосовая щель слабо сомкнута, голосовые связки напряжены, воздушный поток медленный, приводящий голосовые связки в колебательное движение;

г) голосовая щель прочно сомкнута, вся гортань поднята, выталкивание воздуха, осуществляемое за счет поднятия гортани, происходит довольно быстро.

д) голосовая щель, как и в случае "г", прочно сомкнута, но поднятие гортани осуществляется энергичнее и быстрее, чем при "г", поток воздуха очень быстрый.

Из этих типов первые три относятся к инфраглоттальной, а последние два — к супраглоттальной экспирации. Типы "г" и "д" могут также вступать в комбинации с "б".

V. Комбинация язычных артикуляций, перечисленных в II, с гортанными артикуляциями, перечисленными в IV, дает различные типы звуков, из которых только пять играют самостоятельную фонемную (смыслообразующую) роль, а именно:

$\frac{a}{a}$ — как у аффрикат ($c', \check{c}', q\check{x}$), так и у спирантов ($s', \check{s}', \check{\chi}, \check{\eta}$); это "слабые аффрикаты и спиранты с инфраглоттальной экспирацией";

$\frac{b}{\beta}$ — как у аффрикат ($c, \check{c}, q\bar{x}, k\bar{x}, \lambda$), так и у спирантов ($s, \check{s}, \bar{\chi}, \bar{x}, \bar{\eta}$); это "сильные аффрикаты и спиранты с инфраглоттальной экспирацией";

$\frac{a}{\gamma}$ — только у спирантов ($z, \check{z}, \gamma$); это "звонкие спиранты";

$\frac{a}{\delta}$ — только у аффрикат ($c, \check{c}, q\check{x}$); это "слабые аффрикаты с супраглоттальной экспирацией";

$\frac{b}{\epsilon + \beta}$ — только у аффрикат ($c, \check{c}, q\check{x}, kx, \lambda$); это "сильные аффрикаты с супраглоттальной экспирацией".

Кроме этих пяти основных типов с фонологической значимостью, иногда встречаются и некоторые другие типы, не играющие, однако,

самостоятельной фонологической роли и воспринимаемые субъективно-фонетическим языковым сознанием только как звуковые варианты

других фонем. Так, тип $\frac{a}{\beta}$ субъективно-фонетически должен восприниматься как вариант типа $\frac{a}{a}$, тип $\frac{b}{a}$ — как вариант типа $\frac{b}{\beta}$, тогда как иноязычный наблюдатель воспринимает как $\frac{a}{\beta}$, так и $\frac{b}{a}$ в качестве "нейтральных" фрикативных с инфраглоттальной экспирацией. У аффрикат с супраглоттальной экспирацией могут иногда наблюдаться также типы $\frac{a}{\epsilon + \beta}$ и $\frac{b}{\delta}$ или $\frac{b}{\delta + \beta}$, причем иноязычный наблюдатель по большей части отождествляет эти типы с $\frac{b}{\epsilon + \beta}$.

Итак, пышное разнообразие аваро-андийских шумных согласных обуславливается сочетанием разнообразных нюансов в силе экспираторного воздушного давления с двумя степенями напряженности речевых органов. В этом отношении аваро-андийские языки типичны для восточнокавказской языковой группы, поскольку эта особенность существовала уже в правосточнокавказском, что отчетливо вытекает из сравнительной фонетики восточнокавказских языков.

Западнокавказские языки очень сильно отличаются от восточнокавказских. Восточнокавказские языки имеют богато развитые системы склонения, в то время как в абхазском всякое склонение, собственно говоря, отсутствует, а в убыхском и адыгском обнаруживается лишь в рудиментарной форме; аварский язык со своими тридцатью падежами представляет резкую противоположность адыгскому с его тремя падежами (из которых творительный представляет собой просто сочетание с энклитическим послелогом). Восточнокавказская глагольная система основывается на противопоставлении видов, в западнокавказских же языках, напротив, главную роль играет временная шкала, а видовые противопоставления оттеснены на задний план. Обозначение лиц не играет большой роли в восточнокавказском спряжении, и многие восточнокавказские языки вообще имеют только безличные глагольные формы; напротив, в западнокавказских языках обозначение лиц играет главную роль, причем в явном виде обозначаются не какие-либо выборочные, но все лица, каким бы то ни было образом принимающие участие в действии (напр., адыг. *jetfəɟəzɣatəʂt* 'я заставляю тебя дать ему дия нас'). Восточнокавказское слово содержит точно определенное число морфологических элементов, оно представляет собой внутренне отграниченное целое; словосложение встречается исключительно редко и не играет большой роли, равно как и словообразование, поскольку в принципе каждое самостоятельное понятие выражается столь же самостоятельным изолированным словом. Совершенно иначе обстоит дело в западнокавказских языках, где даже простейшие понятия могут выражаться словосложениями, а слово состоит из неограниченного числа следующих друг за другом морфем. Перечисление различий между восточнокавказскими и западнокавказскими языками можно было бы продолжать еще очень долго: мы упомянули выше лишь о наиболее ярких, которые сразу бросаются в глаза.

* „Nordkaukasische Wortgleichungen“.— „Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes“. Bd. XXXVII, Heft 2. Wien, 1930.

При столь больших различиях между двумя названными языковыми группами их исконное родство без специального обоснования нельзя считать чем-то самим собой разумеющимся. Это исконное родство не очевидно, оно еще должно быть доказано. Ниже мы собираемся представить сводку материала, необходимого для подобного доказательства, и список таких словарных сопоставлений между западнокавказскими и восточнокавказскими языками, которые могут считаться более или менее надежными. Для экономии места мы будем из числа восточнокавказских языков привлекать только самые важные; бацбийский (или тушский) мы будем привлекать лишь в тех случаях, когда он предоставляет нам какую-либо существенно важную информацию по сравнению с чеченским; из аваро-андо-цезских языков мы будем привлекать только аварский и андийский, а прочие — лишь тогда, когда они содержат какие-либо особо ценные сведения (с точки зрения исторической фонетики).

Мы пользуемся унифицированной и упрощенной транскрипцией: w = англ. w; v = франц. v (нем. w); $\ddot{w}$ — лабиопалатальный спирант [1]; $z = dz$, $\check{z} = d\check{z}$ (звонкие аффрикаты); $\check{c}$, $\check{s}$ — "церебральные" $\check{c}$, $\check{s}$ [2]; γ — задневелярный звонкий спирант (араб. ξ), g — передневелярный; χ — задневелярный tenuis (араб. χ), x — передневелярный (=русск. x); q — глухой задневелярный взрывной или аффриката¹; $\underset{\cdot}{l}$ — звонкий, а $\underset{\cdot}{\eta}$ — глухой латеральный спирант, λ — глухая латеральная аффриката; ء — ларингальный взрывной ("хамза"); ب (в правосточнокавказском), видимо, представлял собой b со слабой смычкой; ə — неопределенный узкий гласный; ω, ϵ (в чеченском) — "ломанные" (дифтонгоидные) гласные $\widehat{u\text{ə}}$, $\widehat{i\epsilon}$. Посредством удвоения букв мы обозначаем "сильные" глухие шумные в противовес "слабым", обозначаемым без удвоения²; посредством точки под или над буквой мы обозначаем "супраглоттальную экспирацию" (артикуляцию, сопровождаемую смыканием гортани); знак ^ над буквой обозначает палатальную артикуляцию, знак ^ над буквой — лабиализацию³; горизонтальная черта под буквой для гласного или ларингала (h , ء) обозначает, что соответствующий звук произносится со сдвинутой вверх гортанью и сопровождается специфическим грубым, "хриплым", фрикативным шумом ($\underset{\cdot}{h}$ = араб. ح); знак ^ после согласного обозначает, что во время его артикуляции гортань сдвигается вверх, что придает этому согласному особо светлую тембровую окраску [3].

¹ Поскольку для большинства языков отсутствуют точные и качественные фонетические описания, нам приходится игнорировать различие задневелярных взрывных и аффрикат. В некоторых языках (напр. в аваро-андийских) q — всегда аффриката; в некоторых других (напр., в адыгском, во всяком случае, в слышанном мною шапсугском диалекте) q в сочетании с гортанной смычкой (то есть q) является взрывным, а без гортанной смычки — аффрикатой.

² О понятиях "сильный" и "слабый" см. наст. изд., с. 259 и сл.

³ При этом необходимо заметить: а) что западнокавказские лабиализованные сибиллянты ($\check{c}$, $\check{s}$, $\check{z}$) всегда палатальны; б) что западнокавказские лабиализованные t-звуки (t , d) артикулируются при вытянутых вперед и слабо соприкасающихся друг с другом губах, так что после взрыва слышится краткий лабиальный вибрانت ("губной r"), вследствие чего А. Дирр обозначает эти звуки посредством p , b :

Сопоставления мы располагаем в соответствии с делением на части речи и смысловые группы.

А. ЧАСТИЦЫ И СОЮЗЫ

1. Абх. *m*, убых. *m*, *ma* — отрицательная частица (в некоторых глагольных формах ставится перед, в некоторых — после глагольного корня), адыг. *mə* — отрицательный префикс неизъявительных глагольных форм (всегда префигируется). — Чеч., лак., дарг., агул. *ma-*, рут. *ma*, *má*, цах. *ma*, *me*, табас. *m* — запретительный префикс, уд. *ma* 'чтобы не' [4].

2. Абх. *gi*, убых. *gä*, адыг. *qə* (адыгейск. также *gə*) 'и' (энклитика). — Авар. *gi*, лак. *gu* 'и' (энклитика), может быть, также дарг. *ga* 'хотя и'.

3. Адыг. (адыгейск.) *ge* 'и, как... так и' (энклитика). — Дарг., агул., табас. *ga* 'и' (энклитика).

Б. МЕСТОИМЕННЫЕ КОРНИ И КЛАССНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ (показатели родов)

4. Абх., убых. *s*, адыг. *s*, *se*, *sə*, *səj* — личные префиксы 1 л. ед. ч. (ср. абх. *saga*, убых. *sə ye*, адыг. *se* 'я'). — Чеч. *sə*, арч. *zon*, лезг., агул. *zun*, табас. *izu*, цах. *zi*, рут. *zə*, уд. *zu* 'я'.

5. Абх. *u* (только о мужчинах), убых. *u*, адыг. *uə*, *ue* — личные префиксы 2 л. ед. ч. (ср. абх. *uaga*, убых. *u ye*, адыг. *ue* 'ты'). — Лезг., агул. *wun*, табас. *iwu*, рут. *wə*, цах. *yu* (дат. *was*), уд. *un* (ген. *wi*), арч. *un* (дат. *was*), дарг. *hu*, чеч. *hə*, лак. ген. *wil* 'ты' (возможно, также авар. *min*, анд. *min* из *wəp в результате дистантно-ассимилятивной назализации анлаута).

6. Абх. *ha* — личный префикс 1 л. мн. ч., *haga* 'мы'. — Чеч. *tχə* 'мы' (эксклюзив), агул. *hin*, табас. *ihu*, авар. *n-iλλ*, анд. *iλλi-l* 'мы' (инклюзив), рут. *jix-də* 'наш'.

7. Убых. *ši*, *š* — личный префикс 1 л. мн. ч., *šiŋaŋa* 'мы'. — Лак. *žu*, рут. *zi* (дат. *žes*), цах. *šši* (дат. *ššas*), лезг. *čun* (дат. *čas*) 'мы', уд. *beši* 'наш', авар. *n-iž*, анд. *išši-l*, агул. *čin*, табас. *iču* 'мы' (эксклюзив).

8. Абх. *š*, убых. *š*, адыг. *š* (= каб. *f*, адыгейск. *š*) — личный префикс 2 л. мн. ч. (ср. абх. *šaga*, убых. *šiŋaŋa*, адыг., каб. *fe*, адыгейск. *še* 'вы'). Авар. *n-už*, чеч. *šu*, арч. *žwen*, лезг. *kün* (дат. *kez*)¹, агул. *čun* (ген. *čwe*), табас. *iču*, рут. *žu* (дат. *žwes*), цах. *šu* (дат. *šças*) 'вы', вероятно, также лак. *zu* 'вы'.

9. Абх. *b* (только о женщинах), адыг. *b*, *p*, *p̄* (перед согласными) — личный префикс 2 л. ед. ч.; ср. абх. *baŋa* 'ты' (о женщинах). — Авар., анд., чеч., лак., дарг., арч. *b* — классный элемент; в лакском, между прочим, к классу, обозначаемому посредством этого *b*, относятся названия незамужних женщин.

¹ В лезгинском старые лабиализованные сибиланты превратились в лабиализованные передневелярные; ср. ниже, № 23, а кроме того, лезг. *kkül* — табас. *žul* 'сноп', лезг. *kkün* (инф. 2 *kkwez*) — табас. *užuz* 'шить', лезг. *güŋri* — табас. *žöŋri* 'персик', лезг. *gül* — табас. *čul* 'осень', лезг. *nük* (мн. ч. *nükwer*) 'воробей' — арч. *poč'птичка*, лезг. *ügün* (прет. *ügwena*) — табас. *u-šuz* 'косить'.

10. Адыг. *tte, ttə, ttəj, tt* (= каб. *de, də, dəj, d*, адыгейск. *tte, ttə, ttəj, tt*) — личный префикс 1 л. мн. ч.; ср. каб. *de*, адыгейск. *tte* 'мы'. — Чеч. *d*, дарг. *d* (в анлауте), *r* (в ин- и ауслауте) — классный элемент одушевленного множественного класса, относящийся исключительно к 1 или 2 л. мн. ч.

11. Адыг. *žə* 'сам' (в сочетании с местоименными префиксами, напр. *sežəre* 'я сам', *ježəre* 'он сам' и т. д.). — Арч. *že-*, *inža-*, чеч. *š, šā*, авар. *ži-*, анд. *ži-*, лезг. *žuw* (для 1 и 2 л. ед. и мн. ч.), *wuš* (для 3 л. ед. ч.), *šeb* (для 3 л. мн. ч.), табас. *uš*, агул. *uš*, рут., цах. - *əž* (принимает классные префиксы), уд. *ič* 'сам', возвратное местоимение; может быть, также лак. *c* (*cū, cī*) — возвратное местоимение.

12. Убых. *ši* 'кто?', адыгейск. *šə də* 'что?'. — Авар. *šši-* 'кто? что?', цез. *šeb* 'что?', уд. *šu* 'кто?', табас. ген. *šilen* 'чей?', цах. дат. *šuwəs*, дарг. дат. *šis* 'кому?', рут. *wuš* 'кто?', *šiw* 'что?', лезг. *wuž* 'кто?', вероятно, также лак. *šši-* (напр., ген. *ššil*) 'кто?'. —

13. Убых. *sa* — вопросительное слово, каб. *sət(ə)* 'что?'. — Авар. *ssun-*, лак. *ssa-* (напр., ген. *ssal*) — основа неодушевленного вопросительного местоимения, дарг. *si*, бежит. *sud* 'что?'. —

14. Адыг. *xətə* 'кто?'. — Авар. *ηi-* (напр., ген. *ηil*), цез. *ηi-* (напр., ген. *ηus*), анд. *ηe-* (напр., эрг. *ηedi*), арч. *ηa-* (напр., дат. *ηas*) — основа вопросительного местоимения класса человека, агул., табас. *fi* 'что?'. —

15. Абх., убых. *a* 'тот, та, то' (проклитический определенный артикль), каб., *haŋ* 'тот', адыгейск. *ha-* (номинатив-пациенс *haŋ*, косвенно-актантный падеж *haš*, атрибутивно-проклитическая форма *ha-*) 'тот' (общеуказательное местоимение). — Анд. *ho-* 'он, этот', лезг. *ha* 'тот', рут. *ha* 'он, тот', цах. *ha-* (в *haina*) 'этот', авар., уд., агул., табас. *ha-*, дарг. *hi* — дейктическая приставка, префигирующаяся к прочим указательным местоимениям для эмфазы.

16. Каб. *məube* 'этот', адыгейск. *mə-* (ном.-пац. *məŋ*, косв.-акт. *məš*, атрибутивно-проклитическая форма *mə-*) 'вот этот'. — Уд. *me*, лак. *mī*, табас. *mi*, агул. *me*, рут. *mi* 'этот', цах. *ma* (в *mana*) 'он'; сюда же, вероятно, и лезг. *-ma*, табас. *-mi* — окончание ном.-пац. указательных местоимений, арч. *-mi-*, *-mī-* — расширитель косвенной основы в местоименном склонении (вставляется между корнем и падежным окончанием).

17. Адыг. *de* в каб. *hadere* 'другой', адыгейск. *hadere* 'иной, нежели тот', *mədere* 'иной, нежели вот этот', *uderə* 'иной, нежели вон тот'. — Авар. *-aṭa*, арч. *buṭu* 'другой', лезг. *aṭa* 'вон тот', уд. *ṭe* 'тот'.

В. Числительные

18. Абх., убых., адыг. *zə* 'один'. — Чеч. *саṛ*, бацб. *с^еа*, лак. *са*, дарг. *са*, авар. *со*, анд. *sse*, уд., лезг., агул., табас., рут., цах. *sa*, арч. *oss* 'один'.

19. Абх. *x(ə)* 'три'. — Авар. *ηab*, анд. *ηob*, арч. *ηiba*, лак. *šam*, дарг. *hāb*, уд. *χib*, цах. *heb*, рут., агул. *χibu*, табас. *ššibu* 'три'.

20. Абх. *хu(хə)*, убых. *šxə* (?), адыг. *tḫə* (= каб. *tḫə*, адыгейск. *tfə*) 'пять'. Цез., хварш. *ηe*, бежит. *ηi*, дарг. *hu*, *hwa*, лезг. *wa*, табас. *χu*, агул.

ifa, рут. хи, цах. хо, лак. хх^εо, уд. qо, чеч. рхij ‘пять’.

21. [Абх. f, убых. φ?], адыг. хə ‘шесть’. — Авар. anλλ, анд. onλλi, хварш. eⁿη, цез. eη, бежит. iη, чеч. jalχ, лак. гах^ε, лезг. rugu, табас. jirx̄u, рут. гəхə, цах. jix̄ə, уд. uq, арч. diηa ‘шесть’.

22. Абх. bž(ə), убых. blə, адыг. blə ‘семь’. — Авар. anλλ, анд. hoλλu, арч. wila, чеч. wωrh, бацб. worη, лак. arul (< *arl), табас. wurgu, агул. jeri (< *jerji), рут. jiwu, цах. jiyi, уд. wuy ‘семь’ (правостоchnокавк. *w-ə[r]-dlə).

23. Абх. ž(ə) ‘девять’. — Авар. iç, анд. hoçо, кар., багв. haçua, арч. uça (< *ə-ça, ср. čwij ‘девятиноста’), лак. urç, дарг. urçim, лезг. kü (< *jəçə; ср. примечание к № 8), табас. wurçu, агул. jaçо, рут. wuču, цах. jüçi ‘девять’.

24. Адыг. pşə ‘десять’. — Авар. anç, анд. hoçо, арч. wiça, лак. аç, дарг. wiç, лезг. çu (< *jiçu), табас., рут. jiçu, агул. içu, цах. jiçə, уд. wiç ‘десять’.

25. Абх. šə, убых. šä, адыг. še ‘сто’. — Анд. bešonu, лезг. wiš, табас. warž, агул. waršš, рут. weš, цах. wašš, арч. bašša, дарг. darš, лак. tturš ‘сто’.

Г. Прилагательные

26. Абх. ča, убых. ça, ča, адыг. çe (= каб. še, адыгейск. çe) ‘новый, молодой, свежий’. — Авар. çija-, анд. çiwu-, арч. maça, лак. çu, лезг. çeji, агул. çeje, рут. çiu, цах. çe ‘новый, молодой, свежий’.

27. Адыг. zə ‘полный’. — Табас. açi, агул. аçu, рут. аç, цах. -açə-, кар. -eçо- ‘полный’; ср. еще авар. çeze, анд. -iççidu, лак. -uçin, дарг. -içis, лезг. açun, табас. a-çuz, агул. aças, арч. a-ças, чеч. -uzar, бацб. -uçar ‘наполнять’.

Д. Существительные

28. Убых. dya, адыг. ttəγə (= каб. dəγ, адыгейск. ttəγə) ‘солнце’. — Лезг. joγ, агул. jaγ, табас., рут., цах. jiy, арч. iq, авар. q̄qо, лак. q̄ini, уд. yi ‘день’; слово, обозначающее ‘солнце’, в перечисленных здесь восточнокавказских языках образовано от того же корня, что и слово, обозначающее ‘день’, но с префиксом *ba ~ *bə: лезг. гаγ (< *wugaγ), рут., цах. wirəγ, арч. barq, авар. baq̄q̄, лак. barγ, уд. bəγ ‘солнце’.

29. Абх. məš(ə), убых. məša, адыг. махе (= каб. махе, адыгейск. mafe) ‘день’. — Анд. miηi, чеч. malχ ‘солнце’; сюда же относится дарг. barhi ‘солнце’ (вместо *marhi, видимо, в результате контаминации с корнем, обозначающим ‘солнце’ и разобранном под № 28).

30. Абх. məz(ə), убых. məza, адыг. maze ‘луна, месяц’. — Авар. moçç, анд. boççi, лак. barz, арч. bac, дарг. baz, чеч. but (ген. bettin)¹, агул., рут., цах. waz, табас. waz, лезг. warz ‘луна, месяц’.

31. Убых. çeq (абх. jaç?) ‘звезда’. — Анд. çça, авар. ççоа, год., кар. ççuaј, ахв. ççuari, багв. ççuara, лак. ççiku, дарг. urçi² ‘звезда’.

¹ Чеч. tt закономерно отражает правостоchnокавк. *z; ср., например, ниже, №№ 49, 66, 97 [5].

² Дарг. rç закономерно отражает правостоchnокавк. *çç.

32. Абх. žwan, убых. ža 'небо'. — Авар. zob, дарг. zubri (plur. tant.), лезг. ссаw, табас. zaw, агул. zaw, лак. ssaу 'небо', анд. zubu 'день'. К соответствию "абх. h̄ = правосточнокавк. *b̄" ср. еще № 75.

33. Убых. šä 'год'. — Чеч. šw, лак. šin, анд. gešin 'год' (правосточнокавк. *-asə-n); может быть, сюда же относятся арч. ssan, авар. son, уд. usen, дарг. dus, агул. is, лезг. jis, табас. jiss, рут. sen 'год' (правосточнокавк. *-asə-n).

34. Адыг. γε 'лето'. — Лак. γε (γ^εi), арч. qqittiq̄q̄ (ген. qqattan)¹, анд. q̄q̄inu, агул. al (< *γ^εə l), рут. γəld, цах. γəl 'лето'.

35. Адыг. γаγе 'гром'. — Арч. q̄quγ-ši, лак. qqu, дарг. qquqqu, лезг. qquqqum, табас. qqoqqum 'гром', чеч. qauqar, авар. γuγaze 'греметь (о громе)'.

36. Адыг. хə 'море'. — Авар. ηin, анд. ηen, арч. ηan, лак. ššin, цах. хän, табас. šar, агул. хег, лезг. jad, рут. хed, уд. хе, чеч. хи 'вода', арч. ηat 'море'.

37. Адыг. məje 'лед'. — Арч. mullaλλ, лак. miq, дарг. miə, лезг. murk (ген. murkadin), агул., табас. merkk, рут., цах. mək 'лед'.

38. Адыг. maše (= каб. maše, адыгейск. maše), убых. mižä 'огонь'. — Авар., анд. ça, чеч. се, агул., цах., табас. ça, лезг., рут. çaj, дарг. ça, лак. си, арч. оç 'огонь'.

39. Адыг. məže (= каб. məve, адыгейск. məže) 'камень'. — Арч. mača 'кремень', авар. gamač 'камень'.

40. Абх. žika, убых. ži 'соль'. — Авар. çsan, анд. çson, лак. си, дарг. zi 'соль'.

41. Адыг. dəše 'золото'. — Чеч. dešī 'золото'.

42. Убых. tātä 'золото, кусок золота'. — Чеч. detī, бацб. tateb 'серебро'.

43. Адыг. h̄əссə (= каб. h̄əz, адыгейск. h̄əссə) 'трава'. — Чеч. вис 'трава'; видимо, связано с правосточнокавказским глагольным корнем *c̄ 'косить' (ср. авар.-ecize, лак.-усап, агул. ucas, табас. wu-šuz, лезг. ügün 'косить').

44. Адыг. ze 'терновник'. — Авар. zaz, табас. zaz, лезг. ссаз 'терн' (уд. сас 'колючка?'), лак. ссасс 'плод шиповника', рут. ziza 'брусника' (?), агул. zaz 'пряжка'.

45. Абх. ça 'яблоко'. — Лезг. ič, рут. äč, цах. еč, табас. weč, агул. hač, уд. еš, арч. anš, лак. inč, анд. inči, авар. zeč, дарг. çinc 'яблоко'.

46. Абх. ha 'груша'. — Анд. hihi, ботл. hiⁿhuⁿ и т. д. 'груша' (только в нижнеандийских языках).

47. Убых. хä 'груша'. — Рут. хəг, арч. хert, лак. q^εort, дарг. qär, лезг. čüxer, агул. žixer, табас. žexer, цах. žixa 'груша'.

48. Абх. c̄(ə), убых. c̄ə, адыг. c̄c̄ə (= каб. və, адыгейск. c̄c̄ə) 'бык'. — Авар. ос, анд. unso, лак. піс, дарг. unc, агул. wec, лезг., табас., рут., цах. јас, арч. ans, уд. us 'бык'.

¹ К структуре этого слова ср. прочие названия времен года: арч. sottiq̄q̄ 'осень' — ген. sattan, q̄ottiq̄q̄ 'зима' — ген. q̄attan, ηanniq̄q̄ (nn < *nd) 'весна' — ген. ηannan [6].

49. Абх. ž(ə) 'корова'. — Чеч. jat (ген. ettin), рут., цах. zäi 'корова'.
50. Абх. ĩə, убых. ĩi, адыг. šə 'лошадь'. — Авар. ĩu, лак. ĩu 'лошадь', лезг. šiw 'жеребец'.
51. Адыг. bzə 'самка'. — Дарг. ġaza, лак. k̄k̄assa, арч. ġacci 'кобыла'.
52. Убых. ĩə 'самец' (təpsə 'баран?'), адыг. tə 'баран'. — Лак. tta 'овца, баран', анд. dan 'овца'.
53. (Абх. ħa?), убых. ħa, адыг. ħe 'свинья'. — Чеч. ħaqa 'свинья'.
54. Убых. wə(ɥə)¹, адыг. ħa 'собака'. — Уд. ħa, табас. ххој, агул. хуј, цах. хоа, дарг. ħi, авар. hoe, анд. хој, ботл., год., ахв., чам. хуај 'собака'.
55. Убых. duɣo(dəɣe) 'мышь'. — Чеч. daħka 'мышь'.
56. Абх. ža², убых. ĩa 'заяц'. — Анд. λlanqala 'заяц'³.
57. Абх. mat, убых. anṭa 'змея'. — Арч. jaṭi, табас. beṭ 'змея'.
58. Абх. ḥa, адыг. se 'вошь'. — Авар. paṣṣ, анд. poṣṣi, лак. paṣ, арч. paṣ, уд. peṣ, дарг. piṣə, лезг. net (мн. neṭer), табас. peṣṣ, агул. nett, чеч. mezi, бацб. maṣ 'вошь'.
59. Абх. xš(ə), убых. šä, адыг. še 'молоко'. — Чеч. šura, анд. ššivu 'молоко'.
60. Адыгейск. kkanкке (шапсуг. kka^eкке, абадзех. ḥḥanḥḥe) 'яйцо'. — Лак. kkinuk, арч. genuk 'яйцо' или лезг. kkaкка, бацб. gaga 'яйцо'.
61. Адыг. sə 'волосы, шерсть'. — Арч. iṣṣ, рут. dən (< *ṣṣən)⁴ 'шерсть'.
62. Убых. qä 'рог'. — Лак. qi 'рог'.
63. Абх. bla, убых. blä (blä?) 'глаз'. — Лезг. wil, табас., агул., рут., цах. ul (< *wəl), уд. pul, (дарг. ħuli?), авар. ber, чеч. b^eerig 'глаз'.
64. Адыг. naṭe 'лоб'. — Авар., арч. nodo, анд. honno (nn= *nd), дарг. unda, лак. netta(-baḥ) 'лоб'.
65. Убых. sāki, абх. s(ə), адыг. sse (= каб. ze, адыгейск. sse) 'зуб'. — Авар. sa, анд. sol, чеч. serig, дарг. cula, табас. selew, агул. silew, рут. səlab, цах. sili, арч. sot 'зуб'.
66. Абх. bz(ə), убых. bza, адыг. bze 'язык'. — Лак. maz, авар. maṣṣ, анд. miṣṣi, арч. mac, дарг. miṣ, лезг., табас. meṣ, агул. mez, рут., цах. miṣ, уд. muz, чеч. mɔt (ген. mettin) 'язык'.
67. Убых. qa 'верхняя конечность, рука', адыг. de 'рука'. — Лак. ka, авар. koḡ, бежит. ko, бацб. kor (чеч. күг?), арч., уд. kul 'рука', чеч. ka- 'рука' (в качестве первого члена словосложений), анд. ko 'рукоятка'⁵.
68. Убых. bəz, адыг. bəze 'женская грудь'. — Анд. bizi 'женская грудь'.
69. Абх. gu(ḡə), убых. gi, адыг. ḡə 'сердце'. — Арч. iḳw(iḳ), уд. uḳ,

¹ Убых. w (или ɥ) часто соответствует адыгскому ħ; ср. ниже, № 84, а также убых. u(ɥə) — адыг. ħa 'входить', убых. uwa — адыг. kəħə 'длинный'.

² Абх. ž восходит к празападнокавказ. *j; ср. наст. сб., 236 и сл.

³ Это андийское слово содержит суффикс qal(a), встречающийся и в других восточнокавказских языках (особенно в названиях животных); ср., напр., бацб. r^eakal 'заяц', soqal 'лиса', буд. sakul 'лиса', уд. žižika 'кузнечик' и т.д.

⁴ Рут. d (перед гласными) закономерно восходит к правосточнокавказ. *ṣṣ; ср., напр., ниже № 77.

⁵ К соответствию "адыг. ə ("хамза") — восточнокавказ. k" ср. №№ 81, 89; соответствие "адыг. ə — убых. q" закономерно; ср. еще, например, убых. baqa — адыг. paqa 'шапка', убых. naqa — адыг. neḡəze 'след', убых. qarṭa — адыг. ḡanṭe 'гнуть, поворачивать', убых. ḡəsaqa — адыг. ḡəšaḡe 'слово' и т.д.

дарг. urki, агул. irk, табас. jük, рут., цах. jik, лезг. rik, авар. raq, лак. daq, бацб. doq, чеч. dωg 'сердце'.

70. Убых. žaža 'почка', каб. žežej 'легкое, печень, почка'. — Уд. zizam 'селезенка'.

71. Убых. ηaхе ('кровеная жила'; ср. ηа 'кровь'), адыг. хе 'жила'. — Лак хха, чеч. рха 'жила'.

72. Абх. z(ə), убых. zeze, адыг. zezə 'желчь'. — Авар. ccin, анд. ssim, лак. ssi, арч. ssam 'желчь'.

73. Абх. žə 'тело', адыг. ɭə 'мясо'. — Арч. аλλ, анд. riλλi, уд. eç, лезг. jak (ген. jaqàdin), рут. jak, агул., табас. jakk, лак. diq, дарг. diə 'мясо'¹.

74. Абх. ješa, адыг. šə 'брат'. — Арч. uš, чеч. waša (w = классный элемент класса мужчин), уд. wiçi, агул. çu, табас. çi, рут. šu, цах. čož 'брат'.

75. Абх. ωn(ə), адыг. həne 'дом'. — Чеч. ben 'гнездо', bun 'дом', уд. binä 'жилище'.

76. Убых. хəša (xəša?) 'одежда, белье'. — Арч. хошон 'рубашка'.

77. Убых. bca(?), адыг. ce 'имя'. — Лак. ca, чеч. ce, уд. ci, авар. cçar, анд. cçer, арч. cçor, табас. ccir, лезг. çar, агул. ttur, рут. dur, цах. do 'имя'.

78. Адыг. šəxə (= каб. šəx, адыгейск. šefə) 'работа, дело'. — Чеч. bωlx 'работа'.

79. Адыг. əhə 'часть'. — Чеч. aχ(āχ), авар. əaxal 'половина'.

Е. Глаголы²

80. Адыг. хə 'становиться'. — Лак. хун, лезг. хун, табас. хиз, агул. хас, цах. хес 'быть, становиться', авар. ηize, анд. ηidu, уд. хесун — вспомогательный глагол с неопределенным значением.

81. Адыг. əа 'быть'. — Арч. kes, уд. [ba +]ksun 'быть', дарг. -ikis (~ -ilkis) — вспомогательный глагол с неопределенным значением.

82. Убых. ži(žə) 'приходить'. — Арч. çibus (импер. çе), табас. u-çuz, агул. uças, рут. аçун, цах. -ičes 'входить, заходить', лезг. [älä +]çun 'переходить', уд. çesun 'выходить', авар. -açine 'приходить'.

83. Адыг. še 'вести'. — Авар. -açine, уд. eçsun 'вести, проводить'.

84. Убых. u(уə)³, адыг. he 'нести'. — Анд. -ixidu, арч. хас, дарг. хис, табас. u-хиз, агул. [at +]хас 'нести', лезг. γun 'приносить', [tu +]хун 'уносить', рут. [qe +]хин 'относить', ср. еще уд. хел, лак. hibu (где bu — продуктивный суффикс отглагольных имен) 'ноша'.

85. Убых. qa 'держатъ, хвататъ, ловитъ'. — Цах. -aqqas, рут. [xa +]qəп, лезг. qun (импер. jaq), уд. [bi +]qsun 'ловитъ, хвататъ, держатъ'.

¹ Ср. наст. сб., с. 240 и сл.

² Для западнокавказских языков мы приводим глагольные корни, для восточнокавказских — форму инфинитива. Окончания инфинитива следующие: лак., лезг., рут. н, дарг, арч., агул., цах. s (в арчинском у некоторых глаголов также bus, mus), табас. z, авар. ne, ze, анд. du, nu, уд. sun, чеч. г. Префиксы мы помещаем в квадратные скобки. Дефисом мы обозначаем место классных элементов. Для даргинского мы, кроме инфинитива терминативного вида, приводим также (в скобках) инфинитив дуративного вида.

³ Ср. выше, № 54, примечание.

86. Абх. *tə*, убых. *tə*, адыг. *tə* 'давать'. — Уд. *ta + desun* 'давать' (где *desun* — вспомогательный глагол).

87. Абх. *ha* (в *қаһа* 'спадать', *таһа* 'падать внутрь'), убых. *хә*, адыг. *хе* 'падать'. — Цах. (през.) [*ке +*] *хана* 'падает', рут. [*лir +*] *хун*, агул. [*alar +*] *хас*, табас. *ахуз*, дарг. *-ixis* (~ *-ixis*) 'падать'.

88. Абх. *рғә*, убых. *рғә* 'летать'. — Уд. *pur + resun* 'летать', может быть, также арч. *рагх + bos*, лак. *рагх + түп* 'взлетать'. — Вероятно, звукоподражание.

89. Убых. *ақа*, адыг. [*de +*] *е* 'слышать'. — Арч. *kos*, табас. *e-kuz* 'слышать'.

90. Убых. *сә* (*са?*), адыг. *ше* 'знать'. — Анд. *сінну*, рут. *асән*, цах. *асас* 'знать'.

91. Убых. *сәсә* 'причинять боль, болеть'. — Арч. (през.) *ассар* 'болит', лак. *сун*, дарг. *-izis*, табас. *issuz*, агул. *ittas* 'причинять боль, болеть', агул. *ittal*, рут. *jadal*, лезг. *тал* (< *jitäl) 'болезнь'.

92. Адыг. *zəzə* (убых. *bzäbzä?*) 'дрожать'. — Арч. *assas*, лезг. *zurzun* 'дрожать'; отсюда же авар. *siri* 'лихорадка', откуда, в свою очередь, произведен глагол авар. *sorðze* 'дрожать'.

93. Убых. *қә* 'кашлять'. — Авар. *qəqəize* 'кашлять', лак. *қаһ*, дарг. *қаһ* 'кашель' (видимо, звукоподражание).

94. Убых. *қа*, адыгейск. *е*, абх. *һа* 'сказать'. — Авар. *abize*, арч. *bos*, уд. *resun* 'говорить'¹.

95. Абх. *зә*, убых. *зә* 'пить'. — Дарг. *-iržis* (~ *-užis*) 'пить'.

96. Абх. *та* 'лить' (в *қаһа* 'выливать', *таһа* 'вливать'). — Авар. *тезе*, дарг. *-arṭis* (~ *-irṭis*), лак. *uṭin*, анд. *ṭinnu* 'лить'.

97. Адыг. *zə* 'процеживать, выщепывать'. — Арч. *-accas*, чеч. *ettar*, лак. [*tṭi +*] *zin*, дарг. *-irzis* (~ *-izis*), лезг. *accun* (импер. *accuz*), агул. *uzas*, цах. *gāzas*, рут. *ezin* 'доить', далее, арч. *-eccas*, чеч. *-ottar*, лезг. *ссун* (импер. *ссуз*), табас. *узуз* 'наливать'; от того же корня, вероятно, произведено и арч. *сог* (*ссог*), рут. *zur*, цах. *zej* 'моча' (к семантике ср. и.-е. корень *seiq*, отраженный, с одной стороны, в др.-в.-нем. *sīhan*, нем. *seihen* 'процеживать', с другой стороны, в др.-инд. *siñcati* 'выливать' и, наконец, в слав. *sićati* 'мочиться', *sići* 'моча').

98. Убых. *зә*, адыг. *зе* (= каб. *ve*, адыгейск. *že*) 'печь, жарить, варить'. — Авар. *-ežize*, анд.-*ežidu*, дарг. *-irzis* (~ *-uzis*), цах. [*qe +*] *žes* 'жарить', вероятно, также арч. *сғас*, лезг. *сҗигун* (императив *сҗигуҗ*) 'жарить'.

99. Убых. *де*, адыг. *de* 'шить'. — Арч. *-eṭmus*, лезг. [*ku +*] *тун*, табас. *e-ṭuz*, агул. *iṭas*, рут. [*ki +*] *тин*, цах. *ajṭanes* 'вязать, связывать'.

100. Адыг. *ше*, абх. *шә* 'ткать'. — Лак. *ššaššan*, дарг. *-iršis* (~ *ušis*), видимо, также авар. *-essize* 'ткать'.

¹ К фонетической стороне см. выше, №№ 32, 43, 75, 78. Ср. также прим. к № 67.

Большинство рассмотренных здесь западнокавказских и восточнокавказских слов относится к таким семантическим категориям, где заимствования встречаются весьма редко. Поэтому приведенные (и достаточно многочисленные) словарные сопоставления предполагают исконное родство рассматриваемых языков. К сожалению, при исключительном богатстве фонетических систем севернокавказских языков собранных нами 100 словарных сопоставлений еще недостаточно для установления точных западнокавказских соответствий всем правосточнокавказским звукам. Тем не менее, общие контуры этих соответствий видны уже сейчас. К примеру, мы уже сейчас можем утверждать, что правосточнокавказским звонким аффрикатам (*ʒ, *ʒ̣, gγ, dɹ)¹ [7] в западнокавказских языках соответствуют также звонкие звуки, в основном спиранты (z, ʒ̣, ʒ̣̇, γ, ɹ); ср. для правосточнокавк. *ʒ — N°N° 30, 32, 44, 49, 51, 66, 68, 70, 97, для правосточнокавк. *ʒ̣ — N°N° 11, 95, 98, для правосточнокавк. *gγ — N°N° 28, 34, 55, для правосточнокавк. *dɹ — N° 22 (может быть, также 56). Правосточнокавказским глухим спирантам и в западнокавказском (за двумя исключениями: N°N° 72, 92) всегда соответствуют глухие спиранты; ср. для правосточнокавк. *ss — N° 13, для правосточнокавк. *š, *šš — N°N° 12, 25, 33, 41, 59, 100 (может быть, также 76), для правосточнокавк. *χ, *χχ — N°N° 54, 79, 84, для правосточнокавк. *x, *xx — N°N° 14, 19, 20, 21, 29, 36, 71, 78, 80, 87. Западнокавказским слабым смычно-гортанным аффрикатам (*ç, *ç̣) соответствуют иногда западнокавказские звонкие спиранты (N°N° 23, 27, 39, один раз также звонкая аффриката в N° 82), иногда смычно-гортанные звуки (N°N° 24, 26, 38, 90). То же самое верно и для правосточнокавказских сильных смычно-гортанных аффрикат (*çç, *ç̣ç̣, *λλ̣)²: правосточнокавк. *çç в N° 40 соответствует празападнокавк. media, но в N°N° 31, 58, 77, 91 — запад-

¹ В отдельных восточнокавказских языках эти звуки отражаются следующим образом: в даргинском, удинском и во всех самурских языках, кроме лезгинского, они отражаются как звонкие (в основном спиранты, но в даргинском и табасаранском также и аффрикаты, а именно ʒ, ʒ̣); арчинский на месте *ʒ̣ имеет ʒ̣̇, на месте *dɹ — ɹ, но на месте *ʒ — с, сс, а на месте *gγ — q, qq; в лакском *ʒ, *ʒ̣, *gγ иногда отражаются как z, ʒ̣, γ, иногда — как сс, çç, qq, но *dɹ — всегда как l; в аваро-андийских языках на месте *ʒ̣ всегда находим ʒ̣̇, а, напротив, на месте *ʒ, *gγ, *dɹ — в основном çç, ç̣ç̣, λλ при более редких z, γ, l; в чеченском *ʒ перешел в tt, *ʒ̣ — в š, *dɹ — в l, h (=бацб, η), тогда как *gγ как будто бы отражается как χк; в лезгинском *dɹ перешел в g, а *ʒ̣, *ʒ, *gγ в ауслауте отражаются как ʒ, ʒ̣, γ, а перед ударным гласным — как сс, çç, qq.

² Эти правосточнокавказские звуки в арчинском и аваро-андийских языках сохранились как таковые; в лакском, удинском и чеченском они совпали со слабыми ç, ç̣, k; в даргинском на месте *λλ̣ имеем ɔ (реже — g), а на месте *çç — гɔ (реже — ʒ), тогда как *ç̣ç̣ отражается то как qq, то как γ; в агульском *çç, ç̣ç̣, *λλ̣ соответственно отражаются как tt, qq, kk; точно также и в табасаранском, где, однако, *çç чаще всего отражается как сс; рутульский и цахурский отражают *λλ̣, *çç в ауслауте как k, t, но перед гласными — как g, d, тогда как *ç̣ç̣ в рутульском дает ç̣, а в цахурском — ç̣ç̣; в лезгинском *çç, *λλ̣ перед ударными гласными перешли в t, k, в прочих позициях — в t, k; *ç̣ç̣ лезгинский отражает в ауслауте как q, а перед гласными — то как qq, то как ç̣.

нокавказские смычно-гортанные аффрикаты (кроме того, в № 61 — tenuis с нормальной инфраглоттальной экспирацией); правосточнокавк. *čč в № 35 соответствует западнокавказская media, в № 85 — смычно-гортанный tenuis; для правосточнокавк. *λλ нам известны только звонкие западнокавказские соответствия (№№ 37, 73, может быть, также 56). Правосточнокавказским глухим аффрикатам без гортанной смычки (*с, *č, *q)¹ в западнокавказских языках соответствуют также глухие несмычно-гортанные звуки, а именно либо аффрикаты (сс, čč, ċ, q), либо спиранты (š, χ); ср. для правосточнокавк. *с — №№ 43, 48, 65, для правосточнокавк. *č — №№ 50, 74, 83 (может быть, также № 76), для правосточнокавк. *q — №№ 47, 62, 93; только в одном случае (№ 18) правосточнокавк. *с соответствует западнокавк. z. Правосточнокавказскому слабому звонкому смычному *b² в западнокавказском перед согласными соответствует b (№№ 9, 63), перед гласными — ǃ или лабиализованные ларингальные (ǃ, ħ — №№ 32, 43, 75, 78, 94). Таким образом, видно, что звукосоответствия при всем разнообразии никак нельзя объявить случайными.

Приведенные выше слова западнокавказских языков, без сомнения, относятся к древнейшему слою западнокавказского словарного фонда. Интересно поэтому констатировать, что некоторые из них (в частности, многие существительные) обнаруживают двусложную основу, причем эта "двусложность" должна возводиться к общесевернокавказской эпохе: так обстоит дело, например, в №№ 28, 29, 30, 35, 37, 39, 43, 55, 60, 64, 68, 75, 78, 79, может быть, также в №№ 41, 42, 70, 76. Далее, сравнение с восточнокавказскими языками показывает, что многие основы, являющиеся в современных западнокавказских языках односложными, первоначально были двусложными и сократились до одного слога лишь в результате выпадения гласного первого слога. Это еще отчетливо видно в таких случаях, как №№ 22, 24, 32, 51, 63, 66, где в анлауте основы еще сохраняется сочетание согласных, возникшее в результате выпадения гласного. Однако можно предположить, что во многих других случаях развитие шло еще дальше и сочетание согласных упрощалось посредством ассимиляции: если адыг. bze через ступень *mzA (где A обозначает "какой-либо гласный") восходит к *mAzA (= анд. miççi, табас. mez и т. д., № 66), то и адыг. çe через ступень *nçA может восходить к *nAçA (= анд. poççi, табас. песс и т. д., № 58). Таким образом, можно значительно увеличить число первоначально двусложных основ в западнокавказских языках. Следовательно, от точки зрения Н. Яковлева, согласно которой западнокавказские языки (в частности, адыгский) первоначально обладали только односложными корнями (Н. Я к о в л е в. Материалы для кабардинского словаря. Изд. Комитета по изучению языков и этни-

¹ О развитии слабых глухих аффрикат в восточнокавказских языках см. наст. сб., с. 255 и сл. (§ 14 и 15). Здесь нужно лишь заметить, что упоминаемая там спирантизация этих звуков в самурских языках проводится непоследовательно.

² О развитии этого правосточнокавказского звука в отдельных восточнокавказских языках см. „Bulletin de la Soc. de Lingu. de Paris“, XXIX, p. 165—167, прим. 2.

ческих культур восточных народов СССР, № 6. Москва, 1927, см. Предисловие) , необходимо решительно отказаться.

Опубликованные здесь сто западнокавказско-восточнокавказских словарных сопоставлений мы рассматриваем лишь как первый опыт систематического сравнения обеих языковых групп. Мы убеждены, что сравнительный материал может быть еще значительно приумножен [8]. Только тогда можно будет создать сравнительную грамматику севернокавказских языков.

I. Введение

Богато развитые системы согласных в восточнокавказских языках представляют собой почти непреодолимое препятствие для всякого, кто хочет основательно заняться этими языками. Существующие описания являются настолько общими и в большинстве случаев настолько неточными и запутанными, что на основании этих описаний нельзя составить хоть сколько-нибудь ясного представления. Транскрипционные системы, которыми пользуются те или иные авторы, разнородны и непоследовательны. Часто один и тот же автор использует один и тот же знак для передачи совершенно разных звуков в разных языках или же обозначает один и тот же звук разными буквами в зависимости от языка, в котором этот звук представлен. Это прежде всего относится к барону П. К. Услару. В своей лакской грамматике он посредством *s* обозначает "слабый" *s*, а посредством *ç* — "напряженный" *s*, а в аварской грамматике он использует те же знаки прямо противоположным образом: *s* для "напряженного", *ç* для "слабого" звука *s*. В аварской и лезгинской грамматиках он пользуется знаком *ç* для передачи "напряженной" дентальной аффрикаты, а модификацию грузинской буквы *ჭ* привлекает для передачи "слабой" дентальной аффрикаты с инфраглоттальным выдохом, в лакской же грамматике опять-таки те же самые два знака употребляются в прямо противоположном значении¹. Русская буква *к*, снабженная знаком ташид (◌̣), в лакской грамматике обозначает напряженный передневелярный взрывной, в лезгинской — напряженный задневелярный глухой согласный. Обычную русскую букву *к* Услар, как правило, применяет для обозначения слабого глухого передневелярного взрывного, но в лезгинской грамматике эта буква обозначает соответствующий напряженный взрывной, в то время как слабый обслуживается знаком *к̣*. Список подобного рода непоследовательностей в тран-

* „Die Konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen“.— „Caucasica“, fasc. 8, Leipzig, 1931.

¹ При издании трудов Услара ситуация осложнилась еще и тем, что модификация грузинского *ჭ* сохранилась в лакской и лезгинской грамматиках, но в аварской грамматике была заменена особым знаком (модификацией русского *т*).

скрипции Услара можно было бы легко умножить. Надо сказать, что и *А. Дирр* не смог без этого обойтись. Прежде всего многие из знаков П. К. Услара он использовал для обозначения совершенно иных звуков, чем те, которые встречаются в этой транскрипции у П. К. Услара, что привело ко многим недоразумениям при цитировании слов из работ Услара. Так, у Услара русские буквы к, п, т со знаком "седиль" обозначают взрывные с гортанной смычкой, а у Дирра, напротив, — придыхательные взрывные; сочетание *h* со знаком краткости (*∨*) у Услара обозначает велярный, а у Дирра — палатальный глухой спирант; соединение *h* с разновидностью тащдида (*ʰ*) у Услара обозначает арабский *ح*, а у Дирра — передневелярный спирант (= русск. *х*) и т. п. Но и в собственных работах *А. Дирра* транскрипция не всегда сохраняет последовательность. Дентальные и лабиальные взрывные с гортанной смычкой Дирр обычно обозначает знаками *ṭ*, *p̣*, но в удинской грамматике — простыми *t*, *p*. Знаком к (подчеркнутая русская буква к) в табасаранской и агульской грамматиках *А. Дирр* обозначает напряженный задневелярный глухой с инфраглоттальным выдохом, тогда как в арчинской и андийской грамматиках, равно как и в записях нижеандийских языков, этим знаком он обозначает передневелярный глухой с супраглоттальным выдохом, при том, что последний в агульской грамматике обозначается как *к*, а в удинской — просто как *к*. Буква *ḥ* в арчинской грамматике обозначает звонкий латеральный спирант, а в андийской — глухую латеральную аффрикату и т. д. Многие противоречия в транскрипции работ Дирра, вышедших в тбилисском "Сборнике материалов", объясняются ошибками тбилисской типографии. Однако и в его весьма ценном "Введении в изучение кавказских языков", вышедшем в Лейпциге, транскрипция также столь неединообразна и противоречива, что неспециалист с трудом может в ней разобраться.

Поэтому представляется насущно необходимым внести в этот вопрос порядок и ясность. Однако целесообразная транскрипция может быть создана только после проведения правильной систематизации звуков восточнокавказских языков. При этом нужно строго разграничивать фонетический и фонологический аспекты. Фонетическое описание требует тщательных экспериментальных исследований, которые должны проводиться с живыми носителями восточнокавказских языков. Само собой разумеется, что эти исследования должны осуществляться теми кавказоведами, которые имеют возможность работать с соответствующими информантами. В этой области можно предвидеть еще немало неожиданностей. В любом случае сейчас еще слишком рано оценивать фонетическую сторону звуков восточнокавказских языков. Здесь мы пока должны довольствоваться только осторожными общими утверждениями. Напротив, фонологическая сторона восточнокавказских звуковых систем может быть подвергнута исследованию уже сегодня и без непосредственного наблюдения над произношением носителей. Существующих ныне грамматик и глоссариев для этого в целом вполне достаточно. Нужно только пользоваться ими тщательно и критически.

Мы не хотим тратить здесь много слов на обсуждение сущности фонологического подхода в противовес фонетическому. Ограничимся лишь ссылками на уже довольно богатую литературу по этой проблеме¹. Укажем, что предметом фонологии являются не звуки как физические или психофизиологические явления, но **фо н е м ы**, то есть звукопредставления, существующие в языковом сознании, которые фонетически реализуются в звуках и способны применяться для смысловоразличения. Фонологию интересует не фонетическая реализация фонемы, но ее взаимоотношения с другими фонемами. Фонологическая система языка — это система звуковых различий, используемых в данном языке для смысловоразличения.

II. Общая структура восточнокавказских систем согласных

1. Основные согласные

Во всех восточнокавказских языках существует два вида согласных фонем: **с о н о р н ы е з в у к и** и **ш у м н ы е з в у к и**.

С о н о р н ы е звуки всюду одни и те же. Как правило, в кавказских языках представлено шесть фонем: две шлавных, две носовых и две полугласных. **П л а в н ы е** r, l не вступают в более тесные отношения ни с какими другими фонемами. В чеченском и бацбийском имеются также глухие шлавные (а именно: в чеченском — глухой r [1], в бацбийском — глухой l), противопоставленные звонким, причем противопоставление глухих и звонких шлавных иногда используется в качестве единственного смысловоразличительного средства, например: чеч. bar 'делать' — bar 'восемь', бацб. $-alar$ 'держат, нести' — $-alr$ 'давать'. Остальным восточнокавказским языкам это фонологическое противопоставление чуждо. — Из **н о с о в ы х** один является лабиальным (m), другой — лингвальным (n). Перед гласными лингвальный носовой реализуется как "дентальный" (апикальный) n , перед согласными он ассимилируется по месту образования следующему звуку, то есть перед t, d является дентальным, перед k, g — переднедорсальным и т. д. Но эта ассимиляция для носителей является всего лишь "само собой разумеющимся" фонетическим явлением, без всякого фонологического значения. Некоторые языки (например, лакский) различают два носовых (лабиальный и дентальный) только перед гласными, а в остальных позициях (перед согласными и в ауслауте) знают только один "носвой вообще" (N), реализация которого варьирует в зависимости от позиции и от окружения (в абсолютном ауслауте это n). Для чеченского П. К. Услар, кроме двух носовых (n, m), предложил еще третий (η), который он отождествил с

¹ Ср., в особенности, В. М а т е з и у с. Цели и задачи сравнительной фонологии („Xenia Pragensia“, 1929, S. 432 ff.); Н. Т р у б е ц к о й. Исследования по полабскому языку (В: SB Ak. Wien, 211/4, S. 111 ff.); сб. „Travaux du Cercle Linguistique de Prague“, I и особенно „Réunion phonologique internationale“. Prague, 1931.

тюркским "сагир нун". В действительности под этим, кажется, подразумевается назализация предшествующего гласного, которую чеченцы воспринимают как согласную фонему. Но эта назализация находится в отношении комбинаторного варьирования с п: во всяком случае, П. К. Услар приводит два словосочетания $\omega \chi ilin$ 'я был' и $\chi ilin \omega$ 'был ли я?', в которых одно и то же слово в зависимости от своего места в предложении имеет то ω , то п. В чеченском языковом материале П. К. Услара "п" встречается исключительно в ауслауте или перед согласными. Но как раз в этих позициях не засвидетельствован лингвальный носовой (п) (хотя имеется лабиальный; ср. чеч. $\dot{\omega}m$ 'война', $\bar{s}erimsaq$ 'чеснок', $\check{s}emzin$ 'имеющий дурной вкус' и т. д.). Поэтому "п" (вне зависимости от того, произносится ли он как "сагир нун" или как назализация предшествующего гласного) нельзя рассматривать в качестве самостоятельной фонемы, но лишь как обусловленный звуковым окружением фонетический вариант лингвального носового (п). Таким образом, и чеченский язык, как и все остальные восточнокавказские языки, имеет не три, а только две носовые фонемы — m и п. "Полугласные" во всех восточнокавказских языках одни и те же: темный w и светлый j. П. К. Услар использовал знак w только в тех языках, которые, кроме полугласного w, обнаруживают еще фонологически отличный от него звонкий лабиодентальный спирант v (например, лезгинский и даргинский); в остальных своих грамматиках он обозначал темный полугласный посредством v (русс. в), не указывая при этом на отличие этого "v" от русского v (который как раз является лабиодентальным спирантом). В своих табасаранских и андийских записях А. Дирр следовал примеру Услара; позднее он стал применять для темного полугласного только знак w. Восточнокавказские полугласные w, j обнаруживают определенное сходство с узкими гласными u, i. Нисходящие дифтонги обозначались и П. К. Усларом, и А. Дирром, с одной стороны, как au, ou, eu, iu, с другой стороны — как aj, oj, ej, uj, что в любом случае нелогично. Нужно писать либо au и ai, либо же aw и aj. — Восточнокавказские l, r, m, n по своей функции всегда являются неслоговыми.

Ш у м н ы е ф о н е м ы в восточнокавказских языках очень многочисленны. Каждая шумная фонема имеет как минимум два фонологических свойства или признака — признак места образования и признак способа образования. Один и тот же признак места образования может сочетаться с различными признаками способа образования, и, наоборот, один и тот же признак способа образования — с различными признаками места образования. Каждое такое сочетание есть особая шумная фонема. Таким образом, шумные фонемы, с одной стороны, образуют локальные ряды, с другой — артикуляционные классы.

Из локальных рядов семь можно охарактеризовать как "нормальные", поскольку они представлены во всех восточнокавказских языках. Это: лабиальный (или p-ряд), апикулярный (или t-ряд), переднедорсальный (или k-ряд), передний сибилантный (или s-ряд), задний сибилантный (или $\check{s}$ -ряд), заднедорсальный (или q-ряд) и ларин-

гальный (или h-ряд). Кроме того, некоторые языки имеют еще дополнительные ряды: арчинский и аваро-андо-дидойские — латеральный (или λ-ряд), удинский — средний сибилантный (или ê-ряд), табасаранский — лабиосибилантный (или ê-ряд). Несколько языков имеют, кроме нормального ларингального ряда ("глоттисовых звуков"), еще эмфатический ларингальный ряд ("эпиглоттисовые звуки") [2]. Вообще ларингалы в системах согласных восточнокавказских языков занимают особое место.

Противопоставления, основанные на различиях по месту образования, д и з ъ ю н к т и в н ы, то есть каждый локальный ряд противопоставлен всем остальным. Выражения типа "переднедорсальный" и "заднедорсальный" не должны вводить никого в заблуждение. Эти выражения (как и все названия локальных рядов вообще) суть лишь паллиативы¹. В действительности, два эти ряда нельзя подвести под одно понятие "дорсального ряда вообще", и для восточнокавказского языкового сознания k-ряд столь же существенно отличается от q-ряда, как, например, t-ряд от p-ряда.

Напротив, признаки способа образования шумных фонем — не дизъюнктивные, а коррелятивные категории, то есть каждый артикуляционный класс специально противопоставлен какому-нибудь другому, так что в языковом сознании они всегда выступают парами. В системе восточнокавказских шумных фонем господствуют три таких артикуляционных противопоставления или "корреляции": а) противопоставление по голосообразованию ("звонкий — глухой"), б) противопоставление по способу выдоха ("супраглоттальный — инфраглоттальный", то есть "со смыканием гортани — без смыкания гортани"), в) противопоставление по сближению ("спирант — смычный", причем под "смычными" подразумеваются как взрывные, так и аффрикаты). Активными (или "маркированными") в этих корреляциях являются категории "звонкий", "супраглоттальный" (или "смычно-гортанный") и "спирант"; пассивными (или "немаркированными"), напротив, являются категории "глухой", "инфраглоттальный" (или "несмычно-гортанный") и "смычный". В большинстве восточнокавказских языков каждая шумная фонема может обнаруживать не более одного активного признака способа образования. Поэтому в большинстве восточнокавказских языков имеются следующие четыре артикуляционных класса: I. "Средние" (*mediae*), то есть звонкие шумные звуки, которые в зависимости от локального ряда могут быть смычными или спирантами, причем противопоставление по сближению в таких случаях не является фо-

¹ Поскольку фонемы как звукопредставления предполагают не только моторные, но и акустические категории, причем акустическая сторона является более существенной и важной, следовало бы, собственно, описывать фонему и вообще фонологические явления в акустических терминах. Однако поскольку акустическая терминология весьма бедна, мы вынуждены использовать моторно-артикуляторные термины. При этом никогда не следует забывать, что эти термины — лишь символы сложных фонологических категорий, обладающих, кроме моторной, еще и акустической стороной.

нологичным; II "Тонкие" (*tenues*) или абсолютно пассивные, во всех отношениях немаркированные шумные фонемы, то есть глухие смычные без гортанной смычки; III. "Смычно-гортанные", то есть глухие смычные с гортанной смычкой; IV. "Спиранты", то есть глухие спиранты с инфраглоттальным выдохом. При этом *tenues* и смычно-гортанные лабиального, апикального и переднедорсального локальных рядов являются взрывными, вследствие чего эти ряды можно назвать "взрывными рядами"; напротив, прочие ряды можно назвать аффрикатными, поскольку их *tenues* и смычно-гортанные являются аффрикатами. *Mediae* во взрывных рядах реализуются как взрывные (*b, d, g*), в аффрикатных — как спиранты (*z, ž, γ, ʎ*). Но эта фонетическая реализация с фонологической точки зрения несущественна. В чеченском заднесибилантный средний в анлауте реализуется как аффриката (*ž*), в инлауте и ауслауте — как спирант (*ž*), так что здесь *ž* и *ž* представляют собой два комбинаторных фонетических варианта одной и той же фонемы¹. В кубачинском звонкие взрывные *b, d, g* могут факультативно замещаться звонкими спирантами *v, đ, g*, так что здесь *d, b, g*, и *đ, v, g* суть равноправные факультативные фонетические варианты одних и тех же фонем. — В то время как в большинстве восточнокавказских языков господствует описанная выше система из четырех артикуляционных классов (*mediae, tenues, смычно-гортанные* и *спиранты*), три языка — даргинский, табасаранский и восточнолезгинский — имеют систему из пяти артикуляционных классов. А именно: в этих языках существует фонологическое противопоставление между звонкими смычными и звонкими спирантами, по меньшей мере в нескольких локальных рядах.

В принципе вышеназванные четыре (или пять) артикуляционных класса имеются во всех локальных рядах. Но в некоторых языках существуют также "неполные", или "дефектные" локальные ряды. Так, во всех языках в апикальном ряду отсутствует спирант; такая же лакуна обнаруживается в лабиальном ряду в даргинском, лакском, арчинском и аваро-андийских языках и в переднедорсальном ряду в чеченском, бацбийском, удинском и арчинском. В лакском и аваро-андийских языках вообще лабиальный ряд состоит только из двух фонем: *b* и *p* [3]. Латеральный ряд нигде не представлен без лакун: в арчинском в нем отсутствует *tenuis*, в аваро-андийских языках — *mediae*. Ларингальные ряды (как нормальный, так и эмфатический) во всех языках имеют только противопоставление по сближению.

2. Вторичные коррелятивные противопоставления

Кроме признаков места и способа образования, определенные согласные фонемы в некоторых восточнокавказских языках характеризуются еще и вторичными коррелятивными признаками, представленными

¹ В ингушском дело обстоит так же не только в заднем, но и в переднем сибилантном ряду.

ми фонологическими противопоставлениями двух типов: противопоставлением по интенсивности и противопоставлениями по собственному тону.

Противопоставление по интенсивности состоит в различии "сильных" (или "напряженных") и "слабых" (или "вялых") согласных¹. Сильные согласные обнаруживают большее мускульное напряжение артикуляционных органов, более крепкую смычку (если это смычные), более узкую щель (если это спиранты). Длительность их больше, чем у соответствующих слабых согласных, что особенно ярко проявляется в интервокальной позиции. Перед сильным согласным гласный "резко обрывается", то есть его вершина совпадает с имплозией согласного. Кроме того, в каждом артикуляционном классе противопоставление сильных и слабых согласных сопровождается еще и определенными вторичными фонетическими признаками. У *tenues* слабая (вялая) артикуляция всегда сопряжена с более или менее отчетливой аспирацией, тогда как сильная (напряженная) артикуляция по большей части осуществляется без аспирации. У спирантов аспирация их слабых разновидностей менее заметна, но отчетливо проявляется противопоставление по ширине раскрытия и по длительности. Но все эти побочные явления при противопоставлении по интенсивности сильных и слабых согласных остаются в области фонетической реализации. Фонологически значимым является только противопоставление двух коррелятивных степеней интенсивности — максимальной и минимальной. Тем не менее, и с фонологической точки зрения можно различить два вида противопоставления по интенсивности — **к в а н т и т а т и в н ы й** и **д и н а м и ч е с к и й**. Если противопоставление какого-то класса согласных по интенсивности проявляется только перед гласными, то на первый план выступает квантитативный момент, так что сильные (напряженные) разновидности при таком способе артикуляции воспринимаются как "долгие", а слабые (вялые) — как "краткие". Напротив, если противопоставления по интенсивности в некотором классе согласных проявляются также и в иных позициях, кроме интервокальной, то квантитативный момент фонологически уступает место динамическому, так что максимально интенсивные разновидности начинают выступать в качестве "сильных", а минимально интенсивные — в качестве "слабых".

Противопоставления по собственному тону, которые имеют место у восточнокавказских согласных, всегда сводятся к паре "светлый собственный тон — темный собственный тон". Однако в некоторых языках это соотношение может выступать в двух формах, в зависимости от того, какой его член мыслится как активный (маркированный) или же пассивный (немаркированный). Одни языки обнаруживают "активно-темную", другие — "активно-светлую" трактовку собственного тона. Так как собственный тон звука тем светлее, чем короче надставная труба резонатора, и тем темнее, чем длиннее эта надставная

¹ О фонетической стороне этого противопоставления см. нашу работу "Исследования в области..." (наст. сб., стр. 261).

труба, то различие между языками с активно-темной и языками с активно-светлой трактовкой собственного тона состоит в том, что первые противопоставляют нормально образованные согласные и согласные с удлинённым резонатором, тогда как вторые различают нормально образованные согласные и согласные с укороченным резонатором.

Удлинение резонирующего пространства рта в восточно-кавказских языках с активно-темной трактовкой собственного тона достигается за счет вытягивания вперед губ, или "лабиализации". В этих языках противопоставление темного и светлого собственного тона реализуется в виде противопоставления лабиализованных и нелабиализованных согласных. В языках, которым знакомо такое противопоставление по собственному тону, оно существует только у шумных, при этом лишь в определенных локальных рядах, главным образом в передне- и заднедорсальном, реже в заднесибилантном и совсем редко — в переднесибилантном и апиальном [4]. На лабиальные согласные "к о р р е л я ц и я л а б и а л и з а ц и и" не распространяется ни в одном восточнокавказском языке. Но существуют и некоторые другие ограничения. Так, лабиализованные согласные ни в одном восточнокавказском языке не могут стоять перед лабиализованными гласными [5], и т. п. — Что касается укорачивания резонирующего пространства рта, то оно в восточнокавказских языках с активно-светлой трактовкой собственного тона осуществляется не посредством обычной палатализации, то есть продвижения вперед тела языка, как во многих языках мира, но посредством продвижения гортани вверх. При этом, естественно, тело языка также сдвигается вперед, но это всего лишь вторичное и побочное явление: существенным и первичным является только сдвиг гортани. Произносимые таким образом согласные получают не только более светлый собственный тон (в результате сокращения резонирующего пространства), но также специфическое грубое и хриплое звучание, возникающее в результате фрикции в области надсвязочных хрящей. Мы называем эту разновидность консонантного светлого тона э м ф а т и ч е с к о й п а л а т а л и з а ц и е й. В восточнокавказских языках с активно-светлой трактовкой собственного тона, таким образом, противопоставление светлого и темного собственного тона реализуется в виде противопоставления эмфатически-палатализованных и непалатализованных согласных. В языках, где оно существует, это противопоставление по "э м ф а т и ч е с к о й п а л а т а л и з а ц и и" распространяется в принципе на все согласные — как на шумные, так и на сонорные. В отдельных языках, однако, имеются ограничения: лакский, например, не знает эмфатически-палатализованных передних сибилантов, чеченский — эмфатически-палатализованных передних и задних дорсальных и т. д. [6].

Истинная сущность восточнокавказских консонантных противопоставлений по собственному тону до сих пор оставалась неизвестной для большинства наблюдателей. В заблуждение их вводили вторичные, фонологически не существенные акустические побочные явления. Как лабиализованные, так и эмфатически-палатализованные согласные оказывают сильное воздействие на соседние гласные и сопровождаются особым

рода побочными звуками, в которых специфический собственный тон согласного как бы выступает в чистом виде. Наблюдатели принимали эти побочные звуки за самостоятельные звуки языка и отождествляли их с наиболее похожими на них фонемами. Таким образом, они воспринимали и представляли согласные фонемы, снабженные активным признаком собственного тона, но все же фонологически единые, как сочетания из двух фонем. Так поступал П. К. Услар, который в своих даргинской (хюркилинской) и лезгинской грамматиках представлял лабиализованные согласные этих языков как сочетания "согласный + w". Его примеру последовали А. Дирр (в своих агульской, арчинской, ритульской и цахурской грамматиках) и Л. Жирков (в своей даргинской грамматике). При описании чеченского языка П. К. Услар принял эмфатически-палатализованные согласные этого языка за сочетания согласных с фарингальными звуками h = араб. $ح$ (если согласный был глухой) и $ʔ$ = араб. $ع$ (если согласный был звонкий): отсюда такие написания, как $rḥāgal$ 'заяц', $mʔāga$ 'ноготь', $ʃḥa$ 'сюда', $dʔā$ 'туда' и т. п. [7]. При работе с лакским языком П. К. Услар хотел первоначально воспользоваться тем же средством и писать $χḥo$ 'пять', $gaχḥ$ 'шесть' и т. д. Однако носители языка стали протестовать. Они усиленно подчеркивали, что существенным в таких случаях являются не эмфатически-ларингальные побочные звуки, но светлый собственный тон самого согласного. Но само собой разумеется, что лингвистически необразованные носители не смогли донести до лингвистически полуобразованного П. К. Услара такие тонкости своего звукового восприятия. Из их слов П. К. Услару показалось, что в соответствующих звуках "заключен j". Так он пришел к странным написаниям типа " $χjo$ ", " $gaχj$ " и т. д.¹ Однако и такие написания у него проведены непоследовательно. Как мы уже говорили, гласные после (а иногда и перед) эмфатически-палатализованных согласных модифицируются: они приобретают грубое, хрипкое звучание, задние гласные палатализуются (например, $a > œ$), узкие гласные расширяются (например, $i > e$, $u > ø$). В некоторых словах П. К. Услар удовлетворился лишь тем, что отметил эту модификацию гласных, например в слове ye 'лето', где e — всего лишь модификация i после эмфатически-палатализованного y . В некоторых словах П. К. Услар нотировал как эмфатическую палатализацию согласного (посредством "j"), так и модификацию гласного, например, в $χjo$ 'пять'. Наконец, у П. К. Услара встречаются и написания типа $qjaqji$ 'грязь', где модификация гласного не обозначается. Такое непоследовательное написание было обусловлено именно тем, что П. К. Услар совершенно не понял сущности эмфатической палатализации [8].

¹ Об этом П. К. Услар сообщает в письме к А. А. Шифнеру от 14 февраля 1867 г. (оно напечатано в приложении к лакской грамматике: см. П. К. Услар. II: "Этнография Кавказа", IV, с. 32).

3. Транскрипция

Для фонологической транскрипции восточнокавказских согласных фонем нужно таким образом использовать основные буквы и диакритические знаки, чтобы каждый фонологический признак у всех фонем получал одно и то же выражение. Лучше всего было бы, наверное, использовать особую букву для каждого основного согласного (то есть для каждой комбинации локального и артикуляционного признаков) и обозначать диакритическими знаками только вторичные признаки (то есть интенсивность и собственный тон). Но поскольку латинский алфавит, даже с добавлением новых вариантов букв или отдельных греческих букв, все же слишком беден для передачи всех восточнокавказских основных согласных, возникает необходимость использовать диакритические знаки также для определенных артикуляционных классов и локальных рядов. Чтобы избежать недоразумений, мы предлагаем такие диакритические знаки, которые служат для уточнения места или способа образования, ставить под или над основной буквой, но, напротив, интенсивность обозначать диакритическими знаками вверху слева, а собственный тон — диакритическими знаками вверху справа от основной буквы. Так, например, комплекс знаков $\overset{\circ}{\underset{\circ}{\text{ç}}}$ будет обозначать "лабиализованный сильный смычно-гортанный заднего сибилантного ряда".

В качестве основных букв мы используем следующие знаки:

Шумные	Лабильные	Апикальные	Передние сибиланты	Переднедорсальные	Заднедорсальные	Латеральные	Ларингальные
Звонкие смычные	b	d	ʒ	g	(G)	(Λ)	}o
Глухие смычные	p	t	c	k	q	λ	
Звонкие спиранты	(b)v	(d)	z	g	γ	l	}h
Глухие спиранты	f	(f)	s	x	χ	η	

Буквы, поставленные в скобки, необходимы только для фонетических целей или при реконструкции более древних языковых состояний: в современных восточнокавказских языках соответствующие фонемы не представлены.

Используемые нами диакритические знаки следующие:

Точка над или под соответствующим tenuis означает смычно-гортанные: $\overset{\cdot}{p}$, $\overset{\cdot}{t}$, $\overset{\cdot}{ç}$, $\overset{\cdot}{k}$, $\overset{\cdot}{q}$, $\overset{\cdot}{\lambda}$; знак $\overset{v}{\text{}}$ над сибилантами означает задние сибиланты: $\overset{v}{z}$, $\overset{v}{\check{z}}$, $\overset{v}{ç}$, $\overset{v}{\check{ç}}$, $\overset{v}{s}$; знак $\overset{\wedge}{\text{}}$ — средние сибиланты: $\hat{z}$, $\overset{\wedge}{\check{z}}$, $\overset{\wedge}{ç}$, $\overset{\wedge}{\check{ç}}$, $\hat{s}$; знак $\overset{\circ}{\text{}}$ — лабиосибиланты: $\overset{\circ}{z}$, $\overset{\circ}{\check{z}}$, $\overset{\circ}{ç}$, $\overset{\circ}{\check{ç}}$, $\overset{\circ}{s}$; две точки под соответствующими ларингалами — фарингальные звуки: $\underset{\cdot\cdot}{o}$, $\underset{\cdot\cdot}{h}$.

Для вторичных коррелятивных признаков достаточно будет следующих обозначений: точка сверху слева — для "сильных" (напряженных)

согласных (например: $\cdot s$, $\cdot t$, $\cdot \check{c}$). Знак $^{\circ}$ сверху справа — для лабиализованных согласных (например: q° , $\cdot q^{\circ}$, $\check{z}^{\circ}$, k° , и т. д.); знак ϵ сверху справа — для эмфатически-палатализованных согласных (например: b^{ϵ} , q^{ϵ} , k^{ϵ} и т. д.).

В более подробной транскрипции (нужной, например, для фонологически-статистических исследований) необходимо обозначать не только активные ("маркированные"), но и пассивные ("немаркированные") коррелятивные признаки, а именно: "слабые" (вялые) согласные — посредством точки снизу слева (например: $\cdot s$, $\cdot t$, $\cdot \check{c}$ и т. д.), нелабиализованные или непалатализованные согласные — посредством знака ^{a} сверху справа (например: q^a , $\cdot k^a$, $\cdot k^a$ и т. д.). Но эти знаки можно использовать только в таких случаях, когда соответствующая фонема действительно обладает пассивным (немаркированным) признаком, то есть когда отсутствие активного (маркированного) признака является смыслообразительным фактором. Так, при точной транскрипции лезгинского языка лезг. *jak* 'мясо' нужно записывать как jak^a , поскольку ауслатный k после широкого гласного в лезгинском языке может быть как лабиализованным (например, $k^{\circ}ak^{\circ}$ 'червь'), так и нелабиализованным, так что отсутствие лабиализации в *jak* не является "само собой разумеющимся", но имеет фонологическую значимость и существенно для смысла слова; однако "слабость" k в том же лезг. *jak* эксплицитно обозначать нет необходимости, поскольку в лезгинском все ауслатные *tenues* "слабые". И наоборот, в лезг. *kif* 'коса' не нужно специально обозначать отсутствие лабиализации k , поскольку все согласные перед i в этом языке нелабиализованные; однако "слабость" k в слове 'коса' не "само собой разумеющаяся", поскольку анлаутный *tenuis* по лезгинским фонологическим законам мог бы быть и сильным; поэтому слабость должна здесь быть обозначена. В менее подробной транскрипции обозначаются только активные коррелятивные признаки. Однако при описании языка в любом случае необходимо указывать условия функционирования пассивных и активных признаков.

Нужно подчеркнуть, что приведенные выше графические обозначения активных вторичных признаков (интенсивности и собственного тона) можно использовать только в тех случаях, когда соответствующие признаки, действительно, выступают как члены корреляций. В аварском сильные $\cdot s$, $\cdot \check{c}$ должны быть снабжены знаком интенсивности, ибо они находятся в коррелятивном противопоставлении со слабыми s , $\check{c}$; однако авар. q , x , $\check{z}$, z и под., которые фонетически также обнаруживают сильную (напряженную) артикуляцию, не должны в фонологической транскрипции принимать знак интенсивности, поскольку в аварской фонологической системе отсутствуют соответствующие слабые q , x , $\check{z}$, z . В табасаранском имеются так называемые "лабиосибиллянты", сочетающие сибиллянтную артикуляцию с округлением губ. Но поскольку остальные согласные табасаранского языка не имеют корреляции по лабиализации, то лабиосибиллянты в табасаранском языковом сознании не разлагаются на комбинации вида "основной согласный + темный собственный тон", они находятся не в коррелятивном, но в дизъюнктивном соотно-

шении с другими сибиллянтами, а потому их нельзя графически обозначать как $\dot{z}^{\circ}$, $\dot{z}^{\circ}$, $\dot{c}^{\circ}$, $\dot{s}^{\circ}$, но лишь как $\dot{z}$, $\dot{z}$, $\dot{c}$, s . Так называемые эмфатические ларингалы или фарингалы артикулируются со сдвинутой вверх гортанью и обнаруживают светлый собственный тон при грубом, хриплом звучании. Гласные после этих звуков в большинстве восточнокавказских языков палатализируются, то есть *a* и *o* звучат, приблизительно, как œ , $\text{ø}(\ddot{o})$, а *u* — в зависимости от языка — либо как $\text{ɥ}(\ddot{u})$, либо как разновидность $\text{ø}(\ddot{o})$. Все это сближает эмфатически-ларингальные звуки с эмфатически-палатализованными согласными. Однако эмфатические ларингалы можно включать в категорию эмфатически-палатализованных согласных только в тех языках, которые в принципе обладают такой категорией, например, в лакском, чеченском, бацбийском. В этих языках между эмфатическими и простыми ларингалами налицо то же самое соотношение, что и между эмфатически-палатализованными и соответствующими непалатализованными согласными. Поэтому мы транскрибируем лак. $h^{\epsilon}aldu$ (произносится $h\text{œ}l\text{d}u$) 'коса', $\text{ɔ}^{\epsilon}u'tu$ (произносится $\text{ɔ}\text{ø}'tu$) 'кровь', чеч. $h^{\epsilon}a\dot{z}$ (произносится $h\text{œ}\dot{z}$) 'лоб', $\text{ɔ}^{\epsilon}a$ (произносится $\text{ɔ}\text{œ}$ 'зима'). Но в языке, подобном аварскому, в котором коррелятивные противопоставления по собственному тону вообще неизвестны, соотношение между эмфатическими и простыми ларингалами не коррелятивное, а дизъюнктивное. Поэтому эмфатические ларингалы (или фарингалы) здесь нельзя обозначать как h^{ϵ} , ɔ^{ϵ} , но лишь как h , ɔ .

Д о п о л н е н и е: т р а н с к р и п ц и я г л а с н ы х. Поскольку предложенная здесь транскрипция согласных фонем использует диакритические знаки как слева, так и справа от основных букв (например, $\cdot k^{\circ}$, $\cdot q^{\circ}$ и т. д.), то при записи гласных фонем нельзя использовать такого же рода диакритические знаки — иначе легко могут возникнуть недоразумения. Наиболее целесообразным было бы использовать для каждого вокалического качества (то есть для каждой фонологически значимой комбинации степени раствора с позицией языка и губ) особую букву без диакритических знаков. Просодические признаки (акцент и долгота) должны при этом обозначаться диакритическими знаками над буквой (акцент ` , долгота — , редукция ~), резонаторные признаки — диакритическими знаками под гласной буквой (назализация ~ , ларингальная фрикция ..), однако, естественно, только тогда, когда эти признаки имеют самостоятельную фонологическую значимость. Что касается конкретных вокалических качеств, то их можно было бы обозначить следующим образом:

Максимально открытый гласный во всей системе можно обозначать посредством *a*; из максимально узких гласных самый темный — посредством *u*, самый светлый — посредством *i*, задний нелабиализованный — посредством *ɨ*, передний лабиализованный (= $\ddot{u}$) — посредством ɥ ; из гласных среднего раствора в системах с двумя или тремя степенями раствора самый темный можно передавать посредством *o*, а самый светлый — посредством *e*, задний нелабиализованный — посредством ø , передний лабиализованный (= $\ddot{o}$) — посредством œ ; для систем с большим количеством степеней раствора — фонема, расположенная между

и и о, может обозначаться посредством ω , а фонема, расположенная между i и e — посредством ϵ , лежащая между o и a — посредством sa , а лежащая между e и a — посредством se ; "неопределенный гласный" (фонема неполного образования с колеблющейся и неединообразной фонетической реализацией) — посредством ∂ .

III. Системы согласных отдельных восточнокавказских языков

1. Рутульский

Среди восточнокавказских консонантных систем рутульская как будто бы самая бедная [9]. Кроме семи нормальных локальных рядов, она содержит эмфатически-ларингальный ɔ̣ , четко отличающийся от нормального ларингального ɔ . Глухие спиранты представлены во всех локальных рядах, за исключением t -ряда. Система основных согласных почти тождественна нормальной системе:

Сонорные: r, l, m, n, w, j

Шумные:

Mediae	d	b	g	z	ʒ̣	γ		
Tenuis	t	p	k	c	ç̣	q	ɔ	ɔ̣
Смычно-гортанные	ṭ	p̣	ḳ	ç̣	ç̣̣	q̣		
Спиранты		f	x	s	ṣ̌	χ	h	

Есть, однако, несколько неясных моментов, которые должны получить освещение в последующих исследованиях. Из замечаний А. Дирра (см. "Сборн. мат.", XLII, с. 2) как будто бы следует, что рутульский обладает переднедорсальным звонким спирантом g , в частности, в словах: gal 'рот' (в диалекте Шиназа), gar 'змея' (в диалекте Шиназа), jag 'зерно на току', $sigad$ 'теплый', глагольный корень ag^o 'получать, приносить'. Но это замечание А. Дирра сформулировано весьма неопределенно и осторожно, так что пока в этом вопросе нет полной ясности. Неясно также, имеет ли рутульский две звонких фонемы ç̣ -ряда (аффрикату ʒ̣ и спирант ʒ̣), или только одну фонему, которая реализуется фонетически в двух звуках (ʒ̣ и ʒ̣). То же верно для звуков v и w . Поэтому мы не знаем, нужно ли причислять рутульский к языкам с фонетически различающимися звонкими смычными и спирантами [10].

Напротив, в некоторых случаях совершенно ясно, что А. Дирр без необходимости графически противопоставил некоторые фонетические варианты. Так, обозначаемые А. Дирром по-разному глухие переднедорсальные спиранты — палатальный x̣ и передневелярный x — в действительности являются всего лишь двумя фонетическими вариантами одной и той же фонемы x : перед a и u выступает передневелярный вариант, перед se (или e) и i — палатальный, перед ∂ может факультативно встре-

чаться и тот, и другой, причем говор Шиназа предпочитает палатальное, а говор Рутула (Мухада) — передневелярное произношение. Заднедорсальный смычный, который А. Дирр обозначил посредством русского к с тащидом, не является в рутульском самостоятельной фонемой, но лишь факультативным вариантом смычно-гортанного q; речь идет, вероятно, о менее энергичной артикуляции этой фонемы, которая является особенно предпочтительной в шиназском говоре [11].

Противопоставления согласных по интенсивности рутульскому неизвестны [12]. Слово Allah 'бог', содержащее геминированный (долгий) l, в языковом сознании, вероятно, воспринимается как иностранное слово, тем более, что наряду с ним существует и исконное слово Jiniš 'бог'. Долгий nn замещает сочетание dn (например: qad 'двадцать' — qannasa 'двадцать один', xad 'весна' — xanni 'весной', γald 'лето' — γənnə 'летом', qəd 'зима' — qənnə, qənni 'зимой' и т. д.), но это звуковое чередование настолько прозрачно и ясно, что оно, как и многие аналогичные ассимиляции, воспринимается языковым сознанием не как чередование, а как "естественный способ произношения" звуко сочетания dn. То же самое можно сказать и о спорадически возникающем из nm долгим mm (например: un 'голос' — род. мн. umməd, qœdœm 'войлочный занавес' — род. мн. qœdœmməd). В любом случае такие долгие mm, nn встречаются исключительно на морфемных швах, а потому не могут трактоваться как самостоятельные долгие фонемы, но лишь как сочетания фонем. — Что касается непридыхательного ·t, довольно часто встречающегося в рутульском, то его нельзя считать "напряженным" ("сильным") тонким согласным, но лишь комбинаторным вариантом среднего d: ведь он встречается только после глухих шумных и всегда замещает при этом d (например: aqur 'широкий' — атриб. aqurdə, но bəš 'пустой' — bəš·tə, muḵ — muḵ·tə 'молодой', qux — qux·tə 'большой' и т. д.¹). В фонологической транскрипции здесь можно писать просто d (то есть: bəšdə, muḵdə, quxdə, qəsdə и т. д.).

Если, таким образом, противопоставления согласных по интенсивности в рутульском полностью отсутствуют, то противопоставления согласных по собственному тону в этом языке хорошо известны. Мы имеем в виду противопоставление лабиализованных и нелабиализованных согласных [13]. Правда, это противопоставление в рутульском играет не очень большую роль: на 65 страницах рутульского глоссария А. Дирра ("Сборн. мат.", XLII, ч. 3, с. 119 — 183) лишь около 40 слов содержат лабиализованные согласные. Тем не менее, иногда противопоставление лабиализованных и нелабиализованных согласных служит для смысловоразличения: jak° 'свет' — jak 'мясо', paq° 'земля' — paq 'сон', x°ar 'кобыла' — xar 'град'. Чаше всего лабиализация встречается у заднедорсальных (γ°ab 'корень', jiry°a 'иноходец', paγ° 'слеза', suq°a 'сиди!', kudq°a 'отрежь!', juq°a 'по четыре', maq°al 'крапива',

¹ На то, что рутульцы воспринимают неаспирированные tenuis как фонетические варианты mediae, указывают такие заимствования из русского, как шиназское *derelka* = русск. *тарелка*.

paq° ‘земля’, q° az ‘гусь’, q° ançœ-tili ‘мизинец’, q° aq° ‘колени’, q° e ‘два’, maç° ‘сказка’, moeç° ‘дуб’, paç° ‘солома’, ç° ar ‘кобыла’. ç° œœœd ‘ярмо’, çutç° œœ ‘морщина’) и переднедорсальных (ağ° ara ‘он видит’, g° aœan ‘чулок’, žag° ar ‘белый’, œk° el ‘гнездо’, jak° ‘свет’, k° arç ‘копыто’, lik° a-heœœn ‘зажигать’, lik° paç ‘ель’, lirç° ‘голубь’, x° ar ‘яма’, рут. x° am, шин. k° am ‘дыра, полость’), реже — у задних сибилантов (ž° er ‘она сама’, ž° es ‘вам’, ç° œœd ‘вид птицы’, œç° ‘войди’, loeš° ‘возьми!’, š° ahdœ ‘слива’), в единичных случаях — в остальных локальных рядах (at° ‘режь!’, ç° ar ‘камешек’, h° araš ‘радостный’). Не допускается лабиализация только перед и и в ауслауте после и. Отсюда — грамматическое чередование в случаях типа: през. ağ° ara — прет. aœuri, императ. 1 и 4 кл. aœ° — 3 кл. uœug (от aœun ‘видеть’).

2. Лезгинский¹

Большинство диалектов лезгинского языка имеют ту же систему согласных, что и описанный П. К. Усларом ”ахтынский диалект”. На основании записей П. К. Услара (”Этногр. Кавк.”, VI, с. 17 — 19) и приведенного им образца ”ахтынского” текста (там же, с. 320 и сл.) легко воссоздать фонологическую систему этого лезгинского диалекта. Эта система отличается от описанной выше рутульской главным образом тем, что в ней имеют место консонантные противопоставления по интенсивности, а именно противопоставление сильных и слабых глухих смычных (·t, ·p, ·k, ·ç, ·q — t, p, k, ç, q); кроме того, в ”ахтынском” диалекте как будто бы отсутствуют лабиализованные задние сибиланты [14].

Иначе устроена система согласных того архаичного восточнолезгинского диалекта, который П. К. Услар выбрал в качестве основы для своего описания лезгинского языка (”Этногр. Кавк.”, VI) [15]. Прежде всего, противопоставление смычных и сполантов существует здесь не только среди глухих, но и среди звонких согласных в четырех локальных рядах: b — b̄, g — ḡ, ž — ž̄, z — z̄. Речь при этом идет не о фонетическом, но о фонологическом различии. Правда, это различие как таковое мало используется для смыслоразличения. Но косвенным образом оно принимает участие в смыслоразличении, поскольку смыслоразличительны, с одной стороны, противопоставление звонких и глухих смычных, а, с другой стороны, — звонких и глухих сполантов, например: gaš ‘голод’ — kaš ‘тяжелое дыхание’, gœne ‘склон’ — kœne ‘вы (эргат.)’, žin ‘дракон’ — šin ‘наш’, gœl ‘след’ — xœl ‘стрела’, œun ‘давать’ — хун ‘становиться’, luv ‘крыло’ — luf ‘голубь’, elivun ‘стынуть’ — elifun ‘делать привал’, zur ‘сушеные фрукты’, sur ‘могила’, žiw ‘снег’ — šiw ‘жеребец’. Далее, в восточнолезгинском встречается эмфатически-ларингальный h̄, правда, лишь в иностранных словах и в ономатопоэтическом слове œh̄œ ‘кашель’

¹ Кроме опубликованных работ П. К. Услара и М. Р. Завадского, в данном разделе мы используем также частные сообщения проф. Л. И. Жиркова.

[16], тогда как простой ларингальный смычный ("хамза") лезгинскому как будто бы вообще чужд [17]. Наконец, восточнолезгинский имеет те же два ряда tenues (сильные $\cdot t, \cdot p, \cdot k, \cdot c, \cdot \check{c}, \cdot q$ и слабые $t, p, k, c, \check{c}, q$), что и "ахтынский диалект". Если отвлечься от противопоставлений по собственному тону, то для этого лезгинского диалекта получаем следующую систему согласных:

Сонорные: r, l, m, n, w, j

Шумные:

Смычные: звонкие	d	b	g	z	$\check{z}$		} ʔ
слабые tenues	t	p	k	c	$\check{c}$	q	
сильные	$\cdot t$	$\cdot p$	$\cdot k$	$\cdot c$	$\cdot \check{c}$	$\cdot q$	
смычно-гортанные	ṭ	Ṗ	ḵ	ḥ	$\check{ḥ}$	ḳ	

Спиранты: звонкие	v	g	z	$\check{z}$	γ	} h h
глухие	f	x	s	$\check{s}$	χ	

Особых примечаний требует только фонема ʔ . Эта фонема очень часто встречается в арабских заимствованиях, но в исконно лезгинских словах ее применение ограничено: она встречается только после œ и никогда — перед гласным. Но, с другой стороны, чистый гласный œ в ауслауте не допускается. П. К. Услар воспринял это соотношение совершенно иначе и сформулировал положение дел приблизительно так: ауслаутный œ всегда сопровождается звуком ʔ (= араб. ع), который, однако, нет необходимости записывать, так как œʔ является всего лишь естественным способом произнесения œ в ауслауте. Мы, однако, считаем такую трактовку неправомерной, поскольку фонема ʔ в арабских заимствованиях встречается также и вне сочетания с œ , что свидетельствует об осознании самостоятельности этой фонемы. Такое слово, как jœʔ (Усл. jœ) 'бей!', в сознании носителя языка должно раскладываться на три фонемы: $\text{j} + \text{œ} + \text{ʔ}$ [18].

Что касается противопоставлений по интенсивности, то, как мы уже сказали, они существуют только у tenues. При этом акустически они главным образом состоят в том, что слабые tenues являются аспирированными, а сильные, напротив, неаспирированными. Русские наблюдатели отождествляют лезгинские сильные $\cdot t, \cdot p, \cdot k$ с русскими t, p, k . Аспирация слабых tenues как будто бы "аффрицирующая". Поэтому слабые $c, \check{c}$ звучат как аффрикаты с более долгой спирантной частью (к концу утрачивающей точную локализацию и переходящей в неопределенное придыхание), тогда как сильные $\cdot c, \cdot \check{c}$ приблизительно сходны с русскими $ц, ч$. В заднедорсальном ряду это противопоставление выражено еще отчетливей: слабый q — явная аффриката, тогда как сильный $\cdot q$ звучит почти как взрывной.

Противопоставление сильных и слабых tenues играет в лезгинском языке большую роль. Существует немало пар слов, для которых это

противопоставление служит единственным различительным средством, например: ·kœn ‘соскребать’ — kœn ‘трогать’, ·kul ‘веник’ — kul ‘пчелиный рой’, ·kɛn ‘шить’ — kɛn ‘вы’, ·k°ez ‘кому (дат.)’ — k°ez ‘вам (дат.)’, ·qun (прет. ·q°àna, през. ·q°àda) ‘идти (о дожде)’ — qun (прет. q°àna, през. q°àda) ‘пить’, ·qɛr ‘заяц’ — qɛr ‘кожа’, ·qɛrez ‘зайцу’ — qɛrez ‘смеяться’, ·tab ‘столбик, на котором сидит охотничий сокол’ — tab ‘мочь, сила’, ·taj ‘жеребенок’ — taj ‘пара’, ·tum ‘хвост’ — tum ‘семя’, ·tun ‘класть; брить’ — tun ‘оставлять’, ·se ‘в воде’ — se ‘дай!’, ·šara ‘другой, чужой’ — šara ‘средство’, ·šil ‘земля’ — šil ‘сеть’. Но интенсивность tenues не всегда независима от звукового окружения: в определенных фонетических позициях лезгин может артикулировать только слабый, а в некоторых других — только сильный tenuis. Существуют следующие правила: А) перед другим tenuis и перед глухим спирантом tenues всегда слабые; Б) после другого tenuis и после глухого спиранта tenues всегда сильные; В) в ауслауте и перед заударным гласным tenues всегда слабые (кроме тех случаев, когда они непосредственно следуют за глухим спирантом, как, например, в словах dust ‘друг’, waχt ‘время’, daf ‘тамбурин’ и т. д.); Г) если слово начинается со смычно-гортанного, то второй его слог не может начинаться с сильного tenuis. К правилам А и Б нужно еще добавить, что узкие гласные u, ɤ, i в предударных слогах¹ произносятся очень бегло и могут факультативно выпадать², а поэтому согласные, разделенные такими предударными u, ɤ, i, трактуются так, как если бы они непосредственно соприкасались друг с другом. Так объясняются случаи грамматического чередования: по правилу А: ·qib ‘лягушка’ — мн. ч. qì·pèr, ·tad ‘глотка’ — мн. ч. tɤ·tèr, ·cif ‘облако’ — мн. ч. cifèr; по правилу Б: kek ‘коготь’ — мн. ч. ki·kèr, kɛr ‘красильный сосуд’ — мн. ч. kɛ·pèr, q°œq° ‘щека’ — мн. ч. qɤ·q°èr, χak ‘колышек’ — мн. ч. χì·kàr, χat ‘бусина’ — мн. ч. χì·tàr, χ°at ‘слива’ — мн. ч. χu·tàr, šit ‘ситец’ — мн. ч. šì·tèr, šak ‘сомнение’ — мн. ч. šì·kèr; по обоим правилам: sɛk ‘цветок’ — мн. ч. sɛ·k°èr³. Во всех названных выше позициях степень интенсивности tenuis обусловлена извне, а потому фонологически нерелевантна. В абсолютно точной фонологической транскрипции следовало бы также графически различать фонологически релевантные и фонологически нерелевантные степени интенсивности. Следует особенно подчеркнуть, что в случаях типа ·cif — cifèr фонологически речь идет не о чередовании двух противопоставленных степеней интенсивности, но о чередовании tenuis, характеризованного определенной степенью интенсивности, с tenuis без всякого признака интенсивности. В случаях типа χak — χì·kàr с фонологической точки зрения вообще отсутствует какое

¹ Ударение в лезгинском языке падает обычно либо на первый, либо на второй (но чаще на второй) слог слова.

² Так по крайней мере было во времена П. К. Услара. Сейчас предударные узкие гласные как будто бы окончательно выпали.

³ Интересно, что правило Б действует и тогда, когда согласные разделены сочетанием ”предударный гласный + r”: kaɣ ‘рог’ — мн. ч. kir·šàr, qurq ‘кусочек овчинки’ — мн. ч. qur·qàr, tur ‘редька’ — мн. ч. tur·pàr. Очевидно, в таких случаях (при падении предударного гласного) r теряет свою звонкость и сонорность.

бы то ни было чередование, поскольку степень интенсивности *tenuis* в обоих случаях обусловлена извне, а следовательно, фонологически нерелевантна. В случаях же типа *kɘr* — *ku·pèr* чередование с фонологической точки зрения затрагивает не второй, а первый *tenuis*: второй в обеих формах остается фонологически нейтральным (так как степень его интенсивности в обеих формах обусловлена звуковым окружением), а первый *tenuis*, напротив, в одной форме (*kɘr*) обнаруживает четкую, фонологически значимую негативную степень интенсивности и только в другой форме (*ku·pèr*) подвергается фонологической нейтрализации. При упрощенной фонологической транскрипции можно отвлечься от всех этих тонкостей и обозначать нейтрализованные *tenues* теми же буквами, что и слабые. Поэтому мы пишем *kɘr* — *kɘrpèr*, *·sɘk* — *sɘkèr*, *dust*, *kutkun* и т. д. и просим лишь запомнить, что фонемы *t*, *p*, *k*, *s*, *ʃ*, *q* должны произноситься как сильные, когда они следуют за другими *tenues* и за спирантами непосредственно или отделены от них предударными *u*, *ɘ*, *i*, а во всех прочих позициях они должны произноситься как слабые.

Противопоставление согласных по собственному тону (между лабиализованными и нелабиализованными) играет в восточнолезгинском важную роль. Однако оно почти исключительно ограничено задне- и переднедорсальными. Лабиализованный задний сибиллянт выступает только в инф. II (= супин): *tuš°ànz* (ср. еще през. *tuš°anda*, имперф. *tuš°andaj*, фут. *tuš°andi*) от *tušun*¹ 'топтать, наступать'; лабиализованный *·t°* — только в *·t°az* (также *·t°áda*, *·t°àdaj*, *·t°àdi* и прет. *·t°àna*) от *·tun* 'брить'; лабиализованный *t°* — только в *mœx̣t°* 'мозг', *χuṭ°ànz* (*χuṭ°ànda* и т. д.) 'раздеваться' и *kụṭ°ànz* (*kụṭ°ànda* и т. д.) 'привязывать'. Остальные шумные недорсальных локальных рядов полностью нейтральны по отношению к собственному тону [19]. У задне- и переднедорсальных противопоставление по собственному тону во многих парах слов выступает в качестве единственного различительного средства, например: *g°œl* 'кипение' — *gœl* 'след', *maq̣°àdi* 'близкий' — *maq̣àdi* — эрг. ед. ч. от *maq̣* 'сало', *q̣°al* 'обрыв' — *qal* 'прут', *gœy°* 'мельница' — *gœy* 'гребень', *χ°al* 'канавка' — *χal* 'родинка', *χ°ar* 'кобыла' — *χar* 'град', *χ°at* 'слива' — *χat* 'бусина' (ср. также *·t°az* 'брить' — *·taz* 'класть'). Но собственный тон задне- и переднедорсальных не всегда независим от звукового окружения. Действуют следующие правила: А) перед узкими гласными (*u*, *ɘ*, *i*) все дорсальные шумные всегда нелабиализованы, Б) после узких гласных все дорсальные шумные в ауслауте нелабиализованы; В) между неударным узким гласным и ударным широким гласным (*á*, *é*, *oé*) дорсальные шумные после *u*, *ɘ* лабиализованы, после *i* — нелабиализованы; Г) перед заударными гласными все дорсальные шумные нелабиализованы. Так объясняются случаи типа *g̣ɘq̣* 'зола' — ген. ед. ч. *g̣ɘq̣°édin*, *mulk* 'земельная собственность' — мн. ч. *mulk°àr*, *jaḳ°* 'топор' — ген. ед. ч. *jaḳun*, *gœy°* 'мельница' — ген. ед. ч. *gœyɘn* и т. д. Во всех случаях, когда лабиализация или ее отсутствие обусловлены звуковым окружением, они представляют собой чисто фонетические явления, абсолютно нере-

¹ В *rišwet* "взятка" налицо не *š°*, но сочетание *šw*; ср. араб. رشوت

левантные для значения слов. Поэтому в упрощенной фонологической транскрипции нет необходимости обозначать лабиализацию дорсальных шумных после предударных *u, ʉ*. Тем самым область распространения противопоставления согласных по собственному тону в восточнолезгинском сильно ограничена. Однако можно сказать, что в этой ограниченной области противопоставление по собственному тону используется в полной мере: лабиализованные шумные в лезгинском встречаются гораздо чаще, чем в рутульском.

3. Табасаранский

Табасаранский, кроме семи нормальных локальных рядов и стоящего вне локальных рядов эмфатического ларингального *ɔ* [20], имеет еще особый лабиосибиллянтный ряд. Противопоставление глухих смычных и звонких спирантов табасаранский обнаруживает в четырех локальных рядах: *g — ɡ, ʒ — z, ʒ̥ — ʒ̄, ʒ̇ — ʒ̈* [21]. Однако в лабиальном ряду этого противопоставления нет. Знак *β*, используемый А. Дирром в его табасаранской грамматике, — это всего лишь условное обозначение классного показателя неодушевленных предметов, который после гласных звучит как *w*, а в прочих позициях — как *b*¹. Взамен этого в лабиальном ряду, кроме краткого *b*, есть еще и долгий *·b*, тогда как в прочих локальных рядах известны только краткие звонкие смычные (*d, ɡ, ʒ, ʒ̥, ʒ̇*). В анлауте и после гласных *b* всегда краток. После гласных краткий *b* встречается почти исключительно в иностранных словах (например: *abasi* ‘двугривенный’, *ʒiwab* ‘ответ’, *hab* ‘пилюля’, *kasib* ‘бедный’ и т. п.), из исконных слов — только в *·qa·qoba·bicaʒ* ‘примула (цветок)’ и *sibi* ‘неспелый’. Долгий *·b* засвидетельствован только в слове *-ʃi·bu* ‘три’ [22].

В табасаранском существуют другие случаи протипопоставления согласных по интенсивности. Плавные и носовые обнаруживают количественное противопоставление по интенсивности, выступающее (так же, как вышеупомянутое противопоставление *b : ·b*) только после гласных. Напротив, у глухих инфраглоттальных смычных и спирантов противопоставление по интенсивности, скорее, динамическое и не привязано ни к какой определенной фонетической позиции [23]. Сильные глухие взрывные *·t, ·p, ·k* акустически отличаются от соответствующих слабых *t, p, k* главным образом отсутствием аспирации; иногда (особенно между гласными) они бывают долгими (геминированными), но это всего лишь факультативное фонетическое явление. У шумных (аффрикат) сибиллянтных рядов различие между двумя степенями интенсивности кажется менее отчетливым. А. Дирр, трактовавший это различие как количественное, нотировал *s, ʃ*, только когда отчетливо слышал их “долго-ту”, что не всегда имело место. Поэтому в некоторых словах, где А. Дирр записал простые *s, ʃ*, нужно на самом деле читать *·s, ·ʃ*. Так, в словах *siŋ* ‘имя’ и *taŋs* ‘чистый’ нужно предполагать (на основании исто-

¹ Ср. “Сборн. мат.”, XXXV, ч. III, с. 2, прим. 1.

рико-фонетических соображений) ·с (то есть: ·cig, maг·c). Существование сильного tenuis в лабиосибилантном ряду А. Дирр по той же причине вообще не заметил. И все же наличие такой фонемы (·ċ), по меньшей мере в слове miċig (читай: mi·ċig) 'ложка', исходя из исторической фонетики, нужно предполагать¹ [24]. "Сильные" разновидности спирантов А. Дирр также нотировал только тогда, когда он отчетливо слышал их "долготу": фонемы ·f (например, в: di·f 'туман', ji·f 'медь', je·fi 'кровь', ·furu 'уздечка') и ·š (например, в ji·š 'ночь') А. Дирр даже обозначал посредством двойного написания (ff, šš). Поскольку А. Дирр вообще не имел понятия о сущности восточнокавказских противопоставлений согласных по интенсивности, он иногда принимал различие двух ступеней интенсивности за различие в способе артикуляции или в месте артикуляции, переоценивая при этом вторичные фонетические побочные явления. Поэтому вполне возможно, что различие между велярным х и палатальным x̣ ("ach-лаут" и "ich-лаут"), которое он как будто бы обнаружил в табасаранском, на самом деле есть противопоставление по интенсивности. Это было бы наиболее правдоподобным истолкованием. Ведь, с одной стороны, бросается в глаза, что х — единственный глухой спирант, не вступающий в корреляцию по интенсивности, а с другой стороны, было бы весьма странным наличие фонологической значимости у противопоставления палатальной и велярной артикуляций при переднедорсальных спирантах в то время, как прочие переднедорсальные звуки вообще не знают такого противопоставления. Этот момент, таким образом, требует более точного исследования, поскольку, даже если предположить, что за противопоставлением "ach-лаута" и "ich-лаута" в табасаранском на самом деле кроется противопоставление по интенсивности, все же необходимо будет еще установить, какая из двух разновидностей переднедорсального спиранта представляет сильную, а какая — слабую степень интенсивности. На основании материалов А. Дирра этот вопрос решить нельзя, а историческая фонетика в данном случае тоже не помогает².

Во многих парах слов противопоставление согласных по интенсивности служит единственным дифференцирующим средством, например: ·šal 'сноп' — šal 'платок', ·xoĵ 'собака' — xoĵ 'клятва', ·xar 'звезда' — xar 'кобыла', ·xan 'двор' — xan 'марена', ·furu 'уздечка' — furu 'дыра', u·kuz 'зарезать' — u·kuz 'разрезать', ·ta·tar 'петухи (мн.)' — tatar 'татарин', ·pul 'кольцо' — pul 'деньги', ·qer 'заяц' — qer 'ворона', ·qeguz 'достигать' — qe·guz 'ставить за ч.л.', ·qaɔ̣ 'находится между' — qaɔ̣ 'находится по-

¹ А. Дирр, видимо, также не смог отличить смычно-гортанный ċ от инфраглоттального ċ. Во всяком случае, он не ввел специального знака для этой фонемы (что, впрочем, может объясняться и типографскими сложностями). В таких словах, как jaŋci 'сорок' и ċuz 'идти' (например, uldu·ċuz 'уходить'), где А. Дирр пишет ċ, по данным родственных языков нужно предполагать наличие ċ [25].

² Статистические соображения говорят за то, что палатальный x̣ — "слабый", а велярный х — "сильный"; x̣ встречается гораздо чаще, чем х, а у других фонем слабые разновидности, как правило, встречаются чаще, чем сильные. Но этот вывод может быть и ложным, так как фонема ·q засвидетельствована чаще, чем q [26].

зади', ·kül 'плечо' — kül 'ветка', ·ku-çuz 'идти под чем.-л.' — ku-çuz 'подниматься на ч.-л.', ·kuru-çuz 'выходить вперед' — kuru-çuz 'спускаться вниз, переходить', ·kuru 'узкий' — kuru 'плотный', ·kum 'гвоздь' — kum 'дым', ·ki-çuz 'вешать под чем.-л.' — ki-çuz 'вешать на ч.-л.', ·ke-guz 'растоптать' — ke-guz 'зажигать', ·kaç 'находится под' — kaç 'находится на', ji·s 'ночь' — jiš 'место', ji·f 'медь' — jif 'снег', (d-, b-) ·i-quz 'пугаться' — (d-, b-) ·iquz 'находиться', хаг(·хаг?) 'лето' — х̣аг 'дыра, яма'. Противопоставления по интенсивности у глухих смычных и спирантов совершенно независимы от звукового окружения, а у b и сонорных (носовых и шлавных) они встречаются только после гласных.

В то время как противопоставления по интенсивности в табасаранском сильно развиты и активно используются, какие бы то ни было противопоставления согласных по собственному тону в этом языке совершенно отсутствуют [27]. То, что различие между лабиосибиллянтами и прочими сибиллянтами в табасаранском не коррелятивное, а дизъюнктивное, говорилось уже выше.

Таким образом, табасаранскую систему согласных можно представить в следующем виде:

Сонорные: сильные	·r ·l ·m ·n	} w j
слабые	r l m n	
Шумные:		
Смычные:		
звонкие сильные	·b	} ç ʒ
слабые	b	
глухие сильные	·p ·t ·k ·c ·č ·q	
слабые	p t k c č q	
·смычно-гортанные	·p̣ ·ṭ ·ḳ ·c̣ ·č̣ ·q̣	
	[·c̣]	
Спиранты:		
звонкие	g z ž γ	} h
глухие сильные	·f [x] ·s ·š ·χ	
слабые	f x s š χ	

Фонемы, поставленные в квадратные скобки, не приводятся у А. Дирра, но наличие их можно с уверенностью постулировать.

4. Агульский

А. Дирр, которому мы обязаны нашими сведениями об агульском языке, в предисловии к своей агульской грамматике ("Сборн. мат.", XXXVII, ч. III) прямо заявляет, что эту грамматику он составил главным образом по данным, полученным от арчинца, знакомого с агульским. Правда, А. Дирр утверждает, что этот арчинец имел большие языковые способности и в совершенстве владел агульским языком. Одна-

ко представляется целесообразным перепроверить агульский языковой материал А. Дирра в полевых условиях с помощью настоящего агульца.

Агульский, кроме нормальных локальных рядов, имеет еще эмфатически-ларингальный (фарингальный) ряд, состоящий из фонем ʔ и h [28]. Напротив, нормальный ларингальный ряд как будто бы представлен почти исключительно одним спирантом h: звук ɔ (хамза) засвидетельствован только в слове ·q°aɔanaɟ 'ворона' [29]. Возможно, правда, что ɔ встречается также и в анлауте, чего, однако, нельзя установить на основании записей А. Дирра. Не вполне ясно соотношение между агул. ž и ẓ̌. Некоторые слова записаны в двух видах — иногда с ẓ̌, иногда с ž (iže/iže 'хороший', žag°ar/žag°ar 'белый', guž/guž 'хвост' и т. д.), на основании чего можно сделать вывод, что ẓ̌ и ž — всего лишь фонетические варианты одной и той же фонемы. Это тем более вероятно, что в других локальных рядах в агульском отсутствует фонологическое противопоставление между звонкими смычными и звонкими спирантами [30].

Консонантные противопоставления по интенсивности в агульском представлены почти исключительно у шумных. Из сонорных только l обнаруживает две разновидности — краткий l и долгий ·l (последний, например, в ba·laj 'песня', ža·lawur 'все', i·le 'мужской', šu·le 'синий'). Долгий nn встречается только в иностранных словах (например, žen·pset 'рай', sunni 'суннит'). Что касается шумных, то здесь противопоставления по интенсивности встречаются у tenues и у (глухих) спирантов [31]. О записи противопоставлений по интенсивности у А. Дирра можно сказать то же самое, что было сказано выше по поводу табасаранского. Наиболее отчетливо А. Дирр слышал противопоставление по интенсивности у взрывных (·k — k, ·t — t, ·p — p), причем он трактовал его здесь как противопоставление непридыхательных и придыхательных tenues. Очень часто при этом сильный взрывной он слышал как геминату. Но то, что речь здесь идет только об акустическом колебании (в крайнем случае о факультативных фонетических вариантах), показывает запись *ññara*, *ñara* 'очень', где для одного и того же слова нотированы оба варианта (читай: ·paɟa). Среди аффрикат переднесибиллянтного ряда А. Дирр слышал слабый c часто как придыхательный, а сильный ·c — иногда как непридыхательный и геминированный. Там, где он явно маркирует аспирацию c или "долготу" ·c, не возникает сомнений по поводу степени интенсивности соответствующей фонемы. Хуже обстояло дело тогда, когда А. Дирр не слышал ни аспирации, ни геминации (или долготы) и использовал нейтральный знак "ц". Во всяком случае, этот знак не может соответствовать никакой самостоятельной фонеме: агульский tenuis может быть либо сильным, либо слабым. Среди аффрикат заднесибиллянтного ряда А. Дирр не обозначал ни квантитативных, ни экспираторных различий. Но это еще не доказывает, что агульскому языку, действительно, незнакомо противопоставление ·š — ṣ̌: это было бы чрезвычайно странно. Поэтому мы должны предполагать наличие такого противопоставления, но не в состоянии указать, в каких случаях следует писать сильный ·š, а в каких — слабый ṣ̌ [32]. Аналогично обстоит дело

с глухим спирантом в лабиальном ряду — единственным агульским спирантом, для которого А. Дирром не отмечены квантитативные противопоставления. Мы предполагаем существование пары $\cdot f - f$, хотя в собрании агульских слов А. Дирра нет ни одного слова с $\cdot f$ [33].

Таким образом, за исключением противопоставлений по собственному тону, агульский обладает следующими фонемами:

Сонорные: а) долгие: $\cdot l, \cdot n$; б) краткие: r, l, m, n, w, j

Шумные:

mediae	d	b	g	z	ž	γ		
сильные tenues	$\cdot t$	$\cdot p$	$\cdot k$	$\cdot c$	($\cdot \check{c}$)	$\cdot q$	}	ɟ ɟ̣
слабые tenues	t	p	k	c	č	q		
смычно-гортанные	ṭ	p̣	ḳ	c̣	č̣	q̣		
сильные спиранты	($\cdot f$)	$\cdot x$	$\cdot s$	$\cdot \check{s}$	$\cdot \check{x}$		}	h ḥ
слабые спиранты	f	x	s	š	· x̣			

Фонемы, поставленные в скобки, у А. Дирра отсутствуют, но наличие их можно постулировать с уверенностью.

Противопоставления шумных по интенсивности полностью независимы от фонетического окружения. Они сравнительно редко выступают в качестве единственного смысловозначительного средства, например: $\cdot k$ — окончание субэссива — k — окончание адэссива, $\cdot ka$ 'находится под' — ka 'находится у чего-л.', $\cdot kul$ 'шуба' — kul 'ветка', $\cdot qa$ 'двадцать' — qa 'находится за чем-л.', $\cdot tur$ 'ложка' — tur 'сабля', $\cdot \chi al$ 'дом' — χal 'за, позади', $\cdot \chi il$ 'способ' — χil 'рука', $\cdot \chi ar$ 'печь' — χar 'высохшее русло реки', $u \cdot kuni$ 'бежал' (2. прет.) — $ukuni$ 'ночная стоянка овец' (эрг. ед.). Противопоставления согласных по собственному тону представлены в агульском в виде оппозиции лабиализованных и нелабиализованных шумных [34]. Эта оппозиция имеется у всех задне- и переднедорсальных (кроме $\cdot x, x$); но существуют, кроме того, и лабиализованные задние и передние сибиланты, хотя и довольно редкие, например: $ar\check{c}^{\circ}as$ 'разрушаться', $\check{c}^{\circ}as$ 'вам' (дат. п.), $pe \cdot c^{\circ}$ 'река' [35]. Один раз засвидетельствован также лабиализованный $\check{c}^{\circ}$: $mu\check{c}^{\circ}$ 'мост' [36]. Перед u могут стоять только нелабиализованные фонемы, как и в ауслауте после u : и ср. чередование rug 'земля' — ген. $rug^{\circ}in$, $u \cdot k^{\circ}as$ 'бежать' — императ. $u \cdot k$ и т. д. Пары слов, в которых противопоставление по собственному тону используется в качестве единственного различительного средства, редки: $\check{c}^{\circ}as$ 'вам' (дат. п.) — $\check{s}as$ 'нам' (дат. п.) и $\chi^{\circ}ar$ 'кобыла' — χar 'мошонка' — вот единственные два таких случая, которые можно найти в довольно объемистом (58 печатных страниц) агульском словнике А. Дирра.

5. Кубачинский [37]

Кубачинские записи А. Дирра (А. Д и р р. Введение в изучение кавказских языков, с. 235 — 238) совершенно недостаточны. К счастью, мы

располагаем сейчас очерком Л. Жиркова "Язык аула Кубачи" ("Уч. зап. Инст. этн. и нац. культ. народов Востока", 1, с. 255 — 281), который дает более полную картину этого языка.

Кубачинская система согласных весьма сходна с агульской. Важнейшие отличия следующие. Кроме пары $l - \cdot l$, в кубачинском есть еще пара $\cdot r - r$ (например: в арракага 'у Абу-Бекра' (песня III V. 5 — Л. Ж и р к о в. Цит. соч., с. 263), $\dot{x}abarri$ 'рассказ' (песня VII, I), $\dot{z}awharra$ 'алмазный' (песня VII, 12 — Л. Ж и р к о в. Цит. соч., с. 267), кроме пары $\cdot n - n$ — также пара $\cdot m - m$ (например: 'ахуммади=ʔаху·мади 'произошло, случилось' (песня VII, 2)). В кубачинском есть отсутствующие в агульском лабиализованные x° и $\dot{x}^\circ$, но как будто бы нет лабиализованного g° [38]. Лабиализованных сибиллянтов Л. Жирков в кубачинском не отмечает. Итак, кубачинская система согласных выглядит следующим образом:

Сонорные: а) долгие $\cdot r, \cdot l, \cdot m, \cdot n$; б) краткие r, l, m, n, w, j

Шумные:

mediae	d	b	g	z	ʒ	γ	
сильные tenues	·t	·p	·k	·c	·č	·q	} ʔ ¹⁾ ʔ ²⁾
слабые tenues	t	p	k	c	č	q	
смычно-гортанные	ṭ	Ṗ	ḳ	ç	č̣	q̣	
сильные спиранты	·f	·x	·s	·š	·χ		} h h ²⁾
слабые спиранты	f	x	s	š	χ		

Противопоставления по собственному тону имеются у всех переднедорсальных (кроме g) и у всех задневелярных. Пока еще нельзя установить, возможны ли противопоставления по собственному тону во всех фонетических позициях.

Что касается фонетической реализации, то интересно, что mediae трех взрывных рядов (d, b, g) могут факультативно замещаться звонкими спирантами ($\dot{d}, \dot{b}, \dot{g}$).

6. Лакский

Лакская система шумных ограничивается шестью нормальными локальными рядами. В лабиальном ряду отсутствуют смычно-гортанные [39] и спирант. Противопоставления по интенсивности встречаются у тех же фонем, что и в агульском, то есть у l, n , у tenues и у глухих спирантов. При этом, однако, нужно заметить следующее: долгие ll, nn встречаются либо в заимствованиях (например: $malla$ 'мулла', $musannin$ 'ученый'), либо на морфемных швах (например: $ullan$ — итератив от $ulun$ 'давать' = корень ul + суффикс l + окончание an , или $sunnil$ 'горного скло-

¹ В таблице (Л. И. Ж и р к о в. Цит. соч., с. 258) эта фонема не числится, но она встречается в песне IV, 10 $madaab$ (= $madaʔab$) 'ты ее не достигнешь'.

на' = корень *sup* + расширитель основы *ni* + окончание *l* и т. п.). Если *nn* происходит из *r + n*, то наряду с *nn* в качестве факультативного варианта употребляется и сочетание *rn*, например: *·šar* 'деревня' — ген. *·šannił* наряду с *·šarnił*. Сочетание *ln* всегда переходит в *nn*, но это чередование еще вполне живо и отчетливо осознается, например: *·pal* 'хлев' — ген. *·rannił* и т. п. Таким образом, во всех исконно лакских словах происхождение *nn* из сочетания звуков для языкового сознания вполне очевидно. Поэтому долгие *ll*, *nn* в лакском нельзя ставить на одну доску с остальными сильными согласными. Они, по всей видимости, воспринимаются как "двойные" согласные, а не как самостоятельные единые фонемы. В то время как *ll* и *nn* встречаются только между гласными, сильные *tenues* и спиранты могут также находиться в анлауте и после согласного, однако только перед гласным. В ауслауте и перед согласными лакский имеет только краткие согласные, которые, однако, в этих позициях теряют свой фонологический признак интенсивности и с фонологической точки зрения являются нейтральными [40]. Таким образом, можно сказать, что противопоставления по интенсивности у *tenues* и спирантов представлены только перед гласными, а у *l* и *n* — только между гласными. Так объясняются случаи типа *u·kan* 'выходить' — прет. *ūkra*, *·kurtu* 'дуга' — ген. ед. *·kurtlił*, мн. *·kurtri* и т. д. Слабый *χ* в исконно лакских словах никогда не встречается перед гласными. Но поскольку он выступает в этой позиции в некоторых заимствованиях, которые уже не осознаются как таковые, его нужно включать в лакскую систему согласных в качестве самостоятельной фонемы. Если отвлечься от противопоставлений по собственному тону, то для лакского мы получаем следующую систему согласных:

Сонорные: а) двойные: *ll*, *nn*; б) простые: *r*, *l*, *m*, *n*, *w*, *j*

Шумные:

<i>mediae</i>	<i>b</i>	<i>d</i>	<i>g</i>	<i>z</i>	<i>ž</i>	<i>γ</i>	
сильные <i>tenues</i>	<i>·p</i>	<i>·t</i>	<i>·k</i>	<i>·c</i>	<i>·č</i>	<i>·q</i>	} <i>ɔ</i>
слабые <i>tenues</i>	<i>p</i>	<i>t</i>	<i>k</i>	<i>c</i>	<i>č</i>	<i>q</i>	
смычно-гортанные		<i>ṭ</i>	<i>ḵ</i>	<i>ḥ</i>	<i>č̣</i>	<i>q̣</i>	
сильные спиранты			<i>·x</i>	<i>·s</i>	<i>·š</i>	<i>·χ</i>	} <i>h</i>
слабые спиранты			<i>x</i>	<i>s</i>	<i>š</i>	<i>χ</i>	

Хотя сильные шумные в лакском ограничены позицией перед гласными, противопоставления по интенсивности играют большую роль и есть много пар слов, для которых противопоставление по интенсивности служит единственным различительным средством: *·xurdaɟ* 'о ночах' — *xurdaɟ* 'ах, если бы это было!', *·qaṭri* 'кусты' — *qaṭri* 'вороны', *·tā* 'баран' — *tā* 'он', *ɔu·ki* 'считай!' — *ɔuki* 'ешь!', *ɔu·ti* 'сейчас' — *ɔuti* 'сбрось (его) вниз!', *ɔu·čip* 'закапывать' — *ɔučip* 'сосать', *·cu* 'самка' — *cu* 'кто?', *·čan* 'нога' и 'любить' — *čan* 'мало', *·ša·šaban* 'ткать (итерат.)' — *šašaban* 'печь' (итерат.), *·šin* 'вода' — *šin* 'год', *·ši* 'тронь, засунь!' — *ši* 'просо', *ɔu·kun* — герунд. прет. от *ɔu·kan* 'выходить' — *ɔukun* 'так' и т. д. Еще большую

роль, чем противопоставления по интенсивности, играют в лакском противопоставления согласных по собственному тону. Фонологическое противопоставление между лабиализованными и нелабиализованными согласными в лакском отсутствует. Перед а и і лакские передневелярные (g, ·k, k, ɸ, ·x, x) как будто бы всегда лабиализованы. П. К. Услар об этом не упоминает, но я сам установил это обстоятельство, когда встретил в черкесской деревне лакского (казикумукского) серебрянщика и попросил его произнести несколько лакских слов. Так как мои наблюдения были весьма поверхностны, я не стал бы придавать им особой ценности, если бы Н. Яковлев и А. Дирр не сообщили мне, что и у них было аналогичное впечатление. Во всяком случае, лакцы не должны воспринимать лабиализацию передневелярных перед а, і как таковую, поскольку она имеет место при всех передневелярных в указанной позиции, а потому воспринимается не как особый коррелятивный признак этих фонем, но как "естественный" способ их произношения. Этим объясняется то, что П. К. Услар, который при описании лакского языка полностью полагался на языковое чутье своих информантов, не только никак не обозначил лабиализацию передневелярных перед а и і, но и вовсе ее не заметил [41]. Фонологически значимо в лакском языке только противопоставление по собственному тону эмфатически-палатализованных и непалатализованных согласных, о фонетической сущности которого говорилось выше (в гл. II, 2) [42]. Это противопоставление присуще большинству согласных. Оно отсутствует только у r, j, g, ž, b, ·t, ·p, ·k, x и у передних сибиллянтов¹. То, что эмфатически-палатализованные ларингалы реализуются как фарингальные (ɔ^ε = ɔ̠, h^ε = h̠), говорилось уже выше. При этом, поскольку согласный ɔ^ε встречается в анлауте (и как будто бы только в анлауте), а все остальные эмфатически-палатализованные согласные, представленные в анлауте, обладают непалатализованными коррелятами, постольку простой гласный приступ в анлауте слова должен трактоваться как особая согласная фонема, представляющая собой непалатализованный коррелят ɔ^ε.

Противопоставления по собственному тону присущи задневелярным и ларингалам во всех фонетических позициях, а остальным согласным — только перед гласными. Число словесных пар, различаемых только посредством противопоставления по собственному тону, довольно велико: d^εā 'середина' — dā 'иди сюда!', ɔ a·x^εān 'вымыть' — ɔ a·xan 'продать', -u·x^εin 'дергать' — -u·xin 'утащить, увезти', zi·x^εin 'отнимать' — zi·xin 'царапать, скрести', h^εaldu 'коса' — haldu 'могилы', x^εulu 'сирота' — xulu 'ворота', q^εan 'смеяться' — qan 'воск', q^εu 'двор' — qu 'поле', la·q^εin 'найти' — la·qin 'род', m^εa 'крючок' — ma 'на!', m^εaq 'жажда' — maq 'слезы', n^εak 'синий' — naɸ 'молоко', q^εasa 'козел' — qasa 'на задние ноги', ɔ^εajan 'гнить' — ɔajan 'проясняться', ɔ^ε u·ki 'плохой' — ɔ u·ki 'считай!', ɔ^εulu 'горький' — ɔulu 'прочь!', ɔ^εuɸ 'ребенок' — ɔuɸ 'девять', ɔuq^εaga 'я выпиваю' — ɔuqāga 'устраняю', ·x^εa·x^εan 'подниматься' —

¹ Исключение представляет только заимствованное ·s^εāt 'час'.

·ха·хан 'сердиться', č^εulu 'украшенный, изящный' — čulu 'балка, бревно',
č^εun 'четки' — čun 'время' и т. д.

7. Даргинский

Хотя даргинская фонетическая система описывалась тремя разными авторами (П. К. Усларом, Долгатом и Н. Ф. Яковлевым) и, кроме того, некоторые фонологические заключения можно сделать на основании даргинско-арабского алфавита Саида Омарова, все же трудно составить вполне ясное представление о даргинской системе согласных. Данные Н. Ф. Яковлева (на которых основывается изложение Л. Жиркова в его "Грамматике даргинского языка" (М., 1926)) во многих моментах противоречат данным других исследователей [43]. Так, согласно Н. Ф. Яковлеву, в даргинском, кроме слабых t, p, должны существовать еще и сильные ("геминированные") ·t, ·p [44]. Ни один из других исследователей не упоминает об этом обстоятельстве, и в даргинском ("хюркилинском") словнике П. К. Услара мы напрасно будем искать слова с tt или pp: „tt“ встречается только в hitti — мн. ч. от hit 'тот', которое четко разлагается на hit + окончание мн. ч. ti. Напротив, у П. К. Услара имеется обозначение bb (например, в падежном окончании -bbit), тогда как Н. Ф. Яковлев о сильном ·b не упоминает. Даргинский звук, который П. К. Услар транскрибировал посредством русского к с ташидом, Н. Ф. Яковлев толкует как сильный переднедорсальный tenuis (то есть ·k). В то же время все говорит за то, что эта фонема (мы пока будем транскрибировать ее посредством "К") принадлежит не переднедорсальному, а заднедорсальному локальному ряду. В заимствованиях она передает тюркский q, например: Karaul 'караул', KartuK 'калмык', Karčiya 'ястреб', Kijin 'усталость', Kinžal 'кинжал', Kirya 'ястреб-перепелятник', Kuwat 'сила', KulluK 'служба', suKur 'слепой', čulaK 'калека (с поврежденной рукой)' и т. д. В исконных словах она соответствует различным заднедорсальным фонемам родственных языков, например: дарг. KuKu 'гром' — авар. γuγaze 'гремять (о громе)', табас. ·qo·qum 'гром'; дарг. Kwaṭ 'квартал (в деревне)' — авар. qoṭ 'улица'; дарг. Коена 'ворон' — агул. ·q^oаṭ anaj 'ворона'; дарг. Каṣа 'теленочок' — агул. ·q^oenč, табас. ·qanč 'осленочок'; дарг. Коетса 'щипцы' — авар. γeṣ, агул. ·q^oeṣ 'щипцы' и т. д. Наконец, в арабско-даргинском алфавите Саида Омарова (перепечатанном у Л. Жиркова (цит. соч., с. 12)) даргинский "К" передается буквой ξ, то есть модификацией ε (= γ), что опять-таки говорит в пользу заднедорсального ряда. Вероятно, эта даргинская фонема — не что иное, как сильный заднедорсальный tenuis (то есть ·q). Но все это необходимо еще проверить [45].

Даргинская система согласных содержит, кроме семи нормальных локальных рядов, еще и эмфатически-ларингальный ряд, состоящий из фонем ɣ и ħ. Мы обнаруживаем в даргинском то же самое противопоставление между g, ɟ, ʒ и ħ, z, ʒ, которое мы уже встречали в лезгинском

и табасаранском. Но фонологическое противопоставление между *b* и *v*, существующее в лезгинском, в даргинском отсутствует. В даргинском *b* и *v* находятся, скорее, в состоянии свободного варьирования (как в кубачинском), то есть в любом слове *b* можно заменить на *v*, не меняя значения и не производя впечатления языковой неправильности. В языковом сознании эти два фонетических варианта сводятся в единую фонему — *media* лабиального ряда, то есть *b*. Этому слабому или краткому *b* (читай: *b* или *v*) противостоит сильный или долгий *·b* (читай: *bb*), который, насколько нам известно, засвидетельствован только в окончании аблатива *·bit* ('от...до'); это напоминает ситуацию в табасаранском [46]. Квантитативные противопоставления по интенсивности в даргинском встречаются у плавных (*·r — r, ·l — l*) и носовых (*·m — m, ·n — n*). Так как рассмотренная выше фонема, которую Н. Ф. Яковлев относит к переднедорсальному, а мы — к заднедорсальному ряду, в любом случае представляет собой сильный *tenuis*, то в одном из дорсальных рядов должно существовать динамическое противопоставление по интенсивности. Что касается сильных *tt, pp*, которые, согласно Н. Ф. Яковлеву, имеют место в даргинской системе в качестве отдельных фонем, то мы не знаем, противопоставлены ли они слабым *t, p* посредством квантитативной или же динамической интенсивности [47]. Остальным даргинским согласным противопоставления по интенсивности совершенно чужды. Из описания даргинских согласных П. К. Услара следует, что большинство шумных произносятся энергичнее, чем аварские слабые, но несколько слабее, чем аварские сильные шумные (это утверждается о дарг. *қ, ҫ, ҫ̣, s, ʃ, χ*). Не значит ли это, что данные согласные фонологически нейтральны по отношению к интенсивности? Если бы даргинский информант П. К. Услара знал аварский язык, он не мог бы лучше выразить фонологическое различие между дарг. *қ, ҫ, ҫ̣, s* и аварскими *қ — ·қ, ҫ — ·ҫ, ҫ̣ — ·ҫ̣, s — ·s*.

Если отвлечься от противопоставлений по собственному тону, то для даргинского можно получить следующую систему согласных:

Сонорные: а) долгие: *·r, ·l, ·m, ·n*;
 б) краткие: *r, l, m, n, w, j*.

Шумные:

Смычные:

звонкие долгие	<i>·b</i>	}	<i>d</i>	<i>g</i>	<i>z</i>	<i>ʒ</i>	<i>·q(K)</i>	}	<i>ʒ ʒ̣</i>
звонкие краткие	<i>b</i>								
глухие долгие	<i>(·p?)</i>	<i>(·t?)</i>							
глухие краткие	<i>p</i>	<i>t</i>	<i>k</i>	<i>c</i>	<i>ç̣</i>	<i>q</i>			
смычно-гортанные	<i>p̣</i>	<i>ṭ</i>	<i>қ</i>	<i>ҫ</i>	<i>ç̣</i>	<i>q̣</i>			

Спиранты:

звонкие	<i>g</i>	<i>z</i>	<i>ʒ</i>	<i>γ</i>	}	<i>h ḥ</i>
глухие	<i>x</i>	<i>s</i>	<i>ʃ</i>	<i>χ</i>		

Трудную проблему представляют собой даргинские противопоставления по собственному тону. Не подлежит никакому сомнению, что даргинскому знакомо противопоставление лабиализованных и нелабиализованных согласных [48] и то, что лабиализация обозначается как у П. К. Услара и Долгата, так и у Л. Жиркова посредством *w*. Но спрашивается, действительно ли во всех случаях, когда П. К. Услар пишет *w* после согласного, этот согласный лабиализован? Весьма сомнительно, чтобы в *nwal* 'я один' или в *darwā* — ген. ед. ч. от *daru* 'лекарство' — были, действительно, представлены лабиализованные *n^o* или *r^o*, поскольку вообще в восточнокавказских языках лабиализованные сонорные отсутствуют. Но если *nw* в *nwal* 'я один' рассматривать не как *n^o*, а как звуко сочетание *n + w*, то и *šw* в *šwal* 'пять' (ср. *šu* 'пять'), и *hw* в *hwal* 'ты один' нужно расценивать как звуко сочетания "*š, h + w*"; точно так же, если мы трактуем *rw* в *darwā* как *r + w*, мы должны рассматривать и *qw*, *xw*, *šw* в *qwā* (ген. ед. ч. от *qu* 'поле'), *urhwā* (ген. ед. ч. от *urhu* 'море'), *daršwā* (ген. ед. ч. от *daršu* 'мир') как сочетания *q + w*, *x + w*, *š + w*. Исторически те даргинские звуки или звуковые комплексы, которые П. К. Услар обозначает посредством сочетаний "согласный + *w*", имеют тройное происхождение: а) во многих, может быть, даже в большинстве случаев они восходят к преддаргинским (правосточнокавказским) лабиализованным согласным (например: дарг. *gwis* = агул. *ag^oas* 'видеть', дарг. *miḡwi* 'дубы (мн.)' = лезг. *mœγ^o* 'дуб' и т. д.); б) во многих других случаях даргинское сочетание "согласный + *w* + *œ*" восходит к преддаргинскому сочетанию "эмфатически-палатализованный согласный + *u*" (например: дарг. *q̣wœrṭ* = лак. *q̣^oulṭ* 'глоток', дарг. *hwœ·ni* = лак. *h^ouḡni* 'кольчуга' и т. д.), и, в частности, сочетание *ɟwa* возникло из **ɟ^ou* (ср. дарг. *ɟwamḡu* 'жизнь' из араб. *ɟumḡu*); в) в некоторых случаях сочетание "согласный + *w* + гласный" возникло из старой последовательности "согласный + *u* + гласный" (*nu* 'я' — *nwal* 'только я', *šu* 'пять' — *šwal* 'только пять' и т. д.). Нужно было бы дополнительно исследовать, действительно ли в каждой из этих трех категорий случаев согласный лабиализован. Особенно подозрительны в этом отношении как раз случаи третьей категории (*nwal*, *šwal*, *darwā* и т. д.). В предварительном порядке нам хотелось бы обозначать лабиализацию посредством ^o только в двух первых категориях; при этом необходимо, правда, заметить, что только в первой категории (*gwis* и т. п.) лабиализация согласного вне всяких сомнений. Для случаев третьей категории мы пока сохраняем написание "согласный + *w*" (*nwal* и т. д.) [49].

Что касается условий функционирования лабиализации, то нужно сказать, что лабиализованные согласные в даргинском могут стоять только перед гласными [50]. Перед *i*, а внутри морфем — перед *a* встречаются только лабиализованные переднедорсальные (кроме *x^o*), заднедорсальные и простые ларингалы (а также *ɟ^o* — перед *a*). Перед *œ* встречаются и другие лабиализованные шумные (а именно: *č^o*, *d^o*, *ṭ^o*, *t^o*, *h^o*); это случаи "второй категории", например: *d^oœɟ* 'ветер', *d^oœq̣bi* — форма мн. ч. от *dœq̣* 'тропинка', *ṭ^oœḡ* 'нижняя часть ноги', *t^oœjri* — форма мн. ч. от *tœj* 'жеребенок', *č^oœ·li* — форма мн. ч. от *šœl* 'золотая лента', *h^oœ·ni* 'коль-

чуга' и т. д.; однако не встречаются ни лабиальные, ни передние сибиланты. После *u* лабиализованные согласные могут стоять лишь перед *œ* (а лабиализованный ɟ° — только перед *a*). Тем самым область функционирования консонантных противопоставлений по собственному тону в даргинском довольно ограничена. Пары слов, в которых противопоставление по собственному тону выступает в качестве единственного различительного средства, в даргинском сравнительно малочисленны, например: *ag°is* 'не быть' — *agis* 'попадать', *g°a* 'хотя' — *ga* 'уголь', *g°ač* 'переселение' — *gač* 'касание', *g°ili* 'он видел' — *gili* 'скот', *ig°is* 'сжигать' — *igis* 'любить', *ik°is* 'говорить' (дурат.) — *ikis* 'разделять', *irk°is* 'лущить' — *irkis* 'прогонять', *k°i* 'два' — *ki* 'тетива', *k°ani* 'живот' — *kani* 'куда', *iq°is* 'расщеплять' — *iqis* 'делать' (дурат.), *iq°œs* 'я ударю' — *iqœs* 'ударить', *q°œli* 'коровы' — *qœli* 'ветка', *ilh°is* 'зарезать' — *ilhis* 'привязывать' (дурат.), *h°œb* 'могила' — *hœb* 'три' (ср. еще *hwal* 'ты один' — *hal* 'насилие').

8. Аварский

Кроме семи нормальных локальных рядов, аварский имеет еще фарингальный ряд и латеральный ряд. В лабиальном ряду отсутствуют спирант и смычно-гортанный, так что этот ряд состоит лишь из одной *media* и одной *tenuis*. В латеральном ряду отсутствует *media*.

У сонорных противопоставления по интенсивности нет: долгие *ll* и *mm*, встречающиеся в некоторых заимствованиях (*gulla* 'шар', *qimmat* 'цена', *čillaj* 'ситец'), воспринимаются не как сильные, но как удвоенные согласные. Напротив, у шумных динамические противопоставления по интенсивности играют исключительно большую роль. Они наличествуют у *tenues*, у смычно-гортанных и у спирантов, но распространяются не на все локальные ряды. А именно: смычные (то есть *tenues* и смычно-гортанные) имеют эти противопоставления только в переднедорсальном и в двух сибилантных рядах, а спиранты — в переднесибилантном, задневелярном и латеральном. Таким образом, аварская система согласных состоит из следующих фонем:

Сонорные: *r, l, m, n, w, j*

Шумные:

<i>mediae</i>	<i>b d</i>	<i>g</i>	$\begin{matrix} \check{z} & z & \gamma \\ \check{c} & c \\ \check{c} & c \\ \check{c} & c \end{matrix}$	<i>q λ</i>	} $\text{ɟ}^\circ \text{ɟ}^\circ$
сильные <i>tenues</i>	<i>p t</i>	$\begin{matrix} \cdot k \\ k \\ \cdot \check{k} \\ \check{k} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \cdot c \\ c \\ \cdot \check{c} \\ \check{c} \end{matrix}$	<i>q λ</i>	
слабые <i>tenues</i>		$\begin{matrix} \cdot k \\ k \\ \cdot \check{k} \\ \check{k} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \cdot c \\ c \\ \cdot \check{c} \\ \check{c} \end{matrix}$	<i>q λ</i>	
сильные смычно-гортанные	<i>ṭ</i>	$\begin{matrix} \cdot k \\ k \\ \cdot \check{k} \\ \check{k} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \cdot c \\ c \\ \cdot \check{c} \\ \check{c} \end{matrix}$	<i>q λ</i>	
слабые смычно-гортанные			$\begin{matrix} \check{c} \\ c \end{matrix}$	<i>q λ</i>	
сильные спиранты		<i>x</i>	$\begin{matrix} \check{s} & \check{\chi} & \check{\eta} \\ s & \chi & \eta \end{matrix}$		} <i>h ḥ</i>
слабые спиранты			$\begin{matrix} \check{s} & \check{\chi} & \check{\eta} \\ s & \chi & \eta \end{matrix}$		

Сильные переднедорсальные смычные ($\cdot k, \cdot \check{k}$) фонетически реализуются как аффрикаты (*kxx, qxx*), слабые — как взрывные. Что касается шумных (точнее, оральных шумных), у которых отсутствует проти-

вопоставление по интенсивности, то среди них взрывные (b, d, g, p, t, t̥) всегда артикулируются как слабые, а остальные (то есть как аффрикаты q, λ, q, λ [51], так и спиранты ž, z, γ, x, š [52]) — всегда как сильные согласные. Отсюда следует, что "сильная" артикуляция в аварском связана со спирантным исходом шумного звука и что у шумных с таким исходом (то есть у спирантов и аффрикат) нормальной является сильная артикуляция, а слабая есть отклонение от нормы.

Противопоставления по интенсивности в аварском языке совершенно свободны, то есть абсолютно не зависят от фонетического окружения. Они часто используются в качестве единственного различительного средства, например: -à·kize 'показываться' — -àkize 'зажигать', ·kup : герунд. от ·kèze 'попадать' и ·kòze 'хватать' — kup 'нитка', -à·čana 'нес' — -àčana 'вел', -i·čize 'намокать' — -ičize 'продавать', mi·čil 'сланец' — mičil 'кол для поддержки виноградных лоз', -è·size 'хвалить' — -èsize 'косить', i·c 'родник' — ic 'моль', ·cin 'желчь' — cin 'даже', i·čize 'понимать' — i-čize 'раскалываться', ·kał 'ущелье' — kał 'рот', -ù·kine 'морщиться' — -ùkine 'быть', gi·kana 'считал' — gikana 'выковыривал (несколько предметов)', -à·čana 'чистил' — -àčana 'гнал', -è·size 'капать, сочиться' — -èsize 'возмещать', gi·čana 'собрались' — gičana 'обтесал (несколько предметов)', ·ce 'коза' — ce 'наполни! (императ.)', ·cè·ca 'коза' (эрг. ед. ч.) — cè·ca 'огонь' (эргат. ед. ч.), ·san 'склон, покрытый зеленью' — san 'часть, член', га·xàp 'лопата' — гаxàp — герунд. от гаxàze 'запираться', ·xap — вид ткани — xap 'хан', ·xer 'трава' — xer 'старый', -xoel 'притворство' — xoel 'смерть', gi·xana 'разрушил (несколько предметов)' — gixana 'почувствовал отвращение'.

Противопоставления согласных по собственному тону совершенно неизвестны аварскому языку. В таких случаях, как коer 'рука', гуаžì 'сука' и т. д., ое, оа, уа воспринимаются как дифтонги, и предшествующий согласный с фонологической точки зрения не лабиализован (точнее, нейтрален по отношению к собственному тону) [53].

9. Андийский

Транскрипция, которую использовал А. Дирр в своих андийских записях ("Сборн. мат.", XXXVI), была очень несовершенна. Не различались сильный и слабый латеральные спиранты, а также сильный tenuis и сильный смычно-гортанный заднесибиллянтного ряда; сильный переднесибиллянтный tenuis также часто смешивался с соответствующим сильным смычно-гортанным. Иногда использовались также двусмысленные "нейтральные" буквы, а именно — когда А. Дирру не удавалось установить степень интенсивности соответствующего согласного. Только с помощью сравнительной фонетики можно разобраться в этой путанице и установить сущность фонологических отношений (ср. нашу работу в „Caucasica“, fasc. 3).

При рассмотрении андийской системы согласных можно заметить,

что, во-первых, она отличается от аварской отсутствием фарингальных¹, во-вторых, большей областью распространения противопоставлений по интенсивности, а именно: противопоставления по интенсивности представлены не только у тех же согласных, что и в аварском (за исключением переднесибилантного tenuis), но и у плавных, носовых, задневелярного смычно-гортанного и заднесибилантного спиранта. Таким образом, андийская система согласных содержит следующие фонемы [54]:

Сонорные: а) долгие: ·r, ·l, ·m, ·n;
 б) краткие: r, l, m, n, w, j

Шумные:

mediae	b	d	g	ǰ	z	γ	}	ɔ
сильные tenues	p	t	{ ·k ·č }		c	q		
слабые tenues			{ k č }		c	q	λ	}
сильные смычно-гортанные	ṭ	{ ·ḳ ·č̣ }		·c̣	·q̣	λ	}	
слабые смычно-гортанные		{ ḳ č̣ }		c̣	q̣			λ
сильные спиранты	x	{ ·ṣ̌ ·ṣ }		·χ	·η	λ	}	
слабые спиранты		{ ṣ̌ ṣ }		χ	η			λ

Относительно фонетической реализации нужно заметить следующее. Сильные передневелярные смычные, как и в аварском, реализуются как аффрикаты: для ·k у А. Дирра специальный знак отсутствует, однако он замечает, что в -ukudu 'падать' и kub 'железо' k произносится как kx (следовательно: -u·kudu, ·kub). Слабый переднедорсальный смычно-гортанный имеет два (факультативных?) фонетических варианта — передневелярный и палатальный. Оба встречаются в одних и тех же словах, например: ɣol 'рот' и ɣol gi·čidu 'поститься', букв. 'сдерживать рот' (ср. авар: ɣal ·kðeze 'поститься' = 'держат рот'). Наряду с d как факультативный вариант существует глухой непридыхательный ·t. Аффриката ǰ как будто бы является факультативным вариантом спиранта ǰ̣ [55].

Противопоставления по собственному тону в андийском, как и в аварском, отсутствуют [56].

О системах согласных остальных аваро-андо-цезских языков можно предварительно пока лишь сказать, что они построены на тех же принципах, что и аварская и андийская: все они, кроме нормальных локальных рядов, содержат также латеральный ряд, не знают противопоставлений по собственному тону и обладают противопоставлениями по интенсивности у tenues, смычно-гортанных и спирантов [57].

10. Арчинский

В арчинском, кроме семи нормальных локальных рядов, имеют место еще латеральный и фарингальный ряды. В лабиальном и передне-

¹ Это отсутствие фарингальных ɣ, ɣ̣ воспринимается аварцами как характерный признак андийской фонетической системы; ср. аварские анекдоты, приведенные П. К. Усларом ("Этногр. Кавк.", III, ч. 2 (тексты), с. 9–10).

дорсальном ряду отсутствуют спиранты, за счет чего возникает четкое и резкое разделение взрывных и аффрикатных рядов. В латеральном ряду отсутствует tenuis [58]. Противопоставления по интенсивности квантитативного типа отмечены у l, m, n, динамического типа — у tenues взрывных рядов и заднесибиллянтного ряда, у смычно-гортанных аффрикатных рядов (за исключением латерального) и у спирантов. Если отвлечься от противопоставлений по собственному тону, то для арчинского получаем следующую систему согласных:

Сонорные: а) долгие: (·r?), ·l, ·m, ·n;
 б) краткие: r, l, m, n, w, j

Шумные:

mediae	b	d	g	ʒ	z	ɣ	l̥			
сильные tenues	·p	·t	·k	·č	c	q	}	o		
слабые tenues	p	t	k	č						
сильные смычно-гортанные	ḑ	ṭ	ḱ	·č̣	·q̣	λ			}	ə
слабые смычно-гортанные				·č̣̣	·q̣̣					
сильные спиранты			·ṣ	·ṣ	·χ̣	·η̣	}	h		
слабые спиранты			ṣ	s	χ	η				

В то время как у спирантов и смычно-гортанных противопоставления по интенсивности совершенно не зависят от фонетического окружения [59], у tenues они ограничиваются инлаутной позицией. В анлауте, ауслауте и перед согласными все tenues всегда слабые. Сильные tenues в инлауте обнаруживают два комбинаторных фонетических варианта: после гласных они долгие (геминированные), после согласных — краткие. Но оба эти фонетических варианта четко отличаются от слабых tenues, которые являются всегда аспирированными. Среди взрывных А. Дирр в своей транскрипции различал слабые tenues и два варианта (долгий и краткий) сильных tenues. Но в случае с аффрикатой ·č̣ это у него не получилось: он обозначил краткий вариант этой фонемы (то есть ·č̣ после согласного) той же буквой, что и слабый č̣, а долгий вариант (то есть ·č̣ после гласных) — той же буквой, что и сильный смычно-гортанный ·č̣ (ср., например, парадигму глагольного корня -a-·č̣ в арчинском словнике А. Дирра ("Сборн. мат.", XXXIX, ч. III с. 131). Только с помощью сравнительно-исторического анализа можно установить, какая фонема при этом имеется в виду; к сожалению, иногда и этого средства оказывается недостаточно [60]. Что касается tenuis c, которая нейтральна по отношению к интенсивности, то ее фонетическая реализация как будто бы включает в себя два фонетических варианта. В анлауте, ауслауте и перед согласными она произносится как слабый, чаще всего отчетливо аспирированный c, — что А. Дирр эксплицитно обозначает в случаях типа тас 'язык' (ген. тасlin, мн. ч. тасtul), бас 'луна, месяц' (ген. ед. ч. восгон, мн. ч. вастul), саl 'перо', сог 'моча'. В инлауте после гласных эта фонема — долгая (геминированная), и в этой позиции А. Дирр путает ее с ·č̣, но правильная фонологическая значимость по большей части легко

устанавливается при помощи сравнительно-исторических соображений. По всей вероятности, и q имеет те же фонетические варианты, хотя они и не отражены в написаниях А. Дирра.

Во многих парах слов противопоставления по интенсивности служат единственным различительным средством. Интересно при этом, что противопоставление сильных и слабых tenues в этой роли никогда не встречается. Один раз в этой роли выступает противопоставление ·l — l (če·le 'на дворе' — čele 'камень'), несколько раз — противопоставление сильных и слабых смычно-гортанных (a·ças 'болеть' — aças 'наполнять', e·qas 'кусать' — eqas 'догонять', di·q 'зола' — diq 'суп'), но в большинстве случаев — противопоставления сильных и слабых спирантов (a·sas 'дрожать' — asas 'нести', bo·s 'тур' — bos 'говорить', ·sin 'гной' — sin 'знание', ·sob 'рот' — sob 'зимнее пастбище', ma·ŋ a·tu (мн. ч.) 'пруты' — maŋa·tu (мн. ч.) 'зимние пастбища для овец', a·ças 'спускаться' — aças 'лежать', e·ças 'оставаться' — eças 'выливать', ·ças 'вставать' — ças 'нести', ·çal 'ноша' — çal 'жилище', ·çam 'ночевка' — çam 'воск', ·çat 'балка-матица' — çat 'горсть', ·çop 'плохой' — çop 'корова').

Консонантные противопоставления по собственному тону хорошо знакомы арчинскому. Имеется в виду противопоставление лабиализованных и нелабиализованных шумных. Это противопоставление присуще заднедорсальным, переднедорсальным, латеральным и заднесибилантным, а, кроме того, и s [61]. При этом лабиализованные согласные не могут стоять ни перед, ни после лабиализованных гласных (o, u). В некоторых парах слов противопоставление по собственному тону служит единственным различительным средством: q°al 'вымя' — qal 'кожа', ç°al 'коса' — çal 'жилище', ç°an 'теневая сторона' — çan 'хан' и 'четки', ç°aga 'веселый' — çaga 'дорогой', ç°el 'серый' — çel 'дождь'. Кроме того, противопоставление по собственному тону используется и в морфологических целях. Многие "окситонированные глаголы" (то есть такие, которые во всех формах имеют ударение, приходящееся на часть слова после корневого согласного) имеют в формах, согласующихся с пациенсом I класса, лабиализованный корневой согласный, а в формах, согласующихся с пациенсом IV класса, нелабиализованный; так обстоит дело в парах k°es/kes 'быть', k°a/ka 'послушай!', k°is/kis 'умирать', q°es/qes 'уходить', ç°as/ças 'носить', ç°a/ça 'найди!', ·ç°es/·çes 'уносить', ·ç°as/·ças 'вставать', č°e/če 'войди!' š°es/šes 'бежать', λ°as/λas 'зарезать', s°as/sas 'поймать, схватить'.

11. Цахурский

Цахурская система согласных как будто бы ограничивается семью нормальными локальными рядами. Правда, ларингальный смычный как будто бы является фарингальным звуком, а ларингальный спирант, напротив, — собственно ларингальным. Но поскольку другие ларингалы в цахурском отсутствуют, эти две фонемы нужно объединить в один локальный ряд.

Трудно установить, насколько широко в цахурском представлены противопоставления по интенсивности. А. Дирр использовал особый знак только для сильного заднесибиллянтного спиранта (русс. ш с ташдидом в противовес обычному ш без ташдида, обозначающему соответствующий слабый спирант). Из цахурского словника А. Дирра ("Сборн. мат.", XXXIII, ч. III, с. 133 – 217) видно, что этот сильный ·š выступает во всех возможных позициях (·šim 'айва', qakiw·šes 'снимать', ha·šbuncə 'что?', wa·š 'сто', хине·še 'женщина' и т. д.). Прочие сильные согласные А. Дирр в своей цахурской грамматике обозначал двойными буквами. Мы встречаем у него сильные сонорные (qarra 'маленький', kullak 'ветер', amma 'но', γə pnaγ 'пьяный' и т. д.), mediae (ulobbə 'глаза', χə lobbə 'руки', alibbe 'алфавит', abaddej 'отец жены', addəm 'шаг'), tenues (battay 'грязь', hattaqa 'правый', akka 'дверь', dakk 'отец', ilakkas 'смотреть', turukkaγ 'пирог с сыром', γukka 'кукушка', qašši 'шапка', aššes 'посылать', γaššes 'отстегивать', keššes 'класть в', γəhoədəqqə 'гремит гром', hebaqqob 'выпрашивает'), смычно-гортанные (hə kqə 'тонкий', qakqadeš 'не замечает', əkqanas 'любить', əkqarəγ 'болеет', aqqa 'смех', aqqa 'тень', jaqqa 'дорога', əqqaγ 'отправляться в путь', aqqaγ 'держат, ловить', šaqqa 'обильные осадки'), спиранты (juxhan 'весна', adessə 'ножницы', jesse 'домохозяин', jisse 'старый', qossa 'кашель', məsswalla 'голод', nissə 'сыр', šissə 'потому', laχχa 'печь'). За исключением четырех случаев (doekk, aqqa, jaqqa, məsswalla), эти удвоенные написания встречаются исключительно между гласными. Для ll, rr, nn, dd, bb это не удивительно, поскольку сильные сонорные и mediae и в других восточнокавказских языках встречаются исключительно между гласными. Но для остальных звуков это ограничение странно. Непонятно, почему ·š может стоять во всех мыслимых позициях, а ·χ, ·х, ·s — напротив, только между гласными; точно так же непонятно, почему ·k допускается в ауслауте (doekk 'отец'), а ·t, ·q, ·š нет. Сюда добавляется еще и то обстоятельство, что в системе "удвоенных букв" имеются некоторые лакуны: отсутствуют pp, ss, tt и т. д. Все это заставляет нас думать, что А. Дирр в цахурском (равно как и в других восточнокавказских языках) не уловил истинной сущности противопоставлений согласных по интенсивности: он заметил сильные согласные только в тех случаях, когда они казались ему долгими (геминированными) или когда они обнаруживали какое-либо иное вторичное акустическое свойство, что имело место главным образом между гласными, а в прочих случаях он вовсе не заметил их артикуляторной интенсивности (которая как раз и является самой существенной характеристикой этих звуков¹). Поэтому на основании материалов А. Дирра, к сожалению, невозможно установить полный инвентарь цахурских сильных согласных [62]. Можно лишь констатировать, что противопоставления по интенсивности в цахурском имеются у плавных, носовых и у всех разновидностей шумных согласных.

Не намного лучше ситуация с противопоставлениями по собственно-

¹ Интересны разъяснения А. Дирра ("Сборн. мат.", XXXIII, III, с. 4), где говорится, что dd, bb являются, собственно, глухими, а kk, qk, qq, которые его цахурский информант записывал буквами $\sum$, $\sum$, звучат, скорее, как хк, хк, хq.

му тону. Нет сомнения в том, что цахурский имеет лабиализованные и нелабиализованные согласные, находящиеся в коррелятивном соотношении друг с другом [63]. Однако записи А. Дирра представляют совершенно запутанную картину: в одном и том же слове мы обнаруживаем то лабиализованный, то нелабиализованный согласный. Так, в статье -с° ајк-п 'кусать' мы читаем: мапа ас° ајқанәг 'он кусает', мапа ес° ајқанәг 'она кусает' и сразу же после этого х° а ас° ајк° апаг 'собака кусает'. Непоследовательно также обозначение лабиализации: иногда это w, иногда это ъ, иногда — о (например, хоа 'собака') или ü (süöj 'медведь'). Лабиализация в цахурском вообще как будто бы довольно слабая и акустически не столь ярко выраженная, как в других восточнокавказских языках. В целом в цахурском словнике А. Дирра ("Сборн. мат.", XXXIII, ч. III, с. 133 — 217) дано около 34 примеров. Наиболее часты лабиализованные переднедорсальные (17 примеров: 2 g°, 1 k°, 11 k°, 3 x°) и заднедорсальные (11 примеров: 1 γ°, 1 q°, 4 q°, 5 χ°); но встречаются и другие лабиализованные шумные: s° (s° öj 'медведь', mə s° a 'козленок'), с° (ас° ајқанәг 'кусает'), ž° (tuž° a 'кольцо'), š° (š° as 'вам' (дат.)), t° (t° u 'слюна'), d° (χid° a 'сарай'). Лабиализованные согласные как будто бы не могут стоять перед лабиализованными гласными; единственное исключение — ономатопоэтическое t° u 'слюна'. Из парадигмы корня qa- γ° 'мазать' следует, как кажется, что лабиализованные согласные не могут стоять также и после b. Весь этот вопрос нуждается в основательной проверке на месте.

Кроме лабиализованных согласных, А. Дирр упоминает о наличии в цахурском также и палатализованных согласных, а именно ъ (в ъак, ген. пікпәп 'молоко', ъақ° 'солома', қиъах 'сосна') и ġ (в провербе ġа-, ġа -). Эти данные (особенно относительно ъ) нуждаются в тщательной проверке, так как они плохо согласуются со всем тем, что мы знаем о восточнокавказской фонетике [64].

12. Чеченский

Чеченская система согласных ограничивается семью нормальными локальными рядами: фарингальные, которые представлены в чеченском, играют здесь ту же роль, что и в лакском, то есть должны трактоваться как эмфатически палатализованные ларингалы.

Особенно характерно для чеченской системы согласных резкое противопоставление анлаута и инлаута. В анлауте во всех локальных рядах существует противопоставление по способу экспирации, то есть противопоставление между tenues и смычно-гортанными. В инлауте оно имеет место только в заднедорсальном ряду; смычно-гортанные остальных рядов выступают в инлауте только на правах комбинаторных фонетических вариантов tenues перед q̇ (например: барсқа 'одежда' — читай барсқа, лац̇қар 'прятаться' — читай лац̇қар) [65]. В анлауте известен только звонкий г, или, точнее говоря, в анлауте у плавных отсутствует противопоставление по звонкости/глухости; но в инлауте наряду со звонким

г встречается и глухой ɣ, который П. К. Услар обозначал сочетанием букв rh [66]. В анлауте согласные не имеют противопоставлений по интенсивности, но в инлауте наряду с краткими r, l, m, n существуют также долгие ·r, ·l, ·m, ·n; наряду с краткими mediae d, g, z встречаются также долгие ·d, ·g, ·z (например: χēde 'рвет' — прет. наррат. χē·de, бага 'рот' — na·gah^ε 'иногда', h^εōzu 'воробей' — iso·zu 'девять раз'); наряду с краткими tenues t, p, c, č, q имеют место также долгие ·t, ·p, ·c, ·č, ·q (например: dē·ti 'масло', we·pe 'ящик', e·ce 'туда', ki·čip 'готовый', -a·qag 'выходить') и сочетание xk (например, в ехе 'лето'), которое, возможно, следует трактовать как фонетическую реализацию долгого ·k, наряду с кратким q̇ — долгий·q̇ (только в ja·qāš — мн. от juq̇ 'середина'); наряду с кратким s — долгий·s (например, в ma·sɔn 'каждый'). Напротив, противопоставление по собственному тону между эмфатически-палатализованными и непалатализованными согласными имеет место только в анлауте (а именно: m^ε — m, n^ε — n, b^ε — b, p^ε — p, d^ε — d, z^ε — z, c^ε — c, s^ε — s, ž^ε — ž, ɟ^ε — ɟ, h^ε — h), тогда как в инлауте оно ограничивается только фонемной парой ɟ^ε — ɟ [67]. Таким образом, в чеченском сосуществуют две системы согласных — анлаутная система и инлаутная система.

Анлаутная система:

Сонорные: r, l, m^ε ~ m, n^ε ~ n, w, j

Шумные:

mediae	b ^ε b	d ^ε d	g	z ^ε z	ž ^ε ž	γ	} ɟ ^ε ɟ
tenues	p ^ε p	t	k	c ^ε c	č	q	
смычно-горт.	ḅ	ṭ	ḵ	ç	č̣	q̣	
спиранты				s ^ε s	š	χ	

Инлаутная система:

Сонорные: а) долгие: ·r, ·l, ·m, ·n;

б) краткие: r, l, m, n, w, j;

в) глухие: ɣ

Шумные:

долгие mediae	·d ·g	·z	} ɟ ^ε ɟ	
краткие mediae	b d g	z ž γ		
долгие tenues	·p ·t (xk?) ·c ·č ·q	q̇		
краткие tenues	p t k c č q			
долгие смычно-гортан- танные		·q̇		
краткие смычно-гортан- танные		q̇		
долгие спиранты	·s	š		χ
краткие спиранты	s	š	χ	h ^ε

То, что media заднесибиллянтного ряда в анлауте является аффрика-той (ž), а в инлауте — звонким спирантом (ž), относится к области фонетической реализации, но прекрасно соотносится с общим принципом

дифференциации анлаута и инлаута. Что касается ауслаута, то система согласных в этой позиции отличается от инлаутной только отсутствием долгих согласных [68].

13. Бацбийский (тушский)

”Опыт описания тушского языка” А. Шифнера нуждается в основательной проверке. Особенно важно установить, какие грузинские заимствования действительно укоренились в бацбийском и в языковом сознании уже не воспринимаются как иноязычные. Пока это не сделано, установить систему бацбийского консонантизма невозможно. В предварительном порядке можно только выделить некоторые общие принципы. В бацбийском отсутствует глухой ɟ , но, вероятно, есть глухой ɟ , который встречается только в инлауте (и в ауслауте). Противопоставление по собственному тону эмфатически-палатализованных и непалатализованных согласных существует, как и в чеченском, только в анлауте (а именно, по А. Шифнеру, в фонемных парах $w^\epsilon - w$, $j^\epsilon - j$, $m^\epsilon - m$, $n^\epsilon - n$, $b^\epsilon - b$, $p^\epsilon - p$, $d^\epsilon - d$, $t^\epsilon - t$, $c^\epsilon - c$, $q^\epsilon - q$, $\text{ɟ}^\epsilon - \text{ɟ}$, $h^\epsilon - h$) [69]. Противопоставление по интенсивности долгих и кратких согласных так же, как и в чеченском, существует только в инлауте (а противопоставление $\cdot t - t$ — также в ауслауте). Но количество долгих согласных в бацбийском значительно меньше, чем в чеченском; в словнике А. Шифнера, собственно, достаточно часто встречаются лишь $\cdot t$, $\cdot d$ и $\cdot l$, а прочие долгие согласные (а именно: $\cdot s$, $\cdot \chi$, $\cdot h^\epsilon$) — лишь в единичных случаях. Наконец, в бацбийском смычно-гортанные всех локальных рядов встречаются как в анлауте, так и в инлауте, в отличие от чеченского. В целом можно, следовательно, сказать, что в бацбийском есть предпосылки для дифференциации анлаутного и инлаутного консонантизма, но это явление здесь не так ярко выражено и развито, как в чеченском.

14. Удинский

Установление удинской системы согласных затруднено особенно неблагоприятными обстоятельствами. ”Опыт описания языка удинов” А. Шифнера во многих отношениях неудовлетворителен и нуждается в основательной перепроверке. Но и удинская грамматика А. Дирра (”Сборн. мат.”, XXXIII) не может нас удовлетворить. При написании этого труда (который был его первой работой в области кавказского языкознания) А. Дирр еще недостаточно натренировал себя для правильного восприятия кавказских звуков. Позднее (в беседе в 1913 г.) он признал сам, что, если бы ему снова пришлось заняться удинским, он, видимо, обозначил бы удинские звуки совершенно иначе. По этой же причине удинский словник, который А. Дирр составил одновременно с написанием грамматики, остался неопубликованным. Но без глоссария невозможно судить о фонологической системе удинского языка. Поэто-

му мы должны пока воздержаться от установления удинской системы согласных в надежде на то, что кавказоведы Советского Союза вскоре подарят нам новое научное описание удинского языка [70]. В предварительном порядке мы могли бы лишь высказать подозрение, что удинский, так же, как лакский и чеченский, имеет противопоставление по собственному тону эмфатически-палатализованных и непалатализованных согласных: такие написания, как удин. $\dot{p}\dot{z}\dot{o}e$ 'два', $p\dot{z}o\dot{e}ine$ 'вчера', $m\dot{z}ain$ 'черный' и под., у А. Дирра, могли бы, вероятно, представлять собой $\dot{p}^{\epsilon}a$, $p^{\epsilon}aine$, $m^{\epsilon}ain$ и т. п., а упоминаемые А. Шифнером "мутные" гласные а, о, и, не тождественные ни а, о, и, ни $\ddot{a}$, $\ddot{o}$, $\ddot{i}$ (А. Ш и ф н е р. Опыт описания языка удинов, с. 8), могли бы, видимо, представлять собой вторично обусловленные палатализацией согласных оттенки гласных, о возможности которых мы знаем из лакского. Правда, мы еще не можем этого утверждать, но нам хотелось бы обратить на эту проблему внимание тех исследователей, которые будут практически заниматься удинским [71].

IV. Выводы и заключения

Каждая из обсуждавшихся выше консонантных систем восточнокавказских языков обладает своим индивидуальным своеобразием. И все же все они представляют собой лишь разные комбинации одних и тех же основных элементов. Система согласных каждого отдельного языка характеризуется определенными фонологическими особенностями и может рассматриваться как соединение, синтез этих особенностей. Но если представить себе географическое положение каждого из разобранных здесь восточнокавказских языков, то можно увидеть, что любая фонологическая особенность из тех, сочетание которых реализуется в конкретных системах согласных, охватывает особый, географически компактный ареал. Это относится прежде всего к собственно Дагестану. Латеральные шумные представлены в аваро-андо-цезских языках и в арчинском. Лабиальный спирант (f) отсутствует в даргинском, лакском, арчинском, в аваро-андо-цезских языках и в чеченском [72]; лабиальный смычно-гортанный ($\dot{p}$) — в лакском [73] и в аваро-андо-цезских языках. Фонологическое противопоставление между звонкими смычными и звонкими спирантами ($z - z$, $\dot{z} - \dot{z}$, $g - g$) существует только в даргинском, табасаранском и восточнолезгинском [74]. Фонологические консонантные противопоставления по собственному тону известны всем дагестанским языкам, за исключением табасаранского на востоке и аваро-андо-цезских языков на западе [75]. Противопоставления по интенсивности у смычно-гортанных свойственны лишь западному Дагестану, а именно цахурскому, арчинскому и всем аваро-андо-цезским языкам [76]. Противопоставление сильных и слабых глухих спирантов господствует во всех языках Дагестана, за исключением лезгинского и рутульского на юге и даргинского на северо-востоке [77]. Только в двух случаях географическая взаимосвязь кажется прерван-

ной: чеченский отсутствием передневелярного спиранта (x) связывается с арчинским, а наличием противопоставления эмфатически-палатализованных и непалатализованных согласных — с лакским, хотя географически он с этими языками не соприкасается [78]. Интересно при этом, что и удинский в этих двух моментах как будто бы совпадает с чеченским: речь идет, следовательно, о двух восточнокавказских языках, попавших за пределы Дагестана. Если отвлечься от этих случаев, то можно, видимо, сказать, что внутри Дагестана отдельные фонологические особенности всегда распространены во взаимосвязанных географических ареалах.

Если рассматривать восточнокавказские системы согласных с исторической точки зрения, то можно заметить, что часто одни и те же фонемы в отдельных языках имеют совершенно различное происхождение. Так, сильные *tenues* в аварском и андийском восходят к сильным спирантам [79], в лакском, арчинском и лезгинском — к *mediae* [80], в агульском и табасаранском — к сильным смычно-гортанным. Большое сходство отдельных восточнокавказских консонантных систем лишь частично объясняется их общим происхождением из правосточнокавказского. Правда, остов всех обсуждавшихся выше систем, сочетание семи нормальных локальных рядов с четырьмя способами образования, должен был существовать уже в правосточнокавказском. Точно так же в правосточнокавказской консонантной системе должен был наличествовать принцип противопоставлений по собственному тону и по интенсивности. Но комбинация всех этих основных элементов в правосточнокавказском была совершенно другой, чем в языках-потомках. В правосточнокавказском отсутствовали распространенные ныне во всех языках Дагестана (за исключением рутульского) сильные *tenues*. С другой стороны, правосточнокавказский обладал сильными смычно-гортанными, которые ныне сохраняются лишь на западе Дагестана, и динамическим противопоставлением сильных и слабых *mediae*, которое ныне не встречается ни в одном восточнокавказском языке [81]. Что касается противопоставлений по собственному тону, то сейчас среди восточнокавказских языков имеются три типа: языки, не знающие противопоставлений по собственному тону (табасаранский и аваро-андийские языки), языки с противопоставлением эмфатически-палатализованных и непалатализованных согласных (лакский, чеченский, бацбийский, может быть, также удинский) и языки с противопоставлением лабиализованных и нелабиализованных согласных (все остальные языки). Сейчас внешне это выглядит, как если бы "корреляция эмфатической палатализации" и "корреляция лабиализации" взаимно исключали бы друг друга [82]. Но раньше дело обстояло иначе. Даргинский и самурские языки обнаруживают явные следы древнего наличия корреляции эмфатической палатализации, а лакский — явные следы древней корреляции лабиализации. Поэтому для правосточнокавказского необходимо предполагать наличие обеих корреляций по собственному тону, то есть наличие комбинации, которая ныне не встречается ни в одном восточнокавказском языке [83].

Таким образом, исходная точка развития восточнокавказских систем согласных — правосточнокавказская система согласных — резко отличалась от всех современных систем, и изменения, которым эта система подвергалась в языках-потомках, варьировали от языка к языку. И если, несмотря на это, результаты развития столь сходны друг с другом и столь гармонично распределены географически, то это может быть объяснено только общими задачами и общим направлением развития.

ЗАМЕТКИ О ГЛАГОЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЯХ В ЧЕЧЕНО-ЛЕЗГИНСКИХ (ВОСТОЧНОКАВКАЗСКИХ) ЯЗЫКАХ*

I

Непроизводные глагольные корни в чечено-лезгинских (восточнокавказских) языках в принципе содержат только один согласный. Так, сравнивая между собой две формы одного и того же даргинского глагола, *biłčis* 'спеть' и *uɟar* 'он сплет', мы видим, что единственный общий элемент в этих двух формах — это согласный *č*, который, следовательно, можно назвать "однобуквенным корнем" или "корневым согласным".

Прочие элементы чечено-лезгинских глагольных форм могут быть разделены на две группы в зависимости от того, находятся ли они перед или после корневого согласного.

Прерадикальные элементы следующие: 1) префиксы, обозначающие "длительный" или "моментальный" виды (например, *-u-* в даргинском *b-u-č-is* 'петь' и *-il-* в даргинском *b-il-č-is* 'спеть один раз'; ср. также дарг. *b-i-q'-äs* 'бить': *b-ä-q'-äs* 'ударить' и т.д.); 2) префиксы и инфиксы, обозначающие грамматический род "пациенса" глагола (например, дарг. *w-ä-q'-ä-га* 'я ударил мужчину', *d-ä-q'-ä-га* 'я ударил женщину', *b-ä-q'-ä-га* 'я ударил неодушевленный объект или животное', 3) "превербы", обозначающие направление и уточняющие значение, выражаемое глагольным корнем (например, дарг. *ха-b-ä-q'-äs* 'ударить сверху вниз', *а-b-ä-q'-äs* 'ударить снизу вверх', *ši-b-ä-q'-äs* 'ударить по чему-л.' и т.д.).

Что касается пострадикальных элементов, то они в формах "финитного глагола" выражают время, наклонение и лицо. Так, элемент *-iša* в дарг. *asiša* 'я куплю, если...' — это показатель 1-го лица "консекутивного наклонения" настоящего времени, а элемент *-adi* в дарг. *asadi* 'ты купил' — это показатель 2-го лица единственного числа изъявительного наклонения прошедшего времени.

Внимательно анализируя пострадикальные элементы форм "финитного глагола" в чечено-лезгинских языках, можно заметить, что эти элементы всегда начинаются с гласного, непосредственно следующего за корневым согласным. Там, где такой гласный отсутствует, это явле-

* „Notes sur les désinences du verbe dans les langues tchéchénolesghiennes (caucasiques-orientales)". — BSL, 29, 1929, p. 153-171.

ние всегда объясняется действием определенных фонетических законов: так, арч. *éχdi* 'он загорелся' должно восходить к *éχəde, что объясняется фонетическим законом, согласно которому арч. *ə выпадает в безударном слоге, если этот слог не является первым или вторым слогом слова; лезг. *alùḥna* 'он перешел' восходит к *alùḥna, согласно закону редукции безударных гласных во всех открытых слогах, кроме последнего, и т.д. В более древнюю эпоху наличие гласного, непосредственно следующего за корневым согласным, было обязательным для всех чечено-лезгинских глагольных форм. Этот гласный можно назвать "тематическим гласным". Он варьирует не только от одной формы к другой (например, дарг. *as-i-ḡa* 'я купил', *as-a-di* 'ты купил', *is-us* 'я куплю'), но также и от глагола к глаголу, и во многих чечено-лезгинских языках различается по несколько "спряжений", которые отличаются друг от друга главным образом распределением по глагольным формам различных по качеству тематических гласных; так, например, в даргинском некоторые глаголы (как, например, *asís* 'покупать') имеют *-i-* в 1-м лице прошедшего времени (*asíḡa* 'я купил'), тогда как другие глаголы (как, например, *arsís* 'улетать') в той же форме имеют *-u-* (*arsuḡa* 'я взлетел') и т.д.

Поскольку тематический гласный обнаруживается во всех глагольных формах и ему всегда непосредственно предшествует корневой согласный, то этот гласный можно рассматривать как составную часть глагольного корня. Итак, в сущности, чечено-лезгинский глагольный корень состоит из одного согласного ("корневого согласного"), за которым следует один гласный ("тематический гласный"); однако, если "корневой согласный" всегда сохраняется неизменным, "тематический гласный" варьирует в зависимости от типа спряжения и от глагольной формы. Здесь обнаруживается принцип неизменного корневого консонантизма при чередующемся вокализме,— принцип, столь хорошо знакомый нам по грамматикам индоевропейских и семито-хамитских языков¹.

Всякий пострадикальный элемент, следующий за тематическим гласным, можно назвать *показателем (окончанием)*. В настоящее время показатели непроезводных глагольных форм — это простые согласные (например, арч. *akkuḡ* 'он видит') или же простые согласные, за которыми следует гласный (например, авар. *wat'u-la* 'он находится'). Эти показатели достаточно разнообразны и варьируют от языка к языку. Тем не менее они сводимы к ограниченному числу типов, которые мы и собираемся рассмотреть в настоящей статье.

¹ В другом месте мы собираемся показать, что "однобуквенные" чечено-лезгинские корни восходят к "многобуквенным" корням: "корневой согласный", сохранившийся до наших дней, в более древнюю эпоху был всего лишь первым согласным глагольного корня, а гласный, который мы называем "тематическим", с точки зрения тогдашнего языкового состояния был не конечным, но внутренним согласным корня. Некоторые глагольные корни в отдельных чечено-лезгинских языках все еще сохраняют следы "второго корневого согласного", а именно носового или плавного, которые в ряде форм вставляются между тематическим гласным и показателем.

Прежде всего нужно выделить две большие группы показателей: *безличные* показатели и *личные* показатели. В настоящее время большинство чечено-лезгинских языков имеет только безличные показатели, обозначающие лишь наклонение и время, тогда как лицо выражается во фразе личным местоимением, например: авар. *díssa* *ɣóla* 'я даю', *dússa* *ɣóla* 'ты даешь', *doss* *ɣóla* 'он дает', *nežéssa* *ɣóla* 'мы даем', *požóssa* *ɣóla* 'вы даете', *doz* *ɣóla* 'они дают', и т.д. Личные показатели, обозначающие не только наклонение и время, но также и лицо, существуют в настоящее время только в лакском, удинском, табасаранском и в языках даргинской группы.

Безличные показатели сводятся к следующим типам:

А) *Показатели, содержащие d*: лезг. *-da* — для настоящего времени, *-daj* — для прошедшего, *-di* — для будущего; анд. *-do* — для настоящего времени (напр., *v-a-gu-do* 'он считает'), *-dia* — для будущего; годоб. *-da* — для настоящего времени (например, *unaɣla-da* 'он идет' и т.п.). От этих форм невозможно отделить суффиксы *-du-* (для настоящего времени) и *-di-* (для будущего и имперфекта), которые в табасаранском предшествуют личным показателям: табас. *ildik'u-du-za* 'я падаю', *ildik'u-du-va* 'ты падаешь' и т.д., *ildik'u-di-za* 'я падал', *ildik'u-di-va* 'ты падал' и т.д., *aldak'i-di-za* 'я упаду', *aldak'i-di-va* 'ты упадешь' и т.д. Наконец, в арчинском показатель *-di* (*-de*, *-tte*) образует прошедшее время некоторых глаголов: *éχdi* 'он загорелся', *cetté* 'он вошел', *k'unné* (= *jək^{wə}n-dé) и *buk'né* (= *bək^{wə}n-dé) 'он съел', *χullé* (= jəχ^{wə}l-dé) 'они умерли'¹ и т.д.

Относительно происхождения этих форм на *-d-* следует заметить, что аффиксы, содержащие *-d-*, во многих чечено-лезгинских языках являются суффиксами прилагательных (лезг. *-di*, рут. *-du*, *-d*, цах. *-da*, *-di*, ахв. *-da*, арч. *-du*, *-ttu*, может быть, также агул. *-tti-* и уд. *-ta-*, образующие тему косвенных падежей прилагательных) или же показателями родительного падежа (а именно в рутульском); тот же самый *d* или последовательность "*d* + гласный" мы находим в качестве показателя количественных числительных (лезг., агул., будухск., крыз. *-d*, рут. *-du*, *-d*, ботл. *-da*, карат., багв., чам., тинд., ахв. *-da*). Поскольку количественные числительные в большинстве северокавказских языков рассматриваются как разновидность прилагательных, а чечено-лезгинский родительный падеж представляет собой всего лишь отыменное прилагательное, все случаи употребления аффикса "*d* (+ гласный)" сводятся к одному единственному: этот аффикс употребляется для образования прилагательных. Следовательно, глагольные формы, перечисленные выше, могут рассматриваться как древние отглагольные прилагательные или как раз-

¹ Элементы *-l-* и *-n-*, которые появляются в арчинском у некоторых глаголов между тематическим гласным и показателем (например: *k'unné* = *jək^{wə}n-dé, *χullé* = *jəχ^{wə}l-dé), не являются частью показателя: это остатки "второго корневого согласного" древних многобуквенных корней (см. выше, с. 325, примечание).

новидность причастий в предикативном употреблении: лезг. *wihida* '(он) бросает' восходит к древнему причастию настоящего времени **wihid* (ср. рут. *vihid* 'бросающий, тот, кто бросает') с последующей связкой **a*¹. В табасаранском формы настоящего времени *ja-t'uduza* 'я бью' и имперфекта *ja-t'udiza* 'я бил' восходят к формам, состоящим из сочетания древнего причастия настоящего времени **-at'ud* (ср. рут. *ät'id* 'бьющий') со связками *(v-)uza* 'я есмь', *(j-)iza* 'я был', которые употребляются и в настоящее время. Среди глагольных форм с показателем *d*- арчинская форма прошедшего времени типа *éχdi*, *çetté* и т.д. занимает особое положение. В то время как большинство глаголов арчинского языка в прошедшем времени имеет "нулевой показатель", показатель **-de* встречается только у ограниченного числа глаголов и выступает не только в прошедшем времени, но также и в некоторых производных временах: прош. вр. *éχdi*, нарративное *éχdali*, буд. вр. *éχdaqqi*, прич. прош. вр. *éχdattu* и т.д. (ср. прош. вр. *óšu* 'он отвязал', наррат. *óšuli*, буд. *óšuqqi*, прич. прош. вр. *óšuttu* и т.д.). Весьма вероятно, что *-di* в *éχdi* первоначально было формой вспомогательного глагола: арч. *édi*, *étti* 'он стал' (ср. лезг. *ttir* < **jidir* 'он был') [1].

Б) *Показатели, содержащие l*: авар. *-la* (для настоящего и будущего времени), арч. *-li* (для прошедшего нарративного). Тот же элемент *-li* образует тему перфекта и настоящего времени в даргинском: *asili* 'он купил' (*asilla* < **asilira* 'я купил'), *isuli* 'он покупает' (*isulla* < **isulira* 'я покупаю'), *arsulli* (< **arsurli*) 'он улетел' и т.д. В удинском элемент *(a)l* образует тему будущего времени: *uγalzu* 'я выпью', *uγaljah* 'мы выпьем' и т.д.

Глагольные формы с этим показателем как будто бы имеют происхождение, аналогичное происхождению глагольных форм с показателем *-d*-. Действительно, аффикс *l* является показателем генитива в аварском (*-l*), лакском (*-l*) и даргинском (*-la*); в даргинском он используется в форме *(a)l* в качестве суффикса количественных числительных, а в форме *(i)l*- — в качестве суффикса прилагательных; наконец, в удинском *al* он выступает как показатель причастия настоящего времени. Следовательно, авар. *ləla* '(он) даст', *ləla* 'он дает' нужно рассматривать как древние причастия в предикативном употреблении: аварские причастия *ləleu* '(тот), который даст', *ləlei* '(та), которая даст' и т.п. первоначально отличались от *ləla* '(он) даст' только своей атрибутивной функцией [2].

В) *Показатели, содержащие n*: авар. *-na* (для прошедшего времени), чеч. *in* (для недавнопрошедшего), *-ina* (для прошедшего нарративного), лезг. *-na* (для прошедшего), *-naj* (для давнопрошедшего), агул. *-na* (для деепричастия прошедшего времени), *-ni*, *-naj*, *-naa* (для различных

¹ В настоящее время эта связка (**a* в настоящем времени, **aj* в имперфекте) сохранилась в лезгинском только в сочетании с превербами, обозначающими положение в пространстве: *alà* 'есть над чем-л.', *γwa* 'есть рядом с чем-л.', *k'wa* 'есть под чем-л.', *γalà* 'есть позади чего-л.' и т.д. (ср. имперфекты *alaj*, *γwaj*, *k'waj*, *γalaj*). Поскольку лезгинский имперфект *wihidaj* 'он бросал' уже не осознавался как *wihid* + *aj*, возникла возможность образования нового причастия настоящего времени *wihidajdi* по модели *alajdi* 'находящийся над чем-л.' и т.д.

стенок прошедшего); в табасаранском -ни и -ни- являются суффиксами прошедшего времени, непосредственно предшествующими личным показателям; в лакском суффикс -ип- образует тему перфекта.

В качестве суффикса прилагательных элемент -п- встречается в чеченском (-п̄) и цахурском (-па, -ни, -п); он служит показателем родительного падежа в этих двух языках, а также в лезгинском (-п), табасаранском (-п), агульском (-п) и арчинском (-п); наконец, тот же самый -п- является показателем количественных числительных в хваршинском (-па), бежитинском (-па) и цезском (-по). Перечисленные выше суффиксы глагольных форм должны, следовательно, рассматриваться как суффиксы причастий (авар. abuna 'он сделал' = цах. hawɛuna 'сделавший') или как сращения суффикса причастия со связкой (лезг. q̄una 'он схватил' = *juqun + a; ср. цах. aqun 'схвативший') [3].

Г) *Показатели, содержащие s (ss)*: а) цах. -ssi, -s для прошедшего времени; б) годоб. -su-, карат. -s, багв. -s, рут. -s или -si, цах. -s для будущего времени.

Аффикс, содержащий -ss-, выступает в качестве суффикса прилагательных в лакском (-ssa) [4], а как показатель родительного падежа — в хваршинском, цезском и бежитинском (-s). Цезские формы прошедшего времени на -s, -ssi, вероятно, являются древними причастиями прошедшего вр. [5]. Однако прочие глагольные формы с показателем -s-, перечисленные выше, должны объясняться иначе. В рутульском и цахурском формы на -s функционируют как в качестве форм будущего времени (рут. û dust'aχ haɣas 'тебя возьмут в плен', цах. zu ŷunɣaq'a ajres 'я приду к вам'), так и в качестве форм инфинитива (рут. zu yuɣas jixugi 'я пошел погулять', цах. mana xag-q'eχog q'adkas-okanas 'он учится читать и писать'). Поэтому невозможно отделить эти формы от инфинитивов на -s или -z в других языках, таких, как лезгинский¹, табасаранский (-z), агульский, арчинский, даргинский (-s), аварский (-ze). Заметим, что в агульском будущее время обозначается сочетанием инфинитива на -s и связки e. Без сомнения, именно подобными речевыми оборотами легко объясняются формы будущего времени на -s-, перечисленные выше: годоб. unisu 'он пойдет' первоначально значило 'он есть пойти' (он должен пойти) и т.п. Что касается происхождения инфинитивов на -s, то ясно, что это формы древнего дательного падежа; ср. показатель дательного падежа лезг. -z, табас. -z, агул., рут., цах., арч., дарг. -s и показатель дательного падежа множеств. числа авар. -ze [6].

Д) *"Нулевые показатели"*. Они довольно распространены и встречаются: а) для настоящего времени — в чеченском, ингушском, цахурском, б) для прошедшего времени — в арчинском, табасаранском (наряду с формами на -ни-, -ни-), в цахурском и в языках Андийского Койсу (андийском, ботлихском, годоберинском, каратинском, багвалинском, возможно, также в тиндинском и чамалинском).

¹ В своей лезгинской грамматике П. К. Услар называет глагольную форму на -z "деепричастием"; но достаточно просмотреть примеры на употребление этой формы, приведенные П. К. Усларом в "Этнография Кавказа" (VII, с. 136 и сл., с. 158 и сл. и т.д.), чтобы убедиться в том, что это настоящий инфинитив.

Каким бы образом ни объяснялись эти формы, следует всегда помнить о том, что в удинском и табасаранском аналогичная, лишенная показателя форма выполняет функцию причастия прошедшего времени (уд. *uʷi* 'выпивший', табас. *b-ik̄i* 'написанный' и т.д.) и что в агульском причастия настоящего и прошедшего времени теряют свои показатели, когда используются в качестве определений (*at'a egeṁi* 'бьющий человек', *lik̄i egeṁi* 'написавший человек' и т.д.); можно отметить также, что в лакском каждый глагол соотносится с именем деятеля, которое характеризуется тематическим гласным *u* без какого-либо аффикса (*ḥaṣan* 'пить', *ḥaṣu* 'тот, кто пьет' и т.д.).

Е) *Показатели, содержащие r*: а) для настоящего времени: рут. -га, -гä, арч., анд. -г, может быть, также ахв. -егі; б) для прошедшего времени: чеч., инг. -г, ахв. -ігі, -еге (?), лезг. -г (в *ttir* 'он был'), -га, рут. -гі; в) для будущего времени: чеч. -г. Наконец, в табасаранском г появляется в личных показателях "аориста" (глагольной формы, обозначающей как прошедшее, так и будущее), например *ildik'ar-za* 'я упал, я упаду', а условное наклонение характеризуется элементом -гі- (например, *ildik'iriza* 'я бы упал').

Элемент -г- встречается в качестве причастного суффикса в ингушском (-г), чеченском (-гіг), агульском (-ге), табасаранском (-гі — для причастия настоящего вр.) [7], аварском (-га — для причастия прошедшего вр.) [8]. Однако за пределами системы спряжения нельзя найти формы, отмеченные этим аффиксом: формы родительного падежа аварских личных местоимений *di-g*, *du-g*, *neḷḷé-g*, *neḷḷé-g*, *poḷó-g* [9] и цезского дат. пад. (*obiur* 'отцу', *essiur* 'брату') [10] слишком изолированы, чтобы заслуживать рассмотрения. В то время как прочие рассмотренные выше показатели обнаруживают следы своего внеглагольного происхождения, показатели на г, как кажется, являются все же *исконно глагольными* [11].

Нам остается упомянуть об изолированных показателях, а именно:

Ж) *Лезг. -ja* (наряду с *-ra*¹) и *бежит. -jo*, которые являются показателями прошедшего времени [12].

За пределами глагольной системы элемент *j* выступает в качестве показателя дательного падежа в некоторых аваро-андийских языках (авар. -je, анд. -j, ботл. -ji, карат. -ja); но очевидно, что показатели прошедшего времени, только что упомянутые нами, не могут восходить к показателям дательного падежа. В лезгинском (и в крызском) частица *ja* служит связкой в настоящем времени: *zun abad ja* 'я богат', *wun abad ja* 'ты богат', *am abad ja* 'он богат' и т.д. Возможно, что показатели на *j* генетически связаны с этой частицей (см. ниже).

З) *Арч. -qqi* — показатель будущего времени.

Этот показатель, без сомнения, является энклитической формой (с нулевым показателем) глагола 'идти' — арчинский корень *qq* (< *gʷ^u): ср. арч. инфинитив *qqes* 'идти', прош. вр. *óqqa*, *qqa*, буд. вр. *éqqi*. Таким

¹ Эти два показателя (*га* и *ja*) никогда не встречаются у одного и того же глагола. Одна часть лезгинских глаголов имеет показатель -га, другая часть — показатель -ja.

образом, арчинская форма будущего времени óŷuqqi 'он отвяжет' первоначально означала 'он идет отвязывать' (или 'он пойдет отвязывать?')[13].

Обобщая все сказанное выше, мы констатируем, что среди безличных показателей чечено-лезгинского глагола показатели, содержащие -d-, -l- и -n-, являются древними суффиксами прилагательных, формы с "нулевым показателем" имеют двойную природу и только показатели на -r- (и, возможно, также на -j-) выступают как исконно глагольные морфологические элементы.

III

Теперь перейдем к личным показателям. По их этимологической связи с личными местоимениями эти показатели могут быть подразделены на две группы.

А) *Личные показатели чисто местоименного происхождения.*

В *удинском* все личные показатели относятся к этому типу. Тут представлена следующая система этих показателей:

	Единственное число			Множественное число		
	1-е л.	2-е л.	3-е л.	1-е л.	2-е л.	3-е л.
Для глаголов, требующих дательного падежа логического субъекта	za	va	tu	ja	wa	qo
Для всех прочих глаголов	z(u)	n(u)	ne	jan	na	qun

Ср. *удинские* личные местоимения: zu 'я' (дат. za), un 'ты' (дат. va), ŷono 'он' (дат. ŷetu), jan 'мы' (дат. ja), wan 'вы' (дат. wa), ŷetoyon 'они' (дат. ŷetoyo).

В *табасаранском* к энклитическим местоимениям восходят показатели 1-го и 2-го лица. Это следующие показатели:

	Единственное число		Множественное число [14]	
	1-е л.	2-е л.	1-е л.	2-е л.
Для глаголов, требующих дательного падежа логического субъекта	az, jaz	uz, vuz	ħuz, č'uz ¹	č'wuz
Для всех прочих глаголов	za	va	ħa, č'a ¹	č'wa

¹ Из этих двух форм содержащая х – "инклюзивная", а содержащая č' – "эксклюзивная".

7
Ср. табасаранские личные местоимения *izu* 'я' (дат. *izuz*), *ivu* 'ты' (дат. *ivuz*), *iXu* 'мы с тобой' (дат. *iXuuz*), *ič'u* 'мы без тебя' (дат. *ič'uz*), *ič'wu* 'вы' (дат. *ič'wuz*).

В *даргинском* (*хюркилинском*) только следующие показатели обнаруживают местоименное происхождение:

а) Показатель *-s* для 1-го лица единственного числа будущего времени (например: *asas*, *isas* 'я, возможно, куплю', *isus* 'я куплю'), без сомнения, тождественный корню личного местоимения 1-го лица ед. ч. (ср. чеч. *sω*, лезг., агул. *zun*, табас. *izu*, рут., цах. *zu*, будух. *zun*, крыз. *zin*, уд. *zu*, арч. *zon*, род. п. *is* 'я'), древность которого подтверждается западнокавказскими языками (адыг. *se*, абх. *sa-ra*, убых. *su-γце* 'я').

б) Показатель *-hā* для 1-го лица множественного числа будущего времени (например: *asaḥā*, *isaḥā* 'мы, возможно, купим', *isuḥā* 'мы купим'), восходящий к *ха (ср. наст. сб., с. 239 и сл.) и, без сомнения, тождественный корню личного местоимения 1-го лица множественного числа "инклюзива", — авар. (п-)iλλ, анд. iλλi(-l), агул. *xin*, табас. *iXu*, рут. *jix(dy)*, чеч. (t'-)χω.

в) Показатель *-d* 2-го лица единственного числа "будущего определенного времени" (например, *isud* 'ты купишь') и *-di* — 2-го лица ед. ч. прошедшего времени (например, *asadi* 'ты купил', *isadi* 'ты покупал'), вероятно, тождествен корню *d (+ гласный) косвенных падежей местоимения 2-го лица ед. ч., засвидетельствованному, например, в формах генитива авар. *du-r*, анд., ботл., годоб., карат., ахв., багв., чам., тинд. *du-*, хварш. *dubo*, цез. *debi*, бежит. *dibo*, арч. (wi-)t'.

г) Показатель *-dā* 2-го лица множественного числа будущего определенного времени (например, *isudā* 'вы купите') и прошедшего времени (например, *asadā* 'вы купили', *isadā* 'вы покупали'), вероятно, является результатом контаминации показателя 2-го лица единственного числа с показателем 1-го лица множественного числа.

В *лакском* ни один личный показатель нельзя связать с личными местоимениями.

Таким образом, использование энклитических личных местоимений в функции личных показателей кажется сравнительно недавней инновацией в каждом из трех указанных выше языков (*удинском*, *табасаранском* и *даргинском*) [15].

Б) *Личные показатели, которые не восходят к личным местоимениям.*

Эти показатели сводятся к четырем типам: а) показатели на *г*; б) показатели на *б; в) показатели на *ј* и г) "нулевые показатели".

а) Показатели на *г*. В *лакском* эти показатели обнаруживаются в виде *-га* для 1-го и 2-го лица ед. ч., *-гу* — для 1-го и 2-го лица мн. ч. и *-гi* или *-аг* для 3-го лица обоих чисел; они играют роль связки настоящего времени и могут быть добавлены ко всякому имени существительному или прилагательному: *na t'us'naq-ga* 'я пленник', *ina tturš'amassa-ra* 'ты богат', *t'ā tturš'amassa-ri* 'он богат', *žu tturš'amassa-ru* 'мы богаты' и т.д. В спряжении глаголов эти показатели появляются в настоящем времени (например: *li-č'āga* 'я бросаю, ты бросаешь', *lič'āgu*

‘мы бросаем, вы бросаете’), в прошедшем времени (например: li-č‘ura, lič‘uru, li-č‘uri), в перфекте (lič‘unda, lič‘undu, lič‘undi с обычным изменением г в d после n¹); будучи добавленными к инфинитиву, эти показатели обозначают ”будущее определенное”, например lič‘inda ‘я наверняка брошу’ (от lič‘in ‘бросать’); при добавлении к причастиям эти показатели образуют описательные настоящее и будущее время, значение которых лишь слегка отличается от значения соответствующих ”простых времен” (lič‘inssara ‘я брошу’ менее ”определенно”, чем lič‘inda²; напротив, описательное настоящее lič‘ajssara ‘это я бросаю’ более энергично, чем lič‘āra ‘я бросаю’). В *даргинском (хюркилинском)* показатели на г имеют форму -га для 1-го лица единственного числа и для 1-го и 2-го лиц множественного числа, -гi — для 2-го лица ед. ч. и -г — для 3-го лица обоих чисел. Как и в лакском, эти показатели (кроме, однако, показателей 3-го лица) могут добавляться к существительным или прилагательным в качестве связки настоящего времени: ħu dawlašiw-gi ‘ты богат’ и т.д. В спряжении глаголов показатель -га для 1-го лица появляется в перфекте (asilla < *asilira ‘я купил’, arsullira ‘я улетел’), в настоящем времени (isulla < *isulira ‘я покупаю, мы покупаем’) и в прошедшем времени (asira ‘я купил, мы купили’, isira ‘я покупал, мы покупали’), показатель -гi — для 2-го лица ед. ч. — в перфекте и в настоящем времени (asilli < *asiliri ‘ты купил’, arsulliri ‘ты улетел’, isulli < *isuliri ‘ты покупаешь’); показатель -г 3-го лица обнаруживается только в ”будущем определенном” (isur ‘он наверняка купит, они наверняка купят’³). В *табасаранском* -г служит показателем 3-го лица обоих чисел в настоящем времени (ildik‘udu-g ‘он падает, они падают’), в ”прошедшем I” (aldak‘uni-g ‘он упал, они упали’), в ”прошедшем III” (aldak‘u-g ‘он упал, они упали’), в ”аористе”, который, скорее, заслуживает названия ”прошедше-будущего времени” (ildik‘ur ‘он упадет, он упал’, ‘они упадут, они упали’) и в будущем времени (aldak‘udir ‘он упадет, они упадут’)[16].

б) Показатели на *b⁴. Эти показатели характерны прежде

¹ Это изменение обнаруживается также у имен существительных, которые заканчиваются на l, n и r: ina q‘in-da ‘ты хорош’ и т.п.

² Это различие имеет место только в 1-м лице: во 2-м и 3-м лицах используются только описательные формы (lič‘inssara, lič‘inssaru, lič‘inssari).

³ В 3-м лице прошедшего времени (например, arsur ‘он взлетел’) -г появляется только у некоторых глаголов, с исторической точки зрения этот -г не является показателем: он, скорее, представляет собой остаток ”второго корневого согласного”; см. выше, с. 325, примечание.

⁴ Посредством символа *b мы обозначаем общечечено-лезгинскую фонему, давшую w, v в самурских языках и b во всех остальных: лезг. wardz, табас. vadz, агул., рутул., цах. waz, крыз. wadz, будух. voz ~ арч. bac‘, лак. barz, чеч. but‘, анд. boqci, багв., чам. boç, тинд. boçu, цез. buc‘i, хварш. buc‘o, бежит. boc‘o ‘луна’; цах. wiγγ, рут. viγγ, крыз. viгаγ, будух. viгаγ, лезг. гаγ (* < wugaγ) ~ арч. barqq, уд. bəγ, лак. баγ, авар. baq ‘солнце’; агул. waršš, табас. varž, рут. veš, цах. wašš, лезг. wiš ~ арч. bašša, уд. баç, анд. beš‘onu, ботл. beš‘uni, годоб. beš‘eno, кар. beš‘an, ахв. beš‘ano, чам. behan, багв. beš‘en, тинд. behen ‘сто’; лезг. wak‘, цах. wok‘, крыз. wak‘ ~ арч. boł, уд. böq, лак. burq ‘свинья’; цах. wys ~ авар. biss, год. bisi, анд. bicci ‘торный

всего для "будущего неопределенного" в лакском, а также в даргинском (хюркилинском). Лакский сохранил только первое лицо обоих чисел (например: lič'iba 'я, возможно, брошу', lič'ibu 'мы, возможно, бросим'); даргинский, напротив, сохранил только 2-е лицо и 3-е лицо обоих чисел (например: asabi 'ты, возможно, купишь', asabā 'вы, возможно, купите', asab 'он, они, возможно, купит (купят)'), в то время как в 1-м лице древние показатели на *b были заменены, как мы видели, энклитическими формами личных местоимений (asas, asaḥā; см. выше). Показатель *b обнаруживается в лакском также в первом лице прошедшего времени переходных глаголов (например: lič'au < *lič'ab 'я бросал') в тех случаях, когда "агенсом" является первое лицо; когда первое лицо является "пациентом", используется показатель -ra: na bizar-au t'ā 'я опечалил его', но na bizar-āra t'anal '(это) меня он опечалил'. В даргинском (хюркилинском) прошедшее время имеет показатель -b только в 3-м лице (asib 'он купил, они купили', isib 'он покупал, они покупали'). Как и лакский показатель -au (< *ab) 1-го лица прошедшего времени, даргинский показатель 3-го лица прошедшего времени (i)b появляется только у некоторых глаголов. Однако если в лакском показатель -au в прошедшем времени возможен только у переходных глаголов, то показатель -b прошедшего времени в даргинском встречается только у дуративных глаголов и у ограниченного класса недуративных глаголов ("глаголов 1-го спряжения", по Л. И. Жиркову) — как переходных, так и непереходных.

в) Личные показатели на j. Сюда, в сущности, относится только показатель 3-го лица имперфекта, засвидетельствованный лишь в лакском (ija 'он был' — ср. иги 'он есть'). Это ja используется также в качестве связки 3-го лица в прошедшем времени (t'ā q'in-ja или t'ā q'inssa-ja 'он был хорош'); будучи добавлено к причастию настоящего времени любого глагола, оно обозначает имперфект (lič'ajssa-ja 'он бросал'); при добавлении к причастию будущего времени оно обозначает условное наклонение (lič'inssa-ja 'он бросил бы, они бросили бы'). Соответствующие 1-е и 2-е лица (обоих чисел) выражаются сочетанием ja с ц (< *b?): ijaу 'я был, ты был', lič'ajssa-jaу 'я бросал, ты бросал, мы бросали, вы бросали'.

Г) "Нулевой показатель" в качестве личного окончания засвидетельствован только в функции показателя 3-го лица обоих чисел: в табасаранском — в имперфекте (ildik'udi 'он падал' — ср. ildik'udiza 'я падал' и т.д.), в давнопрошедшем (aldak'un: — ср. форму 1-го лица единственного числа aldaк'uniza и т.д.), в условном наклонении (ildik'iri

баран'. В лакском этот b переходит в ц в конце слога: авар. zob, дарг. dzubri, лезг. ссаw, табас. dzav, агул. zaw ~ лак. ssau 'небо'; арч. -ib ~ лак. -iц — окончание множественного числа некоторых существительных; дарг. dubsi ~ лак. dūssi (< *duцssi) 'медь' и т.д.

‘он упал бы’; ср. *ildik'iriza* ‘я упал бы’ и т.д.); в даргинском — в перфекте (*asili* ‘он купил’ — ср. *asilla* < *asilira ‘я купил’; *arsulli* ‘он улетел’, *irk'uj* ‘он съел’ — ср. форму 1-го лица *arsullira*, *irk'ujra* и т.д.), в настоящем времени (*isuli* ‘он покупает’ — ср. *isulla* < *isulira ‘я покупаю’) и в прошедшем времени (*arsur* ‘он улетел, улетал’, *irk'un* ‘он ел’ — ср. *arsurra*, *irk'unna* для 1-го лица). В лакском, возможно, следует рассматривать *ai* формы *lič'ai* ‘он бросает’ как часть темы настоящего времени (ср. 1-е лицо *lič'āra* < **lic'aira*).

IV

Попытаемся теперь объединить и систематизировать те наблюдения, которые мы произвели над безличными и личными показателями чечено-лезгинских языков.

Мы констатировали, что единственные *безличные* показатели, не имеющие экстравербального происхождения, — это показатели на *г* и на *ј*. Но аффиксы, содержащие *г* и *ј*, обнаруживаются также среди *личных* показателей, которые не восходят к личным местоимениям. Вполне естественно предположить связь между двумя этими фактами, то есть признать, что показатели на *г* в таких формах, как рут. *ǰgwaга*, арч. *akkuг* ‘я вижу, ты видишь, он видит, мы видим и т.д.’, лезг. *akkuга*, рут. *ǰuги* ‘я увидел, ты увидел, он увидел, мы увидели и т.д.’, чеч. *bōхиг* ‘я говорил, ты говорил, он говорил и т.д.’, в настоящее время безличные, восходят к древним личным показателям (так же, как и *ја* в лезг. *laħaja* ‘я говорю, ты говоришь, он говорит, мы говорим и т.д.’).

Два языка, сохранившие в живом употреблении личные показатели на *г*, имеют несколько глагольных форм, в которых эти показатели характеризуют только 1-е и 2-е лицо:

	Единственное число		Множественное число		обоих чисел
	1-е лицо	2-е лицо	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Лак.:	* <i>lič'ai-ra</i>	* <i>lič'ai-ra</i>	* <i>lič'ai-ru</i>	* <i>lič'ai-ru</i>	<i>lič'aj</i>
Дарг.:	* <i>asili-ra</i>	* <i>asili-ri</i>	* <i>asili-ra</i>	* <i>asili-ra</i>	<i>asili</i>

Мы также видели, что в лакском личные показатели на *г* часто добавляются к причастиям для образования “сложных времен”. С другой стороны, мы констатировали, что среди безличных показателей показатели на *d*, *l* и *n* первоначально служили для образования отглагольных прилагательных, то есть причастий. — Объединяя все эти факты, мы приходим к объяснению форм типа авар. *abula*, *abila* и т.п.: это древние формы 3-го лица без *г* — точно такие, как дарг. *isuli* (в противовес *isulla* < *isuli-ra).

Мы видели, что в языках, сохранивших в живом употреблении лич-

ные показатели, не восходящие к личным местоимениям, "нулевые показатели" характеризуют только третье лицо. С другой стороны, мы знаем, что в некоторых чечено-лезгинских языках глагольные формы с нулевым показателем функционируют в роли причастий. Мы склонны, следовательно, допустить, что в большинстве случаев формы с безличным нулевым показателем представляют собой древние формы третьего лица без г.

Итак, мы получаем уже некоторое представление о схеме образования "времен" в общечечено-лезгинском (или, скорее, в "древнечечено-лезгинском"). "Глагольные основы" содержали в эту эпоху только *родовые префиксы* (обозначающие согласование с " пациенсом" предложения), *видовые префиксы* (дуративного, моментального вида и т.д.) и *корень*, огласовка которого (= сегодняшнему тематическому гласному) в общем плане указывала на некоторые оттенки времени и вида. Эти глагольные основы могли восприниматься как в качестве имен действия, так и в качестве имен деятеля и служили как определениями, так и сказуемыми. Эти различные употребления уточнялись определенными аффиксами. Концепция глагольного действия как качества, приложимого к объекту, могла быть обозначена аффиксами -d-, -n-, -l-, -ss- (+ гласный), служившими в целом для указания на "понятие качества" (= аффиксы прилагательных). Воспринимаемые таким образом глагольные основы с упомянутыми аффиксами или без них могли использоваться в качестве определений или сказуемых. В последнем случае предикативная функция обозначалась аффиксами, важнейшие из которых содержали г с различными последующими гласными, в зависимости от "лица", с которым согласовывалось сказуемое. Кажется, что первоначально различались только три "предикативных аффикса" этого типа (один — для третьего лица обоих чисел, второй — для двух других лиц единственного числа и третий — для двух других лиц множественного числа) и что использование аффикса 3-го лица было лишь факультативным. Концепция глагольных основ как имен действия могла конкретизироваться посредством добавления определенных падежных аффиксов: дательный падеж (с показателями *s или *n в зависимости от диалекта¹) от глагольной основы получал значение "инфинитива". Инфинитивы могли употребляться в качестве сказуемых, принимая "предикативные аффиксы", и таким образом превращались в формы "будущего времени". Они могли также принимать "аффиксы прилагательных", образуя "причастия будущего времени": такие причастия будущего времени, как лак. lič'inssa 'тот, который бросит', арч. aças-ttu- 'тот, который будет наполнен', рут. äçus-ty 'тот, который войдет', цах. alihas-da 'тот, который пойдет', дарг. arsis il 'тот, который улетит', фактически представляют собой всего лишь комбинации инфинитива с "адъективным аффиксом".

¹ Мы видели, что инфинитивы на s представляют собой древние формы дательного падежа. Но инфинитивы на -n (в лакском и, возможно, также в лезгинском и рутульском) также представляют собой формы дательного падежа: аффикс -n выступает в качестве показателя дательного падежа, в частности в лакском (-n) и чеченском (-na) языках.

Мы далеки от того, чтобы думать, что гипотезы, выдвинутые нами по поводу чечено-лезгинских глагольных показателей, могут окончательно разрешить все проблемы и объяснить все связанные с ними факты. Остается ответить еще на много трудных вопросов. Какова была исконная роль показателей на *j* и на *b? Как объяснить тот факт, что в некоторых языках (в аварском, агульском, табасаранском, чеченском, ингушском) аффиксы на *г* выступают в качестве показателей причастий?..¹ Вот вопросы, которые мы можем только поставить, но на которые, по крайней мере в настоящее время, не можем дать ответа. [17].

V

Известно, что во всех чечено-лезгинских языках логический субъект переходных глаголов принимает форму активного падежа (или "эргатива" ("casus agens"), тогда как прямое (логическое) дополнение этих же глаголов, а также логический субъект непереходных глаголов принимает форму пассивного падежа (или "номинатива", "casus patiens"); известно также, что префигированные или инфигированные в глагольные формы родовые аффиксы всегда согласуются с "пациентом" глагола. Для личных показателей даргинского языка Жирков Л. И. ("Грамматика даргинского языка", Москва, 1926, с. 27 и сл.) выводит следующую формулу: в предложении, которое содержит личное местоимение (1-го или 2-го лица) либо в качестве "агенса", либо в качестве "пациенса", сказуемое принимает показатель соответствующего лица (*ḥuni arxullī hit* 'ты его ведешь' — *hit'in arxullī ḥu* 'он тебя ведет'), но когда предложение содержит два личных местоимения (1-го и 2-го лица) — одно в качестве "агенса", другое — в качестве "пациенса", то сказуемое принимает показатель того из двух лиц, которое является "пациентом" (*nunī arxullī ḥu* 'я тебя веду' — *nunī arxulla ḥuša* 'я вас веду'). В лакском эти правила несколько сложнее, но в подавляющем большинстве случаев сказуемое содержит показатель того лица, которое является "пациентом" предложения. Поэтому в принципе справедливо говорят о "пассивном" характере чечено-лезгинского глагола.

Конечно, следует остерегаться чересчур "индоевропейского" понимания термина "пассивный". Однако — при прочих равных условиях — использование чечено-лезгинского глагола, без сомнения, более напоминает использование "пассива", нежели "актива" в индоевропейских языках. И здесь бросается в глаза неожиданное обстоятельство:

Чечено-лезгинский глагол, имеющий пассивный характер, обладает причастиями с суффиксами *-*d*-, *-*n*- (+ гласные) и личными показателями, содержащими *г*;

¹ Не означает ли это, что утрата старого различения личных форм в этих языках повлекла за собой полное смешение предикативного и атрибутивного использования глагольных форм?

Но ведь те отглагольные прилагательные, которые в индоевропейских языках могут оцениваться как настоящие пассивные причастия, имеют суффиксы *-to- и *-no-, а единственные индоевропейские формы с пассивным значением, которые могут считаться древними, имеют личные показатели, характеризующиеся звуком г.

Случайно ли это совпадение? — Может быть, и нет...

Вена, 1928

СТРОЙ ВОСТОЧНОКАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ*

Несколько лет назад приват-доцент д-р Блейхштейнер сделал доклад о строе кавказских языков. Д-р Блейхштейнер охарактеризовал главные типы языковых структур, которые мы обнаруживаем в кавказских языках, и проиллюстрировал свои мысли психолингвистическим анализом нескольких текстов. Примеры эти были настолько хорошо подобраны, а психолингвистические пояснения д-ра Блейхштейнера были настолько удачными и ясными, что члены нашего общества после этого доклада, вероятно, смогли получить достаточно отчетливое и точное представление о строе кавказских языков. В картине, нарисованной д-ром Блейхштейнером, я не могу ничего изменить либо дополнить. И если сегодня я снова собираюсь говорить о кавказских, а конкретно — о северокавказских языках, то мне хотелось бы сделать это совсем в ином плане — не в психолингвистическом, а в историческом и генетическом.

Мне хотелось бы рассказать вам о результатах моих исследований в области исторической и сравнительной грамматики северокавказских языков. Эти исследования я не смог еще пока опубликовать и, вероятно, не смогу этого сделать еще долго, поскольку у меня много другой работы и мои научные интересы сосредоточены сейчас на иных проблемах.

Начну с восточнокавказской языковой семьи. Это наиболее дифференцированная группа кавказских языков. Она состоит из 28 языков, на большинстве из этих языков говорят в Дагестане. Большое количество восточнокавказских языков весьма благоприятно для исследователя, поскольку, как известно, построение сравнительной грамматики тем легче, чем больше языков можно привлечь к сравнению. В разработке сравнительной грамматики восточнокавказских языков я уже продвинулся довольно далеко. Конечно, работы еще много, но в основных чертах я уже сейчас могу обрисовать облик общевосточнокавказского праязыка.

Начнем с ф о н е т и к и. Что особенно бросается в глаза в восточно-

* „Der Bau der ostkauskasischen Sprachen”.— „Wiener slavistisches Jahrbuch”, Band 11, Graz—Köln, 1964, S. 23—30.

кавказских языках, так это исключительное богатство согласных: лезгинский, например, имеет 40 согласных, аварский, по данным Услара, — 43, а в действительности, вероятно, еще больше. Это богатство существовало уже в праязыке. Для правосточнокавказского я восстанавливаю систему как минимум из 46 согласных: во всяком случае, для 46 согласных я могу указать регулярные звуковые соответствия в различных языках. При этом я должен подчеркнуть, что все эти цифры (40 согласных лезгинского, 43 аварского, 46 правосточнокавказского) относятся лишь к количеству основных согласных, без учета оттенков тембра и окраски (например, лабиализованной или нелабиализованной окраски, артикуляции с нормальным или с поднятым положением гортани). Если все эти нюансы считать за особые согласные (как это обычно делают, например, в индоевропейском или семитском), мы получим гораздо большие числа.

Среди восточнокавказских согласных нужно специально выделить: взрывные и аффрикаты с гортанной смычкой, представляющие собой специфически кавказские звуки, очень распространенные во всех кавказских языках, включая индоевропейские языки Кавказа (осетинский и армянский); латеральные согласные, которые являются специфически севернокавказскими и отсутствуют в соседних языковых семьях. Что существенно характерно для правосточнокавказской системы согласных, так это ее строгая симметрия. Шумные звуки распределены по параллельным рядам: три смычных ряда (лабиальный, дентальный, передневелярный), в каждом по три смычных звука (*media*, *tenuis aspirata* и *tenuis* с гортанной смычкой), четыре аффрикатных ряда (*s*-ряд, *š*-ряд, задневелярный ряд, передневелярный, или латеральный, ряд), в каждом по четыре аффрикаты (*media*, долгая *tenuis*, *tenuis aspirata*, *tenuis* с гортанной смычкой); с каждым смычным рядом был соотнесен один звонкий спирант, с каждым аффрикатным рядом — по два глухих спиранта (один долгий непридыхательный и один краткий придыхательный). Все это напоминает индоевропейскую систему согласных. Она также состояла из четырех или пяти смычных рядов (лабиального, дентального, палатального, лабиовелярного, может быть, еще и велярного), в каждом из которых было по три или четыре смычных звука (*media*, *media aspirata*, *tenuis* и, может быть, еще *tenuis aspirata*). Правда, восточнокавказская система значительно богаче, но принцип симметрической упорядоченности в ней тот же. В других языковых семьях Европы и Азии, насколько мне известно, нет ничего подобного. Вне этой упорядоченной системы шумных в правосточнокавказском стояли ларингалы или чистые гортанные звуки. В этом отношении правосточнокавказский смыкался с семитским: все ларингалы, предполагаемые для прасемитского, должны быть постулированы и для правосточнокавказского; однако в правосточнокавказском они были гораздо менее употребительны и играли значительно меньшую роль.— Что касается дальнейшего развития системы согласных в отдельных восточнокавказских языках, то оно было довольно разнообразным. Число аффрикат сильно уменьшилось; зато возник ряд новых смычных и спирантов.

О правосточнокавказской системе гласных я пока не могу сооб-

щить точных сведений. В этой области еще много темных мест. Я даже не знаю, существовали ли в правосточнокавказском количественные противопоставления.

Правосточнокавказское ударение было свободным и еще сохраняется в таком виде в арчинском, аварском и некоторых самурских языках. Это еще одно свойство, связывающее правосточнокавказский с индоевропейским. Правда, свободное ударение в современных восточнокавказских языках имеет чисто экспираторный характер, тогда как праиндоевропейское ударение было (преимущественно) музыкальным. При этом нужно, однако, помнить, что восточнокавказские языки известны нам только с XIX в.: в более древнюю эпоху ударение в них могло быть устроено и иначе. В любом случае индоевропейская и восточнокавказская семьи — единственные из известных мне семей Европы и Азии, обладающие свободным ударением и использующие изменение места ударения в качестве смыслоразличительного средства.

О фонетике достаточно.

В области м о р ф о л о г и и правосточнокавказский прежде всего характеризовался подразделением всех существительных на "классы", или "роды". Сколько таких классов было в правосточнокавказском, мы в точности не знаем: чеченский имеет шесть классов, большинство дагестанских языков — четыре. Принцип подразделения по классам лишь частично был семасиологическим. К первому классу принадлежали обозначения мужчин, ко второму — женщин, к третьему — небесных тел, к четвертому — металлов и отрезков времени [1]. Прочие существит. распределялись по третьему, четвертому, а может быть, и по другим классам (если таковые существовали), за исключением двух первых классов, в которые входили только обозначения людей. Во множественном числе большинство существительных меняло род; например, все множественные числа, обозначающие людей, относились к третьему классу (классу небесных тел), обозначения небесных тел во множественном числе относились к четвертому классу, и лишь слова четвертого класса оставались в том же классе и во множественном числе. Все это можно установить на основании ситуации в различных современных языках. Принадлежность к тому или иному классу никак внешне не выражалась в самом существительном, но только в словах, которые с ним согласовывались: прилагательных, местоимениях, числительных, глаголах. Для выражения этого согласования служили так называемые классные элементы: для первого класса — *ɟ*, для второго — *ɟ̇*, для третьего — *ɸ̇*, для четвертого — *ɸ̇̇*; также должен был существовать классный элемент *ɸ̇̇̇*. Эти классные элементы префигировались, инфигировались или суффи-гировались к прилагательным, местоимениям и глаголам. Все это мы и сегодня находим в некоторых языках, например в аварском: *haɟ ɟ̇'i vɟgo ɸeɟaɟ* 'этот мужчина старый', *haɟ ɟ̇'iɟu jɟgo ɸeɟaɟ* 'эта женщина старая', *haɟ ɟ̇'u vɟgo ɸeɟaɸ* 'эта лошадь старая' и т.п.

Эта черта восточнокавказского весьма своеобразна. Деление существительных по родам встречается и в других языковых семьях Европы и Азии, например в индоевропейском, в хамитском, в дравидий-

ском и в языках мунда. Однако точной параллели для восточнокавказской ситуации в этих языковых семьях все же не обнаруживается.

Своеобразна также восточнокавказская глагольная конструкция. Вместо противопоставления номинатива и аккузатива, господствующего в большинстве европейских и азиатских языковых семей, здесь мы имеем противопоставления пациенса и агенса. В *casus patiens* стоит субъект непереходного и логический объект переходного глагола; в *casus agens* — логический субъект переходного глагола [2].

Правосточнокавказские глагольные корни состояли в большинстве своем из одного-единственного шумного согласного: при исключительном богатстве правосточнокавказской системы шумных такая расточительность была возможна [3]. Но встречались и корни, состоящие из шумного согласного + n, + l или + r, причем, однако, эти две составные части корня всегда были разделены так называемым "темпоральным" гласным. Этот темпоральный гласный, который всегда следовал непосредственно за корневым шумным согласным и у односложных корней находился в ауслауте, а у двусложных — перед вторым корневым согласным, обозначал время и был разным в презенсе, футуруме и претерите. При этом чередования гласных не у всех глаголов были одинаковы, так что в соответствии с качеством темпоральных гласных можно было различить несколько типов спряжения. Кроме времен, в каждой глагольной форме выражался также вид: правосточнокавказский различал два вида, которые, судя по современным языкам, по значению довольно точно соответствовали несовершенному и совершенному видам славянских языков. Виды обозначались посредством видовых префиксов, стоявших перед корневым шумным согласным. Поскольку видовой префикс обязательно присутствовал в каждой глагольной форме, каждый корень всегда выступал только в сочетании с этими префиксами. Каждый глагол, таким образом, всегда имел две основы: имперфективную и перфективную. Соотношения между ними были довольно разнообразны: видовые префиксы отличались друг от друга у одних глаголов различной окраской гласных, у других — вставкой или выпадением плавного. В даргинском сохраняется еще довольно точное отражение древней ситуации. Здесь различается двенадцать типов соотношения между несовершенным и совершенным видом, например: сов. *as*: несов. *is* 'покупать', сов. *ilx*: несов. *ulx* 'варить', сов. *ic*: несов. *igc* 'продавать', сов. *igz*: несов. *uz* 'пить', сов. *ilqw*: несов. *luq* 'писать'. Как видно, в основе этой системы лежит принцип корневой флексии. Кроме времени и вида, выражалась еще соотнесенность глагола со своим субъектом, или, точнее, пациенсом. Это осуществлялось при помощи уже знакомых нам классовых элементов, которые либо префигировались перед видовым префиксом, либо инфигировались между видовым префиксом и корневым шумным согласным. Эта первоначальная система нигде не сохранилась в чистом виде, но ее легко реконструировать на основании сравнения отдельных языков, и некоторые из современных языков еще очень недалеко отошли от первоначального состояния.

Что касается образования грамматических форм, то здесь

нужно обратить внимание на две особенности: многообразие парадигм и принцип корневой или основной флексии. Они особенно явно выступают в трех случаях: при образовании *casus agens*, множественного числа и видов. В то время как пациенс единственного числа в принципе не имел окончания, агенс единственного числа имел в качестве окончания гласный: но эти гласные были разными у разных существительных. Некоторые существительные, кроме того, вставляли между основой и конечным гласным различные корнерасширительные суффиксы: *r, l, d, n, m*. Наконец, у большинства существительных менялся также гласный корневого слога. Таким образом, существовало множество различных типов соотношений между пациенсом и агенсом, что и сегодня еще наблюдается во многих восточнокавказских языках, хотя всюду имеется более или менее ярко выраженная тенденция к обобщению некоторых из этих типов и к внесению единообразия в склонение. Ср. арч. *paʃ* 'молоко': *peʃi*, *bas* 'луна': *boʃto*, *makʷ* 'роса': *mukkattee*, *iʃw* 'сердце': *iʃwmi* и т.д. От агенса посредством присоединения различных окончаний образовывались остальные падежи: генитив, датив, локатив; однако локатив, имевший гораздо более конкретное значение, чем в индоевропейском, образовывался не от всех существительных и при некоторых из них имел основу, которая отличалась от основы агенса. Таким образом, типов склонения было очень много [4].

Аналогично обстояло дело и с образованием множественного числа. Поскольку большинство существительных во множественном числе принадлежало к другому роду, чем в единственном, то множественное число являлось, собственно, самостоятельным существительным, собирательным именем. Существовал целый ряд различных суффиксов множественного числа; наиболее часто встречались суффиксы, содержавшие в различных комбинациях согласные *r, l, m, n, b, d, tʻ, ʃʻ* и сопровождавшиеся различными гласными. Кроме того, у большинства существительных корневой гласный в пациенсе множественного числа отличался от гласного в пациенсе единственного числа. Современные языки обнаруживают тенденцию к обобщению определенных типов, но многообразие все же сохраняется. Ср. арч. *ans* 'бык': *únsur*, *ʃei* 'коза': *ʃáhur*, *ʃilil* 'седло': *ʃollò* и т.п., авар. *megéʒ* 'борода': *mugʒul*, *gʒaʒi* 'сука': *guʒbi*, *ʃʻi* 'мужчина': *ʃʻaʒi* и т.д. Отношения агенса к пациенсу во множественном числе были столь же разнообразны, как и в единственном. Прочие падежи во множественном числе образовались от агенса мн. ч. точно так же, как и в единственном.

Обозначение глагольных видов было столь же разнообразным, как и склонение и образование множественного числа имен. Правосточнокавказский различал два вида: несовершенный и совершенный. При их образовании не менялся только "корневой согласный". Перед ним находился гласный или сочетание гласного с шпавным согласным, и эта часть слова, которую я называю видовой приставкой, оформлялась по-разному в зависимости от вида. Даргинский со своими двенадцатью типами, упомянутыми на с. 341, видимо, уже редуцировал исходное состояние, как это видно по другим языкам, из сравнения которых явствует, что

в языке этих типов было еще больше. Различие между совершенным и несовершенным видами в даргинском заключается либо в изменении гласного, либо во вставке или же выпадении плавного и т.д. В других языках встречаются те же самые типы, но есть и другие, например редупликация.

Итак, мы видим, что в правосточнокавказском большую роль играло изменение гласного корня или основы. В этом отношении правосточнокавказский напоминает индоевропейский и семитский. Насколько мне известно, восточнокавказский, индоевропейский и семитский — единственные действительно "флективные" языковые семьи Европы и Азии. При этом нужно заметить, что и использование принципа корневой или основной флексии в восточнокавказском совпадает с аналогичной чертой семитского и индоевропейского. Мы видели, что изменение корневого гласного в восточнокавказском главным образом используется в трех случаях: при различении видов в глаголе, при различении множественного и единственного числа имени и при различении *casus patiens* и прочих падежей при склонении. Как известно, в семитском и индоевропейском корневая флексия также используется для образования видовых основ; при образовании множественного числа мы находим ее в семитском (*pluralia fracta*), а при противопоставлении номинатива остальным падежам — в индоевропейском.

Раздел III

ПОЭТИКА И МЕТРИКА

КАВКАЗСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ К ФРИГИЙСКОМУ МИФУ О РОЖДЕНИИ ИЗ КАМНЯ (земли) *

Новые открытия, сделанные в области исторической этнографии Малой Азии¹, должны послужить стимулом для сравнения малоазиатской культуры с кавказской. При этом немаловажное значение должно получить сравнительное изучение древнемалоазиатского и современного кавказского фольклора, могущее, несомненно, пролить свет на религию и духовную культуру этих географически и этнически близких между собою этнических групп.

В настоящей заметке я хочу указать на кавказские параллели к фригийскому мифу о происхождении двуполого существа Агдистиса ('Αγδιστis, 'Αγγδιστis, 'Αγγιστis). Миф этот входит в цикл мифов о Кибеле². Хотя он констатирован лишь у фригийцев, считающихся народом индоевропейского происхождения, но, принимая во внимание, что культ Кибелы был распространен по всей Малой Азии, можно предположить, что рассматриваемый нами миф существовал и у тех малоазиатских народов, которые, по мнению новейших ученых, принадлежали к кавказскому племени. У некоторых из таких народов культ Кибелы прямо засвидетельствован древними источниками: таковы, напр., лидийцы (Paus., III, 22, 4; V, 13, 7; Strab., 440, 469; Diodor., III, 58; Herod., V, 102; Plut. Them., 31 и др.), карийцы (Plut. Them., 30; Strab., 647), ликийцы.

Перехожу к нашему мифу.

Павсаний (Descr. Gr., VII, 17, 10) рассказывает, что, по преданию пессинунтийцев, Зевс во сне пролил свое семя на землю, из которого через некоторое время вышло демоническое существо, Агдистис, с мужским

* Напечатана на русском языке в "Этнографическом обозрении", 1908, № 3, с. 88–92.

¹ См.: М и л л е р. Кавказское языкознание и вопросы исторической этнографии передней Азии.— Э.О., LXX–LXXI.

² По некоторым данным (Strab., 10, 469, 12, 567; Hesych. под сл. 'Αγδιστis), можно предполагать, что самое имя "Αγδιστis есть только прозвание Кибелы. Некоторые, впрочем, считают его фригийской формой имени *Атис* ('Ατις). Например, Gosche („De arianae linguae gentisque armeniacae indole“, p. 21); к нему присоединяется и Maury („Histoire des religions de la Grèce antique“, III, 98), из которого я и заимствовал эту цитату.

и женским половыми органами. Подобное предание встречаем мы далее у *Арнобия* (*Adv. nat.*, V, 5). Ссылаясь на какого-то писателя Тимофея, он рассказывает, что на фригийской границе был горный хребет *Agdus*. Там из камня произошла Кибела. Зевс долго тщетно домогался ее любви и, потерпев неудачу, пролил свое семя в скалу, которая родила ужасное двуполое существо *Агдистис*.

С этим мифом я предлагаю сравнить следующие северокавказские (ингушские) предания, записанные *Б. К. Долгатом* ("Страничка из северо-кавказского богатырского эпоса".— Э.О., XLVIII):

1) "*Как родился Соска-Солса*.— Одна девушка доила коров; близ того места, где она доила, был синий камень. Один молодой человек, любивший эту девушку, сел на этот камень, и, глядя на нее, он пришел в возбуждение, отчего с ним произошло что-то, и от этого в камне образовался зародыш *Соска-Солса*" (стр. 35).

2) "*Происхождение Газдиевых-Базаркиных*.— В одном месте был раздвоенный камень. Один молодой человек лег на этот камень и заснул; в это время мимо него прошла любимая им девушка; он ее увидел во сне и имел с ней сношение: семя его попало в трещину камня. Когда он встал, то камень сомкнулся и наверху образовалась шишка. Он спросил знающих людей: что это значит? Ему сказали, чтобы он всегда следил за камнем. Шишка все росла и на девятый месяц растрескалась, и оттуда вышло дитя. От него произошли *Газдиевы* и *Базаркины*" (стр. 35—36).

Менее близкой к фригийскому мифу представляется мне следующая осетинская версия (*Вс. Ф. М и л л е р*. Осетинские этюды, I, 29):

"*Сóзрыцо* был (родом) из *Бараевых*, но не родился от матери и отца. *Сатана* была хорошая женщина, и из зэдов каждый говорил: "Как бы сделать мне ее своей любовницей?" Однажды *Сатана* стирала свои штаны и распялила (их для просушки) на камне на солнце. Вот пришел *Ўáстурджи* и сказал: "Твои штаны куда мне уйдут?" (т. е. "куда от меня скроются"). Пошел *Ўáстурджи* к штанам, (лежавшим) поверх камня, и... на них; от этого в утробу камня вошла душа. *Сатана* узнала, что *Ўáстурджи*... на ее штаны и что внутрь камня вошла душа. Вот начала она считать месяцы камня, и, когда пришел ему срок, она разрешила камень, и из него вышел *Сóзрыцо*, подобный льду, и начал играть"¹ [1].

¹ Тожественное с этим предание прикреплено у осетин и к рождению богатыря (нарта) *Батраза*. Рассказывается, что некий пастух *Тельвес*, соблазнившись красотой недостижимой для него *Сатаны*, стоявшей на противоположном берегу реки, пустил свое семя на камень, внутри которого затем развился зародыш — *Батраз* (см. "Сбор. сведений о Кавказе", I, 172). Интересно, что предание о рождении из камня *Созрыко* и *Батраза* близко напоминает сообщаемый *Псевдо-Плутархом* миф о рождении *Диорфа* от бога *Митры*, причем особенно важно, что этот миф был известен на юг от Кавказа на берегах *Аракса*. *Митрас* (*Μίτρας*) хотел иметь сына; но так как он ненавидел женский пол, то пустил свое семя на скалу, которая родила ему сына по имени *Диорф*. В цвете молодости этот *Диорф* был убит *Марсом*, которого он вызвал на состязание, после чего был по определению богов превращен в гору, носящую его имя (у реки *Аракса*). [См. известия древних греческих и римских писателей о Кавказе *К. Гана* в IV вып." Сборника *Материалов для описания местностей и племен Кавказа*", с. 157]. Упоминаемое здесь имя *Митрас* свиде-

Из всех вышеприведенных сказаний видно, что миф о рождении из камня, оплодотворенного мужчиной, был известен на Кавказе. При этом кавказские версии этого мифа и в частных подробностях совпадают с фригийскими. Так, по редакции Павсания, Зевс пролил семя во сне; то же мы видим во второй ингушской легенде. По версии Арнобия (Тимофея), Зевс перед оплодотворением камня домогался любви Кибелы; во всех 3-х кавказских преданиях любовь к девушке тоже является причиной оплодотворения камня¹.

Главное различие, пожалуй, заключается в том, что во фригийском мифе существо, родившееся из камня,— двуполое, а в кавказских мифах — однополое. Впрочем, может быть, это лишь позднейшее искажение вследствие забвения. Я, во всяком случае, думаю, что герои или боги-гермафродиты были известны на Кавказе. Для подтверждения своего мнения укажу на подвески с бронзовыми человеческими изображениями, найденные в Осетии в кладе при Стефан-Цминде г-ном Филимоновым и хранящиеся частью в Историческом музее, частью в коллекции А. В. Комарова². Одна из них (в коллекции Комарова) имеет ясно выраженные признаки гермафродита³. Две другие, хранящиеся в Историческом музее, по словам графини Уваровой, "совершенно одинаковы" с экземпляром Комарова "по размерам, строению и подробностям нагого тела"⁴.

Остановимся еще на одной подробности. В обеих версиях фригийского мифа лицом, оплодотворяющим камень, является Зевс. Очень возможно, что и на Кавказе это приписывалось какому-нибудь богу. Заметим при этом, что в целом ряде кавказских языков слова, обозначающие 'небо' или 'бог', по созвучию очень похожи на греч. *Zeús*, напр. абх. *н̄т̄цва* = 'бог', авар. *зоб*, лезг. *цаw*, табас. *жав*, хюркил. (даргинск.) *ζιβρι*⁵, лакск. (кази-кумухск.) *ссау*, грузинск., мингрельск., имеретинск. *ца* = 'небо'⁶. Может быть, и в мифе об Агдистисе у мало-

тельствует о культе бога Митры в Закавказье, в Армении, о чем сохранились показания армянских историков (Егише, Стефана Таронского; см. Langlois, Collection d'histoire Armèn, I, 168; "Стефан Таронский", перевод Эмина, с. 272). То, что здесь приписывается сыну Митры Диорфу, приписывается в некоторых древних сказаниях ему самому: Митра сам рожден скалою (Justin. dial. с. Тгурф., 70), вследствие чего называется *Петроγενής* ("Рожденный скалой"). Сопоставление мифа о Диорфе с осетинскими преданиями о Батразе и Созрыко сделано мною в рецензии IV вып. "Сборн. мат. для опис. местн. и племен Кавказа", напечатанной в журн. М.-Н. Просв., 1885 г., май), — Прим. Вс. М.

¹ Менее ясно эта подробность выражена в осетинской версии.

² У в а р о в а. Могильники Северного Кавказа ("Мат. по арх. Кавк.", вып. VIII, с. 145, 148; рис. 125—127; табл. LXXI, 8).

³ Там же, рис. 127; менее ясно — табл. LXXI, 8.

⁴ Там же, с. 148.

⁵ Собств. "небеса" (plur. majestatis); pi — суффикс nomin. plur.

⁶ Сами картвельские народы, по-видимому, отождествляли греческого Зевса со своим богом неба Ца, что видно из того, что греческое название четверга — "день Зевса" — переведено на мингрельский и сванетский языки как 'день Ца': мингрел. *цашка*, сванск. *цаашладеу*. (В грузинском языке тут произошла путаница, и "днем Зевса", диосиса, называется пятница, греческое название которой, "день Афродиты", перенесено на четверг в виде афродитиса.) [2].

азиатских сородичей современных кавказских народов лицо, оплодотворявшее камень, имело подобное название, что и дало грекам повод отождествить его с Зевсом.

На этом я и позволю себе закончить свой маленький экскурс, оставляя за собою право впоследствии еще возвратиться к некоторым вопросам, затронутым в нем.

ОДНО ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ*

В "Паннонском предании" св. Кирилла (Константина) сказано, что этот святой уже на седьмом году своей жизни с особым пристрастием изучал труды св. Григория Назианского и написал в его честь Похвалу. Текст этой Похвалы даже приводится, и он столь сильно отличается от остального повествования по своему ритму и стилю, которое выдержано в рассудительно-деловом тоне, что Похвалу эту, безусловно, можно рассматривать как стихотворение, вставленное в прозаический текст. При более близком рассмотрении метрическая форма этого стихотворения может быть, действительно, восстановлена. Это строфа, в которой семнадцатисложные и шестнадцатисложные стихи распределяются по схеме 17—16—16—17—16—16—17. Реконструированное стихотворение звучит:

Григорие ¹⁾ тѣломь / чловѣче а доушеѣ анѣле	(17)
ты бо ²⁾ тѣломь / чловѣкз сзи анѣлз ѣви сѧ	(16)
Оуста бо твоѣ / ѣко единз отъ сѣрафимз	(16)
Бога прославѣѣтз / и вьсь мирз ³⁾ просвѣщѣѣтз	(17)
Правыѧ вѣры / казаннемь тѣмь же и мене	(16)
Припадаѣщь / кз тебѣ ѡбзвнѣж и вѣроѣж	(16)
Прими и бѣди ми / оучитѣль и просвѣтитѣль	(17)

* „Ein altkirchenslavisches Gedicht“.— „Zeitschrift für slavische Philologie“, 1934, Bd. 11, Heft 1, S. 52-54 [1].

¹ Междометие "о", которое в традиционном тексте стоит в начале этой строки, пожалуй, является вставкой "ученого" переписчика.

² В традиционном тексте БО на этом месте отсутствует, что легко объясняется как ошибка переписчика (поскольку БО стоит здесь между двумя словами, начинающимися с Т и повторяющимися в том же окружении в следующей строке).

³ Это выражение, которое, как известно, воспроизводит в старых текстах Евангелия греч. *κόσμος*, относится к древнейшему слою церковнославянской лексики. Понятно поэтому, что позднейший переписчик заменил его более привычным и одновременно "научно" звучащим ВЗСЕЛЕНЪЖ (которое стоит в каноническом тексте).

О метрической структуре стиха нужно сказать следующее. Стихотворения, в которых не все строки обнаруживают одинаковое число слогов, не были чужды старой церковнославянской поэзии. Так, в алфавитном акростихе, метрическую форму которого реконструировал Р. Якобсон, одиннадцатисложные строки чередуются с двенадцатисложными¹. Своеобразие реконструированного нами стихотворения состоит, однако, в том, что двойного рода строки распределены не в беспорядке, а по некоторой симметричной схеме, так что семнадцатисложные строки обрамляют шестнадцатисложные. Семнадцатисложный стих требует цезуры после седьмого, а шестнадцатисложный — после пятого слога. Вторая цезура появляется в строках 2, 3 и 5 после десятого и в стихе 6 после одиннадцатого слога. Эта дополнительная цезура возникает, однако, не как метрический признак, а только как некоторая ритмико-мелодическая особенность шестнадцатисложного стиха. Что касается ударения, то наше стихотворение подтверждает установленное Р. Якобсоном (в приведенной выше статье) правило, согласно которому конечный слог староцерковнославянского стиха не может быть ударным: поэтому в стихе 5 **мѣнѣ** должно читаться с ударением на первом слоге (ср. совр. болг. *méne*). Все три семнадцатисложных стиха нашего стихотворения обнаруживают ударение на 5-м и на 15-м слоге (Ст. 1: ... **тѣломь** ... **ангеле**, Ст. 4: ... **прославѣйтз** ... **просвѣщѣйтз**, Ст. 7: **бѣди ми** ... **просвѣтитѣль**). Это закрепление ударения за определенным слогом стиха не следует, тем не менее, рассматривать как некую "метрическую константу", а только как некоторую метрическую тенденцию. Сходная тенденция, как известно, существует также в южнославянской народной поэзии².

¹ Ср. "Известия Отделения русского языка и словесности", XXIV, 2, с. 354 и сл. [2].

² Ср.: R. J a k o b s o n. — In: „Slav. Rundschau“, III, S. 275 ff.; „Byzantinoslavica“, IV, 1, S. 199 ff.; „Archives Néerlandaise de Phonétique Experimentale“, VIII–IX (1933), S. 138 ff. [3].

До сей поры русские былины изучались почти исключительно с точки зрения содержания. Существует обширная литература, рассматривающая именно их содержание, тогда как лишь в очень немногих работах речь идет о стиле и композиции былин. Что до работ, посвященных метрике былин, то их практически нет. Незаконченный труд Ф. Е. Корша о русском народном стихосложении¹ составляет в этой сфере самый серьезный опыт; взгляд покойного академика на былинный стих пока что никто не оспорил и не подверг проверке. Между тем эти взгляды сейчас надлежит признать устаревшими.

Как известно, Ф. Е. Корш отождествлял стих былины с русским стихом плясовых [1], который в свою очередь считал идентичным греческому четырехстопному анапесту (с той лишь разницей, что греческий анапест не допускал "разложения" *temps forts* [2], допустимого, согласно Ф. Е. Коршу, в русском народном стихе). Такое понимание русской народной версификации вытекало из убеждения в исконности и чуть ли не индоевропейских истоках греческих равностопных метров — убеждения, которое теперь, после работ А. Мейе², должно признать совершенно безосновательным [3]. Кроме того, слабой стороной теории Ф. Е. Корша было также и то, что она основывалась на метрическом анализе двух типов былинного стиха без учета былинных (музыкальных) фраз.

С того момента, когда былины стали записывать на фонограф и когда накопилось большое количество музыкального материала, оказалось, что схема Ф. Е. Корша разительно противоречит истинному положению вещей. Взглянув на ноты, которые приложены к архангельским былинам в сборнике А. Д. Григорьева, каждый легко убедится, что ритм былинных музыкальных фраз не имеет ничего общего с тем ритмом, который а priori сконструировал Ф. Е. Корш³.

* „W sprawie wiersza byliny rosyjskiej“.— In: „Prace ofiarowane Kazimierzowi Wóycickiemu“. Z zagadnień poetyki, № 6. Wilno, 1937, p. 100—110.

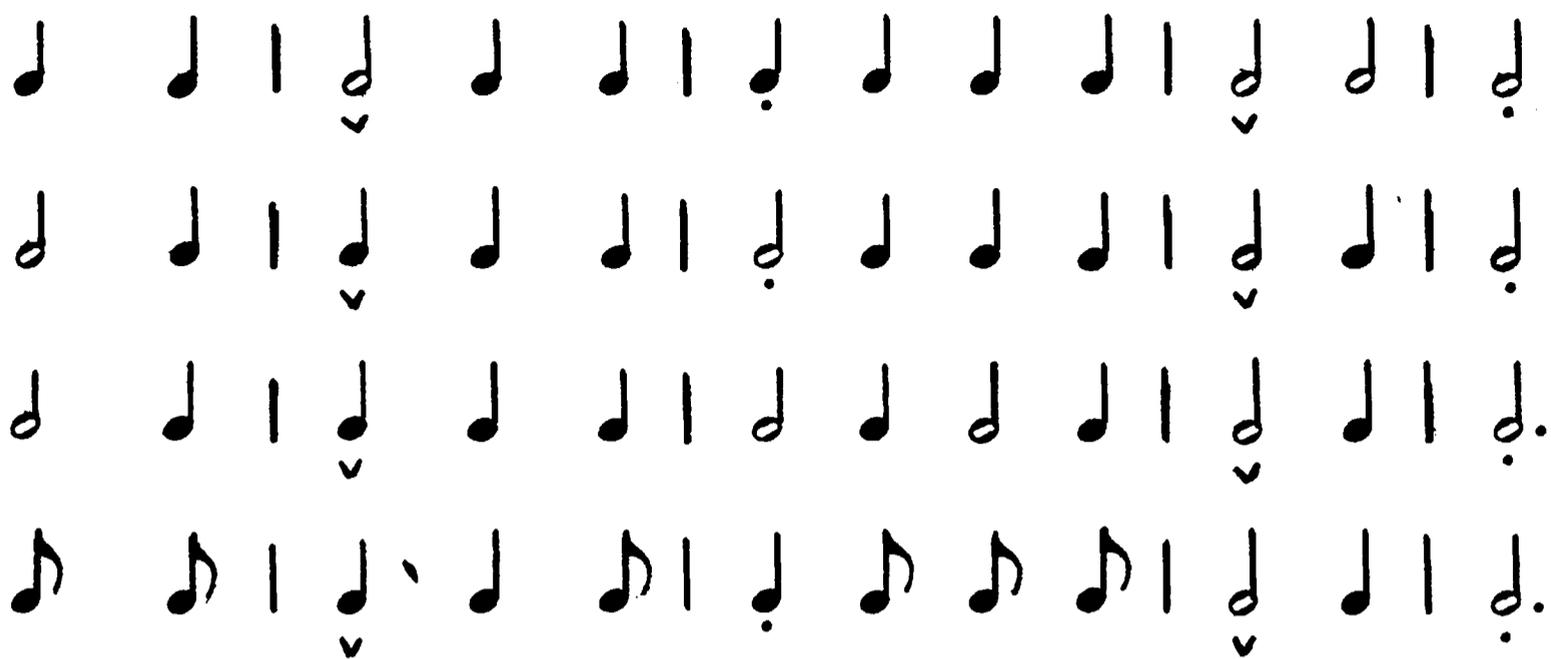
¹ Известия ОРЯС АН, 1896, т. I, кн. 1; 1897, т. 2, кн. 2.

² A. M e i l l e t. Origines indo-européennes des mètres grecs. Paris, 1923.

³ Так, в репертуаре сказительницы М. Кривополеновой плясовой ритм характерен для одной только былины "Усища", которая вообще резко выделяется из ряда типичных былин — как по форме, так и по содержанию.

удлинение мелодемы анакрузы и клаузулы. П р и м е р ы:

Необходимо, однако, подчеркнуть, что ритмическое равновесие между ядром и остальными компонентами музыкальной фразы вовсе не имеет обязательного характера и возникает отнюдь не во всякой фразе.

Нужно, наконец, упомянуть еще об одном явлении, а именно о выпадении одной из мелодем музыкальной фразы. Это случается сравнительно редко. Притом трудно определить, какие именно мелодемы выпадают. Самые сильные (первая и четвертая) мелодемы ядра, видимо, выпадать не могут. В любом случае в результате выпадения возникает музыкальная фраза, в которой между главным и второстепенным иктами ядра остается одна, а не две мелодемы⁵; или (что значительно реже) между второстепенным иктом ядра и главным иктом клаузулы оказывается вместо трех мелодем только две.

Из этого явствует, что музыкальные фразы былин охватывают огромное разнообразие ритмических типов. Существуют фразы, полностью выдержанные в каком-то одном ритмическом типе. Впрочем, судя по опубликованным доньше нотным записям, ритмический тип музыкальной фразы очень часто бывает неустойчивым: в одной и той же былине в некоем стихе удлиняется одна мелодема, в следующем — другая, третий стих не содержит удлиненных мелодем, в четвертом оказывается выпущенной одна мелодема, и т.д. На основе опубликованного материала трудно решить, является ли эта ритмическая неустойчивость индивидуальной чертой отдельных сказителей или же это общая традиция⁶.

В любом случае ясно, что и ритмически неустойчивые, и ритмически выдержанные музыкальные фразы — лишь реализация некоей идеальной метрически-музыкальной схемы.

⁵ А. Д. Григорьев. Архангельские былины, т. I, приложение, нотный пример № 33, где ядро содержит шесть мелодем — с главным иктом на первой мелодеме и с второстепенным на третьей.

⁶ Обычно в нотных приложениях (и на граммофонных пластинках) регистрируются лишь начальные стихи былин. Между тем очень часто сказитель обнаруживает неустойчивость именно в начале былин, чтобы позднее выдержать музыкальную фразу в каком-либо одном постоянном ритмическом типе.

Переходя от музыкальной фразы к самому стихотворному тексту былины, обратим внимание на большое разнообразие возможных метрических комбинаций. Бывает, что отдельной мелодеме музыкальной фразы соответствует лишь один слог текста. Так, нормальной музыкальной фразе с двенадцатью мелодемами соответствует двенадцатисложный стих с ударениями на 3, 6 и 9 слогах:

Как у сла́вна у кня́зя Володи́мера.

Но такие стихи встречаются довольно редко. Дело в том, что, за исключением последней, все мелодемы могут "распадаться" на два слога. Реже всего "распадаются" мелодемы анакрузы и клаузулы, чаще всего — первая мелодема ядра. Бывают стихи, в которых "распадаются" все мелодемы ядра (так что в сумме число слогов достигает девятнадцати), например:

Задолжа́л-то я ко-королю́-то Бутяну Бутя́нову.

Такие стихи, разумеется, весьма редки⁷. Чаще всего попадаются стихи в 13, 14 и 15 слогов, то есть такие, в которых "распадаются" одна или две мелодемы.

Наряду с "распадом" мелодемы на два слога иногда имеет место и обратное явление, а именно расширение одного слога на две мелодемы. Такое "стяжение" мелодемы возможно лишь на пространстве двух мелодем анакрузы, первой и второй мелодем ядра, четвертой и пятой мелодем ядра (иначе говоря, слог, распространяющийся на две мелодемы, находится либо в самом начале стиха, либо под ударением).

Как "распад", так и "стяжение" совершенно независимы от ритмического типа музыкальной фразы и от длительности отдельных мелодем. С равным успехом "распадаются" на два слога как мелодема удлинённая, так и удлинению не подвергшаяся; что до стяжения, то и здесь один слог может соответствовать и двум неудлинённым мелодемам, и комбинации мелодемы удлинённой с неудлинённой.

Следовательно, самый стихотворный текст былины не содержит никаких предпосылок для воспроизведения ритмического типа музыкальной фразы и для умозаключений о длительности отдельных мелодем. В этом, собственно, и состоит принципиальная разница между стихом былины и стихом плясовых, в котором соблюдается точное, постоянное соответствие метра текста и ритма музыкальной фразы⁸.

Анализируя былинный текст без учета музыкальной фразы, можно охарактеризовать метр былины следующим образом:

⁷ Теоретически возможны и более длинные стихи, в которых "распадаются" все (кроме последней) мелодемы, то есть стихи в 23 слога.

⁸ Ср. нашу работу об одном из типов русского плясового стиха — "О метрике частушки". — "Версты", II, Париж, 1927, с. 205—223. [См. наст. сборник, с. 371.— Прим. ред.]

1) Каждый стих содержит три главных ударения, из коих второе слабее остальных.

2) Почти во всех стихах первому главному ударению предшествует анакруза (чаще всего двусложная).

3) Количество слогов между главными ударениями непостоянное (между первым и вторым — самое большее 5 слогов, между вторым и третьим — 7).

4) После третьего главного ударения, как правило, следуют два неударных слога; в любом случае после третьего ударения должно быть минимум два (но не больше четырех) слога, причем последний также может быть ударным (тогда ударение оценивается как второстепенное).

Итак, число слогов в стихе былины довольно неопределенно; постоянно лишь число ударений. Так выглядит текст в настоящее время. Однако более внимательное исследование языка былины показывает, что такая картина не является изначальной. Как правило, словесные ударения в стихе былины совпадают с ударениями в прозаическом контексте. Часто, однако, слова получают в былине иные акценты. В некоторых случаях характерная для былины акцентная форма оказывается более архаичной по сравнению с акцентуацией в современной прозе — ср. в былине: *дэвица, мóлодец, резвы́ ноги, во чистóм поли* и т.д. Но во многих словах традиционная для былины акцентуация вовсе не древнее акцентуации прозаической; мы имеем дело всего лишь с искусственным перенесением ударений: *богáтырь, князья-бóяры, сэребро, кóнье* и т.д. Такая транслокация явно свидетельствует о том, что первоначально икты музыкальной фразы былины не считались с этимологическими словесными ударениями. В то же время тексты былин переполнены совершенно ненужными частицами и словечками типа *ведь, же, то, еще, кабы, уж, да* и т.д., которые вставляются в текст без всякой связи с содержанием. Для современной былинной метрики, в которой число слогов не имеет почти никакого значения, использование таких частиц абсолютно необоснованно. Явление становится понятным лишь тогда, когда мы примем тезис, согласно которому в метрике былины решающую роль первоначально играло число слогов.

Итак, в языке былины содержатся определенные указания, относящиеся к более ранней стадии развития стиха, когда этот стих основывался на постоянном числе слогов, а ритм музыкальной фразы не считался с размещением этимологических акцентов в строке. Иначе говоря, современный метр былины, видимо, заменил более древний силлабический стих. Эта "метрическая реформа", безусловно, имела место очень давно. Великорусские памятники народного стиха (XVII в.) во всех случаях демонстрируют былинную метрику современного типа; силлабический стих, проникший в XVII в. в поэзию верхов Московского государства, был очевидным новшеством. В великорусской народной поэзии современная былинная метрика стабилизировалась задолго до XVII в. Не будет ошибкой датировать ее возникновение XII—XIII вв., когда вообще возникала великорусская эпическая традиция.

Причины замены прежнего эпического силлабического стиха новым

метром с постоянным числом ударений и переменным числом слогов надлежит искать в изменениях, которым подверглась просодическая структура языка. Дело в том, что чисто силлабический стих, совершенно не принимающий в расчет первоначальное место словесного ударения, возможен либо в языках с постоянным ударением (таких, как польский и чешский), либо в языках политонических, различающих по крайней мере два вида акцента. В обоих типах языков словесное ударение при пении не совпадает с иктами мелодии. В языках же с постоянным и притом однородным ударением противопоставление акцентированных и неакцентированных слогов является единственным средством просодического различения слогов; а поскольку это противопоставление выражается двумя разными степенями экспирации, оно естественным образом отождествляется с противопоставлением сильных и слабых долей в пении. Итак, языку с подвижным и чисто экспираторным ударением свойственна метрика, которая так или иначе основывается на чередовании ударных и неударных слогов. Русский язык — и это его своеобразная черта — утратил политонический характер ударения (то есть различие восходящей и нисходящей интонации) еще перед падением редуцированных, причем прежнее музыкальное ударение регулярно заменялось ударением экспираторным.

Это произошло примерно во второй половине XII — первой половине XIII в.⁹ К этому (или чуть более позднему) времени мы относим реформу метрики былин (и вообще реформу версификации русской песни). Прежние стихи (с постоянным числом слогов, но свободным размещением ударений) воспринимались как эквивалентные величины до тех пор, пока акценты составляли *музыкальные* "вершины" слов. Но с момента, когда акценты стали "вершинами" *динамическими*, когда все другие различия между слогами (по высоте и длительности) потеряли функцию словоразличения, — с этого момента восприятие прежних стихов должно было подвергнуться радикальным изменениям: стихи стали воспринимать как приблизительно равные отрезки, в которых расстояния между ударными слогами заполняются непостоянным числом неударных слогов. Чтобы как-то упорядочить эту метрику, необходимо было установить в стихе определенное число ударений, приняв это за обязательную метрическую константу. Быть может, старинный эпический силлабический стих, подобно современному сербскому десетераци, разделялся цезурой на две части, причем во второй было больше слогов, чем в первой. Закономерное следствие этого — трехударность большинства стихов: одно ударение перед цезурой, два — после нее. В эпоху реформы эпической метрики эта метрическая тенденция стала константой. Если музыкальная фраза стиха былины изначально состояла из четырех тактов (последний включал нейтральный с точки зрения акцента последний слог строки, а также анакрузу следующей строки), то это

⁹ Ср. нашу работу „Einiges über russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit“. — „Zeitschrift für slavische Philologie“, I (1924), S. 303 nn.

обстоятельство также способствовало распространению трехударной структуры стиха¹⁰.

Что до числа неударных слогов, то оно стало безразличным, как только центр тяжести был перенесен на число ударных слогов. Притом, вследствие исчезновения слабых редуцированных, наступившего в XIII в., число слогов в прежних стихах должно было утратить качество неизменности; новые стихи стали слагать вообще без учета числа неударных слогов¹¹.

Так возник тот своеобразный метрический тип, который знаком нам по русским былинам. Краеугольным камнем этого стиха были не "стопы" в том смысле, как их знает классическая метрика, но древний силлабический стих, преобразованный в результате изменения просодической структуры русского языка.

¹⁰ Трудно решить, является ли ритмическая неустойчивость, которая наблюдается иногда в музыкальной фразе былины (ср. выше), рудиментом такого состояния русского языка, когда еще различались краткие и долгие слоги.

¹¹ В языках болгарском и украинском исчезновение слабых еров предшествовало изменению просодической структуры и поэтому не могло столь сильно повлиять на метрику.

К ВОПРОСУ О СТИХЕ "ПЕСЕН ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН" А. С. ПУШКИНА*

I

"Песни западных славян" А. С. Пушкина включают в себя всего семнадцать стихотворений, из коих одиннадцать переведены с французского (из сборника Мериме „La Guzla, ou choix de Poésies Illyriques“), три с сербского (из сборника Вука Ст. Караджича), а три ("Песня о Георгии Черном", "Воевода Милош" и "Яныш королевич"), по-видимому, сочинены самим Пушкиным (во всяком случае, их иностранные оригиналы не указаны и до сих пор не найдены). Небольшая часть "Песен" ("Похоронная песня Иакинфа Маглановича", "Соловей", "Бонапарт и черногорцы" и "Конь") написаны обыкновенным четырехстопным хореем, а остальные — особым размером, которым, кроме этих песен, Пушкин написал еще "Сказку о рыбаке и рыбке" и несколько мелких, частью неоконченных стихотворений.

Об этом особом стихотворном размере, известном под именем "стиха Песен западных славян", существует целая литература. О нем писали в свое время А. Потебня ("Рус. Фил. Вестн.", XI, 1884, стр. 21) и Ф. Е. Корш ("Изв. II-го Отд. Импер. Академии Наук", т. III, 1898, стр. 737 и сл.; "Сборн. Отд. Русск. Яз. и Слов. Импер. Академии Наук", т. LXVII, № 9, 1901, стр. 32 и сл., прим. 25), позднее — Сергей Бобров ("Новое о стихосложении Пушкина". Москва, 1915), Георгий Шенгели ("Трактат о русском стихе", часть I, изд. 2-е, 1923, стр. 104 и сл.), Б. В. Томашевский ("О стихе Песен западных славян". — "Аполлон", 1916 и "Генезис Песен западных славян". — "Атеней", 1926, — обе статьи перепечатаны в книге Б. В. Томашевского "О стихе", 1929, стр. 63—93) и Б. И. Ярхо ("Свободные звуковые формы у Пушкина". — В сборн. "Ars Poetica", 1928, стр. 176 и сл.).

Б. В. Томашевский выявил, что размер, о котором идет речь, впервые был применен в переводах сербских эпических песен не Пушкиным, а известным славистом А. Востоковым [1], что Пушкин находился под влиянием теорий Востокова о метрике народной поэзии и что пробовать

* Статья напечатана на русском языке в "Белградском Пушкинском Сборнике" (1937).

применять вышеупомянутый размер в произведениях фольклорного характера Пушкин начал задолго до "Песен западных славян", притом, несомненно, в связи с восточовскими теориями. К этому надо добавить, что Востоков не сам изобрел этот размер, что размер этот и раньше применялся в русской литературе. Между прочим, этим размером написана известная сатира Сумарокова "Другой хор ко превратному свету"¹. Является ли Сумароков и изобретателем этого размера (что при его вкусе к метрическим экспериментам, отмеченном Гуковским, вполне возможно), об этом пусть судят знатоки русской поэзии XVIII века. Пока же можно условно назвать интересующий нас размер "сумароковско-восточовским вольным стихом", чтобы не называть его "стихом Песен западных славян" ввиду двусмысленности и неточности этого термина.

Выяснению подлежит прежде всего природа интересующего нас размера, а затем вопрос о том, почему он был избран Востоковым и Пушкиным для передачи (мнимых или настоящих) сербских эпических песен.

II

Определение природы нашего размера зависит, конечно, от общих взглядов на русское стихосложение. Предлагавшиеся до сих пор теории русской метрики подлежат пересмотру с точки зрения современной структуральной лингвистики, так как все они не свободны от некоторых весьма существенных методологических недостатков. Одним из наиболее существенных недостатков почти всех этих теорий является недостаточно четкое разграничение между теорией стихосложения и теорией стихопроизнесения. Между тем, стихосложение есть факт *языка* (*langue*, *Sprachgebilde*, *language*), а стихопроизнесение — факт *речи* (*parole*, *Sprechhandlung*, *speech*), — современная структуральная лингвистика строжайшим образом разграничивает язык и речь. Далее, в большинстве теорий русского стихосложения упускается из виду та весьма существенная особенность основных языковых противопоставлений, над выяснением которой особенно потрудились современные "фонологи", а именно — привативный характер этих противопоставлений.

Под привативным противопоставлением в самом общем смысле мы разумеем противопоставление присутствия какого-нибудь признака отсутствию этого признака. В известных отделах языка (например, в морфологии) господствует особый вид привативных противопоставлений: обязательность признака противопоставляется его необязательности². И вот этот-то вид привативных противопоставлений играет решающую роль в метрике (в частности, в русской). Утверждение, что "русское стихосложение основано на чередовании ударяемых и безударных слогов", не вполне точно. На самом деле, чередуются либо "обязательно ударяемые" слоги с "необязательно ударяемыми", либо "обязательно безударные" с "необязательно безударными". Так, напр., в ямбе все нечетные слоги обязательно безударны, но четные слоги вовсе не непре-

менно ударяемы: они лишь не обязательно безударны, то есть могут быть ударными, но могут быть и неударными.

С этой точки зрения, все русские размеры, применявшиеся в начале XIX в., можно в отношении стопного строения разделить на три типа. К первому типу принадлежат размеры "двудольные", в которых обязательно безударные слоги повторяются через промежутки в один необязательно безударный слог ("ямб", "хорей"). Ко второму типу относятся размеры "трехдольные", в которых обязательно ударяемые слоги повторяются через промежутки в два необязательно ударяемых слога" ("дактиль", "анapest", "амфибрахий"). Наконец, к третьему типу принадлежат размеры "вольные", где промежутки между повторяющимися обязательно ударяемыми слогами заполняются *непостоянным числом* необязательно ударяемых слогов. Наиболее известным вольным стихом начала XIX в. был "гекзаметр", где, однако, между обязательно ударяемыми слогами допускалось не меньше одного и не больше двух необязательно ударяемых слогов, а между предпоследним и последним обязательно ударяемыми слогами непременно должны были стоять два *неударяемых*, так что весь размер сбивался на правильный "дактиль". Но к той же группе вольных размеров принадлежал и интересующий нас сумароковско-востоковский стих, где "вольность" не была так сильно ограничена, как в гекзаметре: у Пушкина в этом размере число необязательно ударяемых слогов в промежутках между обязательно ударяемыми слогами колеблется от нуля до четырех, и только перед первым — обязательно ударяемым — слогом допускается от нуля до двух необязательно ударяемых.

Кроме стопного строения, русские стихи характеризуются *концовкой*, состоящей всегда из одного обязательно ударяемого слога, за которым могут еще следовать один или два обязательно безударных слога. Таким образом, в *отношении концовки*, русские стихи XIX в. могут быть разделены на три типа — на стихи с односложной, с двусложной и с трехсложной *концовкой* (то есть с "мужскими", "женскими" и "дактилическими" окончаниями). Это деление не имеет ничего общего с делением размеров на двудольные, трехдольные и вольные, так как тот или иной тип концовки не связан с тем или иным типом стопного строения стиха: напр., двудольный размер может сочетаться с трехсложной *концовкой* ("В минуту жизни трудную"), трехдольный — с односложной ("По небу полуночи ангел летел") и т.д. Важно только, чтобы обязательно ударяемый слог концовки совпадал с последним обязательно ударяемым или необязательно безударным слогом данного стиха. В отношении концовки сумароковско-востоковский вольный стих принадлежит к типу стихов с двусложной концовкой.

Наконец, третьим признаком, важным для классификации русских размеров XIX в., является число "стоп", то есть число повторяемых обязательных ритмических величин. В этом отношении размеры делятся на двух-, трех-, четырех-, пяти- и шестистопные. При этом надо иметь в виду только *обязательно* повторяемые величины. Так, четырехстопный ямб вовсе не есть стих о четырех ударениях, ибо обязательно повторяемой ве-

личной в русском ямбе является не ударяемый, а безударный слог. Поэтому в четырехстопном ямбе должно быть *не меньше* четырех *безударных* слогов, но может быть и больше, так как некоторые из обязательно безударных слогов, заполняющих промежутки между обязательно безударными, могут быть сами безударными. В этом смысле сумароковско-востоковский вольный стих является трехстопным.

Итак, с точки зрения русской метрики XIX в., стих "Песен западных славян" и "Сказки о рыбаке и рыбке" следует определить как *трехстопный вольный стих с двусложной концовкой*.

III

Правда, Б. В. Томашевский сомневается в трехстопности нашего размера, ссылаясь на стихи типа "Сын бегом в пещеру воротился" или "Как услышала то молодая Павлиха", в которых не три, а четыре ударения. Но сомнения эти неосновательны, ибо промежутки между тремя обязательно ударяемыми слогами, согласно нашей схеме, заполняются не одними безударными, а лишь *необязательно ударяемыми* слогами, среди которых могут быть и фактически ударяемые. Требовать, чтобы в стихе "Песен западных славян" было *не более* трех ударений, методологически так же неправильно, как требовать, чтобы в четырехстопном ямбе было не более четырех неударяемых слогов.

Методологически неправильными являются также и попытки некоторых исследователей свести "стих Песен западных славян" к хорю или анапесту. Так, Георгий Шенгели, установив, что 63% всех стихов "Песен" имеют десять слогов, рассуждает следующим образом: «Десятисложный стих с женским окончанием может быть построен в виде либо пятистопного хоря, либо трехстопного анапеста. Один из этих размеров должен быть доминантой. Ввиду того, что постоянный метр произведений сербского эпоса есть стих весьма близкий к пятистопному русскому хорю (?), а ргіогі предполагаем, что именно последний и является доминантой» (Г. Ш е н г е л и. Трактат о русском стихе, ч. 1, изд. 2-е, стр. 105). После этого "априорного" умозаключения автор указывает разные приемы чтения, при помощи которых разные "неправильные" стихи "Песен западных славян" создают акустическую иллюзию пятистопного хоря. Методологически ошибочно здесь, во-первых, совершенно неосновательное убеждение, будто всякий "вольный" размер непременно должен иметь какую-то "доминанту", то есть должен быть лишь вариацией одного из определенных размеров, а во-вторых,— перенесение центра тяжести проблемы из области стихосложения в область стихопроизнесения. Те же две методологические ошибки приходится отметить в ранней статье Б. В. Томашевского "О стихе Песен западных славян" ("Аполлон", 1916, "О стихе", стр. 53—76) и в рассуждениях Сергея Боброва о "Трехдольном паузнике у Пушкина". Стихосложение и стихопроизнесение — две вещи разные. "Паузы", "триоли" и "квинтоли" существуют в музыке; с известной натяжкой их можно найти и в речи (parole), но в язы-

ке (langue) их нет. А метр состоит только из элементов языка. Сущность всякого "свободного" метра,— поскольку он существует наряду с "несвободными" метрами,— заключается именно в его несовпадении ни с одним из определенных (несвободных) метров, в сознательном отталкивании от этих метров. Стараться путем разных "лейм", "пауз", "триолей" и "квинтолей" втиснуть свободный метр в рамки несвободного, отождествить его с одним из двудольных или трехдольных размеров,— значит не понимать ни его эстетической функции, ни художественного намерения пользующегося этим метром поэта.

Для Пушкина вольный сумароковско-востоковский размер имел, конечно, прелесть именно как контраст с обычными двудольными и трехдольными размерами. В том процессе, который Б. М. Эйхенбаум так удачно обозначил "Путь Пушкина к прозе" ("Пушкинский Сборник памяти профессора С. А. Венгерова", 1923, стр. 59—74), противопоставление вольного стиха ямбу и хорю является вполне естественным. И не случайно, что при этом выбор Пушкина остановился не на гекзаметре, а на наиболее "вольном" из всех вольных размеров русской поэзии его времени. Но в то же время вольный сумароковско-востоковский стих, по-видимому, заинтересовал Пушкина и как чисто техническая проблема. От поэта требовалось известное искусство, чтобы этот стих, сохраняя всю свою "вольность", в то же время все же оставался стихом, а не становился прозой.

Как Пушкин разрешил эту техническую задачу, показывает предпринятое Б. И. Ярхо сопоставление стиха "Песен западных славян" со стихами востоковских переводов сербских песен. "Так как ритмическое чутье у Пушкина было, очевидно, острее, чем у Востокова, то он, даже не зная сербского текста, понял, что стихи Востокова слишком прозаичны, что и при проведении неравномерного распределения ударений необходима была более прочная силлабическая сдержка" (Б. И. Ярхо. Свободные формы у Пушкина.— „Ars Poetica“, сборник статей под ред. М. А. Петровского и Б. И. Ярхо, 1928, стр. 179). В результате хотя общее число слогов в стихе как в "Песнях западных славян" Пушкина, так и в переводах Востокова, колеблется между 8 и 13, но у Пушкина десятисложные стихи составляют 62,8%, тогда как у Востокова они составляют лишь 42,1%³.

В то же время принцип неравномерности распределения ударений внутри стиха был не только сохранен Пушкиным, но и нарочито подчеркнут. Сознывая, что русский читатель, привыкший в огромном большинстве стихотворений встречать однообразные двудольные или трехдольные метры, невольно ищет такого однообразия во всяком новом стихотворении, Пушкин в своих "Песнях западных славян" нарочно "сбивает" читателя, подавая ему то правильные двудольные, то правильные трехдольные размеры попеременно со стихами совершенно "неправильными". Таким образом, ощущение стиха все время поддерживается, но ритмической инерции не образуется. В этом-то, по-видимому, и заключалась цель Пушкина.

Перехожу к вопросу о том, почему Пушкин вслед за Востоковым выбрал для перевода (настоящих или мнимых) сербских песен и для подражания им именно вышеуказанный вольный размер.

Как известно, Востоков в предисловии к своим переводам сербских эпических песен ("Северные Цветы", 1825, стр. 337) писал: «В сербском подлиннике размер хорейский пятистопный с пересечением на второй стопе. Чтобы сохранить силу подлинника, переводчик не счел за нужное рабски подражать сему размеру, неупотребительному у нас и для русского слуха, может быть, несколько утомительному. Он предпочел русский размер о трех ударениях с хорейским окончанием.» (не имея под рукой "Северных Цветов", цитирую по Б. В. Томашевскому). Таким образом, Востоковым руководили два стремления: сохранить "силу подлинника" и заменить необычный для русского слуха размер чисто русским.

Под "силой подлинника", очевидно, следует понимать общее акустическое впечатление, производимое сербским эпическим размером ("мужским десетерцем") на русского читателя. Впечатление это, действительно, существенно разнится от впечатления правильного пятистопного хорей. Дело в том, что сербский размер может быть назван хореем лишь с большими оговорками. На самом деле, это — чисто силлабический десятисложный стих с цезурой после 4-го слога. За исключением 4-го и 10-го слогов, которые всегда безударны (так как сербский язык не терпит ударения на последнем слоге слова), все прочие слоги могут быть и ударяемы, и безударны, и только статистика показывает, что на нечетные слоги ударение падает чаще, чем на четные (ср. R. J a k o b s o n. *Zum Versbau der serbokroatischen Volksepos.* — „Archives Néerlandaises de Phonétique Experimentale“, VIII—IX, 1933). Русский слух с трудом улавливает эту тенденцию, тем более, что в сербском языке есть два вида ударения, — восходящее и нисходящее, — из которых одно (именно восходящее) для русского слуха малоощутимо, так что русский часто затрудняется сказать, является ли данный слог сербского слова ударяемым или безударным. Все это осложняется еще тем обстоятельством, что русские привыкли к растягиванию ударяемых гласных, так что всякий ударяемый слог для русского должен быть не только громче, но и длиннее всякого неударяемого. В сербском же языке длина гласных совершенно независима от их ударяемости или безударности; наряду с долгими ударяемыми слогами встречаются и краткие ударяемые и, — что для русского особенно непривычно, — долгие ("растянутые") неударяемые гласные. Таким образом, когда русскому приходится слушать сербский эпический стих в произношении настоящего серба, он никакого "хорей" не воспринимает, а слышит лишь совершенно произвольное или беспорядочное распределение ударений.

Востоков, несомненно, слышал эпический десетерац в произношении природных сербов. Вполне возможно, что и Пушкин тоже. Но даже если бы Пушкин никогда не слышал, как настоящие сербы произносят свои

эпические стихи, он все же должен был бы воспринимать сербский десетерац как беспорядочное чередование ударяемых и неударяемых слогов, ибо при чтении сербских эпических песен с "русским" ударением нельзя получить никакого правильного "размера". Но в то же время и при настоящем "сербском" чтении, и при чтении с русским ударением сербские эпические песни все же производят на русского слушателя какое-то ритмическое впечатление. И вот это-то сочетание впечатления ритмичности с впечатлением беспорядочного распределения ударений и было той "силой подлинника", которую Востоков (а за ним и Пушкин) хотел сохранить в переводе.

Для человека, воспитанного в русской стиховой культуре конца XVIII и начала XIX в., стих представлялся как какое-то чередование обязательно-безударных слогов с необязательно-безударными. При таких условиях сербский эпический стих мог быть истолкован только как стих, в котором промежутки между обязательно ударяемыми слогами были заполнены неодинаковым числом необязательно ударяемых слогов. Что же касается окончания стиха, то в этом отношении непременно должно быть проведено известное однообразие, ибо русский начала XIX в. вообще не мог себе представить стиха без определенной концовки. А так как сербский язык не допускает ударения на последнем слоге слова, то русские стихи с односложной концовкой (то есть "мужским" окончанием), очевидно, не годились для передачи сербского эпического размера. Оставалось выбирать между стихами с двусложной и стихами с трехсложной концовкой. Но длинные стихотворения с исключительно трехсложными концовками в русской поэзии начала XIX в. не были популярны. К тому же Востоков считал сербский эпический стих хореем, а Пушкин в этом вопросе, разумеется, должен был принимать на веру суждение такого авторитета, как Востоков. Поэтому совершенно естественно, что для передачи сербского эпического стиха был выбран именно вольный стих с "хореическим" (или "женским") окончанием, то есть с двусложной концовкой. Размер этот лучше всего передавал общее впечатление, производимое сербским десетерацем на русский слух.

V

Что такое стремление передать акустическое впечатление, производимое сербским стихом, у Пушкина, действительно, существовало, явствует из сличения текста пушкинской песни "Сестра и братья" с ее сербским оригиналом (Вук Ст. Караџић. Народне српске пјесме, 11, № 5). Стих 96 сербской песни заключает в себе внутреннюю рифму:

Очи пију, у траву се крију

Пушкин перевел этот стих неточно, но тоже с внутренней рифмой:

Пьет ей очи, сам уходит к ночи.

Первые стихи сербской песни гласят:

Два су бора напоредо расла
међу њима танковрха јела.

Слово "бор" по-сербски значит "сосна", и по-русски неудобно было бы перевести его точно, так как важно было противопоставить два дерева мужского рода одному женскому. Пушкин заменил сосны дубами:

Два дубочка выростали рядом,

но при этом сохранил последовательность гласных а-у-о-а (два дубочка) сербского оригинала (два су бора), да притом еще так, что перед ударяемым о, как и в сербском оригинале, оказалось о. В сербских песнях очень часто встречаются аллитерации. В частности, в песне, послужившей оригиналом для пушкинской "Сестра и братья", одна четверть всех стихов заключает в себе аллитерацию. При переводе Пушкин в целом ряде случаев сохранил эту особенность. В некоторых из таких случаев можно объяснить это случайностью:

Караджич: Најпослије ноже оковане
Пушкин: Напоследок ей нож подарили
Караджич: Завидила својој заовици
Пушкин: На золовку, стало ей завидно
Караджич: Те заклала сивога сокола
Пушкин: Сивого сокола там заколола
Караджич: Ће је од ње капља крви пала
Пушкин: Где попала капля ее крови
Караджич: Кад су били близу бјеле цркве
Пушкин: И как были они уже близко
Караджич: То је Павле љубу послушао
Пушкин: Своей любви послушался Павел
Караджич: Па говори своме господару
Пушкин: Говорит она своему господину [2].

Здесь всюду русские слова просто соответствуют сербским по значению и по звуку. Но есть случаи, когда Пушкин выбрал русские слова, несозвучные с сербскими, и, тем не менее, ввел в свой стих аллитерацию:

Караджич: И мене су браћа миловала
Пушкин: И меня братья мои любили
Караджич: Па говори своме господару
Пушкин: И сказала своему господину
Караджич: То не била два бора зелена
Пушкин: Не два дуба рядом выростали
Караджич: Она оде коњама на ливаду⁴
Пушкин: Вот пошла Павлиха к водопою
Караджич: Она оде ноћу у градину
Пушкин: Вот Павлиха пошла в сад зеленый

Караджич: Она оде вече по вечери
 Пушкин: Вот Павлиха по вечеру поздно
 Караджич: Ал још сестра у душеку спава
 Пушкин: На перине Елица почивала
 Караджич: Па их одби низ поље широко
 Пушкин: И погнал их по чистому полю
 Караджич: На колевци соко тица сива
 Пушкин: На той люльке сидит сокол-птица.

Если значительная часть аллитераций сербского оригинала не нашла себе отражения в пушкинском переводе, то, с другой стороны, в этом переводе есть целый ряд стихов с аллитерацией, не имеющих соответствия в сербском оригинале:

Сестру братья любили всем сердцем. И в саду сокола заколола.	
Не знаешь ли ты зелия такого	Да за что ты зарезала ребенка?
Я не знаю зелия такого.	Разорвут на четыре части.
Сам себе на зло сестру ты любишь.	Прошло малое после того время.
В ту пору брат сестре поверил.	За конем золоченая люлька.
И в ту пору брат сестре поверил.	Лежит в люльке маленький мальчик.
В ту пору брат сестре не поверил.	Коли ж ты не веришь моей клятве.

В результате процент стихов с аллитерацией в пушкинском переводе даже несколько больше (31%), чем в сербском оригинале⁵.

Все это указывает на то, что передача общего впечатления, производимого на русский слух сербским эпическим стихом, несомненно, входила в намерения Пушкина. И это-то и побудило его избрать для большинства "Песен западных славян" описанный выше вольный размер, рекомендованный Востоковым.

VI

Но помимо этой причины была и другая. Как Востоков, так и Пушкин считали описанный выше размер русским народным размером и полагали, что сербскую народную поэзию следует переводить средствами русской народной же поэзии.

Пушкин не имел вполне отчетливого представления о степени различия отдельных славянских поэзий. Народные поэзии разных славянских народов представлялись ему как разновидности одной поэзии. Индивидуальные различия этих поэзий казались ему незначительными, а так как из всех славянских народных поэзий он хорошо знал одну лишь великорусскую, то все прочие "сливались" для него в одном "русском море". Не только в переводах из Мериме и в самостоятельных стихотворениях вроде "Яныша королевича" (где "чешская королева Любуса" уживается с сербской "Вилой"), но и в переводах с сербского Пушкин широко пользовался привычными оборотами русской народной поэзии, вводил традиционные русские эпитеты там, где по-сербски эпитетов вовсе не было ("сад зеленый", "коней борзых", "белое тело"), или заменял серб-

ский традиционный эпитет русским ("чистое поле" вместо серб. „широко поље“).

Как далеко Пушкин шел в этом направлении, показывает сличение его "Соловья" с сербским оригиналом — с песнью в сборнике Караджича (Српске народне пјесме, ч. I, № 542). В прозаическом переводе эта сербская песнь гласит так: "Соловей, маленькая птичка, всем дала покой, а во мне, молодце, вызвала три печали: первая печаль в моем сердечке,— что мать меня молодого не женила; вторая печаль в моем сердечке,— что мой вороной конек подо мной не пляшет; третья печаль, ах! у меня на сердце,— что моя дорогая на меня прогневалась.— Копайте мне могилу в широком поле, (могилу) в три копья шириною, в четыре длиною; в головах у меня посадите розу, в ногах у меня проведите воду: пройдет кто-нибудь молодой,— пусть украсит себя розой, пройдет кто-нибудь старый,— пусть утолит свою жажду". Пушкин же перевел эту песнь так:

Соловей мой, соловейко,
Птица малая лесная!
У тебя ль, у малой птицы,
Неизменные три песни [3],
У меня ли, у молодца,
Три великие заботы!
Как уж первая забота —
Рано молодца женили;
А вторая-то забота —
Ворон конь мой притомился;
Как уж третья-то забота —
Красну-девицу со мною
Разлучили злые люди.
Выкопайте мне могилу [3]
Во поле, поле широком,
В головах мне посадите
Алы цветики-цветочки,
А в ногах мне проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдут мимо красны девки,
Так сплетут себе веночки.
Пройдут мимо стары люди,
Так воды себе зачерпнут.

Это не просто перевод, а полная русификация сербской песни. Несмотря на сохранение некоторых традиционных эпитетов сербской поэзии ("вороной конь" вм. русск. "добрый конь", "широкое поле" вм. русск. "чистое поле"), сербский колорит песни совершенно утрачен, и, если бы не подзаголовок "Из Вука Стефановича", можно бы подумать, что это стихотворение есть подражание русской народной песне. Народный русский колорит для Пушкина замещал собою всякий "славянский"

колорит. "Сказку о рыбаке и рыбке" мы воспринимаем как русскую народную "по духу" (несмотря на то, что, как показало исследование М. Азадовского, содержание ее взято вовсе не из русского фольклора); но сам Пушкин первоначально намеревался, по-видимому, включить ее в "Песни западных славян", и в рукописи она носила заголовок "XVIII-я песня сербская".

При таких условиях не подлежит сомнению, что в намерения Пушкина мог входить перевод сербских песен русским народным размером. А что на вышеописанный сумароковско-востоковский вольный стих Пушкин смотрел именно как на размер русской народной поэзии, то об этом свидетельствуют те стихотворные отрывки, которые он написал этим размером и перечень которых дан Б. В. Томашевским в статье «Генезис „Песен западных славян“» ("Атеней", 1926, "О стихе", стр. 77 и сл.). Все они и по форме, и по содержанию являются подражаниями русской народной поэзии. Один из них включен был Пушкиным в число "Песен о Стеньке Разине", другой находится среди песен, переданных Пушкиным Киреевскому с замечанием: "Разберите-ка, которые поет народ и которые смастерил я сам"⁶. Представление о "народности" трехстопного вольного стиха с неопределенным числом слогов и с двусложной концовкой восходит к тому же Востокову, взгляды которого на русскую народную метрику были приняты Пушкиным, как на это указал Б. В. Томашевский⁷.

Подводя итог, можно сказать, что выбор вольного сумароковско-востоковского стиха для передачи размера сербских эпических песен определяется двумя обстоятельствами: тем, что сербский эпический размер русским слухом воспринимался как стих, в котором промежутки между ударяемыми слогами заполнены неодинаковым числом безударных слогов, и тем, что сумароковско-востоковский вольный стих, обладавший тем же признаком неодинаковости числа безударных слогов, считался "русским народным повествовательным стихом" [4].

Примечания

¹ На это обратил наше внимание Р. О. Якобсон.

² О привативных противопоставлениях см. нашу статью "Essai d'une théorie des oppositions phonologiques".— "Journal de Psychologie", XXXIII; о применении этого понятия к русской грамматике см. статьи Р. О. Якобсона "Zur Structur des russischen Verbuns".— В: "Charisteria Guilelmo Mathesio oblata". Praha, 1932, и "Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre".— В: "Travaux du Cercle Linguistique de Prague", t. V.

³ К этим цифрам, приводимым Б. И. Ярхо, любопытно добавить статистические данные о том же метре в стихотворении Сумарокова "Другой хор к превратному свету". Амплитуда колебания числа слогов у Сумарокова гораздо меньше, чем у Востокова и у Пушкина: имеются стихи только восьмисложные (18,7%), девятисложные (41,7%) и десятисложные (39,6%). Колебание в распределении ударений тоже менее значительно, чем у Пушкина.

⁴ Не зная сербского языка и переводя сербские слова лишь по созвучию с русскими, Пушкин не понял слова "ливада" (которое по-сербски значит 'луг')

и решил, что оно означает место, где лошадям наливают воду для питья, то есть водопой.

⁵ Оставляем в стороне те случаи, где аллитерации сербского оригинала в пушкинском переводе соответствует звуковой повтор, не связанный с началом слова (Ће је она сама собом пала — Где осталось ее белое тело). Русский слух реагирует на звуковые повторы иначе, чем сербский. В сербском языке начало слова играет гораздо более важную роль, чем в русском, и потому повтор в начале слова (то есть аллитерация) в сербском гораздо ощутительнее, чем в русском. Наоборот, в русском языке звуковые повторы особенно ощутимы в непосредственной близости к ударению, что сербскому языку совершенно чуждо.

⁶ К перечню Б. В. Томашевского, может быть, следует прибавить еще стихи, помещенные в виде эпиграфа к 5-й главе "Капитанской дочки":

Буде лучше меня найдешь, позабудешь,
Если хуже меня найдешь, вспомняешь,

если только эти стихи не взяты, действительно, из народной песни. Ср. Ф. Е. Корш. О русском народном стихосложении.— В: "Сборн. Отд. Русск. Яз. и Слов. Импер. Ак. Н.", 67, № 9, стр. 34.

⁷ Вопрос о том, насколько взгляды Востокова и Пушкина на русскую народную метрику были правильны, выходит за пределы настоящей статьи.

I

За последнее время вопросы метрики стали интересовать русских филологов. Но работают исключительно над метрикой письменной литературы. Народное стихосложение мало привлекает к себе внимания. Впрочем, в этой области и прежде-то почти ничего сделано не было. Можно сказать, что о русском народном стихосложении писал только покойный академик Ф. Е. Корш, да и то писал только эпизодически. А, между тем, область эта чрезвычайно любопытная.

Русское народное стихосложение весьма своеобразно. Уже с первого взгляда ясно, что к нему нельзя подходить с теми метрическими понятиями, с которыми мы привыкли оперировать в "искусственной" поэзии. В народном песенном стихосложении словесный текст неотделим от музыкального напева, и потому в нем играют роль не только ударения, но и "долгота" и "краткость". Потому-то Ф. Е. Корш и попробовал подойти к русскому народно-песенному стихосложению с понятиями древнегреческой квантитативной метрики; к тому же Ф. Е. Коршу казалось, как и многим его современникам, что эта древнегреческая квантитативная метрика и есть наиболее исконная. Теперь мнение об исконности древнегреческих метрических понятий можно считать основательно поколебленным, если не совсем опровергнутым. В применении к русской народной словесности, в частности, конструированная Ф. Е. Коршем схема былинного стиха (якобы "четырёхстопный анапест") оказалась совершенно несостоятельной с тех пор, как были сделаны точные (фонографные) записи былинных напевов. Неправилен был самый принцип подхода к русскому народному стихосложению с понятиями греческой метрики. Правда, и древнегреческое, и народное русское стихосложения основаны на сочетании словесного текста с музыкальным напевом; правда, благодаря этому, в обоих этих стихосложениях играют роль и ударения (икты) и количественные различия (долгота и краткость). Но в древнегреческом стихосложении словесный текст определяет собой количественные различия, а напев определяет ударения; в

* Статья напечатана на русском языке в журнале "Версты", II, 1927.

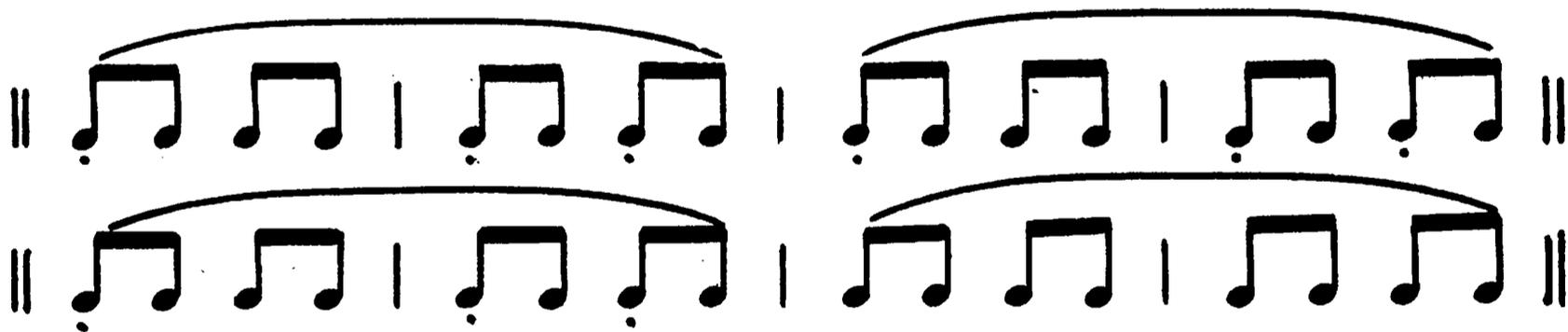
народном же русском стихосложении как раз наоборот,— словесный текст определяет ударения, а напев — долготу или краткость слогов. Таким образом, между древнегреческой и русской народно-песенной метриками существует отношение противоположности, и это исключает возможность применять древнегреческие метрические понятия и схемы к русской народной песне.

Своеобразие русского народного стихосложения требует совершенно особых приемов исследования и классификации, совершенно особой терминологии. Все это приходится создавать заново, ибо, как сказано, до сих пор в этой области очень мало сделано. В настоящей статье мы хотим попытаться обрисовать метрику одного определенного вида народной песни, именно частушки. При этом, мы не будем особенно углубляться в детали, о некоторых проблемах будем молчать, некоторые другие только упомянем: так, например, интереснейшей проблемы "метрической географии" нам придется только слегка коснуться...

II

Следует различать метрическое строение *музыкального* и *стихотворного* текстов частушки.

Метрическое строение музыкального текста частушки отличается последовательно проведенной двудольностью. Вся частушечная *строфа* делится на две *полустрофы*, обычно разделенные интерлюдией на гармонике. Каждая музыкальная полустрофа делится на два *колона*, каждый колон — на два *такта*, каждый такт — на два *димора*, каждый димор — на две *моры*, из которых первая является *сильной* (то есть способной принимать на себя ударение), а вторая — *слабой* (то есть неспособной стать ударяемой). Если принять мору за одну восьмую, то ритмическая схема музыкального текста частушки выразится в следующем виде:

Членение стихотворного текста в принципе параллельно членению текста музыкального. При этом *стих* обычно совпадает с колоном, а *слог* совпадает либо с морой, либо с димором: слог, совпадающий с морой, мы называем *кратким* (∪), а слог, покрывающий собой целый димор, мы называем *долгим* (—); димор, покрытый одним слогом, мы называем *стянутым*, в отличие от димора *распущенного*, в котором на каждую мору приходится по слогу.

Из двух диморов одного такта второй подвергается стяжению чаще,

чем первый: на второй димор такта не может приходиться больше слогов, чем их приходится на первый димор того же такта. Иначе говоря, в такте возможны лишь следующие комбинации:

- 1)   ◡   ◡   ◡   ◡   (♪ ♪ ♪ ♪)
- 2)   ◡   ◡   —   (♪ ♪ ♪)
- 3)   —   —   (♪ ♪) ,

но комбинация   —   ◡   ◡   (♪ ♪)   невозможна.

Из двух тактов, составляющих колон, первый не может содержать больше слогов, чем второй. Поэтому колоны-стихи в отношении числа слогов бывают следующих шести типов:

восьмисложный:

◡   ◡   ◡   ◡ , ◡   ◡   ◡   ◡   (♪ ♪ ♪ ♪ | ♪ ♪ ♪ ♪)

семисложный:

◡   ◡   ◡   ◡ , ◡   ◡   —   (♪ ♪ ♪ ♪ | ♪ ♪ ♪)

шестисложный: а)

◡   ◡   ◡   ◡ , —   —   (♪ ♪ ♪ ♪ | ♪ ♪)

б)

◡   ◡   — , ◡   ◡   —   (♪ ♪ ♪ | ♪ ♪)

пятисложный:

◡   ◡   — , —   —   (♪ ♪ ♪ | ♪ ♪)

четырёхсложный:

—   — , —   —   (♪ ♪ | ♪ ♪)

Примеры. В следующей частушке первый и третий стихи — вось-

мисложные, а второй и четвертый шестисложные, типа "а":

Я надену бело платье,
Отойду подальше:
Говорила я милóму
Про измену рáньше.

В следующей частушке представлены все остальные четыре типа: первый стих — четырехсложный, второй — пятисложный, третий — шестисложный типа "б", четвертый — семисложный:

Пляши, Матвѣй,
Не жалей лаптѣй!
Мамка лык надерёт,
Тягька новых наплетёт!

Из двух колонов, составляющих полустрофу, второй обычно содержит не больше слогов, чем первый. Исключения из этого правила встречаются (напр., хотя бы в только что приведенной частушке "Пляши, Матвей", где оба полустипия противоречат правилу), но очень редко: так, напр., в собрании частушек Новгородской губ. В. А. Воскресенского¹, заключающем в себе более 600 №№ частушек и, значит, более 1200 полустроф, мы встретили только 4 полустрофы, противоречащие нашему правилу (то есть заключающие во втором колоне больше слогов, чем в первом).

Аналогичное правило можно установить и для построения целых частушечных строф: вторая полустрофа частушечной строфы обычно содержит не больше слогов, чем первая. Но исключений здесь уже больше: например, в упомянутом собрании В. А. Воскресенского мы отметили 60 №№ частушек (то есть приблизительно 10% от общего числа), в которых вторая полустрофа содержит больше слогов, чем первая.

Таким образом, мы видим, что число слогов в ритмической единице регулируется одним общим правилом: *вторая половина данной ритмической единицы (то есть строфы, полустрофы, колона, такта) не должна содержать больше слогов, чем первая половина.* По отношению к тактам и к колонам правило это не терпит исключений; по отношению к полустрофам правило соблюдается почти без исключений и только при построении целых строф исключения допускаются в несколько большем, хотя, в общем, все же очень незначительном числе.

Ударение в принципе падает на сильные моры², каковыми являются первая и третья моры такта. Сообразно с этим можно различать три типа тактов: *нисходящие* — с ударением на одной лишь первой море, *восходящие* — с ударением на одной лишь третьей море, и *двухвершинные* или *двухударные* — с ударением и на первой и на третьей морах. Однако, следует заметить, что в двухударных тактах одно из двух ударе-

ний всегда бывает сильнее другого, так что они тоже могут подразделяться на "нисходящие" и "восходящие", смотря по тому, которое из двух ударений сильнее. Таким образом, получаем для тактов собственно только два основных типа — "нисходящие" (Н) и "восходящие" (В), а в каждом из этих двух типов можно уже различать подвиды — "одноударные" и "двухударные".

Стихи-колоны в отношении места ударения надо делить на два типа: *острые* и *тупые*. "Острым" (О) мы называем стих-колон, у которого второй такт является восходящим, иными словами, стихи-колоны, в которых последнее ударение падает на седьмую ногу. "Тупыми" (Т) называем стихи-колоны, у которых второй такт является нисходящим, иными словами, стихи-колоны, в которых ударение падает на пятую ногу. Примерами "острых" стихов могут служить: восьмисложный — "Из колодца вода льется", семисложный — "Говорила я отцу", шестисложный ("б") — "Ах и кудри мои!", пятисложный — "И молодки к нам", четырехсложный — "Пляши, Матвей". Как видно из этих примеров, "острые" стихи-колоны по числу слогов бывают всех типов, за исключением шестисложного типа "а". Что касается "тупых" стихов, то они допускают только два типа: семисложный — "Голубки купаются", и шестисложный "а" — "Рукава на вате". Кроме острых и тупых стихов, встречаются еще и такие стихи, в которых последнее ударение лежит на третьей ноге, а второй такт как будто совсем лишен ударения. Такие стихи бывают либо шестисложные (типа "б"), либо пятисложные. Встречаются они крайне редко. Таковы, например, второй и четвертый стихи в следующей частушке:

Погулял бы, дѣвушкӣ,
С ва́ми, с мо́дницамӣ,—
Припаса́ют в го́роде̄
Бритву с но́жницамӣ.

Или все четыре стиха в следующей частушке:

Ве́тер ду́ет-то̄,
Поддува́ет-то̄,
Милый лю́бит-то̄,
Забыва́ет-то̄.

Однако мы не считаем возможным видеть в таких стихах особый тип, соравный "острому" и "тупому", и считаем их просто особой разновидностью "острого" стиха. Дело в том, что в словах, оканчивающихся на несколько неударяемых слогов, последний слог всегда имеет второстепенное ударение. В стихосложении это второстепенное ударение часто искусственно усиливается, а при пении, особенно народном, такое усиление второстепенного ударения бывает даже довольно резким. Таким

комбинаций никогда не встречается. Все же число существующих типов частушечных полустроф довольно велико — не менее 15-ти. Но из этих типов далеко не все одинаково часто встречаются. Всего чаще встречаются полустрофы, состоящие из двух "острых" стихов ("О + О"), гораздо реже — комбинации типа "О + Т", еще реже — комбинация "Т + Т" и, наконец, комбинация "Т + О" почти никогда не встречается⁴. Другими словами, можно сказать, что комбинации, в которых между последним ударением первого и последним ударением второго стихов полустрофы находится более восьми мор, за редкими исключениями не допускаются.

Полустрофы, которые кончаются острым стихом (то есть типы О + О и Т + О), мы называем "заостренными" (З), а полустрофы, кончающиеся тупым стихом (то есть типы Т + Т и О + Т), мы называем "приглушенными" (П). Соединение двух полустроф образует строфу. При этом опять-таки далеко не все теоретически возможные комбинации фактически встречаются, а среди (в общем, довольно многочисленных) фактически встречающихся типов частушечных строф далеко не все одинаково часто встречаются. Всего чаще встречаются частушки из двух заостренных полустроф (З + З), гораздо реже — частушки типа П + П, еще реже — частушки типа З + П, и наконец, всего реже — частушки типа П + З⁵: значит, избегается та комбинация, при которой расстояние между последними ударениями первой и второй полустрофы оказывается больше шестнадцати мор.

Таким образом, нетрудно заметить, что при построении стихов, полустроф и строф наблюдается одно и то же общее правило: *расстояние между последними ударениями первой и второй половин данной ритмической единицы не должно быть больше половины общего числа мор этой ритмической единицы.*

Ритмические единицы (начиная с такта и вплоть до целой строфы) можно разделить на две группы: "концестремительные", в которых предпоследняя мора является ударяемой (сюда относятся: восходящие такты, острые стихи, заостренные полустрофы и целые строфы типа З + З и П + З), и "концебежные", в которых предпоследняя мора является неударяемой (сюда относятся: нисходящие такты, тупые стихи, приглушенные полустрофы и целые строфы типа П + П и З + П). Распределение ударений и относительная распространенность каждого отдельного типа ритмических единиц, рассмотренные в предшествующем изложении, могут быть подведены под следующие общие правила.

1) *За концебежной ритмической единицей не должна следовать ритмическая единица концестремительная;*

2) *Концестремительные ритмические единицы вообще предпочитают концебежным.*

Эти два правила — точно так же, как приведенное выше правило о числе слогов в частях ритмических единиц, — соблюдаются строго только по отношению к мелким ритмическим единицам: чем ритмическая единица крупнее, тем правило менее ярко выступает, и число исключений возрастает. Особенно характерны данные относительно второго правила. Так, в собрании В. А. Воскресенского (Новгородск. губ.) острые

стихи составляют 80% всех стихов, заостренные полустрофы — 72% всех полустроф, а строфы типа П + 3 и 3 + 3 — 69,6% всех строф. В маленьком собрании частушек Рязанской губ., напечатанном в № 1 "Верст", оказывается:

восходящих тактов — 226, т.е. 74,3%;
острых стихов — 90, т.е. около 59%;
заостренных полустроф — 37, т.е. около 49%;
строф типа 3 + 3 и П + 3 — 17, т.е. около 45%,

то есть правило оказывается в силе только для тактов и стихов, а для более крупных ритмических единиц число исключений уже превышает число случаев, подтверждающих правило.

Таким образом, приведенные нами правила отнюдь не представляют собой неумолимых законов, не допускающих исключений, а являются скорее определенными тенденциями, которые тем сильнее, чем мельче та ритмическая единица, к которой они прилагаются. Объясняется это, конечно, тем, что дело идет о *народной* метрике. В противоположность метрике так наз. "искусственной" поэзии, метрика народная не заучивается сознательно поэтами, а только подсознательно живет в них и автоматически регулирует их поэтическое творчество.

Из сказанного вытекает, что степень строгости соблюдения тех или иных правил может быть выражена в цифрах и процентах и что для каждого "частушечного поэта" эти цифры будут иные. В силу же взаимного влияния этих поэтов друг на друга и в силу обусловленности их поэтического творчества общим запасом (репертуаром) уже существующих в данной местности частушек, оказывается возможным устанавливать типичные средние цифры для каждой отдельной местности. Отсюда — указание на метод, которым должна изучаться метрика частушек: метод этот, в общем, должен быть *статистико-географическим*. В идеале должны быть составлены "метрические географические карты" той великорусской территории, на которой поются частушки...

III

В предшествующем изложении мы установили терминологию отдельных существенных для частушечной метрики понятий и рассмотрели основные правила, регулирующие число слогов и распределение ударений в отдельных ритмических единицах частушечной поэзии. Важным фактором при построении частушечной строфы является также и рифма. При этом, между рифмой, с одной стороны, и числом слогов и местом ударения, с другой стороны, существуют известные соотношения, которые можно формулировать следующими правилами:

1. *Если оба стиха, составляющие полустрофу, принадлежат к одному и тому же из шести основных типов (01, 02, 03, Осл., Т1, Т2), то они обязательно должны рифмовать друг с другом.*

2. *Вторые стихи обеих полустроф рифмуют друг с другом, если они оба принадлежат к одному и тому же основному типу (01, 02, 03, Осл.,*

T1, T2) и если из остальных двух стихов хотя бы один принадлежит к иному типу.

Из этих двух правил вытекает, что, например, в частушке типа 02 02 02 02 рифмы должны распределяться по схеме *аабб*, но в частушке типа 01 02 02 02 рифмы должны распределяться по схеме *а б в б*.

Исключения, разумеется, бывают. Отступлениями от первого правила являются, например, такие частушки, как:

Вéтер дует-то,
Поддува́ет-то,—
Милый любит-то,
Забыва́ет-то (Ярослав. губ.)

или

Что́ это за лужица,—
Голубки купа́ются!
Что́ это за Лизочка,—
Все́ в нее влюбляются! (Рязанск. губ.),

где рифмы распределяются по схеме *а б в б*, несмотря на то что в каждой полустрофе оба стиха принадлежат к одному и тому же основному типу. Отступлением от второго правила является, например, частушка:

Когда́ я была ма́ленька,
Меня кача́ла ма́менька;
Она́ кача́ла, велича́ла:
"Спи, моя судару́шка". (Новг. губ.),

где четвертый стих не рифмуется со вторым, хотя оба принадлежат к типу T1, а третий стих — к типу 01. Но в общем таких исключений очень мало.

Что касается до относительной распространенности отдельных схем распределения рифм, то можно сказать, что схема *а б в б* (с ее вариантом *а б а б*) является наиболее популярной; схема *а а б б* гораздо менее популярна, а схемы *а б в в* и *а а б в* встречаются чрезвычайно редко.

Приведем теперь примеры для наиболее распространенных типов частушек.

I. Типы, требующие рифмовки *а б в б*. Как уже было сказано, это — наиболее распространенные типы. Сюда относятся:

Тип 01 02 01 02, например:

Что за эта за деревня:
Удивительный народ!
Половина девок старых —
Никто замуж не берет! (Новг. губ.)

Состоя исключительно из концестремительных ритмических единиц, этот тип является самым популярным. Но популярность его не всюду одинакова: на Севере она, кажется, больше, чем на Юге⁶.

Тип OT1 OT1 может быть подразделен еще на подвиды, в зависимости от числа слогов в первом и третьем стихах:

- а) Кабы знала, девки, то̄,
Раньше раскусила бы̄,
Вертоглазого ег̄о
Близко не пусти́ла б̄ы⁷.
- б) Кабы знала, не ломала
Виноград невы́зревшӣ,
Кабы знала, не люби́ла
Милого невы́знавши⁸.
- в) Про мило́го говорили,
Что худой да ма́ленький;
Посмотрела на нег̄о,—
Как цветочек а́ленький!⁹

Тип этот особенно популярен в южной Великороссии, где он почти готов конкурировать с типом 01 02 01 02; в северной Великороссии популярность этого типа меньше.

Тип OT2 OT2 можно тоже подразделить на подвиды:

- а) Не катайся ты, гор̄ох,
По белому блюдӯ!
Не гоняйся ты за мной,—
Я любить не бу́ду¹⁰.
- б) У Володи в огороде
Выросло корень̄е;
Кто Володеньку полюбит,—
Чисто разорень̄е!¹¹ и т.д.

Этот тип тоже в Южной Великороссии более популярен, чем в северной, но нигде не достигает такой популярности, как предыдущий.

Тип T1 T1 02 T1, например:

Голуб̄ое пла́тьице
В та́льице не сх̄одится,
Спомилáша¹² у меня
Под суд̄ом нах̄одится...¹³

Этот тип — совсем редкий, как и вообще все типы с тремя метрически однородными и одним метрически инородным стихом (02 02 T1 02 и т. под.).

II. Типы, требующие рифмовки *а а б б*. Как было сказано выше, они менее распространены, чем типы с рифмовкой *а б в б*, но все же встречаются достаточно часто. Сюда относятся:

А. Строфы из одних однотипных стихов. Главные из них следующие:
Тип 02 02 02 02, например:

Ты, косая, не косись,—
Не больша́ в тебе корыс (т) ь!
Под гребенкой волоса́,—
Не больша́ в тебе краса!¹⁴

Как состоящий из одних концестремительных единиц, этот тип популярнее следующего:

Тип T1 T1 T1 T1, например:

Не судите, ба́боньки,—
Са́мы были ма́леньки!
Наносили де́тушек,—
Судите про де́вушек!¹⁵

Другие типы строф из однотипных стихов (01 01 01 01, T2 T2 T2 T2 и т.д.), хотя и встречаются, но крайне редко.

Б. Строфы из разнотипных стихов. Важнейшие типы следующие:
Тип 01 01 02 02, например:

От Берегова кана́ва,
По канаве-то ота́ва,
По отаве-то следы:—
Ходил миленький сюды.

Тип 02 02 T1 T1, например:

Не спросили у отца́ —
Поженили молодца́,
Не спросились ма́тушки —
Повели в солда́тушки¹⁶.

Оба эти типа сравнительно часто встречаются.
Тип T1 T1 02 02, например:

Ничего, что пьяница:
Женится,— оставится;
Ничего, что пьет вино,—
Выйду за́муж за него́.

Противореча правилу, воспрещающему следование концестремительных единиц за концебежными, этот тип встречается исключительно редко.

Все остальные типы очень мало распространены¹⁷.

IV

До сих пор мы изучали метрику частушки, исходя из предпосылки полного параллелизма между музыкальным и стихотворным текстами. Мы предполагали, что стих равен колону и что ударяемый слог стихотворного текста всегда приходится на сильную мору текста музыкального. Но фактически это не всегда бывает так. Оживление ритма требует известной *деформации* метрических схем, и эта деформация в частушках достигается *сдвигами* как стиховых границ, так и ударений. Рассмотрим же эти сдвиги:

Среди случаев несовпадения границ стиха с границами колона надо различать следующие типы:

А) *Смещение стихораздела*, то есть перемещение границы между двумя стихами, составляющими полустрофу. Смотря по тому, смещается ли эта граница на одну мору назад или на одну мору вперед, мы различаем смещения: а) *регрессивные* и б) *прогрессивные*.

а) При *регрессивном* смещении стихораздел падает не после 8-й, а после 7-й моры первого стиха полустрофия, а 8-я мора относится в виде *Auftakt*'а к началу второго стиха. Таким образом, в стихотворном тексте первый стих имеет вид обычного семисложного стиха (02 или T1), а второй стих получает в начале односложную анакрузу (то есть с точки зрения литературной метрики оказывается "ямбическим"). Например:

А сама́ надéюся,
пойду плясáть — согрéюся.

Или (при ином распределении ударений в стихах):

Милый свáтáть запрягáет
Лóшáдь белогривую,—
Неужéли кто пойдёт
За эту дрянъ паршивую!

б) При *прогрессивном* смещении стихораздел попадает не после восьмой моры первого колона, а после первой моры второго колона. Такой сдвиг допускается только в том случае, если первый стих острый и если его диморы распущены. Таким образом, первый стих при прогрессивном смещении стихораздела имеет 9 слогов и ударение на третьем

слоге от конца. Второй стих начинается со слабой моры, то есть как бы с анакрузы, и оказывается короче нормального. Пример:

Неужели это сбудется
Во нынешнем году:
Золотой венец наденут
На головушку мою?

Б) *Смещение приступа*, то есть начала первого стиха полустрофы. Частушки поются под аккомпанемент гармошки, на фоне этого аккомпанеента. Этот аккомпанемент состоит из бесконечного и непрерывного повторения одной и той же музыкальной фразы с ясно отчеканенным ритмом: это создает сплошной и однообразный поток ритма, как бы *фон*, который время от времени оживляется вкрапленными в него и выводимыми голосом полустрофами частушек. Исполнитель частушек пропитывается ритмической инерцией инструментального аккомпанеента и, выводя свои частушечные полустрофы, автоматически попадает в "ногу" аккомпанеенту. При этом приступ, то есть первый слог полустрофы, обычно попадает на первую мору музыкальной фразы (колона). Но это необязательно: он может попасть на одну мору раньше или на одну, даже на две моры позже. Это мы и называем смещением приступа, причем опять-таки мы различаем смещение а) *регрессивное* и б) *прогрессивное*.

а) При *регрессивном смещении приступа* первый стих стихотворной полустрофы начинается на одну мору раньше музыкального колона. Первый слог этого стиха, следовательно, падает на слабую, а второй — на (музыкально) сильную мору. Другими словами, стих этот начинается с анакрузы, то есть приобретает "ямбический" характер. Пример:

Сего́дня пра́здник воскре́сенье,
На́м ола́дей напеку́т;
Хоть пома́жут, да пока́жут,—
А пое́сть-то не дадут.

б) При *прогрессивном смещении приступа* следует различать два возможных случая: смещение *одноморное* и *двухморное*. В первом случае стих начинается не с первой, а со второй моры колона, и так как эта мора является слабой, то стих оказывается опять "ямбическим". Пример:

Чего, Ко́ля, ча́сто хо́дишь,
Сапоги новы дере́шь?
С ума́ меня ты сво́дишь,
До́лго за́муж не бере́шь.

При двухморном сдвиге стих начинается с третьей моры колона,

и так как эта мора сильная, то стих ямбического характера не приобретает. Пример:

У У В го́роде, в трактире,
Мы с ми́лашкой чаек пили,
За стеклянными дверями
Чаек пили с сухарями.

Из перечисленных видов сдвига стиховых границ чаще всего встречаются оба вида смещения стихоразделов, несколько реже встречается регрессивное смещение приступа и, наконец, чрезвычайно редко — прогрессивное смещение приступа. Все эти виды сдвигов могут комбинироваться друг с другом. Так, один и тот же вид сдвига может повторяться в обеих полустрофах, например:

А) Смещение стихоразделов:

а) регрессивное:

У меня ми́леночек —
не во́лк, не медвежо́ночек:
Ста́ли люди жа́литься,
что ло́шади пуга́ются.

Или:

Хорошо́ рыбу ловить,
кото́ра рыба ло́вится;
Хорошо́ с таким сиде́ть,
с кото́рым ре́чи схо́дятся.

б) прогрессивное:

Что́ ты, бе́лая березо́нька,
стоишь и все шумишь?
Что́, ретивое серде́чушко,
болишь, не говоришь?

Б) Смещение приступов:

Поше́л ми́лашечка до́мой,
Огляну́лся под горой:
Сюда́ ходить — ка́кая да́ль!
Не ходить — ми́лашки жа́ль!

Иногда комбинируются друг с другом регрессивный и прогрессивный сдвиги стихоразделов:

Ты, тальяночка¹⁸, баски,
порастеряла голоски:
С воскресеньица тальяночка
набавила тоски.

Чаще комбинируются друг с другом смещения стихоразделов и смещения приступов, например:

Не кукуй, кукушечка,
во полюшке, на камешке,
Не вспоминай, сударушка,
о молодце, о Ванюшке!

Если смещены оба приступа и оба стихораздела, то весь стихотворный текст приобретает ямбический характер, например:

Стояла я у озими,
прощалася до осени:
Прощай-ка, озимь и лужок,
прощай до осени, дружок!

или (с прогрессивным сдвигом стихоразделов):

Прощайте, елочки и сосенки,
веселый весь народ!
Прощай и, любушка сударушка,—
сажусь на пароход!

с другим ритмом (Т + Т1 + Т + Т1):

Мамашенька ругается:
Куда платки деваются?
Того не догадается,
Чем милый утирается.

Все эти сдвиги стиховых границ особенно популярны в северновеликорусской частушечной поэзии: здесь частушек с такими сдвигами больше, чем частушек без сдвигов, а для некоторых типов частушек эти сдвиги составляют даже почти правило¹⁹. Наоборот, в южновеликорусских

частушках сдвиги стиховых границ встречаются очень редко²⁰.

Другим видом деформации ритма является *сдвиг ударения*. Под этим термином мы разумеем случаи, когда ударяемый слог стихотворного текста приходится не на сильную, а на слабую мору музыкального текста. Практически внимания заслуживает только один из случаев этого рода, а именно попадание ударяемого слога на *вторую мору* колона. В этом случае слышатся как бы два ударения рядом: на первой море голос невольно делает нажим в силу ритмической инерции, а вторая является ударяемой по смыслу текста. Оба ударения вступают друг с другом в борьбу, и второе, поддерживаемое смыслом, оказывается более сильным. Так получается нечто вроде синкопы. В результате то слово, на которое приходится это ударение, выкрикивается как-то особенно громко:

Я тогда́ боя́лася,
когда́ коса́ мота́лася,
А тепе́рь моя́ коса́
В пучо́к (!) измота́лася.

Очень часто это бывает использовано для подчеркивания важного в смысловом отношении слова:

Ах, подружка́ моя́ Маня,
Чаю́ не зава́ривай:
У тебя́ ми́лова не́т,—
Маво́ не зама́нивай!
Рукава́, рукава́,
Рукава́ на ва́те!
Ста́рых де́вок не берут,—
А мы ви́новати!

Или же для того, чтобы подчеркнуть смысловой (логический или эмоциональный) контраст между первой и второй полустрофами, "неожиданность" второй полустрофы:

Уж и де́вки к на́м!
И моло́дки к на́м!
А ста́рые ве́дьмы,
Пошли вы к обе́дни! и т.д.

В противоположность сдвигам стиховых границ, которые, как мы видели, в северновеликорусских частушках гораздо популярнее, чем в южновеликорусских, сдвиги ударений особенно сильно распространены именно в южновеликорусской частушечной поэзии²¹, а в северновеликорусской, хотя и встречаются, но далеко не так часто.

Мы познакомились с основными особенностями метрики частушки. Метрика эта вполне народна, основные принципы ее — те же, что и в других видах народной песенной метрики. Частушечный стих есть частный вид плясового стиха. В отношении метрики частушка так же тесно связана со всем контекстом народной словесности, как и в отношении своей стилистики и своего поэтического словаря ("сине море", "чисто поле", "ретивое сердечушко", "темный лес", "девица", "молодец" и т.д.). О влиянии "городской", то есть искусственной поэзии, говорить не приходится: если при разных сдвигах стиховых границ и получаются иногда стихи, напоминающие "четырёхстопный ямб" русской искусственно-литературной метрики (например, "Пошел милашечка домой"), то ясно, что совпадение это случайное, ибо "ямбический характер" стиха вызван здесь действием специфически частушечных законов, и самое употребление таких quasi-"ямбических" стихов вперемешку с "хореическими" не находит себе никакой аналогии в искусственно-литературной метрике. Но следов влияния искусственной литературы нельзя обнаружить не только в метрике, но и в других элементах частушечной поэтики. Частушку приходится рассматривать как чисто народную поэтическую форму, как продукт вполне самостоятельной и свободной от какого бы то ни было внешнего воздействия эволюции народной песенной поэзии.

Рассматривая частушку с этой точки зрения в контексте всей народной песенной поэзии, мы задаем себе вопрос: является ли частушка болезненным или здоровым явлением, признаком вырождения или признаком прогресса? В обществе распространен взгляд на частушку как на явление упадочное. По-видимому, взгляд этот основан главным образом на оценке музыкального текста частушки, действительно убогого в мелодическом отношении. Но к стихотворной стороне частушки взгляд этот применять было бы ошибочно. В отношении метрики частушка является положительно высшим достижением народной поэзии. В предшествующем изложении мы постарались показать, насколько богата частушечная метрика, несмотря на простоту своих основ. Довольно убогий ритм двухтактового плясового стиха в частушке совершенно преобразуется, приобретает совсем исключительную гибкость и оказывается способным породить целую массу разнообразных ритмических комбинаций и эффектов. Ни в одной другой форме народной песни мы не найдем такого искусного использования всех ритмических возможностей.

Но частушка отличается формальными достижениями не только в области метрики. Нельзя не отметить того внимания, которое в частушке уделяется "инструментовке", то есть искусному подбору звуков. Установка на качество звуков речи дана уже самым принципом рифмы. Но в частушке эта установка получает дальнейшее развитие и приводит

к разнообразнейшим сочетаниям звуковых повторов. Попадают частушки, совершенно насыщенные звуковыми повторами:

На крылечке струбы рубят,
Меня все ребята любят:
Тот тащит, другой тащит,—
Только кофточка трещит.

Причем иногда отдельные звуковые повторы использованы как каламбуры, например:

Как у нашей души Маши
Аккуратненький носок:
Девять курочек усядется,
А десятый петушок.

Правда, некоторую склонность к звуковым повторам проявляют и другие виды народной песни, особенно те, которые знают рифму (плясовые!),— но нигде эта склонность не выразилась так ярко и не породила такого многообразия звуковых эффектов, как именно в частушке.— В области "внутренней формы" частушка представляет большой интерес. Стремление к максимально краткому и максимально яркому выражению мысли, и притом еще непременно к ритмическому расчленению этой мысли согласно строфической схеме четверостишия,— все это порождает громадное разнообразие троп, фигур, затейливых смысловых вывертов. Иной раз получается с виду бессмыслица, истинный смысл которой можно понять только, зная тот реальный факт, по поводу которого частушка была сложена. Но иногда впечатление бессмыслицы только обманчиво и происходит от сложности примененной фигуры. Так, например:

Я курил, курил махóрку,
А тепе́рь курю таба́к:
Я любил, любил девчо́нку,
А тепе́рь — ста́рых баб.

На первый взгляд кажется, будто между первой и второй полустрофой смысловой связи нет: в первой описывается повышение разборчивости (прежде — махорка, теперь — табак), а во второй — понижение (прежде — девушка, теперь — старуха). Но уже со "второго взгляда" ясно, что связь есть: ухаживание за девушками связано с расходами на подарки и потому заставляет экономить на курении, общение же со "старыми бабами" расходов не требует (может быть, даже приносит доход) и позволяет улучшить качество потребляемого табака (а может быть,

этот табак есть даже подарок "старых баб"). Мысль — нельзя сказать, чтобы очень глубокая и высоконравственная, но выражена она остроумно и чрезвычайно ловко. Фигуры и тропы частушечной поэзии следовало бы изучить повнимательнее. Они развитее и сложнее, чем в какой бы то ни было другой форме народной поэзии, и порой напоминают самые изысканные обороты высокоразвитых искусственных литератур Востока. К сожалению, до сих пор частушку изучали только со стороны наименее важной для оценки ее чисто литературных достоинств, именно со стороны пресловутого "отражения быта"...

Итак, по своим формальным достоинствам частушка в народной поэзии занимает высокое положение. Это — самая конструктивная форма народной песни, завершение длинного эволюционного ряда. Ее упрекают в бессодержательности, в бедноте мысли. Это вряд ли правильно. Прежде всего, с чем сравнивать? Для сравнения надо привлекать величины однородные и соизмеримые. Веселые, шуточные частушки надо сравнивать с другими шутивными произведениями народной поэзии, и при этом сравнении юмор частушки всегда окажется гораздо тоньше и развитее, чем элементарный и неуклюжий юмор эпических "небылиц-небывальщин" и т. под. Сравнить же частушку с причитаниями, заплачками или грустными протяжными песнями методологически неправильно. Исполняемая под аккомпанемент гармоника, на посиделках и супрядках в атмосфере деревенского флирта, частушка, конечно, не может заключать в себе ни глубокомысленных философских сентенций, ни выражения щемящей тоски. Можно сказать, что частушка приблизительно соответствует эпиграмме, мадригалу и альбомным стихотворениям "искусственной" поэзии. Частушка *должна* обо всем говорить с улыбкой: этого требует деревенский светский этикет. Очень часто эта улыбка действительно является искренним выражением беззаботного жизнерадостного настроения. Но не менее часто она является условной, деланной. И тогда за ней можно почувствовать стыдливо запрятанные от постороннего взора сильные душевные переживания...

Примечания

¹ Напечатано в "Этнографическом Обзрении", 1905, №№ 2—3, с. 164—230.

² О случаях, когда ударение падает не на сильную, а на слабую ногу, см. ниже.

³ Восьмисложные тупые колоны допускаются лишь при сдвиге стихораздела (см. ниже), причем в этом случае восьмой слог колоны относится к следующему стиху:

Са́ма наде́юся, пой-
ду пляса́ть — согре́юся.

⁴ Так, например, в вышеупомянутом собрании В. А. Воскресенского (Новгородск. губ.) полустрофы типа О — О составляют 72%, полустрофы типа О + Т — 18 $\frac{1}{3}$ %, полустрофы типа Т + Т — 9 $\frac{1}{3}$ %, а полустрофы типа Т + О — только $\frac{1}{3}$ %.

⁵ Так, например, в вышеупомянутом собрании В. А. Воскресенского частушки типа З + З составляют $67 \frac{1}{3}\%$, частушки типа П + П — 24%, частушки типа З + П — $6 \frac{1}{3}\%$, а частушки типа П + З — $2 \frac{1}{3}\%$ от общего числа.

⁶ В собрании частушек Рязанской губ., напечатанных в "Верстах" (I, с. 30—36), к этому типу принадлежат №№ 1, 3, 5, 6, 8, 9, 11, 14, 18, 23, 24, 26, 34, т.е. приблизительно треть всех номеров. В собрании же В. А. Воскресенского (Новгор. губ.) к этому типу принадлежит приблизительно половина всех номеров.

⁷ К этому типу принадлежит № 22 из собрания частушек Рязанской губ. ("Версты", I).

⁸ К этому типу принадлежат №№ 7, 13, 15, 16, 31, 32 того же собрания.

⁹ К этому типу принадлежат №№ 2 и 4 того же собрания.

¹⁰ К этому типу принадлежат №№ 17, 20, 35, 36, 38 того же собрания.

¹¹ К этому типу принадлежит № 28 того же собрания.

¹² "Спомилаша" — одно из традиционных для частушечной поэтики обозначений "возлюбленного".

¹³ Из собрания частушек Ряз. губ., напечатанного в "Верстах" (I, с. 30—36), к этому типу принадлежит № 12 (с рифмовкой ааба, которая есть частный случай рифмовки абвб).

¹⁴ Из собрания частушек Ряз. губ., напечатанного в "Верстах" (I, с. 30—36), к этому типу относятся №№ 21 и 30.

¹⁵ К этому типу относится № 27 того же собрания; № 19 против правила имеет рифмовку абаб.

¹⁶ К этому типу относится № 29 из того же собрания; вариантом того же типа можно считать и № 25.

¹⁷ Ср., напр., в собрании частушек Ряз. губ. ("Версты", I, с. 30—36) №№ 10 и 33 (тип 01 02 01 02), № 12 (тип Т1 Т1 02 Т1), № 37 (тип 03 03 Т2 Т2).

¹⁸ "Тальянка" — особый тип гармоника.

¹⁹ Особенно часты сдвиги в тех типах, которые заключают в себе полустрофу Т + Т1. Так, в собрании Воскресенского (Новгор. губ.) частушки типа О + 02 + Т + Т1 заключают в себе разные сдвиги в 80%, а частушки Т + Т1 + Т + Т1 — в 90%; из 12-ти частушек типа Т + Т1 + О + 02 только одна не имеет сдвигов.

²⁰ Характерно, что, например, среди частушек Ряз. губ., напечатанных в 1-м номере "Верст", только №№ 12, 25 и 27 (то есть прибл. 8%) заключают в себе сдвиги стиховых границ.

²¹ Характерно, например, что среди частушек Ряз. губ., напечатанных в "Верстах", сдвиги ударений встречаются в тринадцати номерах (именно в №№ 4, 7, 10, 12, 14, 17, 18, 20, 22, 25, 31, 32, 37), то есть приблизительно в 35% случаев, тогда как сдвиги стиховых границ были отмечены нами лишь в 8% примеров.

Сказанное ниже относится к включенным в собрание А. А. Шахматова ("Мордовский этнографический сборник", изданный Императорской Академией наук в Санкт-Петербурге, 1910) напевам мордовских мелодий, записанным мордовским народным учителем Р. Ф. Учаевым в деревне Сухой-Карабулак (морд. Арчилоўвеле). В квадратных скобках** обозначаются страницы сборника, на которых даются эти напевы. В настоящей работе мы приводим номера песен балладного характера, пронумерованных в собрании А. А. Шахматова и имеющих достаточно развернутые тексты. Для песен, которые поются на определенный случай или с определенной целью (плачи по покойникам, свадебные песни и т.д.), номера не даются, а указываются их жанровые функции. Содержание песен не раскрывается. В качестве нотного материала используются также маленькие песенки (Märchenversen), которые включены в сборник А. А. Шахматова как песни действующих лиц сказок.

I

Мордовские мелодии мы распределяем по группам, принимая за критерий количество фактических звуков, составляющих мелодию, и интервалы между самыми нижними и самыми верхними звуками этих мелодий.

* „Zur Structur der mordwinischen Melodien“.— In: „Gesänge russischen Kriegsgefangener, aufgenommen von Robert Lach“. Wien und Leipzig: Hölder-Pichler-Tempský A.-G., 1933 (приложение Н. С. Трубецкого к разделу 2 первого тома), с. 106—117.

** В настоящем переводе вместо квадратных скобок мы даем круглые; в квадратные скобки заключаются цифры, указывающие номера примечаний переводчика.— *Прим. ред.*

I. Мелодии на одном звуке:

Колыбельная песня

(586) [1]

Песня в сказке¹

(393) [2]

II. Мелодии из двух звуков:

A. Интервал — полтона:

Плясовая песня

(245) [3]

Плясовые песни

(246) [4]

(247)

Плясовая песня

(247) [5]

B. Интервал — целый тон:

Весенняя песня

(610) [6]

¹ В сказке рассказывается, как проголодавшийся дьячок, которого пригласили читать молитву по покойнику, увидел приготовленную старушкой-вдовой еду и по рассеянности стал вместо молитвы повторять название приготовленной еды.

С. Интервал – терция:

Песня в сказке² (310) [7]

Песня в сказке³
(335) [8]

Песня в сказке⁴
(346) [9]

III. Мелодии из трех звуков:

А. Интервал – терция:

а) три первых звука минорного лада:

Весенняя песня (605) [10]

Песня в сказке⁵
(338) [11]

² Медведь стучит в дверь дома, где остался один ребенок, и просит его впустить, о чем и поется в этой песне.

³ Береза, которая должна упасть, умоляет дровосека не причинять ей боли.

⁴ Ребенок плачет.

⁵ Голубка поет.

Колыбельная песня
(592) [12]

б) три первых звука мажорного лада:

Плач по покойнику
(611) [13]

В. Интервал — кварта:

Песни № 63⁶ (560) [14]
№ 67 (570)

С. Интервал — квинта:

Рождественская песня (602) [15]

IV. Мелодии из четырех звуков:

А. Интервал — кварта:

а) Колыбельная песня (588) [16]

⁶ Так обозначен размер в сборнике А. Шахматова. Ритм, возможно, передан ошибочно. Тактов с размером 7/8 в записях Р. Ф. Учаева обычно не встречается. Может быть, можно исправить так:

Песня в сказке⁷
(393) [17]

б) Колыбельная песня
(587) [18]

Весенняя песня (608) [19]

с) Колыбельная песня
(589) [20]

д) Соединение мелодии из трех звуков с мелодией из двух звуков:

Рождественская песня (601) [21]

В. Интервал – квинта:

Песни № 57 (550) [22]
№ 66 (568)

⁷ Старая женщина пляшет и поет.

Песня № 46 (521) [23]

Рождественская песня⁸ (602) [24]

Весенняя песня
(603) [25]

Весенняя песня
(609) [26]

⁸ Ритм передается едва ли правильно. Здесь, вероятно, имеют место такты на 5/4.

Песня № 54 (543) [27]

Песня № 55 (546) [28]

Песня № 49 (531) [29]

Песня № 47
(527) [30]

Песня № 53
(541) [31]

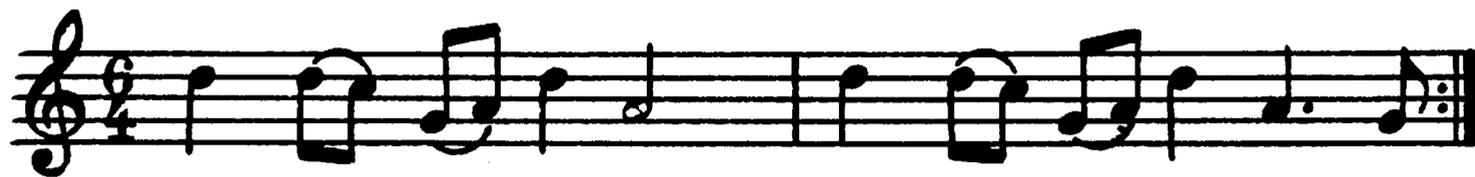
Песня № 64 (562) [32]

Песня № 65 (564) [33]

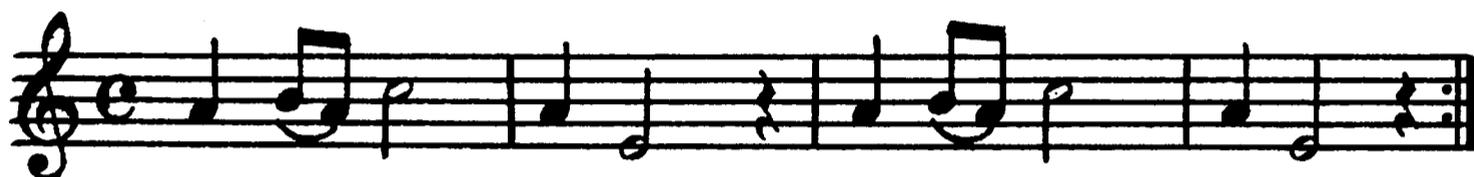

Весенняя песня
(606) [34]

С. Интервал – секста:

Песня № 61
(558) [35]

Д. Интервал – септима:

Песня № 71
(580) [36]

V. Мелодии из пяти звуков:

А. Интервал – квинта:

а) первые пять звуков минорного лада:

Песня № 68⁹
(573) [37]

⁹ Звук "А" в этой мелодии возникает только один раз и играет подчиненную роль, так что эту мелодию можно рассматривать как четырехзвуковую типа IV Вd.

b) Первые пять звуков мажорного лада:

Колядная песня¹⁰
(593) [38]

B. Интервал — секста:

Колыбельная песня
(591) [39]

Весенняя песня¹¹
(605) [40]

Свадебная песня
(245) [41]

Песня
№ 58 (553) [42]

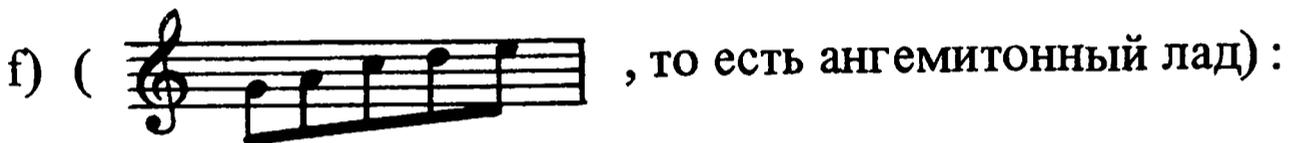

¹⁰ Колядная песня пелась под новый год, когда группы деревенской молодежи ходили по домам, восхваляли отдельных хозяев и в каждом доме получали угощение (старый славянский обычай, который странным образом сохранился гораздо лучше у мордвинов, чем у их великорусских соседей Саратовской губернии).

¹¹ Звук "D" появляется в этой мелодии только один раз и играет в ней подчиненную роль, благодаря чему получается мелодия, состоящая из четырех звуков тона IV Вд.

Песня № 60
(556) [43]

С. Интервал — септима:

Песня № 70
(578) [45]

VI. Мелодии из шести звуков:

А. Интервал — секста (шесть первых звуков мажорного лада) :

Песня № 56 (549) [46].

Свадебная песня
(249)

В. Интервал – септима:

Песня № 69
(576)

С. Интервал – октава:

Песня № 48
(529)

VII. Мелодии из семи звуков:

Интервал – вся октава:

а) (, то есть мажорный лад с пропуском третьей ступени):

Песня № 50 (533),
№ 52 (539)

Песня № 51
(535) [47]

б) (, то есть мажорный лад с пропуском четвертой ступени):

Песня № 59¹² (555)

с) (, то есть, мажорный лад с пропуском седьмой ступени):

Песня
№ 72 (581)

Таблица сопоставлений

Количество мелодий	При-ма	Се-кун-да	Тер-ция	Квар-та	Квин-та	Сек-ста	Сеп-ти-ма	Ок-та-ва	Общее количество
Из одного звука	2								2
двух		4	3						7
трех			4	1	1				6
четырех				6	13	1	1		21
пяти					2	6	1		9
шести						2	1	1	4
семи								4	4
Общее количество	2	4	7	7	16	9	3	5	53

Благодаря этой статистике можно также принимать во внимание песенные жанры, представленные единичными образцами, так как мелодические типы связывают определенные песенные жанры.

¹² Эта мелодия состоит из двух мелодических построений (в каждом — три такта): в первом содержится четыре звука ( ), во втором — пять ( ). Поскольку звук "G" во втором мелодическом построении появляется только один раз и играет подчиненную роль, то всю песню можно рассматривать как состоящую из двух четырехзвучных мелодических построений.

Следующая таблица выявляет картину распределения мелодических типов по песенным жанрам:

Мелодические типы Песенные жанры	из 1 зв.	из двух звуков		из трех звуков			из четырех звуков				из пяти звуков		из шести звуков		из 7 зв.			
	прима	м. секунда	б. секунда	терция	терция	кварта	квинта	кварта	квинта	секста	септима	квинта	секста	септима	секста	септима	октава	октава
Песни в сказках (6) Плясовые (3) Колыбельные (6) Похоронные плачи (1)	1	3		3	1			1										
Весенние песни (8) Рождественские песни (4)			1		1			1	3				2					
Свадебные песни (2) Балладные песни (23)										1				1				
Общее число	2	3	1	3	4	1	1	6	13	2	1	2	5	1	2	1	1	4

Из этой таблицы явствует, что между различными жанрами песен существует довольно большая разница. Между группами жанров можно выделить две резкие границы: к одной группе относятся песни в сказках, плясовые песни, колыбельные, причитания по покойникам, к другой — свадебные и балладные эпические песни. Срединное положение занимают песни календарных праздников (рождественские, весенние). В музыкальном смысле они занимают промежуточное положение по отношению к названным группам и в своем содержании составляют некую совокупность: это корительные и величальные песни, в которых в шуточной форме обычно воспеваются отдельные хозяева и их родственники.

Песни первой группы (песни из сказок, колыбельные, плясовые, плачи по покойникам) отличаются тем, что их мелодии, как правило, не переходят границы кварты и состоят не более чем из четырех звуков.

Напротив, интервалы между самыми высокими и самыми низкими звуками мелодий эпических и свадебных песен всегда шире, чем кварта, и содержат не меньше четырех звуков.— Что касается песен средней группы (весенние, рождественские, включая новогодние благопожелания), то их мелодии очень часто носят тот же характер, что и мелодии первой группы; в случае, когда мелодии этих песен превышают границы кварты, это происходит только благодаря заключительному звуку, который выходит из границ кварты, тогда как остальная мелодия вращается в

рамках кварты (соответственно терции или секунды) (ср. типы IV Bb, IV Be, VA, VBb, VBf). Таким образом, эта группа составляет среднюю ступень между первой и второй.

II

Метрика мордовской народной поэзии основана на слоговом счете. Стиховой размер встречается с одной, двумя и тремя цезурами. Эти размеры таковы:

с одной цезурой: 4 + 3; 4 + 4; 4 + 5; 5 + 3; 5 + 5;

с двумя цезурами: 4 + 3 + 3; 4 + 4 + 3; 4 + 5 + 3; 4 + 3 + 5; 4 + 4 + 5; 4 + 5 + 5; 5 + 3 + 3; 5 + 4 + 3; 5 + 5 + 3; 5 + 3 + 5; 5 + 4 + 5; 5 + 5 + 5;

С тремя цезурами: 4 + 4 + 4 + 3 и т.д.

Для песен, которые опубликованы в собрании А. А. Шахматова с нотными приложениями, характерны следующие размеры: 4 + 3 в песнях №№ 46, 47, 48, 49, 51, 71, в песнях к сказкам: (310), (335), (346), (393), в колыбельных: (589), (591), в рождественских: (601), (602), весенних: (603), во всех плясовых и свадебных песнях, в плачах по покойнику и в колядных песнях. В соответствующих мелодиях этот размер отображается так:

 (соответственно) – во всех свадебных, плясовых, колядных и колыбельных песнях, в весенних (603), в рождественских (602), в песнях в сказках (393^a), (393^b) и в эпических песнях (№ 71);

 – в плачах по покойникам;

 – песня № 46;

 – песня № 47;

 – песня № 48;

 – песня № 51 и рождественская песня (601);

 – песня № 49;

 – песни в сказках (310), (335), (346).

Размер 4 + 4 — в песне № 53 ( ) и в колыбельной (592):

Размер 4 + 5 — в песнях №№ 54, 55: ( )

Размер 5 + 3 — в песнях №№ 50, 52:

Размер 5 + 5 — в весенних, в песнях в сказках и в одиннадцати эпических песнях:

 — в весенних (606) и (607), в песнях №№ 58, 59, 64, 65;

 — в песне № 60;

 — в песне № 61;

 — в песне № 67;

 — в песне № 63;

 — в песне № 57, 66;

 — в песне в сказке (338);

 , — в песне № 56.

Размер 4 + 4 + 3 — в двух колыбельных, в двух весенних и в одной эпической песне:

 — в колыбельных (586), (588) и в весенней песне (602);

 — в весенней песне (605);

 — в песне № 68.

Размер 4 + 4 + 5 — только в песне № 72:

Размер 4 + 5 + 3 — только в песне № 70:

Размер $5 + 4 + 3$ — только в песне № 69:

Размер $4 + 4 + 4 + 3$ — в весенних песнях (608) и (609):

Размер $2(4 + 3) + 2(4 + 4 + 3)$ — в свадебной песне (249):

Как явствует из этого обзора, мелодии эпических песен и в ритмическом отношении отличаются от мелодий других жанров тем, что они отдают предпочтение более сложным ритмическим схемам (особенно четко это проявляется в размерах $4 + 3$, $4 + 4$ и $4 + 4 + 3$).

ПОСЛЕСЛОВИЕ, КОММЕНТАРИЙ

”ПРИНЦИПЫ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ”

[1] Текст был напечатан без указания автора как второе из двух приложений в 4-м томе трудов ПЛК (первое приложение, также опубликованное от имени ПЛК, — ”Проект стандартной фонологической терминологии”). В конце текста есть примечание на немецком языке, подписанное Н. С. Трубецким.

[2] Несмотря на то что термин *marqué* обычно переводится как ‘маркированный’, в данном случае сохранена терминология ПЛК в том виде, как она дана в указанном томе. О предпочтительности перевода нем. *merkmalhaltig*, франц. *marqué* (соответственно — *merkmallos*, *non-marqué*) как ‘признаковый’ (соотв. ‘беспризнаковый’) см. также Р. О. Я к о б с о н. Круговорот лингвистических терминов. — В кн. ”Фонетика. Фонология. Грамматика”. М., 1971, с. 385–386. Аналогичная сверка с ”Проектом стандартной фонологической терминологии” производилась и для других терминов.

[3] В оригинале диакритики длительности и мягкости совпадают по форме, что, вероятно, объясняется опечаткой.

[4] Имеется в виду статья: N. S. T r u b e t z k o y. Die phonologischen Systeme. — TCLP, 4, 1931, S. 96–116.

[5] В оригинале — *gedrängtes*. Перевод этого термина как ”тяжелый” дан в соответствии с номенклатурой признаков и коррелятов, содержащейся в работе Н. С. Трубецкого ”Основы фонологии” (ср.: Т р у б е ц к о й Н. С. Основы фонологии. М., 1960, с. 173–175).

В. А. Виноградов

**”КАК СЛЕДУЕТ СОЗДАВАТЬ ФОНЕТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ
ИСКУССТВЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО ЯЗЫКА”**

Посмертно опубликованная статья Трубецкого представляет собой опыт прикладной типологии языков, реализующей центральную для Трубецкого идею равной важности основных языков и культур независимо от того, кто к ним принадлежит. Он проводит в своей статье идею минимизации числа признаков и элементов, которую можно было косвенно подтвердить реализацией сходного принципа не только в фонологии, но и в грамматике тщательно изучаемых в последнее время креольских языков, возникающих при практическом сопоставлении языков разных систем самими говорящими. Можно использовать для проверки и данные типологии детского языка, нередко сопоставляемого с креольскими.

[1] Губные смычные есть только в одном (медновском-аттовском) диалекте алеутского языка. Но в принципе тенденция к отсутствию некоторых видов губных смычных (и к их замене спирантами) распространена в языках очень широко. Можно, идя по пути, намеченному Трубецким, предложить и возможности учета статистической распространенности фонем и их заменяемости другими (диахронической неустойчивости) в языках мира.

[2] Наличие в системе и гласных [u], [i] и соотносящихся с ними глайдов [j] и [w] типологически плохо обосновано, так как во многих языках фонематичен лишь один из этих типов (т. е. имеется либо сонант, либо гласный, хотя он и

может реализоваться в функции сонанта, на что далее указывает Трубецкой); тогда не нужно будет и специальных запретов на двусложные и двуфонемные сочетания с [u] и [i], которые приходится далее вводить Трубецкому.

[3] По сходным соображениям и в свете типологии детского языка число гласных фонем (не только в дифтонгах), вероятно, следовало бы свести до 3 (i – a – u), что создало бы и симметричную картину по отношению к треугольнику мест артикуляции смычных (t – p – k).

[4] Распространенность в разных, в том числе очень специфических формах языка ("заумных" языках народных заговоров и поэтов, глоссолалии и т. п.) сочетаний типа [mp] подтверждена новыми исследованиями: см. J a k o b s o n R., W a u g h L. The Sound Shape of Language, Bloomington, 1979.

[5] Типология развития языков показывает, однако, что в языках с преимущественно односложными (и одноморфными) словами начинают образовываться, как в китайском и отчасти в английском языке, двучленные сочетания слов, становящиеся целостными единствами (типа англ. watch-chain 'цепочка для часов' и т. п.). Таким образом, с точки зрения диахронической (динамической) типологии предположение Трубецкого оправдано.

Вяч. Вс. Иванов

"ФОНОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ"

Первая публикация: „Phonologie und Sprachgeographie“. – „Travaux du Cercle Linguistique de Prague“, 1931, № 4, pp. 228–234. То же в приложении к французскому изданию книги "Основы фонологии" (T r o u b e t z k o u N. S. Principes de phonologie. Paris, 1949, pp. 343–450) наряду с примыкающими к ней статьями Р. О. Якобсона.

В письме к Н. С. Трубецкому от 21 января 1930 г. Якобсон называет среди работ Пражского кружка, которые должны быть доложены Международному лингвистическому съезду в Женеве, и такую работу, как: «3. Применение фонологии в диалектологии. – Трубецкой, Якобсон» (TLN, с. 150, прим. 3). 20 ноября того же года Трубецкой уточняет: «Мои рефераты озаглавьте: „Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Systeme“, „Phonologie und Sprachgeographie“ [...]» (TLN, с. 185). Соответствующие доклады были доложены Трубецким на Международной фонологической конференции в Праге 18 и 20 декабря 1930 г. С параллельным докладом "О фонологических языковых союзах" („Über die phonologischen Sprachbünde“. – SW, vol. I, I, S. 137–143) 20 декабря выступил и Р. О. Якобсон. Доклад резюмировал написанную летом 1930 г. и напечатанную в Париже в 1931 г. работу "К характеристике евразийского языкового союза" (SW, I, I, с. 144–201), в которой заметно влияние идей Трубецкого.

В дальнейшем в связи с публикацией материалов Пражской конференции Якобсону сообщается: «... оттиски статьи о языковой географии забыли прислать. Боюсь, что это непоправимо. Во всяком случае, очень прошу Вас, если еще не поздно, сделать соответствующие распоряжения [...]» (письмо от 29 июля 1931 г. – TLN, с. 213); «... оттисков же статьи о фонологической географии я не получил вовсе [...]». Мне это очень обидно, т. к. статья о фонол. географии как раз такова, что ее следовало бы разослать разным диалектологам [...]» (5 августа 1931 г. – TLN, с. 213) и, наконец: «Оттиски я теперь все получил [...]» (14 августа 1931 г. – TLN, с. 220).

Уже в процессе работы над текстом «доклада о системах» Трубецкой писал Якобсону: «... я размышлял о немецкой (и голландской) просодии и пришел к тому выводу, что там нет различия в количестве, а есть различие в расположении слоговой вершины: таковая либо совпадает с моментом имплозии последующей согласной (признаковый ряд), либо с ним не совпадает. Что в первом случае гласная короче, чем во втором, это – вторичное сопутствующее явление. Я назвал это „Silbenschnittkorrelation“ или „Gipfelstellungskorrelation“ и ввел в текст. [...] небезынтересно, что географически языки с Silbenschnittkorrelation в Европе при-

мыкают к балтийскому политоническому союзу (а немецкий другим концом упирается в словенский); в то же время немецкий язык оказывается как бы переходным звеном от балтийской политонии к чистой квантитативности венгерско-чехословацкого типа.» (TLN, с. 187–188). О значимости поднятой проблемы для концепции Н. С. Трубецкого можно судить по его замечанию в письме от 20 декабря 1931 г.: «как много всяких уточнений и частных возможностей придется ввести в фонологическую теорию после проработки разнородного диалектологического материала.» (TLN, с. 231). С особенностями географического распределения фонетических явлений Трубецкой считался, в частности, в работах по истории славянских языков. Позже он увлекся идеей создания "Атласа фонологических систем", о чем писал Якобсону: «По поводу фонологического атласа. Думаю своими средствами смастерить карту распространения в Европе фонемы "с" (*ts*), отличной от *t* и от *s*. Сделать это очень легко, а в то же время картина получается эффективная и наглядно показывает, насколько самый метод фонологического картографирования может быть плодотворен» (TLN, с. 373 – письмо от 5 октября 1936 г.).

[1] Высказанные Н. С. Трубецким соображения о трех типах диалектных различий с некоторыми модификациями были использованы позже У. Вейнрейхом, выступившим с инициативой разработки принципов "структурной диалектологии". (См.: *Weinreich U. Is a structural dialectology possible? – „Word“, 1954, v. 10, № 2–3, pp. 388–400; ср. также: Хайлманн Л. В защиту структурной диалектологии. – В кн.: "Современное итальянское языкознание". М., 1971, с. 150–151).*

[2] Ср. SW, I, pp. 156–184. Подробные сведения о "фонологических изоглоссах" в Европе и Азии передаются в дальнейшем Якобсону в письме от 20 октября 1937 г. (TLN, с. 402–403). О возможности выявления таких изоглосс Трубецкой говорит следующее: «Я думаю, что при установлении фонологических изоглосс (или "полей") надо учитывать не только деревенские, но и городские говоры, а также и литературные языки. В отдельных случаях перерывы в распространении какого-нибудь фонологического явления оказываются заполненными при этих условиях. Разумеется, здесь должны быть известные пределы, иначе получится произвол: когда удобно, будут ссылаться на литерат. языки, а когда неудобно – на говоры». (Письмо от 26 октября 1937 г. – TLN, с. 407.)

[3] В письме к Якобсону от 20 мая 1937 г. дополнительно уточняется: «О кавказском фонологическом союзе я писал только в IV томе „Travaux“ в статье о фонологической географии (с. 233), но только вскользь. Корреляция смычно-гортанности, кроме северокавказ. и южнокавказ. языков, на Кавказе имеется из индоевропейцев – у осетин, армян и закавказских цыган, а из тюрков – в некоторых турецких говорах Закавказья (по наблюдению Шор, если не изменяет память) [...]. P.S.: „Тюркский язык со смычно-гортанными – аджаро-турецкое наречие“. Статья Шор об этом факте – в Докладах Акад. Н. СССР, 1930, стр. 43» (TLN, с. 393–394). Имеется в виду заметка Р. И. Шор "К вопросу о яфетическо-турецком языковом смешении".

[4] Впоследствии Трубецким был разработан проект фонологической анкеты для языков Европы, которая содержит 70 вопросов. Он был передан Якобсону в письме от 10 января 1937 г. (TLN, с. 380–383). Об этом проекте 12 апреля 1937 г. он пишет: «Наш вопросник, конечно, для рядового диалектолога, непосвященного в фонологию, непригоден. Но Пфальц берется составить из него экстракт, приняв во внимание только те пункты, которые представляют интерес для области "баварских" говоров (т. е. Баварии, зап. части Чехословакии и Австрии без *Vorarlberg's*). Этот экстракт будет размножен в канцелярии *Bayerisch-österreichisches Wörterbuch*, которой управляет Пфальц, и разослан наиболее квалифицированным сотрудникам, – пока только в Австрии. Когда на основании этого сокращенного вопросника будут получены ответы, сводку можно будет переработать, напечатать и разослать по всем диалектологам» (TLN, с. 389). Судьба анкеты обсуждается в ряде писем 1937 г. (TLN, с. 396, 400, 407, 408, 412).

Н. Л. Сухачев

”ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ОПРЕДЕЛЯЕМЫМ, ОПРЕДЕЛЕНИЕМ И ОПРЕДЕЛЕННОСТЬЮ”

I

Первая публикация: „Le rapport entre le déterminé, le déterminant et le défini“. — „Mélanges de linguistique, offerts à Charles Bally“. Geneva, 1939, pp. 75–82. То же в кн.: „Readings in linguistics“, II. Ed. by E. P. Hamp e. a. Chicago — London: The Univ. of Chicago Press, 1966. pp. 133–138.

В письмах к Р. О. Якобсону об этой статье говорится скупно: «Получили ли Вы приглашение участвовать в юбилейном сборнике Bally? [...] Я не знаю, о чем мне писать.» (20 октября 1937 г. — TLN, с. 405); «Статью для сборника Bally выдал и уже отправил. Не знаю, как сдюжею со статьей для „Travaux“. Научных мыслей нет, писать не хочется, невращения неопишная...» (9 мая 1938 г. — TLN, с. 426).

Интерес Трубецкого к ”внутренней логике” языковой системы оставался постоянным, и этот интерес не ограничивался проблемами фонологии. Так, 22 декабря 1926 г. он писал: «Осмысленность эволюции языка прямо вытекает из того, что ”язык есть система”. Я в своих лекциях всегда стараюсь показать логику эволюции. Это возможно не только в области фонетики, но и в области морфологии (а вероятно, и в области словаря). Есть некоторые замечательно показательные примеры, — напр. эволюция числительных в славянских языках (эта эволюция вся зависит от того, сохранилось ли двойственное число как живая категория или не сохранилось), эволюция русского спряжения и т. д. Если де Соссюр не решился сделать логического вывода из своего же тезиса о том, что ”язык есть система”, то это в значительной мере потому, что этот вывод противоречил бы не только общепринятому представлению об истории языка, но и общепринятым понятиям об истории вообще. Ведь единственный смысл, который допускается в истории,— это пресловутый ”прогресс”, т. е. понятие мнимое, внутренне противоречивое и, следовательно, сводящее ”смысл” к ”бесмыслице”. С точки зрения общих историков, можно для эволюции языка устанавливать только такие ”законы”, как: «прогресс цивилизации разрушает двойственное число» (Meillet), т. е., строго говоря, законы, во-первых, весьма подозрительные, а, во-вторых, не чисто-лингвистические. Между тем внимательное изучение языков с установкой на внутреннюю логику их эволюции учит нас тому, что таковая логика есть и что можно установить целый ряд законов чисто-лингвистических, не зависящих от внелингвистических факторов ”цивилизации”, и проч. Но, разумеется, эти законы не будут говорить о ”прогрессе” или ”регрессе” [...]» (TLN, с. 97). В связи с подготовкой задуманного совместно с Якобсоном издания ”Языки СССР” 18 июля 1929 г. Трубецкой уточняет: «Со своей стороны считаю нужным добавить к анкете еще два пункта:

«Das „Verbum Substantivum“ und die Bildung kopulativer Sätze.

Der sprachliche Ausdruck für das Verhältnis zwischen Subjekt, Objekt und Prädikat bei den verschiedenen Gattungen von Zeitwörtern.» (TLN, с. 141–142). В письме от 28 января 1931 г. читаем: «О структуральной морфологии постоянно думаю. Намечаются всякие мыслишки. Думаю, напр., что и в области морфологии можно установить такие же группы однопланых различий, как в фонологии. Напр., лицо, число и род — различия одного плана, притом другого, чем падежи, с одной стороны, времена и наклонения, с другой (а времена и наклонения составляют вместе особый план) и т. д. Различие между дизъюнктивными и коррелятивными противопоставлениями в морфологии столь же плодотворно, как и в фонологии. Вообще исподволь начинаю подбирать материал по структуральной морфологии известных мне языков. — Кстати, в области морфологии тоже имеются географические зоны.» (TLN, с. 190). Среди замечаний на статью Якобсона ”Фонология слова” приводится и следующее: «Именительный пад. трудно считать беспризнаковым, ибо категория падежа в русском языке вообще дизъюнктивна, а не коррелятивна. Инфинитив является до известной степени нулевой формой только в известных предложениях; но, напр., в ”быть дождю сегодня” или ”пойти бы нам погулять” инфинитив — форма, как всякая другая (не словарнее другой).» (TLN,

с. 218 – письмо от 11 августа 1931 г.), 25 августа 1932 г. Якобсону сообщается: «Приезжал навестить меня Курилович [...] Говорили о грамматических корреляциях. Это – вопрос, наиболее его занимающий в настоящее время. Между прочим, он считает, что в славянских языках корреляции рода не существует. У прилагательных и местоимений род синтаксический, а у существительных, – кроме небольшого числа названий людей и животных, – нет противопоставления родов. Какое-нибудь *ученик:ученица* – единичный случай (ср. *мельник:мельница*), а для "среднего рода" даже и таких случаев нет. Поэтому вопрос о том, какой род является беспризнаковым, по его мнению, просто невозможен. М. б., он и прав. Уж очень мы испорчены классической грамматикой. Когда посмотришь на какой-нибудь аварский язык, в котором категория рода действительно существует как вполне живой фактор, так, правда, задумываешься, – есть ли у нас настоящие роды.» (TLN, с. 252–253).

Трубецкой не раз высказывает Якобсону (в том числе в связи с его "теорией падежей") свои соображения о роде, числе, падежной системе: «Что касается до лингвистических размышлений, то кое-что удалось, кажется, подметить в русском склонении. Я думаю, что нужно исходить из парадигмов с наиболее рудиментарными противопоставлениями. Таковыми в русском языке являются числительные [...]. Не думаете ли вы, что для существования какого-нибудь противопоставления в сознании необходима его конкретизация в рудиментарном виде? Или, точнее, что только в этом случае мы имеем право говорить о существовании данного противопоставления?». (TLN, с. 266–267; ср. также с. 361–363, 375, 427–428, 429–430). Одно из таких соображений и было развито в «статье для сборника Vally»: «Думаю преимущественно над грамматическими проблемами – над категорией определенности (выражаемой большей частью при помощи члена, но могущей быть выраженной и иначе) и над связью глагола с прямым дополнением в разных языках.» (TLN, с. 371–372). Эта идея отчасти нашла отражение и в статье Трубецкого "О притяжательных прилагательных староцерковнославянского языка" (см. наст. сборник, с. 219–222).

Н. Л. Сухачев

II

Статья Н. С. Трубецкого "Отношение между определяемым, определением и определенностью" – одна из первых работ, в которых были продемонстрированы современные методы лингвистической типологии. В отличие от "классической", преимущественно морфологической, типологии XIX в. Н. С. Трубецкой начинает не с констатации различий в структуре слова и предложения, а с выяснения того, что в языках является одинаковым (или, по крайней мере, сходным) и постулирует универсальные синтаксические отношения детерминации, социативности и предикативности, а также смысловые оппозиции "субъект действия" – "объект действия" и "определенное" – "неопределенное". Далее рассматриваются возможные соответствия между членами этих синтаксических и семантических оппозиций, причем в результате исследования на первый взгляд несопоставимые и разрозненные факты многочисленных языков оказываются лишь различными реализациями этих соответствий. В дальнейшем подобная постановка задачи обусловила блестящие успехи лингвистической типологии, превратившейся из сомнительного конкурента генеалогической классификации в полноправный раздел теоретического языкознания.

Ряд идей, высказанных здесь в лаконичной форме, впоследствии был развит в необозримой типологической литературе. Полностью подтвердился вывод

Н. С. Трубецкого о том, что эргативная и номинативная конструкции представляют собой два равноправных симметричных способа выражения субъектно-объектных отношений. Разграничение падежа "субъекта" (абсолютив, номинатив) и падежа "непосредственного определения к глаголу" (эргатив, аккузатив) — одна из первых попыток функционального определения эргативной и аккузативной (=номинативной) систем. Непосредственным продолжателем идей Н. С. Трубецкого явилась французская школа эргативистики, рассматривающая противопоставление переходного субъекта и объекта как оппозицию, в которой может быть маркирован первый член (эргатив) или же второй (аккузатив); см. работы К. Регаме, А. Мартине, К. Чеховой и др. Предпринимались и другие попытки функционального истолкования совпадений и различий падежных форм в переходной и непереходной конструкциях; например, предполагалось, что эргативная конструкция отличается от аккузативной другой расстановкой коммуникативных статусов (резкая, но справедливая критика этого направления дана в: Heath J. Whither ergativity? A review article. — "Linguistics", v. 18, no. 9/10, 1980). В дальнейшем ряд исследователей отказался от поисков функциональной основы эргативности, признав ее семантически и синтаксически немотивированным морфологическим фактом (С. Андерсон и др.); другая часть придерживается семантического (преимущественно ролевого) истолкования эргативности — ср. "структурные доминанты" у Г. А. Климова или "гиперроли" у А. Е. Кибрика, а также попытку А. Вежбицкой дать эргативу точное семантическое определение (A. Wierzbicka. Case marking and human nature. — "Australian Journal of Linguistics", v. 1, no. 1, 1981, p. 68).

В настоящее время общепринято, что отношение между агенсом и глаголом в эргативной конструкции является предикативным, а не детерминативным (как считал Н. С. Трубецкой), так как агенс в эргативе чаще всего обладает максимумом свойств подлежащего (см. Anderson S. R. On the notion of subject in ergative languages. — In: "Subject and Topic". N.-Y., 1976); отношение между глаголом и именем в аккузативе также, по-видимому, сейчас нет оснований считать определительным. Следует иметь в виду, что во время появления статьи Н. С. Трубецкого "определенность" не всегда четко отграничивалась от "референтности", поэтому часть примеров не демонстрирует определенность в строгом смысле (так, "артикли" -р и -м в кабардинском и адыгейском обозначают, скорее, "референтность").

Степень изученности материала, привлеченного Н. С. Трубецким, в настоящее время неизмеримо выше, что позволяет внести некоторые фактические поправки к отдельным его утверждениям. Так, в лезгинском языке форма генитива (-н) не совпадает с формой эргатива (-ф); в кабардинском форма подлежащего на -м может обозначать определенность (точнее, видимо, референтность — см. выше) в случае нереферентности прямого дополнения; ср. *мышэ фо ешх* 'медведи (нереф.) мед (нереф.) едят', но *мышэм фо ешх* 'медведь (реф.) мед (нереф.) ест'. Наконец, форма притяжательного прилагательного от имени лица в русском языке — явно не "единичный" случай выражения в нем значения определенности (о современном состоянии разработки этой проблемы см.: Крылов С. А. Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы. — "Семиотика и информатика", вып. 23. М., 1984).

Я. Г. Тестелец

"МЫСЛИ ОБ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОБЛЕМЕ"

[1] Перепечатка с дополнениями по последующим публикациям Р. Якобсона (N. S. Trubetzkoy's Letters and Notes, p. 74) из журнала "Вопросы языкознания", № 1, 1958, с. 65—77. Публикуется по тексту из архива Р. О. Якобсона рус-

ский вариант статьи Н. С. Трубецкого, немецкий вариант которой был опубликован в 1939 г. Статья излагает содержание доклада, сделанного Н. С. Трубецким 14 декабря 1936 г. в Пражском лингвистическом кружке. Статья, подчеркивающая чисто лингвистический характер индоевропейской проблемы, была направлена против научно не обоснованных теорий, связывавших носителей индоевропейского праязыка с носителями определенных археологических культур в Европе. Поэтому доклад и статья Н. С. Трубецкого имели полемическую направленность: Н. С. Трубецкой выступил против таких попыток связать лингвистическую реконструкцию индоевропейского праязыка с историей Европы, которые использовались нацистами и некоторыми немецкими учеными, к ним примкнувшими. Дальнейшие исследования показали, что эти попытки принять северную часть Центральной Европы за индоевропейскую прародину несостоятельны и по той конкретной лингвистической аргументации, на которой основывались теории, опровергавшиеся Трубецким. Особую актуальность сохраняют и его полемические замечания по поводу неверного метода привлечения чисто археологических данных для языковых реконструкций. Современная наука требует и в археологии сперва провести реконструкцию древнего культурно-исторического состояния, которое потом можно сопоставить с реконструкцией языковой.

[2] Число древних индоевропейских языков намного меньше, чем число современных. В особенности это видно на примере таких языковых семей, где сохранились и древние письменные памятники. Так, древнеиндийский язык, судя по наиболее ранним его памятникам (таким, как "Веды"), несмотря на наличие внутри него диалектных различий, был единым, а современные индо-арийские языки, происходящие от древнеиндийского, представляют собой одну семью очень далеко разошедшихся между собой языков, насчитывающую несколько их десятков (к их числу относятся и некоторые из наиболее распространенных языков мира — хинди и урду, бенгальский, маратхи и т.п.). В таких случаях несомненно происхождение всей семьи языков (в случае индо-арийских, представляющих собой ветвь значительно более обширной индоевропейской семьи) из единого источника.

[3] В настоящее время известен целый ряд древних индоевропейских языков, от которых остались либо очень немногочисленные надписи (например, лепонтийский язык в Сев. Италии, судя по немногим надписям, близкий к кельтским), либо только отдельные собственные имена и глоссы (например, митаннийский арийский язык, близкий к древнеиндийскому и древнеиранскому, на Древнем Ближнем Востоке) в составе письменных текстов на других языках. Существование некоторых исчезнувших индоевропейских языков "вычисляется" на основании сделанных из них заимствований в другие: так, вымерший куршский балтийский язык восстанавливается на основании куршских заимствований в латышском, догреческий ("пеласгский") — по заимствованиям в древнегреческом; такие исчезнувшие языки в заимствованиях оставили как бы "косвенное" потомство.

[4] Тезис о возможности конвергентного развития, при котором могла образоваться такая группа языков, как индоевропейская, непосредственно перед Трубецким высказывал Е. Д. Поливанов (см. его книги: "Введение в языкознание для востоковедных вузов", I. М., 1928; "Статьи по общему языкознанию". М., 1968; см. также И в а н о в Вяч. Вс. Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова. — "Вопросы языкознания", 1957, № 3), а также позднее В. Пизани (в частности, в докладе на VIII Международном лингвистическом конгрессе в Осло; см. "Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists". Oslo, 1958) и др. И Поливанов, и Пизани в качестве пояснения приводили, как и Н. С. Трубецкой, тот же пример "романизованного" албанского языка, насыщенного романскими заимствованиями, но тем не менее прямо не происходящего из латыни. Отличие идей Пизани заключалось в том, что, начиная со своих статей на эту тему в конце 50-х — начале 60-х годов, он высказывал предположение о том, что индоевропейские языки образовались путем наслоения на разные языки одного, близкого к санскриту, т. е. произошла как бы "санскритизация" нескольких перво-

начально отличавшихся друг от друга языков. По несколько иному пути шел в своих поздних работах 40-х годов Д. В. Бубрих, предположивший наличие "лингвистической непрерывности" в ранних обществах типа современных австралийских: один племенной язык был близок к соседнему, с которым контаминировал, этот последний был близок к другому своему соседу и т. п.; все они вместе составляли "сетевидное" или "цепевидное" членение в терминах настоящей статьи Трубецкого. Действительно, в современных языках Австралии отмечаются случаи очень далеко идущего смещения контактирующих друг с другом языков (которые все возводятся к одному гипотетическому общеавстралийскому). Однако И. Д. Поливанов высказал в ряде своих статей 20-х годов предположение, что конвергентное развитие в принципе характерно для языков обществ, находящихся на более поздних этапах развития, тогда как в ранний период языки племен обычно развивались путем дивергенции (эта последняя мысль согласуется с принципом последовательного дихотомического членения племени с дуально-экзогамной структурой, одна из половин которого затем отселяется от остающейся половины, в свою очередь делящейся на половины, и т. д.; ср. аналогичный принцип митоза в биологии). Поэтому явления смещения языков, наблюдающиеся в Австралии, как и далеко зашедший процесс креолизации (создания новых креольских языков на основе упрощенных синтаксических структур английского, французского, португальского и др. языков) в Африке, Латинской Америке (особенно в Карибском ареале) и Океании, можно связать с более новыми социальными процессами интегрирования языков. Поэтому остается дискуссионной попытка Л. Ельмслева опереться (в специально этому посвященной работе конца 40-х годов) на процессы креолизации для понимания сути языкового родства. Однако примеры смещения языков при сохранении основного исходного языка наблюдаются и в более ранний период: так язык, называемый теперь "буддийский гибридный санскрит", представлял собой санскрит — литературный язык древней и средневековой Индии, приспособленный для нужд литературного и монастырского общения в разных странах Центральной и Восточной Азии в средние века; см. Edgerton F. *Buddhist Hybrid Sanskrit*, vol. I, Grammar, vol. II. Dictionary. New Haven, 1953.

[5] Исследованиями последних десятилетий выявлено, что целый ряд особенностей консонантизма тосканского диалекта итальянского языка объясняется как результат воздействия этрусского языка, на котором говорили в Тоскане до распространения в ней одного из диалектов латыни, к которому может быть возведен тосканский итальянский диалект.

[6] В качестве аналогичного примера Е. Д. Поливанов наряду с романизованным албанским языком детально рассматривал ту систему соответствий, которую образуют китайские заимствования разных эпох в японском языке и других языках Восточной и Юго-Восточной Азии, испытавших в свое время значительное китайское влияние (таких, как, в частности, корейский и вьетнамский).

Можно отметить, в частности, что собственно китайские и родственные им тибетские числительные, с одной стороны, заимствованные в древности из китайского, с другой, образуют вполне строгую систему соответствий, которая могла бы послужить причиной обманчивого отнесения японского к той же семье языков, что и тибетский и китайский.

По сходной причине некоторые лингвисты допускали родство китайского и тайского языков, хотя это языки разных семей (соответственно тибето-китайской и австро-тайской), но в тайском содержится значительное число древних китайских заимствований. Особая трудность, вызываемая наличием таких массовых заимствований в языках Восточной и Юго-Восточной Азии, состоит в том, что многие из них не имеют развитой морфологии. А один из наиболее надежных путей определения "приобретенного" или "аллогенетического родства" (термин акад. Г. В. Церетели, в 60-х годах много специально занимавшегося этой проблемой) от подлинного родства состоит именно в исследовании морфологии, т. к. морфологические (и в более общем случае грамматические) элементы заимствуются гораздо реже, чем лексические (и такие грамматические заимствования чаще наблюдаются при контакте родственных языков, чем неродственных).

[7] Многие лингвисты в настоящее время сомневаются в том, что все южнославянские языки произошли путем дивергенции из одного южного диалекта праславянского. Согласно выводам лингвистической географии и топонимии, скорее можно думать о движении двух групп славянских племен на Балканы — юго-западной (связанной, как отмечает Трубецкой, с западнославянским) и юго-восточной. Дальнейшие общие черты и промежуточные говоры могли образоваться при контактах диалектов этих двух групп друг с другом уже после их прихода на Балканы.

[7a] В русском тексте статьи Н. С. Трубецкого — "словинского языка" (в смысле "словенского языка" в современной терминологии).

[8] Согласно недавним лексикостатистическим подсчетам профессора Зепса, прусский (западнобалтийский) язык значительно ближе в лексическом отношении к славянским, чем восточнобалтийские — литовский и латышский (отчасти, впрочем, это можно объяснить большей архаичностью прусского, сохранившего ряд черт общебалто-славянского состояния не только в лексике, но и в грамматике и в фонологической системе).

[9] Особенно сильные отличия как от других индоевропейских языков, так и между собой представляют вновь открытые в XX в. индоевропейские языки М. Азии (Анатолии) — хеттский и лувийский. По-видимому, общие черты хеттского, лувийского и некоторых других языков М. Азии могли бы объясняться контактными связями между этими "анатолийскими" языками уже после прихода их носителей в М. Азию (ср. сказанное выше о южнославянских языках).

[10] Справедливо возражая против неудачных (а в 30-е и 40-е годы часто и спекулятивных) попыток соотнесения керамики и других мало или почти не соотнесенных с языковыми данными археологических открытий, Трубецкой допускает другую крайность, отрицая вообще возможность археологической, антропологической и этнологической интерпретации данных относительно общего источника всех индоевропейских языков. Трубецкой, несомненно, был прав, когда он отрицал возможность определения индоевропейской прародины и путей расселения индоевропейцев на основании только одного какого-либо ряда данных, например керамики. Задача заключается в последовательном соотнесении лингвистической реконструкции с реконструкцией археологической; см. о постановке вопроса и современных опытах его решения: Г а м к р е л и д з е Т. В., И в а н о в Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы, т. I, II. Тбилиси: изд. Тбилисск. гос. ун-та, 1984.

[11] Часть весьма существенных звуковых преобразований, мешающих восстановлению единого источника таких слов, как многие индоевропейские названия животных, некоторых частей тела и других существительных с конкретными предметными значениями, может объясняться действием табу, касавшихся сакральных или магических названий.

[12] Выражавшаяся Трубецким в ряде его работ критика законов конца слова в праславянской грамматике во многом подтверждена последующими изысканиями, показавшими, что для тех же праславянских флексий можно найти более точные соответствия в других индоевропейских языках (в том числе в относительно недавно изученных "анатолийских"). Ср. также G a u t h i o t R. La fin de mot en indo-européen. Paris, 1913.

[13] Эти совпадения вслед за Х. Педерсеном В. М. Иллич-Свитыч объяснил происхождением индоевропейских языков и ряда неиндоевропейских (южнокавказских — картвельских, семито-хамитских — афразийских, уральских, алтайских, дравидийских) из единого источника — частично им восстановленного языка, названного "ностратическим".

[14] Отдельные примеры, которые можно интерпретировать как подобие "гармонии гласных" в пределах основы (но не всей словоформы), обнаружены в архаическом хеттском языке: им. п. ед. ч. watar 'вода' (родственно англ. water, нем. Wasser, русск. вода), основа косвенных падежей ceten-. Но число таких форм относительно невелико, и они пока не могут полностью опровергнуть вывода Трубецкого.

[15] Правила структуры древнейшего индоевропейского слова (к которому

относится формулируемое Трубецким правило) в большой степени определяются законами структуры индоевропейского корня, с которого достаточно часто начиналось слово в древних диалектах общеиндоевропейского языка. Правила ограничивали возможности употребления первой фонемы корня (и словоформы, начинавшейся с корня) в зависимости от характера второй фонемы (см. соответствующие разделы в кн.: Мейе А. Введение в сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков. Пер. с франц. М.: Гос. изд. соц. и эк. лит-ры, 1938; Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. Пер. с франц. М.: Изд. иностр. лит-ры, 1955). Поэтому нуждается в проверке точность закономерности, формулируемой здесь Трубецким, по отношению к наиболее древним периодам истории индоевропейских языков. Безусловно, дополнительные ограничения были наложены на состав плавных согласных в начале слова в тех древних языках, где, как в хеттском, древнегреческом и древнеармянском, слово не могло начинаться с г-. Но последнее явление, скорее всего, является ареальным и, возможно, обусловлено ранним контактом с неиндоевропейскими языками, где действовало то же ограничение. Ср. Бенвенисте Е. Répartition des consonnes et phonologie du mot. — In: „Travaux du Cercle Linguistique de Prague“, vol. VIII: Études phonologiques dédiées à la mémoire de N. S. Trubetzkoy. Prague, 1939.

[16] Все перечисленные Трубецким элементы в древний период произошли из первых элементов словосложения, утративших самостоятельность; поэтому в строгом смысле здесь можно говорить о раннем превращении сложных слов в префиксальные словообразовательные сочетания. Заслугой Трубецкого в других его работах является выделение этимологических элементов этого типа в таких словах, где они давно перестали уже осознаваться: слав. *dъždъ ‘дождь’ (>русск. дождь) Трубецкой возвел к *dus-di ‘дурной, плохой день’ (ср. сочетание противоположного значения с тем же вторым элементом в хетт. aššu-šiwatt- ‘Хороший День’ (божество), др.-инд. вед. su-dyut- ‘благое сияние’, косвенно подтверждающие этимологию Трубецкого.

[17] Как верно отмечает далее в этой статье сам Трубецкой, в более древний период (для индоевропейского — в более ранний период) была характерна не номинативно-аккузативная конструкция (где подлежащее непереходного и переходного глаголов одинаково выражено формой именительного падежа), а конструкция эргативная или активная. Некоторые древние индоевропейские языки, в частности в Малой Азии, рано начавшие контактировать с эргативными или активными языками Древнего Востока, имеют особые способы оформления подлежащего переходного глагола: в хеттском языке таким подлежащим не могло быть имя существительное среднего рода, которое в этом случае получало суффикс -nt-, трансформировавший его в имя несреднего (одушевленного) рода: uiter-ant- ‘вода’ (одушевл.р.) из watar/weten- (неодушевл.р.) (суффикс родствен древнему показателю активных причастий -nt-), в лувийском языке в этих же случаях используется особое падежное окончание -ša (сопоставимо с хуррито-урартским показателем эргатива -še, который сам, в свою очередь, сопоставляется с окончанием индоевропейского активного падежа *-s, позднее функционировавшим как номинатив и генитив). Хотя возможно, что этому раннему развитию могли способствовать контакты с такими эргативными или активными языками, как хурритский и хаттский, тем не менее наличие этих способов оформления конструкций с переходными глаголами ставит под вопрос вывод Трубецкого. С ним согласуется и наличие эргативной конструкции во многих индо-иранских языках; см. сб. “Эргативная конструкция”. М.: Изд. иностр. лит-ры, 1950; “Эргативная конструкция предложения”. М.: “Наука”, 1967.

[18] Хотя вопрос о единстве происхождения алтайских языков и остается дискуссионным, те лингвисты, которые его принимают, соглашаются и с отнесением к ним (согласно гипотезам, еще в 20-е годы высказанным Е. Д. Поливановым) и японского и корейского (образующих внутри алтайских особое единство, подобно тому как особенно близки друг к другу тюркский и монгольский). Большинство специалистов принимает в настоящее время и гипотезу Е. Д. Поливанова, согласно которой в составе японской древней лексики выде-

ляется ранний пласт малайско-полинезийских заимствований. Одной из альтернативных возможностей описания отношений между всеми алтайскими и всеми уральскими языками является отнесение их вместе с дравидийскими к числу восточно-ностратических (типологически характеризующихся суффиксацией и агглютинацией), тогда как индоевропейские, картвельские и афро-азиатские языки относятся к числу западно-ностратических, в которых существенно развита префиксация и очень сильно изменилась древняя ностратическая структура слога и слова (но следует оговорить, что ностратическая гипотеза В. М. Иллича-Свитыча продолжает вызывать ожесточенные споры).

[19] Согласно гипотезе, обсуждающейся на протяжении последних 40 с лишним лет, эскимосский и близко ему родственный алеутский обнаруживают следы очень древней близости к индоевропейскому (и ностратическому, с которым соотносят и чукотско-корякский, в значительно меньшей мере — нивхский). Юкагирский же язык несомненно близок к языкам уральским и входит в число восточно-ностратических. Предполагается, что эскимосско-алеутские языки позднее всех проникли на крайний север Америки, до этого там уже распространились атабаскские (по другой классификационной терминологии — на-дене) языки, отличающиеся от остальных американских индейских, возможно, образующих единую языковую семью.

[20] Наличие "сетевидных" отношений между разными языковыми семьями Африки высказывалось в недавнее время и автором их наиболее распространенной классификации Дж. Гринбергом и в самое недавнее время рядом африканистов, пересматривающих генетические схемы Гринберга.

[21] Единство "урало-алтайской группы" в настоящее время чаще всего осмысливается в контексте восточно-ностратического, к которому относятся обе эти семьи языков; см. выше.

[22] Трубецкой понимал под "средиземноморской группой" цепь разных языковых семейств, так как он не признавал родства между северокавказскими и южнокавказскими языками, на котором в своих ранних работах настаивал Марр, называвший эти "средиземноморские" языки яфетическими. Согласно принимаемой в настоящее время многими учеными точке зрения, сходства между южнокавказскими (картвельскими) языками (гипотетически включаемыми в число западно-ностратических и, во всяком случае, имеющих много общих черт с индоевропейскими, частично объясняемых древними контактами) и северокавказскими (сопоставляемыми с енисейскими и тибето-китайскими), объясняются "аллогенетическим" (приобретенным) родством; поэтому гипотеза об иберийско-кавказском языковом единстве, объединявшем, по мысли ее создателей, северокавказский и южнокавказский, большинством компаративистов отвергается. Из древних языков М.Азии с северокавказскими сопоставляются хуррито-урартский (и в некоторых отношениях сближаемый с ним этрусский, по античной традиции перенесенный из М.Азии на Апеннинский полуостров переселившимися туда этрусками) и хаттский; предполагается также отдаленное родство с северокавказскими языками баскского; см. сб. "Древняя Анатолия". М.: "Наука", 1985. Северокавказский далее сопоставляется с енисейским и тибето-китайским.

[23] Согласно новейшим опытам дешифровки наиболее ранних надписей "протоиндийского письма", проведенным независимо друг от друга тремя группами исследователей в СССР, Финляндии и США, язык этих текстов, составленных 3 тыс. лет до н.э. в долине Инда, был дравидийским; образцы письменности этого же типа найдены в Афганистане и в Южн.Туркмении. Предполагается, что носители дравидийских языков, имеющих вероятное родство с мертвым эламским (на западе Ирана), некогда могли обитать западнее Сев.Индии (где к этому времени могли говорить на языках австроазиатской семьи, остатки которых в Индии сохранились наряду с такими языками, как бурушаски, предположительно сопоставляемый с северокавказскими и енисейскими). Излагаемое Трубецким размещение языковых семей не противоречит и ностратической теории, в свете которой можно ожидать приурочения общеиндоевропейского к области западнее восточно-ностратических языков (алтайских, уральских, дравидийских), некогда

занимавших смежные друг с другом территории.

[24] В этих наблюдениях Трубецкой весьма близко подходит к современной глоттальной теории, интерпретирующей крайне редко встречающийся или вовсе отсутствовавший в индоевропейском губной смычный как глоттализованное p [p'], т.е. как типологический аналог той северо-восточнокавказской фонемы, которую сопоставлял с этой индоевропейской Трубецкой, отмечая сходство их судеб в обеих языковых семьях. Эмфатические смычные в семитском в диахроническом отношении могут истолковываться как глоттализованные (ср., в частности, их характер в архаичных южноаравийских семитских языках). Эту типологическую параллель глоттальная теория использует для переинтерпретации всего ряда смычных, традиционно интерпретировавшихся как звонкие, в качестве глоттализованных (смычно-гортанных); см. Г а м к р е л и д з е Т. В., И в а н о в Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы, т. I. Тбилиси, 1984.

[25] Большинство сторонников ларингальной теории, развивая идеи Куриловича, считает, что звук, обозначавшийся посредством одного h в хеттской клинописи, восходит к одному индоевропейскому ларингальному ($*H_2 >$ хетт. h , напр. в хетт. $meḥur$ 'время', родственно корню русск. *мерить*, *месяц* и т.п.), звук, обозначавшийся посредством сдвоенного написания $-hh-$ в положении между гласными в клинописи, восходит к другому ларингальному ($*H_2 >$ хетт. hh , напр. в хетт. $raḥḥ(a)š-$ 'охранять', родственно русск. *пасти*, лат. *pāscō* 'пасу', *pāstor* 'пастух' и т.п.). Из сочетаний гласного с последующим ларингальным в индоевропейских языках развились долгие гласные.

[26] Крайне ограничено число форм с удвоением первого согласного корня и в хеттском языке, причем можно проследить вытеснение древней редупликации синонимичными с ней суффиксальными производными: др.-хетт. *wewak-* 'требовать многого' (интенсивная форма от *wek-* 'просить'; ср. аналогичное др.-инд. *vaś-* от родственного *vaś-* 'желать'), более поздняя форма *wakkišk-* и т.п.

[26a] В современной орфографии: *tlēze* – *tlētlēze*; *uḥun* – *uḥuḥar*.

[27] Противопоставление активного (одушевленного) рода инактивному (среднему) еще отражено в хеттском, лувийском и других древних индоевропейских языках М.Азии. Из языков, предположительно относимых к ностратическим, система двух родов была в дравидийском.

[28] Эргативная конструкция или ее подобие имела и в древних индоевропейских языках М.Азии – лувийском и хеттском; см. выше, прим. 17 к с. 417.

[29] В структуре древнего индоевропейского склонения и спряжения обнаруживается много проявлений агглютинации (ср. образование форм вин.п. мн.ч. на $*-n-s$, где плюрализатор $*-s-$ следует за показателем вин.п., общим для разных чисел; глагольные формы типа 3 л. ед.ч. повел. накл. хетт. $-t-ag-u$, где за показателем 3 л. ед.ч. $-t-$ следует примета медиопассива $-g-$ и приметы повел. накл. $-u$ и т.п.). Поэтому развитие, скорее всего, происходило циклически: от агглютинации к флексии и далее опять к агглютинации (ср. агглютинативный характер форм типа русск. *собира-й-те-сь-ка* и т.п.). Особенно отчетливо агглютинативный тип образования форм прослеживается в тохарских языках, где этому мог способствовать их длительный контакт с агглютинативными восточно-ностратическими языками Центральной Азии.

Вяч. Вс. Иванов

”ПРОБЛЕМА РОДСТВА МЕЖДУ БОЛЬШИМИ ЯЗЫКОВЫМИ СЕМЬЯМИ”

Тема этой работы Трубецкого имеет жгуче актуальное значение в настоящее время, когда интенсивно проводятся исследования, нацеленные на установление генетических связей между большими семьями языков, таких, как несколько микросемей в Африке, выделенных Гринбергом, америндейская в понимании У. Мэттесона, ностратическая, северокавказско-енисейско-сино-тибетская и т.п. Ряд положений, намеченных в этом выступлении, был развит и в ”Мыслях об

индоевропейской проблеме". Ценность замечаний Трубецкого в данном случае состоит в том, что он указал на некоторые принципиальные трудности, которые могли бы помешать сравнению и должны быть специально оговорены.

В большинстве исследований, о которых шла речь выше, преодолены те трудности, которые отмечал Трубецкой. Так, в специальном исследовании В. М. Иллич-Свитыч реконструировал распределение алтайских смычных по позициям, что сделало возможным сравнить их со смычными других ностратических языков. В словаре ностратических языков Иллич-Свитыча собран большой лексический материал, что позволяет отвести и это существенное возражение Трубецкого.

Вяч. Вс. Иванов

"МОРДОВСКАЯ ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В СРАВНЕНИИ С РУССКОЙ"

В декабре 1931 г. Н. С. Трубецкой получает переданное Т. Лером-Сплавинским от Польского общества по изучению Восточной Европы приглашение прочесть в Кракове две лекции «на любую тему, касающуюся "восточной Европы"» (TLN, p. 235). 15 февраля 1932 г. он пишет Р. О. Якобсону: «В Кракове вторым докладом прочту взгляд и нечто о мордве и о мордовских народных песнях.» (TLN, p. 239). Прочитанный в начале марта доклад лег в основу статей "Мордовская фонологическая система..." и "О структуре мордовских мелодий". Уже после выхода из печати сборника, посвященного пятидесятилетию В. Матезиуса, Трубецкой извещает Якобсона: «Оттиски свои я получил, разослал и от некоторых адресатов получил уже ответы и отзывы. А. Мейе в открытке ответил, что всегда сам так думал (...) Финский мордвовед Пааво Равила прислал письмо с возражениями, свидетельствующими о полном непонимании фонологии (...)» (TLN, p. 262–263, письмо от 30 ноября 1932 г.). На один из таких отзывов Трубецкой ответил так (письмо к Й. Ю. Микколе от 19 декабря 1932 г.): «Мордовская фонетика Паасонена у меня имеется, и я ею широко пользовался при написании статьи о системах вокализма в „Travaux du Cercle Linguistique de Prague“, I. Но в сборнике в честь Матезиуса я хотел ограничиться сопоставлением русского *литературного* языка с мордовским *литературным* языком и потому сослался не на Паасонена, а на Бубриха как на единственное описание мордовского языка (и описание вполне надежное, насколько можно судить по напечатанным до сих пор мордовским литературным произведениям). С мордовским языком я знаком еще с гимназической скамьи, вот уже 27 лет.» (TLN, p. 454–455). Тому же Микколе Трубецкой писал после избрания Н. С. Трубецкого членом Финно-угорского Общества: «...мои первые опыты научной работы были посвящены именно угрофинской этнографии (первые статьи мои по этому предмету были напечатаны в "Этнографическом Обзрении", когда мне было всего лишь 15 лет). С течением времени внимание мое было отвлечено другими предметами. Я занялся индоевропейским, кавказскими, тюркскими, общим языковедением и этнопсихологией. Но, тем не менее, интерес к угрофиннам никогда во мне не умирал и всегда оставался моей — если можно так выразиться — "первой научной любовью" ...» (TLN, p. 455–456, письмо от 19 декабря 1933 г.).

Замысел статьи, по-видимому, связан с подготовкой "заседания о фонологии" на Втором Международном конгрессе лингвистов (Женева, август 1931 г.), о чем Трубецкой неоднократно информировал Якобсона. В частности, в письме от 8 июня 1931 г. он пишет: «Самое заседание надо тщательно обдумать и приготовить. В общем задача не так проста, как это кажется с первого взгляда. Вопрос, поставленный на обсуждение, не есть вопрос о пользе фонологии вообще, а лишь о соотношении звуковых систем с грамматическими. В своем введении к прениям я должен строго придерживаться вопроса, стоящего на повестке, и притом учесть полученные ответы (...). Положение вообще довольно трудное, тем более что самый вопрос о соотношении между звуковым и грамматическим строем в нашей собственной среде еще недостаточно проработан и продискутирован. Мой взгляд таков: если под системой разумеется инвентарь, то соотношения никакого нет (могут быть два

языка с совершенно одинаковым фонологическим инвентарем и совсем различными строями — напр., мордовский и русский и т.д.); но если брать функцию и статистику фонологических элементов, то получаются различия, находящиеся, по-видимому, в какой-то связи с грамматическим строем; однако для того, чтобы это выяснить, надо иметь больше материала, произвести систематическое обследование разных языков с этой точки зрения (причем случаи вроде мордовско-русского или немецких говоров, — где, наоборот, при полной одинаковости грамм. строя громадные различия в фонологич. системе, — заслуживают особого внимания), а потому надо организовать это обследование и т.д. (...)». (TLN, p. 208).

[1] "Туранский" у Трубецкого служит синонимом более распространенного "урало-алтайский", т. е. обозначает характерные черты агглютинативных уральских и алтайских языков.

Н. Л. Сухачев

"МОРФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РУССКОГО ЯЗЫКА"

Н. С. Трубецкой по праву считается основателем морфонологии как особой лингвистической дисциплины. Ему принадлежат не только разработка теоретических понятий и методов морфонологии, но и первые опыты их практического применения к конкретному материалу славянских языков — полабского, русского и старославянского (см. „Sur la morphologie“. — TCLP, I, 1929, p. 85—88; „Gedanken über Morphologie.“ — TCLP, IV, 1931, p. 160—163 (русский перевод: "Некоторые соображения относительно морфонологии". — В кн.: "Пражский лингвистический кружок". М., 1967, с. 115—118); „Polabische Studien“ (Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien, philos.-hist. Kl., Bd. 211, Abh. 4), Wien, 1930; „Altkirchenslavische Grammatik. Schrift-, Laut- und Formensystem.“. Wien, 1954; 2 Aufgabe — Graz—Wien—Köln, 1968 (S. 97—112).

Работа Н. С. Трубецкого "Морфонологическая система русского языка" составляет часть предпринятого по инициативе Пражского лингвистического кружка международного коллективного труда, посвященного полному описанию русской фонологии, который в свою очередь должен был открывать серию фонологических описаний современных славянских языков. Решение об этом международном научном предприятии было принято на I съезде славистов в Праге в 1929 г., где была сформирована и международная комиссия. Коллективный труд был задуман под названием "Фонологическое описание современного русского языка" („Description phonologique du russe moderne“) и должен был включать следующие части: I. Общая фонология слова („Phonologie générale du mot“) — автор Р. О. Якобсон, II. Морфонологическая система русского языка (Das morphologische System der russischen Sprache) — автор Н. С. Трубецкой. III. Фонология фразы (Phonologie syntactique) — автор С. Карцевский, и два дополнения: Фонология и письменность (Phonologie et écriture) — автор Н. С. Трубецкой, и Фонология стиха (Phonologie du vers) — автор Р. О. Якобсон. Из всей этой программы была реализована только одна часть — морфонологическое описание русского языка, осуществленное Н. С. Трубецким.

В предисловии к своей работе Н. С. Трубецкой писал: «Предлагаемая ниже вторая часть описания русской фонологии содержит очерк морфонологии современного русского разговорного языка. Я уже имел случай дважды в TCLP изложить свой взгляд на содержание и задачи морфонологии (см. „Traavaux“, I, p. 85—88, IV, p. 160—163), и, кроме этих, чисто программных статей, я сделал попытку уже в „Polabische Studien“ описать морфонологическую систему одного славянского языка, а именно — полабского. Это и послужило причиной того, что написание данного раздела нашего коллективного труда было доверено именно мне. Если при работе над полабской морфонологией главным препятствием был недостаток материала, то на этот раз, когда я поставил своей задачей исследование морфонологической системы своего родного языка, передо мной встали труд-

ности совсем иного рода. Поскольку в данной области отсутствуют серьезные предварительные разработки, мне пришлось довольствоваться почти исключительно собственным языковым чутьем, что имело как свои преимущества, так, конечно, и свои недостатки. В целях контроля я нередко наблюдал или расспрашивал других образованных русских моего поколения. Всем моим соотечественникам, послужившим мне в качестве испытуемых, я выражаю самую сердечную благодарность. Особенно же я благодарен Роману О. Якобсону, в постоянном общении с которым создавалась эта работа. Его советы и замечания оказали мне неоценимую помощь».

Н. С. Трубецкой долго и трудно писал эту книгу, трижды перерабатывая ее с 1930 по 1933 г. Основные этапы его работы отражены в письмах Н. С. Трубецкого к Р. О. Якобсону, с которым Н. С. Трубецкой обсуждал все существенные вопросы, касающиеся как содержания, так и оформления текста. Во время конгресса лингвистов в Женеве в 1931 г. Н. С. Трубецкой и Р. О. Якобсон обменялись мнениями о написанных ко времени съезда предварительных текстах своих разделов и составили общий план всей работы в целом (опубликован в TLN, с. 214–215). Стремясь максимально согласовать свою часть с фонологическим описанием Р. О. Якобсона и одновременно выработать такой способ графической передачи морфем, который отличался бы необходимой и достаточной для морфонологических целей детализацией, Н. С. Трубецкой неоднократно менял транскрипцию. В письме к Р. О. Якобсону от 12.VIII.1932 г. он писал: «Приступая к переработке своей морфонологии, вновь прихожу в ужас от нашей "упрощенной" транскрипции. Сложна, неудобочитаема и неэстетична. Я считаю, что различать беспризнаковые фонемы от фонем нейтрализованных в отношении данного признака необходимо даже и в упрощенной транскрипции. Зато совершенно излишне делать различие между двумя видами нейтрализованных фонем — такими, которые фонетически совпадают с беспризнаковыми, и такими, которые фонетически совпадают с признаковыми. Для упрощенной транскрипции это совершенно ненужное осложнение (м.б., для статистической транскрипции это и нужно, не знаю). Т.о., для каждой корреляции надо в упрощенной транскрипции иметь три обозначения: одно — для признаковых, другое — для беспризнаковых и третье — для нейтрализованных.» (TLN, p. 250–251).

Наиболее серьезной переработке подверглась глава о комбинаторных изменениях морфем и глава о дизъюнктивных альтернативах согласных.

Н. С. Трубецкой придавал большое значение тому, на каком языке должен публиковаться весь труд о русской фонологии. 10.V.1933 г. он писал Р. О. Якобсону: «Я повторяю то, что говорил Вам уже о языке нашей фонологии. Издавать ее по-русски — значит поставить крест над интернациональной фонологией. Весь смысл этой книги был в том, чтобы дать образец, по которому могли бы писаться описания разных языков. Русскую книгу (хотя бы и с резюме) никто читать не будет за пределами России и славянских стран» (TLN, p. 274).

В "Морфонологической системе русского языка" реализована полная программа морфонологического описания, предусмотренная теорией морфонологии Трубецкого, а именно: описание 1) фонологической структуры морфем, 2) комбинаторных звуковых изменений, которым подвергаются отдельные морфемы в морфемных сочетаниях, 3) звуковых чередований, выполняющих морфологическую функцию. Однако эти три раздела разработаны с неодинаковой полнотой и обстоятельностью: наиболее детально описаны фонемные и акцентные чередования. Хотя работа Трубецкого мыслилась как составная часть фонологического описания русского языка, по существу она выполнена в том морфонологическом аспекте, который у последователей Трубецкого стал преобладающим. Дело не только в том, что начинающий работу сжатый очерк русской морфологии (формообразования) имеет самостоятельную ценность и отражает вполне законченную концепцию русской морфологии, но прежде всего в том, что главной целью морфонологического описания оказывается определение морфологических функций и сферы действия морфонологических явлений (типов морфем, чередований и т.п.). Отказ от специфически морфонологической сегментной единицы

(морфемы в смысле Улашина) и опора на фонологический уровень представления морфем во многих случаях усложнили описание Трубецкого и затемнили его принципиально морфологическую ориентированность, но в целом функциональный аспект, безусловно, доминирует, несмотря на фонологическую (хотя и упрощенную) транскрипцию и фонологическую интерпретацию некоторых морфологических явлений (например, акцентных чередований).

”Морфонологическая система русского языка” не утратила своего значения для русистики и славистики, ибо до сих пор не существует ни одного полного, синтетического описания русской морфонологии, хотя обстоятельные частные подготовительные исследования, на отсутствие которых сетовал Н. С. Трубецкой, теперь имеются (см. работы В. Г. Чургановой, В. В. Лопатина, А. А. Зализняка, А. К. Поливановой, Н. Е. Ильиной, Д. С. Ворты, А. В. Исаченко, З. Оливериуса, Г. Аронсона, Э. Станкевича и др.). Кроме этих специальных трудов, современный исследователь русской морфонологии располагает многими фундаментальными источниками для такого исследования: обратными словарями русского языка, грамматическим словарем, орфоэпическим словарем, словарями морфем, словообразовательными словарями и др. Разумеется, Н. С. Трубецкой, лишенный подобных источников, не мог дать исчерпывающей картины русской морфонологии, и его оценочные характеристики отдельных явлений русской морфонологической системы, ее закономерностей или, наоборот, исключений не всегда верны. Тем не менее приходится лишь удивляться тому, насколько сильным и точным было его знание и ощущение родного языка, сколь мощной была синтезирующая способность исследователя, его умение охватить систему языка в целом, не упуская ничего существенного.

В наши дни описание русской морфонологии Трубецкого представляет интерес еще в одном отношении. За пятьдесят лет, прошедших со времени его создания, многое изменилось в лексике, словообразовании, морфонологии русского языка, особенно разговорного, обиходного языка. Поэтому работа Трубецкого может рассматриваться и как отражение норм и узуса русского языка 30-х гг. XX в.

К работе Н. С. Трубецкого ”Морфонологическая система русского языка” обращается каждый исследователь, занимающийся проблемами русской или славянской морфонологии. Наиболее обстоятельный разбор теоретических положений и практического описания русской морфонологии Н. С. Трубецкого можно найти в следующих работах: В. Г. Ч у р г а н о в а. Очерк русской морфонологии. М., 1973, с. 222–226; Г. А р о н с о н. Морфонология болгарского словоизменения. М., 1974, с. 17–20; ”Основные направления структурализма”. М., 1964, с. 80–84; W. S t a n k i e w i c z. Slavic morphophonemics in its typological and diachronical aspects. In: „Current Trends in Linguistics“, v. 3. The Hague–Paris, 1966; Idem. „Prague School morphophonemics.“ – In: „Sound, Sign and Meaning: Quinquagenary of the Prague Linguistic Circle“. Ann Arbor – Michigan, 1976.

Частные комментарии к тексту.

[1] Окончание *-ами* (*столами, бедами*) все же нельзя рассматривать как состоящее из двух морфем, и в таком случае оно оказывается исключением из сформулированного Трубецким правила о недопустимости двусложных флексийных морфем. Это же можно сказать и об адъективных флексиях *-ого, -ому*.

[2] Работа Р. О. Якобсона, как уже было сказано, осталась неопубликованной, а соответствующий том „Travaux“ вообще не вышел.

[3] О понятии туранского элемента (языка, типа) см. прим. 1 на с. 421 к работе ”Мордовская фонологическая система в сопоставлении с русской”.

[4] Термины ”прогрессивный” и ”регрессивный” используются Н. С. Трубецким в значении, обратном принятому у современных исследователей. Это объясняется тем, что он применяет их не по отношению к активному элементу, обуславливающему или вызывающему некоторое изменение, как это принято в новых работах, где используются понятия прогрессивного и регрессивного воздействия одного элемента на другой, а по отношению к пассивному элементу, испытывающему воздействие, и говорит соответственно о прогрессивно и регрессивно обусловленных изменениях (*progressiv bedingt, regressiv bedingt*) и прогрессивном

и регрессивном варьировании.

[5] Еще слабее осознается этимологическая связь между глаголом *лезть*, *лезу* и существительными *лестница*, *лесенка*, где также имеет место свободное чередование звонкого и глухого согласного в позиции перед гласным: *лезу* — *лесенка*.

[6] См. прим. 2.

[7] Орфоэпические нормы современного русского языка обнаруживают более сложную и более дифференцированную картину поведения конечных согласных префиксов перед палатализованными зубными и *j*. В частности, для случаев типа *снизить* предписывается, в противоположность данным Трубецкого, мягкое произношение префикса, а для *въезд* допускается двойное (твердое и мягкое) произношение. И только для *подлизывать* современное произношение (с твердым согласным на конце префикса) соответствует норме, описанной Н. С. Трубецким. См. Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1972, с. 108–128; Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1985.

[8] Согласно современной произносительной норме, в словах *бездна*, *безвозмездный* группы *здр* могут сохраняться.

[9] Современное: *казах* — *казахский*.

[10] Отсутствуют чередования и сохраняются группы *кск* также в *каракалпакский*, *иракский*, *узбекский*, *таджикский*, *франкский*, *тюркский*, *баскский*, *корякский*.

[11] В словах *советчик*, *заводчик* и под. нет основания усматривать суффикс *-щик*. Ср. *флейтщик*, *орнаментщик*, *алиментщик*, *комплиментщик*, *монументщик*, *процентщик*, где этот суффикс в той же позиции сохраняется без изменения.

[12] К этому же типу относятся: (*потатчик* ← *потакать*), (*картотетчик* ← *картотека*). Написание *-тчик* в этих случаях следует считать орфографической передачей геминированного *чч*, возникающего в результате чередования *к* — *ч* в исходе корня: *кабак-чик* → *кабач-чик* (ср. *добыча* → *добытчик*). Можно думать, что подобная орфография опирается на регулярное соотношение многочисленных дериватов на *-тчик*, произносимых точно так же, то есть с геминированным *чч*, и их производящих основ с конечным *-т*. (*летать* — *летчик*).

[13] Произношение *дегтя*, *ногтя*, *когтя* с *х* является для современного узуса архаизмом.

[14] В действительности, таких "исключений" немало: *бегство*, *герцогство*, *герцогский*, *магдебургский*, *гамбургский*, *strasбургский*, *петербургский*, *екатеринбургский*, *нюрнбергский*, *гаагский* и т.п.

[15] Сочетание "согласный + л" сохраняются также в: *смысл*, *нагл*, *смугл*, *кругл*, *подл*, *тускл*, *рыхл*, *дрякл*, *пошл*, *щупл* и под. Фонетически здесь несомненно присутствует вокалический элемент (или слоговость *л*), но морфонологически консонантные группы в исходе предикативов остаются невокализованными, в отличие, например, от *кислый* — *кисел*. Ср. также *пестрый* — *пестр*, но *острый* — *остер*; *бодрый* — *бодр*, но *хитрый* — *хитер*.

[16] В современном языке *ночник* произносится только с *ч*.

[17] Современная норма допускает и *в цеху́*, и *в цехе*. Ср. также *на газу́* (и *на газе*), *в гриппу́*, *на шкафу́*, *на штифту́*, *в аэропорту́*, *в отпуску́* (и *в отпуске*) и др.

[18] Современное ударение: *фóто*.

[19] Современное произношение соответствует написанию: *мешочник*.

[20] Современная произносительная норма соответствует написанию: *запрячь* — *запряг*, а произношение с *е/о* считается устаревшим.

[21] Современное произношение — *нёсший*.

[22] Современное произношение — *простёрший*.

[23] Ср. также *печь* — *пёк*, *сечь* — *сёк*, *влечь* — *влёк* и их приставочные производные; *потреплет* — *потрёпанный* и т. п.

[24] Подобное чередование имеет место у всех однокоренных глаголов с другими приставками: *подвёртывать*, *причёсывать*, *развёртывать*, *расчёсывать* и т.д., а также в: *лечь* — *полёживать*, *-тешет* — *обтёсывать*, *треплет* — *потрёпывать*, *шепчет*

– *нашёптывать, хлещет – захлёстывать, плещет – расплёскивать, блещет – поблёскивать, метит – намётывать.*

[25] Сюда же *хлеб – прихлёбывать, зев – позёвывать, кочевье – перекочёвывать, треплет – трёпка, клевет – поклёп.*

[26] Современная норма не допускает произношения *плóтит, дóрит, сóдит, кóтит.*

[27] Такая форма в современном языке отсутствует.

[28] Сюда же: *ожог – обжиг – жгу, жом – нажим – жму, замок – отмычка – отомкну, препона – запинка – запнуться, ров – прорыв – рву, стол – подстилка – стлать* и т. п.; ср. также *сполох – полыхать.*

[29] К названным четырем глаголам следует прибавить еще *жать, жну – обжинки, дожинки, зажин.*

[30] Современная норма: *толклá*; следовательно, автоматическое правило распределения вариантов корня с гласным и с нулем не выдерживается.

[31] Кроме перечисленных 12 корней, подобное чередование характерно для корня *пнуть – -пинать.*

[32] Справедливость интерпретации Трубецкого подтверждается продуктивностью образований с суффиксом *-ануть*: *долбануть, стегануть, щелкануть, черкануть, плескануть, шипануть, черпануть, кусануть, крутануть, психануть* и т.п., среди которых есть и глаголы, не имеющие параллельных форм с суффиксом *-ну-*.

[33] Современный узус свидетельствует об обратном отношении: абсолютно преобладают вокализованные префиксы (*собирать, совершать*).

[34] К перечисленным существительным следует добавить *пламя.*

[35] Современная норма не допускает произношения с мягким конечным согласным.

[36] В современном узусе – только *песен* (род. мн.), то есть победило произношение, воспринимавшееся Трубецким как архаическое и книжное.

[37] В современном языке – только *личико.*

[38] В соответствии с современной нормой эти глаголы, как и все остальные глаголы этого типа, имеют в 1-м лице ед. ч. наст. вр. формы с *ж*: *учрежу, возрожу.*

[39] В современном языке уменьш. *хребтик* неупотребительно.

[40] В оригинале ошибочно "имперфектива".

С. М. Толстая

”О ЗВУКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА И РАСПАДЕ ОБЩЕРУССКОГО ЯЗЫКОВОГО ЕДИНСТВА”

Статья Н. С. Трубецкого ”О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства” входит в группу его работ, объединенных методом и комплексом идей, которые непосредственно связаны с утраченным большим трудом ”Опыт праистории славянских языков” (см. примеч. на с. 436). Помимо комментируемой, сюда можно отнести статьи: ”К истории задненебных в славянских языках” (с. 168–179), ”Возникновение общезападнославянских особенностей в области консонантизма” (с. 180–195), ”Носовые гласные в лехитских языках” (с. 199–209) – и не вошедшие в настоящий сборник: ”Об отражении общеславянского *ę* в чешском языке” („Slavia“, VI, 1928), ”Die Behandlung der Lautverbindungen *tl, dl* in den slavischen Sprachen“ („Zeitschrift für slavische Philologie“, Bd. II, 1925). Сохранившиеся работы данного цикла (и их подборка в настоящем издании) достаточны для понимания замысла автора и отправных идей этого потерянного исследования.

В сущности, Н. С. Трубецкой поставил себе задачу построения пространственно-хронологической модели фонетических процессов праславянского языка периода распада общеславянского единства и единства региональных групп. Основная идея этой модели в отношении к восточнославянскому хорошо объяснена самим Н. С. Трубецким в письме к Р. О. Якобсону от 1 июня 1923 г. (см. прим. на с. 427).

Тот же принцип моделирования проведен им и в статье "Возникновение общезападнославянских особенностей в области консонантизма" (с. 180–195). В целом этот принцип можно, по-видимому, описать следующим образом: диалектные различия появляются из-за столкновения "инновационных волн", идущих из разных центров и возникающих в результате десинхронизации процессов, вызванных в основе единой тенденцией, или в результате процессов, вызванных различными способами разрешения одного и того же противоречия в прасистеме (см. "К истории задне-небных в славянских языках"). Сама десинхронизация объясняется как естественный результат снижения интенсивности языкового общения между разными частями территории, занимаемой языком, и замедления распространения инноваций.

Подробное моделирование звуковых переходов, пожалуй, — одна из наиболее характерных черт русской (фортунатовской) школы компаративистики, и в этом Н. С. Трубецкой следует ее традиции. Новое, что внесено им, это стремление увидеть в многообразии конечных рефлексов и предполагаемых переходов единое "глубинное" изменение в системе языка, которое может заключаться, например, в скрытых от непосредственного наблюдения изменениях в слоговой структуре слова (ср. "регрессивный сдвиг слоговой границы", с. 182–185) или в системе противопоставления фонем (ср. с. 173–179), и строить модель всего многообразия этих изменений как пространственно-временной континуум.

Степень "срегулированности" всех частей модели Н. С. Трубецкого (в том числе и той ее части, которая относится к интерпретации им акцентологических процессов) заслуживает специального изучения. Что касается тех сторон модели, которые представлены в публикуемых здесь статьях, то в данном аспекте она представляется внутренне непротиворечивой, т.е. ее принятие или отклонение зависит лишь от истинности или ложности фактических посылок и тех теоретических постулатов, которые положены в ее основу. Большинство из них (непосредственно или в преобразованном виде) вошло в фонд положений современной исторической фонологии и лингвогеографии. А основные принципы Н. С. Трубецкого отразились так или иначе в последующих работах даже тех исследователей, которые не приняли его конкретных предложений. Ср., например, рассмотрение праславянских фонетических процессов в "Очерке сравнительной грамматики славянских языков" С. Б. Бернштейна (см. с. 47, 127, 147, 189, 203–205, 208–209, 256, 294, где отклоняются фактически все представленные в данных статьях предложения Н. С. Трубецкого), в котором можно обнаружить то же стремление к сведению праславянских процессов к внутреннему единству и построению модели фонетического развития в пространственно-временном континууме.

Следует отметить, что Н. С. Трубецкой достаточно строго отличает интерпретационную сторону реконструкции от тех ее моментов, которые даются непосредственно компаративистской процедурой. Он в целом не выходит за пределы возможностей, предоставляемых последними, но в ряде случаев показывает внешний по отношению к ним характер выводов, которые делались, якобы, на основании выводов компаративистской процедуры (см. "Носовые гласные в лехитских языках", с. 199–209).

Статья Н. С. Трубецкого "О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства" вызвала довольно резкую критику со стороны А. М. Селищева (см. А. М. С е л и щ е в. Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов. — „Slavia“, VII, вып. 1, 1928; перепечатано в: А. М. С е л и щ е в. Избранные труды. М., 1968, с. 31–40). А. М. Селищев исходил из традиционной точки зрения на отношения трех славянских языковых групп и приложил основные усилия к демонстрации недоказанности главнейших постулатов Н. С. Трубецкого с позиций компаративистской процедуры. Сам А. М. Селищев не эксплицирует различия между последней и ее интерпретацией, однако этот момент достаточно выясняется в ходе дискуссии между ним и Н. Н. Дурново, выступившим в защиту модели Н. С. Трубецкого (см. Н. Н. Д у р н о в о. Несколько замечаний к вопросу об образовании русских языков. — ИРЯС, т. II, кн. 2, с. 713–718 и ответ А. М. Селищева "О критических замечаниях Н. Н. Дурново". — ИРЯС,

т. III, кн. 2; перепечатано в: А. М. Селищев. Избранные труды. М., 1968, с. 41–44).

А. М. Селищев в своем основном выводе был, конечно, прав: общность процесса $g \rightarrow \gamma$ в восточнославянских с аналогичным процессом в западнославянских языках не доказана Н. С. Трубецким, так же как не доказан общерусский характер совпадения s и $\check{s}$, перехода $*tl, *dl \rightarrow kl, gl$ или перехода $\check{s}\check{c}, \check{z}\check{d}\check{z} \rightarrow \check{s}\check{x}, \check{z}\check{y}$. Однако все это фактически и не опровергается. С другой стороны, как было показано Н. С. Трубецким, крайне уязвима и традиционная интерпретация результатов компаративистской процедуры.

Таким образом, интерпретационные схемы (или модели) фонетических процессов (лучше так называть этот тип модели, а не реконструкционной схемой, как это названо у А. М. Селищева) оказываются в известной степени автономными по отношению к непосредственному результату сравнения и могут иметь свои, внутренние основания для оценки. Возможность построения нескольких непротиворечивых интерпретационных моделей фонетического развития при одном уровне данных, полученных компаративистской процедурой, является, по-видимому, важнейшим выводом, который может быть сделан из рассматриваемых работ Н. С. Трубецкого и последовавшей дискуссии.

Значение всего этого цикла работ Н. С. Трубецкого заключается в том, что они ввели системный принцип в построение интерпретационной части реконструкции, особенно в построение развернутых моделей фонетического развития, одновременно показав возможность установления относительно жестких теоретических рамок для такого рода построений.

Дальнейшие работы по древнейшему членению восточнославянских диалектов в основном следовали либо схеме А. А. Шахматова (см., например, Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, с. 68–70), либо использовали схему Н. С. Трубецкого – Т. Лер-Сплавинского; см., например, Г. А. Хабургаев. Этнонимия "Повести временных лет". М., 1979, где представлены также доказательства возможности гетерогенности племенных диалектов, на основе которых сложился древнерусский (восточнославянский) язык. На эту последнюю возможность указывают и современные акцентологические исследования.

В. А. Дыбо

* * *

Посылая Н. Н. Дурново дубликат корректуры своей статьи, Трубецкой пишет: «Это – сокращенное извлечение из курса исторической грамматики русского языка, читанного мной здесь в 1923/24 году» (TLN, с. 427, письмо от 24 февраля 1925 г.). В письме Р. О. Якобсону от 1 июня 1923 г. Трубецкой пишет: «...я набросал статью о хронологии некоторых фонетических явлений древнерусского языка и надеюсь успеть подготовить ее для напечатания в "Славии"*». Думаю, что статья будет небезынтересна, т.к. кое-что представляю в новом свете. Основная мысль: распадение древнерусского языка на наречия малорусское, белорусское и великорусское было обусловлено не столько специальными диалектическими изменениями, не вышедшими за пределы данного наречия, сколько теми общерусскими явлениями, распространение которых с юго-запада на северо-восток шло очень медленно. К таким явлениям, кроме падения глухих и перехода $ky, gy, hy > ky, gy, hy$, отношу, между прочим, и упразднение музыкальных различий. Далее устанавливаю, что явления, распространявшиеся по древней Руси с юго-запада на северо-восток, б.ч. были явлениями общими и для некоторых других славянских диалектов, тогда как изменения, идущие с северо-востока на юго-запад, носили специфически русский характер (иногда, может быть, были отзвуками инородческого влияния) и не выходили за пределы восточного славянства. Надеюсь, недельки через две статью окончательно обработать. Не знаю только, кому ее послать.» (TLN, с. 49).

* Статья была опубликована в „Zeitschrift für slavische Philologie“; см.: «Статью о распадении общерусского языка я отправил Фасмеру: она попадет во второй выпуск его журнала...» (письмо Якобсону от 18 августа 1924 г.) (TLN, с. 61).

Письмо от 18 июля 1923 г. Трубецкой целиком посвящает своей статье, по-видимому, отвечая на вопросы, поставленные в письме Якобсона: «... Очень благодарю Вас за обстоятельное письмо и за справки о работах Васильева. Я в истории русского языка, как и вообще в славистике, занимаюсь пока преимущественно тем, что за деревьями стараюсь разглядеть лес, т.к. по-моему это теперь уже возможно, а между тем, мало кто это делает. Взглянув на историю развития и распада общерусского языка с высоты, как говорится, птичьего д'оазб, я поразился логичной стройностью общей картины. Собственно, все сводится к одному основному и совершенно простому факту: русская территория соприкасается с другими славянскими языками только в западной и юго-западной своей части. Отсюда — следствия: все явления, общие всем или нескольким соседним славянским языкам, попадают сначала в западные и юго-западные говоры и уже оттуда распространяются дальше на северо-восток. Частные случаи — двух родов. Во-первых, некоторые из таких явлений так и не распространились на часть говоров, непосредственно не соседящих с другими славянами. Этот случай имел место в древнейшую эпоху два раза, причем оба раза незатронутыми оказались некоторые северные говоры. Сюда я отношу: 1) пришедший с славянского юга и не коснувшийся части севернорусских говоров переход t_l, d_l в l и 2) пришедший с запада (ср. чеш., словацк., лужицк.) и не затронувший значительной части северных говоров переход $g > \gamma$. Во-вторых, некоторые из явлений, общих соседним славянским языкам, хотя и охватили, в конце концов, всю русскую территорию, но на юго-западе и западе появились значительно раньше, чем на севере и востоке, причем изменения, имевшие место между этими двумя моментами, естественно, имели на севере и востоке другие последствия, чем на юге и западе. Сюда я отношу 1) общее всем славянам падение глухих (на русском юго-западе — в начале второй половины XII в., на северо-востоке — во второй половине XIII в.), 2) общее всем славянам, за исключением сербов и словенцев, упразднение музыкальных различий, 3) общий полякам, лужичанам и "поморско-полабским" славянам переход $ku, gu (\gamma u)$ в $k_i, g_i (\gamma_i)$ (хронология пригл. та же, что и для падения глухих). Между концом юго-западного и началом северо-восточного упразднения музыкальных различий произошла дифтонгация акутованного o ; результат: она не могла распространиться на юго-западные и западные говоры, уже не знавшие музыкальных различий. Между концом юго-западного и началом северо-восточного падения (и прояснения) глухих произошли следующие явления: 1) сокращение долгот; результат: великор. *конь* с таким же o , как *мороз*; ср. малор. (сев.) *куонь* : *мороз*; 2) ассимиляция в группе "мягкая зубная + j "; результат: ассимиляция не коснулась северо-востока, где между зубной и j еще существовала слабая глухая; 3) усиление слабого i в начале слова: оно не могло коснуться юго-западных говоров, где слабые глухие уже пали (малор. *з хати, грати* и т.д.); 4) усиление слабых z, v после группы "согласная + плавная" в начале слова не могло проникнуть сколько-нибудь интенсивно на юго-запад, где слабые z, v уже пали и плавные между согласными были уже на пути к превращению в новые сочетания с гласными; 5) переход yi, u в z, v перед j не мог проникнуть на юго-запад, т.к. там в звуковой системе уже не было гласных z, v .

Таким образом, оказывается, что все явления, распространившиеся до XIV в. с юго-запада на северо-восток, были явлениями общими славянским языкам. Замечательно, что те явления этой эпохи, которые возникали на юго-западе, но не были известны соседним славянам, почему-то на северо-восток не шли. Сюда я отношу специально малорусское отверждение мягких зубных и губных перед слоговыми гласными переднего ряда (после юго-западного падения глухих, но до ассимиляции $t'j$ в $t't'$), которое без всяких видимых причин — как будто только потому, что неизвестно было соседним славянам, — так и не вышло за пределы малорусской области. Последствиями этого явления со временем явились некоторые особенности малорусского языка, именно смещение yi и u , различие e и z , отсутствие z в таких случаях, как *меду*. — В противоположность явлениям, распространявшимся с юго-запада на северо-восток, явления, возникавшие самостоятельно на севере или востоке, носили всегда специфический характер и являлись либо униками в славянстве (*мбю, шэя, дрожать, слеза* (второе полногласие)),

либо (реже) отзывались инородчиной: псковские *кл, гл* из *tl, dl* Соболевский* сближает с литовским (точнее, литовско-латышским) переходом *tl, dl > kl, gl*, а цоканье можно бы сопоставить с тем фактом, что западнофинские языки утратили различие между угрофинск. *š* и *ś***.

Как видите, до XIV в. вся эволюция русской фонетики управляется единым принципом, логически вытекающим из географического положения русской территории по отношению к территории других славянских языков. Результатом этой эволюции является вполне обозначившееся в XIV в. распадение русского языка на четыре основных наречия: м.-р., б.-р., сев.-в.-р. и юж.-в.-р. (понятно, с переходными говорами).

Начиная с XIV в. (б.м., уже с самого конца XIII), картина эволюции теряет свою стройность и перестает управляться единообразными принципами: чувствуется, что единство нарушено и что отдельные наречия приобрели значительную автономию. Это замечается уже в явлениях начала XIV (б.м., даже самого конца XIII) в., к каковой эпохе приходится отнести отвердение *ш, ж, ц* и качественные изменения неударяемых гласных. Тут происходит здоровая путаница, в которой трудно разобраться. Так, напр., казалось бы, что отвердение *ш, ж, ц*, известное всем соседним славянским языкам, должно было бы распространяться с юго-запада на северо-восток. Между тем многих малорусских говоров (и как раз западных) оно не коснулось вовсе, а в малорусских памятниках отражается вообще позже, чем даже в московских. Любопытно еще одно явление. В южновеликор. говорах с диссимилятивным яканьем "обоянско-донского" и "суджанского" типов безударные *о* (из *ö*) и *а* после шипящих трактуются так же, как после исконно твердых согласных, не совпадая с *е*, напр.: *жана, шагать ~ шистнацать; шатёр ~ жирёбая*. Между тем не только в великорусских умеренно-якающих, екающих и икающих говорах, но и в великорусских и белорусских говорах с яканьем жиздринского типа безударные *а, о* после шипящих вполне совпадают с *е*, точно так же, как после мягких согласных. Отсюда вытекает, что во всех этих говорах *ш* и *ж* отвердели уже после перехода (из безударн. *а, о*) в *е* после мягкого согласного, а в говорах "обоянско-донского" и "суджанского" типа — до этого перехода, т.е. выходит, что в "обоянско-донских" и "суджанских" говорах, расположенных, в общем, на юго-восток от белорусской территории, *ш* и *ж* отвердели раньше, чем в белорусском языке. В чем тут дело, понять не могу. В общем, области, где существуют сейчас эти типы диссимилятивного яканья, колонизованы сравнительно поздно, но самые типы — архаичны. Даже предполагая переселения, все-таки не выпутываешься из затруднений.

Для истории качественных изменений неударяемых гласных нужно проделать огромную работу перегруппировки того материала, с которым до сих пор оперировали. Как раз в этом вопросе особенно ярко сказывается неправильность методологической системы школы Шахматова, устанавливающей границы говоров, и не явлений, и исходящей из сложившихся говоров, которые затем "смещиваются". Можно установить следующую последовательность основных явлений: 1) переход неудар. *ѣ* в *е* (в белор. области параллельно безударное *ŷö > o*); 2) совпадение неудар. *о* с *а* в одном звуке *ɔ* (заднего ряда, среднего подъема, нелабиализ.); 3) переход неудар. *ѡ* (и *а*) в *е* после мягкой согласной; 4) переход *ѡ* и *е* в *а* и непосредственно предударном слоге. Каждое из этих явлений имеет свою территорию: 1-е и 3-е заезжают в сев.-великорусскую область, 2-е и 4-е не касаются этой области. В общем ясно, что границы 2-го и 4-го явлений совпадают друг с другом, но относительно 1-го и 3-го явлений того же с уверенностью сказать нельзя. Принятое в московской диалектологической карте деление сев.-великорусских говоров не дает никакого ответа на этот вопрос и приходится для решения его обратиться к сырому материалу, что за пределами России невозможно. Между 3-м и 4-м моментом следует поместить еще один, именно — сужение безударного *е* в *ѣ* и *ѡ* в

* А. И. С о б о л е в с к и й. Важная особенность старого псковского говора. — "Русский филологический вестник", т. 62, № 3—4, с. 231—234.

** В. Ч е р н ы ш е в. Как произошла мена с и ѣ в русских говорах. — "Русский филологический вестник", т. 42, 1902, с. 117 и сл.

”ъ”. Оба происходили в ограниченной области диссимилятивно акающих говоров при определенных условиях даже в непосредственно предударном слоге (при наличии в следующем слоге *a* и т.д.), прочие же говоры либо совсем не знали сужения, либо знали его лишь в не-непосредственно предударных слогах. Но кроме этого параллельного сужения неудар. *e* и *o* в *e* (*ε*) и *ъ* (*a*), надо принять и специальное сужение *e* перед мягкими согласными — явление, трудно отделимое от перехода ударяемого *e* в *e* перед мягкой согласной. Переходу в *a* подлежало, разумеется, только не суженное безударное *e*. В говорах ”обоянско-донского” и ”жиздринского” типов переход *e* в *a* (яканье) наступает даже перед мягкой согласной. В говорах умеренно якающих диссимилятивное сужение вовсе не наступило, а сужение *e* перед мягкой согласной наступило до перехода непосредственно предударного *e* в *a*. Итак, в областях обоянско-донского и жиздринского яканья переход *e* в *a* начался раньше, а сужение *e* перед мягкой согласной — позже, чем в областях умеренного яканья. Но между этими двумя областями находится промежуточная область суджанского яканья, отличающаяся тем, что в ней и сужение диссимилятивное и сужение перед мягкой согласной произошли до перехода *e* в *a* (полагаю, что Дурново* прав только отчасти и что для объяснения суджанского типа необходимо допустить и чисто фонетический момент сужения перед мягкой согласной). Если исходить из такого понимания дела, то важно картографировать не типы аканья — яканья, а типы (и комбинации типов) сужения, притом для каждого типа отдельно, — иначе границы будут перекрещиваться.

Впрочем, все это — частности, ”деревья”. Для общей картины важно то, что даже такие основные явления, как отверждение шипящих и качественные изменения неударяемых гласных, протекавшие в самом конце XIII и в начале XIV века, дробятся на ряд мелких процессов, из которых каждый охватывает разные группы говоров и распространяется от одной группы к другой в какой-то беспорядочной хронологической последовательности.

Что касается до явлений позднейших, то они и вовсе ”бестолковы”. Строго говоря, ни одного не только общерусского, но и общевеликорусского, общемалорусского и общебелорусского явления после половины XIV в. указать нельзя (разве — переход -л в -ў в белор. и малор. да приставное *e* перед *ω* в великор., — если мое понимание этого *e* правильно): ведь дзеканье и отверждение *p* нельзя назвать общебелорусскими, а переход *ъ* в *e* не является общим южно-великорусским явлением. Можно считать, что с XIV в. русский язык окончательно распался. Период до XIV в. интересен именно потому, что распадение происходит на наших глазах, по строгим правилам, которые мы можем видеть и понимать.

Я ”излил” Вам свое понимание русской фонетики (в области морфологии картина приблизительно та же), чтобы дать Вам представление о том уклоне, в котором я теперь работаю. К сожалению, живя за границей, можно работать над историей русского языка именно только ”с высоты птичьего д’оаз’о”.

По поводу тех соображений о дифтонгах, которые Вы приводите в Вашем последнем письме, должен сказать следующее. Ваше скептическое отношение к белорусским дифтонгам** мне кажется неправильным. Прежде всего, исторической базой западно-русского письменного языка явился язык виленских канцелярий, т.е. белорусское, а не малорусское наречие. Когда же центр русской умственной жизни в литовско-русском государстве перенесся в область малорусского наречия, этот центр оказался за пределами северномалорусских говоров, в такой области, где дифтонги уже успели превратиться в *i*. Таким образом, я не вижу оснований предполагать, чтобы южнобелорусские говоры могли заимствовать

* Н. Дурново, Н. Соколов, Д. Ушаков. Опыт диалектологической карты русского языка.— ”Труды Московской Диалектологической Комиссии”, т. 5, 1915; Н. Дурново. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. 1. № 2: там же, т. 7, 1918.

** ”Изучив опубликованный материал, относящийся к диалектным белорусским дифтонгам, для доклада на семинаре Н. Н. Дурново, Якобсон пришел к выводу об их случайном и совершенно нерегулярном характере”. (Прим. Р. О. Якобсона — см. TLN, с. 55).

у северномалоруссов дифтонги в порядке "моды". Наоборот, то обстоятельство, что в сев.-малор. говорах дифтонги имеются только под ударением и что в этих говорах существует аканье, приводилось как доказательство заимствования дифтонгов сев.-малорусами у белорусов. Я бы и с этим не согласился. По-моему, уж если говорить о "моды", то модой является именно отсутствие дифтонгов. Дифтонги сохранились хорошо только в самых "немодных" болотистых местах, а чем дальше из Полесья, тем их меньше. Несомненно, что сейчас дифтонги в Белоруссии вымирают, и что этот процесс вымирания начался уже давно. Шел он, вероятно, с севера Белоруссии: в Смоленске ъ совпало с е уже в первой трети XIII в. Но я не вижу оснований предполагать, что в тех белорусских говорах, в которых дифтонги еще есть, они являются чертой новой, наносной.

Что касается до великорусского ω , то я думаю, что его смело можно признать общевеликорусским, в такой же мере, как общевеликорусским является ъ: ведь и се.- и юж.-великорусские говоры, в которых ъ перед твердыми согласными не перешло в е, различают ω и о; и наоборот, всюду, где различие между ω и о неизвестно, ъ перед твердыми согласными звучит как е; исключения составляют только те новгородские говоры, в которых ъ перед твердыми согласными звучит как і, но надо еще проверить, нет ли и в них различия между ω и о — ведь на это различие многие прежние наблюдатели просто не обращали внимания. В пользу общевеликорусского ω говорит также и тот факт, что слова с приставным в перед ω существуют, по-видимому, во всех великорусских говорах. А между тем можно совершенно не сомневаться в том, что это в развивалось только перед ω , не перед о. Брок прямо говорит, что в Тотемском говоре о в начале слова стоит часто, и "ô" — никогда; и тот же Брок приводит тотемск. *vôseĭn*, *vôstroĭ* с приставным v перед ô (ω). Из слов, принимающих приставное в в великорусских говорах, по-видимому, нет ни одного, которое имело бы о из о, а не из ω ; единственное известное мне исключение это — *вóвцы*, которое я слышал от одной тульской мясницки, но здесь в, м.б., и не фонетического происхождения. Таким образом, принимаю, что некогда (в XIV в. еще наверняка) ω так или иначе отличалось от о во всех чисто великорусских говорах — северных, средних и южных. Спрашивается только, почему теперь в одних говорах ω и ъ как особые звуки сохранились, а в других дали о и е. Мне кажется, причина сохранения дифтонгов лежит в особой адаптации предшествующих согласных, что особенно ясно из описаний Брока. Процесс совпадения ъ с е был задержан тем, что различие перенеслось на согласную, смягчение перед ъ усилилось, перед е ослабло (после j различия нет вовсе). Точно так же обстоит дело и с ω и о, только там дело касалось не смягчения, а лабиализации. Ваше наблюдение, что в великорусских говорах с дифтонгами особенно часты случаи сохранения старого е (из е, ъ) перед твердыми согласными, находит объяснение именно в том, что смягчение согласных перед е в этих говорах вообще первоначально было ослаблено, а для перехода е в *ě* неизменным условием является смягчение, притом сильное, предшествующей согласной.

Что касается до Вашего объяснения *тово*, то принципиальной разницы с моим объяснением нет: безразлично, переходило ли в v звонкое придыхание h или непридыхательный приступ гласной; важно, что это v появляется только перед ω (*тов ω* , *нов ω ст*, *коров ω д*, но — *бо ω татый*). Разница между ними только та, что я объединяю под одну формулу и *восемь* и *тово*, тогда как у Вас должны получиться две разные формулы.» (TLN, с. 51–57).

Вопросы, связанные со статьей Трубецкого, занимают центральное место в его переписке с Н. Н. Дурново. Так, в уже цитированном письме от 24 февраля 1925 г. Трубецкой пишет: «... Методологические приемы, примененные мною в прилагаемой статье к исторической фонетике русского языка, я теперь широко применяю к исторической фонетике других славянских языков и к сравнительной фонетике славянских языков, причем результаты обнаруживаются очень любопытные. Картина распада общеславянского праязыка получается совершенно новая, и отношения между отдельными языками зачастую предстают в неожиданно новом виде. Главное, получается всегда известная внутренняя логика самой эволю-

ции, причем обнаружение этой логики большей частью оказывается совершенным сюрпризом для самого исследователя.» (TLN, с. 427).

В следующем письме от 8 марта 1925 г. Трубецкой отвечает на замечания Н. Н. Дурново: «Очень благодарю Вас за интересное письмо и за ценные замечания о моей статье. Некоторые исправления на основании этих замечаний мне удастся ввести в текст статьи, но, к сожалению, многого исправить уже нельзя, ибо Фасмер и типография и так уже ворчат, что я слишком много вношу изменений в уже набранный текст: у немцев теперь прескверная привычка присылать первую корректуру не в гранках, а уже в окончательно набранном виде.

Термин „Zeitabschnitt 1164 – 1282“ для меня не более как алгебраическая формула. Строго говоря, надо было бы назвать этот период „промежутком между концом юго-западного и началом северо-восточного падения глухих“. Но этот термин слишком громоздкий. Я долго придумывал более короткий термин, но так и не изобрел ничего подходящего. Тогда я решил взять два крупных и хорошо всем известных памятника – один южный, другой северный, – в которых падение и прояснение глухих выступало бы с непреложной достоверностью, и остановился на *Добр. Ев.* и *Новг. Кормч.* В примечании я разъяснил условность этих хронологических дат. – О хутынской грамоте* мне, признаюсь, ничего не было известно. Впрочем, даже если принять, что падение глухих на севере произошло уже в начале XIII в., это ничего не меняет в моем построении: надо будет только всю хронологию сдвинуть немного назад, т.е. считать, что на юге падение глухих произошло, скажем, в начале XII в. Даже если бы у нас вообще не было никаких памятников XII – XIII вв., можно было бы на основании одного только анализа отличий великор. от малор. и белор. прийти к выводу, что на юго-западе падение глухих произошло раньше, чем на северо-востоке. Во всяком случае, я к этому выводу пришел именно таким путем, и только уже придя к нему, нашел ему подтверждение в памятниках.

Что касается до совпадения у с і в малор., то я именно во внимание к карпато-русским говорам выразился осторожно: „совпадение *ы* с *и* (или, точнее, переход *и* в *ы*)“. Думаю, что это правильно: переход *и* в *ы* можно, действительно, считать общемалорусским, ибо он имеется и в карпато-русских говорах, и если там *и* и *ы* различаются, то не потому, что *и* сохранилось без изменения, а потому, что изменилось старое *ы*.» (TLN, 428–429).

Статье посвящена и большая часть письма Трубецкого к Дурново от 20 октября 1925 г.: «Очень благодарю Вас за Ваше обстоятельное и интересное письмо о моей статье в Фасмеровском журнале. Многие из Ваших замечаний приемлю с благодарностью, но с другими никак согласиться не могу.

В защиту Шахматова Вы приводите, что он в своих лингвистических построениях опирался на историю. По-моему, именно это и плохо. Историки, в сущности, знают очень мало о древнейшем периоде жизни русского племени и сами обращаются за сведениями к нам, лингвистам. В частности, на построения Шахматова историки теперь постоянно ссылаются, сопровождая свои ссылки замечаниями вроде „как теперь доказано современными лингвистами“. А между тем то, что в данном случае, якобы, „доказано“, доказано не Шахматовым-лингвистом, а Шахматовым-историком, который в глазах настоящего специалиста-историка, конечно, не мог бы иметь такого авторитета, как Шахматов-лингвист. Происходит недоразумение. Я считаю, что во избежание подобных недоразумений лингвисты должны строить свои построения сначала чисто лингвистически, без оглядки на историю: такое чисто лингвистическое построение затем может быть подвергнуто историческому толкованию и в этом случае явится для историков гораздо более ценным материалом, чем построения вроде шахматовских, являющиеся, в сущности, лишь лингвистическим толкованием предвзятой теории, ведущей свое начало от старых историков...

Теорию Лера я потому считаю парадоксальной теории Шахматова с точки зрения Шлейхеровского представления об эволюции языка, что с точки зрения

* „Вкладная грамота преп. Варлаама Хутынского монастырю“ (после 1192 г.).

Лера отличия с.-в.-р. от ю.-в.-р. древнее, чем отличия ю.-в.-р. от м.-р., т.е. отличия между двумя говорами одного языка древнее отличий между двумя языками*. Шахматов же, стоя на точке зрения Шлейхера, непременно требует, чтобы сначала образовались языки, а потом эти языки распались на говоры**. Максимум, что он мог допустить, это чтобы с.-в.-р. отличия возникли одновременно с различиями между ю.-в.-р. и м.-р. Между тем это неправильно: м.-р. — вообще сравнительно позднее образование (по крайней мере в фонетике и в морфологии; в словаре, вероятно, различия начались очень рано).

Вы пишете: "русско-центральная эпоха древнее русско-югославянской". — Согласен с Вами в том смысле, что черты, объединяющие русск. яз. с западнославянскими, в общем возникли раньше, чем черты, обособляющие зап.-слав. языки от русск. и от южнослав. Но существование особой русско-южнослав. эпохи я просто отрицаю. Среди черт, обособляющих зап.-слав. языки от остальных славянских, положительно нет ни одной, которая требовала бы предположения специально русско-югославянского изменения, не распространившегося на зап.-слав. языки. Так, польск. *kwiat*, чеш. *květ* и т.д. объясняются тем, что в зап.-слав. диалектах смягченные *k, ĝ, x* еще до своего изменения в *ć, ź, ś* отвердели перед мягким *ú*, тогда как в русск. и югослав. диалектах *k, ĝ, x* в этом положении *не* отвердели, а позднее на общих основаниях изменились в *ć* и т.д. Польск. *ziemia*, чеш. *země* (западнослав. *žeina) объясняется исчезновением *j* после мягкой губной внутри слова в зап.-слав. диалектах, а русск. *земля*, серб. *земља* свидетельствуют о том, что это исчезновение *j* было специально зап.-славянским и на прочие праслав. говоры не распространилось. Точно так же и различие между зап.-слав. *radlo* и русск.-праслав. и южно-праслав. *gaŕo* вовсе не указывает на какое-то общерусско-югослав. изменение, что я доказываю в статье, имеющей появиться в ближайшей книжке журнала Фасмера***. Дело в том, что *d, t* исчезали перед *l* во всех праслав. говорах только при том условии, когда слоговая граница лежала между зубным взрывным и последующим *l*: поэтому, напр., в югослав. *dlanь*, где этого условия не было, *d* сохранилось, а в общеслав. *mast-lo, *vest-lo, *čist-lo и т.д. *t* исчезло во всех говорах, в том числе и в западных. В случаях *radlo, *mydlo, *vedlъ, *pletlъ первоначально граница лежала между взрывной и плавной (это — индоевропейское положение дела, засвидетельствованное греческой и др.-индийской метрикой); но к концу общеслав. эпохи (непосредственно перед падением еров) во всех говорах в комбинации "шумная + плавная" произошел сдвиг слоговой границы (напр., *тъг-la*, *тъ-gla*), как о том свидетельствует выпадение *ь* в таких случаях, как *м(ь)гла*, *ст(ь)клянка* и т.д.: различие между зап.-слав. *radlo* и югослав. и русск. *gaŕo* объясняется тем, что упомянутый сдвиг слоговой границы распространился с северо-запада на юг и на восток и что ко времени изменения *d-l > l* слово *radlo* произносилось на северо-западе уже как *ga-dlo*, а на юге и на востоке — еще по-старому, то есть как *rad-lo*. — Гипотеза Шахматова о русско-югославянском единстве**** есть опять-таки пример лингвистического обоснования теории, созданной первоначально историками вне отношения к лингвистике ("славяне и анты"). Если бы этой нелингвистической исторической теории не было, то, исходя из одних лингвистических фактов, никто бы никогда гипотезы русско-югославянского единства не построил. Ведь, напр., в области словаря (что всего важнее!) специально русско-югославянских совпадений (за вычетом чисто книжных) нет, а русско-западнославянские очень многочисленны.

* T. L e h r - S p ł a w i ń s k i. Stosunki pokrewieństwa języków ruskich. — „Rocznik Slawistyczny“, IX, № 1, 1921, p. 23-71.

** См.: А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, с. III—VIII и 287—354; A. S c h l e i c h e r. Die Formenlehre der kirchenslawischen Sprache. Bonn — Vienna — Prague, 1852, p. 26-30; "Краткий очерк доисторической жизни северо-восточного отдела индогерманских языков". — "Записки Имп. Академии Наук", т. VIII, отд. 2. СПб., 1865, с. 8 и сл.

*** „Die Behandlung der Lautverbindungen *tl, dl* in den slavischen Sprachen“. — ZmPh., II, 1925, SS. 117-122.

**** А. А. Шахматов. Цит. соч., с. XVII и §§ 177—188.

Вы пишете: «Изменения њj > њ́ и т.п. — черта общеславянская, не усвоенная только с.-в.-р.». Никак не могу с этим согласиться. У сербов њ из њj и њ́ из њ́j совпали друг с другом совсем недавно: в далматинских памятниках *њj, *љj дало nj, lj (писали ng, lg), которые еще в XVI в. отличались от настоящих њ́, њ́́ (писали gn, gl). В западнославянских языках j после ь выпало еще до падения и прояснения еров: это явствует не только из долготы в таких случаях, как чеш. znamení, sudí, kostí (твор. ед.), польск. kością, диал. znańé, sędźá, кашуб. koscā, swińā и т.д., но и из непрояснения ь предшествующего слога в чеш. словах на -ství (-ъstvъje) и особенно в совершенно изолированном и потому особенно доказательном чешском p̄iští < p̄ištъje. Таким образом, в зап.-слав. не могло произойти изменения њ́j > њ́́ > њ́́́ по той простой причине, что там j исчезло еще раньше, чем могло успеть выпасть перед ним ь. Итак, для XII или XIII в. изменение њ́j > њ́́ можно предполагать только в вост.-слав. языках (в болгарских говорах дело не совсем ясно).

«Нужно ли для *слѣные* предполагать jj?» — спрашиваете Вы. — Я в этом вопросе выбрал осторожную формулу и всюду говорю о "jj или j̄j". Положение мне рисуется в следующем виде. Строго говоря, мы не знаем, что звучало между гласными — j или j̄. Ясно только, что в известную эпоху в *слѣные, добрые* перед последней гласной звучал другой звук, чем в *слѣное, доброе*: м.б., в *слѣные* звучало j, а в *слѣное* — j̄, а, м.б., и наоборот, — этого мы не знаем, — но, во всяком случае, звуки были *качественно* различны. Однако это качественное различие невозможно объяснить иначе, как возведя его к различию *количественному*, т.е. предположив, что в еще более древнюю эпоху в *слѣное* звучал перед конечным e краткий звук (j̄ или j), а в *слѣные* — соответствующий долгий звук. Получился же этот долгий звук из сочетания междугласного j (или j̄) с последующей сложной гласной iê (ѣ, ё).

Вы предполагаете, что второе o в γογοd было редуцированным. Не вижу для этого оснований, ибо в bogodā, γòγoda это второе o не выпало, а редуцированные гласные в таком положении выпадали. Кроме того, в случаях, как mogòz, kogòva уже никак нельзя предполагать редуцированного o, ибо оно носило на себе ударение.

Не вижу основания предполагать, чтобы циркумфлекс на русской почве сократился точно так же, как на западнославянской. На западнославянской почве сокращение циркумфлекса я приписываю прогрессивному сдвигу слоговой мелодии, на русской же почве такого сдвига не было. Все это стоит в связи с моей концепцией музыкального качества общеслав. ударения* (особенно в „Streitberg-Festgabe“, S. 395–396).

Предполагаю, что ̄o давало ̄oo независимо от интонации. Дело в том, что я положительно отрицаю, что качество интонации могло непосредственно влиять на качество артикуляции гласных. Все изменения, которые толкуют таким образом, всегда гораздо проще объясняются иначе. Если внимательно и непредубежденно вслушаться в интонационные различия, напр. в сербском или в литовском языке, то легко убедиться в том, что такие различия могут породить различия количественные, но никак не качественные (артикуляционные).

Закон о том, что свободное количество несовместимо со свободным экспираторным ударением, впервые был формулирован Якобсоном (в его книге "О чешском стихе...")**. Я проверял его на большом материале и не нашел исключений. Приводимые Вами в.-р. zāknōm, rābédəť исключениями не являются, т.к. для языкового сознания они разлагаются на za+aknōm, ra+abédaf и, следовательно, не имеют свободного количества в точном смысле этого слова (как фонологического фактора). Во время написания моей статьи у меня было только одно исключение — осетинский язык, в котором, по описаниям В. Ф. Миллера***, есть и свободное ударение и свободное количество; однако исключение это потом

* „Zum urslavischen Intonationssystem“. — In: „Streitberg-Festgabe“. Leipzig, 1924.

** Р. Якобсон. О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским. Москва — Берлин, 1923, с. 24.

*** В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, II. Москва, 1882.

разъяснилось, ибо в недавно вышедшей работе Абаева об осетинском ударении* ясно доказывается, что ударение в нем не свободное, а зависит от количества (ударение лежит на втором слоге, но перетягивается на первый, если этот первый слог долг, а второй краток). Т.о., исключений, по-видимому, нет.

Относительно аканья, я все-таки не вижу надобности возводить все типы аканья к одному основному. Что касается до *o* в моем 4-м пункте, то я упоминаю его потому, что границы распространения 2-го изменения (делабиализация неударяемого *o*) не совпадают с границами распространения 4-го изменения (сужения неударяемых гласных): в малорусских говорах, не знающих делабиализации безударного *o*, неударяемые гласные (в том числе и *o*) звучат "закрытее", "уже", чем соответствующие ударяемые, и то же отмечалось (если не ошибаюсь, напр. Броком)** для некоторых с.-в.-р. говоров. Да и в нашем литературном произношении там, где неударяемое *o* сохранилось (напр. в энклитиках *но, что, его, ее* или в некоторых иностранных словах, напр. *этнография* — по крайней мере, в произношении некоторых индивидов), это *o* звучит уже, чем нормальное ударяемое (зато в слове *поэзия* я, по крайней мере, произношу *o* открытое: во всяком случае, произношение *паэзия* с *a* режет ухо). Узость или закрытость гласных я здесь беру как понятия чисто акустические: м.б., тут нет настоящего напряжения мускулов языка, а просто менее широкий раствор рта. Т.о., сужение и редукция в принципе друг другу не противоречат.» (TLN, с. 435–440).

А. Ю. Русаков

"ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОБЩЕЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ В ОБЛАСТИ КОНСОНАНТИЗМА"

Статья непосредственно связана с утраченной работой Трубецкого "Опыт праистории славянских языков" (см. примечания к статье "Носовые гласные в лехитских языках" в наст. изд.). Вот что пишет по этому поводу сам Трубецкий в письме к Р. О. Якобсону летом 1928 г. (письмо без даты): «У Фасмера находится большая моя статья о полабских редуцированных гласных. Она была бы очень уместна в моей книге о полабском языке и поэтому я непременно хочу ее от Фасмера выудить. А чтобы не вышло обиды, я решил послать ему взамен другую, именно — о происхождении особенностей западнославянского консонантизма. Т.о., эта глава праистории будет напечатана в ближайшее время (статья уже почти закончена).» (TLN, с. 115).

В письме Якобсону от 15 января 1925 г. Трубецкий высказывает соображения, близкие проблематике статьи: «Спасибо за интересное письмо (...) Соображения Н. Н. Дурново об отношениях чешского языка к словацкому очень интересны, но я пока не могу с ними согласиться***. Мне кажется, что древнейшие отличия словацкого от чешского такого же "хронологического" происхождения, как те отличия между русскими наречиями, о которых я говорил в своем докладе на "заседании" у Вас на квартире****. Так, изменения $dj > \acute{z}$ и $\acute{z} > \acute{z}$ оба общечешско-словацкие, но у чехов $dj > \acute{z}$ произошло раньше, чем $\acute{z} > \acute{z}$ (и поэтому здесь не только $vítěz < vit'a^N\acute{z}$, но и $meze < me\acute{z}a < medja$); у словаков же, наоборот, $dj > \acute{z}$ произошло после $\acute{z} > \acute{z}$, и потому здесь *z* получилось только из $\acute{z}$, восходя-

* В. И. Абаев. Об ударении в осетинском языке. — "Доклады Российской Академии Наук", окт.-дек. 1924.

** О. Брок. Описание одного говора...

*** «В письме Якобсона переданы устные размышления Дурново о современной конвергенции генетически различных проточешского и протословацкого». (Прим. Р. Якобсона.)

**** «Во время визита Трубецкого в Чехословакию импровизированные встречи русских лингвистов, сопровождавшиеся докладами и дискуссиями, происходили большей частью в квартире Якобсона». (Прим. Р. Якобсона).

щего к $\acute{g}$, а z — из dj сохранилось без изменения. Объясняется это тем, что волна $dj > \acute{z}$ шла с севера на юг (она есть у поляков и лужичан, но отсутствует у сербов и словенцев), волна же $\acute{z} > \acute{z}$ — с юга на север (она есть у сербов и словенцев, но отсутствует у поляков). В пращешско-словацкой области обе волны скрестились, и в результате порядок их наступления в сев.-зап. части этой области был иной, чем в юго-вост. Такими же хронологическими различиями я объясняю отношения между среднесловацк. диал. *gazum, gavnú* и чеш. *gozum, govnu*. Это стоит в связи с моей общей теорией эволюции сочетаний *ort, tort* и т.д. (...) М.б., и различия в трактовке $\acute{x}$ (= $\acute{s}$ или $\acute{\$}$), — если они вообще фонетического происхождения, — основаны на таких же хронологических различиях...» (TLN, с. 75–76).

А. Ю. Русаков

”НОСОВЫЕ ГЛАСНЫЕ В ЛЕХИТСКИХ ЯЗЫКАХ”

В письме из Софии от 1 февраля 1921 г., излагая Р. О. Якобсону план восстановления своей утраченной в Ростове рукописи ”Опыт праистории славянских языков”, работа над которой была начата еще в Кисловодске, Н. С. Трубецкой отмечает: «...До сих пор я восстановил только две первые главы первого отдела, причем получилось уже 120 страниц большого формата (почерк мой довольно убористый). Теперь у меня вышла задержка, т.к. приходится ждать выхода из переплетной университетской библиотеки книжки Нича по польской диалектологии, без которой я не могу приступить к ”носовым гласным” (по моему — ”сочетания долгой неносовой гласной с редуцированной носовой согласной”). Все же я думаю, что вряд ли закончу первую часть до конца лета. Ко всему прочему присоединяется еще одно обстоятельство. Вследствие моей непростительной печатобоязни и лени у меня накопилось значительное число работ по отдельным вопросам не славянского, а общеиндоевропейского языкознания, в которых я существенно расхожусь с обычными мнениями. Т.к. в моей работе мне, особенно в первых главах каждого отдела, постоянно приходится аргументировать из области индоевропейского языкознания, то я вынужден вставлять эти мои частные исследования в виде экскурсов в самый текст работы (...). Поэтому я теперь склоняюсь к тому, чтобы все эти экскурсии сначала напечатать отдельно, в виде журнальных статей, с тем чтобы потом на них просто ссылаться.» (TLN, с. 8).

Позднее, в письме от 28 июля 1921 г. замысел книги пересматривается: «К своей ”Праистории” я сильно охладел. Думаю: не остроумнее ли будет разбить ее на отдельные статьи и печатать наиболее интересное в разных журналах. Я надеюсь продвинуть в „Revue des Ét. Sl.“ схему древнейшего развития вокализма вместе с теорией второго смягчения (*отць, кьназь* и т.д.). М.б., и теория носовых гласных туда же влезет. А то уж очень громоздка выходит ”Праистория”. Впрочем, пока еще я в нерешимости.» (TLN, с. 24).

Первая статья о некоторых фонетических явлениях общеславянского была опубликована Трубецким уже в следующем, 1922 г. („Essai sur la chronologie de certains faits phonétiques du slave commun“. — RESL., 1922, t. 2, p. 217–234). К ”теории носовых гласных” он возвращается уже после переезда в Вену, как видно из письма от 27 ноября 1923 г.: «Я за это время успел написать только две статьи — одну по-русски, для ”Славии”, о полабских отражениях общеслав. *о, другую по-французски, для „Revue“, о носовых гласных в ляшских языках (вообще за последнее время занимался больше ляхами, в частности полабами). Статью в ”Славию” уже отправил, но ответа еще не получил, а французскую еще отделяваю.» (TLN, с. 59–60).

Н. Л. Сухачев

РАЗДЕЛ II

КОММЕНТАРИИ К КАВКАЗОВЕДЧЕСКИМ РАБОТАМ Н. С. ТРУБЕЦКОГО

Н. С. Трубецкого по праву можно назвать основоположником сравнительно-исторического изучения севернокавказских (и особенно восточнокавказских) языков. Его пионерские работы по исторической фонетике этих языков до сих пор сохраняют большую ценность для севернокавказского языкознания. Однако за полвека, прошедшие со времени публикации его кавказоведческих статей, в этой области достигнут немалый прогресс, объясняемый улучшением наших знаний по отдельным севернокавказским языкам (Трубецкому приходилось в основном опираться на во многом неточные записи А. Дирра). Вышли в свет работы Е. А. Бокарева и Б. К. Гигинейшвили по восточнокавказской исторической фонетике, А. Кейперса, Г. Деетерса, К. В. Ломтатидзе по западнокавказской исторической фонетике, "Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков" А. К. Шагирова и многие другие работы. В настоящее время к публикации готовится большой этимологический словарь севернокавказских языков.

В работах Н. С. Трубецкого используются различные системы транскрипции кавказских фонем, что сильно усложняет чтение. Ниже мы приводим сводную таблицу транскрипций, которые употребляются Трубецким, а также некоторых современных транскрипций. В столбце 1 приводится транскрипция, которую Н. С. Трубецкой применил в работе "Латеральные согласные в севернокавказских языках", в столбце 2 — из работы "Исследования в области сравнительной фонетики севернокавказских языков", в столбце 3 — из работы "Севернокавказские словарные сопоставления", в столбце 4 — из работы "Системы согласных в восточнокавказских языках", в столбце 5 приводится стандартная транскрипция Кафедры структурной и прикладной лингвистики МГУ, в столбце 6 — транскрипция кавказских согласных, принятая в работах тбилисской школы кавказоведов. Символ С обозначает "любой согласный".

C', C	Č, Č'	C	C, C'	C	C
Č, Č'	Č, Č'	Č, Č'	Č, Č'	C'	C.C
CC	Č, Č'	CC	Č, Č'	C'	C.C'
—	Č, Č'	Č, Č'	Č, Č'	C ^w	C.C'
Č	C ^w	Č	Č	C	C.C'
—	—	C ^ε	C ^ε	C ^w	C.C'
x	x	x	x	C ^w	C.C'
x	x	x	x	C	C.C'
γ̃	—	g	g	C ^w	C.C'
γ	γ	γ	γ	C	C.C'
—	—	—	G	C ^w	C.C'
c, s, z	c, s, z	c, s, z	c, s, z	C	C.C'
č, š, ž	č, š, ž	č, š, ž	č, š, ž	C'	C.C'
—	—	č, š, ž	—	C ^w	C.C'
—	—	č, š, ž	č, š, ž	C	C.C'
—	—	č, š, ž	—	C'	C.C'
dz	ž	ž	ž	C ^w	C.C'
dz	ž	ž	ž	C	C.C'
—	—	ž	—	C'	C.C'

—	—	č̇, ṧ, ž̇, ʒ̇	č̇, ṧ, ž̇, ʒ̇	č̇ ^v , ṧ ^v , ž̇ ^v , ʒ̇ ^v	č̇ ^o
—	—	č̇, ṧ, ž̇, ʒ̇	č̇, ṧ, ž̇, ʒ̇	č̇ ^v , ṧ ^v , ž̇ ^v , ʒ̇ ^v	—
λ ^{o2}	η̇	η	η	č̇ ^v , ṧ ^v , ž̇ ^v , ʒ̇ ^v	l ^o
λ	η̇	ηη	η	č̇ ^v , ṧ ^v , ž̇ ^v , ʒ̇ ^v	l ^{o2}
l̇	—	l̇	l̇	č̇ ^v , ṧ ^v , ž̇ ^v , ʒ̇ ^v	l̇
λ̇	—	η̇	—	č̇ ^v , ṧ ^v , ž̇ ^v , ʒ̇ ^v	l̇
[λ̇] ³	λ ^o	λ	λ	č̇ ^v , ṧ ^v , ž̇ ^v , ʒ̇ ^v	l̇
λλ	λ̇	λλ	λ̇	č̇ ^v , ṧ ^v , ž̇ ^v , ʒ̇ ^v	l̇
[λ̇] ³	λ̇	λ̇	λ̇	č̇ ^v , ṧ ^v , ž̇ ^v , ʒ̇ ^v	ṫ
λ̇	λ̇	λ̇λ̇	λ̇	č̇ ^v , ṧ ^v , ž̇ ^v , ʒ̇ ^v	ṫ
l̇	—	ḋl̇	λ̇	č̇ ^v , ṧ ^v , ž̇ ^v , ʒ̇ ^v	ḋ
h	h	h	h	č̇ ^v , ṧ ^v , ž̇ ^v , ʒ̇ ^v	h
ε	ε	ɔ	ɔ	č̇ ^v , ṧ ^v , ž̇ ^v , ʒ̇ ^v	ω
ḣ	ḣ	ḣ	ḣ	č̇ ^v , ṧ ^v , ž̇ ^v , ʒ̇ ^v	ḣ
—	—	ẇ	—	č̇ ^v , ṧ ^v , ž̇ ^v , ʒ̇ ^v	ω ^o

Примечания к таблице.

¹ Противопоставление палатализованных и непалатализованных шипящих согласных встречается только в западнокавказских языках; в восточнокавказских все шипящие обычно палатализованные.

² О трактовке латеральных согласных у Трубецкого см. прим. к с. 236 в статье "Латеральные согласные в северокавказских языках". Следует еще специально отметить, что бацбийский $\check{x}$ в статье "Системы согласных в восточнокавказских языках" обозначается как $\underset{\cdot}{l}$ (см. с. 285), а также что знак $\underset{\cdot}{l}$ в передаче арчинских слов обозначает глухую латеральную аффрикату $\check{k}$.

³ Знаки λ' и λ мы используем в комментарии к статье "Латеральные согласные в восточнокавказских языках" (см. прим. к с. 236).

⁴ В некоторых восточнокавказских языках противопоставлены эмфатический ларингальный взрывной ʔ и спирант ʕ . В комментариях к статьям Трубецкого мы обозначаем взрывной знаком э.

В комментариях к каждой статье мы, по возможности, используем ту же транскрипцию, что и Н. С. Трубецкой. В записях реконструированных форм мы также следуем транскрипции, принятой в каждой статье, но с одним отклонением: поскольку в правосточнокавказском (и прасеверокавказском) следует различать сильные (глухие непридыхательные) согласные и геминаты (геминированными могли быть любые аффрикаты, в том числе сильные), мы при реконструкции во всех случаях обозначаем сильные знаком — (то есть * λ , * c , * c и т.п.). В комментарии к статье "Латеральные согласные в северокавказских языках" реконструированные восточнокавказские латеральные выглядят, поэтому, так:

* $\check{x}$ = * λ'	* $\check{k}$ = * λ'	* $\check{k}\check{k}$ = * $\lambda\lambda$
* $\check{x}$ = * λ	* $\check{k}$ = * λ	* $\check{k}\check{k}$ = * $\lambda\lambda$
	* $\check{k}'$ = * λ	* $\check{k}'\check{k}'$ = * $\lambda\lambda$
	* $\check{g}$ = * $\underset{\cdot}{l}$	* $\check{g}\check{g}$ = * $\underset{\cdot}{l}\underset{\cdot}{l}$

В комментариях используются сокращения: ПА — праандийский, ПВК — правосточнокавказский, ПД — прадаггинский, ПЗК — празападнокавказский, ПЛ — пралезгинский, ПН — пранахский, ПСК — прасеверокавказский, ПЦ — працезский.

С. А. Старостин

"ЛАТЕРАЛЬНЫЕ СОГЛАСНЫЕ В СЕВЕРНОКАВКАЗСКИХ ЯЗЫКАХ"

[1] В абхазской группе сейчас принято выделять два языка: абхазский и абазинский.

[2] Для некоторых языков Н. С. Трубецкой использует устаревшие и непотребительные сейчас названия, которые мы в переводе изменили: 1) черкесский (circassien) — на адыгейский; 2) дидойский (dido) — на цезский; 3) капучинский (капуĉи) — на бежитинский; 4) хюркилинский (hurq'ili) — на урахинский (далее в переводе мы пишем просто "даргинский", поскольку Н.С.Трубецкой использует урахинский диалект в качестве основного источника даргинских данных); 5) кюринский (k'üri) — на лезгинский; 6) джекский (dzek) — на кризский.

Классификация, предложенная Н. С. Трубецким, в целом сохраняется по сей день со следующими уточнениями:

1) языки подгруппы Б сейчас объединяются под общим названием "аваро-андо-цезские", причем цезские языки (к которым добавлены еще гинухский, инхокваринский и гунзибский) выделяются в особую ветвь (см. об этом "Исследования..." в наст. сб., с. 247 и комментарии к этой статье).

2) Единицы, включенные в группу Д, сейчас считаются диалектами даргинского языка (ср. комментарии к статье "Системы согласных в восточнокавказских языках", с. 469—470 наст. сб.).

3) Самурские языки (группы Е) в настоящее время объединяются вместе с арчинским (группа Г) и удинским (группа Ж) в одну лезгинскую группу.

[3] Здесь автор не совсем точен: каб. ł также является спирантом ł .

[4] Убыхский имеет все те же латеральные фонемы, что и адыгские языки (т.е. ł , λ и λ').

[5] В ингушском, как и в чеченском, латеральные отсутствуют.

[6] Описание аварского не совсем точно (оно уточнено Н. С. Трубецким в его работе "Исследования..." — см. с. 248—249 наст. сб.). На самом деле, то, что Н. С. Трубецкой обозначает здесь как λ — сильная смычно-гортанная аффриката; λ' — слабый глухой спирант; λ — сильный глухой спирант; $\lambda\lambda$ — сильная глухая аффриката. В остальных аваро-андийских языках набор латеральных разный, но эти четыре фонемы, действительно, представлены всюду; отметим, однако, что ахвахский имеет еще слабую глухую аффрикату (обозначим ее здесь, в соответствии с принципами Трубецкого, как λ') и слабую смычно-гортанную аффрикату (поскольку смычно-гортанные аффрикаты и спиранты нигде не противопоставлены, обозначим ее как λ , то есть тем же знаком, что и адыгский смычно-гортанный спирант). Такую же слабую смычно-гортанную аффрикату имеют диалекты андийского и каратинского языков, а также ряд южноаварских говоров (см. комм. к статьям "Исследования...", с. 448, "Системы...", с. 471 и сл.). Что касается цезских языков, то поскольку в них противопоставление по силе — слабости отсутствует, то все современные цезские языки имеют по три латеральных согласных. В соответствии с транскрипцией Н. С. Трубецкого это: λ — абруптивная аффриката, $\lambda\lambda$ — глухая аффриката и λ — глухой спирант.

[7] В описании арчинского языка, так же, как и в описании аварского, в результате недоброкачественных записей Дирра допущена неточность. В арчинском, действительно, есть звонкий спирант ł , но он выступает только как позиционный вариант смычно-гортанного λ перед звонкими (по λ 'дом': nołdór 'домá'). Тот же звук, который Н. С. Трубецкой обозначает как ł (= η у Дирра), на самом деле представляет собой глухую латеральную аффрикату (и последовательнее было бы обозначить ее как $\lambda\lambda$). Об арчинской системе см. "Системы..." с. 314—316 наст. сб. и комментарии к этой статье.

[8] Хотелось бы уточнить, а именно: палатализованные шипящие $\check{s}$, $\check{z}$ (твердые шипящие $\bar{s}$, $\bar{z}$ также есть в абхазском, но они не соответствуют адыгейским латеральным).

Не вполне ясно, что Н. С. Трубецкой имеет в виду под абх. $\check{s}$ (в примерах $\check{r}\check{s}$ -(ba), $-\check{s}$ -, $\check{s}a$): в абхазском нет абруптивных спирантов, и в упомянутых словах абхазский имеет простой $\check{s}$.

[9] Необходимо дать некоторые исправления: уб. bly 'семь'; каб. ly 'мясо'; адыг.- $\text{p}'\lambda$ - (не $\text{p}'\lambda!$), абх.- $\text{p}'\check{s}$ - (не $\text{p}'\check{s}!$) 'смотреть'; уб. $\text{p}'\lambda\text{y}$ (не $\lambda a!$), абх.- $\text{p}'\check{s}$ - (не $\text{p}'\check{s}!$) 'четыре'; абх. $\text{qar}'\check{s}$ (не $\text{qar}'\check{s}!$) 'красный'; абх.- $\check{s}$ - 'убивать'; абх. $-\check{s}a$ 'кровь'.

Можно полагать, что соответствия латеральных согласных в западнокавказ-

ских языках несколько более многообразны. В ПЗК латеральные, как и прочие согласные, могли обладать тембровыми признаками палатализации и лабиализации. Соответствия, указанные Н. С. Трубецким, отражают только палатализованные латеральные в ПЗК (сохранившие латеральный характер в адыгском и убыхском). Прочие латеральные во всех трех подгруппах утратили латеральность, но могут быть восстановлены по особым рядам соответствий, представленным на их месте в современных языках. См. С. А. Старостин. Реконструкция праабхазоадыгской системы согласных. — В сб. "Конференция «Проблемы реконструкции»". М., 1978, с. 96–101.

[10] О развитии *λ' в андийских языках (и о том, что здесь в общеаваро-андийском было две фонемы — *λ' и *λ̣) см. "Исследования...", с. 250 и комментарий к этой работе.

[11] Автор не вполне прав: на самом деле в цезских языках сильной смычно-гортанной аффрикате λ̣ соответствует не спирант, а глухая аффриката (в соответствии со сказанным выше о транскрипции мы записываем ее здесь как λλ), то есть: хварш. оλλ, цез. оλλ, бежит. алл'семь'; цез. биλλ'кишка' и т.д. (см. Е. А. Бокарев. Сравнительно-историческая фонетика восточнокавказских языков. М., 1981, с. 31).

[12] Как мы уже говорили, Н. С. Трубецкой исходил из неточных записей А. Дирра и потому он не знал о наличии в ахвахском, каратинском и в диалектах андийского языка особой слабой смычно-гортанной фонеме λ̣. Эта фонема непосредственно восходит к ПА *λ̣ и дает в остальных андийских языках, как правило, l или ' , а в аварском отражается как ṭ (см. Т. Е. Гудавя. Консонантизм андийских языков. Тбилиси, 1964, с. 133–135), в цезских же ей соответствует λ̣ (см. Е. А. Бокарев. Цит. раб., с. 30).

Примеры 'рука' и 'крыша', таким образом, демонстрируют не спорадический переход *λ̣ в l, но особую аваро-андо-цезскую фонему *λ̣. В каратинском и в ахвахском представлены не ге̣ла, λ̣амі, а ге̣ла, λ̣амі. Следует отметить, что в авар. ге̣ла соответствует не гу̣л, но га̣та 'передняя нога (животного)' (южн.-авар. га̣ла), а λ̣амі — не λ̣о 'мост', а южн.-авар. λ̣ом 'крыша' (авар. λ̣о 'мост' имеет другие андийские параллели: кар. λ̣егу, чам. λ̣е̄ и т.д. 'мост'); см. Гудавя. Цит. раб., с. 134–135. В слове 'бровь', на самом деле, наблюдается нерегулярное колебание *λ̣ и *λ̣ (*λ̣ отражается в анд. linsib и тинд. акн. inset, а *λ̣ — в авар. и прочих андийских языках; см. Гудавя. Цит. раб., с. 136, 143).

[13] Здесь Н. С. Трубецкой слишком категоричен: соответствия между арчинским λ, λ' и λλ и аварскими не вполне однозначны (см. ниже).

[14] На месте аваро-андийских λ̣' (у Трубецкого эта фонема не отличается от λ') и λλ сейчас восстанавливаются общевосточнокавказские латеральные аффрикаты (у Гигинейшвили — *λ̣' и *λλ̣ соответственно; см. Б. К. Гигинейшвили. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977, с. 93–94, 97; у нас — *λ̣', *λλ̣ и *λλ̣ — см. комм. к "Исследованиям...", с. 463 наст. сб.).

Остаются случаи, когда в аваро-андийском, действительно, представлены латеральные спиранты (λ' и λ). В этих случаях Бокарев (цит. соч., с. 24–25) и Гигинейшвили (цит. соч., с. 121–122, 127–128) восстанавливают слабый *λ' на месте ПА *λ' и сильный *λ на месте ПА *λ (в отличие от Трубецкого, восстанавливающего здесь велярные *x, *xx).

Все эти реконструкции нуждаются в некоторой модификации. Реально между лакской и аварской силой/слабостью не обнаруживается прямой корреляции (то есть налицо не только соответствия "авар. λ':лак.х" и "авар. λ:лак.хх", но и соответствия "авар.λ':лак.хх", авар.λ:лак.х"). Ср. при авар.λ'eze 'класть' лак. -iž'in (-i-x'uga) (пример III А а 3), но при авар. га̣л'ad 'море' (ахв. ге̣л'а) — лак. ххiṛi; при авар. λin 'вода' — лак. ššin (пример III А б 1), но при тинд. тiла 'подол' — лак. тах' (ген. мн.ч. тах'urdil) — то же. Аналогичная неоднозначность наблюдается и в других языках с различием сильных/слабых спирантов (даргинском, лезгинском).

Мы получаем, таким образом, много рядов соответствий для аваро-андийских латеральных спирантов. Ключ к решению этой проблемы лежит, по нашему мнению, в нахских языках. Дело в том, что кроме рефлекса χ (кстати, не х, как

указано у Трубецкого, а χ , поскольку в нахских языках велярные спиранты отсутствуют), в нахских встречаются также рефлексy 1 и *f (> инг. f, чеч. h), а также рефлекс l χ (Трубецкой не отделил его от рефлекса χ). По всей видимости, нахские f, l, l χ являются рефлексами ПВК латеральных спирантов, а нахский χ — рефлексом ПВК велярных спирантов. Соответствия выстраиваются следующим образом (рефлексию в цезских языках мы здесь не приводим; см. С. Л. Николеев. Реконструкция фонетической системы працезского языка. — В сб.: "Конференция «Проблемы реконструкции»". М., 1978, с. 87–89):

а) нелабиализованные:

ПВК	ПН	авар.	ПА	лак.	дарг.	ПЛ
* λ'	l	λ'	λ'	x'	xx	λ
* λ	l	λ	λ	h x'	xx	λ
* x'	χ	λ'	λ'	x'	x'	λ'
*xx	χ	$\lambda, -\lambda'$	$\lambda, -\lambda'$	xx	x'	λ

Мы видим, что в аваро-андийском велярные латерализовались, но все спиранты сохранили исходное противопоставление по силе/слабости; лакский сохранил только сильный xx, ослабив при этом старый * $\lambda > x'$; даргинский отражает старые латеральные как сильные, а велярные — как слабые; аналогичное усиление латеральных произошло в ПЛ, где, однако, противопоставление по силе/слабости сохранилось у исходных (впоследствии латерализовавшихся) велярных.

б) лабиализованные:

ПВК	ПН	авар.	ПА	лак.	дарг.	ПЛ
* $\lambda'w$	f-, l χ	$\lambda'(w)$	$\lambda'(w)$	h xx	xx(w)	$\lambda'(w)$
* λw	f-, l	x λ	x λ	h xx	? $x'(w)$	$\lambda(w)$
* $x'w$	χ	x(w)	xw	x'	xx(w)	$\lambda'(w)$
*xxw	P χ -, χ	x λ'	λ'	xx	xx(w)	$\lambda(w)$

Мы видим, что лабиализация несколько повлияла на рефлексy спирантов: в андо-аварских языках появляется рефлекс *xw (отсутствующий только у * $\lambda'w$); латеральные рефлексy в рядах * λw и *xxw объясняются ранней позиционной делабиализацией. Лакский отражает велярные лабиализованные так же, как велярные простые, а латеральные лабиализованные в нем усиливаются (рефлекс h в лакском, по-видимому, спорадически заменяет как x' , так и xx). ПЛ сохранил исходное противопоставление по силе/слабости, а даргинский как будто бы отражает все лабиализованные как сильные (но * λw в известных случаях дает $x'w$ — причина такого ослабления не ясна).

Следует также остановиться на рефлексах в даргинских диалектах и в лезгинских языках:

а) и урахинский, и акушинский диалекты отражают ПД x' как $\check{s}$, а xx — как x (противопоставление x' —xx сохраняется, например, в чирагском диалекте). Лабиализованные $x'w$ и xxw в акушинском отражаются как h, но как -x в ауслауте; урахинский отражает $x'w$ как h(w) (в инлауте -wh-, в ауслауте -w), а xxw — как h, но в ауслауте — -x (опять-таки в чистом виде оппозиция $x'w$ — xxw сохраняется в некоторых диалектах типа чирагского);

б) из лезгинских языков арчинский сохраняет исходную систему в чистом виде (только в ауслауте сильные спиранты ослабляются). Цахурский имеет рефлексy: * $\lambda' > x'$, * $\lambda'w > x'(w)$, * $\lambda > x'$, -xx-, * $\lambda w > x'$, -xx(w) (т.е. сильные сохраняются в инлауте). Рутульский всегда имеет x, xw (в некоторых диалектах — xw > f). В агульском диалекты, сохраняющие силу/слабость, имеют * $\lambda' > x'$, * $\lambda > xx$ или $\check{s}\check{s}$ ($\check{s}\check{s}$ в кошанском диалекте), * $\lambda'w > f'$, * $\lambda w > ff$; остальные диалекты имеют только x и f. В табасаранском северный диалект имеет: * $\lambda' > x'$, * $\lambda > xx$, * $\lambda'w > f'$, * $\lambda w > ff$; южный диалект (и литературный язык) имеет только x, f. Кроме того, в

табасаранском происходит палатализация перед передними гласными: *λ' > x' > š', *λ > xx > šš. Лезгинский отражает *λ' как x, *λ как ʃ (ž или j перед передними гласными) (в литературном лезгинском — ʃ > g). ПЛ *λ'w > лезг. f, ПЛ *λw > лезг. f||w (по диалектам — иногда с диалектным смешением рефлексов); в ахтынском диалекте *λw в анлауте дает š(w)||ž(w). Крызский язык имеет *λ', *λ > x (но š в ауслауте), *λ'w, *λw > f. Будухский язык: *λ', *λ > x, а *λ'w, *λw > f. Удинский язык обычно отражает все латеральные спиранты как x, но иногда на месте *λ имеем qx (в удинском встречаются и другие случаи факультативного колебания спирантов и аффрикат на местах старых сильных спирантов).

Иная ПЛ реконструкция (вместо *λ' — *x', а вместо *λ — *ʃ) предложена Б. Б. Талибовым (см. Б. Б. Т а л и б о в. Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1980, с. 320—324); она, однако, менее согласуется с данными арчинского и других восточнокавказских языков, а также не учитывает многих диалектных данных.

[15] Из примеров, приведенных в п. а, четыре (1,5—6,9) содержат в аваро-андийском не *λ', но *λ' и соответственно демонстрируют рефлексы ПВК *λ'. Отметим, что в примере 1 буд., крыз. не ššibu, а šibu 'три' (в этих языках нет šš); лак. š'am, видимо, не относится к рассматриваемому корню (ожидалось бы šš'), поскольку лак. -m- не может восходить к *-b-; вместе с хинал. pšwa 'три' и табас. simi- в simičur '30', агул. sin- в sinçur — то же, лак. š'am нужно возводить к иному ПВК корню (с палатальным *śś).

Хварш. gela 'ночь' — андийское заимствование. Из лезгинских языков к авар. gel'eda и т.д. лучше было бы привлечь не лезг. jif 'ночь' (вместе с табас. jišš, арч. iš', уд. üše, гунз. niše 'ночь', восходящее к другому ПВК корню), но цах. ехха 'вечер', рут. ухə 'поздно', арч. ле-ttu-t 'поздний'.

Один пример (10) содержит рефлекс ПВК лабиализованного *λw.

Из остальных примеров три (№ 2 'быть', № 3 'класть', № 8 'вилы') отражают ПВК *x', а три (№ 4 'варить', № 7 'солнце', № 11 'палка') — ПВК *λ' (при этом пример 11, за неимением других языков, кроме лак. и дарг., может отражать как *λ', так и *λ).

Некоторые исправления и дополнения:

№ 2: лезг. през. žeda является супплетивным и к данному корню не относится (ср. к нему табас. šuz, крыз. šegi и др.). Ср. еще чеч., бацб. -āx- 'жить'.

№ 3: из форм, приведенных у Трубецкого, нужно исключить арч. -eλλas (= elas) и табас. а-хиз (эта форма вообще значит 'падать' и относится к другому корню; арч. -elas нужно, скорее, связывать с цах. -ixhes 'попадать, оказываться' и др., а к рассматриваемому корню привлечь арч. -el'as 'хоронить').

№ 4: в табас. и агул. -xx- (в диалектах, сохранивших сильные спиранты).

№ 7: дарг. baŋi вряд ли сюда относится (не ясен ни начальный b, ни срединные g и h). Все андийские языки, действительно, имеют слабый λ'.

№ 8: ср. еще ахв. λ'apu, лак. x'ula 'вилы'.

[16] Из примеров, приведенных в п.б, один демонстрирует рефлекс ПВК сильной лабиализованной аффрикаты *λw (№ 2 'жидкий'), еще один демонстрирует рефлекс геминаты *λλ (№ 3 'шесть'). Исправим неточности: 2) арч. λата-; лак. x'utu-; цах. x'imà-; 3) ахв., тинд. inλλi, чам. anλλi; лак. gāx; буд., крыз. гуху-. Ср. еще арч. diλ', уд. iqχ (лезгинские формы отражают ПЛ аффрикату *λ'), дарг. ureg-al 'шесть'.

Рефлекс *λλ также может отражать и пример 6 ('мы'), хотя здесь многие языки обнаруживают нерегулярности (не исключено, что здесь нужно восстанавливать редкий для ПВК звонкий спирант *l).

Собственно спиранты представлены в примерах 1, 5, 7, 8. Прокомментируем эти и остальные примеры:

№ 1: исправления и дополнения: цез. λi; табас. ššar (лит. šid); агул. xhed (бурш. ššer, бурк. хег); крыз. хäd; буд. хад; чеч. χi. Ср. еще дарг. šin (сирг. hin, ПД *x'in) 'вода'. Здесь ПВК *xx.

№ 4: исправления и дополнения: лак. xχu-; дарг. šu-, šwa- (а не hu) (< ПД *x'u-; ср. чир., куб. x'u-); арч. ло, лwe-, табас. ххu-, крыз. fu-; уд. qxo; чеч., инг.

рхі', бацб. рхі. По-видимому, здесь ПВК *ххw (по цезским, лезгинским, нахским и лакским рефлексам: в лакском находим хх вместо ожидаемого хх из-за фарингализации). Нерегулярно ослабление *ххw > х' в даргинском (возможно, результат ранней делабиализации). Особую проблему представляет авар. ššu-, ахв. iⁿšš-tu- и другие анд. 'пять'.

№ 5: здесь, видимо, два (а не три) корня:

а) авар. ладі, лак. ššar, агул. хіг, лезг. *jir. Сюда же относится еще цах. х'уwyl'na (< *х'ур-) 'самка', дарг. чир. х'ade 'самка'. Приведенные формы отражают либо ПВК *ххурdV, либо *λwурdV с вторичной делабиализацией.

б) арч. lenne 'самка' (не из *λende!), лоннол (sic!) 'женщина, жена', агул. хідул- 'самка', рут. худул- 'женщина', цах. хунаšše — то же, крыз. хідил, буд. худли 'самка', уд. хуні 'самка', хінар 'девочка, девушка' (крыз. хунуб 'женщина' не сюда, а к лезг. диал. хнуб — то же, арч. хом, агул. хумбар 'женщины (собир.)' и др.); дарг. хунул (< ПД *ххунул) 'женщина'. Данные формы отражают ПВК *λ'унξV или *λунξV.

№ 7: ср. еще арч. эрг. лі- 'кто?'. Не вполне ясная лабиализация в агул. и табас. (возможно, fi < *ffi < *ххwi < *уV-ххi, где у — классный префикс). В остальном — нормальные рефлексы ПВК *хх.

№ 8: в дарг. не таһі, а тахі (< ПД *таххі; ср. кайт. таххі и др.). Есть и аварская форма: тагхі 'хутор'. В ПВК однозначно восстанавливается *ххw.

№ 9: исправления: анд. л'енци; лак. х'унца; авар. хис. Здесь на самом деле два корня:

а) анд. ленци, ахв. л'ісі, кар. л'іци 'болото': лак. к'унца 'болото' (ПВК *λ'w-; ср. еще чеч. lüst 'трязь, овечий помет');

б) авар. хис, кар. хисе (ток. хесу) 'болото': лак. х'унца : арч. л'амца 'болото' (ПВК *х'w; ср. еще чеч. хатт, инг. хотта 'трязь, слякоть').

№ 10: арч. тагλ', лак. ген. тигх'al (не -хх-). Арчинское слово, по-видимому, заимствовано из лакского.

[17] Прокомментируем примеры пункта в):

№ 1: об этом корне см. комментарий к статье "Исследования..." — наст. сб., с. 449 (сюда же: авар. хон, ботл. хуні, анд. š'en; в арч. не λλwin, а λwin; ПВК *λw).

№ 2: исправления: арч. діλ'w (эрг. діλwili); агул. бурц. diff, лезг. scif, крыз. džif. Сюда же относится дарг. акуш. дігіх, урах. дігіw (чир. и ПД дігіх'w) 'туман, облако' и, видимо, лак. tturлу — то же (с сохранением латерального рефлекса после -г-; см. Г и г и н е й ш в и л и. Цит. раб., с. 123–124). Корень отражает ПВК *λw.

№ 3: дарг. -і-хес (< *і-хх-). Рут. корень -іхw- 'падать', видимо, относится не сюда, а к цах. -іххес 'попадать', арч. елас 'класть' (см. комм. к с. 238). К дарг., табас. и агул. формам можно добавить еще лезг. ақ-ах- 'осыпаться', цах. -ах' - 'падать', будух. агах- — то же (ПЛ *λ'), лак. ttirixxin 'высыпаться', ахв. л'о-в- 'сыпаться'. Здесь ПВК *λ'(w).

№ 4: дарг., урах. дуһа, акуш. даһі 'снег' (< ПД *дүхі), по-видимому, нельзя связать с приведенными Трубецким лезгинскими формами (с даргинской формой ср. чеч. тхі, инг., бацб. тхі-г 'роса', бежит., гунз. хіда — то же — здесь ПВК *х'). К лезгинским формам ср. чеч. ло, инг. loa 'снег' (ПВК *λ'w).

№ 5: сюда же следует отнести авар. мікхі и лак. ххwі 'толубь'; ПВК *λλw.

№ 6: ср. к формам лезгинских языков (есть еще арч. тол' 'пена') еще дарг. тагка 'дождь, роса', чеч. тагха, инг. тогх 'облако' (ПВК *λ'w).

№ 7: к приведенным примерам лезгинских языков ср. еще лак. к'и (ген. к'unil) 'желудок', дарг. урах. kwani, акуш. kani 'живот' и, видимо, авар. таха 'сычуг' (ПВК *λ'w).

№ 8: цах. јуххwa (ПЛ *λw). К приведенным формам ср. лак. duk'ni 'желтая медь' (ПВК *λλw; лак. d-, ПЛ *j- < ПВК *r).

№ 9: ср. еще крыз. тігӱ, уд. тӱқ 'олень' (лезгинские формы отражают ПЛ аффрикату *λ'). К приведенным формам нужно добавить еще дарг. кайт. buk' 'тур', цез. белі 'олень', бежит. біло 'тур' и др. цезские, ахв. белле 'дичь'. Здесь, таким образом, рефлекс ПВК *λλ.

Итак, из девяти корней пункта в) шесть (4, 5, 6, 7, 8, 9) отражают различные

ПВК латеральные аффрикаты (*λ', *λλ, *λλ̣). Только три корня отражают латеральный спирант *λ'.

[18] Это соответствие является безукоризненным и в настоящее время принято как классическое. Можно сделать только следующие добавления и уточнения:

а) в лакском и в этом ряду соответствий спорадически встречается l (см. разбор примера 2);

б) даргинское (урах., акуш.)' в этом ряду соответствий восходит к ПД *γ̄ (который сохранился в чирагском и кубачинском диалектах);

в) в табасаранском — всегда kk или čč (записи k ошибочны); в рутульском некоторые диалекты имеют в инлауте не просто -g-, а -kk- или -gg- (см. комм. к ст. "Системы..." — с. 466 наст. сб.); цахурский имеет g в анлауте, kk в инлауте и k' в ауслауте (записи -ḳk-, -gg- ошибочны); будухский и крызский имеют k во всех позициях;

г) в нахском нормальные рефлексy — ḳ в анлауте и ḷx в инлауте (рефлекс, не учтенный Трубецким; см. разбор примеров 1, 13). Рефлекс xk (ПН *x̣ḳ) наблюдается в инлауте, когда исходная аффриката была лабиализована (иногда в таких случаях встречается и ḳ).

[19] О происхождении аварского x см. комм. к ст. "Исследования..." — с. 449 наст. сб.

[20] Прокомментируем приводимые Н. С. Трубецким примеры:

№ 1: исправления: хварш. liλλ, цез. гелл; дарг. *diγ̄ (ср. чир. diγ̄); табас. jikk (сев. jakk). Ср. еще чеч. diλxа 'мускул', инг. duλx, бацб. diλx 'мясо'.

№ 2: а) исправления: хварш. -λλ; табас. -kk. Ср. еще лак. -lu (окончание субэсвива. β); исправления: цез. waλλ, бежит. λlija. γ) исправления: табас. kka-, kke-, kki-.

№ 3: исправления: табас. jirkk; уд. i̇qen; чеч. dāxaxk. Ср. еще дарг. чир. derγ̄ 'кость'.

№ 4: исправления: цез. λleli. Ср. еще авар. λeγeγ, чам. λili (и др. андийские); лак. č̣i(< ḳi) 'ягненок'.

№ 5: табас. jirkkaγ 'ярмо на двух быков'. Ср. еще лак. guḳ; цах. oḳ; крыз. ukaγ; уд. oq̣ 'ярмо'. В дарг. и цезских языках здесь наблюдаются нерегулярные рефлексy.

№ 6: исправления: табас. kkuγ; цах. -ykkana. Трубецкой не приводит нахские, даргинские и лакские формы: чеч. la'-, бацб. la'- 'хотеть', дарг. i̇g-es (чир. -ikk-) 'любить', лак. č̣č-w-an — то же, č̣ča-wu 'любовь'. Мы видим, что формы этих языков обнаруживают рефлексy, типичные для *ḷ (в нашей реконструкции — *ḷḷ; см. ниже). Объясняется это тем, что данный корень содержит лабиализованный *ḷḷw, рефлексy которого в пралезгинском совпали с рефлексами *λλw (отсюда — арч. λan, а не λlan, цах. -ykkana, а не -yγana и т.д.).

№ 7: дарг. ураx. ξini, акуш. jani (< ПД *γ̄ani; ср. куб. γane, чир. γa).

№ 8: исправление: цез. -eλλ-. Даргинские и лезгинские формы, видимо, к данному корню не относятся. Дарг. 'is (акуш. 'es) связано с лезгинскими формами типа буд. ju'u, цах. ehes 'говорить' и авар. 'a-b-ize 'говорить' (то есть в корне исходным является ларингал). Рут. h-alg- 'говорить, разговаривать' связано с арч. lāg-um 'песня' (то есть в корне велярный). Наконец, лезг. leq̣-ün связано с уд. uq̣- 'говорить, рассказывать' и тем самым также содержит исконный велярный, а не латеральный (об этом же говорят диалектные формы типа кубинского leq̣-ün-, где при исходном латеральном *λλ̣ ожидалось бы -kk-). Таким образом, корень 'говорить' оказывается только андо-цезским, а потому может содержать как *λλ̣, так и *ḷḷ. Однако имеющиеся к нему нахские параллели (чеч. lē-||āl-, бацб. le-w-||aλ- 'говорить') явно указывают на ПВК *ḷḷ.

№ 9: арч. λili — несомненный аваризм. К приведенным формам ср. еще дарг. ураx. 'uli-bxa, акуш. gili-qabta 'седло' (< ПД *γwili).

№ 10: ср. еще цез. моллу, бежит. малло; дарг. tu'er (чир. maγar < *tuγer) 'сон'. В этом корне перед *λλ̣ стоял еще сонорный *-w-, откуда особые рефлексy в нахском (чеч. nab, бацб. nɣar) и лезгинских языках (ПЛ *nāwλ > таб. n̄iwḳ, цах. n̄aq̣, рут. naq̣, крыз. neq̄ir, уд. neq̄, арч. nabḳ и т.д.).

№ 12: здесь, по-видимому, два корня: а) авар. *baλ*, ахв. *bałi*, тинд. *bałi* и др. андийские 'кишка' (толстая); бежит. *balla* и др. цезские — то же; арч. *babλw* 'кишка', уд. *buq-un* 'живот' (в этом корне налицо рефлекс *λλ); б) цез. *biλλ* 'сетка желудка', бежит. *beλλ* 'сычуг' и др. цезские; тинд. *beλu* 'желудок'; дарг. акуш. *barg*, урах. *bagγ* — то же; арч. *ball* 'закваска для сыра из желудка ягненка' (в этом корне представлен рефлекс *λλ).

№ 13: исправления: арч. *paλ*; табас. *nek* (лит. *nik*). Дарг. *ni*' < *niγ (ср. чир., куб. *niγ*). Сюда же следует отнести чеч., инг. *palxa* 'сливочное масло'.

№ 14: таб. *merkk*; дарг. *mi*' < *miγ (ср. чир., куб. *miγ*).

№ 15: исправление: арч. *boλ*. Ср. еще цез. *beλλo*, бежит. *buλλo* 'свинья', бацб. *buγuk* 'поросенок'.

№ 16: цезские языки имеют здесь велярный рефлекс (ср. цез. *niga*, гин. *nik-diju* 'синий'). Это связано с происходившим в прааваро-андо-цезском процессе перехода интервокального *-λλw- > *-kx- (> ПЦ *-kk-). На *-λλw- ср. еще авар. *nikx* 'слепень', ахв. *nikxi* и др. андийские формы при лак. *naqu* 'стрекоза', арч. *paλu* 'слепень' и др.

№ 17: исправления: табас. *-urkk-uz*, рут. *-urgw-*. Ср. еще крыз. *kur-*, буд. *ok-* 'зарезать'. Кроме лезгинских форм, ср. еще ахв. *λwaγ-* 'убивать'. Поскольку налицо только лезгинские и андийские формы, возможна реконструкция как *λλw, так и *λλw.

№ 18: исправление: табас. *gak*. Кроме лезгинских форм, ср. еще авар. *peλ* 'дверная петля', год. *miλ-al* 'дверь'.

№ 19: основа, видимо, произведена от простого корня, представленного в арч. *iλ* 'страх', уд. *qi* — то же; ср. еще авар. *λeg-* 'испугаться', цез. *-oλλ-* 'бояться' и др.

№ 20: в арч. собственно 'подметать', так что сближение вряд ли возможно (табас. форму нам проверить не удалось).

№ 21: ср. еще крыз., буд. *nik* 'нива', цах. гелым. *nok*'. Сюда же можно отнести и авар. *gaλ* 'земля', чеч. *toxk* 'земля, страна' (ПВК *λλw). К анд. *-eλ-* 'пахать, сеять', с другой стороны, ср. авар. *-eλ-* — то же, цез. *-iλλ-* 'пахать', лак. *quci-n* (прош. *qucipu*), дарг. чир. *-egγ-* 'просеивать' (здесь рефлекс *-λλ-).

[21] Подчеркнем еще раз, что во всех случаях, где Трубецкой пишет об арч. l (кроме позиции перед звонкими шумными), речь идет на самом деле о глухой аффрикате λλ.

В лакском *l (в нашей реконструкции *λλ) может давать не только l, но также *kk* (> *сс*). Ср. пример Б 6 ('любить'), а также лак. *ссал* 'спор' при авар. *λal* 'война', лак. *haгссала* 'штанина' при цез. *γeλλu*, бежит. *xillo* 'брюки' и др.

В нахских языках рефлекс *λ (> бацб. *λ*, чеч. *l|h*) наблюдается только в ин- и ауслауте; в анлауте и чеч., и бацб. имеют простой l (< ПН *l).

Даргинский рефлекс (урах. *γ*, акуш. *g*) восходит к ПД *kk, сохраняющемуся, например, в кубачинском и чирагском диалектах (в кубачинском только в ауслауте *-kk* > *-k'*).

Перечисленные Н. С. Трубецким рефлексы лезгинских языков отражают ПЛ сильную латеральную аффрикату *λλ, сохранившуюся в арчинском (и ошибочно принятую Н. С. Трубецким за звонкий спирант l — см. комм. № 7 к наст. работе), но давшую спирантные рефлексy (очевидно, через промежуточную ступень *l > *γ) в прочих языках. Развитие это связано с общим процессом озвончения старых сильных (глухих непридыхательных) согласных, происходившим в лезгинских языках. Точные рефлексy *λλ по языкам следующие: в арч. — λλ; в лезг. — позиционно распределенные *γ* (лит. *g*), *ž* и *w*; в табас. — позиционно распределенные *γ* и *ž* (в определенных позициях и диалектах встречаются еще рефлексy *š*, *w*, *j*); в агульском — *j* (но перед *a* в некоторых диалектах сохраняется *g*); в рутульском — позиционно распределенные *γ* (не *γ!*), *w* и *j*; в цахурском — в анлауте *γ* (не *γ!*), в инлауте *γ* перед задними, l перед передними гласными; в крызском — *γ* (не *γ!*), но *w* перед *u*; в буд. — обычно *j* (но иногда также *w*; рефлекс *γ* отсутствует); в удинском — *γ* только в ауслауте, а в других позициях — *qχ* (что также отражает исходный аффрикатный характер рассматриваемого согласного).

Для данного ряда соответствий мы восстанавливаем ПВК звонкую геминату *λλ.

[22] Комментарий к примерам:

№ 1: исправления: хварш. олл, бежит. алл; арч. wiλλ; рут. jiwu-; крыз. juγy-; уд. wūγ. Ср. еще лезг. iri- (< *irji-). Нерегулярный рефлекс в дарг. (урах., акуш. weŋh-, чир. γwār-) появился, по-видимому, под влиянием фарингализации.

№ 2: исправления: хварш. балл, бежит. белл; арч. мелле; цах. moli-; крыз. miŋi-; буд. муjə-. Ср. еще лезг. müžü-, дарг. акуш. geŋ- (< *hekk-).

№ 3: исправления: хварш., цез., бежит. -λλ-; арч. λλos; агул. is, тпиг. jes; рут. wus; цах. heles. Ср. еще крыз. wu-již, буд. juwe-žī; тинд. -iλ- 'раздавать'. В нахском при *-λ- ср. императив (с усечением начального гласного): чеч. lo, бацб. lib.

№ 4: к авар. λo, анд. λigu 'мост' ср. еще ахв. λiga, тинд. λegu и другие андийские — 'мост', цез. лле 'мост, лестница'. В этом корне можно восстанавливать *λλ или *λλ̣ (он только аваро-андо-цезский). Дарг. γuβi (акуш. gumī, куб. ččimī < *kkimī) 'мост' соотносится с лак. lamu, а также с гин. ллето 'мост, крыша', хинал. қin-d 'мост', чеч. lāmī, инг. loamī 'лестница'. В этом корне, действительно, отражается *λλ̣. Наконец, анд. lom, кар., ахв. λamī, бежит. λamo и южн.-авар. λom, авар. том 'крыша, навес' — это отдельный аваро-андо-цезский корень со значением 'крыша' и с исходным слабым *λ.

№ 5: ср. еще хварш. булли, бежит. булло 'хлев' и др.

№ 6: дарг. uγaj — видимо, диссимиляция из ubaj (ср. акуш. ubaj), поэтому данное сближение следует отвергнуть.

№ 7: лак. laχ 'пепел' прямо соотносится с авар. гаqхи 'зола' и арч. laχ 'отходы после очистки зерна' и поэтому выпадает из предложенного Трубецким сближения. Андийские формы (кроме анд. леха, которое не связано с прочими приведенными) прямо связаны с лак. қа 'сажа, копоть', бежит. јалло 'зола', хинал. zāk — то же и др., отражая тем самым ПВК *λλ̣.

№ 8: данный корень отражает не ПВК *λλ̣, но ПВК *λ̣ (сильную несмычно-гортанную латеральную аффрикату), дающую *λλ̣ в пралезгинском и отличающуюся от рефлексов *λλ̣ в аваро-андо-цезских языках (и аварский, и андийские языки имеют в этом ряду соответствий — не учтенном Н. С. Трубецким — не λ̣, а l). Ср. к данному корню: лак. ččip 'молотильная доска', но авар. bala-hip, тинд. belima, кар. belun — то же, цез. мелі, гунз. муlo — то же. Кстати, в арчинском представлена, по-видимому, не форма мн. ч. на -om, а метатеза < *mollog; ср. еще цах. муγта, уд. тuqχal 'молотильная доска' и др. Примеры № 8 и 10, по-видимому, связаны этимологически.

№ 9: арч. мелле (ср. еще крыз. miŋil 'самец', табас. murγu-zi 'храбрец'). В даргинском здесь находим рефлекс прадаргинского *g (не *kk и не *γ), ср. акуш. maŋa, урах. маγа, но чир. маγа. (Особый рефлекс имеет место и в нахских языках: чеч. мајг, инг. маг 'муж', но бацб. маг (не маγ!)). Все это объясняется тем, что в данном корне мы имеем рефлекс не *λλ̣ и не *λ̣, но собственно звонкой ПВК латеральной аффрикаты *ḷ.

№ 10: в данном корне налицо ПВК *λ̣ (ср. № 8). Ср. еще арч. iλλ, рут. jiγ 'хлеб, приготовленный для молотыбы', тинд. galī — то же; дарг. deg (чир. dekk) — то же; цез. гелaj, гунз. гal 'молотыба'; лак. ččar — то же; авар. lal 'молотильная доска'. Все эти слова (как и, вероятно, название 'молотильной доски', № 8) произведены от глагольного корня, представленного в бацб. aγλ-, чеч. āγ- 'молотить', тинд.-el- — то же и др. (к нему не относятся лезг. iŋin и табас. -uγ-).

№ 11: исправления: арч. ллеle, рут., цах. wuγyul (лезг. γul к этому корню не относится, а связано с лезг. ахт. χul 'муж', арч. χχilī 'молодой бычок' и др.). В данном корне, как и в примере № 9, налицо этимологический *ḷ (а не *λλ̣ и не *λ̣), ср. дарг. акуш. gal, куб. gal, чир. γale 'мальчик', авар. le — обращение к мужчине, le-bal-λ'i 'мужество' и др. Возможно, что примеры № 9 и № 11 связаны этимологически.

Мы видим, таким образом, что собственно рефлекс *λλ̣ представлены только в примерах №№ 1, 2, 3, 5 (частично также 4), а остальные отражают другие ПВК латеральные аффрикаты (*ḷ, *λ̣, *λ), для реконструкции которых у Н. С. Трубецкого было недостаточно данных.

[23] Из приведенных в пункте А примеров следует отвергнуть № 2, поскольку

адыг. ху 'море' (+ абх. a-m-šy-n, убых. ša < ПЗК *Xwə) соответствует не ПВК *xhänçj 'вода', а ПВК *järλ'w1 'море' (чеч. hog-d, инг. for-d, анд. geλ'o, авар. гаλ'á-d, лак. ххиги, дарг. иху), а также № 6, поскольку ПВК *-rVλ'(w)V 'сыпаться, падать' (см. с. 240 и комм.) лучше сопоставить с ПЗК *λ'wə 'опускаться' (убых. -šā-, адыг. -ху-). Напротив, ПЗК *XwV 'падать, попадать' (адыг. -хва-, убых. -Xа-, абх. -šā-) лучше сопоставить с ПВК *-əxV 'класть, ставить; лежать' (см. с. 238 и комм.)

Остальные сближения сохраняются, но соответствия в них не единообразны. Старый велярный спирант имеем в № 4 (ПВК *xhweH-: ПЗК *-xwə; к адыгской форме ср. еще убых. šxə, абх. хw-ba). В примере 1 представлено соответствие латеральных спирантов (ПВК *mVλ'wV: ПЗК *maλ'wV; кроме абх. a-mš 'день' ср. еще убых. məša — то же), а в примере 5 — соответствие ПВК слабой латеральной аффрикаты (ПВК *λ'eH-bV 'три') ПЗК латеральному (усиленному) спиранту (ПЗК *λV 'три': кроме абх., ср. еще убых. ša, адыг. šə, шапс. ššə, каб. šə). Наконец, в примере 3 представлено соответствие латеральных аффрикат (ПВК *'rānλλV : ПЗК *X'wə; кроме адыгских форм, ср. еще убых. fə, абх. f-ba, абаз. c-ba 'шесть').

Мы видим, что во всех примерах выдерживается один общий принцип: ПВК латеральным соответствуют ПЗК латеральные, а велярным — велярные (соответствия сильно затемнены в результате наложения тембровых признаков гласных на согласные в западнокавказских языках, но тщательная реконструкция позволяет справиться с этим затруднением).

[24] Все три примера, приведенные Н. С. Трубецким в пункте Б, по-видимому, правильны, хотя соответствия между восточнокавказскими и западнокавказскими латеральными аффрикатами, вероятно, не исчерпываются одним этим соответствием (ср., в частности, ряд наблюдений А. И. Абдокова; см. А. И. Абдоков. О звуковых и словарных соответствиях севернокавказских языков. Нальчик, 1983, с. 61–67).

[25] В настоящее время очевидно, что для ПВК можно восстанавливать как латеральные (*λ', *λ), так и велярные (*x', *xx) спиранты; см. выше, комм. к с. 238.

[27] Реально для ПВК восстанавливается гораздо более богатая система латеральных аффрикат (см. комм. к с. 238–242):

	Глухие придыхательные (слабые)	Глухие непридыхательные (сильные)	Смычно-гортанные	Звонкие
Простые	λ'(ḳ)	λ(ḳ)	λ(ḳ')	l(ǵ)
Геминированные	λλ(ḳḳ)	λλ(ḳḳ)	λλ(ḳḳ')	ll(ǵǵ)

Отметим, что "простые" и "геминированные" первоначально, видимо, представляли собой позиционно распределенные (в зависимости от просодического типа слова) варианты.

Н. С. Трубецкой в своей пионерской работе положил начало реконструкции, восстановив две аффрикаты (*λ=λλ и *l=ll).

[26] В корне 'женщина', как мы видели (см. комм. к с. 239) возможна реконструкция *λwurdV, поэтому для слав. *lada все же нельзя исключить заимствованное происхождение (из какого-то диалекта, где, подобно аварскому, были утрачены срединный -r- и лабиализация); хотя, конечно, этимологизация на собственно славянской почве представляется предпочтительной (см. М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. М., 1967, т. 2, с. 447).

С. А. Старостин

"ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ФОНЕТИКИ СЕВЕРНОКАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ

[1] Как сейчас известно, к цезской группе относятся еще гинухский и гунзибский языки.

[2] Об аварской системе см. еще статью "Системы..." — наст. сб., с. 312—313 и комм. к ней.

[3] В ахвахском языке существует также противопоставление $\lambda - \lambda'$, не отмеченное А. Дирром (и, соответственно, Н. С. Трубецким); кроме того, в диалектах ахвахского, каратинского, андийского и аварского языков встречается противопоставление $\lambda - \lambda$, также не отмеченное этими авторами.

[4] В большинстве случаев Н. С. Трубецкой на основании сравнительных данных правильно определяет качество фрикативных, неточно записанных А. Дирром. В комментариях мы поэтому будем отмечать только его ошибочные толкования.

[5] О звонких аффрикатах см. комм. к статье "Системы...", с. 471.

[6] В диалектах багвалинского, каратинского и чамалинского языков есть еще особый разряд смычно-гортанных спирантов (то есть спирантов с "супраглотальной экспирацией"); в чамалинском — только ζ , а в багвалинском и каратинском — ζ и ζ' .

[7] Из примеров, перечисленных в § 6 А, часть действительно отражает старый $*\eta$, а именно: 'положи' (ср. сев.-ахв. $-i\eta$ - 'класть'), 'солнце' (ср. сев.-ахв. $mi\eta$), 'дрова' (ср. сев.-ахв. $\eta u da$); см. Г у д а в а. Цит. соч., с. 110—111. Другая же часть отражает слабую латеральную аффрикату $*\lambda'$, сохранившуюся в североахвахском, но совпавшую с рефлексами $*\eta$ в остальных аваро-андийских языках. Ср. сев.-ахв. $\lambda' adwa-be$ 'три', $ge\lambda'a$ 'ночь', $\lambda' ali-ge$ 'днем' и $\zeta e-\lambda'a$ 'сегодня'; см. Г у д а в а. Там же, с. 96. Неизвестен исходный согласный ($*\eta$ или $*\lambda'$) в слове 'палец'.

[8] Точнее — в собственно-тиндинском говоре тиндинского языка и в верхне-гакваринском и гадыринском говорах чамалинского языка. Отметим еще переход $*\zeta' > x$ в токитинском диалекте каратинского языка. См. Г у д а в а. Цит. соч., с. 115—116. См. также ниже, комм. к с. 252.

[9] Собственно старый $*\chi$ из примеров, приведенных Трубецким, представлен в словах "овца" и "собака". В остальных случаях налицо рефлексы общеаваро-андийского $*q'$, которые (как это отмечает сам Н. С. Трубецкой, — см. с. 256) везде, кроме ахвахского, совпали с рефлексами $*\chi$. Переход $*\chi, *q'$ в h , кроме багвалинского, наблюдается еще в акнадинском диалекте тиндинского языка и в токитинском диалекте каратинского (см. Г у д а в а. Цит. соч., с. 97, 112).

[10] Багв. $h\check{u}\check{s}a$ 'поле' (а также тинд. акн. $h\check{u}\check{s}a$) следует, видимо, отделять от прочих аваро-андийских слов со значением 'поле' (авар. $\check{c}u\check{g}$ и т.д.; ср. к ним багв. мн.ч. $hu\check{g}abi$ 'поля').

[11] Здесь следует исправить неточную запись Дирра: в багвалинском на самом деле $\check{c}aj$ (в квандинском диалекте), а в других диалектах — $h\check{c}aj$. Это слово восходит к $*\check{c}agi$ и представляет собой аварское заимствование (авар. $h\check{c}ag$); см. Г у д а в а. Цит. соч., с. 152. Заимствованиями также являются $\bar{c}alici\check{g}$ 'серп' и $\bar{c}el\check{c}'en$ 'сабля'. Из примеров на рефлексы исконного $*\bar{c}$ в багв. ср. $-i\bar{c}$ - 'радоваться' (авар. $-o\bar{c}$ -), $-a\bar{c}$ - 'разрушаться' (авар. $-i\bar{c}$ -), $e\bar{c}ela-$ 'длинный' (авар. $\bar{c}ala-ta-$) и др. (см. Г у д а в а. Там же, с. 147).

[12] Собственно аваро-андийский слабый $*\check{c}$ отражен только в примерах 'собака' и 'мельница'. В примере 'трудь' (авар. $me\check{h}ed$) исходным является $*q'$ (см. с. 256 текста статьи). Сближение авар. $mi\check{h}$ 'зерно' и арч. $ta\check{c}a$ 'ячмень', видимо, следует отвергнуть: арч. $ta\check{c}a$ соответствует дарг. $miq\check{i}$ 'ячмень', в то время как авар. $mi\check{h}$ лучше сближать с дарг. $ta\check{h}ar$ 'голозерный ячмень', поскольку андийские формы, непосредственно связанные с аварской, отражают не задневелярный спирант или аффрикату, но ларингал $*h$ (ср. ахв. $mi\check{h}$, анд., тинд., чам., кар. $mi\check{h}u$ 'зерно'). Перед нами, таким образом, два разных восточнокавказских корня. И все-таки, несмотря на неточность источников, которыми пользовался Н. С. Трубецкой, основное положение Н. С. Трубецкого о переходе $\check{c}$ в h в аварском справедливо (см. еще примеры в: Г у д а в а. Цит. соч., с. 115). Правда, Т. Е. Гудава оспаривает тезис Н. С. Трубецкого о том, что это изменение является спорадическим, считая его, напротив, закономерным (по Гудаве, $*\check{c} > авар. h$, $*q\check{c} > авар. \check{c}$). Видимо, не вполне точны обе эти точки зрения. Общеаваро-андийский $*\check{c}$ в аварском нормально переходит в h , но сохраняется в виде $\check{c}$ в тех случаях, когда ему предшествовал плавный -г- или -л- (независимо от того, сохранился ли он сам

или выпал): ср. авар. $\dot{\chi}$ ono 'точильный брусок' (ср. дарг. куб. al $\dot{\chi}$ ana 'напильник', чир. al $\dot{\chi}$ ane 'пила'), $\dot{\chi}$ u $\dot{\chi}$ || $\dot{\chi}$ ul $\dot{\chi}$ 'марево, сухой туман' (ср. дарг. $\dot{\chi}$ u $\dot{\chi}$ 'гарь, чад' и др.), $\dot{\chi}$ 'e $\dot{\chi}$ 'тело' (ср. дарг. $\dot{\chi}$ 'a $\dot{\chi}$ 'тело', чеч. $\dot{\chi}$ 'a $\dot{\chi}$ 'туша' и др.), pa $\dot{\chi}$ 'масло, жир' (ср. дарг. чир. ne $\dot{\chi}$ 'масло' и др.), -u $\dot{\chi}$ - 'бить' (ср. агул. jir $\dot{\chi}$ - 'бить', чеч. t- $\dot{\chi}$ - и др.). Отклонение от этого правила фактически только одно: авар. ma $\dot{\chi}$ na 'сказка' (при ахв. tu $\dot{\chi}$ a и др.).

[13] Переход $*\dot{\chi} > \dot{h}$ в южноаварских диалектах вполне регулярен и последователен (ср. Г у д а в а. Цит. соч., с. 97).

[14] Переход $\dot{\chi} > \dot{x}$ в аварском отсутствует. В обоих примерах, приведенных Н. С. Трубецким, представлены заимствования из аварского (см. Г у д а в а. Цит. соч., с. 152, об анд. $\dot{\chi}$ wadunnu < авар. $\dot{x}$ wadize). Отметим, что в ахв. 'лошадь' не $\dot{\chi}$ uani, но $\dot{x}$ wani, а в год. — не $\dot{\chi}$ uani, но $\dot{x}$ wani (все эти особенности объясняются только при предположении заимствования из аварского).

[15] Вопрос о прааваро-андийских $*\dot{\zeta}$ и $*\dot{x}$ является несколько запутанным: Н. С. Трубецкой восстанавливал только один $*\dot{\zeta}$, считая, что в аварском он дает $\dot{x}$, а спорадически — также s' (а в прочих аваро-андийских языках — $\dot{\zeta}$ либо h). Т. Е. Гудава, оспаривая точку зрения Н. С. Трубецкого, считает, что в прааваро-андийском были и $*\dot{\zeta}$, и $*\dot{x}$, при этом $*\dot{\zeta} >$ авар. s' , $*\dot{x} >$ авар. $\dot{x}$, а в прочих языках рефлексы $*\dot{\zeta}$ и $*\dot{x}$ в большинстве случаев совпали. Однако ни Трубецкой, ни Гудава не обратили должного внимания на тот факт, что внутри андийских языков устанавливаются два разных соответствия, а именно:

а) ботл. $\dot{\zeta}$: чам. (гиг. диалект) $\dot{\zeta}$: багв. $\dot{\zeta}$: кар. (кроме ток. диалекта) $\dot{\zeta}$;

б) ботл. $\dot{x}$: чам. (гиг. диалект) h : багв. h (кван. диалект $\dot{\chi}$) : кар. $\dot{x}$.

В остальных андийских языках эти два соответствия не различаются (имеем анд., ахв. $\dot{\zeta}$, год. $\dot{\zeta}$, чам. (кроме гиг. д-та) h , тинд. h либо $\dot{\zeta}$ (по диалектам), кар. (ток. диалект) $\dot{x}$). Ср.:

а) ботл.	чам. (гиг.)	багв.	кар.	значение
-u $\dot{\zeta}$ -		-i $\dot{\zeta}$ -		'красить'
re $\dot{\zeta}$ 'in	re $\dot{\zeta}$ 'in	re $\dot{\zeta}$ 'en	re $\dot{\zeta}$ 'in	'небо, год'
be $\dot{\zeta}$ 'unu-	be $\dot{\zeta}$ 'an-	be $\dot{\zeta}$ 'en	be $\dot{\zeta}$ 'an	'сто'
wa $\dot{\zeta}$ 'a	wa $\dot{\zeta}$ 'a	wa $\dot{\zeta}$ 'a	wa $\dot{\zeta}$ 'a	'сын'
je $\dot{\zeta}$ 'i	je $\dot{\zeta}$ 'i	ja $\dot{\zeta}$ '	ja $\dot{\zeta}$ 'e	'дочь'
i $\dot{\zeta}$ '-q $\dot{\chi}$ e	i $\dot{\zeta}$ 'u	i $\dot{\zeta}$ 'a	e $\dot{\zeta}$ 'e	'дома'
ru $\dot{\zeta}$ 'a	ru $\dot{\zeta}$ 'a	ro $\dot{\zeta}$ 'a	ro $\dot{\zeta}$ 'a	'дерево'
tu $\dot{\zeta}$ 'i	tu $\dot{\zeta}$ 'a	to $\dot{\zeta}$ '	to $\dot{\zeta}$ 'e	'свинец'
$\dot{\zeta}$ 'ili	$\dot{\zeta}$ 'i		$\dot{\zeta}$ 'ila	'овечий помет'
б) $\dot{x}$ uni	huni	h $\dot{u}$ i	$\dot{x}$ $\dot{u}$ i	'семя'
ru $\dot{x}$	ruha	(го $\dot{x}$ < ав.)	го $\dot{x}$	'лес'
	iha	ihwa, кван. i $\dot{\chi}$ wa	i $\dot{\chi}$ wa	'пастух'
$\dot{x}$ u'a-	hu-	h $\dot{o}$ -	$\dot{x}$ o $\dot{h}$ o-	'хороший'
$\dot{x}$ umi	hubu	hob	$\dot{x}$ obo-	'могила' и т.д.

Ясно, что в первом ряду по андийским данным нужно восстанавливать $*\dot{\zeta}$, а во втором — $*\dot{x}$. Аварский язык в первом ряду соответствий может иметь как $\dot{x}$, так и s' (ср. -o $\dot{x}$ -ize 'красить', gi $\dot{\chi}$ i 'лесоматериалы', to $\dot{\chi}$ i 'свинец', $\dot{x}$ il 'помет', но s'on 'год', nu s' 'сто', wa s' 'сын', ja s' 'дочь'); во втором ряду — только $\dot{x}$ (ср. $\dot{x}$ on 'семя', го $\dot{x}$ 'лес', we $\dot{x}$ 'пастух'; в одном случае — $\dot{\chi}$ ob 'могила' — налицо нерегулярный $\dot{\chi}$). Нетрудно заметить, что при таком распределении рядов соответствий аварские $\dot{x}$ и s' в первом ряду оказываются в дополнительной дистрибуции ($\dot{x}$ — только перед гласным i , s' — в прочих случаях).

Т. Е. Гудава (там же, с. 149), отмечая случаи сохранения $\dot{x}$ в ботл. и кар. и перехода $\dot{x} > h$ в чам. (гиг.) и багв., счел, что налицо позиционное развитие перед $*u$, $*w$ (а в других позициях и $*\dot{x}$, и $*\dot{\zeta}$, якобы, совпали в одном — первом — ряду соответствий). На самом деле факт преимущественного наличия лабиализации рядом с рефлексами $*\dot{x}$ объясняется тем, что прааваро-андийский $*\dot{x}$ ($=*\dot{x}w$)

восходит только к ПВК лабиализованным велярным или латеральным спира́нтам (соответствующие нелабиализованные спира́нты всегда отражаются в аваро-андийском как латеральные) — см. комм. к статье "Латеральные..." на с. 441. Что касается ПА *š' (и *š'w), то он восходит только к ПВК шипящим и палатальным спира́нтам. Ср. внешние данные для приведенных выше слов:

а) ботл. geš'in 'небо, год' — лак. š'in, арч. san 'год'; ботл. beš'unu 'сто' — лак. turš', арч. baš'(-š-); ботл. waš'a 'сын', ješ'i 'дочь' — арч. wiš'-du 'новорожденный мальчик', diš'-du-r 'новорожденная девочка'; ботл. ruš'a 'дерево' — бацб. dos' 'дрова', гунз. riža 'древесина'; ботл. tuš'i 'свинец' — чеч. daš' 'свинец'; ботл. š'ili 'помет' — лак. šulū, табас. ur-šel — то же;

б) ботл. xuni 'семя' — лак. hanna, арч. ḥwin; ботл. guxu 'лес' — дарг. dex', диал. dexw 'бревно'; багв. ihwa, кар. ixwa 'пастух' — арч. uḥ-du (мн. ч. ḥw-at) — то же; ботл. xumi, кар. xobo 'могила' — лак. haw — то же.

Несмотря на то, что и *š', и *x имеют каждый более одного источника, общая ситуация представляется сейчас ясной. Следует отметить, что и Е. А. Бокарев (цит. соч., с. 25) и Б. К. Гигинейшвили (цит. соч., с. 122—124) возводят аваро-андийский (точнее: аварский) x к ПВК *x, что (учитывая все вышесказанное) по меньшей мере неточно.

Таким образом, хотя переход *š' > x действительно имел место в аварском, из примеров, приведенных Н. С. Трубецким на с. 252, только один (авар. toxi) демонстрирует этот переход (может быть, также гохен 'веревка', если это слово связано с ботл. paš'ar — то же). В авар. гоx 'лес' и хон 'семя' содержится рефлекс общеаваро-анд. *x(w). Андийские формы, соответствующие авар. p'ax 'медь' и хag 'котел', заимствованы из аварского (см. Г у д а в а. Цит. соч., с. 152). Авар. biχina 'самец' может сопоставляться непосредственно с лак. burx'ni 'самец' (к тому же корню с утратой лабиализации восходит ахв. beḥo — то же), но не с чеч. borš'uḥ с которыми лучше сопоставить арч. boš'or 'мужчина' и авар. bas'i < *baš'aj 'теленок'. Авар. тух 'цена' следует сопоставить не с лак. таš'a (к которому ср. дарг. mas 'товар', арч. mas'(-s-) 'цена' и др.), а с чеч. таx 'цена, торговля'. И эти два примера, тем самым, содержат рефлекс общеаваро-андийского *x.

[16] Переход *š' > s в аварском, вероятно, не является спорадическим. Как убедительно показал Т. Е. Гудава (цит. соч., с. 144—145), аваро-анд. *š' в аварском сохраняется в анлауте (šar 'сыворотка', šob 'роса', šu- 'пять', šeḥ 'глиняное изделие'), но переходит в s в инлауте (-es- 'ткать', -a(r)s- 'поджарить', -s- — показатель косв. основы слов 1-го класса).

[17] Об отсутствии перехода *χ > x в аварском см. комм. 14. Но и в каратинском такого перехода не было: в слове "лошадь" каратинский либо отражает исконный *xw, либо (что вероятнее) это слово, как и соответствующие годоберинское и ахвахское, заимствовано из аварского; что касается кар. хaj 'собака', то это ошибочная запись А. Дирра (на самом деле, в каратинском представлено χwaj, а в токитинском диалекте — hoj).

[18] См. комм. 15 к с. 252 — о наличии исконного *x также в ботлихском и каратинском языках.

Нужно отметить, что аваро-андийский *x (< ПВК *x̄ w, *ḥw), будучи сильным фонетически, является "нейтральным" фонологически: ему никогда не противопоставлялся слабый x'. Это объясняется особым положением велярного (переднедорсального) ряда согласных, промежуточного между аффрикатными и взрывными рядами (об этом противопоставлении см. "Системы...", с. 288 наст. сб., "Строй...", с. 339): в нем представлены только сильные аффрикаты (k̄x̄, k̄x) и спира́нты (x). На месте слабых аффрикат имеем взрывные: k', k̄ (элемент фрикции у k̄ имеется, но он столь же слаб, как у q̄x, см. с. 264; элемент фрикции у k' полностью поглощен аспирацией, поскольку k', как и все другие аваро-андийские глухие смычные, фонетически является сильно аспирированным). Ввиду этой особенности велярного ряда слабый спира́нт в нем также был утрачен очень рано (еще в прааваро-андийском и даже в прааваро-андо-цезском); он, однако, перешел не в h (процесс ларингализации слабых спира́нтов происходил позже), но латерализовался, перейдя в ḥ. См. комм. к статье "Латеральные..." — с. 441 наст. сб.

[19] Вряд ли можно объяснять одинаково развитие $*\xi > h$ и $*\xi' > \underline{x}$, хотя в обоих случаях речь идет об ослаблении. В первом случае мы действительно имеем дело с ларингализацией (то есть утратой фрикционной щели в полости рта). Во втором случае налицо лишь утрата фрикционной щели апиального фокуса; фрикционная щель второго, передневелярного фокуса сохраняется. В результате происходит переход $*\xi' > *x'$. Возникающий таким образом новый $*x'$ в аваро-андийских языках оказался нестабильным (см. выше, комм. 18) и либо снова переходил в ларингал h , либо совпадал с уже имеющимся $\underline{x}$.

[20] Тезис Н. С. Трубецкого о вторичной аффрикации сильных спирантов в аваро-андийских языках не может объяснить сохранения в большом количестве случаев неаффрицированных сильных спирантов, а потому в настоящее время не разделяется никем из исследователей (см. Г и г и н е й ш в и л и. Цит. соч., с. 96; Е. А. Б о к а р е в. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961, с. 70, 77). Бокарев и Гигинейшвили принимают обратное решение — об исконности аварских и аваро-андийских сильных аффрикат по сравнению со спирантными рефлексами в других языках.

[21] В багвалинском языке переход $*\lambda > \bar{\eta}$ регулярен (см. Г у д а в а. Цит. соч., с. 101). В остальных языках λ всегда сохраняется, и слова, в которых Н. С. Трубецкой находит спирант $\bar{\eta}$, по большей части — результат неточной записи А. Дирра. Отметим еще, что падежные формы так называемого "родительного 2-го" (у Трубецкого — "ген. ед. ч. немужского рода"), во-первых, имеют везде λ (то есть ахв. $-\lambda$, тинд. $-\lambda a$ и т.д., кроме багв. $-\bar{\eta}$, где это закономерно), во-вторых, они несопоставимы с авар. $-\bar{\eta}i-l$ (показатель косвенной основы 2-го класса), а должны быть сопоставлены с локативным показателем авар. $-\lambda$ (см. Г у д а в а, там же, с. 133). Каратинская форма $-o'ap\eta a$ (sic!) представляет собой инфинитив от корня $-o'ap$ и к другим формам, приводимым Трубецким, отношения не имеет.

[22] В примерах "слепой" и "осень" представлен аваро-анд. $*c$; следует отметить, правда, нерегулярный s в андийской форме (вопреки Трубецкому, не $\underline{s}$, а s' !), пока еще не получивший объяснения. Реальное звучание слова "тур" в андийском языке нам проверить не удалось; но в аварском — не $bi\underline{s}$, а $bi s'$, так что этот пример вообще не может иллюстрировать соотношение $\underline{s} : s$.

[23] Насколько нам известно, колебание $\bar{x}/q\bar{x}$ практически отсутствует. Тинд. $q\bar{x}agis'a$ все же следует считать аваризмом, как и прочие формы андийских языков (с некоторыми искажениями при заимствовании). Анд. $-o\bar{x}$ -(sic!) 'подниматься' следует сопоставлять не с авар. $-aq\bar{x}$ -, но с авар. $-oq\bar{x}$ - 'поднимать'.

[24] О том, что переход $\check{c} > \check{s}$ в багв. регулярен, см. Г у д а в а. Цит. соч., с. 90, 101. Исправим написания: багв. $\check{s}\check{i}\check{s}u$ - 'красный', год. $\check{s}i\xi a$ 'рыба'.

[25] См. комм. 20 к с. 253.

[26] Ср. еще ахв. $aq\check{x}i$ 'сад, виноградник'.

[27] Относительно авар. $tu\check{h}$ см. комм. 12 к с. 251.

[28] Нет никакой необходимости предполагать заимствование слова "ус": здесь нормальный рефлекс ПВК $*qq'$. Н. С. Трубецкой не принимает сближений такого рода из-за общего тезиса о вторичности $q\bar{x} < *x'$.

[29] В чам. — $s'ehin$ с регулярным s' .

[30] О тинд. $q\bar{x}agis'a$ см. выше, комм. 23 к с. 255.

[31] Точнее — только в гакваринском диалекте чамалинского языка.

[32] В ботл. $q\bar{x}w\check{a}ji$ ($q\check{x}$ в ботл. отсутствует) — нерегулярная форма.

[33] Переход $*c' > a\check{h}v. \check{s}'$ в слове 'медведь' — случай не единичный. Ср. еще: авар. $s'et$ 'лиса' — ахв. $\check{s}'agi$; авар. ic' 'моль' — ахв. $ge\check{s}'e$ и др. Фактически мы имеем два ряда соответствий, на различие которых обычно не обращают внимания:

а) авар. s' : ПА $*c'$ ($>$ ахв. $\check{s}'$, прочие языки — s').

б) авар. s' : ПА $*s'$ ($>$ ахв. $\check{s}'$, прочие языки — s').

Если первый ряд восходит к обычному ПВК $*c'$, то второй ряд обнаруживает отклонение не только в ахвахском, но и, например, в лезгинских языках (где налицо рефлексы ПЛ $*s(w)$) и в хиналугском, где имеют место сочетания с $\check{r}$ -. Ср. авар. $s'i$ 'медведь', ахв. $\check{s}'ij$; табас. $\check{s}e'$, уд. $\check{s}uje$, хин. psy ; авар. $s'et$ 'лиса', ахв. $\check{s}'agi$; арч. $\check{s}ol$, табас. $\check{s}ul$, уд. $\check{s}ul$, хин. $p\check{s}l\check{a}$. Все эти особенности естественно объяснить,

предположив, что здесь мы имеем дело с рефлексам ПБК лабиализованного *c'w. Соответствия в таком случае будут выглядеть следующим образом:

	ПБК	ав.-анд.	авар.	ахв.	анд.	ПЛ	хин.
а)	*c'	*c'	c'	č'	s'	*s', c'	c'

Этот (нормальный) ряд соответствий можно проиллюстрировать сл. примерами: авар. c'a 'зуб', ахв. č'ilo, анд. s'ol: арч. s'ot, табас. s'l-ib, уд. ul-uχ (с регулярным выпадением *s' > φ); хин. c'uloz; авар. oc' 'бык', ахв. unč'a, анд. uns'o: арч. ans', табас. jic', уд. us', хин. lac' 'корова' и др..

	ПБК	ав.-анд.	авар.	ахв.	анд.	ПЛ	хин.
б)	*c'w	*c'w	c'	š'	s'	*sw	p's' p's'

Примеры ("медведь", "лиса") см. выше.

[34] Это правило следовало бы переформулировать: "*c > ахв. c" (об исходности сильных аффрикат см. выше).

[35] Следует учитывать, что во всех примерах пункта в) тиндинский и годоберинский языки имеют не c, но c̣ (А. Дирр не различал эти два звука) (то есть тинд. нас̣і, са̣ј и т.д.). Прочие исправления: кар. с̣епал̣и (не -η-) 'коза'; ахв. waṣі, анд. woṣі, ботл., кар. waṣі, багв. waṣ (sic!), чам. waṣ 'брат' (все формы с -c̣-, а не с -c-!); в ахвахском Н. С. Трубецкой правильно предположил форму бо̣со 'луна'; ахв. се̣қа, ботл. се̣қа (sic!) 'нога'.

[36] Соответствия в прилагательном "короткий" искажены неточными записями А. Дирра: в ахв. — не -а̣а, а -а̣'а-; в кар. — не а̣а̣ко, а -а̣'а-ко-; в багв. — не -а̣а-қи-, а -а̣'а-қи-; в тинд. — не -е̣а-қи, а е̣'а-қи (см. Г у д а в а. Цит. соч., с. 95). Представлены, таким образом, обычные рефлексy *č'.

[37] В настоящее время такие примеры известны. Ср. ахв. mịсі, чам. mịсw 'крапива' — авар. mịč, анд. mịсі; чам. -ịс- 'стоять' — авар. č-, анд. -ịč- и т.д.

[38] Ахв. zẹηа — неточная запись; на самом деле — žel'a, и отклонения нет.

[39] Ахв. lezi — не тюркизм, а аваризм (авар. rez 'желтая медь'; вторичный переход г > л в ахвахском обычен). Ахв. ziṿũ — неточная запись; на самом деле — žiṿwo, и отклонений нет.

[40] В современном андийском языке слабый q̣x произносится как G (см. комм. к ст. "Системы...", с. 471). Ввиду такого перехода представляется, что ботл. γ (< *q̣x) также возник через промежуточный этап G (а не ε, как предполагает Н. С. Трубецкой).

[41] Надо заметить, что в аварском переход *q̣x > ε является не спорадическим, а регулярным (см. ниже, комм. к с. 43)..

[42] Перехода c > c̣ в годоберинском и тиндинском на самом деле нет, поскольку в этих языках фонема c̣ вообще отсутствует. Во всех словах пункта А и годоберинский, и тиндинский (равно как и андийский в -ịс-ib 'полный') имеют обычный c. Ошибки А. Дирра в записи именно этих языков не случайны: именно в тиндинском и годоберинском старый *c̣ перешел в c̣ (и вообще утратились все сильные аффрикаты "с супраглоттальной экспирацией"). Аффриката c̣, таким образом, стала нейтральной. По нашим наблюдениям, в тиндинском языке она, действительно, артикулируется несколько сильнее, чем, например, в аварском. Поэтому А. Дирр во многих случаях и записал обычный тинд. и год. c̣ как c̣, знакомый ему по другим андийским языкам.

[43] Единственный корень, где, действительно, налицо колебание q̣x и q̄x — это корень "есть". Ахв. -oq̄ха 'приходи' — неточная запись (ахв. -ẹq̄x- 'приходить'). В корне "сухой, сохнуть" все аваро-андийские языки имеют сильный q̄x (арч. q̄xигас 'сохнуть' ни о чем не говорит, так как в арчинском в данном случае q̄x также восходит к ПЛ сильному *q̄x).

В аварском q̄x не является нормальным рефлексом старого *q̄x (который регулярно дает авар. ε; см. Г у д а в а. Цит. соч., с. 137). Из примеров на *q̄x > q̄x, приведенных Трубецким, -ạq̄xwa- 'сухой' отражает старый *q̄x (см. Г у д а в а, там же, с. 139); анд. q̄xес 'спор', несомненно, заимствовано из аварского (андийцы восприняли единственный авар. q̄x, не противопоставленный слабому q̣x, как свой q̄x). Что касается авар. unq̄хо 'четыре', то Т. Е. Гудава (там же, с. 138) предлагает считать, что здесь переход q̣x > q̄x обусловлен позицией после n. Нам, однако,

представляется более вероятной ассимиляция *unq̄x-go (с обычным суффиксом числительных -go; ср. ḡab-go 'три', ḡi-go 'два' и др.) > *unq̄x-ḡo > unq̄xo.

[44] Тинд. hunḡa – ошибочная запись вместо hunḡa (фонема ḡ в тиндинском отсутствует, поскольку старый *ḡ перешел здесь в ḡ). Ср. сказанное в комм. 42 к с. 265, о с.

[45] В тиндинском – неточные записи, на самом деле зафиксированы формы iḡa, inḡi, -eḡeḡi; точно так же в чамалинском представлено не q̄xajḡ, а q̄xajḡ. Таким образом, переход ḡ > ḡ в андийских языках отсутствует.

[46] В ахвахском "писать" – q̄xwaḡ. Вместо ḡnq̄xi 'нога' у З. М. Магомедбековой ("Ахвахский язык". Тбилиси, 1967, с. 200) находим ḡk̄xwa. Это слово, по видимому, никак не связано с ботл., год. aq̄xi. Таким образом, переход q̄x > ḡx в ахвахском отсутствует.

[47] В каратинском ḡedero- 'узкий' (у А. Дирра – ошибочная запись). Точно так же неточна запись год. ḡxiḡu 'лето' (фонема ḡx в годоберинском отсутствует) – на самом деле – ḡxiḡu.

[48] В обоих случаях представлен авароанд. *ḡ (то есть анд. inḡi 'родник', wosḡi 'брат').

[49] Это утверждение, видимо, неточно. Помимо двух примеров, приведенных здесь же ("родник" и "брат"), где дарг. ʒ (а точнее, ПД *ḡ) соответствует авароанд. *ḡ, можно привести следующие ряды соответствий:

1) ПД *ḡ (> урах. ʒ): авароанд. *ḡ (напр., "родник"; см. выше) < ПВК *cc'. То же соответствие отражает и ПВК *cc, *cc'(w) (см. "брат").

2) ПД *ḡ: авароанд. *z (< ПВК *ḡ). Ср. урах. ʒanʒe, чир. ʒaʒe 'колючка': авар. ʒaʒ и др.; урах. ʒaʒ 'дождь', ʒibri (форма мн.ч.) 'небо': авар. zob 'небо' и др. Последнее сближение предпочтительнее, чем сближение дарг. ʒaʒ с авар. ʒad, поскольку объясняются все фонетические компоненты слова. Для авар. ʒad (и др. анд.) есть иные восточнокавказские параллели (табас. ʒad-al 'изморось' и др.).

3) ПД *ḡ: авар.-анд. ʒ (примеры см. у Н. С. Трубецкого; это соответствие отражает ПВК *cc).

4) ПД *ḡ: авар.-анд. ʒ (< ПВК *ḡ). Ср. дарг. (акуш.) ḡerzi, урах. ḡerzi 'метка': авар. ʒuʒ и др.; дарг. (акуш.) -erz-, урах. -erz - 'жарить': авар. -eʒ- и т.п.

5) ПД *ḡ: авар.-анд. ʒ (< ПВК *cc или *zz). Ср. дарг. (акуш.) maʒa, кайт. maʒa, чир. maʒa 'овца': авар. maʒa-d 'скотина, откормленная на убой'; дарг. (акуш.) niz-bi, чир. miʒe 'крапива': авар. miʒ и др.

[50] Все предыдущее рассуждение (§§ 31–33) представляет большой теоретический интерес и в целом хорошо объясняет сущность противопоставления силы и слабости при инфраглоттальной и супраглоттальной экспирации (то есть без смыкания гортани или при таком смыкании). Однако "незначительные ошибки" в работе гортани, о которых говорит Н. С. Трубецкой (с. 268), по сути дела, не наблюдаются (см. комм. к сс. 265–268), а наблюдаются ошибки в записях А. Дирра, на которых преимущественно основывался Н. С. Трубецкой. Поэтому в сущности схема, изображенная на с. 267), представляет собой схему степеней взаимной близости аваро-андийских аффрикат для слуха иноязычного наблюдателя.

Но несмотря на это, Н. С. Трубецкому удалось (и лишь на основании очень неточных записей, имевшихся в его распоряжении) весьма точно описать сущность восточнокавказского противопоставления согласных по интенсивности, и все основные его выводы сохраняют силу и в настоящее время.

С. А. Старостин

"СЕВЕРНОКАВКАЗСКИЕ СЛОВАРНЫЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ"

[1] Хотелось бы уточнить, что ʒ (представленный только в абхазском языке) – скорее не лабиопалатальный спирант, но лабиализованный эмфатический ларингал с некоторым элементом палатализации (его точным глухим коррелятом является абх. ḡ).

[2] Как сейчас установлено, $\tilde{c}$, $\tilde{s}$ — артикуляционно не "церебральные" $\check{c}$, $\check{s}$ (церебральность, насколько нам известно, в северокавказских языках отсутствует), но твердые шипящие (твердые шипящие противопоставлены палатализованным шипящим только в западнокавказских языках; в восточнокавказских шипящие обычно произносятся с палатализацией).

[3] Об этом феномене (фарингализации или, по Н. С. Трубецкому, "эмфатической палатализации") см. статью "Системы...", наст. сб., с. 290 и комм. к ней.

[4] Ниже мы прокомментируем (по порядку номеров) все сближения Н.С.Трубецкого, в основном обращая внимание на исправление неточных записей и обоснование реконструкции.

№ 1. ПЗК *mə; ПВК, ПСК *ma.

№ 2. ПЗК *gə||*kə; ПВК *gV||*kV; ПСК *gE||*kE. Колебания по звонкости/абруптивности объясняются, видимо, служебным характером данной морфемы. Исправления: абх. gə, убых. gə, адыг. çə||žə; авар. -gi. Ср. еще агул. galgi 'ка', бацб. -k||-ki 'только'.

№ 3. ПЗК, ПВК, ПСК *ra.

№ 4. ПЗК *sa; ПВК, ПСК *zo.

№ 5. ПЗК *wa; ПВК, ПСК *цo. Формы цах. γи (не γи), дарг. hu, чеч. hω (также хинал. дат. ох 'тебе') следует выделять в особый корень *Gu (видимо, первоначально *цo и *Gu составляли части супплетивной парадигмы 2 л. ед. ч.).

№ 6. Сближение вряд ли приемлемо: абх. ha предполагает ПЗК *ха, а восточнокавказские формы содержат в корне латеральный согласный (см. комм. № 16 к статье "Латеральные...", с. 239 наст. сб.).

№ 7. ПЗК [*šə]; ПВК, ПСК *ži. Исправления: убых. šə; цах. ši, уд. beši. Дюмезиль (G. Dumézil. Études comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest (morphologie). Paris, 1932, pp. 107–108, 117) объединяет убыхскую форму с абх. ha и адыг. *tt (см. №№ 6, 10), но это в высшей степени маловероятно.

№ 8. ПЗК *swə; ПВК *z̄wV; ПСК *z̄wA.

№ 9. Сближение несколько сомнительно семантически. Может быть, из западнокавказского материала лучше привлечь абх. -ba — суффикс неодушевленного класса у числительных.

№ 10. Сравнение вряд ли приемлемо, прежде всего из-за неточно указанного значения восточнокавказской морфемы: в чеченском d является классным показателем как одушевленных, так и неодушевленных имен мн. ч. (отнюдь не только 1 или 2 л.), а также неодушевленных имен ед. ч.; в даргинском d||r является классным показателем неодушевленных имен мн. ч. Обе эти морфемы восходят к ПВК *r — классный показатель 4 класса ед. ч. и 3–4 классов мн. ч. Эту морфему, скорее, нужно сопоставлять с абх. r(ə) — префикс 3 л. мн. ч.

№ 11. ПЗК [*žə]; ПВК *ž̄V; ПСК *ž̄A. В адыгейском ž̄-(jāž) 'сам' А. К. Шагиров ("Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков", т. 1, с. 172) вполне обоснованно выводит из *jaz-ž̄, то есть из формы эрг.-косв. падежа местоимения *jazə 'сам'; ср. каб. jāžə. В ПВК, собственно, имеем две основы: *ž̄V для 1–2 классов (но не лиц, как у Н. С. Трубецкого!), *čV для 3–4 классов (причем в некоторых языках налицо контаминация этих двух морфем). Если первая из них вполне сопоставима с адыгской формой, то вторую (*čV) можно сопоставить, скорее, с абхазским глагольным префиксом возвратности -č(ə)- '(сам) себя'.

№ 12. Убых. šə А. К. Шагиров (цит. соч., т. 2, с. 104) справедливо отделяет от адыгейского šəd(ə) и сближает с адыг. хətə 'кто', о котором см. под № 14. С другой стороны, адыгейск. šəd(ə) (бжед., шапс.) 'что?' трудно отделить от каб. sət и адыгейск. (в других диалектах) səd (см. А. К. Шагиров, там же, с. 66), о котором см. под № 13. Таким образом, данное сближение зап.-кавк. материала с ПВК вопросительным местоимением *šši оказывается необоснованным; ПВК форму следует, скорее, сближать с абхазским глагольным вопросительным префиксом -š(ə)- 'как?'.

№ 13. ПЗК *sV; ПВК *ssV (сюда же — дарг. se, чеч. ste 'что' и др.); ПСК *ssA.

№ 14. К адыгской форме ср. еще убых. šə 'кто?' (см. под № 12). ПЗК *xV; ПВК *xxV; ПСК *xxA.

№ 15. Адыг. $\bar{a}$ - (но не ha -), ПЗК *а. Вост.-кавк. формы, приведенные у Трубецкого (ср. еще цез. ha -го 'тот', чеч. ha -га 'вот этот' и др.) возводятся к ПВК *hV и, действительно, могут соответствовать ПЗК *а; ср., однако, еще ПВК *ʔа 'тот, этот' (лезг. а 'тот (более близкий)', крыз. $\ddot{a}$ -d, буд. а-d 'этот, он', инхокв. а- 'этот', тинд. а- 'этот' и др.). Поскольку ПСК ларингалы в ПЗК утратились, зап.-кавк. формы могут соответствовать обеим ПВК.

№ 16. ПЗК [*m̄]; ПВК *m̄ (ср. еще цез. -me- в heme- 'тот (вдалеке, невидимый)'); ПСК *m̄.

№ 17. Адыгейск. $\bar{a}d\bar{r}\bar{a}$, каб. $\bar{a}drej$ 'другой' производны от $\bar{a}d\bar{a}$ 'там, туда' (см. А. К. Шагиров. Цит. соч., т. 1, с. 57), где -dā — локативный дейктический суффикс; ср. еще абх. -da в a-la-da 'вниз', a-wa-da 'вверх'. Однако исходное значение 'тот' не исключено (ср. убых. aj-da 'тот, другой'; см. А. К. Шагиров, там же, с. 58). Получаем ПЗК *dV 'тот, там'. С этой морфемой, однако, лучше сопоставимо не ПВК *t̄V, приведенное Трубецким, но ПВК *dV 'тот' (табас. du-mu, хин. du, dā, ботл. do-, авар. do-, чеч. d̄a-га и др.). ПСК *dV.

№ 18. ПЗК *zV; ПВК *cəhə(∥*həcə); ПСК *cəhə. Исправления: чеч. $\underline{c}hə$ (саэ — ингушская форма), анд. se-. Ср. еще гин. hes, инхокв. hos и др. цезские. В ПЗК ожидалось бы *sV; озвончение, возможно, под влиянием выпавшего ларингала.

№ 19. ПЗК *ŋŋV; ПВК *leH-bV; ПСК *leH-. См. об этом корне ст. "Латеральные...", с. 238, 243 и комм. к ней.

№ 20. ПЗК *(s)xwə; ПВК *xhwēH-; ПСК *xhwV̄H-. См. об этом корне ст. "Латеральные...", с. 239, 243 и комм. к ней.

№ 21. ПЗК *λwə; ПВК *ʔānλλV; ПСК *ʔānλλ(w)E. См. об этом корне ст. "Латеральные...", с. 239, 242 и комм. к ней.

№ 22. ПЗК *b(ə)l̄ə; ПВК, ПСК *ūerd̄ly. См. об этом корне "Латеральные...", с. 241, 243 и комм. к ней.

№ 23. Абх. ž- 'девять' может соответствовать убых. b̄wə и адыг. b̄wə 'девять'; восходя к ПЗК *b̄wə (хотя это сближение обычно не предпринимается; см. А. К. Шагиров. Цит. соч., с. 80–81). Хотя соответствие "абх. ž : убых. b̄ : адыг. b̄" уникально, оно представляет собой точный звонкий коррелят соответствия "абх. ž̄ : убых. x̄ : адыг. x̄" (ср., напр., абх. -ša-: убых. -x̄a-: адыг. -x̄a- 'падать, попадать'; абх. a-š̄ : адыг. *t-x̄a- 'бук' и др.), для которого мы восстанавливаем *x̄w (см. С. А. Старостин. Цит. соч., с. 100). Если реконструкция ПЗК *b̄wə 'девять' верна, сближение Н. С. Трубецкого абх. формы с ПВК *HVl̄cwi (к приведенным формам ср. еще чеч. iss, хин. joz и др.), скорее всего, следует отвергнуть.

№ 24. ПЗК [b-çwə]; ПВК *ūeñçV; ПСК *ūeñçE. К формам, приведенным у Трубецкого, ср. еще чеч. itt и др.

№ 25. ПЗК *šwV; ПВК *Hr̄öšwV̄ (w-, b- — видимо, старые классные показатели); ПСК *Hr̄öšwE. Исправления: убых. ša; рут. wäš, цах. wäš, арч. bašša-.

№ 26. В зап.-кавк. языках, собственно, два корня:

а) абх. ça, адыг. *ça (> адыгейск. ça, каб. ša) 'новый, молодой', сюда же, видимо, убых. ça 'хороший' (ПЗК *çwa) (убых. ça 'новый' не соответствует абхазской и адыгским формам фонетически);

б) абх. a-j-ç-ba 'младший', a-j-ç-га 'быть младше, меньше', убых. ça 'новый, молодой', видимо, также ça- в адыг. çəḳ 'маленький мальчик' (ПЗК *çə) (сближение адыг. çəḳ с абх. a-çḳəp 'парень' невозможно фонетически).

Из этих двух корней с ПВК *çinhV (помимо приведенных форм ср. еще чеч. çina-, хварш. eçni, ахв. çin-da- и др.) 'новый' может быть сопоставлен только второй (с реконструкцией ПСК *çinhV), так что сближение Трубецкого верно только для убыхской формы.

№ 27. ПЗК *zV 'полный' (кроме адыг., ср. еще абх. a-z-na, убых. γa-za; см. А. К. Шагиров. Цит. соч., т. 1, с. 184); ПВК *-öçV (собственно, глагольный корень 'наполнять(ся)'). Исправление: анд. -içi-du (не -çç-!). ПСК *-öçA.

№ 28. Исправления: лезг. juγ 'день', уд. beγ 'солнце'; каб. dəγā, адыг. ttəγā. Вост.-кавк. формы со значением 'день' возводятся к ПВК *h̄wīq̄q̄ī(nī) (ср. еще чеч. ʔūq̄ē 'время перед рассветом' и др.), а формы со значением 'солнце' — к ПВК *wīraq̄q̄V. Соотношение двух этих форм неясно (в сущности, в них совпадает толь-

ко один согласный q̄q̄, так что возможно, что они этимологически не связаны между собой). Зап.-кавк. формы (возможная ПЗК реконструкция *rəγa) связаны только с второй из этих форм (то есть *wiraq̄q̄V 'солнце'). ПСК *(wi)raq̄q̄A.

№ 29. ПЗК *maŋwV; ПВК *mVŋwV; ПСК *mVŋwA. См. об этом корне в ст. "Латеральные...", с. 239, 242 наст. сб. и комм. к ней.

№ 30. Исправление: абх. (a-)mza. ПЗК *maza; ПВК *wǎmccV̄ (срединный *-m- объясняет появление m- в аварском: mocc < *boⁿcc < *womcc; срединный -г- в ряде языков объясняется проникновением из косвенной основы; ср. формы типа арч. бас, косв. bosto-); ПСК *wǎmccĀ.

№ 31. Исправление: абх. (a-)je-ča. ПЗК *cwa; ПВК, ПСК *ʒʒHwǎrhi. Дарг. (урах., акуш.) игри восходит к ПД *duri (где *θ < *ʒʒ, но не < *cc; см. ниже); ср. чир. zure, кайт. zuri.

№ 32. ПЗК *zwa 'небо' (сюда же, видимо, адыг. žā-γǎ, каб. vā-γǎ 'звезда'; см. А. К. Шагиров. Цит. соч., т. 1, с. 105); ПВК, ПСК *cǎwǎ. Об этом корне см. еще комм. к статье "Исследования...", с. 453.

Вероятно, абх. -wā- в -žwān — не часть корневой морфемы, но вторая самостоятельная морфема, по-видимому, со значением 'верх' (ср. a-wā-da 'вверх'); ей соответствует -γa адыгской формы (ПЗК сложение *zwa-γwa). Поэтому абх. w̄ никак не может соответствовать ПВК *w (у Трубецкого — *b), с которым в ПЗК форме на самом деле соотносится лабиализация.

№ 33. В ПВК восстанавливаются два корня:

а) *šwǎnǎ 'год' (откуда лак. šin, анд. ge-šin, авар. son, арч. ssan, рут. sǎn, уд. u-sen, и др.);

б) *swǎŋo (и, с метатезой, *rǎšwo) 'год; старый' (откуда авар. -asra- 'старый, ветхий', ахв. -ašara- — то же, чеч. šo (ген. šeran) 'год', šira 'старый', лезг. jis 'год', sur 'старый', таб. jiss 'год', jirssi 'старый', дарг. dus 'год' и т.д.).

Убых. ša 'год' (возможная ПЗК реконструкция *šwa) правильней было бы сравнивать с первым корнем, тогда как со вторым можно сопоставить ПЗК *žwə 'старый' (откуда абх. ž̄(ə), убых. ž̄ə, адыг. ž̄ə 'старый'). Озвончение в ПЗК, видимо, связано с утратой ларингала ə (ср. аналогичный случай в № 18).

№ 34. Адыг. γa — собственно 'год' (значение 'лето' более позднее; см. А.К.Шагиров. Цит. соч., т. 1, с. 124) < ПЗК *γa 'время, возраст' (ср. еще убых. γa 'время, возраст', абх. ā-п, абаз. аза 'пора, сезон'). Поэтому зап.-кавк. форму лучше сближать с другим вост.-кавк. материалом: тинд., год. q̄q̄aγu 'время', дарг. aγ 'возраст; погода', лак. aγ 'пора цветения' и др. (ПВК *jVr̄q̄q̄V || *q̄q̄VjrV 'время').

Среди вост.-кавк. форм, приведенных у Трубецкого, выделяются два корня: а) арч. qitt-iq, агул. γul, рут. γal-d, цах. γal, анд. q̄q̄inu и др. (ПВК *GGHǎlni); б) лак. γi (ген. γint-nil), дарг. куб. hani-ši, чир. ha 'лето', видимо, также чеч. ə ā (ген. əāna-n) 'зима' (ПВК *γwǎnəV). Из этих корней второй может быть сопоставлен с ПЗК *γwa 'весна, лето; время' (откуда адыг. (jə)γa 'время, срок, пора', убых. wa- в wa-fa-da 'весна', абх. ā- в āpən, абаз. əa в əarpə 'весна').

№ 35. ПЗК [*γwaγwa]; ПВК, ПСК *q̄ur̄q̄V. Арч. форма (имеется в виду, вероятно, арч. q̄iγ-ti 'крик'), лак. q̄u и чеч. q̄owq̄aγ к данному корню не относятся (из лакского ср. лучше q̄ur̄q̄ur̄ 'грохот', из чеч. γuγ 'гул, грохот'; ср. еще кар. γur̄γur̄i 'гром'). Слово, очевидно, оноματοпоэтическое.

№ 36. Адыг. хə (вместе с абх. a-mšəp, убых. ša < ПЗК *ŋwə 'море') следует сравнивать не с ПВК *ххǎnǎ 'вода', а с ПВК *jǎŋwī 'море' (см. комм. к статье "Латеральные...", с. 446); следует учесть, что арч. ηat 'море', видимо, заимствовано из авар. гаηад.

№ 37. ПЗК [*mǎŋə]; ПВК, ПСК *mǎŋλ(w)ǎ. Об этом корне см. статью "Латеральные...", с. 241, 243 и комм. к этой статье.

№ 38. В ПЗК реконструкции есть проблемы: по-видимому, нужно восстанавливать исходную форму *maçwa с колебаниями тембровых и ларингальных признаков корневого согласного (*maçwa > адыг. māšā; *maçwa > *maswa > абх. á-maç-s 'молния' и, с вторичной делабиализацией, á-mca 'огонь'; *maçwa > *mažwa > убых. mǎžā). Причина этих колебаний пока неясна. Слово сопоставимо с ПВК *cǎju 'огонь' при условии префиксального характера *ma- (что касается лабиали-

зации *сw в ПЗК, она могла быть вторично обусловлена начальным лабиальным m-).

№ 39. Сомнительное сближение — прежде всего поскольку вост.-кавк. корень, обозначающий 'кремень' (сюда не относится авар. gatač 'камень', поскольку в авар. есть собственно mači 'кремень'), восстанавливается сейчас в виде *mōq(V)çV (ср. еще лак. nuwça, чеч. mōqaz 'кремень'). Даже при предположении о выпадении *-q- в ПЗК (в сочетании согласных) было бы лучше сопоставить с ПВК формой абх. -ša-nça, ашх. ša-mça 'кремень' (где ša может соответствовать адыг. ηа 'точить'), а не адыг. məža 'камень'.

№ 40. К абх. -žə-ka, убых. žə ср. еще адыг. *čə-γə (адыгейск. šəγə, каб. šəγ), 'соль'; см. А. К. Шагиров. Цит. соч., т. 2, с. 142 (ПЗК *žə||*čə). Однако по фонетическим причинам данный корень нельзя сравнивать с ПВК *ççwēnHV (в лак. çu; ср. еще бежит. саⁿ и др. цезские) — ПВК свистящему çç не может соответствовать ПЗК шипящий. ПВК форму лучше сравнивать с абх. а-сā, абаз. с-за 'солёный'.

№ 41. ПЗК [*rəšwa] (одна из возможных праформ); ПВК *rVwsswi (кроме нахской формы, ср. еще дарг. dubsī, лак. duwssi 'красная медь', табас. jiš-ur 'золото'), ПСК *rVwsswi.

№ 42. Исправления: убых. tafa; бацб. tateb. Корень может быть и исконным, однако вызывает подозрение его изолированный характер как среди зап.-кавк., так и среди вост.-кавк. языков. Поэтому можно думать о сравнительно позднем культурном заимствовании (ср. сир. tūtiya 'цинк, сульфат цинка', откуда в более позднюю эпоху заимствованы груз. tutia, лак., авар. tutija и др. 'цинк').

№ 43. [ПЗК *wəссə] (адыгейск. wəссə, каб. wəз); ПВК *wūсV (кроме чеч. и других нахских форм, ср. еще год. besi 'трава'); ПСК *wūсV. Связь с корнем *ōсV 'косить' (табас. и лезг. формы, приведенные Трубецким, видимо, относятся к другому корню; к аварской, лакской и агульской формам ср. еще уд. оса-psun, бацб. -асаг 'косить') не исключена, хотя в таком случае нужно предполагать аблаутное чередование гласных в корне.

№ 44. Это сближение вызывает некоторые сомнения с точки зрения фонетики (не ясна редупликация в ПВК) и семантики (в адыг. на самом деле 'кизил'; см. А. К. Шагиров. Цит. соч., т. 1, с. 204). Адыгскую форму (вместе с абх. а-bgə-žag абаз. zağə 'кизил' > ПЗК *žə) следует, скорее, сопоставлять с ПВК *zəjzəthV 'рябина; кизил' (откуда инг. esti 'кизил', год., чам. azal, цез. asa 'рябина' и др.) Вост.-кавк. формы, приведенные Н. С. Трубецким (кроме рут. ziza и агул. zaz, имеющих другие этимологии), восходят к ПВК *cāсə 'колючка', наиболее вероятное соответствие которому в зап.-кавк. — это адыгейск. ссāссā, каб. zāsā 'вертел' (этимология последнего слова, приведенная у Шагирова (см. цит. соч., т. 1, с. 164), малоубедительна).

№ 45. Сближение едва ли возможно по фонетическим причинам: не ясна абруптивность в абхазском. ç. Могут быть предложены альтернативные сближения: для абх. ça 'яблоко' ср. ПВК *çwVjnV 'плод' (ср. буд. çuni, лезг. ахт. çiniç, чеч. stōm и др.); для ПВК *çəämçə 'яблоко; мушмула' (кроме приведенных форм, ср. еще хинал. муç 'яблоко', чеч. hams 'мушмула' и др.) ср. ПЗК *bə-(n)сwV 'мушмула' (абх. а-баç, убых. bгəç, адыг. шапс. nāpса).

№№ 46—47. Исправления: рут. χεуг, арч. хert, дарг. qar (диал. qar), цах. žixə. Внутри зап.-кавк. языков никак нельзя разделять абх. -ha 'груша' и убых. ха — то же, которые вместе с адыг. qəqəžə, каб. qə-ž (см. А. К. Шагиров. Цит. соч., т. 1, с. 238) восходят к ПЗК *qwa 'груша'. Данная форма, действительно, сопоставима с ПВК *qHweгV (откуда, кроме приведенных форм, еще чеч. qog 'груша' и др.). Андийские формы, приведенные в № 46 (вместе с гунз., бежит. hiⁿ, авар. geni 'груша' и др.) восходят к ПВК *gōnHV, западнокавказские соответствия для которого отсутствуют.

№ 48. ПЗК *сswə; ПВК, ПСК *jəтсō.

№ 49. Сближение вряд ли приемлемо (хотя ранее мы его принимали; см. С. А. Старостин. Культурная лексика в северокавказском словарном фонде. — В сб.: "Древняя Анатолия". М., 1985). Чеч. jett относится к предыдущему корню (о развитии *-mç->tt см. ниже, с. 462). Рут. zār, цах. zet вместе с криз. žag, буд. zəг, кар. zini, хварш. ziⁿhi и др. восходит к ПВК *cārнV 'корова', веро-

ятно, являющемуся сравнительно поздним индоевропейизмом. Поэтому абх. -ž(ə) (а также убых. тэ-ž-γə 'телка' < ПЗК *(mə-)zwə) следует, скорее, сопоставлять с ПВК *ə̃ỹčw̃ỹ(IV) 'телка' (откуда чеч. ēsa, бацб. asse 'теленоч', анд. čoga, авар. žačar, рут. luč и т.д. 'телка').

№ 50. Исправления: убых. čə; лак. ču. ПЗК *čwə; ПВК *h̄y[n]čwV (кроме приведенных форм, ср. еще арч. poš, дарг. ugči, ахв. iča и др.); ПСК *h̄y[n]čwĒ.

№ 51. Это сближение вряд ли приемлемо. См. А. К. Шагиров. Цит. соч., т. 1, с. 96, где выдвигается более вероятное сопоставление ПЗК *p-zV 'самка' (откуда еще абх. -ps, убых. -bza) с ПВК *ççwVjV – то же (откуда авар. ççija-, лак. ссу-, чеч. stu).

№ 52. Убых. tə 'баран'. ПЗК *tə||*tə (с колебанием по абруптивности; ср. еще абх. a-tə); ПВК *danəV (кроме лак. и анд. форм, ср. еще чеч. tō 'баран старше 1 г.' и др.). Сближение вполне вероятно (хотя колебания ларингальных признаков в анлауте не вполне ясны).

№ 53. Абх. -h̄a, убых. χ̄a, ПЗК *qwa; ПВК, ПСК *HVqwa (несмотря на малую распространенность корня в восточнокавказских языках, сближение представляется вполне надежным).

№ 54. Исправления: убых. wa; уд. ха, табас. ххuj, цах. χ̄a. Сближение весьма вероятно, хотя есть и некоторые фонетические трудности, связанные с реконструкцией начального согласного. ПЗК *dl̄wa (ср. еще абх. a-la); ПВК *χχwĒHje; ПСК *χχw[1]ĒHje.

№ 55. Убых. dəγə. ПЗК [*rəgwə] (одна из возможных праформ); ПВК *r̄idd̄wV (кроме чеч. формы, ср. еще ахв. геλλу 'белка', тинд. геλλу 'куница' и др.); ПСК *r̄iggwA.

№ 56. ПЗК *l̄a; ПВК, ПСК *dl̄ār(H)V (кроме андийских форм, ср. еще хинал. kizä(<*r-), инг. ler-g 'заяц').

№ 57. ПЗК *(a)mVt̄V(|| *(a)mVt̄V) 'змея' сопоставимо только с табас. beṭ (лит. bit), которое (вместе с лезг. büṭ-rük 'личинка зеленой мухи', гунз. bəṭi, бежит. beṭela 'червь') восходит к ПВК *bVt̄V (или *ppVt̄V) 'червь'. Возможная ПСК форма – *bV(m)t̄V. Что касается арч. jaṭi, то эта форма заимствована из лак. jaṭi 'червь, личинка', восходящего к ПВК *h̄wet̄i 'червь' (ср. еще табас. h̄üt-ri 'пиявка', авар. h̄uṭ 'червь', бежит. haṭola 'глист' и др.). С последним можно было бы сопоставить адыг. dəwa 'пиявка' (и убых. dəwa – то же), если предположить вторичное озвончение *t̄>d (в результате утраты ларингала).

№ 58. ПЗК *č̄a; ПВК, ПСК *n̄əmz̄z̄ĕ (ср. еще хинал. n̄imç). В нахском произошло раннее развитие *n̄əmz̄z̄ĕ > *m̄ĕz̄z̄ĕ > *maçi, поэтому сочетание -mz̄z̄ не дало ожидаемого рефлекса -tt-.

№ 59. В зап.-кавк. выделяются два корня: а) абх. -x(ə) - 'молоко' (в сложениях á-x-š 'молоко', букв. 'белое молоко', á-xə-z 'сыворожка' и др.), адыг. *č̄a 'молоко' (адыгейск. ša, каб. ša) < ПЗК *λə; б) абх. -č̄(ə) 'вымя' (абх. a-č̄-gə-ḡ, абаз. č̄ə), возможная ПЗК форма *č̄ə. Убых. č̄a 'молоко' либо нужно считать адыгским заимствованием (поскольку соответствие убых. č̄ : абх. x отсутствует), либо считать родственным абхазскому -č̄(ə) 'вымя' (с модификацией значения под влиянием адыгейского). Первый из этих корней (ПЗК *λə) не может соответствовать приведенным у Н. С. Трубецкого вост.-кавк. формам, но, скорее (при допущении делабиализации) связан с ПВК *ḡāl̄wV 'молоко, масло' (откуда авар. гах 'молоко', цез. giη, бежит. геη 'масло', дарг. daki 'жир', агул. if-al 'сливочное масло' и др.). Что касается второго корня (ПЗК *č̄ə), то он, действительно, может соответствовать анд. š̄šiwu, диал. š̄šimu 'молоко' (ср. еще год. š̄šin̄wu 'молоко', инг. š̄im, чеч. š̄in 'вымя', лак. š̄šaj 'молочная сыворожка' и др., ПВК *š̄šiməV), если предположить для ПЗК *č̄ə стяжение из *d-š̄ə (с префиксальным элементом). Наконец, чеч. š̄uga 'молоко' никак не связано с рассмотренными выше формами и восходит (вместе в агул. š̄šüg 'жидкая брынза' и др.) к ПВК *š̄w̄igV, которому, вероятно, соответствует абх. aš̄, абаз. aš̄ə 'сыр'. Таким образом, приведенные Трубецким слова отражают сразу три северокавказских корня.

№ 60. В адыгейском k̄an̄ka, č̄an̄ča, но не k̄kan̄k̄ke; поэтому адыгейскую форму лучше сопоставлять не с ПВК *k̄imuk̄V (откуда приведенные у Трубецкого вост.-

кавк. формы), но с ПВК *q̄k̄k̄enV 'яйцо; ягодка; зерно' (> анд. q̄oq̄oṇ, кар. qarq̄an и др. андийские 'яйцо', авар. q̄oq̄oṇu 'виноградина; ягода' и др.).

№ 61. Это сближение, по-видимому, неприемлемо (другие примеры соответствия ПВК *ʒʒ: адыг. с нам неизвестны).

№ 62. Убых. q̄a 'рог' связано с адыг. -q̄q̄a в bzā-q̄q̄a 'рог' (см. А. И. Абдоков. Фонетические и лексические параллели абхазско-адыгских языков. Нальчик, 1973, № 42; иначе А. К. Шагиров. Цит. соч., т. 1, с. 88) и восходит к ПЗК *q̄q̄wa. Сравнение с лак. q̄i (и дарг. чир. qe) 'рог' приемлемо (возможная ПВК и ПСК реконструкция *q̄w̄iHV), однако некоторые сомнения вызывает малая распространенность корня в вост.-кавк. языках.

№ 63. ПЗК *(b)la 'глаз' (где b — префиксальный элемент; связь с адыг. на 'глаз' пока неясна); ПВК, ПСК *ɔ̄w̄ilhi. Начальный лабиальный в некоторых вост.-кавк. формах восходит к лабиализованному ларингалу.

№ 64. Адыг. nāṭa 'лоб' (вопреки А. Кейперсу (см. А. Н. Куйперс. Phoneme and morpheme in Kabardian, 's-Gravenhage, 1960, p. 111) и А. К. Шагирову (см. цит. соч., т. 1, с. 274), вряд ли разложимо на адыгской почве) лучше сопоставлять не с приведенными у Н. С. Трубецкого формами, но с ПВК *nHVt̄V 'лоб, лицо' (откуда лак. niṭa 'лицо', табас. unṭ 'лоб', агул. unet̄ 'бровь' и др.).

№ 65. Исправления: убых. са-ḳ̄ə, абх. -с 'клык' (значение 'зуб' только в сложениях). ПЗК *ссə, ПВК *s̄ȳt̄əV̄. Усиление *с > *сс в ПЗК, видимо, было вызвано удлинением гласного первого слога после редукции конца слова.

№ 66. Исправление: табас. melʒ (не meʒ). ПЗК *bəz̄V; ПВК, ПСК *melç̄ç̄i (деназализация *m- > b- в ПЗК обязательна при наличии срединного неносового -г- и -l-).

№ 67. Соответствия 'адыг. ɔ̄, убых. q̄ (< ПЗК *q̄, *q̄q̄ с фарингализацией) : ПВК *k'', видимо, не существует. ПЗК *q̄a (или *q̄q̄a) 'рука' лучше сравнивать с ПВК *q̄q̄w̄iHV 'рука' (откуда авар. q̄q̄wal 'рука', лезг. q̄ul-ak 'за пазухой', хварш. q̄e 'плечо' и др.). ПСК *q̄q̄w̄ĒiHV.

№ 68. Н. С. Трубецкой, видимо, имеет в виду агул. bizi 'сосок, женская грудь' (в андийском нам этого слова обнаружить не удалось). Параллель вызывает сомнения — как ввиду изолированного характера агульского слова, так и из-за очевидного 'детского' характера лексемы.

№ 69. Сближение вполне возможно. Реконструкции: ПЗК *ḡw̄ə; ПВК, ПСК *j̄er̄kw̄i.

№ 70. Каб. žažej, адыгейск. žažəj 'почка' (убых. žažija < адыг.), несмотря на фонетические трудности, вряд ли можно отделять от абх. -ṣaṣa, убых. ṣaṣa 'почка'. Можно предположить исходное колебание *ṣaṣa || *ṣwaṣwa; тогда адыгскую форму можно рассматривать как результат вторичного озвончения *ṣwaṣwa > *žwažwa > *žažə(jə). ПЗК *č̄(w)ač̄(w)a лучше сравнивать не с уд. ziz-am 'селезенка' (вместе с цах. zylz-am, рут. ziliz, табас. želerž, дарг. чир. zilaz, восходящим к ПВК *zwilerʒwV), но с вост.-кавк. формами типа дарг. ur-сес, хинал. çiçin 'почка' (ПСК *çEçV). Что касается ПВК *zwilerʒwV, то ему соответствует ПЗК *žwanVzwV > абх. a-vanəza, абаз. zanəza 'селезенка', адыгейск. žanaž 'сычуг', возможно, также каб. žanfa-n 'внутренности (животного)'.

№ 71. Исправление: убых. ха. ПЗК *xwa (ср. еще абх. a-ša-xa-g 'мозг в кости плюсны, плюсна', где ša- 'нога'; см. Г. А. Климов. Абхазско-адыгские этимологии 1 (исконный фонд). — В сб.: "Этимология 1965". М., 1967, с. 303, 305); ПВК, ПСК *xhw̄iHV (кроме лак. и чеч. форм, ср. еще авар. (с метатезой) giḳ 'жила, кровеносный сосуд').

№ 72. Абх. бзыб. (по Н. Я. Марру) a-ž 'желчь'. Если эта форма верна, следует восстанавливать ПЗК *žə (и с редупликацией *žəžə) 'желчь'. Приведенные вост.-кавк. формы восходят к ПВК *c̄w̄ajmi и не могут соответствовать ПЗК *žə. Данная форма, скорее, связана с ПВК *ž̄awV 'почка, печень' (откуда цез. žubi, гунз. šebu 'печень', авар. -žo 'почка' и др.). Что касается ПВК *c̄w̄ajmi 'желчь; гнев', то этому корню соответствует ПЗК *žwə в *ḡwə-žwə (где *ḡwə 'сердце') 'злоба, гнев' (убых. ḡə-ž̄, адыг. -ḡə-ž̄, абаз. ḡə-ž̄ и др.).

№ 73. ПЗК *l̄ə (сюда же убых. la 'внутренности'); ПВК, ПСК *ḡəll̄ȳ. См. об

этом корне статью "Латеральные...", с. 240, 243 и комм. к этой статье.

№ 74. По-видимому, абх. *jaʒa* 'брат' не связано с адыг. *čə (> адыгейск. *ʒə*, хакуч. *čə*); см. А. К. Шагиров. Цит. соч., т. 2, с. 140. Что касается адыгского *čə, то эта форма вместе с убых. *ʒə* в *ʒə-ŋa* 'брат' восходит к ПЗК *čwə || *ʒwə 'брат' = ПВК *u-ŷčwi (откуда, кроме приведенных форм, также анд. *wocci*, авар. *wacc*, лак. *ussu*, дарг. *uzi* и др.)

№ 75. Адыг. *wəna* (не *həna*). Данное сравнение следует отвергнуть. Вост.-кавказ. корня, приведенного Н. С. Трубецким, не существует (уд. слово заимствовано из азерб. < араб.), а чеч. *bən* 'гнездо' и *bun* 'шалаш' не имеют надежной этимологии. ПЗК *γwəna 'дом' лучше сравнивать с ПВК *GGwīnHV 'хижина; хутор' (откуда цез. *qun*, гин. *qen* 'хижина; хутор', ахв. *qəqə* 'хутор', чеч. *pha* 'селение' и др.).

№ 76. Сопоставление сомнительно по причине изолированности убых. (*χəʒa*) и арч. (*χoʒon*) форм. Арчинское слово, кроме того, имеет отглагольное происхождение.

№ 77. Исправление: убых. *ɾsa*. ПЗК *(*p*)*sa*; ПВК *ʒwɛrɔʔ (ср. еще табас. *čsur*, дарг. *u* < *ʒu и др.). В ПВК отсутствует ожидаемая палатализация *č, но в остальном соответствия регулярны. ПСК *ʒwVɾɔʔ.

№ 78. Сближение вряд ли приемлемо. Хотя адыг. *ʒəxə и не имеет надежной этимологии (см. А. К. Шагиров. Цит. соч., т. 2, с. 160), эту форму все же по фонетическим причинам нельзя сравнить с ПВК **-ilqV* 'работать' (откуда, кроме чеч. *b-ωlx*, также дарг. чир. *luq-*, табас. *lix-*, арч. *irx-mus* 'работать' и др.).

№ 79. Адыгское слово разложимо на адыгской почве ('то, что попало в руки'; см. А. К. Шагиров. Цит. соч., т. 2, с. 162), поэтому сближение неприемлемо; фонетически оно также недостоверно.

№ 80. Сближение вряд ли приемлемо. Адыг. *χə* 'становиться; спеть, зреть' (с превербом *ха-* также 'увеличиваться') восходит к ПЗК корню *χwə 'расти, увеличиваться' (к этому же корню относится и убых. *-χə-*, абх. *a-z-ha-ŋa* — то же), возможная параллель для которого — ПВК **-əlqV* 'поднимать(ся), быть высоким' (дарг. *aq-* 'подниматься; высокий', лак. *laqa-* 'подниматься', *laq-* 'высокий', чеч. *leqa-* 'высокий', авар. *-oɣx-* 'поднимать', *-oɣxa-ta-* 'высокий' и др.), хотя и неясен источник ПЗК лабиализации. Что касается ПВК **-ixV* 'быть, стать' (см. еще "Латеральные...", с. 238 и комм. к этой работе), то этот глагол лучше сопоставлять с ПЗК *xV (~**λ-*, *λ-*) 'быть, стать' (убых. *-ʒə-*, абх. *-xa-*).

№ 81. Вряд ли приемлемо (об отсутствии соответствия зап.-кавказ. увулярных вост.-кавказ. велярным см. комм. к № 67). ПЗК **q̄q̄a* 'быть' (> адыг. *ɔa*, абх. *-q̄a-*, абаз. *-ɔa-*) следует, скорее, сопоставлять с ПВК **-iq̄wV* 'сидеть; быть' (> агул. *iq̄as* 'сидеть', гунз. *z-uq̄-a* 'быть', авар. *-uq̄-* 'быть', лак. *-iqa-* 'быть; иметь' и др.). ПСК **-iq̄(w)E*.

№ 82. К убых. *-ʒə-* ср. еще адыг. глагольный суффикс возвратного действия (адыг. *-ʒə-*, каб. *-zə-* '(двигаться) обратно'); см. А. К. Шагиров. Цит. соч., т. 1, с. 76. ПЗК *ʒV; ПВК **-ičwV* 'входить/выходить; спускаться' (к приведенным ср. еще дарг. *-ač-*, лак. *uča-* 'спускаться', хинал. *-ci-* 'войти' и др.); ПСК **-ič(w)E*.

№ 83. Адыг. *ča 'везти, вести, нести' (ср. еще хакуч. *ča-*). Возможная ПЗК форма *čwa = ПВК **-ačwV*, откуда, кроме уд. *eč-sun* 'принести, привезти', происходит и лезг. *qq-ač-* 'брать', дарг. *-uč-* 'собирать', авар. *-ačč-* 'везти, нести' и др. Однако авар. *-ačine* 'вести' восходит к другому корню: ПВК **-āčVn* 'идти, вести' (ср. еще лак. *ači-* 'идти', чеч. *q-ač-* 'достигать', год. *-ečiⁿ* 'вести' и др.). С этим корнем может быть сопоставлено абх. *-ča-* 'идти' (возможная ПЗК форма *ča).

№ 84. Исходное значение ПЗК корня *dlwa || *dlwə, видимо, не 'нести', а 'входить, идти' (см. А. К. Шагиров. Цит. соч., т. 1, с. 188, т. 2, с. 123; ср. еще абх. *-ta-la-* 'входить внутрь'). Этот факт, а также фонетические соображения заставляют отказаться от сближения с ПВК **-VχχV* 'нести, уносить' и предложить сравнение с ПВК **-VɾλλV* 'идти, входить' (откуда арч. *alıs* 'приходить', агул. *argis*, диал. *ages* — то же, лак. *ukka-* 'войти', авар. *-iλλine* 'ходить, идти', чеч. *leɬ-*, бацб. *leŋ-* 'идти, двигаться' и др.). ПСК **-Vɾλλ(w)A*.

№ 85. В ПВК здесь два корня:

а) цах. *-aqqas*, рут. *h-aqqas*, лезг. *qun* (ср. еще уд. *aq-sun* 'брать, держать', цез.

-iq- 'хватать', авар. q̄qa-ze 'сжимать (ся), закрывать (ся)' и др.), ПВК *-aGGV;

б) уд. b-iq̄-sun 'держатъ, хватать' (ср. еще табас. -iq-uz, арч. хос 'находить', гунз. -оха 'братъ, держатъ', авар. kkweze 'держатъ, ловить' и др.), ПВК *Vq̄q̄wV.

Убыхское q̄a (при условии происхождения из ПЗК *q̄q̄wa) сопоставимо только со вторым из этих корней, в то время как первому соответствует ПЗК *Ḡa (~ *γa) 'братъ, держатъ' (убых. -γa, адыг.-γa; см. А. К. Шагиров. т. 2, с. 162).

№ 86. Сближение сомнительно из-за изолированного характера удинской формы (в словаре В. Гукасяна отсутствует).

№ 87. К убых. -x̄a- и адыг. -x̄a- следует привлекать не абх. -ha-, а абх. -ša- 'попадать' (см. А. К. Шагиров. Цит. соч., т. 1, с. 188). О сопоставлениях ПЗК *x̄wV: ПВК *ēxV и ПЗК *ñwV: ПВК *-rVη(w)V см. статью "Латеральные..." — наст. сб., с. 238, 240 и комм. к этой ст. Для абх. -ha- возможная ПЗК форма *xa, которую можно сопоставить с лак. aha- 'падать', тинд. -ax- — то же, табас. ax-uz 'лежать, спать' и др. (ПВК *-axV).

№ 88. Ср. еще лезг. rигг awun 'взлетать'.

№ 89. С точки зрения фонетики это сближение вызывает сомнения (см. комм. к №№ 67, 81).

№ 90. Исправление: рут. асəп. ПЗК *ça (ср. еще абх. -ça- 'учиться'; адыг. ša < *ç-qa с суффикальным -qa; ср. шапс. šqa-; см. А. К. Шагиров. Цит. соч., т. 2, с. 152); ПВК *-āmc̄V (||*-āwçV) (кроме приведенных форм, ср. дарг. -umçes 'искать', гунз. -aⁿca 'видеть', чеч. owz-, бацб. -arç- 'знать' и др.); ПСК *-āmc̄E.

№ 91. ПВК *-āz̄z̄V 'болеть' лучше сопоставлять не с убых. çaç̄(ə)- (для которого возможна иная этимология), но с ПЗК *z̄V 'болеть' (убых. z̄a-γ̄a 'болезнь', каб. wəz 'болезнь, больной', wəzə-γ̄a 'болеть', абх. -zaw̄- 'болеть', абаз. z̄ja 'болезнь'); ПСК *-āz̄z̄E. Отметим нерегулярность в даргинской форме (ожидалось бы -içis, диал. -izis).

№ 92. Здесь два корня:

а) адыг. -zəzə-, убых. bzabza-, ПЗК *(b)zVzV: ПВК *z̄ōr̄z̄V (кроме лезг. zurzun, сюда относится агул. zurzas, дарг. zerzer-biķes 'дрожать', лак. zurzu 'дрожь', авар. zurzu-dize 'унывать' и др.);

б) ПЗК *səsə (> адыг. səsə- 'шататься, трястись'): ПВК *-rVswV || *swVrswV 'дрожать, трястись' (откуда, кроме арч. assas и авар. soro-ze, еще табас. riš-uz, дарг. serser-iķes, кар. sera- и др.).

Оба корня, очевидно, экспрессивные.

№ 93. Убых. q̄a, абх. -mħa-, ПЗК *q̄a 'кашлять' (лабиализация в абх., видимо, вторична из-за -m-). ПВК *q̄q̄eə^εV 'кашель' (ср. еще чеч. qah). Соответствия вполне регулярны, хотя корень, очевидно, звукоподражательный.

№ 94. В данном корне в ПВК восстанавливается ларингал *-ɔw-(*VɔwV); ср., кроме приведенных форм, еще буд. -uɔ, лезг. l-uh-uz, цах. ehes и др. Исходные ПСК ларингалы в ПЗК выпали (для ПЗК ларингалы вообще не реконструируются), поэтому сближение ПВК *-VɔwV и ПЗК *q̄(w)a 'говорить' вряд ли приемлемо.

№ 95. ПЗК *zwV 'пить' не может соответствовать дарг. -ir̄ʒis (ПЗК свистящие не соответствуют ПВК шипящим). Скорее, нужно сравнивать этот корень с ПВК *-Vz̄z̄Vr (~-çç-) 'пить' (арч. ça-bus, кар. ççar-, ахв. ççar- и др.). Что касается дарг. -ir̄ʒis 'пить', то эта форма восходит к ПВК *ō(r)z̄z̄Vl 'пить, цедить, доить' (откуда еще лак. ħaça- 'пить', авар. -eçç-ize 'доить', тинд. ççal- — то же и др.). О наиболее вероятном зап.-кавказ. соответствии для этого корня см. под № 97.

№ 96. С приведенным вост.-кавказ. материалом (ПВК *-V̄t̄wV 'лить, мокнуть') лучше сравнить ПЗК *t̄V || *t̄Vt̄V 'жидкий, мягкий' (убых. t̄ə, адыг. -t̄at̄ə- 'выливаться (о густой массе)' и др.; см. А. К. Шагиров. Цит. соч., т. 2, с. 85).

№ 97. ПЗК *z̄ə 'цедить' (кроме адыг., ср. еще убых. -za-||zə-, абх. -z̄a-||-z̄a-) по фонетическим причинам лучше сравнивать с ПВК *ō(r)z̄z̄Vl 'пить, доить, цедить' (см. под № 95). Приведенные Н. С. Трубецким восточнокавказские формы отражают два ПВК корня: *-Vn̄z̄V 'доить' и *-Vm̄z̄V 'лить, мочить; купаться, плавать' (ср. еще лак. huzun, дарг. -izes 'плавать, купаться', авар. -izine 'намочить, пропитываться' и др.). Первый корень не имеет зап.-кавказ. параллелей; к второму ср. ПЗК *z̄V в убых. -z̄a-ša-, абх. -z̄-ša-||-z̄-ça 'плавать'.

№ 98. Данное сближение неприемлемо. ПЗК *zwV (ср. еще абх. -ž(ə)-) значит только 'варить(ся)', в то время как ПВК *-Vm̄Vr (ср. еще чеч. -att- и др.) значит только 'жарить'. ПВК форму лучше (вслед за Б. Х. Бокаревым; см. Б. Х. Бокаров. Лексические встречи адыгских языков с дагестанскими. — УЗКБНИИ, 1964. т. XX, серия филол., с. 100) сравнивать с ПЗК *žwV 'жарить' (> убых. ža-, адыг. ža-, абх. -ž(ə)-).

№ 99. ПВК *-Vt̄Vl 'вязать, связывать', скорее, следует сравнивать с ПЗК *ta 'развязывать(ся)' (> убых -ta-, адыг. -tā-ta-, абх. -(r)t̄-la-).

№ 100. ПЗК *šwV; ПВК *-VrššV; ПСК *-Vršš(w)E 'ткать'.

[5] Чеч. tt (< ПН *tt, *t̄t) отражает не *ʒ, но различные ПВК свистящие и палатальные аффрикаты в позиции после носовых -n-, -m- (иногда также -l-). Так, имеем: jett 'корова' < *jəmcō 'бык' (см. №№ 48, 49 и комм.), -ωtt- 'лить' < *-Vm̄zV (см. № 97 и комм.), hätt 'гумно' < *h̄r̄ən̄z̄z̄V (ср. кар. hinc̄se и др.), hätt 'лишай, экзема' < *h̄r̄m̄z̄z̄ū 'трязь, слизь' (ср. лак. ə̄unc̄u 'сопли' и др.), latta 'земля, суша' < *l̄m̄z̄z̄i (ср. дарг. чир. lamze, куб. lamde 'трязь, глина' и др.), rott 'брусочек' < *r̄h̄n̄z̄z̄V (ср. лак. ran̄c̄ 'чижик, деревянная палочка'), dätta 'масло' (< *t̄āl̄z̄z̄V; ср. табас. darcc < *-l- 'жир' и др.), itt 'десять' < *ūēnc̄i (см. № 24), butt 'луна' < *w̄m̄c̄c̄V (см. № 30), mott 'язык' < *mel̄c̄c̄i (см. № 66 и комм.), ättū 'правый' < *ə̄Vn̄z̄z̄V (ср. анд. han̄ç̄il и др.), hüttare 'зло, досада' < *ə̄r̄m̄c̄V (ср. кар. han̄ç̄ob 'ложь' и др.), nitt 'крапива' < *m̄h̄n̄c̄c̄i (ср. кар. miç̄c̄i и др.) и т.д.

[6] Исправления: арч. sott̄əq, qott̄əq, ηann̄əq.

[7] Соответствия, установленные Н. С. Трубецким для восточнокавказских аффрикат, были несколько видоизменены Бокаревым (цит. соч.), но вновь приняты (с некоторыми модификациями) Гигинейшвили (цит. соч.).

Отличия нашей реконструкции проще всего изобразить в виде таблицы с рефлексамми в основных восточнокавказских языках и соответствиями в западнокавказских. (Написание (R)C обозначает срединное или конечное сочетание с плавным -r- или -l-, причем исходный плавный может выпадать; написание (N)C обозначает то же самое, но с носовым -n- или -m-).

Соответствия эти могут несколько модифицироваться под влиянием различных позиционных факторов (вокалического окружения, фарингализации и лабиализации). В ПЗК все незвонкие аффрикаты перед исконно долгими гласными усиливаются и совпадают в одном ряду сильных (так называемых "преруптивных") согласных (ПЗК *cc, *c̄c̄, *λλ, *qq).

Таким образом, на месте "звонких" аффрикат Н. С. Трубецкого сейчас восстанавливаются: а) звонкие, б) непридыхательные сильные, в) срединные геминированные смычно-гортанные (в позиции после плавных -r-, -l-). На месте сильных смычно-гортанных Трубецкого в основном (кроме латерального ряда) восстанавливаются геминированные звонкие. Геминированные же глухие и глухие непридыхательные в нашей реконструкции соответствуют сильным глухим Б. К. Гигинейшвили и Е. А. Бокарева и сильным спирантам Н. С. Трубецкого (см. комм. к статье "Исследования...", с. 253 и сл.). Таким образом, корреляция по геминации распространяется на все артикуляционные классы. Есть, однако, основания считать, что геминаты в ПВК (и ПСК) не имели статуса фонем, а представляли собой варианты соответствующих негеминированных согласных в определенных просодических условиях.

Что касается соответствий между ПВК и ПЗК, то Н. С. Трубецкой верно отмечает соответствия глухих ПВК спирантов таким же ПЗК фонемам; колебание смычно-гортанных и звонких рефлексов на месте слабых смычно-гортанных в ПВК; соответствие ПВК слабых глухих аффрикат аналогичным согласным или глухим спирантам в ПЗК (заметим, что при вторичном усилении этих фонем в ПЗК они, как правило, сохраняют смычный характер).

Следует особо оговорить, что как на месте геминированных смычно-гортанных, так и на месте геминированных звонких в ПЗК могут быть смычно-гортанные или звонкие; причина этих колебаний пока неясна. Существенными особенностями западнокавказской системы являются, кроме того: перенос тембровых признаков гласных на соседние согласные и в результате усложнение системы консонантизма

ПВК	арч.	лезг.	таб.	дарг. (урах., акуш.)	дарг. (чир., куб.)	лак.	авар.	чеч.	ПЗК
*q̄q̄	xx x	x q γ	xx q	q	q	xx q	qq	γ q, (R)x	*q
*q̄	q	qq, -γ	γ (сев. G)	G	qq	qq	γ	γ	*γ
*q̄q̄	q	qq, -γ	γ (сев. G)	G	qq	xx	qq	γ q, (R)x	*γ, *G
*G	γ	γ	γ	γ	γ	γ	γ	γ	*γ
*GG	γ, -q̄q̄-	q̄, -q	qq	γ	γ	q̄	q̄q̄	q̄ γ	*q̄, *G
*q̄	q̄	q̄	q̄	q̄	q̄	q̄ q̄	q̄	q̄ γ	*q̄, *γ
*q̄q̄	q̄, -q	q̄, -γ	q̄, -γ (сев. -G)	q̄	q̄	q̄, (R)γ	q̄q̄	q̄ γ	*q̄, *γ

при упрощении вокализма; упрощение структуры корня, отмеченное Н. С. Трубецким (добавим, однако, что редукции мог подвергаться не только начальный, но и конечный слог с сонантом, а также все слоги с ларингальными).

[8] Из 100 словарных сближений, предложенных Н. С. Трубецким, могут быть признаны вполне достоверными 60 (хотя некоторые из них с исправлениями и уточнениями). Полностью отвергнуть нужно 12 сближений (№№ 6, 23, 42, 46, 61, 68, 76, 78, 79, 86, 89, 94). От остальных 28 сближений, по-видимому, также следует отказаться, но взамен можно предложить новые. Общее количество северокавказских словарных сопоставлений в настоящее время составляет уже более 700. Таким образом, убеждение Н. С. Трубецкого, что «сравнительный материал может быть еще значительно приумножен», несомненно, оправдывается.

С. А. Старостин

”СИСТЕМЫ СОГЛАСНЫХ В ВОСТОЧНОКАВКАЗСКИХ ЯЗЫКАХ”

[1] Чеченский глухой ɟ следует, скорее, рассматривать как сочетание фонем gh (аналогичное сочетаниям gɔ , gh , gʃ и т.п.), как это делал сам Н. С. Трубецкой в более ранних работах и как это принято в современных описаниях.

[2] По данным новых исследований, агульский язык имеет еще особый фарингальный (среднефарингальный) ряд, противопоставленный ларингальному и эмфатически-ларингальному.

Напротив, ”средний сибилантный” ряд удинского языка, по-видимому, результат наложения фарингализации (или, по Н. С. Трубецкому, ”эмфатической палатализации”) на заднесибилантные согласные.

[3] В лакском есть и r (см. комм. к с. 306).

[4] Лабиализованные сонорные имеются в чамалинском языке.

[5] Вернее было бы сказать, что в позиции перед лабиализованными гласными происходит нейтрализация (фонетически все согласные в этой позиции лабиализованы). Важное исключение из этого правила — андийский язык, в котором лабиовелярные перед o противопоставлены велярным.

[6] Трактовка так называемой ”эмфатической палатализации” у Н. С. Трубецкого в настоящее время нуждается в коренной ревизии. Исследованиями последних лет (проводившимися прежде всего С. В. Кодзасовым на кафедре структурной и прикладной лингвистики МГУ) установлено, что основной механизм здесь не продвижение гортани вверх (являющееся в лучшем случае побочным фактором), а сужение в среднефарингальной либо нижнефарингальной зоне поствелярной области. Сужение в среднефарингальной зоне — это собственно ”фарингализация”, а сужение в нижнефарингальной зоне — ”эпиглоттализация” (по терминологии С. В. Кодзасова). ”Фарингализация” и ”эпиглоттализация” согласных никогда не бывают противопоставлены друг другу, поэтому в практических и фонологических целях целесообразно пользоваться единым термином ”фарингализация”.

С фонологической точки зрения все восточнокавказские языки можно разделить на три группы в соответствии с их трактовкой фарингализации:

1) языки, не имеющие фарингализации вообще (нахские, аваро-андийские, ряд цезских и лезгинских);

2) языки, имеющие фарингализацию только при увулярных (заднедорсальных) согласных (иногда также при ларингальных). В таких языках (рутульский, ряд диалектов табасаранского и агульского) можно выделить, таким образом, особый ряд увулярных (иногда также ларингальных) фарингализованных согласных;

3) языки, имеющие фарингализацию не только рядом с увулярными и ларингальными, но и рядом с другими согласными. Такие языки естественно описывать как языки с фарингализованными гласными, а фарингализацию согласных считать вторичным фонетическим явлением. Таковы арчинский, ряд агульских и табасаранских диалектов, цахурский, лакский, даргинский, ряд цезских языков.

Придавая столь большое значение ”эмфатической палатализации” (фарингализации), Н. С. Трубецкой в то же время считал, что обычная палатализация в вос-

точнокавказских языках вообще невозможна (что привело его к скепсису по поводу цахурской палатализации). Тем не менее обычная палатализация в восточнокавказских языках встречается, хотя и редко: фонологически релевантная палатализация согласных имеет место в цахурском и тиндинском языках. В последнем палатализованные $k̄$, $q̄$, $ḡ$, $x̄$ противопоставлены лабиализованным k° , q° , g° , x° и нейтральным k , q , g , x , представленным в заимствованиях. О цахурской палатализации см. ниже, комм. к с. 318.

[7] В настоящее время стала общепризнанной (после многолетних дебатов) именно точка зрения П. К. Услара. Трактовка нахских комплексов типа ph , $m\ddot{z}$ и т.д. как сочетаний согласных обусловлена, во-первых, языковой интуицией носителей нахских языков, а во-вторых, общими дистрибуционными соображениями. Дело в том, что в нахских языках допустимы анлаутные сочетания согласных (типа px -, tq - и т.п.), невозможные в большинстве других восточнокавказских языков. Поэтому, если, например, в табасаранском трактовка фарингализованных согласных как сочетаний недопустима (сочетания согласных невозможны в анлауте), то для чеченского и прочих нахских языков она вполне оправдана. Более того, подобная ситуация в нахском представляется нам исключительно архаичной (весьма вероятно происхождение фарингализации в дагестанских языках из выпавших эмфатических ларингалов).

[8] Тот факт, что трактовка лакской фарингализации у П. К. Услара противоречива, обусловлен именно тем, что фарингализация в лакском носит скорее вокалический, а не консонантный характер и лишь вторично модифицирует согласные.

[9] Неточное утверждение, обусловленное тем, что Н. С. Трубецкой основывался на записях А. Дирра. На самом деле рутульская система богаче, чем лезгинская и удинская. Самыми бедными консонантными системами среди восточнокавказских языков обладают крызский и будухский, материалов по которым у Н. С. Трубецкого почти не было.

[10] Реальная рутульская система довольно существенно отличается от приведенной Трубецким (по материалам Дирра) в следующих моментах:

1) эмфатически-ларингальный $\ddot{z}$ в рутульском на самом деле представляет собой фарингализованную гортанную смычку z^{ϵ} . Кроме того, в рутульском существует фарингализованный h^{ϵ} , не отмеченный Трубецким. Таким образом, эмфатически-ларингальный ряд в рутульском отсутствует (о фарингализации см. ниже);

2) в рутульском, несомненно, имеется фонема g , противопоставленная g , а также оппозиции $ʒ - z$, $G - \gamma$, не замеченные А. Дирром (и, следовательно, Н. С. Трубецким). В некоторых диалектах (например, в мюхрекском) есть и оппозиция $\ddot{z} - \dot{z}$. Таким образом, рутульский, как и даргинский, табасаранский и лезгинский, имеет систему из пяти артикуляционных классов с противопоставлением звонких смычных и спирантов.

[11] Вопреки Н. С. Трубецкому, в рутульском действительно противопоставлены фонемы G и $\dot{q}$ (G Дирр обозначал как k с ташдидом); ср. минимальные пары типа Gul 'раб' - $\dot{q}ul$ 'голова'. Следует, однако, заметить, что звонкие смычные в рутульском артикулируются несколько "глуше", чем, например, в русском, что обусловлено иным артикуляторным механизмом озвончения (с большей степенью сведения и напряжения голосовых связок). Звонкий увулярный (заднедорсальный) G при этом производит акустическое впечатление почти глухого, что и обусловило неясность его трактовки у Дирра и частое смешение в его записях G и $\dot{q}$.

[12] Противопоставления согласных по интенсивности в рутульском языке наблюдаются. В мухадском диалекте (на котором основывается большинство описаний) существуют сильные смычные $'k$, $'q$ и $'q^{\epsilon}$, противопоставленные слабым k , q и q^{ϵ} . Таким образом, здесь противопоставление по интенсивности мы находим в тех же локальных рядах, где есть противопоставление звонких смычных и спирантов (кроме свистящего (переднесибилантного) ряда). В ихрекском диалекте система в принципе та же, но имеется еще и сильный $'t$.

С типологической точки зрения очень интересна система мюхрекского диалекта, где сильные смычные являются звонкими, то есть $\cdot g, \cdot d, \cdot G, \cdot G^e$ (ср. $h\dot{u} \cdot gas$ 'вести', $je \cdot dal$ 'болезнь', $ma \cdot G^o al$ 'крапива', $ru \cdot G^e \dot{u}d$ 'золотистый' и т.д.).

Противопоставление согласных по интенсивности в рутульском следует интерпретировать как квантитативное; сильные согласные противопоставлены здесь слабым только в интервокальной позиции.

[13] Кроме противопоставления по лабиализации, в рутульском имеет место также противопоставление по фарингализации (= эмфатической палатализации). Здесь налицо увулярные (заднедорсальные) фарингализованные $q^e, \cdot q^e, \chi^e, \gamma^e, G^e, \dot{q}^e$. Все эти согласные могут быть лабиализованными (ср. $ma \chi^e o$ 'дуб', $dad \gamma^e o ar$ 'масло', $\dot{q}^e o ad$ 'два' и т.д.). Кроме того, как указывалось выше, в этом языке есть еще фарингализованные ларингалы $\mathfrak{z}^e, h^e$ (без лабиализованных коррелятов).

Таким образом, рутульский опровергает тезис Н. С. Трубецкого о несовместимости лабиализации и эмфатической палатализации (фарингализации) в одном и том же языке.

[14] В ахтынском диалекте есть лабиализованные задние сибиланты (шипящие) $\mathfrak{c}^o, \cdot \mathfrak{c}^o, \mathfrak{z}^o, \mathfrak{c}^o, \mathfrak{s}^o$, а отсутствуют как раз лабиализованные передние сибиланты (свистящие), хотя в ахтынском говоре села Хлут встречаются и лабиализованные свистящие.

[15] Услар описывает яркинский диалект лезгинского языка. Современный литературный лезгинский язык основывается на гюнейском диалекте, однако с сильными примесями других диалектов (главным образом, яркинского).

[16] В литературном лезгинском спирант $\dot{h}$ отсутствует (он во всех случаях заменен фонемой h).

[17] Смычный ларингальный $\mathfrak{z}$ (если исключить анлаутную позицию, где он автоматически произносится перед гласными) в большинстве диалектов перешел в $\dot{q}$, но сохранился в виде $\mathfrak{z}$ в ахтынском говоре села Хлут и в фийском диалекте (ср. лит. $ma \dot{q}$ 'сало' — хл., фий. $ma \mathfrak{z}$).

[18] В современном литературном лезгинском фонема $\mathfrak{z}$ (как и $\dot{h}$) отсутствует; вместо нее в анлауте налицо $\mathfrak{z}$, а в инлауте она просто выпадает.

[19] В современном литературном языке имеются также лабиализованные передние сибиланты ($c^o, \cdot c^o, \mathfrak{c}^o, s^o, z^o$) — как результат инфильтрации ряда слов из нютюгского и гюнейского диалектов; в очень редких случаях встречаются также лабиализованные задние сибиланты — в ономатопоэтических словах (типа $\mathfrak{c}^o \mathfrak{a} \mathfrak{e} \mathfrak{r} \mathfrak{q}$ 'звукоподражание затрещине') и в немногих словах, проникших из ахтынского или курахского диалекта (например, $ma \mathfrak{z}^o$, мн. ч. $ma \cdot \mathfrak{c}^o ar$ 'астрагал').

[20] Это утверждение необходимо несколько уточнить: в табасаранском нет фонемы $\mathfrak{z}$, но есть фарингализованные ларингалы $\mathfrak{z}^e$ и h^e . Вывод о наличии в табасаранском эмфатического ларингала $\mathfrak{z}$ Н. С. Трубецкой сделал, основываясь на неточных записях А. Дирра.

[21] Добавим, что в севернотабасаранском (по результатам экспедиции МГУ) имеется еще фонема G , противопоставленная γ . В южнотабасаранском (и литературном) — $G > \gamma$.

[22] В числительном $\mathfrak{z}ibbu$ 'три' действительно представлен "долгий" b , но вряд ли можно выделять особую фонему на основании только одного слова (тем более при полном отсутствии других сильных звонких). Нужно, скорее, считать, что здесь имеет место сочетание $-bb-$.

[23] Противопоставление сильных и слабых спирантов в табасаранском имеется в северном диалекте, но полностью отсутствует в южном (на котором основывается литературный язык).

[24] Н. С. Трубецкой совершенно правильно на основании историко-фонетических данных предположил существование в табасаранском сильных $\cdot c, \cdot \mathfrak{c}, \cdot \mathfrak{c}$ в словах $\cdot sig$ 'имя', $ma \cdot c$ 'чистый', $tu \cdot \mathfrak{c}ig$ 'ложка'. Следует отметить, что в современном литературном табасаранском языке фонемы $\cdot c, \cdot \mathfrak{c}$ есть, но фонема $\cdot \mathfrak{c}$ отсутствует (она перешла здесь в $\mathfrak{z}$). Однако $\cdot \mathfrak{c}$ сохраняется во многих говорах южного диалекта (на котором основан литературный язык) и в северном диалекте.

[25] Точно так же правильным оказалось предположение Н. С. Трубецкого

о наличии в табасаранском смычно-гортанного $\dot{c}$ (в частности, в словах $ja\dot{c}\dot{u}$ '40', $uldu\dot{c}uz$ 'уходить').

[26] Н. С. Трубецкой вполне правильно истолковал оппозицию $x - \dot{x}$, записанную А. Дирром. Действительно, фонема, нотируемая Дирром как x , представляет собой сильный 'х', а фонема, записываемая им как $\dot{x}$ — слабый х ('хаг 'лето' — хаг 'дыра').

[27] В табасаранском языке имеет место не отмеченная А. Дирром фарингализация (эмфатическая палатализация). В северном диалекте ее, однако, можно считать характеризующей не согласные, а гласные (поскольку фарингализованные гласные встречаются не только в позиции рядом с увулярным и ларингалами, как, например, в рутульском, но и в других случаях, в частности рядом с губными). В таком случае нужно писать, например, 'хаг 'звезда', $ba\dot{t}ur$ 'трязь' и т.п., и надо согласиться с Н. С. Трубецким, что в севернотабасаранском противопоставление согласных по собственному тону отсутствует.

Совершенно иная ситуация в южнотабасаранском (и соответственно в литературном языке). Здесь фарингализация встречается только при увулярных (заднедорсальных) согласных и ларингалах, которые, следовательно, нужно трактовать как фарингализованные (= эмфатически-палатализованные). Таким образом, в южнотабасаранском можно отметить наличие ряда фарингализованных увулярных $\cdot q^{\epsilon}$, q^{ϵ} , $\dot{q}^{\epsilon}$, γ^{ϵ} , χ^{ϵ} и ларингальных $\mathfrak{z}^{\epsilon}$, h^{ϵ} . Кроме того, в южнотабасаранском, кроме лабиосибилантного ряда, отмеченного Н. С. Трубецким, встречаются и другие лабиализованные согласные. Здесь противопоставление по лабиализации охватывает веллярные (переднедорсальные) и увулярные (заднедорсальные) согласные. Представлены, таким образом оппозиции $g - g^{\circ}$, $\cdot k - \cdot k^{\circ}$, $k - k^{\circ}$, $\kappa - \kappa^{\circ}$, $\cdot q - \cdot q^{\circ}$, $q - q^{\circ}$, $\dot{q} - \dot{q}^{\circ}$, $\gamma - \gamma^{\circ}$, $\chi - \chi^{\circ}$ (переднедорсальные спиранты g° и χ° отсутствуют). Более того, лабиализованными могут быть и фарингализованные увулярные, то есть имеют место еще оппозиции $\cdot q^{\epsilon} - \cdot q^{\epsilon^{\circ}}$, $q^{\epsilon} - q^{\epsilon^{\circ}}$, $\dot{q}^{\epsilon} - \dot{q}^{\epsilon^{\circ}}$, $\gamma^{\epsilon} - \gamma^{\epsilon^{\circ}}$, $\chi^{\epsilon} - \chi^{\epsilon^{\circ}}$. Таким образом, табасаранские (как и рутульские — см. выше) данные опровергают тезис о несовместимости лабиализации и эмфатической палатализации.

Несмотря на наличие в южнотабасаранском корреляции лабиализации, лабиосибилантный ряд здесь все равно следует считать особым рядом, а не лабиализованным коррелятом передне- или заднесибилантного ряда. Даже если отвлечься от артикуляционных характеристик (дентолабиализация в лабиосибилантном ряду резко отличается артикуляционно и акустически от билабиализации в дорсальных рядах), такой вывод не позволяют сделать дистрибуционные характеристики. Так, если обычные лабиализованные нейтрализуются перед u (невозможно противопоставление типа $ku - k^{\circ}u$), то лабиосибиланты в этой позиции отчетливо противопоставлены как передним, так и задним сибилантам (ср. $\mathfrak{z}um$ 'солома' при $sum\mathfrak{z}ig$ 'свадьба', $\mathfrak{z}uga$ 'селитра' и т.п.).

[28] Добавим к этому, что кошанский (бурцагский) диалект агульского языка, аналогично табасаранскому, имеет еще особый лабиосибилантный локальный ряд. Эмфатически-ларингальный ряд в ряде агульских диалектов состоит не из двух, а из трех фонем: $\mathfrak{z}$ (звонкий спирант), $\mathfrak{z}^{\circ}$ (взрывной) и h (глухой спирант). Такая ситуация, насколько нам известно, представлена в собственно агульском (тпигском) и буркиханском (гекхунском) диалектах. Кроме агульского, такая же тройка эмфатических ларингалов засвидетельствована только в будухском языке.

Характерной особенностью агульского языка (точнее, его керенского, кошанского и гекхунского диалектов) является наличие особого фарингального (точнее, среднефарингального) ряда согласных, представленного парой спирантов χ и $\dot{\chi}$, противопоставленных как заднедорсальным $\dot{\chi}$, $\dot{\gamma}$, так и эмфатическим ларингалам h , $\mathfrak{z}$. Насколько нам известно, подобная ситуация среди всех языков мира описана пока только в одном агульском языке.

В собственно агульском диалекте фарингальные $\dot{\chi}$, $\dot{\gamma}$ отсутствуют (они перешли здесь в h , $\mathfrak{z}$). Нет их также в диалекте Фите, где на их месте представлены фарингализованные χ^{ϵ} , γ^{ϵ} (с точки зрения исторической фонетики ситуация в Фите более архаична). В диалекте Фите нет также и эмфатических ларингалов

h, ɟ, ʒ (точнее, h и ɟ есть, но только в новых заимствованиях), на месте которых представлены нормальные ларингалы h, ɟ.

[29] Неточно утверждение Н. С. Трубецкого о том, что в агульском языке нет (или почти нет) ларингала ɟ. На самом деле (помимо обсуждавшегося выше эмфатически-ларингального и фарингального ряда), все агульские диалекты имеют полный нормальный ларингальный ряд, представленный взрывным ɟ и спирантом h. Ср., например, miɟul 'морда, клюв; губа' (во всех агульских диалектах).

[30] Вполне верно заключение Н. С. Трубецкого о том, что в агульском ʒ и ʒ̣ — варианты одной фонемы. По диалектам ситуация следующая: в керенском есть только ʒ̣; в кошанском и гекхунском — только ʒ̣; в Фите в анлауте свободное варьирование ʒ̣||ʒ̣̣, а в инлауте представлено только ʒ̣.

[31] В настоящее время спиранты сохраняют противопоставление по интенсивности только в кошанском диалекте агульского языка.

[32] Фонема ʃ действительно существует в агульском, хотя она довольно редка (ср. ʃam 'топленое масло', haɾʃler (бурщ.) 'правый', ɟuʃas 'мыть', moɾʃ 'овца', ʃiq 'деревянная ступенька', в противовес si 'сестра', ʃal 'сеть', ʃaɾk° 'цыпленок', haʃ 'яблоко', x°aɾʃ 'охапка' и др.).

[33] В кошанском диалекте (сохранившем интенсивные спиранты) действительно есть пара ·f — f. Ср. di·f 'облако', i·f 'медь', zeɾ·fel 'сито', но luf 'толубь', fun 'живот' и т.д.

[34] В агульском, кроме корреляции по лабиализации, имеется также корреляция по фарингализации (эмфатической палатализации), не отмеченная А. Дирром. Отсутствует она только в собственно агульском (тпигском) диалекте. Правда, в керенском и гекхунском диалектах эту корреляцию можно отнести к гласным и считать, что для согласных она нефонологична (поскольку в этих диалектах фарингализованные гласные могут соседствовать с согласными разных рядов). Однако в кошанском и фитеском диалектах (так же, как в рутульском и южнотабасаранском — см. выше) фарингализованные гласные могут соседствовать лишь с увулярными (заднедорсальными) согласными, что заставляет нас постулировать особый ряд увулярных фарингализованных (ɣ^ε, ·q^ε, q^ε, q̣^ε, x^ε, а в кошанском еще и x^ε), противопоставленных простым увулярным. В кошанском увулярные фарингализованные не сочетаются с лабиализацией, но в Фите они могут быть и лабиализованными (ср. q^ε°aq^ε° 'нос', gox^ε° 'мельница' и т.д.). Мы видим, таким образом, что и агульский материал противоречит тезису о невозможности сосуществования в одном языке фарингализации и лабиализации.

[35] Довольно уникальна ситуация в кошанском (бурщакском) диалекте, где противопоставлены свистящие лабиализованные (например, is° 'место') и лабиосибиллянты (например, ʃuj 'муж').

[36] Лабиализованный ɟ° — ошибка А. Дирра (на самом деле в агульском нет лабиализованных ларингальных и фарингальных). Слово 'мост' имеет вид: собственно агул. miɟ, фит. mɟu, кер., кош., гекх. miʃ.

[37] Кубачинский сейчас обычно считают диалектом даргинского языка (см., например: С. М. Г а с а н о в а. Очерки даргинской диалектологии. Махачкала, 1971).

[38] Следует уточнить, что в кубачинском имеется (правда, очень редкая) фонема g°, так что лакуны здесь нет. По имеющимся материалам (см. А. О. М а г о м е т о в. Кубачинский язык. Тбилиси, 1963) видно, что лабиализованные в кубачинском возможны во всех фонетических позициях.

Фарингализация (эмфатическая палатализация) в кубачинском также есть, но здесь ее можно рассматривать как вокалический, а не как консонантный признак.

[39] Смычно-гортанный p̣ представлен в лакском, но в небольшом количестве слов (ср. p̣ilɕu 'искра', p̣aj 'блеск', p̣alɕu 'выделения, скапливающиеся в уголках глаз' и др.).

[40] В некоторых лакских диалектах (например, в аракульском) оппозиция по интенсивности сохраняется во всех фонетических позициях.

[41] Ситуация с лабиализованными согласными в лакском довольно запу-

танна. Существует ряд говоров, где лабиализация действительно отсутствует полностью: вачинский говор (см. С. М. Х а й д а к о в. Очерки по лакской диалектологии. М., 1966, с. 82), курклинский, шунинский говоры (там же, с. 111 – 112). В прочих говорах (в том числе в кумухском, на котором базируется литературный язык) лабиализация существует. Лабиализованными могут быть велярные (переднедорсальные), увулярные (заднедорсальные) и сибиланты (в одних говорах задние, в других – передние). Лабиализация эта, однако, фонетически выражена весьма слабо, а в литературной орфографии, как правило, не обозначается.

Нетривиальная ситуация, описанная Н. С. Трубецким (предположившим наличие автоматической лабиализации передневелярных перед а, і), очевидно, объясняется статистическим преобладанием лабиализованных передневелярных над нелабиализованными в этой позиции. Дело в том, что большинство нелабиализованных передневелярных в лакском перед а, і исторически переходили в задние сибиланты (шипящие), то есть $k > \check{c}$, $q > \check{c}$, $x > \check{s}$ и т.д. Однако переход этот происходил не во всех случаях, и в ряде слов передневелярные сохранились (ср., например, *каса* 'щенок', *·kiž* 'ботва', *қиџ* 'пуговица' в противовес *k°ar·ši* 'платок', *џ·k°i'sa* 'плохой', *q°ixra* 'наяву' и т.п.).

Что касается записей П. К. Услара, то они, по-видимому, основывались на говоре, полностью утеревшем лабиализацию.

[42] Противопоставление эмфатически-палатализованных и непалатализованных согласных для лакского языка, скорее всего, нужно считать нефонологичным. Лакскую систему естественно описывать как систему с тремя фарингализованными гласными (i, a, u), которые сообщают фонетический признак фарингализации (эмфатической палатализации) соседним согласным. Именно такая трактовка принята в большинстве современных описаний.

[43] Эти противоречия объясняются сильной диалектной раздробленностью даргинского языка и тем фактом, что разные исследователи основывали свои наблюдения на разных диалектах. П. К. Услар описывал урахинский диалект, Н. Ф. Яковлев – диалект цудахарского типа. Современный же литературный даргинский язык базируется на акушинском диалекте.

[44] Сильные *·t*, *·p* (равно как и *·k*, *·c*, *·č*, *·q*, *·x*, *·s*, *·š*, *·χ*) существуют в цудахарском, муиринском, сирхинском, санжинском, мугинском, кубачинском, кайтагском и амухском (чирагском) диалектах, но отсутствуют в акушинском, урахинском, мюрегинском, кадарском и мегебском диалектах. Естественно, что сильные не нотируются Усларом, поскольку в описанном им урахинском диалекте они отсутствуют.

[45] Фонема, которую Н. С. Трубецкой обозначает как К, представляет собой (в урахинском и акушинском диалектах) звонкий увулярный (заднедорсальный) смычный G. Относительно артикуляции дарг. G годятся все замечания, сделанные выше о рутульском G (см. комм. к с. 296). С другой стороны, в тех даргинских диалектах, которые имеют противопоставление согласных по интенсивности, эта фонема представляет собой сильный *·q* (как это и предположил Н. С. Трубецкой).

[46] Как и табас. *bb*, дарг. *bb* вряд ли следует считать особой фонемой, но, скорее, сочетанием двух *b*.

[47] В большинстве даргинских диалектов, имеющих противопоставление по интенсивности, оно нейтрализуется в ауслауте, то есть представлена та же ситуация, что и в лакском (кумухском). Однако в некоторых диалектах (например, в чирагском) сильные противопоставлены слабым во всех позициях. Таким образом, по даргинским диалектам интенсивность может быть квантитативной, динамической или отсутствовать вообще.

[48] В ряде диалектов даргинского, в частности в акушинском, на котором основан литературный язык, лабиализация согласных полностью утрачена.

[49] Насколько нам известно, в даргинских диалектах, сохраняющих лабиализацию, лабиализованные согласные трех перечисленных Н. С. Трубецким категорий артикуляционно ничем не отличаются друг от друга.

[50] Перед согласными и в ауслаутной позиции лабиализованные согласные могут выступать в мегебском, кубачинском и чирагском диалектах (ср. мег.

ħark° 'река', iniy° 'пещера' и т.д.).

[51] В некоторых южноаварских говорах имеется также оппозиция λ — $\cdot\lambda$, утраченная в северноаварском и литературном аварском, где $\lambda > \text{t}$.

[52] Хотя старый *š в аварском утрачен (он перешел в s или x, в зависимости от позиции), слабый š, противопоставленный сильному $\cdot\check{s}$, все же представлен в довольно большом количестве заимствований и экспрессивных слов: ср. šahaŋ 'город', šaŋi 'чернила', šüršudize 'шелестеть' и т.п., так что запись сильного $\cdot\check{s}$ как š является не вполне корректной.

[53] Лабиализация в аварском действительно несколько более "о-образна" по сравнению с "и-образной" лабиализацией других восточнокавказских языков. Этот факт отражен в описании аварской системы у П. К. Услара, из материала которого исходил Н. С. Трубецкой. Однако на самом деле нет сомнений в том, что аварская лабиализация является признаком согласных: во-первых, поскольку дифтонги вообще не типичны для дагестанских вокалических систем, во-вторых, потому, что аварские лабиализованные согласные обнаруживают типичную для таковых дистрибуцию: они встречаются перед нелабиализованными гласными i, e, a и нейтрализуются перед лабиализованными гласными u, o. Лабиализованными могут быть согласные всех локальных рядов, кроме лабиального, ларингального и эмфатически-ларингального (у Трубецкого — фарингального). Этот факт тоже говорит против дифтонгической трактовки лабиализации (было бы неясно, почему дифтонги отсутствуют после лабиальных и ларингальных).

[54] Кроме фонем, перечисленных у Н. С. Трубецкого, андийский имеет еще аффрикату ž, противопоставленную спиранту ẓ̌, и слабый смычно-гортанный латеральный λ , противопоставленный сильному $\cdot\lambda$ (слабый λ зафиксирован только в муни-кванхидатльском диалекте; согласный, который Н. С. Трубецкой обозначает как λ , в этом диалекте представляет собой $\cdot\lambda$). Кроме того, как отмечает И. И. Церцвадзе ("К вопросам фонетики андийского языка". — ИКЯ, т. V, Тбилиси, 1953, с. 265, 268; см. также: Т. Е. Г у д а в а. Цит. соч., с. 6 и сл.), слабый смычно-гортанный $\check{q}$ в андийском потерял гортанную смычку и представляет собой звонкий G. Таким образом, в двух рядах — заднесибилантном и заднедорсальном — в андийском налицо противопоставление звонких смычных и спирантов ($\check{z} - \check{z}$, G — γ).

[55] Не вполне точное утверждение (в андийском имеется особая фонема ẓ̌, восходящая к g перед гласными i, a; см. Т. Е. Г у д а в а. Цит. соч., с. 80).

[56] Отметим, что андийский, как и аварский, имеет полный набор лабиализованных согласных; корреляцию по лабиализации здесь нельзя относить к системе гласных. Интересно отметить, что андийский — как будто бы единственный восточнокавказский язык, имеющий противопоставление лабиализованных/нелабиализованных заднеязычных (дорсальных) в позиции перед гласным o (но перед u и здесь, как в прочих восточнокавказских языках, происходит нейтрализация).

[57] Общую характеристику аваро-андо-цезских консонантных систем следует несколько дополнить и исправить. А именно: все они имеют противопоставление по собственному тону (лабиализации; фарингализацию, встречающуюся в цезских языках, можно считать признаком гласных, а не согласных). Противопоставления по интенсивности полностью отсутствуют во всех цезских языках; андийские языки сохраняют их более или менее полно, однако все же противопоставление сильных и слабых смычно-гортанных утрачено в годоберинском, тиндинском и некоторых диалектах чамалинского. Эти диалекты (в частности, гакваринский, а также ряд говоров багвалинского и каратинского языков) интересны также наличием в них особого артикуляционного класса смычно-гортанных спирантов.

[58] Следует уточнить: в арчинском имеется tenuis λ , противопоставленный λ .

[59] В современном арчинском языке противопоставление сильных и слабых спирантов и смычно-гортанных нейтрализовано в ауслауте и перед согласными.

[60] Реально в арчинском языке фонемы $\cdot\check{s}$ и $\check{s}$ не различаются; эти звуки являются вариантами одной фонемы (так же, как $\cdot\check{s}$ и $\check{s}$), причем $\cdot\check{s}$ выступает в интервокальной позиции, а $\check{s}$ — в прочих.

[61] Кроме перечисленных лабиализованных, в арчинском есть еще лабиализованные апикальные (t° , d°) и передние сибиланты ($\check{c}^\circ$, z°): ср. $t^\circ as$ 'вянуть',

d° ar-d° ar 'звук ударов капель по крыше', s° em·çin 'просеивает', z° arγ-bos 'звенеть'.

Противопоставление по фарингализации (которое А. Дирр, а вслед за ним и Н. С. Трубецкой не отмечают вообще) в арчинском может быть отнесено к вокалической системе.

[62] Противопоставление по интенсивности действительно существует в цахурском языке у смычных (t — ·t, k — ·k, p — ·p, q — ·q, č — ·č) и спирантов (s — ·s, š — ·š, x — ·x, χ — ·χ). Записи Дирра, на которых основывался Н. С. Трубецкой, очень неточны. Так, спирант ·š не может выступать в анлауте (из всех сильных в этой позиции возможен только ·q, и то не во всех цахурских диалектах); звонкие и смычно-гортанные сильные в цахурском языке отсутствуют; в ауслауте сильные невозможны.

Тем не менее в целом картина, вырисовывающаяся на основании записей А. Дирра (то есть функционирование противопоставления по интенсивности только в инлаутной позиции), оказалась верна, несмотря на сомнения Н. С. Трубецкого. Сходная ситуация (хотя без противопоставления сильных/слабых спирантов) налицо в рутульском языке; см. выше.

[63] В большинстве случаев цахурский утратил старую лабиализацию, которая сохраняется ныне только перед гласными а (и в ауслауте после а); большинство переднеязычных согласных утратили лабиализацию и в этой позиции. Тем не менее окончательной утраты лабиализованных согласных в цахурском пока еще не произошло.

Следует отметить, что непоследовательность транскрипции Дирра не позволила Трубецкому отделить собственно лабиализованные от сочетаний с w. Реально, к примеру, по-цахурски 'кольцо' — не țuž°a, а țužwa (в диал. Микик — țužba), 'сарай' — не χid°a, но χidwa и т.д. Вместо š°as 'вам' в современном цахурском мы имеем уже šos; t°u 'слюна' — ошибочное написание вместо t°u.

[64] В цахурском наряду с лабиализованными действительно существуют палатализованные согласные (а именно: t', d', t', n', l', s', g', x'), они также довольно редки и исторически являются результатом переноса признака собственного тона (тембра) с соседних гласных. Тем не менее в их фонологической реальности для современного цахурского языка сомневаться нельзя.

Наконец, в цахурском имеет место и фарингализация, но поскольку она свободно сочетается с самыми разными согласными, ее имеет смысл рассматривать как характеристику гласных (см. выше, о лакской, арчинской фарингализации).

[65] Кроме смычно-гортанного q̣, в чеченском в инлауте встречаются (правда, редко) и другие смычно-гортанные (ср. āṭ- 'расщепиться, расколоться', tuçar 'морда, хобот' и др.).

[66] О трактовке 'глухого' ğ в чеченском см. комм. к с. 285.

[67] Так называемые 'эмфатически-палатализованные' согласные в чеченском, скорее, представляют собой сочетания с эмфатическими ларингалами (см. комм. к с. 291). Соответственно ларингалы ɟ^ε и h^ε в чеченском следует трактовать не как 'эмфатически-палатализованные', но просто как эмфатические ларингалы ɟ и h (каковыми они являются артикуляционно).

[68] В ауслаутной позиции в чеченском возможны ·t (je·t 'корова'), ·s (i's 'девять'), а также сочетание χk, которое Н. С. Трубецкой трактует как сильный ·k (ср. jeχk 'гребень').

[69] Бацбийские 'эмфатически-палатализованные' согласные, как и чеченские (см. выше), следует трактовать как сочетания с эмфатическими ларингалами ɟ и h (не ɟ^ε и h^ε, как у Трубецкого).

[70] Со времени выхода в свет работы Н. С. Трубецкого в СССР появился ряд работ по удинскому языку (работы В. Гукасяна, Е. Ф. Джейранишвили, В. Н. Панчвидзе). Удинским языком занималась также и экспедиция МГУ под руководством А. Е. Кибрика.

[71] Сейчас установлено, что удинский, как и большинство других лезгинских языков, имеет корреляцию по фарингализации, но и здесь ее нужно считать присущей скорее системе гласных, а не согласных (как в арчинском, цахурском и др.).

[72] Отметим, однако, что в близкородственном чеченскому ингушском языке спирант *f* есть.

[73] Лакский имеет *ř* (см. комм. к с. 306).

[74] К числу языков, имеющих фонологическое противопоставление звонких аффрикат и спирантов, следует добавить андийский (см. комм. к с. 314), а из лезгинских языков — рутульский (см. комм. к с. 295) и ряд говоров табасаранского.

[75] Отметим, что ни аваро-андо-цезские, ни табасаранский не являются исключениями (см. комм. к сс. 303, 313–314).

[76] В цахурском это противопоставление отсутствует (см. комм. к с. 317); из аваро-андо-цезских языков оно отсутствует во всех цезских, в тиндинском и годоберинском (см. комм. к с. 314).

[77] Даргинский (если учитывать диалектные данные) не является исключением (см. комм. к с. 309).

[78] Передневелярный спирант *x* отсутствует также в цезских языках и в удинском. О трактовке "эмфатической палатализации" в чеченском и лакском см. комм. к с. 291, 308).

[79] О происхождении аваро-андийских сильных *tenues* см. статью "Исследования..." — с. 253 наст. изд. и наши примечания к этой статье.

[80] Хотя мнение о происхождении лакских, арчинских и лезгинских сильных *tenues* из *mediae*, восходящее к Н. С. Трубецкому, является довольно распространенным (такое же допущение принято в реконструкциях Е. А. Бокарева и Б. К. Гигинейшвили), нам представляется более вероятным, что в ПВК сильные (непридыхательные) *tenues* существовали, но во многих современных языках перешли в *mediae*. К языкам с сохранением старых сильных *tenues* нужно добавить еще большинство диалектов даргинского.

[81] В настоящее время правосточнокавказская система реконструируется в несколько ином виде. Для ПВК следует восстанавливать противопоставление сильных (непридыхательных) и слабых (придыхательных) *tenues*, но отсутствие противопоставления по интенсивности у звонких (*mediae*) и смычно-гортанных, то есть фактически такую же систему, какая ныне представлена в лезгинском. Возникновение разнообразных противопоставлений по интенсивности в современных восточнокавказских языках в основном объясняется первоначально просодическими факторами (которые уже в ПВК приводили к фонетической геминации перечисленных выше согласных).

[82] О языках, в которых представлены обе эти корреляции, см. наст. комм., выше.

[83] Корреляции по собственному тону, несомненно, имеют в восточнокавказских языках долгую историю и всегда играли очень большую роль, но в конечном счете они, видимо, отсутствовали в ПВК. Корреляция по лабиализации отражает развитие старых сочетаний "согласный + *w*", а корреляция по фарингализации (эмфатической палатализации) — развитие сочетаний "согласный + ларингал".

С. А. Старостин

* *

*

Н. С. Трубецкому принадлежат и первые работы в области сравнительно-исторической морфологии севернокавказских языков, среди которых особое место занимают "Заметки о глагольных показателях в чечено-лезгинских (восточнокавказских) языках". Если же говорить об изысканиях в данной области в 30-гг., то, пожалуй, следует отметить большой вклад в ее разработку французского ученого Ж. Дюмезиля — автора двух серьезных монографий (*G. D u m e z i l. Introduction à la grammaire comparée des langues Caucasiennes du Nord. Paris, 1933; Recherches comparatives sur le verbe caucasien. Paris, 1933*). Как для Н. С. Трубецкого, так и для Ж. Дюмезиля была характерна такая методика исследования, при которой генетическому отождествлению подвергались близкие по звучанию и значению морфемы одновре-

менно по всей совокупности рассматриваемых языков без предварительного анализа вероятных изменений в более мелких подразделениях. Эта методика на первых этапах изучения севернокавказских языков себя оправдывала. При том, что современные работы по общевосточно- и тем более севернокавказской морфологии практически отсутствуют, основные положения помещаемых в настоящем сборнике статей Н. С. Трубецкого сохраняют свою актуальность и по сей день.

М. Е. Алексеев

”ЗАМЕТКИ О ГЛАГОЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЯХ В ЧЕЧЕНО-ЛЕЗГИНСКИХ (ВОСТОЧНОКАВКАЗСКИХ) ЯЗЫКАХ”

[1] Связь показателей глагольного словоизменения с адъективными формантами хорошо прослеживается на материале лезгинских языков (см., например, Алексеев М. Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М., 1985, с. 66), хотя происхождение арч. *-di/-tte* остается неясным. Несколько сложнее ситуация в андийских языках, где существует глагол-связка: ботл. *ida*, чам. *ida*, тинд. *ida*, кар. *ida*, *ita*, багв. *ira* ‘есть, имеется, является’ (см. Гудав Т. Е. Сравнительный анализ глагольных основ в аварском и андийских языках. Махачкала, 1959, с. 57). Таким образом, временной показатель здесь может трактоваться как результат стяжения связки с формой смыслового глагола (см., например, Юдакин А. П. Развитие структуры предложения в связи с развитием структуры мысли. М., 1984, с. 119). Это, впрочем, не исключает сложного характера самой связки, где *-и-* — корневой элемент, а *-да* — временной показатель, возможно, восходящий к адъективному.

[2] Сопоставление глагольных показателей с аффиксами генитива, в отличие от предыдущего сопоставления, не имеет столь же очевидной функциональной мотивировки и нуждается в дополнительной аргументации. Нельзя не указать в связи с этим на неоднократные замечания о некоторой несформированности генитива в нахско-дагестанских языках; см. Климов Г. А., Алексеев М. Е. Типология кавказских языков. М., 1980, с. 235; Савченко А. Н. К вопросу о развитии эргативной конструкции предложения в абхазо-адыгских и нахско-дагестанских языках. — “Изв. АН СССР. ОЛЯ”, т. 37, 1978, № 6, с. 514.

[3] Адъективный суффикс *-n-* имеет более широкие параллели в лезгинских языках, где он оформляет, как правило, косвенную основу прилагательных и местоимений; ср. крыз. *ä-d* ‘этот’ — эрг. *ä-pug*, рут. *mi-d* ‘этот’ — эрг. *mi-ni-jä*, уд. *mo-po* ‘этот’. Все же более вероятным следует считать не причастное, а деепричастное (адвербиальное) происхождение приводимых Н. С. Трубецким форм: ср. табас. *čwpu* ‘осенью’, агул. *qürda-na* ‘зимой’, цах. *γi-na* ‘сегодня’, рут. *temiz-na* ‘чисто’, арч. *iq-na* ‘днем’ и т.п. (см. Алексеев М. Е. Цит. соч., с. 101–102).

[4] Суффикс прилагательного *-s/-ss-* имеется не только в лакском: ср. анд. *-ssi*, дарг. *-si*, табас. *-si*, уд. *-s*, авар. *-sse-*.

[5] Ср. цез. *-si* — суффикс причастий.

[6] В авар. *-ze* показателем датива является *-e*, а *-z-* — суффикс косвенной основы множественного числа, так что непосредственное сопоставление этого форманта с дативом других языков должно быть отклонено.

[7] Табас. *-ri* в данном случае восходит к **di* (см. Магомедов А. А. Табасаранский язык. Тбилиси, 1965, с. 61). В силу этого более приемлемым кажется привлечение форманта *-ur-*, образующего основу длительного вида; ср. *ipurssa//ipurduza* < *ip-ur-di-wu-za* ‘я делаю’. (Там же, с. 254).

[8] Авар. *-га*, как полагают, образовано от финитной формы, сохранившейся в некоторых южных диалектах (Микаилов Ш. И. Сравнительно-историческая морфология аварских диалектов. Махачкала, 1964, с. 79).

[9] Авар. *-г* в местоимениях восходит к классному показателю (Чикобава А. С. К генезису второго грамматического класса в горских кавказских языках. — “Сообщения АН Груз. ССР”. Т. III. Тбилиси, 1942, № 4).

[10] Цез. -г является закономерным отражением общецезского датива на *-l.

[11] Как видно, -г, действительно, можно рассматривать в качестве собственно глагольного показателя. На наш взгляд, не исключено, что в данном случае произошло выравнивание той или иной видо-временной формы по типу глагольной основы, содержащей конечный сонорный -г. Это же, кстати, можно полагать отчасти и для показателей -l и -n (см. А л е к с е е в М. Е. Цит. соч., с. 95–96).

[12] Формы на -ja/-ga образуются в лезгинском языке от причастия прошедшего времени соответственно на -j и -г (см. М е й л а н о в а У. А. Лезгинский язык. – В: "Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки". М., 1967, с. 536). Наряду с этим в лезгинском существует форма прош. вр. на -j; ср. qqačuda 'возьмет' – qqačuda-j 'брал', обнаруживающая соответствия в других лезгинских языках: табас. wu 'есть' – wu-j 'был', агул. а 'есть' – а-j 'был', рут. а 'есть' – а-j 'был', уд. besane 'делает' – besane-j 'делал'.

Беж. форма на -jo является одновременно и причастием: dul jegajo kid 'тобой увиденная девушка'. Кроме того, беж. -j- < *-г-.

[13] Данное объяснение трудно принять, поскольку в глаголе qqeš представлена фарингализация. Любопытно сопоставить арч. qí с авар. -qin –суффиксом "будущего намеревательного" – как с возможным источником заимствования.

[14] Здесь следовало бы добавить и объектные показатели: 1 л.ед.ч. -zu, 2 л.ед.ч. -wu, 1 л. инкл. -xu, 1 л. экскл. -č'u, 2 л.мн.ч. -č'wu. В целом же табасаранская глагольная форма может присоединять личное местоимение в любой падежной форме; ср. ič' dadaš uč'wuhna γuga-jič'//γuga-č'wuhna 'Наш отец к вам идет-наш//к-вам' (см. Х а й м а г о м е д о в Б. Г.-К. Очерки по синтаксису табасаранского языка. Махачкала, 1970, с. 72).

[15] Сюда же следует добавить личные формы бацбийского глагола (см. Д е ш е р и е в Ю. Д. Бацбийский язык. М., 1953, с. 84 и сл.).

[16] Табас. -г следует, скорее, связывать с безличным -г (см. с. 329).

[17] Эти вопросы и сейчас далеки от окончательного решения. Во всяком случае, мы можем пока констатировать, что различие личных форм в нахско-дагестанских языках является новообразованием. Материальной основой для личных показателей могли служить самые разные по происхождению формы; ср. авар. dun weg-ow 'я пришел', dun jег-ej 'я пришла' (закат. д-т), где формы 1 лица осложнены суффиксальным классным показателем, но тип wegi 'ты пришел', тип jегi 'ты пришла' и т.п. (см. С а и д о в а П. А. К спряжению глагола в закатальском диалекте аварского языка. – В кн.: "Глагол в языках Дагестана". Махачкала, 1980).

М. Е. Алексеев

"СТРОЙ ВОСТОЧНОКАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ"

[1] Более яркой характеристикой III класса является вхождение в него названий животных (независимо от пола и возраста). В этот же класс включались названия деревьев и плодов. IV класс включал не только названия металлов, но и вообще веществ ("вода", "мед", "мясо", "пот", и т.п.). Сюда же входили имена абстрактного содержания ("имя", "сон", "клятва", "запах" и др.).

[2] В другой терминологии casus patiens – именной (абсолютный) падеж, casus agens – эргативный падеж.

[3] Теория моноконсонантизма глагольного корня в настоящее время все более подвергается критике: даже при том богатстве консонантизма, которое наблюдается в восточнокавказских языках, противопоставлением только одного согласного нельзя передать все многообразие выражаемых глаголами действий (см. "Структурные общности кавказских языков". М., 1978, с. 112). Как видно из последующего текста, Н. С. Трубецкой принимал эту теорию с существенными оговорками.

[4] Для общевосточнокавказского состояния следует предполагать, как это имеет место в большинстве современных дагестанских языков, противопостав-

ление нескольких локативов, конкретизирующих положение объекта относительно ориентира, в частности: "на поверхности ориентира", "в соприкосновении с ориентиром", "внутри (полого ориентира)", "внутри (сплошной среды)", "за ориентиром", "под ориентиром". Согласно выдвинутой в последние годы гипотезе, общедагестанский язык включал четыре серии локативов ("в", "на", "под", "за/около"), абсолютный, "совмещающий" эргативный и "совмещающий" дательный падежи (Г и г и н е й ш в и л и Б. К. Падежная система общедагестанского языка в свете общей теории эргативности. — ВЯ, 1976, № 1).

М. Е. Алексеев

"КАВКАЗСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ К ФРИГИЙСКОМУ МИФУ
О РОЖДЕНИИ ИЗ КАМНЯ"

[1] Гипотеза Н. С. Трубецкого снова привлекла к себе внимание в связи с материалами вновь открытых (в хеттских переводах и в оригинале) хурритских мифологических песен о каменном герое; см. Ардзинба В. Г. Нартский сюжет о рождении героя из камня. — В кн.: "Древняя Анатолия". М.: Наука. Гл. ред-ция вост. лит-ры, 1985, с. 128–168; см. о гипотезе Трубецкого в данной связи там же, с. 158 и сл. Не зная об идеях Трубецкого, аналогичное сопоставление мифа о Кубабе — позднейшей Кибеле — с хурритско-хеттским циклом песен о Кумарби и с древнемалоазиатским (древнехеттским) культовым символом андрогина, найденным в древнехеттском городище II тыс. до н.э. в Бююккале, предложил недавно Хааз (см. Haas V. Hethitische Boggötter und hurritische Steindämonen. Riten, Kulte und Mythen. Eine Einführung in die altkleinasiatischen religiösen Vorstellungen. — „Kulturgeschichte der Antiken Welt“, Bd. 10. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1982, SS. 96–99, 188–192.)

Эти исследования последних лет подтвердили высказывавшуюся и до этого рядом ученых мысль о глубокой древности мифа о двуполом божестве Kubaba (откуда позднейшее Кибела — греч. Κυβέλη, Κυβήθη), известном уже в Месопотамии при 3 династии Киша, а затем в Северной Сирии и в Малой Азии (в позднехеттское время — в качестве одного из главных божеств); ср. Hawkins J. D. Kubaba. — „Reallexikon der Assyriologie“, 6 Bd., 3/4 L., Berlin: W. de Gruyter Verlag, 1981; Lagrache E. Koubaba déesse anatolienne et le problème des origines de Cybèle. — In: „Eléments orientaux dans la religion grecque ancienne“. Paris, 1960; Benveniste E. La légende de Kombabos. — „Mélanges assyriens offerts à R. Dussaud“, vol. 1, Paris, 1939; Струве В. В. Иштарь-Исольда в древневосточной мифологии. — В кн.: "Тристан и Исольда". Л., 1932, с. 50–70; Иванов В. В. Кубаба. — В кн.: "Мифы народов мира", т. 2, М., 1982, с. 20. Двуполый характер божества Кубаба доказывается уже древним его эпитетом Adamma, букв. 'Отец-Мать'; см. Faith W. Adamma Kubaba. — „Glotta“, 7, 45, 1967, p. 129–148. Продолжение устной традиции, повествующей о рождении героя из камня, рассматривается в качестве черты, объединяющей хурритскую (сиро-малоазиатскую) Песнь об Уликумми — каменном чудовище, рожденном скалой, — и кавказскую традицию, что прямо соответствует идее статьи Трубецкого, на западе оставшейся неизвестной; см. Burkert W. Von Ulikummi zum Kaukasus: Die Felsgeburt des Unholds. Zur Kontinuität einer mündlichen Erzählung — Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft, Neue Folge, Bd. 5, 1979, S. 253. Проследить возможный путь развития этих представлений может помочь и более поздний арамейский текст (времени персидской империи), в котором речь идет о "Кибаве PW SD/R", что сопоставляется с греческим эпитетом Perasia (об Артемиде) и хетто-лувийским Pirawassa (от имени бога Пирва, связанного с именем скалы peru-na); см. Naufman M., A. Waldbaum J. C. Kybele and Artemis. — „Archaeology“, vol. 22, № 4, 1969, p. 267. Одного доказательства гипотезы молодого Трубецкого целым комплексом вновь открытых данных, касающихся хурритской (по языку связанной с северокавказскими) и хеттской традиции в их связи с отдельными малоазиатскими, кавказскими и другими, ареально не близкими, было бы достаточно для утверждения об исключительности его научной интуиции.

[2] Связь картвельских слов с северокавказскими остается спорной. Греч. Ζεύς < и.-е. *diew-s (< *t'iew-s) скорее всего с этими словами не связано. Корень отражен и в ряде древних языков: хатт. Zawalli—имя бога < вост.-кавк. *zwvev 'бог' и т.п.

Вяч. Вс. Иванов

(1) Первая публикация: „Ein altkirchenslavisches Gedicht“. — „Zeitschrift für Slavische Philologie“, 1934, Bd. 11, Heft 1–2, S. 52–54.

В письме к Р. О. Якобсону от 28 октября 1933 г. Н. С. Трубецкой сообщает:
”Дорогой Роман Осипович!

Спешу исполнить Ваши ”метрические” просьбы.

I. — *Похвала Григорию Богослову в житии св. Кирилла*. — Я исхожу из текста, изданного Шафариком по рукописи XV в. (Панегирик Владислава Граматика 1479 г.), и вношу в него лишь небольшие изменения. Реконструированный мною текст в моей транскрипции имеет следующий вид:

Gri-go-ri-e, tä-lo-mъ clo-vä-kъ ; a du-še-öN aN- ~~fe~~ -le	7+10=17
ty bo tä-lo-mъ člo-vä-kъ sy-i, ; aN- ~~fe~~ -lъ ä-vi seN	5+11=16
u-sta bo tvo-ä ä-ko e-di-nъ ; o-tъ se-ra-fi-mъ	5+11=16
bo-ga pro-sla-vlâ-öN-tъ i vь-sъ mi-гъ ; pro-svä- ~~фä~~ -öN-tъ	7+10=17
pra-vy-eNvä-ry съ-ka-za-ni-e-mъ, ; tä-mъ že i meN	5+11=16
pri-pa-da-öN- ~~фъ~~ къ te-bä jü-bъ-vi-öN ; i vä-ro-öN	5+11=16
pri-i-mi i boN-di mi u-či-te- ~~лъ~~ ; i pro-svä-ti-te- ~~лъ~~	7+10=17

Конъектуры сводятся к следующему:

1. В первой строчке вычеркиваю в начале междометие ”о”.
2. Во второй строке вставляю ”bo” после ”ty”. При переписке оно легко могло выпасть по графической диссимиляции со следующей строкой.
3. В четвертой строке заменяю слово **ВЪСЕЛЕННУЮ** речением **въсь тгъ** (как известно, есть памятники, предпочитающие это речение слову *vъselenaä*).
4. В пятой строке заменяю **МЕНЕ** через **meN**. Появление **МЕНЕ** в позднейших списках объясняется тем, что **МѦ** со временем стало сознаваться как энклитика, чего в древнейших памятниках, как известно, еще не было.
5. В шестой строке пишу **pripadaöNфъ** вместо рукописного **ПРИПАДАЖША**. Число слогов от этого не меняется, но полагаю, что в таком древнем памятнике следует, скорее, ожидать более архаичную форму винительного падежа причастия. Обращаю Ваше внимание на то, что, кроме настоящей цезуры, падающей в 16-сложных стихах после 5-го, а в 17-сложных после 7-го слога, наблюдается еще тенденция к второму, метрически значимому словоразделу, лежащему в первых трех стихах после 10-го слога, в четвертом и шестом стихе — после двенадцатого, а в пятом и седьмом — после одиннадцатого слога.

Конечно, может быть, все это — воображение. Конъектур получается много. Но в то же время, когда читаешь это место в общем контексте Жития, оно бросается в глаза (точнее: в уши) своей явной стихотворностью (точнее: непрозаичностью).» (TLN, с. 289/290).

Приведенная заметка была использована Якобсоном для статьи ”Похвала Константина Философа Григорию Богослову” (4). Текст ”Похвалы” см. в кн.: Š a f a r i k P. Život sf. Konstantina, řečeného Cyrilla, z rukop. XV st. Praha, 1851 (Изд. 2-е, 1873).

(2) Имеется в виду ”Заметка о древнеболгарском стихотворении” (ИОРЯС, 1923, с. 351–558); на указанной Н. С. Трубецким странице приводится текст азбучной молитвы, стихи которой частично были реконструированы ранее А. И. Соболевским.

(3) Даны ссылки на работы Якобсона: ”Neue Arbeiten über die südslavische dichterische Form” („Slavische Rundschau“, 1932, 4, с. 257–279; ссылка на т. III, по-видимому, ошибочна); ”Новый труд о югославянском эпосе”, 1932 (то же в

кн.: SW, IV, p. 38–50); „Über den Versbau der Serbokroatischen Volksepen“ (указ. изд.; то же см. в SW, IV, p. 51–60).

Н. Л. Сухачев

II

(4). Реконструкция Н. С. Трубецкого и предложенное им метрическое толкование были подтверждены и уточнены и в ряде последующих публикаций Р. О. Якобсона: "The Cyrillo-Methodian Tradition". – „Selected Writings“. Berlin–New York–Amsterdam, 1985, p. 207–239; е г о ж е. Стихотворные цитаты в великоморавской агиографии. – Там же, с. 279–280. В частности, предложенное Трубецким чтение второй строки Якобсон подкрепил ссылкой на ее зачин **ТЪ БЪ ЛОМЪ** в древнейшем русском списке (Л а в р о в А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930). В пользу реконструкции **ВЪ СЪ МИРЪ** в 4-й строке, по Р. Якобсону, говорит соответствующее место в "Похвальном слове Кириллу Философу" Климента Величского, содержащем цитаты из "Похвалы Константина". Возможные отличия от реконструкции Трубецкого сводятся к замене формы звательного на **Григоре** с предшествующим **W** (междометие, которое Трубецкой исключал из текста, принимая другую звательную форму).

Статья "Похвала Константина Философа Григорию Богослову" перепечатана и в "Избранных работах" Р. О. Якобсона: J a k o b s o n R. Selected Writings, vol. VI, part one. Comparative Slavic Studies, 1985.

Вяч. Вс. Иванов

"К ВОПРОСУ О СТИХЕ РУССКОЙ БЫЛИНЫ"

Статья "W sprawie wiersza byliny rosyjskiej" была написана в качестве продолжения прежних занятий Трубецкого русским былинным стихом, начатых еще в его молодости, когда своими метрическими штудиями (в том числе и касавшимися древнеиндийской поэзии и оставшимися в рукописи) он делился со своими товарищами по стихотворному кружку Ф. Е. Корша (для его отношения к традиции характерен решительный разрыв со взглядами самого Корша).

[1] Плясовые ("танцевальные") метры русского стиха и соответствующие им мелодии изучены в последнее время музыковедами и стиховедами (Земцовским, Гаспаровым), внесшими вклад в исследование русского стиха.

[2] "Сильные доли", по Коршу, могли быть представлены двумя слогами, с чем не соглашался Трубецкой.

[3] Н. С. Трубецкой не был согласен с отождествлением позднейших греческих метров с общеиндоевропейскими, так как он предполагал длительный путь трансформации, отделяющий ранний общеиндоевропейский источник от позднейшего результата развития.

Вяч. Вс. Иванов

"К ВОПРОСУ О СТИХЕ «ПЕСЕН ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН» А. С. ПУШКИНА"

Статья (как и работы о метрике частушки и о мордовских мелодиях) была в первом варианте написана еще в период научной работы Трубецкого. Но позднее рукопись ее была утрачена и восстановлена в новом варианте только через 20 лет. В письме к Р. О. Якобсону от 2.XI.1936 г. Трубецкой просил прислать ему нужную для этой работы статью Б. В. Томашевского (TLN, p. 376).

[1] Об этом типе стиха и его развитии см. Г а с п а р о в М. Л. История русского стиха. М.: Наука, 1984 (там же литература).

[2] По принятому в новых изданиях тексту:

Она молвила своему господину.

[3] Видимо, Н. С. Трубецкой использовал старые издания. Теперь дается так: "Незаменные три песни" и "Вы копайте мне могилу".

[4] О возможных объяснениях соотношения между статистическими характеристиками народного русского и сербохорватского стиха и "востоковского" стиха "Песен западных славян" ср. также И в а н о в В. В. Заметки по сравнительно-исторической индоевропейской поэтике. — В кн.: „To honor Roman Jakobson“. The Hague—Paris: Mouton, 1967.

* *
*

В переводе исправлено несколько описок в заглавиях произведений и книг, на которые ссылался (вероятно, по памяти) Н. С. Трубецкой.

Вяч. Вс. Иванов

"К СТРУКТУРЕ МОРДОВСКИХ МЕЛОДИЙ"

[1] В сборнике А. А. Шахматова песня помещена под № 74 а (с. 586). Напев дается Р. Ф. Учаевым по первой стиховой строке, где стих имеет структуру 2+4+3 слога и первым двум слогам стиха соответствуют четвертные длительности:

Стук! Стук! Я_га ба_бань бал_ка_за

В трех последующих стихах отмечается структура 4+4+3, о чем тут же в примечании сообщается: "В трех последних стихах первые две ноты заменяются восьмыми" (с. 586). Возможно, Н. С. Трубецкой выставил размер 6/8, в отличие от 3/4 оригинала, чтобы подчеркнуть, что большинству слогов стиха соответствует восьмая длительность. В оригинале и в редакции автора статьи тактовая черта дана с учетом ударения на первом слоге слова "бабань". Можно было бы тактировать напев с учетом цезур стиха:

Стук! Стук! Я_га ба_бань бал_ка_за
Пан_ды пря_сы Я_га ба_бань бро_са_за

[2] В сборнике песня номера не имеет (с. 393). Сказка повествует о том, что в доме осталось сначала трое козлят, потом их стало двое, затем — один. Козлят одного за другим съел медведь: стоя за дверью, он пел песню матери-козы.

В сборнике А. А. Шахматова размер не обозначен, причем последнему слогу стиха соответствует $\frac{1}{2}$ длительность. Приводя этот пример, Н. С. Трубецкой отредактировал запись, увеличив вдвое долготу последнего слога ($\frac{1}{2}$), что характерно для песенных мелодий при нечетном количестве слогов стиха:

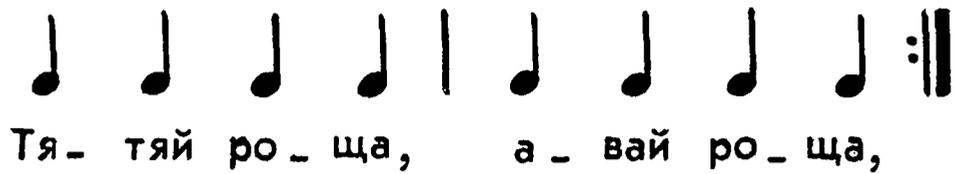

Мор_ко_вонь бря_каты_ни писть

[3] В оригинале дан размер 2/4 (с. 245).

[4] В оригинале дается размер "С" (с. 246, 247).

[5] Исходя из напечатанного в оригинале песенного текста, мы предполагаем, что в напеве должен повторяться первый "такт":

[6] В сборнике А. А. Шахматова — № 77з (с. 610). В оригинале напев, координированный с первой шестислоговой группой стиха, дан без обозначения размера. Две последние слоговые группы текста имеют по семь слогов, в связи с чем автор статьи, приводя этот пример, счел возможным показать другой вариант ритмического рисунка напева, разделив при этом каждую из фраз на такты:

"В этой песне осмеивают ленивую девушку":

"Всех больше одна пятая у нее, и та в две пасмы, в двенадцать чисменников" (с. 610–611).

[7] Песня, которую поют коза и медведь:

"Паньчт, эйкай! (2)
Чейга, чейга, якавинь,
Чей умарьды ярцавинь,
Кельми ветьты симивинь..."

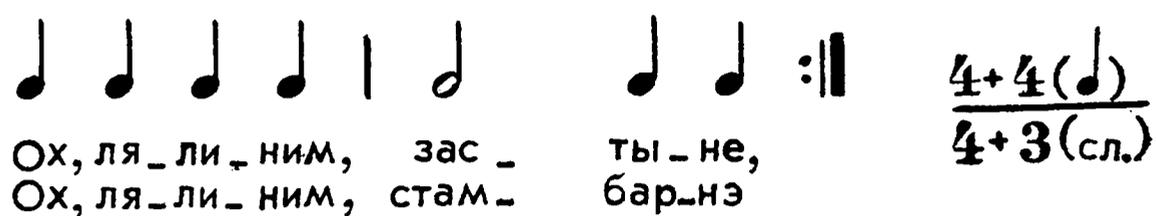
"Отопри, дитятко! Отопри, дитятко!

Я находилась по камышам, накушалась камышовых плодов,
напилась холодной воды..." (с. 310).

В оригинале тактовой чертой выделена только музыкальная фраза, соответствующая обращению "Паньчт, эйкай!". Раздел напева, координированный с семисложной группой стиха, на такты не разделен. Размер 4/4 — обозначение Н. С.Трубецкого:

[8] В оригинале (с. 335) музыкальный размер обозначен не был. Тактовая черта, внесенная Н. С. Трубецким, совпадает с цезурой стиха:

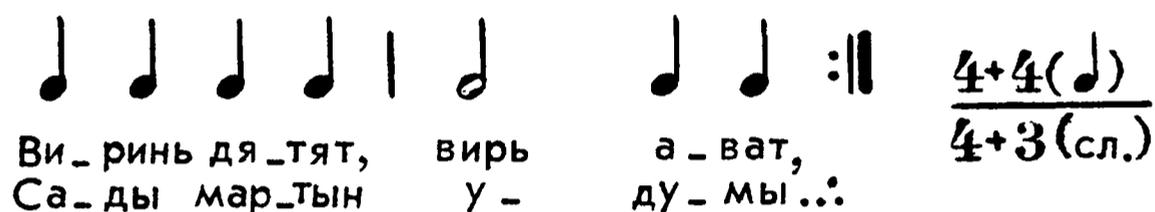

Ох, ля_ли_ним, зас_ ты_не,
Ох, ля_ли_ним, стам_ бар_нэ

$\frac{4+4(\text{ноты})}{4+3(\text{сл.})}$

”Ох, братец, тихонько,
ох, братец, легонько,
и так болит головка моя...” (с. 335).

[9] Тактовую черту на месте цезуры также выставил Н. С. Трубецкой:

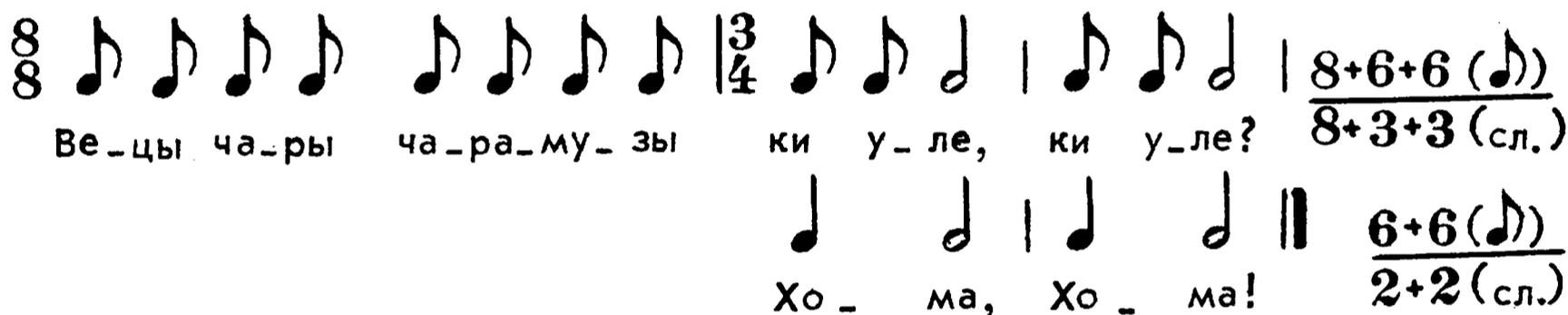

Ви_ринь дя_тят, вирь а_ват,
Са_ды мар_тын у_ ду_мы...

$\frac{4+4(\text{ноты})}{4+3(\text{сл.})}$

”Лешие, лешачихи,
придите ночевать со мной...”

[10] В сборнике А. А. Шахматова песня дана под № 77в (с. 605): ”Песня про молодых”. Текст песни имеет вопросно-ответную форму. Автор статьи, приводя этот пример, произвел отсутствующую тактировку, учитывая соотношение стиха и напева:

Ве_цы ча_ры ча_ра_му_зы ки у_ле, ки у_ле?
Хо_ ма, Хо_ ма!

$\frac{8+6+6(\text{ноты})}{8+3+3(\text{сл.})}$
 $\frac{6+6(\text{ноты})}{2+2(\text{сл.})}$

”В воде кто ее мучащий мучитель?
Фома, Фома!!!”

[11] В оригинале размер обозначен не был (с. 338). Н. С. Трубецкой тактировал напев, учитывая соотношение стиха и напева:

Гуль_дирь гу_у_гу_у_гу_у, тя_ тям беч_ке_мень
Гуль_дирь гу_у_гу_у_гу_у, ода_ ви_нимь буди_мимь

$\frac{8+8(\text{ноты})}{5+5(\text{сл.})}$

”Гульдирь-гув-гув-гув, тятенька меня зарезал,
Гульдирь-гув-гув-гув, мачеха меня сварила...”

[12] В сборнике А. А. Шахматова песня обозначена № 74ж и дан размер ”С”. Записывая размер как 8/8, Н. С. Трубецкой, видимо, хотел подчеркнуть координацию стиха и напева:

Да_вай, ял_гай, ми_ря_та_на...
Се зэй репст ви_дя_та_на...
Мо_леть пак_шат са_ла_ма...

$\frac{8(\text{ноты})}{8(\text{сл.})}$

”Давай, дружок, помиримся...
Там репу посеем...
Пойдут ребята красть...”

[13] В сборнике А. А. Шахматова песня дается под № 78а (с. 611). Здесь, как и в ряде других примеров, Р. Ф. Учаев знак репризы в конце мелодического построения не выставляет. Н. С. Трубецкой, видимо, чтобы показать, что напев приводится полностью и что далее текст поется на тот же напев, ставит репризу:

Ох, а_ва_кай, горь_ма_кай!
Ох, а_ва_кай, ди_ря_кай!..

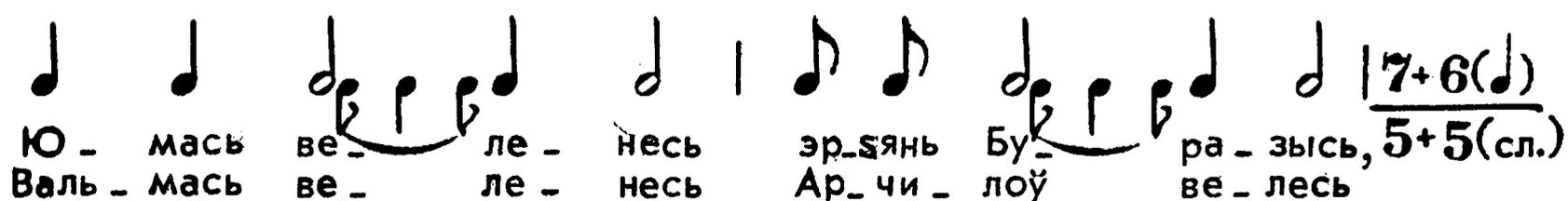
[14] Разделение на такты этого напева (№ 63), с точки зрения современной фольклористики, не вполне оправданно: теперь тактовую черту, как правило, ставят, исходя из трех основных признаков: а) либо перед стиховым ударением, б) либо по цезуре, в) либо с учетом равных сегментов музыкально-ритмической структуры. См., например: Ефименкова Б. Б. Свадебная песня в среднем течении реки Юг. — В сб.: ”Традиционное народное музыкальное искусство и современность (Вопросы типологии)”. — (”Сборник трудов ГМПИ им. Гнесиных”, вып. 60. М., 1982, с. 14 — 47.) К последнему, в соответствии с современным подходом, хотелось бы добавить: поскольку напев представлен только один раз, по первому стиху, можно предположить, что, как часто бывает в запеве, певец мог удлинить только первый слог первой запевной строки. Укоротив музыкальное время первого слога первой слоговой группы по аналогии с музыкальным временем первого слога второй слоговой группы, мы получим музыкально-ритмическую структуру, которая состоит из равных сегментов по три четверти в каждом, что и обозначим тактировкой:

мо_ре_не! Мо_ряньть бе_рек_сы. Суд_нат
ка_раб_лят, кол_мы полк сал_датт. Ве_си...

Как видим из примечания Н. С. Трубецкого, его привела в недоумение долгота первой ноты, в связи с чем он укоротил ее вдвое. Вторую тактовую черту исследователь поставил на месте цезуры. Здесь, как и во многих других случаях, Н. С. Трубецкой приблизился к нашему пониманию, предвосхитив аналитический метод современной фольклористики.

Цезура характерна также для стиха и напева песни ”Арчилоу” (№ 67):

Ю_мась ве_ле_несь эр_зянь Бу_ра_зысь,
Валь_мась ве_ле_несь Ар_чи_лоу ве_лесь

”Пропала деревушка, Эрзяцкие Бурасы,
Погибла деревушка село Арчилов”

[15] В оригинале — № 766 (с. 602). Р. Ф. Учаевым напев тактирован не был. Тактовой чертой автор настоящей статьи отделил мелодические построения, соответствующие предваряющему припеву и разделу смыслонесущего текста:

Я_гу! Я_гу! Я_гу! Кинь бу_лы_зы ку_ва_ка?
Я_гу! Я_гу! Я_гу! Ол_дань бу_лысь ку_ва_ка.

$\frac{8+8(\text{ноты})}{6+7(\text{сл.})}$

”Ягу! Ягу! Ягу! У кого длинная коса?
Ягу! Ягу! Ягу! У Авдотьи длинная коса...”

(”Про девицу и парня, которые дружатся”)

[16] В оригинале – № 74г (с. 588). Тактировка этой песни Р. Ф. Учаевым произведена не совсем удачно. Трехдольность не ощущается ни в напеве, ни в стихе, поэтому Н. С. Трубецкой исправил размер 3/4 на 6/8. Более понятным представляется разделение мелодии этой колыбельной песни на такты по 2/4, поскольку здесь стиховой структуре 4+4+3 слога соответствует музыкально-ритмическая структура 4+4+4 (восьмых):

Па_ры, па_ры Куп_ря_ни_зы, у_ря_жум,
Се_ди па_ры Куп_ря_ни_зы, у_ря_жум...

”Хороша, хороша Киприянова жена, невестка моя,
Еще лучше Киприянова жена, невестка моя...”

[17] Плясовая песня из той же сказки, что и причитание, приведенное во втором нотном примере рассматриваемой статьи (см. сноску 1). Старуха, вызвавшая дьякона читать молитву над умершим мужем, услышав от парня, певшего за окном плясовую песню, имя своего старика, стала плясать и припевать:

”Вот мой грех! Митигом! (имя старика)
Вот моя душа! Митигом!”

В сборнике А. А. Шахматова размер не обозначен, но стоит темп – ”Allegro”. Размер выставлен автором статьи.

Пе_жить ке_зэн Ми_ти_гом!
Ой_ме_не_зэн Ми_ти_гом!

$\frac{8 \text{ ноты}}{7 \text{ сл.}}$

[18] В сборнике А. А. Шахматова песня помещена под № 74б (с. 587). При записи напева Р. Ф. Учаевым знак повторения (реприза) не выставлен, но в примечании сказано: ”В следующих стихах вторая нота заменяется восьмыми; в трех последних восьмыми заменяются первые две ноты” (с. 587).

[19] В оригинале – № 77е (с. 608). Размер обозначен Н. С. Трубецким. Судя по тексту, третий такт (третья мелодическая фраза) повторяется также два раза:

Лю_ли Ши_ма_ра! Лю_ли Ли_ма_ра

$\frac{8+8(\text{ноты})}{5+5(\text{сл.})}$

Стол_ба пря_сы ко_сэй зель_месь а те Кузьма а а_ля.

$\frac{8+8(\text{ноты})}{8+7(\text{сл.})}$

”Люли Шимара! Люли Лимара!
На столбе с косым глазом — это молодец Кузьма...”

[20] В оригинале — № 74д. Р. Ф. Учаев обозначил размер ”С”. Восьмивременная музыкально-ритмическая структура в этой песне координируется с 5–7-сложным стихом, что, видимо, и хотел показать Н. С. Трубецкой, исправив размер на 8/8:

А та-ра-кан, да-ра-кан $\frac{8}{7(6,5)}$ сл.
Сонць та-ра-канч-ка

[21] В оригинале — № 76а (с. 601). Р. Ф. Учаев, нотируя напев, отделил тактовыми чертами мелодическое построение, соответствующее стиху смыслоносущего текста, и мелодические фразы, соответствующие шести-семисложным слоговым группам припева. Трубецкой, отредактировав нотацию Учаева, разделил на такты по 3/4 напев смылоносущего текста и заменил ”С” на 8/8 в припеве. Приводим музыкально-ритмическую структуру песни:

Покш уль-ця-сынть ка-ра-вод. (2) $\frac{9}{7}$ сл.
Нуж-ды нет де-ла нет, $\frac{8}{6}$ сл.
Го-во-ри-ка ка-ра-вод $\frac{8}{7}$ сл.

[22] В примечании к № 56 (с. 549) А. А. Шахматов указывает: ”В этой песне и в следующих — десять слогов с цезурой после пятого слога”. Поскольку цезуры поэтического текста и напева совпадают, было бы целесообразней тактировать песню с учетом этих цезур, чем так, как представлено в нотации Учаева, приведенной Н. С. Трубецким:

57 Кол-мо-не-неск сынь до па-тят са-зырт, $\frac{6+6(\text{♩})}{5+5(\text{сл.})}$
Ни-ли-цись уль-нись пи-жи ду-ги-нист...
66 У-дынь, у-дынь мон, ял-гай, у-дыкшнынь,
А па-ры он-ны, ял-гай, не-екшнень...

№ 57 ”Их три сестры,
Четвертый был их маленький братец...”

№ 66 ”Я спала, спала, подружка, я спала,
Нехороший сон, подружка, я видела...”

[23] В примечании к этой песне говорится: ”В этой песне и в следующих семь слогов с цезурой после четвертого слога”. В связи с этим тактировать напев можно было и с учетом цезуры:

Греш-нэй зю-дуфт Ли-тю-ва,
Па-зынь зю-дуфт Ли-тю-ва...

”Несчастливая проклятая Литюва,
 Богом проклятая Литюва...”

[24] В сборнике А. А. Шахматова — № 76в (с. 602). В примечании к этому примеру Н. С. Трубецкой высказывает сомнение в правильности записанного Р. Ф. Учевым ритма. Судя по музыкально-ритмической структуре, соответствующей в этой песне стиху 4+4+3 (слога), можно предположить, что последнее слоговое время стиха должно было быть вдвое больше — не ♪, а ♪. В этом случае не возникало бы сомнения по поводу образующегося такта с размером 3/8. В оригинале тактовая черта стоит только после окончания целого стиха. Тактировка внутри музыкально-ритмического периода произведена Н. С. Трубецким.

Ю_ мась, ю _ мась, ох, а _ ва _ кай, зё _ ке _ нь, 4+4+3 (сл.)
 И _ що ю _ мась, ох, а _ ва _ кай, бай _ ги _ нимь...

”Пропала, пропала, ох, матушка, моя кисточка,
 Еще пропал, ой, матушка, мой колокольчик...”

(”Про парня”)

[25] В оригинале — № 77а (с. 603), размер ”С”. Обозначением 8/8 Н. С. Трубецкой подчеркивает восьмивременную музыкально-ритмическую форму:

По_ зя _ ра! По_ зя _ ра! Сэ_ рей би_ чи ну_ ва _ ра, 8+8 (сл.)
 По_ зя _ ра! По_ зя _ ра! Пи_ чинть пря_ сы сал бар_ га...

”Позяра! Позяра! Высокая сосна сухая,
 Позяра! Позяра! На вершине сосны кузов соли...”

”В этой песне поминают всех: и мужчин, и женщин, девушек, парней и прочих” (с. 603).

[26] В оригинале — № 77ж. В сборнике, возможно, нотация помещена с ошибкой, так как при ключе дается размер 3/4, а тактовая черта между двумя последними тактами стоит после 5/8 перед 7/8. Эту ошибку исправил Трубецкой, переместив тактовую черту на одну восьмую вправо и выделив тем самым отсекаемую стиховой цезурой трехслоговую группу стиха. Учитывая цезуры и ударение на втором от конца слоге припевных слов, здесь более удобно было бы поставить размер 2/4:

Лём _ лём! Лём_ ка ды_ ря _ ва _ тый! 4+8 (сл.)
2+6 (сл.)
 Уськи су_ ринь гжди_ рди цять_ ни Э_ мель а _ тянь дей_ терь_ тне. 4+4+4+3 (сл.)
4+4+4+3 (сл.)

”Лём-лём! лёмка дыряватый! Прядильщицы ниток, подобных проволоке, — дочери старика Емельяна...”

(”В этой песне поминают только девушек. Песню поют весной на поветях”).

[27] В сборнике А. А. Шахматова к песне № 54 дано примечание: ”В этой песне и в следующих — девять слогов с цезурой после четвертого слога”. Цезура есть и в напеве, в связи с чем тактовую черту можно ставить на месте цезуры и в конце музыкально-ритмического периода:

Кол - мы год - нэть уль-нись гу - бан - ца,
Кол - мы ий - нить уль-нись но - гай - са...

”Три годочка был он в татарской земле,
Три леточка был он в ногайской земле...”

[28] Приведенный напев по форме охватывает два мелодических построения, соотносящихся с двуступищем поэтического текста. Поэтический текст, как и в предыдущей песне (№ 54), имеет цезуру после четвертого слога, совпадающую с цезурой в напеве, в связи с чем на месте цезуры можно поставить тактовую черту (в оригинале – размер ”С”):

Орт раз-бой-некть мок-шеньть гро-зя-сызь
Орт о-та-матт мок-шеньть гро-зя-сызь...

”Воры-разбойники грозят мокше,
Воры-атаманы грозят мокше...”

[29] В примечании к песне № 46 указано: ”В этой песне и в следующих семь слогов с цезурой после четвертого слога” (с. 521):

Па-вань дол-га мекш а-ва,
Сырьнинь дол-га мекш а-ва!

Структуру стиха этой песни Н. С. Трубецкой приводит в дальнейшем в разд. II.

[30] Здесь, как и в песнях № 46, 49, цезуры в напеве и в тексте совпадают, в связи с чем тактировать напев, в отличие от Учаева, целесообразнее было бы с учетом этих цезур:

До-ва ба-ба сал-дат-ка,
До-ваньть кол-мы це-ран-са.

”Вдова баба солдатка,
У вдовы три сына...”

[31] В примечании к этой песне в сборнике А. А. Шахматова указывается: ”В этой песне восемь слогов с цезурой после четвертого” (с. 541). В нотации Учаева деление на такты проведено не было. Тактировку произвел Н. С. Трубецкой, поставив тактовую черту на месте цезуры:

У-ду-мам зась ма-ди-мам зась,
Ти-тянь гу-дуў мо-ле-мам зась...

”Мне захотелось спать, мне захотелось лечь,
Мне захотелось отправиться в отцовский дом...”

[32] В примечании к № 56 (с. 549) в сборнике А. А. Шахматова отмечено: ”В этой песне и в следующих – десять слогов с цезурой после пятого слога”. В оригинале – размер 3/4, так же, как и в нотном примере у Н. С. Трубецкого. Сле-

дует заметить при этом, что во втором разделе своей работы Н. С. Трубецкой приводит структуру этой песни как пример стихового размера 5+5:

Покш ку_дат я_ кить Ке_мель_ти мель_га,
Шка_ян_дат праф_тынъ Ке_мель_тень ги_са...

”Сватья ходят за Кемельтею,
Сватья гонятся из-за Кемельти...”

[33] То же, что и в прим. 32.

[34] В оригинале – № 77г (с. 606): ”Песня про молодых”. Размер обозначил Н. С. Трубецкой с учетом цезуры в стихе и напеве:

Пи_зи_ми пи_зи, керь_ба ведь лоль_ге,
А покш пак_ся_сынть ла_дыр_ман ги_лий.

”Идет дождь – вода капает,
А на большом поле широкая береза...”

[35] В этой песне, как и в песне № 56 (см. прим. 32), – десятисложный стих с цезурой посередине.

Во втором разделе своей работы Н. С. Трубецкой приводит музыкально-ритмическую структуру этой песни как пример координации стиха 5+5 слогов с напевом 8+8 четвертей. С текстом эта структура будет выглядеть так:

Ме_зень дол ба_лэ, ме_зень ча_чам_не?
Па_вул Пет_ро_вич и_ня_зыркс о_зэ,..

”Что за огонь горит, что за дымок?
Павел Петрович садится царем...”

[36] В сборнике А. А. Шахматова к этой песне дано примечание: ”В этой песне четырнадцать слогов с цезурой после четвертого, седьмого и одиннадцатого слога”. Анализируя метрику мордовских песен во втором разделе своей работы, Н.С.Трубецкой относит стих этой песни к семисложным (4+3). Судя по восьмивременному напеву, приведенному Р. Ф. Учаевым, мелодические построения которого соответствуют семисложному стиху, и учитывая поэтические особенности стиха, можно, действительно, считать его не четырнадцатим, а семисложным:

Го_ло_дяф_кань а_тять_не,
А_ши капс_та сын_брять_не,
Чис_ты, чис_ты ве_лень брумкс,
Чи ю_тазь гак ве_лень брумкс...

”Голодяевские старики – головы, как белые кочаны капусты –
Каждый день сельский сход, через день сельский сход”

[37] В примечании к этой песне в сборнике А. А. Шахматова отмечается: ”В этой песне одиннадцать слогов с цезурой после четвертого и восьмого слога” (с. 573), поэтому тактировать напев естественнее было бы с учетом цезур:

Вирь чи_ри_сы эр_зянь сё_рась пенкьтьке_ре
Ви_ринь грай сы мок_шень эй_десь по_лень це...

Музыкальное время: $\frac{11}{8} + \frac{5}{4} + \frac{4}{4} = \frac{11}{8} + \frac{5}{4} + \frac{4}{4}$

Стих: 4+4+3=4+4+3 (слога).

”На опушке леса парень Эрзяк рубит дрова,
На краю леса ребенок Мокша рубит поленья...”

Поскольку в оригинале обозначен размер как ”С”, но в 4/4 музыкальное время мелодического построения не укладывается, Н. С. Трубецкой, приводя эту песню, указал размер более точно, выделив такты, равные 5/8.

[38] В сборнике А. А. Шахматова песня имеет № 75, к ней дано примечание: ”Все колядки поются на один мотив, и все колядующие поют одним голосом”. Приводим музыкально-ритмическую структуру песни:

Ка_ля_да! Ка_ля_да!
Ку_ды_ки_лика_ля_дан;
Ку_дыс су_ван пу_пурь_дян;

$\frac{8}{3}$ сл.
 $\frac{4+4(\text{н.})}{4+3(\text{сл.})}$

”Коляда! В сенях колядую;
Коляда! Войду в избу спотыкнусь...” (Текст см. № 75е).

[39] В оригинале – № 74е (с. 591), размер ”С”. Здесь семисложный стих координирован с восьмивременным напевом, что нагляднее показал автор статьи, поставив размер 8/8:

Ба_бань уль_нись тпру_га_за,
Мольць ма_ма_ма, вец ва_ясь...

$\frac{4+4(\text{н.})}{4+3(\text{сл.})}$

”У старухи была корова,
Пошла пить – в воде утонула...”

[40] В сборнике А. А. Шахматова, изданном в 1910 г., в этой песне (№ 77б, с. 605) звука ”ре” нет. Напев тактирован Н. С. Трубецким.

Мо_лян, мо_лян Га_лы_я_рынь ба_за_руй,
Ра_ман, ра_ман си_викс кир_га як_сяр_га...

$\frac{8+4+4(\text{н.})}{4+4+3(\text{сл.})}$

”Пойду, пойду на базар в Колояр,
Куплю, куплю (черную) утку с (белыми) колечками на шее...”
(”Про молодых”)

[41] В оригинале – размер 2/4 (с. 245). Удачнее было бы тактировать напев

Па-рыль, ба-рыль И-ва-нынь Мат-рясь тей-те-ресь $\frac{6+8+4(\text{л})}{4+5+3(\text{сл})}$

”Хороша, хороша была девица Иванова Матрена”.

[46] Обозначив размер 3/4, Р. Ф. Учаев тактировку второго построения напева не произвел; его разделил на такты Н. С. Трубецкой. Проще было бы тактировать песню по цезуре:

А - ди - ды, ял - гат, пи - жи лу - га - ва, $\frac{10+8(\text{л})}{5+5(\text{сл.})}$

Горь-ни поў се - цянь, ял - гат, сезь-не - ме. $\frac{11+15(\text{л})}{5+5(\text{сл.})}$

”Идите, подруги, по зеленому лугу,
Рвать, подруги, цветы бубенчики...”

[47] В сборнике А. А. Шахматова стиховые структуры песен №№ 50, 51, 52 отнесены к восьмивременным (5+3), тогда как структура песни № 51 является семисложной (4+3). Во втором разделе своей статьи Н. С. Трубецкой приводит эти песни как примеры соответственно семи- и восьмисложной структур. При тактировке напевов более естественно было бы учитывать цезуру стиха. В статье напевы помещены с тактировкой Р. Ф. Учаева.

50 А - гу - та ду - мась а - щи - ме,
52 И - ри - динь ги - ялць и - ри - динь,

А - гу - та ду - мась гос - тя - ма...
А пов - нян, ги - ялць, ме - зи - як...

51 Греш - нэй ло - мань а Тю - тай
Сю - буфт ло - мань а Тю - тай

Т. М. Ананичева

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Более четверти века назад наш читатель познакомился с классическим трудом Н. С. Трубецкого "Основы фонологии" в переводе на родной язык автора. С тех пор интерес к этому труду у нас и за рубежом не уменьшился, а значительно возрос, о чем свидетельствуют появившиеся в последнее время работы, трактующие основные положения фонологии, общего языкознания и семиотики. "Основы фонологии" были и останутся самым значительным произведением Трубецкого — языковеда и мыслителя, его лингвистическим завещанием и незабываемым фундаментом той дисциплины — фонологии, — в построении которой ему принадлежит главная роль.

Однако научное творчество Н. С. Трубецкого не ограничивается "Основами фонологии"; оно весьма многогранно и в то же время достаточно цельно, а его поиски непроторенных, неизведанных путей лингвистики, филологии, истории культуры, этнологии и народоведения в самом широком смысле этого слова привели к открытию нескольких новых научных направлений и дисциплин, среди которых, помимо фонологии, следует назвать морфонологию, историю литературных языков, типологию языковых структур и конфронтативную лингвистику, учение о языковых союзах и контактах. Кроме того, Н. С. Трубецкой обогатил своими идеями и конкретными разработками такие традиционные и в его время разделы языкознания, как индоевропеистика и славистика. В пределах последней большое внимание он уделил сравнительной грамматике славянских языков, праславянскому языку, старославянскому языку, древнему периоду развития восточнославянских (древнерусского) и западнославянских языков. Открывая новые горизонты в области лингвистических методов изучения структуры языка, Трубецкой одновременно обращался к материалу малоизученных языковых семей и языковых регионов, прежде всего к языкам кавказским (северо-западным и восточнокавказским), палеоазиатским и угрофинским.

Немногочисленные биографы Н. С. Трубецкого отмечают необычайную широту интересов ученого еще в юношеском, даже отроческом возрасте, а затем в период студенчества, сдачи магистерских экзаменов и в самом начале педагогической деятельности в Московском университете (с 1908 по 1912 г. он учился на историко-филологическом факультете этого университета, будучи сначала на философско-психологическом отделении, а с третьего семестра — на отделении языка и литературы; в 1913—1914 гг., в пору магистерской подготовки, он слушал вместе с Л. Блумфилдом и Л. Теньером лекции Бругмана, Лескина и других младограмматиков в Лейпциге, а с 1915 г. стал приват-доцентом и вел занятия по сравнительному языкознанию в Московском университете).

Проблемы народоведения в широком смысле этого слова волнуют Н. С. Трубецкого с самого начала его творческого пути: он вырабатывает план занятий по русскому самопознанию, которое, по его представлениям, ни в коем случае не может замыкаться узкими рамками национальной обособленности и ограниченности. Отсюда его интерес ко всем славянам, к угрофинским и кавказским (севернокавказским) языкам, народам и культурам. Так появляются первые его работы ярко

фольклористического характера, рассматривающие палеоазиатские, финно-угорские, северокавказские и русские народные мифологические представления и мотивы.

Отметим попутно, что раннее обращение к мифологии или этнографии наряду с основным интересом к языкознанию было присуще не одному Н. С. Трубецкому. Старшие коллеги Трубецкого по университету Д. Н. Ушаков и Н. Н. Дурново шли сначала по тому же пути, но впоследствии сконцентрировали свое внимание на "чистой" лингвистике¹. Впрочем, еще у одного старшего коллеги Н. С. Трубецкого — у А. А. Шахматова — интерес к фольклору, в том числе и к угрофинскому (мордовскому), сохранялся в течение всей жизни. Так же как у другого московского ученого-фольклориста и кавказоведа (осетиноведа) Вс. Ф. Миллера, председателя Московского Этнографического отдела и первого наставника Н. С. Трубецкого, устойчивым и постоянным был интерес к лингвистике. (Как известно, Н. С. Трубецкой с 13 лет регулярно ходил на заседания Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.)

Ознакомившись с классическим младограмматическим сравнительно-историческим языкознанием в Лейпциге и получив до этого в Москве образование у последователей школы Ф. Ф. Фортунатова — В. К. Поржезинского, В. Н. Щепкина и других ученых, — молодой Трубецкой ставит себе задачу исследовать со своих историко-генетических позиций северокавказскую группу языков. Рукопись его большого исследования, посвященного анализу северокавказской группы языков, была им оставлена в Ростове во время гражданской войны и до сих пор не найдена, так же как и другая — о соотношении общерусского (восточнославянского), праславянского и индоевропейского языков, известная по переписке под названием "Предыстория". Однако приобретенные им познания в области кавказоведения позволяют ученому несколько лет спустя дать Антуану Мейе и Марселю Коэну (они готовили тогда общее описание языков мира) материал для раздела о северокавказских языках².

Свои сравнительно-исторические исследования Н. С. Трубецкой начал в 1907 г. (когда ему еще не было и семнадцати лет) с двух, тогда почти не тронутых сравнительным языкознанием групп языков народов России. Прежде всего его заинтересовали отношения между изученным им еще до этого "камчадалским" (ительменским) языком, с одной стороны, и уральскими, и в особенности самодийскими, — с другой. Сохранились (в рукописи) его материалы по этой теме. Он составил словарь всех слов ительменского языка, содержащихся в записках старых путешественников, и краткую грамматику этого языка. В поисках дальнейших материалов по "палеоазиатским" языкам молодой Трубецкой обращается к трем крупнейшим специалистам по этим языкам — трем ученым-народовольцам Штернбергу, Иохельсону и Богоразу, которые сперва отбывали ссылку на Дальнем Севере, а позже в специальных экспедициях приобрели глубокие познания, общаясь с местными жителями на их языках. В письме к В. Г. Богоразу юноша Трубецкой писал: «За последнее время я много занимался сравнением арктических языков с угро-финскими и самоедскими. Ввиду того что сравнение это оказалось довольно плодотворным, я хотел продолжить его, но должен был остановиться вследствие недостатка материала. Я обратился к Л. Я. Штернбергу с просьбой указать мне материал по гиляцкому и айнскому языкам и к В. И. Иохельсону с такой же просьбой относительно языков корякского, чукотского и юкагирского. Оба они отнеслись

¹ См.: Ушаков Д. Н. Материалы по народным верованиям великоруссов. — "Этнографическое обозрение" (сокр. ЭО), год 32, кн. XXIX—XXX, № 2—3. М., 1896, с. 146—204; Дурново Н. Н. К истории сказаний о животных в старинной русской литературе. — "Древности. Труды славянской комиссии ИМАО", т. III, с. 45—118; его же. Легенда о заключенном бесе в византийской и старинной русской литературе. I—III. — "Древности. Труды славянской комиссии ИМАО", т. IV, вып. 1. М., с. 54—152 и 319—326, и другие работы.

² „Les langues du monde“. (Ed. par A. Meillet et M. Cohen.) Paris, 1924, p. 327—342.

к моим просьбам очень внимательно, указали литературу предмета, а В. И. Иохельсон предложил мне даже составить список юкагирских слов»³. Позднее интересы Трубецкого обратились преимущественно к типологии этих языков, которые он продолжал называть "арктическими" (это удачное наименование, близкое к понятию "околополярный" у Боаса, почему-то не привилось). Он полагал, что их место в систематическом структуральном расположении языков нашей страны — после изолирующего дунганского и перед агглютинативными "урало-алтайскими" (TLN, p. 134).

В статье 1923 г., приводя примеры цепей, образуемых языковыми семьями, Трубецкой замечает: «Одиноко стоящие языки восточной Сибири (енисейско-остяцкий, гиляцкий, юкагирский и так называемые камчатские, то есть камчадальский, чукотский и корякский) являются как бы переходным звеном между урало-алтайским и североамериканским (эскимосско-алеутским) союзами»⁴. Следует заметить, что примерно в то же время Боас, научная работа которого и в других отношениях обнаруживает интересные параллели к творчеству Трубецкого, установил ряд языковых и культурных признаков, объединяющих этнические группы вокруг Берингова пролива.

Одна из фонологических черт, общих этим языкам, указана Трубецким в его завершающем посмертном труде по фонологии — наличие двух дорсальных рядов, объединяющее их и с некоторыми географически близкими языками — эскимосским, алеутским, тлингит, хайда⁵. На примере занятий Трубецкого "арктическими" языками можно видеть две характерные, связанные друг с другом черты его сравнительных штудий, отличавшие его от предшественников: привлечение типологических критериев и обращение к структурному сопоставлению целых больших семейств (к генетическому же сопоставлению больших семейств, с которого — в случае лексики уральских и чукото-корякских языков — он начал в юности, Трубецкой относился отрицательно и предпочитал ему типологическое).

Наряду с понятием "языкового союза" Трубецкой уже в той же статье 1923 г. выдвигает понятие "союза языковых семейств"⁶, которому, вероятно, принадлежит большое будущее. Позднее Трубецкой отдавал явное предпочтение этому понятию по сравнению с идеей родства между большими семьями, чему посвятил специальный доклад; различие между этими альтернативами можно сравнить с разницей между идеей родословного древа и теорией волн.

В большей степени, чем генетическим и типологическим сравнением "арктических" языков, Трубецкой и позднее продолжал заниматься языками финно-угорскими, с которых начались его филологические интересы. Среди набросков, содержащихся в его письмах 1922 г., есть идея о развитии геминат (долгих согласных) в этих языках, в частности о развитии в них категории глухости — звонкости в зависимости от сдвига ударения (TLN, p. 34;35)⁷; в типологическом плане это соотношение обсуждается и в его посмертном обобщающем труде⁸. Не говоря уже о ряде его работ по мордовскому языку, из его открытий, в свое время не опубликованных и позднее вновь сделанных другими, отметим политонический характер венгерского ударения. Обстоятельства этого открытия он характеризует в одном из писем, где говорит о том, что ему приходится часто слышать в поездах, в которых он регулярно ездит, венгерскую речь — показательный пример его языковой наблюдательности.

Позднее, вспоминая о своих финно-угроведческих штудиях, Трубецкой ска-

³ „N. S. Trubetzkoy's Letters and Notes“. Paris: Mouton, 1975, p. 443 (сокращенно: TLN).

⁴ Трубецкой Н. С. Вавилонская башня и смешение языков.— "Евразийский временник", кн. 3. Берлин, 1923, с. 107–124. (Далее — сокращенно: ВБСЯ.)

⁵ Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960, с. 147.

⁶ Трубецкой Н. С. ВБСЯ.

⁷ Эта гипотеза представляет большой интерес и для интерпретации таких типологически сходных явлений, как закон Вернера.

⁸ Трубецкой Н. С. Основы фонологии, с. 314–315.

жет: «С течением времени внимание мое было отвлечено другими предметами. Я занялся индоевропейским, кавказским, тюркским и общим языковедением и этнопсихологией. Но тем не менее интерес к угро-финнам никогда во мне не умирал и всегда оставался моей — если можно так выразиться — ”первой научной любовью”».

Рассказывая в 1920 г. о своих занятиях университетского и последующего времени, Трубецкой особо отмечал свои интересы к северокавказским языкам: «Последними я занимался особенно усиленно, еще студентом два раза ездил на Кавказ с специальной целью собирания лингвистических материалов. Мною записано большое количество черкесских текстов, составлена черкесская грамматика и словарь, я приступил и к сравнительной грамматике языков Северного Кавказа, вполне отделив сравнительную фонетику восточнокавказских (лезгино-черкесских) языков» (TLN, p. 447)⁹. С начала 20-х годов Трубецкой начинает печатать восстановленные им по памяти старые работы и продолжает дальше свои исследования. Не подлежит сомнению, что его работы по сравнительно-исторической фонетике и фонологии северокавказских языков являются самым крупным вкладом, сделанным им в компаративистику. Они представляют двойной интерес. Во-первых, он убедительно показал на достаточно обширном словарном материале родство всех северокавказских языков, установив основные фонетические соответствия как внутри их основных подгрупп, так и между этими подгруппами и реконструировав основной набор фонем праязыка. Дальнейшие исследования, в особенности те, которые были проведены в недавнее время, уточнили многое в его реконструкциях, и прежде всего в тех, часто весьма несовершенных материалах (записях текстов, словарях и грамматических описаниях), которыми он вынужден был пользоваться. В ряде случаев удивительно, что на основе скудных и иногда неточных данных, благодаря только одной научной интуиции, ему удалось воссоздать такую научную картину, которая и до сих пор остается верной.

Методологически большую ценность (в частности, для понимания соотношения синхронных и диахронических исследований) имеют предложенные им поправки, основанные на сравнительно-исторических соответствиях, к тем неточностям фонетических данных по северокавказским языкам, которые он находил, например, у Дирра (справедливости ради заметим, что, наоборот, он иногда недооценивал исключительную фонологическую интуицию Услара).

До сих пор остается в силе намеченная Трубецким классификация групп и подгрупп северокавказских языков, установленный им общий корнеслов (в последние годы значительно расширенный), набор основных рядов фонем праязыка (хотя, как он и сам отмечал, введение дополнительных признаков может привести к увеличению их числа; в этом духе в настоящее время ведутся исследования). Позднее Трубецкой занялся и вопросами их морфологии (в частности, глаголом, в этой семье языков представляющим особые трудности ввиду богатства и сложности форм).

В последние годы Трубецкой вновь вернулся с использованием достигнутых им знаний северокавказской сравнительной фонетики и лексикологии к занимавшим его с юности сопоставлениям кавказских данных с известиями античных авторов о сопредельных странах. В одной из последних своих работ он анализирует юг северокавказский этноним и социальный термин (со значением ‘раб’), который он связывает с именем ”лелегов” в античной традиции. Последние изыскания, обнаружившие и другие параллели этому термину во вновь найденных мертвых языках (прежде всего в хурритском, скорее всего родственном северо-восточнокавказскому), и здесь подтвердили значимость интуиции Трубецкого. По мере того как обнаруживается все большее число языков (в том числе важных в культурном отношении древних), находящихся в вероятном близком или отдаленном родстве с северокавказскими или имеющих в своей лексике целый пласт северо-

⁹ По словам Е. А. Бокарева, он видел около 1940 г. эти материалы, сданные Трубецким на хранение в библиотеку Ростовского университета. Еще остается надежда разыскать их среди части рукописного архива библиотеки, спасенного во время войны.

кавказских заимствований, все весомее ощущается роль Трубецкого как основателя этой области языкознания.

Но есть и другой аспект севернокавказских исследований Трубецкого, возможно еще более существенный, чем достигнутое им построение сравнительно-исторической грамматики этих языков. До этих его работ и проведенных немного позднее, но опубликованных примерно в то же время сравнительно-исторических исследований Л. Блумфилда по сравнению некоторых индейских языков Северной Америки сравнительно-исторические реконструкции в основном осуществлялись на материале таких языков, у которых есть древние письменные памятники. Индоевропейское сравнительно-историческое языкознание, на протяжении многих десятилетий оставшееся моделью для других аналогичных дисциплин, строилось с самого начала на сравнении древних письменных языков, таких, как санскрит (на них опиралось и университетское преподавание в те годы, когда учился Трубецкой). Многим это казалось принципиально важным. Н. С. Трубецкой впервые показал, что можно построить сравнительно-историческую грамматику целиком на основе установленной системы соответствий между живыми языками, исходя только из современных полевых описаний этих языков¹⁰: Более того, собственный опыт полевой работы (опять-таки и у Трубецкого, и у независимо от него работавших сходными методами Блумфилда и Сепира) приводил к такому уточнению фактических и фонологических основ сравнения и типологическому обоснованию реконструкции, которые в прежнем языкознании, ориентированном на мертвые языки по преимуществу, в принципе не могли быть сделаны. На следующем этапе уже и индоевропейское языкознание на основе достижений в исследовании живых языков по-новому подошло к типологической интерпретации реконструкций. С опорой на живые языки было связано и все большее внимание к учету пространственных соотношений между родственными и неродственными языками. Трубецкой не просто приложил уже готовые методы сравнительного языкознания к новому материалу, а сумел — отчасти благодаря новизне самого материала, но и по более глубоким причинам — внести свой вклад в развитие этих методов. С самого начала языкознание — и прежде всего сравнительно-историческое, а затем и синхронное — привлекало Трубецкого как единственная гуманитарная наука, владеющая научным методом, в отличие от других гуманитарных наук, находящихся еще на стадии "алхимии" (а не химии) (этот взгляд до него был у Потебни, а одновременно с Трубецким и у великого английского этнолога Хокарта, в этом, как и во многом другом, бывшего предшественником Леви-Стросса).

¹⁰ Для Н. С. Трубецкого особенно важным было признание незыблемости принципов точного сравнительно-исторического анализа. Он подчеркивает, что сравнительную грамматику кавказских языков можно и нужно строить «по принципам, которым должна следовать всякая сравнительная грамматика любой языковой группы. Без такой сравнительной грамматики на кавказоведении всегда будет лежать печать дилетантизма, оставленная на нем многими учеными, нетерпеливо стремившимися разгадать все тайны и разрешить все темные проблемы исторической этнографии Древнего Востока при помощи двух-трех слов, наудачу выхваченных из какого-либо из 37 кавказских языков. Все теории о родстве того или иного мертвого языка с "кавказскими языками" не имеют никакой ценности, пока еще научно не доказано родство между южнокавказскими (так называемыми "картвельскими") и севернокавказскими языками» (см. наст. сб., с. 233). Далее Трубецкой отстаивает мысль о иерархичности сравнительных грамматик, которая в наше время может показаться почти тривиальной, но для своего времени была свежей и принципиально важной. Он пишет, что «сравнительная грамматика "кавказских языков" — если все же кавказские языки действительно образуют единую языковую семью — не сможет быть создана, пока не будет создана, с одной стороны, сравнительная грамматика картвельских, а с другой стороны — севернокавказских языков. Эти две сравнительные грамматики должны создаваться независимо, и написание каждой из них должно представлять собой самостоятельную задачу» (см. наст. сб., с. 234).

Помимо соблюдения иерархии сравнительных грамматик, Н. С. Трубецкой требовал и определенной последовательности в компаративном изучении различных уровней языка. В той же программной вступительной части статьи "О латеральных согласных в севернокавказских языках" он писал, что при отдельном создании двух кавказских сравнительных грамматик, чтобы добиться успеха... «необходимо начать со сравнительной фонетики, затем перейти к морфологии и синтаксису, точно так же, как это делается при изучении всех прочих языковых семей мира», то есть и в первую очередь индоевропейской семьи. Этот завет Н. С. Трубецкого был принят четыре десятилетия спустя В. М. Илличем-Свитычем при работе над сравнительным словарем ностратических языков. В. М. Иллич-Свитыч, его ближайшие коллеги и их ученики считали и считают выполнение всех точных "правил игры" сравнительно-исторической грамматики необходимым условием своего труда. На этом же настаивал и Н. С. Трубецкой еще в начале 20-х годов: «Чтобы доказать языковое родство, необходимо прежде всего установить фонетические соответствия, продемонстрировать их регулярность, выделить исключения, детально сопоставить грамматические формы. В родстве греческого, санскрита и латыни лингвистов убеждает не более или менее сходное употребление родительного или винительного падежей, а существование постоянных соответствий между той или иной фонемой греческого и той или иной фонемой санскрита и латыни. Пока не установлены аналогичные соответствия между "картвельскими" фонемами и фонемами севернокавказских языков, мы не вправе говорить о кавказской языковой общности, и всякая теория, предполагающая эту общность данной, должна быть признана фантастической» (наст. сб., с. 233–234). Н. С. Трубецкой считал, что для доказательства родства картвельских языков с севернокавказскими «недостаточно указать на некоторые сходные черты в конструкции предложений». При этом нельзя упускать из виду, что все эти высказывания Трубецкого относятся к той поре, когда в лингвистическом кавказоведении и в лингвистике вообще распространились идеи и методы Н. Я. Марра. К ним Н. С. Трубецкой относился чрезвычайно критически, что проявилось у него особенно ярко, когда он в 30-е годы предложил свое понимание индоевропейской проблемы в целом.

Тем не менее смешанный характер языков и крупных языковых зон интересовал Н. С. Трубецкого не менее, чем Н. Я. Марра. Еще в 1923 г. в статье под названием "Вавилонская башня и смешение языков" Трубецкой описал механизм "дробления" языка (праязыка) на наречия, говоры и подговоры и вхождения языка в семейства, внутри которых различаются ветви и подветви, описал «отношения языковых единиц, объединяющихся генетически, то есть восходящих исторически к диалектам некогда единого "праязыка" данной генетической группы (семейства, ветви, подветви и т.д.)»¹¹, и сразу же после этого описания заявил: «Но кроме такой генетической группировки, географически соседящие друг с другом языки часто группируются и независимо от своего происхождения. Случается, что несколько языков одной и той же географической и культурно-исторической области обнаруживают черты специального сходства несмотря на то, что сходство это не обусловлено общим происхождением, а только продолжительным соседством и параллельным развитием. Для таких групп, основанных не на генетическом принципе, мы предлагаем название "языковых союзов". Ярким примером "языкового союза" в Европе являются балканские языки — болгарский, румынский и новогреческий; принадлежа к совершенно разным ветвям индоевропейской семьи, они, тем не менее, объединяются друг с другом целым рядом общих черт и детальных совпадений в области грамматического строя¹². Такие "языковые союзы" существуют не только между отдельными языками, но и между языковыми семействами, то есть случается, что несколько семейств, генетически друг с другом не родственных, но распространенных в одной географической и культурно-исторической зоне, целым рядом общих черт объединяются в "союзы языковых семейств" несмотря на

¹¹ Т р у б е ц к о й Н. С. ВБСЯ, с. 114.

¹² Эта фраза Н. С. Трубецким была вынесена в сноску.

то, что генетическое родство между ними — всеми этими семействами — современная наука отрицает» (ВБСЯ).

Так было впервые сформулировано понятие "языкового союза" и отмечена важность этого понятия и явления для сравнительного и общего языкознания и для этнической культурологии. В той же статье Н. С. Трубецкой отмечал: «Распределение и взаимные соотношения культур основаны в общем на тех же принципах, что и соотношение языков, с той лишь разницей, что то, что в культуре соответствует "семействам", имеет гораздо меньше значения, чем то, что соответствует "союзам". Культуры отдельных соседних друг с другом народов представляют всегда целый ряд черт, сходных между собой. Благодаря этому среди этих культур обозначаются известные культурно-исторические "зоны", например в Азии зоны мусульманской, индостанской, китайской, тихоокеанской, степной, арктической и т.д. культур. Границы всех этих зон взаимно перекрещиваются, так что образуются культуры смешанного или переходного типа. Отдельные народы и части народов специализируют данный культурный тип, внося в него свои специфические индивидуальные особенности. В результате получается та радужная сеть, единая и гармоничная в силу своей непрерывности и в то же время бесконечно-многообразная в силу своей дифференцированности» (ВБСЯ).

Метафору "радужной сети" или "радужных звеньев" Трубецкой применял не только к культурным зонам и диалектам, но и к языкам и говорам (диалектам). Он отмечал, что «язык есть непрерывная цепь говоров, постепенно и незаметно переходящих один в другой» (ВБСЯ), что между понятиями и феноменами "язык" и "говор" нет четкой границы и что разные говоры могут так далеко разойтись, что станут разными языками, а также что при создании языкового ландшафта немалую роль играют переходные говоры. В более крупных ареальных масштабах, по наблюдениям ученого, «часто бывает, что одно и то же семейство или одиноко стоящий язык принадлежат сразу двум союзам или колеблются между двумя соседними союзами, играя, таким образом, ту же роль, что и переходные говоры в генетической классификации». «Таким образом, — заключает Н. С. Трубецкой, принимая во внимание обе возможные группировки языков — генетическую (по семействам) и негенетическую (по союзам), — можно сказать, что все языки земного шара представляют некоторую непрерывную сеть взаимно переходящих друг в друга звеньев, как бы радужную» (ВБСЯ). Обнаруживая некоторую структурную, функционально-стратификационную и ситуативную изоморфность языка и культуры, Трубецкой в то же время отмечает, что «распределение и взаимное отношение культур не совпадает с группировкой языков». «Носители языков, — поясняет он, — не только одного и того же семейства, но и одной и той же ветви — могут принадлежать к разным типам культур: примером, иллюстрирующим это положение, является народ венгерский (или мадьярский)» (ВБСЯ). «Как известно, языковые родичи венгров — вогулы и "остяки" (в северо-западной Сибири) — в культурном отношении не имеют с венграми «решительно ничего общего» (ВБСЯ).

Рассуждения Н. С. 1923 г. о смешении языков и о двух видах языковой близости — генетической и "союзной" (ареальной) — созвучны идеям И. А. Бодуэна де Куртенэ, высказанным в 1901 г. в статье "О смешанном характере всех языков"¹³.

Сопоставление взглядов Бодуэна и Трубецкого любопытно во многих отношениях. Положения Бодуэна и выдвинутые два десятилетия спустя положения Трубецкого отражают позиции двух прогрессивных лингвистических поколений, следовавших одно за другим. Их роднит общее стремление к новым решениям и общее понимание возможностей сравнения в зависимости от составляющих его языков (языковых систем), общее критическое отношение к младограмматикам как к школе, уже выполнившей свое историческое предназначение и потому неперспективной. Трубецкой четче формулирует проблему языковых союзов, в то время как Бодуэн лишь говорит о географическом факторе в ряду других факторов и о возможностях изучения пограничных зон с двумя интерферирующими нерод-

¹³ Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию, Том I. М., 1963, с. 371.

ственными языками (говорами) типа немецко-западнотурецких зон¹⁴. К тому же Бодуэн ничего не говорит о некоторой лингвистической непрерывности или плавной "радужной" переходности, которую почти повсюду видит Трубецкой. С другой стороны, Бодуэн довольно ярко подчеркивает возможность и целесообразность любого сравнения, прежде всего сравнения неродственных языков, и говорит, что оно существенно для общелингвистических задач и проблем. У Бодуэна терминов "конфронтация" (сопоставление) и "типология" еще не существует, но речь, как видно из текста упомянутой статьи, идет именно о важности конфронтативных исследований для типологической характеристики языков. Трубецкой в 1923 г. также не пользуется словами "типология" и "сопоставление" и не акцентирует внимание читателя на сопоставительном анализе совершенно не родственных языков (то есть не имеющих ни генетической, ни географической связи), но его опубликованная девять лет спустя, в 1932 г., статья о мордовской и русской фонологических системах являет собой едва ли не первый и лучший пример четкого сопоставительного фонологического анализа. Правда, выбор русского и мордовского языков связан с их географическим соседством и близостью ряда культурных черт (мелос, костюм, жилище и др.) у их носителей, но фактически основная и интенсивная работа Н. С. Трубецкого в конце 20-х и в 30-е годы была уже направлена на создание фонологической картотеки и типологическое изучение фонологических систем всех языков мира, что и отразилось в его знаменитом труде "Основы фонологии", вышедшем посмертно.

Н. С. Трубецкой один из первых обосновал необходимость тройственного подхода к сравнительному изучению языков: первого — историко-генетического, второго — ареально-исторического (языковые союзы, языковые зоны), третьего — типологического — и показал их применение на ряде своих работ, среди которых выделяется завершающий труд по общей фонологической типологии. В этой области, помимо многих универсалий (ими позже занимались Дж. Гринберг и другие ученые), Н. С. Трубецкой выявил ряд более частных, локальных закономерностей. Так, в той же статье о мордовской и русской системах фонем он продемонстрировал важный фонологический принцип, согласно которому сходство инвентаря фонем не обуславливает сходства их фонологических функций и комбинаторных возможностей. Последние в мордовском языке совсем иные, чем в русском.

Хотя интересы молодого Трубецкого сперва лежали в плоскости этнографии, фольклора и сравнения языков — уральских, "арктических" и в особенности севернокавказских, — он, согласно его автобиографическим заметкам, тем не менее решил выбрать в качестве предмета университетских занятий индоевропеистику, исходя из того, что это единственная хорошо разработанная область языкознания и что именно на ней можно научиться правильному научному методу¹⁵. После занятий на философском отделении и на отделении западноевропейских литератур, где он пробыл по году (с 1909/10 учебного года), Н. С. Трубецкой занимается на вновь тогда созданном отделении сравнительного языковедения (прежде всего санскритом и авестийским) (кроме него, на отделении учился еще только

¹⁴ В 1925 г. акад. Л. В. Щерба опубликовал на французском языке статью "О понятии смешения языков" ("Яфетический сборник", V. Л., 1925, с. 1—19), в которой он предлагает при интерференции различать два процесса: заимствование и смешение языков. Первое основывается на двуязычии, на равном функционировании двух языков у одного индивида (или социума), второе — на «смешанном языке с двумя терминами» (определение Л. В. Щербы), то есть на языковой ситуации, подобной серболужицкой, когда одной языковой системе понятий соответствуют две формы ее выражения (например, лужицкая и немецкая и т.п.). Л. В. Щербу интересовали не столько разные языковые ландшафты и методы исследования языковой близости, сколько сам механизм языковой интерференции. См.: Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. I. Л., 1958, с. 40—53.

¹⁵ "Autobiographische Notizen N.S.Trubetzkoy". — In: Trubetzkoy N.S. Grundzüge der Phonologie.

один студент — М. Н. Петерсон, с которым их позднее объединило стремление к точности методов описания). Н. С. Трубецкой защитил курсовую работу "Образование будущего времени в главнейших индоевропейских языках", с которой была связана позднейшая его работа о глагольных формах на $\bar{a}$ - в индоевропейских языках¹⁶. С изучением индоевропейского и иранского глагола, видимо, была связана и последующая работа по осетинскому глаголу, оставшаяся ненапечатанной. Монография по фонологической истории праславянского языка, над которой он работал на рубеже 10-х и 20-х годов, была задумана Трубецким как исследование по относительной хронологии одного индоевропейского диалекта, начиная с общиндоевропейского периода до балто-славянского и далее, вплоть до разделения на отдельные славянские диалекты. Трубецкой еще в университетские годы, как мы уже говорили, решительно порывает с догмами младограмматического сравнительно-исторического языкознания, с которыми он познакомился и в Москве, и в Лейпциге, где после окончания университета провел год, занимаясь у Бругмана и Лескина. Он ощущает необходимость пересмотра многих традиционно принимаемых в индоевропеистике положений. По его словам, они ему мешают и в славистике, так как без нового описания индоевропейского нельзя осуществить и задуманной им истории праславянского, начиная с индоевропейского. К сожалению, большая часть его собственно индоевропеистических идей осталась необнародованной, и их удастся восстановить лишь отчасти.

Исключительный интерес представляют сохранившиеся в письмах Н. С. Трубецкого к Р. О. Якобсону и Н. Н. Дурново индоевропейские этимологии славянских слов, из которых видны некоторые его новые индоевропейские реконструкции. Часть подобных прозрений была настолько неожиданна для традиционно мыслящих лингвистов, что они даже в пору его позднего мирового признания, к концу его жизни, препятствовали публикации работ Трубецкого. По этой причине не увидела свет и его заметка о возможном происхождении названия Волги, которое он объяснил позднейшими фонетическими преобразованиями (восточно) балтийского отражения индоевропейской основы *dl(H)g- 'долгий' (восточнобалтийский *ilg-* из *lg- с утратой первого согласного, который отсутствует и в других западноиндоевропейских диалектах). Допущение Трубецкого, в то время показавшееся даже видным специалистам фантастическим, вполне согласуется с современными представлениями о расселении балтов и индоевропейцев и их возможных древнейших переселениях. В новейшем исследовании Станга о характере общих балто-славяно-германских лексических терминов была подтверждена другая существенная для изучения трех этих индоевропейских языковых групп идея Трубецкого о наличии единой группы социальных терминов, специфических именно для них¹⁷.

Одним из свидетельств исключительной смелости мысли зрелого Трубецкого явился его посмертно опубликованный доклад "Мысли об индоевропейской проблеме", прочитанный в конце 1936 г. на заседании Пражского лингвистического кружка. Он впервые попытался дать типологическую характеристику индоевропейских языков в сопоставлении с рядом соседних с ними семей. Некоторые из сделанных им при этом попутно типологических наблюдений поражают своей проницательностью. Так, он указал на типологическое сходство крайне редкой встречаемости индоевропейской фонемы, которую в традиционной сравнительно-исторической фонетике реконструировали как звонкое *b, и столь же редкой встречаемости глоттализованной (смычно-гортанной) фонемы p' в северокавказских языках (а также эмфатического p в семитском). Сходные соображения использованы в недавнее время в так называемой "глоттальной теории", пытающейся пересмотреть интерпретацию трех рядов индоевропейских смычных на основе типологических выводов. В докладе Трубецкого накопленный им к тому времени опыт в типологии (не только фонологической, но и грамматической) использован для определе-

¹⁶ T r u b e t z k o y N. S. Gedanken über den lateinischen a-Konjunktiv. — In: „Festschrift für P. Kretschmer“. Wien, 1926, S. 267–274.

¹⁷ S t a n g Chr. Die baltische, slawische und germanische lexikalische Sonderübereinstimmungen. Oslo, Universitetsforlag, 1972.

ния чисто лингвистическими методами места индоевропейского по отношению к уральскому, алтайскому, дравидийскому, с одной стороны, картвельскому, семито-хамитскому (афразийскому в современных терминах) и северокавказскому — с другой. Продолжение этого рода исследований привело позднее к выявлению глубоких типологических сходств в структуре основ и в морфонологических чередованиях (в том числе сочетаний с сонантами) в индоевропейском и картвельском (согласно его реконструкции, данной Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани).

Как и в докладе и (посмертно напечатанной) статье Н. С. Трубецкого, из этих типологических сопоставлений были сделаны выводы о контакте данных языковых семей в древности, подкрепленные затем и другими доводами. Таким образом была подтверждена возможность выявления древних соотношений между языковыми семьями на основании строго лингвистических заключений. Доклад был направлен против спекулятивных попыток использовать преимущественно археологические, антропологические и этнологические доводы (или quasi-аргументы) при определении индоевропейской прародины. Действительно, следует подчеркнуть, что чисто эмпирический археологический материал (например, упомянутую в этой связи Трубецким керамику), по существу, нельзя использовать для соотнесения с результатами лингвистических реконструкций, то есть построения достаточно сложных концептуальных систем на основе сравнения эмпирических данных древних и более поздних языков. Аналогичные методы реконструкции в таких науках, как археология и примыкающие к ней дисциплины, по существу, еще не разработаны, что крайне затрудняет соотнесение результатов сравнительно-исторического языкознания с данными, почерпнутыми из археологии. Трубецкой убедительно показал, что лингвистика располагает достаточно мощными средствами для того, чтобы уже на основании типологии языковых семей дать ответ на вопрос об их относительном географическом расположении в древности. Другие исторические науки должны считаться с этими лингвистическими выводами как с непреложной данностью. Трубецкой весьма критически относился к попыткам историков решать лингвистические проблемы, не зная лингвистики. Заметим, что, кроме типологических сопоставлений языковых семей, методы которых разработал Н. С. Трубецкой и его товарищи по Пражскому кружку (в частности, Р. О. Якобсон), сравнительное языкознание располагает и традиционными методами восстановления среды обитания по реконструируемым названиям предметов. Если бы археология располагала аналогичными методами реконструирования, ее выводы можно было бы прямо соотносить с лингвистическими; пока что это не так. Лингвистика, безусловно, принадлежит к числу наиболее развитых наук, пользующихся методами реконструкции, и результаты этой реконструкции должны признаваться всеми смежными дисциплинами. Целесообразно различать формальный аппарат реконструкции, который был выработан младограмматическим сравнительно-историческим языкознанием и обогащен Трубецким на основе достижений фонологии, лингвистической географии и типологии, и его содержательную интерпретацию. К этой последней относится истолкование сравнительно-исторических реконструкций либо как относящихся к индоевропейскому праязыку и его диалектам, либо как объясняемых позднейшим схождением. Н. С. Трубецкой (как незадолго до него Е. Д. Поливанов, а позднее Д. В. Бубрих и В. Пизани) предложил и другое альтернативное истолкование — считать, что такая языковая семья, как индоевропейская, может складываться путем конвергенции, по типу языкового союза. По-видимому, некоторые очень запутанные соответствия между языковыми семьями (в частности, в Африке, упоминаемой в этой связи в докладе Трубецкого) нельзя понять без учета ранних, далеко идущих контактов между языками и целыми семьями, образующими, по Трубецкому, "сетевидное членение". Но в общем случае отличие подлинного языкового родства (то есть происхождения языков данной семьи из диалектов одного праязыка, таких, как романские языки, которые произошли из диалектов народной латыни) от приобретенного (по типу языкового союза) остается достаточно сложной задачей, особенно в языках с малоразвитой морфологией. Наличие сложных систем флексий, совпадающих в существенных элементах, в индоевропейском делает путь конвергенции менее вероятным. Однако по отно-

шению к некоторым древним ветвям индоевропейской семьи языков, например анатолийской, включавшей древние языки (хеттский, палайский, лувийский и др.), которые долгое время находились в контакте на территории Малой Азии, путь конвергентного развития, предложенный в докладе Трубецкого, кажется вполне возможным.

Целый ряд различий, сформулированных Н. С. Трубецким как типологические, в свете ностратической гипотезы мог бы получить историческое объяснение. Так, отмечаемое Трубецким наличие в угрофинских и алтайских языках одного ряда заднеязычных согласных с двумя оттенками произношения, обусловленными автоматически гармонией гласных, при двух рядах заднеязычных в индоевропейских диалектах (сводимых к еще более древним трем), где нет гармонии гласных, по В. М. Илличу-Свительчу, объясняется сохранением в восточноностратических языках — уральских и алтайских — более архаического состояния, тогда как при перестройке вокализма и слога в индоевропейском возникли независимые друг от друга ряды заднеязычных фонем. Напротив, по отношению к ларингальным согласным индоевропейские (как и семито-хамитские и картвельские) языки оказываются более архаичными; этим объясняется отмеченное Трубецким наличие отражения ларингальных в хеттском языке. В этих случаях, как и во многих других, наиболее смелые выводы современного языкознания оказываются предвосхищенными Н. С. Трубецким, который был всегда на переднем фронте сравнительного языкознания. В таких дискуссионных вопросах индоевропеистики, как наличие двух или трех родов в общеиндоевропейском, Трубецкой высказывает именно ту точку зрения, которая подтверждалась дальнейшим изучением вновь открытых языков; так, исследование анатолийских языков доказало, что в древних индоевропейских диалектах различались два рода — активный и инактивный (средний), что было связано и с восстановлением для древнейшего индоевропейского активной (эргативной) конструкции, о которой говорил и Трубецкой в своем докладе.

Типология, которую развивал Н. С. Трубецкой, была динамической. Он угадывал тенденции языкового развития, преобразовавшие древний индоевропейский тип, и связывал их с общими законами эволюции языков, в частности с движением от флективного типа к агглютинативному. Преимущества языков агглютинативного типа, например урало-алтайских, ученый попробовал доказать теоретически, начиная с фонологической типологии языков в своей замечательной, посмертно изданной работе о таком типе международного искусственного языка, который удовлетворял бы типологическим требованиям на фонологическом уровне. Далее по законам комбинаторики определяется возможное число двусложных и односложных морфов, что ведет к обоснованию агглютинативного типа языка. По своей методике эта статья, как и ряд других поздних работ Н. С. Трубецкого по типологии, предельно близка методам современной математической лингвистики.

Вместе с тем Трубецкой в этой статье ставил перед собой практическую задачу. Трубецкого занимало не только прошлое и настоящее языков, но и их будущее (это объединяет его с такими футурологами языка, как Хлебников в поэзии, Поливанов и Сепир в науке). Как и другие, современные ему великие лингвисты, Есперсен и Сепир, Трубецкой с большим вниманием относился к проблеме искусственного международного языка. Его занимала типология этого языка. Он отмечал последовательно агглютинативный характер эсперанто, видел в нем проявление технического удобства агглютинативных языков, где вполне однозначные суффиксы присоединяются к неизменяемым корням. Но пафос его статьи о международном искусственном языке определялся основной установкой всех его лингвистических и культурологических изысканий. Он настаивал на необходимости отказа от "эгоцентризма" одного народа. В трилогии, задуманной Трубецким в 1909—1910 гг. и осуществленной частично начиная с 1920 г., «первая часть должна была иметь заглавие "Об эгоцентризме" и посвящалась памяти Коперника; вторая должна была называться "Об истинном и ложном национализме" с посвящением Сократу; третья, наконец, под заглавием "О русской стихии", должна была быть посвящена

памяти Емельяна Пугачева»¹⁸. Суть первой части, вышедшей через десять лет после оформления этого замысла под другим, "более ярким" названием и без посвящения Копернику, которое повзрослевший автор считал претенциозным, — заставить «понять, что ни "я", ни кто другой не есть пуп земли, что все народы и культуры равноценны, что высших и низших нет» (TLN, p. 13). В то же время, как уже говорилось, Трубецкого как культуролога и этнопсихолога занимало значение "зон" — "союзов" — в гораздо большей степени, чем "семей", — по отношению к культуре. Пространству в его концепции отведена не менее важная роль, чем времени¹⁹.

Еще в 1921 г. в статье "Верхи и низы русской культуры (Этническая основа русской культуры)", предназначенной не лингвистам-специалистам, а широкому читателю, Н. С. Трубецкой писал: «Основным элементом, образовавшим русскую национальность, безусловно, был элемент славянский. О древнейшем облике наших славянских предков мы можем составить себе некоторое представление лишь по данным языка. Как известно, "общеславянский праязык", к которому восходят все славянские языки, есть один из потомков "общеиндоевропейского праязыка", восстанавливаемого наукой при помощи сравнительного изучения всех его потомков. Теперь уже давно оставлен взгляд на этот индоевропейский праязык как на нечто вполне однородное. Все лингвисты согласны с тем, что в праязыке уже существовали различия между диалектами, причем с течением времени эти различия, все усиливаясь, привели к окончательному распадению праязыка и превратили отдельные его диалекты в самостоятельные языки. Говорить, что общеславянский праязык есть потомок индоевропейского праязыка, значит утверждать, что в этом последнем существовал особый "праславянский" диалект, превратившийся с течением времени в особый самостоятельный язык. Особенности этого праславянского диалекта, отличавшие или сближавшие его с другими диалектами индоевропейского праязыка, могут быть восстановлены наукой, и это и есть то самое древнее, что мы можем знать о предках славян. Все, что мы знаем о диалектах индоевропейского праязыка, позволяет нам утверждать, что праславянский диалект вместе с наиболее к нему близким "прабалтийским" занимал некоторое срединное положение. На юге к нему примыкали диалекты праиллирийские и прафракийские, очень мало нам известные. На востоке праславянский диалект соприкасался с очень однородной группой праиндоиранских диалектов, объединенных целым рядом деталей произношения, грамматики и словаря. Наконец, на западе славяне граничили с группой западно-индоевропейских диалектов (прагерманским, праиталийским и пракельтским), которые представляли из себя гораздо менее однородное целое, чем диалекты праиндоиранские, но все же были объединены друг с другом целым рядом общих черт произношения, грамматики, словаря. Благодаря своему срединному положению праславянские диалекты в одних своих особенностях сходились с праиндоиранским, а в других — с западно-индоевропейскими, иногда играя роль посредников между этими двумя группами индоевропейских говоров. В отношении произношения праславянские диалекты объединились с праиранскими некоторыми общими изменениями согласных, а с западно-индоевропейскими, может быть, только известными оттенками произношения некоторых гласных. А так как согласные в общем больше поражают слух, нежели гласные, то надо думать, что общее внешнее впечатление от индоевропейской речи в праславянском произношении скорее напоминало восточный (праиндоиранский) выговор, чем выговор западный. В отношении грамматики особой близости праславянского диалекта с праиндоиранским, по видимому, не наблюдалось. Но и с западноевропейской группой праславянские диалекты связывались скорее общими утратами некоторых старых грамматических категорий или смешением первоначально различных форм, чем созданием новых форм. В общем, в отношении грамматики праславянские диалекты вместе с наиболее к ним близкими прабалтийскими представляют из себя совершенно осо-

¹⁸ TLN, с. 12.

¹⁹ В исследованиях Трубецкого постоянно учитывается роль географического фактора и экологии, что в то время для гуманитарных наук было ново. Напомним хотя бы его наблюдение о роли речных путей для великоморавского царства.

бый, своеобразный тип.» (См. "Проблема русского национального самопознания" (сокращенно — ПРС), с. 22—23).

Эти для своего времени довольно оригинальные представления Н. С. Трубецкой подтверждает наблюдениями над лексикой праславянского и других индоевропейских языков. По его мнению, «для определения отношений между соседними языками или диалектами громадное значение имеет изучение словарей. К сожалению, для наиболее древних эпох мы лишены объективной возможности отличать слова заимствованные от слов исконно родственных. Все же иногда заимствование менее вероятно, чем исконное родство». Трубецкой считает, что «особенно тесная связь между праславянскими и праиндоиранскими диалектами» позволяет предполагать наличие ряда общих предлогов, местоимений, союзов и частиц (*къ, ради, безъ, съ, овъ, онъ, вьсь, а, ни, бо* и др.), известных отчасти еще только в балтийских, но неизвестных другим индоевропейским языкам, и заимствований в славянском из иранского религиозной и мифологической лексики (*богъ, дивъ, вѣрити, бояти ся*). «Совершенно иной характер, — по наблюдению Н. С., — носят специальные совпадения праславянского языка с западно-индоевропейским. Таких совпадений может быть и больше, чем с праиндоиранским, но среди них прежде всего нет тех интимных словечек вроде союзов, предлогов и проч., которые играют такую видную роль в жизни повседневного языка. Решительно преобладают слова с техническим значением, имеющие отношение к хозяйственной жизни: из существительных — *сѣмя, зръно, брашьно, лѣха* (гряда), *яблѣко, прася* (поросенок), *бобъ, сѣкыра, шило, трудъ*; из глаголов: *сѣяти, ковати, плести, сѣщи* (сечь, высекать, отсекал) имеют точные параллели, кроме балтийских языков, лишь в языках кельтских, италийских и германских» (ПРС, с. 24—25).

Н. С. Трубецкой высказывает предположение, что «праславянские диалекты, кроме связей с востоком и западом, имели и специальные связи с югом, с диалектами прафракийскими, праиллирийскими, во всяком случае, с тем диалектом, из которого позднее развился албанский язык». Однако, как отмечает Н. С. Трубецкой, албанский язык дошел до нас как язык "сильно смешанный" — в его словаре иноземные романские, греческие, турецкие и новославянские элементы преобладают над малочисленными исконными, а языки древних фракийцев и иллирийцев нам почти неизвестны. Таким образом, остается неясным и характер праславянских языковых связей с южными соседями.

Далее Трубецкой рисует в самых общих чертах картину эволюции праславянского языкового периода: «К концу индоевропейской эпохи, то есть к тому моменту, когда праславянский диалект обособился в самостоятельный язык, славянам предстояло произвести выбор между направлениями связи с востоком, югом и западом. Мы видели, что "душой" славяне тянули к индоиранцам, "телом", в силу географических и материально-бытовых условий, — к западным индоевропейцам. Первое время после окончательного обособления общеславянского праязыка от прочих ветвей индоевропейской семьи предки славян довольно долго продолжали испытывать сильное влияние западных индоевропейцев, окончательно уже разделившихся на три лингвистические особи: германцев, кельтов и италийцев (позднее романцев). Древнейшие германские и романские элементы, вошедшие в общеславянский праязык, по тем категориям значения, к которым они относятся, ничем не отличаются от тех лексических элементов, которые и раньше были общими у праславянских диалектов с празападноевропейскими. Это, главным образом, предметы хозяйственные, термины, относящиеся к торговле и государственному быту, наконец, названия оружия. Позднее к этим словам присоединяются и термины христианской религии, приходящие к славянам первоначально довольно кружным путем — от греков и римлян через германцев (*црькы, постъ*) или через романцев (*крижь, кръсть, кумъ*), еще позднее — прямо от греков. Наконец, по окончании этой эпохи общеславянского единства, славяне разделяются на более мелкие группы — западную, южную и восточную, каждая из которых воплощает как бы особую "ориентацию"».

На этом основании Н. С. Трубецкой делает вывод, относящийся не только к славянским языковым особенностям, но и к особенностям этнографическим, куль-

турным, фольклорным: «Культурная физиономия славянства, таким образом, была предрешена с самого начала, еще тогда, когда предки славян являлись лишь частью общей массы индоевропейцев и говорили еще на диалекте общеиндоевропейского праязыка. Уже тогда срединное положение этих племен вызывало в них тенденции к связи то с востоком, то с западом, то с югом. Позднее эти тенденции дифференцировались в связи с дифференциацией самого славянства, и в результате каждая из ветвей славянства сохранила за собой одну из этих тенденций» (ПРС, с. 25–26).

В 1921 г. Трубецкой первый в истории славистики предложил периодизацию общеславянской праязыковой истории, разделив ее на четыре периода. К первому периоду он отнес эпоху распада индоевропейского праязыка и выделения из среды его диалектов определенной группы "праславянских" говоров, поясняя, что «в эту эпоху праславянские явления большей частью распространяются на несколько других индоевропейских диалектов, особенно часто на прабалтийский, к которому праславянский стоит ближе всего». Второй период можно охарактеризовать как эпоху полного единства "общеславянского праязыка", вполне обособившегося от других потомков индоевропейских диалектов, не имевшего с этими диалектами никаких общих изменений и в то же время лишено диалектной дифференциации. К третьему периоду следует отнести эпоху начала диалектного расслоения, когда наряду с явлениями общими, охватывающими весь праславянский язык, возникали и локальные явления, распространявшиеся только на отдельные группы диалектов, но они численно не преобладали над общими явлениями. К тому же в этот период сами диалектные группы «еще не успели установить друг с другом окончательных прочных связей (например, западнославянская группа как единое целое еще не существует, а вместо нее есть две группы – пралужицко-лехитская, тянущая к востоку, и прачехословацкая, тянущая к югу)». Четвертый период – это эпоха конца диалектного дробления, «когда явления общие возникают гораздо реже, чем явления диалектические (диалектные.– *Ред.*), и группы диалектов оказываются более прочными и дифференцированными» (TLN, p. 7).

Некоторые лингвисты упрекали автора этой периодизации за ее абстрактность. Упрек этот не совсем справедлив, так как уже Трубецким она была оснащена конкретными историко-фонетическими фактами²⁰, а потом, в ходе развития слависти-

²⁰ Эти же мысли в несколько модифицированном и развернутом виде Н. С. Трубецкой высказал в статье "Essai sur la chronologie de certains faits phonétique du slave commun". – "Revue des études slaves", II. Paris, 1922, p. 217–234. Свою "Праисторию" Н. С. Трубецкой собирался писать по "отделам" (вокализм и консонантизм) и по главам, соответствующим периодам: «Отдел I. Вокализм: Глава I. Первый период: – 1. Изменение $e > o$ в открытом слоге перед u . – 2. Трифтонгация дифтонга eu в iou . – 3. Совпадение гласных a и o в одном звуке. – 4. Переход иррациональной гласной в гласные полного образования верхнего подъема. – 5. Изменение кратких узких гласных верхнего подъема в гласные широкие. – 6. Изменение широкого долгого $\bar{e}$ в узкое $\bar{e}$. – 7. Изменение $e > i$ в открытом слоге перед i . Глава II. Второй период: – 1. Переход $\tilde{a} > \tilde{o}$. – 2. Палатализация гласных заднего ряда в положении после j или смягченных согласных. – 3. Явления конца слова. – 4. Изменение гласных в закрытом слоге перед носовым. Глава III. Третий период: – 1. Эволюция дифтонгических сочетаний с носовым. – 2. Эволюция дифтонгических сочетаний с плавными. – 3. Эволюция дифтонга oi . Глава IV. Четвертый период: – 1. Так называемая "депалатализация" (в русском, польском и лужицком). – 2. Эволюция широких гласных верхнего подъема ("ъ, ь").

Отдел Второй. Консонантизм: Глава I. Первый период: – 1. переход $s > \check{s} > x$. – 2. Эволюция индоевропейских аффрикат и средненебных. – 3. Эволюция придыхательных согласных. – 4. Первое смягчение задненебных. – 5. Некоторые группы согласных (sr , ur , ps). Глава II. Второй период: – 1. Прогрессивное смягчение задненебных ("закон Бодуэна де Куртенэ"). – 2. Сочетания из двух взрывных (двух носовых, двух фрикативных). Глава III. Третий и Четвертый периоды: – 1. Сочета-

ки, дополнялась фактами других языковых уровней, прежде всего фактами лексическими. При этом все же следует признать, что при такой классификации оставались и остаются трудности хронологического порядка (даже если придерживаться относительной хронологии) и выступает во всей своей полноте проблема балто-славянской общности и балто-славянского периода, которую как будто Н. С. Трубецкой не думал разбирать детально, ограничиваясь лишь указанием на близость балтийского и славянского в индоевропейской перспективе. Важно подчеркнуть, что Н. С. Трубецкой считал концом праславянского периода время падения редуцированных, то есть время прекращения действия закона открытого слога. С этой порой связано и начало формирования отдельных славянских языков, так как до нее существовали лишь диалекты праславянского языка, сохранявшие праславянскую языковую общность, а падение редуцированных было последним языковым (фонетическим) процессом, пережитым всеми диалектами общеславянского (праславянского) языкового континуума. В этом заключается большое принципиальное значение определения времени (момента) праславянского языкового распада, к которому предшественники Трубецкого или не стремились, или, указывая его, не предлагали серьезной лингвистической аргументации²¹.

Н. С. Трубецкой выдвинул это положение в 1925 г. в статье "О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства" (см. наст. сб., с. 143–167), а в 1927 г. он его развил и обосновал следующим образом: «Когда мы говорим, что праславянский язык развился из индоевропейского праязыка, а русский язык — из праславянского, то при этом представляем себе следующий процесс: каждый живой народный язык всегда заключает в себе несколько диалектов, каждый из которых стремится к обособлению; обычно все диалекты одного языка развиваются параллельно и претерпевают более или менее одновременно одни и те же изменения; но наряду с этими общими всем диалектам данного языка изменениями каждый отдельный диалект претерпевает и другие изменения, свойственные лишь одному ему и разве еще некоторым соседним диалектам; с течением времени таких частнодиалектических изменений накапливается все больше и больше, нарушается и самый параллелизм развития, то есть даже одни и те же изменения в разных диалектах следуют друг за другом не в одном и том же порядке, что еще углубляет различие между диалектами; наконец, наступает такой момент, когда изменения, общие всем диалектам данного языка, вообще перестают возникать, а возникают лишь изменения, свойственные отдельным диалектам или группам таких диалектов; с этого момента данный язык можно считать уже *р а с п а в ш и м с я*, то есть утратившим свое единство как "субъект эволюции", и единственными "субъектами эволюции" оказываются уже отдельные диалекты. С того момента, как развитие данного диалекта настолько уклонится от развития соседних диалектов, что представители этих диалектов утратят возможность свободно понимать друг друга без посредства переводчика, можно считать, что данный

ния зубных и губных с *j*. — 2. Результаты второго смягчения задненебных. — 3. Группы "зубная + *l*", "зубная + *n, m*" и "губная + *n*"» (TLN, p. 7). В письме Н. Н. Дурново от 1 апреля 1925 г. Н. С. Трубецкой по этому поводу пишет: «Прежде всего, праисторию славянских языков я делю на 4 периода: I период — до перехода *a > *o*; II период — от перехода *a > *o* до перехода *jo > *je*; III — от перехода *jo > *je* до смягчения согласных перед гласными переднего ряда; IV — от смягчения согласных до падения глухих. Диалектически (т.е. диалектно.— *Ред.*) различия в праязыке начали обнаруживаться только с III периода. При этом первоначально группировка была иная, чем теперь: западнославянские диалекты принадлежали еще к разным группам, и только в IV периоде возник ряд особенностей, объединяющих все западнопраславянские диалекты в одну группу.» (TLN, p. 430).

²¹ В 1924 г. А. Мейе писал: «Разделение общеславянского языка на различные обособленные языки должно было произойти незадолго до исторической эпохи, которая к тому же для славян началась поздно — в VII или VIII в.» (Цит. по русск. изд.: Мейе А. Общеславянский язык., М., 1951, с. 6.)

диалект уже превратился в самостоятельный язык... Из данного выше определения понятия "распадения языка" вытекает, что за момент этого распадения можно принять момент последнего изменения, общего всем диалектам данного языка. По отношению к праславянскому языку таким последним изменением, свойственным всем диалектам этого языка, является так называемое падение слабых еров... Явление это охватило все праславянские диалекты, но произошло в одних диалектах раньше, а в других позже. По-видимому, все это изменение шло с юга. У южных славян слабые ъ, ь исчезли очень рано, во всяком случае, уже в XI в. (местами, может быть, даже в X в.), а от южных славян исчезновение слабых ъ, ь передалось другим славянам, причем наиболее отдаленных частей славянской территории (например, русского Севера) это явление достигло только к XIII веку» (ПРС, с. 55–56).

Приведенные выше положения Н. С. Трубецкой считал общими для индоевропейских языков и для других языков также. Славянский материал для него во многих отношениях лишь иллюстрировал механизм и понятие "распадения языка". Что же касается конкретного вопроса — времени распадения праславянского языка на языки, то двумя годами позже, в 1929 г., замечательный русский славист Н. Н. Дурново, солидаризируясь с Трубецким, писал: «Нарушается единство языка только тогда, когда прекращается связь между его диалектами, и они начинают развиваться каждый своим, совершенно независимым путем. Обыкновенно условия для такого разрыва подготавливаются заранее, и два языка, выделившиеся из одного общего языка, часто представляют непосредственное развитие двух разных его наречий. Ввиду этого часто бывает невозможно решить, когда кончается эпоха общего языка и начинается эпоха независимого развития выделившихся из него языков»²². Весьма существенно, что лингвистические наблюдения над поздним распадом праславянского единства, связанного с эпохой падения редуцированных, подтверждаются наблюдениями историко-этнографического характера, показывающими, что все этнические группы славянских племен, из коих многие уже были объединены в государства, долгое время, вплоть до XII в. и позже, сохраняли общеславянское самосознание наряду с сознанием племенным²³. Концепция "распада языка" выступает рельефнее в статье Трубецкого о распаде общерусского (общевосточнославянского) единства. Она значительно отличается от упрощенной теории "родословного древа" А. Шлейхера, которую уже А. А. Шахматов считал устаревшей, но сам не мог ее преодолеть, решая конкретные задачи. "Распад языка", по представлению Н. С. Трубецкого, не обязательно хронологически последовательное членение одного целого на крупные куски блоков, а затем разделение этих блоков на более мелкие части, как это представляется по "теории древа". Дивергентный процесс может быть и обычно бывает сложнее и разностороннее. На примере возникновения и развития восточнославянского (древнерусского) диалектного континуума Н. С. Трубецкой показывает, что «конец дочерней языковой общности не всегда должен быть хронологически более поздним, чем конец материнской языковой общности». Это вытекает из того факта, что древнерусский (православнославянский) континуум «только тогда потерял способность принимать участие в общеславянских звуковых изменениях, когда и отдельные восточнославянские говоры стали неспособны совместно осуществлять общерусские звуковые изменения». (См. наст. сб., с. 167.) Это произошло, как отмечалось выше, в период прекращения действия закона открытого слога, то есть в эпоху падения редуцированных. Дивергентный языковой процесс развивался у славян как путем замедленного темпа развития и распространения инновационных явлений (по мнению Трубецкого, очень важно учитывать направление экспансии этих явлений), так и путем

²² Дурново Н. Н. К вопросу о времени распадения общеславянского языка. — В кн.: "Sborník prací I Sjezdu slovanských filologů v Praze 1929". Přednášky. Praha, 1932, sv. II, s. 515.

²³ "Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья". М., 1982.

возникновения локально ограниченных явлений, характерных уже для позднего периода. При этом Н. С. Трубецкой опирался исключительно на фонетические показатели (факты), интерпретация которых в отношении изоглосс, хронологии и т.п. вызвала дискуссию. В ней участвовали А. М. Селищев и Н. Н. Дурново, выдвинувшие ряд своих положений, оттенивших спорные вопросы, но в целом ее и в наши дни нельзя считать законченной. Однако спор не касался основного метода исследования, которым пользовался Н. С. Трубецкой и который, по его словам, «заключается в сочетании полидиалектного метода реконструкции с анализом относительной хронологии». И нужно признать правоту Трубецкого, писавшего в 1930 г., что этот метод «весьма отличается от тех методов, которыми пользуется большинство славистов» (см. наст. сб., с. 180). Этот метод применен и в статье «Возникновение общезападнославянских особенностей в области консонантизма», в статье «Судьба сочетаний *tl, dl* в славянских языках» и в ряде других работ по исторической фонетике праславянского языка и славянских языков. Западнославянские консонантные изменения (см. наст. сб., с. 180–195), выделяющие на общеславянском фоне западнославянские языки, так же как и восточнославянские фонетические процессы, по мнению Н. С. Трубецкого, своим происхождением обязаны локальным различиям в относительной хронологии общеславянских звуковых процессов, а не специфическим западнославянским языковым изменениям. Поэтому об общеславянском праязыке можно говорить лишь как о понятии географическом, а не чисто лингвистическом, как о большом и компактном славянском диалектном континууме, в котором происходили те же общеславянские звуковые изменения, но в иной последовательности, чем в других зонах. Что касается фонетических черт, отграничивающих западнославянские языки друг от друга, то они, по наблюдениям Н. С. Трубецкого, возникли раньше, чем появились специфические черты, объединяющие западнославянские языки (см. наст. сб., с. 194 и 195).

В еще более ограниченном чешско-словацком масштабе Н. С. Трубецкой считал различия между чешским и словацким также лишь «"хронологического"» происхождения, как те отличия между русскими наречиями» (то есть великорусским, украинским, или «малорусским», и белорусским), о которых говорилось выше. Притом было «сначала — полное чехословацкое единство, потом полный (или почти полный) разрыв, потом опять сближение» (TLN, p. 84). В 1925 г. Трубецкой писал: «...Для древнейшей эпохи я вообще не вижу никаких оснований отделять прасловацкие говоры от прачешских и исхожу из понятия о прачешско-словацких говорах, которые называю еще «центральнопраславянскими». Они служили посредствующим звеном между северо-западной (пралужицко-ляшской) и юго-западной (прасловенско-сербохорватской) группами праславянских говоров и благодаря этому своему промежуточному положению являлись иногда местом перекрещивания волн северных и южных, что вызывало иногда хронологические различия в порядке наступления одинаковых изменений в разных частях их территории. Зато другое положение Дурново — об отсутствии более поздних общечешско-словацких изменений — кажется мне глубоко правильным. Поразительно, что некоторые изменения, возникшие после падения глухих, являются общими у чешского языка не со словацким, а с лужицким или польским» (TLN, p. 76).

Таковы некоторые более частные моменты во многом стройной и в целом глубоко продуманной концепции, бывшей в период господства довольно атомарного и «плоскостного» представления о праславянском языке (ср. «Праславянскую грамматику» Г. А. Ильинского 1916 г. и изданную на немецком языке в 1924–1926 гг. «Славянскую сравнительную грамматику» В. Вондрака) новаторской и весьма перспективной. Следует признать, что сам Трубецкой не построил того многоярусного и величественного здания, которое им было задумано, не написал в конечном итоге своего труда — «Опыт праистории славянских языков»; мы догадываемся о нем лишь по его фрагментам. Следует сожалеть, что цель, выдвинутая Н. С. Трубецким, не достигнута в полной мере и другими учеными, и потому проблема в целом остается актуальной и по сей день. Остаются верными и исходные позиции Трубецкого. Он исходил из того положения, что «общеславянский праязык не есть момент, а эпоха, точнее, целый ряд эпох». При этом, если началом считать

первые диалектные особенности, появившиеся в "праславянских диалектах" (эти слова Н. С. Трубецкой берет в кавычки, так как считает эти диалекты относившимися к индоевропейскому праязыку и лишь позже ставшими общеславянским праязыком) к концу индоевропейской праязыковой эпохи, а концом — последние фонетические явления, одинаково распространенные на все славянские языки (падение редуцированных), то вся эпоха общеславянского праязыка займет несколько (не менее двух с половиной) тысячелетий. «При таких условиях,— заключает Трубецкой,— устанавливать общеславянские явления, не указывая на то, к какому именно периоду данное явление относится, не группируя эти явления в известном (относительно) хронологическом порядке,— совершенно нелепо, так же нелепо, как если бы историк стал отмечать на одной и той же карте границы завоеваний Наполеона и Александра Македонского. Поэтому я стараюсь установить взаимную относительную хронологию отдельных общеславянских явлений. Как для смягчения задненебных установлено, что "первое" смягчение произошло раньше "второго", так можно установить такую же хронологическую последовательность и для других фонетических явлений. В результате я получаю хронологическую схему, синхронистическую таблицу, в которую входят почти все не только общеславянские, но и большинство так называемых "общерусских", "общепольских" и т.д. фонетических явлений, ибо многие частные особенности отдельных диалектов общеславянского праязыка возникли еще в такую эпоху, когда явления, общие всем диалектам, продолжали постоянно возникать» (TLN, p. 6).

Одновременно Трубецкой писал и о хронологической связи морфологических явлений, о морфологических новообразованиях, «между которыми в свою очередь существует своя относительно морфологическая связь» и которые вписываются в схему явлений фонетических. Это, по его мнению, дает возможность восстановить картину постепенного создания фонетического и морфологического облика прадиалектов, преобразовавшихся впоследствии в славянские языки. Между праславянской эпохой и эпохой истории отдельных славянских языков нет очень резкой границы и не было резкого скачка, так как некоторые дифференцирующие признаки накопились исподволь. На этом основании Трубецкой выдвигает принципиально важный тезис: в истории формирования и развития праславянского языка уже содержится и история его распада.

Многие положения Н. С. Трубецкого, выдвинутые при рассмотрении праславянского и славянских языков, имеют почти универсальное применение и значение и могут быть использованы при изучении других языковых семей. Это относится в первую очередь к наблюдениям над своего рода чередованием дивергентного и конвергентного процесса развития, которые позже привели Трубецкого к его мыслям об индоевропейской проблеме. В письме к В. Дорошевичскому в 1931 г. Трубецкой писал, что определение понятий не его специальность, что он стремится к тому, чтобы его понимали, и потому он старается, «роняя в начале статьи несколько общих фраз... как можно скорее перейти к делу и на конкретных примерах показать, о чем идет речь» (TLN, p. 227).

Тем не менее все его работы опирались на заранее выработанные конкретные позиции. В одном из своих писем 20-х годов Н. С. кратко определил основное и принципиальное отличие его концепции от концепции де Соссюра, который так же, как Н. С. и "пражцы", начертал на своем теоретическом знамени "язык есть система" — научный лозунг, воспринимаемый в наши дни как тривиальный. Это отличие заключается в том, что Н. С. Трубецкой находил общие линии эволюции языка, выявлял целенаправленность (телеологичность) и целесообразность процессов его развития, в то время как лингвисты того времени, в том числе и представители "социальной школы" в лингвистике, к которой относили себя Мейе и Соссюр, выдвигали умозрительные рассуждения о "прогрессивных" или "регрессивных" путях языкового (или этнологического, зоологического) исторического развития. По этому поводу Трубецкой писал: «В истории языка многое кажется случайным, но успокаиваться на этом историк не имеет права: общие линии истории языка при сколько-нибудь внимательном и логическом размышлении всегда оказываются не случайными, а следовательно, не случайны должны быть и отдельные мелочи; все

дело только в том, чтобы уловить смысл. Осмысленность эволюции языка прямо вытекает из того, что "язык есть система". Я в своих лекциях всегда стараюсь показать логику эволюции. Это возможно не только в области фонетики, но и в области морфологии (а вероятно, и в области словаря). Есть некоторые замечательно показательные примеры, например эволюция числительных в славянских языках (эта эволюция вся зависит от того, сохранилось ли двойственное число как живая категория или не сохранилось), эволюция русского спряжения и т.д. Если де Соссюр не решился сделать логического вывода из своего же тезиса о том, что "язык есть система", то это в значительной мере потому, что этот вывод противоречил бы не только общепринятому представлению об истории языка, но и общепринятым понятиям об истории вообще... С точки зрения общих историков, можно для эволюции языка устанавливать только такие "законы", как "прогресс цивилизации разрушает двойственное число" (Мейе²⁴), — то есть, строго говоря, законы, во-первых, весьма подозрительные, во-вторых, не чисто лингвистические. Между тем, внимательное изучение языков с установкой на внутреннюю логику их эволюции учит нас тому, что таковая логика есть и что можно установить целый ряд законов чисто лингвистических, не зависящих от внелингвистических факторов "цивилизации" и проч.» (TLN, p. 96–97).

Уже в ранней концепции "Опыта праистории" имплицитно содержалась мысль о телеологическом (целенаправленном) характере языковых процессов. Впоследствии, в начале 30-х годов, когда Трубецкой интенсивно работал над своей фонологической теорией и теория получила законченную форму, эта мысль приобрела свою основу и смогла быть применена к конкретному материалу и определенному периоду языкового развития. В противовес утверждениям Н. ван-Вейка о принципиальной бессмысленности фонетической эволюции и о действии в звуковой сфере языка двух стихий, одной — ведущей к устранению нерегулярности, и другой — к уничтожению существующей гармонии без замены ее новой гармонией, Трубецкой в статье об истории задненебных в славянских языках (см. наст. сб., с. 168–179) показывает, как тенденция к ослаблению велярного шума задненебных спирантов в славянских языках вела к ограниченному числу возможных звуковых изменений.

Свою фонологическую теорию Н. С. Трубецкой впервые конкретно применил при анализе звукового строя полабского языка в знаменитых "Полабских штудиях" (1930)²⁵, что сразу же привело к внедрению фонологии в исследовательскую практику описания ряда языков и диалектов. "Основы фонологии", как известно, вышли девять лет спустя, уже посмертно. В тех же "Полабских штудиях", и снова впервые, была описана морфологическая система полабского языка, а годом раньше в первом выпуске "Трудов" Пражского лингвистического кружка²⁶ кратко изложена суть новой лингвистической дисциплины — морфонологии, «связующего звена между фонетикой и морфологией». Теоретическую программу этой дисциплины Н. С. Трубецкой опубликовал двумя годами позже в четвертом выпуске тех же "Трудов", заявив, что «морфонология не только для праязыка, но и для каждого отдельного языка составляет особую и отдельную область грамматики», а ее теория состоит из трех разделов: 1) теории фонологической структуры морфем; 2) теории комбинаторных звуковых изменений, которым подвергаются отдельные морфемы в морфемных сочетаниях; 3) теории звуковых чередований, выполняющих морфологическую функцию. Вслед за морфонологическим описанием двух "мертвых" языков — полабского и старославянского — последовало

²⁴ Цит. из работы: Meillet A. L'emploi du duel chez Homère et l'élimination du duel.— "Mémoires de la Société de linguistique de Paris", t. XXII, f. 3. Paris, 1921, p. 150.

²⁵ Trubetzkoy N. Polabische Studien.— „Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philos.-hist. Kl.“, Bd.211, Abh. 4. Wien, 1930, 167 S.

²⁶ Trubetzkoy N. Sur la "morphologie".— TCLP, I. Mélanges linguistiques dédiés au premier Congrès des philologues slaves. Prague, 1929, p. 85–88; то же в русск. переводе: Трубецкой Н. С. Некоторые соображения относительно морфонологии.— В кн.: "Пражский лингвистический кружок". М., 1967, с. 116–117.

описание живого языка – русского (см. наст. сб., с. 67–142). Этот труд Н. С. Трубецкого до сих пор остается единственным полным описанием отдельного современного славянского литературного языка (морфонологические наблюдения Трубецкого над чешским материалом, излагавшиеся им в лекционных курсах, не попали в печатные труды). В описании русской морфонологии реализована вся теоретическая программа автора, которая нашла свое отражение также в "Тезисах" Пражского лингвистического кружка²⁷ и которую можно в наше время воспринимать как логическое продолжение функционального подхода к фонологии, подхода, характерного для Московского лингвистического круга. Московская фонологическая школа, таким образом, соотносится с позицией "пражцев" по морфонологии, тогда как собственно фонология Пражской школы, возникшая под непосредственным влиянием трудов Трубецкого и получившая свое наиболее полное воплощение в его "Основах фонологии", нашла впоследствии свое продолжение в дихотомической фонологии Р. О. Якобсона, Г. М. Фанта, М. Халле и др. и в фонологической типологии языков Дж. Гринберга и иных ученых. Важно отметить также, что Н. С. Трубецкой еще в 1931 г. подчеркнул значение морфонологии для типологии языков. Он высказал также предположение, что «при установлении языковых типов с морфонологических позиций как раз и откроется возможность для создания рациональной типологической классификации языков земного шара»²⁸.

Если фонологические и морфонологические идеи Н. С. Трубецкого весьма популярны и применяемы во многих лингвистических трудах, то его суждения относительно морфологии известны в значительно меньшей мере. Это объясняется прежде всего тем, что, в отличие от Р. О. Якобсона, Н. С. Трубецкой мало занимался вопросами морфологии, посвятил им две статьи и одну заметку и в других статьях и письмах высказал несколько интересных соображений. К числу последних можно отнести мысли Трубецкого о возможности построения структурной морфологии, изложенные в письме к Р. О. Якобсону от 28 января 1931 г.: «О структуральной морфологии постоянно думаю. Намечаются всякие мыслишки. Думаю, например, что в области морфологии можно установить такие же группы однопланых различий, как и в фонологии. Например, лицо, число и род – различия одного плана, притом другого, чем падежи, с одной стороны, времена и наклонения, с другой (а времена и наклонения составляют вместе особый план), и т.д. Различие между дизъюнктивными и коррелятивными противопоставлениями в морфологии столь же плодотворно, как и в фонологии. Вообще, исподволь начинаю подбирать материал по структуральной морфологии известных мне языков. – Кстати, в области морфологии тоже имеются географические зоны. Для Евразии, с морфологической точки зрения, характерно сильно развитое склонение. В Европе склонение на пути к исчезновению и на периферии уже исчезло (Италия, Испания, Франция, Англия, Дания); в Азии его больше нет, в Северной Африке – тоже нет; в Америке склонение держится, кажется, только на крайнем Севере, примыкая к камчатским языкам. Но такого пышного расцвета, как в кавказских и финских языках, склонение, во всяком случае, нигде не достигло. Любопытно, что русский язык развил новые падежные различия (*стакан чаю, в лесу*)» (TLN, р. 190). [Под Азией, вероятно, имеется в виду Восточная Азия.] Подробнее роль географического фактора применительно к славянскому морфологическому материалу Трубецкой рассмотрел шесть лет спустя в статье о словацком склонении (см. наст. сб., с. 210–218). Влиянием этого фактора он пытался объяснить различия в деклинационной структуре славянских языков, а факты определенных схождений на основе территориальной близости языков и диалектов рассматривал принципиально, без оглядки на их генетическое родство. Так, в системе склонения словацкого языка и в ее отдаленных особенностях Трубецкой видел результат соседства с польским и укра-

²⁷ Тезисы Пражского лингвистического кружка. – См.: "Пражский лингвистический кружок", с. 21–22.

²⁸ Трубецкой Н. С. Некоторые соображения относительно морфонологии. – В кн.: "Пражский лингвистический кружок", с. 116–118.

инским языками, с одной стороны, и с венгерским, с другой. Именно вхождением в иную деклинационную среду, в иной ареал и объясняются, по мнению Н. С. Трубецкого, различия в структурах склонения чешского и словацкого языков. Подобный подход не только к морфонологическим, но в еще большей мере к фонологическим явлениям был характерен для ряда работ Р. О. Якобсона начала 30-х годов, например для работ о фонологических языковых союзах, о евразийском языковом союзе и подобных явлениях. Изучение же истории (в том числе и "доистории") славянской морфологии в ограниченных рамках славянской языковой семьи казалось Трубецкому в то время делом нелегким и даже не очень перспективным. Обсуждая этот вопрос с Р. О. Якобсоном, он писал в письме от 30 марта 1930 г. следующее: «Праистория морфологии — вещь трудная. В фонетике более или менее ясен исходный пункт — индоевропейская звуковая система. Относительно морфологии этого сказать нельзя. В фонетике очень мало случаев, где индоевропейский предок какого-нибудь славянского звука был бы сомнителен или спорен. В морфологии такие случаи встречаются сплошь да рядом. Это чрезвычайно затрудняет работу. Это особенно касается спряжения. Если же от праистории перейти к истории, то тут оказывается, что славянские языки для изучения эволюции морфологических систем очень мало интересны. В общем за время исторического существования славянские морфологические системы как таковые изменились очень мало, и различия между отдельными славянскими морфологическими системами в настоящее время очень незначительны, — гораздо меньше, чем различия между фонологическими системами. Исключение составляет болгарский язык, но как раз у этого языка очень плохо обстоит дело с историей: памятники не дают возможности проследить ход эволюции.» (TLN, p. 156).

Путь преодоления трудностей Н. С. Трубецкой видел в расширении материала и сферы исследования и в продуманном отборе способов исследования. Такими способами, помимо структуралистского системного анализа, могут быть методы типологического и ареального рассмотрения фактов. Трубецкой считал, что «проблема исследования славянского склонения относится к такого рода проблемам, решение которых требует объединенного сравнения языков, притом диахронический анализ должен вестись параллельно с географическим» (см. наст. сб., с. 211). Нетрудно заметить, что вопросы, затронутые в статье о словацком склонении, тесно связаны с обозначенной Трубецким еще в 1923 г. проблемой языкового союза. Пять лет спустя Н. С. Трубецкой в докладе на Первом международном конгрессе лингвистов (Гаага, 1928) предлагал различать два типа языковых группировок: "языковые союзы" (Sprachbünde) и "языковые семейства" (Sprachfamilien); при этом для первых он считал характерным сходство в синтаксических, морфологических и фонологических структурах, а для вторых — в общем фонде грамматических морфем и в обиходной лексике²⁹. Тема языковых союзов и языковых семейств широко обсуждалась на последующих международных лингвистических конгрессах. На Третьем конгрессе (Рим, 1933) Н. С. Трубецкой докладывал опять же о проблеме крупных языковых группировок, а на Четвертом конгрессе (Копенгаген, 1936) Р. О. Якобсон, излагая теорию фонологических союзов между языками, предложил к определению Трубецкого следующее дополнение: «Языковая семья может обладать и обычно обладает наряду с этими [|то есть упомянутыми выше.— Ред.] материальными элементами еще и сходством в грамматической и фонологической структуре». Из этого Р. О. Якобсон делал вывод, что «сходство в структуре независимо от генетических отношений данных языков и может связывать равным образом как языки с общим происхождением, так и языки разного происхождения; сходство структур, таким образом, не противостоит "изначальному родству" языков, а накладывается на него»³⁰.

²⁹ T r u b e t z k o y N. Il problema delle tra i grandi gruppi linguistici (19–25 IX 1933).— In: „Terzo congresso internazionale dei linguisti. Atti del III Congresso Internazionale dei linguisti“. Roma, 1935, p. 326–327.

³⁰ Я к о б с о н Р. О. Избранные работы. М., 1985, с. 94.

Особое внимание к проблемам языкового союза и географического фактора в формировании языка, языковых групп и семейств побудило Трубецкого обратиться к проблемам лингвистической географии. Эта область лингвистики в 20-е и 30-е годы для многих европейских стран и языков, в том числе и славянских, была в зачаточном состоянии. Составители весьма немногочисленных в ту пору атласов (французского, немецкого, швейцарско-итальянского), по справедливому замечанию Трубецкого, оперировали исключительно диахроническими представлениями и все звуковые различия рассматривали как результат дивергентного звукового развития. Такое положение в лингвогеографии продолжалось длительное время. В статье "Фонология и лингвистическая география" (см. наст. сб., с. 31–36) Трубецкой показал возможность построения синхронных и структурных карт, основанных на отражении фонологической системы и ее инвентаря, без предварительного и зачастую обязательного выделения отдельных слов и учета их этимологии. Славянская лингвогеография смогла добиться подобных результатов фактически недавно (см. "Атлас української мови", І. Київ, 1984, и некоторые другие атласы) и все еще во многих отношениях далека от строго системного подхода. Однако для Н. С. Трубецкого внедрение фонологических принципов в лингвистическую географию было не самоцелью, хотя и это являлось и является важным достижением языковедческой науки, а шагом к дальнейшей, более глобальной задаче составления фонологической картотеки различных языков и диалектов для их типологии и для тех общелингвистических проблем, что были поставлены и во многом решены в знаменитых "Основах фонологии".

Проблемам словообразования Н. С. Трубецкой уделил мало внимания. По сути дела, двумя, включенными в эту книгу статьями о типах прилагательных на -овъ, -ипъ, -јъ (см. наст. сб., с. 219–222) и ограничиваются его дериватологические труды. Тем не менее в них отражены плодотворные идеи, получившие позже свое развитие в славянской дериватологии в работах В. Дорошевского, Р. Бошковича и других лингвистов. К таким идеям следует отнести прежде всего мысли о том, что четко очерченная семантика прилагательных нередко определяет их формальную структуру, их словообразовательный облик, создает замкнутость семантического класса, а это в свою очередь обычно ведет к разграничению словообразовательных средств (форм), к тому, что некоторые классы (формы) становятся непродуктивными, "мертвыми", а другие развиваются как "живые". Особенно интересны и актуальны для современной этнолингвистики наблюдения Н. С. Трубецкого над ограниченным классом мифологически окрашенных старославянских прилагательных прилагательных с суффиксом -и- (ПЬСИИ, ЛИСИИ, КОУРИИ, РАБИИ, УТРОЧИИ, ВРАЖИИ, БОЖИИ). Связанные с ними языческие представления в современных славянских языках уже не ощущаются, и выводы Н. С. Трубецкого относительно их могут показаться гипотетическими, однако более поздние исследования итальянского слависта Б. Мериджи, а также несколько смелые, но не лишённые своего принципиального основания наблюдения болгарского языковеда И. Добреши подтверждают прозорливость Трубецкого и показывают, что древняя ритуально-мифологическая окраска отдельных слов (как и ритуально-магическая функция или сущность их денотатов) может в определенных случаях влиять на характер деривационного типа и грамматический статус слов.

Большое значение фактов лексического уровня языка для историко-генетических, синхронно-структурных, функциональных и лингвогеографических исследований Н. С. Трубецкой осознавал в полной мере. Выше уже приводилось его мнение относительно важности лексических показателей для реконструкции праславянского диалектного членения. Немногочисленные этимологические этюды Н. С. Трубецкого, относящиеся к началу 20-х годов, о слав. *skъyna, *nevesta, *dъldъ, полабск. staup 'алтарь', посвящены реликтам грамматических категорий и архаической семантике славянских слов. Но древнюю характеристику слова следует искать не только в его форме, в значении (или значениях), но и в его географии. Н. С. подчеркивал в 1929 г., что «сравнительно-этимологическое изучение славянской лексики невозможно без установления точного ареала распространения каждого слова», поэтому не возникает никакого сомнения в необходимости

общеславянского лингвистического атласа, особенно лексического. По мнению Н. С. Трубецкого, «точное установление лексических изоглосс в пределах славянских языков даст возможность с новой точки зрения взглянуть на историю всех славянских языков».

В то же время Н. С. Трубецкой обращал серьезное внимание исследователей на неприемлемость позиции, трактующей словарный состав языка как некий хаос, способный получить лишь внешний порядок при помощи алфавита. Против этого заблуждения он выдвигал концепцию системной организации лексики, поясняя, что семантика слова определяется прежде всего ее отношением к семантике других слов, то есть местом слова в лексической системе языка. Лексическая система, согласно Трубецкому, обладает определенной структурой, что и может стать предметом изучения лингвистов, которые должны работать не только над материалом, но и над разработкой методов научного анализа. Эту задачу, в основном уже в послевоенный период, решало несколько поколений языковедов, и она остается актуальной и в наши дни. Достаточно напомнить, что свои взгляды на системность в лексике Н. С. Трубецкой изложил до работ Й. Трира начала 30-х годов о "понятийных полях" и трудов Л. Вайсгербера начала 50-х годов о "языковом поле" и до известной статьи Л. Ельмслева 1958 г. о структуре значения слов³¹, хотя, конечно, можно указать и на предшественников Трубецкого в этом вопросе — на московского ученого М. М. Покровского и на немецких лингвистов Г. Остгоффа, Р. М. Мейера, Г. Шпербера и др.

Еще в одной области Н. С. Трубецкой сказал свое новое слово, предвосхитив развитие науки на несколько десятилетий, — в области истории литературных языков. Свои представления о характере славянских литературных языков, о их развитии и соотношении с общеславянским (древнеславянским, церковнославянским) литературным языком Н. С. Трубецкой изложил в работе "Общеславянский элемент в русской культуре" (ПРС, с. 54–94)³², которую он считал «популярным очерком для широкой публики» (TLN, p. 91). Доступная форма изложения не помешала автору выдвинуть ряд важных положений, среди которых, во-первых, предлагался обоснованный подход к истории русского литературного языка как к явлению русской национальной культуры, во-вторых, выдвигалось аргументированное требование рассматривать русский литературный язык и его историю не изолированно, а в кругу других славянских и некоторых неславянских языков. При таком подходе на первый план, по мнению Н. С. Трубецкого, выступает проблема "культурных преемств", которая должна быть предметом рассмотрения не одной только лингвистики, а нескольких параллельных наук. Н. С. Трубецкой настаивает на разграничении понятий *народный язык* и *литературный язык* по ряду показателей, и в первую очередь по тому, что народный язык имеет склонность к диалектному дроблению, а литературный язык, наоборот, к нивелировке, к установлению единообразия; в народном языке преобладает дифференциация географическая, по местностям, а в литературном — по видам применения языка. На основе взаимоотношения народного и литературного языка, степени их удаленности друг от друга, а также на основе соотношения литературных языков друг с другом (иногда независимо от синхронно-хронологического момента) возникают разные типы литературных языков и литературно-языковых ситуаций. Обозревая все славянские литературные языки, Н. С. Трубецкой выявляет в каждом из них определенные типологические и классификационные "свойства": в зависимости от принадлежности к церковнославянской традиции или к традиции чешско-польской он делит большинство славянских языков на две группы, а языки сербскохорватский и словен-

³¹ Е л ь м с л е в Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? — "Новое в лингвистике", вып. II. М., 1962.

³² Подробнее об этой работе см.: Т о л с т о й Н. И. Мысли Н. С. Трубецкого о русском и других славянских литературных языках. — В кн.: "Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования". Калинин, 1981, с. 98–119.

ский он считает не связанными с какой-либо традицией. При этом он считает, что связь между литературными языками церковнославянской традиции есть связь "по преемству", а между литературными языками чешско-польской традиции, куда входят словацкий и лужицкие языки и в известном отношении украинский, есть связь "по влиянию": В качестве "свойств" (признаков) литературных языков Трубецкой выдвигает, помимо "свойства" (признака) наличия или отсутствия традиции, признаки времени возникновения традиции, ее прерывности или непрерывности. Наличие традиции, ее раннее возникновение и непрерывность развития создают, по мнению Трубецкого, однородность и устойчивость «внешнего облика литературного языка». Такой особенностью и обладает русский язык, который «из всех современных славянских литературных языков имеет за собою наиболее долгую и непрерывную литературно-языковую традицию» и обладает однородностью и устойчивостью, что дает значительное преимущество русскому литературному языку перед языками иного, относительно нового происхождения (ПРС, 80–81). Следуя почти вековой русской научной традиции, Н. С. Трубецкой обращается к проблеме соотношения церковнославянского и русского компонентов (языков) в истории литературного языка. По этому поводу он пишет следующее: «Сопряжение церковнославянской и великорусской стихии, будучи основной особенностью русского литературного языка, ставит этот язык в совершенно исключительное положение. Трудно указать нечто подобное в каком-нибудь другом литературном языке. Литературные языки мусульманского мира основаны всегда на сопряжении местного, народного языка с языком арабским, иногда еще и на сопряжении этих двух языковых стихий с персидской (например, в турецком литературном языке). Но аналогия с русским языком здесь неполная, ибо дело идет о сопряжении языков совершенно различных, не похожих друг на друга не только по словарю, но и по всему своему грамматическому строю: арабский язык – семитический, персидский (а также афганский, хиндийский и т.д.) язык – индоевропейский, а турецкий язык – туранский. Эти языки по всей своей природе настолько различны, что неспособны слиться друг с другом в одно органическое целое и всегда продолжают существовать, не смешиваясь друг с другом. То же следует сказать и о сопряжении японского народного языка с китайским в японском литературном языке: весь строй "корневого" китайского языка слишком отличается от строя "агглютинирующего" японского языка, и это делает невозможным их органическое слияние. Нет полной аналогии между русским литературным языком и романскими, например французским.» (ПРС, с. 85). Подробно проанализировав латинско-французское языковое соотношение, Н. С. Трубецкой пришел к выводу, что оно менее гомогенно, чем церковнославянско-русское, хотя бы потому, что фонетический облик многих французских слов сильно удалился от латинского (ср. *droit* – *directus*, *voir* – *videre*, *eau* – *aqua* и т.д.), «а в отношении грамматики французский язык представляет картину совершенно и в корне отличную от латинского» (ПРС, 85). «Между русским и церковнославянским различия не так велики», – заключает Н. С. Трубецкой и, помимо прочих моментов, указывает на возможность русского языка легко дублировать многие русские слова церковнославянскими (*золото* – *злато*, *берег* – *брег*, *молоко* – *млеко*), тогда как французские слова так не варьируются словами латинскими. Такое дублирование ведет к возникновению в русском языке стилистических оттенков и вариантов слов, в то время как включение во французский словарный состав латинских слов, как правило, не вносит в слово дополнительной стилистической окраски (ПРС, 86).

Все эти вопросы нашли свою дальнейшую, более детальную разработку в трудах В. В. Виноградова, Б. Гавранка и целого ряда отечественных и зарубежных ученых, изучавших историю, взаимодействие и современное состояние славянских литературных языков. В 20-х годах они только ставились. Из предшественников Трубецкого можно назвать, пожалуй, лишь А. Будиловича, занимавшегося сравнительным исследованием основных славянских литературных языков и крупных древних и новых литературных языков Европы³³. Эту тему Н. С. Трубецкого о сла-

³³ Будилович А. Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы, т. I–II. Варшава, 1892.

вянских литературных языках долгое время был и остается малоизвестным, почти так же, как целый век оставался безвестным курс лекций А. И. Соболевского³⁴. Тем не менее оба труда — значительные вехи в разработке проблематики истории русского литературного языка.

Занятия Трубецкого славянскими литературными языками были неслучайными. Они входили в круг общих научных интересов ученого, отличавшихся поразительной цельностью и глубиной перспективы. В каждом труде, в каждой статье Трубецкого, даже такой, которая на первый взгляд посвящена частной теме, ясно прослеживается общеславянская или — шире — индоевропейская или типологическая (иногда универсально-типологическая) перспектива в сочетании с последовательной структуральной концепцией, требующей определения места в системе отдельной единицы через ее оппозицию другим единицам того же языкового ранга или уровня. Трубецкой последователен в своей фонологической концепции, строг в морфонологических наблюдениях, широкомасштабен в своих представлениях о "доисторических" процессах в праславянском диалектном континууме и в прарусских диалектах, глубоко историчен в рассуждениях о характере и функциях славянских литературных языков, и прежде всего русского языка, всечеловечен в понимании исторической судьбы и роли славянских культур, и русской культуры в особенности.

Особой научной дисциплиной, в которую преимущественно на славянском материале внес свой вклад Трубецкой, является также и наука о письме или, как ее теперь называют, "грамматология". Трубецкой подошел к проблеме старославянской письменности с совершенно новой точки зрения, пионерская значимость которой до сих пор недостаточно оценена. Исследуя структуру старославянского алфавита, Трубецкой сумел подойти к нему как к целостной системе, которая рассматривается им с нескольких точек зрения: он не только изучает соотношение между графемами и фонемами; его занимает последовательность знаков алфавита, структура их парадигмы, как мы бы сказали сегодня. Этим объясняется внимание к числовым значениям букв, которые позволили ему прояснить место отсутствовавших в греческом знаков для аффрикат и некоторых других фонем. Это наблюдение чрезвычайно важно для объяснения пути образования не только глаголицы, но и других, упоминаемых им в этой связи систем письма, исторически связанных с греческой, и в частности грузинской.

* * *

Уже говорилось о том, что еще юношей Трубецкой заинтересовался вопросами истории и этнографии. Его возможности в этих науках были всем очевидны. Пятнадцатилетним мальчиком он получает от болгарского историка Шишманова его болгарскую книгу с посвящением: «Будущему историку древних болгар».

Первые научные опыты Трубецкого относились к этнографии и фольклору; позднее, будучи избран почетным членом Финно-угорского общества в 1933 г., он вспоминал время, когда «гимназистом пятого класса уже увлекался Калевалой и угрофинской этнографией» (TLN, p. 456). Он писал еще: «интерес к угро-финским народам, к их быту, языку и духовной культуре пробудился у меня очень рано, почти в детские годы, и мои первые опыты научной работы были посвящены именно угрофинской этнографии» (TLN, p. 455). К этой области относились и первые напечатанные его научные труды³⁵. За ними вскоре последовали работы, связанные с интересом к кавказской, а затем и древнемалоазиатской мифологии. Из них особо стоит выделить небольшую статью о кавказских параллелях к фригийскому мифу о рождении из камня. Основные ее идеи подтверждены последую-

³⁴ С о б о л е в с к и й А. И. История русского литературного языка. Л., 1980.

³⁵ Т р у б е ц к о й Н. С. Финская песнь „Kulto neito“ как переживание языческого обычая.— "Этнографическое обозрение", 1905, № 2—3, с. 231—233.

щими археологическими и этнографическими исследованиями, что, несомненно без преувеличения, говорит о гениальности интуиции молодого ученого.

К ранним работам Трубецкого по этнографии примыкают и выполненные им еще в молодые годы, а затем продолженные через много лет исследования финно-угорского и русского песенно-музыкального фольклора. Исследования эти были им закончены еще в 10-х годах, но их рукописи были утрачены и потом заново им восстановлены. В исследовании мордовских мелодий основное внимание Трубецкого сосредоточено на музыкальной строке народной финно-угорской музыки, в то время еще совсем мало изученной. Напротив, в работе о русской частушке музыковедческие вводные замечания сжаты и основное внимание уделено словесному метру и ритму. Следует отметить уникальность соединения в одном ученом (по главной своей профессии — лингвисте) профессионала-музыковеда, дающего тщательный и тонкий анализ фактуры песен, и филолога-стиховеда, владеющего методами к тому времени уже очень совершенной науки о русском стихе.

Статья "О метрике частушки" остается лучшим исследованием по метрике русских частушек. Трубецкой первым в науке отметил их эстетическую значимость (в те годы признанную и поэтами, использовавшими эту форму, и изучавшими этих поэтов учеными³⁶). К ее главным достоинствам относятся умелое сочетание музыковедческого анализа со стиховедческим и принципиальное использование статистических методов (которым очень большое значение Н. С. Трубецкой придавал и в своих фонологических трудах). Эти же методы, предвосхищая последующие статистические изыскания С. П. Боброва, акад. А. Н. Колмогорова и М. Л. Гаспарова, Н. С. Трубецкой применил к анализу русского "востоковского" стиха, которым написаны "Песни западных славян" Пушкина, в сопоставлении с сербохорватским народным стихом. Первостепенное значение для открытия старославянской поэзии имел и данный Трубецким анализ метра "Похвалы Святому Григорию" Кирилла (Константина). Последующие изыскания подтвердили его выводы. В переписке с Р. О. Якобсоном Н. С. Трубецкой анализирует и другие проблемы сравнительной славянской метрики и метрических описаний конкретных текстов на разных славянских языках.

Вершинным достижением ученого в славянской сравнительной метрике была его работа о стихе русской былины. Начав с тонкого музыкального и лингвистического исследования стиха былин, Трубецкой на основании некоторых внутренних его противоречий (в частности, наличия многочисленных энклитических частиц, в настоящее время не имеющих функции) восстанавливает исходный силлабический стих былин, тождественный сербскому десятисложнику (последняя гипотеза была им выдвинута еще в 1926 г. в письме к Якобсону). Тем самым он положил начало исследованиям в области славянской сравнительной метрики, развитым Р. О. Якобсоном³⁷ и позднее оказавшим влияние на сравнительное индоевропейское стиховедение³⁸ и на изучение метрики народов, в древности контактировавших с индоевропейскими (работы Г. В. Церетели по картвельскому стиху).

К числу удивительных прозрений Трубецкого, связанных с его занятиями сравнительной метрикой, относится гипотеза о древности латинского сатурнийского (сатурнова или сатурнического) стиха, возведенного им к тем "зачаткам поэзии", которые он еще в 1922 г. предположил для "западно-индоевропейских диалектов" — праиталийского, пракельтского и прагерманского. Он писал: «Поразительное сходство словарей и ряд общих черт фонетики заставляют рассматри-

³⁶ Напомним замечание Б. М. Эйхенбаума о частушечных формах у Ахматовой, многократные обращения к этим формам у исследователей "Двенадцати" Блока и т.п.

³⁷ J a k o b s o n R. Slavic epic studies.— In: „Selected Writings“. Vol. IV. The Hague—Paris: Mouton, 1966.

³⁸ W a t k i n s C. Indo-European origin of Celtic metre.— „Celtica“, 1962, vol. VI; W o s t M. Indo-European metre. — „Glotta“, 1973 и др.

вать три названные выше диалекта индоевр(опейского) праязыка как некоторое единое целое. Их лингвистическому единству в древнейшие времена соответствовало, разумеется, и единство культурное, и надо считать весьма вероятным, что такое единство сказывалось, между прочим, в зачатках поэзии. Это тем более правдоподобно, что одной из общих западно-индоевропейским диалектам фонетических особенностей является развитие наначального [то есть на начальном слоге. — *Ред.*] экспираторного ударения, имевшее, как известно, самые важные последствия для всего дальнейшего фонетического развития всех этих диалектов и их потомков; а появление наначального ударения — явление для просодии, конечно, далеко не безразличное» (TLN, p. 33–34).

Замечательна не только догадка об архаизме сатурнийского стиха, который с учетом фонетических трансформаций, характерных для латыни, выводится из индоевропейского, согласно Уэсту, Коулу и другим современным исследователям³⁹. Еще более замечательно другое. В то самое время, когда Мейе публикует свою книгу об индоевропейском происхождении греческого метра, Трубецкой применяет сходные методы к западноиндоевропейским языкам, на полвека опережая развитие сравнительной метрики.

Метрика занимала Трубецкого, в частности, как тесно связанная с лингвистикой научная дисциплина, где возможно было применение строгих методов, к разработке которых он стремился во всех привлекавших его внимание областях знания, выходя даже, как в своих серьезных занятиях экспериментальной фонетикой, за рамки традиционных гуманитарных наук. По этой же причине Трубецкой стремится учесть опыт объективного описания, накопленный участниками ОПОЯЗ'а. Но эти методы, как и при характеристике частушки, используются — вместе с содержательной характеристикой памятника — и в его лекционных курсах по древнерусской литературе, и в отдельных статьях (о путешествии Афанасия Никитина⁴⁰ и др.), и в его недавно изданных трудах по русской литературе нового времени, в том числе в блестящем эссе о Л. Н. Толстом. Цикл лекций по древнерусской литературе, читанный Трубецким начиная с 1925–1926 гг., предваряется введением, содержащим компактную общую характеристику специфики византийской культуры в разных ее проявлениях, как в музыке и иконах, так и в литературе⁴¹. Из этого введения, как и из других, подобных ему синтезирующих опытов, видно, что Трубецкой достигал основной цели, которую он нередко сам пояснял: открыть лес там, где привыкли видеть только деревья. Ему удавался охват целого, и в этом, как становится все яснее по мере приближения к его 100-летию (1990 г.), он был предтечей всей современной гуманитарной науки.

* * *

Н. С. Трубецкой лишь на несколько месяцев пережил наглое и разбойническое вторжение гитлеровцев в Австрию, в Вену, вернее, он не смог пережить "аншлюса" и летом 1938 г. скончался в возрасте 48 лет. Германский фашизм не простил Н. С. Трубецкому его непримиримости к насилию над культурой, насилию над своим и другими народами. Еще в 1935 г. Н. С. Трубецкой выступал против "гитлеровских порядков", против усиленной пропаганды идей расизма, писал о том, что "немецкий генеральный штаб готовит нападение на СССР с целью захвата Украины". Словам Трубецкого, к сожалению, суждено было сбыться, но, к счастью, сбылись и его надежды на то, что его Отечество преодолет все преграды и выйдет из

³⁹ Г а м к р е л и д з е Т. В., И в а н о в В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 2. Тбилиси, 1984; там же данные о литературе вопроса.

⁴⁰ См. Т р у б е ц к о й Н. С. "Хождение за три моря" Афанасия Никитина как литературный памятник. — В кн. "Семиотика". М., 1983, с. 437 — 461.

⁴¹ Т р у б е т з к о у N. S. Vorlesungen über die Altrussische Literatur (Studia historica et philologica, Sectio Slavica, 1). Firenze, 1973, 10–28.

тяжелых испытаний окрепшим и обновленным, подавая пример другим странам и народам.

Нашу культуру XX в. трудно себе представить без творчества таких композиторов, как Рахманинов и Стравинский, таких певцов, как Шаляпин, таких художников, как Репин и Рерих, таких писателей, как Бунин и Куприн. Наше и мировое языкознание органически связано с именем Николая Сергеевича Трубецкого, так же как и сам Николай Сергеевич неотделим от Московской лингвистической школы.

*Н. И. Толстой,
Вяч. Вс. Иванов,
Т. В. Гамкрелидзе*

**СПИСОК ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ТРУДОВ
Н. С. ТРУБЕЦКОГО***

”Финская песнь «Kulto neito» как переживание языческого обычая”. — ”Этнографическое обозрение”, т. XVII, № 2–3, 1905, с. 231–233.

”К вопросу о «Золотой Бабе»”. — ”Этнографическое обозрение”, т. XVIII, № 1–2, 1906, с. 52–62.

[Рец. на ст.:] V. J. M a n s i k k a. Das Lied von Ogoi und Novatitsa (”Finnisch-Ugrische Forschungen”, VI, 1906). — ”Этнографическое обозрение”, т. XIX, № 3, 1907, с. 124–125.

”Кавказские параллели к фригийскому мифу о рождении из камня (=земли)”. — ”Этнографическое обозрение”, т. XX, № 3, 1908, с. 88–92. — См. наст. сб., с. 346–349.

[Рец. на кн.:] ”Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа”, вып. XXXVII, отд. III. Тифлис, 1907, с. 146–151.

”Редедя на Кавказе”. — ”Этнографическое обозрение”, т. XXIII, № 1–2, 1911, с. 229–238.

”О стихе восточнофинских песен”. — ”Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии”, 1914. (Тезисы доклада, прочитанного на заседании Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии).

”La valeur primitive des intonations du slave commun”. — RESl, I, 1921, p. 171–187.

”La forme slave du nominatif – accusatif singulier des thèmes neutres en -n”. — MSL, XXII, 1922, p. 253–258.

”Essai sur la chronologie de certains faits phonétiques du slave commun”. — RESl, II, 1922, p. 217–234.

”Remarques sur quelques mots iraniens empruntés par les langues du Caucase Septentrional”. — MSL, XXII, 1922, p. 247–252.

”Les consonnes latérales des langues caucasiques septentrionales”. — BSL, XXXIII, 1922, p. 184–204. — См. наст. сб., с. 233–246.

”О некоторых остатках исчезнувших грамматических категорий в общеславянском праязыке”. — ”Slavia”, I, 1922, с. 12–21.

”Les adjectifs slaves en -ькъ”. — BSL, XXIV, 1923, p. 130–137. См. наст. сб., с. 233–228.

”Вавилонская башня и смешение языков”. — ”Евразийский временник”, т. III, 1923, с. 107–124.

”Les langues caucasiques septentrionales”. — In: ”Les langues du monde”. Ed. par A. Meillet et M. Cohen. Paris: Champion, 1924, p. 327–342.

”Zum urslavischen Intonationssystem”. — ”Streiberg-Festgabe”. Leipzig, 1924, S. 359–366.

Рец. на кн.: ”Р. Якобсон. О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским”. — ”Slavia”, II, 1923, с. 452–460.

”Einiges über die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit”. — ZslPh., I, 1925, S. 287–319. См. наст. сб., с. 143–167.

”Polab. *Staup* (Hennig B₁) ‘Altar’”. — ZslPh., I, 1925, S. 153–156.

”Les voyelles nasales des langues léchites”. — RESl, V, 1925, p. 24–37. См. наст. сб., с. 199–209.

”Die Behandlung der Lautverbindungen *tl, dl* in den slavischen Sprachen”. — ZslPh., II, 1925, S. 117–122.

[Critique]: ”Trudy podrazrjada issledovanija severno-kavkazskich jazykov pri Institute Vostokovedenija v Moskve”, вып. 1–3. — BSL, XXVI, 3, 1925.

[Rez.]: K. H. M e y e r. Historische Grammatik der russischen Sprache. Bd. I, Bonn, 1923. — ”Archiv für slav. Philologie”, XXXIX, Heft 1–2, 1925, S. 107–114.

* Полную библиографию трудов Н. С. Трубецкого (по 1939 г.) см. в сборнике ”Travaux du Cercle linguistique de Prague”, N°8. Prague, 1939. .

”Старославянское *скврѣна*”. – В кн.: ”Сборникъ въ честь на Василь Н. Златарски”. София, 1925, с. 481–483.

”Zur Quellenkunde des Polabischen”. – ZslPh, III, 1926, p. 326–364.

”Studien auf dem Gebiete der vergleichenden Lautlehre der nordkaukasischen Sprachen”. – “Caucasica”, fasc. 3, Leipzig, 1926, S. 7–36. – См. наст. сб., с. 247–270.

”Gedanken über den lateinschen a-Konjunktiv”. – In: “Festschrift für P. Kretschmer”. Wien, 1926, S. 267–274.

”Отражения общеславянского *о в полабском языке”. – “Slavia”, т. IV, 1925/1926, с. 228–237.

”«Хождение за три моря» Афанасия Никитина как литературный памятник”. – В сб.: ”Версты”, I. Париж, 1926, с. 164–186 (см. также кн. ”Семиотика”. М.: ”Радуга”, 1983, с. 437–461.

”Urslav. dъždъ ‘Regen’”. – ZslPh, IV, 1927, S. 62–64.

”Russ. *семь* ‘sieben’ als gemeinostslavisches Merkmal”. – ZslPh, IV, 1927.

”Vatroslav Jagić, ein Nachruf”. – In: “Almanach der Akademie der Wissenschaften in Wien”, für das Jahr 1927. Wien, 1927, S. 239–246.

”О метрике частушки”. – ”Версты”, II. Париж, 1927, с. 205–223. – См. наст. сб., с. 371–390.

[Réponse à la question]: “Etablissement et délimitation des termes techniques. Quelle est la traduction exacte des termes techniques dans les différentes langues (français, anglais, allemand)?”. – In: “Actes du Premier Congrès International de Linguistes à la Haye du 10-15 Avril 1928”. Leiden, 1930, p. 17–18.

”Об отражениях общеславянского *ѣ* в чешском языке”. – “Slavia”, т. VI, 1927/28, с. 661–684.

Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme. – TCLP, I (= “Mélanges linguistiques dédiés au premier Congrès des philologues slaves”). Prague, 1929, p. 39–67.

”Sur la «morphologie». – TCLP, I (= “Mélanges linguistiques dédiés au premier Congrès des philologues slaves”). Prague, 1929, p. 85–88.

”Problèmes slaves relatifs à un atlas linguistique, surtout lexical”. – “Problèmes de méthode de la lexicographie slave”, thèses 7 et 8”. = “Problémy všeslovanského atlasu lingvistického, zvláště lexikálního”. – “Metodické problémy slovanské lexikografie” (I. sjezd slovanských filologů v Praze, 1929, sekce II, these k diskusi, 7. a 8.). – TCLP, I = “Mélanges linguistiques dédiés au premier Congrès des philologues slaves”. Prague, 1929, p. 25–27.

”Notes sur les désinences du verbe des langues tchéchéno-lesghiennes”. – BSL, XXIX, 1929, p. 153–171. См. наст. сб., с. 324–337.

”Caucasian languages”. – In: “Encyclopaedia Britannica”, vol. V, p. 54.

”Lettre sur les diphthongues du protoslave”. – TCLP, II, 1929, p. 104.

”К вопросу о хронологии стяжения гласных в западнославянских языках”. – “Slavia”, т. VII, 1928/29, с. 205–207. См. наст. сб., с. 196–198.

”Polabische Studien”. Wien – Leipzig: Hölder-Pichler-Tempsky A.-G., 1929. (“Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien, philos.-hist. Klasse”, Bd. 211, Abhandlung 4).

”Das Münchner slavische Abecedarium”. – In: “Byzantinoslavica”, II, 1930, p. 29–31.

”Nordkaukasische Wortgleichungen”. – “Wiener Zeitschrift zur Kunde des Morgenlandes”, XXXVII, 1930, S. 76–92. См. наст. сб., с. 271–282.

”Über die Entstehung der gemeinwestslavischen Eigentümlichkeiten auf dem Gebiete des Konsonantismus”. – ZslPh, VII, 1930, S. 383–406. – См. наст. сб., с. 180–195.

”Виктор К. Поржезинский”. – “Slavia”, т. IX, 1930/1931, с. 199–203 (некролог).

[Рец. на кн.]: “T. Lehr-Spławiński. Gramatyka połabska”. – “Slavia”, IX, 1930/1931, с. 154–164.

”Die phonologischen Systeme”. – TCLP, IV (=Réunion phonologique internationale tenue à Prague 18-21/XII 1930). Prague, 1931, p. 96–116.

”Gedanken über Morphologie”. – Ibid., p. 160–163. [Русск. пер. см. в сб.: ”Пражский лингвистический кружок”. М., ”Прогресс”, 1967, с. 114–117.]

”Phonologie und Sprachgeographie”. – Ibid., p. 228–234. – См. наст. сб., с. 31–36.

“Principes de transcription phonologique”. – Ibid., p. 323–326. – См. наст. сб., с. 11–14.

“Zum phonologischen Vokalsystem des Altkirchenslavischen”. – In: “Mélanges de philologie offerts à M. J. J. Mikkola”. = “Annales Academiae Scientiarum Fennicae”, XXVII, 1931, p. 317–325.

“Die Konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen”. – “Caucasica”, fasc. 8, 1931, p. 1–52. – См. наст. сб., с. 283–323.

[Réponse à la question]: Les systèmes phonologiques envisagés en eux-mêmes et dans leurs rapports avec la structure générale de la langue. – In: “Deuxième Congrès international de linguistes. Genève 24–29 août 1931. Propositions reçues en réponse aux questions”. Genève, 1931, p. 53–69.

“Lettre sur la géographie de la déclinaison”. – In: Я к о б с о н Р. О. К характеристике евразийского языкового союза. Париж, 1931, с. 51–52.

“Das mordwinische phonologische System verglichen mit dem Russischen”. – In: “Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario ... oblata”. Prague, 1932, p. 21–24. См. наст. сб., с. 63–66.

“La phonologie actuelle”. – “Journal de Psychologie”, XXX, 1933, p. 227–246.

“Les systèmes phonologiques envisagés en eux-mêmes et dans leurs rapports avec la structure générale de la langue”. – In: “Actes du deuxième Congrès international de Linguistes, Genève 25–29 août 1931”. Paris, 1933, p. 120–125 (Текст на немецком языке).

“Charakter und Methode der systematischen phonologischen Darstellung einer gegebenen Sprache”. – In: “Proceedings of the International Congress of Phonetic Sciences”. Amsterdam, 3-8 July 1932 [=“Archives Néerlandaises de Phonétique Expérimentale”, VIII-IX, 1933], p. 18–22. = “Conférences des membrés du Cercle linguistique de Prague au Congrès des sciences phonétiques tenue...”, 1933, p. 1–5.

“Die Entwicklung der Gutturale in den slavischen Sprachen”. – In: “Сборникъ в честь на проф. Л. Милетичъ”. София, 1933, с. 267–279. См. наст. сб., с. 168–179.

“Zur Struktur der mordwinischen Melodien”. – In: “Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien, philos.-histor. Kl.”, 205. Bd., 2. Abh., 1933, p. 106–117. См. наст. сб., с. 391–406.

“Il problema della parentele tra i grandi gruppi linguistici”. (Terzo congresso internazionale dei linguisti, Roma, 19 bis 26 settembre 1933). – In: “Atti del III Congresso Internazionale dei Linguisti”, 1933, p. 326–327. – См. наст. сб., с. 60–62.

“Das morphonologische System der russischen Sprache”. (TCLP, V₂ = Description phonologique du russe moderne. Deuxième partie). Prague, 1934, in-8°, 94 p. – См. наст. сб., с. 67–142.

“Ein altkirchenslavisches Gedicht”. – ZslPh, XI, 1934, p. 52–54. – См. наст. сб., с. 350–351.

“Erinnerungen an einen Aufenthalt bei den Tscherkessen des Kreises Tuapse”. – “Caucasica”, fasc. 11, 1934, p. 1–39.

“Die sogenannte Entpalatalisierung der ursl. *e* und *ě* vor harten Dentalen im Polnischen vom Standpunkte der Phonologie”. – In: “Ksiąga referatów, II międzynarod. zjazd slawistów”. Warszawa, 1934, S. 135–139.

“Altkirchenslawische Sprache, Schrift-, Laut- und Formenlehre” (nach Vorlesungen, gehalten an der Wiener Universität im WS. 1932/1933 und SS. 1933). Wien, 1934.

“Altkirchenslawische Grammatik. Schrift-, Laut- und Formensystem”. (Hrsg. von R. T. Jagoditsch). Wien: Rohrer, 1954. – 197 S. (=“Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse”. Sitzungsberichte. Bd. 228. Abhandl. 4).

“Altkirchenslawische Grammatik. Schrift-, Laut- und Formensystem”, 2. Auflage. Graz–Wien–Köln, 1968.

[Critique]: G. D u m é s i l. Etudes comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest. Paris, 1932. – Recherches comparatives sur le verbe caucasien. – “Orientale Literaturzeitung...”, 1934, S. 629–635.

Quelques remarques sur le livre de M. Dumézil «Etudes comparatives sur les langues caucasiennes du nord-ouest», s.a., in-4°, 34 p., lithographie.

“Anleitung zu phonologischen Beschreibungen”. Association internationale pour les études phonologiques (édition du Cercle linguistique de Prague). Brno, 1935, in-8°, 32 S. 2. Aufl. Göttingen, 1958.

- “Psaní”. – SISI, I, 1935, p. 133. [Rez.: “Die Schrift”].
- “Ke skladbě starého církevněslovanského jazyka”. – SISI, I, 1935 et ibid. III, 1937, p. 128 [critique de J. S t a n i s l a v. «Datív absolutný v starej cirkevnej slovančine»].
- “O poměru hlaholské a řecké abecedy” [résumé d’une conférence tenue à 6/X 1934 dans le Cercle linguistique de Prague]. – SISI, I, 1935, p. 135–136.
- “Die phonologischen Grenzsignale”. – In: “Proceedings of the 2nd International Congress of Phonetic Sciences, London, 22-26 July 1935”. Cambridge, 1936, p. 45–49.
- “Die Aufhebung der phonologischen Gegensätze”. – TCLP, VI, 1936, p. 29–45.
- “Essai d’une théorie des oppositions phonologiques”. – “Journal de Psychologie”, XXXIII, 1936, p. 5–18.
- “Die phonologischen Grundlagen der sogenannten “Quantität” in den verschiedenen Sprachen”. – In: “Scritti in onore di Alfredo Trombetti”. Milano, 1936, p. 155–176.
- “Die altkirchenslavische Vertretung der urslav. *tj, *dj”. – ZslPh, XIII, 1936, S. 88–97.
- “Die Aussprache des griechischen χ im 9. Jahrhundert n. Chr.” – “Glotta. Zeitschrift f. griech. u. latein. Sprache”, XXV, 1936, p. 248–256.
- “О притяжательных прилагательных (possessiva) староцерковнославянского языка”. – В кн.: “Zbornik u čast A. Belića”=“Mélanges linguistiques et philologiques offerts à M. Aleksandar Belić”. Beograd, 1937, p. 15–20). – См. наст. сб., с. 219–222.
- “К вопросу о стихе «Песен западных славян» Пушкина”. – В кн.: “Белградский Пушкинский Сборник”. Белград, 1937, с. 31–44. – См. наст. сб., с. 359–370.
- “Die Quantität als phonologisches Problem”. – In: “IVe Congrès international de linguistes. Résumés des communications”. Copenhagen, 1936, p. 104–105.
- “Americká kniha podnětných nápadů o jazyce” [critique de G.K. Zipf. The Psychology of Language. Cambridge (Mass.), 1935]. – SISI, II, 1936, p. 252–253.
- Ida C. W a r d. An Introduction to the Ibo Language. Cambridge, 1936. – “Anthropos”, XXXI, 1936, p. 978–980 (critique).
- “Über eine neue Kritik des Phonembegriffes”. – “Archiv für die vergleichende Phonetik”, I, 1937, S. 129–153.
- “Gedanken über die slovakische Deklination”. – In: “Sborník Matice slovenskej”, XV, 1937, S. 39–47. – См. наст. сб., с. 210–218.
- “W sprawie wiersza byliny rosyjskiej”. – In: “Prace ofiarowane Kazimierzowi Wóycickiemu. Z zagadnień poetyki”, nr. 6. Wilno, 1937, p. 100–110. – См. наст. сб., с. 352–358.
- “Zum Flußnamen *Upa*”. – ZslPh, XIV, 1937, S. 353–354.
- “Zur Vorgeschichte der ostkaukasischen Sprachen”. – In: “Mélanges de linguistique et de philologie offerts à Jacq. van Ginneken”. Paris, 1937, p. 171–178.
- “Projet d’un questionnaire phonologique pour les pays d’Europe”. Prague, 1937, in-4°, 7 p., lithographie.
- “Erich Berneker. Ein Nachruf”. – “Almanach der Akademie der Wissenschaften in Wien, für das Jahr 1937”. Wien, 1937, S. 346–350.
- “Myšlenky o problému Indoevropanů”. – SISI, III, 1937, p. 191–192. – Тезисы доклада, сделанного 14 декабря 1936 г. на заседании Пражского лингвистического кружка.
- “Die Quantität als phonologisches Problem”. – In: “Actes du quatrième Congrès international de linguistes tenu à Copenhague du 27 août au 1er septembre 1936”. Copenhague, 1938, p. 117–122.
- “Gedanken über das Indogermanenproblem” – “Acta linguistica”, I, fasc. 2. Copenhagen, 1939, S. 81–89.
- “Мысли об индоевропейской проблеме”. – “Евразийская Хроника”, т. XIII, 1939. – См. наст. сб., с. 44–59.
- “Grundzüge der Phonologie” (=TCLP, VII). Prague, 1939, in-8°, 272 S. Русск. пер.: Т р у б е ц к о й Н. С. Основы фонологии. М.: Изд. ИЛ, 1960. – 372 с.
- “Principles of Phonology”. Los Angeles: University of California Press, 1939.
- “Principes de phonologie”. (Перевод J. Cantineau). Paris: Klincksieck, 1949. – XXXIV, 396 p.
- “Grundzüge der Phonologie”. 5-e Aufl. Göttingen, 1971.
- “Wie soll das Lautsystem einer künstlichen internationalen Hilfssprache beschaffen sein?”. – TCLP, VIII, 1939, S.5–21. – См. наст. сб., с. 15–28.

“Aus meiner phonologischen Kartothek”. – TCLP, VIII, 1939, S. 22–26 & 343–345.

“Zur phonologischen Geographie der Welt”. – In: “Proceedings of the third International Congress of Phonetic Sciences. Ghent, 1938”. Ghent, 1939, p. 499.

“Le rapport entre le déterminé, le déterminant et le défini”. – In: “Mélanges de linguistique, offerts à M. Ch. Bally”. Geneva: Georg, 1939, p. 75–82. – См. наст. сб., с. 37–43.

[Critique]: “Beach. The phonetic of Hottentot Language”. – “Anthropos”, 1939. (?)

“Фольклорное общение между восточными славянами и народами северного Кавказа”. – В: “Записки Русского Научного Института”. Белград, 1939.

“Очерки русской литературы XVIII-го века и русской поэзии XIX-го”. Париж: Русская научная библиотека, 1939.

“Достоевский как художник”. Париж: Русская научная библиотека, 1939.

“Die russischen Dichter des 18. und 19. Jahrhunderts: Abriss einer Entwicklungsgeschichte. Nach einem nachgelassenen russischen Manuskript hrsg. von R. Jagoditsch”. Graz – Köln: Böhlau, 1956. – 148 S. (= “Wiener slavistisches Jahrbuch”. Ergänzungen. Bd. 3).

“Three Philological Studies by N. S. Trubetzkoy”. – “Michigan Slavic Materials”, 1963, No. 3.

“Der Bau der Ostkaukasischen Sprachen”. – “Wiener Slavistisches Jahrbuch”, Bd. XI. Graz–Köln, 1964.

“Vorlesungen über die altrussische Literatur”. Mit einem Nachwort von R. O. Jakobson. Firenze: Sansoni, 1973. – 167 S. (= “Studia historica et philologica. Sect. Slavica”, 1). – Aut.-Verz., Literaturverz., S. 161–167.

“N. S. Trubetzkoy’s letters and notes”. Prep. for publ. by R. Jakobson with the assistance of H. Baran e.a. The Hague – Paris: “Mouton”, 1975. – XXIII, 506 p. (= “Janua linguarum. Studia Nicolai Van Wijk dedicata”. Ser. minor. 47).

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ СОКРАЩЕНИЙ*

Брок = Б р о к, О. Описание одного говора Тотемского уезда. – В сб. ОРЯС, т. 83, № 1, СПб., 1907.

Евраз. Хр. = “Евразийская Хроника” (Берлин – Париж).

“Записки Имп. Академии Наук” = “Записки Императорской Академии Наук” (СПб.).

“Зборник А. Белићу” = “Зборник у част А. Белића”. Београд, 1937.

Зогр. = Зографское евангелие. – См.: V. J a g i ć. Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Berlin, 1879.

ИКЯ = “Иберийско-кавказское языкознание” (Тбилиси).

Изв. II-го Отд. Имп. Ак. Н. = “Известия II-го Отделения Императорской Академии Наук” (СПб.).

ИОРЯС; Известия ОРЯС АН; “Изв. Отд. Рус. Яз.”; “Известия отдел. русск. яз. и слов.” = “Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук” (СПб. – Пг., 1896–1927).

“Исследования...”; “Исследования в области...” = “Исследования в области сравнительной фонетики севернокавказских языков”. – См. наст. сб., с. 247–270.

“Јужнослов. филолог” = “Јужнословенски филолог” (Белград).

Караджич. По зап. кр. = Караджич, Вук Ст. По зап. кр. – См.: В. Ст. К а р а д ж и ћ. Рјечник српскога језика истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Биоград, 1898 (диал. помета).

Клоц. = Изборник Клоца. – См.: V. V o n d r á k. Glagolita Clozův (Praha, 1893).

“Латеральные...” = “Латеральные согласные в севернокавказских языках”. – См. наст. сб., с. 233–246.

Мар. (ев.) = Мариинское евангелие. – См.: V. J a g i ć. Quattuor evangeliorum versionis praslovanicae Codex Marianum glagoliticus (Berlin – СПб., 1883).

“Мат. по арх. Кавк.” = “Материалы по археологии Кавказа” (Москва).

Ник. ев. = Никодимово евангелие (апокриф.). – В кн.: “Сильвестровский

* В публикуемых работах Н. С. Трубецкого сохранены принятые им сокращения.

Сборник середины XIV в.". Московская Синодальная Типография 53. — Рук. ЦГАДА, ф. 381, № 53. — См. также: С п е р а н с к и й М. Н. Славянские апокрифические евангелия. — В кн.: "Труды 8-го Археол. съезда", т. 2. М., 1895.

ПЛК = "Пражский лингвистический кружок". М.: "Прогресс", 1967.

Р.Ф.В.; РФВ; "Русск. Фил. Вест." = "Русский Филологический Вестник".

"Сборн. Мат."; "Сборн."; (") Сборник (") = "Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа". Тифлис, 1907.

Сб. ОРЯС; "Сбор (н). Отд. Русск. Яз. и Слов. Имп. Ак. Н." = "Сборник статей, читанных в Отделении Русского языка и словесности Императорской Академии Наук" (СПб., Пг.).

"Системы..." = "Системы согласных в восточнокавказских языках". — См. наст. сб., с. 283—323.

"Строй..." = "Строй восточнокавказских языков". — См. наст. сб., с. 338—343.

"Уч. зап. Инст. Этн. и нац. культ. народов Востока" = "Ученые записки Института Этнографии и национальных культур народов Востока".

У с л а р. "Этногр. Кавк." = У с л а р, П. К. Этнография Кавказа (Тифлис, 1876—1892).

Очерк. = Ш а х м а т о в, А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка (= "Энциклопедия славянской филологии". СПб., 1915).

Э.О. = "Этнографическое обозрение" (М., 1889—1916).

"Archiv für slav. Philologie"; "Archiv f. slav. Philol." = "Archiv für slavische Philologie" (Berlin & Leipzig).

B e r n e k e r. Slav. Etym. Wb. = B e r n e k e r, E. Slavisches etymologisches Wörterbuch (Heidelberg, 1908—1913).

BSL; "Bull."; Bull. S. L.; "Bull. d. la S. L. d. P."; "Bulletin de la Soc. de lingu." = "Bulletin de la Société de Linguistique de Paris". (Paris).

"Charisteria V. Mathesio... oblata" = "Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario... oblata" (Prague, 1932).

Encykl (op.). Polska = "Encyklopedia Polska".

SW = J a k o b s o n R. Selected Writings, Vol. 1-7. The Hague — P., 1962—1985.

MSL = "Mémoires de la Société de Linguistique" (Paris).

"Materiały i prace" = "Materiały i prace Komisji Językowej". Kraków, с 1904 г.

M i k l o s i c h. Vgl. Gramm. = Miklosich, F. Vergleichende Grammatik der Slavischen Sprachen. Wien, 1875 (Bd. II), 1876 (Bd. III).

R a m o v š. Histor. gramm. = R a m o v š, F. Historična gramatika slovenskega jezika. Ljubljana, 1924 (II. Konsonantizem), 1935 (VII. Dialekti).

RESI; "Revue"; "Rev. d. ét. slaves"; "Revue des ét. sl." = "Revue des études slaves" (Paris).

"Roczn. Slawist." = "Rocznik Slawistyczny" (Wrocław — Kraków — Warszawa).

Phil.-hist. Kl.; SB Ak. Wien = Sitzungsberichte der Philosophisch-historischen Klasse der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien" (Wien).

"Slavia" = "Slavia" (Časopis pro slovanskou filologii. Praha).

"Slav. Rundschau" = "Slavische Rundschau".

SISI = "Slovo a slovesnost" (Praha).

S t a n i s l a v. Lipt. nár. = S t a n i s l a v J. Liptovské nárečia. Turč. Sv. Martin, 1932.

TLN = N.S. Trubetzkoy's letters and notes. Prep. for publ. by R. Jakobson with the assistance of H. Baran e.a. The Hague — Paris: Mouton, 1975.

TCLP; "Travaux"; "Travaux CLP"; "Travaux du Cercle L. de Pr." = "Travaux du Cercle linguistique de Prague" (Praha).

T r a v n í č e k. "Hist. mluv." = T r a v n í č e k, F. Historická mluvnice československa (Praha, 1935).

V o n d r á k. Altkirchensl. Gramm. = V o n d r á k, V. Altkirchenslawische Grammatik. Berlin, 1912.

ZslPh.; "Z. f. sl. Ph."; "Zeitschr."; "Zeitschrift(...)"; "Zeitschrift f. slaw. Phil."; "Zeitschrift für slawische Philol." = "Zeitschrift für slawische Philologie" (Berlin).

- Абаев В. И. 435
 Абдоков А. И. 447, 459
 Аванесов Р. И. 424
 Азадовский М. К. 369
 Александр Македонский 509
 Алексеев М. Е. 474—476
 Ананичева Т. М. 491
 Андерсон С. 413
 Ардзинба В. Г. 477
 Арнобий (Тимофей) 347, 348
 Аронсон Г. 423
 Ахматова А. А. 517
- Балкаров Б. Х. 462
 Балли Ш. 37, 58, 411, 412
 Бартек Г. 172
 Беккер Х. 78
 Белич А. 213
 Бенвенист Э. 417, 477
 Бергманн 172
 Бернекер Э. 190
 Бернштейн С. Б. 426
 Блейхштейнер Р. 338
 Блумфилд Л. 492, 496
 Боас Ф. 494
 Бобров С. П. 359, 362, 517
 Богораз В. Г. 493
 Бодуэн де Куртенэ И. А. 498, 499, 505
 Бокарев Е. А. 437, 440, 451, 462, 473, 495
 Бошкович Р. 177, 513
 Брок О. 169, 170, 178, 431, 435
 Брониш Г. 202
 Бругман К. 492, 500
 Брюкнер А. 190
 Бубрих Д. В. 63, 66, 197, 415, 420, 501
 Будилович А. С. 515
 Бунин И. А. 519
 Буркерт В. 477
- Вайсгербер Л. 29, 514
 Вальдбаум Й. К. 477
 Ван-Вейк Н. 168—170, 187, 190, 510
 Васильев Л. Л. 154, 186, 428
 Васильева Н. А. 559
 Вежбицкая А. 413
 Вейнрейх У. 410
 Венгеров С. А. 363
 Виноградов В. А. 408, 000
 Виноградов В. В. 515
 Владислав Грамматик 478
 Володимер, кн. 355
 Вондрак В. 157, 190, 193, 210, 508
 Ворт Д. С. 423
 Воскресенский В. А. 374, 377, 389
 Востоков А. Х. 75, 359, 360, 363—365, 367, 369, 370
- Гавранек Б. 515
 Гамкрелидзе Т. В. 416, 419, 501, 518, 519
- Ган К. 347
 Гартнер Ф. 143
 Гаспаров М. Л. 479, 480, 517
 Гасанова С. М. 469
 Гебауэр Я. 147, 196
 Геродот 346
 Гесихий 346
 Гигинейшвили Б. К. 437, 440, 443, 450, 451, 462, 473, 476
 Гиннекен Я. ван 29
 Готьо Э. 416
 Гош 346
 Григорий Богослов св. 478, 517
 Григорий Назианский св. 350
 Григорий Черный 359
 Григорьев А. Д. 352—354
 Гринберг Дж. 418, 511
 Гудава Т. Е. 440, 448—452, 471, 474
 Гукасян В. 461, 472
 Гуковский Г. А. 360
- Дебруннер А. 29
 Деетерс Г. 437
 Дешериев Ю. Д. 475
 Джейранишвили Е. Ф. 472
 Диодор 346
 Дирр А. М. 235, 236, 239, 242, 246, 247, 249, 251, 254, 256, 260, 262, 266, 268, 272, 284, 286, 291, 295, 296, 301—305, 308, 313—318, 320, 321, 437, 439, 440, 448, 450—453, 466—469, 472, 495
 Добрев И. 513
 Долгат Б. К. 309, 311, 347
 Дорошевский В. 509, 513
 Дурново Н. Н. 72, 151, 154, 161, 163, 176, 177, 426, 427, 430—432, 435, 493, 500, 506—508
 Дыбо В. А. 427
 Дюмезиль Ж. 454, 473
 Дюссо Р. 477
- Евсевьев М. Е. 63
 Егише 348
 Ельмслев Л. 415, 514
 Есперсен О. 29, 502
 Ефименкова Б. Б. 483
- Жирков Л. И. 247, 248, 250, 253, 262, 263, 291, 297, 309, 311, 333, 336
 Жюрэ 152
- Завадский М. Р. 297
 Зализняк А. А. 423
 Земцовский И. И. 479
 Златарски В. Н. 187
 Зубатый Я. 169, 173
- Иванов Вяч. Вс. 7, 409, 414, 416, 419, 420, 477—480, 518, 519
 Иллич-Свитыч В. М. 416, 418, 420, 497, 502

- Ильина Н. Е. 423
Ильинский Г. А. 508
Иохельсон В. И. 493, 494
Исаченко А. В. 423
- Кабатник 173
Караджич В. 186, 359, 365–368
Каринский Н. М. 147
Карский Е. Ф. 156
Карцевский С. И. 70, 74, 75, 79, 92, 94, 98, 110, 117, 123–127, 421
Кейперс А. 437, 459
Кибрик А. Е. 413, 472
Киреевский П. В. 369
Кирилл = Кирилл Философ = Кирилл (Константин) 350, 477, 479, 517
Климент Величский 479
Климов Г. А. 413, 459, 474
Кодзасов С. В. 465
Коллиндер Б. 214
Колмогоров А. Н. 517
Комаров А. В. 348
Кондрашов Н. А. 559
Константин Багрянородный 170
Константин Философ 350, 478, 479
Коперник Н. 502, 503
Королев А. А. 559
Корш Ф. Е. 352, 359, 370, 371, 479
Коул Т. 518
Кошутич Р. 133
Козн М. 493
Крейнович Е. А. 38
Кречмер П. 45
Кривополенова М. Д. 352
Крылов С. А. 413
Кузьменко Ю. К. 559
Куприн А. И. 519
Курилович Е. 56, 412, 419
- Лавров А. 479
Лазизиуш Ю. фон 171
Ланглуа (Langlois) 348
Леви-Стросс К. 496
Ленговский Й. 207
Лер-Сплавинский Т. 145–147, 151, 156, 157, 207, 420, 427, 432, 433
Лескин А. 492, 500
Ливер Ф. 177
Ломтатидзе К. В. 437
Лопатин В. В. 423
Лопатинский Г. 235, 246
Лорентц Ф. 202, 203, 209
Люлье 246
Лярош Э. 477
- Магланович Иакинф 359
Магомедбекова З. М. 453
Магометов А. О. 469, 474
Мазон А. 172
Марр Н. Я. 233, 243, 459, 497
Мартине А. 413
Матезиус В. 29, 63, 66, 68, 70, 74, 78, 87, 285, 369, 420
Мачавариани Г. И. 501
Мейе А. 29, 211, 221, 233, 352, 411, 417 420, 493, 506, 509, 510, 518
Мейер Р. М. 514
Мейланова У. А. 475
Мериджи Б. 513
Мериме П. 359, 367
Микаилов Ш. И. 474
Миккола Й. Ю. 79, 177, 190, 420
Миклошич Ф. 210
Милетич Л. 168
Миллер Вс. Ф. 346, 347, 434, 493
Мори (Maury) 346
Московлевич М. М. 213
Мука К. Э. 176
Мэттесон Э. 419
- Наполеон Бонапарт 509
Никитин Афанасий 518
Николаев С. Л. 441
Нилов И. 93
Нич К. 178, 200–203, 436
Новак Л. 169, 172
- Обнорский С. П. 214
Оливериус З. 423
Омаров Саид 309
Остгофф Г. 514
- Паасонен 420
Павсаний 346, 348
Панчвидзе В. Н. 472
Панченко А. М. 560
Педерсен Х. 61, 416
Петерсон М. Н. 500
Петровский М. А. 363
Пешковский А. М. 135
Пизани В. 44, 61, 414, 501
Плутарх 346, 347
Покровский М. М. 514
Поливанов Е. Д. 414, 415, 417, 501, 502
Поливанова А. К. 423
Поржезинский В. К. 203, 493
Порциг В. 61
Потебня А. А. 359, 496
Преображенский А. Г. 140
Псевдо-Плутарх 347
Пугачев Е. И. 503
Пушкин А. С. 140, 359–370, 517
Пфальц А. 410
- Равила П. 177, 420
Рамовш Ф. 186
Рахманинов С. В. 519
Регаме К. 413
Репин И. Е. 519
Рерих Н. К. 519
Розвадовский Я. 189, 190
Ронж 153
Русаков А. Ю. 435, 436
- Савченко А. Н. 474
Саидова П. А. 475
Святослав (кн.) 148, 165
Селищев А. М. 426, 427
Сепир Э. 496, 502
Смаль-Стоцкий Ст. 143

Соболевский А. И. 221, 429, 478, 516
Соколов Н. Н. 177, 430
Сократ 502
Соссюр Ф. де 411, 509, 510
Станг Хр. 500
Станислав Я. 218
Станкевич Э. 423
Старостин С. А. 438, 440, 447, 453, 455,
457, 465, 473
Стефан Таронский 348
Страбон 346
Стравинский И. Ф. 519
Струве В. В. 477
Сумароков А. П. 360, 369
Сухачев Н. Л. 410, 412, 421, 436, 479

Талибов Б. Б. 442
Теньер Л. 492
Тестелец Я. Г. 413
Тимофей (Арнобий) 347, 348
Толстая С. М. 425
Толстой Л. Н. 518
Толстой Н. И. 7, 514, 519
Томашевский Б. В. 77, 359, 362, 364,
369, 370, 479
Травничек Ф. 169, 170, 172, 196, 216
Трир Й. 514
Тромбетти А. 29
Трубецкой Н. С. 14, 15, 27, 29, 31, 37,
44, 60, 61, 67, 136, 143, 144, 150,
168, 169, 171, 174, 175, 180, 196,
199, 210, 212, 223, 233, 247, 271,
283, 285, 324, 338, 346, 350, 352,
359, 371, 408–428, 431, 432, 435–
475, 477–491, 492–519

Уварова П. С. 348
Улашин Г. 423
Уленбек Х. 29, 57
Уо Л. 409
Уорд И. К. 38
Уоткинс К. 517
Услар П. К. 235–237, 247, 251, 252, 254,
256, 261, 283–286, 291, 297–299,
308–311, 314, 319, 328, 339, 466,
467, 470, 471, 495
Учаев Р. Ф. 480, 483–488, 490, 491
Ушаков Д. Н. 177, 430, 493
Уэст М. 517, 518

Фант Г. М. 511
Фасмер М. 427, 432, 433, 435, 447
Филимонов Г. Д. 348
Фортуатов Ф. Ф. 145, 493
Фот У. 477
Фрейман А. А. 44, 414

Хааз В. 477
Хабургаев Г. А. 427
Хайдаков С. М. 470
Хайлманн Л. 410
Халле М. 511

Ханмагомедов Б. Г.-К. 475
Хауфман М. А. 477
Хенкен Х. 44
Хенниг Хр. 203–206
Хит Дж. 413
Хлебников В. В. 502
Хокарт А. М. 496
Хокинз Дж. Д. 477
Хюзинг Г. 246
Хэмп Э. 37, 411

Цаберн Ф. фон 477
Церетели Г. В. 415, 517
Церцвадзе И. И. 471

Чермак В. 155
Чернышев В. И. 176, 429
Чехова К. 413
Чикобава А. С. 474
Чурганова В. Г. 423

Шагиров А. К. 437, 454–461
Шаляпин Ф. И. 519
Шафарик П. 478
Шахматов А. А. 144–146, 149, 151, 157,
158, 161, 171, 427, 429, 432, 433,
480–489, 491, 493, 507

Шваб Э. 172
Швицер Э. 29
Шенгели Г. А. 359, 362
Шитнер А. 247
Шифнер А. А. 235, 246, 254, 291, 320,
321
Шишманов И. Д. 516
Шлейхер А. 145, 203, 205, 432, 433, 507
Шмидт Й. 53
Шор Р. О. 410
Шпербер Г. 514
Шрейнен Й. 29
Штернберг Л. Я. 493
Шульце П. 206

Щепкин В. Н. 493
Щерба Л. В. 499

Эдгертон Ф. 415
Эйхенбаум Б. М. 363, 517
Эмин 348
Эркерт 246

Юдакин А. П. 474
Юстиниан 348

Якобсон Р. О. 39, 68, 70, 75, 79, 82, 87,
104, 137, 171, 173, 176, 210, 211,
214, 217, 218, 351, 364, 369, 408–
413, 421–423, 427, 428, 430, 434–
436, 478–480, 500, 501, 511, 512,
517

Яковлев Н. Ф. 248, 267, 281, 308–310,
470

Якубинский Л. П. 427
Ярхо Б. И. 359, 363, 369

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

От составителя

Указатель построен по алфавитному принципу, без применения гнездового способа. Термины-дублиеты описываются в рамках одной вокабулы и отделяются друг от друга знаком //, например: *описательная форма // выражение* означает дублетную пару *описательная форма, описательное выражение* ("общая часть" членов дублетной пары при этом не повторяется, а как бы выносится за скобку).

Термины-синонимы описываются в разных статьях, но при таких статьях даются взаимные отсылки с помощью знака равенства. Термины, близкие по смыслу, снабжаются взаимными отсылками "см. также". Термины, противопоставленные друг другу по смыслу, снабжаются взаимными отсылками "ср." и "ср. также". Для некоторых терминов широкого значения даны отсылки на коррелирующие с ними термины более узкого значения с помощью пометы "см.". Помета "и др." после номера страницы означает, что данный термин встречается в соответствующей статье Н. С. Трубецкого (или в соответствующем разделе комментариев) неоднократно — на указанной странице и далее. Страницы, содержащие определение соответствующих терминов или раскрытие их содержания, выделены полужирным шрифтом. В ряде случаев термины, близкие по смыслу, описываются одной вокабулой и отделяются друг от друга запятой; их общая часть повторяется в составе второго термина сокращенно, в виде начальной буквы, напр.: "младограмматизм, младограмматики, младограмматические методы" или "аблаутная пара, а.ряд" (здесь "а." расшифровывается как "аблаутный"). Во многих случаях заглавие вокабулы покрывает более широкий круг словоупотребления, чем круг употреблений соответствующего термина. Так, например, под заголовком "древние тексты" даются не только отсылки на вхождения термина "древние тексты", но также отсылки на вхождение ряда других терминов, близких по смыслу, таких, как "древние памятники", "древнейшие тексты", "древнейшие памятники". Вообще по техническим причинам в текст настоящего указателя невозможно было включить все термины, употребляемые в книге. Так, за пределами указателя остались названия языковых семей, групп, конкретных языков, диалектов и говоров, письменностей, обозначения мелких деталей артикуляционного аппарата ("щеки" и др.), тонких оттенков артикуляции ("колебание голосовых связок" и т.п.), элементов грамматической и семантической номенклатуры ("женский род", "уменьшительное значение", "названия детенышей" и т.п.), стиховедческой терминологии ("десятисложная строка" и пр.) и некоторые другие термины, несущественные для понимания основного содержания книги.

Аблаут 51, 60, 61, 100, 186, 457 (см. также свободное чередование, чередование гласных)
аблаутная пара, а.ряд 96
абруптивность 453
абсолютив 413 (ср. эргатив)
абсолютное фонетическое различие 31, 32
абсолютный ауслаут // конец слова 13, 286
абстракция 76, 200
автоматическая выводимость 79
.. гармония гласных 56
— лабиализация 470
автоматическое произнесение 467
— следствие из фонетической ситуации 87
автономный звук 189

автохтонный язык 211
агглютинация 58, 59, 66, 418, 419, 502, 515
агенса 333 и др., 341 и др., 413
адаптация согласных 431
адвербиальные формы 67 (= деепричастные формы)
адъективный аффикс 335
азбучная молитва 478
"айн" 235, 249
аканье 161, 162 (см. также редукция)
аккомпанемент 383
аккузатив 39, 40, 43, 341, 413
акростих 351
активная категория 287 (= маркированный член)
активная конструкция 417
активные формы 67 (= действительные

- формы)
- активный признак 287 (= а.категория)
- активный язык 417
- акустическая выраженность 318
- иллюзия 362
  - категория 287 (= а.признак)
  - ситуация 262
- акустический 9–11, 14, 24, 36, 43, 80–81, 177, 246, 253, 261–262, 287 и др., 466
- акустическое колебание 304
- акут 154, 155, 163
- акутированный слог 163
- акцент 294, 356
- акцентированный слог 357
- акцентная оппозиция // противопоставление 94
- акцентное передвижение 92–96 (= а.чередование)
- распределение 93–95
  - соотношение префиксов 95, 96
  - чередование 92, 422 (= а.передвижение)
- акцентный вариант морфемы 89–91, 93, 96
- облик слова 95
- акцентологический... 94–96, 424, 426
- акцентологический статус 95
- процесс 426
- акцентология 427
- акцентуация 96, 356
- аллитерация 356
- аллогенетическое (= приобретенное) родство 415, 418
- алтайский языковой строй 59
- алфавит 63, 172, 209, 253, 292, 514, 516
- алфавитный акростих 351
- альбомное стихотворение 385
- альтернант 13, 88 и др. (= вариант морфемы)
- альтернативный вариант 111
- ряд // пара 89, 96 (= чередование)
  - тип 89
- альтернация 82, 88–140, 422
- амфибрахий 361
- анакруза 353 и др.
- анализ письменного текста 144
- языка 11
- аналитическое склонение 211
- аналогия 198, 213, 215 (см. также выравнивание)
- анапест 352, 361, 371
- анаптикса 172
- анкета 410
- анлаут 60, 111, 172, 273, 288, 442 и др., 467 и др. (= начало слова)
- анлаут морфемы 77, 111
- анлаутный звук 293 и др., 466
- консонантизм 319 и др.
- аномалия 104, 124, 132
- аномальная парадигма 72
- аномальное образование 98, 129
- склонение 115
  - чередование 104, 124, 128
- ”аномальные” словоизменительные типы 86
- антеципация 152
- антропология 48, 416, 501
- аорист 319
- апикальный согласный 177, 245, 285 и др., 471 (= дентальный с.)
- ареал 33, 498, 512, 513 (= зона = область = территория)
- ареальная близость 498
- ареально-исторический подход 499
- ареальное рассмотрение 499, 512
- артикуль 40–42, 274
- артикуляционное противопоставление 287
- артикуляционный класс 206, 286, 454, 471
- орган 289
  - признак 292
  - ряд 255
- артикуляция 16, 17, 55, 64, 185, 199, 243–245, 248 и др., 272 и др., 292, 339, 466
- архаизирующее влияние орфографии 86
- архаизм 196, 518
- архаический 117, 213, 466, 513
- архаичный 212, 356, 416, 466
- археология 44, 48, 52, 58, 414, 416, 501, 517
- архифонема 12, 13, 64, 66 (см. также нейтрализация)
- аспирация 260, 289 и др., 450 (= придыхание)
- ассибиляция 161, 182
- ассимиляция 64, 84, 150, 157, 207, 281, 285, 453
- ассимиляция заимствований 83, 95
- атлас фонологических систем 410
- атомистическая грамматика 210
- атрибутивная форма 67, 71, 274 (= причастная форма)
- ауслат 81, 86, 240, 253, 280, 285 и др., 341, 441 и др., 470 (= конец слова)
- аффектированное звучание 117
- аффикс 27, 28, 40, 41, 51–53, 58, 80 и др., 326 и др. (см. также префикс, постфикс, суффикс)
- аффриката 12, 65, 170, 182, 183, 199, 205 и др., 235 и др., 249 и др., 272 и

др., 287 и др., 339, 438 и др., 448 и др., 462
аффрикация 255, 451
Балканские языки 234
баллада 391
баритоническое слово 12
беглое произношение 299
"беглый" гласный 77, 106 (см. также выпадение гласного)
бедность системы склонения 211 и др. (ср. богатство...)
— фонетических средств 27 (ср. богатство...)
безударный 75, 216, 325, 360 и др. (ср. ударный)
"беспорядочное" акцентное распределение 95, 355
беспризнаковый 12, 67–70, 408, 411, 422 (= немаркированный)
"бессмысленность эволюции" 168, 411, 510
бессмыслица 388
билабиализация 468
билабиальный согласный 235
"благозвучие" 111
близкородственные языки 35, 233, 473
богатство системы склонения 211 и др. (ср. бедность...)
— средств 26 (ср. бедность...)
боковой согласный 199 (= латеральный с.)
большая пауза 38
буква 12, 14, 88, 204, 235, 248 и др., 283 и др., 516 (см. также знак алфавита, графический знак, графема)
былина 352–358, 371, 517
Варварская речь // в. языки 46
вариант 119
— буквы 292
— морфемы 89–91, 93, 96, 104, 108
— морфонемы 100, 107 (= альтернант)
— фонемы 33, 34, 171, 288, 469 и др.
варианты произношения 20, 83
вариация размера 355
варьирование 80 и др., 285
"ведущий" язык 36
веляризация 187
велярный согласный 169, 186, 235 и др., 450, 466 (= дорсальный с.; см. также заднедорсальный с., переднедорсальный с.)
версификация 352 (= стихосложение)
версия мифа 347
вершина гласного 289
"вершина" слова 357
ветвь языковой семьи 46, 48, 247, 497

(см. также дивергенция, подветвь)
взаимное влияние языков 46 (= интерференция; см. также контакт языков)
взаимодействие языков 148
взаимосвязанные ареалы 321
взаимосвязь диалектов 195
взрыв 235, 264 (= эксплозия)
взрывной согласный 55, 56, 199 и др., 235 и др., 249 и др., 272 и др., 288, 339, 450 (см. также смычный с.)
вид 68, 69, 271, 278, 324 и др., 341–343
видоизменение согласного 79
владение языком 15
влияние образцов 144
— последующей фонемы 64
— предыдущей фонемы 64
— языков на язык 36, 46, 415, 515 (= интерференция, языковые контакты)
внелингвистические факторы 510
внелитературно-живые формы 219
внешне обусловленное // необусловленное чередование 50, 51, 103
внешнее фонетическое окружение 82
внешние признаки морфемной границы 78
— причины // условия // факторы 13, 93, 109, 200
внешний маркер 41
— облик 70
внутренне значимая функция 103
внутреннее членение языкового семейства 47
внутренние причины 93
внутренний слог 104
— согласный корня 325
внутренняя дифференциация языка 194
— логика эволюции языка 144, 411, 431–432
— противоположность тенденций развития языков 159
— рифма 365
— связь между фонологической системой и грамматическим строем языка 63
"внутренняя форма" частушки 388
внутриморфемные свойства 13
внутрисловный набор согласных 50 (см. также инлаут)
воздействие звуковых изменений 215
— согласных на гласные 290
— субстрата 178
возникновение языкового строя 52–56
— метрики 356
— народности 144
— новой системы 168

– новых слов 86, 221 (= новообразование)
 – новых членов 219
 – противопоставлений 473
 вокализация 171, 424 (см. также огласовка, вставка гласного)
 вокализм 36, 60, 161, 226, 420, 465, 502 (см. также гласный звук)
 вокалическая система 18, 471 (см. также вокализм)
 – форма 106
 вокалический вариант морфемы 108–110
 – морфонемы 107
 – элемент 25, 424
 – исход 70
 вокалическое качество 294
 вокатив 120, 214 (= звательная форма)
 ”волны” 436
 вольный стих, в. размер 360 и др.
 вопросник 35
 восприятие звуков 15, 16, 24, 25, 34, 82, 84, 94, 96, 112, 261 и др., 286 (= звуковосприятие)
 – слов 91
 – смысла 92
 – стихов 357
 воспроизведение звуков 15, 169
 – ритмического типа 355
 восстановление 47, 49, 350, 440 и др. (= реконструкция)
 восходящая интонация 38, 357
 восходяще-нисходящая интонация 155
 восходящее ударение 364
 восходящий дифтонг 21
 впечатление 223 и др., 246, 364, 466
 временные отношения 220
 – промежутки 144
 время 68–70, 324 и др., 341, 411, 511
 время языкового распада 506
 вспомогательное средство 52, 76
 вспомогательный язык 15, 22–28
 вставка звука 23, 106, 111, 343 (= эпентеза)
 – переписчика 350
 – слов 41
 – частиц 356
 вставной гласный 111, 150
 встречаемость фонем 13, 78, 471
 вторая палатализация 174, 181
 второй фокус 451 (см. также шипящий согласный)
 второстепенное ударение 375
 второстепенный икт 354
 выбор 66, 119
 выбрасывание гласного 106 (см. также выпадение гласного, беглый гласный)

выговор 503 (= локальное произношение; см. также произношение)
 выделение отдельных слогов 28
 вымершие языки 18, 44, 50, 54, 56, 57 (= мертвый язык)
 вымирание форм 218
 выпадение гласного 82, 85, 88, 100, 101, 281, 299 и др. (= выбрасывание гласного; см. также беглый гласный)
 – звука 343
 – мелодемы 354
 – морфемных компонентов 88
 – согласного 83, 457
 выравнивание форм 190, 216 (см. также аналогия, обобщение)
 выражение смыслового различия 38
 высокий тон 16, 38
 высота слога 357
 вялая артикуляция 252 и др., 289
 Гармония гласных 50, 56, 416, 502
 гармошка 383
 гекзаметр 361
 гемината 24, 304, 438, 442 и др., 462, 494 (= ”двойной согласный”)
 геминация 23, 84, 236, 247 и др., 296, 424, 438 и др., 462
 генеалогическая группа // группировка 37
 – связь // родство 61
 генеалогический принцип 37
 генетическая // генеалогическая группировка // классификация 497, 498
 генетическая связь // близость // отношение // родство 200, 211, 215, 329, 497–499, 511, 512
 генетический принцип 497
 генетическое сопоставление // сравнение 494 (= сравнительно-историческое языкознание)
 генетическое различие 266, 435
 генитив // родительный падеж 37–40, 42, 43, 70–73, 327, 342, 413, 417
 географическая (взаимо)связь 211, 321, 499
 – дифференциация 514
 – область // зона 36, 211, 497, 511
 – противопоставленность 159
 – схема 212, 214
 географически компактный ареал 321
 географические границы 35, 200 (= граница ареала)
 – отношения 148
 – понятия 194
 географический анализ 211
 – смысл лингвистических понятий 192
 – фактор 503, 511, 513
 географическое место // положение //

пространство 53, 54, 145, 156, 185, 211, 321
 — распределение 36, 53, 54, 164, 166, 323, 410
 — распространение 32
 — соприкосновение 53, 159 (= контакт языков)
 — соседство 36, 211, 212, 215, 497 (= соседство языков)
 гибкость ритма 387
 гиперкорректное звучание 117
 гипертрофия флексии 58, 59
 гипотеза о влияниях "ведущего" языка 36
 гипотеза о возможности конвергентного развития языковой семьи 44
 гипотеза русско-югославянского единства 433
 главенствующая словообразовательная схема 79
 глагол 38—40, 42, 43, 52, 54, 67—70 и др., 220 и др., 324 и др., 341, 412, 413, 417, 495
 глаголица 209
 глагольная конструкция 341
 — основа 335
 — пара 75
 — парадигма 79
 — система 271
 — форма 39, 56, 57, 64, 67—70, 223 и др., 271, 278 и др., 341
 глагольное основообразование 73—75
 — словоизменение 67—70 (= спряжение)
 — формообразование 117, 123
 глагольный корень 57, 60, 78, 324 и др., 446
 — показатель 324, 325 и др., 455
 — предикат 65
 глайд 408
 гласная морфонема 89
 гласная фонема 50—52, 60, 81, 88, 89—112
 гласные полного образования 197
 гласный звук 14, 16—18, 20—26, 50—52, 60, 64—66, 77, 78, 81, 82, 89—112, 158, 162, 164, 165, 196—209, 339 и др., 408, 419, 462, 503
 гласный корневого слова 342
 — непервого слога 50
 — первого слога 50, 65
 — предыдущего слога 65
 глосса 172, 414
 глоссолалия 409
 глоттализация 419
 глоттальная теория 500
 глоттисовый звук 287
 "глубинное" изменение 426

глубокомягконебные согласные 56
 глухой согласный 15, 17, 19, 64, 65, 75, 81, 82, 85, 172 и др., 235 и др., 248 и др., 272, 285 и др., 438, 439 и др., 465 и др.
 говор 46, 47, 200 и др., 410, 429 и др., 497, 498, 503, 505 (см. также диалект)
 говорение 16, 17
 говорящий 16, 17, 82, 88, 199 и др., 261, 408
 голос 64, 287
 гоморганные согласные 23
 "городская" поэзия 387
 городской говор 410
 гортанная смычка 36, 272, 287
 гортанный приступ 14
 гортанный согласный 56, 264, 338, 468
 гортань 177, 235, 248 и др., 272, 287, 339, 467
 государственный язык 47
 гравис 75
 грамматика 46, 52, 210, 408, 416, 495, 503
 грамматическая абстракция 76
 — дизъюнкция 92
 — категория 39, 41, 190, 210, 219, 503, 513
 — корреляция 91, 412
 — морфема 512 (см. аффикс)
 — система 15, 43, 420
 — структура 35, 39, 53, 512
 — схема 66
 — типология 500
 — форма 143
 — функция 27, 111
 грамматически значимое изменение 66
 грамматические изменения 143
 — элементы 45—47, 49, 415
 грамматический контекст 40
 — строй 47, 54, 63, 66, 421, 497
 грамматическое заимствование 416
 грамматическое мышление 210
 — противопоставление 111
 — слово 28
 "грамматическое" чередование 51, 52, 54, 89, 111, 297
 грамматология 516
 граница ареала 32—36, 47, 146, 158, 160—162, 169, 209, 429 и др., 498
 — колона 382
 — стиха 382
 графема 209, 516
 графика 157, 170, 200, 201, 207 (см. также письмо; ср. орфография)
 графическая диссимилиация 478
 — передача морфемы 88
 — морфем 422

графический знак 13 (= написание)
 графическое воспроизведение // изображение // обозначение 11, 205, 293 и др.
 – противопоставление // различие // различие 88, 295 и др.
 – смещение 253
 громкость слога 364, 386
 группа 38 (= синтагма)
 – говоров 162
 – диалектов 144
 – звуков 199 (= комплекс)
 – знаков 12
 – согласных 113, 235 (= сочетание согласных)
 – фонем 11, 13, 174 (= сочетание фонем = фонемосочетание)
 – языков 13, 45, 47, 48, 53, 234 (= языковая группа)
 губной согласный 18, 20, 55, 66, 408, 419 (= лабиальный с.)
 гуманитарная наука 518
 гуттуральный согласный 18, 19 (= задненебный с.; см. также заднеязычный с.)
 Дактиль 361
 датив // дательный падеж 42
 "двойной" согласный 307 (= гемината)
 двойственная функция 76
 двусложная морфема 77, 78
 двусложное сочетание гласных 21–23, 409
 двусложный корень // элемент 25–27
 двуфонемное сочетание 409
 двуязычие 499 (см. смещение языков)
 девербативное основообразование 74
 деепричастие 67, 68 (= адвербиальная форма)
 дезидератив 226
 действительная форма глагола 67
 деклинационная система 211 (см. также склонение)
 – среда 512
 – структура 511
 деклинационное сообщество 214, 217
 деклинационный класс 213
 делабиализация 162, 441, 456
 демонстратив 38, 42, 43
 деназализация 171, 459
 деноминативное основообразование 74
 дентальный согласный 12, 45, 245 и др., 285 и др., 468 (= апикальный с.)
 дентолабиализация 468
 депалатализация 157 (= отверждение)
 деревенский говор 410
 деревенский светский этикет 389
 дериват 79

дериватология 513 (см. также словообразование)
 деривационное формообразование 67, 70, 73, 74 (= словообразование)
 десетерац 364, 365
 десинхронизация 426
 детерминативная синтагма 38–40, 41–43
 детский язык 408, 409
 "дефектный" локальный ряд 288
 дефис 278
 деформация метрической схемы 382
 дешифровка 418
 диакритика 12, 75, 408 (см. акут, гравис, знак краткости)
 диакритический знак // значок 12, 14, 174, 249, 292
 диалект 31–36, 53, 173, 200 и др., 415, 441, 467, 500, 501, 503–507, 509, 510, 516
 диалектная группа 160 (= группа диалектов)
 – дифференциация // расслоение 148, 166, 505
 – область 34
 – особенность 146, 153, 156, 158
 – форма 163
 диалектное смешение 145, 177, 442
 – соответствие 146
 – членение 146
 – явление 147, 245, 513
 диалектные границы 33, 146
 – различия 31, 32, 33, 166, 254, 410, 414, 426
 – континуум 508, 516
 диалектологическая карта 426
 диалектология 32, 35, 36, 409–410, 436, 469 и др. (см. также лингвистическая география)
 диахроническая неустойчивость 408
 – типология 409
 диахрония (= диахронический анализ // подход) 32, 37, 210, 211, 409, 495, 512, 513
 дивергенция 32, 45–48, 143, 415, 416, 507, 509, 513 (см. также распад, распадение, дифференциация языкового целого, диалектная дифференциация, ветвь, разрыв; ср. конвергенция)
 дизъюнктивная категория 411
 дизъюнктивная пара 173
 дизъюнкт (ив)ное противопоставление 287
 – (со)отношение 293–294 (ср. коррелятивное соотношение)
 дизъюнкт (ив)ные фонемы 12, 64
 дизъюнктивная альтернатива 422

– морфонема 88
дизъюнктивные альтернанты 96–102, 119–130 (ср. коррелирующие альтернанты)
дизъюнкция 12, 173, 511 (ср. коррелиция)
диминутив 74, 97, 224 и др.
димор 372
динамическая "вершина" слова 357
– интенсивность 260, 289 и др., 470
– типология 409, 502
диссимилиация 187, 228, 429 и др., 446
дистантно-ассимилятивная назализация 273
дистрибуция 449, 466
дифтонг 12, 21, 22–26, 409, 430 и др., 471
дифтонгизация 152
дифтонгоидный гласный 272
дифференциация 76
– анлаута и инлаута 320
– языкового целого 166
дифференцированный консонантизм 14
дихотомическая фонология 511
длина слога 364, 365 (ср. также долгий слог, краткий слог)
длинные слова 26
длительность звука 12, 185, 260, 289 (= долгота)
длительность мелодемы 353 и др.
доисторические события 48, 52, 55, 57
доказательство родства 60, 233, 272
долгий гласный 13, 16–18, 196, 419 (ср. также долгота, длительность звука)
долгий слог 357, 372 (ср. также длина слога)
– согласный 84, 184–186, 235 и др., 253 и др., 296, 339 (ср. также гемината)
долгота 197, 294, 371 (= длительность звука)
доминанта размера 362
дописьменный период 145–147
дополнение 38, 39, 42, 43, 52, 336, 412, 413 (= объект)
дополнительная дистрибуция 449
– цезура 351
допустимость 12, 21, 78, 129
дорсальный согласный 177, 245, 494 (ср. также велярный согласный)
доступность произношения 18
дочернее языковое единство 166, 167
дочерняя общность 507
древнейший слой лексики 350, 478
древние тексты 149, 170, 196, 201, 478 (= памятники письменности)
древний период развития языка 57

дробление языка 497
дрожащий согласный 261
дублет 77, 515
дублетные формы 83, 216
дужка 12
духовная культура 346, 516

Европейские народы и языки 15, 23
единицы языка 516
единообразие 66, 342 (ср. также обобщение, унификация)
единообразные изолинии 34
единственный плавный 20, 21
единство праязыка 505
– языков 508
естественный способ произношения 296

Жанр песен 403
Женевская лингвистическая школа 37
живая речь 11, 147
живое морфонологическое явление 86, 124
– произношение 196
– употребление 336
– чередование 86 (= продуктивная альтернация // чередование)
живой суффикс 221 (= продуктивный с.)
живой язык 47, 50, 145, 496, 506
живые формы 219 и др., 513 (= продуктивные ф.)
жизнеспособность систем склонения 214
– типа ударения 140

Забвение мифа 348
завершенная эволюция 149
заговор 409
задневелярный согласный 235 и др., 248 и др., 272, 339, 448 (заднедорсальный с.)
заднедорсальный согласный 286, 467 и др. (= задневелярный с.)
заднемягконебный согласный 56 (= задневелярный с. = заднедорсальный с.)
заднеязычный согласный 19, 20, 181 и др., 227, 228 (= гуттуральный с.)
заднесибилантный согласный 288 и др., 465
заднеязычный согласный 502 (ср. также гуттуральный с.)
задний гласный 294
заимствование 45, 46, 153, 170, 175, 189, 226, 250 и др., 280, 414, 449 и др., 499
заимствованное слово 25, 78, 200, 250 и др., 504
закон 32, 49, 85, 163

- закон без исключений 85
закон открытого слога 506, 507
закономерность 45, 47, 49, 66, 252
законы конца слова 416
закрепление ударения 351
"закрытый" гласный 18, 202 и др.
залог — см. возвратность / невозвратность, активные формы, пассивные формы
замена выражения переписчиком 350
— звуков 18, 310
— музыкального ударения на экспираторное 155, 156, 357
— форм 190
заменяемость фонем 408
заместитель звука 177
заместительное удлинение 152
замещение звуков 288
замкнутая категория 221
заплатка 389
запреты на употребление 116 (= ограничения)
"заражение" 53
затакт 353
затруднения (при изучении чужого языка) 15, 27, 28 (= трудности)
заударный слог 299
"заумный" язык 409
звательная форма 214 (= вокатив)
звонкий согласный 12, 13, 17, 19, 64, 65, 75, 81, 177, 183 и др., 235 и др., 249 и др., 272, 285, 419, 439 и др., 448, 462, 468, 494
звук 11, 63, 248 и др., 283 и др., 512
звуки мелодии 391
звуковая неправильность 49
— система 15, 17, 29, 55, 168, 285, 420, 512 (= фонетическая с.)
— сторона языка 15, 16, 215
— структура 29, 53
— форма 33 (= звуковой вид // облик)
звуковое восприятие 291 (= звуковосприятие)
— значение буквы 154
— изменение 32–34, 45, 47, 143, 145–168, 180–195, 215, 268, 422, 507, 508, 510 (= з.переход)
— окружение 285 и др. (= фонетический контекст)
— отличие 17, 158
— правило 65
— преобразование 416
— различие 16, 31–35, 194–195, 285
— своеобразие языка 158, 167
— соответствие 29, 45, 47, 49, 60 (= звукосоответствие)
— сочетание // комплекс 21, 311 (= звукосочетание)
— чередование 296, 422, 510
— явление 188
звуковой вариант // нюанс 268
— вид // облик 49, 58, 66, 70 (= звуковая форма) (= фонетический вид // облик)
— закон 32, 49, 51, 61, 65, 66, 147, 213, 263 (= фонетический з.)
— переход 34, 148–167, 426 (= з. изменение)
— повтор 370, 388
— процесс 508
— строй 143, 420
— эффект 388
звукосприятие 170 (= звуковое восприятие)
звуковые особенности 149–195
звукоизменение 51 (= звуковое изменение)
звукоподражание 175, 461
звукорепрезентация 261, 285
звукосоответствие 281 (= звуковое соответствие)
звукосочетание 78, 296 (= звуковое сочетание)
звучание 64, 298
знак алфавита 516
— архифонемы 12, 13
— грависа 75
— краткости 75, 284
— транскрипции 12, 248, 283
— чередования 13
значение 49, 74, 75, 79, 97, 324, 513
значимое передвижение ударения 91, 226 и др.
значимость букв 235
значимые звуковые различия 16
зона распространения 177 (= ареал = территория = область)
зубной согласный 18, 21, 65, 66, 82, 83, 180 и др., 204 и др., 424 (= дентальный с.)
- Идеальная фонетическая система 18
идеальный вспомогательный язык 28
идентификация звуков 21
— слогов 200
— тембра 82
идентичные фонологические системы 63
иерархичность сравнительных грамматик 496
избежание сочетаний согласных 134
изменение артикуляции 245
— гласного 56, 343 (см. также аблаут)
— звуков 251 и др. (= звуковое изменение)
— звукового вида // облика 58, 66, 80
— значений 65

- корневого гласного 343 (= аблаут)
- места ударения 340 (= акцентное передвижение)
- морфем 80–142
- просодической структуры 353
- рода 340
- системы 164, 165, 323
- смысла 224
- согласного 220 и др.
- тона 38
- фонетического облика морфем 80
- фонологической системы 164–165
- изменения в восприятии стихов 357
- в языке 45–47, 61, 80 и др., 168, 426, 506, 507
- изображение 348
- изоглосса 151, 160 и др., 169, 195, 410, 508, 516
- изолиния 34
- изолированная парадигма 99
  - фонема 173
- изолированное образование 129
  - положение в системе 178
  - слово 271
- изолированный показатель 329
  - пример 98, 99
  - тип словоизменения 102
- изоляция фонем в системе 178
- изоморфность языка и культуры 498
- изучение языка 15, 16, 23, 26
- икона 518
- икт 353 и др.
- именительно-винительная конструкция 54 (= номинативно-аккузативная к.)
- именное определение 43
  - основообразование 73, 74, 133
  - предложение 42
  - склонение // словоизменение 70–73, 214
  - употребление корня 107
  - формообразование 137
- именной корень 78
  - предикат 38
- императив 68, 69
- имперфект 327
- имперфективная основа 341
- имплозия 268, 289
- имя 38, 40, 42, 43, 73, 74, 80, 221 и др., 329 и др., 413
- инвентарь звуков 21, 63
  - фонем 31, 58, 64, 499
- индивид 499 (см. также говорящий, носитель языка)
- индикатив 68–70
- индоевропейстика 48, 492, 500
- индоевропейский строй языка 49–59
- инклюзив 69, 273, 331
- инлаут 81, 288, 441 и др., 467 и др.
- инлаутный консонантизм 318 и др.
- инновация 331, 426, 507 (= новообразование)
- иностраный корень 219
  - слово 200
- иностранное происхождение 78
  - наблюдатель 261
- интегрирование языков 415
- инструментальная фонетика 11 (= экспериментальная ф.)
- интенсивность 64, 75, 82, 199, 289 и др.
- интенсивность языкового общения 426
- интенсивный согласный 19, 453, 466 и др.
- интервал между звуками мелодии 391–403
- интервокальная позиция 289, 467 и др.
- интерлюдия 372
- интерпретационная схема // модель фонетического процесса 427
- интерпретация результатов компаративистской процедуры 426, 427
- интерференция 498, 499 (= влияние языков друг на друга = взаимодействие языков)
- интонационная система 154–155
- интонация 13, 38, 212, 357, 434
- инструментовка частушки 387
- инфикс 324
- инфиксация 336, 340
- инфинитив 67, 70, 328 и др.
- инфинитивно-претеритная основа 79
- информант 284 и др. (см. также носитель языка)
- инфраглоттальная экспирация 248, 281, 287, 453
- иррелевантное явление 169
- исключение 32, 33, 64–66, 78, 81, 85, 190, 207, 234, 497 (см. также нерегулярность, изолированный пример)
- исконное родство 504
- исконность 45, 46, 75, 143, 272, 280, 307, 371, 444, 457
- искусственная аббревиатура 35
  - поэзия 371, 378
- искусственно-литературная метрика 387
- искусственное перенесение ударений 356
  - произношение 144
- искусственный язык 15–18, 22, 25–28, 58, 502
- исполнитель частушек 383
- использование падежей 213
  - противопоставления 316
  - фонем 66 (см. также употребление,

статистика использования)
 историко-генетический подход 499
 историко-генетическое исследование
 513
 историческая грамматика 338, 427
 – лингвистика 233 (= история языка)
 – морфология 144
 – точка зрения 51, 322
 – фонетика 144, 272 и др., 302, 437,
 468
 – фонология 426
 – этнография 233, 346
 исторически засвидетельствованная
 форма 197
 – засвидетельствованный язык 45, 52, 56,
 57
 историческое развитие языка 55, 57
 (см. также развитие языка, эволю-
 ция языка)
 история 516
 – культуры 492
 – языка 407, 426, 509, 510, 512, 514
 (= историческая лингвистика)
 источник заимствования 46
 исход морфемы 60, 77–79, 83, 84,
 86, 88
 – основы 114, 116, 117
 – слова 23–25, 81
 исчезновение противопоставления 212
 – звука 81, 111, 150, 177, 358
 – склонения 511
 исходный пункт формообразовательного
 акта 74
 исчерпывающая форма 219

Кавычки 13

каламбур 388
 канонический текст 350
 карта 34, 35, 378, 410, 513 (см. также
 атлас, изоглосса)
 картографирование 34, 35, 410, 430
 категории формообразования 67–75
 категория звуков 253, 287 и др.
 качественная дифференциация 159
 качественное изменение 88, 161, 174–
 165, 213
 – противопоставление 14, 155
 – различие гласных 208
 – чередование 97, 98,
 качество 223
 качество гласного 60, 207, 341
 – морфем 109
 квадратные скобки 88
 количественная интенсивность 288 и
 др., 470
 – метрика 371

количественное противопоставление //
 различие 250, 260, 309, 467 (= коли-
 чественное п. // р.)
 количественность 410
 квинтоль 362
 "кирпичевидное" членение языкового
 семейства 48
 классный показатель // элемент 301, 340
 классификационная схема 78
 классификация чередований 88
 – языков 439, 514
 классическое сравнительное языкове-
 дение 47
 классы морфем 78, 79 (см. также
 тип морфемы)
 клаузула 353 и др.
 клинопись 419
 койнэ 248
 колебание 98, 111, 163, 196, 295
 количественная редукция 152
 количественное противопоставление //
 различие 26, 153, 208, 340, 371
 (= количественное п. // р.)
 количество гласного 16, 18, 60
 – звука 260
 – слогов 355
 колон 372
 комбинаторика 502
 комбинаторная нейтрализация 82
 комбинаторно-факультативный вари-
 ант 177
 комбинаторное варьирование // измене-
 ние // чередование 51, 52, 80–88,
 286, 422, 510
 – различие 31
 комбинаторные возможности 64, 499
 комбинаторный вариант 34, 65, 174,
 288
 комбинация диморов 373
 – звуков 23, 26 (= сочетание звуков =
 звукосочетание)
 – морфем 87 (= сочетание морфем =
 морфемный комплекс)
 – с послелогом 42
 – сдвигов 384, 385
 – фонем 293 (= сочетание ф. = фонемо-
 сочетание)
 – фонологических единиц 11
 – элементов 321
 компаратив 225
 компаративистика 418, 426 (= сравни-
 тельно-историческое языкознание)
 компаративистская процедура 426, 427
 компаративистский метод 144, 495
 компенсация функциональных ограни-
 чений 32
 комплекс основ 135
 – фонем 77, 84 (= фонемосочетание =

сочетание ф.)
композиция былины 352
компонент дифтонга 21
– музыкальной фразы 353
конвергенция 44, 46–48, 414–416,
435, 501, 502, 509 (ср. дивергенция)
конец предлога 81
– слова 13, 24, 26, 49, 65, 172, 200–204,
206, 238, 416, 459 (= ауслаут)
– слога 191
– языковой общности 507
конечная гласная 197
– группа согласных 113
– позиция 85, 179 (= ауслаут)
– часть гласного 199
конечный носовой 201
– слог 28, 213, 351, 465
– согласный 28, 61, 64, 82–84, 220, 325
консервативная орфография 144
– сохранение форм 159
консонантизм 14, 36, 180–195, 320,
325, 415, 435–436
консонантная альтернация 112–134
– группа 77, 186, 424 (= сочетание со-
гласных)
– оппозиция 82
– система 321, 468 и др.
консонантное противопоставление 14,
290
– чередование 73
консонантный двусложный элемент 26
исход 70, 78
комплекс 77, 85 (= к. группа = к.со-
четание согласных)
конец слога 191
светлый тон 290
конститутивный элемент 12
конструкция предложений 233, 417,
497
контакт морфемы с морфемой 82 (см.
также морфемный шов, морфемная
граница)
языков 46, 415, 417, 501 (= языко-
вые контакты)
контекст 37, 40, 43, 478 (= окружение)
контаминация 331, 454
конфронтативная лингвистика 492
конфронтация 499
корень 26–28, 49, 51, 53, 56–58, 60,
66, 73, 76, 78, 84–87, 223, 273 и др.,
325 и др., 341 и др., 417, 442 и др.,
453 и др. (= корневая морфема)
корневая морфема 75–78, 80, 83 (= ко-
рень)
флексия 342, 453 и др.
корневое ударение 163
корневой вокализм 227
консонантизм 325

– слог 66, 163, 342
– согласный 324
корнерасширительный суффикс 342
корнеслов 495
корректное произношение 15, 16
коррелирующие альтернанты 88–96,
112–119 (см. дизъюнктивные альтер-
нанты)
коррелят 13, 169, 408
коррелятивная категория 287, 411 (ср.
дизъюнктивная категория)
– морфонема 88 (ср. дизъюнктивная мор-
фонема)
– // корреляционная пара 66, 173
– противопоставление 65, 66, 288, 412
(ср. дизъюнкт (ив) ное п.)
коррелятивные единицы 12
– фонемы 12, 13, 64
коррелятивный // корреляционный
признак 12, 288
– ряд 12
корреляция 12, 17, 64–66, 82, 173,
214, 287 и др., 412, 422, 469 и др.,
511 (ср. дизъюнкция; см. также
опозиция, категория, противопо-
ставление)
косвенная основа 274, 456
косвенное дополнение 38, 39
"косвенное" потомство 414
краепалатальный согласный 181
краткий гласный 13, 16, 18
– слог 17, 357, 372 и др.
– согласный 185, 248 и др., 289, 339
креолизация 415
креольские языки 408, 415
культ 346 и др.
культура 48, 346, 408, 492, 498, 514,
516, 518, 519
культурная лексика 29, 457
– связь 233
культурное влияние 146, 148
– значение языков 20, 495
культурно-историческая зона 498
культурно-исторические отношения 148
культурные народы 15
культурный язык 27
культурология 498, 502

Лабиализация 272 и др., 290, 339, 440
и др., 450, 456, 467 и др. (см. била-
биализация)
лабиализованный согласный 56, 290 и
др., 441 и др., 450, 459, 466
лабиальный согласный 55, 63, 285, 339,
457 (= губной с.)
лабиодентальный согласный 285
лабиопалатальный звук 272 и др., 453
лабиосибилантный согласный 287, 468

- лакуна 288
ларингализация 177, 252, 450 и др.
ларингальная теория 419
ларингальный согласный 169, 177, 249 и др., 272 и др., 287 и др., 339, 419, 438, 444 и др., 451, 453 и др., 467, 502
латерализация 243, 441, 450
латеральный согласный 233–246, 272 и др., 287 и др., 339, 438–447, 448, 462 (= боковой с.)
легенда 348
легко произносимый язык 26
лейма 363
лексика 26, 29, 416, 417, 495, 500, 504, 512–514
лексикология 495
лексикостатистика 416
лексикостатистический подсчет 416
лексическая география 34
– изоглосса 514
– пара 60
– система 314
– соответствие 61
– уровень 513
– элемент 415
лигатура 246
лингвальный согласный 285
лингвистическая география 31, 32, 409, 416, 501, 513 (= лингвогеография)
– непрерывность 415
лингвистические методы 492
лингвистический атлас 514 (см. также атлас фонологических систем)
лингвогеография 426, 513 (= лингвистическая география)
линии на карте 34
литература 518
литературная метрика 383
литературно-языковая ситуация 514
– традиция 515
литературный язык 213, 219 и др., 410, 441 и др., 470, 492, 501, 514, 515, 516
лицо 69, 70, 273 и др., 324 и др., 511
логика эволюции 144, 411, 431, 432, 510
логическая связь звуковых изменений 144
логический контраст 386
– объект 336, 341 (= пациенс)
– субъект 330 и др., 341 (= агенс)
локализация возникновения языкового строя 54
локальное звуковое изменение 166
– произношение 35
локальные различия 508
локальный ряд 286 и др., 466
- локатив // местный падеж 42, 72, 89, 90, 342, 455
"ломаный" гласный 272 и др.
Мадригал 389
макросемья 419
малочастотная морфема 77
маркер 41 (= показатель)
маркированность 12, 66, 287 и др., 408, 413
математическая лингвистика 502
материальные признаки языка 55
– совпадения 45, 49
материнская языковая общность 166, 167, 507
медленное произнесение 83
междугласный 197, 198
международный язык 15–28, 502
мелодема 353–355 и др.
мелодика 16
мелодия 391–406, 420, 517
мертвая форма 219 и др., 222 (= непродуктивное образование)
– чередование 121 (= непродуктивная альтернатива // чередование)
– язык 233, 246, 418, 496, 510, 513 (= вымерший я.)
место артикуляции 169, 199, 285, 302
– возникновения индоевропейского строя 54
– слова в предложении 286 (= позиция слов в предложении)
– ударения 17, 27
– фонемы в корне 60
местожительство "пранарода" 48
местоимение 37–40, 42, 50, 70, 72, 73, 78, 273 и др., 326 и др., 412, 454
метатеза 88, 459
метатония 154
методы 34, 144, 412, 508
метр 362 и др., 517, 518 (= размер)
метрика 352–389, 404
метрическая география 372
– комбинация 355
– константа 351
– реформа 356
– структура // строение 351, 372
– схема 382 и др.
– тенденция 351
– форма 350, 351
метрически-музыкальная схема 354
– однородный стих 380
метрические понятия 371
метрический анализ 352
– признак 351
– тип 358
– эксперимент 360
механически обусловленное чередование гласных 51

- механические звуковые законы 61
 – факторы 109
 механистическое объяснение 215
 механическое правило // распределение
 // чередование 103, 105, 111
 минимальная пара 466
 минимальное число звуков 26
 минимизация числа признаков и эле-
 ментов 408
 миф 346–348, 516
 мифология 493, 513, 516
 младограмматизм, младограмматики,
 младограмматические методы 55, 498,
 500, 501
 многоконсонантный корень 61
 многообразии парадигм 342
 – сочетаний звуков 26
 многосложная форма слова 216
 многосложное слово 26, 64, 75
 – сочетание гласных 21
 многосложный корень 91
 многочисленный инвентарь согласных
 и гласных 26
 моделирование 426
 модель 425
 модификация фонем 291, 466 и др.
 модус 68
 молитва 478
 монотонность 27
 монофтонгизация 162
 мора 372 и др.
 морф 502
 морфема 13, 51, 58, 75–80, 81–142,
 271 и др., 422, 510
 морфемная граница // шов 13, 78, 79,
 87, 111, 129, 292
 – структура слова 79
 морфемное варьирование // изменение
 80, 81, 85, 87
 – слово 76
 – сочетание 422, 510
 морфемный компонент 87
 морфологическая единица 75
 – категория 29, 139 (= грамматическая
 к.)
 система 81, 510, 512
 структура 512
 – типология 412
 функция 76, 422, 510
 морфологическая членимость 26
 морфологически значимое изменение
 58
 морфологический анализ 79
 облик 509
 морфологический принцип орфогра-
 фии 11
 процесс 211
 способ 40
- строй 29, 211
 – ”шов” 52
 – элемент 29, 271, 330
 морфологическое выпадение гласного
 87
 – выравнивание и новообразование 190
 (см. также аналогия)
 – представление 200
 – соответствие 61
 – строение 27, 28
 морфология 67, 79, 111, 137, 160, 211,
 234, 340, 360, 411, 415, 422, 492,
 495, 501, 509–512
 морфонема 88, 89, 102, 103, 107–109,
 111, 121, 123, 124, 127, 131, 132,
 138, 423
 морфонологическая аномалия 139
 – единица 88
 – система 67, 88, 91, 138, 421
 морфонологический признак 137
 морфонологическое явление 86, 108,
 139
 – чередование 501
 морфонология 13, 51, 79–81, 137, 421,
 492, 510, 511, 516
 Московская лингвистическая школа
 519
 – фонологическая школа 511
 музыка 362, 518 (см. также мелодия,
 напев)
 музыкальная строка 517
 музыкальная фраза 352
 музыкальное ударение 28, 155, 156,
 340, 357 (см. также мелодика)
 музыкальные части интонации 155
 музыкальный напев 371, 372
 – текст 372 и др.
 музыковедение 517
 мышление 66, 210, 215
 ”мягкий” согласный 12, 21, 23, 56, 63,
 65, 170 и др., 181 и др., 205 и др.,
 227, 424 (= палатализованный с.)
- Набор фонем 495
 надпись 414
 назализация 23, 199–209, 273 и др.,
 286 и др.
 назальный согласный 12 (= носовой с.)
 название 74, 348, 412, 416
 наименование 80 (= название)
 наклонение 69, 324 и др., 411, 511
 (= модус)
 окончное ударение 115
 намерение говорящего 69
 нанесение на карту 34
 напев 371, 391
 написание 147, 172 и др., 201, 291, 419,
 472 (= графический знак)

- направление видоизменения // развития // эволюции 46, 59
- направление выравнивания 190
- заимствования 46
  - распространения 166, 195, 198
- напряжение речевых органов 260, 289
- ”напряженный” согласный 260 и др., 289 и др.
- наращение формантов на корень 61
- наречие 37, 74, 76 (‘adverbium’)
- наречие 144 и др., 497 (= диалект)
- народная метрика // размер 367, 369, 370
- песня 368, 372 и др.
  - поэзия // словесность // стихосложение 351 и др., 371 и др.
- народный говор 200, 214
- стих 369
  - язык 506, 514, 515
- народоведение 492 (= этнография = этнология)
- нарочитое искажение 85
- уподобление графическому облику 99
- нарушение 49
- единства языка 507 (= распад языка)
  - системы 174, 213 и др.
- наслоение языка на язык 414
- научное наименование 91
- нация 15
- начало слова 16, 19, 24, 26, 50, 51, 58, 65, 417 (= анлаут)
- слога 191
- начальная группа согласных 113
- смычка 245
- начальное ударение 27
- начальный взрыв 244 и др.
- слог 17, 28
  - согласный 61, 65, 78, 83, 113, 239
- неакцентированный слог 283, 357
- небрежное произношение 84, 172
- небылица-небывальщина 389
- невокалический вариант 110
- негенетическая группировка 498
- неглагольное словоизменение 70–73
- недавнее заимствование 95
- недоразумения 17–19, 21, 22, 24, 27 (см. также непонимание)
- неевропейские народы 15
- неединообразная фонетическая реализация 295
- независимая позиция 176
- независимое развитие языков 507
- незначимое передвижение ударения 91–93
- неизменный консонантизм 325
- неизменяемость звукового облика 66
- одной ступени аблаута 61
- неизменяемый гласный 60
- корень 58, 66, 502
- нейтрализация 41, 64, 65, 75, 81, 82, 300, 422, 467 и др. (см. также архифонема)
- нейтральный слог 357
- согласный 82, 261
- нелабиализованный гласный 96
- немаркированный 65, 82, 287 и др. (= беспризнаковый = пассивный)
- немотивированность 95, 279, 413
- ненапряженный согласный 260 и др. (= слабый с.)
- необязательность признака 360
- неодушевленность 57, 70, 273 и др., 301, 324 (ср. одушевленность)
- ”неопределенность” 41–43 (ср. определенность)
- неопределенность значения 79
- неопределенный гласный 272, 295
- неослабленное чередование 113 (ср. ослабленное чередование)
- непарная фонема 176 (ср. парные фонемы)
- непервый слог 50, 65 (ср. первый слог)
- неподвижное ударение 95 (ср. неослабленное чередование)
- ”неполный” локальный ряд 288
- непонимание 17
- непоследовательность 85, 130, 205, 283 и др., 472
- непосредственное определение 39, 40, 413
- присоединение суффикса 84
  - противопоставление 300
- неправильное произношение 15
- чередование 139
- непредикативные формы 67
- непрерывная цепь переходов 48
- непридыхательный согласный 17, 19, 261 и др., 339, 438, 445 и др., 462
- неприличные ассоциации 221
- непристойные слова 116 (см. также табу, ругательство)
- непродуктивная альтернация // чередование 120, 121, 128–130
- морфема 77, 90
- непродуктивное образование 98, 99, 100, 123, 127 (= мертвая форма)
- непродуктивные типы передвижения ударения 94
- – склонения 115
  - – спряжения 123–128
- непродуктивный класс 513
- непроизводная форма 325
- непроизносимость 20, 24
- непротиворечивость модели 426
- неравномерное распределение ударений

362
нерегулярная парадигма 99
– форма 72
нерегулярное акцентное передвижение
94
нерегулярный глагол 85
нерегулярность 168, 442, 461, 510
(= исключение)
неродственные диалекты 36
– языки 36, 37, 48, 53, 60, 415, 496,
498, 499
несамостоятельные слова 27
"несвободный" метр 363
несклоняемое слово 95
неслоговой звук 20, 286
несмягчение согласных 115
несовпадающие изолинии 35
несовпадение границ стиха с границами
колона 382
несозвучность слов 367
нестяженные формы 196, 216
несущественное противопоставление
262
– звуковое различие 16
нетрадиционная орфография 201
неударяемая мора 375
неударяемый // неударный гласный 16,
50 (= безударный)
неударяемый слог 364
неудлиненная мелодема 355
неудобные для произношения группы
согласных 150
неузнаваемость 17 (см. также недора-
зумение)
неустойчивый гласный 149
нефонологичность 469 и др.
нечетный слог 360
нижнефарингальная зона 465
низкий тон 38
нисходящая интонация 38, 357
– часть интонации 154
нисходящее ударение 364
нисходящий дифтонг 21, 286
– такт 374
новообразование 94, 100, 175, 190, 214,
221, 509 (= инновация)
новые корни, н. слова 219 и др.
новые формы 503
– чередования гласных 51
номинатив 39, 40, 336, 341, 413, 417
номинативно-аккузативная конструк-
ция 54, 413, 417 (= именительно-ви-
нительная конструкция)
норма 72, 423
нормальная морфонологическая систе-
ма 91
фонетическая реализация 112 (= н.

произношение)
нормально образованный согласный
290
нормальное произношение 84, 85 (= н.
фонетическая реализация)
нормальный вариант 111
– локальный ряд 286, 469
– словоизменительный тип 72
– тип чередований 139
носитель языка 16, 17, 19–23, 170, 207,
261, 284 и др., 414, 418, 498 (см.
также говорящий, индивид, инфор-
мант)
носовой гласный 171, 199–209
– звук 325
– согласный 19, 21, 23, 25, 199–209,
235, 285, 462 (= назальный с.)
нота 16
нулевое окончание // показатель 103–
105, 327
нулевой альтернант 102
нуль звука 64
Обиходный язык 423
область произношения 34
– распространения 33, 36, 159 и сл.,
300
обобщение заднеязычного варианта 124
– одной ступени аблаута 61
– типов соотношения между пациен-
сом и агенсом 342
– форм 164, 216 (= выравнивание
форм)
обобщенная мягкость 117
обозначение 67, 271, 340, 348
– звуков, о. фонем 11–13, 266, 272,
283
– мягкости/твердости 157
– фонем 11–13
образование видовых основ 343
– глаголов 74, 75 (= глагольное осно-
вообразование)
– грамматических форм 51, 56, 57,
341–343 (= парадигматическое
формообразование)
– звука 287
– новых слов 126, 219 (= новообразо-
вание)
– по аналогии 213, 215
– прилагательных 83, 219 и др.
– существительных 219
образованность говорящего 129
обращение 69 (см. также вокатив,
звательная форма)
общая теория звуковых изменений 166
– фонология 78, 82
общее значение падежной формы 213
– происхождение 45, 233 (= исконное
родство = генетическая связь)

- языкознание 210, 420, 492, 498
- общение 17, 415
- общие изолинии 34
- особенности // черты // элементы 36, 45, 47, 53, 416, 497 (= сходство)
- общий источник 22
- общность основной лексики 29
- объект действия 39, 412
- обычная палатализация 290, 467
- обязательность признака 362
- овладение языком 28
- огласовка корня 51, 58, 335 (см. также вокализация)
- ограничение на плавные (в начале слова) 24
- на позицию // функцию 32
- на сочетание гласных 22
- – согласных 23
- на употребление согласных 24
- ограниченное фонетическое различие 31
- одиночный согласный 24
- одноконсонантный корень 61 (= односогласный к.)
- однокоренные образования 79
- одноморфное слово 409
- однородная фонологическая транскрипция 13
- однородный словарный запас 35
- односложная основа 409
- односложное произношение 21
- слово 26, 79
- сочетание гласных 21
- односложный аффикс 27, 28
- корень // элемент 25–27, 212, 281
- ”односложный” язык 26
- одноголасный корень 341 (= одноконсонантный к.)
- одушевленность 40, 57, 70–73, 220 (ср. неодушевленность)
- озвончение 177, 266, 458 и др., 466
- окончание 41, 43, 49, 52, 56, 72, 76 и др., 213 и др., 273 и др., 342, 423 (см. также аффикс, постфикс, показатель, флексийная морфема)
- стиха 362, 417
- окраска звука 339 и др. (см. также тембр)
- округленный согласный 23
- окружение 75, 82, 285, 350 (= контекст)
- окситонированный глагол 316
- окситоническое слово 12
- ономатопозитическое слово 318, 467 (= звукоподражание)
- описательная форма // выражение 74
- оппозиция 18, 41–43, 71, 75, 81, 82, 91, 92, 94, 96, 412, 516 (= противопоставление; см. дизъюнкция, корреляция; см. также различие)
- определение 37–40, 42, 43, 335, 412
- морфемы 75
- ”определенная форма” 40
- определенность 37, 40–43, 413
- определенный артикль 40–43, 274
- определяющее слово 220
- определяемое 37, 38, 42, 43, 412
- оральный согласный 312
- орфографическая традиция 151, 201
- орфографический облик слова 86
- орфография 11, 172, 201, 203–206, 240, 421, 424, 470
- ослабление артикуляции 178, 205, 259, 263
- сильных согласных 441, 451
- ослабленное чередование 113
- осмысленность эволюции языка 411
- основа 26, 27, 40, 41, 51, 76, 220 и др., 273 и др., 341 и др., 416, 501 (= основной комплекс)
- агенса 342
- инфинитива/прошедшего времени/настоящего времени 70, 79
- основная лексика 29
- основная флексия 342
- основное предложение 38
- основной альтернант // вариант 120, 171
- согласный 292
- основной комплекс 76 (= основа)
- основообразование 67, 73–75, 80, 95, 96, 99, 101, 102, 105, 107, 114, 121, 123, 125, 126, 132–142 (= словообразование)
- осознание идентичности суффиксов 90
- самостоятельности фонем 298
- острый ослабленный стих 376
- стих-колон 375
- отверждение 157, 189 (= депалатализация)
- отглагольное основообразование 74 и др., 226, 326 (= девербативное основообразование)
- отдельная фонема 11, 12
- слово 27
- определяемость слова 41
- отклонение 79, 98, 129, 313 (см. также исключение, нерегулярность)
- ”открытый” гласный 18, 21, 207, 294
- открытый слог 202, 507 (см. также закон открытого слога)
- отличие звуков 177, 301 и др., 470 (= звуковое // фонетическое отличие = различие звуков = звуковое // фонетическое различие)
- отмирание форм 218 (= вымирание форм = исчезновение форм)

относительная хронология 180–195, 500, 506, 508, 509
отношение между субъектом и предикатом 37
– определяемого к определению 37
отражение 193, 198 (= рефлекс = результат развития звука)
отсутствие гармонии гласных 50
– палатализации 75
– признака 173, 293, 360
оттенок 11, 34, 66, 226
– звука 321
– значения 44, 221, 226
– произношения 56, 502
– тембра и окраски 327
оттяжка ударения 94
отчетливое восприятие 82
отчетливое произношение 22, 83, 260
– разграничение слов 27
– удлинение 266
отчетливость этимологического членения 27
отыменное основообразование 73 и др. (= деноминативное основообразование)
оформление звукового отличия 17
оценка 223
ошибка 17, 165, 201, 350, 472
ощущение стиха 362

Падеж 39, 40, 57, 70–73 и др., 160, 210–218, 271 и др., 328 и др., 411, 416, 511 (см. также генитив, аккумулятив, номинатив, эргатив, датив)
падение редуцированных 148 и др., 357, 506, 507, 509
– предупредительных узких 299
палатализация 75, 79, 82, 85, 87, 181 и др., 204, 227 и др., 290, 424, 438, 440 и др., 454 и др., 465 и др. (= смягчение)
палатальный согласный 12, 20, 21, 272 и др., 450, 462, 478
памятники письменности 47, 147, 170, 196, 219 и др., 414, 512
память 26
пара слов 298
парадигма 66, 72, 78, 79 и др., 342, 516
парадигматическая форма 80
– функция // употребление 100, 101
парадигматический ряд 92
парадигматическое употребление 100
акцентное передвижение // передвижение ударения 94
формообразование 67, 90, 91, 97, 98 (= словоизменение)
параллелизм 66, 207, 382
параллель 251, 346, 444 (= сближение)

параллельное развитие языков 497, 506
параллельные ряды звуков 339
парные звонкие согласные 13
партиципные формы 67 (= причастные формы)
"партнер" фонемы 177, 178
пассивная категория 287 (ср. активная категория)
пассивная форма глагола 67 (ср. активная форма)
пассивный член соотношения 289 (= немаркированный = беспризнаковый)
пауза 28, 38, 64, 81, 362 и др.
пациенс 238, 324, 336, 341 и др. (см. также объект действия)
пение 357
первый слог 16, 25–28, 60, 65, 66, 281, 351
перевод 29, 66, 359
переводчик 506
передача звуков 24, 170, 200, 201, 205, 253, 283 и др. (см. также графическое изображение)
– фонем на письме 11–14 (= графическое изображение)
– чужих звуков 170
передвижение ударения 89–96 (= акцентное передвижение)
передневелярный согласный 253, 272 и др., 308, 339, 470 (= переднедорсальный с.)
переднедорсальный согласный 286 и др. (= передневелярный с.)
переднебный согласный 185 и др.
переднеязычный согласный 472
передний гласный 294, 441
– сибилантный ряд 286
перекрещивание волн 508
переменное число слогов 357
перемещение ударения 91
перенос признаков 462, 472
– ударения 17, 27, 356 (= акцентное передвижение)
переписчик, переписывание 192–193, 350
перестановка компонентов морфемы 88
перестройка склонения 225
перетяжка ударения 131, 251, 435, 471
переход звуков 13, 83–86, 148 и др., 173 и др., 207, 208 (= звуковой переход = звуковое изменение = изменение звуков)
переход от одного способа реализации к другому 33
переходная зона // область 33–35, 192
переходные говоры 47, 146, 498
переходный глагол 39, 41–43, 52, 54,

- 68, 70, 333, 341, 417
 "перечисление" 38
 период изменения звукового строя 146
 периодизация праязыковой истории 505
 периферийное положение языка 215
 периферия слова 136
 перфект 332
 перфективная основа 341
 песенно-музыкальный фольклор 517
 песенный жанр 402, 403
 песня 371, 391–406, 517
 писец 165, 172, 192, 193, 196
 письменность 47, 144, 148, 170, 172, 193, 371, 418, 516 (см. графика, орфография, алфавит, транскрипция, транслитерация)
 письменный текст 144, 414
 письменный язык 193, 496
 письмо 172, 284, 292, 516 (= письменность)
 плавный согласный 20, 21, 24, 28, 199 и др., 249, 285, 325, 417, 448, 462
 плач 391
 племенной язык 415
 повествование 350, 368
 повторение музыкальной фразы 383
 повторяемость компонентов морфемы 88
 поглощение кратких безударных гласных 104
 пограничная зона // область 157, 498 (= переходная зона // область)
 пограничные говоры 146
 подветвь языковой семьи 497
 "подвижное" ударение 95, 357
 подговор 497
 подлежащее 52, 54, 413, 417 (= субъект)
 подлинник 355
 подражание 364
 подразделение на классы 340
 подробная транскрипция 12, 293
 подчеркивание важного слова 386
 подчиненное предложение 38
 позиционная корреляция 213
 позиционный 152, 439 и др., 449
 позиция 12, 13, 19, 31–33, 38, 41, 43, 60, 63–65, 71, 78, 199 и др., 240, 285 и др., 420, 445, 462, 466 и др.
 – в корне 60
 – в предложении 71
 – в системе 178
 – минимального различия 19
 – морфемы 109
 – различия 13
 – фонемы в системе 178
 – фонемы в слове 420
 показатель 273, 326
 полевое описание 496
 полидиалектная реконструкция 180
 полидиалектный метод 508
 политоническое ударение 357, 494
 политонические языки 410
 полная вокалическая форма 106
 полногласие 152
 полнозвучность 14
 положение в слове 58
 полугласный звук 21, 285
 полусмягченное произношение 65
 "полуспирант" 249
 полустрофа 372
 понимание 15, 16, 19, 23, 46, 143, 508
 понятийное поле 514
 порядок наступления изменений 508
 посессив 42, 43
 посиделки 389
 последний слог 17, 27, 28
 – согласный корня 79, 81
 последовательность звуков 24
 – звуковых изменений 194
 – тактов 353
 последующая морфема 108, 109, 111
 послелог 42, 271
 постепенный переход 33–35
 постоянное ударение 27
 – число слогов в стихе 356
 – число ударений 357
 постоянные звуковые соответствия 29, 234
 постпозиция 41
 пострадикальный элемент 324 и др.
 потомок 503 (см. также ветвь, рефлекс)
 поэзия 351, 359 и др., 378, 517, 518
 поэтический стиль 97
 появление отклонений 98
 правила 19, 34, 193, 299
 "правильная" форма 86
 правильный размер 364 и др.
 прадиалект 509
 праистория 512
 "пранарод" 48, 49, 57, 58
 "прараса" 58
 прародина 416, 501
 праязык 44–48, 55, 56, 143, 209, 338, 495, 497, 501, 503, 505, 508–510, 518
 проверб 324 и др.
 превращение диалекта в язык 507
 превращения звуков 175, 253
 предание 346
 предикат 37, 38 (= сказуемое)
 предикатив 70
 предикативная синтагма 38–41
 – форма 67
 – функция // употребление 42, 327 и др.
 предлог 76, 77, 81, 212

- предложение 52
предок (= язык-предок) 44, 46, 48, 512
предотвращение скопления согласных 111
предписания (по произношению звуков) 19
предпоследний слог 27, 197
предударный слог 104, 299
предшествующая морфема 108–111
предшествующий // предыдущий слог 13, 65, 152
презенс (= презентные формы) 68, 69, 326 и др. (см. также время)
преломление 152
преобразование редуцированных 158
препалатальный согласный 245 и др.
преподавание языка 15
препозиция 41
препятствие для произношения 22
перерадикальный элемент 324 (= префикс)
преруптивный согласный 462
претерит 341
претеритные формы 69
префикс // префиксальная морфема 41, 51, 58, 75–77, 80–85, 87, 90, 95, 96, 103, 109–111, 113, 134–138, 140, 234, 324 и др., 341, 417, 454
префиксальный шов 78, 84
префиксация 234, 336, 340 и др., 418
прибавление аффикса 41
– строевых элементов 66
привативное противопоставление 360
придыхание 177, 260 и др.
придыхательный согласный 17, 19, 235 и др., 261 и др., 339
приемлемость 18, 21 (= допустимость)
признак корреляции 12, 408
признаки языка 49
признаковый член корреляции 12, 408 (= активный = маркированный)
прикладная типология 408
прилагательное 68, 71, 74, 75, 217, 219, 223 и др., 235, 326 и др., 413, 513
принципы орфографии 11
приобретенное родство 415, 501 (= аллогенетическое р.)
присоединение суффиксов и флексий 87
приспособление неударяемых гласных к ударяемым 50
– языка к языку 46
приставка 74
присутствие признака 360
причастие 67, 68 и др., 220, 225, 327 и др., 417 (= причастная форма)
причастная форма 67, 78 и др. (= причастие)
причины изменений 191, 217
причитание 389
провинциализм 46, 84, 99
”прогресс” 411
прогрессивная ассимиляция // уподобление 207
– обусловленность 81, 423
прогрессивное изменение фонемы 81, 87
– смещение // сдвиг 383, 388, 434
прогрессивный звуковой закон 65
продление гласной 197
продуктивная альтернация // чередование 97, 119–128 (= живое чередование)
продуктивное акцентное передвижение 94
– морфонологическое явление 124, 139
продуктивные типы передвижения ударения 95 (= п.акцентное передвижение)
продуктивный суффикс 86, 225 (= живой с.)
– тип основообразования 139
– тип склонения 115, 140
– словоизменения 139
– спряжения 117
– формообразования 139
проза 362
прозаическая акцентуация 356
– контекст 356
– текст 350
”прозрачность” языка 78
производное/производящее слово 74, 419, 424
произвольное распределение ударений 364, 365
произношение 15–25, 28, 31, 32, 35, 56, 83, 154, 169, 196, 200 и др., 260 и др., 284, 364, 365, 424, 503
происхождение 37, 45, 153, 330 и др., 414–416, 434, 466 и др.
– языка // языков 47, 233, 497
– языковых особенностей 193
проклитика 216, 274
промежуток между обязательно-ударяемыми слогами 361
промежуточные говоры 416 (= переходные говоры)
промежуточный звук // произношение // реализация 33, 175, 200
прообраз 61
прописная буква 75
просодическая система // структура 15, 357
просодические условия 462
просодический признак 294

- тип слова 447
- просодическое противопоставление 14
- различие слогов 357
- просодия 409, 518
- простой гласный 25, 26
- простой глухой согласный 279
- просторечная форма 95
- просторечное произношение 97
- пространственно-временной континуум 426
- пространственно-хронологическая модель 425
- протеза // протетический звук 162–164, 209
- противопоставление 63, 65, 173 и др., 212 и др., 271 и др., 426, 446–473, 511
- противоречия в языке 426
- прототип 49
- протяженность морфемы 78
- процентные соотношения в тексте 66
- прояснение еров 434
- прямое дополнение 38, 39, 42, 43, 52, 336, 412, 413
- психолингвистический анализ текста 338
- Равнозначность ударения и количества 16
- равностопный метр 352
- радиус действия языка 18
- ”радужная” переходность 499
- сеть 498
- звенья 498
- разветвление родословного древа 145
- развитая морфология 415 (см. также богатство системы склонения)
- развитие звука 56, 252 и др., 449
- противопоставлений 57
- системы согласных 339
- фонетики 153 (= эволюция фонетики)
- языка 46–48, 143, 144, 323, 409, 414, 415, 506, 507, 509 (= эволюция языка)
- разговор 20
- разговорная речь // язык 73, 77, 91, 111, 192, 222, 423
- разграничение слов 27
- разделение морфем в слове 13
- раздельное написание 209
- различение 19, 38, 57, 343
- звуков 19
- значений 111
- слов 17
- тонов 38
- различие между диалектами 148
- – языками 215, 271
- различительное средство 299 и др.
- различия 17, 19–21, 412, 511
- звуков 266
- в интонации 212
- в языковой структуре 60
- разложение слова на морфемы 79, 80
- размещение ударений 357
- разнообразие парадигм 66
- разнотипные стихи 381
- разрешение противоречий 426
- разрушительная фонетическая эволюция 168
- разрыв языков 508
- ранг единицы 516
- распад // разрушение склонения 212–214
- языкового единства // общности 143 и сл., 195, 425 (= распад языка)
- распад // распадение мелодемы 355
- языка 428 и др., 503, 507, 509 (см. также дивергенция)
- распознавание 20, 21
- расположение слов в предложении 37
- распределение альтернатив в словоформе 136
- дублетных форм 216
- звуков 152
- рефлексов 177
- рифм 379
- ступеней чередования 109
- тематических гласных 325
- фонем 420
- фонетических вариантов 111, 112, 116
- распространение диалектных особенностей 146
- звуковых особенностей 158
- звуковых различий 33, 35
- изменения 153, 184
- корреляции 175
- типа склонения 224
- фонетических различий 33
- фонемы 410
- фонологических явлений 36, 410
- распространенность 49
- расселение народов 500
- расстояние между ударениями 377
- растягивание ударяемого гласного 353
- растяжение слога на две мелодемы 355
- расширитель 225, 274
- рациональная агглютинация 59
- схема // распределение 93, 94
- рациональность грамматического строя 66
- реализация звука 286
- признака 75 и др.
- фонемы 64, 65
- фонологического состава в речи 11
- региональная группа 425

- "регресс" 411
 регрессивная ассимиляция 207
 – обусловленность 81
 – ориентация фонологии 65
 регрессивное варьирование 87
 регрессивный звуковой закон 65, 383–385, 423
 – сдвиг 185
 регулярное соответствие 149, 461
 регулярность 497
 регулярные фонетические соответствия 61, 234
 редукция 152, 213, 294, 459
 редупликация 88, 343, 419, 457
 редуцированный гласный 75, 89, 150, 151 и сл., 358
 резонансные противопоставления 14
 резонатор 290
 резонаторный признак 294
 результат вторичного чередования 206
 – исчезновения гласного 111 (= беглый гласный)
 – развития языка 323
 – формообразовательного акта 73
 реконструкционная схема 427
 реконструкция 55, 61, 144, 180 и др., 292, 341, 350, 351, 416, 440 и др., 464, 473, 495, 500, 501, 508 (см. также компаративистская процедура)
 "рекурсивный" согласный 235
 релевантная разница 169
 релевантность 75, 112
 репертуар международного вспомогательного языка 22
 – частушек 378
 ретроспективное рассмотрение языка 53
 референтность 413
 рефлекс 177, 180–182 и др., 202 и др., 238 и др., 426, 440 и др., 462 (= отражение)
 рефлексация 242
 рефлексивность 70
 реформа версификации // метрики 357
 "реформированный" алфавит 153
 речевое мышление 66
 речевые органы 249 и др. (= артикуляционные органы)
 речь 11, 360
 ритм 350, 352, 517
 ритмико-мелодическая особенность стиха 351
 ритмическая выдержанность 354
 – величина // единица 361, 374
 – инерция 363, 386
 – комбинация 387
 – неустойчивость 354
 – схема 372, 406
 ритмические факторы 77
 ритмический закон 217
 – тип 354
 ритмическое впечатление // эффект 364, 365, 387
 – равновесие 353
 – расчленение мысли 388
 – чутье 363
 ритмичность 365
 рифма 378
 рифмовка 387
 род 40, 57, 68–73 и др., 213 и др., 224 и др., 238, 243, 273 и др., 324 и др., 340, 411, 412, 417, 502, 511
 родной язык 16, 17, 19, 22, 26, 27, 44, 170
 родословное древо 145, 494, 507
 родственные связи 61
 – формы 163
 родство языков 45, 60–62, 233, 415–418, 497, 498, 512 (= языковое родство)
 ругательство 111, 221 и др. (= непристойные слова; см. также табу)
 рудиментарные элементы 45, 271, 358
 рукопись 147, 165
 русификация 91, 368
 ряды согласных 56, 255, 286, 450, 502
 – соответствий 440, 449
- Самосознание 507
 самостоятельная фонема 175, 181, 200
 самостоятельное слово 27, 51
 сандхи 163
 сближение 233, 287, 451, 455 и др., 508
 – языков 46
 сверхдолгий согласный 263
 сверхкраткий гласный 149
 светлая тембровая окраска 272 и др.
 светлый гласный 96
 свистящий согласный 235, 457, 466 (= сибиллянт)
 свободная взаимозамена 111
 свободное варьирование // изменение // чередование 51, 54, 80, 88–134, 310, 424, 469
 – звуковое различие 32
 – использование коррелятивных противопоставлений 66
 – количество 155
 – словосложение 76
 – ударение // место ударения 27, 155, 340
 свободный выбор 66
 "свободный" метр 362

- связка 328
связная речь 64
связующая морфема 115
связывание группы букв 12
связь между соседними языками 47
(= соприкосновение языков)
сдвиг диалектных границ 146
– слоговой границы 185, 433
– согласных 177
– стиховых границ 382 и др.
– ударений 382, 494
сегментная единица 422
"седиль" 284
семантика 74, 223, 413, 457, 513, 514
семантическая категория 223 и др., 280
семантические изменения 61
семантический принцип орфографии 11
семиотика 492
семейство // семья языков 29, 44, 46,
414, 415, 494
сепаративистская тенденция развития
160
середина корня 60
– слова 19, 65, 189 (= инлаут)
– слога 191
"сетевидное" членение языкового се-
мейства 47, 415, 418, 501
сибилянт 272, 286 и др. (= свистящий
согласный)
сигнализация о начале слова 16
сила звука 260 и сл. (= интенсивность)
/слабость 441
силлабический стих 356, 357, 364, 517
сильное экспираторное ударение 161
"сильные" формы прилагательного 41
сильный вариант морфемы 89–91
– гласный 60, 89
– согласный (fortis) 19, 260, 272 и др.,
289, 438, 439 и др., 450 и др., 462,
469 (= напряженный согласный)
символизация фонем буквами 12
(= графическое изображение)
симметрическая схема 351
симметрия системы согласных 339
синкретизм 217
синонимия 419
синтагма 38–43
синтагматическая система 38
синтагматическое отношение 37, 38
синтаксис 46, 212, 214, 234, 497
синтаксическая позиция 43
– структура 233, 415, 512
синтаксически автономные слова 76
синтаксический строй 29
синтаксическое отношение 412
синтетическая карта 34
синхронистическая таблица 509
синхрония 37, 52, 120, 210, 495, 496,
513
система 13, 22, 41, 71 и др., 200 и др.,
210 и др., 235, 249 и др., 283 и др.,
339, 408, 415, 426, 437, 496, 510,
516
система соответствий 415, 496
– транскрипционных знаков 13
– фонем 22, 200, 249 и др., 283 и др.,
339 (= фонологическая с.)
системная организация лексики 514
– анализ 512
– подход 513
сказка 391
сказуемое 335 (= предикат)
склонение 72, 97, 103, 104, 160, 196,
210–218, 271 и др., 342, 412, 419,
511, 512 (= именовое словоизмене-
ние)
скобки 13
скопление согласных 64 (см. также
консонантный комплекс)
скорость распространения звуковых
явлений 198
скрещение волн 436
слабая доля в пении 357
"слабая" мелодия 354
слабые еры 196–198
слабые формы прилагательного 41
слабый вариант морфемы 89–91
– гласный 50, 89, 150
– согласный (lenis) 17, 19, 240, 259 и
др., 272 и др., 289, 439 и др., 448 и
др., 469 (= ненапряженный с.)
следы действия звука 198
следы склонения 212
словарное заимствование 46
– сопоставление 271 и др., 437
словарные элементы 45–49, 52
словарный запас // состав // фонд 35,
143, 281, 514, 515
словарь 387, 411, 493, 495, 503, 510,
517
словесная пауза 28
словесное ударение 356
словесный текст 371
слово 75–77, 271 и др.
– детского языка 227
слово-морфема 75, 76, 81
словоизменение 67 и др. (= парадигма-
тическое формообразование)
словоизменительная категория 67 и др.
– форма 72
словоизменительный тип 72 и др.
– формант 79
словообразование 27, 271, 417, 513
словообразовательная схема 79
– средство 513
словораздел 478

- словоразличение 357
словоразличительная сила // функция 17, 19
словоразличительное расхождение 26
словоразличительный тон 16
– элемент 18
словосложение 76, 271, 417
словоформа 416, 417
слог 13, 16, 17, 19, 25–28, 32, 77 и др., 199 и др., 325, 360–370, 372–390, 507
слоговая граница 185, 409, 433
– мелодика // мелодия 16, 434
– структура слова 426
слоговой счет 401
сложение префикса с корнем 51
сложное склонение 196, 220
сложное слово 417
слушатель // слушающий 16, 261, 364, 365
слушающий 16
смешанное основообразование 99, 107, 126
смешанный язык 499
смешение букв 148, 176
– вариантов фонем 208
– звуков 17, 22, 250 и др.
– форм 190, 213, 336
– языков 415, 497, 499, 503
смещение приступа 382, 383
– стихораздела 382
смыкание гортани 235, 272 и др., 287, 453
смысл 13, 221, 224, 293, 386, 388
смысл звуковых изменений 168
смысловая категория 221 (= семантическая к.)
– оппозиция 42, 412 (= семантическая о.)
– связь 388
– функция 111
смысловое различие 38
– содержание 58
смысловой контраст 386
смыслоразличение 65, 284
смыслоразличительная функция 33
смыслоразличительное противопоставление 297
– средство 285, 340
смыслоразличительный фактор 293
смычка 173–179, 195, 199 и др., 289 и др.
смычно-гортанный согласный 280 и др., 287 и др., 410, 419, 439 и др., 448, 462, 468 и др.
смычный согласный 18, 19, 21, 28, 173–179, 182 и др., 200 и др., 264 и др., 287 и др., 339, 408, 462, 467 и др., 500
смягчение 65, 103, 104, 112, 115, 119, 186 (= палатализация)
снятие корреляции // противопоставления 213, 217
собственное имя 414
собственный тон (согласных) 289 и др., 468 и др.
совершенство языка 58
совместное осуществление звуковых изменений 167
совпадающие изолинии 34
совпадение вершины гласного с имплозией согласного 289
– границ языковых явлений 429
– звуков 173, 208, 429 и др.
– значений // функций 49
– рефлексов 184
– форм 39, 40, 212–214, 217
совпадения в области культурной лексики 29
согласный звук 12–14, 17–19, 22–26, 28, 31, 50–52, 54–57, 60, 61, 64–66, 77–79, 81–88, 112–142, 233–246, 324 и др., 329 и др., 417, 438–449, 445–473, 503 (см. также консонантизм, консонантный)
согласование 238, 335, 348
содержание 58, 352
содержательная интерпретация формального аппарата 501
соединение морфем 77, 81
– основы с окончанием 76
– стихов 376
соединительная морфема 76, 79, 87, 88
созвучие слов 366
создание искусственных языков 15–28, 58
сознание говорящего 200, 208
сокращение долгот 428
– долгих гласных 13, 161
– – согласных 184 и др.
сокращение мелодемы 353
– окончания 217
сонорный // сонант 60, 64, 81, 249, 285 и др., 408, 409, 465, 501
соответствие звуков 169, 365, 462
– значений 364
– между языками 48, 52, 415, 416, 501
– метра и ритма 355
– перевода оригиналу 366
соотнесенность глагола 341
соотношение 289
сопоставительное лингвистическое исследование 37
сопоставление 37, 233, 408, 450
– мифов 348
соприкосновение языков 148, 494, 497,

- 503
- сопряжение языков 515
- соседнее языковое семейство 53, 54, 56, 57
- соседние слова 38
- языки и диалекты 504
- соседствующие языки и диалекты 36, 53, 415, 497
- составная часть корня 109, 325
- звукового сочетания 21
- состояние языка 194, 201
- существование вариантов 171
- фонетических реализаций 33
- сохранение аллитераций при переводе 365
- сохранение долгот 161
- звука 198, 431 и др., 469 и др.
- интонации 213
- падежных различий 214–217
- различия 57
- фонемы 84
- социальная школа 509
- социативная синтагма 38
- социум 499
- сочетание букв 172
- звуков 21–24, 170, 180 и др., 196, 472 и др. (= звукосочетание = звуковое сочетание)
- основы и аффикса 40
- слов 40, 401
- согласных 23, 24, 26, 28, 83, 85, 176, 457 (= консонантное сочетание // комплекс)
- фонем 33, 78, 221, 409, 465 и др. (= фонемосочетание)
- фонологических признаков 286
- союз 76, 77
- союз языковых семейств 494, 497
- союзная языковая близость 498
- специальная форма 40, 42
- специальные термины 29
- спинка языка 261
- спирант 20, 21, 28, 65, 172 и др., 183 и др., 199 и др., 235 и др., 249, 253, 272 и др., 286 и др., 339, 408, 438, 439 и др., 448, 462, 468
- спирантизация 183, 255, 280
- спирантная часть аффрикаты 264, 298 и др.
- спорадическое изменение 244 и др., 268, 448
- нарушение 139
- способ артикуляции 55, 266, 269, 286 и др.
- образования слова 220
- способы выражения 40, 413
- спряжение 98 и др., 220, 271 и др., 325 и др., 341, 411, 419
- сравнение культур 346
- языков 338, 499
- сравнительная грамматика 37, 62, 210, 233, 281, 338, 492, 495–497
- диалектология 144
- лексикология 495
- метрика 517, 518
- морфология 234
- фонетика 158, 234, 247, 269, 313, 495, 497, 500
- фонология 13
- сравнительно-историческая грамматика 493, 497
- фонетика 495, 500
- анализ 496
- сравнительно-историческое языковедение // языкознание 437, 493, 496, 500, 501
- сравнительное изучение неродственных языков 37
- сравнительное изучение фольклора 346
- стиховедение 517
- фонологическо-географическое описание 36
- языковедение // языкознание 47, 60, 493, 498, 499, 501, 502, 515
- сравнительный метод 47, 60, 61
- синтаксис 234
- словарь 497
- средиземноморский языковой строй 54
- среднефарингальный ряд (согласных) 465 и др.
- средний подъем 158
- средний сибилантный ряд 287, 465
- ”средний” согласный 287
- средний тон 16, 38
- ”средняя” мелодия 353
- фонетическая реализация 33
- средство выражения 70
- различия 134
- формообразования 66
- стабилизация метрики 356
- стадия развития стиха 356
- языка 56
- статистика использования // употребления 11, 66, 302, 364, 421
- статистико-географический метод 378
- статистическая распространенность 408
- статистические методы 517
- степень открытости гласных 50
- палатализации 187
- сохранности склонения 215
- языкового родства 60
- стилистика 387
- стилистическая окраска 515 (= с. нюанс // оттенок)
- стилистический вариант 77, 171, 515
- нюанс // оттенок 110, 219, 222, 515

(= с.окраска)
стиль 97, 350, 352
стих 350–352, 371, 517
стиховая граница 382
– культура 365
– размер 404
стиховедение 517
стихосложение 352, 360, 371 и др.
стихотворение 350, 351, 359
стихотворный размер 359
– текст 355, 372
столкновение шумных 81
стопа 361
страдательная форма 67
строевые элементы 66
строй языка 49, 338
строка 350, 351, 478
строфа 350
строфическая схема 388
структура 233
– звуковой системы 168
– корня 417
– предложения 412
– слова 412, 416, 513
– слога 190, 418
структурализм 512, 516
структуральная лингвистика 360
– морфология 210, 411, 511 (= структурная м.)
структуральный принцип 210
структурная диалектология 410
структурное определение языкового родства 44
– правило 179
структурные признаки // черты // особенности 44, 50–53
структурные типы морфем 77, 78
структурный взгляд на язык 210
ступень аблаута 61
– чередования 109
стык компонентов сложного слова 78
– гласных 161, 196, 216
стяжение мелодемы 355, 372
стяженное образование // форма 196, 216
субстантив 42
субстрат 178
субъект 37–39, 42, 73, 413 (= подлежащее)
субъект эволюции 506
субъективно-фонетическая трактовка 268
– – звукопредставление 261
– – языковое сознание 261
субъективное восприятие 165, 201
– ощущение 199
– сознание говорящего 207, 208
сужение гласного 152, 429 и др.

супплетивная форма 442
супраглоттальная экспирация 248, 264, 272 и др., 448 и др.
супраглоттальный согласный 287
супрядки 389
суффикс // суффиксальная морфема 41, 43, 49, 58, 75–80, 83–85 и др., 197, 223 и др., 326 и др., 417, 418, 424, 502
суффиксальный шов 78, 84
суффиксация 41, 80, 340
существительное 37–42, 57, 72, 74 и др., 275 и др., 340 и др., 417
сфера встречаемости 78
– действия морфонологических явлений 165, 422
– применения 220
– распространения 165, 220
– чередования 99, 222
схема стиха 371
сходство звуков 253, 266
– языков 53, 233, 503, 512
схождение языков 501

Таблица согласных 248
табу 92, 97, 111, 222, 416
такт 353, 372 и др.
твердые согласные 56, 63, 65, 204 и др., 424, 439, 454
текст 66, 192, 201, 350, 371, 478, 517
телеологический характер фонетической эволюции 168, 509, 510
тематический гласный 325
тембр 14, 82, 187, 339, 440, 456 и др.
тембровая альтернатива 113
– диссимилиация 157
– корреляция 64, 65
– нейтрализация 112
– окраска 96, 272 и др.
тембровое противопоставление // различие 14, 112
темный гласный 96
темный собственный тон 289 и др.
темп распространения звуковых изменений 166, 195, 507
тенденция развития языка 55, 159, 215, 426
– к обобщению 124
– к устранению назализации 203
теория волн 53, 145, 436, 494
– древа 507
– стихопроизнесения 360
– субстрата 36
территориальная отделенность диалекта 184
территориально близкие языки и диалекты 211, 511
территория 36, 148 и др., 211, 508

- распространения фонетического различия 33
- техническое совершенство языка 58
- тип акцентуации 96
  - концовки 361
  - материальной культуры 49
  - морфемы 422
  - основы 222
  - склонения 213, 224, 225 и др., 342
  - спряжения 70 др., 325, 341
  - языка 39, 49, 338
- типологическая интерпретация // обоснование реконструкции 496
  - классификация языков 511
  - эволюция языка 44
- типологическое родство 61
  - сравнение // сопоставление 61, 211, 494
- типология 408, 409, 412, 413, 492, 494, 496, 499–502, 511–514, 516
- тон 16, 26, 38, 289 и др., 492, 494, 496, 499
- ”тонкий” согласный 287
- тоновые различия 26
- топонимы 176, 416
- точка 235, 272, 292
- точная транскрипция 11, 293
- точная хронология 148
- традиционная акцентуация 356
  - орфография 172
- традиционное произношение 144, 172
- традиционный текст 350
- традиционный эпитет 367
- традиция 12
- трактовка нейтрализации в языковом сознании 82
  - редуцированных 149
- транскрипционная система 12, 283
- транскрипция 11–14, 75, 235, 248 и др., 272, 283 и др., 421, 437, 438, 472, 478
- транслитерация 173
- транслокация ударений 356
- трение воздуха 172, 235, 259
- третья палатализация 174, 181
- треугольник гласных 96
- трехконсонантный корень 61
- трехсложная морфема 78
- триоль 362, 363
- троп 388
- трудности (при изучении и усвоении чужого языка) 15, 16, 18, 20, 22, 26–28
- тяжелый согласный 14, 408
- Увулярный согласный 261, 460, 467 и др.
- ударение 16, 17, 27, 38, 89–96, 115, 134–136, 299, 340, 351, 371 и др., 424, 494, 518
- ударное окончание 115
- ударный гласный 16, 17, 50, 75
  - слог 351, 360 и др.
- удвоение букв 235, 272, 317
  - корня 56
  - согласных 23, 24 (= геминация)
- удлинение гласного 17, 459
- удлинение мелодемы 354
- узкий гласный 20, 25, 272 и др., 285 и др.
- узнавание 19
- узус 423
- умеренно-флектирующий строй 58
- умирание форм 220, 222 (= вымирание ф. = исчезновение ф.)
- универсалии 412
- унификация склонения 24 (см. также единообразие)
- унифицированная транскрипция 272
- уничтожение существующей гармонии 168
- уподобление в ударении 96
  - звучания 65
- употребительность звуков 55
- употребление артикля 42
  - падежа 213, 214, 234
  - фонем 32
  - фонологических единиц 11
  - языка 15
- упразднение оппозиции 42
- упразднение различий 154, 155, 427
- упрощение согласных 25
- упрощенная транскрипция 272, 422
- уровни языка 497, 516
- усвоение произношения 15, 16
  - языка 46
- усечение 115, 130–134, 446
- усиление палатализации 193
  - слабого гласного 150
- условия функционирования признаков 293 и др.
- условное передвижение ударения 93
- устойчивое чередование 89
- устойчивый тип языкового строя 59
- устранение назализации 203
  - нерегулярности 510
  - оппозиции 42, 43
  - форм 190
  - чередований 190
- уточнение 41, 42
- утрата звука 500
- утрата различий 57, 153, 155, 336, 471
  - лабиализации 157, 450, 471
  - междугласного 197, 198
  - склонения 212–214
  - слабых гласных 150 и др.

- смычки 206
- фонологического признака 64
- утрирование деклинационного принципа 214, 215
- участие голоса 64, 81, 82
- участок формальной системы 215
- Факультативная замена 77**
  - палатализация 83
- факультативное варьирование 169**
  - выпадение гласных 299
- факультативные варианты 33, 172**
- факультативные дублиеты 111**
- фарингализация 443 и др., 454 и др., 467 и др., 473 и др.**
- фарингальный согласный 291 и др., 465**
- фигура 388**
- физиология 203, 243, 250**
- фиксация речи 11**
- фиксированное ударение 27**
- филология 114, 144, 371, 492, 494, 517**
- финитные формы 67**
- флексионная морфема (= флексия) 59, 75–79, 83, 86–90, 103 и др., 341, 416, 419, 423, 501**
- флексионный комплекс 76**
  - шов 78
- флективное склонение 211**
- флективность 58, 343, 416, 502**
- флирт 389**
- фокус 451**
- фольклор 346, 359, 493, 499, 516**
- фольклористика 493**
- фонема 11–13, 31–36, 61, 64–66, 78 и др., 169 и др., 200 и др., 268, 284 и др., 417, 419, 422**
- фонематичность 408**
- фонемная группа 175**
- фонемная пара 173, 174, 319**
- фонемное сочетание // комплекс 78, 79, 84**
  - чередование 422
- фонетика 11, 25, 234, 338 и др., 411, 420, 437, 457, 471, 495, 508, 510, 512, 517, 518**
- фонетическая единица 244 (= звуковая единица)**
  - позиция 19, 80, 81, 89, 203, 207, 299, 469 и др.
  - реализация 31, 33, 35, 82, 103, 171, 172, 178, 285, 295 (см. также произношение, артикуляция, звучание)
  - система 15, 18, 20, 21, 168, 201, 248 и др., 280, 441 (= звуковая система)
- фонетическая ситуация 87**
  - сторона звука 284
  - сторона языка 27
  - структура 28
- точка зрения 169, 228
- транскрипция // запись 11, 112, 235
- трансформация 518
- форма слова 79
- эволюция 168, 510
- фонетически длинные слова 26**
- фонетически закономерное окончание 216**
  - обусловленное противопоставление 65
  - палатализованный согласный 82
- фонетические средства 26, 27**
  - условия 200, 208
  - явления 33, 204, 285 и др., 409, 467
- фонетический аспект // подход 284**
  - вариант 34, 79, 110, 169, 202, 268, 285 и др.
  - закон 138, 204, 325
  - инвентарь 26
  - компонент слова 453
  - нуль 81
  - облик // вид 80, 90, 137, 176, 509, 515 (= звуковой облик)
  - переход 34, 169 (= звуковой переход)
  - признак 79
  - принцип орфографии 11
  - процесс 425, 426, 506, 508
  - путь возникновения форм 216
- фонетическое восприятие 170**
  - изменение 38, 178, 216, 252
  - качество 194
  - окружение 22, 75, 82, 87, 199, 208, 305
  - описание 272, 284
  - отношение 201, 203
  - правило 26, 83, 85
  - преобразование 500
  - противопоставление // различие 31–35, 169
  - развитие 426, 427, 518
  - совпадение 27, 422
  - соответствие 61, 200, 495, 497
  - сочетание 22
- фонограф 352**
- фонографная запись 371**
- фонологическая анкета 410**
  - география 409, 410
  - диалектология 35, 36
  - единица 11
  - значимость 13, 33, 63, 178, 268, 289
  - изоглосса 410
  - интерпретация 423
  - история 500
  - картотека 499, 513
  - категория 287
  - нейтрализация 65, 81, 82, 299
  - нейтральность 450
  - нерелевантность // несущественность

- 75, 112
- оппозиция 291, 467
- позиция 32, 33, 35, 65
- релевантность 75, 112
- роль // функция 33, 174, 269
- система 14, 31, 35, 63, 168, 169, 174, 179, 201, 284, 416, 420, 421, 499, 512, 513
- содержательность 60
- сторона звуковой системы 284
- структура 512
- структура морфемы 13, 422, 510
- типология 499, 500, 502, 511
- точка зрения 169, 177, 288, 467
- транскрипция 11–14, 75, 292 и др., 408, 422
- функция 499
- черта 494
- школа 168
- фонологически-статистические исследования 284
- фонологические области 35
  - особенности 321
  - принципы орфографии 11
  - свойства 13
  - явления 36, 315
- фонологический анализ – 499
  - аспект // подход 284
  - атлас 410
  - закон 293
  - инвентарь 35, 421
  - контекст 187
  - образ 200
  - признак 46, 50, 60, 64, 286
  - состав 11, 13 (= ф.инвентарь)
  - союз 410, 512
  - строй 66
  - уровень 422, 502
  - элемент 421
- фонологическое выражение 76
  - единообразие 66
  - изменение 178
  - истолкование 173
  - картографирование 410
  - отношение 313
  - "поле" 410
  - противопоставление 14, 34, 285 и др., 473
  - различие 31–35, 169, 295 и др.
    - по инвентарю 31
    - по функциям 31
  - свойство 13, 286
  - строение 11
- фонология 13, 28, 31, 34, 65, 66, 168, 284, 408, 410, 411, 420, 421, 492, 494, 495, 510, 511, 516, 517
  - слова 13
  - стиха 421
  - фразы 13, 421
- фонологическое географическое описание 36
- фонологическо-диалектологические исследования 36
- форма слова 40–42, 54, 67 и др., 211, 495
- формальная структура слова 513
  - система 215
  - функция 58
- формальное значение 41
- формальное отношение частей предложения 67
- "формальные" признаки языка 55
  - аппарат реконструкции 501
- формант 61, 70, 76, 79
- формантный комплекс 76
- формативный элемент 52
- формирование языков 506, 509
- формообразование 52, 66, 67–75 и др., 422
- формообразовательная категория 67
- формообразовательный акт 73
- фраза 28
- фразовая структура 233
- фразовое сандхи 163
  - ударение 13
- фрикативный согласный 249 и др., 448
  - шум 259, 272 и др.
- фрикция 243, 248
- функциональная нагрузка 11, 214
  - перегрузка 18
- функциональное исследование 513
  - подход 511
  - различие 31, 32
- функция 42, 49, 58, 72, 76, 216
  - словоразличения 357 (= словоразличительная ф.)
  - фонемы 35
- функция формы 220
  - языка 516
- футурология языка 502
- "Хамза" 235, 249, 272
- хорей 353, 361, 364, 387
- хронологическая связь 144, 509
- хронологический порядок 152
- хронологическое различие 436, 508
  - соотношение 197
- хронология 145, 171, 208, 427, 506–508
- художественная проза 77
- Цезура 351, 357, 404
- целенаправленный характер фонетической эволюции 168
- целенаправленное развитие 179, 509, 510
- целесообразно построенная фонологическая система 168
- целое слово 12

- целостно-функциональное понимание языкового развития 215
- центр распространения языкового семейства 55
- слова 136
- ”цепевидное” членение языкового семейства 47, 48, 415
- цепь языковых семейств 53, 54
- церебральный согласный 272, 454
- цикличность развития языка 419
- циркумфлекс 154, 155
- цоканье 177
- Части речи 67 и др.
- частица 76, 77, 273, 329
- частота употребления фонем 32
- чапушка 371–390, 517, 518
- часть предложения 67
- слова 75, 342
- чередование 13, 80 и др., 227, 245 и др., 341, 422, 510 (= альтернатива)
- гласного с нулем 102–112
- гласного с согласным 134
- гласных 51, 52, 89–112, 341
- морфем 80
- с дизъюнктивными альтернативами 96–102, 119–130
- согласного с нулем 130–134
- согласных 51, 52, 54, 81, 112–134
- ударных и неударных слогов 357, 360
- чередования с коррелирующими альтернативами 89–96, 112–119
- чередующийся вокализм 325
- четверостишие 388
- четный слог 372
- числительное 37, 38, 41, 72 и др., 274 и др., 326, 411, 415
- число 40, 68–73 и др., 212–218, 340 и др., 411, 412, 511
- повторяемых ритмических величин 361
- слогов в стихе // строке 351, 356
- ударений в стихе 357
- числовое значение букв 516
- чистый гласный 200
- член альтернативы 82
- член корреляции // соотношения 12, 65, 289 и др.
- парадигмы 78
- синтагмы // сочетания // группы 38–40
- сообщения 38
- членение комплекса 76
- слова 80
- текста 372
- языкового семейства 47
- члены предложения 67
- чуждая фонема 170
- чуждые звуки 16, 18–20
- чужой язык 15, 23, 28 (= иностранный язык)
- Шипящий согласный 227, 235 и др., 438, 439 и др., 450, 454 и др.
- широкий гласный 25, 172, 293
- широкощелевой фрикативный согласный 260
- школьная грамматика 77, 86, 117
- шум 272 и др.
- шумный согласный 61, 75, 81 и др., 173 и др., 182 и др., 248 и др., 285 и др., 339, 445 (ср. сонорный согласный)
- Щелевая артикуляция 174
- щелеобразование 259
- щель 235, 259, 289
- Эволюция фонемы 244
- фонетики 429
- языка 44, 48, 55, 149, 411, 502, 504, 506, 509, 510, 512
- эгоцентризм 502
- эквивалент 222, 227
- чуждой фонемы в родном языке 170
- эквивалентные формы 226
- экология 503
- экономное использование фонем 58
- эксклюзив 69, 273 и др., 330
- экспансия 507
- экспериментальная фонетика 518
- экспериментальное исследование 284
- экспираторное различие 304 и др.
- ударение 28, 63, 155, 156, 340, 357, 518
- экспирация 63, 248, 269, 357, 448
- эксплозия 36, 248
- эксплицитное обозначение 293
- экспрессивная палатализация 227
- экспрессивное слово 175
- экспрессивный корень 461
- элементы языка 52, 60, 61
- элиминация чередования 125
- эмоциональный контраст 386
- эмфаза 273
- эмфатическая палатализация 290 и др., 454, 465 и др.
- эмфатический ларингал 287 и др., 453 и др.
- ”эмфатический” согласный 55, 56
- эмфатический фарингал 294
- энклитика 87, 271 и др., 329, 330, 478, 517
- эпентетический звук 190
- эпиглоттализация 287
- эпиграмма 389
- эпитет 367, 368
- эпическая метрика 357
- песня 359

- традиция 356
- эпический размер // стих 364, 365
- эпос 363
- эргатив 39, 40, 42, 336, 413, 417
- эргативная конструкция 54, 57, 413, 417, 419, 502
- эргативный язык 417
- эрзац сочетания звуков 23
- эстетическая функция метра 363
- этикет 389
- этимологизация 447
- ”этимологическая” графика 200
  - связь 81, 114, 330 (см. также генетическая связь)
- этимологически родственные слова 120
- этимологический акцент // ударение 356
  - анализ 200
  - принцип орфографии 11
- этимологическое звуковое различие 31–35
  - распределение 31
  - членение 27
- этимология 417, 424, 457, 500
- этническая группа 346
  - культурология 498
- этническое смещение 145
- этнография 346, 420, 493, 496, 499, 504, 516, 517
- этнолингвистика 513
- этнология 48, 416, 496, 501
- этнонимы 495
- этнопсихология 420
- Юмор** 389
- Ядро музыкальной фразы** 353 и др.
- язык** 506–509
  - былины 356
  - как орган речи 235, 259, 290
  - -потомок 323
  - и речь 360, 361
  - эмигрантов 95
  - художественной прозы 77
- языки мира** 13, 19–24, 36, 414
- языковая близость** 498
  - география 409
  - группа 29, 30, 211, 233, 247, 272, 426, 500
  - группировка 512
  - единица 497
  - зона 497, 499
  - интерференция 499
  - область 146, 159 и др., 185 и др.
  - общность 143 и др., 194, 234, 497, 506
  - связь 504
  - семья 29, 35, 44, 60, 234, 338, 418, 492, 494, 496, 497, 501, 509, 512
  - система 13, 411
  - ситуация 499
- способность 15
- среда 55
- структура 60, 338, 492
- территория 35
- функция звука 169
- языковое единство** 46, 143, 417, 418
  - изменение 508
  - общение 17
  - поле 514
  - противопоставление 360, 361
  - развитие 26, 215, 502, 510
  - родство 44, 60–62, 238 и сл., 415, 501
  - семейство 45–48, 53–57, 512
  - сознание 16, 33, 34, 78, 81–83, 88, 89, 92, 114, 119, 174, 200, 201, 207, 261, 285 и др.
  - состояние 292
  - сравнение 61
  - целое 166
  - чувство 122
  - чутье // интуиция 308
- языковой континуум** 506, 507
  - ландшафт 498, 499
  - материал 210
  - навык 16
  - процесс 506, 507, 510
  - ранг // уровень 516
  - распад 506
  - регион 492
  - союз 29, 30, 53, 409, 492, 494, 497–499, 512
  - строй // тип 45, 57–59, 233
  - тип 511
  - уровень 516
- языковые границы** 36
  - контакты 492
  - особенности 146 и др.
  - элементы 46
- яканье** 429 и др.
- ямб** 361, 382
- языкознание** 492–516
- ach-laut 301
- Auslautgesetz 49 (= законы конца слова)
- fortis 170 (= сильный согласный)
- high-wide vowel 158
- ich-laut 301
- language 360
- langue 360
- lenis 170 (= ненапряженный)
- media 170, 287, 339, 473
- mid-back vowel 158
- mid-front 158
- pluralia tanta 72
- singularia tanta 72
- speech 360 (= речь)
- Sprachgebilde 360
- Sprachhandlung 360
- tenuis 170, 272, 288, 339, 471 (= напряженный)

От редакторов	7
-------------------------	---

Раздел I

ОБЩЕЕ, ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ И СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Принципы фонологической транскрипции. <i>Перевод с французского и примечания В. А. Виноградова</i>	11
Как следует создавать фонетическую систему искусственного международного вспомогательного языка? <i>Перевод с немецкого Н. А. Кондрашова. Примечания Вяч. Вс. Иванова</i>	15
Установление и разграничение специальных терминов. <i>Перевод с французского В. А. Виноградова</i>	29
Фонология и лингвистическая география. <i>Перевод с немецкого и примечания Н. Л. Сухачева</i>	31
Отношение между определяемым, определением и определенностью. <i>Перевод с французского Н. Л. Сухачева. Примечания Н. Л. Сухачева и Я. Г. Тестельца</i>	37
Мысли об индоевропейской проблеме. <i>Перепечатка из журнала "Вопросы языкознания". Примечания Вяч. Вс. Иванова</i>	44
Проблема родства между большими языковыми семьями. <i>Перевод с итальянского А. А. Королева. Примечания Вяч. Вс. Иванова</i>	60
Мордовская фонологическая система в сравнении с русской. <i>Перевод с немецкого и примечания Н. Л. Сухачева</i>	63
Морфонологическая система русского языка. <i>Перевод с немецкого Н. А. Васильевой и А. А. Королева. Примечания С. М. Толстой</i>	67
О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства. <i>Перевод с немецкого А. Ю. Русакова. Примечания В. А. Дыбо и А. Ю. Русакова</i>	143
К истории задненебных в славянских языках. <i>Перевод с немецкого А. А. Королева</i>	168
Возникновение общезападнославянских особенностей в области консонантизма. <i>Перевод с немецкого Ю. К. Кузьменко. Примечания А. Ю. Русакова и В. А. Дыбо</i>	180
К вопросу о хронологии стяжения гласных в западнославянских языках. <i>Написана и напечатана на русском языке</i>	196
Носовые гласные в лехитских языках. <i>Перевод с французского Н. Л. Сухачева. Примечания Н. Л. Сухачева и В. А. Дыбо</i>	199
Мысли о словацком склонении. <i>Перевод с немецкого Н. А. Кондрашова</i>	210
О притяжательных прилагательных (possessiva) староцерковнославянского языка. <i>Написана и напечатана на русском языке</i>	219
Славянские прилагательные на ъкъ. <i>Перевод с французского Н. Л. Сухачева</i>	223

Раздел II

КАВКАЗСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Латеральные согласные в северокавказских языках. <i>Перевод с французского и примечания С. А. Старостина</i>	233
--	-----

Исследования в области сравнительной фонетики севернокавказских языков. <i>Перевод с немецкого и примечания С. А. Старостина</i>	247
Севернокавказские словарные сопоставления. <i>Перевод с немецкого и примечания С. А. Старостина</i>	271
Системы согласных в восточнокавказских языках. <i>Перевод с немецкого и примечания С. А. Старостина</i>	283
Заметки о глагольных показателях в чечено-лезгинских (восточнокавказских языках.) <i>Перевод с французского С. А. Старостина. Примечания М. Е. Алексеева</i>	324
Строй восточнокавказских языков. <i>Перевод с немецкого С. А. Старостина. Примечания М. Е. Алексеева</i>	338

Раздел III

ПОЭТИКА И МЕТРИКА

Кавказские параллели к фригийскому мифу о рождении из камня (земли). <i>Написана и напечатана на русском языке. Примечания Вяч. Вс. Иванова</i>	346
Одно церковнославянское стихотворение. <i>Перевод с немецкого Н. Л. Сухачева. Примечания Н. Л. Сухачева и Вяч. Вс. Иванова</i>	350
К вопросу о стихе русской былины. <i>Перевод с польского А. М. Панченко. Примечания Вяч. Вс. Иванова</i>	352
К вопросу о стихе "Песен западных славян" А. С. Пушкина. <i>Написана и напечатана на русском языке. Примечание Вяч. Вс. Иванова</i>	359
О метрике частушки. <i>Написана и напечатана на русском языке. Примечания Вяч. Вс. Иванова</i>	371
К структуре мордовских мелодий. <i>Перевод с немецкого и примечания Т. М. Ананичевой</i>	391

КОММЕНТАРИЙ И ПОСЛЕСЛОВИЕ

Комментарий. <i>Составили: М. Е. Алексеев, Т. М. Ананичева, В. А. Виноградов, В. А. Дыбо, Вяч. Вс. Иванов, А. Ю. Русаков, С. А. Старостин, Н. Л. Сухачев, Я. Г. Тестелец, С. М. Толстая</i>	408
Т. В. Г а м к р е л и д з е, Вяч. Вс. Иванов, Н. И. Толстой. <i>Послесловие</i>	492
Список филологических трудов Н. С. Трубецкого. <i>Составил С. А. Крылов</i>	520
Список библиографических сокращений. <i>Составил С. А. Крылов</i>	524
Указатель имен. <i>Составил С. А. Крылов</i>	526
Предметный указатель. <i>Составил С. А. Крылов</i>	529

ИБ № 14474

Редактор **О б о р и н а М. А.**

Художественный редактор **Б у л д а к о в Ю. В.**

Технический редактор **Ю х а н о в а М. Г.**

Корректор **М о р о з Н. И.**

Сдано в набор 17.12.85. Подписано в печать с РОМ 07.07.87. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная. Условн. печ. л. 35. Усл. кр.-отт. 35. Уч.-изд. л. 40,65. Тираж 8000 экз. Заказ № 473. Цена 2 р. 90 к. Изд. № 40157.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Прогресс" Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Отпечатано на Можайском полиграфкомбинате Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Можайск, 143200, ул. Мира, 93.